

**Древняя Япония
в Восточной Азии:
археология, мифология,
история**

**К 100-летию со дня рождения
Михаила Васильевича Воробьёва
(1922-1995)**

Уральский государственный юридический
университет

**Древняя Япония
в Восточной Азии:
археология, мифология,
история**

К 100-летию со дня рождения
Михаила Васильевича Воробьёва
(1922-1995)

Сборник воспоминаний и научных трудов

Екатеринбург
2022

УДК 93/94, 94(520).01, 94(519)
ББК 67.2, 63.3(0), 63.3(3)
Т 63

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *Л.М. Ермакова*
доктор исторических наук, профессор *А.В. Филиппов*
кандидат исторических наук, доцент *Е.С. Бакшеев*
кандидат исторических наук, доцент *Д.А. Суровень*

Т 63 **Древняя** Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – 684 с.

ISBN 978-5-907502-52-9

В сборник включены воспоминания о выдающемся российском востоковеде, специалисте по истории народов, стран и правовых систем государств Дальнего Востока – Михаиле Васильевиче Воробьёве, а также статьи и переводы источников по истории первобытной Кореи и первобытной, древней и раннесредневековой Японии до начала VIII века, представленные российскими и зарубежными исследователями.

Для научных работников академических учреждений, преподавателей, аспирантов, студентов исторических вузов, и всех интересующихся проблемами истории первобытной Кореи и первобытной, древней и раннесредневековой Японии.

Статьи представлены авторами в 2021 году.

Статьи печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-907502-52-9

© Авторы статей, 2022

© Уральский государственный юридический университет, 2022

Светлой памяти Михаила Васильевича Воробьева (1922-1995)

21 апреля 2022 года исполняется 100 лет со дня рождения Михаила Васильевича Воробьева, выдающегося отечественного япониста, корееведа, историка, археолога, нумизмата, правоведа, специалиста по истории этносов и религий обширной территории Дальнего Востока.

Михаил Васильевич Воробьев (21.04.1922 – 05.10.1995) родился в Петрограде в семье служащего.

Родители его происходили из крестьян Тверской губернии, до Октябрьской революции, как указал в своей автобиографии 1950 г. сам Михаил Васильевич, отец его был поваром, а мать золотошвейкой. При этом он, конечно, не мог уточнить, что они относились к штату Зимнего дворца и служили российской императорской семье.¹ После революции отец Михаила Васильевича стал небольшим банковским служащим, но в начале 1930-х годов эту работу оставил и вернулся к своей прежней специальности «руководящего повара» (где и когда – подробностей не сохранилось). Мать Мария Филипповна после рождения единственного (младшего?) позднего ребенка оставалась домохозяйкой. В 1930-1940 гг. М.В. Воробьев учился в прославленном «Доме со львами» на углу Адмиралтейского проспекта и Исаакиевской площади, в 14-ой средней школе Октябрьского района, которая со временем, неоднократно поменяв номера и названия и получив в 1961 г. статус специализированной физико-математической, стала основой нынешнего Президентского физико-математического лицея № 239. Одноклассников связывала крепкая дружба, сохранившаяся на всю жизнь, и именно там, Михаил Васильевич, всегда достаточно закрытый человек, в наибольшей степени реализовал свои организационные таланты. Он стал старостой класса и редактором школьной стенгазеты.

---

¹ Устная информация получена от бывших одноклассниц М.В. Воробьева после его кончины.

В год окончания школы в 1940 г. М.В. Воробьев был призван в армию, но решением комиссии принят не был по состоянию здоровья. Год поступления М.В. Воробьева на Восточный факультет Ленинградского государственного университета совпал с началом Великой Отечественной войны. В августе 1941 г. М.В. Воробьев был назначен бойцом противопожарного взвода при штабе ПВО ЛГУ, в сентябре вступил в рабочий батальон народного ополчения, но после роспуска батальона остался в Университете до его эвакуации в феврале 1942 г. Он не покинул блокадный Ленинград (моё предположение – из-за невозможности оставить родителей), закончил бухгалтерские курсы и с мая 1942 г. стал работать в Ленинградском статистическом управлении «на обработке материалов смертности». В июне 1943 г. мобилизовался, воевал на Ленинградском фронте, в январе 1944 г. был тяжело ранен. После выхода из госпиталя был направлен на «курсы артмастеров» и затем поступил в распоряжение Особого строительного батальона Краснознаменного Балтийского Флота. Участие в формировании базы Портккала-Удд на территории Финляндии стало единственным выездом Михаила Васильевича за границу. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1944 г.) и «За Победу над Германией» (1946 г.).

После демобилизации осенью 1945 г. вернулся в Университет, с отличием закончил курс в 1950 г. по специальности «историк-японист», защитив дипломную работу на тему «Разложение первобытно-общинного строя и создание феодального государства в Японии. Реформы Тайка (645-646 гг.) и их последующее развитие» под руководством профессора Давида Исааковича Гольдберга (1908-1982 гг.).

1 ноября 1950 г. М.В. Воробьев, блестяще сдав вступительные экзамены, был зачислен в «кандидатскую аспирантуру» Ленинградского отделения Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР по специальности «археология Дальнего Востока». Его руководителем стал выдающийся археолог, будущий академик Алексей Павлович Окладников (1908-1981). При подготовке к экзамену по специальности «археология и древняя история Дальнего Востока», назначенному на декабрь 1951 г., Михаил Васильевич получал консультации своего университетского преподавателя, замечательного энциклопедиста, востоковеда-дальневосточника Николая Васильевича Кюнера (1877-1955). План учёбы в аспирантуре предполагал летние экспедиции и командировки для работы на Советском

Дальнем Востоке, в музеях и библиотеках Москвы, Читы, Хабаровска, Южного Сахалина, Порт-Артура, Благовещенска, Владивостока. В аспирантуре Михаил Васильевич усиленно занимался китайским, азы которого постиг в Университете, и с нуля – корейским языком. В ЛО ИИМК, где было тогда 15 аспирантов, по результатам аттестаций М.В. Воробьев всегда признавался одним из наиболее подготовленных и активных в научном отношении.

Как археолог М.В. Воробьев сформировался в период особого подъёма отечественной археологии. Обучаясь в аспирантуре, М.В. Воробьев в 1951 г. впервые принял участие в археологической экспедиции в Сибирь. Впоследствии он неоднократно выезжал в изучаемый регион и как научный сотрудник, и четырежды как начальник отряда на раскопках Красноярской сопки – 1954, 1955, 1957 и 1958 гг. Работал в Дальневосточной экспедиции ИИМК А.П. Окладникова.

Диссертация «Каменный век стран Японского моря» (объёмом 18 а. л.) была защищена в ИИМК 17 декабря 1953 г. М.В. Воробьев выделил в регионе четыре основные культурные области и на основе обобщения большого археологического материала (орудий труда, керамики), данных этнографии и источников на русском, японском, китайском, корейском, английском и немецком языках определил особенности и пути развития Сахалина, Приморья, Кореи и Японии в период неолита. В работе было показано, что, несмотря на тесную связь этих областей, их прошлый культурный облик имел выраженную специфику. По выражению Евгения Ивановича Кычанова (1932-2013), бесспорной заслугой археологических работ М.В. Воробьева стало открытие древних первобытных культур Кореи и Японии для отечественных археологов и историков Российского Дальнего Востока.¹

По окончании аспирантуры 1 января 1954 г. М.В. Воробьев был зачислен в ЛО ИИМК на должность младшего научного сотрудника Сектора палеолита, хотя первоначально предполагалось его направление в распоряжение Дальневосточного филиала АН СССР. В ЛО ИИМК (с 4 ноября 1959 г. – ЛО Института археологии) М.В. Воробьев проработал до 15 июня 1963 г., после чего уволился, формально «в связи с окончанием срока работы, установленного законодательством о конкурсах». Но, как деликатно выражался сам Михаил Васильевич,

---

¹ *Кычанов Е.И.* М.В. Воробьев – ученый // Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 24; а также в данном сборнике.

он был «вынужден уйти из Института в связи с переводом дальневосточной тематики в Новосибирск».¹ После увольнения Михаил Васильевич работал в Публичной библиотеке, 12 марта 1964 г. зачислен на работу временно старшим инженером технического отдела во Всесоюзный научно-исследовательский институт абразивов и шлифования (ВНИИАШ). Занимался там техническими переводами, проработал с небольшими перерывами до 25 сентября 1964 г.

7 января 1965 г. в соответствии с практикой того времени ЛО Института народов Азии АН (так в 1960-1968 гг. называлось Ленинградское отделение / Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения / Институт восточных рукописей РАН) опубликовал в газете «Вечерний Ленинград» объявление о конкурсе на замещение вакантной должности младшего научного сотрудника (кандидата наук) по специальности «древняя история и культура Японии». По свидетельству Евгения Ивановича Кычанова и Любови Васильевны Зениной (1920-2018), решающую роль в вопросе возвращения М.В. Воробьева в академическое учреждение сыграл Василий Васильевич Струве (1889-1965). Пройдя конкурсное собеседование, М.В. Воробьев 15 февраля 1965 г. был зачислен на должность младшего научного сотрудника в Сектор Древнего Востока нашего Института. Здесь он трудился большую часть своей жизни вплоть до дня кончины 5 октября 1995 г.

Первой публикацией Михаила Васильевича в научной печати стала маленькая заметка «Корея в древний период» в 22-ом томе «Большой советской энциклопедии» (М.: БСЭ, 1952. С. 594), написанная в соавторстве с А.П. Окладниковым. В 1956 году Михаил Васильевич публикует две небольшие статьи о древней Корее и древней Японии в главе XIX «Формирование классового общества и государства у народов Кореи, Японии, Индо-Китая, Индонезии и Цейлона» во втором томе «Всемирной истории» (М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С. 576-561).

Последующие работы М.В. Воробьева 1950-х годов представляли собой в основном рецензии и обзоры работ зарубежных авторов, на которые он полагался при подготовке диссертации. Отечественной науке были представлены результаты исследований и труды выдаю-

---

¹ См. об этом эпизоде: *Зенина Л.В.* Слово о друге и соратнике // Там же. С. 40-41; а также в данном сборнике.

щегося археолога и антрополога Пэй Вэнь-чжуна 裴文中 (1904-1982)¹, теоретика археологии Китая Су Бин-ци 蘇秉琦 (1909-1997)², основателя итальянской тибетологии Джузеппе Туччи (Giuseppe Tucci, 1894-1984)³, японских археологов и антропологов⁴ и др. Впоследствии на протяжении всей жизни Михаил Васильевич внимательно следил за научной литературой, регулярно, раз в две недели отправлялся в Библиотеку Академии наук на выставку новых поступлений, в годы работы в ИИМК был членом Библиотечного совета Института.

В 1958 году в печати выходит первая монография М.В. Воробьева «Древняя Япония. Историко-археологический очерк» (М.: ИВЛ), подготовленная на основе его кандидатской диссертации. Характеристика японского общества периодов неолита, бронзового и железного веков была представлена в работе очень широко, системно, что по выражению академика В.В. Струве, выгодно отличало её от работ японских предшественников. М.В. Воробьев выделил и описал различные культурные пласты, на основе анализа археологических находок (раковинных куч, рыболовных снастей, орудий охоты, ремесленного инвентаря) определил основные занятия населения, выявил этапы этногенеза и формирования древнего общества Японии. Большое внимание было уделено влиянию чужеземных культур. Этой проблеме Михаил Васильевич всегда придавал большое значение, призывая изучать древнейшую историю областей региона Дальнего Востока в неразрывном единстве и выявлять для разных народов самобытные, внешние и воздействующие элементы культуры.⁵

---

¹ Воробьев М.В. Находка ископаемого человека в Южном Китае // Советская этнография. – 1953. – № 3. – С. 201-204; Пэй Вэнь-чжун. Культура каменного века Китая (реп. на: Пэй Вэнь-чжун 裴文中. Чжунго шици шидайди вэньхуа 中国石器时代文化. Пекин: Цинянь чубаньшэ, 1954) // Советская археология. – 1958. – № 1. – С. 263-264.

² Воробьев М.В. Су Бин-ци 蘇秉琦. Доуцзитай муцан 鬥雞臺溝東墓葬 Захоронение близ восточного канала в Доуцзитай. Бэйпин, Голи Бэйпин яньцзю шисюэ яньцзюс. Шэньси каогуфаоцзай баогаоинь гоудунцзюй, 1948 // Отдельный оттиск из журнала Советская археология. 1957. № 2. – М.: АН СССР. 1957. – С. 267-269.

³ Воробьев М.В. Tucci, G. The Tombs of Tibetan Kings. Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Serie Orientale. – Roma, 1950. – Т. 1. – С. 319 // Советская археология. – 1959. – № 1. – С. 319.

⁴ Воробьев М.В. Asiatic Studies (реп. на: Asiatic studies. In Honour of Toru Haneda. On the Occasion of His Sixtieth Birthday May 15 MCMXLII. The Society of Oriental Research. Kyoto University, 1950) // Советская археология. – 1957. – № 1. – С. 268-270.

⁵ Воробьев М.В. Древняя Япония. Историко-археологический очерк. – М.: Издательст-

Следующая монография М.В. Воробьева «Древняя Корея. Историко-археологический очерк» увидела свет в 1961 г. (М.: ИВЛ). Используя уже разработанную собственную методологию и подходы, автор впервые в научной литературе представил историю древности Кореи в эпохи неолита, бронзы и раннего железного века. Каждому периоду была посвящена отдельная глава, в которой представлены сведения о археологических находках, памятниках и изделиях, структуре общества, хозяйственном укладе. В работе были показаны взаимоотношения неолитических насельников северной Кореи с населением Приморья, выделен самостоятельный период бронзы в Корее, дана характеристика культуры отдельных корейских племён, разобраны сложные вопросы появления в стране раннего железа, проблемы рабовладения и формирования государственности. Для мировой науки эта работа имела пионерское значение, поскольку обобщала крайне разрозненные сведения по археологии Кореи, политическое положение которой в конце XIX – начале XX вв. не благоприятствовало развитию науки и изучению памятников материальной культуры. Михаил Васильевич использовал новейшие для своего времени публикации северокорейских археологов, появившиеся после 1945 г. О том, что он продолжал внимательно следить за публикациями по археологии Кореи, свидетельствует авторское Послесловие, в котором М.В. Воробьев перечислил открытия корейских археологов, сделанные за два года, прошедшие с момента завершения книги в 1959 г. и до её выхода в 1961 г.¹ И первая, и вторая монографии М.В. Воробьева были снабжены обширными приложениями в виде карт, фотографий и прорисовок.

В последующее десятилетие М.В. Воробьев продолжает разрабатывать тематику, связанную с археологией, а также древней и раннесредневековой историей Японии и Кореи, и издает серию статей по нумизматике Дальнего Востока. В научных периодических изданиях «Советская археология» и «Эпиграфика Востока» появляются его статьи, посвященные результатам изучения китайских и чжурчжэньских монет из подъемного материала археологических раскопок, а также описания коллекций нумизматики в собраниях Государственного исторического, Иркутского и Хабаровского музеев.

во восточной литературы, 1958. – С. 95.

¹ Воробьев М.В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. – С. 128-129.

Поступив в ИНА АН, Михаил Васильевич планирует написание монографии «Япония в IV–VII вв.: генезис государственности и культуры». Обобщая с помощью супруги Г.А. Соколовой¹ материал по данной теме, М.В. Воробьев публикует книгу «Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии» в серии «Культура народов Востока». Формулируя задачи труда во Вступлении, авторы отмечали, что не претендуют на исчерпывающую характеристику развития различных отделов японской культуры, а ставят своей задачей «отметить основные вехи в развитии науки, техники и ремесла в Японии».² Тем не менее, эта монография стала ценным справочником и дала богатый материал по истории естественных наук, архитектуры, художественного ремесла в Стране Восходящего Солнца с древности до середины XIX века. В работе была продолжена линия изучения своеобразной культуры *яёй*, начатая Михаилом Васильевичем в его диссертации и первой монографии. Дальнейшей работой в русле данной темы становится «Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир» (М.: Наука – ГРВЛ, 1980). Михаил Васильевич сосредотачивает своё внимание на проблеме разложения первобытнообщинного строя и формирования единой «правовой» монархии. В небольшом предисловии, написанном, как всегда, в ёмком, «телеграфном» стиле, М.В. Воробьев указал, что отечественная методология, накопила достаточно опыта, чтобы создавать комплексные, многоплановые исследования.³

С данной работой перекликаются и увидевшие свет уже после смерти Михаила Васильевича книги «Корея до второй трети VII в.: этнос, общество, культура и окружающий мир» (СПб: Петербургское Востоковедение, 1997) и «Очерки культуры Кореи» (СПб: Петербургское Востоковедение, 2002).

Сложно сказать, какую работу можно считать для Михаила Васильевича главной. Но в области японистики таковой, вероятнее всего,

---

¹ Галина Александровна Соколова, историк, музейный работник (1931, Омск – ? Санкт-Петербург). В 1953 г. окончила Историческое отделение Гуманитарного факультета Иркутского государственного университета. Работала в Государственном музее этнографии народов СССР и Центральном музее связи им. А.С. Попова. Опубликовала несколько работ по этнографии и общей истории, писала стихи.

² Воробьев М.В., Соколова Г.А. *Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии*. – М.: Наука – ГРВЛ, 1976. – С. 6.

³ Воробьев М.В. *Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир*. – М.: Наука – ГРВЛ, 1980. – С. 4.

является фундаментальная монография «Японский кодекс “Тайхо Ёро рё” (VIII в.) и право раннего средневековья» (М.: Наука – ГРВЛ, 1990). Применяя излюбленный и отшлифованный годами сравнительный метод, М.В. Воробьев показал место и значение древнейшего гражданского кодекса Японии в системе средневекового дальневосточного права, а также его значение в формировании «правового государства» (*рицурё кокка*).

Важное место в научном творчестве М.В. Воробьева с середины 1960-х гг. занимает исследование государственности древнего народа чжурчжэней. С культурой чжурчжэней Михаил Васильевич познакомился в археологических экспедициях в Приморье. 1 июля 1972 г. на заседании учёного совета Восточного факультета ЛГУ М.В. Воробьев защитил докторскую диссертацию «Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.)» (степень была присвоена 1 декабря 1972 г.). Теме чжурчжэней Михаил Васильевич посвятил несколько статей и две монографии, одну с названием аналогичным названию диссертации (М.: Наука – ГРВЛ, 1975), вторую – «Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.)» (М.: Наука – ГРВЛ, 1983). В своих трудах, посвященных сошедшему с исторической сцены народу, Михаил Васильевич дал подробнейший анализ этническому происхождению, политической жизни, хозяйственному укладу, особенностям культуры чжурчжэней.

Проблема этногенеза проходила «красной нитью» через все крупные работы М.В. Воробьева. За год до его смерти была опубликована монография «Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно)» (Владивосток: Дальнаука, 1994). В книге была дана классификации многочисленных этносов, живших на окраинах «огромного Сибирского ареала». Начиная с железного века здесь формируются народности, которые Михаил Васильевич относит к прототунгусам, палеоазиатам, протомонголам и прототюркам. Не раз отмечая, что в «русло» китайской истории с неизменной последовательностью вводилось всё, что происходило в китайской и околочитайской ойкумене, М.В. Воробьев неизменно подчёркивал, что этническое влияние было разновекторным и взаимно обогащающим. Михаил Васильевич поднял важный вопрос о формировании китайского этноса, впитывавшего элементы других этнических структур, как исчезнувших, так и существующих сейчас.

В 2005 году к 10-летию со дня кончины Михаила Васильевича Санкт-Петербургским университетом был издан небольшой сборник статей, включающий указатель его основных трудов: «Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева», собранный по инициативе Л.В. Зениной. Друзья и ученики Михаила Васильевича оставили о нём очень тёплые воспоминания. Все отметили его сдержанность, умение помочь, доброжелательность. И действительно, за свою жизнь М.В. Воробьев, помимо того, стал автором фундаментальных трудов, сделал много других добрых дел и никогда ни ком не сказал плохого слова.

Михаил Васильевич неоднократно выступал оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Его «дебют» в этом качестве состоялся 14 декабря 1955 г. в ИИМК на защите диссертации Р.В. Чубаровой «Древняя история острова Сахалина (по археологическим данным)». Он многие годы читал в ЛГУ (СПбГУ) на Восточном факультете курсы по истории Японии и Кореи. Преподавательскую деятельность начал в 1952 г. на Филологическом и Северном факультетах, ведя почасовые занятия с группой студентов-корейцев. Был активным членом Географического общества, работал в его комиссиях, состоял председателем бюро Отделения этнографии.

Я благодарна судьбе, что в последние годы своей жизни Михаил Васильевич дарил меня общением, его я считаю одним из главных моих учителей. Он неожиданно, просто написал отзыв на автореферат моей кандидатской диссертации, всё позитивно, всё хорошо. Потом на протяжении нескольких лет с часу дня мы втроём пили чай в кабинете Е.И. Кычанова, который был тогда заместителем директора ЛО ИВ АН СССР. Это была моя школа жизни, и я сожалею, что не была подготовлена тогда, чтобы задавать ему вопросы, которые возникают у меня сейчас. О его научной работе, о тогдашнем состоянии востоковедения, истории его сотрудничества с корифеями нашей науки. Это он больше меня слушал, хотел оставаться, наверное, «на волне», поскольку я параллельно с работой в Институте учительствовала тогда, преподавала, чтобы не забыть китайский язык, детям в одной средней школе. «А что они, а как они?» – это были его вопросы, на которые я отвечала. Он плохо слышал, часто переспрашивал. Потом они, Кычанов и Воробьев, напоминая внешне вдвоем, по Чехову, букву «Ю», шли гулять на Марсово поле. На мой вопрос: «Евгений Иванович, о чём Вы разговариваете», – тот отвечал: «Ну так, о науке или сплетничаем».

Поздним осенним вечером раздался звонок, печальный сдержанный голос: «Кычанов говорит. Воробьев умер. Завтра встречаемся в 10 у его дома». Жил он на Герцена (ныне – Большая Морская, д. 53/8, недалеко от Почтамта). Через несколько дней Михаила Васильевича похоронили. Обычно на похороны мужчинам несут гвоздики, единственный раз мне захотелось принести розы.

Доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, директор
Института восточных рукописей РАН

И.Ф. Попова

Михаил Васильевич Воробьев, преподавателем, в 1954 г., когда он был зачислен в ЛО Института археологии АН СССР (фотография предоставлена и подготовлена к публикации А.В. Филипповым)

ВОСПОМИНАНИЯ

Филиппов А.В.

НЕДОСЯГАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ – СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОРОБЬЁВА

Пытаясь сейчас собрать воедино воспоминания о М.В. Воробьёве, сразу стоит выразить сожаление, что не все даты и названия точны. Возможно, сказанных слов окажется мало, воспоминания будут обрывочны, но постараться напомнить об образе Учителя, даже опираться лишь на впечатления и чувства – тоже важно.

Пиетет к образу М.В. Воробьёва (формируя ореол недостижимости и величия) создавали его **идеально отточенные труды** на прилавках магазинов ‘Академкниги’ (хотя его первая книга 1958 года попала мне в руки много позже). Но когда мы учились на I–II курсах Востфака, появилась монография Михаила Васильевича о Японии III–VII веков (1980 год), впечатляя своей безукоризненностью юных студентов. Каждое предложение и абзац выверены, термины тщательно продуманы, логика непререкаема. Вдобавок, приложения к книге включали целый ряд исчерпывающих индексов с указанием страниц (именной, географической, предметной и не только). Десятью годами позже, в 1990 году вышло исследование М.В. Воробьёва по кодексу VIII века «Тайхо Ёро рё», однозначно закрепив за автором позиции ведущего специалиста по раннему праву Японии. Небезынтересно, что пятью годами ранее, в 1985, приступили к изданию этого кодекса в переводе К.А. Попова. В итоге, исследование М.В. Воробьёва и трёхтомник с публикацией перевода в комплексе явили существенный прорыв в исследованиях по праву старой Японии. Вдобавок, М.В. Воробьёвым было издано и несколько фундаментальных монографий по истории Кореи.

Заочное знакомство. Поначалу нам, студентам-японистам, в 1979 году поступившим на Востфак ЛГУ, доводилось лишь слышать рассказы других о М.В. Воробьёве, первое наше «знакомство» было сугубо заочным. Михаил Васильевич из Института Востоковедения

Филиппов Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой японоведения Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9). E-mail: PhilAlex2005@mail.ru

казался нам таким далёким мудрым небожителем, что и подойти-то неловко. Он был на сорок лет старше нас (1922 года рождения). Его имя часто упоминалось нашим бессменным куратором Л.В. Зениной, которая вместе с ним после блокады Ленинграда восстановилась в студентах на возрождённом в 1944 году Восточном факультете. На нашей кафедре была фотография, где запечатлены выпускники-японисты, среди которых и М.В. Воробьёв, и Л.В. Зенина. На Восточном факультете в качестве преподавателя-почасовика он эпизодически вёл курсы по древней истории Японии, историографии и источниковедению, истории материальной культуры Японии. В 1970-х и 1980-х годах привлечение почасовиков к преподаванию в ВУЗах было обычным делом (в отличие от жёсткой экономии сегодня). Это много значило для образовательного процесса, расширяя кругозор студентов благодаря учёным из Эрмитажа, Кунсткамеры, Института Востоковедения. Нередко М.В. Воробьёва приглашали руководить научной работой студентов и оппонировать по курсовым работам (советское образование, пока не запуталось в реформах, было высокоэффективно и признавалось во всём мире – тогда в «международных» коммерческих рейтингах не было необходимости).

М.В. Воробьёв как личность (иллюзии и реальность). Первая встреча и беседа с М.В. Воробьёвым случилась, пожалуй, на третьем курсе. Л.В. Зенина отправила меня к нему на консультацию по курсовой работе, посвящённой обзору японских источников времён Токугава (судя по всему, это была осень 1981 года). В присутственный день Михаила Васильевича я пришёл в Институт Востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), занимавший правую половину старинного дворца на набережной Невы. Меня как студента удивляло, что кабинет доктора исторических наук и его рабочий стол были не там, где столы других японоведов; даже этаж оказался другим. В глубине тёмного извилистого коридора за громадной дверью в просторном кабинете сектора Древнего Востока располагался огромный рабочий стол. Михаил Васильевич оказался очень высоким, крайне сухощавым человеком в скромном строгом костюме и при галстукке, произведя поначалу впечатление «сухаря» (по предполагаемой манере общения). Однако вскоре выяснилось, что впечатление было обманчиво. Помимо серьёзнейших советов и вопросов, он частенько мог нагнуться к собеседнику и с ехидной улыбкой рассказать смешной анекдот или уморительную историю. Поначалу это удивляло, пока не

стало ясно, что для многих он был заводилой и душой компании, с блеском исполнял роль тамады на праздниках. За кажущейся чисто внешней сухостью скрывался человек, неожиданно начинавший искриться тонким юмором, умением вести занимательную беседу, развеселить собеседника.

Черты характера и отношение к научной работе. Благожелательность, искренность, открытость, скромность и готовность Михаила Васильевича дать совет или проконсультировать присутствовала во всём. Сам М.В. Воробьёв всегда чрезвычайно ответственно выверял материалы по теме, после издания книги **его список литературы можно было считать исчерпывающим**. Он подолгу ждал пока придут книги, выписанные по межбиблиотечному абонементу из Москвы, и даже обращался к международному книгообмену библиотек (неплохо действовавшему в советские времена). Что касается бескорыстия и готовности поделиться знаниями – это проявилось в следующей истории. Однажды М.В. Воробьёв спросил меня и В.Ю. Климова – не хотим ли мы в свободное время неофициально послушать его лекции по ведению библиографической работы с материалами по Японии. Он **провёл индивидуальный курс исключительно для двоих, вне программ и планов учебных заведений**. Мы встретились три или пять раз, получив возможность познакомиться с систематическим подходом Михаила Васильевича к подбору литературы по теме исследований. Была получена масса полезных советов по работе с каталогами библиотек и по доработке списка литературы на нужную тему данными из библиографических каталогов по Японии, издаваемых в некоторых странах регулярно (один или несколько раз в год). После этих встреч М.В. Воробьёв любезно предложил на несколько дней дать нам свои выписки с названиями книг по прочитанному курсу. После чего с неделю мне пришлось старательно переписывать его материалы по курсу. Записи Михаила Васильевича были сделаны на обороте плотных карточек – из тех, что используются в библиотечных каталогах (имевшие в те годы дело с библиотеками нередко делали записи на обороте ненужных каталожных карточек – кто-то даже имел дома библиотечный куб с выдвижными ящичками для хранения собственной картотеки). Карточек с выписками было не очень много, но переписывание на такие же карточки потребовало немало времени (на японском, английском и т.д.). Обратим внимание на то, что возможностей ксерокопирования тогда, в конце 1980-х, у нас не было (пере-

съёмка на фотоплётку тоже не всегда имела смысл) – скопировать эти выписки было реалистично, лишь переписав от руки. Не было и компьютеров. Пусть и существовали, в принципе, ранние Apple / Mac, первые IBM-PC. Но первая графическая оболочка Windows в 1985 году не стала панацеей, а удобные версии этого компьютерного интерфейса вышли в массы лишь к 1990 году. Кроме того, Интернета не было и в помине, как и электронных каталогов библиотек, доступных сегодня из дома, а то и со смартфона на улице. Всё это сказано, чтобы дать понять, сколь ценны и важны были карточки с выписками М.В. Воробьёва, его методика, советы и желание всем этим поделиться. Другим примером того, сколь близки порой оказывались интересы исследователей-японистов – может послужить следующий, довольно **забавный случай**. Как-то мне не удалось получить книгу в Библиотеке Академии Наук. Спросив у Михаила Васильевича совета – кто бы из докторов наук (а на дом книги из БАН СССР выдавали лишь докторам) мог заинтересоваться тем изданием – я узнал, что книга взята именно им. Видимо, книга остро требовалась во всём Ленинграде именно ему и мне – соответственно, мы очень быстро и смогли вопрос обсудить.

Чувство глубокой признательности как к Учителю и Наставнику до сих пор живо во мне и потому, что в далёком 1989 году он согласился выступить первым официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. Мастерски подготовленный отзыв был вполне каноничен, с критикой, но стимулирующей к продолжению работы; в целом осталось ощущение тёплой заботы о диссертанте вкупе с пожеланием дальнейшего продвижения в изучении истории и права старой Японии.

Учёный-японист без возможности побывать в Японии. Ещё один важный, на сегодня почти шокирующий нюанс, будучи учёным высочайшей квалификации, свободно воспринимавшим текст на нескольких языках – М.В. Воробьёв никогда не имел возможности увидеть Японию воочию, шанса для стажировки так и не сложилось. Заметим, что почти не было и возможностей практиковаться в живом разговорном японском языке. На каком-то этапе в СССР появился туризм из Японии, но для такого общения с японцами нужно было пойти работать переводчиком. Всё названное заставляет острее почувствовать, что судьба дала М.В. Воробьёву возможность стать **воистину уникальным кабинетным учёным** – лишённым живого общения с носителями языка и культуры. Впрочем, его высочайшая квалифика-

ция бесспорна.

С учёной службы во дворце – пешком домой (личная библиотека и жизнь в коммуналке). На работу в институт, что на Дворцовой набережной, и с работы домой Михаил Васильевич ходил пешком; они с женой жили в самом центре Ленинграда. Всего лишь пройти мимо Эрмитажа, миновать Сенатскую площадь с Медным всадником – и вот Почтамтский переулок, неприметная крепкая деревянная дверь парадной. Единственная комната супругов в коммунальной квартире располагалась, по-моему, на первом этаже. Сегодня дорогое жильё в центре города – это одно, а жизнь в коммуналке в советские некоммерческие времена – совсем другое. Однако по-своему это было удобно, всё рядом – музеи, библиотеки, работа, умиротворяющая архитектура Ленинграда. Комната супругов была невелика, у стен стояли стеллажи, сделанные из обыкновенных деревянных досок (неприятательно, ни лака, ни краски, но надёжно, никогда не прогнутся под весом книг). Впечатление от «спартанской» обстановки жилья для меня не было диссонансом, который бы поколебал гармонию образа Михаила Васильевича, скромнейшего во всём, хотя он и был единственным доктором исторических наук по Японии в Ленинграде–Петербурге. Побывать дома у Михаила Васильевича мне довелось не то два раза, не то даже один, когда Михаила Васильевича уже стало. Супруга продавала остатки книг, посчастливилось и мне приобрести несколько редких изданий. Из этих старых книг и поныне радуется меня оригинал словаря Хэпберна, студентов же «радуется» старый текст о первом японском императоре, взятый мною из той же коллекции.

Уход М.В. Воробьёва из жизни в октябре 1995 года стал шоком для всех, кто его знал. Он обычно никогда не болел, вёл исключительно здоровый образ жизни, был бодр и активен. Но вдруг заболел гриппом (причём впервые) и почти скорострительно скончался – возможно, врачебный диагноз звучал и как-то иначе. На похороны пришли многие, искренне скорбя и не понимая внезапности ухода Учителя.

Семья как надёжная опора. Красавицу-жену М.В. Воробьёв привёз в Ленинград из Сибири. Галина Александровна Соколова стала для него надёжной опорой и доброй соратницей. Как довелось мне понять впоследствии, в финальной шлифовке каждой очередной книги она самоотверженно помогала мужу; ошибки либо опечатки в его работах практически отсутствовали. Факт существования блестящей монографии этого супружеского тандема я осознал лишь к концу сво-

его обучения на Востфаке – хотя непревзойдённые «Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии» были опубликованы в 1976 году. Сообразно ходу истории, в книге приведены данные о появлении разнообразных достижений в технологиях, производстве и агротехнике, отраслях науки, культуре (одежде, архитектуре и т.д.), даже инфраструктуре (например, развитие путей сообщения и особенности их функционирования) с древнейших времен и до середины XIX века. Весомую логическую завершённость книге придают не только раздел выводов в конце, но и подводимые итоги в конце каждой главы, которые акцентируют внимание на ключевых достижениях конкретного этапа. Издание чуть более 200 страниц объёмом, но она является настольной книгой для каждого японоведа и поныне. Сегодня, когда оба автора нас покинули, осознаётся и **ценность их молодежавых портретов, напечатанных издательством на суперобложке книги.**

Фотографии М.В. Воробьёва и его супруги Г.А. Соколовой
(с клапана суперобложки монографии 1976 года [Воробьев М.В., Соколова Г.А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: Наука – ГРВЛ, 1976])

Когда Михаила Васильевича не стало, Галина Александровна продолжила незавершённые им дела – так в 1997 году вышла в свет

«Корея до второй трети VII века» М.В. Воробьёва. Книга вышла двумя годами позже ухода автора из жизни; к печати её готовила супруга, самоотверженно стремясь довести до чёткости все постраничные указатели и иной научный аппарат издания (как неустанно помогала она в такой сверке и раньше). В то время Г.А. Соколова уже много болела и после прощания с мужем прожила недолго. Всю жизнь она была для Михаила Васильевича незаменимой помощницей и надёжной опорой.

Людям обычно кажется, что образ Учителя неизменно остаётся с нами. Но проходят годы, и, когда стремишься воссоздать портрет словами, на бумаге – вдруг понимаешь, как ускользают детали, даты и теряются нюансы, без которых этот портрет теряет цельность, оказывается блёклым и каким-то ненастоящим. Все, кто может передать светлую память о своих учителях, зарисовки их жизни новым поколениям – должен пытаться это делать. Это и долг, и сохранение традиций науки, и дань признательности учителям за человечность – они щедро делились жизненным опытом с нами.

Копылова К.Н.
**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА
ВАСИЛЬЕВИЧА ВОРОБЬЁВА
(1922-1995 гг.)¹**

Снег больше не шёл, но весь
день на реке простояли без дела
лодки...²

О жизни человека можно рассказать по-разному: можно сухо изложить факты биографии, основываясь лишь на документах; можно выделить его заслуги и долго говорить о том, как этот человек к ним шёл. Но будет ли история жизни полной и по-настоящему правдивой, если написать её в отрыве от той реальности, в которой она прошла?

Михаил Васильевич Воробьёв родился 21 апреля 1922 года в Петрограде. Он начал свой долгий и не простой путь к вершинам науки в 1930 году, когда пошёл в первый класс 14-й средней школы города Ленинграда. О том, как для него прошло это время, сегодня можно судить лишь потому, что писал когда-то он сам: «Учился [я] довольно успешно. Из общественной работы, которую вёл в школе, припоминаю две: был старостой класса и редактором стенгазеты».³

Родители М.В. Воробьёва были выходцами из крестьян Тверской губернии. Мать по профессии – золотошвейка, но после рождения сына не работала, а отец служил в Государственном банке на небольшой должности. В 1930-х годах отец оставил службу и перешёл на работу по своей основной специальности – повара. Он работал руководящим поваром в разных организациях до 1945 года, когда окончательно перешёл на пенсию.

Копылова Ксения Николаевна в 2005 году закончила восточный факультет по кафедре истории стран Дальнего Востока СПбГУ, после этого закончила магистратуру философского факультета СПбГУ.

¹ Впервые опубликовано в: Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьёва: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – С. 7-22.

² Хайку из цикла «Зимние Хризантемы» Мидзухара Сюоси. – Цит. по: Цветы Ямабуки: Шедевры поэзии хайку серебряного века (конец XIX – начало XX вв.) / Пер. с яп. А.А. Долина. – СПб.: Гиперион, 2000. – С. 230.

³ *Воробьёв М.В.* Автобиография // Личное дело М.В. Воробьёва (аспирантское) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 4.

В 1940 году по окончании школы, М.В. Воробьёв был сразу призван на военную службу в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, но по состоянию здоровья не смог провести в армии пять лет и был уволен в запас гораздо раньше положенного срока. Поскольку он попал в осенний призыв, то в 1940 году уже не мог сдавать вступительные экзамены в какой-либо ВУЗ. Такая возможность появилась лишь летом 1941 года. Выбор пал на Японский цикл дальневосточного отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ЛГУ).¹ Несмотря на то, что Вторая мировая война уже шла в Европе, а в конце июня перешагнула и границу СССР, набор в университет летом ещё был произведён. Но 8 сентября 1941 года Ленинград был окружён, и ленинградцы оказались в блокаде.

Вот лишь несколько строк из воспоминаний работников ЛГУ, оставшихся в осаждённом городе: «“Ночные тревоги”... были непрерывными или с малыми интервалами, с многомасштабными бомбёжками, с обстрелами из дальнобойных орудий с окраин и по всему городу, а также и по ЛГУ, сопровождающимися огромными разрушениями, пожарами, гибелью людей. В дополнение ко всему – голод, сорокоградусный мороз зимой... С конца 1941 года не было освещения, отопления и воды. Не работал транспорт».² Наверное, что-нибудь подобное мог бы рассказать и студент Воробьёв, но никогда, по воспоминаниям его знакомых, этого не делал. Первые испытания его человеческим качествам судьба уготовила именно тогда, и он их с честью преодолел.

С начала учебного 1941 года студенческая жизнь мало чем отличалась от жизни других жителей блокадного города, на занятия не было времени. «Каждый житель Ленинграда малого до почтенного возраста, стал бойцом, каждый дом – крепостью, каждый завод или фабрика – арсеналом, учреждение – госпиталем или другим военным объектом».³ Вместе с остальными «солдатами в штатском»⁴ М.В. Во-

---

¹ В то время восточного факультета не существовало, а востоковедческие дисциплины преподавались на филологическом и историческом факультетах ЛГУ.

² Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941-1944: Сборник официальных документов, писем, фотографий и другого фактического материала / Под общ. ред. М.А. Шишкина. – СПб.: Гиппократ, 1996. – С. 7, 21.

³ Там же. С. 18.

⁴ Так называли студентов и сотрудников Университета, принимавших участие в

робьёв строил оборонительные сооружения на подступах к городу. Затем вступил в рабочий батальон народного ополчения, а когда в сентябре батальон был распущен, снова вернулся в Университет и принимал участие в работе противопожарного взвода при штабе местной противовоздушной обороны.

С самого начала блокады университетских сотрудников, студентов и оборудование готовили к эвакуации в глубокий тыл: Елабугу и Саратов. По приказу ректора ЛГУ А.А. Вознесенского было оставлено только 130 человек из работников Университета, которые должны были охранять уникальные ценности от фашистских захватчиков, и от простых мародеров. Последние эшелоны ушли из Ленинграда в начале 1942 года. Студент Воробьёв не уехал ни с одной из этих групп: «[Я] не считал возможным в тот период покинуть город и выехать с университетом, я остался в Ленинграде».¹

Даже когда зимой 1942 года студенческие отряды «солдат в штатском» были расформированы, университетские здания опечатаны, а фашистская блокада сделала жизнь внутри Ленинграда не сопоставимой с человеческой, М.В. Воробьёв не поддался настроению безысходности, подчас царившему в городе, и в мае пошёл учиться на краткосрочные бухгалтерские курсы. Одновременно с этим он работал в Ленинградском статистическом управлении, занимаясь обработкой материалов по учёту смертности в блокадном городе.

В июне 1943 года после того, как фашистская блокада была прорвана (18 января 1943 г.), его снова мобилизовали, в это время как никогда городу были нужны силы для окончательной победы, и старые раны и болезни не учитывались. Будучи рядовым 708 стрелкового полка, в январе 1944 года в бою за снятие блокады Ленинграда М.В. Воробьёв был тяжело ранен и четыре месяца провёл в госпитале. На больничной койке его нашла первая награда – медаль «За оборону Ленинграда», присвоенная Указом Президиумом Верховного совета (ПВС) от 30 июня 1944 г.² Тогда ему было 22 года.

27 января 1944 года Ленинград был полностью освобождён, но война ещё продолжалась. Восстановившись после тяжелого ранения в

обороне Ленинграда.

¹ Автобиография / Личное дело М.В. Воробьева (аспирантское) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 5.

² Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 4.

апреле 1944 года М.В. Воробьёв снова уже нестроевым попал в армию. Его отправили на курсы артиллерийских мастеров и до января 1945 года он прослужил в 47 запасном артиллерийском полку. В феврале этого же года его перевели в 905 особый строительный батальон Балтийского флота. Он работал в Порккалла-Удд¹, сначала непосредственно на объекте, а затем плановиком в штабе участка. В ноябре 1945 года он был демобилизован.

Наконец-то, М.В. Воробьёв смог вернуться в Университет и продолжить учёбу. Уже вновь став студентом, он получил свою вторую медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (Указ ПВС от 14 февраля 1946 г.).²

Ещё даже не начав блистательный путь учёного-востоковеда, М.В. Воробьёв в свои 23 года уже стал героем, человеком, преодолевшим и тяготы военного времени в осаждённом Ленинграде и испытания человеческого характера. Постоянно стремившийся к науке, он не уехал на Большую землю вместе с эвакуированными студентами, а остался с родителями. Трудно представить, что приходилось видеть оставшимся в городе, где были и «люди, потерявшие человеческий облик и контроль над собой, растленные до маразма».³ М.В. Воробьёв был и солдатом, видел войну не только в кольце блокады, но и на фронтовой линии. И, несмотря ни на что, он смог остаться человеком, не огрубеть и не опуститься до излишней жестокости, вольности или самовоспевания. Несмотря на то, что за его плечами были огромный жизненный опыт и большие заслуги, он стремился к целям, поставленным задолго до войны. Испытания же мирного времени были ещё впереди.

Занятия в ЛГУ начались с декабря 1945 года. Учёба в Университете на кафедре японской филологии уже восточного факультета (ВФ)⁴ давалась М.В. Воробьёву легко. Ещё бы, ведь впервые за последние пять лет он занимался тем, к чему так долго стремился. Среди своих однокурсников он пользовался заметным уважением и был старостой группы на III, IV и V курсах. В 1950 году М.В. Воробьёв окон-

---

¹ Советская военно-морская база на территории Финляндии.

² Личное дело М.В. Воробьева / СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 4.

³ Университет в блокадном и осажденном Ленинграде 1941-1944. С. 34.

⁴ В 1944 году был восстановлен восточный факультет, но исторические кафедры в его составе появились лишь в 1949 году.

чил ВФ ЛГУ по специальности «японская филология». 30 июня 1950 года ему была присвоена квалификация японоведа-историка. В дипломе с отличием лишь напротив предмета «Введение в языковедение» стояла отметка «хорошо». Характеристика ЛГУ, данная для поступления в аспирантуру, была краткой, но блестящей: «Товарищ Воробьев М.В. является одним из лучших студентов Японского цикла. Проявил себя как серьезный студент с несомненной склонностью к научной работе. В течении своего пребывания в Университете он занимался по японскому языку отлично. Товарищ Воробьев проходил производственную практику в 1948 году в лагере для военнопленных № 27 МВ СССР».¹

И действительно, талант М.В. Воробьева проявился рано – уже в своей выпускной дипломной работе «Разложение первобытно-общинного строя и создание феодального государства: Реформы Тайка и их последующее развитие» (рук. Д.И. Гольдберг) он смог заявить о себе как о начинающем учёном. Академик В.В. Струве высоко оценивал достижения выпускника Воробьева и выражал сожаление, что его работа, как и все студенческие работы, не будет опубликована. Он писал, что работа «свидетельствует не только об умении выбрать наиболее важную и наименее изученную проблему, но и о стремлении и способности привлечь для её разработки исчерпывающий материал и придти к своим собственным выводам».²

Прекрасная работа в Университете и хорошие отзывы известных учёных того времени позволили М.В. Воробьеву в ноябре 1950 года с лёгкостью, сдав все экзамены на отлично, поступить в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории материальной истории (ИИМК)³ по специальности археология Дальнего Востока. Он

---

¹ Личное дело М.В. Воробьева (аспирантское) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 10.

² Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 10-13.

³ Институт истории материальной культуры возник из Императорской археологической комиссии, образованной и Санкт-Петербурге и 1859 г. В 1918 г. на основе ИАК была создана Российская государственная археологическая комиссия В 1919 г. она была преобразована в Российскую академию материальной культуры, затем в 1926 г. переименована в Государственную академию истории материальной культуры. В 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры в составе АН СССР, при этом в Ленинграде находились основные подразделения этого института. С 1943 г. дирекция ИИМК была переведена в Москву после утверждения

целиком и полностью отдался археологической науке – и его успехи в этой области не менее удивительны, чем все последующие.

Три года М.В. Воробьёв посвятил написанию кандидатской диссертации, не оставляя времени ни на что более. Характеристики ИИМК научной работы и общественно-политической деятельности аспиранта Воробьёва 1951-1953 годов очень похожи: в них отмечены его успехи в науке и безразличие к общественной деятельности: «Аспирант Воробьёв М.В. является одним из наиболее подготовленных и активных в научной области аспирантов ЛО ИИМК. Он полностью владеет японским языком, основной его специальностью, успешно овладевает китайским и корейским языками... Воробьёв успешно и настойчиво занимается освоением археологических источников, в том числе музейных коллекций по неолиту Японии в Ленинграде и Москве, обнаружив необходимые для научного работника исследовательские качества. Он первым из аспирантов ЛО ИИМК I курса сдал один из экзаменов кандидатского минимума».¹ Далее «...от общественной работы товарищ Воробьёв уклоняется; к выполнению поручений общественных органов относится халатно»² зачёркнуто с отметкой «изменить». Изменённый вариант выглядит так: «В общественной работе товарищ Воробьёв не проявил себя достаточно активно. Выполнял отдельные поручения общественных организаций».³ И наконец, вариант следующего года таков: «М.В. Воробьёв выполнял обязанности профорга в секторе палеолита, работал агитатором в избирательной кампании. В настоящее время является страхделегатом. Первоначально М.В. Воробьёв был недостаточно активен в общественной работе, но затем в результате работы с ним общественных организаций стал более активен, что выразилось в хорошей работе на избирательном участке... постепенно втягивается в общественную жизнь». Последние слова – показатель начала конца успешной работы М.В. Воробьёва в ИИМК. В 1963 году срок его должности не будет продлён. Скрытой причиной

положения о создании двух отделений в Москве и Ленинграде. В 1959 г. ИИМК был переименован в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. С 1991 г. ЛО ИА – самостоятельное археологическое учреждение, тогда же ему было возвращено наименование Института истории материальной культуры.

¹ Личное дело М.В. Воробьёва (аспирантское) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 22.

² Там же.

³ Там же. Л. 21.

станет именно профсоюзная деятельность учёного. Но до этого ещё более десяти лет работы в Институте в качестве «ценного научного работника в области, не обеспеченной кадрами».¹

17 декабря 1953 года аспирант Воробьёв блестяще защитил кандидатскую диссертацию, и с января 1954 года был назначен на должность младшего научного сотрудника в ИИМК с окладом 2 000 рублей. М.В. Воробьёв, востоковед по образованию, на много лет окунулся в атмосферу постоянного поиска, свойственную Институту. За это время учёный смог практически с нуля поднять и разработать огромный пласт вопросов по древнейшей истории Дальнего Востока – ранее «малоизвестных или вообще неизвестных тем, кто владеет только европейскими языками».²

Работа в ИИМК всегда подразумевала под собой не только теоретические изыскания, но и практическую научную деятельность, в которой М.В. Воробьёв принимал участие ещё будучи аспирантом. Он провёл множество полевых сезонов, в основном в составе двух многолетних археологических экспедиций: Ангарской с 1951 г. (Иркутская область) и Дальневосточной с 1954 г. (Читинская, Приморская, Амурская области, Хабаровский край, Сахалин, Чукотка). В последней он был на правах начальника Ворошиловского отряда, производившего раскопки Красноярской сопки (город Ворошилов Красноярского края).

Занимался М.В. Воробьёв и дополнительной работой в Институте. Поскольку он единственный владел сразу тремя восточными языками, его часто привлекали к проверке библиотечных фондов на японском, китайском и корейском языках; а в марте 1955 года он был введён в библиотечный совет ИИМК. Вместе с этим он занимался преподавательской деятельностью: в 1951/52 и 1952/53 учебных годах проводил занятия по русскому языку для студентов-корейцев в ЛГУ, позже преподавал на северном отделении восточного и филологического факультетах. В 1958 году он был командирован в Москву для работы в Государственном Историческом музее по разборке коллекций дальневосточных монет. Он часто ездил в командировки в Москву, Иркутск, Новосибирск, Хабаровск, Владивосток и другие города

---

¹ *Окладников А.П.* Характеристика // Личное дело М.В. Воробьева (аспирантское) / Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 21.

² *Окладников А.П.* Отзыв // Личное дело М.В. Воробьева (аспирантское) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 28.

для работы по сбору материала для своих исследований, которые касались не только Японии, Кореи и Китая, но и советского Дальнего Востока, прежде всего Южного Сахалина и Красноярского края. И при всём этом он успевал ещё исполнять обязанности народного заседателя Народного суда 1-го участка Дзержинского района с 1953 по 1960 годы. Работоспособность учёного в этот период была в высшей степени исключительна.

Стоит отметить, что в эти годы М.В. Воробьёв женился. Его жена – Галина Александровна Соколова родилась в Омске, в 1953 году закончила историческое отделение гуманитарного факультета Иркутского университета и была крупным специалистом по этнографии и общей истории. Переехав к мужу в Ленинград, она работала в Центральном музее связи им. А.С. Попова.

Однако в Институте археологии (ИА) М.В. Воробьёв всегда оставался одинок в своих научных интересах. Работа по исследованию зарубежной Дальнего Востока требовала глубоких знаний языка и культуры, поэтому другим сотрудникам было трудно принимать в ней участие. А в 1962 году, ко всему прочему, отдел дальневосточной тематики ИА был переведён в Сибирское отделение Академии наук СССР в Новосибирске. Возникли и другие проблемы, связанные с руководством ИА. В том же году М.В. Воробьёв был снят с должности члена библиотечного совета. Затем с должности председателя Месткома ИА «за серьезные ошибки, допущенные в руководстве работой [организации]». ¹ В дополнение ко всему 22 февраля 1963 года Ученый совет ИА постановил «не избирать М.В. Воробьева на должность младшего научного сотрудника на новый срок. Ставку... дирекция Института согласна [была] передать в тот институт, куда [он] перейдет работать». ² Причина неудобства фигуры М.В. Воробьева для начальства была в его принципиальности (более подробно см. статью Л.В. Зениной в этой книге).

Однако найти новое место было непросто, и М.В. Воробьёв остался без постоянной работы, занимаясь тем, что разбирал фонды Публичной библиотеки. И жизнь его внезапно оказалась не связанной со зданием на Дворцовой набережной, пока зимой 1965 года он не вернулся туда снова, но на этот раз в другой институт и на этот раз навсегда.

---

¹ Личное дело М.В. Воробьева // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. 55. Л. 82.

² Там же. Л. 83.

7 января 1965 года на 3-й странице газеты «Вечерний Ленинград» появилось объявление: «...ЛО ИНА АН СССР объявляет конкурс на замещение вакантных должностей... младшего научного сотрудника (кандидат наук) по специальности древняя история и культура Японии...».¹ С этой маленькой заметки начался новый этап в жизни М.В. Воробьева. Надо сказать, что годом раньше он уже принимал участие в конкурсе на замещение должности в Ленинградском отделении Института Востоковедения (ИВ)², первое заявление на участие было написано им в 1964 году, но тогда по разным причинам место досталось другому конкурсанту. В 1965 году для победы бывшему сотруднику ИА нужно было заручиться поддержкой кого-нибудь из видных научных деятелей того времени. Этим человеком стал академик В.В. Струве, который уже давно обнаружил в М.В. Воробьеве необходимые качества для выдающегося учёного. В своей научной характеристике кандидата он написал следующее: «...[М.В. Воробьев в ИА] превратился в историка, которому доступен весь многосторонний комплекс исторических источников и материалов, а не только одни литературные источники... [он] является способным сложившимся специалистом по древней истории, истории культуры стран и народов Дальнего Востока и прежде всего Японии и Кореи, обладает солидной языковой базой (3 западноевропейских и 3 дальневосточных языка)».³

Несмотря на то, что характеристика из ИА была достаточно суха, и в качестве неоспоримых достоинств их сотрудника значилось лишь то, что он был «активным членом библиотечного совета Института [и] осуществлял все подготовительные работы по комплектованию литературы по Дальнему Востоку»⁴, поддержка В.В. Струве и за-

---

¹ Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 2.

² Институт востоковедения ведет свою историю от Азиатского музея, который появился в Санкт-Петербурге в 1818 г. при Императорской академии наук. В 1930 г. он был преобразован в Институт востоковедения, а в 1950 г. переведён в Москву. Его ленинградское отделение было сохранено как сектор восточных рукописей. Со временем оба центра в Москве и Санкт-Петербурге стали практически независимыми друг от друга научно-исследовательскими институтами, особенно после серьёзных структурных преобразований 1950 г., когда ИВ был переименован в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. С 1991 г. по научное учреждение носило наименование Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН (ныне: с 2007 г. Институт восточных рукописей РАН. – *Прим. ред.*).

³ Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 10-13.

⁴ Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3.

слуги М.В. Воробьёва сыграли свою роль, и 15 февраля 1965 года он был официально избран на должность младшего научного сотрудника ИВ с окладом в 200 рублей.

В 1960-х годах ИВ был сильным научно-исследовательским центром, где работали учёные, имена которых навсегда останутся в истории отечественного востоковедения. Все они были людьми энциклопедических знаний, преданные науке в целом и своим научным интересам в частности. В таком сильном коллективе «исследовательский талант М.В. Воробьева развился в полную силу. Работа в секторе Дальнего Востока... позволила ему быть в курсе новых идей и области исторической науки».¹ Активная научная жизнь, которой жил ИВ, стимулировала желание работать. М.В. Воробьёв много времени и сил отдал Этнографической комиссии Географического общества. Но при том, что он принимал участие в работе общественных организаций ИВ: был заместителем председателя библиотечного совета и читал лекции в лектории, он не стремился на руководящие посты в них и полностью отдавался только науке.

Однако, как и во времена работы в ИА, у М.В. Воробьёва не было коллег, потенциальные интересы которых распространялись бы на страны Дальнего Востока – так не было в ИВ учёных-археологов. М.В. Воробьёву пришлось сменить общую направленность своей исследовательской работы, что, однако, совсем не помешало ему делать все новые и новые открытия и привлекать все возможные виды источников. Первой поистине грандиозной работой стала его докторская диссертация «Чжурчжэни и государство Цзинь» в 4-х томах, которую он защитил 1 июля 1972 года. С неё начался долгий и блистательный период работы М.В. Воробьёва, как востоковеда-историка стран Дальнего Востока.

И 1971 году М.В. Воробьёв впервые за почти 20 лет попытался получить должность старшего научного сотрудника, но на тайном голосовании лишь 6 членов Учёного совета ИВ отдали свои голоса за него, и 10 были против. Эта должность досталась ему в сентябре 1973 года. 19 февраля 1974 года был подписан приказ о его назначении с окладом 400 рублей. В официальной характеристике ИВ 1973 года, необходимом документе для участия в конкурсе, помимо описания

Ед. хр. 979. Л. 9.

¹ *Кычанов Е.И.* Михаил Васильевич Воробьев (1922-1995) // Петербургское востоковедение. Вып. 8. – СПб., 1995. – С. 671.

научных заслуг М.В. Воробьёва было написано, что «в коллективе Отделения [он] пользуется уважением, благодаря своим профессиональным и человеческим качествам».¹

Эта строчка, несущая на себе печать официальности, может быть расценена просто как штамп, необходимый для любого документа такого характера. На самом деле, она свидетельствует о многом. В блестящем коллективе выдающихся учёных, который сложился в ИВ в конце 1960–1970-х годов, исследователю, к тому же пришедшему из другого исторического института, прижиться, а тем более выделиться, было очень трудно. Тогда на то, чтобы доказать свою состоятельность как востоковеда, у М.В. Воробьёва ушло почти 10 лет. Наверняка, это было не просто, и чем-то приходилось жертвовать для того, чтобы отстаивать свою позицию, но именно это помогло учёному достичь того уровня, который поставил его в один ряд с самыми известными исследователями Дальнего Востока, когда-либо работавшими в России и за рубежом. Публичное возвышение М.В. Воробьёва началось во второй половине 1970-х годов. Ещё недавние постоянные сомнения высшего руководства Института в возможностях учёного занимать какие-либо должности, сменились уверенностью.

С 1974 учебного года М.В. Воробьёв начинает читать лекции на восточном факультете (ВФ) ЛГУ. Его преподавательская деятельность заслуживает внимания. Он прочитал в Университете курсы «История Кореи» (1974–75 гг.); «Культура Японии» (1974, 1981 гг.); «История и культура чжурчжэней» (1975 г.); «История средневековой Японии» (1982 г.), некоторые из которых появились в программе ВФ только с его приходом. В 1982–83 годах на общественных началах он исполнял обязанности члена специализированного Учёного совета ВФ.

ИВ также «открылся» навстречу М.В. Воробьёву, 18 августа 1976 года Институт направил личное дело учёного в Московское отделение ИВ с просьбой о ходатайство для присвоения ему учёного звания старшего научного сотрудника по специальности «всеобщая история». Соответствующее постановление Президиума Академии наук СССР вышло 7 июня 1977 года. И этом же году ИВ рекомендует М.В. Воробьёва в научную командировку в Японию на три месяца. В институтской характеристике написано: «[М.В. Воробьёв] политиче-

---

¹ Личное дело М.В. Воробьёва // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 53.

ски грамотен. Морально устойчив. Ранее за границей не был».¹ Несмотря на то, что все документы были собраны, этой поездке не суждено было состояться ни в 1977 году, ни позже. Посвятивший всю свою жизнь изучению стран Солнечного восхода² и Утренней свежести М.В. Воробьёв так и не увидел ни одной из них своими глазами.

Однако учёный продолжал напряженно работать в России. За время своей научной деятельности в ИВ он написал большую часть работ, которые стали поистине уникальными и во многом единственными в своём роде. Это семь монографий, которые открыли для изучения на русском языке до того времени недоступные миры древних Японии, Кореи, Китая, Монголии и государства Цзинь. Это и десятки статей, посвящённых самым разнообразным вопросам истории этих стран, и доклады со всех наиболее значимых конференций, проводившихся в 1960-х, 70-х, 80-х и 90-х годах.

Вот как оценивало М.В. Воробьёва и его работу к 1992 году руководство ИВ: «широко мыслящий историк с огромным научным диапазоном (истории Монголии, Маньчжурии, Кореи, Китая и Японии в древности и в средние века) и с глубоким интересом к разнообразным реалиям быта древних обществ».³

Кажется, что изучение стольких стран в столь продолжительном временном промежутке просто невозможно, а серьёзная научная работа на протяжении всей жизни неподвластна человеческим силам, но М.В. Воробьёв сумел доказать ошибочность таких суждений. Не просто великий востоковед, но вместе с этим ещё и обладатель выдающихся человеческих качеств, он явился примером того, насколько убедителен в своих научных интересах может быть учёный, как при любых обстоятельствах добиваться осуществления поставленных целей.

Именно таким человеком был М.В. Воробьёв в начале 1990-х годов, когда признание, наконец-то, нашло его, когда с каждым годом появлялись всё новые и новые возможности для работы и поездок, и когда в 1995 году всё это неожиданно оборвалось. Михаил Василье-

---

¹ Личное дело М.В. Воробьёва // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 56.

² Такой перевод сочетания *хи идзуру куни* дал В.Н. Горегляд в своей книге «Кэнко-хоси. Записки от скуки (Цурэдзурэгуса)» (М., 1970).

³ Личное дело М.В. Воробьёва // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 74.

вич Воробьёв умер от сердечного приступа 5 октября и был похоронен на Северном кладбище Санкт-Петербурга.

5 октября 2005 года исполнилось 10 лет со дня смерти М.В. Воробьёва. 10 лет для истории, может быть, это не так и много, но, несомненно, этого достаточно человеческой памяти, чтобы забыть о судьбах многих людей, при жизни известных и влиятельных. Имя М.В. Воробьёва вошло в историю не только российского востоковедения. Заслуги учёного, ни разу не отступившего от исследования на первый взгляд неразрешимых проблем истории, очень высоко оценивают в науке нашей страны, а также тех стран, которым он посвятил большую часть своей жизни. Занимаясь исследованиями в СССР, потом в России, поднимая незыблемые до него пласты с помощью методологии отечественной археологической и востоковедческой наук, он тем самым сыграл большую роль в становлении самих этих наук в изучаемых им странах. Особенно в 1950-х годах, когда Япония, Китай, Корея и Монголия только делали первые шаги в систематическом научном изучении своей древней истории. Не будет преувеличением сказать, что сегодняшние успехи археологии этих стран стали возможны во многом благодаря советским учёным, их теоретической и практической работе, и в том числе М.В. Воробьёву, который первым перекинул мостик между древними культурами Сахалина и Приморья – и культурами стран Дальнего Востока.

Хочется надеяться, что имя М.В. Воробьёва будут помнить и как имя участника Великой Отечественной войны, участника обороны Ленинграда, человека, никогда не отступавшего перед трудностями и не полагавшегося ни на чьи силы, кроме своих; человека, жизненный путь которого – бесценное наследство для будущих поколений. И как бы ни хотелось вернуть или повторить эту жизнь, сделать этого нельзя, но можно продлить, и для этого надо просто помнить...

Кычанов Е.И.
М.В. ВОРОБЬЁВ — УЧЁНЫЙ¹

Дать исчерпывающую оценку такому крупному учёному-востоковеду и археологу, каким в недавнем прошлом в отечественной науке был М.В. Воробьёв задача не простая и не может быть решена в рамках одной статьи.

Я могу считать себя коллегой М.В. Воробьёва и был с ним знаком, по меньшей мере, сорок лет. Когда я обучался в аспирантуре, А.П. Окладников через В.Е. Ларичева предложил мне отреферировать китайскую статью, в которой речь шла о надгробии одной из бохайских принцесс и даже попытаться разобраться в тексте надгробия. В библиотеке Института истории материальной культуры (ИИМК), в котором тогда работал М.В. Воробьёв, был один китайский источник по Бохаю (698-926 гг.), которого не было в библиотеке Института востоковедения (ИВ). Книга оказалась на руках у М.В. Воробьёва. И вот я пришёл в сектор палеолита, где сидел М.В. Воробьёв, худощавый строгий человек, который книгу мне дал, но несколько раз упомянул о том, чтобы я её поскорее ему возвратил. Так мы познакомились. Воробьёва я раньше не знал, хотя знал в лицо или понаслышке многих археологов. Не только потому, что мы работали в одном здании и столкнулись в одном буфете, я сам два сезона в 1953 и 1954 годах отработал в экспедициях. С А.П. Окладниковым, шефом М.В. Воробьёва, тоже познакомился в 1954 году.

Судьба М.В. Воробьёва была типичной судьбой востоковеда, ко-

---

¹ Впервые опубликовано в: Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьёва: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во С.-Перерб. ун-та, 2005. – С. 22-34.

Кычанов Евгений Иванович (1932-2013) закончил отделение истории Китая по кафедре истории стран Дальнего Востока ЛГУ. В 1955 году был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения и с 1958 года был его постоянным сотрудником, со временем став ведущим научным сотрудником, доктором исторических наук, с 1986 года – профессор. Постоянно читал лекции на восточном факультете ЛГУ и СПбГУ. Сфера его научных интересов – тангутоведение, история Китая, Центральной Азии и отечественного востоковедения (Н.А. Невский). С 1978 года – заведующий Сектором Дальнего Востока, с 1983 года – заведующий Сектором историографии и источниковедения Китая и Центральной Азии. В 1991 году стал штатным заместителем директора СПбФ ИВ РАН, с 1997 по 2003 год – директор СПбФ ИВ РАН. Им было опубликовано свыше 20 книг и множество научных статей (всего свыше 300 работ).

торый должен был делать то, что требовала работа, которую он по счастью получил. Воробьёв стал археологом, ездил в экспедиции, и его первые большие труды были напрямую связаны со знанием восточных языков – «Древняя Япония» (1958 г.) и «Древняя Корея» (1961 г.). Здесь сразу надо сказать, что М.В. Воробьёв представлял редкий в то время, да и сейчас, тип востоковеда, который владел несколькими языками региона. Воробьёв мог пользоваться в своих работах материалами (источниками и литературой) на японском, корейском и китайском языках. Его первые монографии были актуальны в связи с широким развертыванием с начала 1950-х годов фронта археологических работ в Приморье и на советском Дальнем Востоке. Кандидатская диссертация (1953 г.) была посвящена «Каменному веку стран Японского моря». Воробьёв активно информирует научную общественность о достижениях археологической науки в Китае, Японии, Корее. Я не берусь оценивать цикл его археологических исследований, это скорее дело специалиста-археолога данного региона, но одно бесспорно он открыл благодаря своему знанию языков древние первобытные культуры Японии и Кореи для археологов и историков Дальнего Востока.

Говорят, всё возвращается на круги своя. И его данью увлечениям археологией и древней историей зарубежных стран Дальнего Востока стала одна из его последних монографий «Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно)».¹ М.В. Воробьёв считал эти территории частью Сибирского ареала и исследовал их прошлое как прошлое окраин огромного Сибирского ареала. «Характер источников, – писал он, – вынуждает нас подходить к региону как окраине Срединной империи, что с неизбежностью влечёт за собой известную запрограммированность самого исследования. Между тем, регион в естественно-географическом, демографическом, историко-культурном отношении является, скорее, окраиной огромного Сибирского ареала. Эта окраина отнюдь не чужда внутренней пестроты... Открыта она была только на юг – на Северо-Китайскую равнину. Возникновение, формирование и трансформация тяги к этой равнине явились весьма ощутимыми факторами в жизни обитателей региона».² Эта нестандартная постановка вопроса,

---

¹ Воробьёв М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 409 с.

² Воробьёв М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия. С. 355.

исторически совершенно справедливая, не получила пока широкого признания. Источником необъективного подхода к истории региона М.В. Воробьёв полагал проникшую в науку со второй половины XX века «националистическую идеологию». «В отношении к региону национализм проявлялся в двух формах: в изоляционизме и в наступательном национализме. Первые формы стали господствовать в СССР, МНР, КНДР, последняя – в КНР».¹

М.В. Воробьёв был активным членом Географического общества, многие годы работал в его комиссиях по этнографии и восточной. Для его исследований характерно пристальное внимание к этнической истории, к этносам. Может быть, в данном случае сказались его многолетние дружеские отношения с Л.Н. Гумилевым, хотя, что греха таить, он, возможно, как и многие востоковеды и историки, не разделял всех суждений и взглядов Л.Н. Гумилева. Во всяком случае, я вынес такое убеждение из неоднократных разговоров с ним о научном наследии последнего.

В своей последней работе М.В. Воробьёв как раз рассматривает историю основных народностей региона Маньчжурии и востока Внутренней Монголии, основываясь на основных отождествлениях их реальной или возможной этнической принадлежности, предложенных в разное время исследователями разных стран.

К прототунгусам он отнёс *дуньи, сушэнь, илоу, уци, мохэ, сумо мохэ*. Вершиной развития прототунгусского этноса он полагал государство Бохай. По его заключению, «Бохай был первым настоящим государством в ... регионе. Бохай был государством, все структуры которого оказались оформлены, а его территория занимала бóльшую часть региона. Культура его оказалась синтетической, и именно поэтому самостоятельной, высоко развитой, стойкой. Китайско-корейские новшества заимствовались без оглядки на самостоятельность, что дало великолепные плоды: бохайская культура пережила двухсотлетнюю государственность и питала своими соками культуры последующих поколений, как, впрочем, и соседей в VIII–X вв.»²

К палеоазиатам М.В. Воробьёв относил *чаосянь (чосон)* и Древний Чосон XII–II вв. до н.э., *вэймо (емэк), боцзюй (окчо), фуюй (пуё)*, Когурё. В данном случае примечательно то, что М.В. Воробьёв отно-

---

¹ Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия. С. 3.

² Там же. С. 134.

сил, хотя бы северную часть корейского этноса, исторически принадлежащей палеоазиатам.

Частью протомонгольского этноса, по его мнению, были *дунху*, *сюнну*, *ухуани*, *сяньби*, *жуаньжуани*, *кидани*. В данном случае он во многом следовал мнениям современных монгольских учёных. Принадлежность *сюнну* (*гуннов*), *сяньби* и ответвлений этого этноса, *жуаньжуаней* к протомонголам оспаривается многими исследователями.

В любом случае, попытка дать системную, упорядоченную идентификацию большому числу этносов данного региона заслуживает внимания специалистов.

В годы работы в Институте востоковедения М.В. Воробьёв много внимания уделил истории *чжурчжэней* и созданного *чжурчжэнями* государства Цзинь (1115-1234 г.). «Без преувеличения можно сказать, что *чжурчжэни* принадлежат к числу тех народов, чья известность далеко уступает их роли в истории... успехи *чжурчжэней* подверглись присвоению благодаря непревзойденному методу, столетиями разрабатываемому китайскими учёными. В русло китайской истории с неизменной последовательностью вводилось всё, что происходило в китайской и около китайской ойкумене, независимо от того осуществлялось ли это в Китае, для Китая против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира – для них всего, для нас дальневосточного... (некитайские) династии и всё ими сделанное официально включаются китайскими историками в фонд истории Китая...».¹ «В мире культурной истории Китая едва ли не безвозвратно растворились бесчисленные вклады многих некитайских народов и государств».² «Сквозь призму китайских исторических трудов» история *чжурчжэней* и династии Цзинь выглядит как «не то очередной сменой династии... в развитии китайского... общества, не то нашествием и повальным грабежом богатой и культурной страны – Китая».³

По убеждению М.В. Воробьёва выход на историческую арену Дальнего Востока *чжурчжэней* «открыл качественно новый этап в истории тунгусо-маньчжурской народности». Возникает государственность тунгусо-маньчжурских народов, развивается самобытная куль-

---

¹ Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.): Исторический очерк. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – С. 3.

² Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. С. 4.

³ Там же.

тура, «достаточно прочная и живучая, чтобы в XIV–XVII вв., то есть спустя столетие после политического краха в середине XIII в., дать жизнь новой родственной народности и государству и продолжать сохранять своё влияние после гибели и этой маньчжурской государственности и культуры в среде современных нам тунгусо-маньчжуров».¹ М.В. Воробьёв стоял на позициях прямой преемственности между чжурчжэньской этнической общностью и маньчжурской и полагал, что «генеалогическая цепь: *сушэни – илоу – уцзи-мохэ – чжурчжэни – маньчжуры*... оказалась приемлемой и в основных своих звеньях мало оспаривается современной наукой».² Правда среди современных маньчжуроведов есть такие, которые пытаются отрицать прямую преемственность между чжурчжэнями и маньчжурами. В сложении чжурчжэньской народности принимало участие и население Бохая и Корё. По заключению М.В. Воробьёва, *чжурчжэни* складываются как народность к началу XII века.³

Сформирование в недрах чжурчжэньского общества военно-административной системы – тысяч (*мэньань*) и сотен (*моукэ*) М.В. Воробьёв расценивал как проявление ранней государственности. Тысячи и сотни «сложились как общественные ячейки с комплексом неразделенных функций: общественной, экономической, военной».⁴ К его мнению следовало бы прислушаться тем исследователям как в нашей стране, так и за рубежом, которые ёрнически отрицая «пятичленку» – марксистское учение об общественных формациях, отрицают государственность у кочевых народов и народов близких им по характеру и уровню социально-экономического развития. «Рабство, – писал М.В. Воробьёв, – в более точном смысле этого слова – любая потеря личной свободы... служит верным свидетельством существования классовых отношений в чжурчжэньском обществе на рубеже XII в».⁵ В 1115 году было официально провозглашено государство Цзинь.

Военные успехи молодого агрессивного чжурчжэньского государства в войнах с Китаем (Сун) хорошо изучены в отечественной науке. К концу 1126 года пал Кайфэн (Бянь), два китайских императора попали в плен и были увезены на север вглубь Маньчжурии. Войны с

---

¹ Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. С. 4-5.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 61.

Сун закончились мирным договором 1141-1142 годов. М.В. Воробьёв анализировал причины поражения Сун. Одну из основных он видел в том, что в Китае «государственному началу... отводилась подчинённая роль по сравнению с началом этическим».¹ Он ставит очень важный и требующий дальнейшего осмысления вопрос о незавершённости процесса образования китайской народности, объясняя этим широкое участие китайцев севера в войне с Южной Сун на стороне Цзинь. Он не разделяет традиционное осуждение главы партии мира Цинь Гуй: «Не Цинь Гуй вызван кризис, а его ставили у кормила правления, когда этот кризис наступал».² Развивая свой тезис о значении фактора этноса, М.В. Воробьёв заключает: «Неустойчивая этническая ситуация в Китае бесспорно содействовала чжурчжэньским победам».³ Боюсь ошибиться, но, кажется, М.В. Воробьёв первым в нашей китаеведной науке обратил внимание на важность такого фактора, как наличие многовекового процесса сложения китайского этноса, процесса, может быть, ещё и незавершенного в наши дни, и его влияния на события китайской истории.

М.В. Воробьёв не употреблял в отношении государства Цзинь принятого в американской, западноевропейской и японской историографии термина «династия завоевания». Проблему формирования социальной опоры чжурчжэньские государи и верхушка чжурчжэньского общества решили путём образования из чжурчжэней-победителей военизированных общин – сотен и тысяч. Сотни и тысячи получили на льготных условиях землю, тягловый скот и сельхозинвентарь. Первоначально в процессе завоевания создавались также китайские и бохайские сотни и тысячи, но в 1140 году они были упразднены. По заключению М.В. Воробьёва, «большинство переселившихся в Китай чжурчжэней превратилось в помещиков, сдававших свои земли китайцам в аренду».⁴

Хорошо известно, что в Цзинь было большое число рабов. Отсюда соблазн трактовать цзиньское чжурчжэньское общество как общество рабовладельческое. М.В. Воробьёв полагал, что «корень различных оценок общества Цзинь – в сложности отождествления кон-

---

¹ Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. С. 368.

² Там же. С. 370.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134.

кретной картины с понятием формации».¹ По его мнению, «после образования государства и выхода чжурчжэней на Китайскую равнину это общество уже не развивалось изолированно по своим законам».² Раннецинская государственная модель «стала быстро эволюционировать, заимствуя элементы сунской».³ В итоге, по мнению М.В. Воробьёва, с середины XII века «цинское государство стало превращаться в настоящую централизованную бюрократическую монархию развитого феодализма».⁴

М.В. Воробьёв вынужден был искать приемлемое решение. Надо сказать, что 1960–1980-е годы стали временем развенчания наличия рабовладельческой формации. Была выдвинута идея, что большое число рабов в обществе отнюдь не означала его принадлежности к рабовладельческой формации. В 1960 г., когда автор этих строк защищал кандидатскую диссертацию, его оппонент проф. В.М. Штейн указал ему, что наличие рабов в Ся, их число и эксплуатация позволяют характеризовать тангутское общество как рабовладельческое. Я в своём ответе настаивал на том, что оно было «патриархально-феодальным», исходя из того, что позже хорошо сформулировал М.В. Воробьёв, ссылаясь на сложность отождествления конкретной картины с понятием формации. Когда позже я стал изучать тангутское право, я всё больше склонялся и склоняюсь признать правоту проф. В.М. Штейна. Более того, с позиций истории права я даже разделяю точку зрения ряда японских исследователей о том, что и китайское общество династии Тан можно вполне понимать как рабовладельческое. Поэтому мне и сейчас понятны и колебания и позиция М.В. Воробьёва и то решение проблемы, которое он предложил.

М.В. Воробьёв полагал, что государственное законодательство Цзинь «провозглашало равенство всего населения перед законом, независимо от национальной принадлежности»⁵, «несмотря на то, что в законы и кодексы Цзинь включали фразы о том, что преступления в среде одного какого-либо народа, наказываются по законам этого народа».⁶ В данном случае было бы очень важно знать, относилась ли

---

¹ Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. С. 149.

² Там же.

³ Там же. С. 150.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 372.

⁶ Там же. С. 188.

эта норма права к подданным Цзинь, или к подданным иностранных государств. А именно к ним была применима эта норма китайского танского права, на которое ориентировалось, по исследованию М.В. Воробьёва, право Цзинь.

Продолжением исследования «Чжурчжэни и государство Цзинь» стала монография «Культура чжурчжэней и государства Цзинь».¹ Автор предупреждает читателя, что его основное внимание было сосредоточено на истории культуры чжурчжэней в период Цзинь. И только «в тех случаях, когда взаимопроникновение чжурчжэньской и китайской культуры (в одном каком-либо или в обоих направлениях) было принципиальным и важным, мы рассматриваем проблему в рамках всей цзиньской культуры, в которую входила и китайская».² «Средневековые китайские авторы, говоря о культурных связях чжурчжэней, рассматривают их, во-первых, всегда как сторону берущую, а во-вторых, только как объект одного китайского влияния».³ М.В. Воробьёв утверждает, что чжурчжэньская культура уходит корнями в прошлое Маньчжурии, Приморья, и Приамурья. Особое место в её формировании в прошлом принадлежало Бохаю, ощущается в ней и киданьская струя. «Не бывает автономного развития без влияний».⁴ Через киданей и корейцев к чжурчжэням пришёл буддизм. Киданьское письмо повлияло на создание письма чжурчжэньского. М.В. Воробьёв полагал, что киданьская письменность и литература широко использовались и в период расцвета Цзинь.⁵ «Для нас, – писал М.В. Воробьёв, – в чжурчжэньско-киданьских культурных связях выступают две особенности: 1) существование связей на разных социальных уровнях соперников, полярно изменившихся для них с переходом из XI в XII век; 2) почти полная неизвестность конкретных форм культурного воздействия чжурчжэней на киданей, когда последние вошли в состав империи Цзинь». С середины XII века поощрялись браки между киданями и чжурчжэнями.⁶ Чжурчжэньская культура повлияла на северных и восточных соседей

---

¹ Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 367 с.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 227.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Там же. С. 237.

Кстати, интересно отметить влияние чжурчжэньской культуры на культуру насельников острова Хоккайдо (охотская культура).

Очень любопытно мнение М.В. Воробьева об определённой ограниченности распространения буддизма среди чжурчжэней. В период Цзинь буддизм натолкнулся на мероприятия правительства, направленные на отстранение буддийского духовенства от участия в государственной и официальной общественной жизни страны. «Видя в пропаганде буддизма среди чжурчжэней скрытую китаизацию, цзиньские императоры в указах и личным примером превозносили традиционные обряды поклонения Небу, духам предков (1183 г.), критиковали учение буддистов и даосов, подчеркивая благотворную общественную практику государственной власти в противовес иллюзорным обещаниям проповедников этих учений (1186 г.), ограничивали строительство буддийских и даосских храмов (1174, 1178 гг.) и запрещали частное посвящение в сан».¹ О последнем, однако, заметим, что и по китайским законам строительство храмов и пострижение в монахи без разрешения государства было запрещено.

Интерес чжурчжэней к китайской культуре, по словам М.В. Воробьева, был «неизмеримо шире, постоянное и откровеннее». «Цзиньская культурная политика предусматривала широкое знакомство с китайской культурой... в процессе совместной общественной и культурной жизни в новой империи, выборочное усвоение под государственным контролем китайских новшеств в южносунском варианте, внедрение в китайскую среду в Цзинь некоторых чжурчжэньских обычаев и... защиту собственной чжурчжэньской культуры от излишнего засилья китайских новшеств».²

От китайцев требовали лояльности. В 1126 году всем китайцам, чжурчжэньским подданным, было предписано носить косу; по указу 1129 г. за непослушание полагалась казнь.

Чжурчжэни болезненно ощущали наступление китайской культуры, и как раз источники цзиньского времени содержат немало сентенций о необходимости сохранения своей собственной культуры. В 1172 году император Ши-цзун говорил министрам: «Хуэйнинфу – это место происхождения государей нашего дома... Чжурчжэни постепенно забыли свои древние обычаи и весьма пристрастились к обычаям

---

¹ Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь. С. 251.

² Там же. С. 248.

китайским... Опасно, если впоследствии совершенно изменятся наши обычаи».¹ В 1191 году был издан указ, запрещавший в текстах на китайском языке называть чжурчжэней «*фань*» – «варварами». Естественно, наличие стойкого китайского большинства среди населения Цзинь вело к аккультурации и ассимиляции части чжурчжэньского этноса. Но, как мы уже говорили выше, М.В. Воробьёв твёрдо стоял на той позиции, что чжурчжэньский этнос и чжурчжэньская культура в XVI–XVII веках возродились в маньчжурском этносе и маньчжурской культуре.

Изучение истории некитайских династий в Китае и их роли в китайской истории только разворачивается. М.В. Воробьёв не только в нашей стране, но и в масштабах европейской науки сделал много для изучения чжурчжэней и государства Цзинь. В 2003 г., когда европейская синология и научная общественность отмечала 90-летие со дня рождения немецкого синоведа, также специалиста по Цзинь проф. Герберта Франке, проф. Франке в своей публичной лекции о Цзинь в городе Лейден (Голландия) назвал имя только одного своего коллеги – Михаила Васильевича Воробьёва. Именно так, полностью – Михаил Васильевич Воробьёв.

Для того поля научной деятельности М.В. Воробьёва, о котором мы напоминаем читателю, было характерно широкое использование археологического материала, подробная рекомендация разноязычных источников и литературы, обязательное оформление исследования картами. В его монографиях читатель всегда находил указатели событий – синхронистические таблицы не только предмета исследования, но и окружающего мира, что помогало вписать объект исследования не только в окружающий мир, но и в мировую историю. Наличие генеалогических таблиц тоже было излюбленным предметом исследований и книг М.В. Воробьёва.

Я не коснулся трудов М.В. Воробьёва по истории и истории культуры Японии и Кореи, оценка их – дело специалистов. Но уже своими исследованиями прошлого Приамурья, Приморья и Маньчжурии, истории и культуры чжурчжэней и государства Цзинь М.В. Воробьёв остаётся в нашей науке как крупный учёный-востоковед, фигура незаурядная, как своим личным качествам, так и по способам и методике научного исследования.

---

¹ *Воробьёв М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь. С. 250-251.

Зенина Л.В.
СЛОВО О ДРУГЕ И СОРАТНИКЕ¹

*Каждая личность есть своеобразный,
единственный в мире индивидуум,
неповторимый по бытию и
незаменимый по своей ценности.*

Н.О. Лосский

Японская поговорка гласит: часы идут, время бежит, годы летят. Вот и пролетели 10 лет, как не стало нашего друга, коллеги и видного учёного: археолога, историка и культуролога (как сказали бы теперь) стран Дальнего Востока (Японии, Кореи, Маньчжурии и Монголии, а также советского Дальнего Востока).

М.В. Воробьёв не знал жизни вне науки. Складывалось впечатление, что он работал круглые сутки, хотя это не означало, что он не вёл и светскую жизнь (посещал театры и музеи), но был он человек чрезвычайно организованный. Мне хорошо известно, что он тщательно скрупулезно подбирал материал сразу к нескольким исследованиям, накапливал факты, обдумывал их. Непременным условием его исследовательской работы было посещение выставок новых поступлений в библиотеках, причём делал он это регулярно, и никогда не пропуская обозначенные дни. Его информированность во вновь вышедшей востоковедной литературе была завидной. Именно системность и невероятная работоспособность привели М.В. Воробьёва к столь высоким научным результатам и поставили в ряд видных учёных отечественного востоковедения.

---

¹ Впервые опубликовано в: Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – С. 3-6, 35-44.

Зенина Любовь Васильевна (1920–2018) закончила ЛГУ по кафедре филологии и была рекомендована в аспирантуру по специальности «история Японии». В 1952 году защитила кандидатскую диссертацию, в 1961 году получила звание доцента. Участница Великой Отечественной войны и Блокады Ленинграда, награждена орденом Великой отечественной войны II степени и 12 медалями. Л.В. Зенина четырежды была в Японии (один год преподавала в университете Тэнри), дважды – в КНДР. Являлась почётным председателем Общества «Россия–Япония», в котором состояла со дня его основания в 1960-х годах. Читала курс лекций для студентов историков-японистов кафедры истории стран Дальнего Востока СПбГУ. В целом ею было опубликовано около 100 научных работ по истории Японии и Кореи и отечественному востоковедению (Н.В. Кюнере и Я.Б. Радуль-Затуловском).

Но в истории востоковедения 5-е октября 1995 года стало чёрной датой. В этот день оборвалась жизнь М.В. Воробьёва – личности неординарной, оставившей глубокий след в науке.

После чаепития в Институте востоковедения он почувствовал себя плохо, но пошёл домой пешком. Вернувшись со службы на Почтамтскую улицу, он решил отдохнуть, и тут случился сердечный приступ, необратимый по своим последствиям. М.В. Воробьев ушёл в мир иной. Мы, его друзья, однокашники, соратники и просто коллеги по Санкт-Петербургскому государственному университету и Санкт-Петербургскому филиалу Института востоковедения РАН проводили Михаила Васильевича Воробьева в последний путь и похоронили его на Северном (Парголовском) кладбище. Он покоится теперь вместе с матерью.

Самое время вспомнить о его жизни и научно-педагогической деятельности. Уходят его сверстники, долг оставшихся отдать дань памяти и величайшего уважения М.В. Воробьеву, оставившему после себя 10 книг и более 150 статей, за его великое преданное служение науке. Трудно переоценить то, сделал он за одну только жизнь. Он заслужил такую память. Истинный петербуржец, живший скромно, без суеты, всего себя отдававший научным исследованиям в области археологии, истории дальневосточного региона, долгие годы преподававший в Университете, участник Великой Отечественной войны, имевший награды и ранения – он поистине совершил жизненный подвиг, ничем не запятнав себя.

Студенты послевоенных лет (теперь уже XX века – после Великой Отечественной войны 1941-1945 годов) – это особая когорта, особое братство, опаленное тяжкими годами войны, перенёсшее страдания фронтов и блокады Ленинграда, а потому и рано повзрослевшее, выработавшее свой стиль поведения – серьёзного подхода к делам и ответственности за их выполнение.

Михаил Воробьев, прошедший фронт, переживший блокаду Ленинграда, выделялся своей «солидностью», хотя ему было 23 года. Я познакомилась с Михаилом Воробьевым в конце 1945 г., мы оба (я годом ранее) стали студентами кафедры японской филологии уже восстановленного в 1944 г. восточного факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ). На кафедре появился высокий, худощавый студент в гражданской одежде: в костюме и при галстукe в отличие от многих, пришедших с войны во фронтовой амуниции. Та-

ким он запомнился на всю жизнь: всегда аккуратно, хотя и скромно, одетым. Он сразу же включился в учебный процесс, не позволяя ни на мгновение себе расслабляться.

С первого курса он сразу же определил сферу своих интересов, а именно, избрал историю Японии в качестве ведущей дисциплины. Надо сказать, что в те годы не было исторических кафедр, они вошли в состав факультета лишь в 1949 г., поэтому кафедра японской филологии разрешала студентам-японоведам заниматься выбором научного направления: литература, экономика, лингвистика, история. Разумеется, мы все следовали предложениям наших учителей, И только один из нас, Михаил Воробьев, сразу же стал изучать не просто историю Японии, но даже её древность и средневековье.

С первого курса он стал писать курсовые работы о важнейшем периоде – реформах Тайка VII века. Я помню визуально эту работу: она была довольно увесистой, в толстой тетради, написанная от руки ровным острым почерком с наклоном направо. Естественно, ещё многие десятилетия студенты выполняли курсовые работы от руки. Нас студентов-японоведов тогда в каждой группе было не более 5-6 человек. Таковы были правила приёма на восточный факультет.

Поразительно, что с первых шагов в изучении истории М. Воробьев выявил независимость научных суждений и твёрдо отстаивал их в последующем. В своём дипломном сочинении по теме: «Разложение общинного строя и создание феодального государства в Японии: формы Тайка и их последующее развитие» – он доказывал, что Япония миновала стадию рабовладельческой формации при переходе от первобытного общества к феодальному. А ведь эта проблема остаётся и по сие время актуальной (дискуссионной) в истории Японии. Блестящая защита позволила факультету рекомендовать М. Воробьева в аспирантуру, о чём говорит высокая оценка его работы, данная академиком В.В. Струве. Работа «свидетельствует не только об умении выбрать наиболее важную и наименее изученную проблему, но и о стремлении и способности привлечь для её разработки исчерпывающий материал и прийти к своим собственным выводам».¹ М. Воробьев был принят в аспирантуру Института истории материальной культуры (ИИМК) в 1950 году.

---

¹ Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 10-13.

А в годы нашей учёбы нам преподавали выдающиеся японоведы. Профессор А.А. Холодович для чтения курса грамматики японского языка соединял старшие курсы вместе. Читал удивительно интересно, с математической логикой (кстати, у А.А. Холодовича была учёная степень и кандидата математических наук), иногда, после раздумий менял свою точку зрения и не стеснялся об этом порассуждать со студентами.

Профессор Е.М. Колпакчи вела занятия по старому японскому языку, читала с нами классические памятники литературы. Хорошо запомнился эпизод, когда мы задали ей какой-то вопрос (очевидно, по глупости), но через некоторое время Евгения Максимовна на лекции объявили, что наш вопрос навел её на новое исследование и вот его результат. Нас это поражало и удивляло, как такие маститые учёные признаются нам и раскрывают суть своих лабораторных исследований. С годами я поняла, что только уважение к своим ученикам («юным коллегам», как называли нас учителя) позволяет добиваться подлинного признания. Поэтому моей любимой поговоркой за долгие годы преподавания (55 лет) стала: «Выучи ученика, чтобы было у кого учиться».

И, конечно, лекции академика Н.И. Конрада, когда он ненадолго приезжал из Москвы и читал студентам интереснейшие опусы из грамматики, литературы, истории Японии. Одним словом, нашему поколению повезло. Теперь мы продолжаем дело своих учителей.

На лекциях по «Введению в специальность» я рассказываю о своих «великих предшественниках», об их научных заслугах, выдающихся педагогических качествах с надеждой, что всё это послужит примером молодёжи, а, главное, не прервётся нить времён и поколений. Но до кончины М.В. Воробьёва 5 октября 1995 года я была не одна. М.В. Воробьёв долгие годы был моим коллегой и соратником по *alma mater*.

Как педагог М.В. Воробьёв отличался удивительной пунктуальностью, никогда не позволял себе опаздывать на лекции, тщательно готовился к ним. По манере чтения его лекции не отличались особой эмоциональностью, говорил он ровным голосом, достаточно чётко произносил иностранные термины, иероглифы писал на доске. Но по содержанию лекции были предельно насыщены фактами, знанием источников и литературы и, по мере возможности, всегда своими суждениями. К примеру, М.В. Воробьёв единственный в отечественном японоведении высказал свою точку зрения о том, что на Японских ос-

тровах в древности существовало два объединения «Ематай» и «Ямато», впоследствии, очевидно в III веке н.э. «Ематай» исчезло. Это важно для понимания древности государства Ямато в Японии.

М.В. Воробьёв был деятельным преподавателем, был удостоен звания профессора и долгие годы читал курс лекций в ЛГУ. На восточном факультете им были прочитаны и составлены программы к следующим курсам: «История Кореи», «Культура Японии», «История культуры чжурчженей», «История средневековой Японии» и другие.

Особая благодарность М.В. Воробьёву за его постоянную готовность выручить коллег, при необходимости заменяя их во время командировок как в России, так и за границу. Моё отдельное спасибо и благодарная память М.В. Воробьёву за то, что он фактически обеспечил мою поездку в Японию в 1974 году. В то время я была руководителем и основным преподавателем группы историков Кореи. Я обратилась к нему: «Выручай!». В течение всего года, то есть два семестра, он полностью обеспечивал чтение исторических курсов и спецкурсов, вёл спецсеминары со студентами-корееведами. С характерным скептическим чувством юмора он мне заметил: «Она будет год в Японии, а я отдувайся тут за неё!» Но как всегда это было произнесено дружески.

Особо хотелось бы отметить манеру М.В. Воробьёва во время обсуждения его представленных научных трудов, а также оппонирования кандидатских и докторских диссертаций. Мне посчастливилось участвовать во всех этих мероприятиях. Как коллега, он очень уважительно относился к своим товарищам по профессии, ценил их усилия, дружески советовал и советовался. Так сложилось, что мне волею судьбы пришлось в 1950-х годах осваивать новую специальность – история Кореи, так как университетское преподавание предполагает определенную почасовую нагрузку. Моя кандидатская диссертация в какой-то мере затрагивала и проблемы истории Кореи и японо-корейских отношений. Кроме того, на кафедре истории стран Дальнего Востока с 1949 года было два японоведа (доцент Д.И. Гольдберг [1908-1982 гг.] и я – ассистент Л.В. Зенина). Естественно, выбор пал на меня.

С коллегами корееведами-филологами (я ведь по диплому – японоведа-филолог) мне пришлось освоить современный корейский язык и постепенно подготовить курс «История Кореи». Так, я приобрела вторую историческую специальность. Это в дальнейшем определило моё участие в написании учебных пособий, статей и так далее, а также в обсуждении корееведческих работ, написании отзывов, оппо-

нировании кандидатских диссертаций.

М.В. Воробьёв обстоятельно, я бы сказала, несколько отстранённо, излагал суть представленной работы, подчёркивал значимость поставленных целей и выводов. Всегда в спокойной манере, ничуть не позволяя себе раздражаться даже при не всегда доброжелательной форме высказанных замечаний, отвечал на вопросы, соглашался со справедливыми пожеланиями коллег.

Представленная работа насчитывала 40 печатных листов. Естественно, возник вопрос о сокращении, что я считала справедливым, так как «всё впихнуть» в одну книгу нельзя, а издать два тома нереально. В конечном итоге, автор согласился (хотя всегда жалко не использовать накопленное, это ведь так попятно). Работа была одобрена сектором Дальнего Востока Института востоковедения (ИВ) и рекомендована к печати.

Почему я рассказываю об этом так подробно? Да потому, что нашлись те, кто в коридорах Института пытался ошельмовать хорошую работу. Поскольку этот конкретный разговор был со мной лично, то я решительно отмела подобную попытку и уже тогда (а это были, кажется, 1970-е годы?) сказала следующее: «М.В. Воробьёв после кончины Н.И. Конрада, достойно может быть назван его продолжателем, он по праву учёного занимает видное ведущее место среди историков-японистов и корееведов». Думается, что всей своей научной деятельностью М.В. Воробьёв подтвердил справедливость подобного суждения не только моего частного, но и отечественных историков.

Как оппонент М. Воробьёв был принципиален, не взирая на лица, но, прежде всего, доброжелателен. Он, как и наш общий учитель – профессор Н.В. Кюннер (1877-1955 гг.), отзывался о работах своих коллег (равных по возрасту и молодых) положительно, хвалил затраченные усилия, отмечая заслуги, а потом указывал на недостатки, желая при этом потратить силы на их исправление. Ему была несвойственна манера «раздраконить». Мы вместе оппонировали кандидатскую диссертацию С.О. Курбанова по теме: «Историографические аспекты земельных отношений в Корее X–XIV вв. по материалам “Составленной истории [Корё]”».

Думается, что молодому начинающему учёному это оппонирование М.В. Воробьёва пошло на пользу. М.В. Воробьёв был принципиален во всем, особенно в соблюдении законности. Тут он не отступал, поэтому жизнь преподносила ему разные «сюрпризы». Будучи участником Великой Отечественной войны, прошедший фронт и бло-

каду Ленинграда, имевший ранения, он честно выполнял свой долг перед Отечеством. Но всё это, вместе с тем, за его принципиальную позицию в профсоюзной организации ИИМК не было принято во внимание, он остался безработным.

Ему было приписано халатное отношение к общественной работе, но дело-то всё в том, что при распределении ордеров на жилплощадь, М.В. Воробьёв стойчески отстаивал очерёдность, а начальству, очевидно, были ближе свои интересы, поэтому по истечении срока его должности он был уволен из Института «за серьёзные ошибки, допущенные в профсоюзной работе». Это произошло 22 февраля 1963 года. «Ставку дирекция института согласна [была] передать в тот институт, куда [он] перейдёт работать».¹ Трудно представить более изуверский поступок руководства ИИМК. До 7 января 1965 года учёный Воробьёв не имел постоянного места работы. Найти её с такой формулировкой было практически невозможно.

Но мир не без добрых людей. И надо отдать должное руководству Публичной библиотеки, которая не единожды «пригревала» видных учёных, которые по каким-либо причинам были неудобны. (Кстати сказать, так случилось и с профессором Я.Б. Радуль-Затуловским – известным историком-философом Дальнею Востока. В картотеке до сего времени в каталоге хранятся карточки по Китаю и Японии, составленные Яковом Борисовичем.)

Но, как известно, в конце концов, справедливость восторжествовала. Е.И. Кычанов упоминал о том, что помог академик В.В. Струве. События развивались следующим образом. Действительно, В.В. Струве приложил много усилий и активно содействовал своим непреходящим («истинная совесть», как его тогда называли) авторитетом в восстановлении М.В. Воробьёва на работу по специальности в ИВ. В.В. Струве обратился ко мне с просьбой охарактеризовать М.В. Воробьёва как учёного и поддержать своей рекомендацией. Почему именно ко мне? В.В. Струве хорошо знал меня по Учёному совету, так как несколько лет я была учёным секретарём. Кроме того, мне часто приходилось общаться с Василием Васильевичем как посреднику между ним и японскими учёными, которые переводили его труды на японский язык. Будучи другом и однокашником М.В. Воробьёва, я подробно рассказала обо всех его научных достижениях, о необходимо-

---

¹ Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 83.

сти для науки сохранить такого учёного, что М.В. Воробьёв среди нас такой только один. Поистине, В.В. Струве, одержав нелёгкую победу, рекомендовал ИВ объявить конкурс на замещение должности младшего научного сотрудника (кандидата наук) по специальности «древняя история и культура Японии».

7 января 1965 года газета «Вечерний Ленинград» объявила конкурс, и М.В. Воробьёв был принят в 43 года на работу в сектор Древнего Востока ИВ, служа в котором, он и скончался 5 октября 1995 года в должности старшего научного сотрудника.

Поистине, судьба оказалась немилостивой к М.В. Воробьёву и в том, что, несмотря на свои научные заслуги, ему так и не пришлось побывать в изучаемых им странах. Когда ему предложили командировку в Японию, он отказался сам. Слишком поздно!

Личная жизнь М.В. Воробьёва протекала без особых потрясений, ровно. В одной из экспедиций (а он бывал в Ангарске, Иркутске, Новосибирске, на Дальнем Востоке) Миша познакомился с Галиной Александровной Соколовой. Это произошло между 1950–1960-ми годами (теперь уже не упомнить), он привёз в Ленинград «русское чудо»: красивую девушку с толстой косой ниже пояса. При встрече я ему сказала: «Миша, как тебе удалось отхватить такую красоту? Тыто, ведь не красавец?» На что он с усмешкой ответил: «Неизвестно ещё, кто кого отхватил?!» Галя Соколова закончила гуманитарный факультет Иркутского университета по специальности «этнография». К тому же, оказалось, что она пишет стихи. В 1996 году, после кончины Миши, она выпустила сборник своих стихов «Размышления разных лет».¹

В одном из последних четверостиший она пишет о своём супруге и друге:

Была в нём надо мной
Магическая сила,
Он был моей судьбой,
Но всё взяла могила.²

Сорок лет они провели вместе в творчестве и душевном покое. В 1976 году они вместе выпустили книгу: «Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии». Это хорошее подспорье для студентов-японоведов всех специальностей.

---

¹ Соколова Г.А. Размышления разных лет. – СПб.: Мир и семья–95, 1996. – 96 с.

² Там же. С. 78.

Оба они стали близкими мне людьми и бывали у меня уже в новой квартире на Большом проспекте Васильевского острова, которую я получила после капитального ремонта. Галя ненадолго пережила Михаила, она тяжело болела, я, как могла, поддерживала её своими посещениями. А до женитьбы Миша был душой нашего «квартета» ровесников и однокашников: Андрей Бабинцев – любимый студентами преподаватель японского языка, интеллигент, начитаннейший, образованный, приятный в обращении, остроумный; Таня Уварова – из интеллигентной семьи известного в Ленинграде врача-гомеопата, притягивала своим обаянием, элегантностью. О себе могу только сказать, что я жизнелюб по натуре, готова всё отдать людям. Все четверо мы – выпускники кафедры японской филологии 1947-1950 годов, все четверо работали по специальности, то есть в японоведении. Нам было тепло и комфортно вместе, когда мы приходили к Тане Уваровой на Лиговку напротив Московской гостиницы – «место встречи», в её большую и уютную квартиру.

Дружно, со смехом и подтруниванием друг над другом, с добрыми чувствами мы опрокидывали по рюмашечке и бездумно, ни на что не оглядываясь, беседовали «за жизнь». До чего же это были блаженные времена! Случалось, что эти встречи проходили у меня на 1-ой линии Васильевского острова («В.О. – моё истинное отечество, которое я очень люблю»). Но это были встречи, в основном, с японскими коллегами: историками Хаяси Мотои, Мори Масао и другими.

Теперь из нашей четвёрки я осталась одна¹: А. Бабинцев покинул нас первым в 1983 г., Т. Уварова – в 1988 г., М. Воробьев – в 1995 г. И я ежегодно выполняю долг, завещанный мне Всевышним – посещаю Охтинское кладбище и на Танином холме поминаю своих друзей. Пока я хожу по этой грешной земле, я буду отдавать дань их памяти.

На только что прошедшей (в 2005 году – *прим. ред*) конференции 23 октября сего года в Санкт-Петербургском государственном университете, посвященной «300-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербурге», я выступила с сообщением «Михаил Васильевич Воробьев (1922-1995 гг.): К десятилетию со дня кончины».²

---

¹ [Написано в 2005 году; Любовь Васильевна Зенина (23.08.1920 года рождения) прожила долгую жизнь, уйдя на заслуженный отдых только осенью 2016 г.; она скончалась в начале 2018 года (24 января) в возрасте 97 лет. – *Прим. ред.*].

² Материалы научной конференции, посвященной 300-летию начала преподавания японского языка в Санкт-Петербурге. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 27-33.

Марахонова С.И.
О МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ВОРОБЬЁВЕ

Михаил Васильевич Воробьёв остался у меня в памяти как чудесный человек, один из самых симпатичных мне. Он обладал всеми теми качествами, которые я больше всего ценю в людях: честностью, порядочностью, сочувствием к ближним. Он был добр и справедлив, принципиален и равнодушен. Не будучи специалистом в области его научных интересов, не стану говорить о его работах по японо-, корее- и маньчжуроведению. Это за меня сделают его коллеги и ученики. Мои воспоминания о Михаиле Васильевиче сосредоточены на его личности.

Я познакомилась с М.В. Воробьевым в 1983 г., когда заканчивала аспирантуру в ЛО ИВ АН СССР, и проработала с ним вместе в Отделе Древнего Востока вплоть до его смерти в октябре 1995 г. Отдел тогда был довольно большим и составлял человек 25. Он был разделён на два сектора – исторический и филологический. М.В. Воробьёв был доктором наук, сотрудником сектора истории. Помещение сектора находилось на первом этаже и имело два окна, выходящих во внутренний двор. Поэтому там обычно царил полумрак, подсвеченный старинными настольными лампами чёрного цвета на каждом рабочем столе. Когда я впервые в жизни ещё студенткой открыла туда дверь, атмосфера этого кабинета просто потрясла меня своей таинственностью, тишиной и какой-то возвышенностью – вот так творилась наука. Третий стол справа занимал Михаил Васильевич Воробьёв.

Для меня Михаил Васильевич был совестью нашего отдела, человеком, который никогда ничего не боялся. Не боялся и заступаться за других, когда это было нужно – редкое качество во все времена. В верхнем ящике его стола, помимо учёных записей, всегда лежал Трудовой кодекс РСФСР. И когда в кабинете бывало невыносимо жарко или невыносимо холодно, «производственный сектор» институтского профкома Воробьёв отправлялся к директору Ю.А. Петросяну с Трудовым кодексом наперевес спасти коллег. Коллеги бывали распу-

---

Марахонова Светлана Ивановна – научный сотрудник ИВР РАН, кандидат исторических наук; в 1980 г. окончила с отличием Восточный факультет ЛГУ по специальности «Египтология»; в этом же году поступила в аспирантуру ИВ АН СССР; в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию. Сейчас занимается исследованием истории востоковедения. *E-mail:* pet.1703@inbox.ru

щены по домам, иногда и на несколько дней. Это была не единственная производственная коллизия, которую успешно разрешал Михаил Васильевич. Он был остроумным и оптимистичным, все заседания нашего профкома с его участием проходили плодотворно и весело.

Его отличало очень доброжелательное, отеческое отношение к молодым сотрудникам, что, в общем-то, не было характерно для института. Помню, как этот маститый учёный советовал мне научиться быть более независимой в суждениях, более уверенной, не бояться отстаивать свою точку зрения в своей научной сфере. Понимая трудности молодого человека, только входящего в незнакомый ему давно сложившийся коллектив, он много рассказывал о коллегах, помогая формированию конструктивных отношений с ними. А это немалая помощь. В начале 90-х, самых тяжёлых для страны и науки лет, когда многие уходили из науки на другое поприще, Михаил Васильевич объяснял, что это временно, что важно сберечь институт, пережить все испытания, находясь в рядах сотрудников. К сожалению, он ушёл, так и не дождавшись перемен к лучшему.

Во время обсуждения выполненных плановых работ сотрудников отдела Михаил Васильевич был всегда высоко профессионален, но больше мне запомнилось его уважительное и сочувственное отношение к отчитывающемуся, особенно если это был молодой сотрудник. Своими ободряющими высказываниями он умел внушить уверенность и желание двигаться к научным высотам. Сам же выступал с очень интересными докладами. Любил это делать, с удовольствием ездил на научные конференции в Москву.

Конечно, отношения между сотрудниками не всегда бывали гладкими. По разным причинам. Но тут Михаил Васильевич использовал свои качества умелого дипломата, и конфликт бывал быстро исчерпан. В отношениях научных сотрудников и администрации он всегда придерживался линии «коллективной обороны», т.е. безусловной поддержки коллегами друг друга.

М.В. Воробьёв был участником войны, но наши поздравления с 23 февраля и 9 мая всегда принимал с присущим ему скромным достоинством. Я никогда не слышала, чтобы он рассказывал о фронте, о боях и потерях. Очень скупой он делился воспоминаниями о блокадном Ленинграде, где провёл первые, самые страшные блокадные годы. Запомнился его рассказ о том, как зимой 1941/1942 гг. он переходил по льду замёрзшую Неву, чтобы быстрее добраться из дома на заня-

тия на филологическом факультете университета. Вскоре университет был эвакуирован в Саратов, а летом 1943 года М.В. Воробьёв был призван в армию. Я не знаю, где служил рядовой Воробьёв, где и как был тяжело ранен. Известно, что в январе-феврале 1945 года он находился под Ленинградом в составе 47-го запасного артиллерийского полка. Был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Скромность ли, или какие-то другие обстоятельства, к сожалению, помешали ему оставить воспоминания, как сделали другие сотрудники института – ветераны войны. Эти материалы были использованы при подготовке стенной газеты ЛО ИВ АН СССР в мае 1975 г., посвященной 30-летию победы над Германией. Они сохранились и позднее были опубликованы, жаль только, что там нет слов самого М.В. Воробьёва.

Михаил Васильевич был по-старомодному галантен и внимателен к дамам. Каждый год перед праздником 8 марта каждая из сотрудниц отдела неизменно находила на своем рабочем столе шоколадку и цветок, а подчас и открытку с посвященным ей четверостишием. Похоже, эти маленькие подарки доставляли самому нашему коллеге не меньше удовольствия, чем нам. В летнее время по четвергам, который был нашим с ним общим «присутственным» днём, мы с Михаилом Васильевичем иногда уходили из института на Марсово поле погреться на солнце – толстые стены старинного дворцового здания не пропускали солнце и тепло вовнутрь, и даже в жару там бывало холодно. Во время этих прогулок Михаил Васильевич рассказывал мне о своей жизни, о встречах с людьми, о научной и ненаучной жизни в институте. Обладая большим чувством юмора, он и к себе относился с некоторой иронией и вспоминал порой забавные истории. Например, о том, что из-за высокого роста при очень деликатном телосложении он с самого детства так и не научился плавать и шёл топориком на дно. О том, как на даче в Ольгино, которую они с женой снимали лет 30, соседи-молодожены, проводившие там свой медовый месяц, подкинули ему котенка, чтобы тот им не мешал. Зато он так мешал Михаилу Васильевичу, что вызвал у него негативное отношение ко всем кошкам на свете, хотя в институте был культ этих хвостатых, живших в дворцовом подвале. Летом Михаил Васильевич постоянно жил в Ольгино и оттуда ездил на работу на электричке. Его высокая фигура в белом летнем хлопчатобумажном костюме и летней шляпе – класси-

ческий образ довоенного дачника, коренного петербургского интеллигента – так и стоит у меня перед глазами.

Михаил Васильевич жил в центре города в старом доме где-то на Мойке и на работу в институт на Дворцовой набережной всегда ходил пешком. Он часто сокрушался, что в этих дореволюционных квартирах такие высокие потолки, что замена штор требовала героических усилий и наличия у хозяина строительных козел. По-видимому, в этом доме Воробьёв жил всю жизнь. Михаил Васильевич отнюдь не был «учёным сухарём» и затворником и вёл вполне светский образ жизни. Он любил кино и театр, нередко ходил в гости. Не знаю, много ли было у него друзей, но несомненно, что люди его любили. В те годы в институте кипела бурная общественная жизнь: субботники по уборке кабинетов и рабочих мест; стенная газета, выходившая несколько раз в год; и наконец, коллективные праздники и юбилеи. Новый год, 23 февраля, 8 марта, 9 мая всегда отмечали все вместе в Зелёном зале. Устраивали беспроигрышные лотереи, выступления, кое-кто приходил в маскарадном костюме, приносили домашнее угощение. Михаил Васильевич любил эти весёлые посиделки, много шутил и смеялся.

Таким он и запомнился мне – разным: серьёзным учёным и остроумным собеседником, принципиальным и последовательным и одновременно добрым и сердечным человеком. Рядом с ним было тепло.

Климов В.Ю.
СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ¹

Первая встреча с Учителем осенью 1981 года в стенах Ленинградского отделения Института востоковедения оставила неизгладимый след, хотя прошло с тех пор почти четверть века. Передо мной предстал высокий, сухопарый человек в возрасте, с высоко поднятой головой, одетый в деловой, нейтрально-сдержанный костюм. В его присутствии я заметно оробел и чувствовал себя неловко. Разговор сразу же принял сдержанно-деловой характер. Вопросы задавались по существу, на некоторые было трудно ответить. Это был своего рода экзамен. На сообразительность, на знание истории Японии и стран Дальнего Востока, на человеческую порядочность. Нельзя было уйти от ответа на прямо поставленный вопрос. Чувствовалось, что Михаил Васильевич к встрече подготовился и вопросы обдумал заранее. Я старался отвечать таким же образом: прямо и искренне. Не пытался выглядеть лучше, чем был на самом деле. Это, как позже понял, видимо, произвело на Учителя благоприятное впечатление. Он предложил в продолжение разговора написать в течение недели реферат по предлагаемой теме диссертации. В конце концов, после трёх встреч и обстоятельного общения, Михаил Васильевич рекомендовал меня к поступлению в аспирантуру и дал согласие на руководство моей работой.

Климов Вадим Юрьевич (19.03.1949 года рождения) в 1976 году закончил отделение истории Японии кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета ЛГУ. В 1986 году закончил аспирантуру Института востоковедения и был зачислен в штат этого института в качестве научного сотрудника. В 1987 году был привлечён к преподавательской работе на кафедру истории стран Дальнего Востока восточного факультета СПбГУ. Основное направление научных занятий – история японского средневековья: сёгунат Асикага, буддийская школа Дзёдо синсю, наставления военных домов, учение Рэннё. По этим проблемам им опубликовано несколько десятков работ. Периодически читает лекции в японских университетах. См. статью В.Ю. Климова «Меновая торговля и денежное обращение в древней и раннесредневековой Японии VII–X вв.» в данном сборнике.

¹ Впервые опубликовано в: Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – С. 45-51. Воспоминания публикуются с небольшими изменениями и дополнениями.

В те времена поступить в аспирантуру было трудно, и было много претендентов, потому что, в отличие от настоящего времени, в случае успешной защиты диссертации открывалась дорога к интересной работе исследователя, стабильной, устойчивой жизни и уважаемой общественной работе. Поэтому Михаил Васильевич всегда очень ответственно и тщательно относился к отбору и рекомендации в аспирантуру.

На первых порах у меня сложилось о Михаиле Васильевиче мнение как о сдержанном, сухом человеке, порой даже желчном. Не сразу, но через года два-три я с удивлением обнаружил, что этот ошибочный, придуманный образ мало общего имеет с реальным человеком и учёным, что во многом я судил об Учителе поверхностно.

Поражала редко встречающаяся у людей черта не только слушать, но и слышать собеседника, понять его боль, помочь преодолеть жизненные невзгоды. Опыт сострадания, вероятно, был приобретён им в молодости. По всей видимости, Михаилу Васильевичу пришлось много испытать на своём веку. Он легко откликался на любое изменение в настроении окружающих его людей. Разговаривать с ним было одно удовольствие. Это была своего рода гимнастика ума. Ему была свойственна удивительная гибкость и даже парадоксальность суждений, энциклопедические знания и огромный жизненный опыт, что позволило ему с лёгкостью поддерживать разговор на любые темы. Его часто можно было видеть и в залах Филармонии, и в Мариинском театре, и в Большом драматическом, и на различных выставках, посвящённых не только искусству Японии.

Круг его интересов поражал. Он знал как европейские языки, так и языки стран Дальнего Востока. Пытаясь ему подражать, я начал учить французский и немецкий языки. На мои выпускные экзамены по французскому языку на кафедре иностранных языков при Академии наук был приглашён Михаил Васильевич как мой руководитель. Помнится, какое неизгладимое впечатление он произвёл на преподавателей французского языка, когда, заинтересовавшись принесённой мной научной литературой, стал с листа стилистически безукоризненно переводить с французского на русский. Михаил Васильевич, видимо, из-за ранения, полученного во время войны, плохо слышал, и поэтому всегда очень чётко и громко говорил. Из-за этого недуга он стеснялся говорить по-японски. К слову сказать, после Второй мировой войны студентам было трудно совершенствоваться в разговорном

языке из-за отсутствия возможности общаться с носителями языка. В этой связи некоторые японоведы среднего поколения высказывали сомнение по поводу его знания японского языка. Вскоре я смог убедиться в обратном. Однажды я просидел чуть ли не целый день над одной страницей средневекового текста, силясь понять его суть. Видя мои безуспешные попытки, Михаил Васильевич предложил свою помощь. Моему изумлению не было предела, когда Учитель с листа перевёл этот кусок текста. Оказывается, проблема была не только и не столько в грамматике старояпонского языка, но и в знании реалий того времени и терминологии. Он с необычайной лёгкостью ориентировался в старых текстах, письменных памятниках, справочной литературе и считал это необходимым условием становления грамотного японоведа. Начиная заниматься со мной, он требовал от меня исполнения простых на первый взгляд правил: верно составленного списка литературы, правильно заполненных карточек, ежедневного просмотра журналов на разных языках по специальности, умелого использования справочной литературы. И жёстко это контролировал.

Порой мне казалось, что это ненужная педантичность, граничащая с занудством. Но как теперь я благодарен Учителю. Всё, что было сделано по его рекомендации, пригодились в работе много раз. Михаил Васильевич добивался от меня такого исполнения работы, чтобы не приходилось выполнять её дважды. Мне запомнилась его фраза, которую он любил повторять: «Профессор отличается от студента, прежде всего тем, что знает, где находится нужная литература, письменные памятники, и с чего начать работу». Может быть, я привёл высказывание Учителя не дословно, но суть, думаю, передал. Ещё мне часто приходилось слышать на первых порах критическое замечание, что я по своей лености и небрежности что-то упустил или недоделал: «Настоящий профессионал не делает одну и ту же работу дважды». Надо сказать, что Михаил Васильевич очень уважал мнение других людей и никогда не позволял себе повышать тон в общении со мной или другими молодыми сотрудниками Института. Более того, он всегда находил теплые слова, чтобы поддержать, ободрить аспирантов. Позже, М.В. Воробьёв, видимо, основываясь на опыте руководства мною и другими молодыми в то время научными сотрудниками и осознавая важность привития навыков научно-исследовательской работы начинающим специалистам, опубликовывает в 1990 году статью. Её можно рекомендовать прочесть всем студентам перед на-

писанием курсовых работ.¹ В ней он систематизирует многолетний опыт исследователя и даёт необходимые рекомендации, «чтобы не превратиться в работника “для внутреннего употребления”», не повторять известного, не совершать досадных промахов».² Хочется повторить основной вывод Учителя, который он не раз повторял мне: «Можно смело сказать, что культура научной работы начинается с библиографических изысканий и по ней уже можно прогнозировать успех дела».³

Михаил Васильевич учил, как, опираясь на достижения и преимущества отечественного востоковедения, не имея реальной возможности посещать японские архивы, библиотеки и участвовать в работе научных конференций и семинаров, преодолеть все трудности и добиться высоких результатов в научных исследованиях.

Самому Михаилу Васильевичу ни разу не удалось побывать в Японии. Он никогда не говорил со мной на эту тему. Более того, у меня создалось впечатление, что он сознательно сторонился власть предержащих, не ходил на официальные приёмы в японское консульство или на какие-то официальные, ненаучные заседания. Он ни разу не попросил анкеты Японского фонда, чтобы попытаться выехать по этой линии в Японию на научную стажировку. Учитель ни разу не обратился, насколько мне известно, в администрацию Института востоковедения с просьбой направить его в командировку в страну, изучению которой он посвятил свою жизнь. Михаил Васильевич подчёркнуто занимался только научной работой.

Он совершенно спокойно относился к тому, что другие сотрудники, не столько заслуженные и не так долго проработавшие в Институте, выезжали в Японию. Я побывал в Японии до смерти Михаила Васильевича два раза, и на собственном опыте знаю, что это никак не отразилось на наших доверительных отношениях. По заданию Учителя я всегда собирал информацию по интересующей его теме, заполнял для него карточки. В 1995 г., когда я вернулся из Йогогамского университета, передать список литературы с карточками уже не удалось: Михаил Васильевич умер до моего возвращения.

---

¹ Воробьев М.В. Путеводитель по исторической библиографии Японии // Историко-графическое и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XII. – Л., 1990. – С. 33-53.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 45.

Вместе с тем это не означает, что у него отсутствовал интерес к общественной работе. На протяжении многих лет он неизменно возглавлял наиболее важное направление профкома Института востоковедения – производственный сектор. Учитель входил как представитель профкома в аттестационную комиссию, принимал участие в распределении премий по результатам года и рассмотрении спорных трудовых конфликтов. Он неизменно пользовался уважением коллектива за свою принципиальность, всегда стремился оказывать помощь и поддержку всем, кто в ней нуждался. На протяжении нескольких лет я был заместителем председателя профкома, и мне повезло, что и на общественной работе рядом со мной был Учитель.

Михаил Васильевич не любил афишировать то доброе, что делал другим людям. Приведу один пример, связанный лично со мной. Наконец, мне удалось завершить кандидатскую диссертацию, и наступило время обращаться к машинистке. Нужно было заплатить немалые деньги из аспирантской стипендии и случайных заработков. Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что Михаил Васильевич всё сам оплатил. Думаю, мало кто способен на такие благородные поступки. Причём это было сделано крайне деликатно. Никто об этом не знал. За внешней сухостью, кажущейся угрюмостью скрывался очень чуткий, душевный, отзывчивый и, по-видимому, ранимый человек.

Он не ждал, когда его позовут оказать помощь. Когда Михаил Васильевич после одного из обсуждений моей работы, почувствовал, что мне трудно восстановить душевное равновесие, позвал отметить Масленицу к себе домой. Он жил рядом с центральным почтамтом в небольшой коммунальной квартире. Кстати, будучи одним из ведущих специалистов Института, занимая ответственные выборные должности в профкоме, он не пытался конвертировать это в отдельную квартиру. В домашней обстановке я увидел другого, раскрепощённого человека, чтящего традиции не только дальневосточных стран, но и русские. Квартира многое могла сказать о хозяине: бросалась в глаза прекрасная библиотека, которая собиралась, вероятно, не один год, сама обстановка говорила о тонком художественном вкусе. Приятная беседа, вкусные блины с водочкой отогрели душу. После этой встречи у меня открылось как будто второе дыхание, хотелось работать, работать и работать...

Мне с детства везло. Везло на Учителей. И Михаил Васильевич был для меня не просто руководителем диссертации, он стал для

меня наставником, который учил не только профессии, но и человеческим качествам, с которыми, может быть, трудно жить, но легко общаться с коллегами.

Вот уже более двадцати шести лет¹, как нет Михаила Васильевича с нами. Но когда тяжело, я мысленно продолжаю с ним разговор. Нет, такие люди не умирают – они остаются в наших душах и сердцах. Они просто уходят...

---

¹ [Количество лет указано на данный момент. – *Прим. ред.*].

Суровень Д.А.
**МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОРОБЬЁВ –
ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК И ВЕЛИКИЙ УЧЁНЫЙ**

Прошло уже сто лет со Дня рождения знаменитого учёного, японоведа, корееведа и маньчжуроведа – Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). И хотя мы не имеем теперь возможности вживую общаться с ним, но он всегда рядом с нами – в своих научных трудах, в воспоминаниях людей, в наших сердцах. Много тёплых слов сказано о Михаиле Васильевиче. Однако есть большое желание рассказать, каким великим человеком и великим учёным он был.

Моим первым знакомством с Михаилом Васильевичем было знакомство его с трудами. Когда я поступил на первый курс исторического факультета Уральского государственного университета, первым моим делом было отправиться в библиотечный каталог и выписать данные об изданиях по древней и раннесредневековой Японии, затем получить эти труды на научном абонементе. Однако в книгах по истории Японии в целом – разделы о древней и раннесредневековой Японии были краткими и малоинформативными.

Намного интересней и содержательней были работы Николая Иосифовича Конрада, основоположника советской школы японоведения и китаеведения. Но когда из книгохранилища принесли монографию Михаила Васильевича Воробьёва «Япония в III–VII веках»¹ – она произвела на меня неизгладимое впечатление. Древняя история Японии излагалась настолько подробно и в таких тонкостях, чего не было ни в одной другой книге. Я законспектировал эту книгу полностью. И в будущем работы Михаила Васильевича составили теоретическую базу моих исследований по истории древней Японии. С этого времени статьи и монографии Михаила Васильевича стали объектом моего

Суровень Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21). В 1992-1996 годах был соискателем СПбФ ИВ РАН; под научным руководством Михаила Васильевича Воробьёва написал кандидатскую диссертацию «Становление ранней государственности в Японии» (374 с.) (защита в апреле 1997 г.). *E-mail: Yamato.ur@mail.ru*

¹ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках: этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Наука, 1980. – 344 с.

пристального научного интереса.

Труды Михаила Васильевича Воробьева внесли огромный вклад в исследование первобытной, древней и раннесредневековой Японии. Они позволили решить некоторые важные проблемы древнего общества и государства в целом, и древнеяпонского общества и государства в частности.

Так, например, ещё в начале 70-х годов XX века Николай Иосифович Конрад указывал: «История показывает, что отнюдь не рабство является определяющим признаком рабовладельческой формации», а «характеризуется... общественным строем», «всем комплексом социально-экономических отношений в их взаимосвязи».¹ В 1980 году эту точку зрения поддержал Михаил Васильевич Воробьев: «Удельный вес какой-то группы населения в производстве сам по себе не определяет формацию».² Эти идеи Михаил Васильевич повторил и в 1994 году (в личной беседе при чтении моей диссертации): «Я склоняюсь к мысли, что наличие рабов и их количество, занятость их в производстве не является определяющим признаком рабовладельческой формации». По сути дела, идеи Н.И. Конрада и М.В. Воробьева предвосхитили выводы российских учёных, к которым они пришли в 80-е годы XX века: формационная принадлежность общества определяется не численностью того или иного эксплуатируемого класса³, а социально-экономическим характером и социально-правовой структурой общества в целом. В древности рабы не составляли большую часть трудящейся массы.⁴ К тому же рабы были в феодальный и ран-

---

¹ Конрад Н.И. О рабовладельческой формации // Запад и Восток. – М.: Наука, 1972. С. 29; Конрад Н.И. О рабовладельческой формации // Избранные труды: История. – М.: Наука, 1974. – С. 201; см.: Воробьев М.В. Рабство в Японии в VIII–XI веках // Рабство в странах Востока в средние века. – М.: Наука, 1986. – С. 157.

² Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 278.

³ История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1983. – С. 12; История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1989. – С. 12. Г.Ф. Ильин указывает на «невозможность и несостоятельность попыток определить классовый характер древнего общества только на основе установления численной доли рабов в населении. Сама система оценок должна быть иной». – Ильин Г.Ф. Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // Вестник древней истории. – 1983. – № 3. – С. 24.

⁴ См.: История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1983. С. 11; История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1989. С. 11; Васильев Л.С. История Востока. – М.: Высш. шк., 1993. – Т. I. – С. 221; Шилюк Н.Ф. История древнего мира... 1991. С. 38-43; Ильин Г.Ф. Указ. соч. С. 24: «Надуманым является и условие, соглас-

небуржуазный периоды (причём в большем количестве, чем в древности).¹

Михаил Васильевич внёс вклад в разработку концепции так называемого «варварского государства». Проблема «варварского государства» возникла из-за того, что новые факты, добытые наукой во второй половине XX века, перестали укладываться в традиционные представления о древнем и «варварском» обществах.² Так, например, в отношении японцев, корейцев, кочевых народностей Центральной Азии, славян и германцев указывалось, что «первые стадии классового общества народов, вступивших на “нерабовладельческий путь”, разительно похожи на раннерабовладельческое общество... Рождающееся из первобытного строя новое общество, даже если оно шагает сразу к более высокой ступени, проходит предварительно рабовладельческую стадию, но лишь в её самых ранних проявлениях».³ А.Я. Гуревич, исследуя раннесредневековое общество, пришёл к выводу, что «...периодизацию истории ... народов, переходивших в ране[м] средневековье от доклассового строя к феодальному... нельзя строить таким образом, что вслед за общинно-родовым строем непосредственно идёт феодальный или раннефеодальный (как первая форма феодализма), ибо тогда мы не избежим крайней схематизации, натяжек и насилия над конкретным материалом, которые неминуемо

но которому рабы должны составлять большинство работников в решающей для данного общества отрасли хозяйства. История не подтверждает закономерности такого условия ни для древности, ни для других эпох»; «...рабовладение... не было и никогда не стало основой частнособственнической экономики и соответствующей формы ведения хозяйства. Раб везде и всегда был весьма дорогостоящим и достаточно нерентабельным производителем. Гораздо чаще он был важным элементом престижа его хозяина» (*Васильев Л.С.* Указ. соч. Т. I. С. 221); «... рабовладельческое производство... имевшее более низкую продуктивность, чем свободное производство, далеко не всегда оказывалось экономически более выгодным. Поэтому ни одно древнее общество не дошло и не могло прийти до полного вытеснения свободного труда рабским» (*Дьяконов И.М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // *Вестник древней истории.* – 1963. – № 1. – С. 17).

¹ См.: История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1989. С. 11.

² Там же. С. 5, 6, 8; см. также: *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. – М.: Наука, 1977. – С. 12; *Качакова Н.Б.* Размышления по поводу раннего государства // Ранние формы политической организации. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 153-164; *Белков П.Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Там же. С. 165-187; *Полов В.А.* Политогенетическая контроверза, парapolитейность и феномен вторичной государственности // Там же. С. 188-204.

³ *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. С. 272-273.

приведут нас к искажённому представлению об исторической действительности. Очевидно, социальная структура в период, о котором сейчас идёт речь, была особой – **не родоплеменной** (даже на последней её стадии) и **не раннефеодальной** (даже на начальном её этапе) ... А.И. Неусыхин квалифицирует такую форму общества, которое перестало быть уже первобытнообщинным, но не стало ещё раннефеодальным, как “дофеодальное общество” ... Этот период уже не характеризуется первобытнообщинными отношениями (это общество, как считает А.И. Неусыхин, “общинное без первобытности”), однако ещё не может быть отнесён к раннефеодальной стадии.¹ В связи с этим, А.Я. Гуревич пишет: «Полностью разделяя мнение А.И. Неусыхина о неправомерности отнесения (этого общества – С.Д.) ни к первобытнообщинной стадии, ни к раннефеодальной, мы хотели бы подчеркнуть, что интересующая нас социальная система не обязательно имела переходный характер. Не следует ли её рассматривать как самостоятельную, самодовлеющую форму...? Перед нами – самобытное варварское общество, обладающее рядом устойчивых конститутивных признаков. Мы найдём его не [только] в одной Европе периода раннего средневековья, но и в архаических обществах древности, и в обществах “восточного” типа, и в тех “этнографических” культурах, которые кое-где сохранились вплоть до самого недавнего времени. Этому обществу – мы называем его “варварским” совершенно условно – в гораздо большей мере присущи стабильность и даже застойность, нежели изменчивость и развитие».²

Из российских историков единственным исследователем, кто глубоко и всесторонне исследовал периоды Яматай и Ямато, и занимался проблемой «варварских государств» в истории древней Японии – является Михаил Васильевич Воробьёв. Эти проблемы были поставлены и изучены им ещё в 1980 году. Общий вывод учёного о периоде Яматай III века следующий. «Политическая форма владения *Ва* определяется как союз племён на стадии перехода в **варварское государство**».³ «*Вадзин*... создали серию **варварских государств**».⁴ О периоде Ямато (IV – середины VII веков) Михаил Васильевич вы-

---

¹ Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. – М.: Наука, 1967. – С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Воробьёв М.В. Япония в III–VII веков. С. 91.

⁴ Там же. С. 90.

сказывается ещё более определенно. «Переход от первобытнообщинного строя к феодальному произошёл в Ямато **не сразу, не непосредственно, а через стадию**, включающую *неразвитое рабовладение...*».¹ «Образования *такого* типа известны во многих частях света. У восточных славян непосредственными предшественниками древнерусского государства стали племенные княжества... В Западной Европе такие образования известны под именем **варварских королевств...**».² И далее Михаил Васильевич даёт характеристику и перечисляет признаки **варварских государств**, определяя их *типологию*.³

Всё это способствовало формированию нового взгляда на проблему «варварских государств». Накопившиеся к концу 70-х годов XX века проблемы возникновения государственности и ранних форм государства периода древности и раннего средневековья (в том числе «варварского государства») получили своё разрешение.⁴ В результате после 1980 года взгляды на «варварское государство» существенно изменились. Сначала осторожно, а потом более уверенно были сделаны следующие выводы. «Государства, возникшие на территориях, где никогда не существовало древнего рабовладельческого общества (Скандинавия, Киевская Русь, Япония и многие другие), или на территориях, хотя и входивших в свое время в рабовладельческие государства, но обезлюдевших, первоначально слагались как **раннерабовладельческие**, в них существовала сильная прослойка свободных общинников и весьма значительный рабовладельческий уклад...».⁵ «Варварскими называют такие государства, которые сохранили классовое деление **рабовладельческого общества**, но основная часть господствующего класса в которых сложилась из верхушки племенной (“варварской”) знати, т.е. по происхождению раннеклассовой или даже доклассовой»⁶ (в современном понимании структуры рабовладельческого общества с тремя классами и тремя сословиями).⁷ В этих об-

---

¹ Воробьев М.В. Япония в III–VII веков. С. 275.

² Там же.

³ Там же. С. 275-278.

⁴ См.: История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1982. С. 5; История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1989. С. 8-10.

⁵ История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1982. С. 12-13; История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1989. С. 12.

⁶ История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ, 1989. С. 359.

⁷ История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. – М.: Наука, 1982. – С. 37-38; История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. – М.: Наука, 1989. – С. 42-43; см. также:

щетеоретических выводах российской науки по проблеме «варварских государств» есть вклад и Михаила Васильевича Воробьёва.

Михаил Васильевич был также признанным специалистом по истории древней Кореи и средневековой Маньчжурии. Михаила Васильевича как учёного знали за рубежом. Не случайно доктор исторических наук, заслуженный профессор японоведения Даремского университета (Дарем, *Англия*), профессор и научный сотрудник Департамента искусств и археологии, и научно-исследовательского центра Японии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета (Лондон, *Англия*) – Джина Ли Барнс выразила согласие принять участие в данном сборнике, посвящённом 100-летию со дня рождения нашего выдающегося японоведа.

В начале 90-х годов судьба приготовила мне большой сюрприз. Когда летом 1991 года я приехал в Ленинград и пришёл в Ленинградское отделение Института востоковедения, чтобы оформить соискательство, заведующий Сектором Дальнего Востока – Владислав Никанорович Горегляд, задумавшись, сказал: «Древняя Япония... древней Японией у нас занимается Михаил Васильевич Воробьёв. Он работает в Секторе Древнего Востока. Это на первом этаже». Для меня такой поворот событий был неожиданностью, так как я полагал, что М.В. Воробьёв – московский учёный.

Мы спустились вниз и прошли в кабинет, где располагался Сектор Древнего Востока. К счастью, Михаил Васильевич был на месте. Высокий, сухощавый мужчина. Тот самый М.В. Воробьёв! Поинтересовавшись, откуда я и какой ВУЗ заканчивал, Михаил Васильевич предложил (в связи с тем, что было время обеда) пойти в буфет и там обсудить мой вопрос о соискательстве.

Когда мы стояли в очереди в буфете, Михаил Васильевич поинтересовался (видно было, что ему не впервой было выслушивать просьбы о научном руководстве): «Какой концепции возникновения государства в древней Японии вы придерживаетесь? Эгами Намио или Исимода Сё?», – спросил он, выбирая блюда в меню. – «Игоря Михайловича Дьяконова», – ответил я. Это вызвало живейший инте-

---

Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй: основные этапы и локальные варианты // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М.: Наука, 1968. – С. 146; *Шулюк Н.Ф.* История древнего мира: древний Восток, 1991. С. 34-43; *Васильев Л.С.* История Востока. – М.: Высш. шк., 1993. – Т. I. – С. 217, 221; История первобытного общества. Т. III: Эпоха классовообразования. – М.: Наука, 1988. – С. 225.

рес с его стороны: «Игоря Михайловича, из нашего института? Но он же занимается Древним Востоком? Очень интересно. У вас есть с собой какие-нибудь работы по древней Японии?».

На следующий день я принёс в Институт Востоковедения привезённую с собой 160-страничную дипломную работу. Михаил Васильевич, взяв мой дипломный проект, сказал: «Пойдёмте в одно место, где нам никто не помешает». И мы пошли извилистыми коридорами института. Это оказалось место для курения. Усевшись, Михаил Васильевич внимательно просмотрел текст и, закрыв рукопись, сказал: «Я беру руководство вашим соискательством». Так началось наше интересное и очень плодотворное сотрудничество (1991-1995 гг.).

Михаил Васильевич не относился к категории формальных наставников. Он был очень внимательным, заботливым научным руководителем, заинтересованным в успехах своих учеников. Мне, в силу совмещения преподавания с научной работой, получалось тогда бывать уже в Петербурге два-три раза в год (обычно, сроком на две недели). И, так получалось, что зимой я приезжал уже после зимней сессии. Но Михаил Васильевич всегда докладывал на заседаниях Сектора Дальнего Востока о результатах проделанной мной за прошедший год работы по подготовке диссертации.

Михаил Васильевич обязательно интересовался, где я остановился, есть ли какие-нибудь проблемы. Как-то раз он договорился, чтобы летом (в июле, это было уже время отпусков) мне предоставили место в аспирантском общежитии (в чём нам помогла Ирина Фёдоровна Попова, тогда заведующая аспирантурой СПбФ ИВ РАН). Когда я приехал к Михаилу Васильевичу на дачу для обсуждения текста диссертации, он спросил – предоставили ли мне общежитие, и, указав на лежащий неподалёку свёрнутый спальный мешок, сказал: «А то я, на всякий случай, взял с собой – мало ли что. Вдруг бы ничего не получилось».

Михаил Васильевич был идеальным научным руководителем. Он никогда не навязывал свою точку зрения, всегда внимательно выслушивал аргументы, и, если они были убедительными – соглашался с таким мнением, даже если оно расходилось с общепринятыми представлениями по данному вопросу. Обсуждать проблемы истории древней Японии с Михаилом Васильевичем было очень интересно. Он являлся единственным крупным специалистом в России по вопросам древнеяпонской истории и культуры, обладал огромным объёмом зна-

ний, которым всегда делился со своими учениками.

Под руководством Михаила Васильевича мной была написана кандидатская диссертация (374 с.), а также фактически заложена основа для докторской диссертации (3-я глава, 250 страниц в черновом варианте, которая из-за большого объёма диссертации уже не вошла в окончательный вариант диссертационного исследования). Материалы 3-й главы стали базой для нескольких моих монографий.

В силу того, что моё основное место работы находится в Екатеринбурге, мы с Михаилом Васильевичем состояли в переписке. По почте я сообщал ему о своих делах и проблемах. Михаил Васильевич всегда обстоятельно отвечал. Так было на протяжении нескольких лет.

Поздней осенью 1995 года я отправил очередное письмо в Петербург. Однако в этот раз пришёл ответ, конверт которого был подписан не размашистым почерком Михаила Васильевича, а аккуратным женским почерком его супруги – Галины Александровны Соколовой (с которой я имел удовольствие быть знакомым лично). Сердце защемило в предчувствии недоброго. «Михаил Васильевич умер...», – сообщала Галина Александровна. Беда... Я ощутил себя осиротевшим...

Однако сейчас мы собрались здесь не по поводу этой скорбной даты. Сейчас мы отмечаем радостное событие – 100 лет со Дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва. 21 апреля 1922 года родился человек, которому суждено было, пройдя тяжёлые испытания, стать великим человеком и великим учёным. На протяжении многих лет он передавал свой опыт и знания нам – его коллегам, товарищам и ученикам. Благодаря его помощи и поддержке многие из нас смогли приблизиться к тайнам исторической науки.

В добрую память о Михаиле Васильевиче Воробьёве мы создали этот юбилейный сборник, посвящённый различным вопросам японоведения, корееведения и китаеведения.

Статьи расположены в хронологическом порядке.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Воробьев М.В.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЯПОНИИ ДО СЕРЕДИНЫ VII ВЕКА¹

В данной статье анализируется система государственного хозяйства древней Японии начиная с периода Яматай (I–III века) и в период Ямато (IV – середина VII вв.). Указывается, что в Японии до середины VII века уже существовала государственность. Автор обращает внимание на неточность древнеяпонской хронологии до V века, а, в связи с этим, на необходимость исправления традиционных дат. Однако подчёркивается, что сведения корейских и китайских источников, археологические и историко-архитектурные обследования, подтвердили достоверность событий, описанных в двух японских сочинениях («Нихонги» и «Кодзики»). Поэтому материалы японских источников, с учётом ревизии хронологии и при использовании научной критики, можно использовать для характеристики процессов развития древнеяпонского государства и общественного производства.

Анализ источников показывает, что во II–III веках в общинах–государствах периода Яматай существовало значительное количество рабов и пленников. При этом рабский труд мало применялся в общественном производстве. О существовании государственного хозяйства может говорить существование упоминаемых в китайских династийных историях государевых амбаров. Государство женщины–правительницы через особых должностных лиц контролировало рынки и сделки в союзных владениях.

Гораздо более подробные сведения о государственном хозяйстве относятся к периоду Ямато, особенно ко времени V – середины VII веков (государевы округа, государевы амбары и государевы владения, работники государственного хозяйства из неполноправных свободных). В статье дан подробный анализ сведений источников, касающихся государственного хозяйства и общественного производства в период Ямато.

Ключевые слова: древняя Япония; Яматай; Ямато; государственное хозяйство; государственный сектор экономики; *миякэ*; *миагата*; неполноправные свободные; *бэ*; *бэмин*; *минасиро*; *микосиро*.

В общетеоретическом плане проблему государства, общества и экономики ориентировал ещё Ф. Энгельс: «Во-первых, всякая полити-

---

¹ Впервые опубликовано в сб.: Государство и социальные структуры на древнем Востоке. Сборник статей – М.: Наука, ГРВЛ, 1989. – С. 132-154.

ческая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции и возрастает по мере того, как члены общества вследствие разложения первобытных общин превращаются в частных производителей и, следовательно, ещё более увеличивается отчуждённость между ними и носителями общих, общественных функций. Во-вторых, после того как политическая власть стала самостоятельной по отношению к обществу... она может действовать в двояком направлении. Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор экономическому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития».¹ В Японии к середине VII века государственная власть уже миновала первую фазу и перешла во вторую, поэтому сформулированная в заглавии проблема тесно связана с общетеоретическим высказыванием Ф. Энгельса. Представляет несомненный интерес раскрытие реального отношения между государством и общественным производством (экономикой) в Японии в древности и на пороге средневековья.

Поскольку основной материал для статьи дают два памятника письменности – «Нихонги» («Летопись Японии») и «Кодзики» («Записи о делах древности») – необходимо сказать о том, что первый памятник оформлен в 720 г., второй – в 712 г. по разным материалам, большинство которых не дошло до нас. Первые главы «Нихонги» и почти все главы «Кодзики» носят мифологическо-легендарный характер. При оформлении памятников использовали не только китайскую иероглифику, но и китайскую терминологию. Датировка одних и тех же событий в этих памятниках, в корейских и китайских источниках начинает совпадать частично с начала V века, а более или менее постоянно – с первой четверти VI века.² Археологические и историко-

---

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1961. – Т. 20. – С. 188.

² [Ряд исследователей истории древней Японии, в том числе и сам Михаил Васильевич Воробьев, признавая ошибочность (по причине удревшённости) древнеяпонской хронологии, занимался вопросами её реконструкции и предлагал свои варианты датировок. Ещё в конце XIX века, на основе сопоставления материалов древнеяпонской истории с данными корейских источников, было выяснено, что события второй половины IV – начала V веков были удревшены на 120 лет (на два 60-летних цикла) (см.: Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. – М.: Наука, 1980. – С. 22-28). Основание династии

и государства Ямато учёные сейчас датируют рубежом III–IV веков (см.: *Арутюнов С.А.* Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 10; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 108, 65; *Светлов Г.Е.* Путь богов: синто в истории Японии. – М.: Мысль, 1985. – С. 15; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. Нара: история, религия, культура. – М.: Искусство, 1994. – С. 36; Дзимму-тōсэй-ва синдзицу ка! 神武東征は真実か! // URL: <http://www.geocities.jp/niginiginomiko/jinnmutousei.htm> (дата обращения: 28.05.2020). Археологи установили, что шесть древнейших курганных захоронений начального периода Ямато, находящихся у подножия горы Мива (района зарождения государства Ямато), построены между 250 и 350 годами (The Cambridge history of Japan: Ancient Japan. Vol. I: Ancient Japan. – Cambridge–New York: Cambridge University Press, 1993. – P. 116-117; см.: *Мацумото Сэйтё* 松本 清張. Сэйтё-цуси 清張通史. – Токио 東京: Кōданся 講談社, 1977. – Т. II. – С. 39; в том числе и по результатам археологических исследований: см.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 108-109; *Barnes Gina L.* Paddy field archaeology in Nara, Japan // Journal of field archaeology. – 1986, winter. – Vol. 13. – No. 4. – P. 371-379; *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2001. – xxi, 261 p.; *Ермакова Л.М.* «Нихон-сёки» – культурный полицентризм и выбор культуры // Нихон-сёки: Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 39; Кодзики: Записи о деяниях древности, свитки 2-й и 3-й / Пер. А.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Шар, 1994. – Т. II. – С. 102; *Hudson Mark J.* Rice, bronze, and chieftains – an archaeology of Yayoi ritual // Japanese journal of religious studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 155; *Иофан Н.А.* Культура древней Японии (до VIII века н.э.). – М.: Наука, 1974. – С. 31, 36-37; The Cambridge history of Japan. Vol. I. P. 102; *Ито Ёсуаки* 伊東 義彰. Дзимму-га кита мити 神武が来た道. – Хигаси-ōсака 東大阪: Фурута сигаку-но кай 古田史学の会, 2005. – С. 6; Фурута Такэхико 古田 武彦. Дзимму-каё-ва ики-каэтта 神武歌謡は生き返った // URL: www.furutasigaku.jp/furuta/jimmuj.html (дата обращения: 28.05.2020); *Metevelis Peter* [рец на]: Hiraizumi Kiyoshi 平泉澄. The Story of Japan. Vol. 1: History from the Founding of the Nation to the Height of Fujiwara Prosperity / Trans. by Sey Nishimura and committee. – Ise City, Japan: Seisei Kikaku, 1997. – viii + 219 + xi pages. // Asian folklore studies. – 1998. – Vol. 57/2. – P. 364; 93; Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсё”) 日本古典文学全集. Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. – С. 145; *Исии Ёсими* 石井 好. Дзёдай тимэй дэмпа-ни кан-суру сүти дзиккэн: Тōсэн-сэцу-но сэйтōсэй 上代地名伝播に関する数値実験: 東遷説の正当性 // Кэнкю киё 研究紀要 (Тōкё торичу кōкү кōгё кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). – 2000. – № 37. – С. 27, 28, 30, 31, 37; *Исии Ёсими* 石井 好. Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкю 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究 // Кэнкю киё 研究紀要 (Тōкё торичу кōкү кōгё кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). – 1999. – № 36. – С. 52, 53, 54; *Kanzaki Ivan Hisao.* San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. – Annapolis: United States Naval Academy, 2002. – P. 3; *Кудзира Киёси* 鯨

архитектурные обследования, однако, подтвердили достоверность ряда других событий в двух японских сочинениях, не упомянутых в иноземных источниках. Раскопан дворец Икаруга, о котором сообщается, что он был возведен в 601 г., а сгорел в 643 г. [Nihongi¹, XXII, 6, 17], отождествлены развалины с храмом Ситэннбдзи², отстроенным в 587 или 593 г. [Nihongi XXI, 9; XXII, 2], подтверждены некоторые другие факты (устройство водохранилищ, землемерные работы, создание оросительных каналов и пр.). Так, на острове Кодзима в префектуре Окаяма археологи обнаружили следы четырёх царских владений (*микэ*), о которых в «Нихонги» рассказывается под 556 годом.³

Раннее японское государство находилось в сложных и не всегда ясных отношениях с общественным производством. Прямое и непосредственное участие государства в общественном хозяйстве в широком смысле слова осуществлялось, прежде всего, через царское хозяйство, являвшееся частью всего общественного производства. Поэтому рассмотрение проблемы целесообразно начать именно с царского хозяйства.

Почти полное отсутствие хозяйственной документации делает разработку темы применительно к племенному союзу Ематай⁴ (яп. Яматай) во II–III вв. малоперспективной. По китайской летописи «Вэй

清. Нихон-коку тандзё-но надзо 日本国誕生の謎. – Токио 東京: Нихон бунгэйся 日本文芸社, 1978. – С. 201-202; Деоник Д.В., Крюков М.В. Древнеяпонские государства // История древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 398; Нихон-но кэнгоку 日本建国. – Токио 東京: Тёкё-дайгаку сюппанкай-кан 東京大学出版會刊, 1957. – С. 44; Уэда Масааки 上田 正明, Мори Кёити 森 浩一, Ямада Мунэмуцу 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Тикума сёбб 筑摩書房, 1980. – С. 140). Подробнее о древнеяпонской хронологии см.: Суровень Д.А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 136-220. – Прим. ред.]

¹ Цит. по: Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Translated from original Chinese and Japanese by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part I–II. – 407 p., 444 p.

² [四天王寺 (してんのうじ)]. В настоящее время название этого храма на русском языке принято произносить как Ситэннбдзи. – Прим. ред.]

³ Hall John Whitney. Government and local power in Japan 500 to 1700. A Study Based on Bizen Province. – Princeton: Princeton Univ. press, 1966. – P. 47.

⁴ [Так этот союз территориальных общин назван в китайских источниках. Термин «племенной союз» – старый термин исторической науки, который применялся до тех пор, пока исследователями не была разработана теория ранней формы государства. – Прим. ред.]

чжи», в распоряжении правительницы Химико находилось немало рабов: тысяча рабынь прислуживала ей при жизни, сотня закопана в кургане¹, десятки [пленников]² посылала она в дар за рубеж. Эти рабы,

---

¹ [До сих пор захоронение Химико не найдено, поэтому археологически подтвердить сведения китайского источника пока невозможно.

К.А. Попов указывает, что этот обычай созахоронения возник в глубокой древности, видимо, из верований в потусторонний мир, куда приносимые в жертву слуги и наложницы должны были сопровождать умершего, и где должны служить ему (Древние фудоки. – М.: Наука, 1969. С. 186, прим. 19). М.В. Воробьев и Г.А. Соколова считали, что обычай созахоронения с господином пришёл с материка (*Воробьев М.В., Соколова Г.А. Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. – М.: Наука, 1976. – С. 15*). М.В. Воробьев добавляет: «обычай погребения вместе с умершим его челяди, появившийся в Китае и Корее, не имел в Японии широкого распространения и быстро исчез ... система погребения вслед за умершим приняла в Японии особые формы: чаще всего вместе с покойником “добровольно” погребался только его родич. Но и этот обычай вызвал сильное сопротивление, которое и привело к его отмене» (*Воробьев М.В. Древняя Япония: историко-археологический очерк. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – С. 89*). Находятся этому и некоторые археологические свидетельства. Например, Н. Мурно сообщает сведения об известных в его время случаях, когда главный курган (*misasagi*) сопровождается рядом небольших могил (*Munro N.G. Prehistoric Japan. – Yokohama: Фукуин инсацу гёси кайся 福音印刷合資會社, 1911. – Р. 328*). Такикава Сэйдзирё приводит пример такого погребения, обнаруженного в провинции Ямато, уезде Такаси, с богатым захоронением знатного человека в задней – круглой части кургана – и созахоронением человека низкого статуса (раба, по мнению этого автора) с простым погребальным инвентарем в передней – квадратной части кургана типа *дзэмпо-кёэн-фун* (*Такикава Сэйдзирё 瀧川 清次郎. Нихон-сякай-си 日本社会史. – Токио 東京: Сбёнся 創元社, 1956. – С. 32*). Исследователи обращают внимание на то, что у основания передней квадратной части кургана Андён-яма (захоронение государя Судзина [прижизненное имя Мимаки], правившего в 324-331 гг. [испр. хрон.]) находится два кургана меньшего размера – один квадратно-круглый, другой – маленькая могильная насыпь круглой формы. Учёные полагают, что это созахоронения подданных, покончивших с собой вслед за смертью своего господина – государя Мимаки. Можно предположить, что, самое позднее, в III веке н.э., обычай захоронения слуг с господином, всё-таки, был заимствован из Китая и Кореи в ранних государствах северного Кюсю (периода позднего *яёй*), по крайней мере, при погребении правителей. Но в центральной Японии уже в первой половине IV века этот обычай вызвал неприятие, что привело к отмене массовых захоронений и замене на более «скромные» формы (созахоронения одного или нескольких человек) (см.: *Суровень Д.А. Некоторые похоронные обряды раннего Ямато и возникновение погребальной пластики ханива // Древние культуры, обряды, ритуалы: памятники и практики. – Зимовники: ЗКМ, 2015. – Вып. 1. – С. 229-245*). Следует обратить внимание на то что в указе императора Кётоку от 22-го дня 3-й луны 646 года, цитируемом в «Нихон-сёки» – перечислены старые погребальные обычаи, которые существовали на всём протяжении периода Ямато (IV – середина VII вв.): «к о н ч а т ь

очевидно, были изъяты не только из общественного распоряжения, но и из общественного производства³, поэтому вопрос о них для темы статьи мало полезен, если не считать напрашивающегося предположения: возможно, только в указанных функциях рабы ускользали из общественного производства, но они могли иметь и иные функции – производственные. Тот же источник в неясной фразе вроде бы говорит о наличии в Ематай и с союзных владениях рынков (и, может быть, амбаров) и о контроле над рынками и сделками со стороны особых должностных лиц правительницы. В наименовании этих лиц (*ники*) во владении Иду⁴ видят искаженное „*инаги*”, понимаемое как „царские амбары”.⁵ С известной осторожностью можно допустить существование контроля правителей владений на севере Кюсю во II–III вв. над

свою жизнь при помощи удушения в качестве соблюдения траура; кончать жизнь других с помощью удушения; умертвлять лошадь умершего; класть сокровища в могилу умершего; обрезать волосы и протыкать ляжки; возглашать плачи...» (Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. II. С. 156). В анонимной книге, цитируемой в «Нихон-сёки», перечислены вещи, которые клали в таких случаях в могилу в качестве погребального инвентаря: золото, серебро, парча, узорчатый шёлк, пятицветные ткани (Там же). – *Прим. ред.*].

² [Речь идёт о пленниках (кит. *шэнь-кёу*, яп. *сэйкё*), посылаемых в качестве дара в Китай. См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 86–87; *Young John.* The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography 720–1945. – Baltimore: The Johns Hopkins press, 1958. – P. 157; *Суровень Д.А.* Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкё* в I–III веках // *Право. Законодательство. Личность.* – 2012. – № 1 (14). – С. 14–22. – *Прим. ред.*].

³ *Исимода Сё* 石母田 正. Кодайси гайсэцу 古代史概説 (Краткий очерк древней истории) // Иванами кодза Нихон рэкиси 岩波講座 日本歴史 (История Японии в сборниках [издательства] Иванами). – Токио: Иванами сёгэн 岩波書店, 1962. – Т. 1. – С. 13.

⁴ [Речь идёт о владении Иду-го (яп. Ито-куни), в котором главное должностное называлось по-китайски *эр-чжэй* (яп. *ники* / *ниги*). – См.: перевод «Вэй чжи» С.В. Лаптева в данном сборнике; также см.: Вэй чжи / Пер. С.В. Лаптева // *Вестник древней истории.* – 2010. – № 4. – С. 233; см. также: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // *Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов* / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. – Вып. 6-й. – С. 231, 236; *Суровень Д.А.* Сказание о “сошествии” Ниги-хаяхи-но микото как источник о миграции группы населения с острова Кюсю в Центральную Японию в середине III в. н.э. // *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение.* – 2020. – № 2 (18). – С. 44. – *Прим. ред.*].

⁵ *Japan in the Chinese dynastic histories Later Han through Ming dynasties* / Transl. by Ryusaku Tsunoda. – South Pasadena: P.D. and I. Perkins, 1951. – P. 17.

делками и рынками, а может быть, даже появление царских амбаров, т.е. собственно царского хозяйства.¹ Перечень подарков, отсылаемых за рубеж, однотипность бронзовых изделий (зеркал, наконечников копий, мечей), погребальных урн, керамики типа *яёй*, обнаруженных археологами – всё это говорит в пользу какого-то регулирующего начала.²

Царское хозяйство, о котором мы имеем более или менее систематизированное представление, связано с иной территорией Японского архипелага – с островом Хонсю (точнее, с его центральной и юго-западной частью), включая и Северный Кюсю, с другим политиче-

---

¹ [「…有^レ邸閣。」] «Имеют продовольственные склады (кит. *дй-гэ*)» [Саньго чжи, Вэй чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 3-4] (Саньго-чжи 三國志 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзюань чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 547). Судя по использованным в «Вэй-чжи» иероглифам, речь идёт о специальных государственных складах (邸閣 кит. *дй-гэ* – 1) продовольственные склады, провиантские магазины... – Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. II. – С. 791 (далее: БКРС); см.: *Маэдзавэ Тэрумаса* 前澤輝政. Яёй функюбо то кофун-но сюсюу 弥生墳丘墓と古墳の創出 // Нихон рэкиси 日本歴史. – 1990. – № 501. – С. 66; *Иноуэ Каору* 井上 薫. Яматай-коку мондай то кэнкю-но гэндзэ 邪馬台国問題と研究の現状 // Нихон рэкиси 日本歴史. – 1969. – № 248. – С. 156) при резиденциях правителей общин (владений) (邸 кит. *дй* – *суц.* 1) столичная резиденция (подворье) вассального князя; хоромы, палаты (*знати*); ...3) *уст.* хозяйственная постройка, кладовая... 6) князь, правитель. – БКРС. Т. II. С. 791). Правитель каждого владения собирал налоги (租賦 кит. *цзү-фү*) – подать; налог; обложение; где *租* кит. *цзү* – 1) налог (особ. *земельный*); подать... [БКРС. Т. II. С. 272]; *賦* кит. *фү* – 1) поземельный налог; налоги; обложения; подати... (*напр.* местности); продукция [БКРС. Т. IV. С. 206-207]), хранил их в амбарах (кит. *дй-гэ*) и взимал торговый налог, поручая чиновнику *да-во* (大倭 досл. “великий (т.е. знатный) человек [из народа] *во* [японцев]”) надзирать за рынками (*Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. – М.: Наука, 1980. – С. 97). Естественно, при государственных складах должны были быть должностные лица. Поэтому М.В. Воробьев, основываясь на китайских источниках, осмысливал “*дигэ*” (яп. *тэйкоку*) как «хранителей амбаров» (*Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 97). См.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – Вып. 6-й. – С. 183-184, 242-243. – *Прим. ред.*].

² *Уэда Масааки* 上田 正昭. Нихон кодай кокка сэйрицу-си-но кэнкю 日本古代国家成立史の研究 (История создания древнего государства Японии). – Токио 東京: Аоки сётэн 青木書店, 1959. – С. 151.

ским образованием – с режимом Ямато и с более поздним временем – реально с V до середины VII вв. В общем виде оно состояло из царских округов (*миагата*), из царских амбаров (в расширенном смысле – из владений вообще, т.е. из *миякэ*), из потомственных (*микосиро*) и из именных кормильцев (*минасиро*), из царских корпораций земледельцев (*та-бэ*), из корпораций ремесленников, местных (*томо-бэ*) или переселившихся с материка (*сина-бэ*). Префикс „*ми*” указывает на царскую принадлежность той или иной категории более широкого назначения, например, *насиро* и пр. Не все части единого целого появились и развивались одновременно, имели одинаковый вес в этом целом на протяжении веков, да и само целое всё время видоизменялось.

Древнейший вид владения правителя-царя – царский округ (*миагата*). Он как будто выделялся царю при вступлении в должность вождями крупных кланов и отбирался после его смерти или смещения.¹ Замечательная его особенность – временный характер и целевое назначение: снабжать царя рисом. Известны названия шести таких округов, просуществовавших до реформ Тайка в 646 г.: Такэти, Кударакки, Гōти, Сики, Яма-но бэ, Сопу.² Однако сведения о них, в том числе и приведённые выше, носят предположительный характер. Царские округа являлись частью общей древней системы округов (*агата*) и провинций³ (*куни*).

Следующим шагом в развитии царского хозяйства стали царские владения (*миякэ*). От царских округов они отличались значительно более сложной структурой. По точному значению термина „*миякэ*” – это царское строение, в данном случае для хранения зерна, т.е. амбар. Происхождение этого зерна могло быть разным: оно поступало либо с царских полей (*мита*), в том числе и из упомянутых выше царских округов, либо от вождей кланов и царских должностных лиц в виде даней-налогов. Первый вариант, по-видимому, сделался ведущим, и произошло то, что понятие царского поля и царского амбара стало единым, а сам термин „*миякэ*” стал определять новое понятие –

---

¹ *Okubo Toshitake*. Die Entwicklungsgeschichte der Territorialverfassung und Selbstverwaltung Japans in politischer und insbesondere wirtschaftlicher Beziehung. – Halle: E. Karas, 1894. – S. 15.

² *Хондзё Эйдзиро*. Социальная история Японии / Пер. с яп. Н.И. Фельдман. – М.: Изд. Ин-та Нариманова, 1927. – С. 21.

³ [Областей или владений, т.к. провинции были образованы во второй половине VII века. – *Прим. ред.*].

„царское владение”. В классической форме царское владение включало царские поля, царские амбары и землепашцев, обрабатывавших эти поля (*та-бэ*). Возможно, с этими владениями связаны ремесленники, содержавшиеся за счёт урожая с полей, в обработке которых они также могли принимать участие (*томо-бэ, сина-бэ*), воины, расквартированные вокруг таких владений. В источниках термин „*миякэ*” не всегда чётко различается как амбар и как владение, но в целом по частоте применения, бесспорно, понятие „царское владение” перекрывает первичное значение „царский амбар” и даже другое, вполне самостоятельное – „царское поле”. Разумеется, в источниках нередко значения „амбар”, „поле” выступают на первый план. Это царский амбар в деревне Кумэ (3 г. до н.э.?)¹, амбары царя Кэндзё, созданные в 485-487 гг. в уезде Минаги провинции Харима, по названиям которых одна из деревень получила название Миякэ, а другая – Микурао (букв. „царская кладовая”).² Показателен также эпизод со ссылкой пяти управляющих провинциями при Нинтоку в провинцию Харима, где они должны были пахать царские поля, урожай с которых складывали в царские же амбары Сиката и Кавараку.³ Известны конфликты, связанные с такими царскими полями в 310-312 гг. (?)⁴ и в 534 г., о которых речь пойдёт дальше.

Хронология важнейших событий, связанных с появлением царских владений, по «Нихонги», неутешительна. Первое царское владение датируется в этом источнике 3 г. до н.э. (?)⁵. Как и почти все важные для династии события, настоящее отнесено, хотя бы в его истоках, к седой древности. Поэтому уже на заре японоведения европейские исследователи остерегались соглашаться с такими датировками: они их просто упоминали.⁶ Царский амбар, по «Нихонги»,

---

¹ [Около 334 года (испр. хрон.). О хронологии данного периода см.: *Суровень Д.А.* Проблемы царствования в Ямато правителя Икумэ (Суйнина) // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – С. 193-217; *Суровень Д.А.* Обстоятельства вступления на трон государя Отараси-хико в древнем Ямато // *Мир Востока и Мир Запада: проблемы и перспективы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции*, 25 апреля 2018 г. – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2018. – С. 442-446; *Суровень Д.А.* О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Одзина) // *Genesis: исторические исследования*. – 2015. – № 6. – С. 152-154. – *Прим. ред.*].

² *Древние фудоки*. – М.: Наука, 1969. – С. 108.

³ *Древние фудоки*, 1969. С. 79.

⁴ [В 415-417 гг. (испр. хрон.) в царствование непризнанного государя Удзи. – *Прим. ред.*]

⁵ [Около 334 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁶ *Florenz K.* Die historischen Quellen der Shinto-Religion aus dem altjapanischen und chi-

был построен в этом году в деревне Кумэ. Деревня с таким названием существует и поныне в префектуре Нара. В 127 г. (?)¹ царь Кэйкō распорядился, чтобы «каждая провинция (область – прим. ред.) создала царские амбары и земледельческие корпорации»² [Nihongi VII, 37]. Число провинций для этого времени неизвестно, и сомнителен сам факт их существования. «Кодзики» частично подтверждают это сообщение, относя его к Ямато [Kojiki³, 78-7], топоним приложим как к стране в целом, так и к конкретной провинции. В первые годы правления Нинтоку, в 310-312 гг. (?)⁴, «Нихонги» фиксирует конфликт при образовании очередного царского владения. Характер конфликта свидетельствует, что создание таких владений не стало ещё повседневным делом, но именно с этого времени упоминания в «Нихонги» о царских владениях становятся частыми, тогда как до этого такие упоминания единичны и разорваны во времени. Это позволяет отодвинуть дату появления царских владений к IV веку. Хотя владения были ликвидированы в ходе реформ Тайка (646 г.), но отдельные царские поля были сохранены.

Истоки возникновения, как и механизм образования царских владений, отличались сложностью. Если возникновение царских округов источники как-то связывают с коллективной волей кланов, то инициатива (и право) создания царских владений целиком переданы правящему царю. Такие владения создавались на целине, на обрабатываемых клановых землях, на конфискованных или получаемых „в дар” угодьях. Так, в 310-312 гг. (?)⁵ вызвали земледельческие корпорации (*та-бэ*) из области Цукуси (на севере острова Кюсю) для подъёма царской целины на холме (!) Са в уезде, Иибо в провинции Харима ([Nihongi, XI, 3]⁶). В 534 году царь Анкан указом выделил участок земли владения, доход с которого должен был пойти на сооружение „Перечного дворца”, посвященного царице. Однако землю решено было выделить не из существовавших уже царских владений, а

---

nesischen übersetzt und erklärt. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1919. – S. 181.

¹ [Около 341 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

² Nihongi. Part I. P. 214.

³ Цит. по: Kojiki / Translated with an Introduction and Notes by D.L. Philippi. – Tokyo: Tokyo University Press, 1969. – 655 p.

⁴ [В 415-417 гг. (испр. хрон.) в царствование непризнанного государя Удзи. – Прим. ред.]

⁵ [В 415-417 гг. (испр. хрон.) в царствование непризнанного государя Удзи. – Прим. ред.]

⁶ Ср.: Древние фудоки, 1969. С. 85.

из других. Посланный царя обратился к местному должностному лицу в провинции Кавати, к Адзихари-атаэ, с предложением „пожертвовать” царю „жирное поле Кидзи”. Неясно, кому оно реально принадлежало, но Адзихари отговорился тем, что поле трудноорошаемо и малоурожайно [Nihongi, XVIII, 3]. Лишь почти через полгода сумели отыскать хорошее рисовое поле площадью около 40 *тэ* (ок. 40 *га*), которое владыка округа Ихибо согласился уступить царю. По этому поводу Анкан через своего приближенного передал: «Из всей земли нет и клочка, который не был бы царским пожалованием; под Небом нет местности, которая не была бы царской»¹ [Nihongi, XVIII, 4-5] – и счёл Адзихари недостойным его поста. В этом эпизоде отражена как претензия царя считаться верховным собственником всей земли² – в соответствии с китайской государственной доктриной, так и реальная ситуация, при которой местные вожди кланов, даже облечённые царскими распорядительными функциями, на земельный вопрос смотрели по-своему.

Высказанную выше претензию Анкан подкрепил в следующем, 535 г., объявив о создании 26 новых царских владений в 13 областях и провинциях (*куни*, согласно «Нихонги»): в Цукуси – 2 владения, в Тоё – 5, в Хи – 1, в Харима – 2, в Киби – 5, в Ата – 2, в Ава – 1, в Ки – 2, в Танива – 1, в Оми – 1, в Овари – 2, в Камицукэнэ – 1, в Суруга – 1 владение, неизвестно на целине или на распаханых землях [Nihongi, XVIII, 3]. Были выбраны провинции от острова Кюсю до Восточного Хонсю, в которых власть царя казалась наиболее прочной. Это вселяло надежду на благоприятное завершение предприятия, поскольку эпизод, происшедший в предыдущем году давал основание сомневаться в этом. По крайней мере, в части вновь образованных царских владений работали несвободные из корпораций; такие владения получили названия по корпорациям: Касуга-бэ, Коси-бэ, Итоси-бэ, Кава-бэ [Nihongi, XVIII, 8]. По «Харима фудоки», местный деятель Осивакэ избежал наказания, „подарив” царю Ёдзину (трад. 270-310 гг. ?³) 20 тыс. *сиро* рисовых полей (что-то около 200 *га*?).⁴

¹ Nihongi. Part II. P. 29.

² [Речь идёт о провозглашении публичной (юрисдикционной) власти над землями страны. – Прим. ред.].

³ [390 – кон. 414 / нач. 415 гг. (испр. хрон.). О хронологии данного периода см.: Сурувель Д.А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Ёдзина). С. 79-103. – Прим. ред.].

⁴ Древние фудоки, 1969. С. 76.

Хотя источники упорно настаивают на том, что только царь создавал *миякэ* и распоряжался ими, некоторые такие *миякэ* как будто находились в ведении членов царского клана, например Ямато-*такэру*, даже клановой знати, в частности у Мура-авасэ при Ритю (трад. 400-405 гг. ?¹). После гибели царя Анкō его приближенный Тубура выдал свою дочь за будущего царя, дав в приданое пять *миякэ* неизвестного происхождения [Kojiki, 125-13]. В 528 году некий Кудзу, сын мятежника Иваи, откупился от наказания, уступив царю *миякэ* Касуя [Nihongi, XVII, 21]. Такие случаи часто встречаются в «Нихонги», но нигде не раскрывается, каким образом *миякэ* попали в распоряжение лиц нецарского клана. Возможно, имело место присвоение как следствие поручения управлять *миякэ* или в результате размещения *миякэ* в зоне влияния главы клана. Некоторый свет на эту загадку бросает конфликт, возникший в первые годы правления Нинтоку, в 310-312 гг. (?).²

Член дома правителя стал претендовать на управление „царскими полями Ямато” (Ямато-но *мита*) на том основании, что некогда они числились за горной опекой („лесничеством”). После расследования, как утверждает «Нихонги», выяснилось, что ещё при Суйнине (трад. 29 г. до н.э. ? – 70 г. н.э. ?³) существовал указ, закреплявший „царские поля Ямато” за правящим царём и только за ним, но не за членом его дома, даже не за сыном царя [Nihongi, XI, 3]. В этом конфликте важны несколько обстоятельств. Первое, спорное поле названо „Ямато-но *мита*” – приведённый выше перевод отчасти передаёт оттенок оригинала: не просто царская, т.е. коронная, земля (*мита*), но земля государства (Ямато), якобы прежде находившаяся в ведении какого-то „лесничества” – в этом отношении земля напоминает царский округ. Сомнение в принадлежности земли и послужило основанием для

---

¹ [426 / 427 – 432 гг. (испр. хрон.). – См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 26; Попов К.А. Законодательные акты средневековой Японии. – М.: Наука, 1984. – С. 102; Кодзика: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 225, прим. 65. О хронологии данного периода см.: Суровень Д.А. Реконструкция хронологии первой половины V века (царствований государей Нинтоку – Ингё). Ч. 1: Хронология второй четверти V века // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 22-46; Суровень Д.А. Япония в конце IV – V веках. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – Т. I. – С. 39, 40; Т. II. – С. 137-156. – Прим. ред.]

² [В 415-417 гг. (испр. хрон.) в царствование непризнанного государя Удзи. – Прим. ред.]

³ [332-337 гг. (испр. хрон.). О хронологии данного периода см.: Суровень Д.А. Проблемы царствования в Ямато правителя Икумэ (Суйнина) // Античная древность и средние века. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. – С. 193-217. – Прим. ред.]

претензий члена царского дома. Второе, якобы ещё в далёком прошлом такие земли были закреплены за царём. Третье, на деле даже спустя столетия¹ новое отношение к этим землям ещё не закрепились и его приходилось отстаивать. Отношение к этим землям как к личному временному владению на определённых условиях, по-видимому, ещё не было целиком вытеснено принципом частной потомственной собственности царя.

Существенное значение приобретает вопрос о распространении царских владений во времени и в пространстве. Летописные сведения сообщают о создании царских владений „во всех провинциях” и под 127 г. (?)², и под 607 г. [Nihongi, VII, 37; XXII, 18], но это всего лишь декларация. Нет даже приблизительных данных об общем числе этих владений. В разгар реформ Тайка, в 646 г., член царствующего дома демонстративно вернул государству 524 человека зависимых (ири-бэ) и 181 царское владение [Nihongi, XXV, 28]. Последняя цифра (а она единственная), как считают, даёт некоторое представление о возможном числе таких владений в царском доме³, но с перечнем известных по литературе владений эта цифра никак не согласуется.

Царские владения, судя по «Нихонги» и «Кодзики», появились уже в IV в., первоначально на плодородной и хорошо орошаемой равнине Кавати. В первой половине V века во многих пунктах Внутренних провинций (Кинай) – ядра образования Ямато (провинции Ямасиро, Ямато, Кавати, Сэццу, Идзуми) – существовали эти владения. Они широко распространились по стране в VI в. Во второй половине VI в. они концентрировались в Западной Японии, а в первой половине VII в. – в Восточной Японии.⁴ При картографировании той полсотни царских владений, которые удаётся привязать к конкретной территории, выясняется, что царские владения зафиксированы в пяти северных и центральных провинциях острова Кюсю, в восточной провинции острова Сикоку – в Ава, в западных провинциях острова Хонсю, расположенных по побережью Внутреннего Японского моря, кроме крайней

---

¹ [Фактически, десятилетия. – Прим. ред.]

² [Около 341 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

³ Asakawa Kan'ichi. The Early Institutional Life of Japan. A Study of Reform of A.D. 615. – New York: Paragon book, 1963. – P. 78.

⁴ Харасима Рэйдзи 原島 礼二. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй 日本古代王権の形成 (Становление императорской власти в японской древности). – Токио 東京: Адзэкура сёбб 校倉書房, 1977. – С. 21.

юго-западной оконечности острова, в центрально-восточной части острова Хонсю – в Кинай и к востоку от него, наконец, в ряде провинций Восточной Японии.¹

Зональное распространение царских владений, охарактеризованное выше, подтверждается археологическими обследованиями. В Центральной Японии зона обнаружения железных криц в курганах этой эпохи ограничена провинциями Ямато, Кавати, Идзуми (с центром в Кинай) и Оми. Эти железные крицы по форме очень похожи на корейские, обнаруженные в Кёнджу и в Тэгу в Корее, и, вероятно, корейского происхождения. В двойном кургане Уванабэ из могильника Сакитатэнами в префектуре Нара (провинция Ямато)² обнаружено много таких криц. Курган, несомненно, принадлежал представителю царского дома или, по крайней мере, высшей знати среднего периода курганной культуры, и может быть датирован V веком.³ Кроме очерченного района в то время существовали и другие районы добычи железа и изготовления железных орудий – равнины современных Осака, Окаяма, Северного Кюсю.⁴ Но к этим районам, очевидно, не относилась историческая область Киби (провинции Бидзэн, Биттю, Мимасака), одно время претендовавшая на первенство в стране.

Поскольку появление и распространение царских владений в Ямато совпадало с наступлением раннего железного века в стране (по принятой в Японии терминологии, курганной культуры), предпочтительное использование в царском хозяйстве железных земледельчес-

---

¹ Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. С. 166, карта.

² [Имеется ввиду квадратно-круглый курган Уванабэ ウワナベ古墳 / 宇和奈邊古墳 (длина 270-280 м, 1-я пол. V в. н.э.) из курганной группы Саки татэнами кофун-гун 佐紀盾列古墳群 (иначе, Саки кофун-гун 2-я пол. IV в. – 1-я пол. V в.). Управление императорского двора Японии считает курган Уванабэ захоронением Ята-но химэ 八田皇女, супруги 16-го «императора» Нинтоку (правил в 418-425 / 427 гг. н.э. [испр. хрон.]). Об Ята-но химэ см.: Суровень Д.А. Брачные связи государя Ō-садзакэ (Нинтоку) и внутривластительская борьба в Ямато в конце 10-х – первой половине 20-х годов V века // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Вып. 12. – 2012. – № 12 (266). – С. 87-102. Курганная группа Саки татэнами кофун-гун, где предположительно находилась «полития Сахо 左保» (с центром в местности Саки), одно из первых протогосударственных образований на равнине Нара, упоминается в статье Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике. – Прим. ред.].

³ Исимода Сё. Кодайси гайсэцу. С. 19.

⁴ Исимода Сё. Кодайси гайсэцу. С. 21.

ких орудий могло оказать существенное стимулирующее действие на развитие такого хозяйства. Это предположение имеет дополнительное обоснование. В «Нихонги» под 534 годом употребляется термин „мотыжники” (*кувайёборо*), в более широком смысле слова – землепашцы. Этим людям направляли для обработки земли в царские владения [Nihongi, XVIII, 7]. Известное царское владение в Нанива (современный г. Осака) эксплуатировало таких землепашцев. Управляющий провинцией Кавати весной и осенью посылал по 500 „мотыжников” в царское владение Такао на остров Мисима в провинции Сэццу. Мотыги, давшие профессиональное название целой категории работников – орудия железные, найденные на археологических памятниках.

Другим важным археологическим свидетельством зонального размещения царских владений являются сами курганы. Обнаружение значительного скопления мелких курганов служит довольно надёжным признаком существования в таком районе царского владения и наоборот: в месте расположения царского владения обычно скопление мелких курганов. В известном царском владении в Сираи (провинция Бидзэн) насчитывается свыше 400 курганов, близ аналогичного владения в Кагосима – более 300.¹ Эти курганы принадлежали войнам, жившим в этих владениях, где они получали всё необходимое: пищу, провиант, оружие. В период, когда войска требовались на западе для освоения и обороны острова Кюсю, для обеспечения пути на континент, наконец, для участия в делах Корейского полуострова, происходила и преимущественная концентрация царских владений (и сопутствующих мелких курганов) на западе. Когда эти цели были достигнуты или утратили часть своего значения, концентрация владений и курганов стала характерной для Центральной Японии, откуда теперь велось освоение восточных территорий (Тōгоку).²

С начала VII века скопления мелких курганов постепенно исчезают, а железные земледельческие орудия входят в обиход рядовых земледельцев.³ Обитателей царских владений, а также, как увидим дальше, и привлечённое население всё чаще и чаще стали использовать для подъёма целины, ирригационных работ, поливного рисосеяния. В результате экономический вес царского клана возростал.

---

¹ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 21-22.

² [Эти восточные регионы известны как *Адзума-но куни* 東国 (あづまのくに). – Прим. ред.].

³ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 35-37.

Значительный интерес представляет размещение царских владений относительно системы округов (*агата*) и провинций (*куни*) и роль владык округов (*агата-нуси*) и управляющих провинциями (*куни-номияцүко*)¹, т. е. полунезависимых глав кланов и этих земель, в организации царских владений. Между царскими владениями и округами существовала тесная связь. Некоторые японские историки даже склонны отождествлять эти два явления, основываясь на топонимическом сходстве.² Но это явное преувеличение: даже территориально два образования не полностью совпадают. Современные исследователи говорят о 32 царских владениях, для которых источники сохранили названия округов при указании на уезд и провинцию (традиционные или позднейшие) их местонахождения; в ряде случаев в одном уезде оказалось несколько царских владений.³ 45 царских владений в источниках не увязаны с округами и провинциями – древнейшим административно-территориальным делением страны. На основании этих данных можно говорить о трёх зонах: 1) зона совмещения или сближения округов и царских владений: область Цукуси, провинции Овари, Кавати, Хиго; 2) зона, где отсутствует сближение округов и владений: провинции Исэ, Ямасиро, Бидзэн, Бинго, Окума, регионы Санъёдō и Санъиндō; 3) зона, где отсутствует какая-либо связь между царскими владениями и округами.⁴ Можно заметить, что влияние царского дома на полунезависимые (и получастновладельческие) округа и осуществлялось через царские же владения в той степени, которая выражена зонами совмещения.

При анализе данных о соотношении между царскими владениями и округами выясняется, что из 96 царских владений 33 владения располагались в пределах округов (34%). В девяти провинциях – Синано, Кага, Идзумо, Мино, Иё, Хидзэн, Сацума, Цусима, Ики – известны округа, но неизвестны царские владения. В 16-ти провинциях, из которых 11 располагались к востоку от Внутренних провинций, известны царские владения, но неизвестны округа.⁵ Напрашивается вывод, что в период возникновения округов образовался временной разрыв перед появлением царских владений. Округа группировались в

---

¹ [Управляющих областями. – Прим. ред.].

² См.: Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 145.

³ Там же. С. 145-146, табл. 6.

⁴ Там же. С. 148-149, карта 1.

⁵ Там же. С. 303-306.

основном в Западной Японии, царские владения – в Восточной. С середины V в. и до первой половины VI в. могущество царского клана росло в Западной Японии, где были округа (в том числе и в форме *миагата*). Со второй половины VI в. и до середины VII в. это могущество нашло себе опору в центрально-восточной части Японии. Провинции и особенно их управляющие тоже обнаруживают связь с царскими владениями. Сама система управляющих провинциями развивалась бок о бок с царскими владениями, а в Восточной Японии провинции, похоже, и создавались на базе этих владений: в настоящее время 118 царских владений надежно увязываются с 53 провинциями.¹

Классификацию царских владений проводят по разным признакам. В основном выделяют владения: а) хозяйственного; б) военно-политического; в) административного назначения.² Однако чаще владения отличались многоцелевым назначением: лишь немногие поддаются размежеванию по указанным признакам. При этом с V века хозяйственное назначение стало основным для большинства владений.

Есть и другая классификация, позволяющая более чётко различать эти владения: 1) владения, находившиеся под надзором владык округов и управляющих провинциями; 2) владения, над которыми царь осуществлял контроль через особых управляющих; 3) владения чисто политического характера, обширные территории, непосредственно подведомственные царю.³

Царские владения 1-го типа находились на землях, которые владыки округов или управляющие провинциями считали своими, клановыми, или, по крайней мере, подконтрольными, прежде всего, им. Контроль распространялся и на людей, занятых в этих владениях – на земледельцев или на корпорантов. Передавая какую-то долю доходов с владения царю, местные должностные лица (они же главы кланов) сохраняли в этих владениях структуру, наиболее им удобную.

Царские владения 2-го типа находились в ведении особой конторы царских владений (*миякэ-си*), которая направляла на места своих людей – управляющих владениями (*тоцугаи* или *дэнрё*, *токурё*). Эти последние комплектовали земледельческие корпорации, составляли подворные списки работников, прикрепленных к владению, вы-

---

¹ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 294-300.

² Исимода Сё. Кодайси гайсэцу. С. 20.

³ Кокка-но сэйсэй 国家の生成 (Создание государства). – Токио 東京: Асакура сётэн 朝倉書店, (1952) 1954. – С. 184-185.

деляли землю для обработки, давали задание („урок”), собирали дани и налоги в амбары всецело для царя и обеспечивали сохранность урожая и его распределение: для нужд двора, царского окружения и должностных лиц, для содержания воинов, на займы местному населению, для ликвидации нехватки зерна в других районах и т.п.¹ Такие владения хорошо представлены на территории исторической области Киби (провинции Бидзэн, Бинго, Биттю, Мимасака) – второй по значению после области Ямато и соперничавшей с последней. После мятежа Иваи – управляющего областью Цукуси на острове Кюсю – в 526-528 годах ре жим Ямато предпринял шаги по ликвидации сепаратизма в Киби. В 555 году в пять уездов (округов) Киби поехали царские уполномоченные, которые и заложили здесь новое царское владение Сираи [Nihongi, XIX, 48]. Владение обеспечивало связь резиденции царя в Ямато с Северным Кюсю, откуда поддерживались отношения с материком, и опеку над кланом Киби. На следующий год четыре царских владения появились неподалеку от Сираи, на острове Кодзима. По-видимому, на первых порах дела в Сираи пошли не гладко, прежде всего со снабжением владения рабочей силой. Поэтому в 569 году из центра сюда прибыл особый инспектор с помощником из корейских переселенцев. Они провели перепись дворов землепашцев, посадили их на землю и обложили налогом.²

Что касается царских владений 3-го типа, то в 200-201 гг. (?)³,

---

¹ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 22; ср.: Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. Untersuchungen zur Chronologie und Territorialverfassung von Alt Japan bis zum 5 Jh n. Chr. – Tokyo: Dt. Gesellschaft für Natur- u. Völkerkunde Ostasiens, 1930. – S. 283 и сл.

² Hall J.W. Government and local power in Japan 500 to 1700. P. 47, 52.

³ [346-347 годах (испр. хрон). Поход государыни Дзингү, датированный в японских источниках 200 годом, в корейских хрониках датирован 346 годом. О хронологии данного периода подробнее см.: Суровень Д.А. Япония в середине – второй половине IV века. – Екатеринбург: Альфапринт, 2020. – С. 5-20, 156-282; Суровень Д.А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Одзина) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1-226; Суровень Д.А. Корейский поход Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.-Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1998. – Вып. 5. – С. 160-167; Суровень Д.А. Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. – 2015. – № 1 (37). – С. 8-65; Суровень Д.А. Период регентства Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.-Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1998. – Вып. 6. – С. 174-180. – Прим. ред.]

по «Нихонги», государство Пэкче на Корейском полуострове получило в Ямато статус „заморского царского владения” (Вата[ри]-но *миякэ* [Nihongi, IX, 12]) – факт, подтверждаемый и «Кодзики» [Kojiki, 94-6]. В 591 году на совете по инициативе царя Судзюна было принято решение объявить царским владением заморскую территорию на юге Кореи – Мимана, или Имна [Nihongi, XXI, 15]. Отвлекаясь от вопроса о достоверности двух этих мероприятий, тем более от значения вассалитета, которое вкладывается в них в «Нихонги», нам сейчас важен чисто политический смысл мероприятий, привязывавших огромные территории к царскому клану на уровне царских владений и даже более прочно, чем многие земли в самой Японии. Неудивительно, что владения 3-го типа и терминологически – в чтении или в иероглифическом оформлении – обозначены в «Нихонги» несколько иначе по сравнению с обычными царскими владениями. Так, в случае с Пэкче упомянутое выражение читается японскими комментаторами «Нихонги» как „ути-[цу] *миякэ*” и может быть понято как „внутреннее (в смысле особое) царское владение”. Совершенно очевидно, что это понятие (если оно не миф) имело на Корейском полуострове сложную смысловую нагрузку, но без какого-либо хозяйственного оттенка.¹

Вопрос о доходах с царских владений непрост. Эти владения не напоминали имения, весь урожай и доход с которых целиком принадлежали владельцу. Поэтому способ изъятия доходов с царских владений связан с проблемой налогообложения в стране в целом. Источник возводит происхождение налогов и повинностей (как и всего существенно важного) к легендарной дате – к 86 г. до н.э.² «Полагаю нужным, – якобы заявил Судзин, – провести новую (!) регистрацию населения и ознакомить его с разрядами старшинства и с правилами отработок (*этати*)», а через полгода «начата перепись населения и поновому установлена дань (*мицуги*)». Она получила название дани „с

---

¹ Iyanaga Teizō 弥永 貞三 (いやなが ていぞう). “Miyake” • “miyake” kō 「彌移居」•「官家」考 (On the Two Types of Miyake) // Nagoya daigaku bungakubu kenkyū ronshū: Shigaku 名古屋大学文学部研究論集: 史学 (The Journal of the Faculty of Literature, Nagoya University: History). – Nagoya 名古屋, 1964. – No. 12 (Vol. 35). – P. 20 (in Japanese).

² [Около 327 года (испр. хрон.). О хронологии данного периода см.: Суровень Д.А. Проблема периода “восьми правителей” и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Вып. 2. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – № 13. – С. 89-113. – Прим. ред.].

лука” (с мужчин) и дани „с пальцев” (с женщин) [Nihongi, V, 15]. Несмотря на подтверждения этого сообщения другим источником [Kojiki, 68-6], вся ситуация мало вероятна. Однако упоминания отработок и даней встречаются и далее в «Нихонги». Значительно реже говорится о налоге с поля (*татикара*, *тикара*). Первая такая ссылка связана с сомнительной датой – 319 г.¹ [Nihongi, XI, 11], последующие – с V–VI вв. Однако ни слишком ранние даты появления отработки и дани, ни относительно поздние даты освоения налога с поля нельзя признать достоверными.² В 535 году царь Анкан назначил двух должностных лиц собирать земельный налог в царских владениях [Nihongi, XVIII, 9]. Уже говорилось, что во владении Сираи вводились регулярные налоги. Земельный налог собирали рисом и другими, зерновыми. Иногда он имел вид подношения, платы за аренду земли, прямого налога. В понятие другие продукты питания, которыми тоже вносили этот налог, входили дары моря, рек, лесов, гор, например из царского владения в Авадзи.³ Дани собирались изделиями сельского ремесла: тканями – из владения в Восточной Японии, продуктами промыслов: жемчугом – из Исими в провинции Кадзуса [Nihongi, XVIII, 2], железом – из Сираи, с острова Кодзима.⁴ Неизвестно, какая часть урожая изымалась у непосредственных производителей. Сомнительно утверждение, что царь довольствовался 3% налогом со своих владений.⁵

Царские округа, амбары, поля, владения были мало полезны без людей, которые одни оживляли, приводили в действие всю структуру. Это не скрывают и летописи: в приведенной выше цитате одно из наиболее ранних (трад. 127 г. ?⁶) мероприятий по созданию царского владения уже связано с организацией земледельческих корпораций [Ni-

---

¹ [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

² *Танаами Хироси* 田名網宏. Дэнсо-сэй-но сэйрицу 田租制の成立 (Образование системы земельных налогов) // Нихон рэкиси 日本歴史 (История Японии). – Токио 東京, 1970. – № 4 (263). – С. 1-15.

³ *Naoki Kōjirō* 直木 孝次郎. Kodai zeisei to miyake 古代税制と屯倉 (Tax System and “Miyake” in Ancient Japan) // Jimbun kenkyū 人文研究: 大阪市立大学大学院文学研究科紀要 (Studies in the Humanities. Bulletin of the Faculty of Literature, Osaka City University). – Osaka 大阪, 1968. – Vol. 20. – No. 9. – P. 11-12 (in Japanese).

⁴ *Naoki Kōjirō*. Kodai zeisei to miyake. С. 14-15.

⁵ *Aoki Michiko*. Ancient Myths and Early History of Japan. A Cultural Foundation. – New York: Exposition Press, 1974. – P. 62.

⁶ [Около 341 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

hongji, VII, 37]. Это полусвободные¹ земельные корпорации до середины VII века оставались основными постоянными объединениями работников, трудившихся на землях царского клана. Земельные корпорации из местного населения – в далеком прошлом членов распавшихся, побежденных кланов – либо принадлежали царскому клану до его возвеличения, либо формировались вновь за счёт подневольных в составе местных кланов, преступников, переселенцев. В 400 г. (?)² рыбаков за провинность превратили в земельных корпорантов в царском владении в провинции Ямато [Nihongi, XII, 6]. В 556 г. были созданы земельные корпорации из пэкчийцев и когурёсцев, прибывших с Корейского полуострова [Nihongi, XIX, 49]. К 569 г. относится регистрация подневольных тружеников в земельных корпорациях знаменитого царского владения в Сираи [Nihongi, XIX, 58]. Такие корпоранты не были связаны кровными узами с полноправными кланами, узами, столь ценными в родоплеменном и раннеклассовом обществах; их могли переселить в другое место, как это и сделали в 310-312 гг. (?)³ с обитателями области Цукуси, переселёнными в провинцию Харима. Но работали они, похоже, „с урока”, часть урожая оставляли себе на пропитание, а другую часть, по-видимому, твёрдую, вносили царским уполномоченным.

Развитие системы царских владений имело очень важное значение для укрепления царской власти и для её функционирования. Такие владения не только давали этой власти экономическую базу, служили средством политического нажима на местные кланы, обеспечивали снабжение царских дружин⁴, но и меняли само отношение к земле. Земли кланов считались в принципе общими, хотя и находились в эту пору в преимущественном распоряжении глав кланов. Царские земельные владения постепенно всё более выпадали из этой системы. Они оказывались под неким государственным контролем, на деле же

---

¹ [Более точно в современной научной литературе данная категория населения называется «неполноправные свободные». Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *бэмин* в IV – середине VII веков // *Право. Законодательство. Личность.* – 2012. – № 2 (15). – С. 18-29. – *Прим. ред.*].

² [426 (по «Нихон-сёки») / 427 г. (по «Кодзики») (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

³ [415-417 годах (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁴ *Mitsuhashi Tokio* 三橋 時雄. Taika-zendai-no nōgyō keiei 大化前代の農業経営 (Japanese farming prior to the Taika Reform) // *Kansai daigaku keizai ronshū* 関西大学経済論集 (The Economic Review of Kansai University). – Tokyo 東京, 1966. – Vol. 16. – No. 4/5. – P. 57, 58, 61, 63, 64 (in Japanese).

становились частными наследственными землями царского дома.¹ Уже в середине VI века царские владения имели идеологическое обоснование: они были увязаны с натурфилософией – с теорией пяти элементов², а на практике – с китайским принципом верховной собственности государя на землю [Nihongi XVIII, 4-5].³ На этих основаниях расширение власти царского клана стало зависеть не столько от величины самого клана, сколько от сети царских владений.⁴

Царское хозяйство не ограничивалось земельными владениями и людьми, непосредственно обслуживающими эти владения, и земледельческими корпорациями. Оно включало также категории населения, личная зависимость которых от царского дома выступала на первый план, меняясь от одной социальной группы к другой. Прежде всего, надо сказать о двух любопытных категориях подневольных⁵ в царском клане: о *минасиро* и *микосиро*. Современные этимологические японские словари раскрывают значение этих терминов примерно как „царские именные (или, соответственно, потомственные) *кормильцы*”. Это были корпорации, обязанные своим трудом доставлять всё необходимое для какого-либо члена царского клана (именные) или для бездетного царя (потомственные), дабы имена тех и других „не исчезли в веках”.

Как известно, забота о сохранении „навечно” имени рода относилась к числу важнейших в родоплеменных и раннеклассовых обществах. Поэтому не случайно к легендарному Суйнину (29 г. до н.э. – 70 г. н.э. ?⁶) отнесено первое по времени сообщение о том, что, поскольку его сын Итоси-вакэ-но *мико* не имел детей, учредили корпорацию Ито-бэ в качестве его потомственной [Kojiki, 69-20]. Первые упоминания о *минасиро* встречаются в источниках спустя примерно триста лет⁷, что не делает дату их появления более достоверной. При

---

¹ Hall J.W. Government and Local Power in Japan 500 to 1700. P. 47-48.

² Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 287.

³ Ср.: Florenz K. Die historischen Quellen der Shinto-Religion aus dem altjapanischen und chinesischen übersetzt und erklärt. S. 173.

⁴ Конрад Н.И. Избранные труды. История. – М.: Наука, 1974. – С. 369.

⁵ [Неполноправных свободных. – Прим. ред.].

⁶ [332-337 годы (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁷ [В традиционной хронологии. С учётом ревизии древнеяпонской хронологии, проведённой в конце XIX – XX веках японскими, западными и российскими исследователями, в том числе, и М.В. Воробьёвым – прошло несколько десятков лет (см.: Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. С. 28-32). – Прим. ред.].

Нинтоку их создали для царицы, для наследника – в 319 г. (?)¹ [Nihongi, XI, 10], для трёх членов царского дома [Kojiki, 109-11-14].

Современные японские историки не без основания считают, что время появления *кормильцев* следует относить к более позднему периоду, например к правлению Киммэя (540-571), который имел 25 детей и усиленно увеличивал число царских владений, или, по крайней мере, к правлению Кэйтая (507-531), когда генеалогическая связь с предшествующими правителями прервалась и Кэйтэй должен был как-то реставрировать её.² Попытки такой реставрации объясняют и существование *кормильцев* с именами очень древних правителей, именами, присоединёнными к корпорациям, по-видимому, позднее. Однако вовсе отрицать существование *кормильцев* до VI века не приходится: в «Кодзики» прямо говорится о создании корпорации царских потомственных *кормильцев* при бездетном царе Бурэцу (499-506) [Kojiki, 141-2], в то время как прямых данных об аналогичных событиях при Киммэе и Кэйтэе как раз нет. Да и сам исследователь, как мы увидим дальше, при классификации *кормильцев* допускает более древний период их существования.

Обычно царских *кормильцев* делят на: 1) *кормильцев*, связанных с именами членов царского дома, особенно с правления Киммэя, т.е. с VI в.; 2) *кормильцев*, связанных с названиями царских дворцов-храмов, т.е. с начала VII в.; 3) *кормильцев*, связанных как с именами царей, так и с названиями дворцов-храмов; это архаичная и довольно редкая категория, существовавшая до V века включительно.³

Характеристика *кормильцев* обеих категорий во многом зависит от места, которое им отводят конкретные исследователи во всей системе несвободных корпорантов (*бэминов*), в том числе только царских (*томо-бэ*) и рабов (*яцүко*, *нухи*). Сторонники расширительного понимания ситуации относят к корпорациям *кормильцев* значительную группу корпораций, в источниках корпорациями *кормильцев* не именуемых, но по роду занятий связанных с царским двором и окружением.⁴ Так, особо выделяется роль корпорации кормилиц царских детей (*Мибу-бэ*), которую прямо называют разновидностью корпора-

---

¹ [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

² Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 17-18, 202.

³ Там же. С. 205, табл. на С. 207-209, 211.

⁴ Там же. С. 17.

ций царских именных кормильцев.¹ Впервые она упомянута в «Нихонги» под 319 г. (?)² [Nihongi, XI, 10], а в 607 году ответвления корпорации Мибу-бэ широко распространились по всей стране [Nihongi, XXII, 17]. Другие авторы справедливо отмечают: если уж привязывать *кормильцев* к корпорантам, то – к царским (*томо*).³ Запутывает ситуацию и то обстоятельство, что в источниках названия групп *кормильцев* нередко снабжены показателем корпорации – окончанием „бэ” (Тадзихи-бэ, Мибу-бэ и т.д.). Корпорации *кормильцев*, конечно, часть категории корпораций, но часть особая, выделенная некогда по признаку, который считался чрезвычайно важным, и вряд ли стоит смешивать их с другими, рядовыми корпорациями.

Корпорации *кормильцев* создавались двумя путями: либо такая корпорация формировалась заново, чаще всего из переселенцев, но иногда из местного населения, и тогда такая корпорация становилась полностью царской (*томо*), во главе её стоял управляющий царской корпорацией (*томо-но мияцүко*), либо существовавшая корпорация или группа людей, подчинённая местным властям или кланам, объявлялась *кормильцами*, и тогда эта корпорация оставалась на попечении управляющего провинцией⁴ (*куни-но мияцүко*), который и пересылал двору плоды её труда. Так, некая корпорация в правление Хансэ (трад. 406-411)⁵ по его личному имени Тадзихи стала называться Тадзихи-бэ и была расселена „по всем провинциям”, и лишь с этой поры Хансэ стал реальным владельцем этой корпорации, обязанной обеспечивать членов царского клана горячими ваннами.⁶ Из 22 случаев создания аналогичных корпораций обеих категорий *кормильцев* половина при-

---

¹ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 34.

² [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

³ Inoue Mitsusada (井上光貞). The *ritsuryō* 律令 system in Japan // Acta Asiatica. – Tokyo: Tōhō gakkai, 1977. – No. 31. – P. 89-90.

⁴ [Областью. – Прим. ред.].

⁵ [432-437, или 433-438 гг. (испр. хрон.). – См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 26; Попов К.А. Законодательные акты раннесредневековой Японии. С. 102; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 225, прим. 69. О хронологии данного периода см.: Суровень Д.А. Реконструкция хронологии первой половины V века (царствований государей Нинтоку – Ингё). Ч. 1: Хронология второй четверти V века // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 22-46; Суровень Д.А. Япония в конце IV – V веках. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – Т. I. – С. 39, 41; Т. II. – С. 156-169. – Прим. ред.].

⁶ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 186.

ходится на время с Нинтоку до Анкō (трад. 313-456)¹ и с Юряку до Су-сюна (457-592). Причём в первом случае эти корпорации служили действительно для поддержания царских родичей, но во втором – содержали обслуживающий персонал царского дома.²

Проведённые исследования распространённости 29 корпораций царских *кормильцев* (включая и некоторые, в источниках не называемые *кормильцами*) показывают, что расцвет подобных корпораций приходится на VI в., позднее их численность падает до 60% от прежней (здесь и далее в округленных цифрах). В VI веке из всех упоминаний подобных корпораций на Западную Японию приходится 17%, на Центральную (Кинай) – 50%, на Восточную (Тōгоку) – 33%. В последующую эпоху это соотношение изменилось: 20%, 40%, 40%. Это свидетельствует о неуклонном переносе мест обитания *кормильцев* сначала с запада в центр острова Хонсю и уже оттуда на восток. Корпорации *кормильцев* были тесно связаны с царским кланом: их размер зависел от положения члена царского клана, после смерти владельца корпорацию делили между наследниками, даже гибель целой ветви клана не выводила корпорацию за пределы владения клана в целом. В центральных провинциях, в некоторых соседних (Сацума, Танго), на острове Сикоку эти корпорации почти не знали власти управляющих провинциями.³ Кормильцы находились в каких-то не до конца ясных отношениях с царскими владениями. При Анкане (534-535) в уезде Иибо провинции Харима существовала деревня Микосиро, где было такое владение.⁴

Рассмотрим и корпорации, сформированные из переселенцев (*сина-бэ*). Они обладали более выраженными корпоративными признаками, нежели корпорации *кормильцев*; их связь с царским кланом была не столь исключительна, как у корпорации *кормильцев*, хотя и оставалась предпочтительной; среди всех корпораций эти отличались наиболее чёткой профессиональной ориентацией. По обобщенной этнической принадлежности переселенцев причисляют к китайцам и корейцам. Первых «Нихонги» различала по династийной принадлежности (весьма условно) как подданных династии Цинь – циньцев (яп. *хата*) или подданных династии Хань – ханьцев (яп. *ая*), а также „новых

---

¹ [418-456 годы (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

² Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. С. 168-169.

³ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 236, 226-228.

⁴ Древние фудоки, 1969. С. 81.

ханьцев” (яп. *имаки-но ая*). *Хата* и *ая*, по этому источнику, переселились в Японию с Корейского полуострова: первые около 283 г. (?)¹, вторые – около 289 г. (?)². В действительности, по-видимому, на столетие позднее начались и до VIII в. продолжались пульсирующие миграции, в которых участвовали и жители корейских государств.³ Число переселенцев точно установить невозможно. Считается, со ссылкой на перепись 540 г., что одних циньцев было 7 053 двора [Nihongi XIX, 4]. По мнению некоторых исследователей, они составляли около 3% от податного населения страны.⁴ По более позднему источнику – «Синсэн сёдзи року» („Новому реестру кланов и фамилий”), на 815 г. циньцев числилось 18 670 человек, объединённых в 92 корпорации. «Кого сёи» („Дополнения к сказаниям о старине”) на 808 г. насчитывает ханьцев десятками тысяч.⁵

Корпорации эти создавались сразу же по прибытии партии переселенцев по указанию царя, расселялись и переделялись таким же путём, но преимущественно в районах, тяготевших к царской резиденции: во Внутренних провинциях (Кинай), на побережье Внутреннего Японского моря (провинции Сацума, Бидзэн, Биттю), Японского моря (провинции Эгидзэн, Тадзима), в Восточных провинциях (провинции Исэ, Мино, Микава).⁶ Корпорации переселенцев находились в предпочтительном распоряжении царя и, реже, его ближайших сподвижников. Так, мощь клана Сога – ближайшего сподвижника и соперника царского клана – возросла именно благодаря корпорациям переселенцев.⁷ Царскими корпорациями распоряжались особые управляющие – *томо-но мияцүко* (другое название корпораций переселенцев – *томо, томо-бэ*).

---

¹ [Как установили исследователи ещё в конце XIX века, традиционные циклические датировки японских источников III века, в сравнении со сведениями корейских источников, были “удревнены” на два 60-летних цикла (т.е. на 120 лет). Поэтому традиционная дата 283 года (судя по упоминаемому в данном разделе корейским правителям) в реальности относится к 403 году (испр. хрон.). – См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 27; *Суровень Д.А.* Япония в конце IV – V веках. Т. I. С. 249–250, 264, 265, 278. – *Прим. ред.*].

² [409 году (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

³ *Lewin Br.* Aya und Hata: Bevölkerungsgruppen Altjapans kontinentaler Herkunft. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1962. – S. 190–193.

⁴ *Aoki Michiko.* Ancient Myths and Early History of Japan. P. 71.

⁵ *Florenz K.* Die historischen Quellen der Shinto-Religion aus dem altjapanischen und chinesischen übersetzt und erklärt. S. 442 и прим. 180.

⁶ *Lewin Br.* Aya und Hata. S. 49, 80.

⁷ *Aoki Michiko.* Ancient Myths and Early History of Japan. P. 73.

Состав корпораций переселенцев по профессиональному признаку мог быть самым различным. Выше мы уже упоминали земледельческие корпорации; это были низовые, наименее квалифицированные корпорации. Существовали корпорации неопределенной профессиональной ориентации, но сохранявшие в названии этнический признак: Ая-бэ, Хата-бэ.¹ Кроме того, одноименные корпорации имели многочисленные местные ответвления: так, 17 корпораций переселенцев дали 234 ответвления, причём среди них попадаются названия традиционно японских корпораций: морская (Ама-бэ), горная (Яма-бэ).² Около 463 года пэкчийцы трудились в корпорациях гончаров, седельников, живописцев, парчовников, переводчиков [Nihongi, XIV, 33], ткачей, портных, парикмахеров, виноделов, строителей дворцов и храмов, сборщиков налогов, казначеев, даже доставщиков изделий из Китая.³ Члены этих корпораций, как считают, после выполнения „урока“, возможно, работали на рынок.⁴

Весьма заметна организационная роль переселенцев в царском хозяйстве. Они становились управляющими царскими корпорациями гончаров, седельников, живописцев, ткачей, парчовников, переводчиков, например в 463 г. [Nihongi, XIV, 23], земледельцев, в частности в 569 г. [Nihongi, XIX, 58]. Их деятельность ощущалась и за пределами корпораций, во всех отраслях культурного и хозяйственного обихода Ямато.⁵

В орбиту царского хозяйства были вовлечены и многие рядовые корпорации (бэ), целиком или частично, причем некоторые из них были специально сформированы с этой целью, другие присоединены в готовом виде, третьи оставались в ведении глав кланов или управляющих провинциями, но часть труда или продукции отдавали царю и его близким. В 319 г. (?)⁶ созданы корпорация кормилиц Мибу-бэ [Nihongi, XI, 10], в 10 г. (?)⁷ пожаловано принцу Инисики десять корпораций, по-видимому, специально созданных: мастеров щитов, ткачей

---

¹ Lewin Br. Aya und Hata. S. 105, 122.

² Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 20.

³ Nachod O. Geschichte von Japan. Bd. 1: Die Urzeit (bis 645 n. Chr.). – Gotha: Verlag der Asia Minor, 1906. – S. 215.

⁴ Aoki Michiko. Ancient Myths and Early History of Japan. P. 71.

⁵ Lewin Br. Aya und Hata. S. 103.

⁶ [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁷ [Около 336 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

японской парчи, изготовителей священных луков и стрел, а также ювелиров, меченосцев, исполнителей жертвенных процедур и пр. [Nihongi, VI, 23]. В 3 г. (?)¹ послали гонцов собрать в провинции Идзумо сотню гончаров из одноименной корпорации [Nihongi, VI, 19]. Правитель Ёдзин в 274 г. (?)² велел провинциям создать морскую и горную корпорации для обеспечения двора продуктами рыбной ловли и охоты [Nihongi, X, 4]. Важнейшую роль играли корпорации оружейников.³

В принципе создание корпораций как будто считалось прерогативой правителей.⁴ «Нихонги» отмечает лишь одно исключение: член царского клана Ямато-*такэру* в 110 г. (?)⁵ создал корпорацию лучников Юки-бэ [Nihongi, VII, 32]. Но раз созданные, они могли принадлежать главам могущественных кланов на разных условиях. Ответвления корпорации гончаров в шести провинциях в 473 г. прямо названы частными. Может быть, поэтому их владелец вынужден был подарить эти корпорации царю [Nihongi, XIV, 41-42]. В следующем году Мононобэ Мэ получил в подарок от царя Анкана корпорацию, отнятую в наказание у прежнего владельца [Nihongi, XIV, 43]. Создание в 577 г. „Частной корпорации” (Си-бэ) для личных услуг царицы Суйкō [Nihongi, XX, 7] исследователи рассматривают как важный шаг на пути к усилению царской мощи.

Источники не выдерживают чёткого терминологического размежевания даже при обозначении корпораций царских (*томо, томо-бэ, минасиро, микосиро*), нецарских (*каки-бэ, насиро, косиро*), смешанных (*сина-бэ, бэ*). Размежевание если и проводится, то между местными корпорациями (*бэ*) и придворными, дворцовыми (*томо, то-*

---

¹ [Около 335 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

² [Традиционная дата удревнена на два 60-летних цикла, т.е. это 394 год (испр. хрон.). – См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 27; *Суровень Д.А.* Япония в конце IV – V веках. Т. I. С. 46-47, 70; *Суровень Д.А.* О хронологии правлений Окинага-тарасихимэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Ёдзина). С. 60, 82, 98, 159. – *Прим. ред.*].

³ *Héber E.A.* L'origina des classes sociales japonaises et leur évolution jusqu'à la restauration de Meiji // *Revue économique internationale.* – Paris, 1911, 8-é année. – Vol. 4. – No. 1. – P. 116.

⁴ *Asakawa Kan'ichi.* The Early institutional life of Japan. P. 63-66.

⁵ [Около 340 года (испр. хрон.). О хронологии данного периода см.: *Суровень Д.А.* Объезд Восточных территорий государем Отараси-хико и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато // *Уральское востоковедение. Международный альманах.* – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2011. – Вып. 4. – С. 10-39. – *Прим. ред.*].

мо-бэ), но не всегда последовательно, так как термин „управляющий корпорациями” (*томо-но мияцүко*) мог быть связан и с местными корпорациями, если они не находились под опекой управляющих провинциями (*куни-но мияцүко*). Отсюда в современной научной литературе возникло деление корпораций на даннические, или местные, и служилые, или дворцовые.¹

Роль рабов (*яцүко, нухи, сэйкō*²) в царском хозяйстве весьма скромна.³ В дотайковской Японии рабов вообще было мало, тем более по сравнению с VIII в., а имеющиеся выполняли в окружении царя и членов его клана функции прислуги, охраны, наложниц, гонцов и т.п. Отсутствуют сведения об участии рабов в земледельческих работах, почти не ощущается их деятельность в ремесле, они не упомянуты среди лиц, выполнявших массовые строительные и ирригационные работы.⁴

Корпорации особо густо концентрировались во Внутренних провинциях – средоточии власти царского клана – и в прилегающих к ним провинциях. Они стали подлинной людской, экономической основой царской власти и всего режима Ямато в целом. Полагают, что в значительной степени благодаря системе корпораций Ямато обогнало в развитии корейские государства, по крайней мере, на последней стадии, в VII в., и на пути консолидации страны и централизации власти.⁵ Хотя само это мнение в основной своей части ещё нуждается в доказательствах, роль корпораций в процессах консолидации и централизации оказалась значительной. Отсутствие тесных кровнородст-

---

¹ Ср.: *Сырицын И.М.* Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства // Вестник Московского университета. Серия XIV: Востоковедение. № 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 59; *Inoue Mitsuasada* (井上光貞). *The ritsuryō 律令 system in Japan* // Acta Asiatica. – Tokyo: Tōhō gakkai, 1977. – No. 31. – P. 87-88.

² [生口 яп. *сэйкō* – досл. “живые рты”; как установили исследователи, это пленники, ещё не обращённые в рабство. – См.: *Суровень Д.А.* Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкō* в I–III веках. С. 14-22. – *Прим. ред.*].

³ *Gonthier A.* Histoire des institutions Japonaises. – Bruxelles: Librairie encyclopédique, 1956. – P. 26.

⁴ *Хирано Кунио* 平野 邦雄. Тайка-дзэндай-но сякай кōдзō 大化前代の社会構造 (Общественная структура до Тайка) // Иванами кōдза Нихон рэкйси 岩波講座日本歴史 (История Японии в сборниках [издательства] Иванами). – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1962. – Т. 2. – С. 111-115.

⁵ Ср.: *Исимода Сё.* Кодайси гайсэцу. С. 20.

венных связей корпорантов с настоящими кланами выводило этих корпорантов из-под защиты клановых и общинных обычаев и порядков, столь сильных в ранних обществах. Объединение в корпорации ещё более облегчало эксплуатацию их хозяевами – кланами всех рангов, и, прежде всего, царским.

Царское хозяйство в Ямато находилось в сложных отношениях с общественным. Эти отношения условно можно определить как производственные, организационные, репрезентативные, хотя чёткого разграничения между конкретными проявлениями деятельности царского хозяйства и не всегда удаётся добиться. Наиболее очевидной для исследователя выглядит непосредственная производственная деятельность царской власти как распорядителя этого хозяйства в отдельных сферах хозяйства общественного. Это, прежде всего, относится к земледелию. Развитие поливного рисосеяния в стране неуклонно набирало силу как наиболее продуктивное. Однако оно требовало особого внимания к водному хозяйству, внимания, которое часто приобретало смысл лишь при значительных организационных усилиях или при непосредственном вмешательстве органов управления. Важность проблемы в целом нашла отражение в древнейших японских мифах. В мифе о Сусаноо это мятежное божество сломало запруды на рисовых полях, испортило оросительные каналы, открыло заслонки и спустило воду из водохранилищ, стало сеять по посеянному. Эти действия миф осуждает как антиобщественные, называя их „небесными грехами”.¹ В более позднее, но тоже легендарное время – в 6 году² Суйнин послал некое лицо в провинцию Кавати вырыть два пруда. Прочим провинциям велено было самим копать пруды и каналы. Легендарность датировки сочетается с фантастической оценкой исполненного – свыше 800 прудов и каналов [Nihongi, VI, 22]. В 276 г. (?)³ канал копали корейцы, и он получил название ханского по названию племен *хан* в Южной Корее [Nihongi X, 5]. Подобные мероприятия проводились и в дальнейшем: в 324 г. (?)⁴ был вырыт „великий канал” в провинции Ямасиро, в 607 г. – четыре водохранилища в провинции Ямато, два в провинции Ямасиро, в 613 г. – ещё три водохранилища [Nihongi, XI, 13; XXII, 18, 27]. На фоне этих, по-видимому, рядовых, работ выделя-

¹ Florenz K. Die historischen Quellen der Shinto-Religion aus dem altjapanischen und chinesischen übersetzt und erklärt. S. 418.

² [Около 336 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

³ [В 396 году (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁴ [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

ются более сложные. Самое раннее из них столь же легендарно как по времени, так и по манере изложения. В 200 г. (?)¹ правительница Дзингү воздвигала священное рисовое поле. Ей потребовалась вода из реки Накагава, и поэтому она велела рыть канал. Землекопы, наткнувшись на скалу, которую не могли пробить. И лишь после того как правительница пожертвовала богам свои регалии, молния якобы пробила скалу, и вода пошла [Nihongi, IX, 5]. Сложные гидротехнические работы велись в правление Нинтоку. В 320 г. (?)² корейские гидрографы прорыли отводной канал в дельте реки Ёдогава, где располагались порт и столица Нанива. Предпринятые работы преследовали несколько целей: улучшить судоходство в мелководной дельте, наладить орошение близлежащих земель и защитить низкие поля от наводнений. В 323 г. (?)³, после того как было установлено, что из-за дождя, паводка, прилива пашни сокращаются, велено было «прорыть канал до моря, отводящий прилив» [Nihongi, XI, 11]. Спустя три года, в 326 г. (?)⁴, в провинции Кавати был прорыт большой канал, по которому хлынули воды реки Исикава и оросили четыре засушливые равнины в Судзука и Тоёра площадью в 40 тыс. *сиро* (т.е. 240 тыс. *га*)⁵ [Nihongi, XI, 14]. Непосредственная заинтересованность владений этих районов в работах, отмеченных в источниках, не выявлена, но вполне допустима.

Для островного государства морские связи всегда имеют особое значение. Уже в 313 г. (?)⁶ в дельте реки Ёдогава рыли канал и соорудили плотину, благоустраивая гавань в Нанива. По реке, особенно после работ 320 г. (?)⁷, корейские и китайские корабли подымались в глубинные районы Японии. Неудивительно, что первые сведения о постройке кораблей отнесены к столь же легендарному времени, как и другие важнейшие мероприятия – к 81 г. до н.э.⁸ В 274 г. (?)⁹ в Идзу

---

¹ [Судя по корейским источникам – это год похода японцев в южнокорейское государство Силла 346 года, который в японских источниках получил название “Корейского похода государыни Дзингү”. – *Прим. ред.*].

² [Около 420 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

³ [Около 420 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁴ [Около 420 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁵ [См.: Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 306, 471, прим. 28. Один *сиро* – 16-17 кв. м (Там же. Т. II. С. 423), т.е. 640-680 тыс. кв. м. – *Прим. ред.*].

⁶ [В 418 году (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁷ [Около 420 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁸ [Около 327 года (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

⁹ [В 394 году (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

как будто бы был построен корабль в 100 футов длиной¹, а в 300 г. (?)² речь идёт о 500 (!) крупных судах, якобы построенных в провинциях за 500 корзин казённой соли [Nihongi, X, 18]. Более достоверны сведения о прибытии в 577 г. корабельщиков из Пэкче и о постройке в 618 г. судов в Аки³ [Nihongi, XX, 7; XXII, 30-31].

Для гористой страны и внутренние пути сообщения требовали внимания властей. В 326 г. (?)⁴ проведена прямая дорога от царской резиденции в Нанива до деревни Тадзихи в провинции Кавати [Nihongi, XI, 14]. В 613 г. ремонтируется дорога от Нанива до резиденции царей в провинции Ямато [Nihongi, XXII, 27]. В двух последних случаях, возможно, речь идёт об одной и той же дороге, причём протяжённость её по прямой могла составлять что-нибудь 60-80 км.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, по «Нихонги» и «Кодзики», создание царских владений происходило параллельно с работой по сооружению каналов и водоёмов. Из 13 таких предприятий 8 прямо связаны с орошением и приходится на очень длительный период, но, похоже, оба эти предприятия сознательно объединены в тексте «Нихонги», причём последнее представлено до известной степени как дело общественного значения.⁵ Почти нет упоминаний об аналогичных работах, осуществляемых кланами, даже крупными. Возможно, они и проводились, хотя бы на простейшем уровне, но объёмные работы оказались по плечу только царской власти.⁶ Вероятно, влияла и китайская идея: контроль над орошением – забота государя.

Одним из важнейших объектов гражданского строительства было возведение царских резиденций – в местности Нанива (совр. город Ōсака) и в районе Асўка (близ современного города Нара). Резиденция состояла из нескольких царских дворцов, храмов (сначала синтоистских, а потом к ним прибавились и буддийские), служебных и административных построек и требовала для своего сооружения органи-

---

¹ [В 394 году (испр. хрон.). – Прим. ред.].

² [Около 412 года [испр. хрон.]. – Прим. ред.].

³ См.: Nihongi. Part II. P. 147.

⁴ [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁵ Харасима Рэйдзи. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй. С. 325-328.

⁶ Kameda Takashi 亀田 隆之. Kodai yōsui kenkyū-no genjō 古代用水研究の現状 (Researching currents on irrigation in ancient Japan) // Rekishigaku kenkyū 歴史学研究 (Journal of Historical Studies). – Tokyo 東京, 1960. – No. 246. – P. 40-45 (in Japanese).

зованного труда многих людей, включая и специалистов-строителей всех категорий. Объём таких работ выглядит тем более значительным, что, по ритуалу, каждому новому правителю-царю полагалось покинуть прежний дворец, считавшийся нечистым, и переселяться во вновь отстроенный. По «Нихонги», уже Нинтоку перенёс свою резиденцию во дворец Такацу в Нанива в 313 г. (?)¹, причём из-за полевых работ стены остались неоштукатуренными, деревянные детали не декорированными, а крыша покрыта тростником [Nihongi XI, 6-7]. В 468 г. в районе Асўка переселенцы возвели дворец (высокое здание в – прим. ред.) Асакура² (ныне его остатки в Хацусэ в префектуре Нара), который считается первым в Японии зданием в китайском стиле [Nihongi, XIV, 34]. В 601 году в этом же районе была начата постройка дворца Икаруга для Сётоку-тайси [Nihongi, XXII, 6], остатки которого вскрыты археологами. С этого времени район Асўка становится стабильным центром царской власти и царского строительства. В 642-643 гг. здесь же был возведён дворец Итабуки с 12 воротами и первой в Японии крышей, крытой дранкой. На строительство сгоняли работников чуть не со всей страны: от провинции Тоцуоми – на востоке до провинции Аки – на западе. Размах строительства был вызван спешкой; все работы приказано было завершить менее чем за три месяца; на деле же потребовалось не менее семи месяцев, свободных от полевых работ [Nihongi, XXIV, 6, 9]. В 642 году с участием работников из провинций Оми и Этидзэн в этом же районе отстроен Великий храм – буддийский [Nihongi, XXIV, 5]. Одзину приписывается честь основания первого в Японии поселения городского типа – Нанива (около 291 г. ?³), резиденции, окруженной валами и рвами [Nihongi, X, 14].

Если первоначально дворец и главный храм религии синто объединялись в одном здании (*мия*), весьма скромном – таковым выглядит даже знаменитый храм Исэ, сохраняемый с той поры до наших дней в ходе бесчисленных реставраций-перестроек, – то первые же буддийские храмы, которые появились в середине VI в., оказались трудоёмкими постройками, к тому же их требовалось всё больше. Строительство главных буддийских храмов находилось в ведении царской власти. По «Нихонги», в 585 или 593 г. возвели первую в Япо-

---

¹ [В 418 году (испр. хрон.). – Прим. ред.].

² [См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 362. – Прим. ред.].

³ [411 год (испр. хрон.). – Прим. ред.].

нии пагоду [Nihongi, XX, 15; XXII, 1]. В 596 г. был отстроен храм Хōкōдзи и создано храмовое управление [Nihongi, XXII, 3]. В первой четверти VII века в Асўка было сооружено пять храмов, в том числе и знаменитый храм Хōрјюдзи (около 607 г.). К 623 году в стране насчитывалось уже 46 храмов [Nihongi, XXII, 38]. Судя по этим данным, роль чужеземных строителей на этой стадии оказалась значительной, а, часто, и первенствующей. Буддийские храмы и пагоды были строениями, до второй половины VI века в стране неизвестными и на местные храмовые сооружения непохожими. План, конструктивные части, строительные узлы, в том числе знаменитые кронштейны, тяжелая черепичная крыша, материалы (камень, кирпич, черепица), декоративные приёмы в буддийских постройках подчинялись единым, выработанным на материке правилам. Эти правила невозможно было соблюсти на островах без целенаправленного руководства или использования специализированных корпораций, находившихся на царской службе.

Если строительство дворцов и храмов осуществлялось главным образом руками членов производственных корпораций, находившихся в распоряжении царского клана, то возведение курганов создавало другую ситуацию. Курганы возводили не только члены царского клана, но и клановая знать: по примерным оценкам, в Японии зарегистрировано только крупных квадратно-круглых курганов 1 087¹, и насыпка курганов была прекращена лишь в ходе реформ Тайка, в 646 г. Наряду с мастерством декораторов, оформлявших погребальную камеру, требовалась организация трудовой деятельности землекопов. Курган, приписываемый царю Нинтоку², считается самым крупным в мире и относится к квадратно-круглым. Его полная длина 475 м, высота круглого холма – 30 м, а квадратной насыпи – 27 м, общий объём насыпи – 1 405 866 куб. м. На его возведении в 400-403 гг. (?)³ ежедневно должно было трудиться до тысячи человек.⁴ Первое лицо по-

---

¹ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. С. 237.

² [Имеется ввиду самый большой в Японии квадратно-круглый курган Дайсэнрѳ кофун 大仙陵古墳 (начало – середина V в.; по современным данным, его общая длина 486 м, диаметр круглой части – 249 м, высота – 34, 8 м, квадратной – 33 м) из курганной группы Модзу 百舌鳥古墳群 (г. Сакаи, преф. Осака). Управление императорского двора Японии называет его Модзу-но мимихара-но нака-но мисасаги 百舌鳥耳原中陵 и считает его захоронением 16-го «императора» Нинтоку 仁徳天皇 (правил 418-425/427 гг. н.э. (испр. хрон.)). – Прим. ред.].

³ [426-429 годы (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁴ Воробьев М.В. Япония в III–VII вв. С. 238.

сле царя – Сога Эмиси ещё при жизни, в 624 г., «собрал всё население страны, а также зависимых 180 корпораций и воздвиг два кургана в Имаки» [Nihongi, XXIV, 8].

Из перечисленных объектов строительства курганы отличались наименьшим практическим значением (что и привело к их запрещению в 646 г.), а храмы – высоким общественным значением, но все они для своего возведения требовали как организационной, так и производственной инициативы царского хозяйства.

Организационная деятельность царской власти в общественном производстве являлась другой стороной единого процесса и также рассматривалась как продолжение деятельности царского хозяйства. Уже приводился пример спора в 310-312 гг. (?)¹ в самом царском клане о том, кому управлять царскими полями Ямато (Ямато-но *мита*), поскольку эти поля якобы некогда числились за горной опекой, которой могло распоряжаться любое лицо, уполномоченное царём, но полями описанной категории, – было разъяснено, – распоряжается один царь [Nihongi, XI, 3]. К 534-535 гг. относится целая серия взаимосвязанных мероприятий, решительно закрепивших за государем принципиальное право верховной собственности на землю страны²: вслед за конфликтом по поводу целевого изъятия земли для нужд царского хозяйства было провозглашено: «Под Небом нет местности, которая не была бы царской»³ [Nihongi, XVIII, 4-5]. В подтверждение этого для работы в царском хозяйстве стали эпизодически применять „мотыжников”, призванных из разных мест, и демонстративно создали 26 новых царских владений.

Многочисленны призывы царей к населению усилить занятия земледелием и ремеслами; одно из наиболее выразительных относится к 507 г. [Nihongi, XVII, 7]. Ещё несколькими десятилетиями раньше, в 472 г., правитель Ёоряку приказал разводить по всей стране тутовые деревья, листья которых были основным кормом для шелкопрядов [Nihongi, XIV, 41]. Из указа 646 г. мы узнаём о существовании до реформ царских инспекторов на рынках [Nihongi, XXV, 34]. В их обязанности входило наблюдение за денежным обращением (в то вре-

---

¹ [415-417 гг. (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

² Речь идёт о провозглашении юрисдикционной (публичной) власти над землями страны. – *Прим. ред.*].

³ [Nihongi. Part II. P. 29. В значении, что все земли страны находятся под прямой властью правителя. – *Прим. ред.*].

мя иноземным), сделками, добротностью товаров, правильностью мер и весов, стабильностью цен.

Как организационное мероприятие можно рассматривать и царскую налоговую политику¹: от сомнительного факта введения налогов и податей в 86 г. до н.э. (?)² [Nihongi, V, 15] и освобождения населения от трудовой повинности при затруднениях с продуктами питания в 316 г. (?)³ [Nihongi, XI, 9] до сбора налога зерном в 319 г. (?)⁴ [Nihongi, XI, 11] и податей изделиями ремесла в 472 г. [Nihongi, XIV, 41], обложения земельным налогом полусвободных⁵ работников царских владений в 569 г. [Nihongi, XVIII, 9]. При любых обстоятельствах реализация налоговой политики объективно способствовала разделению труда между общинами, корпорациями, территориями. Дифференциация продукции, поступавшей через механизм даней, податей, налогов: 1) добыча охоты и рыбной ловли, 2) орудия труда (мотыги и пр.), 3) оружие, ткани, украшения, предметы ритуала, 4) изделия и виды работ и услуг специализированных объединений для нужд двора, демонстрирует не только нарастание в самом процессе, но усиление инициативы царской власти, царского хозяйства, по крайней мере со второй фазы.⁶

Организационный аспект ощущается и в использовании урожая с царских владений для общественных нужд. В 536 г. царь Сэнка особым указом подчеркнул, что царские амбары предназначены для прокормления как иноземных гостей, так и собственного населения при неурожае, и велел создать вместо отдаленных мелких царских владений одно крупное в Наноцу – в месте, наиболее удобном для осуществления вышеупомянутых задач [Nihongi, XVIII, 12]. Когда в 567 г. после наводнения наступил голод, для облегчения бедствия в голодающие районы доставили зерно из соседних [Nihongi, XIX, 58].

На базе царского хозяйства строилась система хранения обще-

---

¹ Уэда Масааки. Нихон кодай кокка сэйрицу-си-но кэнкё. С. 83.

² [Около 327 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

³ [Около 418 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁴ [Около 420 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁵ [Неполноправных свободных. – Прим. ред.].

⁶ Цудэ Хироси 都出 比呂志. Кёкогаку-кара мита бунгё-но мондай 考古学からみた分業の問題 (Проблема разделения труда по данным археологии) // Кёкогаку кэнкё 考古学研究 (Археологические исследования). – Токио 東京, 1968. – Т. 15. – № 2 (58). – С. 48-49.

ственных ценностей. Помимо упомянутых царских амбаров в стране существовали „три сокровищницы” (*сандзō*): в первой хранились ритуальные предметы синтоистского культа (*имикура*), во второй – дары, присланные корейскими государствами (*утицукура*), в третьей – дани и налоги (*ōкура*).¹ Именно последняя, созданная в V веке, стала впоследствии общественной казной, тогда как две другие возникли как коронные сокровищницы.

Укрепив царское хозяйство и систему корпораций, царская власть добилась расширения запашки, подъёма ремесла.² Археологические раскопки дают впечатляющие примеры унификации многих категорий изделий, обнаруженных в разных концах страны, таких, как гранёные бусы, зеркала со стандартным орнаментом, глиняные кругляки–обереги (*ханива*), железные мечи, детали конской упряжи, церемониальная керамика „суэ”.³ Особенно хорошо видна унификация на керамике „суэ”. К легендарной древности, к 3 г. (?)⁴, отнесено в «Нихонги» замечание об отправке в провинцию Идзумо человека для отбора 100 работников из корпорации гончаров [Nihongi, VI, 19]. В 463 и 588 гг., по этому же источнику, прибыли гончары из Пэкче [Nihongi, XIV, 23; XXI, 13]. Царское гончарное ремесло, сложившись в районе Нанива с привлечением иноземных мастеров, прошло ряд стадий на пути превращения в подлинно общественное: от столичного царского (и местного, заводимого в кланах с помощью тех же иноземцев) через отправку специалистов на места для создания там гончарных печей к деятельности новых местных гончарных центров, чья продукция требовалась храмам и местным учреждениям.⁵ Именно на этом примере

---

¹ Florenz K. Die historischen Quellen der Shinto-Religion aus dem altjapanischen und chinesischen übersetzt und erklärt. S. 443.

² Уэмура Дзиндзō 上村 順造. Кодай сэнсэй кокка-ни окэру гидзюцу рōдō-ся хэнсэй-но ити сокумэн 古代専制国家における技術労働者編成の一側面 (Две стороны организации рабочих-специалистов в древнем деспотическом государстве [Японии]) // Рэйси хёрон 歴史評論 (Критика истории). – Токио 東京, 1968. – № 210. – С. 17-18.

³ Воробьев М.В. Древняя Япония (Историко-археологический очерк). – М.: Изд. вост. лит., 1958. – Рис. XXV, 1–4, 8; XXVI, 6, 7, 15; XXVII, 1, 7; XXVIII, 5, 8, 9; XXIX, 2, 4, 9, 10, 13, 15.

⁴ [Около 335 года (испр. хрон.). – Прим. ред.].

⁵ Nakamura Hiroshi 中村 浩. Sueki seisan-no sho-dankai (chihō kama seiritsu-ni kan-suru ichi shi-kō (須恵器生産の諸段階(地方窯成立に関する一試考)) (Stages of the spread of Sue pottery manufacture. A Consideration on the emergence of provincial kilns) // Kōko-

слияние производственных и организационных функций царского хозяйства оказалось наиболее наглядным.

Наконец, третья функция царского хозяйства – репрезентативная. Царское хозяйство, с одной стороны, служило образцом для общественного хозяйства в Ямато в то время, а с другой – намечало пути для грядущих изменений. В первом случае роль царского хозяйства в Японии растворена в пространным описании его структуры и функций, поэтому здесь необходимо отметить лишь самые общие положения. Царское хозяйство явилось зародышем качественно новой экономической и политической структуры. Возникнув как личное, частное владение царя (коронное), оно открывало возможности изъятия общинных и клановых земель (например, в 534 г.) [Nihongi, XVIII, 2], прямых конфискаций (после падения дома Мононобэ-удзи в 587 г.) [Nihongi, XXI, 10], отторжения таких земель в казенные (Ямато-но мита), распространения понятия коронных владений на целые территории по политическим мотивам (на Мимана в 591 г.), формирования принципа верховной собственности на землю¹ (декларация 534 г.). Это же хозяйство демонстрировало новый подход к организации трудовых коллективов. В царских владениях работали члены зависимых земледельческих корпораций, в период страды им помогали привлекаемые с мест „мотыжники”. Земледельцы были объединены в дворы, получали участки для обработки, платили налоги. В этой организации были заложены элементы будущей надельной системы, а каждое царское владение являлось законченным целым, объединяя в себе землю, работников, хранение и распределение урожая на разные нужды, в известной степени и на общественные, государственные. Регистрация земледельцев царских владений (например, в Сираи в 569 г.) стала прообразом будущей подачи подворных списков.

Организация ремесленных корпораций, особенно из переселенцев, в царском хозяйстве давала пример для подобных же действий в масштабе хозяйств кланов. Осуществлялась сознательная вербовка специалистов за рубежом: отказ Силла в 285 г. (?)² удовлетворить одно из таких требований вызвал военный конфликт [Nihongi, X, 11-12]; ана-

---

gaku zasshi 考古学雑誌 (Journal of the Archaeological Society of Nippon). – Tokyo 東京, 1981. – Vol. 67. – No. 1. – P. 37-55 (in Japanese, English resume).

¹ [Публичная (юрисдикционная) власть правителя над территорией страны. – Прим. ред.].

² [405 году (испр. хрон.). – Прим. ред.].

логичные обращения к Пэкче в 463, 553 гг., к Китаю в 600 г. оказались более успешными [Nihongi, XIV, 21-22; XIX, 38]. Прибывших иноземных ремесленников подвергали той же регистрации, что и приезжих земледельцев в 472, 492, 540 гг. и др., которая после 646 г. стала уделом всего трудового населения. Именно корпорации из переселенцев отличались наивысшей степенью хозяйственной организации, достигнутой царской властью до 646 года.

Именно в сфере царского хозяйства и особенно трудом иноземных ремесленников и деятелей культуры были достигнуты успехи как производственного, так и культурного характера, оказавшие, однако, глубокое и долговременное влияние на общество и на его трудовую деятельность. Внедрение китайской письменности и арифметики, землемерных операций и системы мер и весов, лунно-солнечного календаря и рецептов отливок из цветных металлов, корейских знаний в области технологии обработки кожи, красителей, изготовлении бумаги, архитектуре, отливке монументальной скульптуры происходило почти исключительно через царское хозяйство. Организация счетного дела, письменной части, наблюдений за погодой и службы времени, широкой разведки полезных ископаемых и минералов, железолитейного дела, получения высококачественных тканей, керамических, лаковых, металлических, ювелирных изделий оставалась в сфере царского хозяйства.¹

Отношения между царским хозяйством и хозяйством общественным не были идиллическими: в некоторых аспектах эти хозяйства становились соперниками, когда речь заходила о праве кланов на землю, на корпорации зависимых, на доходы от хозяйства и от работников. Именно эти болезненные стороны отношений отмечены в царском указе 646 г.² [Nihongi XXV, 12-13]. Но объём и мощь царского хозяйства оказались настолько значительны, а роль его для общественного хозяйства столь велика, что именно оно создало экономическую

---

¹ Ср.: *Воробьев М.В., Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. – М.: Наука, 1976. – С. 17-32.

² [Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Процесс кризиса и разложения рабовладельческого способа производства в древней Японии // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – С. 78-80. – *Прим. ред.*].

базу, обеспечившую царскому дому дальнейшее возвышение в ходе реформ Тайка (с 646 г.) создание образца общественного хозяйства.

Источники и использованная литература:

1. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – Т. 20. – С. 5-338.
2. *Воробьев М.В.* Древняя Япония (Историко-археологический очерк). – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 119 с.
3. *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Наука, 1980. – 344 с.
4. *Воробьев М.В., Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. – М.: Наука, 1976. – 230 с.
5. Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1969. – 340 с.
6. *Исимода Сэ* 石母田 正. Кодайси гайсэцу 古代史概説 (Краткий очерк древней истории) // *Иванами кōдза Нихон рэйкиси 岩波講座日本歴史* (История Японии в сборниках [издательства] Иванами). – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1962. – Т. 1. – С. 13-21.
7. *Кокка-но сэйсэй 国家の生成* (Создание государства). – Токио 東京: Асакура сэтэн 朝倉書店, (1952) 1954. – 238 с.
8. *Конрад Н.И.* Избранные труды. История. – М.: Наука, 1974. – 470 с.
9. *Сырицын И.М.* Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства // *Вестник Московского университета. Серия XIV: Востоковедение.* № 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 53-62.
10. *Танаами Хироси* 田名網 宏. Дэнсо-сэй-но сэйрицу 田租制の成立 (Образование системы земельных налогов) // *Нихон рэйкиси 日本歴史* (История Японии). – Токио 東京, 1970. – № 4 (263). – С. 1-15.
11. *Уэда Масааки* 上田 正明. Нихон кодай кокка сэйрицу-си-но кэнкю 日本古代国家成立史の研究 (История создания древнего государства Японии). – Токио 東京: Аоки сэтэн 青木書店, 1959. – 422 с.
12. *Уэмура Дзиндзō* 上村 順造. Кодай сэнсэй кокка-ни окэру гидзюцу рōдō-ся хэнсэй-но ити сокумэн 古代専制国家における技術労働者編成の側面 (Две стороны организации рабочих-специалистов в древнем деспотическом государстве [Японии]) // *Рэйкиси хёрон 歴史評論* (Критика истории). – Токио 東京, 1968. – № 210. – С. 14-29.
13. *Харасима Рэйдзи* 原島 礼二. Нихон кодай бкэн-но кэйсэй 日本古代王権の形成 (Становление императорской власти в японской древности). – Токио 東京: Адзэкура сёбō 校倉書房, 1977. – 398 с.
14. *Хирано Кунно* 平野 邦雄. Тайка-дзэндай-но сякай кōдзō 大化前代の社会

- 構造 (Общественная структура до Тайка) // Иванами кōдза Нихон рэйкиси 岩波講座日本歴史 (История Японии в сборниках [издательства] Иванами). – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1962. – Т. 2. – С. 111-115.
15. *Xondzё Эйdzиро*. Социальная история Японии / Пер. с яп. Н.И. Фельдман. – М.: Изд. Ин-та Нариманова, 1927. – 140 с.
  16. *Цудэ Хироси* 都出 比呂志. Кōкогаку-кара мита бунгё-но мондай 考古学からみた分業の問題 (Проблема разделения труда по данным археологии) // Кōкогаку кэнкю 考古学研究 (Археологические исследования). – Токио 東京, 1968. – Т. 15. – № 2 (58). – С. 43-54.
  17. *Aoki Michiko*. Ancient Myths and Early History of Japan. A Cultural Foundation. – New York: Exposition Press, 1974. – 182 p.
  18. *Asakawa Kan'ichi*. The Early Institutional Life of Japan. A Study of Reform of A.D. 615. – New York: Paragon book, 1963. – 355 p.
  19. *Florenz C.A.* Die staatliche und gesellschaftliche Organisation im alten Japan // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Volkerkunde Ostasiens in Tokyo. – Yokohama: Buchdruckerei von R. Meiklejohn & Co., 1889-1892. – Bd. 5. – Ht. 44. – S. 164-182.
  20. *Florenz K.* Die historischen Quellen der Shinto-Religion aus dem altjapanischen und chinesischen übersetzt und erklärt. – Gotingen: Vandenhoeck & Ruprecht – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1919. – 470 s.
  21. *Gonthier A.* Histoire des institutions Japonaises. – Bruxelles: Librairie encyclopédique, 1956. – 358 p.
  22. *Hall J.W.* Government and Local Power in Japan 500 to 1700. A Study Based on Bizen Province. – Princeton: Princeton Univ. press, 1966. – 446 p.
  23. *Héber E.A.* L'origine des classes sociales japonaises et leur évolution jusqu'à la restauration de Meiji // Revue économique internationale. – Paris, 1911, 8-é année. – Vol. 4. – No. 1. – P. 109-116.
  24. *Inoue Mitsusada* (井上光貞). The *ritsuryō* 律令 system in Japan // Acta Asiatica. – Tokyo: Tōhō gakkai, 1977. – No. 31. – P. 89-90.
  25. *Iyanaga Teizō* 弥永 貞三 (いやなが ていぞう). “Miyake”・“miyake” kō 「彌移居」・「官家」考 (On the Two Types of Miyake) // Nagoya daigaku bungakubu kenkyū ronshū: Shigaku 名古屋大学文学部研究論集: 史学 (The Journal of the Faculty of Literature, Nagoya University: History). – Nagoya 名古屋, 1964. – No. 12 (Vol. 35). – P. 1-20 (in Japanese).
  26. Japan in the Chinese dynastic histories Later Han through Ming dynasties / Transl. by Ryusaku Tsunoda. – South Pasadena: P.D. and I. Perkins, 1951. – 187 p.
  27. *Kameda Takashi* 亀田 隆之. Kodai yōsui kenkyū-no genjō 古代用水研究の現状 (Researching currents on irrigation in ancient Japan) // Rekishigaku kenkyū 歴史学研究 (Journal of Historical Studies). – Tokyo 東京, 1960. –

- No. 246. – P. 40-45 (in Japanese).
28. *Kidder J. Edward*. Early Buddhist Japan. – London: Praeger Publishers, 1972. – 212 p.
  29. *Kojiki* / Translated with an Introduction and Notes by D.L. Philippi. – Tokyo: Tokyo University Press, 1969. – 655 p.
  30. *Lewin Br.* Aya und Hata: Bevölkerungsgruppen Altjapans kontinentaler Herkunft. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1962. – 4to. 3 Bl., 237, (1) s.
  31. *Mitsuhashi Tokio* 三橋 時雄. Taika-zendai-no nōgyō keiei 大化前代の農業経営 (Japanese farming prior to the Taika Reform) // Kansai daigaku keizai ronshū 関西大学経済論集 (The Economic Review of Kansai University). – Tokyo 東京, 1966. – Vol. 16 第16巻. – No. 4/5 第4・5号. – P. 49-70 (409-430) (in Japanese).
  32. *Nachod O.* Geschichte von Japan. Bd. 1: Die Urzeit (bis 645 n. Chr.). – Gotha: Verlag der Asia Minor, 1906. – 476 s.
  33. *Nakamura Hiroshi* 中村 浩. Sueki seisan-no sho-dankai (chihō kama seiritsu-ni kan-suru ichi shi-kō (須恵器生産の諸段階 (地方窯成立に関する一試考)) (Stages of the spread of Sue pottery manufacture. A Consideration on the emergence of provincial kilns) // Kōkogaku zasshi 考古学雑誌 (Journal of the Archaeological Society of Nippon). – Tokyo 東京, 1981. – Vol. 67. – No. 1. – P. 37-55 (in Japanese, English resume).
  34. *Naoki Kōdōzupō* 直木 孝次郎. Kodai zeisei to miyake 古代税制と屯倉 (Tax System and “Miyake” in Ancient Japan) // Jimbun kenkyū 人文研究 (Studies in the Humanities. Bulletin of the Faculty of Literature, Osaka City University 大阪市立大学文学院 文学研究科紀要). – Osaka 大阪, 1968. – Vol. 20. – No. 9. – P. 1-17 (in Japanese).
  35. *Nihongi*: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Translated from original Chinese and Japanese by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part I–II. – 407 p., 444 p.
  36. *Okubo Toshitake*. Die Entwicklungsgeschichte der Territorialverfassung und Selbstverwaltung Japans in politischer und insbesondere wirtschaftlicher Beziehung. – Halle: E. Karras, 1894. – 190 s.
  37. *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. Untersuchungen zur Chronologie und Territorialverfassung von Alt Japan bis zum 5 Jh n. Chr. – Tokyo: Dt. Gesellschaft für Natur- u. Völkerkunde Ostasiens, 1930. – xvi, 346 s. (Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Suppl. Bd. 11).

Vorobyov M.V.
**State and public production
in Japan until the middle of the 7th century**

This article analyzes the state economy system of ancient Japan from the Yamatai period (1st – 3rd centuries) and during the Yamato period (4th - mid-7th centuries). It is indicated that statehood already existed in Japan until the middle of the 7th century. The author draws attention to the inaccuracy of ancient Japanese chronology until the 5th century, and, in this regard, to the need to correct traditional dates. However, it is emphasized that the information of Korean and Chinese sources, archaeological and historical-architectural inspections confirmed the reliability of the events described in two Japanese works («Nihongi» and «Kojiki»). Therefore, the materials of Japanese sources, taking into account the revision of chronology and using scientific criticism, can be used to characterize the processes of development of the ancient Japanese state and public production.

An analysis of sources shows that in the 2nd – 3rd centuries there were a significant number of slaves and captives in the community-states of the Yamatai period. At the same time, slave labor was little used in public production. The existence of a state economy may be indicated by the existence of sovereign barns mentioned in Chinese dynasty stories. The State of Woman–Ruler, through special officials, controlled markets and trades in the allied communities.

Much more detailed information about the state economy dates back to the Yamato period, especially to the time of the 5th – mid-7th centuries (ruler's districts, ruler's barns and ruler's estates, employees of the state economy from not full free people). The article provides a detailed analysis of information sources related to the state economy and public production during the Yamato period.

Keywords: ancient Japan; Yamatai; Yamato; the state economy; the public sector of the economy; *miyake*; *miagata*; not full free; *be*; *bemin*; *minashiro*; *mikoshiro*.

МАСИМО Ацуси
БОГИ В «МАНЬЁСЮ»¹

В XVIII веке в королевстве Рюкю был составлен реестр имен богов и преданий о них; при дворе и в столице, а также в каждой местности королевства проводились соответствующие ритуалы. Имя бога, со «священной душой» которого взаимодействовала жрица, представляло собой тайное знание, и нарушение тайны вызывало страх и трепет. Иначе обстояло дело в Японии VIII в.: при дворе собирались различные предания о богах, и придворные, чтобы проводить ритуалы служения богам на уровне государства, должны были владеть информацией о богах и в обязательном порядке знать их имена.

В мире песен «Маньёсю» сведения о богах могли стать источником для складывания песни, с другой стороны, и песни сами по себе становились инструментом распространения преданий о богах. Имена богов вплетались в песню, и в особом мире придворных того времени они не всегда становились объектом табу, как это происходило в королевстве Рюкю. Это не значит, что страха и трепета не было совсем: если песня содержала непосредственное обращение к какому-нибудь богу, то её автор из тех же соображений избегал называть его имя.

Считалось, что «сердце бога» (его волю) человеку постичь невозможно, и песни «Маньёсю» часто отражали неуверенность и сомнения в том, дошла ли до богов мольба поэта.

---

¹ Перевод с японского Л.М. Ермаковой.

МАСИМО Ацуси – доктор филологических наук, профессор (в отставке) Университета Рицумэйкан дайгаку (г. Киото, Япония).

Специальность: древняя японская словесность и фольклор. Основные труды: монографии «Коз-но синва. Амами, Окинава-но симадзима кара» («Мифы, исполняемые голосом – с островов Амами и Окинава»). – Токио: Мидзуки сёбб, 2003; «Маньёка сэйсэйрон». («Теория становления песен “Маньёсю”»). – Токио: Мияи сёбб, 2004; «Ута-но кигэн-о сагуру – утагаки» («В поисках происхождения песни – песенные переключки»). – Токио: Мияи сёбб, 2011 (в соавт.); «Кодзики-но кигэн-о сагуру – сёсэй синва» («В поисках происхождения ‘Кодзики’ – мифы творения»). – Токио: Мияи сёбб, 2013 (в соавт.); «Ута-о какэау хитобито – хигаси Адзия-но утабунка» («Люди, которые обмениваются песнями – песенная культура Восточной Азии»). – Токио: Мияи сёбб, 2017 (в соавт.).

〒606-0831 Киото-си, Сакёку, Симогамо Китадзоно-тё, 104-3.

E-mail: amt02969@mineo.jp

Природный пейзаж, связанный с богами, становился ядром стихотворения, и сведения такого рода распространялись в социуме, являясь частью песенного тезауруса того времени.

Ключевые слова: теонимы; воля богов; тезаурус песен *ута*.

Не подлежит никакому сомнению, что в эпоху «Манъёсё» обряды почитания богов *ками* практиковались и на уровне высшей власти страны, и в рамках отдельных родов, и на уровне отдельных людей. В записи «Нихон сёки» от первого месяца 4-го года правления императора Тэмму говорится о жертвоприношениях во всех святилищах, а также, в 4-м месяце того же года – о совершении обрядов перед божествами ветра в Тацута и божеством Великого Очищения в Хиросэ. Множество записей о совершении ритуалов мы видим и в «Сёку нихонги». В «Уложении эпохи Ёрō» в разделе о чиновниках, прежде всего, провозглашается, что в обязанность управителя провинции вменяется обеспечивать в доверенной ему земле проведение ритуалов перед всеми богами. Это означает, что моления богам возносятся от имени государства в целом.

Кроме того, в «Харима-фудоки», в разделе об уезде Касима мы узнаем, что род гадателей Урабэ, связанный с ритуалами служения Великому божеству Касима, проводил службы ежегодно, в 10-й день 4-го месяца. Надо думать, обряды такого рода, проводимые в честь богов – объектов почитания внутри конкретного рода, а также в честь божеств-предков, не ограничивались сферой местной аристократии.

Как мы видим из пометы к песням «Манъёсё» № 379-380 из Третьего Свитка, «эти песни были сложены во время жертвоприношения богам рода Оотомо в 5-м году Тэмпиё (733 г.), зимой, в 11-м месяце», т.е. в рамках высших по социальному положению родов тоже проводились аналогичные ритуалы, посвященные родовым богам. В то же время молитвенные обращения к богам практиковали и отдельные люди, испрашивающие безопасность в дороге или встречу с возлюбленным – в «Манъёсё» таких песен, песен путешествий и любовной лирики, можно вспомнить немало.

Теперь рассмотрим на материале «Манъёсё» вопросы относительного того, как во времена японской древности трактовалась проблема божеств *ками* и как с ними соотносились люди. Это будут, в частности, вопросы о том, каким образом в поэзии описывались сами божества, а также связанные с ними явления и события, и почему всё

это выражалось именно таким образом. Цель настоящей работы именно в этом. Следует оговориться, что в «Манъёсю» есть песни, где в качестве божества воспевается император («наш великий государь,/ наш светлейший, славный бог» – «Манъёсю», №1053)¹, но в настоящей работе мы включаем в сферу рассмотрения только тех божеств, которых в древности прославляли как богов Неба-Земли, т.е. богов природы, богов-прародителей, богов, имеющих имена.

1. Предания о богах *ками*

Поставим вопрос о том, каким образом люди древности могли ощутить существование божества *ками* как такового.

В «Кодзики», в разделе об императоре Судзин, чтобы объяснить происхождение обычая проводить ритуалы богам, рассказывается сюжет о божестве горы Мива по имени Оомонуси-но *ками*. В стране бушует эпидемия, и опечаленному императору, спящему на священном ложе², во сне является божество и сообщает: «Моё сердце причиной всему этому».³ Обстоятельства, предшествующие появлению божества, таковы: оказавшись лицом к лицу с неожиданным бедствием (эпидемией), император хочет узнать волю богов. И тут узнает, что действует вполне определенное божество – бог Мива – Оомонуси-но *ками*.

Люди древности, которых можно назвать религиозными специалистами, с помощью такого мистического опыта могли ощутить не просто появление божества или божеств вообще, они при этом распознавали конкретное божество. А для того, чтобы молиться этому божеству, непосредственно обмениваться с ним информацией и дарами, совершенно необходимо было знать имя божества.

Каким же образом можно было его узнать?

В «Нихон сёки», в сюжете, предшествующем регентству Дзин-

---

¹ Цитаты из «Манъёсю» приводятся по переводам и комментариям А.Е. Глускиной: Манъёсю (Собрание мириад листьев). В трёх томах. – М.: ГРВЛ, Наука, 1971 (напоминаем, что в то время не всегда отображалась долгота гласных в транскрипции японских слов). Здесь и далее все постраничные сноски принадлежат переводчику. Примечания автора статьи, Масимо Ацуси, как и в оригинале, даются в конце текста статьи, они пронумерованы римскими цифрами.

² Священное/божественное ложе – по-видимому, ложе, прошедшее специальные очистительные обряды, и император спал на нём с целью узнать волю богов.

³ Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 2 / Пер. Л.М. Ермаковой. – СПб.: Шар, 1994. – С. 56.

гү *kōgō*, рассказывается, как государыня-супруга Дзингү, взяв на себя функцию жреца, самолично совершила ритуал перед богами *ками*, чтобы узнать имя одного божества. В его прорицании усомнился супруг Дзингү, император Тюай, и за это божество лишило его жизни с помощью *татар* (порча, вред, насланный божеством). В ответ на вопрошание в ритуале, божество прежде всего назвало себя: «Это богиня, пребывающая в храме Саку-судзу-и-судзу-но *мия*, в угодьях Ватараи, что простираются стократ, в стране Исэ-но куни, где дует ветер богов; имя её – Цуки-сакаки-ицу-но митама-ама-дзакару-мукацу-химэ-но *микото*», а из ответов на дальнейшие вопросы выяснилось, что действовала также «богиня вышедшая, подобно флажку-колосу травы *сусуки*, и пребывающая в уезде Ава в Атафуси, что в Ота», а также «бог Амэ-ни-котосиро-сора-ни-котосиро-тамакуси-ирибико-иту-но котосиро-нуси-но *ками*». На дальнейшие вопросы оракула последовал ответ: «Есть ещё бог, вышедший, подобно молодой водоросли, что была на дне вод, в Одо, в Татибана, что в стране Химука-но куни, имя его – Ува-цуцу-но о, Нака-цуцу-но о, Соко-цуцу-но о».¹ Здесь божества один за другим объявляют свои имена (совершают *нанори*, «называние имён»), и все эти имена отличаются друг от друга, в одних содержатся явные параллелизмы, в других же нет никаких словесных украшений.

В том же «Нихон сёки» во фрагменте от 7-го месяца первого года правления императора Тэмму рассказывается, как во время подготовки к сражению с военными силами противника в управителя уезда Такэти по имени Такэти-но *агатануси* Комэ вселились божества, и они прорицали, объявив свои имена: «Я – бог Котосиронуси-но *ками*, пребывающий в Такэти. А я – Ику-митама-но *ками*, пребывающий в храме Муса».

Из приведённых цитат явствует, что получить сведения от богов можно было с помощью ритуала спиритуалистического характера, т.е. с помощью мер, временно сводящих божество на землю, а также в случае, когда божество, внезапно вселившееся в человека, имеющего шаманские способности, через него открывает своё имя (*нанори*).

Явления такого рода, как открытие богом своего имени, в нынешние времена можно наблюдать в состояниях шаманской одержи-

---

¹ Это божества разных уровней моря: бог-муж верхних вод, бог-муж средних вод и бог-муж дна.

мости у религиозных специалистов, а также в процессе обретения шаманского дара, и это явление, по-видимому, можно считать универсальным в шаманизме подобного рода.ⁱ

Имя божества открывается при внезапном вхождении религиозного специалиста шаманского типа в состояние одержимости божеством, и впоследствии это имя, повторяясь в празднестве или обряде, принимает определенную постоянную форму. Имена богов – это ключевые слова при обмене информацией или дарами с божествами–носителями этих имен, и именно таким образом учреждались культы поклонения богам в каждой местности страны и внутри каждого рода. После принятия системы «Рицурё» на уровне государства была упорядочена система ритуалов, посвященных таким богам. Тогда имена богов собирались в списки при управе Дзингикан (Управа богов Неба и Земли), а в некоторых случаях на государственном уровне учреждались культы других богов и вне этого списка.ⁱⁱ

Аналогично этому, в Новое время в королевстве Рюкю обряды божествам всех местностей проводили женщины-жрицы, главой которых была Кикоэ-оокими, высшая жрица всего королевства, а имена богов были внесены в краеведческую летопись «Записи о происхождении королевства Рюкю» (составлена в 1713 г.), включающую сведения о государственных делах, а также о различных святилищах (*утаки*) и празднествах внутри дворца, в столице (Сюри) и в каждой местности королевства.ⁱⁱⁱ В любой деревне жрицы (*норо*) и священнослужительницы (*цукаса*) совершали определенные обряды перед богами святилища, и когда они должны были передавать свою должность преемнице, надо было открыть ей имя божества, которое почиталось в данном святилище, и это была весьма торжественная и мистическая церемония. Теоним – ключевое слово при обмене дарами или информацией с божеством. И поныне сведения об имени божества не открывают простым жителям деревни, как и подробности совершаемой службы. Надо сказать, они и не делают попыток что-либо узнать, поскольку божества внушают им страх и трепет.^{iv}

В отличие от этой ситуации, характерной для разных областей королевства Рюкю, в древней Японии первый свиток «Кодзики» и два первых свитка «Нихон сёки», повествующие об «эпохе богов», принадлежали миру придворных и чиновников, поэтому имена богов, связанных с придворными и общегосударственными ритуалами, были знанием, которым служившие при дворе обязаны были обладать. Ина-

че обстояло дело по отношению к людям, находившимся вне этого мира, но всё же такие сведения не предписывалось держать в строгой тайне, их получение не было связано с особым типом сознания жрецов.

То же можно сказать и песнях, помещённых в «Кодзики» и «Нихон сёки».

Например, в Первом свитке, в эпизоде о посылке на землю бога Амэ-но вакахико, рассказывается, как за этого бога был принят его друг Адзисикитака-хиконэ-но *ками*, последний рассердился за эту ошибку и улетел, и тогда его младшая единокровная сестра, Такахимэ-но *микото*, желая раскрыть его имя, сложила так:

О, жемчужина с отверстием,
На нити жемчужин,
На священной нити,
Что надевает на шею Дева-ткачиха
С небес, —
Это он,
Бог Адзисикитака
Хиконэ-но *ками*,
Что священные долины
Пересекает по две!¹

Далее подписано: «Эта песня есть Хинабури – Сельский напев». Из этой пометы явствует, что данная песня, раскрывающая имя божества и обстоятельства, с ним связанные, попала ко двору, транслированная как местное предание.

Теперь поставим вопрос о том, какие сведения мы можем получить относительно теонимов в стихотворениях «Манъёсё».

Обычно считается, что в песнях «Манъёсё» имена богов довольно редки^v, но рассмотрим некоторые из примеров.

Пещера Сидзу,
Где когда-то были боги —
Онамути, Сукунабикона...
О, сколько же веков
Вот так стоит она? (№ 355)

---

¹ Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1 / Пер. и коммент. Е.М. Пинус. – СПб.: Шар, 1994 (Литературные памятники древней Японии). – С. 80.

Это боги —
Сукунахикона, Оонамути
Назвали, верно, так.
Но зовут напрасно
Гору здесь — “Утешу” [гора Нагояма – прим. перев.],
Ведь тоски моей и тысячную долю
Не утешить что-то ей никак. (№ 963)

Как приятно любоваться мне на горы,
Что Любимый и Любимая зовут
[две горы Имо-сэ-но яма – прим. перев.],
Их когда-то сотворили боги —
Сукунамиками
И Оонамути. (№ 1247)

В этих песнях содержатся имена богов Оонамути-но *ками* и Сукуна-бикона^{vi}, о которых в «Нихон сёки» в разделе «Эпохи богов» говорится как об управителях Поднебесной.

О них же говорится в «Идзумо-фудоки» и в «Харима-фудоки», например, в «Идзумо-фудоки»: «Село Мори; находится в 39 *сато* 190 *аси* на юго-восток от уездного управления. Великий бог Оонамоти, создавший Поднебесную, усмирив восемь земель в Коси, возвратился домой и по прибытии на гору Нагаэ изрек: «Страну, которую я создал и которой владею и управляю, я хочу передать тебе, потомку богов. Спокойно владей и управляй ею века. Только страну Идзумо, страну, где я нахожусь, откуда поднимаются, клубясь, восьмиярусные облака, окружу я зелеными горами наподобие изгородей, поставлю в ней свою *тама* и оставлю себе и буду охранять» (*мораму*), – так он сказал. Поэтому-то село и называют Мори. (В 3-м году Дзинки написание [названия села] было изменено на 母理).¹

В «Харима-фудоки»: «Гора Михаси; бог Оонамути, сложив соломенные мешки, построил лестницу (*хаси*), а поскольку камни этой горы похожи на ступени лестницы, то гору и назвали Михаси».²

В другом месте: «Гора Инаданэ; два бога – Оонамути и Сукунахико, находясь на горе Икуно, что [на землях] села Ханиока в уезде

---

¹ Уезд Оу // Идзумо-фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, ГРВЛ, 1966. – С. 21-22.

² Харима-фудоки, уезд Ийбо // Древние Фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – С. 81-82.

Камудзаки, увидели эту гору и сказали: «На этой горе можно сложить рис» (*инаданэ*), – так они изреклись; взяв рис, они сложили его на этой горе; гора по очертаниям похожа на суслон риса; поэтому её и назвали Инаданэ».¹

То есть действия этих двоих богов^{vii} описаны в связи с происхождением земель и их названий. В «Идзумо-фудоки» подчёркивается, что Оонамути-но *ками* – «великий бог, создавший Поднебесную», бог-творец земли; в «Харима-фудоки» его описание совпадает с песнями «Манъёсю» № 355 и № 963. Вероятно, такие предания о творении были связаны с представлениями о возникновении гор и прочих частей ландшафта и циркулировали в разных местностях страны. Если обратиться к «Сёку нихонги», памятнику, созданному после «Нихон сёки», то там, в разделе от 9 года Хёки, день *киноэ-сару* 12-го месяца говорится, что в стране Оосуми в течение эры Сингё в море жил бог, который сотворил острова, имя ему было Оонамоти-но *ками*, и святилище ему было прибавлено к уже официально имеющимся. Естественно предположить, что в каждой местности этой части Японии предметом преданий служили деяния этих двух божеств, как они отражены в песнях «Манъёсю» – сотворение гор, наречение их именами, их передвижения.

Пещера Сидзу (Сидзу-но ивая), гора Нагояма и горы Имосэ-но *яма* – топонимы в песнях «Манъёсю», связанные с этими божествами. О местоположении горы Нагояма мы знаем из пометы к песне «Манъёсю» № 963: «Песня сложенная госпожой Отомо Саканэ зимой [второго года Тэмпё (730 г.)] в одиннадцатом месяце, когда она, покидая дом Отомо Табито в Дадзайфу, направлялась в столицу и переходила гору Утешу [гора Нагояма – *прим. перев.*], в Мунаката в провинции Тикудзэн, на острове Кюсю».

Горы Имосэ-но *яма*, т.е. гора влюбленной девушки и гора влюблённого юноши, – две расположенные друг напротив друга горы в провинции Кии, в Идзу, у реки Ки-но гава. Эта песня «Манъёсю» была, вероятно, сложена во время путешествия. Что касается пещеры Сидзу, то мы не располагаем никакими сведениями об авторе этой песни, Оуси-но *сугури* Махито, трудно судить и о местоположении этой пещеры^{viii}, так что обстоятельства складывания песни неясны. Можно предположить, что предание о сотворении гор Имо-сэ-но *яма*

---

¹ Харима-фудоки, уезд Иибо // Древние Фудоки. С. 83.

божествами Оонамути-но *ками* и Сукуна-бикона-но *ками* распространилось при дворе в результате путешествия в эти края императора Саймэй и последующих правителей. Наверно, вращаясь при дворе, автор и узнал предания о создателях этих мест.

В «Маньёсю» часто встречаются топонимы Имо-сэ-но *яма*, Имо-*яма*, Сэ-но *яма*, и во многих стихах говорится об отношениях между *имо* и *сэ*, девушкой и юношей, но именно в этой *танка* запечатлено предание о возникновении этих гор. Что касается горы Нагояма в провинции Тикудзэн, то предание о её возникновении могло быть записано чиновниками Дадзайфу, главной управы острова, при составлении реестров обычаев и земель в жанре *фудоки* – как часть описания Кюсю в целом или отдельных провинций. Чиновники Дадзайфу могли знать топоним Нагояма, по ассоциации слов напоминающий слово *нагусаму*, «утешать», возможно, что это знание для них стало частью мира их поэтической деятельности. Вполне можно предположить, что и Саканоз, отправившись на Кюсю, могла узнать об этой горе и этой постоянной поэтической ассоциации через чиновников Дадзайфу.^{ix}

Итак, в песнях воспевается путешествие двух именитых божеств и их остановка в пещере Сидзу, что было «много веков назад», а также сотворение ими двух гор Имо-сэ-*яма* и прославление других их деяний – это хвалебные гимны данной местности, происхождение которых уходит корнями в предысторические времена.

С другой стороны, в песне о горе Нагояма говорится: «это боги — /Сукунахикона, Оонамути /Назвали, верно, так», т.е. речь идёт о происхождении названия горы, и на основе смысла этого топонима и созвучия его с другими словами это стихотворение приобретает лирическое содержание. В данной песне, сведения о богах в духе сюжетов «Фудоки», связанные с верованиями и носящие религиозную окраску, благодаря звучанию топонима преобразуются и переходят в мир литературы.

Можно сказать, что в песнях, содержащих имена богов, чаще всего наблюдаются следующие цели: во-первых, объяснить происхождение местности или топонима (как в вышеприведенных песнях, а также в «Маньёсю», № 292: «Гавань Такацу, где пристала Ама-но Сагумэ с извечных небес на каменном корабле...»). Ещё одна возможная цель – изложить предание о богах с рассказом о начале вещей и деяний, как в «Маньёсю», № 1065: «Со времен бога Ятихоко-но *ками* тут приставали и приставали корабли, сотня кораблей...». Такой способ

поэтического воспевания придавал месту, топониму, действию особую ценность, поскольку устанавливал их связь с «эпохой богов». А песня, оставшись в памяти, в мире поэзии становилась распространителем преданий о божествах и происхождении местности – в песенной форме.

2. Призывы к божествам

В «Манъёсё» есть песни, в которых содержатся призывания богов и изъявление пожеланий. Например:

О мой милый сердцу друг!	В Суминоэ!
Из Ямато, из страны,	Пусть же он
Что узрели в небесах	Правит на носу судна,
Боги в ясной высоте,	Пусть же этот грозный бог
Дивной в зелени листвы,	Станет кормчим корабля,
Из столицы Нара ты	Каждый раз, когда корабль
Прибываешь в Нанива,	Будет возле мысов плыть,
Что сверкает блеском волн.	Каждый раз, когда корабль
В Суминоэ, в Мицу вновь	У причалов должен стать!
Ты плывешь на корабле	С грозным ветром и волной,
По морю прямым путем,	С бурей не встречайся ты
Посланный в далекий край,	И спокойно, без беды
Где заходит в небесах солнце.	Возвращайся к нам домой,
Страшно и сказать,	В старую страну свою...
Страшно и произнести,	Возвращайся в край родной!
Как могуч наш грозный бог	

(«Манъёсё», № 4245)

Это песня неизвестного автора, сложенная в 5-м году Тэмпё и отправленная Тадзихи-но *махито* Хиронари, когда его отправляли послом в Китай. Предполагается, что она типологически сходна с песнями 1020 и 1021, сложенными в 10-м года Тэмпё при отправке Исоноками-но Маро в провинцию Тоса, и восходит к фольклорной песне.^x В песнях 1020-1021 призываются божества Суминоэ – «пусть сойдут с высот своих,/ на корме, на корабле,/ направляют пусть в пути!», и далее – «пусть встречаться не дадут/ С бурной пенистой волной/ С грозным ветром на пути», и, в конце концов, «Чтоб, не зная страшных бед/ И недугов избежав,/ Возвратился ты домой». Здесь примечательно то, что объект инвокации титулуется как «грозный бог Суминоэ», а имена этого тройного божества в их конкретном виде не

появляются. В «Кодзики» бог Суминоэ записан как 墨江大神 (Суминоэ-но *ооками*, бог местности Суминоэ), в «Нихон сёки» даже просто как 住吉大神 (Сумиёси-но *ооками*, Сумиёси-*дайджин*), однако, как уже говорилось раньше, имён этого составного божества три – Ува-цуцу-но о, Нака-цуцу-но о, Соко-цуцу-но о. Надо думать, что в ритуалах перед богом Суминоэ все эти имена возглашались. В вышеприведенной песне «Манъёсё» не только об этих именах, но даже и о выражении «бог Суминоэ» сказано: «Страшно и сказать,/ Страшно и произнести,/ Как могуч наш грозный бог/ В Суминоэ».

В типологически сходном тексте песен № 1020-1021 говорится:

С трепетом приказу вняв	Направляют пусть в пути!
Государя своего,	И у дальних островов,
Удалился ты в страну,	Что ты будешь проплывать,
Что за морем залегла,	У скалистых мысов всех,
Что лежит вдали от нас,	Что ты будешь огибать,
Ты возлюбленный мой друг.	Пусть встречаться не дадут
Боги грозные, о ком	С бурной пенистой волной,
И сказать великий страх,	С грозным ветром на пути.
Боги Суминоэ вдруг	Чтоб, не зная страшных бед
В образе людей явьясь,	И недугов избежав,
Пусть сойдут с высот своих,	Возвратился ты домой
На корме, на корабле	В прежнюю свою страну!

Здесь спрашивается безопасность морского плавания, при этом песня имеет форму призыва к божеству, описанному как 住吉の現人神 (Суминоэ-но *арахитогами*). Эта иероглифическая формула обычно трактуется как божество, принявшее человеческий облик и представшее как «явленный бог».^{xi} В данной песне об этом тройном божестве говорится: «Боги грозные, о ком/ И сказать великий страх». Здесь в японском тексте употребляется заключительная форма предиката: *ююси касикоси*, однако в примечаниях средневековых переписчиков сказано, что эту заключительную форму надо рассматривать как определительную форму, т.е. что имеется в виду конструкция «бог в Суминоэ, о котором можно говорить только с великим трепетом».

Перед отправкой посла в Китай безопасность плавания испрашивалась перед богами у южного подножия горы Касуга-яма^{xii}, кроме того, рассылались гонцы с подношениями в святилища Исэ и во все

святилища семи трактов¹ в Кинай.^{xiii} Бог Суминоэ при отправке посольства в Китай почитался на носу корабля, считалось, что он оберегает судно во время путешествия. Отправление посольства в Китай (страну Кара) было важным государственным событием, соответственно, и все эти молебны были государственными мероприятиями. В среде придворных сановников также было принято устраивать прощальные банкеты с подарками для назначенных посланников и складывать при этом песни с пожеланиями безопасного пути – об этом свидетельствуют заглавия к стихам «Манъёсю» № 4242 – «Песня, сложенная на прощальном пиру в доме главного государственного советника Фудзивара Накамаро, когда провожали посла в страну Кара» и № 4262 – «Песня, сложенная на прощальном пиру в доме начальника дворцовой охраны Отомо Кодзихи во время проводов в страну Кара Отомо Комаро – помощника посла». Вероятно, вышеприведенное стихотворение № 4245 5-го года Тэмпё также было сложено по сходному случаю отправки посланника. Обеспечить посланнику безопасность в пути было, вероятно, насущной задачей для этого социума, и этот акт мольбы к богам был крайне важным для них. Можно себе представить, как велик был их трепет перед богами Суминоэ, управлявшими судьбой путешественников.

Излагать свои пожелания непосредственно богам означало выражать самые сильные свои устремления, однако можно предположить, что называние при этом имён богов было сопряжено с ощущением опасности. В «Песне, передающей чувства пограничного стража, горящего в разлуке Оотомо-но Якамоти, № 4408, имена божеств отсутствуют, даже в той части песни, в которой нет непосредственного моления к божеству – «Поднеся дары богам —/ Покровителям моим/ В Суминоэ, Буду я их об этом умолять». Видимо, страх перед этими богами был очень сильным, и имена их лишней раз не назывались.

Призывать богов – это действие, равнозначное обмену сообщениями или предметами. В норито «Энгисики» имена богов в текстах ритуалов записываются фонетически, что позволяло прочитать их одним единственным образом. Благодаря этому человек может взаимодействовать с душой божества, его слова в ритуале и в прошении, обращенном к богам, достигают до богов. С другой стороны, песни-

---

¹ Согласно системе Рицурё, зона Кинай западной Японии делилась на округа–тракты («семь трактов пяти округов Кинай»).

обращения к богам испрашивают у богов заступничества в пути, и обрядовые моления о благополучном путешествии по смыслу накладываются на песенные формулы.

Тем не менее, песни «Манъёсю» – это не обрядовые тексты. Вполне вероятно предположение, что именно поэтому в песнях с призывами к богам используются не имена богов как таковые, а эвфемизмы или описательные конструкции наподобие «мой великий бог Суминоэ» или «явленный бог Суминоэ».^{xiv}

Однако есть и песни, в которых мы видим выкликание имени божества. В «Манъёсю» № 1748 читаем:

О, странствие моё лишь семь продлится дней,
Пройдёт то время незаметно...
Принц Тацута [Тацута-хико – Л.Е.],
Не дай, — тебя прошу, —
Цветам раскрывшимся осыпаться от ветра!

Это «Две песни, сложенные, когда придворные чиновники отправлялись в Нанива весной, в третьем месяце», одна *тёка* («длинная песня»), другая – ответное пятистишие *ханка*. Тацута-хико – это дух ветра, почитаемый в местности Тацута. Видимо, двое других местных богов – Амэ-но михасира-но *ками* и Куни-но михасира-но *ками*^{xv} – получили статус богов-*ками* на государственном уровне по модели этого местного божества.^{xvi} Через местность Тацута с раннего времени шли оживлённые пути обмена между Ямато и Нанива. Прибавление к названию местности слова *хико* – «юноша», «парень» – было лёгким способом произвести имя бога *ками*, и оно было прекрасно известно придворной знати. О ритуалах на государственном уровне двум богам ветра – Амэ-но михасира-но *ками* и Куни-но михасира-но *ками* – говорится в «Нихон сёки», в разделе от 5-го года правления императора Тэмму, а потом эти сведения повторяются каждый год в 4-м и 7-м месяце; в «Сёку нихонги» записи об этом ритуале не зафиксированы, но в ещё более поздней летописи, «Сёку нихон кёки», в записи от 4-го месяца 10-го года Сёва сказано: «посланы гонцы для [молений, чтобы вознести хвалу] двум богам – Хиросэ и Тацута», отсюда явствует, что эти ритуалы как обряды моления об урожае проводились неукоснительно в 4-й и 7-й месяц каждого года. В «Энгисики» в разделе «Имена богов» мы видим запись: «святилище Тацута-хико, Тацута-химэ, два божества», таким образом, привычный в тех местах Тацута-хико тоже почитался, но отдельно от богов государст-

венного уровня.

Итак, в этой песне звучит просьба к божеству «пусть не осыпятся цветы», похожее на запрет или приказ. Как пишет Канаи Сэйити, поскольку произносилось имя божества, то «это пожелание продлить жизнь цветов, возможно, и не имело никакого отношения к государственной цели императорского выезда».^{xvii} То есть здесь мы имеем дело не с государственным ритуалом испрашивания урожая, а с персональным желанием, чтобы цветы не облетали, т.е. это случай нельзя считать ритуальным действием. Кроме того, это пожелание к цветам нельзя рассматривать в том же ряду, что пожелания безопасного возвращения путешественникам, с риском для жизни отплывающим в дальние края. Здесь, скорее, кроется мистическое переживание удивительного зрелища – сакуры, расцветшей в глущи гор, отсюда и молитвенное обращение к богу ветра данной местности, и это пожелание. Однако переживание такого рода, становясь источником для создания песни, все же не становится обрядом как таковым, это стихотворение просто сложено в форме обращения к божеству, но как вид развлекательной поэзии, рождающейся во время пира. В его тексте не ощущается трепет перед божеством Тацута-хико или страх по поводу приглашения его имени.

3. Сердце божества

Каким же образом в древности можно было узнать, «каково сердце» (намерения, воля и т.п.) божества?

Как я уже говорил, в «Кодзики», в разделе об императоре Судзин, где рассказывается о большой эпидемии, бог Мива, Оомонусино *ками* явился императору, когда тот спал на священном ложе, и «объявил своё сердце [свою волю, т.е. объяснил суть и причину своих поступков]». Во времена больших потрясений и бедствий люди хотят узнать волю богов. Вот пример случая, который в эпоху создания «Кодзики» рассматривался не просто как легендарное событие глубокой древности. В норито к ритуалам божеств ветра в Тацута¹ рассказывается о происхождении ритуала и святилища этих богов – как и в «Кодзики», дело происходит во времена императора Судзин. На протяжении многих лет продолжается неурожай, и император хочет узнать, какой бог за этим стоит. На его вопрошание – «чьё сердце при-

---

¹ Норито. Сэммё / Пер., исслед. и коммент. Л.М. Ермаковой. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991 (Памятники письменности Востока. ХСVII).

чиной» – бог является императору во сне и объявляет ему имена богов, а также сообщает, что этим богам надо служить ритуалы и возвести святилища. Это норито исполнялось каждый год 4-го и 7-го месяца ещё до эпохи Нара, поэтому это фольклорное предание о возникновении обряда говорило не только о событии далекого прошлого. Каждый раз, когда оно возглашалось, оно воспринималось как связанное с настоящим временем обряда. Если приходили несчастья и эпидемии, то для людей того времени обращаться к богам с молитвой и вопрошанием было привычным действием, составлявшим непосредственную часть их жизни.

То же и в «Манъёсю», в стихотворении Оотомо-но Якамоти «Песня, сложенная, когда, тоскуя о пропавшем соколе, увидел сон и исполнился радости». У Якамоти улетел сокол, составлявший предмет его гордости. В песне говорится:

В храмы славные богов,
Сокрушающих миры,
Вместе с тканями принес
Зеркало сверкавшее.
Поднеся, богов молил
И все время ждал его.
И тогда, придя во сне,
Дева мне передала:
“Слушай,
Сокол дивный твой,
О котором ты грустишь,
Улетел на берега
В Мацудаэ.
Пролетел
Бухту он Химиноэ,
Там, где ловят
Мелких рыб,

Облетел кругом не раз
Остров Таконосима
И к заливу Фуруэ,
Где в зеленых тростниках
Утки стаями живут,
Прилетал позавчера.
Там вчера он снова был.
Если близкий будет срок,
С этих пор
Пройдет два дня,
Если дальний будет срок,
Может быть, пройдет семь дней.
Но вернется он к тебе.
Не тоскуй же сильно так,
Всей душою, глубоко”.
Так сказала дева мне.

То есть Якамоти поднёс богам дары, вознёс к ним моления, и во сне к нему явилась дева с пророчеством, что сокол скоро к нему вернётся.

В предыдущем сюжете и в «Кодзики», и в норито богам ветра в Тацута говорилось о происхождении ритуала и святилища, и в этом видна твердая убежденность в том, что истоки социальных бедствий таятся в «сердце божества», и если обратиться к нему с мольбами, то

бедствия прекратятся. В противовес этому в последней песне про улетевшего сокола к богу, видимо, обращаются затем, чтобы из его речей узнать, в каком направлении искать птицу.

Как мы видим, в древности были не только такие случаи речений богов, когда бог говорил «я – причина бедствий, поэтому вы все должны совершать передо мной обряды», но и другие формы, как, например, в последней песне, где автор обратился к божеству с пожеланием, и оно откликнулось.

В любом случае, дело обстояло так, что если обратиться к божеству с молитвой, то оно откроет свою волю.

«Сердце божества», помимо вещей снов, могло явить себя ещё и благодаря священнослужителю, который проводит обряды перед божеством, как в песне «Манъёсё» № 4243:

Жрецы, что славят бога
В Суминоэ,
Молитву жаркую возносят за тебя,
И на пути вперед, и на пути обратном
Корабль твой славный быстро поплывет!

Эта песня – прощание с теми, кто направляется в чужеземные страны, и содержит благопожелания их морскому путешествию, выраженные через восхваление богов, чью волю сообщает служитель святилища Суминоэ. Их пожелания состоят в том, чтобы путешественники скорее вернулись обратно^{xviii}, и речения божеств в Суминоэ как раз соответствуют этому пожеланию.

Однако способов выразить своё пожелание было, вероятно, немало, и бывало так, что «сердце божества» оставалось не вполне понятным. Например, в *танка* 2856:

Не потому ли, что тогда в Ивата,
В стране Ямасиро, в священной роще я,
Святые жертвы принося богам,
Не слишком горячо молил их сердцем,
Теперь с любимую встречаться трудно нам?

Это стихотворение помещено также в домашней антологии Какиномото-но Хитомаро. Речь в нём идёт о сомнениях – «был ли я достаточно усерден» в своих молитвах^{xix}, может быть, чувства мои были недостаточны в тот момент, и вот теперь я никак не могу встретиться с возлюбленной....

В «Манъёсю», помимо испрашивания благополучного пути и возвращения домой, много также песен с просьбами по части любовных отношений, в которых состоит поэт. Моление о встрече и соединении с возлюбленной – это совершенно иное действие, чем государственный ритуал при отправке придворного чиновника с дипломатическим поручением, это чрезвычайно личное предприятие. И, вероятно, оно сильно отличалось от того упорядоченного обряда, который проводился служителями святилища. Эта песня испрашивает у богов благополучия и безопасности в пути и скорейшего возвращения к жене.^{xx} Однако почему автор песни при этом самолично подносит дары богам – неужели с ним рядом не было посредников в виде священнослужителей или жрицы *камунаги*? Надо думать, что даже если мольбы богам возносились человеком под руководством религиозного специалиста, желание его осуществлялось далеко не всегда. Человеческие устремления не достигали сердца божества.

В «длинной песне» *тёка* «Песня [Яманоэ Окура] о любви к сыну Фурухи» («Манъёсю» № 904) говорится:

...Но подул тогда неожиданно
 Ветер злой со стороны,
 Заболел малютка наш,
 Как нам быть, не знали мы.
 Перевязь из белой ткани
 Мы надели на себя,
 И кристальной чистоты
 Зеркало в руке держа,
 Мы богов небес молили,

К небу взоры обратив,
 Мы богам земли молились,
 Низко головы склонив.
 “Будет жив или не будет, —
 Все зависит от богов”, —
 Думал я и всей душою
 Им молиться был готов.
 И в отчаянье и горе
 Заклинал богов, молил...

Здесь речь идёт о том, что выздоровление или гибель – все зависит только от «сердца богов», и человек никак не может проникнуть в волю богов. Все, что он может, это только молиться и просить.

Однако если просить божество о встрече с возлюбленной, а встреча никак не происходит, то это можно объяснить неподходящим, неправильным способом доносить до божества свои просьбы. Поскольку это боги, то трудно понять, как правильно вести себя с ними, и, может быть, из-за неправильного поведения человека прихоти «сердца» божества принимают именно такую форму:

Оттого ль, что грех рукой коснуться
 Криптомерии, что чтят

Жрецы из Мива,
Где богам вино подносят люди, —
Мне с тобою встретиться так трудно? (№ 712)

Концовка этой песни девы Таниха Омэ сходна с концовкой вышеприведенной песни № 2856. Здесь также говорится о вине автора песни: она не может встретиться с возлюбленным, потому что прикоснулась рукой к священной криптомерии в Мива.

В мире «Манъёсю» упоминаются случаи, когда человек касается рукой священного дерева^{xxi}, но в данной песне именно в этом прикосновении ищется причина того, что встреча с партнером оказалась невозможна. Среди любовных песен «Манъёсю» есть много сложенных женщинами и написанными вокруг двух мотивов «он придёт» и «он не приходит», вероятно, это были наиболее принятые в то время темы. В песнях, о которых идёт речь, дело не в том, что мужчина решает «не пойду», и даже не в его раздумьях о том, почему ему не удаётся встретиться с возлюбленной.^{xxii} Предметом песни становится вопрос – не в его ли собственной оплошности кроется причина их «невстречи». И складывается искусное стихотворение, имеющее целью, не обидев девушку, назначить ей встречу ещё раз.

Кстати говоря, в этом стихотворении говорится о невозможности встречи потому, что автор стихотворения совершил грех – коснулся рукой священной криптомерии, а в *танка* № 2856 называется иная причина, но оба случая однотипны по предположительно-вопросительной концовке.

Выше мы уже упоминали о песне, в которой говорится об увиденном во сне:

Оттого ли, что, может быть, нынче
Думает он и грустит обо мне,
Ночью черной, как ягоды тута,
Каждой ночью
Мне снится возлюбленный мой! (№ 2569).

Здесь мы встречаем ту же вопросительную конструкцию, т.е. человеку не дано достоверно толковать то, что составляет содержание его сна.^{xxiii} Сны толковали жрицы–*камунаги* или гадатели, т.е. специальные люди, занимающиеся религиозной деятельностью. Здесь же, в данной *танка*, толкованием сна пробует заниматься обычный человек. Суть вышеприведенной песни № 2569 заключается в предположении: «возлюбленный снится каждую ночь, возможно, потому, что грустит

обо мне». Однако мир снов непостижим и недоступен обычным людям. И как бы человек ни старался, он не может быть уверен в достоверности своего толкования. Видимо, с этим связано употребление различных вопросительных частиц вроде «я» или «ка» в вышеприведённых стихах, выражающих сомнения говорящего.

В этом отношении можно усмотреть сходство с этим стихотворениям тех песен, где говорится о воле богов. Как видно из песни № 4243, воля божества отчётливо выражается через священнослужителя или жрицу *камунаги*^{xxiv}, т.е. религиозных специалистов, остальным же людям она непонятна, кроме того, вполне возможно, что им и не полагается её знать. И если желание человека не исполняется, то остаётся место для раздумий – может быть, способ изложения просьбы содержал незаметный для человека изъян, нарушение почтительности или что-нибудь ещё в этом роде. Такова одна из форм поэтики контакта с божеством в «Манъёсю».

В антологию включено множество песен лирического характера, а также песен-плачей, в которых авторы выражают сожаление о том, что их мечты не сбываются:

Я несу мольбу богам
Неба и земли,
Неужели никогда
Не увижусь я с тобой,
Что так сильно мной любим? (№ 3289).

Здесь выражена надежда, что всё-таки это пожелание может осуществиться, женщина, сложившая эту песню, обращается к мужчине, встреча с которым может оказаться возможной благодаря этой мольбе, вознесенной к богам.

В песне № 2657 говорится о том, что мольбы к богам напрасны, поскольку сердце человека невозможно привязать к себе и удержать:

Средь священной рощи ставят *химороги* —
Дерево, в котором скрыто божество,
Берегут его, молясь,
А сердце человека, —
Ведь никак не уберечь его.

Или рассмотрим песню № 202, представляющую собой ответную песню из неизвестной книги – плач Какиномото-но Хитомаро о принце Такэти.

В храме Накисава на алтарь
Ставили священное вино
И молились о тебе. Но напрасно:
Наш великий государь
Управлять стал солнцем в вышине!

Здесь имеется в виду, что, несмотря на предпринятые ритуальные усилия, принц всё же скончался.

Одна из этих песен – о любви, а вторая – плач-причитание, этим они различны, но их объединяет тема: пожелание, которое не исполняется. В первой «среди священной рощи ставят *химороги* — дерево, в котором скрыто божество, берегут его, молясь», во второй: «в храме Накисава на алтарь ставили священное вино и молились о тебе». В обеих песнях поэтические жалобы становятся выразительнее и сильнее, когда подчёркивается, что эти чаяния не сбылись.

В плаче «Манъёсю» № 3346 высказан упрёк богам:

...Боги неба и земли,
Полон я упрека вам.
В дни, когда я был в пути,
Где зелёная трава
Изголовьем мне была,
Как могли вы разлучить
Навсегда меня с женой?

В лирической по жанру песне № 558 упрёк звучит ещё сильнее:

Дары, что я принёс в священный храм
На алтари богов, что землю сокрушают,
Возьму назад,
Напрасны те дары,
Я всё равно с тобою не встречаюсь!

Здесь поэт требует назад свои дары, некогда принесённые богам.

В *танка* № 2661 поэт и вовсе просит богов оставить его в покое:

Боги, счастье приносящие душе,
Даже вы меня оставьте,
Я прошу,
Оттого что больше я не дорожу
Этой брэнной жизнью на земле.

В приведённом ранее стихотворении № 712 поэт опасается, что случайно дотронулся рукой до священной криптомерии, но есть и об-

ратный пример, когда автор готов посягнуть на священность территории богов, поскольку желанная встреча никак не происходит:

Даже страшную ограду, за которой
Скрыты боги, сокрушающие мир,
Я могу перешагнуть.
Отныне
Именем своим не дорожу. (№ 3663)

Однако это стихотворение вовсе не означает отрицания веры в богов *ками*. Люди считали, что волю богов постичь невозможно, и все не думали, что их пожелания всякий раз будут исполняться, стоит только попросить об этом. И такого рода песни созданы в этом смысле словом ключе вовсе не для того, чтобы высказать сомнения в божествах, а чтобы выразить предельность отчаяния. Как и в песне № 557:

Я тороплю корабль скорее плыть,
На рифы натыкаюсь под водою.
Перевернешься?
Что ж, перевернись, —
Я с радостью погибну ради милой!

Итак, все эти песни, в которых речь идёт о воле богов, дают основания рассуждать об отношениях человека с божествами.

4. Знание о песнях

Известно, что в «Манъёсю» встречается множество песен или строф, обнаруживающих несомненное сходство. Например:

Словно криптомерия у храма
В Исоноками, в Фуру, таков и я,
Был совсем я стар,
Но нынче снова
Повстречалась на пути моём любовь! (№ 1927)

Или:

В Исоноками,
Возле храма Фуру-дзиндзя,
Святая криптомерия стара —
Состарился и я, и всё же снова
Я чувствую в душе своей любовь. (№ 2417)

В этих двух песнях мы видим оборот, описывающий священный пейзаж – священная криптомерия у горы Фуруяма рядом со свя-

тилищем в Исоноками, и этот оборот представляет собой разновидность поэтического клише, так называемого лирического введения *дзё*, за этим конкретным «введением», согласно поэтическим канонам древности, должно последовать появление слова *ками*, божество.¹ «Криптомерия богов» у священной горы Фуруяма, запечатленная в мире песен «Манъёсю», вероятно, сохранилась в памяти людей как некоторое структурное ядро^{xxv}, вокруг которого строится стихотворение. По этому образцу затем складывались и многие другие песни, например:

Суги, что растут на горных склонах Фуру,
Здесь, в Исоноками,
Могут отцвести...
Только не таким ты был, мой друг любимый,
Чтоб любовь моя к тебе могла пройти! (№ 422)²

Или другой пейзаж, но построенный на тех же поэтических принципах:

О, с давних пор на склонах Фуруяма,
Где машут девы белотканым рукавом
Своим возлюбленным,
Стоит священная ограда...
С таких же давних пор я полюбил тебя! (№ 501)³

А вот два других примера, построенные по той же схеме, что «криптомерия богов в Фуру, около Исоноками»:

В Каминаби,
Там, где горы Миморо,
Криптомерия священная стоит,
И пока на ней не станет мох цвести,
Не пройдет век моя любовь! (№ 3228)⁴

---

¹ Добавим к разъяснению этой и последующих танка, что топоним *Фуру* омонимичен слову *фуру* «старый», отсюда ассоциация этого пейзажа и криптомерии со старостью в приведённых стихотворениях.

² Здесь употребляя слово «пройти» (*сугу/суги*) поэт, видимо, подразумевает ещё и омонимичное слово «криптомерия» (по-японски – *суги*).

³ Здесь тот же топоним Фуру, но в данном случае к нему подбирается не омоним со значением «старый», а другой, со значением «махать» (рукавом).

⁴ Здесь и в следующем стихотворении обыгрывается то же слово «*суги*» – «криптомерия», поскольку в них употреблён омонимичный глагол с частью *суги* – «проходить (о времени)».

Вот дерево святое суги —
“прохожу” в горах священных Каминаби,
Идущее порой на доски в храмах,
Стуча в которые, зовут богов...
Моя ж тоска все остается прежней, —
Ведь слишком велика моя любовь! (№ 1773)

Во всех этих стихотворениях часть, описывающая пейзаж, представляет собой приём лирического введения *дзё*, и в произведении описывается и тот пейзаж, который имеет непосредственное отношение к богам, и реальный пейзаж местности.

Раньше мы приводили песню № 712, где говорилось, что «грех рукой коснуться/ Криптомерии, что чтят/ Жрецы из Мива». Интересно в этой связи шестистишие *сэдока*, где обыгрывается тот же запрет на прикосновение к святой криптомерии:

Там, в долине вечных криптомерий,
Где жрецы богов могучих славят,
К алтарю неся дары святые,
Я рубил дрова,
И вот за это —
У меня едва-едва топор не отобрали... (№ 1403)

Далее, рассмотрим стихотворение:

О, если б ты сказала мне, что любишь,
На самом деле не любя меня,
В Унатэ, в рощах,
Где живут святые цапли¹,
Знай: боги будут знать, что ты лгала! (№ 3100)

Часть этого стихотворения «в Унатэ, в рощах, где живут святые цапли» воспроизводится в *танка* № 1344:

Как мечтаю я о деве молодой,
Что собрала б для меня плоды *суга*
Из священной рощи Унадэ, где живут отважные орлы,
И окрасив платье соком тех *суга*,
Пусть надела б это платье на меня.

---

¹ Птицы в этом пятистишии – *матори*, «истинные птицы», т.е. орлы. Здесь, видимо, описка переводчика, потому что в других случаях А.Е. Глускина переводит *матори* в том же фразеологизме как «отважные орлы». Разночтение Унатэ-Унадэ также случайно, речь идёт об одном и том же топониме.

В этом пятистишии речь идёт об осоке (*суга, сугэ*), и было бы вполне естественно использовать то же поэтическое клише, что в танка № 580: «глубоко сокрыты корни *сугэ* /в земле среди распростертых гор». Однако поэт использует для описания места, где растёт осока, не эпитетальный оборот «земля среди распростертых гор», а «священная роща Унатэ, где живут птицы *матори*». Недаром и в Добрословии [богов от] наместника земли Идзумо называется эта священная территория – «Унатэ, что в роще Сига в Кадзураги», где была помещена душа бога Котосиронуси-но *микото*¹, т.е. с помощью этого хвалебного фразеологизма сакральность места действия явно повышается.

Таким образом, пейзаж, связанный с деятельностью богов, становится основой для композиции песни, и можно предположить, что клишированные описания такого пейзажа становятся образцами, которые получают широкое распространение и передаются от одного к другому. Такие клише, не теряя прочной связи с верованиями в богов *ками*, в мире песенной поэзии принимают устойчивую форму и становятся всеобщим достоянием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, древние люди обращались к богам, испрашивая благополучного возвращения из путешествия, излечения от болезней, счастливой развязки в лирических отношениях. Однако трудно было понять волю богов и оставалось неизвестным, дойдут ли до них обряды и молитвы, осуществляются ли мечты. Эти тревоги и сомнения становились источником порождения различных песенных текстов и придавали им определенную форму. Помимо конкретных собственных забот люди воплощали в виде песен различные предания о богах, придавая тем самым ценность вещам и явлениям и распространяя эти ценности через общую базу знаний о песнях. Таковы, коротко говоря, наши выводы об отношениях между людьми и божествами – в том виде, в каком они были отражены в «Манъёсю».

---

¹ Котосиронуси – божество, связанное с верой в магическую силу *котодама* «души слова», вообще с речью, по-видимому, выполнял функции оракула. Именуется ещё Яэкотосиронуси – «Восьмислойный бог, знающий вещи» – и чтится как бог «души слова» и познаний. Упомянутое в тексте «Добрословие» см. в: Норито. Сэммё / Пер., исслед. и коммент. Л.М. Ермаковой. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991 (Памятники письменности Востока. ХСVII).

ПРИМЕЧАНИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

(Здесь и ниже примечания автора статьи Масимо Ацуси).

ⁱ См., например: *Сасаки Кōкан*. Сяманидзуму, экусутаси то хёрэй-но бунка. (Шаманизм, экстаз и культура одержимости). – Токио: Тёубокронся, 1980. О народных шаманах такого типа одержимости на островах Амами и на Окинаве см. также монографию автора данной работы: Коэ-но синва. Амами, Окинава-но симадзима кара (Мифы в устном бытовании. Острова Амами и Окинава). – Токио: Мидзуки сёбō, 2003.

ⁱⁱ См.: *Камата Дзюнъити*. Дзиндзя сайсиммэй-но кисита хō-ни канрэн ситэ. (Относительно записи имён богов в посвященных им святилищах) // *Кōгакан сигаку*, 2010. – № 25. В этой работе Камата Дзюнъити пишет о теонимах, содержащихся в «Энгисики», в разделе «Имена богов», где они расписаны по святилищам, и о связи богов со святилищами, при этом указывает, что в некоторых случаях имя прославляемого бога вообще не фигурирует. С другой стороны, в качестве примера того, как сверху назначается для прославления новый бог, не имеющий отношения к местным культам, можно назвать Ритуал богам ветра в Тацута, о чём речь пойдёт ниже. См.: *Хироока Ёситака*. Тацута, Ивасэмори кō (К вопросу о Тацута и Ивасэмори) // *Мифукуси*. – Нагоя, 1985. – № 31.

ⁱⁱⁱ Например, в 20-м свитке, в рассказе о местности Каримата на острове Мияко, в разделе «Обряды в святилище Оосиро (местное название «Упугуфумуту»)»: «Женское божество. Зовут Тоёми-акабоси Тэтанафурахаи нуси».

^{iv} *Орикути Синобу*. Кодай кэнкю. Миндзокугакухэн (Исследования по древности. Раздел народных обычаев). – Токио: Ооокатэн, 1929; *Иха Фую*. Нантō хōгэн сикō (Исследование истории диалектов южных островов). – Ракурō сёин, 1934; *Таканаси Хитоми*. Окинава-но дзёсэй сайси то симмэй дэнсё (Жрицы Окинавы и предания об именах богов) // *Сэцува дэнсёгаку*. – № 11; *Таканаси Хитоми*. Окинава-но каминтютати (Служительницы богов на Окинаве). – Ивата сёин, 2009; *Масимо Ацуси*. Окинава-ни окэру дзёсэй синъяку сёнин гирэй (Обряды вступления женщины в статус прислужницы богов на Окинаве) // Сборник материалов Международного симпозиума по японоведению в Таиланде. Лекция по японской литературе на филологическом ф-те университета Чулалонгкорна. – Бангкок, 2011.

^v *Сакураи Мицүру*. Макура-котоба то симмэй то (Постоянный эпитет макура-котоба и имена богов) // *Кокугакуин дзасси*, 1958. – Т. 59. – № 9. *Сакураи Мицүру*. Манъёсё-но миндзокугакутэки кэнкю (Этнографическое исследование «Манъёсё»). – Токио: Офү, 1995. См. также собр. соч. этого автора.

^{vi} В стихотворении «Манъёсё» № 1247 этот бог фигурирует как *Сукуна-миками*, это имя встречается в «Кодзики», в разделе об императоре Тёай, и в «Нихон сёки», раздел регентства Дзингү, в записи от февраля 13-го года.

Очевидно, что оно представляет собой разновидность имени Сукуна-бико-на-но *ками*.

^{vii} В «Харима фудоки» говорится «Она-суку-хиконэ», т.е. возможны случаи записи этих двух божеств как одного.

^{viii} Местонахождение этой пещеры неизвестно. Мотоори Норинага в своём трактате «Тама кацума» («Драгоценная корзина») помещает её в провинции Ивами, уезде Ооти, деревне Ивая.

^{ix} О том, как предания о богах разных местностей вплетаются в песню «Маньёсю», см.: *Идзуми Кэндзи*. Хассэйки-но бунгэй сайкуру – тихō кара тјоб-э (Художественные циклы VIII в. – с периферии в центр) // Мифукуси, 2010. – Т. 81. – № 12; *Идзуми Кэндзи*. Хина-но тикара – тихō-но кукан нинсики то тјоб то (Сила сельских мест – восприятие пространства на периферии и центр) // Бунгаку. Гогаку. – 2015. – Т. 212. – № 4. Вышеприведённые работы можно считать наиболее важными для понимания характера обмена между столицей и провинцией в области культуры и искусства.

^x *Кодзима Кэнноскэ*. Бунгаку ва аруку то иу кото-о мэгуттэ – кōто дэнсё-но бунгаку (О той литературе, которая умеет ходить – фольклорная словесность) // Кокуго кокубун, 1956. – Т. 25. – № 1; *Кодзима Кэнноскэ*. Дзёдай нихон бунгаку то тјогуку бунгаку (Японская литература древности и литература Китая). – Токио: Таканава сёбō, 1964; см. также его Собр. соч.

^{xi} О том, что в древних мифах божества могли принять образ человеческий образ см. «Кодзики», раздел об императоре Ёрюяку, где есть «великий бог Кадзураки».

Кроме того, бог Суминоэ принимает облик «явленного человека-бога», о чем мы находим свидетельство в «Маньёсю сякутō» (20-томное исследование Итō Хаку, 1995-2000 – *Л.Е.*), где приводится пример из фрагментов «Фудоки» с описанием провинции Сэтцу, подраздел «Суминоэ». Кроме того, в «Маньёсю дзэнкай» («Полное объяснение “Маньёсю”») Тада Кадзуоми в 7-ми тт., 2009-2010 г.) приводятся примеры из «Сумиёси тайся синдайки», а также из Хэйанского периода – из повести «Исэ-моногатари», поэтических сборников «Сюи вакасю» и «Сика вакасю». Эти примеры свидетельствуют о том, что верования такого рода существовали и много позже.

Другим примером почитания божества в человеческом облике может служить фрагмент из «Кōбдайдзингū гисикитё» («Реестр ритуалов святилища великой царственной богини [Аматэрасу]», где говорится в разделе «Павильон [божества] Цукуёми-но мия»: «Облик его – верхом на лошади, облик мужчины, облачён в лиловые одежды»). Если взять ещё более поздние материалы, то известно, что аналогичное верование зафиксировано и относительно божества Цукуёми-но *ками* в местности Исэ.

^{xii} «Сёку нихонги», запись от 2-го месяца первого года, в день *мидзунэ сару*.

^{xiii} «Сёку нихонги», запись от 4-го месяца третьего года Тэмпэй-Сёхō, в день *хиноэ тацу*.

^{xiv} Примеры песен, в которых испрашивается благополучный путь и возвращение домой, это песня Яманоэ Окура «Песня о благополучном путешествии и благополучном возвращении» («Манъёсю», № 894), в которой поэт обращается к богу страны Ямато – Оокунимитама, а также песня из группы «песен пограничных стражей»: В саду своем / Я богу Асува / С деревьев ветки поднесу с мольбою, / Молиться буду всей душою, / Чтоб не было беды, пока я не вернусь!» («Манъёсю», № 4350). В этих двух песнях называются имена богов, но в них нет непосредственного обращения и призыва к богам.

Форма такого непосредственного обращения наблюдается в песне № 549 – «О боги неба и земли! Нам помогите», кроме того, в песне № 4009 «Боги всех дорог и всех путей, / Что давно отмечены яшмовым копьём, / Вам дары несусь — / О друге дорогом / Я прошу вас позаботиться в пути!», а также в песне 4240 «Шлют это милое дитя в страну Кара. / Храните же его, Святые боги!». В этих трёх песнях содержится непосредственное обращение к богам, однако примечательно, что во всех трех сами имена богов не приводятся.

^{xv} В «Энгисики» эти имена приводятся в виде Амэ-но михасира-но *микото*, Куни-но михасира-но *микото*, а в «Монтоку дзицуруку» («Летопись времен императора Монтоку», завершённая к 879 г.) в записи от 3-го года Касё, 7-го месяца, в день *канозэ ину*, они имеют вид Амэ-но михасира-но *ками*, Куни-но михасира-но *ками*.

^{xvi} См. прим. II, Хироока, комм. 2.

^{xvii} «Манъёсю дзэнтō» (Полные примечания к «Манъёсю»). – Токио: Юхи-каку, 2003. – Т. 9.

^{xviii} Среди песен, которые подносились отъезжающим в страну Кара и выражали мольбу об их скорейшем возвращении, можно назвать № 62 (*хая каэриконэ*, «скорее возвращайся»), №№ 894, 895, 1453 (*хая каэримасэ*, «изволь скорее возвратиться»), № 1784 (*фунэ-но хаякэму*, «чтобы скорее вернулся корабль»), № 4243 (*фунэ ва хаякэму*, «пусть скорее вернется корабль»), № 4264 (*хая ватарит китэ*, «скорее переплыви [пролив] и приезжай»), № 4265 (*хая каэрикомото*, «скорее обратно прибуди»). Подобные обороты речи можно встретить в песнях при отправлении посланцев в государство Силла и в западные округа острова Хонсю.

^{xix} См.: *Омодака Хисатака*. Манъёсю дзэнтōсяку (Комментарии к «Манъёсю»). – Токио: Тёб кōронся, 1963, где автор доказывает, что вопросительная частица «я» в данной песне выражает утверждение нежелательного, негативного исхода: «не потому ли...?» – «да, поэтому».

^{xx} Такэда Юкити в своем труде «Манъёсю дзэнтōсяку (Полные комментарии к «Манъёсю», раздел 10) относит эту песню к группе песен о путеше-

ствиях. Он пишет: «поэт никак не может увидеться с женой, вероятно, потому, что находится в путешествии, и срок его возвращения по разным причинам всё время откладывается».

^{xxi} Например, «Маньёсю», «Песня первого советника двора и главного полководца Отомо [Ясумаро]):

И к деревьям, что священными зовутся,
Прикасаются порой руками,
Ты же мне твердишь,
Что ты — жена чужая,
И тебя запрещено касаться!» (№ 517).

^{xxii} Об этом свидетельствуют следующие песни «Маньёсю»:

«И позпрошлый год,
И год прошедший,
И этот год — все также я люблю,
Но деву милую мою
По-прежнему мне трудно встретить!» (№ 783)

Белая волна, что набегаёт
На берег бухты Саданоура,
Не знает отдыха. Вот так и я,
Не зная отдыха, тоскую...

Но почему мне трудно встретиться с тобой? (№ 3029).

^{xxiii} См. *Масимо Ацуси*. «Чюмэ-ни мию[ру]» то утау кото ва (Воспевание того, что “увидел во сне”) // Кодай бунгаку. — 1992. — Вып. 31. — № 3; Маньёка сэйсэйрон (Становление песен «Маньёсю»). — Токио: Мияи сётэн, 2004.

^{xxiv} Например, в «Нихон сёки», в раздел об императрице Кōгёку, рассказывается, как на 2-й год правления императрицы Кōгёку, во втором месяце, «местные жрицы наломали веток [*сакаки*], и, прикрепив к ним нарезанные полоски белой с изнанки коры бумазёйного дерева [изготовив таким образом священный предмет для призывания в него богов], во время перехода Великого министра через мост давали объяснения словам богов (*камугото*), но жриц было очень много, и их невозможно было расслышать».

^{xxv} В «Нихон сёки» в разделе правления императора Кэндзō есть эпизод, предшествующий интронизации Кэндзō, когда принц Вокэ открывает своё подлинное имя с помощью песни. В ней говорится: «В святилище Исо-но ками фуру / у криптомории богов / ствол срублен./ ветви отсечены...», и здесь строка «Исо-но ками фуру» становится связующим звеном между событиями эпизода и миром песни и другими жанрами словесности древней Японии.

MASHIMO Atsushi
Gods in the «Man'yōshū»

In the Ryukyu kingdom of the 18th century a register of the names of gods and mythological tales was compiled; so, at the court and in the capital, as well as in each area of the kingdom, the rituals in honour of the gods were held. A priestess interacted with the «sacred soul» of the god whose name was a secret knowledge, and any attempt to break the secret provoked fear and awe. In contrast to this, in 8-th century Japan, at the Emperor's court various myths and legends concerning the gods were being collected, and it was essential for the courtiers to possess information about the gods and know their names – in order to conduct rituals on national scale honouring them.

In the world of the «Man'yōshū» poems information about gods could become a source for composing a poem; on the other hand, the poems as such became an instrument for spreading legends about gods. The names of gods were frequently used in songs – in the special world of the Imperial court theonyms did not necessarily become the object of taboos, as it had happened in the kingdom of Ryukyu. This does not mean that there was no fear and awe at all: if a song contained a direct appeal to some god, its author usually avoided pronouncing the name of the god.

It was believed to be impossible for a human to comprehend the «heart of a god» (his will), and the «Man'yōshū» songs reflect uncertainty and doubts about the poet's plea reaching the gods. In many cases a sacred landscape associated with gods would be used as a base for composing a song, and at that time information of such kind was widely spreading and circulating in the community as a part of the thesaurus of the common knowledge of songs.

Key words: theonyms, the will of gods, thesaurus of knowledge of *uta* songs.

MASHIMO Atsushi – Ph. D, D. Litt, Professor of Ritsumeikan University (retired).
The major field: ancient Japanese literature and folklore.

Chief works: “Koe-no shinwa. Amami, Okinawa-no shimajima kara” (Myths by voice. From Amami and Okinawa islands). – Tokyo: Mizuki shobō, 2003; “Man'yōka seiseiron” (The theory of generation of the “Man'yōshū songs”). – Tokyo: Miyai shobō, 2004; “Uta-no kigen-o saguru _ utagaki” (Seeking for the origin of songs – *utagaki*). – Tokyo: Miyai shobō, 2011 (in collab.); “Kojiki-no kigen-o saguru – sōsei shinwa” (Seeking for the origin of ‘Kojiki’ – myths of creation). – Tokyo: Miyai shobō, 2013 (in collab.); “Uta-o kakeau hitobito – higashi Azia-no utabunka” (“People exchanging songs – the song culture in The East Asia”). – Tokyo: Miyai shobō, 2017 (in collab.)

〒606-0831 Kyoto-shi, Sakyoku, Shimogamo Kitazono-cho 104-3.

E-mail: amt02969@mineo.jp

真下 厚
『万葉集』の「神」をめぐる

18世紀の琉球王国では神の名や伝承を集積し、王宮内や首都、さらには地方において神々の祭祀が執り行われた。神霊と交流するための神名は女性祭司たちの秘伝とされ、それを侵すことは畏怖された。これに対して、8世紀の日本では、宮廷には神々の伝承が集積され、官人たちは国家祭祀を執り行うために神についての知識を習得し、神名を知ることが必要だった。万葉歌の世界では神々についての知識を源泉として歌が生み出され、また歌を媒介として神々の伝承が伝えられた。神名は歌に詠み込まれ、特別な宮廷社会では琉球王国のように必ずしもタブーとされてはいなかった。しかし、神への畏怖・畏敬が決してなかったわけではなく、神に直接呼びかけるかたちの歌では神名を詠み込むことが忌避されている。神の心は人間の思い及ぶものではないとされ、万葉歌では神への祈りが通じたかどうかについて作者の不安や心の揺らぎが投影されている。神々に関連する自然の景物は歌の核として詠じられ、それが歌の知識として伝えられた。

キーワード: 神名 神意 歌の知識

真下 厚 博士 (文学) 元立命館大学教授

専門は日本古代文学・民俗学。

主な著書として単著『声の神話 奄美・沖縄の島じまから』(瑞木書房、二〇〇三年)、『万葉歌生成論』(三弥井書店、二〇〇四年)、共編著『歌の起源を探る 歌垣』(三弥井書店、二〇一一年)、『古事記の起源を探る 創世神話』(三弥井書店、二〇一三年)、共著『歌を掛け合う人々 東アジアの歌文化』(三弥井書店、二〇一七年)などがある。

〒606-0831 京都府京都市左京区下鴨北園町 104-3.

E-mail: amt02969@mineo.jp

Загорулько А.В.

ЗАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОРНЫХ РАЙОНОВ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ

Сочетание горных плато с аллювиальными отложениями в долинах определили характер расселения в этом регионе начиная с палеолита. Первые следы человека в горных центральных районах связаны с палеолитическими памятниками. Потепление около 4 тыс. лет назад привело к большей продуктивности окультуренных злаков и появлению примитивного земледелия в финальном неолите. Переход к земледелию, пусть и примитивному, полностью изменил образ жизни в горных районах – появляются стационарные поселения, ориентированные на возделывание аллювиальных равнин в узких горных долинах. Земледельцы бронзового века уже пришли на Корейский полуостров со сформированным комплексом материальной культуры, с уже отлаженной агротехнологией, нацеленной на возделывание только окультуренных злаковых видов – проса, риса, ячменя, пшеницы. В поздний период железного века в письменных источниках («Сань го чжи», «Хоу хань шу») территория провинции Канвон упоминалась как территория расселения народа *E* – 예국 (濊國), точнее восточных *E* – 동예 (東濊). Основные события, отраженные в письменных источниках, развивались в равнинных районах, однако необходимо учитывать и археологический контекст, свидетельствующий о довольно плотном заселении горных районов.

Ключевые слова: горные районы; бассейны рек Намхан, Пукхан, аллювиальные отложения; палеолитические памятники; неолит; земледелие; бронзовый век; керамика Мумун; железный век; восточные *E*.

Считается, что около 70% процентов территории Корейского полуострова занимают горы. Географически горные районы Корейского полуострова подразделяются на Северо-корейские горы (южная часть Маньчжуро-Корейских гор) и Восточно-Корейские горы в центральной части. Восточно-Корейские горы сильно расчленены горными долинами. Западный склон пологий, восточный – обрывистый, обращён к Японскому морю. Это глыбовые горы подверженные эрозийным процессам. Разрушение склонов и денудация, сформировавшие современный ландшафт, начались в последний ледниковый период 80 тыс. лет назад.¹

Загорулько Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного Центра социальной антропологии РГГУ (Россия, г. Москва, ул. Миусская, д. 6). *E-mail:* azagor@mail.ru

Около трети горных районов Северной и Южной Кореи представлены возвышенностями высотой от 300 до 1000 м, а доля с отдельными стоящими горами выше 1000 м небольшая. Однако в отличие от холмистой местности западных равнин, у возвышенностей горных районов до 300 м склоны более крутые. Там где горы выше 1000 м – Хребет Тхэбэк, Чирисан – межгорное пространство плоское, поэтому оно больше похоже на плато, сложенное вулканическими породами. В большинстве высокогорных районов только небольшая часть представлена участками 1500-2000 м, остальное пространство занимают плато и холмы, расположенные от 800 м и выше.²

Основная специфика центрального горного района Кореи в том, что он поделён хребтом Тхэбэксан на две части – горную континентальную (Ёнсо) и прибрежную части (Ёндон). В провинции Канвон равнины занимают только 5% площади – это аллювиальные супесные и суглинистые отложения в узких горных долинах, песчаные дюны и супесчаные отложения на побережье.

Долины рек Намхан, Пукхан, а также небольших рек вдоль восточного побережья имеют крутые склоны в горных районах (более 100 м), которые подвергаются эрозии и являются источником осадочных пород в их бассейнах. Аллювиальные породы формировали местность с доисторических времен до наших дней. Таким образом, по крайней мере, с неолита территория провинции Канвон заселялась вдоль рек и их притоков.

В целом, гидросистему на территории провинции Канвон можно разделить на бассейн реки Ханган и бассейны небольших рек впадающих в Японское море, водоразделом между ними является хребет Тхэбэксан. В свою очередь бассейн реки Ханган делится на бассейн реки Пукхан и бассейн реки Намхан.

Река Пукхан в основном состоит из трёх рек: основное русло, притоки река Соян и река Хончхон. Она берёт своё начало в Кымган-

---

¹ *Hyun-Hee Rhee, Yeong-Bae Seonga, Young-Gweon Jeonc, Byung-Yong Yu. Bouldery slope landforms on Mt. Biseul, Korea, and implications for paleoclimate and slope evolution // Quaternary Research. – 2017. – No 88. – С. 293-312; 남옥현 Хангуге че 4 кийюсан мигогёльтхведжокмуль ёнгу хан гукйе же 4 ги юксан мигогёль퇴적물 연구// 현황지질학회지. – 2018. – 제 54 권 제 1 호. – С. 107-119.*

² *Тхак Ханмён, Ким Сонхван, Сон Иль Такханмёнг·김성환·손 일 Чихёнхак санджие пунпхова конганджок тхыксоне кванхан ёнгу 지형학적 산지의 분포와 공간적 특성에 관한 연구// 대한지리학회지. – 2013. – 제 48 권 제 1 호. – С. 1-18.*

сане, в него впадают многочисленные притоки и, затем она впадает в озере Пхаро, переходит в озеро Хвачхон, а оттуда в водохранилище Ыйам около Чхунчхона, сливаясь с рекой Соянган.

Река Хончхон берёт начало от гор Миякколь, затем вбирая притоки Неджончхон, Чаннамчхон, Ясидэчхон, Пунчхон и Токчичхон, течет на юго-запад, проходя через г. Хончхон, меняет направление на запад впадая в Пукханган на границе провинций Кёнгидо и Канвон. Русло реки сильно меандрировано, что проявляется в многочисленных аллювиальных отложениях в местах изгиба реки.

Река Намхан берет начало в горах Одэсан и сначала течёт на юг проходя через уезд Чонсон, в верхнем течении называется река Чоян, течет мимо г. Ёнгволя, где её притоки – реки Чучхон и Пхенчхан соединяются образуя реку Со, которая уходит в провинцию Северная Чхунчхон. За г. Таян река поворачивает на северо-запад, соединяясь с рекой Пукханган.

Бассейн реки Намхан насыщен археологическими памятниками, но к провинции Канвондо относятся её верховья и притоки, протекающие по горной местности.

На дне горных долин формировались мощные аллювиальные отложения, сложенные из распада гранитов, гранитогнейсов, аспидных сланцев и андезитов и представленные в горных районах бурыми лесными почвами и желтоземами. Абразионные процессы хотя и замедлились в голоцене, но периодически интенсифицировались в периоды похолоданий. Такой характер склонов гор препятствовал развитию террасного земледелия. Склоны возделывались, как правило, на короткий период подсечно-огневым методом, в то время как поля на аллювиальных отложениях dna долины использовались с неолита.

На побережье Японского моря (Ёндон) нет больших рек и аллювиальных равнин, но с восточного склона хребта Тхэбэксан, который круто спускается к побережью, стекают небольшие горные реки, в местах их выхода к побережью развиваются песчаные дюны и заболоченные лагуны. Намган в уезде Косон, Соячхон в уезде Сокчхо, Намдэчхон в около Янъяна, Намдэчхон около Канньина, Осипчхон около Самчхока, и Кагокчхон в Вондоке образуют лишь небольшие аллювиальные равнины в районе эстуариев.

Вдоль побережья Японского моря нет мелководья, поэтому в периоды штормов волновая деятельность сильно влияет на формирование берега. Осадочные породы, переносимые реками, стекающими

с Тхэбэксана, скапливаются в устье, а разносятся вдоль побережья, образуя песчаные пляжи и дюны. Таким образом, песчаные пляжи на побережье Японского моря формируются перед прибрежной аллювиальной равниной вокруг устья реки.¹

Сочетание горных плато с аллювиальными отложениями в долинах определили характер расселения в этом регионе начиная с палеолита. Первые следы человека в горных центральных районах связаны с палеолитическими памятниками. К настоящему времени известны 44 памятника палеолита в Ёнсо и 48 в Ёндон. В горной части они группируются по бассейнам крупных рек Пукхан, Намхан и их притокам, крупнейший – Хончхон. На побережье палеолитические памятники приурочены к небольшим горным рекам, стекающим с гор в море. Необходимо отметить, что места концентрации памятников во многом объясняются тем, что там проводились археологические исследования, связанные со строительством инфраструктурных объектов. Этот же фактор важен в распределении археологических памятников других эпох.²

В последнее межледниковье из-за потепления на территории горных районов была распространена субтропическая фауна, однако в финальном плейстоцене было значительное похолодание, выразившееся в доминировании флоры и фауны умеренных широт. Памятников раннего палеолита на территории Канвондо нет, самые ранние – в Симгонни в Каннине и Тохвари в Яньяне датированы не ранее 40-50 тыс. л.н. Большинство памятников палеолита относятся к среднему и позднему палеолиту, они распространены как в прибрежной полосе, так и в горных районах. Основными объектами охоты были копытные умеренных широт – олени, лоси, косули.

После похолодания в финальном плейстоцене климат постепенно теплеет, достигая температурного максимума около 10 тыс. л.н. Мезолитические памятники находились примерно там же где и палеолитические, отличаясь каменным инвентарем – большим количеством микролитов. Хотя мезолитические стоянки более многочисленны и занимают долины притоков основных рек. Фауна и флора была

---

¹ Канвондоса. Че 1 квон чаён мунхвагён 강원도사 제 1 권자연·문화환경. 춘천시. – 2010. – 670 с.

² Чхе Сынён 최승엽. Конганчиёге кусокмунхва ёнгу 강원지역의 구석기문화 연구 // 강원대학교 대학원 박사학위논문. – 2010. – С. 76-89.

характерна для умеренного пояса, количество копытных увеличилось. Обилие пластин и нуклеусов из обсидиана (предположительно пектусанского по происхождению) свидетельствует об интенсивных контактах сообществ мезолита с северо-востоком Корейского полуострова. Возраст памятников соответствует временному периоду от 10 тыс. л.н. до 7 тыс. л.н.

С точки зрения освоения окружающего пространства охотниками-собираателями существуют две модели поведения: мобильная и логистическая.¹ Первая характерна для небольших групп позднепалеолитических и мезолитических охотников-собираателей, когда осваивается большая территория, по которой циркулируют группы, оставляя после себя небольшие стоянки. В среднем каждая группа осваивает территорию около 10 кв. км. Поэтому в этот период были освоены не только долины рек, но и прилегающие участки горных плато. О том, что осваивалась территория, говорит серия мезолитических стоянок в Хахвагери (Хончхон).²

В зависимости от окружающего ландшафта и размещения скоплений пищевых ресурсов происходил постепенный переход от одной стратегии к другой, логистической, характерной для позднего мезолита и раннего неолита. Она заключалась в том, что группы охотников-собираателей сезонно переходили от одного скопления пищевых ресурсов к другому, используя их по максимуму и делая запасы.

В районах концентрации акваторических ресурсов (участки рек и морского побережья) из-за видовой обильности (экотон) и предсказуемости пищевых ресурсов (рыба, морской зверь и т.д.) ещё в раннем неолите возникают относительно стационарные поселения.³

Формирование лагунных озёр на побережье Японского моря (Ёндон) способствовало развитию морской адаптации начиная с 12 тыс. л.н. (Чигённи, Осанни около Яняна, Чхольдонни около Косона). Большая часть неолитических памятников на побережье располагалась на невысоких дюнах вдоль берегов лагунных озёр.

Но в связи с похолоданием в середине 1 тысячелетия до н.э. уровень моря стал опускаться, а прибрежные лагуны заболачиваться.

---

¹ Kelly R.L. The Lifeways of Hunter-Gatherers: The Foraging Spectrum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 375 p.

² Choi Bok-kyu, Yu Hye-jong. The Hahwagye-ri III Jagunsolbat Palaeolithic-Mesolithic Site in Hongcheon-gun County, Korea // 한국구석기학보. – 2005. – No 11. – С. 78-96.

³ Kelly R.L. The Lifeways of Hunter-Gatherers: The Foraging Spectrum. P. 56.

Хотя до и после этого похолодания также были климатические изменения: с 10 тыс. л.н. - 6 тыс. л.н. – влажный климат с преобладанием широколиственных деревьев, с 6 тыс. л.н. - 3 (4) тыс. л.н. – сухой климат с преобладанием хвойных пород деревьев, 3 (4) тыс. л.н. - 2 тыс. л.н. – влажный климат с преобладанием широколиственных деревьев, с 2 тыс. л.н. (современный период) – сухой климат с преобладанием хвойных пород.

Климатические изменения отражались на ландшафте и экосистемах, что приводило к смене мест проживания.¹ Поселения бронзового века располагались на холмах высотой около 100 м находящихся далеко от моря, около горных склонов. А люди железного века снова стали селиться на прибрежных дюнах.

На севере – около Пхенгана, Чхорвона и Ичхона – на высоте 300-500 м находится обширное лавовое плато покрытое аллювиальными отложениями, издавна служившее земледельческим центром горных районов, где в последующие периоды выращивались поздние, холодостойкие сорта риса. На западе плато выходит к бассейну р. Имжинган и по её долине соединяется с нижним течением р. Ханган, на востоке оно подходит к перевалу на уезд Косон и далее к Вонсану и северо-восточному побережью. Самая крупная аллювиальная долина находилась около г. Чхунчхон, где и было обнаружено большое количество неолитических поселений и памятников бронзового и железного веков. Долины этих рек, начиная с неолита служили транспортными артериями, по которым осуществлялся культурный обмен между западным побережьем и восточным.

В неолите появляется такой культурный индикатор как керамика. Восточное побережье, а именно памятник Осанни (нижний слой) около Яняна считается местом обнаружения наиболее ранней неолитической керамики на Корейском полуострове. Это гладкая плоскодонная керамика. Первый этап неолита в Ёндон связывают с расселением ранненеолитических охотников-собираателей, которые ориентировались на использование морских ресурсов и продвигались с северо-востока, вдоль побережья (памятники Мунамни, Ёнхори). Такая керамика была распространена на ранненеолитических памятниках примерно до 6 тыс. л.н., она также была обнаружено в горных райо-

---

¹ Park J., Yu K.B., Lim H.S., Shin Y.H. Multi-proxy evidence for late Holocene anthropogenic environmental changes at Bongpo marsh on the east coast of Korea // Quaternary Research. – 2012. – No 78. – P. 209-216.

нах – на пещерном памятнике Кёдон (г. Чхунчхон). Но в среднем неолите после похолодания (с 6 тыс. л.н.) как в Ёндон, так и в Ёнсо начинают распространяться различные виды гребенчатой керамики (Чильмун), в каждом регионе она обладала своей спецификой, но центр распространения обычно связывают с северо-западом Корейского полуострова.¹

В этот период климатические изменения – похолодание, постепенное падение уровня моря – проводили к обмелению и заболачиванию прибрежных лагун; в континентальной части изменения экосистем горных долин привело к уменьшению роли охоты и рыболовства и повышению значимости интенсивного собирательства в наиболее удобных для этого районах – аллювиальных отложениях на дне горных долин и подлеске на пологих склонах долин. В таком виде раннее земледелие распространяется по горным долинам с запада.

В бассейне р. Пукхан самое крупное изученное скопление неолитических памятников – в г. Чхунчхон и его окрестностях – вышеупомянутый Кёдон (ранний и средний неолит), Нэпхённи (поздний неолит), Чхонджонни (средний неолит), Кодури (многослойный памятник - средний, поздний неолит, бронзовый век), Синмэри (многослойный памятник – поздний неолит, бронзовый век), Сонамдон (поздний неолит – рядом поселения Силла и позднего средневековья). Кроме памятников – местонахождения (подъёмный материал): Чундо (средний неолит), Удуддон (средний неолит), Манчхонни (поздний неолит, бронзовый век), Кымсанни (средний неолит), Соксадон (средний неолит), Хокконни (средний неолит).

Большое количество неолитических памятников имеется в долине притока Пукхана – р. Хончхон: Ённэри (многослойный памятник средний неолит – раннее средневековье), Чхольджонни (многослойный памятник – поздний неолит, бронзовый век, позднее средневековье), Весампхори (поздний неолит, бронзовый век), Сонсанни (многослойный памятник – средний, поздний неолит, бронзовый, железный века, раннее и позднее средневековье), Ёнамни (поздний неолит, бронзовый век). Местонахождение (подъемные сборы) – Соданни (средний неолит).

Серия неолитических памятников была обнаружена вверх по

---

¹ *Ahn Sungmo, Kim Jangsuk, Hwang Jaehoon. Sedentism, Settlements, and Radiocarbon Dates of Neolithic Korea // Asian Perspectives. – 2015. – Vol. 54. – No 1. – P. 113-143.*

течению р. Пукхан, около г. Хвачхон, вдоль притоков – Ёнамни (средний, поздний неолит, бронзовый век), Вирари (средний неолит), Карэри (средний неолит).

Многослойный памятник Хённи около г. Янгу, в долине притока верховьев Пукхана содержит слои палеолита, позднего неолита и бронзового века.

В бассейне р. Намхан памятники неолита известны вокруг городов Ёнволь, Вонджу, Чонсон, Пхёнчхан, Хвенсон (всего около 27 памятников). Наиболее изученные памятники: около Ёнволя – Самонни (многослойный памятник, от палеолита до позднего средневековья), Ёнданни (пещерный многослойный памятник, палеолит, неолит, бронзовый век), Чучхонни (средний, поздний неолит, начало бронзового века), Конгори (пещерный памятник, средний неолит – раннее средневековье). Местонахождения: Панджолли (подъёмные сборы, палеолит, средний неолит, бронзовый век), Кванджонни (средний неолит, железный век (*махан*)). В г. Вонджу – Пангокдон (многослойный памятник, неолит, бронзовый век, раннее и позднее средневековье). Местонахождения: Попчхонни (средний неолит), Тонхвари (средний, поздний неолит, бронзовый и железный века), Кахёндон (неолит, бронзовый и железный века), Тхэджандон (неолит, начало бронзового века, конец железного века). Около г. Чонсон – Аураджи (многослойный памятник, поздний неолит, бронзовый и железный века, позднее средневековье), Токчхонни Соголь (многослойный памятник, средний неолит, бронзовый век), местонахождения Ярян (неолит, железный век), Унчхири (средний и поздний неолит), Косонни (средний неолит). Около г. Пхёнчхан – Ёнханни (средний и поздний неолит), местонахождения – Юдонни (средний поздний неолит, ранний бронзовый век), Хупхённи (средний неолит, бронзовый век), Чуджонни (неолит, бронзовый век), Чхондонни (неолит, бронзовый век). Около г. Хвенсон – Чунгымни (многослойный памятник, неолит, бронзовый и железные века).

Крупные поселения неолита находятся на холмистом горном плато около г. Чхорвон, в бассейне р. Хантхан – Кунтханни (грот, двухслойный памятник, палеолит, средний неолит), Тхосонни (средний неолит).

На побережье, в Ёндон, кроме самого известного неолитического памятника Осанни, наиболее крупные памятники: в г. Тоннэ – Масандон (ранний неолит), около г. Косон – Мунамни (двухслойный па-

мятник, ранний и средний неолит), Чхольтхонни (двухслойный памятник, ранний неолит, бронзовый век), местонахождение Тонхори (средний неолит). Около г. Янян – Ёнхори (двухслойный памятник, ранний неолит, железный век), Капхённи – (двухслойный памятник, средний неолит, железный век), Сонджонни (ранний, средний неолит), Чигённи (серия памятников – ранний, средний неолит, железный век). Чосанни (двухслойный памятник, средний неолит, раннее средневековье), Хагванджонни (средний неолит). В г. Каньне – Чходандон I, II, III (средний неолит, поздний неолит), Хасидон (средний неолит), Панданни I, II (двухслойный памятник, средний неолит, железный век), Анхёндон (ранний, средний и поздний неолит), Ёнджинни (средний неолит), Кымджинни (средний неолит), Анинни (двухслойный памятник, средний неолит, железный век), Чибёндон (ранний и средний неолит), Кёдон (поздний неолит), Ючхондон (поздний неолит), Соннимни (двухслойный памятник, средний неолит, начало бронзового века).¹

В неолите происходит постепенный переход от присваивающего хозяйства (охоты и собирательства) к производящему (земледелию и животноводству). Естественно в каждом регионе он имеет свою специфику и не является однолинейным процессом. На ранней стадии в среднем неолите (ранний период т.н. гребенчатой керамики) он связан с интенсивным собирательством в пойменной части рек, в этот период использовались те растения, которые произрастали в той или иной местности, для Кореи специфичными растениями были бобовые – соя, адзука, а также желуди, орехи Зибольта и каштаны, которые собирались и использовались в пищу до позднего средневековья, также однолетние травянистые растения типа мари белой, спорыша птичьего, дикорастущего проса, пырейника или житняка, съедобные ягоды (кизил) и дикий лук. Собирательство сосуществовало с охотой и рыболовством (лагунным) в Ёдон, речным – в Ёнсо.

Считается, что несколько факторов привело к истощению тех ресурсов, которые добывались охотой – климатические условия и перенаселение. К тому же надо учитывать, что из-за логистической стратегии охоты и собирательства в период раннего неолита образ жизни был полуоседлым. При уменьшении численности популяции

---

¹ Канвондоса. Че 2 кwon сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 254-307.

копытных животных и истощении рыбных ресурсов (в Ёндон – из-за заболачивания лагунных озер, в Ёнсо – из-за перенаселения) интенсивное собирательство стало играть большую роль. Использование злаковых подготовило почву для проникновения domesticiрованных видов – прежде всего, проса. В позднем неолите (средний и поздний период гребенчатой керамики) domesticiрованное просо проникало с новым населением, носителями различных традиций гребенчатой керамики, а также посредством обменных, культурных контактов. Считается, что domesticiрованное просо проникало на Корейский полуостров с северо-запада, из южной Маньчжурии. Необходимо отметить, что в период проникновения окультуренное просо не являлось единственным злаком, оно сосуществовало наряду с однолетними дикими злаками.

Новое потепление около 4 тыс. л.н. привело к большей продуктивности окультуренных злаков и появлению примитивного земледелия в финальном неолите. Переход к земледелию, пусть и примитивному полностью изменил образ жизни, прежде всего в Ёнсо – там появляются стационарные поселения, ориентированные на возделывание аллювиальных равнин в узких горных долинах. В Ёндон определенная стационарность поселений уже была, из-за использования акватических ресурсов. В горных районах, судя по количеству памятников неолита, долины притоков и основных рек были освоены уже в позднем неолите, прежде всего, ранними земледельцами, в питании которых преобладали растительные ресурсы, что и проявилось в изменении ландшафта горных долин – стали расчищаться и выравниваться ровные участки аллювиальных равнин. Хотя охота и рыболовство еще играли значительную роль. Поэтому носители принципиально иной традиции керамики Мумун (гладкой керамики), пришедшие из южной Маньчжурии и соотносимые с населением бронзового века, часто селились на местах стационарных поселений позднего неолита. С точки зрения хозяйства они были более специализированными земледельцами с развитой агротехнологией и относительно монокультурным земледелием (просо, рис, бобовые).¹

---

¹ Lee Gyoung-Ah. The Transition from Foraging to Farming in Prehistoric Korea Current Anthropology // The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas. – 2011. – Vol. 52. – No. 4. – P. 307-329; Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 227-230.

Эпоха бронзы более сложна для выделения этапов развития, чем неолит, в основном из-за большего количества хронологических и культурных маркеров – каменные орудия, изделия из бронзы, керамика, типы погребальных сооружений, дольмены. Сложность выделения ещё объясняется характером миграций и расселения. В целом, новый этап был связан с миграцией на Корейский полуостров нового населения отличающегося и культурно и антропологически, с другой стороны, он связан с необратимыми изменениями в экономике и образе жизни. Земледельцы бронзового века уже пришли на Корейский полуостров со сформированным комплексом материальной культуры, с уже отлаженной агротехнологией, нацеленной на возделывание только окультуренных злаковых видов – проса, риса, ячменя, пшеницы. Проникновение на полуостров и адаптация к новым условиям происходили на протяжении полутора тысячи лет. Поскольку эпоха бронзы на Корейском полуострове относится к дописьменному периоду, основные этапы связаны с элементами материальной культуры, прежде всего, керамики. Хотя вся эпоха бронзы называется *Мумун тхоги сиде* (период гладкой керамики), но сама керамика в этот период была нескольких типов – *тольдэмун тхоги*, *коннэль тхоги*, *пхэннихён тхоги*, керамика типа *каранни*, керамика типа *сонгунни*, *чхонтходэ тхоги*.

Кроме керамики в качестве хронологического маркера используют скрипкообразный бронзовый меч. *Тольдэмун тхоги* (гладкая керамика с налепным валиком) и *коннэль тхоги* (гладкая керамика с перфорированным прямым венчиком) связывают с самым ранним периодом бронзового века (XV век до н.э.) и миграцией с севера на Корейский полуостров и дальше на юг. *Пхэннихён тхоги* (волчкообразная керамика) появляется на два-три века позднее и связана с миграционными потоками с северо-запада; ещё позже появился, как региональный тип на западе и в центре, керамика типа *каранни* (конусообразная керамика); в 6-7 вв. до н.э. в центрально-западном регионе появился тип керамики *сонгунни* (гладкая плоскодонная красная керамика); он распространился на юго-запад и юго-восток. Керамика типа *чхонтходэ тхоги* (гладкая керамика с налепным воротничковым венчиком), появившись в 4-5 вв. до н.э. в центральной части, распространилась по всему Корейскому полуострову.

Основные этапы – ранний, средний и поздний периоды; соответственно типы керамики *тольдэмун тхоги*, *коннэль тхоги*, *пхэнни-*

хён тхоги характерны для раннего этапа, типы керамики *сонгунни*, *каранни* – для среднего этапа, а *чхонтходэ тхоги* – для позднего. Конечно, такие ассоциации во многом условны, потому что существовали и локальные типы, также основные типы были локализованы пространственно.¹

В горной части провинции Канвон – Ёнсо, памятники бронзового века находятся в долинах рек Пукхан, Намхан и Хантхан. В бассейне р. Пукхан, в основном в нижнем и среднем течении сконцентрировано около 30 памятников эпохи бронзы. Это крупные поселения, к настоящему времени исследовано более 600 жилищ, кроме того на памятниках были обнаружены следы полей, каналов, ловчих ям и других сооружений. Наиболее изученным является памятник Ччочхони; данные раскопок используются для презентации типичного поселения бронзового века, с эволюцией жилищ, хозяйственными сооружениями, остатками полей и ирригационных сооружений. На других памятниках крупномасштабные раскопки не производились. Хотя это были такие же крупные поселения, например, Ёнамни, Чхольджонни. Поскольку в узких горных долинах мест для поселений земледельцев не так много, то на некоторых памятниках несколько горизонтов обитания – в Ёнамни их пять. В основном, каждое поселение было обитано в течении одного–двух периодов бронзового века.

В верховьях реки Намхан горные долины узкие, и нет таких больших поселений как на севере провинции Канвон, к тому же регион не столь изучен как бассейн р. Пукхан и побережье. Тем не менее, этот район обладает большим археологическим потенциалом, поскольку через него шли транспортные потоки с западного побережья к восточному. Около г. Вонджу, были обнаружены памятники – Попчхонни (поздний бронзовый век; материал местонахождений около памятника также содержал керамику раннего и среднего периодов бронзового века), Кахёндон (ранний и средний периоды бронзового века), Тхэджандон (ранний период бронзового века), Тонхвари (ранний и средний периоды бронзового века), местонахождения – Кунч-

---

¹ *Юн Хопхиль* 윤 호필. Хангук чхондонгисидэ нонгёне кэси мит чонгэ 한국 청동기시대 농경의 개시 및 전개 // 제 8 회 한국청동기학회 학술대회. – 2014. – С. 139-162; *И Хёнвон* 이 형원. Чунбучиёге чхондонгисидэ чоги-чонгимунхва пхённёне тэхан тхоронмун 중부지역의 청동기시대 초기-전기문화 편년에 대한 토론문 // 제 6 회 한국청동기학회 학술대회. – 2012. – С. 299-303.

хонни, Косанни, Согонни, Хыномни (средний период бронзового века). Около г. Ёнволь – Чучхонни (ранний и средний периоды бронзового века), Панджолли грот (ранний период бронзового века), Ёнданни (двойная пещера – ранний период бронзового века), местонахождения – Ёнхори, Ссаннённи, Кванчхонни, Конгори, Чучхонни (ранний период бронзового века), Масанни (средний период бронзового века). В окрестностях г. Пхёнчхан находятся – Хупхённи (средний период бронзового века), Чхондонни (многослойный памятник, ранний – поздний периоды бронзового века), Маджири (средний период бронзового века) и 29 местонахождений, охватывающих все периоды бронзового века. В округе Чонсон обнаружены следующие памятники бронзового века – Аураджи (многослойный памятник – ранний и средний периоды бронзового века), Эсанни (ранний и средний периоды бронзового века), местонахождения – Кюрамни, Нампхённи, Ханголь (ранний период бронзового века), Ёрянни (три местонахождения – ранний период бронзового века), Токчхонни (ранний период бронзового века). Кроме поселений в бассейне р. Намхан обнаружено 25 погребальных памятников, 11 из которых – дольмены.

На горном плато около г. Чхорвон, в бассейне р. Хантхан обнаружены следующие памятники бронзового века – Тхосонни (многослойный памятник, средний период бронзового века – период Корё), Васури (ранний и средний периоды бронзового века). Также обнаружены 6 местонахождений, относящихся к разным периодам бронзового века, и 6 дольменов.

На побережье, в Ёндон, обнаружено около 137 памятников бронзового века, изучено 24. Большинство из них расположено на невысоких холмах вокруг лагунных озер. Поздние памятники с керамикой *чхонтходэ* расположены на возвышенностях около 80 м над уровнем моря, находящихся в местностях, удалённых от озер и моря, и прилегающих к высокогорным районам. Наиболее изученные памятники: около г. Косон – Сонхённи (многослойный памятник, средний и поздний периоды бронзового века), Сачхонни (поздний период бронзового века), Тэдэри (средний период бронзового века), около г. Янн – Пховолли (средний период бронзового века), Имходжонни (поздний период бронзового века), около г. Каннын – Панныри (средний период бронзового века), Кёдон (ранний период бронзового века), Ибамдон (средний период бронзового века), Пандонни (многослойный памятник, средний и поздний периоды бронзового века). Кроме поселений

зарегистрировано 109 дольменов, сохранились около 92. В основном они расположены на холмах. Изучено около 112 дольменов (в том числе и те, которые не сохранились).¹

Начало железного века на территории провинции Канвон связано с постепенным исчезновением керамики типа *чхонтходэ* с круглым в сечении воротничковым венчиком, характерной для позднего бронзового века; в этот период встречались узкие бронзовые кинжалы (*сехён тангом*) и наконечники стрел. Средний период железного века связан с появлением более прочной красно-коричневой керамики (*кёнджильмун*) или керамика типа *чундо*; в позднем периоде сосуществовали красно-коричневая керамика и серая керамика с плотными стенками, обожжённая при более высокой температуре (*тханальмун*).²

В общественной структуре изменения были связаны с тем, что использование железных орудий на раннем этапе (керамика *чхонтходэ*) привело к интенсификации сельского хозяйства и формированию более сложных надобщинных образований типа *вождеств*. Об этом свидетельствуют защитные сооружения (рвы, валы) для обороны в случае межрегиональных столкновений, а также остатки рисовых затопленных и суходольных полей. Хронологически ранний период соответствует Древнему Чосону до прихода Ви Мана, средний период – Древнему Чосону Ви Мана и ханьскому завоеванию. Поздний железный век соответствует появлению государств Когурё, Пэкчэ, Силла, Кая.

В 1986 году Ким Воннён отнес начало железного века к III в. до н.э. – времени возникновения первых государств, а конец – к III в. н.э. когда три государства (Когуре, Пэкче и Силла) политически и территориально окончательно оформились. Но Хёкчин считает, что начало железного века и формирование Трёх государств не были отдельными периодами, поскольку была непрерывность культурных и социальных изменений. Чхве Моннён для унификации археологической периодизации первобытного общества предложил отвлечься от

---

¹ Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 400-501.

² Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 259; Субботина А.Л. Жилища культуры чундо северо-восточной и центральной Кореи // Вестник НГУ. – Т. 6, вып. 3. – 2007. – С. 161-173; Субботина А.Л. Памятники раннего железного века типа чундо на Корейском полуострове. Автореф. дисс. к.и.н. – Новосибирск, 2008. – 329 с.

региональных, географических и культурных особенностей, противоречивых сведений из письменных источников и определил этапы развития железного века исключительно хронологически – с 300 л. до н.э. по рубеж эр – ранний железный век, с рубежа эр до 300 л. н.э. – поздний железный век.¹

Если опираться на данные радиоуглеродного датирования, то слой железного века на памятнике Соннимни около Каннына даёт серию от 700 л. по 400 л. до н.э., на памятнике Чири около Яняна – от 480 л. по 420 л. до н.э. (2430±50BP, 2370±50BP), на памятнике Чунгымни около Хвесона от 800 л. по 600 л. до н.э., в Чхольджонни около Хончхона в жилище № 58 были обнаружены куски ковального железа и фрагменты красно-коричневой керамика (*кёнджилъмун*), датировка комплекса – 620-640 л. до н.э. Таким образом, на основании археологических данных нижняя граница железного века была сдвинута до V в. до н.э.

Археологические данные подтвердили необходимость выделения такого этапа как железный век, однако возникла проблема к какому периоду относить памятники с керамикой *чхонтходэ* – к позднему бронзовому веку или к раннему железному. Мнения учёных разделились, специалисты по бронзовому веку считают этот период концом бронзового века, другие – началом железного века. Но на основании археологических находок, прежде всего в Чхольджонни (Хончхон), а также обнаружении фрагментов ковального железа в дольмене на памятнике Сонханна (Косон) этот период большинство учёных относят к железному веку, расходясь в названии – протожелезный век или ранний железный век. Чаще всего под этим названием подразумевают памятники с керамикой типа *чхонтходэ*.

Большинство памятников железного века, расположенные вдоль реки Пукхан, находятся на аллювиальных отложениях. Первые памятники (центр города Чхунчхон) исследовались ещё в 1977 году Национальным музеем Кореи. Исследование памятников железного века в Канвондо началось в 1977 году с раскопок памятника Чундо в центре г. Чхунчхон, в бассейне р. Пукхан. С тех пор большое количество

---

¹ Но Хёкджин 노혁진. Чхунчхон самчхондон сунхваторо куганмунхваюджёк пальгульчоса погосо 춘천 삼천동 순화도로구간 문화유적 발굴조사 보고서. – 춘천시. – 2002. – 560 с.; Чхве Монён 최몽룡. 21 segi хангук когохак 21 세기의 한국고고학. – 서울. – 2008. – 345 с.

поселений и дольменов бронзового века было обнаружено в окрестностях Чхунчхона – Синмэ-ри, Хёнамни, а также были исследованы крупные поселения бронзового века в историческом центре Чхунчхона.

По реке Соян крупные поселения железного века были обнаружены в черте г. Чхунчхон (район Удудон), на холме, сложенном из осадочных пород, также исследовались памятники железного века – Чхонджонни и Юльмунни.

В бассейне реки Хончхон обнаружены многослойные памятники Хахвагери, Чхольджонни, Сонсан-ри. В жилище № 5 памятника Чхольджонни были обнаружены кусок ковального железа и керамика типа *чхонтходэ* (поздний бронзовый век). На этих поселениях были обнаружены жилища с входом и жилища с входной камерой, характерные для железного века, все они были расположены в аллювиальных заполнениях горных долин.

Поселения железного века в бассейне р. Намхан начали исследоваться с начала 1980-х годов, при строительстве плотины Чунджу; в зоне затопления были обнаружены жилища с входной камерой; следы поселений железного века были также обнаружены в Суянгэ.

Были проведены раскопки в Чунгымри, Хваджонни и Хакдамни в уезде Хвесон, в границах г. Вонджу на аллювиальных холмах были обнаружены памятник железного века памятники Тэджандон и Кахёндон. В уезде Ёнволь на поселении Пальгёри были обнаружены жилища с входной камерой, а шестиугольные жилища – на памятниках Мансанни, Самонни и Чучхонни.

В уезде Чонсон на памятнике Аураджи были обнаружены жилища с входом, на Чоксокгун, а в Эмири – жилища с входом и входной камерой на одном поселении. На памятниках железного века верховий реки Намхан, керамика типа *чхонтходэ* имела свою специфику в отличие от такого же типа керамики бассейна реки Пукхан и на Восточного побережья.¹

Поселения позднего периода бронзового века и начала железного века на побережье в отличие от памятников предшествующих периодов (неолита и раннего бронзового века) находились на значительном расстоянии от моря, занимая холмы. Иногда на южных склонах дюн встречаются двухслойные памятники, включающие неолити-

---

¹ Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 534-537.

ческий горизонт и слой железного века.

Исследование памятников железного века на побережье Японского моря в Канвондо началось в 1983 году раскопками Капхённи в Яняне, на поселении были обнаружены два жилища с входом, в 1989 году были проведены крупномасштабные раскопки на памятнике Анинни, где были исследованы 37 жилищ с входом и двухкамерных жилищ с входным помещением.

Также были обнаружены поселения Чигённи и Капхённи в уезде Янян, Чигённи I был самым крупным памятником среди известных в то время. Позже были обнаружены крупные поселения в границах г. Каннын – Чходандон, Канмундон, Сончжондон и Пёнсандон, поселения раннего железного века были обнаружены вокруг г. Каннына (в радиусе 10 км), на севере находятся Кёханни, Тондонни и Кадунджи, от города на юг – Анинни и Кымджинни. Наличие крупных поселений раннего железного века в этом месте позволило выдвинуть предположение, здесь был культурный, административный и религиозный центр Восточных *Е*. Памятник Сонджондон, находящийся в границах г. Тоннэ интерпретируется как центр объединения Сильджиккук и поскольку занимает площадь около 230 000 кв.м. считается одним из самых крупных памятников железного века на побережье провинции Канвон.¹

В целом, памятники раннего железного века, как правило, располагались на южных склонах прибрежных дюн, при впадении рек в море, за исключением памятников позднего бронзового века – начала железного века (с керамика типа *чхонтходэ*).

Памятники Сонхённи в уезде Косон, Чири в уезде Янян, Соннимни и Пандонни в уезде Каннын также были отнесены к раннему железному веку, поскольку там была обнаружена керамика типа *чхонтходэ*, на Пандонни были обнаружены следы керамического производства – печь.

Система поселений в раннем железном веке в прибрежной полосе (Ёндон) более разнообразна, чем в континентальных районах, поселения поздней бронзы – раннего железного века – на склонах холмов, в отдалении от моря, а поселения последующих периодов на южных склонах прибрежных дюн.

---

¹ Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 526.

В континентальных районах (Ёнсо) поселения железного века находились на том же месте, что и поселения позднего бронзового века, перекрывая своих предшественников, на речных аллювиальных отложениях в горных долинах, но на побережье Японского моря, в районе Каннина на памятниках Соннимни, Пандонни, в районе Янъяна на памятнике Чири и в районе Косона, на памятнике Сачхонни поселения позднего бронзового века находились не только на отдалении от моря, но и исключительно на вершинах холмов. Поселения последующего периода раннего железного века и содержащие керамику типа *чхонтходэ* располагались на склонах холмов.

Хотя в железном веке площадь поселений расширяется из-за увеличения населения и социальной стратификации, но в основном это многослойные памятники, где слой культуры керамики типа *чхонтходэ* позднего бронзового века перекрывается слоем железного века. К тому же обнаружение жилища типа *сонгунни* (небольшое круглое жилище, иногда без очага, которое сменило длинные жилища раннего бронзового века), характерные для центральной и южной части Корейского полуострова, на памятнике Сачхонни, уезд Косон (север провинции Канвон) говорит о широком распространении ареала жилища данного типа. Большинство археологов связывает изменение в типе жилища с кардинальными изменениями в хозяйстве и социальной структуре, которые связаны с похолоданием в начале X в. до н.э. До обнаружения этого типа жилища на Сокчханни, такого типа конструкций в Канвондо не было.

На памятнике Чири (г. Янъян), который в целом относится к позднему периоду железного века, в небольшом жилище квадратной формы была найдена керамика типа *чхонтходэ*, что говорит о своеобразии начала позднего железного века в данном регионе.

Хотя к настоящему времени нет более или менее достоверного объяснения того, почему поселения позднего железного века располагались на прибрежных дюнах, но возможно оно связано с похолоданием во II в. до н.э., что привело к понижению уровня и отступлению моря. Понижением температуры объясняется также и появление двухкамерных жилищ с входным помещением. На последнем этапе железного века появляются и шестиугольные жилища, сосуществуя наряду с жилищами с входом и двухкамерными жилищами. В 1989 году начались крупномасштабные раскопки на памятнике в Анинни (Каннин) позволили более подробно рассмотреть конструкцию жилищ

железного века – стен, опорных столбов, внутренних конструкций и очагов. Тогда же были выделены основные типы жилищ железного века и их планировка – с входным коридором, двухкамерное с входным помещением, прямоугольное, шестиугольное. В шестиугольных жилищах с торцевых сторон было по две стены соединяющихся под тупым углом. С одного из торцов, обычно с юга делался вход. Шестиугольные жилища были обнаружены на памятниках Тоннэ (Хвесон) и Анинни (Каннын), но впервые они были обнаружены не в Канвондо. Первое шестиугольное жилище было обнаружено при раскопках памятника Хачхонни (жилище № 1) в провинции Северная Кёнсан, перед строительством плотины Чходжу, в то время оно еще не было выделено как тип, это произошло позже – после крупномасштабных раскопок в Анинни.¹

Таким образом, каждый тип жилища превалирует в тот или иной период железного века: в ранний период – прямоугольное жилище, в средний период – жилища со входом, двухкамерное жилище с входным помещением, в поздний период – шестиугольное жилище. Конечно, и на памятниках раннего периода было найдено много жилищ со входом, но самое раннее было прямоугольное жилище на памятнике Канмундон в Канныне.

Памятники железного века на территории Канвондо представлены в основном селищами.

На побережье провинции Канвон, регион Ёндон, самые крупные поселения железного века – Анинни и Сонджондон, последний интерпретируется как центр объединения (государства) Сильджиккук.

Однако в Ёндон до сих пор не обнаружено ни одного погребения, относящегося к этому периоду, за исключением детского погребения в жилище на памятнике Канмундон (погребение Онгван № 1), но его синхронность поселению не доказана. Поэтому при большом количестве исследованных поселений в этом регионе нет ассоциированных с ними погребений. Возможно, отсутствие погребений связано с тем, что археологические обследования проводились в основном на холмах, низины и поля остались не исследованными. О том, что там могут быть погребения свидетельствует обнаружение грунтового могильника Тохари в Ёйчхане (провинция Северный Кёнсан),

---

¹ Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – С. 537-542.

который находился в болоте.

В континентальной части провинции Канвон – Ёнсо встречаются разные типы погребений, относящиеся к железному веку. Самое известное – погребение на памятнике Чундо, пока единственная изученная в бассейнах рек Пукхан и Намхан (верховья). Обнаружение грунтового погребения с деревянными конструкциями в Тальджонни (ок. Кипхёна) предполагает наличие погребальных памятников в верхнем течении р. Пукхан.¹

В поздний период железного века в письменных источниках (Сань го чжи, Хоу хань шу) территория провинции Канвон упоминалась как территория расселения народа *E* – 예국 (濊國), точнее восточных *E* – 동예 (東濊). Но большинство авторов считает центр расселения восточных *E* либо Хамхынскую долину, либо северную часть Ёндона (Косон, Каннын).² Но в «Сань го чжи» упоминается что «по обычаю они (*E*) очень дорожат горами и реками. Горы и реки разделены на участки, и [никому] не разрешается вторгаться на чужой участок».³ Таким образом, каждая долина была заселена, горные районы Канвондо тоже можно считать территорией расселения восточных *E*.

Ёнсо, находясь на территории бассейнов рр. Пукхан и Намхан вполне логично относились к территории Махан, но в «Хоу хань шу» больше рассказывается от тех объединений Махан, относящихся к нижнему течению Хангана и южным равнинным районам.⁴ Хотя в «Хоу хань шу» упоминается, что среди владений Махан были как большие до нескольких тысяч человек, так и маленькие до нескольких сотен.⁵ Наличие больших поселений вокруг Чхунчхона (Чундо и т.д.) предполагает существование больших объединений на территории Ёнсо.

С IV века Ёндон, со времени завоевания вождества Сильджиккук входит в состав Силла. В Ёнсо маханские владения и земли вос-

---

¹ Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권 전사시대. 춘천시. – 2010. – С. 553.

² Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трём государствам. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 105-110.

³ Пак М.Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. – 1961. – № 1. – С. 120; Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – С. 221.

⁴ Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трём государствам. С. 161.

⁵ Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трём государствам. С. 160.

точных *E* постоянно переходили от одного государства в другое.

Горные центральные районы Корейского полуострова заселялись с древности, хотя центрами цивилизации они не были, но через них пролегали важные транспортные пути, связывающие западной побережье с восточным. Также аллювиальные долины представляли собой экологические ниши для оседлого населения. Конечно основные события, отраженные в письменных источниках, развивались в равнинных районах, однако необходимо учитывать и археологических контекст, свидетельствующий о довольно плотном заселении горных районов.

Источники и использованная литература:

На русском языке:

1. *Бутин Ю.М.* Корея: от Чосона к Трём государствам. – Новосибирск: Наука, 1984. – 256 с.
2. *Воробьев М.В.* Корея до второй трети VII века: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 432 с.
3. *Пак М.Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Проблемы востоковедения. – 1961. – № 1. – С. 115-138.
4. *Субботина А.Л.* Жилища культуры чундо северо-восточной и центральной Кореи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 6, выпуск 3: Археология и этнография. – 2007. – С. 161-173.
5. *Субботина А.Л.* Памятники раннего железного века типа чундо на Корейском полуострове. Автореф. дисс. к.и.н. – Новосибирск, 2008. – 329 с.

На западноевропейских языках:

6. *Ahn Sungmo, Kim Jangsuk, Hwang Jaehoon.* Sedentism, Settlements, and Radiocarbon Dates of Neolithic Korea // *Asian Perspectives.* – 2015. – Vol. 54. – № 1. – P. 113-143.
7. *Choi Bok-kyu, Yu Hye-jong.* The Hahwagye-ri III Jagunsolbat Palaeolithic Mesolithic Site in Hongcheon-gun County, Korea // *한국구석기학보.* – 2005. – № 11. – P. 78-96.
8. *Hyun-Hee Rhee, Yeong-Bae Seonga, Young-Gweon Jeonc, Byung-Yong Yu.* Bouldery slope landforms on Mt. Biseul, Korea, and implications for paleoclimate and slope evolution // *Quaternary Research.* – 2017. – No 88. – P. 293-312.
9. *Kelly R.L.* The Lifeways of Hunter-Gatherers: The Foraging Spectrum. – Cambridge: Cambridge University Press. - 2013. - 375 с
10. *Kim Minkoo, Heung-Nam Shin, Shinhye Kim, Dong-jung Lim, Kyuhee Jo, Ara Ryu, Haesun Won, Semi Oh, Hyengsin Noh.* Population and social ag-

gregation in the Neolithic Chulmun villages of Korea // Journal of Anthropological Archaeology. – 2015. – No 40. – P. 160-182.

11. *Lee Gyoung-Ah*. The Transition from Foraging to Farming in Prehistoric Korea Current Anthropology // The Origins of Agriculture: New Data, New Ideas. – 2011. – Vol. 52. – No. 4. – P. 307-329.
12. *Park J., Yu K.B., Lim H.S., Shin Y.H.* Multi-proxy evidence for late Holocene anthropogenic environmental changes at Bongpo marsh on the east coast of Korea // Quaternary Research. – 2012. – No 78. – P. 209-216.

На корейском языке:

13. *И Хёнвон* 이 형원. Чунбучиёге чхондонгисидэ чоги-чонгимунхва пхён-нёне тэхан тхоронмун 중부지역의 청동기시대 초기-전기문화 편년에 대한 토론문//제 6 회 한국청동기학회 학술대회. – 2012. – С. 299-303.
14. Канвондоса. Че 1 квон чаён мунхвагён 강원도사 제 1 권자연·문화환경. 춘천시. – 2010. – 670 с
15. Канвондоса. Че 2 квон сонсасидэ 강원도사제 2 권선사시대. 춘천시. – 2010. – 683 с.
16. *Нам Укхён* 남옥현. Хангуге че 4 ки юксан мигогёльтхведжокмуль ёнгу 한국의 제 4 기 육상 미고결 퇴적물 연구 // 현황 지질학회지. – 2018. – 제 54 권 제 1 호. – С. 107-119.
17. *Но Хёкджин* 노혁진. Чхунчхон самчхондон сунхвадороду куганмунхва-юджек пальгульчоса погосо 춘천 삼천동 순화도로구간 문화유적 발굴조사 보고서. – 춘천시. – 2002. – 560 с.
18. *Тхак Ханмён, Ким Сонхван, Сон Иль* 탁한명·김성환·손일. Чихёнхак санджие пунпхова конганджок тхыксоне кванхан ёнгу 지형학적 산지의 분포와 공간적 특성에 관한 연구 // 대한지리학회지. – 2013. – 제 48 권 제 1 호. – С. 1-18.
19. *Чхве Сынёп* 최승엽. Конганчиёге кусокмунхва ёнгу 강원지역의 구석기문화 연구 // 강원대학교 대학원 박사학위논문. – 2010. – С. 76-89.
20. *Чхве Моннёп* 최몽룡. 21 세기 хангук когохак 21 세기의 한국고고학 I. - 서울. – 2008. – 345 с.
21. *Юн Хонхиль* 윤 호필. Хангук чхондонгисидэ нонгёне кэси мит чонгё 한국 청동기시대 농경의 개시 및 전개 // 제 8 회 한국청동기학회 학술대회. – 2014. – С. 139-162.

Zagorulko A.V.

**Occupation of the central mountain region
of the Korean peninsula in ancient period**

The combination of mountain plateaus with alluvial deposits in the valleys determined the pattern of settlement in this region since the Paleolithic. The first traces of man in the central mountainous regions are associated with Paleolithic sites. Warming about 4000 years ago led to greater productivity of cultivated cereals and the emergence of primitive agriculture in the final Neolithic. The transition to agriculture completely changed the way of life in mountainous regions – stationary settlements appeared, focused on the cultivation of alluvial plains in narrow mountain valleys. Farmers of the Bronze Age have already come to the Korean Peninsula with a formed complex of material culture, with already well-established agricultural technology aimed at cultivating only cultivated cereal species – millet, rice, barley, wheat. In the late Iron Age, in written sources (San guo zhi, Hou han shu), the territory of Gangwon province was referred to as the territory of the settlement of the *E* – 예국 (濊國) people, more precisely the eastern *E* – 동예 (東濊). The main events reflected in the written sources developed in the lowland areas, however, it is necessary to take into account the archaeological context, which indicates a rather dense occupation of the mountainous areas.

Keywords: mountainous areas; basins of the Namkhan, Pukhan rivers, alluvial deposits; paleolithic sites; Neolithic; agriculture; bronze age; Mumun ceramics; iron age; eastern *E*.

Zagorulko Andrey Vladislavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Educational and Scientific Center for Social Anthropology of the Russian State Humanitarian University (Russia, Moscow, Miuskaya str., 6).

E-mail: azagor@mail.ru

Лантев С.В.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ТИПА ЯЁЙ

В статье рассматриваются ключевые вопросы, касающиеся археологической классификации и периодизации Яёй, периода кардинальных изменений в истории населения Японских островов. Несмотря на большой объем накопленного археологического материала и высокую степень изученности археологии данного периода, до сих пор остаются нерешенными проблемы археологической классификации (археологическая культура, период и т.д.) и периодизации Яёй. Значительные региональные различия археологических памятников и инвентаря позволяют говорить скорее о группе культур, отличающихся по датировкам. Еще более усложняет вопрос предлагаемый группой ученых пересмотр датировок для ранней фазы Яёй. В статье даются возможные подходы к археологической классификации и периодизации Яёй, который мы предлагаем называть культурным типом.

Ключевые слова: Яёй, археологическая классификация, периодизация, типология, археологическая культура, культурный тип, миграции, региональные различия, керамика, бронза, железо, каменные орудия, погребения, городища, «дōтаку», бронзовые зеркала, клевцы, наконечники копий, мечи.

Период (или культура Яёй 弥生) становится временем, когда на Японских островах происходят, пожалуй, самые кардинальные изменения за всю их историю. Прежде всего, коренным образом меняется сам состав населения. Как показывают краниологические исследования антропологов из Медицинского института Саппоро, степень дивергенции неметрических краниологических черт (ММД Смита) от современного японца для Яёй и более поздних эпох составляет 0,3–3, а для предыдущего периода Дзёмон 縄文 – 11.¹ О коренном изменении состава населения говорят и другие данные антропологии и генетики, которые мы подробно разбирали в других работах.² Более то-

---

Лантев Сергей Валерианович – кандидат исторических наук, специальный научный сотрудник Музея Михо (Япония, префектура Сига, г. Сигараки).

E-mail: l-sergey@miho.jp

¹ *Dodo Yukio, Ishida Hajime.* Population History of Japan Viewed from Cranial Nonmetric Variation // Дзинруйгаку дзасси. – 1990. – Т. 98. – № 4. – С. 269-287.

² *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на

го, генетические данные доказывают родство популяций северо-западного Кюсю и китайской провинции Шаньдун около 2000 л.н.¹ К ним же близко и яёйское население западного Хонсю, которое, однако, имеет и свои особенности. Тем не менее, современные японцы показывают большую связь с насельниками именно северо-западного Кюсю.²

Очевидно, что северная и северо-западная часть острова Кюсю, откуда происходят наиболее ранние памятники Яёй, о датировках которых пойдет речь ниже, ближе всего к матерiku Азии в области Корейского пролива, и именно материальная культура Кореи является наиболее близкой к Яёй типологически (погребения, керамика и др., как это рассмотрено подробнее ниже). Тем не менее, сравнение яёйского антропологического материала, обычно проводится в основном с материалом Китая и островного мира, в то время как практически отсутствует сравнение с корейским материалом, несмотря на важность информации последнего.³ Очевидно, что на антропологическое формирование яёйцев оказали влияния и волны населения с Юга и Востока (южной части Восточной Азии и островного мира Тихого океана), о чём автор писал неоднократно раньше⁴, хотя, как мы увидим ниже, основной элемент в этот период – северный.

территории Китая до VI в. н.э. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та леса, 2003; *Лантев С.В.* Антропологические свидетельства связей древних японцев с народами материка в период Яёй // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 5. – С. 171-176.

¹ *Matsushita T., Han K.X., Manabe Y., Oyamada J., Rokutanda A., Ueda S., Kinoshita N., Luo X.Z., Wei C.M.* An Anthropological Study of Human Skeletal Remains in Linzi, Shandong China and the Yayoi People in Japan. – *Anthropological Science.* – Vol. 104. – No. 1. – P. 9; *Han Kangxin and Takahiro Nakahashi.* A Comparative Study on Ritual Tooth Ablation in Ancient China and Japan. – *Anthropological Science.* – 1996. – Vol. 104. – No. 1. – P. 43-64.

² *Igawa Kazunari, Yoshitaka Manabe, Joichi Oyamada, Yoshikazu Kitagawa, Katsutomo Kaio, Kazuya Ikematsu, Ichiro Nakasono, Takayuki Matsushita, Atsushi Rokutanda.* Mitochondrial DNA analysis of Yayoi period human skeletal remains from the Doigahama site // *Journal of Human Genetics.* – *Journal of Human Genetics.* – 2009. – No. 54. – P. 581-588.

³ *Чан У Чжин* 장우진. Хёрэххён-е панёнътвен чосон сарам-ый кивонсанъ тхыксонъ (Первоначальные особенности корейцев, отражаемые в хаплотипах) 혈액형에 반영된 조선사람의 기원상 특성 // *Чосон кого ёнгу 조선고고연구.* – 2010. – № 4. – С. 2-6.

⁴ *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в.н.э. С. 63-65; *Лантев С.В.* Очерки по археологии и истории Японии. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та леса, 2007. – С. 52-53.

Изложенные выше факты дали основание Ханихара Кадзуро определять антропологическую модель формирования японцев, как «дуальную» (букв. “двуслойную”) структуру». ¹ Как мы отметили выше, по большей части японцы в современном понимании, как тип популяции, сформировались именно в период Яёй.

Период Яёй связывается и с кардинальными изменениями во всех областях жизни на архипелаге – это переход к земледелию, то есть к присваивающему хозяйству, появление бронзы и почти одновременно железа (что тоже обусловлено внешними влияниями), и формирование первых государственных образований. В то же время, ареал Яёй, особенно в ранний период достаточно узок – Кёсю и западная часть Хонсю, и так никогда ни не распространяется дальше Северной части Хонсю, на Хоккайдō, как и на острова Рёкю на Юге (культурный тип, именуемый Дзёмон существовал гораздо шире – и на Хоккайдō, и в Северной части Рёкю – кроме островов Сакисима).

Несмотря на хорошую степень изученности Яёй и бесчисленное количество раскопанных памятников, многие кардинальные проблемы, касающиеся данного ключевого периода формирования японской культуры, остаются неясными. Прежде всего, не ясно, что такое Яёй – культура или период, во-вторых, большие споры по её датировкам продолжаются уже почти двадцать лет, в-третьих, нет согласия по поводу центра данной культуры.

Рассмотрим данные вопросы по порядку. Прежде всего, хотя в японском научном дискурсе Яёй именуется культурой (*бунка* 文化), «Яёй», тем не менее, фактически воспринимается как период, что тоже отражается в соответствующем наименовании – *яёй-дзидай* 弥生時代. Период Яёй фактически становится синонимом для века раннего палеометалла, так же как Дзёмон – для неолита, а Кофун – для железного века. Ещё в 1958 году М.В. Воробьев писал о том, что, относя ранние стадии Яёй к неолиту, а средние и поздние – к энеолиту и бронзе, Яёй нельзя именовать «периодом». ² Несмотря на находки металлических изделий, датируемые временем, которое он относил к

---

¹ Ханихара Кадзуро 埴原 和郎. Нидзю кбдзэ модэру: Ниппондзин сōдан-но кэйсэй-ни какавару ити касэцу (Дуальная модель: к гипотезе о формировании японцев как популяции) 二重構造モデル: 日本人集団の形成に関わる一仮説 // Anthropological Science. – 1994. – Vol. 102. – No. 5. – P. 455-477.

² Воробьев М.В. Древняя Япония. – М.: Издательство Восточной литературы, 1958. – С. 37, 39-40, 60.

ранней стадии Яёй (об этом говорится ниже), неидентичность эпохи распространения керамики Яёй и периода палеометалла остается верной, а отмеченная им проблема – важной для археологической классификации Яёй. Вопрос о том, насколько правильно называть Яёй культурой, мы рассмотрим отдельно ниже.

Следующая проблема – датировка культуры (периода) Яёй. Традиционно период Яёй датировался III в. до н.э. – III в. н.э., и подразделялся раннюю (III–II вв. до н.э.), среднюю (II–I вв. до н.э.) и позднюю (I–III вв. н.э.) фазы.¹ Тем не менее, последнее время датировки ранней фазы – вопрос оживленной дискуссии, начатой с публикацией серии радиоуглеродных дат по методу АМС, полученных группой учёных Государственного историко-этнографического музея (г. Сакура, преф. Тиба). Первое их публичное обсуждение вызвало резкое отрицание у большинства на конгрессе Японского археологического общества в 2003 году в Тōкио, чему свидетелем стал автор.

Дело в том, что к ранней фазе относят следующие типы керамики на северном Кюсю – Юусу 夜臼, Итадзукэ 板付 1, Итадзукэ 2 и некоторые другие. На передатировке керамики этих типов и основывался Харунари Хидэдзи из группы Историко-этнографического музея, предложивший начало начальной фазы (тип Курокава 黒川) ок. 1000 л. до н.э., ранней фазы (типы Юусу I, IIa) – ок. 800 л. до н.э., а начало средней фазы (типы Юусу IIb, Итадзукэ I, IIa, IIb, IIc) – 400 л. до н.э.², тем самым не только значительно удревяя датировки, но и удлиняя две последние фазы по протяженности практически вдвое. Тем не менее, при этом возникли вопросы сопоставления этих данных с материалом из Китая и Кореи, в частности проблема датировки появления железа в Японии, ранние находки которого относятся к ранней и средней фазе, то есть намного раньше, чем в Китае, где оно появляется в VI в. до н.э., и соответственно в Корее.³ Разрешению этой

---

¹ *Чжонь Хан Док* 정한덕. Ильбон-ый когохак (Археология Японии) 일본의 고고학. – Сеул 서울: Хакьён мунхваса 학연문화사, 2002. – С.156.

² *Харунари Хидэдзи* 春成 秀爾. Яёй дзидай-но кайси нэндай (Начало периода Яёй) 弥生時代の開始年代, 2003 // URL: <http://www.rekihaku.ac.jp/kenkyuu/0725/index.html#02> (дата обращения: 03.03.2015).

³ *Ko T.* The Development of Metal Technology in Ancient China // Science and Technology in Chinese Civilization. – Singapore: World Scientific, 1987. – P. 225-243; Сахве квахаквон когохак ёнгусо (Институт археологии Академии общественных наук КНДР) 사회과학원고고학연구소. Чосон когохак кэё (Очерк археологии Кореи) 조선고고학개요. –

проблема была посвящена работа группы Университета Сбкэндай, анализировавшая керамический материал как с Северного Кёсю, так и из Южной Кореи.¹ В результате, проанализированные типы керамики Такаидзума 高三瀨, Симокума 下大隅 и Нисидзин 西新, относимые к поздней фазе, датированы от 50 л. до н.э. и позже; Дзёноко-си 上ノ越, Сугу 須玖 I и II, относимые к средней фазе – ок. 300-50 лл. до н.э.; Юусу Пб, Итадзукэ I, Па, Пб, Пс, отнесённые ими к ранней фазе ок. 800-300 лл. до н.э. К начальной фазе отнесены типы Яманотэра 山の寺 и Юусу Па, датированные 950-800 лл. до н.э., а типы Курокава и Мацудзоэ 松添, датированные 1200-1000 лл. до н.э., отнесены ими к финальному Дзёмону, причём новым критерием границы между Дзёмоном и Яёй стало по их мнению наличие земледелия, а не тип керамики.² То есть, фактически даты были ещё удревлены и рубежи передвинуты. Одновременно были подвергнут исследованию и керамический материал из южной части Кореи, где период неорнаментированной керамики, начиная с типа Тольдэмуна 돌대문(突帶文), датирован начиная с 1400 л. до н.э.³ В целом, в южной части Кореи начало бронзового века, в первую очередь, на основе радиоуглеродных дат керамического материала, датируется 1-й пол. II тыс. до н.э.,⁴ хотя контекст ряда данных оспаривается⁵, с чем новые данные группы Фудзио согла-

Пхеньян 평양: Квахак, пэкквва сачжон чхульпханса 과학, 백과사전출판사, 1977. – С. 133.

¹ Фудзио Сингытирō 藤尾 慎一郎. Син Яёй дзидай-но кокороми (Предложения по новым датировкам Яёй) 新弥生時代の試み // Кикан кокогаку 季刊考古学. – 2004. – № 88. – С. 23-28; Фудзио Сингытирō, Иمامура Минэо, Нисимото Тоёхиро 藤尾 慎一郎, 今村 峯雄, 西本 豊広. Яёй дзидай-но кайси нэндай – АМС-тансо дзёён сокутэй-ни ёру кōсбдо нэндай тайкэй-но кōтику (начало периода Яёй: конструкция системы датировок при помощи высокоточного метода АМС-углерод 14) 弥生時代の開始年代—AMS-炭素14年代測定による高精度年代体系の構築 // Сбкэндай бунка кагаку кэнкō 総研大文化科学研究. – 2005. – № 1. – С. 73-96.

² Фудзио Сингытирō, Иمامура Минэо, Нисимото Тоёхиро. Яёй дзидай-но кайси нэндай – АМС-тансо дзёён сокутэй-ни ёру кōсбдо нэндай тайкэй-но кōтику. С. 82.

³ Фудзио Сингытирō. Син Яёй дзидай-но кокороми. С. 23-28; Фудзио Сингытирō, Иمامура Минэо, Нисимото Тоёхиро. Яёй дзидай-но кайси нэндай – АМС-тансо дзёён сокутэй-ни ёру кōсбдо нэндай тайкэй-но кōтику. С. 88-92.

⁴ Ли Гон Му 이건무. Чхоньдонгы мунхва (Культура бронзы) 청동기 문화. – Сеул 서울: Тэвонса 대원사, 2000. – С. 18; Ли Ёнь Мун 이영문. Хангук чхоньдонгы сидэ ёнгу (Исследования культуры бронзы в Корее) 한국 청동기시대 연구. – Сеул 서울: Чжурюсонъ 주류성, 2002. – С. 306-307.

⁵ Shoda Shin'ya. Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What Has Changed

суются. С другой стороны, Сёда Синья из Нарского национального института памятников культуры, считает доказанным появление земледелия (на основе типологии зёрен риса) для Южной Кореи не раньше XII–XI вв. до н.э., а для Японии – IX–VIII вв. до н.э.¹

Проблема начала средней фазы Яёй связывается с появлением железных орудий, и датируется Харунари ок. 350 л. до н.э.² Заканчивается эта фаза, по его хронологии, как и раньше, в I в. н.э., а датировки поздней фазы – не передвигаются.³ Есть и попытки сопоставления этих данных по типологии керамики с Северо-востоком Японии⁴, а также с дендрохронологическим материалом.⁵

Тем не менее, начало собственного производства бронзовых орудий на Японских островах определяется не ранее начала средней фазы периода Яёй, а данные ранней фазы подвергаются сомнению.⁶ К

Because of Yayoi Dating Controversy? // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52. – No. 2-3. – P. 422.

¹ *Shoda Shin'ya*. Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What Has Changed Because of Yayoi Dating Controversy? P. 421-427.

² *Харунари Хидэдзи* 春成 秀爾. Яёй дзидай-но нэндай сокутэй (Датировки периода Яёй) 弥生時代の年代測定 // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 2004. – № 88. – С. 21; *Харунари Хидэдзи* 春成 秀爾. Сэйдōки-то Яёи дзидай-но нэндай (Хронология бронзовых орудий периода Яёй) 青銅器と弥生時代の年代 // Хигаси Адзиа сэйдōки-но кэйфу (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本 豊広 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2008. – С. 4.

³ *Фудзико Сингитирō*. Син Яёй дзидай-но кокороми. С.27; *Фудзико Сингитирō*, *Имамура Минэо*, *Нисимото Тоёхиро*. Яёи дзидай-но кайси нэндай – АМС-тансо дзёён сокутэй-ни ёру кōсōдо нэндай тайкэй-но кōтику. С. 89.

⁴ *Ситара Хироси*, *Кобаяси Кэнъити* 設楽 博己、小林 謙一. Дзёмон банки кара-но ситэн (С точки зрения позднего Дзёмона) 縄文晩期からの視点 // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 2004. – № 88. – С. 60-66.

⁵ *Мицутани Такуми* 光谷 拓実. Яёй дзидай-но нэнрин нэндай (Дендрохронологические датировки периода Яёй) 弥生時代の年輪年代 // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 2004. – № 88. – С. 40-49.

⁶ *Ёсида Хироси* 吉田 広. Ниппон рэттō-ни окэру букикэй сэйдōки-но тјодзō кайси нэндай (Время начала изготовления бронзового оружия на Японских островах) 日本列島における武器形青銅器鑄造開始年代 // Хигаси Адзиа сэйдōки-но кэйфу (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本 豊広 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2008. – С. 52.

началу той же средней фазы, по-видимому, следует относить и производство железа.¹ Таким образом, получается, что вся длительная ранняя фаза, как и начальная фаза относятся к периоду до металла.

В целом, получается, что дискуссия вокруг начала периода Яёй превращается в игру словами. Если датировать Яёй как век палеометалла – то это не раньше IV в. до н.э., если появление земледелия – IX–VIII вв. до н.э., а если определенные типы керамики, не связанные с Дзёмоном – то X в. до н.э., а тип Курокава – даже XII–XI вв. до н.э. Снова мы возвращаемся к вопросу о понимании Яёй как такового. Что это, наименование керамической культуры (или группы культур) или синоним периода производящего хозяйства, или же, века палеометалла? Опять, же керамика Яёй продолжает сосуществовать с керамикой Дзёмона дольше всего в северо-восточных районах острова Хонсю – вплоть до средней фазы периода Яёй.² Следовательно, понимание Яёй и как периода, и как культуры может быть принято лишь с большими оговорками.

Последнее становится ясно, прежде всего, на примере комплекса бронзовых орудий.³ Если на севере Кюсю в ритуальном бронзовом комплексе доминируют зеркала и копья, то в районе Кинки – бронзовые колокола *дбтаку* 銅鐸. Ареалы этих типов бронзы почти не пересекаются.⁴ Керамика Яёй представляет собой большое разнообразие региональных типов и орнаментов, из которых мы можем выделить по меньшей мере, типы и орнаменты Кюсю, Тюгоку, Кинки, Восточной Японии как сильно различающиеся между собой.⁵ В погребальном обряде на Кюсю использовались керамические урны, которые в других регионах отсутствуют (об этом подробнее ниже).

---

¹ Мураками Ясуоки 村上 恭通. Хигаси Адзиа-ни окэру тэки-но кигэн (Происхождение железных орудий в Восточной Азии) 東アジアにおける鉄器の起源 // Хигаси Адзиа сэйдэки-но кэйфу (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本豊広 編。– Токіо 東京: Үдзандаку 雄山閣, 2008. – С. 152.

² Ситара Хироси, Кобаяси Кэнъити. Дзёмон банки кара-но ситэн. С. 60-66.

³ О бронзах периода Яёй на русском языке см.: Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 28-59.

⁴ Латтев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 66.

⁵ Латтев С.В. Очерки по археологии и истории Японии. С. 41.

Таким образом, вряд ли возможно понимать Яёй и как единую археологическую культуру, скорее – это группа близких культур.

Следовательно, вопрос о том, что же такое «Яёй» остается не выясненным, а именно от этого зависит понимание его датировок. Тем не менее, мы можем констатировать, что новые датировки изменили немного в наших знаниях данной культуры. Датировки бронзового и железного веков Японии остаются прежними, неизменной остаётся и поздняя фаза Яёй – время активного политогенеза, как и даты для большинства регионов.

Итак, рассмотрим некоторые особенности материальной культуры Яёй, принимая во внимание тот факт, что этот культурный тип представляет собой временную и региональную мозаику.

Прежде всего, значительным разнообразием отличаются погребальные обряды.¹ На Северном Кюсю, преобладают захоронения в керамических урнах большого размера, это – первичные захоронения (рис. 1). Тело усопшего помещалось в скорченном положении в огромный керамический сосуд, или два сосуда, соединенных друг с другом горлышками. В сосудах же находится и инвентарь. Такого типа захоронения характерны для Южной части Кореи того же времени, откуда они, по-видимому, и пришли, а также для Южного Вьетнама.²

---

¹ О погребальных сооружениях и обрядах периода Яёй также см. статью Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике. – *Прим. ред.*

² Кангё сюрэку Ёсиногари исэки гайхё (Краткий отчет о раскопках укрепленного вом городища в Ёсиногари) 環濠集落吉野ヶ里遺跡概報 / под ред. Комитета по образованию преф. Сага 佐賀県教育委員会編. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1990. – С. 22-24; Накоку-но сюто. Сугу-Окамото исэки – Накоку-кара Яматай-коку-э (Столица государства На. Памятник Сугу-Окамото – из государства На в государство Яматай) 奴国の首都。須玖岡本遺跡—奴国から邪馬台国へ / под ред. Комитета по образованию гор. Касуга 春日市教育委員会編. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1994. – С. 84-86; Сёва-о каээта кёкогакуса Харада Дайроку. Итококу-ни роман-о мотомэта отоко (Харада Дайроку – археолог периода Сёва. В поисках тайны государства Ито) 昭和を駆けた考古学者、原田大六—伊都国にロマンを求めた男。– Итосима 糸島: Итосима сирису Итококу рэкиси хакубуцукан 糸島市立伊都国歴史博物館, 2000. – С. 10; *Bùi Chí Hoàng, Mariko Yamagata*. Khu di tích Bình Yên và văn hóa Sa Huỳnh ở Quảng Nam // Một số vấn đề khảo cổ học ở miền nam Việt Nam. – TP HCM: NXB khoa học xã hội, 2004. – Tr. 83-123, 469-481; Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру (Культура Яёй – в поисках истоков японской культуры) 弥生文化—日本文化の源流をさぐる / под ред. Осацкого префектурального музея культуры Яёй 大阪府立弥生文化博物館編. – Идзуми 和泉: Осака фурицу Яёй бунка хакубуцукан 大阪府立弥生

Другой тип захоронений, также характерный для Северного Кёсю и распространенный в Корее – это положение тела в скорченном положении в «каменный гроб-ящик» (термин М.В. Воробьева) со стенками из вертикально поставленных камней. Пол и, зачастую, «крышка» такого гроба – земляные¹ (рис. 2). Керамические урны закапывались в прямоугольные грунтовые могилы, зачастую в один из их углов, а не посередине. У ряда могил не обнаружено никакой погребальной конструкции, в то время как на других сверху сооружались дольмены, с большим камнем, поддерживаемым двумя (или более) маленькими, в форме греческой буквы П (назовем их П-образные дольмены, рис. 3). Такой тип дольменов характерен для Корейского полуострова, причём очевидно приходит с его Севера, где П-образные дольмены имеют более метра в высоту, а иногда достигают и 2-3 метров.² На Юге Кореи и на Кёсю они небольшие – несколько дециметров высоты, иногда ножки могут быть всего несколько сантиметров.³ Дольмены могли сооружаться над обоими описанными выше захоронениями и район их распространения ограничивается Северной и Центральной частями Кёсю.⁴

Особенностью захоронений Яёй является однослойность – в то время как жилища разных периодов перекрывают друг друга, могилы разных периодов идут в территориальной последовательности друг за другом, удаляясь от поселения.⁵ Возможно, с этим и связано существование дольменов – как меток, говорящих о существовании на этом месте кладбища, и, тем самым, предотвращающих невольное беспокойство духов умерших. Хотя можно предположить и ряд других причин для их сооружения, что в принципе является достаточно

文化博物館, 1991. – С. 29, 36, 46, 172; Маэбаруси кёйку иинкай (Комитет по образованию гор. Маэбару) 前原市教育委員会. Хирубару исэки (Памятник Хирабару) 平原遺跡. – Маэбару 前原: Маэбаруси кёйку иинкай 前原市教育委員会, 2000.

¹ Накоку-но сюто. Сугу-Окамото исэки. С. 101; *Ли Гон Му*. Чхоньдонъги мунхва. С. 63-64.

² Сахве квахагвон когохак ёнгусо. Чосон когохак кэё. С. 83, ил. 9.

³ *Ли Гон Му*. Чхоньдонъги мунхва. С. 58; *Миямото Кадзую* 미야모토 가즈오 (宮本一夫). Кюсю чиёг-ый чисокмйю (П-образные могилы в регионе Кёсю) 규슈(九州) 지역의 지석묘 / пер. Рю Чжи Чхона 류지청 번역 // Кйеган Хангуг-ый когохак 계간 한국의고고학. – 2011. – Т. 18. – С. 52-61.

⁴ *Миямото Кадзую*. Кюсю чиёг-ый чисокмйю. С. 52-61.

⁵ Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру. – С. 46; Кангё сёраку Ёсиногари исэки гайхё. С. 20-21.

сложным комплексом вопросов, и, соответственно, выходит за формат данной работы.

В районе Кинки захоронения производились, как правило, в грунтовых могилах прямоугольной формы. Изредка встречается и деревянный гроб прямоугольной формы. Могилы помещались в насыпях прямоугольной формы, окруженных канавкой (рис. 4). Высота насыпей была небольшой – около одного метра, а длина – около 10 м, хотя есть пример погребальной насыпи кургана из Ками 加美, преф. Ōсака, длина стороны которого составляет 26 м. Особенность региона Кинки состоит в том, что в одной насыпи располагается несколько могил, и она не является индивидуальным захоронением, как в районе Кантō.¹

Погребальный обряд в районе Т̄югоку, также близок к Кинки, но имеет свои особенности. Погребальная насыпь здесь имеет вытянутые углы (рис. 5). Следует выделить и погребальный тип Доигахама 土井ヶ浜, где захоронены только головы, сложенные друг на друга.²

В районе Тōхоку зафиксирован обряд «могари» 殯 (обряд предварительного захоронения или выставления)³, сходные формы которого сохранялись вплоть до современного периода на Окинаве.⁴ В Тōхоку кости, очищенные от плоти, помещены в керамические сосуды (рис. 6). Очевидно, что здесь сказывается сильное влияние дзёмонского населения.⁵

Жилища Яёй хоть и отличаются меньшим разнообразием, также представляют собой соединение двух типов – полуземлянки (рис. 7) и свайных конструкций (рис. 8). Полуземлянки, поддерживаемые столбами со входом сбоку известны на Японских островах ещё в период Дзёмон и остаются и в Яёй основным типом жилищ.⁶ Они же, впро-

---

¹ Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнр̄ю-о сагуру. С. 46-47, 189-191.

² Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнр̄ю-о сагуру. С. 47, 181-182.

³ *Saitō Tadasi* 斎藤 忠. Ниппон кōкогаку гайрон (Очерк археологии Японии) 日本考古学概論. – Тōкио 東京: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 1982. – С. 133-134.

⁴ *Бакшеев Е.С.* Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель. – Диссертация ... кандидата культурологии. – Москва: Российский институт культурологии, 2005. – 224 с. + Прил. (112 с.).

⁵ *Saitō Tadasi*. Ниппон кōкогаку гайрон. С. 135.

⁶ Кангō с̄ораку Ёсиногари исэки гайхō. С. 61-62; *Saitō Tadasi*. Ниппон кōкогаку гайрон. С. 122-124.

чем, характерны и для Корейского полуострова.¹ Жилища на сваях обычно считаются зернохранилищами или культовыми постройками², но их многочисленность в некоторых поселениях на Севере Кюсю, говорит в пользу того, что они могли быть и жилищами.³

Инвентарь Яёй тоже отличается большим региональным разнообразием. Прежде всего, следует сказать о ритуальной бронзе.

В районе Кюсю – это наконечники копий в форме «бива» 琵琶形銅矛 (рис. 9) (琵琶 кит. *pipa* – струнный музыкальный инструмент типа лютни), происходящие из района Маньчжурии к северу от Ляодунского полуострова⁴, бывшего частью корейской культуры в тот период; клевцы⁵ 戈 (яп. *ка*, кит. *гэ*; рис. 10), мечи китайского типа⁶ (рис. 11-12), корейские и китайские зеркала⁷ (рис. 13-14). Фактически, в бронзе мы видим продолжение корейской культуры, часть бронзового оружия и зеркала корейского типа – с треугольным и линейным орнаментами и двумя ушками – являются объектом импорта.⁸

Как мы уже отмечали выше, довольно рано начинается и собственное производство оружия на Северном Кюсю, свидетельством чему служит находка литейных форм.⁹ По-видимому, где-то со II в.

¹ *Ли Гон Му*. Чхоньдоньги мунхва. С. 31-32.

² *Сайтō Тадаси*. Ниппон кōкогаку гайрон. – С.124.

³ *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в.н.э. – С.63-64.

⁴ Сахве квахаквон когохак ёнгусо. Чосон когохак кэё. – С.125; *Ли Гон Му*. Чхоньдоньги мунхва. – С.91.

⁵ *Окадзаки Такаси* 岡崎 敬. Гиси вадзиндэн-но ко:когаку. Кюсю хэн (Археология «Описания народа во» в хронике «Вэй чжи». Выпуск по Кюсю) 魏志倭人伝の考古学—九州篇. – Тōкио 東京: Дайити сёбō 第一書房, 2003. – С. 216; *Янагида Ясуо* 柳田康雄. Ниппон, Тёсэн хантō-но сэйдō буки кэнкю (Исследование бронзового оружия Японии и Корейского полуострова) 日本・朝鮮半島の青銅武器研究. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2014.

⁶ Яёй бунка-но кэнкю 6. Дōгу-то гидзюцу II (Исследования по культуре Яёй 5. Орудия и технология II) 弥生文化の研究 6—道具と技術 II / под. ред. Канасэки Хироси, Сахара Макого 金関 恕、佐原 真 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1986. – С. 46; *Хигути Такаясу*, *Сахара Макого*, *Ода Сидзю*, *Кондō Кёити* 樋口 隆康、佐原 真、小田 静夫、近藤 喬一. Тайрику бунка то сэйдōки. (Культура материка Азии и бронза Японии) 大陸文化と青銅器. – Тōкио 東京: Кōданса 講談社, 1974. – С. 44.

⁷ *Хигути Такаясу*, *Сахара Макого*, *Ода Сидзю*, *Кондō Кёити*. Тайрику бунка то сэйдōки. – С. 20, 28-29; Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру. – С. 173.

⁸ Яёй бунка-но кэнкю 6. Дōгу то гидзюцу II. – С. 35-43.

⁹ Яёй бунка-но кэнкю 6. Дōгу то гидзюцу II. – С. 96-97, 101, 103.

до н.э. на Кюсю, а через него и далее в глубинные районы начинается проникновение и китайской бронзы, в первую очередь зеркал, а также мечей и монет.

Зеркала постепенно распространяются и в район Кинки, и дальше на Восток. По типологии, часть их относится к ранней династии Хань 漢 (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.), как например, тип с орнаментом «внутреннего цветка».¹ Именно китайские зеркала (с орнаментальными поясами вокруг одного круглого ушка), а не корейские, становятся основным объектом подражания. Надо отметить, что по технологии этот тип бронзовых изделий является наиболее сложным из всех, тем не менее, 18-24% бронзовых зеркал в период Яёй – японского производства. Подавляющее большинство зеркал китайского типа найдено на Кюсю, и лишь около 5% на Сикоку и Хонсю, в основном в районах Тюгоку и Сикоку.² Точно также, и зеркала корейского производства находят в районе Кинки.³ Появление инвентаря китайского происхождения связывается с образованием китайской культурной провинции Лэлан 樂浪 (Раннань 락랑) и на Севере Корейского полуострова в 108 г. до н.э.

В других районах бронзового инвентаря значительно меньше, и типы его отличны от Северного Кюсю. Для районов Тюгоку и Сикоку характерны бронзовые мечи⁴ (рис. 15), а особенностью района Кинки становятся огромные бронзовые колокола «дōтаку» (рис. 16), которые распространяются на различные районы Хонсю и Восточного Сикоку, но подавляющее их большинство сосредоточено в Кинки (Сига, Ōсака, Нара, Хёго, Вакаяма).⁵

«Дōтаку» представляют собой один из интереснейших феноменов бронзовой культуры Японии. Это – огромные бронзовые колокола, достигающие 135 см в высоту («дōтаку» из Косинохара 小籬

¹ Яёй бунка-но кэнкю 6. Дōгу то гидзюцу II. С. 39-40.

² *Lapteff S.* Chinese Influence on the Technological Development of Yayoi Period Japan: Problems of Metal Casting and the Production of Bronze Mirrors // *Historical Perspectives on East Asian Science, Technology and Medicine* / Ed. by Alan K.L. Chan, Gregory K. Clancy, Hui-Chieh Loy. – Singapore–New Jersey–London–Hong Kong: Singapore University Press, World Scientific, 2002. – P. 470-476.

³ *Окадзакиси Такаси.* Гиси вадзиндэн-но кōгогаку. Кюсю хэн. С. 102.

⁴ *Хигути Такаюсу, Сахара Макото, Ода Сидзю, Кондō Кёити.* Тайрику бунка то сэй-дōки. С. 129; Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру. С. 52.

⁵ *Хигути Такаюсу, Сахара Макото, Ода Сидзю, Кондō Кёити.* Тайрику бунка то сэй-дōки. – карта.

原, преф. Сига), кроме раннего периода – без языка, украшенные большим количеством орнаментальных деталей и изображениями различных бытовых сцен.¹ «Дōтаку» не имеют аналогов как на Кюсю, так и в других культурах и, безусловно, являются изобретением района Кинки. Тем не менее, определенные параллели с ними в других культурах просматриваются. Прежде всего, ряд изображений имеет параллели в Юго-Восточной Азии, в частности в изображениях на бронзовых барабанах и сосудах в культуре Донгшон (Văn hóa Đông Sơn) в Северном Вьетнаме и Юньнани (культурный тип Шичжайшань 石寨山), например, изображение высоких свайных конструкций, птиц, спиралевидные орнаменты; сходны с донгшонскими и изображения гребцов в лодке на керамике из района Кинки.² Кроме того, наиболее близкие к данному типу колокола – также большого размера, овальные в сечении, с мощным ушком, без язычка – тоже происходят из Юго-Восточной Азии: Вьетнама, Малайзии (штат Селангор), Камбоджи (провинции Поусат, Канда, Баттамбанг)³ (рис. 17-18). Соответственно, предлагаемая связь происхождения «дōтаку» с конскими колокольчиками Северного Кюсю⁴ нам кажется сомнительной. В Кинки было найдено и зеркало с изображением жилищ на сваях, характерных для народов Юго-Восточной Азии.⁵ Поэтому возможным нам кажется предполагать связи этого региона с Юго-Восточной

¹ Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру. С. 48; *Хигути Такаясу, Сахара Мако-то, Ода Сидзуо, Кондō Кёити*. Тайрику бунка то сэйдōки. С. 40-41.

² Trung tâm khoa học xã hội và nhân văn quốc gia Viện khảo cổ học. Văn hoá Đông Sơn ở Việt Nam / chư biên Hà Văn Tấn. – Hà Nội: NXB khoa học xã hội, 1994. – Тт. 468, 478; Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру. С. 50-51; *Хигути Такаясу, Сахара Мако-то, Ода Сидзуо, Кондō Кёити*. Тайрику бунка то сэйдōки. С. 99-102.

³ *Кхун Самен* 坤 旃 旃. Моккутйса саромунти чиаг Пхномпень (Новый путеводитель по Национальному музею в Пномпене) មកុត្តុទុសេក៏ថ្មី សារមន្តីរ៍ជាតិ ភ្នំពេញ. – Пномпень ភ្នំពេញ : Баопумпхи саромунти ចោះព្រះពុទ្ធសាសនាមន្តីរ៍, 2002. – С. 68-69; Trung tâm khoa học xã hội và nhân văn quốc gia Viện khảo cổ học. Văn hoá Đông Sơn ở Việt Nam. Тт. 483; *Умэ-хара Суэдзи* 梅原 未治. Сина кōкогаку ронкō 支那考古学論攷 (Очерк археологии Китая). – Тōкио: Кōбундō сёбō 弘文堂書房, 1938.

⁴ *Иноуэ Ёити* 井上 洋一. Дōтаку кигэнрон то сёдōтаку (Теория о происхождении «дōтаку» и маленькие бронзовые колокольчики) 銅鐸起源論と小銅鐸 // Тōкё кокурицу хакубуцукан киё 東京国立博物館紀要. – 1993. – № 28. – С. 1-96, 503-504.

⁵ *Латтев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. Рис. 12.

Азией, через островной мир или через материк.¹ Особенность «*дōтаку*» состоит также в том, что их находят не в захоронениях, как бронзовое оружие² и зеркала, а на склонах или вершинах холмов, в местах не связанных с погребениями.³ Очевидно, они использовались в ритуалах, не связанных с погребением. Есть теория, что они потеряли роль музыкального инструмента⁴, однако, учитывая опыт народов Юго-Восточной Азии мы считаем, что это сомнительно. Характерно, что *дōтаку* исчезают без следа в поздней фазе периода Яёй и в следующий период неизвестны.⁵ В это время основной центр производства бронзовых зеркал переносится в Кинки.⁶

Каменные орудия продолжают использоваться в период Яёй, особенно в восточных районах, где бронзы мало. В целом, они продолжают дзёмонские традиции, хотя появляется ряд новых типов, самый распространенный из которых – «полулунный нож», имеющий форму полумесяца или заостренного овала с двумя или тремя отверстиями – выполнявший роль серпа.⁷ Подобные ножи известны и в

---

¹ Лантев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 67.

² Бронзовое оружие также находят в местах, не связанных с захоронениями; так, на памятнике Кōдзиндани 荒神谷 (Идзумо, преф. Симанэ) отмечены многократные примеры массового закапывания ритуальных бронзовых изделий в земле: самая массовая находка – 358 мечей, 6 колоколов *дōтаку* и 16 наконечников копий. – Прим. ред.

³ Хигути Такаясу, Сахара Мамото, Ода Сидзуо, Кондō Кёити. Тайрику бунка то сэй-дōки. С. 97-98; Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнрjō-о сагуру. С. 49.

⁴ Хигути Такаясу, Сахара Мамото, Ода Сидзуо, Кондō Кёити. Тайрику бунка то сэй-дōки. С. 12; Яёй бунка – Ниппон бунка-но гэнрjō-о сагуру. С. 48.

⁵ Хигути Такаясу, Сахара Мамото, Ода Сидзуо, Кондō Кёити. Тайрику бунка то сэй-дōки. С. 104.

⁶ Лантев С. Laptёv S. Лян Хань Саньго шидай цинтун цзин цзи ци дуй Жибэнь дэ инсян. Инсян дэ туцзин хэ ии (Бронзовые зеркала периодов Обоих Хань и Троецарствия и их влияние на Японию. Пути и значение этого влияния) 两汉三国时代青铜镜及其对日本的影响 – 影响的途径和意义 // Гу тьяньвэнь юй чуаньгун вэньхуа гоцзи таолуньхуэй. 1997. Хуэйи луньвэнь цзи (Международный симпозиум по древней астрономии и традиционной культуре. 1997. Сборник статей) 古天文与传统文化国际讨论会 1997. 会议论文集. – Нанкин 南京: Чжунго кэсюэюань Цзыцзиньшань тьяньвэньтай中国科学院紫金山天文台, 1998. – С. 170-177.

⁷ Сайтō Тадасу. Ниппон кōкогаку гайрон. С. 128; Яёй бунка-но кэнкю 5. Дōгу-то гидзюцу I (Исследования по культуре Яёй 5. Орудия и технология I) 弥生文化の研究 5 — 道具と技術 I / под. ред. Канасэки Хироси, Сахара Мамото 金関 恕、佐原 真 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку, 1985. – Ил. 21.

Корее.¹ Позже появляются и железные серпы и косы.²

Керамика Яёй также отличается большим региональным многообразием. Основное ее отличие от Дзёмона в почти полном отсутствии орнамента, характерном уже для типа Курокава на Северном Кюсю, что сближает её с неорнаментированной керамикой Корейского полуострова.³ В то же время, миски на высокой ножке подставке явно демонстрируют связь с культурами Индокитайского полуострова и Южного Китая.⁴ В Восточной Японии, особенно в районе Тохоку сохраняется сильное влияние дзёмонских форм, например, фигурный венчик, и орнаментов (крупные фигурные орнаментальные полосы)⁵ (рис. 19), хотя, даже в этом районе керамика относится уже к новому, не дзёмонскому типу. Керамика и стала основой для выделения Яёй, как культуры, названной по месту первой документированной находки этого типа в квартале Яёй в Тёкио в 1884 г.⁶

Керамика Северного Кюсю (типы Сугу, Такамидзума) характеризуются господством плоскодонных сосудов – кувшинов на узком доньшке, с узким горлышком и широким венчиком, горшков с узким дном, мисок на высокой ножке, высоких керамических подставок. Все они либо не орнаментированы, либо имеют простой линейный орнамент⁷ (рис. 20). Эти типы тесно связаны с керамикой Корейского полуострова формами и орнаментами.

Керамику района Кинки отличает густое покрытие орнаментом, основной из вид которого – гребенчатый, поэтому даже керамика этого региона получила название «гребенчатой».⁸ По типам для этого региона характерны плоскодонные сосуды со средней ширины

---

¹ Сахве квахаквон когохак ёнгусо. Чосон когохак кэё. С. 69, 98; *Ли Гон Му*. Чхонь-донъги мунхва. С. 74.

² Яёй бунка-но кэнкю 5. Дёгу то гидзюцу I. Ил. 22.

³ Яёй бунка-но кэнкю 3. Яёй доки I (Исследования по культуре Яёй 3. Керамика Яёй I) 弥生文化の研究 3 — 弥生土器 I / под. ред. Канасэки Хироси, Сахара Макото 金関 恕、佐原 真 編. – Тёкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1986. – С. 123-124, 156.

⁴ *Лантес С.В.* Очерки по археологии и истории Японии. С. 52; Яёй бунка-но кэнкю 4. Яёй доки II (Исследования по культуре Яёй 4. Керамика Яёй II) 弥生文化の研究 4 — 弥生土器 II / под. ред. Канасэки Хироси, Сахара Макото 金関 恕、佐原 真 編. – Тёкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1987. Ил. 2-7.

⁵ Яёй бунка-но кэнкю 4. Яёй доки II. Ил. 23, 28.

⁶ *Сайто Тадаси*. Ниппон кёкогаку гайрон. С. 140.

⁷ Яёй бунка-но кэнкю 4. Яёй доки II. С. 23, 36-37.

⁸ Яёй бунка-но кэнкю 4. Яёй доки II. С. 83.

дном – кувшины и миски, миски на толстой, средней высоты ножке, миски с боковыми ручками. Характерна перфорация ножки и венчика ряда сосудов¹ (рис. 21).

Керамика районов Тюгоку и Сикоку представляет собой промежуточный вариант между указанными выше разновидностями, но, тем не менее, обладает и особенностями, нераспространенными в Кинки или на Северном Кюсю, такими как сосуды с высоким горлышком. Среди других особенностей данного региона следует отметить наличие мощных перфорированных керамических подставок, цилиндрический венчик у ряда кувшинов, полосы треугольного орнамента² (рис. 22).

Таким образом, мы рассмотрели основные типы объектов материальной культуры Яёй в ключевых регионах, показав их значительное своеобразие и отличие друг от друга.

Следует отметить, что именно в период Яёй происходит и начало политогенеза – формирование так называемых городов–государств. В китайских исторических хрониках древние японцы известны под именем «*во*» (яп. *ва* 倭), у которых существовал ряд «государств» (кит. *го*, яп. *куни* 國). Китайские династийные истории «Вэй чжи» 魏志 и «Хоу Хань-шу» 後漢書 повествуют о существовании в конце II – III вв. н.э. государства Яматай, управлявшегося правительницей-женщиной, и имевшем отношения с китайским царством Вэй 魏.³ Тем не менее, хотя его местоположение вызывает уже более 200 лет споры у японских историков, основные гипотезы которых – Кюсю или Кинки⁴, нам кажется что данная проблема не является ключевой, по крайней мере, с точки зрения развития материальной культуры.

К концу периода Яёй центр распространения и производства бронзовых зеркал перемещается в Кинки, и именно там в следующий период Кофун 古墳 (III–VI вв.) происходит генезис японской государственности, что показывает иерархия курганов, территориальное

¹ Яёй бунка-но кэнкю 4. Яёй доки II. С. 90, 93.

² Яёй бунка-но кэнкю 4. Яёй доки II. С. 63, 66.

³ Лантев С.В. Описание народа *во* в I-III вв. н.э. Тексты и проблема достоверности информации о *во* в китайских и японских письменных памятниках / вступ. ст., пер. с кит. и япон. и комм. // Вестник древней истории. – 2010. – № 4. – С. 223-247.

⁴ Лантев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 120.

распространение бронзовых зеркал и другие факторы.¹ Важно отметить, что этот центр органично происходит из периода Яёй, причём, хотя и находится в районе Кинки, впитывает многие особенности материальной культуры Северного Кюсю – бронзовые зеркала, мечи и каплеобразные бусины-украшения «*магатама*» – характерные в ранний период именно для Кюсю, которые становятся основными ритуальными и властными символами в регионе Кинки в период Кофун, а свои собственные сакральные символы и ритуалы, связанные с *дōтаку* – исчезают². В тоже время, здесь сохраняется собственный обряд захоронения в погребальных насыпях, форма которых развивается из квадратной в квадратно-круглую³, а характерные для Северного Кюсю захоронения в урнах и дольмены отсутствуют.

Таким образом, мы можем выделить следующие особенности культурного типа Яёй.

1) В данный период ранней бронзы и появления раннего железа, материальная культура Японских островов представляет собой конгломерат различных культур раннего металла и неолита. На Хоккайдō и в северной части архипелага Рюкю сохраняется дзёмонский культурный тип, в южной части архипелага Рюкю продолжается собственная неолитическая культура. Культуры яёйского типа распространяется раньше всего на Северном Кюсю, а затем на Хонсю, постепенно доходя до его северной части, на юг Кюсю и на остров Сикоку.

2) Яёйские элементы в каждом регионе смешиваются с местными и получается несколько культурных типов или культур, со своими особенными погребальными обрядами, ритуалами, типами бронзового инвентаря.

3) Наиболее значительными региональными культурами культурного типа Яёй можно считать: Северный Кюсю – ареал бронзовых копий, клевцов, зеркал, дольменов и захоронений в урнах; район

---

¹ Чжонь Хан Док. Ильбон-ый когохак. С. 203; Лантев С.В. Контакты между Японией и Китаем в период кофун (вторая половина III-VI вв.) // XXIX научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тезисы и доклады. – М.: Наука, 1999. – С. 50-62.

² Лантев С.В. Контакты между Японией и Китаем в период кофун (вторая половина III-VI вв.). С. 50-62; Лантев С.В. Превращение зеркала в одну из трёх священных регалий // Труды VIII международного симпозиума Международного научного общества Синто «Синто и японская культура». – М.: Макс Пресс, 2003. – С. 13-19; Лантев С. Бронзовые зеркала и их исследования в Японии // Япония: путь кисти и меча. – 2003. – № 6. – С. 13-15.

³ Чжонь Хан Док. Ильбон-ый когохак. С. 202-204.

Тюгоку – ареал бронзовых мечей, захоронений в погребальных насыпях; район Кинки – ареал *дōтаку*, групповых захоронений в могилах, окружённых рвом; Восточную Японию – с очень небольшим количеством бронзы, пришедшей с запада, с сильным дзёмонским влиянием в керамике, обрядом «*могари*».

4) Вместе с тем, нельзя не отметить и некоторые общие черты всех регионов – плоскодонная керамика, миска на ножке. То, что культуры родственны – не представляет сомнения.

5) Яёй можно определять как период, но тогда нужно учитывать его сосуществование с Дзёмоном в начальной стадии, постепенное распространение металла и земледелия. Если понимать Яёй как тип материальной культуры, то учитывая региональные различия, было бы правильнее называть его не культурой, а культурным типом, включающим в себя региональные разновидности.

6) Очевидно, что на многообразии Яёй оказал влияние смешанный характер населения, вызванный миграциями на острова с материка Азии, прежде всего из Кореи, а также Китая, и, по всей видимости, островного мира. Все эти группы перемешиваются с местным населением, коренным образом меняя материальную и духовную культуру последнего. Именно этот симбиоз становится основой японской культуры последующих веков, вплоть до современности, проявив её отличительную на протяжении всей истории особенную способность впитывать разные культуры.

Источники и использованная литература: на русском языке:

1. *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная литература, 2003. – С.28-59.
2. *Бакшеев Е.С.* Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель. – Диссертация ... кандидата культурологии. – Москва: Российский институт культурологии, 2005. – 224 с. + Прил. (112 с.).
3. *Воробьев М.В.* Древняя Япония. – М.: Издательство Восточной литературы, 1958. – 118 с.
4. *Лантев С.В.* Контакты между Японией и Китаем в период кофун (вторая половина III–VI вв.) // XXIX научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тезисы и доклады. – М.: Наука, 1999. – С. 50-62.

5. *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в.н.э. – М.: Издат-во Московского гос. ун-та леса, 2003. – 262 с., 24 ил.
6. *Лантев С.В.* Превращение зеркала в одну из трёх священных регалий // Труды VIII международного симпозиума Международного научного общества Синто «Синто и японская культура». – М.: Макс Пресс, 2003. – С. 13-19.
7. *Лантев С.* Бронзовые зеркала и их исследования в Японии // Япония: путь кисти и меча. – 2003. – № 6. – С. 13-15.
8. *Лантев С.В.* Очерки по археологии и истории Японии. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та леса, 2007. – 98 с.
9. *Лантев С.В.* Антропологические свидетельства связей древних японцев с народами материка в период Яёй // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 5. – С. 171-176.
10. *Лантев С.В.* Описания народа во в I–III вв. н.э. Тексты и проблема достоверности информации о во в китайских и японских письменных памятниках / вступ. ст., пер. с кит. и япон. и комм. // Вестник древней истории. – 2010. – № 4. – С. 223-247.

на западноевропейских языках:

11. *Dodo Yukio and Ishida Hajime.* Population History of Japan Viewed from Cranial Nonmetric Variation // Дзинруйгаку дзасси. – 1990. – Т. 98. – № 4. – С. 269-287.
12. *Han Kangxin and Takahiro Nakahashi.* A Comparative Study on Ritual Tooth Ablation in Ancient China and Japan. – Anthropological Science. – 1996. – Vol. 104. – No. 1. – P. 43-64.
13. *Igawa Kazunari, Yoshitaka Manabe, Joichi Oyamada, Yoshikazu Kitagawa, Katsutomo Kato, Kazuya Ikematsu, Ichiro Nakasono, Takayuki Matsushita, Atsushi Rokutanda.* Mitochondrial DNA analysis of Yayoi period human skeletal remains from the Doigahama site // Journal of Human Genetics. – Journal of Human Genetics. – 2009. – No. 54. – P. 581-588.
14. *Ko T.* The Development of Metal Technology in Ancient China // Science and Technology in Chinese Civilization. – Singapore: World Scientific, 1987. – P. 225-243.
15. *Lapteff S.* Chinese Influence on the Technological Development of Yayoi Period Japan: Problems of Metal Casting and the Production of Bronze Mirrors // Historical Perspectives on East Asian Science, Technology and Medicine / Ed. by Alan K.L. Chan, Gregory K. Clancey, Hui-Chieh Loy. – Singapore–New Jersey–London–Hong Kong: Singapore University Press, World Scientific, 2002. – P. 470-476.
16. *Lapteff S.* A Comparison of Technological Characteristics of Ancient Bronze Mirrors in China, Korea, Japan and South Siberia // Historia Scientiarum. – 2008. – Vol. 17. – No. 3. – P. 242-252.

17. *Matsushita T., Han K.X., Manabe Y., Oyamada J., Rokutanda A., Ueda S., Kinoshita N., Luo X.Z., Wei C.M.* An Anthropological Study of Human Skeletal Remains in Linzi, Shandong China and the Yayoi People in Japan. – Anthropological Science. – Vol. 104. – No. 1. – P. 9.
18. *Shoda Shin'ya.* Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What Has Changed Because of Yayoi Dating Controversy? // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52. – No. 2-3. – P. 421-427.

на японском языке:

19. *Ёсида Хироси* 吉田 広. Ниппон рэттō-ни окэру букикэй сэйдōки-но тōдзō кайси нэндай (Время начала изготовления бронзового оружия на Японских островах) 日本列島における武器形青銅器鑄造開始年代 // Хигаси Адзиа сэйдōки-но кэйфу (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本 豊広 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2008. – С. 39-54.
20. *Иноуэ Ёити* 井上 洋一. Дōтаку кигэнрон-то сэдōтаку (Теория о происхождении «дōтаку» и маленькие бронзовые колокольчики) 銅鐸起源論と小銅鐸 // Тōкэ кокурицу хакубуцукан киё 東京国立博物館紀要. – 1993. – № 28. – С. 1-96, 503-504.
21. Кангō сйоракү Ёсиногари исэки гайхō (Краткий отчёт о раскопках укрепленного рвом городища в Ёсиногари) 環濠集落吉野ヶ里遺跡概報 / под ред. Комитета по образованию преф. Сага 佐賀県教育委員会編. – Тōкио 東京: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 1990. – 96 с.
22. Маэбаруси кёйку иинкай (Комитет по образованию гор. Маэбару) 前原市教育委員会. Хирабару исэки (Памятник Хирабару) 平原遺跡. Маэбару 前原: Маэбаруси кёйку иинкай 前原市教育委員会, 2000. – 130, 74 с.
23. *Мицутани Такуми* 光谷 拓実. Яёй дзидай-но нэнрин нэндай (Дендрохронологические датировки периода Яёй) 弥生時代の年輪年代 // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 2004. – № 88. – С. 40-49.
24. *Мураками Ясуюки* 村上 恭通. Хигаси Адзиа-ни окэру тэки-но кигэн (Происхождение железных орудий в Восточной Азии) 東アジアにおける鉄器の起源 // Хигаси Адзиа сэйдōки-но кэйфу (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本 豊広 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2008. – С. 148-161.
25. Накоку-но сюто. Сугу-Окамото исэки – Накоку-кара Яматайкоку-э (Столица государства На. Памятник Сугу-Окамото – из государства На в го-

- сударство Яматай) 奴国の首都。須玖岡本遺跡—奴国から邪馬台国へ / под ред. Комитета по образованию гор. Касуга 春日市教育委員会編。— Тōкио 東京: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 1994. — 162 с.
26. *Окадзаки Такаси* 岡崎 敬. Гиси вадзиндэн-но кōкогаку. К̄юс̄ю хэн (Археология «Описания народа во» в хронике «Вэй чжи»). Выпуск по К̄юс̄ю) 魏志倭人伝の考古学—九州篇。— Тōкио 東京: Дайити сёбō 第一書房, 2003. — 382 с.
27. *Сайтō Тадаси* 斎藤 忠. Ниппон кōкогаку гайрон (Очерк археологии Японии) 日本考古学概論。— Тōкио 東京: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 1982. — 422, 30 с.
28. *Сакамото Минору* 坂本 稔. Яёй дзидай кайсики-ни какавару сирё-но тансо дзюээн нэндай сокутэй кэкка (Результаты радиоуглеродного анализа C14, материала касающегося начала период Яёй) 弥生時代開始期にかかわる資料の炭素C14年代測定結果 // Кикан кōкогаку 季刊考古学。— 2004. — № 88. — С. 12.
29. Сёва-о какэта кōкогакуся Харада Дайроку. Итококу-ни роман-о мото-мэта огоко (Харада Дайроку — археолог периода Сёва. В поисках тайны государства Ито) 昭和を駆けた考古学者、原田大六—伊都国にロマンを求めた男。— Итосима 糸島: Итосима сирицу Итококу рэкиси хакубуцукан 糸島市立伊都国歴史博物館, 2000. — 60 с.
30. *Ситара Хироси, Кобаяси Кэнъити* 設楽 博己、小林 謙一. Дзёмон банки кара-но ситэн (С точки зрения позднего Дзёмона) 縄文晩期からの視点 // Кикан ко:когаку 季刊考古学。— 2004. — № 88. — С. 60-66.
31. *Умэхара Суэдзи* 梅原 末治. Сина кōкогаку ронкō 支那考古学論攷 (Очерк археологии Китая). — Тōкио: Кōбундō сёбō 弘文堂書房, 1938. — 14, 593, 24 с.
32. *Фудзиро Синъитирō* 藤尾 慎一郎. Син Яёй дзидай-но кокороми (Предложения по новым датировкам Яёй) 新弥生時代の試み // Кикан кōкогаку 季刊考古学。— 2004. — № 88. — С. 23-28.
33. *Фудзиро Синъитирō* 藤尾 慎一郎. Никан сэйдоки бунка-но дзицу нэндай 日韓青銅器文化の実年代 (Калиброванные датировки культуры бронзы в Японии и Корее) // Хигаси Адзиа сэйдоки-но кэйфу (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本 豊広 編。— Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2008. — С. 138-147.
34. *Фудзиро Синъитирō, Имамүра Минэо, Нисимото Тоёхиро* 藤尾 慎一郎、今村 峯雄、西本 豊広. Яёй дзидай-но кайси нэндай — АМС-тансо дзюээн сокутэй-ни ёру кōсбдо нэндай тайкэй-но кōтику (Начало пери-

- ода Яёй: конструкция системы датировок при помощи высокоточного метода АМС-углерод 14) 弥生時代の開始年代—AMS-炭素 14 年代測定による高精度年代体系の構築 // Сōкэндай бунка кагаку кэнкю̄ 総研大文化科学研究. – 2005. – № 1. – С. 73-96.
35. *Ханихара Кадзурō* 埴原 和郎. Нидзю̄ кōдзō модэру: Ниппондзин сюдан-но кэйсэй-ни какавару ити касэцу (Дуальная модель: к гипотезе о формировании японцев как популяции) 二重構造モデル: 日本人集団の形成に関わる一仮説 // *Anthropological Science*. – 1994. – Vol. 102. – No. 5. – P. 455-477.
  36. *Харунари Хидэдзи* 春成 秀爾. Яёй дзидай-но кайси нэндай (Начало периода Яёй) 弥生時代の開始年代, 2003 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rekihaku.ac.jp/kenkyuu/0725/index.html#02> (дата обращения: 03.03.2015).
  37. *Харунари Хидэдзи* 春成 秀爾. Яёй дзидай-но нэндай сокутэй (Датировки периода Яёй) 弥生時代の年代測定 // *Кикан кōкогаку 季刊考古学*. – 2004. – № 88. – С. 17-22.
  38. *Харунари Хидэдзи* 春成 秀爾. Сэйдōки то Яёй дзидай-но нэндай (Хронология бронзовых орудий периода Яёй) 青銅器と弥生時代の年代 // *Хигаси Адзиа сэйдōки-но кэйфу* (Генеалогия бронзовых орудий в Восточной Азии) 東アジア青銅器の系譜 / под ред. Харунари Хидэдзи и Нисимото Тоёхиро 春成 秀爾、西本 豊広 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2008. – С. 3-8.
  39. *Хигути Такаясу, Сахара Макото, Ода Сидзуо, Кондō Кёити* 樋口 隆康、佐原 真、小田 静夫、近藤 喬一. Тайрику бунка-то сэйдōки (Культура материка Азии и бронза Японии) 大陸文化と青銅器. – Тōкио 東京: Кōданся 講談社, 1974. – 174 с.
  40. Яёй бунка-но кэнкю̄ 5. Дōгу то гидзюцу I (Исследования по культуре Яёй 5. Орудия и технология I) 弥生文化の研究 5 —道具と技術 I / под ред. Канасэки Хироси, Сахара Макото 金関 恕、佐原 真 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку, 1985. – 210 с.
  41. Яёй бунка-но кэнкю̄ 6. Дōгу то гидзюцу II (Исследования по культуре Яёй 5. Орудия и технология II) 弥生文化の研究 6 —道具と技術 II / под ред. Канасэки Хироси, Сахара Макото 金関 恕、佐原 真 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1986. – 176 с.
  42. Яёй бунка-но кэнкю̄ 3. Яёй доки I (Исследования по культуре Яёй 3. Керамика Яёй I) 弥生文化の研究 3 —弥生土器 I / под ред. Канасэки Хироси, Сахара Макото 金関 恕、佐原 真 編. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1986. – 166 с.

43. Яёи бунка-но кэнкё 4. Яёи доки II (Исследования по культуре Яёи 4. Керамика Яёи II) 弥生文化の研究 4 —弥生土器 II / под. ред. Канасэки Хироси, Сахара Макото 金関 恕、佐原 真 編. – Тōкио 東京: Юдзан-каку 雄山閣, 1987. – 228 с.
44. Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру (Культура Яёи – в поисках истоков японской культуры) 弥生文化—日本文化の源流をさぐる / под ред. Ōсакского префектурального музея культуры Яёи 大阪府立弥生文化博物館編. – Идзуми 和泉: Ōсака фурицу Яёи бунка хакубу-цукан 大阪府立弥生文化博物館, 1991. – 254 с.
45. *Янагида Ясуо* 柳田 康雄. Итококу. Мигумо исэкигун (Государство Ито. Комплекс памятников в Мигумо) 伊都国 — 三雲遺跡群 // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 33-37.
46. *Янагида Ясуо* 柳田 康雄. Ниппон, Тёсэн хантō-но сэйдō буки кэнкё (Исследование бронзового оружия Японии и Корейского полуострова) 日本・朝鮮半島の青銅武器研究. – Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 2014. – 392 с.
- на корейском языке:
47. *Ли Гон Му* 이건무. Чхоньдонъги мунхва (Культура бронзы) 청동기 문화. – Сеул 서울: Тэвонса 대원사, 2000. – 144 с.
48. *Ли Ёнь Мун* 이영문. Хангук чхоньдонъги сидэ ёнгу (Исследования культуры бронзы в Корее) 한국 청동기시대 연구. – Сеул 서울: Чжурюсонъ 주류성, 2002. – 392 с.
49. *Миямото Кадзуо* 미야모토 가즈오 (宮本 一夫). Кюсю чиёг-ый чисокмйю (П-образные могилы в регионе Кюсю) 규슈(九州)지역의 지석묘 / пер. Рю Чжи Чхона 류지칭 번역 // Кйеган Хангуг-ый когохак 계간 한국의고고학. – 2011. – Т. 18. – С. 52-61.
50. Сахве квахаквон когохак ёнгусо (Институт археологии Академии общественных наук КНДР) 사회과학원고고학연구소. Чосон когохак кэё (Очерк археологии Кореи) 조선고고학개요. Пхеньян 평양: Квахак, пэкква сачжон чхульпханса 과학, 백과사전출판사, 1977. – 305 с.
51. *Чан У Чжин* 장우진. Хёрэкхён-е панёнътвен чосон сарам-ый кивонсанъ тхыксонъ (Первоначальные особенности корейцев, отражаемые в хаплотипах) 혈액형에 반영된 조선사람의 기원상 특성 // Чосон кого ёнгу 조선고고연구. – 2010. – № 4. – С. 2-6.
52. *Чжонъ Хан Док* 정한덕. Ильбон-ый когохак (Археология Японии) 일본의 고고학. – Сеул 서울: Хакъён мунхваса 학연문화사, 2002. – 332 с.

на китайском языке:

53. *Лантев С. Laptev S.* Лян Хань Саньго шидай цинтун цзин цзи ци дуй Жибэнь дэ инсян. Инсян дэ туцзин хэ ии (Бронзовые зеркала периодов Обеих Хань и Троецарствия и их влияние на Японию. Пути и значение этого влияния) 两汉三国时代青铜镜及其对日本的影响 —影响的途径和意义 // Гу тяньвэнь юй чуаньтун вэньхуа гоцзи таолуньхуэй. 1997. Хуэйи луньвэнь цзи (Международный симпозиум по древней астрономии и традиционной культуре. 1997. Сборник статей) 古天文与传统文化国际讨论会 1997. 会议论文集. – Нанкин 南京: Чжунго кэсюэ-юань Цзыцзиньшань тяньвэньтай 中国科学院紫金山天文台, 1998. – С. 170-177.

на вьетнамском языке:

54. *Bùi Chí Hoàng, Mariko Yamagata.* Khu di tích Bình Yên và văn hóa Sa Huỳnh ở Quảng Nam // Một số vấn đề khảo cổ học ở miền nam Việt Nam. – TP HCM: NXB khoa học xã hội, 2004. – Tr. 83-123, 469-481.
55. Trung tâm khoa học xã hội và nhân văn quốc gia Viện khảo cổ học. Văn hoá Đông Sơn ở Việt Nam / chủ biên Hà Văn Tấn. – Hà Nội: NXB khoa học xã hội, 1994. – 525 tr.

на кхмерском языке:

56. *Кхун Самен* ក្នុង សាម៉ែន. Моккутйса саромунтй чиат Пхномпень (Новый путеводитель по Национальному музею в Пномпене) ក្នុងក្រុមសេរីកម្ពុជា សារមន្ទីរជាតិ ភ្នំពេញ. – Пномпень ភ្នំពេញ : Баопумпхи саромунтй បោះពុម្ពសារមន្ទីរ, 2002. – 234 с.

Подписи под иллюстрациями к статье:

Рис. 1. Погребальная урна. Городище Ёсиногари 吉野ヶ里, преф. Сага
[Кангō с̄юраку Ёсиногари исэки гайхō (Краткий отчёт о раскопках
укрепленного рвом городища в Ёсиногари) 環濠集落吉野ヶ里遺跡概報
/ под ред. Комитета по образованию преф. Сага 佐賀県教育委員会編.
– Тōкио 東京: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 1990. – С. 18].

Рис. 2. Каменный ящик. Некрополь Ōтомо 大友, преф. Сага
[Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру (Культура Яёи – в поисках истоков японской культуры) 弥生文化—日本文化の源流をさぐる / под ред. Ōсакского префектурального музея культуры Яёи 大阪府立弥生文化博物館編. – Идзуми 和泉: Ōсака фурицу Яёи бунка хакубуцукан 大阪府立弥生文化博物館, 1991. – С. 46].

Рис. 3. П-образный дольмен. Мегалитический некрополь Хараема 原山, преф. Нагасаки. Фото С.В. Лаптева.

Рис. 4. Погребальная насыпь, окруженная рвом. Некрополь Ур̄юдō 瓜生堂, преф. Осака [Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнр̄ю-о сагуру. С. 46-47].

Рис. 5. Погребальная насыпь с вытянутыми углами. Курганная группа Амидайдзи 阿弥大寺古墳群, преф. Тоттори [Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнр̄ю-о сагуру. С. 47].

Рис. 6. Керамические сосуды с вторичными захоронениями.
Некрополь Оно-тэндзин-маэ 小野天神前, преф. Ибараки
[Яёи бунка – Ниппон бунка-но гэнрю-о сагуру. С. 47].

Рис. 7. Полуземлянка. Реконструкция. Городище Ёсиногари, преф. Сага.
[Кангō с̄юраку Ёсиногари исэки гайхō. С. 40].

Рис. 8. Свайная конструкция. Реконструкция. Городище Ёсиногари, преф. Сага.
[Кангō сёраку Ёсиногари исэки гайхō. С. 40].

Рис. 9. Наконечники копий типа «бива». Средняя – поздняя фаза Яёй.
Справа налево: Харуда 原田, преф. Фукуока (поздняя фаза); Бōдзуяма 坊主山,
преф. Оита (поздняя фаза); Сугу 須玖, преф. Фукуока (средняя–поздняя фаза);
Оцуна 大綱, преф. Нагасаки
[Хигути Такаясу, Сахара Маэто, Ода Сидзуо, Кондō Кёити 樋口 隆康、佐原 真、
小田 静夫、近藤 喬一. Тайрику бунка то сайдōки (Культура материка Азии и
бронза Японии) 大陸文化と青銅器。– Тōкио 東京: Кōданся 講談社, 1974. – С. 73].

Рис. 10. Клевцы. Сверху вниз: Сисибу 鹿部, преф. Фукуока; Кокура-Синти 小倉新地, преф. Фукуока [Хигути Такаясу, Сахара Макото, Ода Сидзуо, Кондō Кѐити. Тайрику бунка-то сэйдōки. С. 25].

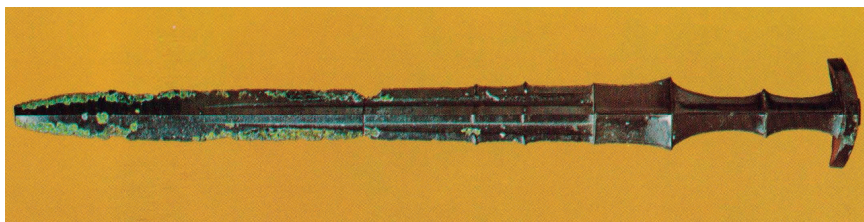

Рис. 11. Меч китайского типа. Мигумо 三雲, преф. Фукуока (средняя фаза) [Хигути Такаясу, Сахара Макото, Ода Сидзуо, Кондō Кѐити. Тайрику бунка то сэйдōки. С. 44].

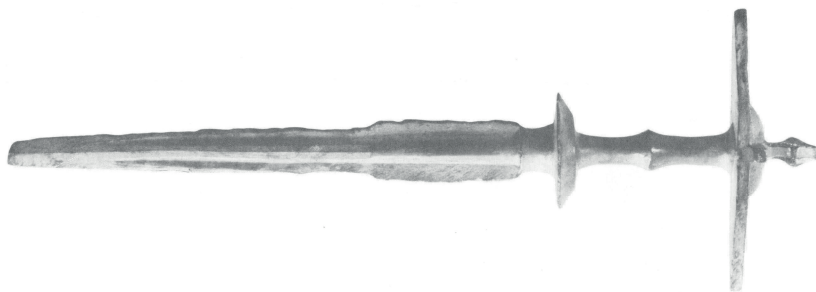

Рис. 12. Меч корейского типа. Муцацугу 向津具, преф. Ямагути (средняя фаза) [Хигути Такаясу, Сахара Макото, Ода Сидзуо, Кондō Кѐити. Тайрику бунка то сэйдōки. С. 69].

Рис. 13. Зеркало корейского типа. Ōгата 大県, преф. Ōсака
[Окадзаки Такаси 岡崎 敬. Гиси вадзиндэн-но кōкогаку. К̄юс̄ю хэн
(Археология «Описания народа во» в хронике «Вэй чжи». Выпуск по К̄юс̄ю) 魏志
倭人伝の考古学—九州篇. — Тōкио 東京: Дайити сёбō 第一書房, 2003. — С. 102].

Рис. 14. Зеркало китайского типа с узором «внутреннего цветка».
Татэива 立岩, преф. Фукуока
[Окадзаки Такаси. Гиси вадзиндэн-но кōкогаку. К̄юс̄ю хэн. С. 103].

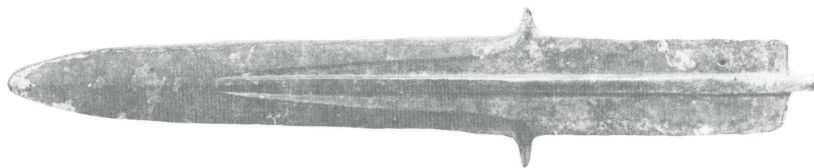

Рис. 15. Меч с о-ва Сикоку. Кота 古田, преф. Эхимэ (средняя фаза) [Хигути Такаясу, Сахара Макото, Ода Сидзуо, Кондō Кэити. Тайрику бунка то сэйдōки. С. 70].

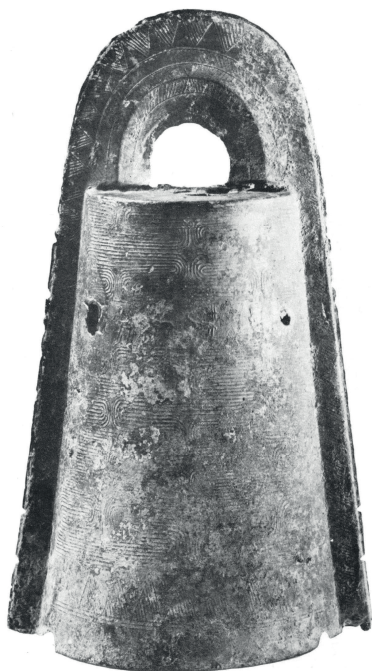

Рис. 16. «Дōтаку». Сакурагаока 桜ヶ丘, преф. Хёго. Древний тип [Хигути Такаясу, Сахара Макото, Ода Сидзуо, Кондō Кэити. Тайрику бунка то сэйдōки. С. 62].

Рис. 17. Бронзовый колокол из Камбоджи. Пномкравань (សៀមរាប), пров. Поусат. IV-II вв. до н.э. Национальный музей Камбоджи, Пномпень. Фото С.В. Лаптева.

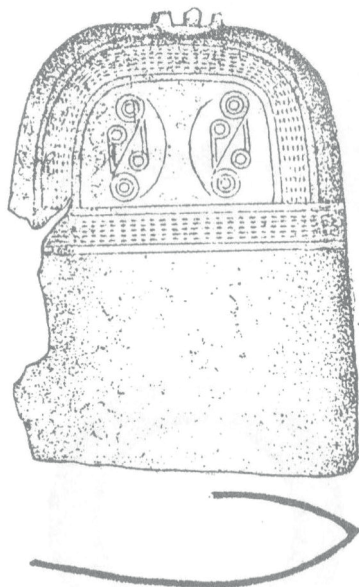

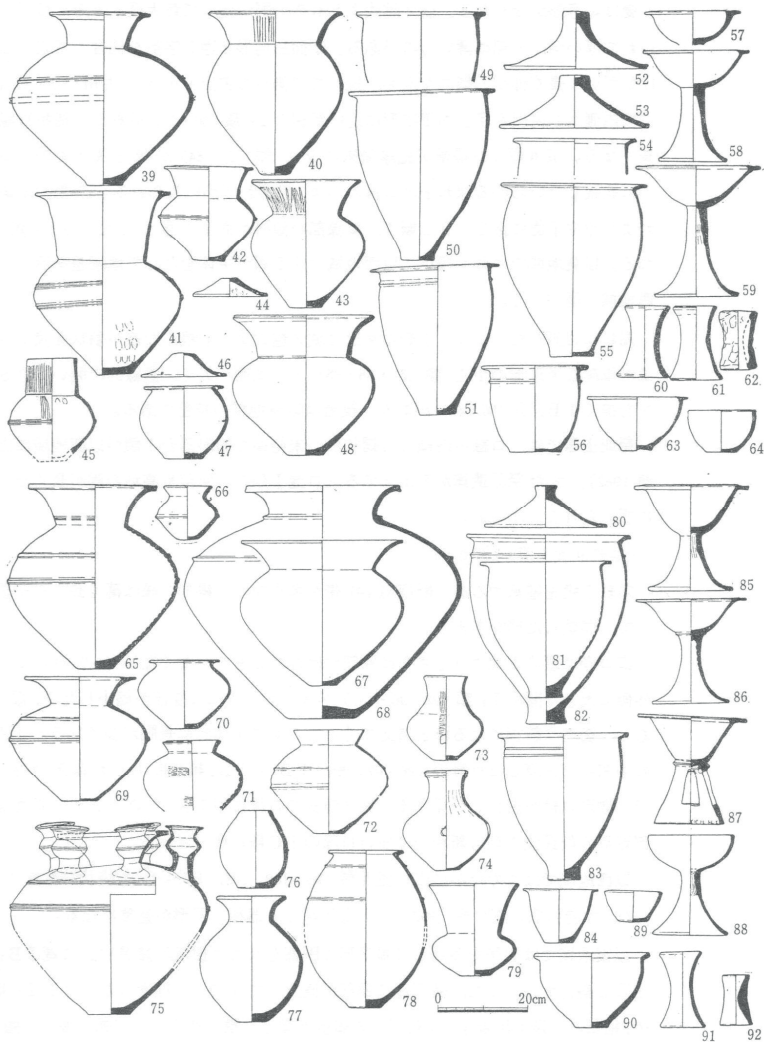
Рис. 18. Бронзовый колокол из Вьетнама (Мапшон (Mật Sơn), пров. Тханьхоа).
Период Донгшон (X в. до н.э. – I в. н.э.) [Trung tâm khoa học xã hội và nhân văn quốc
gia Viện khảo cổ học. Văn hoá Đông Sơn ở Việt Nam / chủ biên Hà Văn Tấn. – Hà Nội:
NXB khoa học xã hội, 1994. – Tr. 483].

Рис. 19. Керамика р-на Тōхоку [Яёи бунка-но кэнкю̄ 4. Яёи доки II
(Исследования по культуре Яёй 4. Керамика Яёй II) 弥生文化の研究 4
—弥生土器 II / под. ред. Канасэки Хироси, Сахара Маэто 金関 恕、佐原 真 編。—
Тōкио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1987. — Ил. 26, 29].

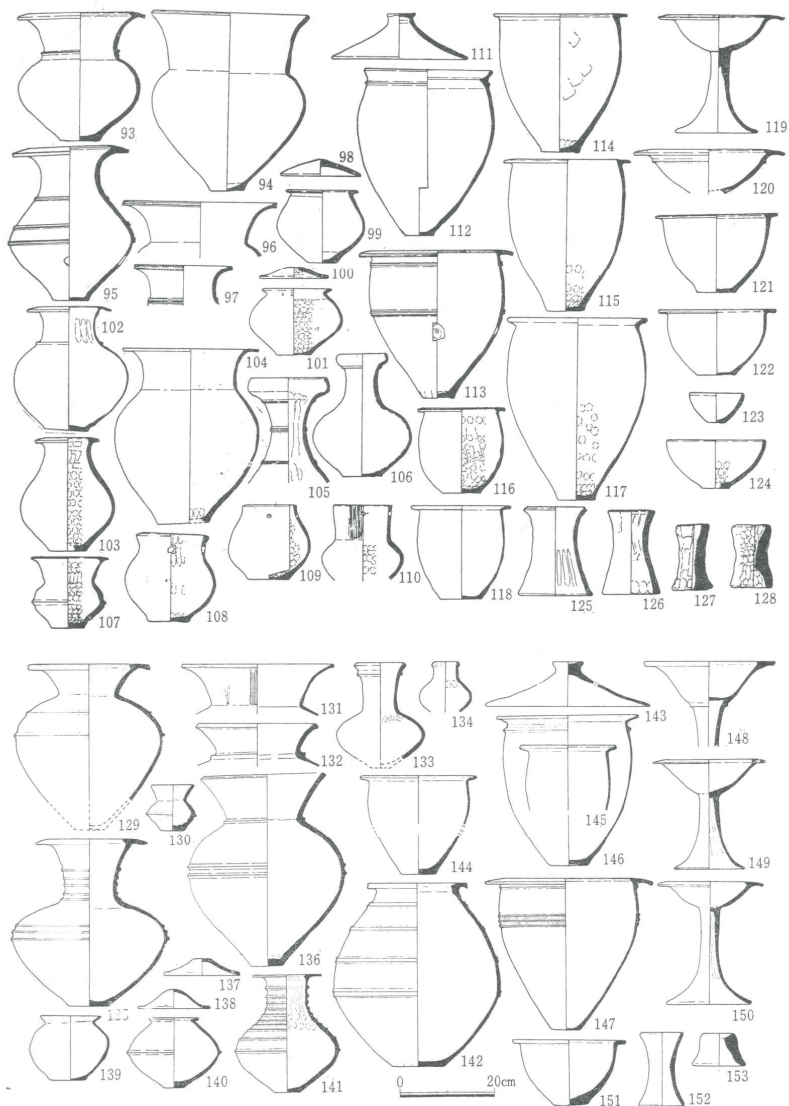

Рис. 20. Яёйский керамический комплекс Северного Кюсю
 [Яёи бунка-но кэнкю 4. Яёи доки II. С. 23, 36-37].

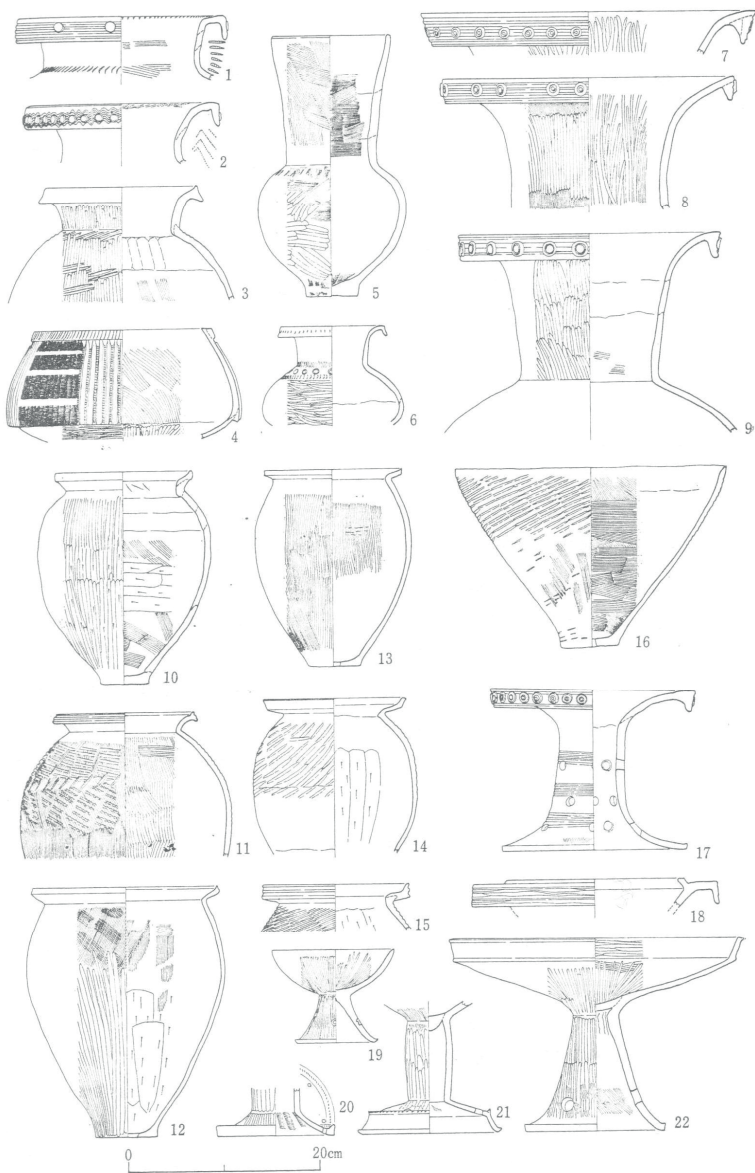
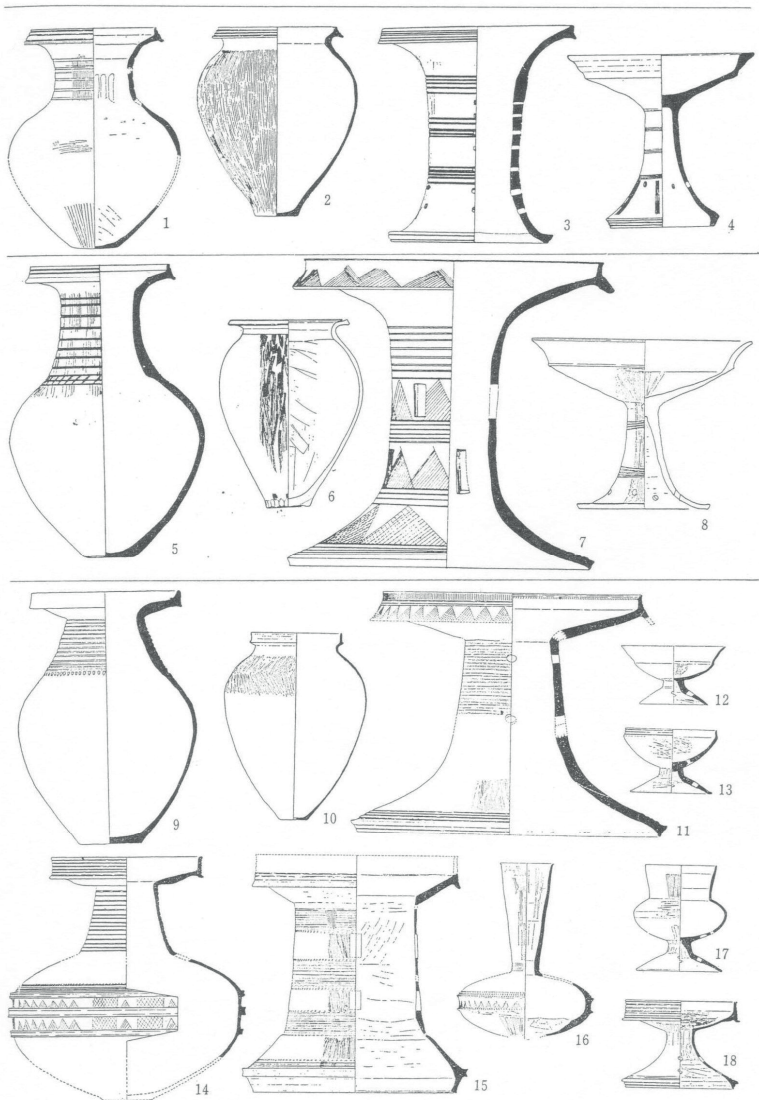

Рис. 21. Яёйский керамический комплекс Кинки
 [Яёи бунка-но кэнкю 4. Яёи доки II. С. 90, 93]

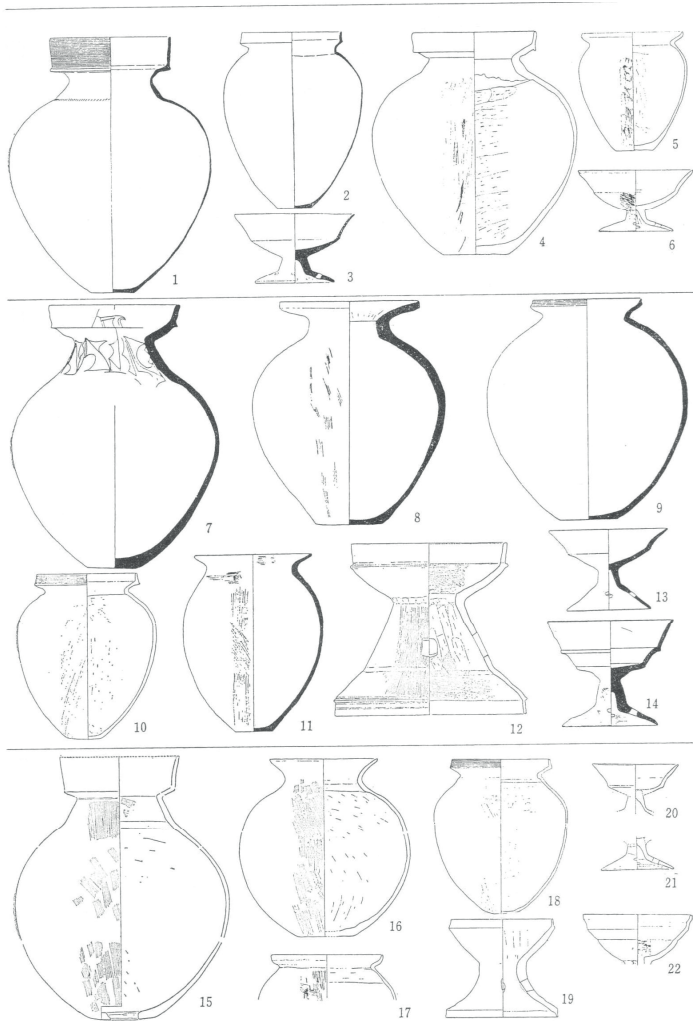

Рис. 22. Яёйский керамический комплекс Түгоку
 [Яёи бунка-но кэнкю 4. Яёи доки II. С. 63, 66]

Lapteff S.

On the Main Problems Concerning Archaeological Classification and Periodisation of Yayoi Cultural Type

In the present article author discuss the key problems concerning the archaeological classification and periodisation of Yayoi, which became the period of cardinal changes of in the history of the population of Japanese Islands. Despite the large amount of accumulated archaeological material and achieved high level of knowledge in the archaeology of this period, the problems of archaeological classification (archaeological culture, period) and periodisation of Yayoi remain unsolved. Considerable regional divisions of archaeological sites and excavated material make possible to determine Yayoi as a group of cultures differing by dates. Alternative dating of Yayoi early phase proposed by a group of researchers before makes the whole problem even more complicated. In the present article author proposes a possible approach towards the archaeological classification and periodisation of Yayoi, which we suppose is better to name a cultural type.

Keywords: Yayoi, archaeological classification, periodisation, typology, archaeological culture, cultural type, migrations, regional divisions, pottery, bronze, iron, stone tools, burials, settlements, “dôtaku”, bronze mirrors, dagger-axes, spearheads, swords.

Lapteff, Sergey – Ph.D. in History, Special Researcher, Miho Museum (300, Mododani, Tashiro, Shigaraki-cho, Shiga-ken, Japan).

E-mail: l-sergey@miho.jp

ラプチェフ・セルゲイ

弥生文化タイプの考古学的分類と年代区分に関わる主課題に就いて

当稿は日本列島の住民史に大転換期となった弥生時代について論ずる。弥生時代の資料が多数に出土し、研究が頻繁に行われているにもかかわらず、弥生「文化」と時代の考古学的な分類と年代区分についての課題が多数に残されている。遺跡と遺物の地域差によって弥生の統一文化よりも文化群として存在のほうがかがえる。一部の研究者の年代測定の数値によって生じた弥生前期年代についての議論はその課題をさらに複雑にする。当稿は弥生の考古学的分類と年代区分に対し「文化タイプ」としてのアプローチを提案している。

キーワード: 弥生、考古学的分類、年代、類型学、考古学文化、文化タイプ、民族移動、地域差、土器、青銅器、鉄器、石器、埋葬、集落、銅鐸、青銅鏡、青銅戈、青銅鉞、青銅劍。

ラプチェフ・セルゲイ — 歴史科学博士、MIHO MUSEUM 特別研究員（日本国滋賀県甲賀市信楽町田代桃谷300）

E-mail: l-sergey@miho.jp

Лантев С.В.
ОПИСАНИЯ НАРОДА ВО В I–III ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ¹

Вступительная статья, перевод с китайского и комментарии
С.В. Лантева

**Тексты и проблема достоверности информации
о народе во в китайских и японских письменных памятниках**

Проблема становления государственности в древней Японии сохраняет много неясностей и предположений. Прежде всего, это связано с неоткомментированностью накопленного огромного археологического материала периода бронзы и железа с точки зрения нарративных памятников и нерешённостью проблемы степени их возможного использования, а также национальных и чужеземных нарративных памятников с точки зрения их информации о положении и развитии общества древней Японии.

Как известно, сохранившиеся на сегодняшний день наиболее ранние нарративные памятники по истории Японии относятся только к началу VIII века («Кодзики», «Нихон сёки»), т.е. отделены от периода начала бронзового века (приблизительно, вторая половина I тыс. до н.э.) и от времени формирования государственности (видимо, начало курганного периода, III–V вв. н.э.), по крайней мере, несколькими столетиями. С другой стороны, в регионе Дальнего Востока развитая письменная традиция представлена китайцами, которые оставили ряд материалов по истории соседних, в том числе и отдаленных народов, от Японии до Камбоджи, более или менее синхронных и в целом считающихся достаточно достоверными.

В данной работе автор поставил своей задачей определение возможностей использования китайских и японских нарративных источников для реконструкции общества и формирования государственности древней Японии.

Лантев Сергей Валерианович – кандидат исторических наук, специальный научный сотрудник Музея Михо (Япония, преф. Сига, г. Сигараки).

E-mail: l-sergey@miho.jp

¹ Перевод и комментарии впервые опубликованы в книге: *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. – М.: Институт практического востоковедения, 2003. – С. 100-130.

Вступительная статья и перевод с измененными комментариями позже опубликованы в: Вестник древней истории. – 2010. – № 4. – С. 223-249.

Японские и китайские тексты и проблема отношения к содержащейся в них информации

В ряде китайских династийных историй от Поздней Хань (25-220) до Тан (618-907) древнее население Японии упоминается как народ *во* (яп. *ва*), который в «Старой истории Тан» (Цзю Тан шу) прямо связывается с Японией (страной Ниппон).

«Страна Восходящего Солнца (яп. *Ниппон*, кит. *Жибэнь*) – другой род государства Во. Поскольку их страна находится там, [где] восходит солнце, то называется *Ниппон* (букв. “Корень Солнца”). Некоторые говорят, что [люди] государства Во, сами испытывая отвращение к тому, что их имя не изящно, изменили его на “Ниппон”, некоторые говорят, что Ниппон, в старину маленькое государство, объединило земли страны Во, и их люди вступили на престол»¹ [Цзю Тан шу, св. 199-й, ч. I, ле-чжуань, раздел 149, ч. 1-я, *дунъи*, Во-го].

Под именем *во* истории китайских династий сохранили описания народов, обычаев, природы страны Во и её контактов с китайскими династиями. Важность этой информации признавалась практически всегда, но её оценка зачастую зависела от эпохи и позиции автора. Уже в «Нихон сёки» («Анналы Японии», составлены принцем Тонэри [676-735], сыном императора Тэмму [на престоле 673-686] и отцом императора Дзюннин [на престоле 758-764] в 720 г., были ли примечания составлены тогда же или нет – не ясно) в примечаниях к «Деяниям императрицы Дзингү» три раза цитируется китайская династийная история «Вэй чжи» («Записи Вэй») и один раз цзиньский памятник «Ци цзюй чжу», где кратко сообщается о посольствах женщины-правительницы Во по имени Химико к китайскому двору в 3-й год *Цзин-чу* (239 г.), начальный год *Чжэн-ши* (240 г.), 4-й год *Чжэн-ши* (243 г.) и во 2-й год *Тай-чу* (266 г.), которые помещены под 39-м, 40-м, 43-м и 66-м годами правления императрицы Дзингү.² Эти цитаты показывают, что автор примечаний не только был знаком и признавал достоверность «Вэй чжи» и «Ци цзюй чжу», но и отождествлял императрицу Дзингү с Химико. Однако были ли эти примечания составлены прин-

---

¹ Перевод автора, текст по: *Накаяма Кюсирё*. Сина сэйдзи Ниппонкокудэн 支那正史 日本國傳 («Описания Японии» в китайских официальных историях). – Токио 東京: Накаяма Кюсирё 中山久四郎, 1934. – С. 29.

² Нихон сёки 日本書紀 (Анналы Японии). Серия «Кокуси тайкэй» 國史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзассися 經濟雜誌社, 1897. – Т. I. – С. 172, 177.

цем Тонэри или появились в тексте этого памятника позже – неизвестно. Тем не менее, тот факт, что уже в рукописных фрагментах «Нихон сёки» из дома Танака Камбэя, относимых к периоду Нара (710-794), есть различные примечания и приложения-цитаты¹, позволяет предполагать, что комментарии к «Нихон сёки» имеют древнее происхождение. Точно так же в середине периода Камакура (1192-1338) Урабэ-но Канэката, крупный деятель синтоистского культа, в «Сяку Нихонги» («Пояснениях к “Нихон сёки”») цитирует данные «Вэй чжи» о посольствах во и отождествляет во с Японией, но не связывает напрямую Химико и императрицу Дзингү.²

Сомнению данные китайских источников начинают подвергаться только со следующего периода, Муромати (1338-1573). В «Драгоценных записях о добрых соседях» («Дзэнрин-коку хёки», 1470 г., составленных Дзуйкэем Сёхё (1392-1473), монахом секты Дзэн, автор критикует сведения китайских династийных историй, в частности «Вэй чжи», о древней Японии, считая их сомнительными.³

Критическое исследование китайских текстов провёл впервые Мацусита Кэнрин (1637-1703), известный врач и конфуцианский учёный, издавший в 1693 году «Описания Японии под другими названиями» («Исё Ниппондэн»), в которых были собраны известия о Японии из китайских и корейских источников и сопоставлены с данными японских историй. Именно Мацусита Кэнрин выдвинул некоторые идеи, касающиеся трактовки китайских текстов, которые легли в основу последующих исследований вплоть до современности.⁴ Так, он считал,

---

¹ *Young John*. The location of Yamatai: a case study in Japanese historiography, 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958. – P. 52-53.

² *Урабэ-но Канэката* 卜部 兼方. Сяку Нихонги 釋日本紀 (Пояснения к «Нихон сёки») // *Нихон сёки сики*. Сяку Нихонги. Нихон исси 日本書紀私記; 釋日本紀; 日本逸史 (Толкования «Нихон сёки». Пояснения к «Нихон сёки». Неофициальная история Японии). Серия «Кокуси тайкэй» 国史大系. Т. VIII / Ред. Куройта Кацуми 黒板 勝美. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1965. – 356 с.

³ *Дзуйкэй Сёхё* 瑞溪 周鳳. Дзэнрикоку хёки 善隣国宝記 (Драгоценные записи о добрых соседях) / Ред. Танака Такэо 田中 健夫. – Токио 東京: Сёэйся 集英社, 1995. – 750 с.; *Young J.* Op. cit. P. 66-67.

⁴ *Мацусита Кэнрин* 松下 見林. Исё Ниппондэн 異称日本伝 (Описания Японии под другими названиями). – Токио 東京: Кокусё канкёкай 国書刊行会, 1975. – 953 с.; *Араи Хакусэки* 新井 白石. Косицү вакумон 古史通或問 (Некоторые вопросы известий о древней истории) // *Араи Хакусэки* 新井 白石. Оритаку сиба-но ки. Косицү. Косицү вакумон. Токуси ёрон 折たく柴の記・古史通・古史通或問・読史余論. – Токио 東京: Тёубо-

что под государством Яматай в «Вэй чжи» следует понимать Ямато, а Химики надо отождествлять с императрицей Дзингү, но в то же время многие описания «Хоу Хань шу», «Вэй чжи» и «Цзинь шу» были признаны ложными, так как основывались, по мнению Кэнрина, на слухах. Критерием истинности для него служило их соответствие «Нихон сёки». В основу своих исследований Мацусита Кэнрин положил метод фонетических сопоставлений имён и названий в японских и китайских источниках, который господствует в японской историографии вплоть до настоящего времени. Помимо приведённых выше идей, он первым предложил отождествлять упоминаемых в китайских историях «пять правителей Во» с императорами IV–V вв. (Нинтоку, Хандзэем, Ингё, Анкё, Юряку), что тоже легло в основу сопоставлений абсолютного большинства современных учёных.

Взгляды Кэнрина были развиты Араи Хакусэки (1657-1725), воспитателем и советником Токугава-но Иэнобу (1662-1712), шестого сёгуна (1709-1712), в его сочинениях «Косицү вакумон» («Некоторые вопросы о древней истории»), «Гайкоку-но кото тёсё» («Исследование иностранных государств») и письмах.¹ Хакусэки впервые подробно отождествляет большую часть названий *воских* «государств», упоминаемых в «Вэй чжи», с конкретными местностями Японии на основе филологического метода, в том числе само государство Яматай он первоначально помещал в район Кинай на острове Хонсю, положив тем самым начало «теории Кинай». Однако главная его заслуга нам представляется в том, что именно Хакусэки, а не Мацусита Кэнрин, «реабилитировал» данные китайских династийных историй и тем самым открыл доступ к реконструкции древней истории Японии на основе китайских источников наряду с японскими. Кроме того, Араи Хакусэ-

---

кōронся 中央公論社, 1983. – С. 294-296; *Мотоори Норинага* 本居 宣長. Караосамэ-но урэтамигото 馭戎慨言 (Слова беспокойства по поводу покорения варваров) // *Мотоори Норинага* 本居宣長. Наоби-но митама 直毘靈 (Дух бога Наоби). Караосамэ-но урэтамигото 馭戎慨言. *Хирата Ацутанэ* 平田篤胤. Тама-но михасира (Столп духа) 靈の真柱. – Токио 東京: Юхōдō сётэн 有朋堂書店, 1918. – С. 39-54; *Сэки Арикиё* 佐伯 有清. Кэнкюси. Яматай-коку 研究史 邪馬台国 (История исследований государства Яматай). – Токио 東京: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 1971. – 295 с.; *Young J. Op. cit.* P. 69-70.

¹ Из них нам доступны только «Косицү вакумон» (*Араи Хакусэки*. Косицү вакумон. С. 271-300, 518-521), информацию об «Исследовании иностранных государств» и письмах мы приводим по: *Сэки Арикиё*. Кэнкюси. Яматай-коку. С. 1-19.

ки впервые даёт толкование наименованиям чиновников, данным о еде, одежде и обычных *во*, упоминаемым в «Вэй чжи». И наконец, он считал, что китайские посольства останавливались в Ито (север Кюсю), и что жители Кюсю могли вести независимую политику с китайцами, так как они не были частью территории Ямато. Всем этим он заложил основу для «теории Кюсю», которую он фактически предлагает в «Гай-коку-но кото тэсё» (время написания не ясно): здесь Хакусэки помещает «Яматай» в уезд Ямато в княжестве Тикуго, в центре острова Кюсю, в противоположность выдвинутой им же «теории Кинай».

Обычно основателем «теории Кюсю» считают другого учёного – Мотоори Норинага (1730-1801), врача, известного филолога, комментатора «Кодзики», однако основная его заслуга, как мы видим, состоит не в этом. В своей работе «Караосамэ-но урэтамигото» («Слова беспокойства по поводу покорения варваров», 1778 г.)¹ Норинага выдвинул так называемую «теорию обмана», согласно которой китайские посольства были обмануты жившими на центральном и южном Кюсю *кумасо*. Последние, пользуясь тем, что в Китае было известно об императрице Дзингү, выдавали территорию Кюсю за государство правительницы-женщины. Именно *кумасо* посылали посольства в Китай, описанные в «Вэй чжи». Что касается примечаний из «Вэй чжи» в «Нихон сёки», то они были вставлены, по его мнению, в текст позже.

После Хакусэки и Норинага завязалась длительная дискуссия о местоположении «государства Яматай», которая продолжается и по сей день, пополняясь всё новыми и новыми аргументами и материалами. Пожалуй, именно эта дискуссия привлекает к себе наибольшее внимание учёных, во многом оттесняя назад другие проблемы древней истории Японии.

В период Обновления Мэйдзи (1868-1912) разрабатываются совершенно новые подходы к хронологии: так, в «Обзоре национальной истории», написанном Сигэно Ясуцугу (1827-1910), Кумэ Кунитакэ и Хосино Хисаси (1839-1917) и изданном в 1890 г., авторы признают, что хронологии «Кодзики» и «Нихон сёки» до IV в. н.э. являются не надёжными. Поэтому хронология древней истории Японии реконструируется на основе китайских источников – «Хань шу», «Хоу Хань шу» и «Вэй чжи». Однако при описании появления в Японии китайской письменности и переселения южнокитайских родов используются

---

¹ Мотоори Норинага. Караосамэ-но урэтамигото. С. 33-71.

данные «Нихон сёки».¹

С конца эпохи Мэйдзи начинается новый этап в исследовании информации китайских династийных историй. Развернувшие в 1910 году широкую дискуссию по вопросу о местонахождении Яматай Сиратори Куракити (1865-1945) и Найтō Кодзирō (1866-1934) положили начало действительно источниковедческому анализу китайских династийных историй, прежде всего, «Вэй чжи». Именно тогда проводятся исследования об источниках «Вэй чжи», о соотношении меры длины *ли* в «Вэй чжи» с современными *ли*, об использовании в этом историческом памятнике расстояниях и направлениях, демографических данных филологическое исследование всех имён и названий, проведены сопоставления дошедших до нас текстов «Вэй чжи» и цитат из них в средневековых сочинениях, таких, как «Гайпин юйланы», «Тун дян» и др. В дискуссию вступают и другие учёные – Хасимото Масукити (1880-1956), Ямада Ёсио (1873-1958), Кида Садакити (1871-1939), Цубои Кумадзо (1858-1936), Цуда Сōкити (1873-1961), Касаи Синъя (1884-1954) и др.² Своё логическое завершение текстологическая работа над китайскими источниками получила в вышедшей в 1932 г. и переизданной в 1956 г. работе Хасимото Масукити «Древняя история Японии» точки зрения истории Дальнего Востока».³ Поскольку почти сразу

---

¹ *Сигэно Ясучугу* 重野 安繹, *Кумэ Кунитакэ* 久米 邦武, *Хосинэ Хисаси* 星野 恒. Кōхон. Кокусиган. 稿本 国史眼 (Взгляд на японскую историю. Черновик). – Токио 東京: Тайсэйкан 大成館, 1890. – Т. I–VII. – кн. I, свиток I, гл. 4. – С. 76-356.

² *Сазки Арикитэ*. Кэнкōси. Яматай-коку. С. 95-140, 148-171; *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Ва дзёб Химико (Правительница Во Химико) // Сиратори Куракити дзэнсё 白鳥 庫吉全集 (Полное собрание сочинений Сиратори Куракити). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1969. – Т. I. – С. 3-39; *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Ва дзёб Химико мондай-ва дō-ни кайкэцу сэрарубэки ка. Кōэн ёси 倭女王卑弥呼問題は如何に解決せらるべきか — 講演要旨 (Как следует разрешить проблему Яматай? Основное содержание выступления) // Там же. С. 178-182; *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Кан-Ги дзидай окэру Кёкутō кокусай дзёсэй-ёри митару «Ва дзёб Химико мондай». Кōэн ёси 漢魏時代に於ける極東國際情勢より見たる「倭女王卑弥呼問題」 — 講演要旨 (Проблема «правительницы Во Химико» с точки зрения ситуации в международных отношениях на Дальнем Востоке в эпохи Хань и Вэй. Основное содержание выступления) // Там же. С. 188-189; *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Химико мондай-но кайкэцу 卑弥呼問題の解決 (Разрешение проблемы Яматай) // Там же. С. 79-177; *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Яматай-коку-ни цуйтэ 耶馬台国について (О государстве Яматай) // Там же. С. 71-77.

³ *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōёси-дзё-ёри митару нихон дзёкоси кэнкю 東洋史

же, в 1911 г., в дискуссию включились и археологи – Такахаси Кэндзи (1871-1929), Томиока Кэндзō (1871-1918), Умэхара Суэдзи (1893-1983), сторонники «теории Кинай», то их противники – Сиратори Куракити и другие – вынуждены были иногда обращаться и к археологическим аргументам.¹

В послевоенный период текстологическая работа над китайскими текстами переходил к подробному раздельному тематическому исследованию отдельных упоминаемых в них реалий, а также встречающихся разночтений в различных версиях текстов. Наиболее существенный сдвиг происходит в изучении археологического материала и проведении сравнительных исследований японского и китайского неолита, бронзового и раннего железного веков, давших важный материал о контактах двух стран с древнейших времён.

***

В России интерес к описаниям окружающих Китай народов в древние времена проявлял ещё глава российской Пекинской духовной миссии отец Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин, 1777-1853), который перевёл «Описания во» из «Хоу Хань шу», «Нань ши» и «Суй шу», а в некоторых случаях дал свой комментарий («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», 1851).² В 40–50-е годы XX века Н.В. Кюннер провёл работу по исправлению переводов сведений о древних японцах из «Хоу Хань шу» и «Нань ши» Н.Я. Бичурина, а также добавил к ним «Описания во» из «Вэй чжи» и «Цзинь шу». ³ Переводы Н.В. Кюннера были изданы в 1961 году после смерти автора. В данной работе мы предлагаем новый перевод «Описаний», основывающийся на современных принципах перевода, отличающихся от тех, которые были приняты на заре переводческой деятельности, и на обширной текстологической работе, проведённой в Японии за последнее столетие. Археологический, исторический и этнографический материал стал основой для наших комментариев и при-

---

上より見たる日本上古史研究 (Древняя история Японии с точки зрения истории Дальнего Востока). – Токио 東京: Тōбэбунко 東洋文庫, 1956. – 1033 с.

¹ Сиратори Куракити. Химиико мондай-но кайкэцу. С. 109-114.

² Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. – С. 34-37, 44-46, 94-97.

³ Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд. вост. лит., 1961. – С. 243-250, 256-257, 341-342, 346-347.

мечаний.¹

ТЕКСТЫ

1. «Хань шу»

*Основной текст*²: «В море Лэлан есть люди *во*^{3 (а)}, разделенные на сто с лишним государств. В определенное время они прибывают на аудиенцию с подношениями».^(б)

Комментарий Янь Ши-гу: «Жу Чунь (автор эпохи Троецарствия – С.Л.) говорит: “Ещё раскрашенные тушью *вэймянь* живут в 10 000 *ли* к юго-востоку от Дайфана”. Чэнь Цзань говорит: “*Во* – это название государства; [о них] не говорится, что они используют тушь, поэтому называют их *Вэй*”^(в)».^{4 (г)}

2. «Хоу Хань шу»

Основные записи правления Гуан У-ди^{5 (д) (е)}

«Правитель государства На (кит. Ну)^{6 (ж)} восточных иноземцев *во*

---

¹ Автор также перевел сведения о народе *во* из китайских династийных историй «Цзинь шу», «Сун шу», «Нань-Ци шу», «Лян шу», «Нань ши», «Бэй ши» и «Суй шу», впервые вышедшие в сборнике: Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. – М.: Русский Двор. – 1999. – Вып. II. – С. 109-118; а позже, с расширенными комментариями и переводом фрагментов из «Цзю Тан шу» в книге: *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в.н.э. – М.: Институт практического востоковедения, 2003. – С. 168-192, 213-218.

² Памятник состоит из основного текста, написанного самим Бань Гу (32-92), и комментариев к нему, составленных позже, при династии Тан (618-907) Янь Ши-гу (581-645). Текст помещен в «Географических записях», цзюань (глава) 28Б, в части, относящейся к землям китайского царства Янь (район нынешнего Пекина и Ляодунского полуострова). Для перевода использовалась сверка текстов по изданиям: *Бань Гу* 班固. Хань шу 漢書 (История династии Хань) / Коммент. танского Янь Ши-гу 顏師古. – Пекин 北京: Чжунхуа шущзюй 中華書局, 1990. – Т. VI. – С. 1658; *Ики Итирō* 荻岐一郎. Тёгоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку 中国正史の古代日本記録 (Записи о древней Японии в китайских официальных историях). Тексты и перевод. – Фукуока 福岡: Асисёбō 葦書房, 1992. – С. 45-46, 122.

³ Буквенными обозначениями указаны примечания к переводу в конце раздела.

⁴ «*Вэй*» и «*во*» – разновидности близких по написанию иероглифов. Фраза очень туманная и смысл ее не вполне ясен.

⁵ В «Хоу Хань шу», составленной Фань Е (398-445), в цз. 1А («Основные записи правления Гуан У-ди») впервые встречается известие о конкретном официальном посольстве одного из японских властителей в Китай. Эта запись относится ко 2-му году эры *Цзянь-у чжун-юань* (57 г.).

⁶ Здесь и далее в переводах будет даваться принятое японское прочтение японских на-

(яп. *во*) прислал послов и подношения».^{1 (3)}

Основные записи правления [Сяо] Ань-ди²

«Зимой в 10-м месяце государство Во прислало посольство и поднесло дань»^{3 (и)}.

Описание Восточных иноземцев. Раздел Во.

«[Страна] Во находится к юго-востоку от Хань (Кореи) в океане. [Её население] живёт на гористых островах. [Она состоит из] более чем 100 государств. С [того времени как] У-ди покорил Чаосянь [в 108 г. до н.э.]^(к), свыше 30 государств сообщались с Хань (Китаем) через послов [с] переводчиками.^{4 (и)} Правитель каждого государства называется *ваном* и передаёт свой престол из поколения в поколение.^(м) Главный правитель (“*ван*”) живёт в государстве Яматай (Е[Се]матай).^{5 (и)} От границ округа Лэлан до этого государства 12 000 *ли*⁶, от корейского государства Куя

званий и имён собственных (кроме общепринятого «*во*» вместо японского чтения «*ва*»), а также корейское прочтение корейских названий и имен собственных, их китайское произношение будет приводиться в скобках, китайские имена собственные и географические названия будут приводиться в их китайском чтении.

¹ Перевод по изданию *Фань Е* 范曄. Хоу Хань шу 後漢書 (История Поздней династии Хань). Цз. 1-120. – [Б. м.], 1870. – Цз. 1А, с. 23а.

Об этом же факте есть более подробная запись в одном из «Лечжуань» («Описаний») – «Описание Восточных иноземцев», см. ниже.

Таким образом, официальные отношения с Китаем первоначально ведутся правителем одного из японских территориальных образований (политий типа вожеств или «общин-государств»). Топоним *На* фигурирует и дальше в качестве названия одного из «государств» (*Чэнь Шоу* 陳壽. Сань-го чжи 三國志 (Записи трех царств) / Комментар. Пэй Сун-чжи 裴松之. Цз. 1- 65. – [Б. м.], 1870. – Цз. 28. – С. 246). Археологически На отождествляется с археологическими памятниками Сугу-Окамото, Хиэ, Нака в преф. Фукуока (*Хирата Садаюки, Симомура Сатоси*, 1995. № 51. С. 51, 38-43).

² Запись содержится в цз. 5 «Записи о правлении [Сяо] Ань-ди (106-125 гг.), под 1-м годом правления Юн-чу датирована запись (107 г.). Более подробно об этом же событии также говорится в «Описании Восточных иноземцев», см. ниже.

³ Перевод по изданию: *Фань Е*. Хоу Хань шу, 1870, цз. 5, с. 4а.

⁴ Комментар Лю Фэнь говорит: «Посылали переводчиков: вместо “*и*” (с радикалом “лошадь”) должно быть “*и*” (с радикалом “речь”)». Смотри об этом выше. Лю Фэнь (1023-1089), северосунский учёный, помощник Сьма Гуана (1019-1086), участвовал в составлении «Цзычжи тунцзянь» («Всеобщего зеркала, управлению помогающего»).

⁵ Комментарий: «Ныне ошибочно произносят Е(Се)мутуй». (По поводу транскрипции названия «Яматай» существует ряд сомнений. Прежде всего, в «Вэй чжи» «*тай*» пишется как «*и*». Поэтому ряд учёных даёт другие варианты чтения всего слова и соответственно его интерпретацию (см. ниже).

⁶ По Ики Итирō – 810 км (*Ики Итирō*, 1992. С. 49). По подсчётам Цубои Кумадзō (1858-1936) современное *ли* составляет 9,5288 поздниханьских (*Сазки Арикиё*, 1971. С. 149).

(Гоуе)^(o) 7000 ли.¹ Их земля лежит примерно к востоку от Гуйцзи и Дуньэ^{2 (n)}, близко от Чжуйяй и Даньэр^{3 (p)}, поэтому их законы и обычаи во многом сходны.^(c) Земля [у них] пригодна для [выращивания] чумизы, риса, конопли, рами (*Mosla chinensis*), выкормки шелкопряда и посадки тутовых деревьев. Знакомы с ткачеством и прядением, изготавливают шёлковое полотно.⁴ [Из их страны] вывозят белый жемчуг и сапфиры.⁵ В горах есть земля, богатая киноварью.⁶ Климат мягкий. Зимой и летом рождаются овощи и зелень.^(r) Нет коров, лошадей⁷, тигров, леопардов (барсов), баранов⁸, сорок.⁹ Из оружия имеют копья, щиты, луки из дерева, стрелы из бамбука.¹⁰ Некоторые делают наконечники стрел из кости.¹¹ Мужчины татуируют лицо и раскрашивают тело.¹² По расположению татуировки слева или справа и по её размеру отличают знатных от низких.^(v) Все их мужчины одеваются поперечными полотнищами, которые соединяют, связыв-

---

¹ По Ики Итирō – 500 км. Вслед за Цубои Кумадзō – 423 км.

² Дуньэ – уезд в районе нынешнего города Фучжоу (пров. Фуцзянь).

³ Уезд Чжуйяй находился на северо-востоке острова Хайнань, Даньэр – на западе острова Хайнань.

⁴ Наличие в Японии в этот период довольно сложной технической культуры шелководства подтверждается составом даров вэйским императорам (об этом см. ниже) и свидетельствует о тесных контактах с Китаем в эпоху яёи и миграции древних китайцев на острова.

⁵ «Цинъюй» можно переводить как «сапфиры» и как «зелёный нефрит».

⁶ Киноварь использовали для ритуального раскрашивания тела (см. ниже).

⁷ Наличие в Японии лошадей до периода кофун подтверждается одной-единственной находкой их костных останков в раковинной куче Охаки (близ города Нода, преф. Тибэ) начала позднего Дзёмон. Однако анализ на содержание фтора этой находки показывает вероятное смешение археологических слоев, в результате чего эти костные останки могут относиться к более позднему времени (период Кофун) (*Кондō Мэгуми, Мацуура Сюдзи, Мацуи Акира, Канаяма Ёсиаки*, 1991. Т. 99. № 1. С. 93-98).

⁸ Вместе с тем следует заметить, что приручать животных японцы начали довольно рано. Находки останков домашних собак относятся ко времени по крайней мере 3500 лет назад (*Nishinakagawa Hayao, Matsumoto Mitsuharu, Otsuka Junichi, Kawaguchi Sada-nori*, 1992. Т. 100. № 4. С. 485-498).

⁹ Комментарий Лю Феня поясняет: «Некоторые так обозначают кур».

¹⁰ В тексте «Хоу Хань шу» Накаяма Кюсирō приводится другой вариант текста: «Из оружия имеют копья и щиты. Искусны в изготовлении стрел».

¹¹ Наконечники стрел из кости действительно продолжали изготавливаться в период Яёй (*Соэдзима Кадзуаки, Сёбаяси Мамору*, 1995. № 51. С. 25 сл.).

¹² Татуировка на лице (вокруг глаз) упоминается также в «Кодзики». Кроме того, глиняные фигурки людей (土偶 яп. *dogū*) – имеют орнамент на лице и теле, в том числе и вокруг глаз, напоминающий татуировку. Следы красной краски обнаружены и в погребениях (Скульптура, 1969, ил. 4, 7; Сёва рокудзю сан нэндо, 1990. Т. 75. № 3. С. 113, 123; *Воробьев*, 1991. С. 120-124; *Сибуй Тадацу*, 1995. № 51. С. 7, 53-57).

вая. Женщины распускают волосы и связывают их узлом. Носят одежду в виде простыни, в которой продырявливают отверстие для головы.¹ Все они раскрашивают тело киноварью, подобно тому как в Серединном государстве пользуются пудрой. У них есть города, огороженные изгородью, и дома.^{2 (ф)} Отцы, матери, старшие и младшие братья живут в разных помещениях. Только собираются вместе.^(х) Без различия мужчины и женщины.^(и) Пьют и едят руками.³ Используют обеденный низенький столик на одной ножке – «*такаиуки*».⁴ По их обычаям все ходят босыми. Сидением на корточках выражают почтительность к уважаемым людям.^{5 (ч)}

В их характере – страсть к вину. Много долголетних предков. Очень многие достигают свыше ста лет.^{6 (ш)} В [их] стране много девушек. Вышние все имеют по четыре–пять жён. Остальные – некоторые две, а некоторые – три.^{7 (ш)} Женщины не развратны и не ревнивы.^(и) В их обычаях нет воровства^(з), редки ссоры.^{8 (о)} Нарушившего закон лишают жён и детей, а

---

¹ Такой тип женской одежды до сих пор сохранился у некоторых народов Южного Китая и Индокитая – *рава*, *каренов*, *ва* (Юньнань, Таиланд и Мьянма) и, по мнению Торигоэ Кэндзабурё, свидетельствует о близости (возможно, родстве) обычаев *яёйцев* и народов Южного Китая (*Торигоэ Кэндзабурё*, 1993. С. 44-47).

² Крупные огороженные поселения периода *яёй* были найдены археологами во многих местностях Японии – Сугу-Окамото, Хигапу-Кавадзоэ (преф. Фукуока), Уки-Кумида, Ёсиногари (преф. Сага), Ниноадзэ, Ёкояма, Карако (преф. Нара) и т.д. (*Кавабада Масао*, 1995. № 51. С. 49-52; *Хирата Садаюки*, *Симомура Сатоси*, 1995. С. 39-40; *Накадзима Наююки*, 1995. № 51. С. 28-32; *Сиратори Куракути*, 1969 д. С. 58-62; *Банно Кёити*, 1995. № 51. С. 78-82; *Инуи Тэцуя*, 1995. № 51. С. 63-67).

³ В «Кодзики» (712 г.) упоминаются палочки для еды, однако время их появления в Японии неизвестно и, несомненно, было результатом влияния Китая.

⁴ Керамический обеденный столик найден при раскопках в Карако (преф. Нара) (*Фудзита Сабурё*, 1995. № 51. С. 69).

⁵ Сидение на корточках характерно и для современных японцев, которые отмечают удобство такой позы для них. Другой способ – сидеть на циновке, словно опустившись на колени и подобрав под себя ноги (яп. *сэйдза*) – по-видимому, был заимствован из Китая, где он существовал уже в древности (*Крюков*, *Переломов*, *Софронов*, *Чебоксаров*, 1983. С. 221).

⁶ Долголетие действительно является особенностью ряда народов, в том числе и японцев, однако мы не знаем, была ли продолжительность жизни в Японии в древности столь великой.

⁷ Наличие полигамии в Японии подтверждается данными «Кодзики» и «Нихонги» – практически все императоры имели несколько жён (Кодзики, 1982; Нихон сёки, 1897).

⁸ Интересно, что даже в современном мире характерной особенностью японцев является очень незначительное число преступлений. Стремление не доводить разногласия до ссоры – традиционная черта японцев, и, хотя это и обусловлено во многом конфуцианской моралью, нельзя не отметить, что столь сильное её влияние не было бы возможным, если бы не соответствовало национальным особенностям.

у совершивших тяжёлые преступления уничтожают его род.^(я) Покойника держат [незахороненным], выполняя траурные церемонии больше десяти дней. В это время не подносят вина, пища или чего-либо другого, но поют и танцуют, чтобы создать веселье.^(aa) Гадают, обжигая кости, определяют [тем самым] благополучие и неблагополучие.^(bb) Когда пускаются в плавание по морю, чтобы прибыть [к нам], то приказывают одному человеку не чесать и не мыть голову, не есть мяса¹, не приближаться к жене. Его называют “*дзисай* (*дзисуй*)”.² Если путь благополучен, то вознаграждают его ценными вещами; если случается болезнь или несчастье, то считают, что *дзисай* не был усерден и вместе убивают его.^(bb)

Во 2-й год эры *Цзянь-у чжун-юань* (57 г.) *воское* государство На прислало посольство и преподнесло дань ко двору. Самолично называли себя *дафу*.^(rr) Они с самой южной оконечности *воского* государства. Гуан У[-ди] пожаловал их печатью с шнурком.^{3 (дд)}

---

¹ Мясо традиционно занимает незначительное место в пищевом рационе японцев (в средние даже отсутствовало в рационе), отказ от него на небольшое время не мог служить значительным ограничением. Здесь мы видим скорее перенесение на японцев китайских представлений, по которым мясо является неотъемлемой частью стола.

² Китайское «*чшиуай* (*чшуй*)» – «несущий ослабление (траур)».

³ Эта фраза представляет особый интерес ввиду следующих моментов. Прежде всего, факт дарения печати, а значит, косвенно и самого посольства, подтверждается археологической находкой. В 1784 г. на острове Сигасима, около города Фукуока крестьянин, обрабатывая поле, нашёл золоту печать и передал её своему господину – *даймё* Курода. находка хранилась в семье маркизов Курода ныне находится в Музее изящных искусств города Фукуока. Хотя некоторые учёные, например, Готё Мориити (*Готё Мориити*, 1952. № 47. С. 2-4), и выражают сомнения по поводу подлинности печати, нам они не кажутся слишком убедительными. Основные возражения Готё Мориити относительно подлинности печати заключаются во вдавленной надписи на печати и в том, что находка была сделана не в захоронении правителя, а в пустынном месте. Да и место самой находки, по его мнению, носит случайный характер.

Между тем все обстоятельства находки очень хорошо известны. Сохранилась записка, сделанная со слов крестьянина, нашедшего её, и заверенная его личной печатью, и описание находки, сделанное тогда же (*Отани Мицую*, 1956. № 102. С. 44-49). О подлинности говорит и сравнительный анализ других четырёх ханьских печатей вождей не китайских народов (*мань-и*, *цянво*, *сюнну* и *гуйи*ских ху, которые тоже имеют вдавленную надпись и по художественному уровню сходны с печатью *Во-на* (*Иваи Хиросато*, 1952. № 47. С. 4-13). Точно такие же результаты дали и исследования печатей китайски чиновников (*Кобаяси Ясухару*, 1967. Т. 50. С. 134-157).

Ключ к вопросу о том, кто такой был Суйсё, может дать рассмотрение других вариантов той же записи, сохранившихся в: 1) «Хань юань» («Собрание произведений Ханьлинской академии»), составленном Чжан Чу-цзинем в эпоху Тан, где в цз. 30 цитируется «Хоу Хань шу»; 2) в выдержке из «Гун дьянь» («Всеобщего свода»), составленного Ду Ю (735-812), приведённой в работе Мацусита Кэнрина «Исё Ниппондэн» («Ис-

тория Японии по рассказам соседей»); 3) в одном ксилографе «Гун дьянь» эпохи Северная Сун (960-1127); 4-5) в цитатах из «Хоу Хань шу» в «Нихон сёки сансё» («Извлечение и пояснения к “Нихон сёки”») Итидзё-но Канэра (1402-1481) и «Сяку Нихонги» («Комментарии к “Нихонги”») Урабэ-но Канэката (середина эпохи Камакура, 1192-1333). Все они цитируют фразу из «Лечжуаня» и только последний – из «Основных записей». Дело в том, что наиболее ранние ксилографы «Хоу Хань шу» дошли до нас от эпохи Южная Сун (1127-1279) и, естественно, не могли избежать ошибок, возникших при переписке. Сравнивая различные варианты фразы, мы попробуем восстановить текст, возможно более близкий к первоначальному. Эти варианты следующие (= вариант, отличный от современного текста «Хоу Хань шу»):

«Хань юань»: «В начальный год эры *Динчу* (*Юн-чу*) правления Ань [-ди] был правитель государства Вамэндзё (кит. *Вомяньшан*) Суйсё».

Мацусита Кэрин. «Исё Ниппондэн»: «Правитель государства *Вамэндо* (кит. *Вомяньту*) Суйсё и другие».

Ду Ю. «Гун дьянь», северосунский ксилограф: «В начальный год эры *Юн-чу* правления Ань-ди, правитель государства *Вамэндо* и другие, прислали рабов» (кит. *шэнькю*, яп. *сэйкё* – пленников; см. комментарий «е»). – *Прим. ред.*

Итидзё-но Канэра. «Нихон сёки сансё»: «В “Истории Восточной Хань” говорится: “В начальный год эры *Юн-чу* правления Ань-ди, правитель государства Вамэндзё и другие прислали 116 человек рабов”» (*сэйкё* – пленников; см. комментарий «е»). – *Прим. ред.*

Урабэ-но Канэката. «Сяку Нихонги»: «В “Хоу Хань шу” говорится: “В начальный год эры *Юн-чу* правления Сяо-Ань-хуанди, зимой в десятом месяце. Государство *Вамэн* прислало посольство и преподнесло дань”» (*Хасимото Масукити*, 1956. С. 34-35).

Таким образом, мы имеем три варианта названия «во»: *вомянь* (яп. *вамэн*), *вомяньту* (яп. *вамэндо*), *вомяньнан* (яп. *вамэндзё*).

К первому из названных чтений подходит и «*вэймянь*» из вышеприведенного высказывания Жу Чуня (в комментарии Ян Ши-гу к «Хань шу»).

Существует два толкования вышеперечисленных названий: как наименование одного из японских «государств» или как слово «Япония» в целом, сокращением от которого могло быть «во».

Найтё Кодзирё (1866-1934), вполне обоснованно считая «*дзё*» («верх») разновидностью иероглифа «то (до)» («земля, почва»), предлагал считать «*вамэн* (до)», как и «*ина*» (на «золотой печати»), более ранним написанием исторического самоназвания Японии «Ямато» наряду с употребляемой в «Вэй чжи» (т.е. по крайней мере начиная с Вэй) транскрипцией «Яматэй» (кит. Ематэй) (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 134-135).

В противовес ему, Кида Садакити (1871-1939) считал На и Мэндо разными небольшими государствами (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 135-136). Взгляды Кида Садакити развил Сиратори Куракити (1865-1942), который обратил внимание, что древнее написание иероглифа «*мэн*» (*омо*, *омотэ* – «лицо», «лицевая сторона») похоже на написание иероглифа «*кай*» (*мэгуру* – «поворачиваться»), которое по реконструкциям имело в древнекитайском языке чтение «*wei*». Таким образом, Сиратори Куракити предлагал читать «*мэндо*» как «*wei-tu*», которое интерпретировал как «государство» Ито (*Сиратори Куракити*, 1969 а. С. 178-182).

В начальный год эры Юн-чу (107 г.) императора Ань-ди (106-125 гг.) правитель государства Во – Суйсэ̄ (кит. Шуайшэн) и другие прислали 116 человек рабов (яп. *сэйкō*, кит. *шэнькōу* – пленников).^(сб) Пожелали просить аудиенции.^{1 (жж)}

В правление Сюань-ди (146-167 гг.) и Лин-ди (167-188 гг.) в государстве Во вспыхнул большой мятеж, [и жители] вели войны друг с другом. Несколько лет [они] не имели властителя.^(зз) Была одна девица по имени Химико, [которая] была немолода, но не выходила замуж.^(шш) Занималась магией демонов и духов^(кк) и могла колдовством дурачить народ², поэтому совместно поставили^(лл) её правителем. [Она] держала тысячу служанок^(мм), и её редко можно было видеть.^(нн) Был только один мужчина, приносивший ей питье и еду³ и передававший её слова [наро-

---

И наконец, Мики Тарō считает «ō суйсэ̄» («правитель Суйсэ̄») не именем и титулом правителя, а названием чиновничьей должности, где «ō» (кит. *ван*) употребляется вместо «сю» (*ниси* – «главный») – «главный предводитель сэ̄», выступавшего от имени воского союза, центр которого из На постепенно перемещался в Яматай (*Мики Тарō*, 1966. № 218. С. 53-58). Однако поскольку иероглиф «сэ̄» встречается и в других личных именах японцев в «Описании во» «Вэй чжи» (*Накаяма Кюсирō*, 1934. С. 7-8), то, видимо, можно считать его частью личного имени (или названия должности), и «суйсэ̄» следует понимать как единое целое, а при сопоставлении с иероглифами «ō» или «сю», оно предположительно должно быть личным именем, иначе в случае соединения с иероглифами «ō» или «сю» получается смешанная иероглифико-фонетическая запись, что представляется странным. Употребление же иероглифа «ван» (яп. *ō*) в качестве фонетического символа слишком необычно для китайского текста.

Другое дело, как понимать надпись «*вамэндо*» (кит. *вомяньту*) – как название Японии в целом или одного из государств? Пожалуй, ныне известный материал не позволяет дать нам однозначного решения.

¹ Хотя по поводу трактовки термина «*сэйкō*» шли долгие дебаты, однако употребление счётного суффикса «человек» довольно ясно показывает факт дарения людей. Здесь, по всей видимости, идёт речь о посольстве уже группы правителей (вождей). Судя по факту дарения столь значительного количества людей, представляющих собой большую ценность даже для более развитого общества, отношениям с Китаем придавалось огромное значение. Чем это было вызвано: высоким ли техническим уровнем Китая, его престижем в регионе или какими-то более практическими нуждами, сказать нельзя. Тем не менее, при сопоставлении факта дарения золотой печати с преподношением рабов или пленников возникает представление, что обе стороны поочередно проявляют особое внимание друг к другу.

² Характеристика, с китайской точки зрения, очень нелестная, особенно если учитывать, что Химико была союзником Вэй, как это описано ниже.

³ В тексте Накаяма Кюсирō «одежду и еду», что некоторым образом меняет смысл, т.е. этот мужчина исполнял как бы почётное право прислуживать Химико в отличие от остальных слуг, тоже выполнявших какие-то обязанности. Тем не менее, фраза «питьё и

ду].^(oo) Во дворце⁽ⁿⁿ⁾, где она жила^(pp), в башнях и павильонах, везде воины несли стражу.⁽ⁿⁿ⁾ Законы и обычаи у них строгие.^{1 (cc)} Если от государства женщины-правительницы пересечь море на востоке, то через тысячу с лишним *ли*² [можно] добраться до государства Куна³ (кит. Цзюй-ну).^(rr) Хотя оно^(yy) и относится к народу *во*, но не подчиняется правительнице-женщине. На юг от государства правительницы-женщины, через 4000 *ли* можно прибыть в государство Сюдзю (кит. Чжужу), его жители имеют рост 3-4 *чи*.^{4 (фф)} Если от Чжужу плыть один год по направлению на юго-восток, то можно прибыть в государства Нагих, Чернозубых.⁵ Здесь заканчиваются сведения, переданные послами-переводчиками.^{6 (xx)}

3. «Вэй чжи»⁷

«Люди *во* живут на юго-востоке от Дайфана в океане.^(шц) Страна вместе с уделами^(чч) состоит из гористых островов. В древности имели свыше ста государств.^{8 (шшш)} В эпоху Хань [среди них] были такие, кто прибывал на аудиенции [к нашему двору]. Ныне тридцать государств сообщаются [с Китаем] через послов-переводчиков.^(шшш) От округа [Дай-

---

еду» нам кажется более правильной, так как идентичная фраза есть и в другом памятнике «Вэй чжи» (см. ниже).

¹ Здесь имеет место повторение: о законах речь шла выше. Такая непоследовательность описания свидетельствует о компилятивном характере этой главы в «Хоу Хань шу», составленной, по-видимому, из нескольких разных источников. Проблема заимствования «Описания Во» в «Хоу Хань шу» из других источников будет специально рассмотрена ниже.

² По Ики Итирō – свыше 70 км.

³ Данное название можно читать и как *Кōну*.

⁴ Н.Я. Бичурин (*Бичурин*, 1950. С. 36) считал государство Чжужу архипелагом Лю-цю (т.е. Нансэй), вполне возможно и по примерному расстоянию, и по направлению от Хонсю, и, хотя доказательств этому нет; их рост, 72-96 см, видимо, сильно занижен.

⁵ Здесь речь идёт о мифических народах, схема размещения которых в пространстве, по-видимому, заимствована из «Шань-хай цзина». Примечательно, что и измерения расстояний здесь идут не в *ли*, а во времени. С этим мы встретимся и дальше – в «Вэй чжи» (см. ниже).

⁶ Перевод осуществлён на основе сверки следующих текстов: *Накаяма Кōсирō*, 1934. С. 1-2; *Фань Е*, 1870, цз. 115, с. 12а–13б; *Ики Итирō*, 1992. С. 49-52, 124-125; *Бичурин*, 1950. С. 34-36; *Кюнер*, 1961. С. 341-342.

⁷ Текст помещен в цз. 30 («Описание Увани, Сяньби и Восточных иноземцев») «Вэй чжи». Это самое подробное описание Японии в китайских династических историях вплоть до «Сун ши» («Истории династии Сун», 960-1279 гг., составленной к 1345 г.).

⁸ Хасимото Масукити предложил читать эту фразу так: «Люди *во* живут на юго-востоке Дайфана в океане на гористых островах. Государств и уделов в древности было свыше ста» (*Хасимото Масукити*, 1956. С. 8).

фан] можно достигнуть *во*, плывя по морю вдоль берега. Достигнув государств Хан (кит. Хань) [и двигаясь] то на юг, то на восток, прибывают к находящемуся на [их] северном берегу ханскому государству Куя¹ (был), расположенному [на расстоянии] 7000 с лишним *ли*.² Сначала пересекают одно море, через 1000 с лишним *ли*^(эя) прибывают в государство Цусима.³ Его главный чиновник называется *хику* (кит. *бэйгоу*), [его] помощник называется *хинамори* (кит. *бэйнуули*).⁴ (юю) Живут на отдельных островах площадью, наверное, свыше 400 *ли*.⁵ Земля их гористая и неприступная, много глухих лесов, дороги подобны звериным и оленьим тропам. Имеется свыше 1000 дворов.⁶ Нет хороших земель, для поддержания жизни едят морские продукты.⁷ Садятся на суда, отправляются на рынки на юг и север закупать зерно.^(яя)

Снова пересекают на юге море, 1000 с лишним *ли*^(ааа) называемое Безбрежным морем, прибывают в государство Ики.⁸ (ббб) [Глав-

¹ Эта фраза по мнению, выраженному Найтō Кодзирō (1866-1934), подтверждает тот факт, что Куя (Мимана) на юге Кореи подчинялась японцам (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 127). Также считал Вада Киёси (*Вада Киёси*, 1956. С. 34), который в подтверждение приводил сведения из «Описаний Хан (Кореи)» в «Хоу Хань шу», где говорилось, что Во «граничит» с Хан (см. выше).

² Ок. 700 км. Куя находилась в районе нынешнего Кимхэ (пров. Кёнсан-намдо) (*Ясумото Битэн*, 1982. Т. 27. № 5. С. 104).

³ Ок. 100 км. Такое расстояние соответствует реальности.

⁴ По мнению Вада Киёси, «хику» – это «хико» (суффикс имен в именах божеств и императоров, а «хинамори» означает «начальник иноземцев» (*Вада Киёси*, 1956. С. 26).

⁵ Реальная площадь двух крупных островов, из которых вместе с рядом мелких состоит Цусима, составляет 709 кв. км.

⁶ На основе исследований Оти Сигэаки число жителей в одном дворе при Хань – в период Троецарствия составляло 5-8 человек (*Оти Сигэаки*, 1969. Т. 78. № 8. С. 28).

⁷ Это наблюдение, безусловно, сделано китайцем и является очень верным. Действительно, морепродукты наряду с рисом – традиционная основа пищевого рациона японцев.

⁸ Ики и Цусима – названия, существующие и поныне. Остров Ики находится всего лишь в 48 км от острова Цусима. Согласно исследованиям Вада Киёси, современное написание «Цусима» и «Ики» появилось в Японии в период Нара (710-794) (*Вада Киёси*, 1956. С. 26). По нашему мнению, совпадение не только в названии, но и в написании «Цусима», принятого в Японии и употребленного в «Вэй чжи», свидетельствует о прочном сохранении письменной традиции, привнесенной китайскими эмигрантами ещё до эпохи Нара в данном случае, поскольку названия многих других территорий «Ито», «Мацу(у)ра» получили устойчивое написание не сразу и писались по-разному в «Кодзики», «Нихон сёки», «Фудоки» и т.д. (см., например: *Ясумото Битэн*, 1982. С. 104-105).

ный] чиновник [здесь] также называется *хику*, помощник – *хинаморри*.^(юю) Площадь [этого государства] 300 *ли*¹, много бамбуковых деревьев, густых лесов. Живёт свыше 3000 семей. Пахотной земли недостаточно. [Хотя] обрабатывают поля, пищи всё же недостаточно. Также отправляются на рынки на север и на юг закупать зерно.^(ввв)

Пересекают ещё одно море и через 1000 с лишним *ли*^(aaa) достигают государства Мацура (кит. Молу)², там четыре с лишним тысячи дворов. Живут рядом с горами и морем.^(ггг) Травы и деревья густые, когда идёшь, то не видишь впереди идущего.³ Любят ловить рыбу и собирать раковины. Независимо от того, глубока вода или мелка, каждый [из них] погружаясь, достаёт их.

Двигаясь по суше на юго-восток, через 500 *ли*^{4 (aaa)} прибывают в государство Ито (кит. Иду).^{5 (ддд)} [Главный] чиновник [там] называется *дзики* (кит. *эрчжи*), помощники – *сэцубоко* (кит. *семогу*), *хэйкёко* (кит. *бинцуйгу*).^(eee) Дворов – свыше тысячи. Из поколения в поколение имеют [наследственного] правителя. Все они сообща подчиняются государству женщины-правительницы.^{6 (жжж)} Посланцы из округа (Дайфан), прибывая в Во, часто останавливаются здесь.^{7 (ззз)} На юго-востоке при-

---

¹ Возможно, имеется в виду протяженность острова с севера на юг или с запада на восток.

² Локализуется в районе Мацуура, ныне преф. Сага и Нагасаки (*Ясумото Битэн*, 1982. С. 104-105). Археологически связывается с руинами Сакуранобаба, Уки-Кумида, Касивадзаки, Куриамадзоно (все в преф. Сага) (*Накадзима Наююки*, 1995. С. 28-32). Ики Итирб даёт японское чтение «Мацуро» (*Ики Итирб*, 1992. С. 55).

³ Основываясь на этой фразе, Цубои Кумадзо: объяснял сложности расчёта расстояний в *ли* и определения направлений, возникавшие у путешественников (*Сэки Арикиё*, 1971. С. 150).

⁴ Ок. 50 км; по мнению Цубои Кумадзё, следует читать как «шириной в сотни *ли*» (*Сэки Арикиё*, 1971. С. 151).

⁵ Локализуется в районе Ито, преф. Фукуока (*Ясумото Битэн*, 1982. С. 104). Скорее всего, Ито-коку следует связывать с находками в Микумо, Хирабару, Ивара, с центром в Мигумо, где найдено огромное количество бронзовых зеркал, которые, по-видимому, можно отнести к захоронениям местных правителей, игравших, согласно «Вэй чжи», значительную роль среди других государств.

⁶ Мотоори Норинага (*Мотоори Норинага*, 1918. С. 42), локализовавший Ито в уезде Ито княжества Тикудзэн (ныне преф. Фукуока), совершенно логично связывает эту фразу с упоминанием в «Записях о деяниях императора Тёая» в «Нихон сёки» об Ито-но *асата-нуси* (правителе округа Ито) из Цукуси. Конакамура Есиката (1864-1932) распространяет эту фразу и на остальные *воские* государства (*Сэки Арикиё*, 1971. С. 67).

⁷ Эти слова позволили Мотоори Норинага, Бан Нобутомо, Сиратори Куракити, Найтё

бывают в На (кит. Ну-го)^(нии) через сто ли.^{1 (ккк)} [Главный] чиновник называется *симако* (кит. *сымагу*)^{2 (ллл)}, помощник называется *хинамори*^(ммм), население – свыше 20 000 дворов. Отправляясь на восток, через 100 ли^(ннн) прибывают в государство Фуми (кит. Буми).^{3 (ооо)} [Главный] чиновник называется *тамо* (кит. *домо*)^(ппп), помощник называется *хинамори*^(ppp), население – свыше тысячи семей. [Двигаясь] на юг, до государства Тома⁴ (кит. Тоума-го) добираться по морю 20 дней.^{5 (ccc)} [Главный] чиновник называется *мими* (кит. *мими*), помощник именуется *миминари* (кит. *мими-нали*).^(ттт) [Население], возможно, свыше 50 000 дворов. На юге прибывают в государство Яматай⁶ (кит.

Кодзирō считать, что китайские посольства и не ходили дальше (*Саэки Арикиё*, 1971, 76-81, 131). Однако здесь говорится о послых из округа, а не из Лояна. Естественно, что местные посольства должны были направляться и в Ито, т.е. к местному правителю, здесь же и дальше говорится о посольствах ко двору Яматай.

¹ На хорошо локализуется по находке золотой печати в районе Фукуока, и эту территорию следует связывать с руинами в Сугу-Окамото, Нака, Хиэ (преф. Фукуока) (*Хирата Садаюки, Симомура Сатоси*, 1995. С. 38-43). 100 ли – это ок. 10 км, примерно может соответствовать расстоянию от Ёситакэ-Такаги до Сугу-Окамото. Однако здесь, видимо, нужно считать расстояние от центра до центра (т.е. от Мигумо до Сугу-Окамото ок. 20 км).

² Кан Масатомо предлагает читать «*симако*» по-японски как «*симамото*» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 82).

³ Фуми следует локализовать где-то в преф. Фукуока. Обычно её отождествляют с местностью Уми (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 82; *Ясумото Битэн*, 1982. С. 104).

⁴ Фонетически Тома отождествляется с Цума (в древнеяпонском языке «*Гума*»), населенным пунктом в преф. Миядзаки (согласно Мотоори Норианага), с Камуцума, Симодзума и другими бывшими уездами района Цума, преф. Кумамото (согласно Цуруминэ Сигэнобу), с бывшим княжеством Сацума на юге Кюсю (согласно Ёсида Тōго, Нака Митиё) (*Ясумото Битэн*, 1982. С. 105; *Саэки Арикиё*, 1971, табл.).

⁵ Здесь и далее расстояния даются не в ли, а в днях пути, что следует связывать, по-видимому, с меньшей чёткостью имевшейся информации. По мнению Вада Киёси, там, где счёт ведётся днями, сведения представлены японцами, а не собраны китайцами, так как, согласно китайским источникам, «восточные иноземцы» считали днями (*Вада Киёси*, 1956. С. 31). Расстояния в днях были, по мнению Вада Киёси, намеренно удлинены японцами, стремившимися представить великим своё государство (*Вада Киёси*, 1956, 32). Так же считал и Сиратори Куракити, который полагал, что и расстояния в ли были сильно удлинены, поскольку сведения давались дайфанцами, находившимися под властью Ляодунских правителей, союзных У, и потому незаинтересованными в экспансии Вэй против Во, т.е. усилении Вэй в этом регионе (*Сиратори Куракити*, 1969 б. С. 189).

⁶ После На расположение описываемых территорий можно понимать по-разному. Тома и Яматай локализуют как на Кюсю, так и на Хонсю (в том числе Яматай в префектурах Фукуока, Кумамото, Нара). Споры между японскими учёными по проблеме мес-

Ематай-го), где находится столица женщины-правительницы.^(ууу) По морю до него добираться 10 дней^(ффф), по суше 1 месяц.^{1 (xxx)} Чиновники [последовательно] называются *мимасэ* (кит. *мимашиэн*), *мимакакуки* (кит. *мимахочжи*), *накадэй* (кит. *нуцзяти*).^(шшш) [Население], возможно, свыше 70 000 дворов. [Если] к северу² от государства женщины-правительницы³ количество дворов и расстояния в *ли* можно описать кратко, [то, что касается] остальных соседних государств, из-за их отдалённости подробные сведения [о них] получить нельзя. Следующее государство – Сима (кит. Сыма), за ним – государство Ихякуки (кит. Ибайчжи), за ним – государство Ия (кит. Ие), за ним – государ-

---

тонахождения Яматай продолжаются со времени Араи Хакусэки (1657-1725) и Мотоори Норинага (1730-1801) и не утихают до сих пор. В настоящее время, кроме локализации Яматай на Кюсю и районе Кинай (ныне преф. Нара), появились и другие варианты, например, помещение Яматай в район Внутреннего моря Сэто (*Окада Хидэхиро*, 1994. С. 40-45; *Саэки Арикиё*, 1971; *Young*, 1958). Существуют также различные варианты схем взаиморасположения «государств» (*Ясумото Битэн*, 1982. С. 108-109; *Иноуэ Хидэо*, 1993. С. 89; *Окада Хидэхиро*, 1994. С. 43; *Ики Итирō*, 1989. С. 57; *Саэки Арикиё*, 1971. С. 24, 104, 119, 193; *Иноуэ Мицусادا*, *Касахара Кадзую*, *Кодاما Кōта*, 1989. С. 21). По Найтō Кодзирō, Яматай следует читать как «*Ямай*» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 118).

¹ Это говорит, что *Тома* и *Яматай* должны находиться на одном острове. По мнению Мотоори Норинага (*Мотоори Норинага*, 1918. С. 47), в этой фразе описки. Вместо «месяц» следует читать «день», также вместо «десять дней» следует читать «двадцать» (двойка была пропущена). Если первое исправление может быть вполне реалистичным, учитывая дальность пути по суше в один месяц, то второе из его утверждений мы считаем необоснованным, так как оно исходит из предпосылки, что «ложное Яматай» должно было непременно находиться в княжестве Ōсуми (ныне преф. Кагосима), что является лишь гипотезой. Впрочем, относительно замены слова «месяц» на «день» тоже существуют разногласия: Сирагори Куракити, Касаи Такуя и другие сторонники теории, утверждающей местоположение Яматай на Кюсю, согласны с исправлением Мотоори (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 159-160); те же учёные, которые считают, что Яматай находилось в Кинай (Найтō Кодзирō, Ямада Такао), полагают, что «месяц» следует читать как «месяц» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 117-119, 131-132). Впрочем, Андō Масадзанэ предложил читать эту фразу так: «Если по морю, то добираться до него 10 дней, если по суше, то 1 месяц» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 194). Приняв такое чтение, мы можем считать, что Тома и Яматай находятся на разных островах, и, таким образом, эта фраза оказывается еще более запутанной.

² По Мотоори Норинага следует исправить на «к западу» (*Мотоори Норинага*, 1918. С. 46-49).

³ В сунском ксилографе Хасимото Масукити – ошибочно «трёх государств женщин» (т.е. вместо иероглифа «*ван*» (правитель) – стоит «*сань*») (три). Несомненно, что это ошибка переписчика (*Хасимото Масукити*, 1956. С. 8).

ство Цуки (кит. Дучжи)¹, за ним – государство Мину, за ним – государство Кōкото (кит. Хаогуду), за ним – государство Фуко (кит. Буху), за ним – государство Сону (кит. Цзуну), затем – государство Тайсо (кит. Дуйсу), затем – государство Сону (кит. Суну), затем – государство Ко̄ю (кит. Хуи), затем – государство Канусону (кит. Хуанусуну), затем – государство Ки (кит. Гуй), затем – государство Иго (кит. Вэйу), затем – государство Кину (кит. Гуйну), затем – государство Яма (кит. Ема), затем – государство К̄юсин (кит. Цюнчэнь), затем – государство Хари (кит. Бали), затем – государство Кинъи (кит. Чживэй), затем – государство Уну, затем – государство На (кит. Ну).² (ччч) Здесь граница владений женщины-правительницы.

К югу от них есть государство Куна (кит. Гоуну).³ (шшш) Там правитель – мужчина^(шшшц), [а главным] чиновником [является] *куקותихику* (кит. *гоугучжибэйгоу*).⁴ (ыыы) [Это государство] не подчиняется женщине-правительнице. От округа (Дайфан) до государства женщины-правительницы свыше 12 000 ли.

Мужчины⁵, без различия высшие и низшие^(эээ), все татуируют лицо и раскрашивают тело.^(ююю) С древности их послы прибывали в Серединное государство, все [они] называли себя *дафу*.⁶ (яяя)

Сын сяского правителя Шао-кана⁷ (аааа) получил удел в Гуйцзи,

---

¹ В тексте Накаяма К̄юсирō – Гунки (кит. Цзюньчжи) (*Накаяма К̄юсирō*, 1934. С. 5).

² Государство На (кит. Ну) упоминалось выше. Возможно, что речь идёт об одном и том же государстве. Сиратори Куракити считает появление ещё одного государства Ну ошибкой составителя (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 102).

³ Конакамура Ёсиката считает, что Куна – это Кохукэ и Симоцукэ (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 68) (ныне преф. Тогиги и Гумма). По мнению Сиратори Куракити, Вада Киёси, Сигэмацу Акихиса, Сидо Фудōмаро, Куна – это Кумано (юг полуострова Исэ) (*Вада Киёси*, 1956. С. 30), Сираиси Таитирō помещает Куна в Восточной Японии, примерно в район Кантō (*Сираиси Таитирō*, 1996. С. 11). Сигэмацу Акихиса объясняет свою версию тем, что в «Фудōки» употребляются три названия: «Кумасо», «Область Кума-кэн», «Государство Со-коку», все три имеют в виду «Кумасо». «Кума», по его мнению, идентично другому иероглифу «Кума» (досл. «Медведь») (*Сигэмацу Акихиса*, 1973. № 301. С. 105). Араи Хакусэки отождествлял Куна с Кума-но *куни*, княжество Хиго (ныне преф. Кумамото) (*Араи Хакусэки*, 1983. С. 289).

⁴ По мнению Араи Хакусэки, *куקותихику* следует понимать как Кукути-хико, т.е. правитель области Кукути (езд Кукути в княжестве Хиго, ныне преф. Кумамото) (*Араи Хакусэки*, 1983. С. 290).

⁵ Здесь и далее текст об обычаях сходен с «Хоу Хань шу».

⁶ То есть, говоря несколько условно, «знатными людьми».

⁷ Шао-кан (2079-2057 гг. до н.э.) правитель династии Ся (2205-1766 гг. до н.э.), существование которой считается спорным.

где обрезали волосы и раскрашивали тело, чтобы избежать вреда от водяного дракона.^(бббб) Ныне воские моряки^(вввв) любят нырять в глубину, чтобы ловить рыбу и моллюсков. [Первоначально] раскрашивали тело тоже, чтобы отпугивать больших рыб и морских птиц, позже раскраска постепенно стала украшением. Во всех [их] государствах разрисовка тела разная: то слева, то справа, то крупная, то мелкая; уважаемые и низкие люди^(тттт) имеют различия [в татуировках].^{1 (дддд)} Счёт их расстояний естественно вести к востоку от Гуйцзи, Дунье.² Их нравы не распутны. Мужчины – все без головного убора, украшают голову с помощью [листьев] хлопкового дерева.³ Одеждой служат поперечные полотнища, которые соединяются вместе только связывая по большей части не сшиваются. Женщины распускают волосы и связывают узлом, делают одежду в форме простыни, в центре её проделывают отверстие, просовывают туда голову и так носят.⁴ Выращивают чумизу, рис, коноплю для изготовления тканей, разводят шелкопряда, сажают тутовые деревья, ткут и прядут, изготавливают тонкое конопляное полотно, белое шёлковое полотно, шёлковую вату. В их земле нет коров, лошадей, тигров, леопардов (барсов), баранов, сорок. Воины используют копья, щиты, деревянные луки. Деревянный лук у них имеет короткий низ и длинный верх. Бамбуковые стрелы имеют некоторые железные, некоторые костяные наконечники, что у них одинаково с Даньэр, Чжуйай.^(ееее) Климат в земле во теплый. Зимой и летом [они] едят свежие овощи.^(жжжж) Все ходят только босиком. Имеют дома. Отцы, матери, старшие и младшие братья спят и отдыхают в разных местах.⁵ Красной киноварью покрывают тело, подобно тому, как в Срединном государстве пользуются пудрой. Едят и пьют, используя

¹ Хара Кацурō отметил сходство описанных обычаев во с обычаями древнего населения острова Хайнань (*Нага Катсууро*, 1926. С. 57-58).

² Дунье – ныне город Фучжоу, провинция Фуцзянь.

³ Если Кан Масатомо, Нака Митиё и Найтō Кодзирō считают, что эта фраза перенесена из описаний Чжуйай и Даньэр, то Накаяма Тарō находит подтверждение ей в «Нихон сёки», где такая причёска названа «мидзура» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 166).

⁴ По информации М.В. Воробьёва (*Воробьев*, 1991. С. 121), были найдены глиняные фигурки ханива, одетые таким образом. Накаяма Тарō отмечает сходство описанных одеяний с женской одеждой народов Южного Китая (Фунань [ныне в Гуанси], Линьи [совр. Центральный Вьетнам], Чжуйай, Даньэр [остров Хайнань]) (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 168-170). Такого же мнения придерживается и Торигоэ Кэндзабурō (*Торигоэ Кэндзабурō*, 1993. С. 44-48).

⁵ Накаяма Тарō считает, что речь идёт о разных местах для сидения, установленных для членов семьи вокруг очага в японском жилище (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 167-168).

низенький столик “*такауки*”, едят руками. У их умерших есть внутренний гроб, но нет внешнего. Опуская его в землю, делают насыпь. Траур прекращают через десять с лишним дней после смерти. В это время не едят мяса. Распоряжающийся трауром плачет, а другие поют и танцуют, пьют вино.^{1 (3333)} После погребения [тела] всей семьей идут в воду мыться, подобно тому, как упражняются в мытье.^{2 (иини)}

Когда они направляются пересечь море и посетить Срединное государство, обычно велят одному человеку не чесать головы, не удалять вшей и клещей, носить грязную одежду, не есть мяса, не приближаться к жене, подобно носящему траур. Называют его *дзисай*.^(кккк) Если отправившихся в путь сопровождает удача, то совместно вознаграждают его рабами (*сэйкō*)^(кккк) и ценными вещами. Если будет болезнь или случится жестокий вред, то тогда убивают его, считая, что *дзисай* не был усерден.^(кккк)

Вывозят жемчуг и сапфиры.³ В их горах есть киноварь. Из деревьев имеются *нань*[му] (*Phoebe panmu*), дуб (*чжу*)⁴, дуб острейший (*Quercus acutissima*), камфора (*Cinnamotum camphora*), дуб щетинистый (*Quercus acutissima Carr.*), дуб остролистный (*Quercus acuta Thunb.*), горная шелковица (*ямагува*), ликвидамбар формозский (*Liquidambar formosana Hance.*). У них [несколько видов] бамбука – низкорослый тонкий *сяо*, тонкий бамбук *гань*, красный бамбук *таочжи*. Есть имбирь, мандариновое дерево, перечное дерево, имбирь *миога* (*Zingiber mioga Rosc.*), но неизвестно, используют ли его для создания вкуса. Водятся обезьяны, чёрные фазаны.

По их обычаям, когда решают собраться в путешествие, то, как говорят, всегда нагревают на огне кости и гадают, определяя таким образом счастье и несчастье. Сначала объявляют, о чём гадают⁵, этими

---

¹ Накаяма Гарб полагает, что речь идёт о деревянных гробах, а не о каменных. Слова о плач он соединяет с упоминанием плакальщиц (*накимэ*) и плачем в «Кодзики» (*Саэки Арикиэ*, 1971. С. 168). Археологические данные показывают нам, что в период *яэй* в одних и тех же захоронения встречаются как каменные, так и деревянные гробы, а также керамические урны (см., например: *Дои Кадзуюки, Нагата Сукэхиса*, 1996. № 54. С. 87-88).

² Ритуальное омовение, необходимое после соприкосновения со смертью, описывается в «Кодзики», где бог Идзанаги совершает ритуальное омовение после путешествия в страну смерти (Кодзики, 1982, св. 1, гл. 9).

³ Букв. «голубую яшму» (*цинъ юй*).

⁴ Или японский каштан (*Aesculus turbinata Blume*).

⁵ В отличие от, например, иньцев, которые писали на костях или панцирях черепахи то,

словами как бы приказывая черепаховому панцирю, затем смотрят на трещины, образованные огнём, и определяют [получившиеся] признаки.⁽⁶⁶⁾

Они собираются и сидят вместе: отцы и дети, мужчины и женщины, без различия.^(лллл) В их обычае склонность к вину.¹ Увидев высшего², в знак уважения только ударяют по руке, что соответствует коленопреклонению [в Китае].^{3 (мммм)} У них много долголетних, некоторым сто лет, некоторым восемьдесят-девять.^{4 (нннн)} По их обычаям высшие имеют все по четыре-пять жён, а низшие – некоторые по две-три.^(оооо) Жёны не развратны и не ревнивы.^(пппп) Нет воровства, ссоры редки. Нарушивших закон, если их преступление лёгкое, лишают жены и детей, если преступление их тяжёлое, то истребляют их семью и весь род.^(рррр) Почтенные и низкие, все имеют различные ранги. Одни из них полностью подчиняют других.^(сссс) Собираются налоги и подати.^(тттт) Есть продовольственные склады.^{5 (уууу)}

В [их] государствах есть рынки. Ведётся на них торговля или нет, их контролирует посол Великого Во (яп. Дайва).^{6 (фффф)} К северу от государства женщины-правительницы специально поставлен один Великий предводитель (кит. *и-да-шуйи*), наблюдающий за всеми государствами.^{7 (хххх)} Все государства боятся его. Обычно находится (управляет из) владения Ито. В государстве есть [чиновники] подобные

о чем они собирались гадать.

¹ Далее идет комментарий Пэй Сунджи: «В “Вэй люэ” говорится: “Согласно их обычаям не знают правильного года и его четырех времен. Ведут записи лет только по весенней пахоте и осенней жатве”».

² Букв. «да жэнь». Хасимото Масукити, вслед за Сиратори Куракити предлагал считать «да жэнь» названием должности (*Хасимото Масукити*, 1956. С. 43).

³ Эта фраза хорошо показывает социальное расслоение у *во*.

⁴ Или «долголетних, считающих свой век некоторыми 100 годами, некоторые 80-90 годами».

⁵ Это подтверждается археологическими данными. Во многих селениях были найдены зернохранилища, позже получившие название «кура», «мякэ» (*Банно Кёити*, 1995. С. 81; *Симидзу Синъити*, 1995. № 51. С. 77; *Сиратори Куракити*, 1969 д. С. 60).

⁶ Таким образом, союз, возглавлявшийся Химико, выходил за рамки простого сотрудничества и имел общую фискальную систему.

⁷ Возможно прочтение: «велят её контролировать Великому Во». Великое Во, имеется в виду главное владение *во*, государство Яматай. Фразу, что торговлю «контролирует посол Великого Во» Хасимото Масукити предлагал читать: «велел контролировать Великому Во (Да Во)», где «Да Во», по его мнению, то же, что и «Воский да жэнь» (*Хасимото Масукити*, 1956. С. 43). Эта фраза хорошо показывает сложную социальную структуру у *во*.

цъши (ревизору в Китае)].¹ (шши) Правитель посылает послов в столицу², округ Дайфан и в государства Хан. Из округа также посылают послов в государства во, все [послы], приближаясь к гавани, подвергаются досмотру, проверяют письма^(чччч) и дары для женщины-правительницы, не фальшивые ли они.³ Простые люди, встречаясь в дороге с высшим, топчутся в нерешительности, входя в заросли. Передавая [чи-то] слова или говоря о [каком-то] деле, некоторые сидят на корточках, некоторые преклоняют колени. Двумя руками они держатся за землю, выказывая этим глубокое уважение. Отвечая, громко восклицают: “и!”⁴, что приблизительно обозначает согласие. (шшшшш)

В их государстве первоначально, так же, [как и в других], правителем был мужчина. Он прожил 70-80 лет.^(шшшшш) [Затем] в государстве Во случился мятеж, в течение ряда лет ходили друг на друга походами. Затем совместно поставили правителем одну женщину.^(быбы) Её звали Химико⁵, [она] занималась магией и могла дурачить народ; была не молода, но не имела мужа⁶ (эээ), [однако рядом с ней] был мужчина – младший брат, который помогал ей управлять государством. С того времени, как она стала правителем, мало было видевших

¹ В государстве Ито или во всех *воских* государствах – неясно. Андо Мамадзанэ считал, что *цъши* был в Ито, а не в каждом государстве (*Сазки Арикиё*, 1971. С. 195). Текстуально такую трактовку принять сложно. Видимо, её начало идет от Бан Нобутомо, утверждавшего, что *цъши* – это правитель Ито (*Сазки Арикиё*, 1971. С. 51).

² Из текста не ясно, имеется ли в виду столица Во или же столица Вэй.

³ По всей видимости, государство Ито имело особое положение в союзе Яматой. Только там отмечается наличие наследственного правителя, также именно там находилась предводительница двора Яматой, контролировавший торговлю. Такое положение должно было быть связано с происходившим в основном через север Кюсю торговым обменом с Китаем и Кореей.

⁴ По-японски произносится как «и, е, ай». Может быть, это соответствует современному японскому «хай» или корейскому «э». Однако поскольку мы не знаем точного произношения III в. н.э., то реконструкция здесь невозможна.

⁵ Сиратори Куракити даёт чтение «Химэко» (*Сазки Арикиё*, 1971. С. 110). В японской историографии делались попытки отождествлять Химико с Ямато-химэ-но микото (Мацусита Канрин, Найгō Кодзирō) – младшей сестрой императора Кэйкō (град. 70-130), дочерью императора Суйнин (град. 29 г. до н.э. – 70 г.н.э.), основавшей по приказу последнего святилище в Исэ, где она служила богине Аматэрасу; с самой богиней Аматэрасу (Кавано Кёсукэ), Ямато-тотохи-момосо-химэ-но микото (Харада Дайроку, Касаи Синъя), императрицей Дзингū (Конакамура Ёсикага). Татибана Рёхэй, считал, что сведения о смерти Химико и сооружении ее кургана, вокруг которого были захоронены свыше ста слуг и служанок, являются отражением истории Ямато-хико-но микото, младшего брата императора Суйнин (град. 29 г. до н.э. – 70 г.н.э.), после смерти которого император запретил, как жестокий, обычай захоронения слуг стоя вокруг кургана, заменив людей керамическими фигурками ханива (*Сазки Арикиё*, 1971. С. 65-66, 68, 110, 121-122, 178, 283).

⁶ Эту фразу Сиратори Куракити связывает с записанной в «Кодзики» легендой об Аматэрасу *ō-ми-ками*, а мятеж – с её борьбой с Суса-но-во *ō-ми-ками* (*Сиратори Куракити*, 1969а).

её.^(юююю) Её обслуживали тысячи прислужниц^(яяяя), [но] только один мужчина приносил ей питье и еду, передавал её слова, входил и выходил [к ней и от неё].^(ааааа) Во дворце, где она жила, с башнями и павильонами, были установлены внушительные стены и ограды. Постоянно [там] несут стражу вооруженные люди.^{1 (ббббб)} Через тысячу *ли* за морем есть ещё государство, тоже *воское*.^{2 (ввввв)} На юге от него есть ещё государство Чжужу.³ Люди там ростом 3-4 *чи*, расстояние от [государства] женщины-правительницы свыше 4000 *ли*.^{4 (ггггг)} Дальше на юго-восток есть страны Нагих и Чернозубых. Если проплыть по морю один год, то можно достичь их.

По расспросам посещавших страну Во, [она] заканчивается на гористых островах в море, одни [из которых] отделены [друг от друга], другие соединены [друг с другом].⁵ В окружности [её территория] составляет, возможно, свыше 5000 *ли*.⁶

---

¹ Как справедливо отметил Саэки Арикиё, столь строгая система табу по отношению к правителю была характерна для этапа «примитивного государства» (яп. *гэнси кокка*) – Зимбабве, Мономотама, Лоанго (*Саэки Арикиё*, 1977. С. 47-50). Сюда же можно добавить и некоторые океанийские общества Фиджи, Таити (конец XVII – начало XIX вв.). Система могла сохраняться и в развитых обществах, где правитель имел функцию первосвященника или объекта религиозного поклонения (Египет, хетты, Япония в эпохи Мэйдзи – 20-й год *Сёва* (1868-1945).

² Ряд учёных-сторонников «теории Кюсю» – считают, что здесь идёт речь об острове Хонсю. Сторонники «теории Кинай» – о «Куна» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 23, 101; *Араи Хакусэки*, 1983. С. 153; *Мотоори Норинага*, 1918; *Кобаяси Юкио*, 1978). Ясумото Битэн предлагает сразу три возможных варианта: если море – это море Ариака (зал. Симабара), то земля за морем – Симабара и Тивата (преф. Нагасаки), если считать, что море – это пролив Каммон, то землей может быть Хонсю или другой остров (*Ясумото Битэн*, 1982. С. 111). В любом случае китайцы, не зная точной географии имеющихся сложную береговую линию Японских островов, могли посчитать за море любой залив или пролив.

³ Возможен смысловой перевод – «карлики». По мнению Ики Итирō, это Окинава. Однако, если речь идёт об окинавцах, то рост их здесь сильно уменьшен (72-96 см). Таково же, как у Ики, было мнение Н.Я. Бичурина (см. выше аналогичный текст в «Хоу Хань шу»). По нашему мнению, возможно, здесь речь идёт о другой территории или о мифическом народе.

⁴ Ок. 400 *км*.

⁵ Эта фраза, по мнению Ямада Такао, доказывает, что зависимые от Яматай государства располагались не на одном острове (т.е. Кюсю), но также и на других островах архипелага (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 131). Однако здесь речь идёт обо всей стране Во, а не только о территории союза Яматай.

⁶ Ок. 500 *км*, что примерно соответствует расстоянию от Цусимы до района Кинай и значительно превышает протяженность острова Кюсю с севера на юг.

В 6-м месяце 2-го года эры *Цзин-чу* (238 г.)¹ (дддд), женщина-правительница Во послала [своего] *дафу*² Нансэмэй (кит. Наньшэн-ми)³ и других посетить округ (Дайфан), чтобы просить об аудиенции для подношений Сыну Неба. *Тайшоу* (правитель округа) Лю Ся послал чиновника, чтобы сопровождать их в столицу.⁴

В 12-м месяце того же года был объявлен высочайший указ женщине–правителю Во, гласивший:

«Императорский указ дружественному Вэй правителю Во – Химико.

Правитель округа Дайфан – Лю Ся прислал посла, сопровождающего твоего *дафу* Нансэмэй и второго посла Тосигюри (кит. Душинюли).⁵ Они вручили преподнесённых тобой четырёх рабов-мужчин, шесть рабынь^(ссссс), разной материи⁶ два куска длиной в два *чжана*.⁷ Ты находишься очень далеко, но прислала послов и преподнесла дань. В этом [прояви-

---

¹ В тексте «Вэй чжи», приводимом в «Гай-пин юйлань» – 3-й год эры *Цзин-чу* (*Ли Фан* и др. 1960. С. 3464), т.е. 239 г. н.э.

² «*Дафу*» – в Китае ранг аристократии, здесь очевиден перенос китайского термина на реалии другой страны, в какой степени он адекватен положению Нансэмэй – не ясно. Тем не менее, очевидно его высокое положение при дворе Химико.

³ Окада Хидэхиро предлагает читать его имя как «Нансэбэй» (*Окада Хидэхиро*, 1994. С. 68), Ики Итиро и Саэки Арикиё – «Нансэмэй» (*Ики Итирō*, 1992. С. 60; *Саэки Арикиё*, 1971. С. 61). По мнению Татибана Рёхэй, Нансэмэй – это Тадзима-мори, посланный императором Суйнином (град. 29 г. до н.э. – 70 г. н.э.) в страну вечной молодости Токоё, согласно «Кодзики» находящуюся далеко за морем (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 65-66). [Как удалось установить по материалам «Синсэн-сёдзироку», страной Токоё-но *куни* японцы называли государство Янь династии Гунсунь (189-238 гг.) на полуострове Ляодун в южной Маньчжурии (подробнее см.: *Суровень Д.А.* Государство Янь династии Гунсунь в южной Маньчжурии и его внешнеполитические связи с Японией в первой половине III века // Китай: история и современность. Материалы VI международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20-21 ноября 2012 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 146-154). Как выяснили исследователи, правление государя Суйнина, исходя из реконструированной хронологии, должно приходиться на 30-е годы IV века (подробнее см.: *Суровень Д.А.* Проблемы царствования в Ямато правителя *Икумэ* (Суйнина) // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 1998. – С. 193-217). – *Прим. ред.*]

⁴ Несмотря на влияние усцев, Химико идёт на политический союз с Вэй. Это подтверждается использованием вэйского летосчисления в надписях на бронзовых зеркалах.

⁵ Саэки Арикиё предлагает читать «*Дусигюри*» (*Саэки Арикиё*, 1977. С. 61).

⁶ У Накаяма Кюсирō – «плестрой материи» (*Накаяма Кюсирō*, 1934. С. 8).

⁷ 4 м 80 см. Иноуэ Хидэо считает, что столь незначительные подарки свидетельствуют о слабости государства *во*, в отличие от Суйсё, приславшего посольство в 106 г. н.э. со 160 рабами в подарок (*Иноуэ Хидэо*, 1982. Т. 27. № 5. С. 129-133). Однако, по-видимому, дело здесь вовсе не в слабости или силе Яматай, а в его меньшей заинтересованности в Вэй.

лись] твои преданность и почтительность. Я очень растроган.

Ныне, поскольку ты являешься дружественным Вэй ваном Во¹, жалую тебе золотую печать с фиолетовой кистью. Упакованную и запечатанную передам её правителю округа Дайфан для вручения тебе. Умиротвори твоих соплеменников, будь старательной в дочерней почтительности и верности. Послы, которых ты прислала, Нансёмэй и Гюри, прошли долгий путь и усердно потрудились. Ныне назначаю Нансёмэя *шуайшань-чжунланцзяном*² (жжжжжж), а Гюри – *шуайшань-сяовэем*³ (33333) и вручаю им по серебряной печати с голубыми кистями. Они потрудились, добываясь аудиенции, [и поэтому ныне] награждаю их и отправляю обратно.

Ныне посылаю красную шелковую ткань (*цзян-ди*)⁴, 5 кусков парчи с изображением перекрещивающихся драконов, 10 креповых зернистых ковров, 50 кусков светло-красных, 50 сине-зеленых. Этим я возмещаю тебе стоимость преподнесённых даров. Особо преподношу тебе 3 куска синей шелковой парчи со значками и надписями, 50 кусков белого тонкого шелка, 8 *лянов* золота⁵, 2 меча длиной в 5 *чи*⁶, 100 бронзовых зеркал⁷

¹ Согласно исследованиям Курихара Томонобу, титул «дружественный ван» являлся высшим рангом, присуждавшимся «внешним вассалам» (*вай чэнь* – [внешним подданным. – Прим. ред.]). Такого же ранга династия Вэй удостоила только правителя Кушанского царства (*Курихара Томонобу*, 1964. Т. 73. № 12. С. 2).

² Видимо, придворная и одновременно военная должность, так как включает в себя звание «чжунланцзян» – «начальник охраны дворца», отдельно «чжун лан» также значит «камергер среднего ранга» (Цы хай, 1989. С. 449). «*Шуайшань*», видимо, подчёркивает почётность данных титулов.

³ «*Сяовэй*» («*цзяовэй*») – военная должность, следующая по рангу за полководцем, нередко присваивалась вождям соседних народов (Цы хай, 1989. С. 1301). Подробно изучавший этот вопрос Курихара Томонобу подчеркивает, что и *шуайшань-сяовэй*, и, особенно, *шуайшань-чжунланцзян* занимали высокое место в иерархии вэйских чиновничьих рангов (*Курихара Томонобу*, 1964. Т. 73. С. 2-8). Об этом же свидетельствует и вручение им серебряных (!) печатей.

⁴ Комментарий Пэй Сунчжи: «Я, Сунчжи [говорю] “*ди*” (“земля”), должно писать как “*ди*” (“шёлковая ткань”). Ханьский Вэнь-ди (179-156 гг. до н.э.), надевая чёрное платье, называл его “*и ди*” (“чёрная шелковая ткань”). Это оно и есть, а этот иероглиф – не существенен. Если это не ошибка эпохи Вэй, то оплошность переписчиков».

⁵ 125 г.

⁶ 120 см.

⁷ Первоначально, Томиока Кэндзё, а вслед за ним и Умэхара Суэдзи считали, что зеркала, присланные в подарок Химико, относились к типу, характеризующемуся треугольной кромкой и изображениями небожителей и животных, так как в некоторых из них имелась дата «3-й год *Цзин-чу*» (*Сазки Арикиё*, 1971. С. 144 сл.). Однако позднейшие исследования показали, что зеркала этого типа следует считать предметами японского производства. Сазки Арикиё предположил, что эти зеркала могли относиться к типу с поясом рисуночного орнамента и изображениями четырёх животных, одно из которых, раскопанное в кургане Коганэдзука (преф. Осака), содержит такую же дату (*Сазки Ари-*

(инини), по 50 *цзиней*¹ жемчуга и свинцовых пилюль.²

Все это, упаковав и запечатав, передаем Нансѐмэю и Г̄юри, чтобы по возвращении они передали тебе, вместе с копией [списка]. Всё это можешь показать своим соплеменникам, чтобы дать им знать, что [наша] страна сочувствует тебе, поэтому торжественно дарует тебе хорошие [ценные] вещи».

В начальный год *Чжэн-ши* (240 г.) правитель округа (Дайфан) Гун Цзунь послал *цзяньчжун-сяовэя*³ (ккккк) Ти Цзюня и других, вручив ему печать с кисточками и письмо в страну Во, чтобы передать их *воскому вану*, а также преподнести ему в подарок золото, ткани, парчовые ковры, мечи, зеркала и цветные предметы, [указывающие ранг властителя]. Японская правительница отправила [посольство] поднести доклад (инини) и в ответ благодарить за высочайшую милость (пожалование).

В 4-й год той же эры (243 г.) правительница Во снова отправила послами [своих] *дафу* Исэйки (кит. Ишэнци), Экияку (кит. Еегоу) и других восемь человек преподнести рабов^(еееее), восковую парчу, красные и голубые тонкие шелковые ткани, одежду на (шёлковой) вате, шёлковое полотно, красное дерево⁴, имбирь⁵, короткий лук со стрелами. Экияку и другие пожалованы званиями *шуайшань-чжунлан-цзяна* (жжжжж) и печатями с кисточками.

В 6-й год той же эры (245 г.) было поведено наградить *воского* Нансѐмэя желтым стягом и передать [его] в округ (Дайфан) для вручения.

киѐ, 1971. С. 63). Возможно, что одним из этих зеркал было и зеркало типа TLV, раскопанное в 1994 г. из кургана в преф. Киото и содержащее дату «3-й год эры *Цинлун*», т.е. 235 г. н.э., на несколько лет раньше посольства (Сэйдбкѐ-ни Ги-но нэнгѐ, 1994. С. 1). По нашему мнению, теоретически зеркала могли относиться как к одному, так и к разным типам, а их датировка не обязательно должна связываться с посольством, однако следует обратить внимание на то, что зеркала с этими датами группируются в основном вокруг района Кинай, который в этот период становится центром захоронения зеркал, что может быть важным свидетельством в пользу локализации государства Яматай в районе Кинай на Хонсю. Подробно о зеркалах, их типах и надписях на них см. в нашей книге: *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в.н.э. – М.: Институт практического востоковедения, 2003. – С. 71-83, 155-161, 219-229.

¹ 12,5 кг.

² По Хасимото Масукити – «свинца и киновари» (*Хасимото Масукити*, 1994. С. 10).

³ То есть военного чиновника.

⁴ У Накаяма Кюхирѐ – «красную воду»; у Хасимото Масукити – «киноварь, дерево» (*Фань Е*, 1870. С. 8; *Хасимото Масукити*, 1994. С. 11).

⁵ Наиболее вероятный вариант перевода знака «фу» (Канси цзыдянь, 1990. С. 781).

В 8-й год той же эры (247 г.) правитель округа Ван Ци прибыл к исполнению должности. Женщина–правительница Во – Химико и мужчина–правитель государства Куна (кит. Гоуну-го) ^(ллллл) – Химикōоко (кит. Бэймигунху) ^(ммммм) с самого начала были не в мире. ^(ннннн) Во послала Сайси (кит. Цзайсы) ^(ооооо), Уэцу (кит. Уюэ) ^(ппппп) и других прибыть в округ и договориться о совместном нападении [на Куна]. ^(ррррр) [Поэтому] были посланы *сайцао-юаньши* ^(ссссс) Чжан Чжэн и другие вместе с письмом и жёлтым стягом ^(ттттт), чтобы наградить Нансёмэя (кит. Наньшэнми) и передать приказ, сообщающий “о понимании” [то есть о согласии на совместное нападение].

Когда Химико умерла ^(ууууу), то совместно насыпали большой курган, сто шагов в поперечнике ^(ффффф), вокруг захоронили свыше ста рабов и служанок. ^(ххххх) Снова возвели на престол мужчину–правителя. В государстве не подчинились [ему], снова казнили и убивали друг друга. В это время убили свыше 1000 человек. ^(шшшшш) Опять возвели на престол женщину из рода Химико ^(ччччч) – Иё (кит. Июй) ^(ччччч), тринадцати лет, и тогда в государстве утвердилось спокойствие. [Чжан] Чжэн и

¹ Кан Масатомо считает, что правильно читать «Хикомико», а Ёсида Тōго – «Хикико-со» (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 110). По мнению Сиратори Куракити «Химикōоко» означает «Хико микото» («Правитель-мужчина») в противоположность «Химэ микото» («Правительница-женщина») (*Сиратори Куракити*, 1969а. С. 178-182).

² Саэки Арикиё считает «*Сайсиуэцу*» одним лицом (*Саэки Арикиё*, 1977. С. 76).

³ Юаньши – чиновник, подчинённый одному из крупных чиновников государства, в данном случае правителю округа (Цы хай, 1989. С. 107).

⁴ Желтый стяг, согласно исследованию Курихара Томонобу, в Китае того времени являлся военным штандартом. Обычно такие стяги давались полководцам и вассалам внутри Китая (*Курихара Томонобу*, 1964. С. 18). Немаловажно, что здесь мы имеем дело с единственным зафиксированным источниками случаем вручения такого стяга «внешнему вассалу», каковым считалось Яматай (*Курихара Томонобу*, 1964. С. 23).

⁵ По мнению Саэки Арикиё, Химико была убита в ритуальных целях в начале войны с Куна. Подобное ритуальное убийство правителя в не благоприятных обстоятельствах существовало в Камбодже, на Ниуэ, а согласно «Вэй чжи», и в корейском государстве Пуё (*Саэки Арикиё*, 1977. С. 50-52), что делает предположение Саэки не лишённым основания.

⁶ Существует несколько попыток отождествить могилу Химико с различными курганами Японии. Так, Цурумизэ Сигэнобу (1788-1859) считал, что это курган Э-но *мисасаги* в преф. Кагосима, традиционно считавшийся могилой Ниниги-но *микото*, Суэмацу Ясукадзу – курганом Хасихака (преф. Нара) и т.д. (*Саэки Арикиё*, 1971. С. 42-43, 229- 230).

⁷ У Н.В. Кюнера – «побочная дочь Химико» (такой вариант тоже возможен) (*Кюнер*, 1961. С. 230).

⁸ Или Тайё (кит. Тайюй).

другие передали приказ, сообщающий “о понимании” Иё.^(шшшшшш) Иё послала воского дафу *шуйшань-чжунланцзына*^(жжжжжж) Экияку и других двадцать человек сопровождать Чжэна и других в обратный путь ^(шшшшшш), и вследствие этого преподнесла [вэйскому] трону в качестве подношений 30 рабов и рабынь^(быбыбы), 5000 белых жемчужин¹, 2 больших крючкообразных голубых жемчужины², 20 кусков разной парчи с отличающимся рисунком».³ ^(эээээ)

¹ В тексте «Вэй чжи», приводимом в сунском ксилографе «Тай-пин юйлань» – «50 настоящих белых жемчужин» (*Хасимото Масукити*, 1956. С. 16).

² Очевидно, что имеется ввиду *масатама*, каплевидной или крючковидной формы бусина, важная часть ритуального ожерелья, часто находимого в археологических раскопках. По «Кодзики» – одна из трёх священных регалий, переданных богиней Ама-тэрасу *ō-миками* предкам императорского дома (Кодзики, 1982, св. 1, гл. 30).

³ Перевод осуществлен при сверке текстов следующих изданий: *Накаяма Кёсирё*, 1934. С. 4-11; *Чэнь Шоу*, 1870, цз. 30. С. 236-286; *Хасимото Масукити*, 1956. С. 8-11; *Ики Итирё*, 1992. С. 54-67, 127-130; *Кюнёр*, 1961. С. 243-250.

i [Перевод 木綿 как «хлопковое дерево» (*Bombax ceiba*; растет в ЮВА) неточен, т.к. в Японии это дерево не росло, но китайцы его культивировали. Возможно, они приняли за него то, что в Японии широко использовалось в ритуалах и называлось «юну / юфу / ю» (木綿; 綿 = 繭). Тогда 木綿招頭 следует перевести как «Повязывают голову (белыми) полосами материи из луба бумажной шелковицы». С другой стороны, в святилище Исэ до сих пор используется *юкадзура* 木綿鬘 – головная повязка из волокон конопли. – *Прим. ред.*].

ii [Захоронение Химико не найдено, поэтому археологически подтвердить сведения источника невозможно. Химико умерла на рубеже эпох Яёй и Кофун (ок. 248 г.); в «Вэйчжи» её захоронение обозначено знаком «冢» (кит. *чжун*, яп. *цука*), который и в китайском, и в японском языке значит «могила, могильный холм, курган». В этом же источнике о погребении рядовых членов общества Ва указывается: «作冢», т.е. «делают насыпь», что согласуется с археологическими данными о том, что людей Яёй хоронили в небольших круглых и квадратных могильных насыпях со рвом (周溝墓) (Ран. Яёй – Ран. Кофун) и в больших элитных могильных насыпях *функёбо* 墳丘墓 (Позд. Яёй) (об этом и о др. вопросах см. статью Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике). Итак, могилу Химико можно рассматривать и как могильную насыпь со рвом Яёй (на С. Кюсю или в Кинай), и как насыпь *функёбо*, и как захоронение курганного типа переходной фазы от Яёй к Кофун (т.н. «курган типа Макимуку» на равнине Нара), и как настоящий курган Ран. Кофун (с сер. III в. н.э.). При этом, первым настоящим курганом считается Хасихака кофун (ок. 240-260 гг. н.э.; Нара), который приписывается Химико.

О размерах «步» (кит. “бу”) – не просто «шаг», а мера длины в древнем Китае; в эпоху Хань она составляла 1,38 м при Вэй – 1,44 м, т.е. размеры могилы Химико могли составлять ок. 138-144 м – если цифру 100 воспринимать буквально. В тексте «Вэйчжи» постоянно используются круглые цифры: «более 100 шагов в поперечнике (диаметре)», «более 100» человек погребли, у Химико было 1000 прислужниц, после её смерти в смуте убили «убили свыше 1000 человек» – похоже, что все эти «круглые» цифры условность: 100 – это «много», а 1000 – «очень много». – *Прим. ред.*].

iii [Обычай сопогребения (殉葬) – в отличие от жертвенных захоронений лошадей (континентальное влияние) – достоверно археологически не подтверждается для Японии. За признаки такого обряда, возможно, принимали «впускные захоронения», т.е. более поздние подзахоронения родственников или приближённых лиц правителя, которые умерли своей смертью, в том же кургане, во рву или в передней «квадратной» части кургана, а также их курганы поблизости от кургана правителя. Однако, на возможность такого обряда в Японии указывают захоронения Яёй и Кофун без погребального инвентаря, а также наличие такого обряда (殉葬 кор. *сунджан*) в Юж. Корее (Кая, Силла) в первых веках н.э. См. прим. 14 на с. 407-408. – *Прим. ред.*].

Комментарий к переводам китайских династийных историй

(Д.А. Суровень)

«Хань-шу»

- а. 倭 кит. *wō* – суц. 1) лилипут, карлик; 2) устар. японец, японцы; японский; кит. *wǎi* – прил. 1) изогнутый, извилистый; 2) безобразный, уродливый, некрасивый.¹
- б. Как можно судить по материалам китайских и корейских историков, самые ранние гражданские общины (яп. *кунь*, кит. *гó*) у *вожэнь* (так в Китае называли японцев) возникли на рубеже нашей эры на острове Кюсю² в процессе объединения (*синойкизма*) прежних первобытных соседских общин (*мурà*)³ в *территориальные* общины (яп. *самò*, т.е. простые *вождества*), а их – в сложные *вождества* (*кунь*), в связи с развитием классовой и сословной (т.е. социальной) дифференциации, в результате чего органы управления общин стали выполнять и политические функции, что превратило их в *общины–государства*.⁴ Впервые эти общи-

¹ Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. IV. – С. 1041 (далее: БКРС).

² Подробнее о процессе генезиса государственности в юго-западной Японии см.: Суровень Д.А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н.э. – III век н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.-Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1995. – Вып. 2. – С. 150-175; Суровень Д.А. Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н.э. и их международные отношения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 23 (314). – Политические науки. Востоковедение. – Вып. 14. – С. 78-97; Суровень Д.А. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – Вып. 6-й. – С. 110-268.

³ 村・邑・里 яп. *мура* – досл. “деревня, селение”. – См.: *Vargö Lars*. Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. – Stockholm: Stockholm University, 1982. – P. IV; Ямао Юкихиса 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1983. – С. 131; Уэда Масааки 上田 正明, Мори Кюити 森 浩一, Ямада Мунэмуцу 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Тикума сёбо 筑摩書房, 1980. – С. 84, 98; Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. – М.: Высшая школа, 1988. – С. 15; Japan: its land, people and culture. – Tokyo: Printing Bureau, Ministry of Finance, 1958. – P. 16; Ishii Ryosuke. A history of political institutions in Japan. – Tokyo: University of Tokyo Press, 1980. – P. 4; Сиодзава Кимидо 塩沢 君夫. Кодай сэнсэй-кокка-но кодзё 古代専制国家の構造. – Токио 東京: Отя-но мидзу сёбо 御茶の水書房, 1958. – С. 77.

⁴ В связи с этим исследователи иногда называют гражданские общины этого периода в Японии “*протогосударственными* (от *прото-* “ранне-”, т.е. раннегосударственными – С.Д.) образованиями”. – Деоник Д.В., Крюков М.В. Древнеяпонские го-

ны появились на международной арене Восточной Азии в 50 г. до н.э.: «Люди Вэ (японцы – С.Д.) двинули войска, чтобы напасть на окраинные земли (общины–государства Сонаболь, ядра будущего *территориального* государства Силла в юго-восточной Корее – С.Д.), но, услышав о священных добродетелях Основателя (династии Силла – правителя Сонаболь по имени Пак Хёккосо – С.Д.) ушли обратно»¹ [Самкук-саги, кн. 1-я, летописи Силла, Пак Хёккосо, 8-й год пр. (50 г. до н.э.)].

В конце династии Ранняя Хань – начале династии Поздняя Хань на территории Японии сформировалось свыше ста *политий* (кит. *гó*, яп. *кунй*). «Посреди моря [за] Лэланом есть [народ] *вожэнь*, [который] делится (кит. *фэньвэй*) более чем на сто владений (кит. *гó*). Ежегодно (кит. *сүй-ши* – букв. “в подходящее [или: назначенное] время года”)² прибывают [в Лэлан / Лолан], принося дань и получая аудиенцию»³ [Хань-шу; цз. 28, л. 22]. Сход-

---

сударства // История древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 397.

¹ *Ким Бусик*. Самкук саги. – М.: Изд. вост. лит., 1959. – Т. I. – С. 72.

² 歲時 кит. *сүй-ши* – букв. “в подходящее время года” (т.е. в течение года); 1) времена года; 2) год и сезон (время года). – БКРС. Т. IV. С. 252; где 時 кит. *ши* – ... 2) время года, сезон; 4) подходящее (нужное) время; удобный случай, подходящий момент; 5) время; течение времени... 7) назначенное время, положенный срок... – БКРС. Т. III. С. 40.

³ 「樂浪海中有倭人、分爲百餘國、以歲時來獻見云。」– Хань-шу 漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1962. – Т. VI. – С. 1658; Хань-шу 漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа-шуцзюй 中華書局, 1999. – Т. II. – С. 1322; Хань-шу 漢書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 750; Нихон дзэнси 日本全史. – Токио 東京: Тōкё-дайгаку сюпанкай 東京大学出版会, 1958. – Т. I. – С. 294; *Сано Ямато* 佐野 大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. – Токио 東京: Сёхō сётэн 小峰書店, 1959. – С. 16, 106, 134; Дай-канва дзитэн 大漢和辭典. – Токио 東京: Тайсюкан сётэн 大修館書店, 1925. – Т. I. – С. 848; *Такигава Сэйдзирō* 瀧川 清次郎. Нихон-сякай-си 日本社会史. – Токио 東京: Сōгэнся 創元社, 1956. – С. 10; *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 56; *Миура Ёнин* 三浦 洋人. Хадака нихон-си はだか日本史. – Токио 東京: Сайкō синся 彩光新社, 1958. – С. 130; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō. С. 81; *Мори Киёто* 森 清人. Нихон синси 日本新史. – Токио 東京: Кинсэйся 錦正社, 1962. – С. 114, 90; *Мацумото Сэйтё* 松本 清張. Сэйтё-цүси 清張通史. – Токио 東京: Кōданся 講談社, 1977. – Т. II. – С. 10; *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. – М.: Прогресс, 1972. – С. 30; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии // Избранные труды: история. – М.: Наука, 1974. – С. 12; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. – М.: Наука, 1980. – С. 79; *Воробьев М.В.* Древняя Япония. – М.: Изд. вост. лит., 1959. – С. 70; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1989. – С. 213; *Деопик Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 397; Japan: its land... P. 18; *Yoshido Harada*. China and Japan: ancient cultural relations // China Reconstructs. – Peiping, 1957. – Vol. 6. – № 8. – P. 5-6.

ная информация дана в «Тун-дянь»: «Во... находится от Дайфана на юго-восток посреди великого моря, по гористым островам обитают, всего свыше ста владений (кит. *гó*)»¹ [Тун-дянь, Бянь-фан – *дуньи*, 1-й раздел, Боцзи – Синьло – Во-го]; «всего ... около ста владений (кит. *гó*)»² [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)³; Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, *дуньи*, Во]. То же самое повторено в «Тайпин-юй-лань»⁴ [Тайпин-юй-лань, св. 780-й, *сы-и-бу*, ч. III, дуньи, ч. 3-я]. В «Вэй-чжи» также сказано: «*Вожэнь* (японцы)... по гористым островам образуют уделы (кит. *гó-й*; яп. *коку-йō*). В древности [было] свыше ста государств (кит. *гó*, яп. *куни*). Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися ко двору на аудиенции...»⁵ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 23 б, 6]. Термин источника *гó-й* (яп. *коку-йō*), переведенный как “удел”, с самого начала прилагался китайцами к территориям, где правили местные династии.⁶ В «Тайпин-юй-лань» в этой же фразе из «Вэй-чжи» использован термин “*сяо-гó*”⁷ (яп. *сё-коку* – досл. “м а л ы е г о с у д а р с т в а”), что как раз и указывает на то, что речь шла об *общинах–государствах*.⁸ «В “Вэй-чжи” говорится: Страна *Во* (кит. *Во-гó*, т.е. Япония)... по гористым островам образовывали в древности государства – свыше ста м а л ы х г о с у д а р с т в (кит. *сяо-гó*). Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися ко двору на аудиенции...»⁹; и далее говорится о 21-м “*сяо-гó*” (“маленьком госу-

¹ 「倭... 在帶方東南大海中、依山島爲居、凡百餘國。」– Тун-дянь 通典. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1988. – С. 4993.

² 「凡分爲百餘國。」– Хоу-хань-шу 後漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2000. – С. 822; Хоу-хань-шу 後漢書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзидянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. III. – С. 1706.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. – С. 34.

⁴ 「後漢書曰: 倭... 凡分爲百餘國。」– Тайпин-юй-лань 太平御覽. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1995. – Т. IV. – С. 3464а.

⁵ 「倭人... 依山島爲國邑。舊百餘國、漢時有朝見者...」– Саньго-чжи 三國志 (из серии “Эр ши сы ши” 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1971. Т. III. – С. 854; Саньго-чжи 三國志 (из серии “Эр ши сы ши” 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1999. – С. 633; Саньго-чжи 三國志 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзидянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 544. Ср.: Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд. вост. лит., 1961. – С. 243.

⁶ См.: Воробьев М. В. Япония в III-VII веках. С. 89-90.

⁷ 小國 кит. *сяо-гó* – досл. “маленькое государство”.

⁸ Иногда не совсем точно называемых “городами–государствами”.

⁹ 「倭國... 依山島爲舊國、百餘小國、漢時有朝見者...」– Тайпин-юй-лань. Т. IV. С. 3464 а.

дарстве”) на севере и востоке Кюсю¹: «...“малых государств” (кит. *сяо-гэ*) имеется 21 [община]...»² [Тайпин-юй-лань, св. 780-й, *сы-и-бу*, ч. III, *дунъи*, ч. 3-я; фрагмент «Вэй-чжи»]. О “малых государствах” (кит. *сяо-гэ*) говорится и в «Цзинь-шу»: «В древности имели свыше ста малых государств»³ [Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дунъи*, *вожэнь*; Цзинь-шу, гл. 97, *Во-жэнь*].

Приём посла происходил «при дворе», т.е. в Лояне⁵ – в ханьское время был выработан специальный ритуал приёма послов, который ставил целью подчеркнуть подчинённое положение правителя, пославшего посольство, по отношению к ханьскому императору. При дворе придавали большое значение тщательному исполнению установленных правил, процедуры приёма послов и подношения ими даров.⁶ Каждое прибытие иноземного посольства китайские власти представляли как депутацию данников, пришедших на поклонение единственному повелителю Поднебесной (это были общие принципы установления внешних связей, выработанные китайцами ещё в древности).⁷ Поэтому привозимые послами подарки китайцы назы-

---

¹ Арутюнов С.А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии: Восточно-азиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 145; *Young John*. The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography, 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958. – P. 72; *Иноуэ Каору* 井上 薫. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ 邪馬台国問題と研究の現状 // *Нихон-рэйкиси* 日本歴史. – 1969. – № 248. – С. 156; см.: *Хора Томидо* 洞 富雄. Яматай дзёб-коку-но мэубо 邪馬臺女王国の滅亡 // *Нихон рэйкиси* 日本歴史. – 1954, январь. – № 68. – С. 7.

² 「...小國有二十一...」 – Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464 б.

³ Последняя фраза в русском переводе выпущена. – См.: *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 243.

⁴ 「舊有百餘小國、相接。」 – Цзинь-шу 晉書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1974. – Т. VIII. – С. 2535; Цзинь-шу 晉書 (из серии “Эр ши сы ши шоань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. IV. – С. 2172. Ср.: *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 243.

⁵ См.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 134-135; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 41; *Япан: its land...* P. 18; *Деопик Д. В., Крюков М. В.* Древнеяпонские государства. С. 397.

⁶ Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. – М.: Наука, 1987. – С. 273.

⁷ См.: *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // *Китай и соседи в древности и средневековье*. – М.: Наука, 1970. – С. 13-36; *Тихвинский С.Л.* Вступительная статья // Там же. С. 3-4; *Думан Л.И.* Внешнеполитические связи Китая с *сюнну* в I–III веках // Там же. С. 37, 24; *Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке*. С. 273, 237; см.: *Бокщанин А.А.* Очерк китайско-индийских связей: с древности до XVI века // *Китай и соседи в древности и средневековье*. – М.: Наука, 1970. – С. 109.

вали “данью”¹: *зун* (букв. “подношение”), *сянь* (букв. “жертвоприношение”) или их сочетанием *зунсянь*. Ханьский двор такие “подношения” чужеземных послов и правителей как знак изъявления покорности, хотя они могли представлять собой лишь обычные для того времени посольские дары, никак не связанные с признанием зависимости со стороны пославших их правителей.²

В. См. комментарий «а».

Г. «Жу Чунь говорит: “Жу *мо вэй*-мянь” (букв. ‘сторона *Вэй*, [где живут подданные³] похоже на [(людей) с клеймёнными лицами [кит. *мò*]⁴ [?]); или: “Похоже, [что] *Мо вэй*-мянь” (букв. ‘сторона *Вэй*, [где живут подданные⁵] с клеймёнными (разрисованными тушью) лицами [кит. *мò*]⁶ [?]) находится на юго-восток от Дайфана (китайского округа в Корее – *С.Д.*) [через] десять тысяч *ли*». ⁷ Далее в комментариях к тексту «Хань-шу» сказано: «Чэнь Цзань говорит: “Япония (кит. *Вō / вэй*)⁸ – это название страны. [Её] не называют [*Мò* и] не используют [название] *Мò* (букв. “клеймённые тушью [лица]”). Как раз наоборот, называют её *Вэй*». ⁹ Однако другой комментатор Ши Гу сообщает: «Ши Гу говорит: “Жу Чунь сказал “жу *мо вэй*-мянь”, ибо [здесь] чтение (ф и н а л ь)¹⁰ [*эй*] иероглифа *вэй* – и не более! – эта [финаль] чтением [иероглифа] не является (кит. *фэй ё*). [Это как] с т я ж е н и е с л о г о в¹¹ *й* [и] *э* [т.е. *йэ*]. Ныне, несмотря ни на что (кит. *ю*),

¹ 貢 яп. *мицуги*, кит. *зун* – “подношение”, “дань”; 獻 яп. *кэн*, кит. *сянь* – *гл.* 1) подносить... дарить... *суц.* 1) приношение; подношение; жалованный дар; подарок... (БКРС. Т. III. С. 650-651). В этом значении термин “*зун*” и его производные стали применяться со времени империи Хань. – Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. С. 273.

² Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. С. 273.

³ Сочетание иероглифов 委面 кит. *вэймянь* имеет самостоятельное значение “[изъявлять желание] стать вассалом”. – БКРС. Т. IV. С. 1039.

⁴ Ср.: 墨其面 “заклеймить ему лицо”; где 墨 кит. *мò* – *суц.* 1) тушь... *прил.* 1) нарисованный тушью... 4)* клеймённый (*о лице*); клеймить (*лицо*)... – БКРС. Т. II. С. 133.

⁵ Сочетание иероглифов 委面 кит. *вэймянь* имеет самостоятельное значение “[изъявлять желание] стать вассалом”. – БКРС. Т. IV. С. 1039.

⁶ Ср.: 墨其面 “заклеймить ему лицо”; где 墨 кит. *мò* – *суц.* 1) тушь... *прил.* 1) нарисованный тушью... 4)* клеймённый (*о лице*); клеймить (*лицо*)... – БКРС. Т. II. С. 133.

⁷ 如淳曰：『如墨委面在帶方東南萬里。』 – Хань-шу, 1962. Т. VI. С. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. Т. II. С. 1322, прим. 10.

⁸ См. комментарий «а».

⁹ 臣瓚曰：『倭是國名、不謂用墨、故謂之委也。』 – Хань-шу, 1962. Т. VI. С. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. Т. II. С. 1322, прим. 10.

¹⁰ 音 кит. *йнь* – *суц.* ... 4) чтение, произношение, звучание; 5) слог, силлабема; 6) *фон.* концовка слога, рифма, финаль. – БКРС. Т. II. С. 561.

¹¹ 反 кит. *фāнь*, *фāнь* – *гл.* А. 1) *фāнь* опрокидываться, перевёртываться; клониться

[эта страна] имеет [название] Во-го. “Вэй-люэ” сообщает: “[Страна] Во (Япония) находится от [округа] Дайфан на юго-восток посреди океана...”¹

Владения народа *вожэнь* (яп. *вадзин*) острова Кюсю, по всей видимости, являлись наиболее развитыми в социально-политическом плане. Их мощь была уже такова, что в 14 году н.э. *вожэнь* (кор. “люди *вэ*”) сумели организовать военную экспедицию в южно-корейскую *общину-государство* Сонаболь² (в юго-восточной Корее) на более 100 военных кораблях. Для отражения этого нападения правителю Сораболь пришлось отправить лучшие войска шести округов (кор. *лу* – районов общины-государства Сораболь³): «Люди *Вэ* направили более 100 военных кораблей и грабили дома приморского населения (Сораболь – *С.Д.*), поэтому *ван* (*чхачхун* Намхэ – *С.Д.*) отправил для их отражения лучшие войска шести округов»⁴ [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 1-я, Намхэ, 11-й год пр. (14 г.)].⁵ Можно предположить, что сто кораблей отправило какое-то объединение, существовавшее в то время на Кюсю, так как одной общине это сделать, наверное, было бы трудно.

Фуруга Такэхико полагает, что в начале нашей эры существовала страна *Ама-куни* (в легендах – “Небесная страна”, а фактически “Морская страна

назад; перевёрнутый, опрокинутый... *суц.* ...4) кит. *фāнь*, *фǎнь* – кит. *фон.* (см. 反切) способ стяжения слогов (передача звучания слога-иероглифа при помощи двух знаков, из которых у первого берётся инициаль, у второго – финаль, напр., 編, 布千 знак 編 стяжение б(у) и (ц)янь – т.е. бянь) (БКРС. Т. III. С. 980); 反切 кит. *фǎньцэ* – кит. *фон.* фаньце (транскрипция чтения иероглифа способом стяжения начального и конечного звуков двух слогов-иероглифов [инициали первого и финали второго]; напр., чтение знака 南 передаётся: 那含切, т.е. н(à)+(х)а́нь, т.е. нǎнь) (БКРС. Т. III. С. 982).

¹ 「師古曰：「如淳云『如墨委面』、蓋音委字耳、此音非也。倭音一戈反、今猶有倭國。魏略云：『倭在帶方東南大海中...』。」 – Хань-шу, 1962. Т. VI. С. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. Т. II. С. 1322, прим. 10.

² Ядро будущего *территориального* государства Силла; о ней подробнее см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в древнем Силла // Материалы VII Междунар. корееведческой конф. «Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2018» / Отв. ред. И.А. Толстоулаков. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2018. – С. 148-161.

³ О них см.: *Тихонов В.М.* Институт *лу* в раннем Силла (I–V вв.) // Российское корееведение. Альманах. – М.: Муравей, 2001. – Вып. 2. – С. 40-61.

⁴ 「十一年。倭人遣兵船百餘艘、掠海邊民戶。發六部勁兵、以禦之。」 – Самкук саги, св. 1-й – 50-й 三國史記. 卷第1-50. – Сеул 京城: Чосон сахак-хве 朝鮮史学会, 1928. – Кн. 1. – С. 4; Самкук саги, Силла-понги 三國史記、新羅本記, л. 39, столбцы 9-10 // *Ким Бусик.* Самкук саги (иероглиф. текст). – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – Т. I. – С. 21.

⁵ *Ким Бусик.* Самкук-саги. Т. I. С. 76.

народа рыбаков *ама*)¹, центральная часть которой должна была располагаться на островах **Цусима** и **Ики**. Под контролем людей *ама* оказались также территории современных городов Фукуока и Маэбару (земли будущих гражданских общин **На-но куни** и **Ито-но куни**).²

В китайских источниках (правда, поздних) есть намёк на то, что в первой половине I в. н.э. государство *Во-го* отождествлялось китайцами с *конфедерацией* общин Северного Кюсю, возглавляемой общиной *Ну-го* (самым большим владением [20 тыс. дворов] на северо-западном побережье Кюсю). «Цзю Тан-шу» сообщает: «*Во-го* – [это] то, что в древности было *Во-ну-го*».³ Сходные сведения содержатся в «Синь Тан-шу»⁴, «Ганхуйяо»⁵ и «Сун-ши».⁶ Таким образом, общее название объединения было – *Во-го* (яп. *Ва-коку* – «японское государство»)⁷.

Исходя из всего вышесказанного, можно предполагать, что в I в. н.э. в северо-западном Кюсю на основе союза отдельных *общин-государств* (яп. *сё-кокка* – досл. “малых государств”) возникло объединение с центром в *Ну-го* (яп. *На-но куни* – археологические объекты в Сугу). В состав этого объединения входила также и община *Иду-го* (яп. *Ито-но куни* – археологические объекты Микумо в Маэбара, а также полуостров *Ито-сима*).

---

¹ 天國 яп. *Ама-куни* – досл. “Небесная страна” и 海國 яп. *Ама-куни* – досл. “Морской страны народа рыбаков *ама*”. – *Furuta Takehiko*. The truth of Descent from Heaven // URL: <http://www.furutasigaku.jp/efuruta/kourine/kourine.html> (дата обращения: 28.05.2018); см.: *Akima Toshio*. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū’s subjugation of Silla // Japanese journal of religious studies. – 1993. – No. 20/2-3. – P. 132.

² *Furuta Takehiko*. The truth of Descent from Heaven // URL: Ibid.

³ 「倭國者、古倭奴國也。」 – Цзю Тан-шу 舊唐書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. VI. – С. 4594; цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай джэн-кэйсэй сирон. С. 39.

⁴ Japan in the Chinese dynastic histories: Later Han through Ming Dynasties / Translated by Ryusaka Tsunoda, edited by L. Carrington Goodrich. Perkins Asiatic Monographs, no. 1. – South Pasadena: P.D. and I. Perkins, 1951. – P. 38; Sources of the Japanese tradition. – New York–London: Routledge and Kegan Paul, 1965. – Vol. I. – P. 10; 「日本、古倭奴也。」 – Синь Тан-шу 新唐書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. VIII. – С. 4755.

⁵ 「倭國、古倭奴國也。」 – Танхуйяо 唐會要. – Цзянсу 江蘇: Цзянсу шуцзюй 江蘇書局, 1884. – Т. IV. – С. 12а.

⁶ 「日本國者、本倭奴國也。」 – Сун-ши 宋史. – [б. м.]: Гоцзы цзянь 國子監, 1599. Т. 112. С. 46, столбец 1; Сун-ши 宋史 (из серии “Эр ши сы ши” 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1977. – Т. 40. – С. 14130; Сун-ши 宋史 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. XVI. – С. 10486.

⁷ 倭國 кит. *Вэ-гэ*, яп. *Ва-коку* – досл. “японское государство” (см.: БКРС. Т. I. С. 1041).

д. В «Хоу-хань-шу» сказано, что вскоре после прихода к власти династии Поздняя Хань, «... в начале годов правления Цзянь-у (25-56 гг.¹; восточные иноземцы [дунъи] – С.Д.) снова пришли и принесли дань. В это время ляодунский губернатор Цзи Тунь-му (в тексте: Чжай Жун² – С.Д.) устрашил величием (Китая – С.Д.) северную сторону. Слава [о нём] дошла за море. Тогда Вэймо (кор. емэк – народы в Северной Корее³ – С.Д.), Во (Япония), Хань (Южная Корея)⁴ за 10 000 ли представились ко двору с приношениями»⁵ [Хоу-хань-шу, гл. 115 (дун-и), л. 1а-3б]. Некоторые исследователи (например, Миура Ёнин⁶) считают, что посольство “начала годов Цзянь-у” прибыло из Японии в 26 г. н.э.⁷, когда «во второе лето правления Гянь-ву (Цзянь-у – С.Д.), 26 [г.] ... Двор Вэйну (японский) прислал посольство с данью и поздравлениями...»⁸ (кит. ч́аохэ⁹) – вероятно, по поводу восстановления династии Хань [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 26 г.]¹⁰. По-видимому, посольство *вожэнь* “начала годов Цзянь-у” (т.е. 26 г.) ко двору Поздней Хань было отправлено гражданской общиной На (кит. Ну-го), именуемой также **Во-ну-го** (яп. Ва-на-но *куни*) или **Вэй-ну-го**¹¹ (др.-яп. Ви-на-но *куни*) [надо полагать, исходя из названия – раннегосударственным образованием, возникшем на землях **Вэй-мянь**]. На основании сопоставления материалов китайских и японских источников, исследователи пришли к выводу, что в районе залива Хаката (около острова Ито-си-

¹ 建武 кит. Цзянь-у – 25-56 годы. – БКРС. Т. I. С. 158.

² 祭彤 кит. Чжай Жун; где 祭 кит. цэй; в именах собственных: Чжай... III *собств. чжай*... 4) Чжай (фамилия). – БКРС. Т. IV. С. 796; 彤 кит. жун. – БКРС. Т. III. С. 366.

³ 濊貊 кит. вэй-мо, кор. е-мэк – народы, населявшие территорию Северной Кореи и Южной Маньчжурии; в китайском издании народы *вэй* (кор. е) и *мо* (кор. мэк) в тексте даны отдельно: 「濊、貊」 – См.: Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1698.

⁴ 韓 кит. Хань, кор. Хан, в данном случае это Самхан в Южной Корее. – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1698.

⁵ См.: Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 223. 「建武之初、復來^レ朝貢。時遼東太守祭彤威讐^レ北方、聲行海表、於是濊、貊、倭、韓萬里朝獻。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1698.

⁶ Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 130.

⁷ См.: Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 130; Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; 35, прим. 2.

⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁹ 朝賀 кит. ч́аохэ – являться [к императорскому двору] с поздравлениями. – БКРС. Т. III. С. 168.

¹⁰ Подробнее о посольстве и его датировке подробнее см.: Суровень Д.А. Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н.э. и их международные отношения // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Вып. 14. – 2013. – № 23 (314). – С. 80.

¹¹ 委奴國 кит. Вэй-ну-го. – См.: Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 16.

ма на северном Кюсю)¹ возникло небольшое государство (яп. *сэ-кокка*, т.е. *община-государство*) Ну-го (яп. На-но *куни*) с численностью дворов в 20 тыс.² (т.е., по японским меркам того времени – самого большого владения на северо-западном побережье Кюсю). В «Цзю Тан-шу» (945 г.) сказано: «Во-го – это то, что в древности было Во-ну-го»³ [Цзю Тан-шу, св. 199-й, ч. I, ле-чжуань, раздел 149, ч. 1-я, *дунъи*, Во-го]. В «Синь Тан-шу» (1060 г.) сообщается: «Японское государство (кит. Во-го – *С.Д.*) – это то, что изначально было Во-ну-го...»⁴ [Синь Тан-шу, св. 220, ле-чжуань, раздел 145, *дунъи-ле-чжуань*, Жибэнь]. В «Сун-ши» выражена сходная мысль: «Японское государство (кит. Во-го – *С.Д.*) – это то, что изначально было Во-ну-го...» [периода династии] Поздней Хань начали приходить ко двору на высочайшую аудиенцию и подносить дары⁵...»⁶ [Сун-ши, св. 491-й, ле-чжуань, раздел 250-й, Вай-го (“Внешние страны”), ч. 7-я, Жибэнь-го].

е. Подавляющее большинство исследователей, считает, что датировка данного события 2-м годом *Цзянь-у чжун-юань* (т.е. 57 г.)⁷ – правильная.⁸ Ес-

¹ См.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17; см. С. 106; *Ло Ли-синь* 羅麗馨. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли 日本的國際化---以福岡市爲例 // Синда лишисюэ-бао 興大歷史學報. – 2002, июнь. – № 13. – С. 142; *Мори К.* Нихон синси. С. 90, 98; *Кудзира Киёси* 鯨清. Нихон-коку тандзё-но надзо 日本国誕生の謎. – Токио 東京: Нихон бунгэйся 日本文芸社, 1978. – С. 135; *Хиго Кадзю* 肥後 和男. Ямато то сйтэ Яматай-коку 大和として邪馬臺 // Кодайси кэнкё: Яматай-коку 古代史研究: 邪馬台国. – Токио 東京: [б. м.], 1956. – С. 9, 7, 8; *Уэмура Сэйдзи* 植村 清二. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку 邪馬臺国・狗奴国・投馬国 // Сигаку-дзасси 史学雑誌. – 1955. – Т. 64. – № 12. – С. 21; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. Нара: история, религия, культура. – М.: Искусство, 1994. – С. 31; Japan: its land... Р. 18; *Yoshido H.* China and Japan... Р. 6.

² См.: *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 244.

³ 「倭國者、古倭奴國也。」 – Цзю Тан-шу, 2004. Т. VI. С. 4594.

⁴ 「日本國者、本倭奴國也。」 – Синь Тан-шу, 2004. Т. VIII. С. 4755.

⁵ 朝貢 кит. *чао-гун* – стар. являться на высочайшую аудиенцию и приносить дань (дары); приносить дань императорскому двору. – БКРС. Т. III. С. 168.

⁶ 「日本國者、本倭奴國也。...自後漢始朝貢。」 – Сун-ши, 1599. Т. 112. С. 46, столбцы 1, 3-4; Сун-ши, 1977. Т. 40. С. 14130; Сун-ши, 2004. Т. XVI. С. 10486.

⁷ 建武中元 кит. *Цзянь-у-чжун-юань* – 56-57 годы. – БКРС. Т. I. С. 158.

⁸ *Мицзуки Таро* 三木 太郎. Фүтатаби ва-ни цуйтэ 再び倭について // Нихон рэйкиси 日本歴史. – 1967, август. – № 231. – С. 47, прим. 2; *Мицзуки Таро* 三木 太郎. “Ва-коку-дэ-суй-сэ-тё” (кит. Во-го-ван-шуай-шэн-дэн)-но ити-канкэн 『倭国王帥升等』の一管見 // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1966. – № 218. – С. 53-58; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 8; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 9, 106; *Уэда М.* и др. Нихон ко-дай-си. С. 56; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. С. 257; *Деопик Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 396, 397; Japan:

ли принять во внимание выше цитированный отрывок (о посольстве «начала годов *Цзян-у*», т.е. 26 г. н.э.; см. прим. «д») и указание во втором отрывке на поздравление (по поводу основания династии?), то можно прийти к заключению, что датировки «Хоу-хань-шу» могут быть верными в обоих случаях (оба этих события выпадают на царствование Гуан-у-ди [25-58 г. пр.], только в первом случае – на основание династии Поздняя Хань и начало правления Гуан-у-ди [26 г.], а во втором – на конец правления этого императора [57 г.]). Возможно, речь здесь идёт о двух посольствах: (1-е) 26 года – сразу после основания династии Поздняя Хань (поэтому посол прибыл к императорскому двору с поздравлениями по поводу этого события); и (2-е) 57 года – от правителя государства Вэй-ну-го. Оба посольства прибыли в столицу Хань – город Лоян.¹

О посольстве 57 года от государства Во-го есть запись в разделе “Гуан-у-ди *цзи*” в «Хоу-хань-шу»: «[*Цзянь-у*]-*чжун-юань*, 2-й год, весна, 1-я луна, день *синь-вэй* (8-й)... Правитель (кит. *ван*) государства восточных иноземцев (*дун-и*) [под названием] Во-ну-го прислал посольство [с] поднесением дани»² [Хоу-хань-шу, Гуан-у-ди *цзи*, 2-й год (*Цзянь-у*-) *чжун-юань*, 1-я луна]. В разделе «Во-цзюань» сообщается следующее: «2-й год *Цзянь-у чжун-юань*, [государство] Во-ну-го преподнесло дань [ко] двору [с] поздравлениями (кит. *чаохэ*).»³ Посол сам называл себя “великим мужем” (кит.

---

its land... P. 18; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 120; *Kidder J.E.* Japan before Buddhism. – New York: Frederick A. Praeger, 1959. – P. 92; *Aston W.G.* Early Japanese history // Transactions of the Asiatic society of Japan. – Yokohama, 1889. – Vol. XVI. – P. 55; Japan in the Chinese dynastic histories, 1951. P. 2; Sources of Japanese tradition: from earliest times to 1600 / Ed. by W.Th. De Bary, Yoshiko Kurata Dykstra. – New York: Columbia Univ. Press, 2001. – Vol. I. – P. 7; *Kanzaki Ivan Hisao.* San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. A paper submitted to the Faculty of the Department of history in partial fulfillment of the requirements for a degree with honors. – Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 2002. – P. 3. *Маки Кэндзи* 牧健二. Кюсю-но сэйдзи-тири-ни рэндзоку “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэй-чжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки” то-но рэндзоку-но мондай九州の政治地理に関する魏志倭人伝と日本書紀との連続の問題 // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1969. – № 248. – С. 143, прим. 1; *Ло Ли-синь*. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фу-куока-си) вэйли. С. 3, 141.

¹ См.: *Ямао Ю.* Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 41.

² 「中元二年、春、正月、辛未。...東夷、倭奴國、王遣使奉獻。」– Хоу-хань-шу 後漢書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй да-цзюань чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. I. – С. 35; цит. по: *Мицуки Т.* “Ва-коку-ё-суй-сё-тё” (кит. Во-го-ван-шуай-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 53.

³ 「建武中元二年。倭奴國奉貢朝賀。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; цит. по: *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 53; см. также: Нихон рэйкиси дайджитэн 日本歴史大辞典: нэм-

だふ¹), [он происходил] с самой южной окраины Японской страны (кит. Во-го)², т.е. с острова Кюсю [Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, дуньи, Во]. «Во второе лето правления [Цз]янь-ву... чжун-юань, Двор Вэйну (японский) прислал посольство с данью и поздравлением. Посланник называл себя грандом (кит. дафу³ – С.Д.) с самого южного конца Японии»⁴ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 26 г.].⁵ Это повторено в «Тун-дьянь».⁶ Сходная информация есть в «Суй-шу» и «Бэй-ши» (в разделах «Во-го»). В «Суй-шу»: «В царствование Гуан-ву[-ди]... владетель японский отправил ко дво-

---

пё 年表. – Токио 東京: Кавадэ сёбб синся 河出書房新社, 1962. – Т. 19. – С. 7.

¹ 大夫 кит. дафу¹, сановник, чиновник, гражданский чин; да-фу – 1) мудрый (великий) муж; 2) *ист.* начальник уезда (邑, *дин. Хань*). – См.: БКРС. Т. III. С. 626.

² 「使人自稱^レ大夫。倭國之極南界也。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

³ Термином “гранд” Н.Я. Бичурин переводит титул “дафу”, обозначающий в Китае сановников.

⁴ См. Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁵ 「建武中元二年。倭奴國奉^レ貢朝賀、使人自稱^レ大夫、倭國之極南界也。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; цит. по: Бураку-си-ни кансуру сёгётэки кэнкё 部落史に関する総合的研究. – Токио 東京: Янагихара сётэн 柳原書店, 1956. – Т. I. – С. 5; см.: Маки К. Кюсю-но сэйдзи-тири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки” то-но рэндзоку-но мондай. С. 143, прим. 3. О посольстве 57 года см.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэй-сэй сирон. С. 41, 48; Уэмүра С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20-21; Мицуки Т. Фүтатаби ва-ни цуйтэ. С. 47, прим. 2; Там же. С. 51, 54; Мицуки Т. “Ва-коку-б-суй-сё-гё” (кит. Во-го-ван-шуай-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 53, 55; Мацумото С. Сэйтё-цүси. Т. II. С. 23, 24-25; Там же. Т. III. С. 273-274; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 64-65; Сигэмацу Акихиса 重松 明久. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай 魏志倭人伝をめぐる二、三の問題 // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1973. – № 301 – С. 104; Нихон рэйкиси дайджитэн 日本歴史大辞典. Т. 19: нэмпё 年表. – Токио 東京: Кавадэ сёбб синся 河出書房新社, 1962. – С. 7; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 7, 8; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 9, 16, 17, 106, 134, 135; Нихон дзэнси. Т. I. рис. 88, 89; Мори К. Нихон синси. С. 90, 99, 125; Уэда М. и др. Нихон кодай-си. С. 56, 57; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 130, 135-139; Күдзира К. Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 134, 135; Нихон-но кэнгоку 日本の建国. – Токио 東京: Тёкё-дайгаку сёппанкай 東京大学出版會, 1957. – С. 11; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. С. 257; Деоник Д. В., Крюков М. В. Древнеяпонские государства. С. 396-397; Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 12; Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации. С. 30, 31; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 79, 84, 93; Japan: its land... P. 18; Young J. The Location of Yamatai. P. 81, 82, 83, 104, 118-121, 159; Kidder J.E. Japan before Buddhism. P. 92; Yoshido H. China and Japan... P. 6; Aston G. W. Early Japanese history. P. 55; Sources of Japanese tradition. Vol. I. P. 2.

⁶ 「光武中元二年、倭奴國奉^レ貢朝賀、使人自稱^レ大夫、倭國之極南界也。」 – Тун-дьянь, 1988. С. 4993.

ру посланника, который сам себя называл Грандом (кит. *dàfū'* – С.Д.)»¹ [Суйшу, гл. 81, V. Япония, 25-56 гг.]. «Во времена ханьского Гуан-у[-ди] [посольство страны Во-го] прибывало ко двору. [Посол] сам себя именовал *dàfū'* (досл. “великим мужем”)»² [Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, Во].

ж. Об *общине-государстве* (кит. *гó*, яп. *куни*) На (кит. Ну) см. коммент. «д».

По поводу статуса правителя Ну-го исследователи высказывают две точки зрения. Первая – что Ну-го было малым государством (общинно-государством – С.Д.) – одним из свыше ста подобных образований в Японии периода Ранней Хань³; поэтому иероглиф “*ван*” (“правитель”) в «Хоу-хань-шу» следует считать искажением иероглифа “*чжю*” (“хозяин, господин”).⁴

Вторая интереснее – что Ну-го создало с о ю з о б щ и н на северном Кюсю (в районе Хакатского залива – побережья около острова Ито-сима)⁵, а правитель Ну-го стал главой союза в области Цукуси (Северного Кюсю) и осуществлял связи с китайским округом Лолан.⁶ Сигэмацу Акихиса обратил внимание на использование в китайских источниках двух похожих топонимов – Ну-го (яп. На-но *куни*) и, в «Хоу-хань-шу», – Вэй-ну-го (др.-яп. Ви-на-но *куни*, яп. И-на-но *куни*). Исходя из этого Сигэмацу А. предположил, что термин “**Вэй-ну-го**” (который по *он’ам* также можно прочесть как *Идо-коку*) обозначал некий союз “малых государств” (т.е. общин-государств), в который входили *И*[то-но *куни*] (др.-яп. *Ви*[то-но *куни*] – сокр. от кит. **Вэй**-[ту-го])⁷ и На-но *куни* (кит. **Ну-го**)⁸, а может быть даже – Мацура-но *куни*

¹ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94; 「漢光武時、遣使入朝、自稱大夫。」 – Суй-шу 隋書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и”二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдань чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 1652.

² 「漢光武時、[倭國]入朝。自稱大夫。」 – Бэй-ши 北史 (из серии “Эр ши сы ши цюань и”二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдань чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. IV. – С. 2562; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

³ Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17.

⁴ 王 кит. *ván* – “правитель”; 主 кит. *чжю* – “хозяин, господин”. – См.: Мицуки Т. “Ва-коку-б-суй-сё-тё” (кит. Во-го-ван-шуай-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 55.

⁵ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48; Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации. С. 31.

⁶ Ямао Ю. Указ. соч. С. 477; Мацумото С. Сэйтё-цүси. Т. II. С. 23, 24-25.

⁷ 委土 (伊都) кит. *Вэй-тү* (*И-дү*), др.-яп. *Ви-то* (совр.-яп. *И-то*). – Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

⁸ Данное предположение, видимо, основывается на прочтении названия “Вэй-нү-гё” 委奴國, где “*вэй-*” 委 по-японски читается как “*ви-/и-*”, что рассматривается как сокращение от “Ви-то / И-то” 委土 (досл. “земля Ви / И”) (см.: Мицуки Т. Фүтаби ва-ни цуйтэ. С. 47, прим. 2; С. 51, 54), а оставшаяся часть – как “Ну-го” (яп. На-но *куни*). В

(кит. Мо-лу-го) и другие общины.¹ По крайней мере, Инаба Ивакити полагал, что, в это время, данное японское государство должно было быть, по местным меркам, сильным государством, что подтверждалось существованием золотой печати – так как обычно китайский двор не давал золотую печать слабой стране.²

О достаточной силе японских общин–государств этого периода мог говорить и тот факт, что в общине–государстве (кор. *кук*) Сораболь (ядре будущего государства Силла в Чинхане) к власти в 57 году пришёл Сок Тхальхэ (Тхархэ, 57-79 гг.), японец по происхождению, прибывший в Корею еще в правление основателя династий Силла – Пака Хёккосе (57 г. до н.э. – 3 г. н.э.) из Японии через Кымгван (это Куя/ Карак/ Кая в районе современного города Кымхэ в дельте реки Нактонган в Южной Корее)³ [Самгук-саги, летописи Силла, Тхальхэ, 1-й год пр.].⁴ то есть через владение, именуемое китайцами Гоусье-го, входившее (по сведениям «Вэй-чжи») в III веке в состав японской федерации Нюй-ван-го (досл. “государства женщины–правителя”).⁵ В «Самгук-саги» говорится, что «...родом Тхальхэ происходил из [общины]–государства (кит. *бāн-гó*, кор. *паньгук*⁶ – С.Д.) Тапхана (кор. *Тапха*, яп. *Таба* – досл. “множество старух” – С.Д.), расположенного в тысяче *ли* к северо-востоку от государства Вэ (т.е. общин–государств *вожэнь* на Северном Кюсю – С.Д.). Давным-давно... ван того государства взял в жёны дочь правительницы (кор. *ваннё*, кит. *вāн-нйóй*⁷ – С.Д.) женского государства...»⁸ (кор. *Нё-гук-ваннё*)⁹

результате получается: “И-(то)–На-коку” 委(土)奴國 – досл. “государство И(то) [и] На”.

¹ *Сигэмацу А.* Указ. соч. С. 104.

² *Young J.* The Location of Yamatai. P. 159.

³ *Ким Бусик.* Самгук саги. Т. I. С. 301, прим. 43.

⁴ См.: *Мори К.* Нихон синси. С. 123, 202, 203; *Конрад Н.И.* Япония: народ и государство. – Пг.: Наука и школа, 1923. – С. 63.

⁵ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Этнокультурные и политические связи южнокорейских общин–государств I–III веков с юго-западной Японией (по материалам древнекитайских и древнекорейских источников) // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2017: VI Международная корееведческая конференция, 17-18 мая 2017 г.: тезисы и доклады / отв. ред. И.А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2017. – С. 157-158.

⁶ 邦國 кор. *паньгук*, кит. *бāн-гó* – 1) малое и большое государство... 2) государство; где 邦 кит. *бāн* 1) государство, держава... 2) *ист. город – государство*... – БКРС. Т. II. С. 784.

⁷ 王女 кор. *ваннё*, кит. *вāн-нйóй* – царевна, княжна, принцесса. – БКРС. Т. II. С. 157.

⁸ 「脱解本多婆邦國... 生也。其國在倭國東北一千里。初其國王娶倭女國王女為妻。」 – Самгук саги, 1928. Кн. I. С. 6; Самгук-саги. Силла-понги, л. 45, строки 6-7 // *Ким Бусик.* Самгук саги (иероглиф. текст). С. 23.

⁹ 女國王女 кор. *Нё-гук-ваннё* – досл. “княжна Женского государства (Нё-гук)”.

[Самгук-саги, летописи Силла, кн. 1-я, Тхальхэ].¹ На расстоянии в тысячу ли на северо-восток от Северного Кюсю находится район Кинай (в Центральной Японии). В связи с этим общину–государство (кит. *бэн-гэ*, кор. *панъгук*) Тапха можно попытаться отождествить с Тамабанокуни (области, расположенной к северу от провинции Ямато).

В «Самгук-юса» содержатся более подробные сведения о родине Тхальхэ, где он сам о себе рассказывает: «Я родом – человек [из] государства Ёньсён-гук (досл. “государство Драконьего города–крепости”)² (ещё называют Чонъмён-гук – “государство Настоящего света”, или называют Анха-гук – “государство Весёлого лета”; Анха также переделали в Хвахэ-гук – “государство Дворца цветов”. Ёньсён – “Драконий город” находится [от государства] Вэ [объединения общин на Северном Кюсю – С.Д.] на северо-восток [через] тысячу ли). В моём государстве некогда было 28 ёнь-ванов (кор. *ёнъ-ванъ*, кит. *лун’ван* – “драконьих государей”³; или: “государей–правителей”⁴), [которые] из человеческой утробы (кор. *ин-тхэ*)⁵ притом рождались.⁶ [Они] с пяти–шести лет (поочерёдно) наследо-

---

Самгук саги, 1928. Кн. 1. С. 6; Самгук-саги. Силла-понги, л. 45, строка 7 // *Ким Бусик*. Самгук саги (иероглиф. текст). С. 23.

¹ *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. I. С. 79.

² 龍城國 кор. *Ёньсён-гук* (용성국) – досл. “государство Драконьего города–крепости” (англ. *Kingdom of the Dragon Castle*. – См.: *Akima T.* The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū’s subjugation of Silla. P. 121, note 13). – *Ирён* 一然. Самгук-юса 三國遺事. – Сеул 京城: Хонъсин мунхва-са 弘新文化社, 1999. – С. 48; Корейские предания и легенды из средневековых книг / пер. с ханмуна. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 47; *Ирён*. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Пер. с ханмуна Ю.В. Болтач. – СПб.: ИД “Гиперион”, 2018. – С. 237). Однако иероглиф 龍 кор. *ёнъ* (용), кит. *лун* имеет также значения “государь, император; императорский; высочайший” (БКРС. Т. IV. С. 363). Поэтому название данного политического образования можно перевести также как “Страна государева города”.

³ 龍王 кор. *ёнъ-ванъ* (용왕), кит. *лун’ван*, англ. *dragon kings* – “драконьи государи”; или: “государи–правители” (см.: *Akima T.* Op. cit. P. 121, note 13); в переводе 1980 года – «цари–драконы» (Корейские предания и легенды... С. 47); Ю.В. Болтач перевела как «драконы–государи» (*Ирён*. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах. С. 238).

⁴ Так как иероглиф 龍 кор. *ёнъ* (용), кит. *лун* имеет также значения “государь, император; императорский; высочайший” (БКРС. Т. IV. С. 363); титул 龍王 кор. *ёнъ-ванъ*, кит. *лун’ван* можно перевести также как “государь–правитель”.

⁵ 人胎 кор. *ин-тхэ* (인태), кит. *жэнь-тай* – досл. “человеческая утроба (досл. ‘плацента’)”; где 胎 кор. *тхэ* (태), кит. *тай* – *суц.* 1) зародыш, плод; эмбрион; плацента; 2) беременность; рождение; от рождения... (БКРС. Т. II. С. 536). Ср.: *Akima T.* Op. cit. P. 121, note 13.

⁶ 「從人胎而生。」 – *Ирён*. Самгук-юса, 1999. С. 48. Ср.: *Akima T.* Op. cit. P. 121, note 13.

вали (кор. *ге*)¹ престол правителей (кор. *ванов*)², вступая на трон. Учили весь народ (кор. *ман-мин*, кит. *в́ань-м́инь*), выправляли жизнь (кор. *с́онь-мёнь*, кит. *с́ин м́ин*). Да к тому же [в роду правителей]³ имеется *восемь классов* [знатности] “*с́онголь*”⁴ (досл. “родовой кости”; ср.: яп. *кабанэ*⁵ – *С.Д.*). Однако [государей уже] не выбирали (кор. *му ган-тхэк*, кит. *у́ цзянь-цз’*)⁶, все вступали на великий престол (кор. *тхэви*, кит. *д́авэй*).⁷ Тогда (на рубеже н.э. – *С.Д.*) мой отец–государь [по имени] Хамдальпха (яп. Гантацуба) сосватал (кор. *пинь*, кит. *п́инь*)⁸ дочь правительницы (кор. *ваннэ*, кит. *в́ан-н́ой* – царевну, княжну, принцессу) государства Чоннэ-гук (Чокнэ-гук – досл. “государство множества женщин”⁹) сделав её супругой (кит. *фэй*, кор. *пи*, др.-яп. *кйсаки*)...»¹⁰ [Самгук-юса, Тхальхэ-ван].

¹ 繼 кор. *ге* (계), кит. *цзи – гл. Б. ...2*) сменять (кого-л., напр. на посту); наследовать (кому-л., что-л.); быть преемником... наречие 1) последовательно, поочерёдно; один за другим... – БКРС. Т. II. С. 309.

² 王位 кор. *ваньви* (왕위), кит. *в́анэй* – 1) престол, трон; 2) царское положение, титул царя... – БКРС. Т. II. С. 156.

³ Предложено Ю.В. Болтач (см.: *Ирэн*. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах. С. 238; ср.: *Корейские предания и легенды...* С. 47).

⁴ 「八品姓骨」«восемь классов [знатности] “сонголь”» (*Ирэн*. Самгук-юса, 1999. С. 49); где *姓骨* кор. *с́онголь* – букв. “родовая кость”. – Ср.: *Ким Бусик* Самгук-саги. Т. I. С. 317-318, прим. 45.

⁵ 姓 яп. *кабанэ* – родовые титулы в древней Японии (ср.: *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. – М.: Русск.яз., 1977. – С. 171; далее: ЯРУСИ); выводится от 骨 яп. *хонэ / бонэ* – кость (ЯРУСИ. С. 651). – См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 65.

⁶ 「無揀擇」кор. *му гантхэк* (무간택), кит. *у́ цзяньцз’* – «не выбирали» (*Ирэн*. Самгук-юса. С. 49); где *揀擇* кор. *гантхэк* (간택), кит. *цзяньцз’* – выбирать; где *揀* кор. *ган* (간), *ён* (ён) (연), кит. *цзянь* – 1) выбирать... (БКРС. Т. III. С. 772; ср.: *Ирэн*. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах. С. 238, прим. 241); *擇* кор. *тхэк* (택), кит. *цз’* – 1) выбирать... (БКРС. Т. II. С. 856).

⁷ 大位 кор. *тхэви* (태위), кит. *д́авэй* – 1) * трон; 2) высокий пост (БКРС. Т. III. С. 619).

⁸ 娉 кор. *пинь* (빙), кит. *п́инь* – ...2) сговаривать (*невесту*); сватать; помолвить; выдавать замуж... 2) (*устар.*) *п́инь* – в.м. *п́инь* (сговаривать; сватать; выдавать замуж). – БКРС. Т. III. С. 492, 491.

⁹ 積女國 кор. *Чокнэ-гук*, *Чоннэ-гук* – досл. “государство множества женщин”; где *積* кор. *ч́ок* (적), кит. *цзи* – ...2) многий, многочисленный... много; во множестве... – БКРС. Т. IV. С. 674.

¹⁰ 「我本龍城國人(亦云正明國、或云琬夏國、琬夏或作花廈國。龍城在倭東北一千里)我國嘗有二十八龍王。從人胎而生、自五歲六歲繼登王位。教萬民、修正性命。而有八品姓骨。然無揀擇、皆登大位。時我父王含達婆娉積

Таким образом, к середине I века н.э. в Тапха-панъгук процарствовали 28 правителей, чья власть, как утверждает корейский источник, уже передавалась по наследству. Рядом – видимо, в Кинай, находилось ещё одно раннегосударственное образование – Чоннё-гук (или просто: Нё-гук – “Женское государство”). Династия ён-ванов из Тапха-панъгук находилась в брачной связи с правительницами (кор. ваннё, кит. ван-ньюй) – скорее всего, верховными жрицами–правительницами Чоннё-гук (Чок-нё-гук). Сведения о существовании “женского государства” (кит. Нью-го, кор. Нё-кук) подтверждаются китайскими династийными историями – «Хоу-хань-шу» (раздел “Восточное Воцзюй” [кор. окчо] и «Вэй-чжи» (раздел “Восточное Воцзюй” [кор. окчо])¹. В «Хоу-хань-шу» сказано: «Старики их... ещё называют, что на море есть женское царство (кит. Нью-го, кор. Нё-кук – С.Д.), в котором нет мужчин...»² [Хоу-хань-шу, гл. 115, Дун-и, V. Восточное Воцзюй].³ Эти же сведения повторены в «Вэй-чжи». В 244-246 гг. вэйские войска, посланные преследовать когурёского правителя Куна (Тончхон-вана, 227-248), оказались в Восточном Окчо (о чём также рассказывается в «Летописях Когурё» в «Самгук-саги»⁴). Здесь китайцы собрали сведения о жителях островов Японского моря. «Когда посланные для преследования Куна [войска] Ван Ци дошли до крайних их восточных пределов, он спросил у одного старика, живут ли люди к востоку, за морем. И старик ответил... рассказывают, что посреди моря есть также страна, где живут одни женщины и нет мужчин...»⁵ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цзюань 30, Дун-и, Восточное Воцзюй].⁶

В 1-й луне 8 г. н.э. Тхальхэ стал зятем (мужем старшей дочери – наследницы титула верховной жрицы) правителя Сораболь по имени Намхэ (4-23 гг.), в связи с чем, он (как муж верховной жрицы) получил возможность претендовать на власть в Сораболь. В 7-й луне 10 года «Тхальхэ сделали великим министром (тэбо)⁷ и поручили ему управление делами воинств-

女國王女爲妃。】– Ирён. Самгук-юса. С. 48-49. Ср.: Akita T. Op. cit. P. 121, note 13.

Ср.: Корейские предания и легенды... С. 47.

¹ 「又言: 有^レ一國亦在^レ海中、純女無^レ男」– Ирён. Самгук-юса, 1999. С. 49.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 29-30.

³ 「又說^レ海中有^レ女國、無^レ男人。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1703.

⁴ Ким Бусик. Самгук саги. – М.: Вост. лит., 1995. – Т. II. – С. 68-69.

⁵ Цит. по: Пак М.Н. Описание корейских племён начала нашей эры (по «Саньго-чжи») // Российское корееведение. Вып. 2. – М.: Муравей, 2001. – С. 25.

⁶ 「又言: 有^レ一國亦在^レ海中、純女無男。」– Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 539.

⁷ 大輔 кор. тэбо (대보), кит. да-фу; где 輔 кор. бо (보), кит. фў – гл. помогать, содействовать; суц. ...3) помощник; 4) ист. фу (третий из четырех ближайших со-ветников правителя); министр. – БКРС. Т. III. С. 221.

венного государства»¹ [Самкук-саги, летописи Силла, Намхэ, 5-й год, 1-я луна; 7-й год, 7-я луна; Самкук-саги, Силла-понги, Намхэ]. В 24 г., после кончины Намхэ, *тэбо* Тхальхэ чуть было не взойшёл на престол, но решением совета знати гражданской общины Сораболь правителем стал представитель корейской ветви правящего рода – *исагым* Юри-ван (24–56 гг.).

Но в 57 году (когда посольство *вожэнь* ездило в Китай, может быть благодаря поддержке и вмешательству японцев [?]) Тхальхэ стал *ваном* общины–государства Сораболь и основателем династии Сок государства Силла. И сразу же в начале своего правления он назначил на должность *тэбо* другого выходца из Японии (кор. *Вэ*, кит. *Во*) по имени Хогон, также прибывшего в Южную Корею при Паке Хёккосе² [Самкук-саги, летописи Силла, Тхальхэ, 2-й год, 1-я луна; Самкук-саги, Силла-понги, Тхальхэ]. У Хогона Тхальхэ первоначально жил по приезду из Японии.³

И вскоре, в 59 году силласцы установили дипломатические отношения с Японией (кор. *Вэ*). «Летом, в пятом месяце, были установлены дружественные отношения со страной *Вэ*, и состоялся обмен посольствами»⁴ [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 1-я, Тхальхэ, 3-й год пр. (57 г.)]. Таким образом, на территории юго-восточной Кореи у власти оказались *прояпонские* правители Сораболь-кук (Силла).

В китайских источниках (правда, поздних) есть намёк на то, что в первой половине I в. н.э. государство *Во-го* отождествлялось китайцами с *конфедерацией* общин Северного Кюсю, возглавляемой общиной *Ну-го*: «Цзю-тан-шу» сообщает: «*Во-го* – [это] то, что в древности было *Во-ну-го*». ⁵ Сходные сведения содержатся в «Синь-тан-шу»⁶, «Танхуйяо»⁷ и «Сун-ши».⁸ Таким образом, общее название объединения было – *Во-го* (яп. *Ва-коку* – “японское государство”).⁹

Исходя из всего вышесказанного, можно предполагать, что в I веке н.э. в Северо-западном Кюсю из отдельных общин–государств (яп. *сё-кокка* –

---

¹ 「七年、秋、七月。以脱解為^レ大輔、委^レ以軍國政事。」 – Самкук-саги, Силла-понги. л. 39; 7// *Ким Бусик*. Самкук саги (иероглиф. текст). Т. I. С. 20.

² *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 80.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ 「倭國者、古倭奴國也。」 – Цзю Тан-шу. Т. VI. С. 4594; цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 39.

⁶ Japan in the Chinese dynastic histories. P. 38; Sources of Japanese tradition. P. 10; 「日本、古倭奴也。」 – Синь Тан-шу, 2004. Т. VIII. С. 4755.

⁷ 「倭國、古倭奴國也。」 – Танхуйяо, 1884. Т. IV. С. 12а.

⁸ 「日本國者、本倭奴國也。」 – Сун-ши, 1599. Т. 112. С. 4б, столбец I; Сун-ши. Т. 40. С. 14130; Сун-ши. Т. XVI. С. 10486.

⁹ 倭國 кит. *Вё-гё*, яп. *Ва-куни* – досл. “японское государство”.

досл. “малых государств”) возникло объединение с центром в Ну-го (яп. На-но *куни* – археологические объекты в Сугу), в состав которого входила также и община Иду-го (яп. Ито-но *куни* – археологические объекты Микумо в Маэбара, а также полуостров Ито-сима).

Следует обратить внимание на мнение Мори Киёто, который полагал, что территории в области Цукуси (Северном Кюсю), прилегающие к нынешнему заливу Хаката, с центром в **На-но бичу** [досл. “большой бухте **На**”¹; т.е. территории На-но *куни* и Ито-но *куни*], процветавшие в тот период – место куда и откуда приплывали и отправлялись корабли – входила в состав страны морского бога Вата-цуми древнеяпонских источников.² Этот район, по мнению Мори Киёто, был районом проживания этнической группы, поклонявшейся морским богам, во главе которой стоял крупный и сильный знатный род во главе с Тоё-тама-хико. Примечательно, что морской бог Вата-цуми, правитель Тоё-тама-хи-ко и его дочь (или сестра) Тоё-тама-химэ (называемые “кланом Вата-цуми”) считались предками рода Адзуми-но *мурадзи* (др.-яп. *Адзуми-но мурази*), жившего на Кюсю. Точнее, Адзуми-но *мурадзи* являлись потомками Тоё-тама-химэ.³ А, значит, по женской линии были родственны предкам государева рода Ямато. Клан Адзуми-но *мурадзи* по происхождению принадлежал к одной из этнических групп *народа ама*, жившей на побережье северо-западного Кюсю, правителями которой являлись люди рода Адзуми-но *мурадзи*, предками которого считаются Тоё-тама-хико и Тоё-тама-химэ.⁴ По мнению профессора Иноуэ, коренными землями обитания народа *ама* (досл. “морских людей”) были острова Цусима.⁵ Родиной Тоё-тама-хико и Тоё-тама-химэ, видимо, являлась **местность Тоётама** на побережье бухты Вата-цуми в южной части Северного острова **Цусима**.⁶ Фурута Такэхико полагал, что в начале нашей эры существовала страна **Ама-куни** (в легендах – “Небесная страна”, а фактически “Морской страны народа ры-

¹ 那の大津 яп. *На-но бичу* – досл. “Большая бухта На”. – Мори К. Нихон синси. С. 99, 101.

² Мори К. Нихон-синси. С. 99, 101.

³ Мори К. Нихон-синси. С. 140; *Исида Итирō* 石田 一浪. Синва то рэжиси 神話と歴史. – Токио 東京: Синтёся 新潮社, 1960. – С. 26; *Ермакова Л.М.* Речи богов и песни людей: ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 157.

⁴ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Верхние слои сказания о двух братьях и морской и горной удаче как источник по истории юго-западной Японии периода позднего яёй // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2018. – № 3 (11). – С. 74-76.

⁵ 海人 яп. *ама* – досл. “морские люди”. – Ватацуми-дзиндзя 和多都美神社 // URL: http://www.inoues.net/club/wajinden_no_tabi3-2.html (дата обращения: 28.05.2018).

⁶ См.: Ватацуми-дзиндзя 和多都美神社 // URL: Ibid.

баков *ама*)¹, центральная часть которой должна была располагаться на островах **Цусима** и **Ики**. Под контролем людей *ама* оказались также территории современных городов Фукуока и Маэбару (земли будущих общин **На-но кун** и **Ито-но кун**).² Мори Киёто отождествлял род Тоётама-хико с предками клана “владык округа **На**” (**На-но агата-нуси**)³ – и возводил к семье правителей (кит. *ванов*, др.-яп. *кими*) владения **Во-ну-го** (яп. Ва-но **На-но кун**).⁴ Вполне может быть, что род правителей **Ну-го** (яп. На-но *кун*), создавший союз общин Северного Кюсю около 57 года был связан родством с домом правителей **Иду-го** (яп. Ито-но *кун*), возглавившего **Во-мянь-ту-го** около 100 года н.э. Или это мог быть один и тот же род правителей, только сменивший место своей резиденции.

3. В ответ на присланное в 57 году посольство и дары от японцев, китайский император «Гуан-ву[-ди] (Гуан-у-ди – С.Д.) пожаловал печать с кистями»⁵ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 2-й год *Цзянь-у чжун-юань*].⁶
- и. Надо полагать, около 100 г. н.э. владение **Иду-го** (яп. Ито-но *кун*), располагавшееся на полуострове **Ито-сима** в северо-западной части Кюсю⁷, создало новое объединение общин под возможным названием **Во-мянь-ту-го**, часто именуемое просто “**Во-го**”. В 107 году оттуда в Китай прибыло посольство. «При **Ань-ди**, в первое лето правления, 107 [г.], государь-предводитель страны Японии (**Во-го** – С.Д.), вступив на престол (кит. *вд-гб-ван-шуй шэн-дэн*⁸ – С.Д.), представил 160 пленников (кит. *шэнкю*⁹ – С.Д.). Они просили представиться государю»¹⁰ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII].

---

¹ 天國 яп. *Ама-кун* – досл. “Небесная страна” и 海國 яп. *Ама-кун* – досл. “Морской страны народа рыбаков *ама*”. – *Furuta Takehiko*. The truth of Descent from Heaven // URL: <http://www.furutasigaku.jp/efuruta/kourine/kourine.html> (дата обращения: 28.05.2018); см.: *Akima T.* The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū’s subjugation of Silla. P. 132.

² *Furuta Takehiko*. The truth of Descent from Heaven // URL: Ibid.

³ 隼縣主 яп. *На-но агата-нуси* – досл. “владыки округа На”. – *Мори К.* Нихон синси. С. 101.

⁴ *Мори К.* Нихон синси. С. 97, 99, 101.

⁵ См. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁶ 「光武帝賜^レ以印綬。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; цит. по: Бураку-си... Т. I. С. 5. См.: *Ло Ли-синь*. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) взйли. С. 141.

⁷ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 79.

⁸ 「倭國王帥 升等...」 кит. *Вд-гб-ван-шуй шэн-дэн*... – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁹ Эти пленники, видимо, были неполноправными свободными. Об их правовом статусе см.: *Суровень Д.А.* Правовое положение населения в древней Японии. С. 120–130.

¹⁰ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35; *Кюнгер Н. В.* Китайские известия... С. 342. См.: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 66; *Хиго К.* Яма-

Сходная информация дана в «Тун-дянь».¹

Наиболее трудным для толкования местом у учёных является фраза “*wō-zó-wán-shuàì wēn-dǎn*”. Н.Я. Бичурин перевел её, сильно сократив, просто как «японский государь».² Н.В. Кюннер, обратив внимание на эту неточность, перевел как «государь–предводитель страны Японии, вступив на престол...»³, где иероглиф “*wēn*” берётся в глагольном значении “подниматься, восходить”⁴, а иероглиф “*dǎn*”, видимо, в значении “ранг, степень”.⁵

Но многие исследователи по-другому разбивали данный текст. 1) Бан Нобутомо (1773-1846) читал словосочетание “*шуй-и-вэн*” как “Ши-шэн” (яп. Си-сэ), считая его именем правителя государства Во (Во-го)⁶; аналогично поступил Мотоори Норинага (и ряд других учёных), посчитав “Шуй-шэн” (яп. Суй-сэ) именем правителя.⁷ 2) Если рассматривать иероглиф “*шуй*” как титул («предводитель»)⁸, то тогда в качестве имени “государя–предводителя” (кит. *wán-shuàì* – досл. “предводитель ванов”)⁹ может выступать словосочетание “Шэн-дэн” (яп. Сэ-тё).¹⁰ 3) Если же считать иероглиф “*dǎn*” показателем множественного числа (когда японские учёные берут его в значении суффикса множественного числа “*ра*”)¹¹, то

то то сйтэ-но Яматай-коку. С. 30-31; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17, 117; Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. С. 257.

¹ 「安帝、永初元年、倭國王帥升等 獻^レ生口、百六十人。」 – Тун-дянь, 1988. С. 4993; в других списках «Тун-дянь» указано: 「倭面土國王帥升 獻^レ生口」 – Там же. С. 5006, прим. 69.

² *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35.

³ *Кюннер Н. В.* Китайские известия... С. 342.

⁴ 升 кит. *шэн* – 1) подниматься, восходить; повышаться, возвышаться; *тж:* кит. *шэн* – мера сыпучих тел; Шэн (*фамилия*). – БКРС. Т. II. С. 979.

⁵ 等 кит. *дэн* – *суц.* ранг, степень. – БКРС. Т. III. С. 49.

⁶ 「帥升」 кит. *шуй-и-вэн* – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁷ См.: *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65, 66, 69; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17, 107; Нихон дзэнси. Т. I. С. 292; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 30.

⁸ 帥 кит. *шуй* – предводитель; начальник; командир; военачальник, полководец; главнокомандующий. – БКРС. Т. III. С. 290

⁹ 「王帥」 кит. *wán-shuàì* (Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707); где 帥 кит. *шуй* – *суц.*

1) предводитель, начальник; командир; военачальник, полководец; маршал... *зл.*

1) командовать, предводительствовать; 2) управлять, править... – БКРС. Т. III. С. 290.

¹⁰ См. напр.: *Мицуки Т.* “Ва-коку-ō-суй-сэ-тё” (кит. Во-го-ван-шуй-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 56.

¹¹ См. напр.: 「倭國王帥升らが生口百六十人を献じた...」 – *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17; *Мицуки Т.* “Ва-коку-ō-суй-сэ-тё” (кит. Во-го-ван-шуй-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 55, 54.

тогда для имени “государя–предводителя” остаётся только знак “шэн”, который в качестве существительного может быть название меры (сосуда) сыпучих тел – шэн и китайской фамилией Шэн.¹ В этом случае перевод получался иным: «[При] Ань-ди, [в] начальный год Юн-чу [107 г.], государь–предводитель страны Во (или: предводитель правителей государств в [стране] Во) [по фамилии] Шэн (яп. Сё) и другие преподнёс дань [из] шэнкёу (пленниками) 160 человек, испрашивая аудиенции»² [Хоу-хань-шу, св. 115, Во]. В разделе «Ань-ди цзи» той же самой династийной истории содержатся уточняющие сведения: «[в] начальный год Юн-чу [107 г.], зимой, [в] 10-й луне, [страна] Во-го прислал посла [для] поднесения дани»³ [Хоу-хань-шу, св. 5-й, Бэнь-цзи, разд. 5-й, Ань-ди].

Сразу возникал ряд проблем: 1) кто такие «и другие»?; 2) как истолковать титулатуру “вō-гō-в́ан-шуйй (Шэн-дэн)”⁴?; 3) какого государства этот «правитель Шэн»? По первой проблеме высказался Мицуки Тарō, считая, что под термином “дэн” («другие») могут подразумеваться посольства от других общин–государств (например, Иду-го, Могу-го и т.д.)⁴, хотя это могли быть просто другие участники посольства.

В отношении проблемы титулатуры “вō-гō-в́ан-шуйй (Шэн-дэн)” Мицуки Тарō предложил три варианта разбивки: а) “вō-гō-в́ан” («правитель государства Во» [Япония]; или: «правитель японского государства [Во-го]») и “шуйй-шэн-дэн” («предводитель Шэн-дэн [яп. Сё-тō]; или: «предводитель Шэн [яп. Сё] и другие»); б) “Вō-гō” («государство Во» [«Япония», или «Японское государство»] и “в́ан-шуйй Шэн-дэн” («государь–предводитель Шэн-дэн», или «Шэн-дэн – предводитель правителей (ванов) [в государстве] Во [Япония]»); в) Мицуки Тарō предложил считать иероглиф “в́ан” вариантом написания (или ошибкой) знака “чжү” (досл. “хозяин; господин; государь, глава государства”⁵). В этом случае получалась разбивка «чжүшуйй [по имени] Шэн-дэн [из] государства Во».⁶ “Чжү-шуйй”

¹ 升 кит. шэн – суц. 1) шэн (мера объёма для жидких и сыпучих тел, равная 10 гэ, или 1,04 литра)... 4) шэн (сосуд для измерения жидких и сыпучих тел)... собств. ...

2) Шэн (фамилия). – БКРС. Т. II. С. 979; см.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 30.

² 「安帝,永初元年、倭國王帥升等 獻^レ生口,百六十人、願請見。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. I. С. 89; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 47; Мицуки Т. Указ. соч. С. 53; Бураку-си... Т. I. С. 5.

³ 「永初元年... 冬十月、倭國遣^レ使奉獻。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. I. С. 89; Мицуки Т. Указ. соч. С. 53; Ямао Ю. Указ. соч. С. 47.

⁴ Мицуки Т. Указ. соч. С. 54.

⁵ 主 кит. чжү – 1) хозяин; 2) глава [государства]; государь, владыка... – БКРС. Т. II. С. 167.

⁶ Мицуки Т. “Ва-коку-ō-суй-сё-тō” (кит. Во-го-ван-шуйй-шэн-дэн)-но ити-канкэн.

– это название должности (досл. “главнокомандующий”)¹, употребляемое (по сообщению «Вэй-чжи» в разделе “Хань-цзюань”) в Южной Корее, являвшееся территориальным титулом. В таком случае титул “чжэ-шуй” будет званием старшего посла Шэна, возглавлявшего японское посольство, привезшее подношения ко двору правителя Китая.²

Можно предположить ещё один вариант, связанный с допущением возможности ошибки или неточности: “вэн-ши” («государев наставник»), если принять титул “вэн-шуй” как искажение.³ Тогда Шэн превратится в «наставника государя страны Во».

Но большинство исследователей полагает, что в данном случае речь идёт именно о правителе. В 1806 году Бан Нобутомо заявил, что *вё-гё-вэн-шуй* – правитель на северном Кюсю.⁴ Оставалось только выяснить, какой именно общины–государства. Как мы ранее выяснили, есть поздние китайские свидетельства (из «Цзю Тан-шу» и «Синь Тан-шу»), которые отождествляли союз общин во главе с Ну-го со страной Во-го. Кроме того, в «Бэй-ши» в разделах «Во-го» и «Ань-ди бэнь-цзи», а также в «Суй-шу» в разделе «Во-го» сообщается, что посольство 107 года было от государства Во-ну-го (яп. Ва-на-куни). «[Во времена правления императора] Ань-ди (107-126 гг. – С.Д.), о п я т ь прислали дань [ко] двору [от государства], называемого Во-ну-го»⁵ [Бэй-ши, св. 94, ле-чжуань, Во]. «При государе Ань-ди, 107-126 [гг.], е щ ё (владелец японский – С.Д.) отправил посланника ко Двору с данью, и царство своё называл В о н у...»⁶ [Суйшу, гл. 81, V. Япония, 107-126 гг.]. Поэтому Ямао Юкихиса считал, что и посольство 57 г., и посольство 107 г. были отправлены главой союза Ну-го.⁷

Но в китайском словаре «Хань-юань» и некоторых списках «Тун-дянь» цитируется текст из «Хоу-хань-шу» о посольстве 107 года, где японский “государь–предводитель”⁸ *Шэн*(-дэн) назван правителем не государства

С. 55, 56.

¹ 主帥 кит. чжэ-шуй – уст. главнокомандующий. – БКРС. Т. II. С. 169.

² Мицзуки Т. Указ. соч. С. 56.

³ 王師 кит. вэн-ши – 1) наставник князя... (БКРС. Т. II. С. 156) – См.: Тун-дянь, 1988. С. 5005, прим. 69.

⁴ Young J. The Location of Yamatai. P. 83.

⁵ 「安帝時、又遣^レ朝貢。謂^レ之倭奴國。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2565; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

⁶ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94. 「安帝時、又遣^レ朝貢。謂^レ之倭奴國。」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

⁷ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

⁸ 王師; где 師 кит. ши, видимо, ошибка в м. 帥 кит. шуй – предводитель. См.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 47, 66.

Во-го, а ваном страны Во-мянь-шан-го¹ (или: Во-мянь-ту-го²). Кроме того, в «Сяку-нихонги» («Нихонги [с] комментарием») в разделе “*кай-дай*” (св. 1-й) говорится: «“Хоу-хань-шу” передаёт: [В правление императора] Сяо-ань-хуан-ди (Ань-ди – С.Д.) в начальный год Юн-чу, зимой, [в] 10-й луне, [государство] Во-мянь-го прислало посольство [для] поднесения дани». Поэтому Ямао Юкихиса посчитал указание «Хоу-хань-шу» просто на государство «Во-го» или ошибкой, или поздним сообщением, или сокращённой записью от «Во-мянь-ту-го». ⁴

Сиратори Куракиги указал, что иероглиф “Во” в названии “Во-мянь-ту-го” должен стоять в притяжательном падеже и выполнять роль определения – “японский, относящийся к Японии” (яп. *ва-но-*), что указывало на то, что *ван* Мянью-го являлся правителем не всей Японии, а отдельной территории – так называемой “Во-мянь-ту-ди”⁵ – одного из малых государств (яп. *сё-кокка*) в Японии того времени.⁶ В данном топониме исследователи увидели фонетическую запись упомянутого в «Вэйчжи-вожэнь-цзюань» владения И-ду (-го) – японской местности *И-то* в Северном Кюсю.⁷ Именно *Иду* (яп. *Ито*) и послало, по их мнению, в 107 году посольство в Китай. К этой точке зрения присоединился и М.В. Воробьев, локализуя Мяньюту (Иду в «Вэй-чжи») около современного города Фукаэ, уезда *Ито-сима*, провинции Тикудзэн в Северном Кюсю.⁸

¹ 「倭面上國王帥升。」 – Хань-юань, св. 30-й, Фань-и-бу, Во-го 翰苑、卷第卅、蕃夷部より倭國 (原文) // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/kannenn/kannenn_gen.htm (дата обращения: 28.05.2018).

² 「倭面土國王師升等」 – Гун-дянь, 1988. С. 5006, прим. 69; см.: Ямао Ю. Указ. соч. С. 47, 66; Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 107; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си 図説日本庶民生活史. – Токио 東京: Кавадэ-сёбб-синся 河出書房新社, 1962. – Т. I. – С. 248; Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. С. 79, 312; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 30; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 66.

³ 「後漢書云、孝安皇帝、永初元年、冬、十月、倭面國遣使奉獻。」 (釈日本紀、開題) – Сяку-нихонги 釋日本紀 // Кокуси-тайкэй 國史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзаси-ся 經濟雜誌社, 1901. – Т. 7. – С. 521; цит. по: Ямао Ю. Указ. соч. С. 48.

⁴ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 66.

⁵ 倭面土地 кит. *Вб-мянью-тү-дүй* – досл. “Японская местность (тү-дүй) Мянью”, или: “Местность [в] Японской (вб) стороне (мянью)”. – См.: Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 66; где 面 кит. *мянью* – суц. 1) лицо; 2) внешняя сторона; 3) сторона, направление... – БКРС. Т. II. С. 697.

⁶ Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65.

⁷ 伊都 кит. *И-дү*; яп. *И-то* – досл. “[местность] 怡土 И-то” в Северном Кюсю. – Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 47; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17; Нихон дзэнси. Т. I. С. 294-295; Сиодзава К. Кодай сэнсэй-кокка-но кодзё. С. 82.

⁸ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 79.

В связи с чтением “*Й-дү*” (яп. *И-то*) Сиратори Куракити предположил, что первый слог “*Й-*” должен записываться иероглифом “*вэй*” (др.-яп. *ви*; совр.-яп. *и*), использованного на печати 57 года, а второй слог “*-дү*” – иероглифом “*ту*” (яп. *то* – “земля”).¹ Знак “*ви*” (кит. *вэй*) нужно рассматривать как сокращение знака “*вэ*” (яп. *ва*) – “Япония, японский”. В таком случае вместо “*ви-ту*” (от “Иту”) мы получаем “Во-ту” (“японская земля”, “земля Япония”).² Исходя из этого, становится ясно, откуда в «Хоу-хань-шу» вместо “Во-мянь-ту-го” могло появиться “Во-го” как вариант написания “Ви (-ту)-го”.

Исследователи считают, что в начале II века Ито было сильным владением, объединившим в данный период несколько гражданских общин.³ На это может указывать иероглифическая запись названия Ито (кит. *Иду*) в «Вэй-чжи»: «та (т.е. другая – *С.Д.*) столица / резиденция»; или «только столица»; или «[то, что] является столицей»; или «столица, [где] останавливаются»; или «резиденция И».⁴ Сигэмацу Акихиса полагал, что в объединение Мянь-ту-го входили общины Ито и Мацура (кит. *Иду-го* и *Мо-лу-го*), в котором лидерство принадлежало *Иду-го*.⁵ А Кудзира Киэси предполагал, что в эту *конфедерацию* могли входить *Иду-го*, *Мо-лу-го* и *Ну-го*.⁶ По мнению Сигэмацу Акихиса, община Вэй-ну-го могла выполнять обязанности представителя Мяньту-го за рубежом.⁷ Как можно полагать, топоним «Во-мянь-ту-го» (досл. “государство [в] японской стороне-земле”) или просто “Во-го” (досл. “государство Во”), был не названием отдельной общины (Ито, или Мацура, или Яматай), а являлся названием *конфедерации* (т.е. союза независимых государств), в которую данные общины входили. По мнению Хиго Кадзуо, такое объединение под главенством “государя-предводителя” (кит. *вэн-шуйай*) возникло в Японии в конце I – начале II веков (около 100 г.).⁸ На то, что данное объединение возникло именно в это время, указывают сведения из китайских источников – в «Вэй-чжи» сообщается: «Также с основания этого государства (*Вэ-гэ* – *С.Д.*) мужчину сделали государем (кит. *ван*). Прожил [он] семь-восемь десят-

¹ 伊都 И-ту → 委土 Ви-ту. – Мицуки Т. Фўтаби-ва-ни цуйтэ. С. 47, прим. 2; Там же. С. 51, 54.

² 倭土 кит. *Во-ту*. – Там же. С. 47, прим. 2.

³ См.: Ямао Ю. Указ. соч. С. 113; Кудзира К. Нихон-коку тандзэ-но надзо. С. 137.

⁴ 伊都國 кит. *Иду-го*; где 伊 кит. *и* – этот, тот; (*начальная частица*) только, лишь; *гл.* останавливать, задерживать; *служ. слово* иметься [в наличии], быть (*связка*). – БКРС. Т. III. С. 385.

⁵ Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

⁶ Кудзира К. Нихон-коку тандзэ-но надзо. С. 137.

⁷ Сигэмацу А. Указ. соч. С. 116.

⁸ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 32.

ков лет. [После его смерти (?)] государство Во-го пришло в смятение...»¹ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 10]. Из «Хоу-хань-шу» известно, что эти “великие замешательства” происходили в «царствование государей Сюань-ди и Лин-ди» (во второй половине II века) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 147-190 гг.²]. В этом случае начало правления государя-мужчины, призвавшего посольство в Китай в 107 году, будет приходиться на первые годы II века. Н.В. Кюннер предложил перевести фразу «*вō-гō-вāн-шуйй шэнь-дэнь*»³ из «Хоу-хань-шу» следующим образом: «При Аньди, в первое лето правления Юн-чу, 107 год, государь-предводитель страны Японии (Во-го – С.Д.), вступив на престол, представил 160 пленников»⁴ (кит. *шэнь-кōу*, яп. *сэйкō*).⁵ При таком переводе получается, что объединение Во(-мяньту)-го возникло в 107 году, так как мужчина-правитель «Вō-гō-вāн-шуй-дэй» (по «Вэй-чжи») стал править «с основания этого государства» (кит. *цй-гō-бэнь й-й*).⁶

По мнению исследователей Ну-го и Мянтьу-го находились на путях, связывающих архипелаг с материком, по-видимому, имели что-то вроде монополии на внешние сношения с континентом и пользовались преобладающим влиянием на Кюсю. Это были по тем временам и местам сильные владения. Если не считать посольства Когурё в 32 г., ни одно владение Кореи в это время, видимо, не посылало подневольных людей в Китай.⁷ О силе владений *вожэнь* говорило и то, что в 73 году «люди Вэ напали на остров Мокчхульту, поэтому ван (Сораболь – С.Д.) направил коккана Уо, чтобы отразить их, но Уо не одолел их и погиб»⁸ [Самгук-саги, летописи

¹ 「其國本亦以男子爲王、住七八十年。倭國亂。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; см.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 67.

² См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 107; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 30-31; Ямао Ю. Указ. соч. С. 66, 75; Сиодзава К. Кодай энсэй-кокка-но кōдзō. С. 82; Сазэки Юсэй 佐伯 有精. Кодай кокка-но кэйсэй 古代国家の形成 // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1969. – № 254. – С. 83; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 130.

³ 「倭國王帥 升等...」 кит. *вō-гō-вāн-шуйй шэнь-дэнь*. – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁴ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 342.

⁵ 生口 кит. *шэнь-кōу*, яп. *сэйкō* – досл. “живой рот”. Об их правовом статусе подробнее см.: Суровень Д.А. Правовое положение населения в древней Японии. С. 133-155; Суровень Д.А. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкō* в I-III веках // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 1 (14). – С. 14-22.

⁶ 「其國本亦以」 кит. *цй-гō-бэнь й-й*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁷ Воробьев М. В. Япония в III-VII веках. С. 79.

⁸ 「十七年。倭人侵木出島。王遣角干羽鳥禦之、不克。羽鳥死之。」 – Самгук саги, 1928. Кн. 1. С. 7; Самгук-саги, Силла-понги, л. 49; 4 // Ким Бусик. Самгук саги

Силла, Тхальхэ, 17-й год пр. (73 г.).¹ Видимо, набеги японцев были столь грозны, что в 122 году в Силла «Среди жителей столицы [распространился] ложный слух о прибытии в большом числе войска японцев и началось паническое бегство в горы. Поэтому ван приказал *ичхану* Икчжону и другим разъяснить народу [правду] для прекращения этого»² [Самкук-саги, летописи Силла, *исагым* Гима, 11-й год пр. (122 г.)].

Кроме того, следует обратить внимание на результаты исследования древнеяпонской топонимики. Исии Ёсими, исследуя распространение древнеяпонских топонимов местности Ито (так называемых *мару-тимэй*) и связанных с ними археологических объектов, пришёл к выводу, что в период среднего *яёй* (I в. до н.э. – I в. н.э.) топонимы *мару-тимэй* и связанные с ними археологические объекты появились за пределами земель нынешних префектур Фукуока, Сага, Ойга и Кумамото – а именно: на островах Цусима, в землях префектуры Нагасаки (включая прилегающие острова), землях префектуры Хиросима (в юго-западном Хонсю), а также в землях префектуры Эхимэ и, возможно, Кōти (в западном и юго-западном Сикоку).³ При этом в данный период (рубежа раннего и среднего *яёй* и эпохи среднего *яёй*) наблюдается временное уменьшение топонимов *мару-тимэй* и связанных с ними археологических объектов в землях префектуры Фукуока⁴ и необратимое уменьшение топонимов *мару-тимэй* и связанных с ними археологических объектов в землях префектуры Сага.⁵ Это, по мнению Исии Ёсими, означало, что выходцы из области Ито поселились в землях Нагасаки⁶, а также прилегающих к Северному Кюсю островов, включая острова Цусима. В это же время происходит освоение ими земель Аки-но *куни* (в нынешней префектуре Хиросима) и западного Сикоку. Данные выводы могли означать, что вышеуказанные земли в конце I века н.э. могли быть включены в сферу влияния объединения Во-мянь-ту-го.

(иероглиф. текст). Т. I. С. 25.

¹ *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 87.

² Там же.

³ *Исии Ёсими* 石井 好. Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкю 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究 // Кэнкю киё 研究紀要 (Тōкё торичу кōкү кōгё кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). – 1999, сентябрь. – № 36. – С. 54, 55, рис. 5; см. также: *Исии Ёсими* 石井 好. Дзёдай тимэй дэмпа-ни кан-суру сүти дзиккэн 上代地名伝播に関する数值実験: Тōсэн-сэцу-но сэйтōсэй 東遷説の正当性 // Кэнкю киё 研究紀要 (Тōкё торичу кōкү кōгё кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). – 2000, сентябрь. – № 37. – С. 30, рис. 4.

⁴ *Исии Ёсими*. Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй... С. 51, схема 1; С. 54.

⁵ Там же. С. 63, схема 8; С. 54.

⁶ Там же. С. 54.

Очевидно, в начале II века китайцы уже видели, какая из общин Кюсю имела наиболее сильные позиции в этом регионе – это отразилось на ранге титулов, полученных правителем Ну-го – «правитель (*ван*) общины–государства Ну»¹; и правителем «Во-го» – «государь–предводитель (*в́ан-шуйай*) японской страны (страны Япония)»² [или: «Предводитель (кит. *шуйай*) правителей (кит. *ван*) страны Во»].³ О силе «государя–предводителя» конфедерации Во(-мянь-ту)-го говорило то, что он смог отправить в Китай 160 *шэнь-кёу* (пленников) – подобные подарки (но более скромные) в Японии впоследствии делали только главы объединения Нюй-ван-го на северном Кюсю – Бимику (в 238 году – 4 мужчины–*шэнь-кёу*, 6 женщин–*шэнь-кёу*; в 243 году – количество *шэнь-кёу* неизвестно) и Июй (в 247 году – 30 *шэнь-кёу* – мужчин и женщин) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 2-й год *Цзин-чу* (238 г.), 12-я луна; 4-й (243 г.) и 8-й (247 г.) годы *Чжэнь-ши*]. Правда, Накаяма Хэйдзиро отметил, что правитель Во-го в 107 году не получил золотую печать (в отличие от посольства 57 года), что могло указывать на предпочтение владению Ну-го со стороны ханьских императоров.⁴ Само же титулование «*ваном*», т.е. правителем рангом ниже императора, принципиально отличалось от других почётных званий.⁵

Правильность анализа политической ситуации на Северном Кюсю, сделанного китайцами, подтвердили дальнейшие события. После отправки в 107 году посольства «государем–предводителем страны Во» ко двору династии Хань [Хоу-хань-шу, гл. 115, 107 г.], скорее всего, им же в 123 году, весной, в третьей луне, был заключен мир с Силла⁶ [Самгук-саги, летописи Силла, *исагым* Гима, 12-й год пр. (123 г.)]. Основанием для подобного утверждения может быть то, что община «государя–предводителя», являясь гегемоном на северном Кюсю, выступала представителем *вожэнь* в Китае и Корее. Более сведений о посольствах от «государя–предводителя» в источниках нет, видимо, потому, что «с наступлением годов правления Юн-чу (107-113 гг.) явилось много трудностей...» в связях с восточными иноземцами⁷ [Хоу-хань-шу, гл. 115, л. 1а-3б]. Как считают исследователи,

¹ (委)奴國王 кит. (*Вэй-но*) Ну-го-ван. – См.: Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 32.

² 倭國王帥 кит. *Вё-го в́ан-шуйай*. – См.: Там же.

³ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 32.

⁴ Young J. The Location of Yamatai. P. 120.

⁵ См.: Бокщанин А.А. Краткая история связей Китая со странами южных морей // Китай и соседи. – М.: Наука, 1970. – С. 147. Титул «*ван*» в Корее имели только правители Чосона, Пуё, Чингука, Силла, Пэкче и Когурё. – См.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 116.

⁶ Ким Бусик. Самгук саги. Т. I. С. 87. 「十二年、春、三月。與倭國講和。」 – Самгук саги, 1928. Кн. I. С. 10; Самгук-саги, Силла-понги, л. 58, 10 // Ким Бусик. Самгук-саги (иероглиф. текст). Т. I. С. 30.

⁷ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 223.

об этом государе–предводителе говорится в «Вэй-чжи»: «В этой стране первоначально (также – *С.Д.*) мужчину сделали государем; он прожил 70-80 лет»¹ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во²; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, 26 б, 10].

к. После покорения Чосона снова стало возможным установление прямых отношений ханьского Китая с “иноземцами” (*дуньи*) северо-восточного края, в том числе – и с населением Японских островов. Как сказано в Предисловии в разделе о *дуньи* к «Хоу-хань-шу»: «... Чаосянь ... У-ди уничтожил его ... Тогда восточные иноземцы начали сноситься со столицей [Китая]»³ [Хоу-хань-шу, гл. 115, л. 1а–3б]. Из четырёх китайских округов, созданных на территории бывшего Чосона, самым жизнеспособным и долговечным оказался Лолан (Лэлан), основанный на месте бывшего центрального района Чосона династии Вэй Маня (кор. Ви Мана). Центр округа оставался там же, где ранее находилась столица Чосона – крепость Вангом-сон.⁴ Лолан как китайская колония был, прежде всего, торгово-дипломатическим форпостом Китая в землях “северо-восточных варваров”. Лоланские наместники имели возможность «жаловать» корейской и японской знати китайские звания, титулы и дары (среди которых особенно ценились китайские печати и зеркала). В обмен требовалось признать формальную зависимость от Китая и поднести дань «местными изделиями».⁵ В связи с этим, в «Саньго-чжи» сказано: «... Первоначально Лэлан управлял (владениями) страны Хань»⁶ (т.е. общинами Южной Кореи)

---

¹ Там же. С. 247; 「其國本亦以男子爲王、住七八十年。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

² См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 247.

³ Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 223; 「朝鮮... 武帝滅之。於是東夷始通上京。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1968.

⁴ Тихонов В.М. История Кореи: с древнейших времён до 1876 года. – М.: Муравей, 2003. – Т. I. – С. 89-90; Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд / Пер. с кор. под ред. М.Н. Пака. – М.: Вост. лит., 2010. – С. 60; Хань-шу, Дили-чжи, Описание северных округов // Географический трактат «Истории Хань»: описания 25 округов по северной границе империи / Перевод и комментарий Е.А. Торчинова, М.Е. Ермакова, Ю.Л. Кроля // Страны и народы Востока. Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. – М.: Вост. лит., 2005. – С. 116, прим. 402.

⁵ Тихонов В.М. История Кореи. Т. I. С. 90-91; Воробьев М.В. Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Центр “Петербургское Востоковедение”, 1997. – С. 124.

⁶ 「...樂浪本統韓國...」 – Саньго-чжи 三國志 (из серии “Эр ши сы ши” 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. – Т. III. – С. 851; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 851; Саньго-чжи, 1999. С. 631; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 542; ср.: Пак М.Н. Описание корейских племён начала нашей эры (по «Сань-го чжи»), 2001. С. 30; Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 240.

[Саньго-чжи, гл. 30, Хан (Хань)]. Установили международные отношения, с династией Хань, и первые раннеполитические образования, возникшие в Японии. Как можно судить по материалам китайских и корейских летописей, самые ранние территориальные общины (яп. *кунй*, кит. *гó*)¹ у *вожэнь* (японцев) возникли на рубеже нашей эры. «Посреди моря [за] Лэланом (Лоланом) есть [народ] *вожэнь*, [который] делится (кит. *фэньвэй*) более чем на сто владений (кит. *гó*)»² [Хань-шу; цз. 28, л. 22]; «всего... около ста владений (кит. *гó*)»³ [Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, *дуньи*, Во]. Как сказано в «Хоу-хань-шу», из этих ста японских территориальных общин, после разгрома в 108 г. до н.э. древнекорейского государства Чосон (кит. *Чаосянь*) и создания на его землях китайских округов, более тридцати формирующихся *общин-государств* (кит. *гó*, яп. *кунй*) установили отношения с Китаем. «...[Народ] *вожэнь* ... ежегодно (кит. *суй-ши*) прибывают [в Лолан], принося дань и получая аудиенцию»⁴ [Хань-шу; цз. 28, л. 22]. «С того времени, как ... У-ди покорил Чосянь, 108 г. до [н.э.], более (кит. *сйюй* – букв. “вероятно (около)” – С.Д.) 30-ти владений открыли через [послов]–переводчиков⁵ сообщение с Домом

¹ 國 яп. *кунй*, кит. *гó* – *суц.* 1) государство... 6) *ист.* город–государство... – БКРС. Т. II. С. 684.

² 「樂浪海中有倭人、分爲百餘國。」 – Хань-шу, 1962. Т. VI. С. 1658; Хань-шу, 2004. Т. II. С. 750; Хань-шу, 1999. Т. II. С. 1322; Нихон дзэнси. Т. I. С. 294; *Саню Я.* Нихон-но акэбоно. С. 16, 106, 134; Дай-канва дзитэн. Т. I. С. 848; *Такикава С.* Нихон сякай-си. С. 10; *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 56; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 130; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō. С. 81; *Мори К.* Нихон синси. С. 114, 90; *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. II. С. 10; *Иэнага С.* История японской культуры. С. 30; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 12; *Воробьев М. В.* Япония в III–VII веках. С. 79; *Воробьев М. В.* Древняя Япония. С. 70; *Дьяконова Е. М.* Древняя Япония. С. 213; *Деоник Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 397; *Japan: its land...* P. 18; *Yoshido Harada.* China and Japan: ancient cultural relations. P. 5-6.

³ 「凡分爲百餘國。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706. См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 34.

⁴ 「...倭人、...以歲時來獻見云。」 – Хань-шу, 1962. Т. VI. С. 1658; Хань-шу, 2004. Т. II. С. 750; Хань-шу, 1999. Т. II. С. 1322; Нихон дзэнси. Т. I. С. 294; *Саню Я.* Нихон-но акэбоно. С. 16, 106, 134; Дай-канва дзитэн. Т. I. С. 848; *Такикава С.* Нихон сякай-си. С. 10; *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 56; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 130; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō. С. 81; *Мори К.* Нихон синси. С. 114, 90; *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. II. С. 10; *Иэнага С.* История японской культуры. С. 30; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 12; *Воробьев М. В.* Япония в III–VII веках. С. 79; *Воробьев М.В.* Древняя Япония. С. 70; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213; *Деоник Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 397; *Japan: its land...* P. 18; *Yoshido H.* China and Japan: ancient cultural relations. P. 5-6.

⁵ 使驛 кит. *шйй* – *стар.* посол и переводчик (БКРС. Т. IV. С. 70); посланные китайским правительством для сбора сведений о неизвестных народах. – *Бичурин Н.Я.*

Хань»¹ [Хоу-хань-шу, св. 115, Во], но названия их неизвестны.² В «Вэй-чжи» также сказано: «*Вожэнь* (японцы)... Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися ко двору на аудиенции...»³ [Саньго-чжи, гл. 30, Во]. То же самое повторено в «Тайпин-юй-лань»⁴ [Тайпин-юй-лань, св. 780, сы-и, ч. III, дунъи, ч. 3-я].

Возникает вопрос: куда делись потомки правителя Чосона – Вэй Маня (кор. Ви Мана), его сына (имя неизвестно), его внука – Вэй Ю Цзюя (кор. Ви Уго)⁵ и его правнука – Чжан Сяна (Чжан Гэ)⁶? Как позволяют судить материалы источников, они бежали в Южную Корею.⁷ Из «Самгук-саги» известно, что, видимо в конце II – начале I вв. до н.э., беглые *чосонцы* появились в юго-восточной Корее, на территории Чинхана – в районе, где впоследствии зародилось южнокорейское государство Силла.⁸ Изначально *община-государство*, из которого выросло *территориальное* государство Силла – называлось Сонаболь⁹ (она же: *Сораболь*, *Соболь* и *Сояболь*)¹⁰, представлявшая собой союз шести *чинханских* территориальных общин (др.-яп. *пури*, кор. *пу* – объединения нескольких деревень¹¹).¹² «Государство называлось Сонаболь. Первоначально пришло из Чосона рассели-

---

Собрание сведений... Т. II. С. 94, прим. 4.

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34; 「自武帝滅朝鮮、使驛通於漢者三十許國。」 – Хоу-хань-шу. Т. III. С. 1706; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

² Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 106.

³ 「倭人... 漢時有朝見者...」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 1999. С. 633; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 544. Ср.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 243.

⁴ 「倭國... 漢時有朝見者...」 – Тайпин-юй-лань, 1962. Т. IV. С. 3464а.

⁵ См.: Воробьев М.В. Древняя Япония. С. 61.

⁶ О них см.: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. А.Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. IX. – С. 80-84.

⁷ Хан Ёнъу. История Кореи. С. 60.

⁸ См.: Хан Ёнъу. История Кореи. С. 60.

⁹ Ким Бусик. Самгук саги. Т. I. С. 71.

¹⁰ 徐那伐 кор. *Сонаболь*; в «Самгук-юса»: 徐羅伐 кор. *Сораболь*, 徐伐 кор. *Соболь*, 徐耶伐 кор. *Сояболь*. – Ким Бусик. Самгук-саги. Т. I. С. 298, прим. 3.

¹¹ В.М. Тихонов предлагает называть такое объединение “простым *цифдомом*” [т.е. *вождеством*]. До появления в Силла (в первой половине VI века) при посредстве Когурё термина “*пу*” (кит. *фу*), как полагает исследователь, эти общины назывались местным словом 夫里 *пури* (совр.-кор. *поль*) – “равнина”, “территория”, “поселение”. – Тихонов В.М. Институт *пу* в раннем Силла (I–V веков) // Российское корееведение. Вып. 2. – М.: Муравей, 2001. – С. 43; Тихонов В.М. История Кореи. Т. I. С. 108; Ким Бусик. Самгук-саги. Т. I. С. 298, прим. 3.

¹² Ким Бусик. Самгук-саги. Т. I. С. 71, 81, 126, 298, прим. 3; Тихонов В.М. История ка-сяких протогосударств. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – С. 57; Тихонов В.М. Институт *пу* в раннем Силла. С. 41, 43.

лись среди гор и ушей, образуя шесть деревень... Они являлись шестью общинами Чинхана»¹ [Самгук-саги, летописи Силла, кн. 1-я, *косоган* Пак Хёккосо, 1-й год пр.]. От части сведения «Самгук-саги» подтверждаются сообщением «Саньго-чжи» и «Бэй-ши»: в Чинхане «вначале было шесть [чинханских] государств...»²; «Чэньхань вначале состоял из шести... владений»³ (кит. *гò*, кор. *куж*) – «в больших из них находились 4–5 тысяч семейств, в маленьких по 600–700...»⁴ [Саньго-чжи, гл. 30, Чинхан, Пёнджин; Бэй-ши, гл. 94, III. Синьло]. Речь шла о формирующихся общинах–государствах – «малых государствах (кит. *сяо-гò*, кор. *со-гук*), все по 10 тысяч дворов, называются “гò” (кор. *куж* – “государства”»)⁵ [Самгук-юса, св. 1-й, Чинхан].

Однако на этом переселение беглых *чосонцев* не закончилось. Материалы японского источника «Синсэн-сёдзи-року» позволяют говорить о том, что часть потомков правителя Вэй Маня (кор. Ви Мана), в конце концов, оказалась в Японии. В «Синсэн-сёдзи-року» указан род изготовителей кистей для письма – Фудэ-си (др.-яп. Пудэ-уди). Предком данного клана назван китаец Вэй Мань (кор. Ви Ман) из государства Янь. «Род Фудэ-си. Потомки канцлера (кит. *сянь-гò* – главного царского советника) из Янь [по имени] Вэй Мань-гун»⁶ [Синсэн-сёдзи-року, св. 30-й, Фудэ-си]. Когда по-

¹ *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. I. С. 71.

² Цит. по: *Пак М.Н.* Описание корейских племён начала нашей эры, 2001. С. 31; 「始有六國。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 852; Саньго-чжи, 1999. С. 632; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 543.

³ Цит. по: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. Т. II. С. 68; 「辰韓之始、有六國。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2551.

⁴ Цит. по: *Пак М.Н.* Указ. соч. С. 32; см.: *Воробьев М.В.* Корея... С. 124.

⁵ 「『後漢書』云: 辰韓... 有十二小國、各萬戶、稱國。」 – *Ирён*. Самгук-юса, 1999. С. 37; *Ирён* 一然. Самгук-юса 三国遺事. – Чанша 長沙: Юэлу-шушэ 岳麓書社, 2009. – С. 36; Самгук-юса 三国遺事, св. 1-й 紀異卷第一 // *Хи Нориаки* 裴德煥. “Сангоку-

идзи” [кор. Самгук-юса] (хонъяку). Дай ити маки ни хэн-ёри 三国遺事 (翻譯) 第一卷二篇より // Адзиа-кэнкё киё (Адзиа-дайгаку) アジア研究紀要 (亜細亜大学). – 1974. – № 1. – С. 186; *Hyon*. Samguk Yusa Legends and History of the Three Kingdoms of Ancient Korea / transl. by Tae-Hung Ha and Grafton K. Mintz. – Seoul: Yonsei University Press, 1997. – P. 48.

⁶ (1091) 右京、未定雜姓: 「筆氏. 燕相国 衛滿公之後也。」 – Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 // *Сэки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкё. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. – С. 336; ср.: 「筆氏(ふでし). 燕相国、衛滿公の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 30-й 新撰姓氏録. 第三十卷 // 佐伯有清『新撰姓氏録の研究 本文篇』(*Сэки Арикиё*. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио: Ёсикава кобункан,

томки Вэй Маня появились в Японии – неизвестно. Но произойти это могло только после 108 г. до н.э., когда под ударами китайских войск пало государство Чосон. Сначала потомки Вэй Маня, видимо, бежали в Южную Корею (в Чинхан). А уже из Южной Кореи потомки Вэй Маня могли перебраться в Японию. Когда это случилось – неизвестно. Надо полагать, что, следуя традиционному маршрутом из южной Кореи через острова Цусима и Ики, потомки Вэй Маня могли сначала добраться до северного Кюсю. После этого, потомки Вэй Маня оказались в центральной Японии: (1) или в середине III века н.э. вместе с выходцами из северного Кюсю, бежавшими после войны 247-248 гг., смерти правительницы Бимиху (яп. *Химико*) и беспорядков, связанных с восшествием на трон её преемницы – Июй (яп. *Иё*, или в другом написании – *Тоё*)¹ (как установили исследователи, судя по подробностям сказания о “сошествии” Ниги-хаяхи-но *микото* в область Ямато² [изложенном, прежде всего, в «Кудзи-хонки» и кратко в «Нихон-сёки»], участниками войны 247-248 годов в федерации Нюй-ван-го, потерпевшими поражение и бежавшими из северного Кюсю [судя по названию местностей в северо-западном Кюсю, откуда были выходцами сподвижники Ниги-хаяхи-но *микото*³] в центральную Японию, видимо, были Ниги-хаяхи-но *микото* и его сподвижники⁴); (2) или в конце III века н.э., вместе с участниками “Восточного похода” Дзимму⁵; (3) или же потомки Вэй Ма-

---

1962) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/25syouji.htm> (дата обращения: 28.05.2018).

¹ См. подробнее: *Суровень Д.А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н.э. – III век н.э.). С. 169; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 246-247.

² Прибыв в Центральную Японию, Ниги-хаяхи, высадившись со своего корабля, назвал её «Страна Ямато, видимая с небас» (虚空見日本國 яп. *Сора-мицу Ямато-но кун* – досл. “Видимая с небес (‘пустоты небас’) страна Ямато”). Однако В. Астон отмечает, что по-настоящему термин *сора-мицу* означает “Наполняющее небеса”, т.е. достигающее границ горизонта. – Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 國史大系). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. – Ч. I. – Т. I. – С. 132-133; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part I. – P. 135; ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 194.

³ Анализ топонимики показывает, что переселенцы (прежде всего, люди рода Мононобэ) были изначально связаны с местностью нынешнего уезда **Куратэ** префектуры Фукуока и речного бассейна реки Онга, где и ныне очень много святилищ, где почитаются боги и предки клана Мононобэ.

⁴ *Исии Ё.* Онкё когаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкю. С. 52, 54.

⁵ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. – Екатеринбург: УРГЮА, 1998. – С. 175-198.

ня могли попасть в Ямато позже – при переселениях из южной Кореи китайцев корейского происхождения во второй половине IV – начале V вв.¹ бумаги, туши и кистей для письма означало, что эти предметы использовались для составления письменных документов. Следует обратить внимание, что в древней Японии, вслед за Китаем и Кореей, понятие “служилый человек, чиновник” (яп. *цукаса-но хито*, кит. *шуй*) стало ассоциироваться со словосочетанием “образованный человек, учёный”. В результате, потомки Вэй Маня внесли свой вклад в становление и развитие письменной культуры Японии.

В Японии потомки Вэй Маня занялись изготовлением кистей для письма, в результате чего их род получил родовое имя Фудэ-си (“род [изготовителей] кистей для письма”). «Род Фудэ-си (др.-яп. Пудэ-уди) ... Прекрасно изготавливая кисти для письма (др.-яп. *пудэ*, совр.-яп. *фудэ*), [они] доставляли удовольствие² образованным слоям общества (яп. *цукаса-хито-но нагарэ* – досл. “слою служилых людей”).³ По этой причине (ныне) [людям этого клана] было даровано наследственное звание (яп. *кабанэ* – родовое имя) “Фудэ”»⁴ [Синсэн-сэджи-року, св. 30-й, Фудэ-си]. В.М. Воробьев указывает, что впервые упоминание об изготовлении *бумаги* и *туши* в японских источниках дается под 16-м годом правления Оджина⁵ (405 год [испр.

¹ См. подробнее: *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение. – 2005. – Вып. 1. – С. 8-45; *Суровень Д.А.* Китайско-корейские переселенцы *аябито* в Японии начала V века // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. – 2011. – № 1 (87). – С. 169-194.

² 預 яп. *ё*, кит. *юй* – гл. ... быть довольным (весёлым, счастливым) испытывать радость (блаженство, спокойствие). – БКРС. Т. IV. С. 736.

³ 士流 яп. *цукаса-хито-но нагарэ* / *си-рё*, кит. *шуй-лю* – образованные слои общества, интеллигенция; где 士 яп. *цукаса-хито*, кит. *шуй* – *суц*. 1) *уст.* учёный; образованный человек... 3) *ист.* служилое сословие; чиновник... – БКРС. Т. II. С. 93.

⁴ (1091) 右京、未定雑姓:「筆氏。...善作^レ筆、預^レ於^レ士流。因茲賜^レ筆姓。」– Синсэн-сэджи-року, в 3-х частях // *Сазки Арикиё*. “Синсэн-сэджи-року”-но кэнкё, 1962. С. 336; つかさひとのながれ

ср.:「筆氏。...善く筆を作り 士流に預かれり。茲によりて筆の姓を賜ひき。」– Синсэн-сэджи-року, св. 30-й // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/25syouji.htm> (дата обращения: 28.05.2018); в довоенных изданиях первой половины XX века иероглиф 士 передаётся как сочетание знаков «十一» в вертикальном столбце (士) . –

См.: Синсэн-сэджи-року 新撰姓氏録 // Гунсё руйдзё 群書類従. Вып. 16-й. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1902. – С. 212; Синсэн-сэджи-року 新撰姓氏録 // Гунсё руйдзё: синкё 群書類従: 新校. – Токио 東京: Найгай сёсэки 内外書籍, 1937. – Т. 19. – С. 503.

⁵ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 235.

хрон.]¹). Изготовление бумаги, туши и кистей для письма означало, что эти предметы использовались для составления письменных документов. Следует обратить внимание, что в древней Японии, вслед за Китаем и Кореей, понятие “служилый человек, чиновник” (яп. *цукаса-но хито*, кит. *шуй*) стало ассоциироваться со словосочетанием “образованный человек, учёный”. В результате, потомки Вэй Маня внесли свой вклад в становление и развитие письменной культуры Японии.²

- л. кит. *шуй* – стар. посол и переводчик³; посланные китайским правительством для сбора сведений о неизвестных народах.⁴
- м. Должность *вана* (др.-яп. *кими* – правителя) возникла на основе развития должности “большого вождя” (главы *сложного вожинства*) и изначально, видимо, была выборной в *народном собрании*⁵ (на основе принципа *меритократии* – за особые способности и заслуги) с практикой постепенного перехода от выборности их к наследованию должности в пределах правящего клана. Появление рода *ванов* свидетельствовало о том, что должность *правителя* и связанные с этой должностью функции управления превратились в **наследственную привилегию** данного рода. И хотя мы говорим о наследственном исполнении должностных обязанностей – это совсем не означает, что должность начинает передаваться по наследству от отца к старшему сыну и т.д. Такого порядка передачи власти сначала не существовало. Должность оставалась выборной. Но теперь претендовать на неё все общинники не могли. На данную должность мог быть выбран только член данной семейной группы (данного рода). Если *правитель* умирал, то любые его родственники (братья, дядя, сыновья, племянники и даже внуки) могли претендовать на должность, т.е. могли быть избраны *правителем*. И изначально не было определённого порядка престолонаследия, что иногда приводило кровавым столкновениям между претендентами на трон, которые стремились физически уничтожить соперников.⁶ М.В. Воробьев указывает, что стоявшие во главе владений (*кунн*) единоличных правители пытались превратить

---

¹ О хронологии подробнее см.: *Суровень Д.А.* О хронологии правлений Окинагара-сими-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Ёдзина) // *Genesis: исторические исследования.* – 2015. – № 6. – С. 1-226.

² Подробнее об установлении японо-китайских отношений в конце II в. до н.э. см.: *Суровень Д.А.* Китайско-японские отношения II века до н.э. и роль в них правителя Чаосянь – Вэй Маня из Янь и его потомков // *Китай: история и современность. Материалы VIII международной научно-практической конференции.* Екатеринбург, 7-8 октября 2014 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 193-216.

³ 使驛 кит. *шуй* – стар. посол и переводчик (БКРС. Т. IV. С. 70).

⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 94, прим. 4.

⁵ См.: *Иэнага С.* История японской культуры. С. 30; см.: *Нихон-но кэнгоку.* С. 9.

⁶ См.: *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 247, 250.

свою власть в наследственную, но чаще – “их совместно выдвигали”¹ (кит. *гунли*)², то есть выбирали или на народном собрании, или на совете знати.

Однако уже в I–II веках в этих маленьких государствах утверждается наследственная власть *правителей* (кит. *ван*, др.-яп. *кими*)³, что фиксируют китайские династийные хроники. «Каждый владетель называл себя государем–*ван* и из колена в колено передавал престол»⁴ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. «[В каждом] государстве (кит. *го*) все (кит. *цзэ*) [правители] называются *ван*, из поколения в поколение передают по наследству традиции (управления) (кит. *чуаньтун*)»⁵ [Хоу-хань-шу, св. 115-й, *дуньи-ле-чжуань*, 75, Во]. «Во-го... [Во] всех (кит. *цзэ*) [владениях (*го*) правители] сами [себя] называли “государями” (кит. *ван*)»⁶ [Суй-шу, св. 94-й, ле-чжуань, раздел 82-й, Во-го]. У *вожэнь* правителей с титулом *ван* (яп. *кими*), как считают исследователи, имели все владения (кит. *го*, яп. *кун*), т.е. “малые государства” (яп. *сэ-коку*) острова Кюсю⁷, по всей видимости, наиболее развитые в социально-политическом плане. Это, прежде всего, Дуйма-го (яп. Тайба-но кун) – остров Цусима; и ближе к Кюсю – И-да-го (яп. Ити-дай-но кун – досл. “Одна большая община”)⁸ – остров Ики (в одном из списков: кит. Ичжи-го, яп. Ики-но кун)⁹, на побережье северо-западного Кюсю – Могу-го

---

¹ Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. – М.: Наука, 1984. – С. 241; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 91, 94.

² 共立 кит. *гунли* – ...2) совместно учреждать (основывать). – БКРС. Т. IV. С. 630.

³ 王 др.-яп. *кими*, кит. *ван* – *суц*. 1) ван; князь... государь, монарх; 2) великий князь, принц; ван, князь (*титул высшей знати*). – БКРС. Т. II. С. 155.

⁴ Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 34; см.: Сазки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 83.

⁵ 「國、皆稱^レ王、世世傳統。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706; где 傳統 кит. *чуаньтун* – традиция (БКРС. Т. III. С. 72; Т. IV. С. 493); 傳 кит. *чуань* – *гл*. 1) передавать... 2) передавать, завещать, оставлять в наследство (*что-л*)... принимать в наследие, наследовать; *суц*. ... 3) передача из поколения в поколение, преемственность (БКРС. Т. III. С. 69, 70); 統 кит. *тун* – *гл*. 1) объединять, соединять; 2) править, управлять, руководить... *суц*. 1) наследование, преемственность... (БКРС. Т. IV. С. 493).

⁶ 「倭國、...國。皆自稱^レ王...」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1651-1652; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 39.

⁷ См.: Сазки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81, 83; Сакамото Таро 坂本 太郎. “Гисивадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккё 魏志倭人伝雑考 // Кодайси-кэнкё: Яматай-коку 古代史研究. 邪馬台国. – Токио 東京: [б. и.], 1956. – С. 136; Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 241.

⁸ 一大國 кит. Ида-го, яп. Итидай-кун – досл. “одно большое владение”. – См.: Сань-го-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁹ 一支國 кит. Ичжи-го – фонетическая запись японского топонима Ики (一支國 яп.

(яп. Мацуро-но *куни*) и Иду-го (яп. Ито-но *куни*). Об этих владениях сказано: из поколения в поколение (кит. *шй*)¹ «имеют *ванов*»² [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 24а, 9]. Видимо, изначально мужчине-правителю имело владение Ематай-го (яп. Яматай-но *куни*).³ На среднем Кюсю (совр. префектура Куамото) в государстве Гоуну-го (яп. Куна-но *куни*) во главе также стоял мужчина-правитель (кит. *нань-ван*)⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во].

Косвенным подтверждением этого могут служить и данные археологии: около I в. н.э. в Северном Кюсю сложился тройной ритуальный комплекс⁵: меч, зеркало и яшмовые подвески *магатама*.⁶ Первоначально это были амулеты, служившие для защиты особы правителя. И чем больше зеркало, чем длиннее меч и подвески, тем большей силой они обладали.⁷ В период государственности эти три регалии стали знаками верховной власти. Кроме того, символами политической власти на Северном Кюсю служили бронзовые мечи и копья, являясь культовым оружием.⁸

Корейские источники рассказывают о правителях японской общины-государства в центральной Японии рубежа н.э. В «Самгук-юса» сообщается о наследственной власти «...государства Ён-сон-гук (досл. “государство Дра-

---

Итидзи-куни, Итики-куни). – См.: *Катаяма Масао* 片山 正夫. Вадзин-дэн (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но кōсацу 倭人傳中の方向里程等の考察 // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1954. – № 70. – С. 2; *Мицуки Тарō* 三木 太郎. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ 『太平御覽』所引『魏志倭人伝』について // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1977. – № 349. – С. 59; *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкō 東洋史上より見たる日本上古史研究. – Токио 東京: Тōёбункo 東洋文庫, 1956. – С. 12; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 58; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte (bis 5 Jh.n.). – Tokyo: Dt. Gesellsch. f. Natur- u. Völkerkunde Ostasiens, 1930. – S. 188.

¹ 世 кит. *шй* – 1) поколение, род; поколения (*прошлые, настоящие, будущие*); поколениями; из поколения в поколение... (БКРС. Т. II. С. 329).

² 「世有^レ王。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

³ См.: *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 247.

⁴ 男王 кит. *нань-ван* – мужчина-правитель. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 245; см.: *Сазки Ю.* Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81, 82; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 109; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 76; *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 137.

⁵ *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – С. 24; *Воробьев М. В.* Япония в III–VII веках. С. 62; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 47.

⁶ См.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 47–48.

⁷ 八咫鏡 яп. *я-та-но кагами* – досл. “большое зеркало” (букв. “зеркало в восемь *та*” [1 *та* – более 24 см]). – *Светлов Г.Е.* Путь богов: синто в истории Японии. – М.: Мысль, 1985. – С. 28.

⁸ *Иэнага С.* История японской культуры. С. 31.

коньего города–крепости”¹... В... государстве некогда было 28 ён-ванов (кит. *лун’ ван* – “драконых государей”²; или: “государей–правителей”³)... [Они] с пяти–шести лет (поочерёдно) наследовали (кор. *зе*)⁴ престол правителей (кор. *ванов*)⁵, вступая на трон ... Однако [государей уже] не выбирали (кор. *му ган-тхэк*, кит. *у цзяньцзэ*)⁶, все вступали на великий престол (кор. *тхэви*, кит. *дэвэй*)⁷...» (наследуя трон)⁸ [Самгук-юса, кн. 1, (21) Тхальхэ-ван]. Таким образом, по сообщению «Самгук-юса», к середине I в. н.э. в политике Тапха-панъгук процарствовали 28 таких правителей, чья власть, как утверждает корейский источник, уже передавалась по наследству.

- н.** «Главный японский государь живёт в княжестве (кит. *гó* – *С.Д.*) Ематай»⁹ (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. К этой фразе есть комментарий: «Выяснено: нынешнее (V века – *С.Д.*) название Емадуй – [это] искажение звучания [топонима Яматай]».¹⁰
- о.** Владение Куя-кук (кит. Гоусе-гó, Гоуе-гó), т.е. Кымгван, в «Вэй-чжи»

¹ 龍城國 кор. *Ён-сон-гук* – досл. “государство Драконьего города–крепости”. – См. комментарий «ж».

² 龍王 кор. *ён-ван*, кит. *лун’ ван* – “драконьи государи”; или: “государь–правители”. – См.: комментарий «ж».

³ См. комментарий «ж».

⁴ 繼 кор. *зе* (계), кит. *цзи* – *гл. Б. ...2*) сменять (кого-л., напр. на посту); наследовать (кому-л., что-л.); быть преемником... наречие 1) последовательно, поочерёдно; один за другим... – БКРС. Т. II. С. 309.

⁵ 王位 кор. *ванъви* (왕위), кит. *ванвэй* – 1) престол, трон; 2) царское положение, титул царя... – БКРС. Т. II. С. 156.

⁶ 「無揀擇」 кор. *му гантхэк* (무간택), кит. *у цзяньцзэ* – «не выбирали» (*Ирён. Самгук-юса. С. 49*); где *揀擇* кор. *гантхэк* (간택), кит. *цзяньцзэ* – выбирать; где *揀* кор. *ган* (간), ён (*йён*) (연), кит. *цзянь* – 1) выбирать... (БКРС. Т. III. С. 772; ср.: *Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах. С. 238, прим. 241*); *擇* кор. *тхэк* (택), кит. *цзэ* – 1) выбирать... (БКРС. Т. II. С. 856).

⁷ 大位 кор. *тхэви* (태위), кит. *дэвэй* – 1) * трон; 2) высокий пост. – БКРС. Т. III. С. 619.

⁸ 「...龍城國... 國嘗有^レ二十八龍王。從人胎而生、自五歲六歲繼登^レ王位。<...> 然無揀擇、皆登^レ大位...」 – *Ирён. Самгук-юса, 1999. С. 48-49. Ср.: Akita T. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū’s subjugation of Silla. P. 121, note 13. Ср.: Корейские предания и легенды... С. 47; Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах. С. 238.*

⁹ *Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34; 「其大倭王 居^レ邪馬臺國。」* – Хоу-хань-шу 後漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шучзюй 中華書局, 1965. – Т. X. – С. 2820; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

¹⁰ 「【案: 今名^レ邪摩(惟)堆、音之訛也。】」 – Хоу-хань-шу, 1965. Т. X. С. 2820, прим. 1; ср.: *Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34, прим. 5.*

- (включая её список в «Тайпин-юй-лань»)¹ указано как владение, находящееся в северных пределах японского государства Нюй-ван-го: «Плывя водой, проходя через Ханьго [Южную Корею] то на юг, то на восток, достигают на её [Японии] северном побережье [владений] Гоусйе, Хань-го², через 7000 с лишком ли»³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Гоусйе; Вэйчжи, цюань 30, *вожэнь*, л. 236, 8-9]. В «Хоу-хань-шу» сказано: «Отправляясь⁴ на её [т.е. Японии] северо-западную границу [попадаешь во владение] Гоусе (Гоуе) [в] Хань-го (Южной Корее)...»⁵ [Хоу-хань-шу, Во].
- п.** Топонимы в низовьях реки Янцзы. См. комментарий «ьы».
- р.** Народ *дань-эр* (досл. «отвисшие уши») обитал в южном Гуандуне.⁶ По описанию комментаторов, ссылающихся на различные источники, название данного этноса произошло оттого, что у людей уши, из-за надетых на них украшений, отвисали так, что доставали до плеч.⁷ Люди *дань-эр* были связаны также и с островом Хайнань в Южно-китайском море, где существовал такой топоним (Дань-эр, округ на северо-западном побережье острова Хайнань).⁸
- с.** «...В общем ... недалеко от Чжуйяй и Дань-эр; и потому их законы и обычаи во многом сходствуют»⁹ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VII Во-го]. В

¹ См.: Тайпин-юй-лань, 1962. Т. IV. С. 3464.

² «...到^ㄌ其北岸 狗邪韓國...» – Саньго-чжи. Т. III. С. 545. См.: Катаяма М. “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но косацу. С. 2; Мицuki Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Тиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цюань)-ни цуйтэ. С. 59; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 58. В «Вэй-люэ» записано иначе: «...Прибываешь в Гоу-е (кор. Куя) [в] Хань-го (狗邪韓國), [через] 7000 с лишком ли...» – Цит. по: Хасимото М. Тōбё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкō, 1956. С. 12. Есть еще один вариант написания названия владения: 狗邪韓國 кит. Гоу-цзи (кор. Куи) [в] Лоу-го, где 韓國 кит. Лоу-го, видимо, ошибка *вм.* 韓國 кит. Хань-го (Южная Корея). – См.: Мицuki Т. Указ. соч. С. 59.

³ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 243-244; 「從^ㄌ郡至^ㄌ倭、循^ㄌ海岸水行、歷^ㄌ韓國、乍南乍東、到^ㄌ其北岸、狗邪韓國、七千餘里。」 – Саньго-чжи. Т. III. С. 544-545.

⁴ 去 кит. цюй – гл. 1) уходить, уезжать [в]; отправляться [в]... – БКРС. Т. IV. С. 948.

⁵ 「去^ㄌ其西北界 狗邪韓國。」 – Хоу-хань-шу. Т. III. С. 1706; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

⁶ Шань-хай-цзин цюань-и 山海经全译. – Гуйчжоу 贵州: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ 贵州人民出版社, 1992. – С. 318, прим. 2 к “Ли-эр го”.

⁷ Шань-хай-цзин // Каталог гор и морей (Шань-хай-цзин) / Пер. Э.М. Яншиной. 2-е изд., испр. – М.: Наталис, 2004. – С. 133, 262, прим. 7; Шань-хай-цзин, 1992. С. 318, прим. 2 к “Ли-эр го”.

⁸ Шань-хай-цзин, 1992. С. 318, прим. 2 к “Ли-эр го”; Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. А.Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2010. Т. IX. – IX, 506, прим. 104.

⁹ 「其地大較在... 與朱崖·儋耳相近、故其法俗多同。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822;

«Хоу-хань-шу» эта интересная фраза о Чжуяй и Даньэр, видимо, попала в данную летопись, видимо, из более раннего источника, утверждавшего, что земли предков японцев – *вожэнь* находились в южном Китае. В «Суй-шу» и «Бэй-ши» повторено: «...Неподалёку от Дань-эр»¹ [Суй-шу, св. 81-й, ле-чжуань, 46, *дун-и*, Во-го; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, 82, Во]. Близкая мысль звучит в «Нань-ши» и «Лян-шу»: «Местные произведения (кит. *у-чань* – досл. “продукция” народа *вожэнь* – *С.Д.*) сходны с произведениями (досл. “почти одно и то же” – *С.Д.*) в Дань-эр и Чжуяй»² [Нань-ши, св. 79-й, ле-чжуань, 69, *и-мо*, ч. 2-я, Во-го; Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*, Во]. «Саньго-чжи» отмечает отличие в оружии *вожэнь* и людей Дань-эр и Чжуяй: «Как оружие употребляют копье, щит, большой лук, деревянный лук [короткий книзу, длинный наверху], бамбуковые стрелы либо с железным наконечником, либо с костяным, что у них не о д и н а к о в о с Даньэрр и Чжу-яй»³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. *Чжуяй* – народ в южном Гуандуне⁴ (см. комментарий «р») и поселение на севере острова Хайнань в Южно-китайском море⁵, а также название округа на этом острове.⁶ *Дань-эр* – округ на том же острове Хайнань⁷ [Вьет шы лыок, кн. I,

---

см.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34; Маки Кэндзи 牧健二. “Гисивадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзэкэн 『魏志倭人伝』正解の条件 // Сириэн 史林. – Киото 京都, 1970. – Т. 53. – № 5. – С. 86; Янго К. Ямато то сйтэн-но Яматай. С. 8; Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. – М.: Изд-во МГУЛ, 2003. – С. 114.

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94; 「與 儋耳 相近。」 – Суй-шу, 2004. С. 1652; 「與 儋耳 相近。」 – Бэй-ши, 2004. С. 2562.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 44; ср.: 「物産 略 與 儋耳・朱崖 同。」 – Нань-ши, 2004. С. 1673; 「物産 略 與 儋耳・朱崖 同。」 – Лян-шу 梁書 (из серии “Эрши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацзидянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – С. 730.

³ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 246; см.: Ван Юн 王 勇. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь 吴越移民与古代日本. – Чжэцзян 浙江: Гочжи вэньхуа гунфан чубань фасин 國際文化工房出版发行, 2001. – С. 53.

⁴ Шань-хай-цзин, 1992. С. 318, прим. 2 к “Ли-эр го”.

⁵ См.: Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – С. 259, 262, 271.

⁶ Округ Чжуяй был образован при династии Ранняя Хань в период годов Юань-фэн (110-105 годы до н.э.). В 116 году н.э. округ был ликвидирован и восстановлен в 242 году. – Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). – М.: Вост. лит., 2001. – С. 484, 460; см.: Там же. С. 104, 122.

⁷ В 5 году н.э. он был ликвидирован и его территории были включены в округ Чжуяй. – Чжоу Цюй-фэй. За хребтами... С. 484, 460; см.: Там же. С. 104, 122; Сыма Цянь. Исторические записки, 2010. Т. IX. С. 506, прим. 104; Шань-хай-цзин, 1992. С. 318, прим. 2 к “Ли-эр го”.

анналы Чиеу, Тхуат Зыонг *выонг*¹].

Сведения древнекитайского трактата «Лунь-хэн» указывают на южно-китайскую прародину предков японцев – народа *вожэнь*.² В трактате говорится, что народ *вожэнь* во времена чжоуского Чэн-вана (1024-1005 гг. до н.э.) жил рядом с народом *юэ* (этнической группой *юэ-шан*, обитавшей в Южном Китае), и их послы приезжали с данью ко двору Чжоу [Лунь-хэн, св. 8-й, 13-й, 19-й].³ «Во времена Чжоу, [когда] Поднебесная [была] в великом мире (спокойствии), [народ] *юэ-шан* преподнес белого фазана⁴, [народ] *вожэнь* принес [в] дань “ароматные травы” (кит. *чэн-цэо*)⁵»⁶ [Лунь-хэн, св. 8-й, *жу-сэн пянь*, 26-28]. Кроме того, исследователи считают, что об этих же событиях речь идёт и в 13-м свитке, когда ко двору династии Чжоу (во времена чжоуского Чэн-вана)⁷, «...белый фазан был поднесён как дань (кит. *гун*) от [народа] *юэ* (т.е. *юэ-шан*⁸ – С.Д.), [а] “пышная трава” (кит. *чэн-цэо*) принесена в дар (кит. *сянь*) от [народа] *во*⁹»¹⁰ [Лунь-хэн, св. 13-й, книга “[О] сверхстранностях” (*чао-ци пянь*), 39-11]. В 19-м свитке говорит-

¹ См.: Краткая история Вьета (Вьет-шы-лыок). – М.: Наука, 1980. – С. 113.

² 「倭(wo)人: 古代称日本人。」 – Лунь-хэн 論衡. – Гуйян 貴阳: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ 貴州人民出版社, 1993. – С. 303, прим. 2; С. 303.

³ См.: Хасимото М. Тёё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкё, 1956. С. 7; Мори К. Нихон синси. С. 90; Уэда М. и др. Нихон кодай-си. С. 56, 58; см. также: С. 56-58; Ван Юн. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 46.

⁴ 白雉 кит. *бай-чжэй* – досл. “белый фазан” (Лунь-хэн, 1993. С. 514); где 雉 кит. *чжэй* – 1) фазан; самка фазана, фазанья курочка... 2) фазан пёстрый (*Phasianus versicolor*) ... (БКРС. Т. II. С. 348).

⁵ 鬯草 кит. *чэнцэо* – ароматные травы (БКРС. Т. IV. С. 316).

⁶ 「周時、天下大平、越裳獻白雉、倭人貢鬯草。」 (論衡 卷第八 儒僇篇) «Чжоу-ши, *тянь-ся да-пин*, *юэ-шан сянь бай-чжи*, *вожэнь гун чэн-цэо*». – Лунь-хэн, 1993. С. 514; цит. по: Хасимото М. Указ. соч. С. 7; Тянь-цзю Чуань 田久川. Гудай чжун-жи гуаньси ши 古代中日关系史. – Далянь 扫描版: Далянь 扫描版工学院出版社, 1987. – С. 23; Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 102.

⁷ Лунь-хэн, 1993. С. 852, прим. 3.

⁸ 越裳 кит. *юэ-шан* (Лунь-хэн, 1993. С. 852, прим. 3).

⁹ В тексте записан иероглиф 宛, который в географических названиях читается как *юань*. Как считают исследователи, здесь упомянуто событие, описанное в 8-м (儒增篇) и 19-м (恢国篇) свитках «Лунь-хэн»: 「倭人貢暢草」 «*Вожэнь* поднесли в дар “ароматные травы”», поэтому в некоторых случаях заменяют иероглиф 宛 на 倭 *во* (см.: Лунь-хэн, 1993. С. 852, прим. 4).

¹⁰ 「...未有周長生。白雉貢于越、暢草獻於宛(倭)。」 (論衡 卷第十三 超奇篇) «*Чан-цао сянь юй-во*» (Лунь-хэн, 1993. С. 851; цит. по: Хасимото М. Указ. соч. С. 7; Лаптев С.В. Указ. соч. С. 102).

ся о жертвенном вине (кит. *чән*)¹, если это только не сокращённая запись термина *чән-цәо* (“пышная [трава]”)², как полагают – куркума длинная (кит. *йюйцзынь-цәо*)³, которая в древности использовалась как сырьё (ингредиент), для изготовления жертвенного вина⁴. «Во времена Чэн-вана (1024–1005 гг. до н.э.) [народ] *юэ-шан* преподнес фазана, [народ] *вожэнь* принёс [в] дань жертвенное вино (кит. *чән*) (или: “пышную [траву]” (кит. *чән-цәо*))»⁵ [Лунь-хэн, св. 19-й, книга «[Об] обширных странах» (*хуэй-го пянь*), 58–11].

Данные события нашли отражение и в других разделах «Лунь-хэна». В 5-м свитке (глава “*И-сйюй*”) говорится: «Во времена Чжоу Поднебесная была в великом мире, *юэ-чән*⁶ поднесли в дар (кит. *сянь*) фазана⁷ для Чжоу-гуна (дядя Чэн-вана и регент при малолетнем Чэн-ване⁸ – С.Д.), Высокий предок⁹ – [государь Чэн-ван], получив [фазана], был к тому же счастлив (от этого). Фазан да ещё вещи из захолустья (кит. *цәоё*)...»¹⁰ [Лунь-хэн, св. 5-й, *И-сйюй пянь*, 18–5]. Чуть далее упомянуто и второе событие – поднесение людьми *вожэнь*¹¹ “пышных трав” (кит. *чән-цәо*), под которы-

¹ 暢 кит. *чән* – суц. * в.м. 鬯 (жертвенное вино) (БКРС. Т. III. С. 474).

² 暢: 暢草 (Лунь-хэн, 1993. С. 1216, прим. 3).

³ 郁金草 кит. *йюйцзынь-цәо* (Лунь-хэн, 1993. С. 1216, прим. 3); где 郁金 (鬱金) кит. *йюйцзынь* – 1) бот. куркума длинная (*Curcuma longa L.*); 2) фарм. корневы клубни куркумы длинной (БКРС. Т. III. С. 368; Т. II. С. 784).

⁴ Лунь-хэн, 1993. С. 1216, прим. 3.

⁵ 「成王之時、越裳獻雉、倭人貢暢。」(論衡 卷第十九 恢國篇) «Чэн-ван-чжи-ши, юэ-чән сянь чжи, *вожэнь гун чән*» (Лунь-хэн, 1993. С. 1216; цит. по: Хасимото М. Тбё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 7; Тянь-цзю Чуань 田久川. Гудай чжун-жи гуаньси ши 古代中日关系史. – Далянь 大连: Далянь гунсюэюань чубаньшэ 大连工学院出版社, 1987. – С. 23; Лантев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 102).

⁶ 越尝 кит. *юэ-чән* – то же самое, что и 越裳 кит. *юэ-шан* (Лунь-хэн, 1993. С. 298, прим. 12).

⁷ 雉 кит. *чжй* – фазан (BKRS. II, 348); истолковывается как 野鷄 кит. *ёцзй* – 1) фазан.... (см.: Лунь-хэн, 1993. С. 298, прим. 12; С. 1148, прим. 11).

⁸ 周公 кит. *чжэюгун* – 1) Чжоу-гун (собственное имя 旦 *Дань*, правитель династии Чжоу, XI в. до н.э.), сын чжоуского Вэнь-вана 周文王, играл важную роль как регент в период основания династии Западного Чжоу 西周; 旦 1) *ист.* Дань (имя Чжоу-гуна 周公) (см.: БКРС. Т. II. С. 37).

⁹ 高宗 кит. *гаозонг* – предок; пращур (обычно храмовое имя императора) (БКРС. Т. III. С. 249).

¹⁰ 「周時天下太平、越裳獻雉于周公、高宗得而吉。雉亦草野之物...」(論衡 卷第五 异虚篇) (Лунь-хэн, 1993. С. 297).

¹¹ 論衡《恢國篇》：“倭人貢暢”，故疑“人”字前夺一“倭”字：倭(wo)人。(Лунь-хэн,

ми подразумевались “ароматные травы”¹ (кит. *чан-цзяо*).² «Приказали “пышную траву” выращивать во времена Чжоу, [когда] Поднебесная была в великом мире, [во]жэнь³ пришли [и] принесли “пышные травы” (кит. *чан-цзяо*)»⁴ [Лунь-хэн, св. 5-й, *И-сьюй пянь*, 18-7].

Кроме того, упомянуты «вино из чёрного проса (кит. *цзюйчан*)»⁵, что было доставлено [ко двору Чжоу], и белый фазан, который был принесён [ко двору Чжоу]...»⁶ [Лунь-хэн, св. 18-й, *Гань лэй*, 55-11]. Исследователи указывают, что речь идёт о времени регентства легендарного Чжоу-гуна (при юном Чэн-ване), когда люди *вожэнь* некогда принесли как дань “ароматные травы” (кит. *чан-цзяо*)⁷, а *юэ-шан* – белого фазана, о чём сказано в главах *И-сьюй пянь* и *Цзян-жуй пянь* «Лунь-хэна».⁸

Как видно из приведённых выше текстов, речь идёт об одних и тех же событиях. Учёные указывают, что упоминаемая в цитатах трава *чан-цзяо* (“ароматная трава”, т.е. трава для благовоний) росла только в **Южном Китае** в районах Цзян-нани (в землях *юэ* современной провинции Гуандун).⁹ Под этими травами, как считают учёные, нужно понимать один из видов очень ценных “душистых трав” (кит. *сянцзяо*, возможно, зубровку душистую)¹⁰, которая **не произрастает в Японии**¹¹, а **росла** в округе Юйлин, на большей части провинции Гуанси.¹² Также *вожэнь* поднесли *чан-цзяо* (“пышную траву”)¹³, как полагают – куркуму длинную (кит. *юйцзйи*–

1993. С. 303, прим. 2; Там же. С. 303.

¹ 鬯 кит. *чан* – в.м. 暢... (БКРС. Т. IV. С. 316); 鬯 (*чан* 暢) : 鬯草 (Лунь-хэн, 1993. С. 1148, прим. 10).

² 暢草: 同“鬯 (*чан* 暢) 草” (Лунь-хэн, 1993. С. 302, прим. 1).

³ 故疑“人”字前夺一“倭”字: 倭 (*вэ*) 人 (Лунь-хэн, 1993. С. 303, прим. 2; С. 303).

⁴ 「使暢草生于周之時、天下太平、[倭]人来献暢草。」(論衡 卷第五 异虚篇) (Лунь-хэн, 1993. С. 302; С. 303, прим. 3).

⁵ 秬鬯 кит. *цзюйчан* – * вино из чёрного проса 黑黍 (для жертвоприношений и чествования отличившихся князей) (БКРС. Т. II. С. 328).

⁶ 「秬鬯之所為到, 白雉之所為来...」(論衡 卷第十八 异虚篇) (Лунь-хэн, 1993. С. 1147).

⁷ 傳說 周公攝政時, 倭人曾貢 鬯草. (Лунь-хэн, 1993. С. 1148, прим. 10).

⁸ Лунь-хэн, 1993. С. 1148, прим. 11.

⁹ Уэда М. и др. Нихон кодай-си. С. 58.

¹⁰ 香草 кит. *xiāngcǎo* – 1) душистые (благовонные) травы; 2) *бот.* зубровка душистая (*Hierochloa odorata* Beauv.); 3) ваниль (БКРС. Т. II. С. 579). См.: (Лунь-хэн, 1993. С. 852, прим. 4; *Тянь-цзю Чуань*. Гудай чжун-жи гуаньси ши. С. 23).

¹¹ *Тянь-цзю Чуань*. Гудай чжун-жи гуаньси ши. С. 32.

¹² 郁林郡 округ Юйлин (今广西省大部 большая часть современной провинции Гуанси) (Лунь-хэн, 1993. С. 852, прим. 4; *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 102).

¹³ 暢: 暢草 (Лунь-хэн, 1993. С. 1216, прим. 3).

цǎо)¹, которая в древности использовалась как сырьё (ингредиент – приправа или специя)² для изготовления жертвенного вина.³

Кроме того, *вожэнь* поднесли, возможно, и жертвенное вино (кит. *чǎн*)⁴, которое готовилось из проса и душистых трав – “пышных трав” (кит. *чǎн-цǎо*), как полагают – куркумы длинной (кит. *йǒуцзǐн-цǎо*).⁵ Кроме того, поднесли вино из чёрного проса (кит. *цзǒуцǎн*), использовавшееся для жертвоприношений и чествования отличившихся *чжухоу*. Двумя компонентами этого вина, как явствует из названия, было чёрное просо (кит. *цзǒу*) и “ароматные травы” (кит. *чǎн-цǎо* – возможно, зубровка душистая).⁶

В китайской литературе история о поднесении народом *юэ-шан* белого фазана ко двору Чэн-вана (1024-1005 гг. до н.э.) впервые встречается в «Шан-шу да-чжуань» (св. 4-й)⁷ Фу Шэна (ок. 268-178 гг. до н.э.) и «Хань-ши вай-чжуань» (св. 5-й, 12)⁸ Хань Ина (сер. II в. до н.э.). Из этих источников повествование о поднесении белого фазана людьми *юэ-шан* попало и в

¹ 暢草, 即 郁金草 (Лунь-хэн, 1993. С. 1216, прим. 3). 郁金草 кит. *йǒуцзǐн-цǎо*; где 郁金 (鬱金) кит. *йǒуцзǐн* – 1) бот. куркума длинная (*Curcuma longa* L.); 2) фарм. корневые клубни куркумы длинной (БКРС. Т. III. С. 368; Т. II. С. 784).

² 佐料 кит. *цзǒулиào* – приправа, специи (Лунь-хэн, 1993. С. 1148, прим. 10).

³ 郁金草、古代用它作为酿造祭祀用酒的原料 (Лунь-хэн, 1993. С. 1216, прим. 3).

⁴ 鬯 кит. *чǎн* – суц. 1) * жертвенное вино (приготовленное из проса и душистых трав) ... в м. 暢 кит. *чǎн* – суц. * в м. 鬯 (жертвенное вино) (БКРС. Т. IV. С. 316; Т. III. С. 474).

⁵ 暢草: 同“鬯(чǎн)草”, 指 郁金草 (куркума длинная). 古代酿造祭酒的佐料 (Лунь-хэн, 1993. С. 302, прим. 1); 祭酒 кит. *цзǐцзǒу* – 1) жертвенное вино... (БКРС. Т. IV. С. 796).

⁶ 秬鬯 кит. *цзǒуцǎн* – * вино из чёрного проса: 指 酿造祭祀用酒的两种原料: (1) 秬 黑色 просо (*цзǒу* 巨): 黑黍; (2) 鬯 (*чǎн* 暢): 鬯草, 指 郁金草 (Лунь-хэн, 1993. С. 1148, прим. 10).

⁷ 「交趾之南有越裳國。周公居攝六年、制禮作樂、天下和平。越裳以三象、重譯而獻白雉、曰...」 – Шан-шу да-чжуань 尚書大傳, св. 4-й 卷四, Да-гао 大誥 (“Великое повеление”), 14 // URL: <http://ctext.org/library.pl?if=gb&file=77368&page=56>; <http://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=610685> (дата обращения: 28.05.2018); 「交趾之南有越裳國。周公居攝六年制禮作樂天下和平越裳以一象重九譯【田犬即盧】啣雉曰...」 – Шан-шу да-чжуань 尚書大傳, “Гуй-хэ” 歸禾, 2 // URL: <http://ctext.org/library.pl?if=en&file=85061&page=39> (дата обращения: 28.05.2018); 「交趾之南有越裳回。周公居攝六年制禮作樂天下和平越裳以一象重九譯面獻白雉曰...」 – Фу Шэна 伏勝. Шан-шу да-чжуань 尚書大傳, Чунья 蟲牙 *chóngyá* (“Гнилые зубы”), 7 // URL: <http://ctext.org/library.pl?if=en&file=98455&page=46>; <http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=196340> (дата обращения: 28.05.2018).

⁸ 「成王之時、有三苗貢桑而生... 比幾三年、累有越裳氏重九譯而至、獻白雉於周公...」 – Хань-ши вай-чжуань 韓詩外傳, св. 5-й 卷五, 12 // URL: <http://ctext.org/han-shi-wai-zhuan/juan-wu/zh> (дата обращения: 28.05.2018).

«Хоу-хань-шу» (св. 86-й, *нань-мань си-и* ле-чжуань, 76¹).² Фраза из «Шан-шу да-чжуань» процитирована в «Тайпин юй-лань» (раздел “Юэ-шан го”).³ Сведения «Лунь-хэна» о дани от народа юэ (вьет. *вьет*), прибывшего ко двору правителя Чжоу – Чэн-вана (1024-1005 гг. до н.э.), подтверждает южнокитайско-северовьетнамский источник «Вьет-шы-люок» (кит. «Юэ ши люэ»); ссылающийся на древнекитайские источники «Чунь-цю» и «Дай-ци»): «Период правления Чэн-вана [династии] Чжоу. Некогда Юэ-шан-ши⁴ впервые поднесли белого фазана. Чунь-цю называет [этого фазана] “Цюэ ди”, Дай-ци – “Дяо ти”»⁵ [Вьет-шы-люок, кн. I, “События, [происходившие] в первый период существования государства”]. Также сведения о посольстве юэ даны и в другом вьетнамском источнике «Дайвьет шы ки тоан тхы» («Полное собрание исторических записок Дайвьета»: «Во времена чжоуского Чэн-вана наш Вьет (кит. юэ – С.Д.), называя себя родом Вьеттхьонг (кит. Юэ-шан⁶ – С.Д.), впервые направил послов ко [двору] Чжоу <неизвестно при каком поколении [Хунг-вьонгов]> и преподнес белого фазана...».⁷ История о поднесении родом Вьеттхьонг (Юэ-шан) белого фазана также содержится в «Линьнам тьить куай».⁸

Таким образом, древнекитайский источник утверждает, что земли *вожэнь* располагались недалеко от южного Гуаньдуна и острова Хайнань (находящегося в Южно-китайском море). Это означает, что изначально народ *вожэнь* обитал в Южном Китае (в Цзян-нани) – в районах близости от острова Хайнань, и по соседству с южно-китайским этносом юэ. Причём, «Дайвьет шы ки тоан тхы» связывает народ *юэ-шан* с областью Цзяочжи (вьетнам. *Зяоты*): «Как известно ... [земли] Цзяочжи стали [их] границей (древнекитайских государств – С.Д.) на юго-западе и оказались далеко за пределами [проживания] боюэ⁹ ... Боюэ оказались в пределах

¹ 「交阯之南有越裳國。周公居攝六年，制禮作樂，天下和平，越裳以三象重譯而獻白雉，曰...」(後漢書 卷八十六 南蠻西南夷列傳 第七十六) – Хоу-хань-шу 後漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1973. – Т. X. – С. 2835.

² Полное собрание исторических записок Дайвьета. – М.: Вост. лит., 2002. Т. I. – С. 198, прим. 47.

³ 「《尚書大傳》曰：交阯之南有越裳國。周公居攝六年，制禮作樂，天下和平。越裳以三象重譯而獻白雉，曰...」 – Тайпин юй-лань, “Юэ-шан-го” (太平御覽·越裳國) // URL: <http://ctext.org/text.pl?node=399655&if=gb> (дата обращения: 28.05.2018).

⁴ 越裳氏 Юэ-шан-ши – досл. “род юэ в юбках (?)”. – См.: Краткая история Вьета (Вьет-шы-люок). – М.: Наука, 1980. – С. 285.

⁵ Краткая история Вьета (Вьет-шы-люок). С. 109.

⁶ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. I. С. 198, прим. 47.

⁷ Там же. С. 112.

⁸ Там же. С. 198, прим. 47.

⁹ Ср.: «В древности, ... по причине того, что Цзяочжи находилось далеко за пределами [проживания] боюэ и никак (никому) не удавалось подчинить его управлению

(области – С.Д.) Янчжоу. Цзяочжи принадлежало к ней же. Со времен чжоуского Чэн[-вана] (когда местный род юэ (вьетнам. *вьет*) из южных земель преподнес белого фазана Чэн-вану¹ – С.Д.) стали прозываться род *Юэшан* (*Вьеттхьонг*). Отсюда и пошло название Вьет (*Юэ*)»² [Дайвьет шы ки тоан тхы, гл. 1-я]. Таким образом, *юэ-шан* локализовались в области Цзяочжи (вьетнам. *Зяоты*), расположенной на юге нынешних провинций Гуандун и Гуанси и севере Вьетнама.³ Где-то рядом с *юэ-шан* южных районов Гуандуна и Гуанси, поблизости от *дань-эр* в южном Гуандуне и на острове Хайнань, недалеко от округов Дань-эр и Чжуйяй острова Хайнань – в Южном Китае обитал народ *вожэнь*, но где точно – неизвестно.

Это подтверждается археологическими и генетическими исследованиями. Как установили археологи, вскоре после переселения из Кореи предков тунгусо-маньчжурского народа *идзумо*⁴, в середине I тыс. до н.э. в долине реки Онга в северо-западном Кюсю появились переселенцы из южной Кореи, принесшие с собой культуру *яёй*⁵ – потомки выходцев из Южного Китая. Вывод о миграции населения из Южного Китая через Южную Корею на Японские острова находит подтверждение и в генетическом материале японцев. Генетические исследования гаплогрупп Y-хромосомы населения Южного Китая и Юго-Восточной Азии привели учёных к следующим выводам. Данные, полученные учёными-генетиками, также подтвержда-

---

... и провел[и] тогда границу по юго-западной окраине». – Вьет шы лыок, 1985. С. 1.

¹ Полное собрание исторических записок Дайвьета. Т. I. С. 191, прим. 9.

² Там же. С. 109.

³ 交趾 кит. *цзяочжэй* – ист. Цзяочжи (*бывшая южная окраина империи, на юге нынешних пров. Гуандун и Гуанси и севере Вьетнама*). – См.: БКРС. Т. IV. С. 47.

⁴ Подробнее см.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 58; *Воробьев М.В.* Древняя Япония. С. 105; *Mizuno Yu.* Origins of the Japanese people // *Understanding Japan*. – Токио, 1968. – № 22. – Р. 24. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Участие тунгусо-маньчжурских народов в заселении Японских островов // *Вестник Уральского отделения РАН: наука, общество, человек*. – 2012. – № 4 (42). – С. 80-90; *Суровень Д.А.* Сведения древнеяпонских источников о расселении тунгусо-маньчжурского народа идзумо на острове Хонсю // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. – Киров, 2013. – № 1 (1). – С. 72-87.

⁵ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Древние государства южного Китая и этногенез народа *вожэнь* // *Китай: история и современность. Материалы научно-практической конференции, 11-12 ноября 2009 г.* – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2010. – С. 116-123; *Суровень Д.А.* Процессы этногенеза древних японцев во второй половине I тыс. до н.э. // *Этногенез. История. Культура: III Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 23 ноября 2018 г.* – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – С. 244-252; *Суровень Д.А.* Переход к производящему хозяйству в первобытной Японии // *Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 12.03. 2021 г.)* / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – Т. 1. – С. 38-47.

ют гипотезу, что Y-гаплогруппы O-M122 (т.е. O-M134 и O-LINE), а также последовательность O-M95 в пределах O-P31, пришли в Японию с распространением культуры *яёй* (начиная с 400 г. до н.э.). Исследователи выдвинули гипотезу, что расселение неолитических земледельцев из Юго-Восточной Азии также принесли линии гаплогруппы O – в Корею и, в конечном счёте, в период *яёй* – в Японию.¹

- т. Исследователи отмечают, что описание климата и вегетации растений (возможность выращивания растений два раза в год, летом и зимой) – соответствует климатическим условиям **юго-западной** Японии.
- у. В I–III вв. социальная принадлежность человека к той или иной общине определялась татуировкой. «Разрисовка тела в разных владениях различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая...»² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «[Во] всех территориальных общинах (кит. *гó*, яп. *кунí*) узоры (кит. *вэнь*) (татуировки) [в] каждой [общине] различаются: то левая, то правая, то большая, то маленькая...»³ [Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 25 а, 8-9].

По принадлежности к гражданским общинам (кит. *гó*, яп. *кунí*) (по обладанию статусом гражданства) всё свободное население делилось на *граждан* (т.е. общинников) и *лиц без гражданства* (т.е. чужаков–необщинников). Как можно предполагать, *статус гражданства* получали: (1) путём рождения в браке граждан; (2) получением гражданства (в тот период – принятием в состав общины, когда человек становился общинником данной гражданской общины, получая права владения и пользования землёй в общинном земельном фонде).

В связи с тем, что для гражданской общины, возникающей в раннеклассовый период, характерно отсутствие ещё особого аппарата принуждения, функции которого по отношению к эксплуатируемому производителю выполняла община в целом.⁴ Поэтому в данный период **только община могла гарантировать человеку защиту его интересов**. Это объясняется тем, что существование самой общины лишало всех, кто не входил в нее, свободного доступа к основному средству производства – **земле** и ставило их

---

¹ Hammer M.F., Karafet T.M., Park Hwayong, Omoto Keiichi, Harihara Shinji, Stoneking M., Horai Satoshi. Dual origins of the Japanese: common ground for hunter-gatherer and farmer Y chromosomes // Journal of Human Genetics. – 2006. – № 51. – P. 56. Подробнее см.: Суровень Д.А. Этнокультурные и политические связи южнокорейских общин–государств I–III веков с юго-западной Японией. С. 149-150.

² Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 245.

³ 「諸國文身各異、或左、或右、或大、或小...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 129. См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 245.

⁴ Шиллюк Н.Ф. Закономерности развития государства в рабовладельческом обществе // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1984. – С. 4.

в бесправное положение.¹ Поэтому в рабовладельческом праве *статус гражданства* был связан с правом собственности на землю. Следствием чего было то, что не все свободные люди были одинаково правоспособны.

Тексты китайских источников не оставляют никаких сомнений в том, что речь идёт об *общинной знати* и *рядовых общинниках* – это два слоя **единого общинного коллектива**. «Хоу-хань-шу», описывающая события I в. до н.э. – II в. н.э., сообщает нам: «Мужчины вообще татуируют себе лицо и тело и по величине черт, равно по правой или левой стороне, отличают знатных от низких»² [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII Во]. «Старшие и младшие (или: *благородные* и *низкие*³ – С.Д.) имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым»⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30]. «*Благородные* [и] *низкие* **все** имеют различный ранг (кит. *чā*, *чāй*)⁵, [идущие ниже рангом по] порядку (кит. *сōй*) полностью (кит. *цзү*) подчиняются⁶ [вышестоящим]»⁷ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 2-3]. То есть, общинная знать в I в. н.э. уже выделилась настолько, что социальное положение стало отмечаться татуировкой⁸, стало возможным навсегда закрепить за человеком его место в обществе.⁹ Но вне зависимости от роли в управлении общинным коллективом в древности везде оба слоя общины (**знать** и

---

¹ Шлюк Н.Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. – С. 22.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34.

³ Употреблены иероглифы: 尊 кит. *цзүнь* – “благородный”, “старший” (досл. «почитаемый, благородный; глава, начальник»). – БКРС. Т. III. С. 53) и 卑 кит. *бэй*, *бй* – “низкий; человек низкого положения”, “младший” (БКРС. Т. II. С. 811). – См.: Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; ср.: 卑 яп. *хи* / *иясий* – простой (по происхождению); бедный, низкий. – ЯРУСИ. С. 118.

⁴ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247.

⁵ 差 кит. *чā* – 1) ...различие... 6) *чāй* – служебное поручение (дело); служба, должность; ...повинности (государственные) обязанности... 8) *цы*, *чā* – порядок, иерархия; ...р а н г. – БКРС. Т. II. С. 70.

⁶ 臣服 кит. *чэнь фу* – 1) подчиняться, покоряться; 2) становиться вассалом; признавать себя подданным. Здесь употреблен иероглиф 臣 *чэнь*, имеющий оттенок подчиненности в политическом плане: гл. 1) служить (государю); выполнять долг вассала (подданного, подчиненного); 2) признавать своё подданство, становиться вассалом; 3) делать (кого-л.) своим подданным; подчинять, покорять (БКРС. Т. II. С. 328).

⁷ 「尊卑各有^レ差、序足相臣服。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; см.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн кэйсэй сирон. С. 129; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэзнакатта Яматай-коку. С. 61.

⁸ Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 241.

⁹ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 86.

рядовые общинники) обладали неотъемлемым правом на землю¹ и сохраняли гражданские права², в том числе и гарантию защиты прав лица, что резко отличало экономическое и социальное положение членов общины от положений лиц, не входивших в общинный коллектив.³

ф. Китайская династийная история «Хоу-хань-шу» и энциклопедия «Тун-дзянь», говоря о Японии (и, в том числе – о Кюсю), сообщают о существовании “*городов*” (поселений с укреплениями по периметру): «Имеют города, [обнесенные стеной] (кит. *чэн*⁴ – С.Д.), и окружают тыном (кит. *чжэ* – частоколом⁵ – С.Д.) дома»⁶ (пер. Н.В. Кюнера)⁷ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во); Хоу-хань-шу, цз. 115, *дунъи-ле-чжуань*, 75, Во].

Такие общины-государства, обычно, представляли собой объединение территориальных общин. Везде в мире, в одно из поселений, расположенное в удачном месте (с экономической и военной точки зрения), переселялись общинники из близлежащих деревень. И оно становилось главным поселением и получало название “*город*” (т.к. обычно оно огораживалось оборонительными сооружениями).⁸ Как установили исследователи, исто-

---

¹ См.: Ильин Г.Ф. Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // Вестник древней истории. – 1983. – № 3. – С. 20; Дьяконов И.М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. – 1963. – № 1. – С. 20, 21, 19, 29, 33-34; История древнего мира. – М.: Наука, 1982, 1989. – Т. I–III.

² Там же.

³ Закономерности развития рабовладельческого общества. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. – С. 21; Ильин Г.Ф. Указ. соч. С.29; История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. – М.: Наука, 1982. – С. 37-38; 1989. – С. 40; Шилюк Н.Ф. Закономерности процесса перехода к классовому обществу и государству // История древнего мира: Древний Восток. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 13; см.: Сурувень Д.А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н.э. – III век н.э.). С. 152-155; Сурувень Д.А. Правовое положение населения в древней Японии. С. 133-155; Сурувень Д.А. Правосубъектность в древней Японии // История государства и права. – 2011. – № 7. – С. 15-19.

⁴ 城 кит. *чэн* – суц. 1) крепостная (городская) стена; 2) г о р о д. – БКРС. Т. IV. С. 257.

⁵ 柵 кит. *чжэ* – 1) изгородь... палисад, частокол; 2) крепость, укрепление. – БКРС. Т. III. С. 342.

⁶ 「有^レ城、柵^レ屋室。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; 「有^レ城、柵^レ屋室。」 – Тун-дзянь, 1988. С. 4995.

⁷ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 342; Н.Я. Бичурин перевёл это место следующим образом: «Имеют города, обнесённые тыном, и дом[а]». – Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34; см.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 104.

⁸ Это не город в современном понимании – это главное поселение, обнесённое (“огороженное”) оборонительной стеной (частоколом и т.п.); ср.: греч. *полис* в раннеархаический период (XI–IX вв. до н.э.) этот термин означал поселение, окружённое оборонительными сооружениями; ср. также: др.-русск. “город, городище”.

рически экономические основы возникновения города вытекают в системе общества раннеземледельческих культур – именно в результате активного развития раннеземледельческой экономики формируются предпосылки появления города.¹ Формирование города как определённого социально-экономического и социально-политического явления было процессом, достаточно растянутым во времени, и городу предшествовала форма относительно крупных поселений, возникавших как центры сельскохозяйственной округи, из которых осуществлялось как хозяйственное, так и потестарно-политическое руководство округой. По-видимому, протогород с самого начала выполнял и функции культового центра. Подобные ранние городские центры с прилежавшими к ним поселениями меньшего размера и сельскохозяйственными угодьями образовывали сначала социально-потестарную, а затем, по мере того как оформлялась классовая структура общества – и социально-политическую организацию, обычно обозначаемую как “город– государство” или “ном” (также “номовое государство”) (попросту – *община–государство* – С.Д.). Но административно-культовая функция ранних городов решительно преобладала над торгово-ремесленной: исследователи отмечают непроемкий характер таких городов – это обычно “государевы станы” (резиденции правителя). И всё же по мере того как протогород укреплялся в роли потестарно-политического центра и резиденции правителя с его окружением, возрастало и его значение как центра ремесленного производства и торговли (здесь формировался широкий рынок сбыта, жили богатые потребители, и торговля выступала как фактор, укрепляющий классовое образование).²

На северном Кюсю развалины крепостей II–III вв. сохранились до наших дней³, они представлены невысокими каменными стенами.⁴ Конкретных сведений об архитектурных памятниках древних городов того периода (неоднократно перестраивавшихся) чрезвычайно мало. Учёные предполагают, что, по всей вероятности, города во II–III вв. на северо-востоке Кюсю и юго-западе Хонсю мало отличались от крупных поселений позднего времени – периода Ямато (IV–VI вв.).⁵ В этой ситуации крупной удачей было случайное обнаружение в ходе земляных работ городища в Ёсиногари –

---

¹ Сайко Э.В. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. – М.: Наука, 1986. – С. 182. См.: История древнего мира, 1983. С. 40; Шиллюк Н.Ф. История древнего мира: Древний Восток. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 24.

² История первобытного общества. Т. III: Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – С. 250–251.

³ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 78; См.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 303.

⁴ Munro N.G. Prehistoric Japan. – Yokohama: Fukuin insatsu gōshi kaisha 福音印刷合資會社, 1911. – P. 327–328.

⁵ Навлицкая Г.Б. Осака. – М.: Наука, 1983. – С. 14.

местности в нескольких десятках километров к югу от залива Хаката (на территории владения Ну-го, яп. На-куни) на северном Кюсю. Раскопки в Ёсиногари, начавшиеся в 1986 г., установили, что на невысоком холме площадью свыше 30 га было укрепленное поселение, обнесенное двойным рвом, земляным валом с деревянным частоколом. Вдоль частокола на некотором расстоянии друг от друга возвышались 12-метровые наблюдательные вышки. Здесь же находился некрополь с большим числом могил, самым древним из которых, как полагают учёные, относятся к I в. н.э.¹ Сами обитатели городища жили в крытых соломой полуземлянках *татэана*, которых на территории поселения обнаружено не менее 350. Многочисленные предметы, найденные в могильнике и на территории самого городища, говорят не только о связях его жителей с материком, но и о том, что уже в первые века нашей эры японцы владели техникой, пусть примитивной, изготовления изделий из бронзы.²

Раскопки в Ёсиногари подтвердили точность сведений, содержащихся в «Вэй-чжи», которые долгое время не находили подтверждения в ходе многочисленных археологических исследований, не обнаруживавших ничего, что соответствовало описанию китайского источника. Династийная история «Вэй-чжи» даёт довольно детальное описание укрепленного городища, подобного Ёсиногари, населенного “людьми во” (т.е. древними японцами северного Кюсю).³

Таким образом, город (кит. *чэн*, др.-яп. *кй*⁴) был административным центром округа (там располагались органы управления *общины–государства*: правитель, совет общины и народное собрание); экономическим центром округа (здесь жила знать общины, жили ремесленники, производившие изделия, там находился рынок [яп. *йти*], где происходил обмен результатами труда)⁵; религиозным центром округа (здесь располагались главные храмы богов–покровителей общины) и оборонительным центром округа (за крепостными стенами в случае военной опасности укрывались люди). *Полития* делился на *территориальные* общины (на территории которых были отдельные *общины–поселения*). Вся совокупность земли, дере-

---

¹ Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации. С. 33-34.

² См.: Светлов Г.Е. Указ. соч. С. 33-34.

³ См.: Светлов Г.Е. Указ. соч. С. 33.

⁴ 城 кит. *чэн*, др.-яп. *кй* (произносится как *кы* – см.: Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык. 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 30) – город, т.е. огороженное укреплением поселение. Об этом см. статью в данном сборнике: Barnes G.L. *Twixt archaeological and textual evidence in protohistoric Japan*. С. 491-547.

⁵ См.: Лещенко Н.Ф. К вопросу о внутренних факторах развития капитализма в Японии // Дискуссионные проблемы японской истории // Дискуссионные проблемы японской истории. – М.: Наука, 1991. – С. 147.

вень и города образовывала *общину–государство*.¹

- х. По мнению исследователей, здесь речь может идти о *народных собраниях*², на что указывает и употреблённый в источнике термин “хуэй” – «собрание, заседание; сходка, сборище»³, на которую общинники «собираются, сходятся» (кит. *тун*) (или: их «собирают, сводят вместе»).⁴ О существовании данного органа сообщают «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи». «Только [когда на] собрания (кит. *хуэй*) сходятся (кит. *тун*), мужчины (кит. *нань*) [и] женщины (кит. *нюй*) не различаются...»⁵ [Хоу-хань-шу, св. 115, Во]; «[Когда на] их собрания (кит. *хуэй*) сходятся (кит. *тун*), [то, когда] сидят [и] встают, [говоря речь], отцы (кит. *фу*) [и их] сыновья (кит. *цзы*), мужчины (кит. *нань*) [и] женщины (кит. *нюй*) не имеют различия»⁶ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 а, 8; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во].
- ц. Причём факт существования *народного собрания* мог остаться не отмеченным китайскими путешественниками, так как для древнего мира это явление обычное, если бы, как отмечал М.В. Воробьев, их не поразило бы отступление от китайских церемоний и обычаев – полное равенство всех участников собрания, в том числе и женщин.⁷
- ч. В переводе Н.Я. Бичурина: «Учтивость изъясляют приседанием на корточки» (кит. *дунь-чжэ*)⁸ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. Сходная мысль выражена в «Саньго-чжи»: «При виде вельможи (кит. *дажэнь* – С.Д.) в качестве почтения только хватают руки, чтобы должным образом коленопреклоненно приветствовать» (кит. *дунь-чжэ*)⁹ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30,

¹ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 112-113.

² *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 84, 87.

³ 會 кит. *хуэй* – *суц.* 1) общество, союз... 3) собрание, заседание; сходка, сборище... гл. А. 1) собираться (для чего-л.)... встречаться; сходиться для (какой-л. цели)... 3) договариваться, быть в согласии; согласно (совместно) действовать... – БКРС. Т. II. С. 567.

⁴ 同 кит. *тун*, *тун* – *прил. / наречие* 1) одинаковый... 2) совместный, общий... вместе... гл. А. 1) собираться; сходиться... Б. 1) собирать, сводить вместе; 2) объединять... – БКРС. Т. III. С. 258.

⁵ 「唯會同、男女無別。...」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 34.

⁶ 「其會同、坐起、父子男女無別。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; ср.: *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 246.

⁷ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 84.

⁸ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35; 「以蹲踞為^レ恭敬。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; где 蹲踞 кит. *дунь-чжэ* – сидеть на корточках... – БКРС. Т. III. С. 55.

⁹ *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 247; 「見^レ大人所敬、但搏^レ手以當跪拜。」

Во]. Мицуки Тарō подчёркивает, что речь идёт о выражении почтительности в отношении знатных людей¹ – в том числе, замечает М.В. Воробьев, таким способом оказывали уважение “большим людям” (кит. *дэжэнь* – т.е. людям из *общинной знати*) во время собраний.² К описанию *народного собрания* исследователи относят и следующую характеристику источника³: «Говоря о деле, некоторые сидят на корточках, другие преклоняют колени. Общими руками хватаются за землю в знак глубокого уважения. Отвечая, громко произносят: “Ах!” Сближаются и таким образом [приходят к] соглашению»⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 8-10]. Руководство подобными собраниями, если посмотреть на мировой опыт, осуществлялось *главой* общины и *советом знати* совместно.⁵

В японском источнике «Кодзики» шесть раз упоминаются общинные собрания [Кодзики⁶, св. 1-й; Kojiki⁷, I; XVI, XVII, XXX, XXXI, XXXII], но память о них оказалась настолько слаба, что сохранилась только в мифах «эры богов» (*дзиндай*), повествующих о том, как «восемьсот мириад божеств» собираются на совет [Кодзики, св. 1-й; Kojiki, I; XVI]. Значение совета в тот древний период нашло отражение в том, что идея совета персонифицировалась в «божестве совета»⁸ – Божества-Мысли-Содержателя (Омои-канэ-но *ками*)⁹ [Кодзики, св. 1-й; Kojiki, I; XVI].

Но одно собрание общинников Со-но *куни* в области Химука (в юго-восточном Кюсю) перед Восточным походом в 294 году [испр. хрон.]¹⁰ описано в древнеяпонских источниках. В год *киноэ-тора* (51-й год цикла) [294

– Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546-547; где 跪拜 кит. *гуйбай* – благоговейно преклонить колени и бить челом; земной поклон. – БКРС. Т. IV. С. 330.

¹ Мицуки Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 67, прим. 1.

² Воробьев М.В. Япония в III-VII веках. С. 84.

³ Такикава С. Нихон сякай-си. С. 32; Мицуки Т. Указ. соч. С. 67, прим. 1.

⁴ Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 247; 「傳辭說事、或蹲或跪、兩手據^レ地、爲^レ之恭敬。對^レ應聲曰：『噫、比如然諾。』 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁵ См.: История древнего Востока. Ч. I: Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. – М.: Наука, 1983. – С. 111; Шиллок Н.Ф. История древнего мира, 1991. С. 44, 142.

⁶ Кодзики: Записи о деяниях древности, свиток 1-й / Пер. Е.М. Пинус. – СПб: Шар, 1994. – Т. I. – 320 с.

⁷ Цит. по: Kojiki: Records of ancient matters / Transl. by В.Н. Chamberlain. – Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1982. – P. 1-428.

⁸ Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 21.

⁹ См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I. С. 56, 77-78, 85, 247-248.

¹⁰ О ревизии хронологии см.: Суровень Д.А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико*. С. 175-198; Суровень Д.А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму. С. 136-220.

год [испр. хрон.], видимо, осенью¹], когда Дзимму (предку государева рода Ямато) исполнилось 45 лет, он, узнав, что на востоке есть прекрасная земля, предложил своим родственникам (братьям и сыновьям, и, вероятно, другим общинникам) переселиться в эти земли²: «“В восточной стороне есть прекрасная земля. Со всех четырёх сторон её окружают зелёные горы... Не отправиться ли туда и не основать ли там столицу?” – так рёк.³ Государевы дети все вместе, отвечая, рекли: “Доводы твои веские. Мы тоже давно так думаем. Поскорее отправляйся”, – так рекли. Это был год *киноэ-тора* Великого [шестидесятилетнего] цикла».⁴ Сходная информация дана в «Кудзи-хонки».⁵ [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *киноэ-тора*; Кудзи-хонки, св. 6-й (5), Иварэ-бико]. Об этом собрании родичей Дзимму упоминается в «Ямато-химэ-но микото сэйки»: «Каму-Ямато иварэ-бико-но *сумэра-микото*... Когда ему исполнилось 45 лет, он сказал старшему брату и детям: “В старину... окрестности в западной стороне⁶ начали управляться. Царственных предков почитали, полагали их божествами–*ками*⁷ и вещами мудрецами, и множились радости... и много лет так протекло...” В первый год... *киноэ-тора*, зимой, в ... 10-й лу[е] он изволил направиться в сторону страны Ямато...»⁸ [Ямато-химэ-но микото сэйки, 5. Восточ-

¹ Во-первых, летом 294 года японцы участвовали в набеge на Силла (*Ким Бусик*. Сам-кук саги. Т. I. С. 104). Во-вторых, общинникам нужно было завершить уборку урожая.

² См.: *Деоник Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 398; *Сила-Новицкая Т.Г.* Идеология «императорского пути» и массовое сознание // «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1989. – С. 48; *Мори К.* Нихон синси. С. 56.

³ См.: *Воробьев М.В.* Древняя Япония. С. 70.

⁴ Нихон-сёки: *Анналы Японии* / пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 178.

⁵ 「即年四十五歲、謂^レ兄及子等曰:<...>『東有^レ美地、青山四周... 何不就而都之乎?』。諸皇子對曰:『理實灼然、我亦恒以為念。宜早行^レ之。』是年也、太歲甲寅。」 – Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // *Кокуси-тайкэй 国史大系*. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. – Т. 7. – С. 303.

⁶ Земли в юго-западной Японии, прежде всего на острове Кюсю.

⁷ Т.е. предки обожествлялись.

⁸ Жизнеописание [принцессы–жрицы] Ямато-химэ-но микото («Ямато-химэ-но микото сэйки») / пер. Л.М. Ермаковой // *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Т. II: Переводы. – М.: Наука – Восточная литература, 2020. – С. 550; 「神日本磐余彦天皇 <...> 及 卅五歲、謂^レ諸兄及子等曰:『昔... 治^レ此西偏。皇祖皇考、乃神乃聖、積慶... 多歷年所。』<...> 元年甲寅歲、冬十月、發向^レ日本國。」 – Ямато-химэ-но микото сэйки *倭姫命世紀* // Ямато-химэ-но микото сэйки *倭姫命世紀考* // Бан Нобугото дзэнсё 伴信友全集. – Токио 東京: Коку-сё канкё-кай 国書刊行会, 1909. – Т. 5. – С. 28.

ный поход Каму-ямато иварэ-бико; Ямато-химэ-но микото сэйки, Дзимму, 45 лет].

Народное собрание общины–государства выросло из народного собрания первобытной соседской общины. *Общинники* – «народ», «люди страны» (кит. *гóжэнь*¹ – взрослые мужчины–воины, являвшиеся главами семей) должны были собираться на *народное собрание* в главном поселении (“городе”). Как и везде в древности, в Японии периода *яёй* (бронзового века) *народные собрания* собирались на главных (рыночных) площадях поселений, являвшихся политическими центрами владений (яп. *кунй*). «Во [всех] владениях (кит. *гó-гó*, яп. *кунй-гунй* – С.Д.) имеются рынки (кит. *шй*, яп. *йти* – С.Д.)...»², т.е. рыночные площади [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; *даво*³]. О том, как использовались эти рыночные площади, можно судить по значениям иероглифа *шй* (яп. *йти*) – “1) торжок; рынок, базар... 4) людное место, городская площадь; место сборищ; 5) сборище; толпа”⁴; т.е. в Японии, как и везде в древних гражданских общинах Востока и Запада, торговое место (яп. *йти*) являлось центральной площадью поселения (“города”), служившей одновременно местом сбора граждан на *народные собрания* и вообще для решения различных публичных и личных дел.⁵

Народное собрание, по сути дела, было формой собрания *общинного ополчения*, т.е. за властью *народного собрания* стояла военная организация общинников. *Народное собрание* не могло быть постоянно действующим органом, т.к. общинникам нужно было работать в поле, вести свои хозяйства. *Народное собрание* собиралось для решения самых важных дел. И,

¹ 國人 кит. *гóжэнь* – люди [нашей] страны, [наши] соотечественники. – См.: Лян-шу, 2004. С. 730.

² 「國國有^レ市...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; см.: *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 140; Нихон дзэнси. Т. I. С. 201, 302; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй кокка-но кōдзō. С. 90; *Ямао Ю.* Нихон кодай ōкэн-кэйсэй сирон. С. 72, 112-114; *Маэдзава Т.* Яёй-функюбо то кофун-но сōюцу. С. 66; *Маки Кэндзи* 牧 健二. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сьякай 第二・三世紀における倭人の社会 // *Сирин* 史林. – Киото 京都, 1962. – Т. 45. – № 2. – С. 18; *Исимода Сэ* 石母田 正. Нихон-но кодай кока 日本 の 古代 国家. – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1971. – С. 9-10; *Деоник Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 397; *Hashimoto Masukichi.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history // *Хасимото М.* Тōё-си-дзё-эри митару нихон дзё-ко-си кэнкō. Р. 4-5; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си. 図説日本庶民生活史. – Токио 東京: Кавадэ-сёбō-синся 河出書房新社, 1962. – Т. I. С. 106.

³ См.: *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 247.

⁴ 市 яп. *йти*, кит. *шй*. – БКРС. Т. III. С. 311.

⁵ См.: *Леценко Н.Ф.* К вопросу о внутренних факторах развития капитализма в Японии // Дискуссионные проблемы японской истории. – М.: Наука, 1991. – С. 147.

прежде всего, вопроса о власти: выборах правителя, т.е. главы *общины–государства*¹ – в качестве предводителя общинного ополчения на войне и как верховного жреца.² «Лян-шу» и «Бэй-ши» сохранили нам сведения о выборах правителей общинниками (кит. *гóжэнь*), которые «...совместно поставили (кит. *гунли*) [главу государства]... сделал государем»; при этом уточняется, что правителя «возвели на престол (кит. *ли*) люди [этого] государства (кит. *гóжэнь*, т.е. общинники)»³ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, чжу-и, Во; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, 82, Во].

Собрание общинников одобряло принятые *советом знати* решения.

Совет знати – второй орган управления *общины–государства*. Это было совещание при правителе, в котором заседали только знатные люди – кит. *дажэнь*, яп. *ō-bito*), который ещё в конце первобытного общества появился вместо прежнего *совета* старейшин общины. Теперь это был *совет знати* всей *общины–государства*.

Наличие *совета знати* можно предполагать, исходя из сообщения китайских источников. В «Хоу-хань-шу» сообщается: «Только [когда на] собрания (кит. *хуэй*) сходятся (кит. *тун*)...»⁴ [Хоу-хань-шу, св. 115, Во]; в «Вэй-чжи» сходная информация: «[Когда на] их собрания (кит. *хуэй*) сходятся (кит. *тун*)...»⁵ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 а, 8; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Дело в том, что сочетание иероглифов “*хуэй-тун*”, употреблённых в «Вэй-чжи», имеет также историческое значение “приём правителем членов знати; собрание знати при правителе”⁶ – это как раз и может указывать на *совет знати*, являвшийся совещательным органом при правителе.

Совет знати формировался из приближённых людей главы государства и *общинной знати* – наиболее опытных членов отдельных «домов» (чаще всего глав больших семей). Обычно именно *совету знати* поручалось детальное рассмотрение дел общины. Часто *совет знати* выбирал и *главу* общины в качестве предводителя общинного ополчения на войне и в качестве верховного жреца общины перед непознанными силами мира, персо-

¹ См.: *Иэнага С.* История японской культуры. С. 30.

² См.: История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. – М.: Наука, 1983. – С. 34.

³ 「乃共立^レ一女子... 為^レ王。<...> 故 國人立^レ之。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64; 「有^レ女子<...> 國人共立 為^レ王。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562.

⁴ 「唯會同...」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 34.

⁵ 「其會同...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; ср.: *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 246.

⁶ 會同 кит. *хуэй-тун* – *ист.* ассамблея, приём (*чрезвычайный и общий*) императором князей. – БКРС. Т. II. С. 568.

нифицированными в виде богов.¹ *Совет знати* ограничивал полномочия правителя. Так как суд не был отделён от администрации, то *совет знати* мог выполнять *судебные* функции в целом как коллегиальный *общинный суд* (кроме того, главы родов разбирали споры сородичей своего рода). Члены *совета знати* осуществляли *военные* функции (командовали отрядами своих родичей). Члены совета исполняли религиозные функции (связанные с родовыми культурами и почитанием предков). Так, в «Ямато-химэ-но микото сэйки» сказано: «...Царственных предков почитали, полагали их божествами–ками² и вещами мудрецами, и множились радости...»³ [Ямато-химэ-но микото сэйки, 5. Восточный поход Каму-ямато иварэ-бико; Ямато-химэ-но микото сэйки, Дзимму, 45 лет].

ш. «Много стариков, и очень многие живут **более ста лет**»⁴ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. «Много долголетних (кит. *шòу-кǎо*)⁵, достигших **ста [и] более лет** очень много»⁶ [Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, *дун-и*, Во]. «Их жители долголетни – до **100**, либо **80-90 лет**»⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «Их люди – долголетние, одни – **ста лет**, другие – **80-90 лет**»⁸ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 а, 9-10]. «Среди жителей много долголетних, по **100 лет** или **80-90 лет**»⁹ [Цзинь-шу, гл. 97, *вожэнь*; Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дун-и*, *вожэнь*]. «[Среди *вожэнь*] много долголетних, много достигших **80-90 лет**, некоторые достигают **100-летнего возраста**»¹⁰ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*]. «Много долголетних,

¹ См.: История древнего мира, 1982. Кн. 1. С. 34.

² Т.е. предки обожествлялись.

³ Жизнеописание [принцессы–жрицы] Ямато-химэ-но микото («Ямато-химэ-но микото сэйки») / пер. Л.М. Ермаковой // *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Т. II: Переводы. – М.: Наука – Восточная литература, 2020. – С. 550; (神日本磐余彦天皇)：「及 卅五歳、謂^レ諸兄及子等曰：『...皇祖皇考、乃神乃聖、積慶...』」 – Ямато-химэ-но микото сэйки *倭姫命世紀* // Ямато-химэ-но микото сэйки *倭姫命世紀考* // Бан Нобутото дзэнсё *伴信友全集*. – Токио 東京: Коку-сё канкё-кай 国書刊行会, 1909. – Т. 5. – С. 28.

⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах... Т. II. С. 35.

⁵ 寿考 кит. *шòу-кǎо* – глубокая старость, долголетие; престарелый, долголетний, старый. – БКРС. Т. III. С. 22.

⁶ 「多^レ壽考、至^レ百歳者 甚衆。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

⁷ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 247; см.: *Мори К.* Нихон синси. С. 260.

⁸ 「其人壽考、或百年 或八九十年。」 – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1999. С. 634; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; см.: *Мори К.* Нихон синси. С. 260.

⁹ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 256; 「人多壽 百年 或八九十。」 – Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2536; Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173.

¹⁰ 「多^レ壽考、多^レ至^レ八九十、或^レ至^レ百歳。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: *Мори К.*

доживающих до **80, 90** и даже до **100 лет**»¹ [Нань-ши, гл. 79, IV. Япония].

Исследователи так попытались объяснить большое количество японских долгожителей, доживавших до 80, 90 и 100 лет, о которых говорилось в китайских источниках. Первые сведения о существовании календаря и системы летосчисления у японцев относятся ещё к периоду существования ранних политических объединений *Эматэй-го* – *Нюй-ван-го* (к III веку). Как можно предположить, исходя из сообщений династийных историй о японцах, ежегодные **записи вели по весне и осенью** – дважды за период солнечного года, поэтому “лет” получилось вдвое больше. Содержатся они в древнекитайском источнике «Вэй-люэ», цитируемом в «Вэй-чжи»: «В “Вэй-люэ” (Вэй-люэ – С.Д.) **говорится: “По их обычаю не знают правильного года, четырёх времён года”**. **Записи ведут только по весенней пахоте и осенней жатве**»² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «По их обычаям **не знают правильного года** (кит. *чжэнь-суй* – досл. “первого месяца года”³) [из/и] **четырёх сезонов**, только исчисляют (вар.: **записывают**)⁴ весеннюю пахоту [и] осенний сбор (урожая) для счёта годов (для исчисления возраста) [кит. *няньцзи*]⁶ (делая **годовые записи**)...» [Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 а,

---

Нихон синси. С. 260.

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах... Т. II. С. 44; 「多壽考、或至^レ八九十、或百歲。」 – Нань-ши 南史(из серии “Эр ши сы ши”二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975. – Т. VI. – С. 1974; Нань-ши 南史(из серии “Эр ши сы ши цюань и”二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-той дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 1673.

² Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 246.

³ 正歲 кит. *чжэнь-суй* – *первый месяц года (при дин. Ся; соответствует третьему месяцу по лунному календарю). – БКРС. Т. II. С. 227; 歲 кит. *суй* – 1) год... 4) новый год, новогодний рубеж... *собств.* 1) кит. *астр.* Суй, планета Юпитер... – БКРС. Т. IV. С. 252.

⁴ 記 кит. *цзи* – гл. 1) сохранять в памяти... 2) отмечать, записывать, делать заметки; протоколировать; подробно излагать, описывать; *описывать*; *сущ.* 1) запись; сочинение; документ; официальная бумага, доклад; 2) *лит.* записки; летопись... – БКРС. Т. IV. С. 335.

⁵ В одном из списков «Вэй-люэ» вместо иероглифа 計 кит. *цзи* – “исчислять” употреблён иероглиф 記 кит. *цзи* – “записывать”: 「...但 記^レ春耕秋收、爲^レ年紀。」 – Цит. по: Мицуки Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 60; в этом случае перевод получится: «[По] их обычаям не знают правильного года (или: первого месяца года – кит. *чжэнь-суй*) [и/из] четырёх сезонов, только записывают (делают заметки) [по] весенней пахоте [и] осеннему сбору (урожая) для счёта годов (делая **годовые записи**)».

⁶ 年紀 кит. *няньцзи* – возраст, летá; кит. *няньцзи*’ – счёт годов, годы; где 年 кит. *нянь* – *сущ.* 1) год (как *календарная единица*); годичный; ежегодный; 2) год (как *отрезок времени*); годовой; 3) возраст, год, годы, лета; 4) Новый год, новогодний; 5)*

8-9; фрагмент Вэй-люэ¹. В словаре «Цзинь-дянь» приведены схожие сведения: «[По] их обычаям не знают правильного года (кит. *чжэнь-суй*) [из] четырёх времён [года]. Только **записывают** весеннюю пахоту [и] осенний сбор (урожая) для счёта годов (для исчисления возраста) [кит. *няньцзи*] (дела **годовые** записи)».² «Лян-шу», говоря о периоде I–III веков, также сообщает: «[По их] обычаям **не знают правильного года** (кит. *чжэнь-суй*)»³ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48; *чжу-и*, дуньи, Во].

То есть у японцев в юго-западной Японии (на Кюсю) в III веке существовала какая-то самостоятельная, отличная от китайской, календарная система, основанная не на четырёх сезонах, а **на двух периодах** (зимний – летний, с весны до осени и с осени до весны). **Двухсезонность** данного календаря определялась климатическими условиями юго-западной Японии с её мягким влажным субтропическим климатом с почти круглогодичным вегетационным периодом (220-280 дней и более) и отсутствием выраженных четырёх сезонов.⁴ По мнению Мотоори Норинага, это был в крайней степени простой, чисто **японский** способ летосчисления.⁵ Как можно предполагать, исходя из описания японского календаря III века в древнекитайских источниках, он мог быть “вечным” календарём “весен и осеней” (яп. *сюндзю-нага-рэки*⁶), следы которого, по мнению исследователей, прослеживаются в «Нихон-сёки».⁷

Этим должна была быть объяснена растянутая хронология древнейшего периода, так как при счёте полугодиями количество исчисляемых пе-

---

урожайный год, урожай ... (БКРС. Т. II. С. 892, 891); 紀 кит. *цзи, цзи – суц.* ...3) записи, заметки; повествование; лит. летопись деяний, анналы, хроника (правления императоров); 4) * источники летосчисления; годы, возраст... (БКРС. Т. IV. С. 338).

¹ 「魏略曰其俗不知正歲四節、但計春耕秋收、爲年紀。」 – Саныго-чжи, 1971. Т. III. С. 856, прим. 1; цит. по: Хасимото М. Тбё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 13; Мицуки Т. Указ. соч. С. 60; Мори К. Нихон синси. С. 115; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 100, 226; ср.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 246.

² 「不知正歲正歲四節、但記春耕秋收、爲年紀。」 – Цит. по: Хасимото М. Тбё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 13.

³ 「俗不知正歲。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; Лян-шу, Во-го 梁書 倭國 // URL: <http://inoues.net/uamahonpen4.html> (дата обращения: 08.08.2016).

⁴ Современная Япония: справочник. – М.: Наука, 1968. – С. 10.

⁵ Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 114.

⁶ 春秋長曆 яп. *сюндзю-нага-рэки*; где 長曆 яп. *нага-рэки*, кит. *чан-ли* – вечный календарь (особенно: определяющий сроки новолуний на века вперед). – BKPC. Т. III. С. 864.

⁷ См.: Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 157.

риодов удваивалось.¹ В связи с этим, начале XX века Вильям Брамсен высказал идею, что до правления Нинтоку (государя *О-сацзак*) [до начала III века традиционной хронологии] летосчисление велось солнечными **полугодиями** (от равноденствия до равноденствия).² Эту гипотезу о “годовых” полугодиях в конце XX – начале XXI веков поддержали члены научного общества Фурута Такэхико – прежде всего, сам Фурута Такэхико и, в частности, Кога Тацүя.³ Подобные взгляды основывались на сообщениях китайских источников (в первую очередь, на цитате «Вэй-люэ» в «Вэй-чжи»)⁴ о том, что японцы «...исчисляют (вар.: записывают)⁵ **весеннюю пахоту [и] осенний сбор (урожая) для счёта годов** (кит. *нъянь-цзү*)...»⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, вожэнь, цз. 30-й, л. 26 а, 8-9, Вэй-люэ]; и на записи в словаре «Цзинь-дянь»: «Только записывают **весеннюю пахо-**

¹ См.: *Koga Tatsuya*. A study on the long lives described in the classic // Phoenix: The Journal of the International human observation society. – Higashi-Osaka, 2007, April, No. 1. – P. 11, 12.

² *Bramsen William*. Japanese Chronological Tables showing the date, according to the Julian or Gregorian Calendar, of the first day of each Japanese month: from Tai-kwa 1st year to Mei-ji 6th year (645 A.D. to 1873 A.D.). – Tokyo: Seishi Bunsha, 1880. – P. 81; *Ginzel F.K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1906. – Band I. – S. 495.

³ См.: *Koga Tatsuya*. A study on the long lives described in the classic. P. 11-12; *Кога Тацүя* 古賀 達也. Буцүда-но нибай-нэн-рэки (ч. 1-я) 仏陀の二倍年曆 (前編) // Фурута сигаку-кайхō 古田史学会報. – 2002, август. – № 51 // URL: <http://www.furutasigaku.jp/jfuruta/kaihou51/koga51.html> (дата обращения: 08.08.2017); *Кога Тацүя* 古賀 達也. Буцүда-но нибай-нэн-рэки (ч. 2-я) 仏陀の二倍年曆 (後編) // Фурута сигаку-кайхō 古田史学会報. – 2002, август. – № 52 // URL: <http://www.furutasigaku.jp/jfuruta/kaihou52/koga52.html> (дата обращения: 08.08.2017); *Кога Тацүя* 古賀 達也. Нибай-нэн-рэки-но сэйкай 二倍年曆の世界 // Син-кодайгаку. Сб. 7-й. – 2004. 『新・古代学』第7集, 2004年 // URL: <http://www.furutasigaku.jp/jfuruta/sinkodai7/koga72ba.html> (дата обращения: 08.08.2017); *Кога Тацүя* 古賀 達也. Сёку Нибай-нэн-рэки-но сэйкай 二倍年曆の世界 // Син-кодайгаку. Сб. 8-й. – 2005 『新・古代学』第8集, 2005年 // URL: <http://www.furutasigaku.jp/jfuruta/sinkodai7/koga82ba.html> (дата обращения: 08.08.2017).

⁴ *Koga Tatsuya*. A study on the long lives described in the classic. P. 11.

⁵ 記 кит. *цзү* – 記. 1) сохранять в памяти... 2) отмечать, записывать, делать заметки; протоколировать; подробно излагать, описывать; *суц*. 1) запись; сочинение; документ; официальная бумага, доклад; 2) *лит.* записки; летопись... – БКРС. Т. IV. С. 335.

⁶ Цит. по: *Мицүки Т.* “Тайпин-юй-лань”-сэин “Вэйчжи-вого-цзюань”-ни цуйтэ. С. 60.

⁷ 「魏略曰 其俗不知 正歲四節、但 計 春耕秋收、爲 年紀。」 – Саньго-чжи, 1971.

Т. III. С. 856, прим. 1; цит. по: *Хасимото М.* Тбё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 13; *Мицүки Т.* *Мицүки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сэин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 60; *Мори К.* Нихон синси. С. 115; *Воробьёв М.В.* Япония в III–VII веках. С. 100, 226; ср.: *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 246.

ту [и] **осенний сбор (урожая)** для **счёта годов** (кит. *нянь-цзи*)».¹ Как можно предположить, исходя из цитат, счёт лет (ежегодные записи) **вели по весне и осенью** – дважды за период солнечного года, поэтому “лет” получилось вдвое больше.

щ. В I–III вв. н.э. существовала *большая семья* (яп. *ко* – “двор”), в которую входило несколько малых семей (яп. *монко*). В «Хоу-хань-шу» сказано: «Много девушек, и знатные имеют по четыре и по пяти жён, а другие по две и по три»² (перевод Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, Во]. «[В] стране много девушек. *Да’жэнь* все имеют 4-5 жён, остальные [из] них – кто-то две, кто-то три [жены]»³ [Хоу-хань-шу, св. 115, *дуньи-лечжуань*, 75, Во]. Причём, как указано в «Вэй-чжи», «по обычаю государственные вельможи (кит. *гó-дà’жэнь*, др.-яп. *куни-но опо-бито*, совр.-яп. *куни-но о-бито* – большие люди владения⁴ – С.Д.) все⁵ имеют 4–5 жён⁶, [некоторые] бедные дворы (кит. *сяху’*, яп. *гэко* – С.Д.) – 2-3 жён».⁷ Сказанное означает, что у японцев в I–III вв. н.э. существовала социальная *полигамия*. Исследователи обратили внимание на то, что оборот «большие люди владения», когда речь идёт о количестве жён, в тексте «Вэй-чжи» оформлен знаком «все» (кит. *цзэ*), а бином «низшие дворы» (кит. *сяху’*, яп. *гэко*) такого знака перед собой не имеет. В тексте использован иероглиф *хó* – «кто-то».⁸ Последнее может указывать, что не все рядовые общинники имели двух-трёх жён, а только некоторые.⁹

¹ 「不知^レ正歲正歲四節、但記^レ春耕秋收、爲^レ年紀。」 – Цит. по: *Хасимото М.* Тōбэ-си-дзэ-эри митару нихон дзэ-ко-си кэнкю, 1956. С. 13.

² См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35.

³ 「國多女子、大人皆有^レ四五妻、其余或兩或三。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

⁴ 國大人 кит. *гó-дà’жэнь*, яп. *куни-но о-бито* – большие люди *гó* (государства, общины-государства). – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; *Ямао Ю.* Нихон кодай о-кэн-кэйсэй сирон. С. 130-131.

⁵ 皆 яп. *мина*, кит. *цзэ* – (обобщающее слово, указывающее, что действие или свойство, обозначаемое сказуемым, в равной мере распространяется на все предметы, обозначенные подлежащим или подлежащими) 1) все; весь, всё; везде; всегда, каждый раз; в равной степени (БКРС. Т. II. С. 607); употребляется постпозитивно: 民皆 весь народ; поэтому: 國大人皆 кит. *гó-дà’жэнь цзэ* – досл. «все великие люди владения» (Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547).

⁶ 婦 кит. *фү* – замужняя женщина; жена; супруга (БКРС. Т. III. С. 304).

⁷ 「國多女子、大人皆有^レ四五妻、其余或兩或三。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

⁸ 或 яп. *ару*, кит. *хó* – местоим. 1) некто; кто-то... – БКРС. Т. IV. С. 233.

⁹ Ср.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 88; См.: *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни о-кэру вадзин-но саякай. С. 17; *Саэки Ю.* Кодай кокка-но кэйсэй. С. 77.

Японский исследователь Маки Кэндзи предлагает вариант толкования сведений о полигамии (в форме полигинии – многоженстве). Если судить по тексту «Вэй-чжи», среди древнеяпонской знати существовала определенная социальная иерархия. Можно выделить местную общинную знать – «больших людей» (главных) поселений (кит. *гó-й*, яп. *коку-йō*¹; или «уделов»²) и «больших людей» владений (кит. *гó*, яп. *куни* – *общин-государств*). «Большие люди» владений – это члены рода правителей, ближайшее окружение правителя (кит. *ван*, др.-яп. *кими*), обладатели должностных званий. Они не включали в свои ряды «больших людей» поселений, или «уделов»³ (китайский термин *й* [яп. *йō*⁴] в биноме *гó-й* [яп. *коку-йō*] обозначал *территориальные* общины в составе *общины-государства*, что, видимо, соответствовало собственно японскому понятию *самō* “сельский округ” [яп. *гō* / *самō*⁵]). Маки Кэндзи предполагает, что в ситуации полигамных браков четырёх–пять жён имели «большие люди» владений, а двух–трёх жён среди *сяху*⁶ (яп. *гэко*) имели «большие люди» селений⁶ (“уделов”, сельских округов, т.е. территориальных общин)⁷.

Несмотря на победу патриархального начала в целом, в обществе древней Японии, в быту, существовали элементы *матрилокального* брака.⁸ Хотя в эпоху раннего древнего общества положение, обеспечивавшее политическое господство, стало передаваться из поколения в поколение, наследование совершалось уже по отцовской линии, брак, как правило, совершался в форме *цумадои*.⁹ Поэтому основной формой брака в среде знати являлся особый дислокальный и полигамный японский брак *цумадои* (др.-яп. *тумадови*)¹⁰, при котором муж жил отдельно и периодически свободно по-

¹ 國邑 кит. *гó-й*, яп. *коку-йō* – досл. “(главное) поселение общины-государства (яп. *куни*)”; где 邑 яп. *йō*, кит. *й* – *суц.* 1) город, городское поселение... 3) поселение; населённый пункт; посёлок, деревня; 4) у е з д; р а й о н, населённая местность... 5) *ист.* владение... – БКРС. Т. IV. С. 357.

² Исследователи истолковывают термин *го-и* (яп. *коку-йō*) как “удел”. – Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 89-90.

³ См.: Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сьякай. С. 17.

⁴ 邑 яп. *йō* / *мура* – досл. “деревня, село”. – См.: ЯРУСИ. С. 597; Японско-русский словарь. – М.: Русск.яз., 1984. – С. 384 (далее: ЯРС).

⁵ См.: 郷 яп. *гō* – 1) п р о в и н ц и я; 2) деревня, село; 3) в о л о с т ь (в *Китае*); 郷 яп. *сато* – родная деревня, родные места, родина; *иначе* 里 яп. *сато* – 1) деревня; сельская местность; 2) родная деревня, родина; *иначе* 郷. – См.: ЯРС. С. 118, 483; ЯРУСИ. С. 598, 602.

⁶ См.: Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сьякай. С. 17.

⁷ Подробнее см.: Суровень Д.А. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 184-186.

⁸ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 256.

⁹ См.: Иэнага С. История японской культуры. С. 46.

¹⁰ Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002. –

сещал жену, сохраняя, по сути, раздельное проживание.¹ Муж и жена не вели совместного хозяйства. Дети от такой связи оставались с матерью, получая имя по матери. И счёт родства вёлся по материнской линии.²

Рядовые общинники и неполноправные свободные, судя по всему, проживали *патрилокальными* семьями (жёны переходили жить в дом мужа; здесь же проживали дети, рождённые от данных связей). Об этом может свидетельствовать песня народа *кумэ*³, записанная в «Кодзики» (в разделе «Дзимму-ки», сказание о «Восточном походе Дзимму», под 298 годом [испр. хрон.]), которая указывает на совместное проживание жён в *полигамной семье* простолюдинов.⁴ «...Если прежняя жена / Еды попросит, / Пусть съест столько... / Если новая жена / Еды попросит, / Пусть ест без счёта...».⁵ Необходимость содержания всех жён мужем говорит о том, что они жили в его доме.

- ы.** В «Хоу-хань-шу» сообщается следующее: «Жёны не похотливы и не ревнивы» (пер. Н.Я. Бичурина)⁶ [Хоу-хань-шу, гл. 115, Во]. В «Вэй-чжи» даны сходные сведения: «[Замужние] женщины не развратные (не порочные) [и] не ревнивые»⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*].
- э.** В период Яматай (I–III вв.) из отдельных видов преступлений в китайских источниках, описывающих общество *вожэнь* (яп. *вадзин*, т.е. японцев юго-западной Японии) называется *хищение чужого имущества* (кит. *дàoцэ*, яп. *тōсэцу*)⁸, да и то в связи с тем, что «воровства нет». «Воровства нет»⁹ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Вого)]. «Не воруют»¹⁰ [Вэйчжи, цз. 30, во-

---

С. 399.

¹ См.: *Иэнага С.* История японской культуры. С. 27; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 256.

² *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 256; *Нихон-сёки*: *Анналы Японии*. Т. I. С. 441, прим. 4; *Иэнага С.* История японской культуры. С. 46.

³ *Ермакова Л.М.* Речи богов и песни людей. С. 39.

⁴ См.: *Кодзики*: *Записи о деяниях древности, свитки 2-й и 3-й* / Пер. А.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Шар, 1994. – Т. II. – С. 39.

⁵ *Кодзики*: *Записи о деяниях древности*. Т. II. С. 39.

⁶ *Бичурин Н.Я.* *Собрание сведений...* Т. II. С. 35; «女人不淫、不妒。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; где *淫* кит. *инь* – *прил. / наречие* – 1) развратный, порочный...

2) похотливый, распутный; блудливый... (БКРС. Т. II. С. 154); *妒* кит. *дү* – *гл.* ...
2) ревновать (БКРС. Т. III. С. 385).

⁷ «婦人不淫、不妒忌。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; где *婦人* кит. *фүжэнь* – 1) [замужняя] женщина... (БКРС. Т. III. С. 304); *妒忌* кит. *дүцзй* – *диал.* ... ревновать... ревность (БКРС. Т. III. С. 385).

⁸ *盜竊* яп. *тōсэцу*, кит. *дàoцэ* – ...воровство, хищение, кража. – БКРС. Т. II. С. 292.

⁹ *Бичурин Н.Я.* *Собрание сведений...* Т. II. С. 35.

¹⁰ 「不盜竊。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

жэнь, л. 26 б, 1-2].

Как видно из значений *dàoцэ* (и составляющих его иероглифов)¹, можно сказать, что его значение шире, чем просто «кража» – это «воровство», то есть вообще «хищение чужого имущества», в том числе – *кража, грабёж* и пр. . Таким образом, под *хищением* в тот период понималось совершённое с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.²

ю. При описании правовой системы Японии китайцы употребляют такие сложные термины как «нарушение закона (правонарушение)» (кит. *фáнь-фǎ*), «тяжба» (кит. *чжэнь-сун*), «судебный процесс» (кит. *сун*), что не проходит незамеченным мимо исследователей, работающих с данными текстами. Аргументом тех, кто отрицает подобную ситуацию в Японии в II–III веках, является лишь то, что этого не могло быть у *вожэнь* в столь раннее время (типичный пример рассуждений *гиперкритицистов*). Решение данной проблемы коренится в проблеме уровня развитости государственности в Японии начала нашей эры. Если это было бы первобытное общество, то действительно – такого там быть не могло. Но мы, на основе анализа имеющегося материала, должны признать, что древнеяпонское общество являлось уже классовым, и государство уже было.³ Поэтому отрицать факт существования правовой системы в древней Японии II–III веков

---

¹ 盜竊 кит. *dàoцэ* – присваивать, похищать, красть... (БКРС. Т. II. С. 292); где 盜 кит. *dào* – *суц.* 1) грабитель, разбойник, вор, бандит; *перен.* предатель; 2) низкий человек, подлец; клеветник; 3) воровство, хищение; грабёж; казнокрадство; *гл.* 1) заниматься разбоем (воровством); грабить, воровать, расхищать; 2) присваивать, похищать; 3) вступать в связь, растлевать, совращать (БКРС. Т. II. С. 292); 竊 кит. *цэ* – *гл.* 1) заниматься кражами, промышленность воровством; воровать, обворовывать; 2) красть; похищать, присваивать; 3) узурпировать, занимать (получать) незаконно; *суц.* 1) воровство, кража; 2) вор (БКРС. Т. III. С. 334-335).

² Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Имущественные преступления в древнеяпонском праве. Ч. 1-я: Корыстные преступления против собственности, имеющие признаки хищения // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. / Отв. ред. В.В. Захаров. – Курск: Курск. гос. ун-т., 2012. – Вып. 5. – С. 350-377.

³ См.: *Суровень Д.А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н.э. – III век н.э.). С. 150-175; *Суровень Д.А.* Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н.э. и их международные отношения. С. 78-97; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 110-268.

мы не можем.¹

Здесь есть ещё один момент: некоторые исследователи–переводчики интерпретируют термины *чжэнь-сун* (судиться, вести тяжбу; тяжба)² как «спор» («мало споров» – например, Н.В. Кюннер)³, в лучшем случае как «мало споров и тяжб» (Н.Я. Бичурин).⁴ В обычной жизни такая ситуация выглядит неестественной – споры, несогласия, конфликты возникают между людьми достаточно часто. Следовательно, под термином *чжэнь-сун* понимается не простая ссора (значение, кстати, которого это слово не имеет), а именно судебное разбирательство, которое на ранних этапах развития классового общества и государства было явлением нечастым, что и отмечают китайские информаторы.

я. О правовой системе древних японцев (*вожэнь*) известно немного, только отдельные правовые нормы *вожэнь*: «Законы (кит. *фǎ* – *С.Д.*) и обыкновения (кит. *сù* – досл. “обычаи” – *С.Д.*) были строги»⁵ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во-го); Бимиху]; «Законы (кит. *фǎ*) [и] обычаи (кит. *сù*) строгие (суровые)»⁶ [Хоу-хань-шу, св. 115, *дунъи-ле-чжуань*, 75, Во]. «Ещё обычаи: нет краж (кит. *дàoцэ*), мало тяжб (кит. *чжэнь-сун*). [У] правонарушителей (кит. *фǎньфǎ-чжэ*)⁷ конфискуют в казну (кит. *мò*⁸ – *С.Д.*) его жену [и] детей⁹ (обращая их в рабство – *С.Д.*), [у] тяжких [преступников] унич-

¹ См.: Суровень Д.А. Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. – С. 198-226.

² 「少争(爭)訟。」 «Мало тяжб». – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; где 争 *вм.* 爭 (БКРС. Т. III. С. 98); 争訟 кит. *чжэнь-сун* – судиться, вести тяжбу; тяжба (Там же. С. 99); 「少 諍訟。」 «Мало тяжб» – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; где 諍訟 кит. *чжэнь-сун* – *см.* 争訟 (БКРС. Т. III. С. 99).

³ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247.

⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁶ 「法俗 嚴(嚴)峻」 кит. *фǎ сù янь-цзюнь* – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; цит. по: Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 3; где 法俗 кит. *фǎ сù* – законы и обычаи; 法 кит. *фǎ* – закон; право; норма... (БКРС. Т. IV. С. 952); 俗 кит. *сù* – нравы; обычаи... (БКРС. Т. II. С. 513); 嚴 *вм.* 嚴; 嚴峻 кит. *янь-цзюнь* – строгий; серьёзный; суровый, жёсткий (БКРС. Т. III. С. 1068).

⁷ 犯法者 кит. *фǎньфǎ-чжэ* – правонарушитель, нарушитель закона (Хоу-хань-шу, 2000. С. 822); где 犯法 кит. *фǎнь-фǎ* – нарушать закон; правонарушение. – БКРС. Т. IV. С. 324.

⁸ 没 кит. *мò* – *гл.* ...Б. ... 4) отбирать; конфисковать, реквизировать... – БКРС. Т. IV. С. 1033.

⁹ 「犯法者 没^レ其妻子。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

тожают их кровный род (кит. *мэньцзү*¹)»² [Хоу-хань-шу, св. 115; *дуньи-ле-чжуань*, 75, Во]. «Воровства нет. Мало споров и тяжб. У преступников отбирают жену с детьми в неволю; за важные преступления истребляют весь дом»³ (перевод Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во-го)]; «Не воруют⁴, мало тяжб (судебных споров)⁵; [что касается] их правонарушений, [то] у лёгких [преступников] берут в казну (кит. *мò* – конфискуют) их жён [и] детей⁶; у тяжёлых [преступников] уничтожают (истребляют) их семью и кровный род (кит. *мэньхү*⁷)»⁸ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 1-2]; «Нет споров. У совершивших лёгкий проступок берут в казну (кит. *мò* – С.Д.) его жену и детей⁹ (кит. *цй-нйой*¹⁰ – С.Д.). У преступников, совершивших тяжёлый проступок, уничтожают (кит. *мè* – С.Д.) весь его род»¹¹ (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, *Вожэнь*]. «[Что касается] преступлений... [из] рода (родни, родственников) [человека], совершившего тяжкое [преступление]¹² – истребляют (кит. *мè*) его семью (кит. *цзй* – семейство, двор)»¹³ [Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дуньи*, *вожэнь*].

аа. Погребальный обряд *вожэнь*: «Покойника держат (незахороненным – С.Д.) более десяти дней. Домашние плачут по нём. Не подают ни вина, ни пищи, а увеселяются песнями и плясками»¹⁴ (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Япония]. Во фразе «покойника держат незахоро-

¹ 門族 кит. *мэнь-цзү* – 1) семья, род; клан... – БКРС. Т. III. С. 123.

² 「又俗不盜竊、少諍訟。犯法者沒^レ其妻子、重者滅^レ其門族。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁴ 盜竊 кит. *дàoцэ* – присваивать, похищать, красть; воровство, хищение кража. – БКРС. Т. II. С. 292.

⁵ 諍訟 кит. *чжэнь-сун* – судиться, вести тяжбу; тяжба. – БКРС. Т. III. С. 98.

⁶ 「其犯法、輕者沒^レ其妻子。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁷ 門戶 кит. *мэнь хү* – досл. “семья, род”; где 門 кит. *мэнь* – ...3) семья, род. – БКРС. Т. III. С. 123; 戶 кит. *хү* – ...3) семья, род... – Там же. С. 383.

⁸ 「其犯法、輕者沒^レ其妻子、重者滅^レ其門戶。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856.

⁹ 「犯、輕罪者沒^レ其妻孥。」 – Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173.

¹⁰ 妻孥 кит. *цй-нйой* – жена и дети. – БКРС. Т. IV. С. 1018.

¹¹ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 257.

¹² 「重者族」 где 重者 кит. *чжэунчжэ* – досл. “тот, кто [совершил] тяжкое преступление”; *тж.* в более серьезных случаях... – См.: БКРС. Т. II. С. 214; 591.

¹³ 「犯... 重者族滅^レ其家。」 – Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173; где 家 кит. *цзй* – 1) семья, семейство; род; дом, двор (*как семья*)... – БКРС. Т. III. С. 840.

¹⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; 「其死停喪十餘日、家人哭泣、不進^レ酒食而等類、就歌舞、爲^レ樂。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

ненным (кит. *tín sǎn* – досл. “готовят (тело) к положению в гроб, соблюдая траурный обряд”¹) более десяти дней» речь идёт о *могари* – обряде временного захоронения.² О дальнейших действиях сказано в «Вэй-чжи»: «После смерти прекращают траур через 10 с лишком дней. В это время не едят мяса. Когда глава, [распоряжающийся] трауром (кит. *sǎnчжэу* – главный распорядитель на похоронах³ – С.Д.), проливает слезы, остальные тотчас поют и пляшут, пьют вино. После погребения всей семьей идут в воду и омываются, как бы упражняются в мытье»⁴ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 25 б, 7]. «В начале траура плачут, не едят мясного. После погребения вся семья входит в воду, омывается и очищает себя, чтобы отстранить несчастье»⁵ (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, *Вожэнь*]. Здесь, в конце разделов, описан обряд, похожий на обряд *ō-харай* (“великого очищения”) в *синтō*.

66. О гадании источники сообщают следующее: «Ворожат по сжигаемым костям, и решают благополучие и неблагополучие»⁶ (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Япония]. «Их обычаи: когда начинают дело, уезжают или приезжают, имеют что-нибудь сказанное или сделанное, тотчас обжигают кость, чтобы гадать о счастье или несчастье. Сперва говорят, о чём гадают. Их слова точно приказывают образцу [пандирию] черепахи, затем, посмотрев трещины от огня, предсказывают»⁷ (пер. Н.В. Кюнера)

¹ 「停喪」 кит. *tín sǎn* – досл. “готовят (тело) к положению в гроб, соблюдая траурный обряд”; где 停 кит. *tín* – ...гл. Б. ... 3) *рит.* приготовить (*тело*) к положению в гроб ... (БКРС. Т. II. С. 1044); 喪 кит. *sǎn* – гл. А. 1) справлять траур... соблюдать траурный обряд... *sǎn* – суц. траур; похороны... 2)* гроб с телом покойника... (БКРС. Т. III. С. 853).

² Подробнее см.: *Бакшеев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда *могари* по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // *История и культура Японии.* – М.: ИВ РАН – «Крафт+», 2001. – С. 7-25; *Бакшеев Е.С.* Ритуальная система обряда *могари* // *Человек и духовная культура Востока.* Вып. II. – М.: Огни, 2003. – С. 147-172.

³ 喪主 кит. *sǎnчжэу* – главный распорядитель на похоронах (*обычно старший сын или старший внук умершего*). – БКРС. Т. III. С. 853.

⁴ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 246; 「始死 停喪 十餘日、當時 不食^レ肉、喪主 哭泣、他人 就歌舞 飲^レ酒。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 855.

⁵ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 256; 「初喪、哭泣、不食^レ肉。已葬、舉家 入^レ水、澡浴 自潔、以除 不祥。」 – Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2536.

⁶ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35; 「其死 停喪 十餘日、家人 哭泣、不進^レ酒食 而 等類、就 歌舞、爲^レ樂。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁷ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 246; 「其俗: 舉^レ事、行來、有^レ所 云爲、輒 灼骨 而 卜、以占^レ吉凶、先告^レ所卜、其辭 如令^レ龜法、視^レ火坼、占兆。」 – Саньго-

[Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 а, 6-8]. «[В] государстве Во, [когда начинают] большое дело, то тут же обжигают кость, чтобы гадать (кит. *бў*)¹; сначала приказывают (кит. *сянь-лин*)² подобно чжунчжоускому (*хэнаньскому*) приказу [при] гадании на черепащем панцире (кит. *лин-гўй*)³; [а затем] присматривают, как трескается (кит. *чэ*)⁴ (или: разламывается – кит. *чэй*)⁵ [кость] – гадая: будет удача или несчастье»⁶ [«Вэй-люэ» в «Бэй-ху (цза)-лу, цзи-луань-бу»]. «Когда начинают большое дело, то сразу прижигают кость, чтобы погадать, счастлив или неблагоприятен будет исход»⁷ (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, *Вожэнь*].

ВВ. «[При] поездках через море приказывают одному человеку не чесать голову [и] не умываться, не есть мясо, не приближаться [к] жене. [Это] называется блюсти обеты воздержания (кит. *чй-шуйй*)⁸. Если будет дорога (кит. *тў*)⁹ благополучна, то заботятся (кит. *гў*) о [его] имуществе (ценностях) (кит. *цэйй*). [А если] поразит [их] болезнь, [или] случится несчастье, то полагают (кит. *вэй*), [что] соблюдение обетов воздержания не было усердным (добросовестным). И тогда [все] вместе убивают его».¹⁰ [Хоу-

чжи, 2004. Т. II. С. 856; см.: *Мицuki Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59.

¹ 卜 кит. *бў* – гл. 1) гадать на панцире черепахи; гадать [о, по, на]; 2) предсказывать, предвещать; *суц.* – гадание (*особенно: на панцире черепахи*). – БКРС. Т. II. С. 710.

² 「先令」 кит. *сянь-лин* – досл. “сначала приказывают”; (*тж.* предсмертный наказ, завещание. – БКРС. Т. IV. С. 432).

³ 「令龜」 кит. *лин=гўй*; где 令 кит. *лин* – 1) приказ, предписание, указание... гл. 1) приказывать... (БКРС. Т. II. С. 753); 龜 *сокр. вм.* 龜 кит. *гўй* – *суц.* 1) зоол. пресноводная черепаха (*Clemmys chinensis*)... 7) черепаха-оракул, гадание на черепащем панцире... 龜 кит. *цзюнь* – гл. потрескаться, пойти трещинами... (БКРС. Т. IV. С. 402, 372).

⁴ 坼 кит. *чэ* – гл. 1) лопаться, трескаться... *суц.* трещина... (БКРС. Т. II. С. 742).

⁵ 拆 кит. *чэй* – гл. 1)... разламывать, ломать; разрушать... Там же.

⁶ 北戸(雜)録卵卜:「倭國大事、輒灼骨以占、先令、如^レ中州令龜、視^レ坼(拆)、占^レ吉凶也。」 – Цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 16; *Мицuki Т.* Указ соч. С. 59-60; см.: Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си. Т. I. С. 88.

⁷ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 256; 「其舉^レ大事、輒灼骨以占^レ吉凶。」 – Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2536.

⁸ 持衰 кит. *чй-шуйй*, яп. *дзи-суй* – блюсти обеты воздержания. – См.: БКРС. Т. III. С. 48.

⁹ 涂 кит. *тў* – ... 2) [проторённая] дорога; дорожный; на дороге; в пути. – БКРС. Т. IV. С. 834.

¹⁰ 「行來度海、令^レ一人不櫛沐、不食^レ肉、不近^レ婦人、名^レ持衰。若在涂吉利、則雇^レ以財物、加^レ病疾遭害、以為^レ持衰不謹、便共^レ殺之。」 – См.: Хоу-хань-шу, 2000.

хань-шу, св. 115, *дунъи-ле-чжуань*, 75, Во]. «Если надобно пуститься в море, то велят одному человеку не чесать головы и не умываться, не есть мяса, не приближаться к жене. Это называется поститься (кит. *чй-шуйй* – досл. “держатъ ослабление”¹ – С.Д.). Если путь буден благополучен, то пекуться о приобретении богатства; а если случиться болезнь, или несчастье какое-либо, то приписывают это слабому соблюдению поста, и предают его смерти»² (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Япония, Во].

Так называемый “держатель судьбы” (кит. *чй-шуйй*, яп. *дзи-суй*)³ упоминается и в «Вэй-чжи»: «[Что касается] их разездов и переправ через море, [при] посещениях Срединного государства всегда велят одному человеку (кит. *жэнь*) не чесать головы, не удалять гнид и вшей, [чтобы] одежда [была] грязная, не есть мяса, не приближаться [к] женщинам. [Такого] человека, похожего на соблюдающего траурный обряд (кит. *сан-жэнь*)⁴, называют тем, кто выполняет соблюдение обетов воздержания (кит. *чй-шуйй*). Если путешествующим [сопутствовала] удача [и] счастье, [то] совместно заботятся (кит. *зю*)⁵ [о] его *шэнь-кю* (яп. *сэйкю* – досл. “живых ртах”, пленниках, т.е. неполноправных свободных⁶ – С.Д.) [и] имуществе (ценностях) (кит. *цайю*).⁷ Если будут болезни [или] подвергнутся сильному (внезапному) вреду, [то] обычно желают убить [его] говоря, [что] этот “*чй-шуйй*” не воздерживался»⁸ [Вэй-чжи, цз. 30, вожэнь, л. 25 б, 10 – 26 а, 1-3; см.: Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во].⁹ Хасимото Масукити полагал, что это

С. 822.

¹ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35, прим. 1.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

³ 持衰 кит. *чй-шуйй*, яп. *дзи-суй*. – См.: БКРС. Т. III. С. 48.

⁴ 喪人 кит. *сан-жэнь* – букв. “человек, соблюдающий траурный обряд” (*тж.* беглец, изгнанник. – БКРС. Т. III. С. 853); 喪 кит. *сан* – гл. А. 1) справлять траур; носить траур по (*кому-л.*); соблюдать траурный обряд... кит. *сан* – *суц.* 1) траур; похороны; траурный; погребальный; похоронный... (Там же).

⁵ 顧 кит. *зю* – гл. ...4) заботиться о ... *суц.* 1) сострадание, внимание, забота... – См.: БКРС. Т. IV. С. 725.

⁶ О них см.: Суровень Д.А. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкю* в I–III веках. С. 14–22.

⁷ 「...如^レ喪人、名之爲^レ持衰。若行者 吉善、共顧^レ其生口財物...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546.

⁸ 「其行來渡海詣中國、恆使^レ一人、不梳^レ頭、不去^レ蟻蝨、衣服垢、不食^レ肉、不近^レ婦人、如^レ喪人、名之爲^レ持衰。若行者 吉善、共顧^レ其生口財物。若有^レ疾病、遭暴害、便欲^レ殺之、謂^レ其持衰不謹。」 – Там же.

⁹ См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 246; Young J. The Location of Yamatai. P. 154–155; Дзусоцу нихон сёмин сэйкацу-си. Т. I. – С. 89; Bock F.G. Development of law in Japan // Engi-shiki. – Tokyo: Sophia University Press, 1970. – P. 2.

была шаманская магия служения злему духу¹, но более объективно мнение Нисимура Синдзи – это был обычай соблюдения *табу*, сходный с обычаями южных народов (Индокитая и Индонезии).²

В отношении того, кто такой *чй-шуйй* (яп. *дзи-суй*) высказывались различные точки зрения. В 1930 году Итимура Сандзи, опираясь на текст «Хоу-хань-шу», где описывается точно такая же ситуация с «держателем судьбы», но только не упомянуты *шэн-кёу* [Хоу-хань-шу, св. 115, *дуньиле-чжуань*, 75, Во; Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]³, пришёл к выводу, что автор «Хоу-хань-шу» считал, что *чй-шуйй* должен быть также по положению из *шэн-кёу*.⁴ Однако с этим не согласились Хасимото Масукити и Инаба Ивакити⁵, Согабэ Сидзуо (в 1936 г.), опираясь на чтение термина «*чй-шуйй*», истолковал его как «священную особу, которая несла [на себе] грехи [других]». ⁶ К этому близка точка зрения, высказанная ещё в 1922 году Накаяма Таро, который считал, что идея «*чй-шуйй*» происходит от *миагамоно*, при которой люди «очищали» себя перенесением своих грехов на других.⁷ Нисимура Синдзи в связи с этим указал, что положение *чй-шуйй* для человека действовало только на период плавания⁸, чтобы отвести от беды путешественников.

гг. Термин «*дà-фү*» (яп. *дайбу* – досл. «великий муж»)⁹ в Китае обозначал сановника¹⁰, а в период Хань ещё и главу «*й*» (т.е. *главу* «города, поселения, деревни; у е з д а, р а й о н а; владения подданного»¹¹) – термин, который переводят как «н а ч а л ь н и к у е з д а».¹²

дд. См. коммент. «ж» и «з». В ответ на присланное в 57 году посольство и дары от японцев, китайский император «Гуан-ву[-ди] (Гуан-у-ди – С.Д.) пожаловал печать с кистями»¹³ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 2-й год *Цзянь-у чжун-юань*].¹⁴ И этому сообщению нашлось материальное подтвержде-

---

¹ Young J. Op. cit. P. 159.

² Young J. The Location of Yamatai. P. 159-160.

³ См.: Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 35; см. также: Young J. Op. cit. P. 158.

⁴ Young J. Op. cit. P. 159; см.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 87.

⁵ Young J. Op. cit. P. 158-159.

⁶ Ibid. P. 160.

⁷ Ibid. P. 159.

⁸ Ibid.

⁹ 大夫 яп. *дайбу*, кит. *дà-фү* – 1) мудрый (великий) муж... – См.: БКРС. Т. III. С. 626.

¹⁰ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). – М.: Наука, 1984. – Т. III. – С. 936; 大夫 кит. *дàфү* – 1) *устар.* дафу, сановник, чиновник, гражданский чин... – БКРС. Т. IV. С. 357; Т. III. С. 626.

¹¹ См.: БКРС. Т. IV. С. 357.

¹² 大夫 кит. *дà-фү* – ...2) *ист.* начальник уезда (邑, *дин. Хань*). – БКРС. Т. III. С. 626.

¹³ См. Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

¹⁴ 「光武帝賜^レ以印綬。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; цит. по: Бураку-си...

ние. В период Эдо, в 1784 году (4-й год *Тэммэй*) на острове Сига в заливе Хаката (в Канодзаки, в уезде *Нака* провинции Тикудзэн, на Кюсю¹; ныне – префектура Фукуока, уезд Хакуя, город Сига)² была найдена эта золотая печать.³ местный крестьянин по имени Дзимбэй рыл канаву вокруг только что распаханного им поля и в меже под большим камнем обнаружил полость, выложенную ещё тремя камнями, в которой был какой-то блестящий предмет. Он оказался небольшой золотой печатью⁴ в форме укуро-

---

Т. I. С. 5. См.: *Ло Ли-синь*. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли. С. 141.

¹ *Конрад Н. И.* Древняя история Японии. С. 12; Теперь на месте находки печати разбит маленький парк, в котором установлен монумент с изображением печати, увеличенный во много раз. Сама же печать объявлена национальным сокровищем Японии, экспонируется в Фукуокском музее искусств. – *Светлов Г. Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 31.

² Нихон дзэнси. Т. I. С. 294; см. также: *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 16, 106, 135; *Yoshido H.* China and Japan... P. 6; Japan: its land... P. 18; *Kidder J.E.* Japan before Buddhism. P. 92; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 81-82; Межгосударственные отношения... С. 257; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 135, см.: Там же. С. 135-139; *Ямао Ю.* Нихон кодай окэн-кэйсэй сирон. С. 70; *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. II. С. 23; Т. III. С. 273; *Кудзира К.* Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 135; *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 57; *Мори К.* Нихон синси. С. 98; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 31; *Воробьев М. В.* Япония в III–VII вв. С. 74, 93.

³ *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 135; *Ло Ли-синь*. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли. С. 141; *Kidder J.E.* Japan before Buddhism. P. 92. См. внешний вид печати: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 9; *Кудзира К.* Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 135. Дискуссию о подлинности печати см.: *Суровень Д.А.* Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н.э. и их международные отношения. С. 81; *Ло Ли-синь*. Указ. соч. С. 141; *Мацумото Сэйтё* 松本 清張. Сэйтё-цүси 清張通史. – Токио 東京: Кōданся 講談社, 1978. – Т. III. – С. 218; *Мураяма К.* Указ. соч. С. 64-65, 85; *Сано Я.* Указ. соч. С. 17, 19, 44, 46, 47, 104; *Маки К.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 95; *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 8; *Мори К.* Указ. соч. С. 98, 99, 101, 109, 172; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20; *Ката-яма М.* “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хōкб-ритэй-ра-но косацу. С. 5, 8; *Танада Ёсиро* 棚田 嘉博. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй 邪馬壹国と近隣のくにぐにの比定 // Дай-нити кōгё-дайгаку кэнкю хōкоку 第一工業大学研究報告. – 2015. – № 27. – С. 114; *Воробьев М.В.* Япония в III–VIII вв. С. 76, 84; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 31; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 12; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 190-191; *Young J.* Op. cit. P. 77; *Yoshido H.* Op. cit. P. 6; *Kidder J.E.* Japan before Buddhism. P. 92; Japan: its land... P. 18.

⁴ Она представляет квадрат со стороной 7,8 бу (1 бу = 3,03 мм); толщина печати 3 бу, высота 4 бу, вес 29 моммэ (1 моммэ = 3,75 г). – *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 135; *Ло Ли-синь*. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли. С. 141.

ченной змеи¹, чья голова с двумя глазами повернута назад и поверхность тела которой украшена выбитыми черточками (узор *юйцзы-вэнь* “в виде рыбьей икры”)², всё в ханьском стиле, основание квадратное.³ Некоторые исследователи высказывали сомнение в подлинности печати, указывая на её необычный вид. Однако, когда в 1957 году в провинции Юньнань на горе Шичжай-шань в могиле № 6 была выкопана золотая печать с ручкой в виде змейки с надписью «печать (кит. *инь*) вана [государства народа] Дянь»⁴ (располагавшегося в землях провинции Юньнань), дарованная Дянь-вану ханьским императором У-ди во 2-й год Юань-фэн (109 г. до н.э.) – было точно установлено, что печать 57 года – подлинная.⁵

Эта печать 57 года, по-видимому, относится к категории печатей “*инь*”⁶, выдаваемых самостоятельным правителям. Китайский двор, принимая посольства, пытался найти выражение своему главенствующему положению, чему служила выдача государственных печатей, удостоверявших права представившего дань правителя именем китайского императора.⁷ В 1981 году была найдена золотая печать с ручкой в виде черепашки с надписью «(государственная) печать Гуанлин-вана»⁸, дарованная Гуанлин-вану Лю Цзину императором Мин-ди в 1-й год Юн-пин (58 г. н.э.). Сходство внешнего вида позволило с большой вероятностью предположить, что обе печати были произведены в одной и той же мастерской.⁹

---

¹ *truncated snake*. – Kidder J.E. Japan before Buddhism. P. 92.

² *Ibid.*; Ло Ли-синь. Указ. соч. С. 141.

³ См. внешний вид: Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 9; Кудзира К. Нихон-коку-тандзэ-но надзо. С. 135.

⁴ 「滇王之印」 кит. Дянь-ван-чжи *инь* – “печать Дянь-вана”. – Ло Ли-синь. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли. С. 141.

⁵ Ло Ли-синь. Указ. соч. С. 141.

⁶ 印 кит. *инь* (яп. *ин*); или как еще называют “*ин-дзю*” (印綬 кит. *инь-шю*) – “печать *инь* с лентой (для официальной печати)” (Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 16); лепная печать, которую выдавали китайским чиновникам (Japan: its land, people and culture. P. 18). Во времена Цинь строго регламентировались размер, материал печати и надпись на ней, ибо печать была свидетельством иерархического достоинства человека. Существовало три разряда печатей: 1) *си* – императорская, обычно нефритовая печать; 2) *инь* – печать ванов и князей, обычно золотая; 3) *чжан* – печать крупных вельмож и военачальников (см.: Воробьев М.В. Печати государства Цзинь (1115-1234) // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 83; Джарьылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. – М.: Наука, 1979. – С. 47-48).

⁷ Бокшанин А.А. Краткая история связей Китая со странами южных морей. С. 138; см. также: Kidder J.E. Japan before Buddhism. P. 92; Мори К. Нихон синси. С. 99.

⁸ 「廣陵王璽」 кит. Гуанлин-ван *си* – «(государственная) печать Гуанлин-вана”. – Ло Ли-синь. Жибэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли. С. 141.

⁹ Ло Ли-синь. Указ. соч. С. 141-142.

На печати 57 года было нанесено пять иероглифов в три строки: «Хань-вэй-ну-го-ван». ¹ Исследователи переводят по-разному: 1) (устаревшие варианты) от японского он'ного прочтения “кан-и-до-коку-о”: а) «Печать правителя Ито [из] Хань» (Бан Нобумото)²; б) «Печать правителя Ито [из] Ва» (Суга Масатоми)³; в) «Хань царю страны Идо» (Н.И. Конрад).⁴

2) от японского прочтения “кан-ва (ви)-на (ну)-коку-о”: а) «Печать правителя На [из] Ва [от] Хань» (Миякэ Ёнэки)⁵; б) «[От императора] Хань – правителю Ну (На)» (Дж.Э. Киддер)⁶; в) «Ханьский (относящийся к Хань, связанный с Хань) правитель японского государства Ну» (Мура-яма Кэндзи)⁷; г) «[Подчиняющийся] Хань правитель государства Ва»⁸; д) «Хань царю людей ва в стране На» (Г.Е. Светлов).⁹

Во всех этих случаях переводчики исходят из того, что знак “вэй” (委) является сокращением знака “во” (倭 “японский”, “Япония”)¹⁰; полученный таким образом термин “во” (яп. ва), разумеется, нельзя отождествлять с Японией вообще. Но в этой ситуации (принятия второго знака печати за “во”) точный перевод представляет известные трудности, – отмечал М.В. Воробьев.¹¹

Сам Михаил Васильевич переводил надпись как «Царь страны На, служащей Хань». ¹² И действительно, знак “вэй” имеет значение “назначать на должность, передавать в ведение”. ¹³ Если принять это значение, то пере-

¹ 「漢委奴國王」 кит. хань-вэй-ну-го-ван. – Ло Ли-синь. Указ. соч. С. 141; см.: Кудзира К. Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 135; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 67, 70; Нихон дзэнси. Т. I. рис. 88, 89; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20-21; Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 16 (оттиск печати на С. 9); Kidder J.E. Op. cit. P. 92.

² Young J. The Location of Yamatai. P. 82.

³ Ibid. P. 103.

⁴ Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 12; Конрад Н. И. Лекции по истории Японии (1936-1937). Лекция 01 // URL: <http://russia-japan.nm.ru> (дата обращения: 28.05.2016).

⁵ Young J. The Location of Yamatai. P. 103, 118.

⁶ Kidder J. E. Japan before Buddhism. P. 92.

⁷ Мураяма К. Указ. соч. С. 65; см.: Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 16.

⁸ Деотик Д. В., Крюков М. В. Древнеяпонские государства. С. 397.

⁹ Светлов Г. Е. Колыбель японской цивилизации. С. 31.

¹⁰ 委 кит. вэй → 倭 кит. во. – Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 16; Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. С. 93; Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

¹¹ Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. С. 93.

¹² Там же.

¹³ 委 кит. вэй – гл. А. 1) уполномочивать; назначать на должность; 2) препоручать, передавать в ведение; Б. 1) слушаться, повиноваться. – БКРС. Т. IV. С. 1039.

вод будет выглядеть следующим образом: «[Император] Хань назначает на должность правителя государства Ну (яп. На)». ¹ Или же, если следовать употребленному в «Хоу-хань-шу» названию Ну-го – Вэй-ну-го ² [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII³], то можно получить вариант перевода: «Правитель (*ван*) [про]ханьского (т.е. дружественного династии Хань – *С.Д.*) государства Вэй-ну-го». ⁴

Находка печати помогла решить вопрос о локализации владения Ну-го: это была одна из прежних ста общин–государств, располагавшаяся на территории позднего округа На (На-но *агата*), в местности На-но *цу* в окрестностях Хаката ⁵, отождествляемая со знаменитыми руинами Сугу культуры *яёй* в окрестностях города Фукуока. ⁶ Кроме того, остатки поселения в Хиэ ⁷ у Фукуока, возможно, представляют собой часть посёлка на зем-

---

¹ *Суровень Д. А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I в. до н.э. – III в. н.э.). С. 158.

² *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. II. С. 23.

³ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35.

⁴ Танада Ёсихиро по-японски читает надпись 「漢委奴國王」 как «*Кан-но Ва-но На-но коку о*». – Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 114. Дискуссию о содержании надписи на печати и варианты её перевода см.: *Суровень Д.А.* *Суровень Д.А.* Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н.э. и их международные отношения. С. 81-82.

⁵ 難縣 яп. На-но *агата*; 那津 яп. На-но *цу*. – *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17; *Ло Ли-синь.* Жибэнь-дэ гоцихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) взли. С. 3; см.: Там же. С. 106; *Мори К.* Нихон синси. С. 90, 98; *Кудзира К.* Нихон-коку-тандзё-но надзо. С. 135; *Хиго К.* Ямато то сйтэ Яматай-коку. С. 9, 7, 8; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 21; *Светлов Г. Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 31; *Japan: its land...* P. 18; *Yoshido H.* *China and Japan...* P. 6.

⁶ *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17, 106; *Ло Ли-синь.* Указ. соч. С. 142.

⁷ Развалины Хиэ (восточная сторона – 33 м, западная – 36 м, протяженность с севера на юг – 30 м), окружены кольцевым каналом шириной в верхней части ок. 3 м, в донной части около 2 м; на площади 300 *цубо* (ок. 990 *кв.м.*; где 1 *цубо* = 3,3 *кв.м.* – ЯРУСИ. С. 152) обнаружены развалины пяти жилищ (других нет) типа *татаэна* и *такаюки*; здесь же был колодец, амбары, место для приготовления пищи, что говорило об их совместном производстве. – Нихон дзэнси. Т. I. С. 20, 23; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 84; *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 240.

лях владения На, откуда посылали дань императору Гуан-у-ди (26-58 гг.) династии Поздняя Хань (датируются *средним яёй*, то есть I в. н.э.).¹ Таким образом, Ну-го было небольшим государством (*общинной–государством*) – одним из свыше ста подобных раннегосударственных образований в Японии, сформировавшихся в конце периода Ранней Хань.²

ее. яп. *сэйкō*, кит. *шэнь-кōу* – досл. “живые рты”, т.е. пленники.³ В древней Японии, помимо рабов и общинников–граждан, существовала ещё одна категория населения, которая в период Яматай (I–III вв.) называлась *сэйкō* (кит. *шэнь-кōу*), а в период Ямато (IV – середина VII в.) – *бэмин* (досл. “подчинённые люди”⁴).

В отношении категории *сэйкō*, исходя из содержания термина, употребляемого в китайских источниках, описывавших Японию I–III вв. (кит. *шэнь-кōу* – досл. “живые рты”), учёные указывают на их происхождение из пленных.⁵ *Шэнь-кōу* упоминаются один раз в «Хоу-хань-шу», когда японский правитель–предводитель (кит. *вō-гō-вāн-шуйй*)⁶ в 107 г. прислал

---

¹ Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 240; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 84; Нихон дзэнси. Т. I. С. 20, 23; *Ло Лисинь*. Жи-бэнь-дэ гоцзихуа --- и Фуган-ши (яп. Фукуока-си) вэйли. С. 142.

² См.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17.

³ 生口 яп. *сэйкō*, кит. *шэнь-кōу* – 1)* пленник... – БКРС. Т. II. С. 189.

⁴ 部民 яп. *бэмин*, кит. *бў-мин* – “подчинённый народ” (см.: БКРС. Т. II. С. 776). Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *бэмин* в IV – середине VII веков // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 2 (15). – С. 18-29; *Суровень Д.А.* Правовое положение населения в древней Японии. С. 120-130; *Суровень Д.А.* Правосубъектность в древней Японии // История государства и права. – 2011. – № 7. – С. 15-19; *Суровень Д.А.* Возникновение раннеархивладельческого государства в Японии (I в. до н. э. – III в. н.э.). С. 150-175; *Суровень Д.А.* К вопросу о сущности варварского общества и государства на примере древней Японии (конец III–V века) // Исседон: альманах по древней истории и культуре. – Екатеринбург: Изд-во гуманитар. ун-та, 2002. – Т. I. – С. 104-132. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкō* в I–III вв. С. 14-22.

⁵ См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 86-87; *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 242; Бураку-си-ни кансүру соготэки кэнкю. Т. I. С. 16; *Мацумото Сэйтё* 松本 清張. Сэйтё-цүси 清張通史. – Токио 東京: Кōданся 講談社, 1977. – Т. I. – С. 264.

⁶ 倭國王帥 кит. *вō-гō-вāн-шуйй* — досл. “предводитель–правитель японского государства”. Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

к китайскому двору 160 пленников – *шэнь-кёу*¹ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 107 г.; Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, разд. 75-й, *дунъи*, Во]. Аналогичные подношения делала Бимиху (в 238 [239] г.² – четырёх мужчин и шесть женщин *шэнь-кёу*; в 243 г. – подарены *шэнь-кёу*, количество не указано) и её преимица Июй (в 247 г. – 30 мужчин и женщин *шэнь-кёу*)³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238 (239), 243, 247 гг.].⁴

Примечательно, что китайские авторы терминологически различают рабов (кит. *нубэй*, яп. *нухи*)⁵ и *шэнь-кёу* (“пленников”) и никогда их не смешивают: если *нубэй* и *бэй* упоминаются в связи с прислуживанием, то *шэнь-кёу* – при дарениях.⁶ *Шэнь-кёу* в «Вэй-чжи» упоминается ещё один раз в связи с т. н. “держателем судьбы” (кит. *чй-шуйй*, яп. *дзи-суй*)⁷ [см. коммент. «вв»].

Вопрос о *шэнь-кёу* (яп. *сэйкё*) вызвал большие споры⁸, что было связано с расплывчатостью самого понятия – “живые рты”. Потому исследователи в ходе дискуссии высказывали различные точки зрения на то, что же скрывалось за этим неопределённым термином.

В 1928 году археолог Накаяма Хэйдзиро предположил, что *шэнь-кёу* были японскими специалистами–мастерами (*technicians*), которые посылались в Китай для того, чтобы овладеть техническими приёмами производства (*industrial techniques*). Именно мастера–*шэнь-кёу*, по его мнению, делали бронзовое оружие на Кюсю. В отношении ситуации в *чй-шуйй*, Накаяма Хэйдзиро перевёл предложение о *шэнь-кёу* как «все они (участники морского путешествия – *С.Д.*) дают (кит. *гү* – *С.Д.*) ему (“держателю удачи”) рабов (кит. *шэнь-кёу*. – *С.Д.*) и другие ценности», где слово *шэнь-кёу* было переведено как “рабы” наряду с другими ценными вещами.⁹

---

¹ 「倭國王帥升等 獻^レ生口、百六十人。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822. См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 342. Об этом “правителе–предводителе” см. коммент. «жж».

² О дате см. комментарий «дддд».

³ 男女生口 кит. *нань-ньюй-шэнькёу* – досл. “мужчин и женщин *шэнкоу*”. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548-549; Young J. The Location of Yamatai. P. 155.

⁴ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 248-250.

⁵ 奴婢 яп. *нухи*, кит. *нубэй* – 1) раб и рабыня, рабы; слуги; где 奴 кит. *нү* – *суц.* 1) раб; рабы (*мужчины и женщины*)... (БКРС. Т. IV. С. 976); 婢 кит. *бэй* – *суц.* 1) служанка; рабыня... (БКРС. Т. II. С. 814).

⁶ См.: Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 282; Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 21; Бураку-си... Т. I. С. 16; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. С. 257.

⁷ 持衰 яп. *дзи-суй*, кит. *чй-шуйй* – досл. “держатъ в руках упадок”; блюсти обеты воздержания. – См.: БКРС. Т. III. С. 48, 891-892.

⁸ Young J. The Location of Yamatai. P. 159.

⁹ Ibid. P. 155.

Хасимото Масукити в 1929 году не согласился с таким переводом, указав, что речь идёт о поездке только в Китай (в одном направлении), поэтому *шэн-кёу* и «ценности» не могут быть наградой для *чй-шуйй*. Предложенный им перевод выглядел следующим образом: «Все хорошо заботятся о *сэйкё* (кит. *шэн-кёу* – С.Д.) и других ценностях». Хасимото М., ссылаясь на «Хоу-хань-шу», отмечал, что народ *ва* (кит. *во*) был искусен в рыбной ловле, поэтому правители Ва (Японии) посылали рыбаков в Китай как дань. С точки зрения японцев, эти рыбаки не были пленниками (кит. *шэн-кёу*, яп. *сэйкё*), но для китайцев – они “пленные”, поэтому китайский двор (в своих династийных историях), называет их “*шэн-кёу*” (яп. *сэйкё* – пленники).¹

Против этого в 1929 году выступил Хатано Сёгоро, который считал, что *шэн-кёу* были пленниками, захваченными японцами, т.е. пленёнными врагами (например, из жителей Южного Кюсю).² Сходную точку зрения высказал Нумата Райсүкэ в 1929 г., указав, что термин *шэн-кёу* не может обозначать животных и переводится как “домашний скот, скотина”, т.к. в китайских хрониках наряду с животными перечисляются и *шэн-кёу* как отдельная категория даров. Поэтому *шэн-кёу* были пленниками из *хяито* или *айнов*. Свою точку зрения Нумата Райсүкэ подкреплял ссылками на «Нихон-сёки», где упоминались пленники (кит. *лү*, *фу*, *нү*), присланные из Кореи³ [Нихон-сёки, св. 19-й, Киммэй, 11-й год пр., 4-я луна, 1-й день; Nihongi⁴, XIX, 32; Нихон-сёки, св. 26-й, Саймэй, 6-й год пр., 10-я луна; Nihongi, XXVI, 21].⁵ Подобные взгляды высказывал и Нисимура Синдзи в

¹ Young J. The Location of Yamatai. P. 156.

² Ibid.

³ Ibid. P. 156-157.

⁴ Цит. по: Nihongi, 1956. Part I. 407 p.

⁵ В 550 г., 4-я луна, 1-й день: 「...因獻^レ高麗^ノ奴六口、別贈^レ王人^ノ奴一口。皆攻^レ爾林所禽^レ奴也。」 «По этой причине [ван Пэкче] прислал [в] дань рабов (яп. *до* / *яцүко*, *якко*, кор. *но*, кит. *нү*) из Ко[гу]рё, шесть “ртов” (яп. *кё*, кор. *ку*, кор. *но*, кит. *кёу*), [как] отдельный дар [от] человека *вана* [Пэкче] раб (яп. *до* / *яцүко*, *якко*, кор. *но*, кит. *нү*), один “рот” (яп. *кё*, кор. *ку*, кит. *кёу*) (все [пленники] – это рабы (яп. *до* / *яцүко*, *якко*, кор. *но*, кит. *нү*), хваченные при нападении на местечко Ирим)» (Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 國史大系). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. – Ч. I. – Т. II. – С. 75); в 550 г., 4-я луна, 1-й день: 「...獻^レ狛虜十口。」 Пэкче прислало «...[как] дань пленников (яп. *торико*, кор. *ро* / *но*, кит. *лү*) [из] Кома (кор. Корё, кит. Мо), десять “ртов” (яп. *кё*, кит. *кёу*)» (Там же. С. 76); где *虜* яп. *торико*, кор. *ро* / *но*, кит. *лү* – 1) пленный, пленник; 2) уст. варвар, дикарь; инородец (*часто о неприятеле*); 3) раб, слуга; *эл*. братъ в плен, пленять (БКРС. Т. III. С. 568-569); в 660 г., 10-я луна: 「...獻^レ唐^ノ俘^レ一百餘人。」 Пэкче прислало «...[в] дань полонян (яп. *фу*, кор.

1929 году.¹

В 1930 году Итимура Сандзиро отверг предложение, что *шэнь-кёу* были пленниками. Он проследил появление и употребление данного термина и обнаружил, что впервые это слово было использовано в «Хань-шу», а последний раз – в «Юань-ши» («Истории [династии] Юань, 1271-1368 гг.), и не обнаруживается в «Мин-ши» («Истории [династий] Мин, 1368-1644 гг.).² Ямао Юкихиса обратил внимание, что термин *шэнь-кёу* (кор. *сэнку*) употреблялся китайцами и в связи с Кореей: в «Лян-шу», в *цзюане* о Пэкче сообщается о присылке *шэнь-кёу* в качестве дани, в годы *Тай-юань* (376-396 гг.) от вана Сюй³ (кор. Су, т.е. Кын-гусу-ван, 375-383 гг.), а также от более поздних правителей: Юй Тяня (кор. [Пу]ё Чон[чжи]) и Юй Пи (кор. [Пу]ё Пи[ю])⁴ (т.е. Чончжи-ван, 405-419 гг., и Пию-ван, 427-454 гг.).⁵

Кроме того, термин *шэнь-кёу* (кор. *сэнку*) применялся и самими корейцами: на стеле Квангэтхо-вана сообщается, что в год *пёнь-син* (396 г.) ван Пэкче «...принёс в дар Великому вану, т. е. правителю Когурё Квангэтхо-вану – С.Д.) *сэнку*, мужчин и женщин тысячу человек...»⁶ [Стела Квангэтхо-вана, В, IV]. Р.Ш. Джарылгасинова истолковывает термин стелы *сэнку* (досл. “живые рты”) как термин, служивший для обозначения рабов⁷, *сэнку* становились пленные.⁸

Итимура Сандзиро выяснил, что значение слова *шэнь-кёу* с течением времени менялось: 1) сначала оно обозначало «нецивилизованное человеческое существо» («дикарь»)⁹; 2) затем оно использовалось в значении «слуга», после того как человек был захвачен в плен или послан как дань.¹⁰ Японский учёный определил, что в период «Троецарствия» (220-280 гг.) оба вышеуказанных значения («дикарь» и «слуга»), по-видимому, приме-

---

бу, кит. *фү* – пленников) из Тан, свыше ста человек» (Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. II. С. 275).

¹ Young J. The Location of Yamatai. P. 156.

² Ibid. P. 157.

³ 王須 ван Сюй. – См.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 21.

⁴ 余腆 кит. Юй Тянь; кор. [Пу]ё Чон[чжи]; 余毗 кит. Юй Пи; кор. [Пу]ё Пи[ю]. – См.: Там же.

⁵ 腆支王 кор. Чончжи-ван, 毗有王 кор. Пию-ван. – Корейско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – С. 894.

⁶ 「...獻出男女生口一千人...」 – Стела Квангэтхо-вана // цит. по: Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. – М.: Наука, 1979. – С. 74.

⁷ См.: Там же. С. 78.

⁸ См.: Там же. С. 92.

⁹ 未開人 яп. *микайдзин* – «дикари, непросвещенные люди». – ЯРС. С. 365; см.: Бураку-си... Т. I. С. 15; Young J. Op. cit. P. 157.

¹⁰ Young J. The Location of Yamatai. P. 157; ср.: Бураку-си... Т. I. С. 15.

нялись к слову *шэн-кёу* (яп. *сэйкё*).¹ В период Тан (618-907 гг.) значение «слуга» усилилось; 3) в период Юань (1271-1368 гг.) «слуги» жестоко эксплуатировались как животные, поэтому появилось третье значение: «скотина, домашний скот»² (т. е. животные).

На основании данных результатов Итимура Сандзиро пришёл к выводу, что термин *шэн-кёу* употребляется в «Вэй-чжи» в значении «нецивилизованные люди, дикари» (для китайцев, по его мнению, это, возможно, были японцы), которые могли даваться как награда «держателю судьбы».³

Хасимото Масукити не согласился с Итимура Сандзиро, считая, что проблема заключается в самом переводе термина *шэн-кёу*, который он истолковал как «живые люди; те, кто живые».⁴ Если взять значение «нецивилизованный человек, дикарь», то текст о «держателе судьбы» (кит. *чй-шуйй*) следует перевести как: «Все дают дары (награды) для *сэйкё* (т.е. дарят что-либо дикарям – С.Д.)». Если взять значение «слуга», то перевод получится: «Все заботятся о своих *сэйкё* (т.е. о слугах – С.Д.) и других ценностях».⁵

По мнению Хасимото Масукити, *шэн-кёу* в «Вэй-чжи» означает не «дикари», а «те, кто живые». Ссылаясь на «Хоу-хань-шу», японский исследователь отмечал, что в этой хронике те, кто был захвачен в плен, указывались как *шэн-кёу*, а те, кто сдался в плен – как *сян-шэ*.⁶ По его мнению, термином *шэн-кёу* обозначались также и японцы, которые были слугами, т.к. словосочетание «живой рот» могло означать любое живое человеческое существо.⁷

Что касается отрывка о «хранителе судьбы», то, с точки зрения Хасимото Масукити, посланные в Китай люди заботились о своих ценностях, среди которых, возможно, были и живые человеческие существа, которые (и вещи, и люди) могли быть даны «хранителю судьбы» в качестве награды. В этом случае иероглиф *зү* («заботиться о»)⁸, скорее всего, следует перевести как «наградить»: «Все награждают «хранителя судьбы» своими ценностями».⁹

Последним в дискуссии 1928-1930 гг. о *шэн-кёу* в 1930 году высказался Инаба Ивакити. Он отказался принять точку зрения, согласно которой все

---

¹ Young J. Op. cit. P. 157.

² Young J. Op. cit. P. 157; Бураку-си... Т. I. С. 15.

³ Young J. Op. cit. P. 158.

⁴ Young J. Op. cit. P. 158; *生きた人間* яп. *икйта нингэн* – досл. «живые люди; те, кто живые». – Бураку-си... Т. I. С. 16; ср.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 86.

⁵ Young J. The Location of Yamatai. P. 158.

⁶ Ibid.

⁷ Young J. The Location of Yamatai. P. 158.

⁸ 雇 кит. *зү* – заботиться о...; сострадание, внимание, забота... – БКРС. Т. IV. С. 725.

⁹ Young J. Op. cit. P. 158-159.

японцы в целом могли обозначаться термином *шэн-кёу* («дикари» [?]). Он аргументировал это тем, что в то время Япония была сильной страной (о чём говорило дарование японцам китайским двором золотой печати в 57 г., т.к. было правилом не давать золотые печати слабой стране). По его мнению, *шэн-кёу* и «другие ценности» являлись предметами потребления и товарами, посылаемыми в Китай. По этой причине автор «Хоу-хань-шу» не упоминает *шэн-кёу* в отрывке о «держателе судьбы», т.к. они входили в состав товаров. В связи с этим Инаба Ивакити предложил понимать *зү* («заботиться о...») как «устанавливать стоимость (цену)», отсюда у него получался следующий перевод: «Все устанавливают стоимость своих товаров, включая *сэйкё* и другие ценности». ¹ Таким образом, он рассматривал *шэн-кёу* как объекты права (т.е. «вещи»), кем в древности были рабы. Инаба Ивакити «хранителя судьбы» к *шэн-кёу* не относил. ²

Таким образом, термин *шэн-кёу* получил следующие толкования:

1) «дикари»; 2) «пленники»; 3) «слуги»; 4) «рабы»; (кроме того, позднее значение: 5) «домашний скот, скотина»). Современные исследователи толкуют этот термин как «оставленные в живых» ³, «раб», «рабы» ⁴ (яп. *дорэй*). ⁵

Российские учёные предпочитают не смешивать *шэн-кёу* с обычными рабами, указывая на их отличный от *нуби* социальный статус. З.Я. Ханин указывает, что *шэн-кёу* находились на особом положении и предлагает считать их рабами–ремесленниками высокой квалификации. ⁶ Н.Я. Бичурин считал, что это были китайцы, захваченные разбойниками на восточном побережье Китая и проданные в Японию. ⁷ Сходной точки зрения придерживался и М.В. Воробьев: *нуби* – это рабы-слуги, являвшиеся сородичами, принадлежавшие к тому же племени; а *шэн-кёу* были чужаки, иноземцы, иноплеменники. ⁸ Разница заключалась в происхождении: первые

---

¹ Young J. The Location of Yamatai. P. 159.

² Ibid.

³ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 86; ср.: Бураку-си... Т. I. С. 16.

⁴ См.: Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17; Бураку-си... Т. I. С. 15, 16, 17; Мацумото С. Сэйтё-цуси. Т. II. С. 264; Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 282; Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; Кюнёр Н.В. Китайские известия... С. 248-250; Ханин З.Я. Японские парии // Вопросы истории. – 1973. – № 7. – С. 132; Ханин З.Я. Социальные группы японских париев. – М.: Наука, 1973. – С. 34; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 86; Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 240; Young J. The Location of Yamatai. P. 83, 114, 155, 160.

⁵ 奴隸 яп. *дорэй* – раб (ЯРС. С. 76; ЯРУСИ. С. 626).

⁶ См.: Ханин З.Я. Японские парии. С. 132; Ханин З.Я. Социальные группы японских париев. С. 34.

⁷ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... С. 35.

⁸ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 87, 269; Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 242-243.

– своего племени, вторые – из чужого.¹ Указанный автор высказывал ещё ряд интересных, на наш взгляд, замечаний: во-первых, *шэн-кёу* выглядят несколько более привилегированными; во-вторых, пленные **не превращали в настоящих рабов**²; в-третьих, решающий признак разграничения – принадлежность или непринадлежность к данной общине.³

Таким образом, если суммировать все точки зрения, высказанные о *шэн-кёу* (яп. *сэйкё*) в ходе дискуссии о данной категории населения, то вырисовывается следующая картина: 1) в китайских источниках **нубй (рабы) и шэн-кёу** чётко различаются и не смешиваются, т.е. рассматриваются как разные категории населения; 2) *шэн-кёу* находятся в более высоком («привилегированном») положении, чем *нубй* (рабы); 3) значение термина *шэн-кёу* (досл. “живой рот”) – **не «раб»** (кит. *нубй*), а «пленник», или, как его истолковывают исследователи, «оставленный в живых», «живой»; 4) в период Троецарствия (220–280 гг.) термин *шэн-кёу*, как выяснили учёные, употреблялся в значениях “нецивилизованный человек”, “дикарь” и “слуга” (но не раб), причём значение “слуга” в это время преобладало; 5) термином *шэн-кёу* называли «не своих», т.е. для японцев – это «не японцы» (как предполагают исследователи: *хяято, кумасо, корейцы, китайцы*), а для китайцев – все «не китайцы» (включая, видимо, и японцев), для корейцев – все «не корейцы».

Исходя из общих закономерностей развития древних обществ, можно предположить следующий характер различия между двумя категориями зависимых. *Нубй* – это **рабы**, т.е. лица, юридический статус которых – собственность (*объекты права*), а *шэн-кёу* – люди, с юридической точки зрения, не являющиеся собственностью (не объекты, а *субъекты права*).⁴ То есть в правовом отношении *шэн-кёу* – лично свободные – «живые» (но с ограниченной свободой передвижения, поэтому они «пленники» [или потому что они «пленники»]). Однако как чужаки, иноплеменники, иноземцы они не входят в общинный коллектив, а потому юридически бесправны (т.к. в древности только община гарантировала защиту прав своего члена) и находятся в полной зависимости от правителя общины. Известные из источников факты, когда *шэн-кёу* посылались в дар китайскому императору [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 107 г.; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; 238; 243; 247 гг.]⁵, не препятствуют такому толкованию их статуса, т.к. факты принесения дани лично свободными людьми также известны.⁶ В

¹ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 87.

² См.: Там же.

³ См.: Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии. С. 242.

⁴ То есть юридически свободные (но не следует путать этот правовой статус с социально-экономической зависимостью).

⁵ См.: Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С. 35; Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 156, 248–250, 342.

⁶ См., например: Шиллюк Н.Ф. История древнего мира, 1991. С. 155.

мировой истории также известны случаи, когда категория зависимых, но лично свободных людей (т. н. «клиентов») формировалась как из добровольно перешедших в такое положение, так и происходивших из военнопленных.¹ Таким образом, *шэнь-кёу* следует относить к сословию *неполноправных свободных*.

Однако каким бы образом ни решалась проблема социального статуса *шэнь-кёу* (рабы или бесправные свободные), обе категории – *нуби* и *шэнь-кёу* – не входят в коллектив общины (не являются общинниками). Это определяющая черта их положения.²

Следовательно, если мы признаём, что *сэйкё* (кит. *шэнь-кёу*) относятся к сословию *неполноправных свободных*, это означает, что они обладали *статусом свободы* (с точки зрения права, являлись *субъектами права*); т.е., несмотря на то, что они – пленники, тем не менее – *сэйкё* (кит. *шэнь-кёу*) не были рабами. Но так как они не входили в гражданский коллектив (не являлись членами общины), то они не имели *статуса гражданства*, а значит, по нормам древнего права, не могли быть собственниками земли. Таким образом, *сэйкё* (кит. *шэнь-кёу*) относились к категории *ограниченно правоспособных и органично дееспособных лиц*.

жж. См. коммент. «и». Надо полагать, около 100 г. н.э. владение Иду-го (яп. Ито-но *кун*), располагавшееся на полуострове Ито-сима в северо-западной части Кюсю³, создало новое объединение общин под возможным названием **Во-мянь-ту-го**, часто именуемое просто “Во-го”. В 107 году отсюда в Китай прибыло посольство. «При Ань-ди, в первое лето правления, 107 [г.], государь-предводитель страны Японии (Во-го – С.Д.), вступив на престол (кит. *вё-гё-ван-шуй шэнь-дэн*⁴ – С.Д.), представил 160 пленников (кит. *шэнькёу*⁵ – С.Д.). Они просили представиться государю⁶ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII].⁷ Сходная информация дана в другом ис-

¹ См.: История первобытного общества: в 3-х тт. Т. 3: Эпоха классового образования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – С. 225.

² В.Н. Никифоров определяет рабовладельческий строй как «господство какой-то общины над лицами, стоящими вне её...». – См.: *Никифоров В.Н.* Формы и сущность развития в древнем обществе: специфика отдельных цивилизаций // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. – М.: Наука, 1986. – С. 20.

³ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 79.

⁴ 「倭國王帥 升等...」 кит. *Вё-гё-ван-шуй шэнь-дэн*... – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁵ Эти пленники, видимо, были неполноправными свободными. См. комментарий «ее», Об их правовом статусе см.: *Суровень Д.А.* Правовое положение населения в древней Японии. С. 120-130.

⁶ См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35; *Кюнгер Н. В.* Китайские известия... С. 342.

⁷ См.: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 66; *Хиго К.* Ямато-то сйтэ-но Яматай-коку. С. 30-31; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65;

точнике – «Тун-дянь».¹

Наиболее трудным для толкования местом у учёных является фраза “*вō-го-ван-шуй шэн-дэн*”. Н.Я. Бичурин перевел её, сильно сократив, просто как «японский государь».² Н.В. Кюнер, обратив внимание на эту неточность, перевел как «государь–предводитель страны Японии, вступил на престол...»³, где иероглиф “*шэн*” берётся в глагольном значении “подниматься, восходить”⁴, а иероглиф “*дэн*”, видимо, в значении “ранг, степень”.⁵

Но многие исследователи по-другому разбивали данный текст. 1) Бан Нобутомо (1773-1846) читал словосочетание “*шуй-шэн*” как “Ши-шэн” (яп. Си-сэ), считая его именем правителя государства Во (Во-го)⁶; аналогично поступил Мотоори Норинага (и ряд других учёных), посчитав “Шуй-шэн” (яп. Суй-сэ) именем правителя.⁷ 2) Если рассматривать иероглиф “*шуй*” как титул («предводитель»)⁸, то тогда в качестве имени “государя–предводителя” (кит. *ван-шуй* – досл. “предводитель ванов”)⁹ может выступать словосочетание “Шэн-дэн” (яп. Сэ-тё).¹⁰ 3) Если же считать иероглиф “*дэн*” показателем множественного числа (когда японские учёные берут его в значении суффикса множественного числа “*ра*”)¹¹, то тогда для имени “государя–предводителя” остаётся только знак “*шэн*”, который в качестве существительного может быть название меры (сосуда) сыпучих

Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17, 117; Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; Межгосударственные отношения... С. 257.

¹ 「安帝、永初元年、倭國王帥升等 獻^レ生口、百六十人。」 – Тун-дянь, 1988. С. 4993; в других списках «Тун-дянь» указано: 「倭面土國王帥升 獻^レ生口」 – Там же. С. 5006, прим. 69.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

³ Кюнер Н. В. Китайские известия... С. 342.

⁴ 升 кит. *шэн* – гл. 1) подниматься, восходить; повышаться, возвышаться; также: 升 кит. *шэн* – суц. мера сыпучих тел; *собств.* Шэн (*фамилия*). – БКРС. Т. II. С. 979.

⁵ 等 кит. *дэн* – суц. ранг, степень. – БКРС. Т. III. С. 49.

⁶ 「帥升」 кит. *шуй-шэн* – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁷ См.: Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65, 66, 69; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17, 107; Нихон дзэнси. Т. I. С. 292; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 30.

⁸ 帥 кит. *шуй* – предводитель; начальник; командир; военачальник, полководец; главнокомандующий. – БКРС. Т. III. С. 290

⁹ 「王帥」 кит. *ван-шуй*. – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; где 帥 кит. *шуй* – суц.

1) предводитель; начальник; командир; военачальник, полководец; маршал... гл.

1) командовать, предводительствовать; 2) управлять, править... – БКРС. Т. III. С. 290.

¹⁰ См. напр.: Мицуки Т. “Ва-коку-суй-сэ-тё” (кит. Во-го-ван-шуй-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 56.

¹¹ См. напр.: 「倭國王帥升らが生口百六十人を獻じた...」 – Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17; Мицуки Т. Указ. соч. С. 55, 54.

тел – *шэн* и китайской фамилией Шэн.¹ В этом случае перевод получался иным: «[При] Ань-ди, [в] начальный год Юн-чу [107 г.], государь–предводитель страны Во (или: предводитель правителей государств в [стране] Во) [по фамилии] Шэн (яп. Сё) и другие преподнес дань *шэн-кёу* (пленниками) [в количестве] 160 человек, испрашивая аудиенции»² [Хоу-хань-шу, св. 115, Во]. В разделе «Ань-ди цзи» той же самой династийной истории содержатся уточняющие сведения: «[в] начальный год Юн-чу [107 г.], зимой, [в] 10-й луне, [страна] Во-го прислал посла [для] поднесения дани»³ [Хоу-хань-шу, св. 5-й, Бэнь-цзи, разд. 5-й, Ань-ди].

Сразу возникал ряд проблем: 1) кто такие «и другие»?; 2) как истолковать титулатуру “*вэ-гэ-ван-шуй* (Шэн-дэн)”?; 3) какого государства этот «правитель Шэн»? По первой проблеме высказался Мицуки Таро, считая, что под термином “дэн” («другие») могут подразумеваться посольства от других *общин–государств* (например, Иду-го, Могу-го и т.д.)⁴, хотя это могли быть просто другие участники посольства.

В отношении проблемы титулатуры “*вэ-гэ-ван-шуй* (Шэн-дэн)” Мицуки Таро предложил три варианта разбивки: а) “*вэ-гэ-ван*” («правитель государства Во» [Япония]; или: «правитель японского государства [Во-го]») и “*шуй-шэн-дэн*” («предводитель Шэн-дэн [яп. Сё-то]; или: «предводитель Шэн [яп. Сё] и другие»); б) “Во-го” («государство Во» [«Япония», или «Японское государство»]) и “*ван-шуй Шэн-дэн*” («государь–предводитель Шэн-дэн», или «Шэн-дэн – предводитель правителей (*ванов*) [в государстве] Во [Япония]»); в) Мицуки Таро предложил считать иероглиф “*ван*” вариантом написания (или ошибкой) знака “*чжү*” (досл. “хозяин; господин; государь, глава государства”⁵). В этом случае получалась разбивка «*чжү-шуй* [по имени] Шэн-дэн [из] государства Во».⁶ “*Чжү-шуй*” – это название должности (досл. “главнокомандующий”)⁷, употребляемое

---

¹ Шит. *шэн* – *суц.* 1) шэн (*мера объёма для жидких и сыпучих тел, равная 10 гэ, или 1,04 литра*)... 4) шэн (*сосуд для измерения жидких и сыпучих тел*)... *собств.* ...

2) Шэн (*фамилия*). – БКРС. Т. II. С. 979; см.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 30.

² 「安帝 永初元年、倭國王帥升等 獻^レ生口、百六十人、願請見。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. I. С. 89; цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 47; *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 53; Бураку-си... Т. I. С. 5.

³ 「永初元年... 冬十月、倭國遣^レ使奉獻。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. I. С. 89; *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 53; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 47.

⁴ *Мицуки Т.* “Ва-коку-суй-сё-то” (шит. Во-го-ван-шуй-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 54.

⁵ 主 шит. *чжү* – 1) хозяин; 2) глава [государства]; государь, владыка... – БКРС. Т. II. С. 167.

⁶ *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 55, 56.

⁷ 主帥 шит. *чжүшуй* – *уст.* главнокомандующий. – БКРС. Т. II. С. 169.

(по сообщению «Вэй-чжи» в разделе “Хань-цзюань”) в Южной Корее, являвшееся территориальным титулом. В таком случае титул “*чжү-шуй*” будет званием старшего посла Шэна, возглавлявшего японское посольство, привезшее подношения ко двору правителя Китая.¹

Можно предположить ещё один вариант, связанный с допущением возможности ошибки или неточности: “*вэн-шй*” («государев наставник»), если принять титул “*вэн-шуй*” как искажение.² Тогда Шэн превратится в «наставника государя страны Во».

Но большинство исследователей полагает, что в данном случае речь идёт именно о правителе. В 1806 году Бан Нобутото заявил, что *вō-гō-вэн-шуй* – правитель на северном Кюсю.³ Оставалось только выяснить, какой именно общины–государства. Есть поздние китайские свидетельства (из «Цзю Тан-шу» и «Синь Тан-шу»), которые отождествляли союз общин во главе с Ну-го со страной Во-го. Кроме того, в «Бэй-ши» в разделах «Во-го» и «Ань-ди бэнь-цзи», а также в «Суй-шу» в разделе «Во-го» сообщается, что посольство 107 года было от государства Во-ну-го (яп. Ва-на-күни). «[Во времена правления императора] Ань-ди (107-126 гг. – С.Д.), о п я т ь при-слали дань [ко] двору [от государства], называемого Во-ну-го»⁴ [Бэй-ши, св. 94, ле-чжуань, Во]. «При государе Ань-ди, 107-126 [гг.], е щ ё (владелец японский – С.Д.) отправил посланника ко Двору с данью, и царство своё называл В о н у...»⁵ [Суйшу, гл. 81, V. Япония; 107-126 гг.]. Поэтому Ямао Юкихиса считал, что и посольство 57 г., и посольство 107 г. были отправлены главой союза Ну-го.⁶

Но в китайском словаре «Хань-юань» и некоторых списках «Гун-дянь» цитируется текст из «Хоу-хань-шу» о посольстве 107 года, где японский “государь–предводитель”⁷ Шэн(-дэн) назван правителем не государства Во-го, а ваном страны Во-мянь-шан-го⁸ (или: Во-мянь-ту-го⁹). Кроме того,

¹ Мицүки Т. Указ. соч. С. 56.

² 王師 кит. *вэн-шй* – 1) наставник князя... (БКРС. Т. II. С. 156) – См.: Тун-дянь, 1988. С. 5005, прим. 69.

³ Young J. The Location of Yamatai. P. 83.

⁴ 「安帝時、又遣^レ朝貢。謂^レ之倭奴國。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2565; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

⁵ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94. 「安帝時、又遣^レ朝貢。謂^レ之倭奴國。」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

⁶ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

⁷ 王師; где 師 кит. *шй*, видимо, ошибка *вм*. 帥 кит. *шуй* – предводитель. См.: Ямао Ю. Указ. соч. С. 47, 66.

⁸ 「倭面上國王帥升。」 – Хань-юань, св. 30-й, Фань-и-бу, Во-го 翰苑、卷第卅、蕃夷部より倭國 (原文) // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/kannenn/kannenn_gen.htm (дата обращения: 28.05.2018).

⁹ 「倭面土國王帥升等」 – Тун-дянь, 1988. С. 5006, прим. 69; см.: Ямао Ю. Указ. соч.

в «Сяку-нихонги» («Нихонги [с] комментарием») в разделе “*кай-дай*” говорится: «“Хоу-хань-шу” передает: [В правление императора] Сяо-ань-хуан-ди (Ань-ди – С.Д.) в начальный год *Юн-чу*, зимой, [в] 10-й луне, [государство] Во-мянь-го прислало посольство [для] поднесения дани»¹ Поэтому Ямао Юкихиса посчитал указание «Хоу-хань-шу» просто на государство «Во-го» или ошибкой, или поздним сообщением, или сокращённой записью от «Во-мянь-ту-го».²

Сиратори Куракити указал, что иероглиф “Во” в названии “Во-мянь-ту-го” должен стоять в притяжательном падеже и выполнять роль определения – “японский, относящийся к Японии” (яп. *ва-но*-), что указывало на то, что *ван* Мян-ту-го являлся правителем не всей Японии, а отдельной территории – так называемой “Вб-мьянь-тү-дй”³ – одного из маленьких государств (яп. *сё-кокка*) в Японии того времени.⁴ В данном топониме исследователи увидели фонетическую запись упомянутого в «Вэйчжи-вожэнь-цзюань» владения И-ду (-го) – японской местности *И-то* в Северном Кюсю.⁵ Именно *Иду* (яп. *Ито*) и послало, по их мнению, в 107 году посольство в Китай. К этой точке зрения присоединился и М.В. Воробьев, локализуя Мян-ту (Иду в «Вэй-чжи») около современного города Фуказ, уезда *И т о - с и м а*, провинции Тикудзэн в Северном Кюсю.⁶

В связи с чтением “*И-ду*” (яп. *И-то*) Сиратори Куракити предположил, что первый слог “*И-*” должен записываться иероглифом “*вэй*” (др.-яп. *ви*; совр.-яп. *и*), использованного на печати 57 года, а второй слог “*-ду*” – ие-

---

С. 47, 66; Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 107; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си. Т. I. С. 248; *Воробьев М. В.* Япония в III-VII веках. С. 79, 312; *Хиго К.* Ямато-го сйтэ-но Яматай. С. 30; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 66.

¹ 「後漢書云、孝安皇帝、永初元年、冬、十月、倭面國遣使奉獻。」(釋日本紀、開題)。– Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 521; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 48.

² *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 66.

³ 倭面土地 кит. *Вб-мьянь-тү-дй* – досл. “Японская местность (*тү-дй*) Мян”, или: “Местность [в] Японской стороне (*мьянь*)”. – См.: *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 66; где 面 кит. *мьянь* – суц. 1) лицо; 2) внешняя сторона; 3) сторона, направление... – БКРС. Т. II. С. 697.

⁴ *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65.

⁵ 伊都 кит. *И-ду*; яп. *И-то* – досл. “[местность] 怡土 “И-то” в Северном Кюсю. – *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 47; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17; Нихон дзэнси. Т. I. С. 294-295; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй-кокка-но кодзё. С. 82.

⁶ *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 79.

роглифом “*ту*” (яп. *то* – “земля”).¹ Знак “*ви*” (кит. *вэй*) нужно рассматривать как сокращение знака “*во*” (яп. *ва*) – “Япония, японский”. В таком случае вместо “*ви-ту*” (от “Иту”) мы получаем “Во-ту” (“японская земля”, “земля Япония”).² Исходя из этого, становится ясно, откуда в «Хоу-хань-шу» вместо “Во-мянь-ту-го” могло появиться “Во-го” как вариант написания “Ви (-ту)-го”.

Исследователи считают, что в начале II века Ито было сильным владением, объединившим в данный период несколько гражданских общин.³ На это может указывать иероглифическая запись названия Ито в «Вэй-чжи»: «та (т.е. другая – *С.Д.*) столица / резиденция»; или «только столица»; или «[то, что] является столицей»; или «столица, [где] останавливаются»; или «резиденция И».⁴ Сигэмацу Акихиса полагал, что в объединение Мян-ту-го входили общины Ито и Мацура (кит. Иду-го и Мо-лу-го), в котором лидерство принадлежало Иду-го.⁵ А Кудзира Киёси предполагал, что в эту *конфедерацию* могли входить Иду-го, Мо-лу-го и Ну-го.⁶ По мнению Сигэмацу Акихиса, община Вэй-ну-го могла выполнять обязанности представителя Мян-ту-го за рубежом.⁷ Как можно полагать, топоним «Во-мянь-ту-го» (досл. “государство [в] японской стороне-земле”) или просто “Во-го” (досл. “государство Во”), был не названием отдельной общины (Ито, или Мацура, или Яматай), а являлся названием *конфедерации* (т.е. союза независимых государств), в которую данные общины входили. По мнению Хиго Кадзуо, такое объединение под главенством “государя-предводителя” (кит. *вэн-шуйй*) возникло в Японии в конце I – начале II веков (около 100 г.).⁸ На то, что данное объединение возникло именно в это время, указывают сведения из китайских источников – в «Вэй-чжи» сообщается: «Также с основания этого государства (Во-го – *С.Д.*) мужчину сделали государем (кит. *вэн*). Прожил [он] семь-восемь десятков

---

¹ 伊都 И-ту → 委土 Ви-ту. – Мицуки Т. Фўтаби-ва-ни цуйтэ. С. 47, прим. 2; Там же. С. 51, 54.

² 倭土 кит. *Во-ту*. – Там же. С. 47, прим. 2.

³ См.: Ямао Ю. Указ. соч. С. 113; Кудзира К. Нихон-коку-тандзэ-но надзо. С. 137.

⁴ 伊都國 кит. *Иду-го*; где 伊 кит. *и* – этот, тот; (*начальная частица*) только, лишь; *гл.* останавливать, задерживать; *служ. слово* имеется [в наличии], быть (*связка*). – БКРС. Т. III. С. 385.

⁵ Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

⁶ Кудзира К. Нихон-коку тандзэ-но надзо. С. 137.

⁷ Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 116.

⁸ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 32.

лет. [После его смерти (?)] государство Во-го пришло в смятение...»¹ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 10]. Из «Хоу-хань-шу» известно, что эти “великие замешательства” происходили в «царствование государей Сюань-ди и Лин-ди» (во второй половине II века)² [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 147-190 гг.]. В этом случае начало правления государя-мужчины, приславшего посольство в Китай в 107 году, будет приходиться на первые годы II века. Н.В. Кюннер предложил перевести фразу «*вō-гō-вāн-шуйй шэнь-дэнь*»³ из «Хоу-хань-шу» следующим образом: «При Аньди, в первое лето правления Юн-чу, 107 год, государь–предводитель страны Японии (Во-го – С.Д.), вступив на престол, представил 160 пленников»⁴ (кит. *шэнь-кōу*, яп. *сэйкō*).⁵ При таком переводе получается, что объединение Во(мянь-ту)-го возникло в 107 году, так как мужчина–правитель «Во-го-вāн-шуйй» (по «Вэй-чжи») стал править «с основания этого государства» (кит. *ци-го-бэнь и-и*).⁶

По мнению исследователей, Ну-го и Мянью-го находились на путях, связывающих архипелаг с материком, по-видимому, имели что-то вроде монополии на внешние сношения с континентом и пользовались преобладающим влиянием на Кюсю. Это были по тем временам и местам сильные владения. Если не считать посольства Когурё в 32 г., ни одно владение Кореи в это время, видимо, не посылало подневольных людей в Китай.⁷ О силе владений *вожэнь* говорило и то, что в 73 году «люди Вэ напали на остров Мокчхульто, поэтому *ван* (Сораболь – С.Д.) направил *коккана* Уо, чтобы отразить их, но Уо не одолел их и погиб»⁸ [Самгук-саги, летописи Силла, Тхальхэ, 17-й год пр. (73 г.)]. Видимо, набеги япон-

¹ 「其國本亦以男子爲王、住七八十年。倭國亂。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; см.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 67.

² См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 107; Хиго К. Указ. соч. С. 30-31; Ямао Ю. Указ. соч. С. 66,75; Сиодзава К. Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō. С. 82; Сэки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 83; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 130.

³ 「倭國王帥 升等」 кит. *вō-гō-вāн-шуйй шэнь-дэнь*. – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁴ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 342.

⁵ 生口 кит. *шэнь-кōу*, яп. *сэйкō* – досл. “живой рот”; пленники. См. комментарий «е». Об их правовом статусе подробнее см.: Суровень Д.А. Правовое положение населения в древней Японии. С. 133-155; Суровень Д.А. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкō* в I–III веках. С. 14-22.

⁶ 「其國本亦以」 кит. *ци-го-бэнь и-и*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁷ Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. С. 79.

⁸ Ким Бусик. Самгук саги. Т. I. С. 81; 「十七年。倭人侵木出島。王遣角干羽鳥禦之、不克。羽鳥死之。」 – Самгук саги, 1928. Кн. I. С. 7; Самгук-саги, Силла-понги, л. 49; 4 // Ким Бусик. Самгук-саги (иероглиф. текст). Т. I. С. 25.

цев были столь грозны, что в 122 году в Силла «Среди жителей столицы [распространился] ложный слух о прибытии в большом числе войска японцев и началось паническое бегство в горы. Поэтому ван приказал *ичхану* Икчжону и другим разъяснить народу [правду] для прекращения этого»¹ [Самгук-саги, летописи Силла, *исагым* Гима, 11-й год пр. (122 г.)].

Кроме того, следует обратить внимание на результаты исследования древнеяпонской топонимики. Исии Ёсими, исследуя распространение древнеяпонских топонимов местности Ито (так называемых *мару-тимэй*) и связанных с ними археологических объектов, пришёл к выводу, что в период среднего *яёй* (I в. до н.э. – I в. н.э.) топонимы *мару-тимэй* и связанные с ними археологические объекты появились за пределами земель нынешних префектур Фукуока, Сага, Ойта и Кумамото – а именно: на островах Цусима, в землях префектуры Нагасаки (включая прилегающие острова), землях префектуры Хиросима (в юго-западном Хонсю), а также в землях префектуры Эхимэ и, возможно, Кёти (в западном и юго-западном Сикоку).² При этом в данный период (рубежа раннего и среднего *яёй* и эпохи среднего *яёй*) наблюдается временное уменьшение топонимов *мару-тимэй* и связанных с ними археологических объектов в землях префектуры Фукуока³ и необратимое уменьшение топонимов *мару-тимэй* и связанных с ними археологических объектов в землях префектуры Сага.⁴ Это, по мнению Исии Ёсими, означало, что выходцы из области Ито поселились в землях Нагасаки⁵, а также прилегающих к Северному Кюсю островов, включая острова Цусима. В это же время происходит освоение ими земель Аки-но *куни* (в нынешней префектуре Хиросима) и западного Сикоку. Данные выводы могли означать, что вышеуказанные земли в конце I века н.э. могли быть включены в сферу влияния объединения Во-мань-ту-го.

Очевидно, в начале II века китайцы уже видели, какая из общин Кюсю имела наиболее сильные позиции в этом регионе – это отразилось на ранге титулов, полученных правителем Ну-го – «правитель (*в́ан*) общины-государства Ну»⁶, и правителем «Во-го» – «государь-предводитель (*в́ан-шуй́й*) японской страны (страны Япония)»⁷ [или: «Предводитель (кит.

---

¹ *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. I. С. 87; Самгук саги, 1928. Кн. 1. С. 10.

² *Исии Ё.* Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпан-но кэнкю. С. 54, 55, рис. 5; см. также: *Исии Ё.* Дзёдай тимэй дэмпан-ни кансуру сүти дзиккэн. С. 30, рис. 4.

³ *Исии Ёсими.* Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй... С. 51, схема 1; С. 54.

⁴ *Исии Ёсими.* Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй... С. 63, схема 8; С. 54.

⁵ *Исии Ёсими.* Указ. соч. С. 54.

⁶ (委)奴國王 кит. (*Вэй-*) Ну-гб-в́ан. – См.: *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 32.

⁷ 倭國王帥 кит. *Вб-гб в́ан-шуй́й.* – См.: Там же.

шуйй) правителей (кит. *ван*) страны Во»].¹ О силе «государя–предводителя» конфедерации Во(-мянь-ту)-го говорило то, что он смог отправить в Китай 160 *шэн-кёу* (пленников) – подобные подарки (но более скромные) в Японии впоследствии делали только главы объединения Нюй-ван-го на Северном Кюсю – Бимику (в 238 году – 4 мужчины– *шэн-кёу*, 6 женщин– *шэн-кёу*; в 243 году – количество *шэн-кёу* неизвестно) и Июй (в 247 году – 30 *шэн-кёу* – мужчин и женщин) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 2-й год *Цзин-чу* (238 г.)², 12-я луна; 4-й (243 г.) и 8-й (247 г.) годы *Чжэн-ши*]. Правда, Накаяма Хэйдзиро отметил, что правитель Во-го в 107 году не получил золотую печать (в отличие от посольства 57 года), что могло указывать на предпочтение владению Ну-го со стороны ханьских императоров.³ Само же титулование “ваном”, т.е. правителем рангом ниже императора, принципиально отличалось от других почётных званий.⁴

Правильность анализа политической ситуации на Северном Кюсю, сделанного китайцами, подтвердили дальнейшие события. После отправки в 107 году посольства «государем–предводителем страны Во» ко двору династии Хань [Хоу-хань-шу, гл. 115, 107 г.], скорее всего, им же в 123 году, весной, в третьей луне, был заключен мир с Силла⁵ [Самкук-саги, летописи Силла, *исагым* Гима, 12-й год пр. (123 г.)]. Основанием для подобного утверждения может быть то, что община «государя–предводителя», являясь гегемоном на Северном Кюсю, выступала представителем *вожэнь* в Китае и Корее. Более сведений о посольствах от «государя–предводителя» в источниках нет, видимо, потому, что «с наступлением годов правления Юн-чу (107-113 гг.) явилось много трудностей...» в связях с восточными инземцами⁶ [Хоу-хань-шу, гл. 115, л. 1а-3б]. Как считают исследователи, об этом государе–предводителе говорится в «Вэй-чжи»: «В этой стране первоначально мужчину сделали государем; он прожил 70-80 лет»⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во⁸; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, 26 б, 10].

¹ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 32.

² В реальности, 3-й год *Цзин-чу* (239 г.). – См. комментарий «дддд».

³ Young J. The Location of Yamatai. P. 120.

⁴ См.: Бокцианин А.А. Краткая история связей Китая со странами южных морей. С. 147. Титул “ван” в Корее имели только правители Чосона, Пуё, Чингука, Силла, Пэкче и Когурё. – См.: Ямао Ю. Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 116.

⁵ Ким Бусик. Самкук саги. Т. I. С. 87. 「十二年、春、三月。倭國講^レ和。」 – Самгук саги, 1928. Кн. 1. С. 10; Самкук-саги, Силла-понги, л. 58, 10 // Ким Бусик. Самгук-саги (иероглиф. текст). Т. I. С. 30.

⁶ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 223.

⁷ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247; 「其國本亦以男子爲^レ王、住^レ七八十年。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856.

⁸ Цит. по: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247.

33. Дата смерти “государя–предводителя” Во-мянь-ту-го неизвестна, поэтому год начала “великих замешательств” точно установить невозможно, но возможно приблизительно вычислить время этой многолетней войны по данным китайских и корейских источников. В 158 году (скорее всего, когда Япония находилась в состоянии мира) в Силла приехал посольство от японцев (кор. *вэ-ин*).¹ Таким образом, по материалам корейских источников “государь–предводитель” должен был править некоторое время после 158 года [может быть, до 160-165 гг.], т.к. (по «Самгук-саги») следующее же посольство 173 года было уже от «правительницы Вэ (кор. Вэ-нёван) **Бимиху**»² [Самгук-саги, летописи Силла, Адалла, 5-й год пр. (158 г.); 20-й год пр. (173 г.)].³

После смерти “государя–предводителя” (после 158 г.) в объединении общин северо-западного Кюсю и островов Корейского пролива началась борьба за престол – получается, что война шла в период между 158-173 годами⁴, скорее всего в 60-е годы I I в е к а. «Во времена [государей] Хуань-[ди] [и] Линь-[ди] (147-189 гг.) в государстве Во-(го) происходили великие замешательства (кит. *дà-луàнь*⁵): снова (кит. *гэнь*) взаимно (друг на друга) нападали, [поэтому] сряду [несколько] лет не имели государя (кит. *чжэу*⁶)»⁷ [Хоу-хань-шу, св. 115-й, Во, 147-189 гг.].⁸ То же самое сказано в «Тун-дянь» (раздел “Во”): «[Во] времена [императоров] Хуань-[ди] и Линь-[ди] [в стране] Во-го (Японии) были великие беспорядки (великая смута). Снова друг на друга нападали (пошли войной). В течение ряда лет

¹ 「五年、春、三月。<...>倭人來聘。」 «5-й год [правления Адалла (158 г.), весна, 3-я луна... Японцы (кит. *вэжэнь*, кор. *вэ-ин*) пришли, прислав посла с визитом [в Силла]». – Самгук саги, 1928. Кн. 2. С. 1; где 聘 кор. *бинъ* (빙), кит. *пінъ* – посылать посла с визитом (в другое царство, княжество). – БКРС. Т. III. С. 491.

² 「二十年、夏、五月。倭女王卑彌乎遣使來聘。」 «Японская женщина-государь (Вэ-нёван) [по имени] **Бимиху** прислала посла прийти с визитом [в Силла]». – Самгук саги, 1928. Кн. 2. С. 2.

³ См.: *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. I. С. 91, 93.

⁴ Хиго Кадзуо даёт датировку «около середины II века н.э.» – *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 31. Аналогично поступает Хасимото Масукити. – *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 7.

⁵ 大亂(乱) кит. *дà-луàнь* – «великие замешательства»; досл. «полнейший беспорядок» (БКРС. Т. IV. С. 275); где 亂 кит. *луàнь* – *суц.* 1) беспорядок... 2) смута, смятение; бунт, мятеж, война (особенно: *междоусобица*). – БКРС. Т. IV. С. 275.

⁶ 主 кит. *чжэу* – 1) хозяин; 2) ...глава [государства]; государь; владыка (БКРС. Т. II. С. 167).

⁷ 「桓・靈間、倭國大亂、更相攻伐、歷年無主。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. II. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 64; *Мори К.* Нихон синси. С. 147; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй кокка-но кодзё. С. 82.

⁸ См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35.

не имели государя»¹ [Тун-дянь, Бянь-фан – Дунъи, 1-й раздел, Боцзи–Синьло–Во-го]. «Япония пришла в смятение, сражались друг с другом годами»² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Другие династийные истории сообщают: «В конце ханьской династии японцы возмущались, непрерывно нападали друг на друга»³ [Цзинь-шу, гл. 97, *вожэнь*; Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дунъи*, *вожэнь*⁴]. «В период [царствования императоров] Хуань[-ди] [и] Лин [-ди] (147-189 гг.) в этой стране [Во-го происходили] великие замешательства (кит. *да-луань* – С.Д.), поочередно друг на друга нападали [поэтому] сряду [несколько] лет не имели государя (кит. *чжү*)»⁵ [Суй-шу, св. 81-й, *дунъи*, Во-го; Суйшу, гл. 81, V, 147-190 гг.).

Причины и события «великой смуты» (кит. *да-луань*) точно не известны, но определённо можно сказать, что это была борьба за трон правителя между различными претендентами – по этой причине *вожэнь* «сряду несколько лет не имели государя (кит. *чжү*)»⁶ [Хоу-хань-шу, св. 115-й, Во, 147-189 гг.]. Накаяма Хэйдзиро (в 1914-1916 гг.) предположил, что, возможно, это был конфликт между Ематай-го (яп. Яматай-но *куни*) и Ну-го (яп. На-но *куни*). В это время у династии Хань были свои внутренние проблемы, поэтому Ну-го не могло надеяться на помощь от Хань. Ну-го было разбито Ематай-го. Видимо, беженцы (правитель Ну-го с приближёнными [?] – С.Д.) укрылись на острове Сига около побережья владения Ну-го, и там была спрятана от врагов золотая печать, полученная правителем Ну-го в 57 году.⁷ В это же время (в 1914-1916 гг.) Касай Синъя, хотя Накаяма Хэйдзиро возражал ему⁸, высказал точку зрения, что выложенная камнем полость, где была найдена золотая печать 57 года, являлась могилой, в которой в каменном гробу типа “*ава*”, широко использовавшегося в то время в окрестностях залива Хаката (где располагалось владение Ну-го), был захоронен правитель (кит. *ван*, яп. *кими*) данного владения.⁹ Результатом этой

¹ (『通典』邊防 東夷上 百濟 新羅 倭國)「桓、靈間、倭國 大亂、更相 攻伐、歷年 無^レ主。」 – Тун-дянь, 1988. С. 4993.

² Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 247; 「倭國 亂。相攻伐 歷年。」 «[В стране] Во-го [были] беспорядки (смута, мятеж). Друг на друга нападали (пошли войной) в течение ряда лет» – Саньго-чжи, 2004. С. 547; Ямао Ю. Указ. соч. С. 64.

³ Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 247.

⁴ 「漢末、倭人 亂、攻伐 不定。」 – Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173.

⁵ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94; 「桓、靈之間、其國 大亂、遞相 攻伐、歷年 無^レ主。」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

⁶ 「歷年 無^レ主。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. II. С. 1707; цит. по: Ямао Ю. Указ. соч. С. 64.

⁷ Young J. The Location of Yamatai. P. 120.

⁸ Ibid. P. 119.

⁹ Ibid. P. 120.

войны, кроме того, очевидно, явилось резкое сокращение числа *куни*.¹

Исследователи считают, что эти столкновения привели к тому, что вместо старого объединения Мянты-го² в начале 70-х гг. II века (до 173 г.) на части территории Кюсю установилось более крупное объединение, получившее в китайских источниках название **Нюй-ван-го** (досл. “Государство женщины-государя”³) с центром во владении *Ематай* (яп. Яматай)⁴ – одной из гражданских общин вглубь от северо-западного побережья Кюсю, так как китайская династийная история о периоде II века сообщает: «Главный японский государь живёт в княжестве (кит. *го* – С.Д.) Ематай»⁵ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII].

ни. После завершения войны на престол нового политического объединения, как сообщают источники, была и з б р а н а «девица (кит. *ньюй-цзы*’⁶ – С.Д.) по имени Бимику. Она была в летах, но не выходила замуж; занималась колдовством (кит. *зуй-шэнь-дао* – С.Д.) и могла обольщать народ чудесами (кит. *хочжун*’⁷ – С.Д.); почему с общего согласия поставили (кит. *зунли*’⁸ – С.Д.) её государем (*ван* – С.Д.)»⁹ (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-

¹ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80; Japan: its land... P. 18.

² *Сигэмацу А.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

³ 女王國 кит. *Ньюй-ван-го*, яп. *Дзёё-коку* – досл. “государство женщины-правителя”.

⁴ Или сменившее старый союз во главе с Мянту (со столицей в Ито или раннем Ематай [?]) – общиной, с которой отождествляют посольство 107 года некоторые исследователи, или же центр прежнего объединения начала II века н.э. переместился в Ематай. Может быть, или ещё сам *ван-шуй* мог избрать центром своего объединения Ематай, или новая правительница Нюй-ван-го по имени Бимику перенесла (или установила) центр своего объединения в Ематай. – См.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 247, 248; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 33; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80; Japan: its land... P. 18; *Ishii R.* A history of political institution in Japan. P. 5; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 136; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй кокка-но кодзё. С. 82; *Маки К.* Дайни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но ськай. С. 4; *Маки К.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 95; *Ishii R.* A history of political institutions in Japan. P. 5; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 166.

⁵ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 34; 「其大倭王 居^レ邪馬臺國。」 – Хоу-хань-шу, 1965. Т. X. С. 2820; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

⁶ 女子 кит. *ньюй-цзы*’ – 1) девушка... 2) диал. дочь; 3) женщина... – БКРС. Т. IV. С. 1010.

⁷ 惑衆 кит. *хочжун* – 1) вводить в заблуждение народ; сбивать людей с толку... – БКРС. Т. IV. С. 891.

⁸ 共立 кит. *зунли*’ – ... 2) совместно учреждать (основывать). – БКРС. Т. IV. С. 630.

⁹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 36; 「有^レ一女子 名曰^レ卑彌呼。年長不嫁、事^レ鬼神道、能^レ以妖惑衆。於是共立為^レ王。」 – Хоу-хань-шу, 1965. Т. X. С. 2821; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1701; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

хань-шу, гл. 115, VIII (Во)]. Эта же информация дана в «Тун-дянь».¹ «Затем совместно поставили (кит. *гунли́* – С.Д.) одну девицу (кит. *нйой-цзы́* – С.Д.) государем (кит. *ван* – С.Д.). Она звалась Бимиху, служила учению духов (кит. *гуй-дао* – [занималась] чёрной магией, колдовством² – С.Д.), могла вводить в заблуждение народ (кит. *хочжун* – С.Д.). Летами она была уже взрослая, мужа не имела (кит. *фу-сйюй*³ – С.Д.)»⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а, 1-2]. «Тогда поставили (кит. *ли*) одну девицу (кит. *нйой-цзы́*), сделав [её] государем (кит. *ван*). Звалась Бимиху. Занималась колдовством (кит. *гуй-дао*), могла вводить в заблуждение народ (кит. *хочжун*). Сами [японцы] говорили, что годами [она] уже была взрослая, [но] не имела мужа (кит. *фу-сйюй*)»⁵ [Тайпин-юй-лань, фрагмент «Вэй-чжи»]. В «Цзинь-шу» сказано кратко: «Тогда поставили (кит. *ли* – С.Д.) государем девушку. Она звалась Бимиху»⁶ [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь].

Однако, исходя из сведений «Тайпин-юй-лань» (где цитируется один из списков «Вэй-чжи»), можно утверждать, что даже после восшествия Бимиху на престол борьба за власть в Нюй-ван-го продолжилась: «В [годы] *Гуан-хэ* (178-184 гг.) ханьского императора Лин-ди, [в] государстве Во-го были беспорядки (кит. *луань*)⁷, напали друг на друга, не было покоя»⁸ [Тай-

¹ 「有^レ一女子名曰^レ卑彌呼、年長不嫁、事^レ鬼道、能^レ以妖^レ惑衆、於是共立爲^レ王。」 – Тун-дянь, 1988. С. 4993.

² 鬼道 кит. *гуй-дао* – 1) пути (способы) демонов (нечистой силы); 2) чёрная магия, колдовство; тайные приёмы... (БКРС. Т. IV. С. 479); где 鬼 кит. *гуй* – 1) душа умершего; умерший; принадлежащий умершему (*покойнику*); 2) душа предка; местное низшее божество, дух; 3) оборотень, привидение; нечистая сила; 4) злой дух; чёрт, бес, демон... (Там же. С. 478).

³ 夫婿 кит. *фу-сйюй* – *книжн.* [мой] супруг. – БКРС. Т. III. С. 681.

⁴ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247; 「乃共立^レ一女子爲^レ王、名曰^レ卑彌呼、事^レ鬼道、能^レ惑衆、年已長大、無^レ夫婿。」 – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1999. С. 634; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; цит. по: Ямао Ю. Указ. соч. С. 64. Ср. перевод М.Н. Пака: «В стране Вэ... тогда возвели в качестве *вана* женщину по имени Бимиху, которая служила духам и вызывала волнение народа. Даже в летах она не имела мужа». – Цит. по: Ким Бусик. Самкук саги. Т. I. С. 305.

⁵ 「乃立^レ一女子爲^レ王。名^レ卑彌呼。事^レ鬼道、能^レ惑衆。自謂^レ年已長大、無^レ夫婿。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464 б; цит. по: Ямао Ю. Указ. соч. С. 64.

⁶ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 257; 「乃立^レ女子爲^レ王、名曰^レ卑彌呼。」 – Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173.

⁷ 亂(乱) кит. *луань* – *сущ.* 1) беспорядок... 2) смута, смятение; бунт, мятеж, война (*особенно: междоусобица*). – БКРС. Т. IV. С. 275.

⁸ 「漢靈帝光和中、倭國亂、相攻伐、無定。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464; цит.

пин-юй-лань, фрагмент «Вэй-чжи»). В «Лян-шу» сказано: «В [годы] Гуан-хэ (178-184 гг.) ханьского императора Лин-(ди), [в] государстве Во-(го) были беспорядки (кит. *луань*), напали друг на друга сряду [несколько] лет»¹ [Лян-шу, гл. 54, Во]. В «Бэй-ши» сообщается: «В [годы] Гуан-хэ (178-184 гг.) императора Лин-(ди), [в] этой стране были беспорядки (кит. *луань*), поочередно (кит. *ди*) друг на друга напали»² [Бэй-ши, св. 94-й, Во-го]. Как можно предполагать, «**война годов Гуан-хэ**» (178-184 гг.) – это события, когда на Кюсю противники Бимиху подняли мятеж и начали междоусобную войну (кит. *луань* – «беспорядки»). Зачинщиками «войны годов Гуан-хэ» могли выступить общины северо-западного побережья Кюсю и, прежде всего, прежний центр конфедерации Во-мянь-ту-го – Иду-го (яп. Ито-но *куни*) и его союзник – владение Ну-го (яп. На-но *куни*).

Хасимото Масукити предположил, что для установления порядка и прекращения междоусобиц – Бимиху пришлось применить силу, в результате чего она добилась контроля над Северным Кюсю.³ Подтверждением этого может быть упоминание императором Мин-ди (дин. Вэй; 227-240 гг.) в своём письме к Бимиху о том, что её послы Нань-шэнми и Души-нюли докладывали ему об «умиротворении соплеменников»⁴, проведённом Бимиху⁵ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, письмо Мин-ди; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 б, 6].

Вероятно, потерпев поражение, часть мятежников могла бежать во владение Тоума-го (отождествляемого с яп. Сацума-но *куни*)⁶ в южном Кюсю. Это находит подтверждение в археологическом материале, где прослеживается проникновение культуры северного Кюсю в южный Кюсю в период *позднего яёй*. Керамика типа *Сугу* (Сугу – поселение на северном Кюсю на территории На-но *куни*, входившее в состав Нюй-ван-го – С.Д.) в период

по: Ямао Ю. Указ. соч. С. 64; Сигэмацу А. «Гиси-вадзин-дэн» (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 108.

¹ 「漢靈帝光和、倭國亂、相攻伐 歷年。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: Ямао Ю. Указ. соч. С. 64.

² 「靈帝光和、其國亂、遞相攻伐。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562; цит. по: Бураку-си... Т. I. С. 12.

³ Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 7.

⁴ 「綏撫種人」 кит. *суй-фү чжэун-жэнь* – «умиротворить соплеменников» (Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548); где 綏撫 кит. *суй-фү* успокоить, умиротворить (БКРС. Т. IV. С. 1047); 種人 кит. *чжэун-жэнь* – этнический представитель, представитель расы (БКРС. Т. II. С. 219).

⁵ См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 248.

⁶ Уэмура С. Яматой-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 30, 28; Young J. The Location of Yamatai. P. 98; Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. S. 194; Арутонов С.А. Этническая история Японии на рубеже н.э. С. 164; Нихон дзэнси. Т. I. С. 299.

позднего *яёй* смогла проникнуть в южные районы, где под её влияние попала керамика типа *Осуми* префектуры Кагосима. Вероятно, мода на характерный для изделий *Сугу* широкий и плоский ободок горловины и, возможно, также на тщательную отделку глиняных валиков проникла даже в самые отдалённые районы острова Кюсю, в частности в Миядзаки – в конце позднего *яёй*.¹

Кроме того, исследование распространения древнейших топонимов владения Ито-куни с элементом *-мару* (яп. *мару-тимэй*) и связанных с ними археологических объектов, проведённое Исии Ёсими, показало, что в период позднего *яёй* (во II в.) топонимы владения Ито-куни (кит. *Иду-го*) и соответствующие им поселения (археологические объекты) появились в северной части области Хюга, а в первой половине III в. – в южной части области Хюга², что может указывать на пути миграций из Северного Кюсю.³

Таким образом, археологический и топонимический материал даёт возможность предполагать установление связей Южного Кюсю с федерацией Нюй-ван-го в конце II – первой половине III вв. Это – также время возможного переселения в Химука беженцев из северо-западного Кюсю (района поселения *Сугу* в общине *На-куни*), среди которых оказался и предок рода правителей Ямато (прадед *Дзимму*).⁴

кк. По всей видимости, Бимику была жрицей культа, впоследствии получившего название *синто*⁵ – именно так трактуют исследователи термин источника *гуй-дао*⁶ или *гуй-шэнь-дао*⁷ и в подтверждение переводят имя Бимику как *хи-мико* (досл. “жрица солнца”⁸, где *мико* означает жрицу при синтоистском храме⁹). Другой вариант прочтения имени: *химэ-ко* («прин-

---

¹ Киддер Дж.Э. Япония до буддизма: Острова, заселённые богами. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 159-160.

² Исии Ё. Онкё кōгаку-но кантэн-кара мита дзэдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкю. С. 54, 55, рис. 5.

³ Исии Ё. Дзэдай тимэй дэмпа-ни кан-суру сүти дзикэн: Тōсэн-сэцу-но сэйтōсэй. С. 27, 28, 30, рис. 4.

⁴ Подробнее см.: Суровень Д.А. Верхние слои сказания о двух братьях... С. 66-69.

⁵ 神道 яп. *синто* – синтоизм. – Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 109.

⁶ 鬼道 кит. *гуй-дао* – 1) пути (способы) демонов (нечистой силы); 2) чёрная магия, колдовство; тайные приёмы... – БКРС. Т. IV. С. 479.

⁷ 鬼神道 кит. *гуй-шэнь-дао* – досл. “путь злых и добрых духов”; где 鬼神 кит. *гуй- шэнь* – 1) бесы и божества; злые и добрые духи; сверхъестественные силы; 2) души покойников (БКРС. Т. IV. С. 478); 神道 кит. *шэнь-дао* – 1) божественная истина, божественное дао; 2) порядок, установленный свыше (*опора власти правителя*)...

⁸ 4) вера в духов; с и н т о и з м... – БКРС. Т. II. С. 935.

⁸ 日巫女 яп. *хи-мико* – досл. “храмовая жрица солнца”.

⁹ 巫女 яп. *мико* – *синт.* храмовая жрица; прорицательница; шаманка; колдунья, пред-

цесса», «княжна»¹).

лл. Между исследователями существовали разногласия по поводу того, кто именно избирал (“совместно ставил”)² главу федерации Северного Кюсю. Уэда Масааки полагал, что Бимику и потом её родственницу Июй (являвшуюся *цзүн-нйой* – дочерью члена рода правителей³) выбирали правители (кит. *ваны*) всех *кунй*⁴ (гражданских общин).

Прояснить ситуацию могут сведения некоторых династийных историй. В «Лян-шу» сказано: «Тогда совместно поставили (кит. *гун-ли*)⁵ одну девицу (кит. *нйой-цзы*) [по имени] Бимику, сделав её государем (кит. *ван*). [Би]мику не имела супруга (кит. *фу-сйой*), обладала (кит. *цзя*) [умением] колдовства (кит. *гуй-дао*), [поэтому] могла вводить в заблуждение народ (кит. *хочжун*). Поэтому [она была] возведена на престол (кит. *ли* – досл. “поставлена”) людьми (т.е. общинниками – *С.Д.*) [этого] государства (кит. *гожэнь*)»⁵ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, раздел 48-й, *чжу-и*, Во]. Сходная информация дана в «Суй-шу» и «Бэй-ши». «Была девица (кит. *нйой-цзы*), [которую] звали Бимику. [Из-за того, что она] могла волшебством (кит. *гуй-дао*) вводить в заблуждение народ (кит. *хочжун*), в этом государстве люди (кит. *гожэнь*, т.е. общинники – *С.Д.*) совместно поставили (кит. *гун-ли*) [её на трон], сделав государем (кит. *ван*)»⁶ [Суй-шу, цз. 81, Во-го; ср.: Суйшу, гл. 81, V, 147-190 гг.; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, 82, Во]. Как видно, избрание Бимику было осуществлено общинниками на *народном собрании* (органе, в работе которого принимают участие все граждане), т.е. всеми «людьми государства» (кит. *гожэнь* – досл. “люди [нашей] страны, [наши] соотечественники”⁷) – так как в древности под термином «люди», «народ» понимались общинники (т.е. полноправные свободные = граждане)⁸. Избрание происходило на основе традиций, обычаев и законов того

сказательница судьбы. – См.: ЯРС. С. 366; ЯРУСИ. С. 202.

¹ 姫子 яп. *химэ-ко* – “принцесса, княжна” (см.: ЯРС. С. 153). О переводах имени *Бимику* см.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 19, 109; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 63, 95; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213; *Aston W.G.* Early Japan History. P. 55, note 22; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 7.

² 共立 кит. *гунли* – ... 2) совместно учреждать (основывать). – БКРС. Т. IV. С. 630.

³ 宗女 кит. *цзун-нйой* – дочь члена императорской фамилии (рода). – БКРС. Т. IV. С. 790.

⁴ *Саэки Ю.* Кодай кокка-но кэйсэй. С. 83.

⁵ 「乃共立一女子卑彌呼為王。彌呼無夫婿、挾鬼道、能惑衆、故國人立之。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 64.

⁶ 「有女子名卑彌呼、能以鬼道惑衆、於是國人共立為王。」 – Суй-шу, 2004.

Т. II. С. 1652; 「有女子名卑彌呼、能以鬼道惑衆、國人共立為王。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562. Ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 94.

⁷ 國人 кит. *гожэнь*. – БКРС. Т. II. С. 685.

⁸ 人 кит. *жэнь* – 1) человек... 3) люди... б) г р а ж д а н и н; г р а ж д а н е; н а р о д...

общества: М.В. Воробьёв указывал, что “совместное выдвижение” (кит. *гунли*) правителя являлось для *вожэнь* чем-то вроде “законов и обычаев”.¹

мм. “рабынь-служанок” (кит. *шйбй*, или *бй*).²

нн. Источники сообщают, что Бимику жила затворницей в безбрачии, причём, объяснить это можно только её ролью жрицы (что требовало соблюдения религиозных запретов, воздержания и религиозного очищения³): «При ней было около 1 000 прислужниц (кит. *шйбй* – “рабынь-служанок”⁴ – С.Д.), но редкие из них видали её. Был один мужчина, который подавал ей платье и пищу; передавал приказания»⁵ (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимику]. Те же сведения сообщены в «Тун-дянь».⁶ «Летами она была уже взрослая, мужа не имела. ... С тех пор как она стала государем, мало было видевших её. Её обслуживали тысячи прислужниц (кит. *бй* – “рабынь” – С.Д.). Был только один мужчина, он давал ей пить и есть, передавал её слова, выходил [из дворца] и входил [в него]»⁷ [Саньго-чжи, гл. 30, Во, Бимику; Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а, 2-4]. Сокращённо данная информация дана в «Тайпин-юй-лань»: «(С того момента как [она] стала государем, мало было видевших [её]). Рабынь (кит. *бй*) 1000 человек служили [ей]. Только был один мужчина, [который] подавал [ей всё необходимое], еду и питьё (кит. *йншй*), передавал [её] сло-

---

(БКРС. Т. III. С. 585); 民 кит. *минь* – 1) народ... 3) гражданское сословие... г р а ж д а н и н... (БКРС. Т. IV. С. 197).

¹ Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 91.

² 侍婢 кит. *шйбй* – служанка, прислужница (БКРС. Т. III. С. 44). – См.: Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Тун-дянь, 1988. С. 4993-4994; Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652; в «Саньго-чжи», «Лян-шу» и «Тайпин-юй-лань» указано: 婢 кит. *бй* – 1) служанка; рабыня... (БКРС. Т. II. С. 814). – См.: Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; Лян-шу, 2004. С. 730; Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б.

³ Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 5, 7; Нихон дзэнси. Т. I. С. 248; Уэда М. и др. Нихон кодай-си. С. 77; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 13; см.: Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 63; Дьяконова Е.М. Древняя Япония. С. 213; Кудзира К. Нихон-коку тандзэ-но надзо. С. 132-133.

⁴ 侍婢 кит. *шйбй* – служанка, прислужница (БКРС. Т. III. С. 44); где 婢 кит. *бй* – 1) служанка; рабыня... – БКРС. Т. II. С. 814.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; 「侍婢千人、少有^レ見者。唯有^レ男子一人 給^レ飲食、傳^レ辭語。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁶ 「侍婢千人、少有^レ見者。唯有^レ男子一人 給^レ飲食、傳^レ辭出入。」 – Тун-дянь, 1988. С. 4993-4994.

⁷ 「年已長大、無^レ夫壻、<...> 自爲王以來、少有^レ見者、以婢千人 自侍、唯有^レ男子一人 給^レ飲食、傳^レ辭出入。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547. См.: Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 7; Кудзира К. Нихон-коку тандзэ-но надзо. С. 146; Ким Бусик. Самкук саги. Т. I. С. 305; Кузнецов Ю.Д. и др. История Японии. С. 19.

ва, входил и выходил [из дворца]».¹ «Суй-шу» также говорит о тысячах прислужниц–рабынь (кит. *шйбй*), редкие из которых видели лицо правительницы (кит. *ван*), но утверждает, что помощников, приносивших еду и питьё, передававших слова – было два человека.² Возможно, помочь могут сведения «Лян-шу», где (помимо сведений о мало видевших Бими-ху и о 1000 рабынь служанок) говорится, что был один мужчина, которого посылали (кит. *шй*) входить и выходить в покои правительницы, чтобы передавать её указы и наставления (кит. *цзю-лин*).³ Может быть, он и есть второй мужчина (помимо первого, приносившего еду и питьё).

00. Судя по «Вэй-чжи», «Лян-шу» и «Суй-шу» реально страной управляла не сама Бими-ху, а её брат, вероятно, при помощи того человека, который осуществлял связь с жрицей–затворницей и передававшего её указы. «Был мужчина–младший брат (кит. *наньдй*), он помогал (Бими-ху – С.Д.) управлять страной» (кит. *цзю чжй (ли) го*)⁴ [Саньго-чжи, гл. 30, Во, Бими-ху; Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а, 2-4; Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, Во; Суй-шу, св. 81-й, ле-чжуань, 46, *дунъи*, Во-го]. Исходя из значений иероглифов, можно предполагать, что младший брат выступал при Бими-ху советником и помощником (кит. *цзю*)⁵; правил страной, выполняя функции наведения и поддержания порядка (кит. *чжй* и *ли*); осуществлял наказания, а также проводил карательные мероприятия против непокорных и выполнял военные функции (кит. *чжй*)⁶; разбирал судебные дела, занимался ор-

¹ 「(自爲王以來、少有^レ見者)、以婢千人自侍。唯有^レ男子一人給^レ飲食、傳^レ辭、出入。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б; Тайпин-юй-лань, Вэй-чжи, Вожэнь-цзюань 『御覽』魏志 倭人傳 // URL: <http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/gyorn.html> (дата обращения: 28.05.2018).

² 「其王有^レ侍婢千人、罕有^レ見其面者、唯有^レ男子二人給王飲食、通傳言語。」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

³ 「自爲^レ王、少有^レ見者、以婢千人自侍、唯使^レ一男子出入傳^レ教令。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; где 教令 кит. *цзю-лин* – 1) указ... 2) инструкция; наказ; наставление, указание. – БКРС. Т. III. С. 1070.

⁴ 「有^レ男弟佐治^レ國。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; 「有^レ男弟佐治^レ國。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; 「有^レ男弟、佐^レ卑彌理^レ國。」 «Был младший брат, помогал Бими[ху] управлять государством». – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652. Н.Я. Бичурин не понял данный текст из-за ошибки (?) переписчика, указавшего имя Бими-ху неполностью (Бими). – См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94.

⁵ 「佐治^レ國。」 кит. *цзю чжй го*, где 佐 кит. *цзю* – 1) помогать... 2) предлагать, советовать... – БКРС. Т. II. С. 76; см.: Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 157.

⁶ 治 кит. *чжй* – 1) держать в порядке; устанавливать порядок в...; п р а в и т ь; вести, распоряжаться (кем-л., чем-л.); ... 3) призывать к порядку; н а к а з ы в а т ь; о б у з-

ганизацией межрегионального обмена и торговли, занимался текущими делами и решением различных повседневных вопросов (кит. *лй*).¹

В связи с таким положением в вопросе о высшей власти, исследователи говорят о двойственности, дуализме верховной власти (*диархии*), которая имела два источника²: (1) Бимиху была главой государства, его олицетворением и верховной жрицей (или как её называют жрица–правительница, или шаманка–правительница)³; (2) её брат–соправитель выполнял все остальные функции. В истории государств мы не знаем других примеров, когда у власти стояла бы **ж е н с к а я** династия. Вероятно, положение Бимиху было обусловлено какими-то соглашениями и традициями⁴, которые складывались, устанавливались в ситуации «совместного выдвижения» (кит. *зунли*) правителя или правительницы. Хотя Бимиху была источником права управлять, она реально не осуществляла непосредственного руководства делами.⁵

Ситуация с Бимиху и Июй не являлась уникальной. Как отмечают исследователи, она отражала фактически **о б щ у ю п р а к т и к у т о г о в р е м е н и** среди глав кланов.⁶ Сюжет древнеяпонских источников о Тоё-тама-хйко и его дочери (или сестре) Тоё-тама-химэ, правивших на островах Цусима (Дуйма-го в китайских источниках) в начале III в. [испр. хрон.]⁷ отражал реальную ситуацию с организацией власти в **ю г о - з а п а д н о й Я п о н и и** в I–III вв.

В отрывке «Вэй-люэ», цитируемом в словаре «Тун-дянь», есть очень интересная запись: «[На] юге [от государства] правителя–женщины ещё есть государство Гоуну-го, **женщину** (кит. *нйой*) и **мужчину** (кит. *нань-цзы*) сделали государями (кит. *ван*)».⁸ То есть можно предполагать наличие дуалистической системы управления (верховная жрица–правительница и мужчина–соправитель) не только в Нюй-ван-го в Северном Кюсю,

---

ды в а т ь, подавлять; у с м и р я т ь ... 4) вести борьбу с...; истреблять; расправляться с... – БКРС. Т. II. С. 538; см.: *Иноуэ К.* Указ. соч. С. 157.

¹ 「佐^レ... 理^レ國。」 кит. *цзё лй го*, где *理* кит. *лй* – 1) упорядочивать, приводить в порядок... 2) у п р а в л я т ь (*с т р а н о й*); ведать (*делами*); с у д и т ь (*о т я ж б е*); в е с т и (*напр. т о р г*); распоряжаться (*делом*); решать (*вопрос*). – БКРС. Т. II. С. 205.

² *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 157; *Исимода С.* Нихон-но кодай кокка. С. 7.

³ *Исимода С.* Указ. соч. С. 7; см.: *Светлов Г.Е.* Путь богов: синто в истории Японии. С. 16.

⁴ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96.

⁵ *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P. 7.

⁶ *Ishii R.* Op. cit. P. 7; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 94.

⁷ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Верхние слои сказания о двух братьях... С. 66–68.

⁸ 「有^レ狗奴國、女男子爲^レ王...」 – Цит. по: *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпинской-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59.

но и в Центральном Кюсю и, возможно, в общинах *кумасо*, в том числе и на Южном Кюсю. Кроме того, исследователи обращают внимание, что ещё южнее – на островах Рюкю в древности правитель-мужчина выполнял экономические и военные функции, а его сестра – шаманские, то есть существовало разделение административно-хозяйственных и религиозных функций.¹ Исимода Сё сообщает: подобное положение с существованием двух источников власти наблюдалось на островах Тонга у правителей данных территорий.²

М.В. Воробьев сообщал, что ещё в так называемый легендарный период (в первой половине IV века н.э.) на Кюсю, по «Нихон-сёки» и «фудоки», правили женщины-вожди: Каму-наси-химэ в Будзэн, Моро-агата-кими-идзуми-химэ в Хюга, Асото-химэ в Хиго, Ямэцу-химэ в Тикуго; Куцу-химэ, Ицума-химэ, Хаяцу-химэ в Бунго; Ояма-дамэ, Саяма-дамэ, Хаякицу-химэ, Мирукаси-химэ, Укинава-химэ в Хидзэн.³ Более того, когда в середине IV века н.э. [испр. хрон.] Окинага-тараси-химэ (правительница Дзингү) покоряла северо-западный Кюсю, то в год *каноз-тацу* (17-й год цикла) (346 год [испр. хрон.⁴]), в 25-й день 3-й луны в округе Ямато провинции Тикуго (то есть в столичном районе бывшей федерации Нюй-ванго) правительница государства Ямато столкнулась с местной правительницей Табура-цу *химэ*, *цутукумо* по происхождению. Табура-цу *химэ* была убита, а её старший брат и, видимо, *соправитель* Нацуха, командовавший армией, вышедшей против Окинага-тараси-химэ, бежал⁵ и, по местным сказаниям, позднее был убит⁶ [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингү, год *каноз-тацу*, 3-я луна, 25-й день; Nihongi, IX, 4]. Таким образом, традиция дуализма верховной власти (*диархии*) сохранялась на Северном Кюсю ещё даже через сто лет после смерти Бимику (в 247 году).

Такую ситуацию с властью можно объяснить и исходя из формирования государств на Древнем Востоке, где матрилинейный принцип наследова-

---

¹ *Бакшеев Е.С.* Историко-культурные, социально-правовые и гендерные аспекты становления государственной религии на Рюкю (Япония) // Вестник Академии права и управления. – 2014. – № 35. – С. 58-64; *Кузнецов Ю.Д.* и др. История Японии. С. 19; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 32. Ср.: *Akima T.* The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla. P. 119.

² *Исимода С.* Нихон-но кодай-кокка. С. 7.

³ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 94.

⁴ О хронологии периода царствования Тёбая и правления Дзингү см.: *Суровень Д.А.* О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Одзина) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1-226.

⁵ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 265; см.: *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 102.

⁶ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Сведения японских источников о подготовке правительницей Дзингү Корейского похода в Силла 346 г.: Окинага-тараси-химэ в юго-западной Японии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 150-167.

ния власти известен в Египте и в раннем периоде Хеттского государства.¹ Исследуя этот вопрос, Г.И. Довгяло² доказывает, что такое положение складывалось в связи с борьбой за власть между знатью и царским домом. Как показывает исторический материал, на ранних этапах становления рабовладельческого государства борьба правителей против ограничения их власти органами управления общины часто принимает форму борьбы вокруг вопроса о престолонаследии. Так, в древнехеттском государстве родоначальницей царского клана была женщина, чьё имя стало титулом правительницы, являвшейся верховной жрицей. С этой правительницей и были связаны права на трон, который мужчина занимал, будучи её близким родственником по материнской линии. Поскольку права на трон были связаны с правительницей-жрицей, царский клан оказался построенным по принципу материнского рода. Царская власть должна была переходить к племяннику мужчины-правителя (сыну сестры правителя, наследовавшей титул матери-правительницы и верховной жрицы), либо к **брату** (по матери-правительнице и верховной жрице), либо к дяде (брату матери-правительницы и верховной жрицы). При таком матрилинейном принципе престолонаследия верховная власть в государстве была привилегией царского клана, что и создавало сложную борьбу противоречий. С одной стороны, возник правящий клан, сконцентрировавший в своих руках власть, ибо его люди как родичи правителя получали высшие должности в складывавшемся государственном аппарате. В системе управления правящий клан становился опорой монархической власти, препятствуя выдвижению тех, кто не входил в него. Но, с другой стороны, матрилинейный принцип порождал множество законных претендентов на царскую власть. Ими были: сын правителя, его шурин (брат жены), его зять (муж дочери – наследницы титула жрицы), его внук (сын этой дочери), или, если на троне были сын или **брат жрицы–правительницы**, племянник правителя, либо муж его сестры, либо её зять, либо её внук (сын её дочери, наследницы титула). При отсутствии определенной очерёдности наследования власти права всех оказывались одинаковыми, что и раздирало царский клан кровавой борьбой между претендентами, стремившимися физически уничтожить соперников. И это положение оказывалось выгодным именно общинной знати, поскольку, во-первых, совет знати как её орган обладал правом из законных претендентов утвердить правителя, то есть фактически решить вопрос о передаче царской власти, во-вторых, сохранялась возможность непосредственно включиться в борьбу за власть правителя через брак с жрицей–правитель-

---

¹ См.: Шиллюк Н.Ф. История древнего мира, 1991. С. 92-94.

² См.: Довгяло Г.И. К истории возникновения государства: на материале хеттских клинописных текстов. – Минск: Изд-во БГУ, 1968. – 160 с.

ницей или наследницей её функций верховной жрицы, а, значит, и места главной правительницы – носительницы наследственной власти.¹

В связи с этим М.В. Воробьев отмечает, что, «возможно, само выдвижение Бимику на должность правителя было обусловлено идеей стабильности порядка; издревле претензии женщин на власть подкреплялись их шаманскими функциями».² «Объединение политических и религиозных функций, возможно, облегчало правительнице Ематай подчинение других владений и, в конечном счёте, процесс консолидации».³ Обязательная связь прав мужчины–правителя на власть с родством с верховной жрицей–правительницей в Японии также очевидна: так как после смерти Бимику её преемник, не имевший жреческих прерогатив, не смог удержать власть⁴, начался период борьбы претендентов на трон, и затем «совместно поставили» (кит. *гунли*)⁵ представительницу правящего клана (кит. *цзун-нйой*)⁶, родственницу Бимику по имени *Июй*. Она (по сообщению корейских источников «Самгук-саги» и «Тонгук-тхонгам») также имела мужчину–соправителя.⁷ Так как в данных корейских источниках под датой 4-я луна 249 года (т.е. в 3-й год правления Июй) упоминаются «правительница [государства] *Вэ*» и «правитель [государства] *Вэ*», то есть верховная жрица–правительница и её мужчина–соправитель на Северном Кюсю. Он, если судить по текстам «Самгук-саги» и «Тонгук-тхонгам», реально управлял страной и командовал вооружёнными силами государства, так как именно он принял решение и отдал приказ на вторжение в Силла в ответ на оскорбительные речи в адрес правителя и правительницы государства *Вэ* со стороны одного из высших сановников Силла.⁸

Двоевластие в федерации Нюй-ван-го и затворничеству Бимику исследователи находят, помимо политических причин, и религиозные (сакраль-

---

¹ Шилюк Н.Ф. История древнего мира, 1991. С. 93.

² Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 95.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ 共立 кит. *гунли* – совместно учреждать (основывать). – БКРС. Т. IV. С. 630.

⁶ 宗女 кит. *цзун-нйой* – дочь члена императорской фамилии (рода). – БКРС. Т. IV. С. 790.

⁷ См. комментарий «ввввв».

⁸ *Ким Бусик*. Самгук саги. – М.: Вост. лит., 2002. – Т. III. – С. 159; Самгук саги, св. 32-й – 50-й 三国史記、卷第三十二~第五十, л. 1394, столб. 3, л. 1395, столб. 1-3 // *Ким Бусик*. Самгук-саги (иероглиф. текст). – М.: Вост. лит., 2002. С. 157; Самгук саги, 1928. Кн. 45. С. 5; Тонгук тхонгам 東國通鑑, св. 2-й – 3-й. – Токио 東京: Идзумо-дзи сёхаку-дō 出雲寺松柏堂, 1883. – Кн. 2-я. – С. 21 а; см.: Nihongi, 1956. Part I. P. 235, note 1; *Kanzaki Ivan Hisao*. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. P. 2. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. – 2015. – № 1 (37). – С. 46-53.

ные): Ю.Д. Михайлова пишет: «Как и многие другие народы мира в древности, японцы были убеждены, что способность главы царского рода совершать сакральные акты, вступать в контакт с богами зависит от его собственного благополучия, в том числе и физического. Поэтому от императора, как и от “священных царей” в других странах требовалось соблюдение всевозможных табу и ограничений.¹ Участие в светских, политических делах могло нанести вред священной особе; например, война могла привести к осквернению кровью и смертью и т.д. Светские функции выполняли лица, не обладавшие такой сакральной значимостью, как глава царского рода».²

Поэтому, судя по источникам, женщины–государы в японских государствах выполняли функцию не столько правителя, сколько жреческую, и, вместе с тем, были олицетворением государства. Тем более что в обществе Кюсю, как считают исследователи, сохранялся материнский род (*томо*).³ Ведущее место женщин–жриц (*хи-мико* – досл. “жриц солнца”), возможно, объясняется и тем, что покровительницей рода правителей Ямато выступало женское божество солнца. Так, будущий Каму-ямато-иварэ-бико (Дзимму) в своей речи перед Восточным походом, обращенной к сородичам и общинникам, назвал своими богами и *Таками-мусуби* и *О-хирумэ* (др.-яп. *Опо-пирумэ*)⁴ [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *киноэ-тора*; *Nihongi*, III, 1]. В «Дзиннō-сётōки» о родословной Дзимму сказано: «...Является небесным потомком (*тэнсон*) в пятом поколении от *О-хирумэ-но микото*»⁵ [Дзиннō-сётōки, св. 2-й, Дзимму]. *О-хирумэ*⁶, как явствует из знака *хи-*, являлась богиней солнца (позднее отождествленной с *Аматэрасу*).⁷ Довольно трудно сказать, насколько силь-

¹ См.: *Исимода С.* Нихон-но кодай-кокка. С. 6, 7; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 95.

² *Михайлова Ю.Д.* Мотоори Норианага: жизнь и творчество. – М.: Наука, 1988. – С. 23.

³ *Миура Ё.* Хадака ниhon-си. С. 71; см.: *Мори К.* Нихон синси. С. 266. Учёные указывают, что у предков *вожэнь* – аустроазиатов (*тэнсон*) существовал матрилинейный род (*томо*), в отличие от патрилинейных родов (*хара*) у предков *идзумо* – тунгусо-маньчжуров. – См.: *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 17; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 56, 58.

⁴ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 177.

⁵ 「大日靈(おほひるめ)の尊には五世の天孫にまします。」 – Дзиннō-сётōки 神皇正統記, св. 1-й – 3-й // Дзиннō-сётōки хёсяку 神皇正統記評釈 (Дзиннō-сётōки с комментариями). – Токио 東京: Мэйдзи-сёин 明治書院, 1925. – С. 56; см.: *Kitabatake Chikafusa.* A chronicle of gods and sovereigns: Jinno-shotoki / Transl. by Paul Varley. – New York: Columbia university press, 1980. – P. 85.

⁶ 大日靈 др.-яп. *Опо-пирумэ*, яп. *О-хирумэ* – досл. “Дева–дух Великого солнца”. – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 111.

⁷ *Аустроазиаты (тэнсон)* – предки *вожэнь* принесли с собой миф о женском божестве солнца *О-хирумэ* (поздняя *Аматэрасу*), которое впоследствии стало покровителем рода императоров Японии. – *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 56.

на была власть жриц–правительниц. Но, всё же, существование соправителя–мужчины указывает на ограниченность этой власти.

III. Сама Бимиху жила во дворце «с башнями и павильонами; стены и палисады были строго устроены. Постоянно были вооруженные люди, несшие караул»¹ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во-го]. В «Саньго-чжи» и «Тун-дянь» дворец Бимиху, описан одинаково. «Дворовые помещения (кит. *гунши*)², где [она] постоянно жила, башни (кит. *лоу* – наблюдательные вышки)³ [и] дозорные вышки по бокам выездных ворот (кит. *гуань*)⁴, крепостные стены (кит. *чэн*)⁵ [и] укрепления (кит. *чжэ* – палисады; частокол)⁶ [были] крепко устроены. Постоянно были люди, держащие в руках оружие, несущие караул»⁷ [Саньго-чжи, Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а; 4-5]. «Местом проживания [были] дворцовые здания (кит. *гунши*) [с] башнями (кит. *лоу* – наблюдательными вышками) [и] дозорными вышками по бокам выездных ворот (кит. *гуань*), крепостные стены (кит. *чэн*) [и] укрепления (кит. *чжэ* – палисады; частокол) [были] крепко устроены. Постоянно были люди, держащие в руках оружие, несущие караул»⁸ [Тун-дянь, Дуньи, Во-го]. Чуть короче цитата в «Тайпин-юй-лань»: «Местом её проживания был дворцовые здания (кит. *гунши*) [с] башнями (кит. *лоу* – наблюдательными вышками) [и] дозорными вышками по бокам выездных ворот (кит. *гуань*); крепостные стены (кит. *чэн*) [и] укрепления (кит. *чжэ* – палисады; частокол), охраняемые караулами, [были] крепко устроены»⁹ [Тайпин-юй-лань, список «Вэй-чжи, вожэнь-цзюань»].

Остальные источники более кратко дают сходные сведения. «Дворцовые помещения, где пребывала [государыня], башни и терема»¹⁰, стены и

---

¹ Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 248.

² 宮屋 кит. *гунши* – 1) дворцовые здания; [царский] дворец... – БКРС. Т. II. С. 542.

³ 樓 кит. *лоу* – *суц.* 1) башня, вышка; двухъярусный дом; многоэтажное здание; 2) терем; вышка, башенка, надстройка в виде башни... 4) терем. – БКРС. Т. IV. С. 1024.

⁴ 觀 кит. *гуань*, *гуань* – *суц.*... 5) *стар.* дозорные вышки (башни) по бокам выездных ворот (БКРС. Т. IV. С. 460); 樓觀 кит. *лоугуань* – 1) большой (многоэтажный) дом; наблюдательная вышка... (БКРС. Т. IV. С. 1024).

⁵ 城 кит. *чэн* – *суц.* 1) крепостная (городская) стена; 2) город. – БКРС. Т. IV. С. 257.

⁶ 柵 кит. *чжэ* – 1) изгородь, забор, ограда, палисад, частокол; 2) крепость, укрепление. – БКРС. Т. III. С. 342.

⁷ 「居處 宮室、樓觀、城柵 嚴設。常有 人、持兵、守衛。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁸ 「居處 宮室、樓觀、城柵 嚴設。常有 人、持兵、守衛。」 – Тун-дянь, 1988. С. 4994.

⁹ 「其居處 宮室、樓觀、城柵 守衛 嚴設。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464.

¹⁰ 樓觀 кит. *лоу-гуань*. – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822. См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 342; 342, прим. 1.

палисады окружены были караулами¹ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во); Бимиху]. «Дворцовые помещения, где [она] постоянно жила, башни (кит. *лóу* – наблюдательные вышки) [и] дозорные вышки по бокам выездных ворот (кит. *гуа́нь*), крепостные стены (кит. *чэ́н*) [и] укрепления (кит. *чжэ́* – палисады; частокол), всё [охраняли люди], держащие в руках оружие и несущие караул»² [Хоу-хань-шу, св. 115, *дуньи-ле-чжуань*, 75, Во]. «Дворцовые здания (кит. *гунши́*'), где [Бимиху жила], были постоянно [окружены] воинами, несущими караул»³ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, раздел 48, *чжу-и*, Во]. «Сия владетельница (Бимиху – *С.Д.*) имела дворец, огороженный тыном (частоколом – *С.Д.*) и охраняемый вооруженною стражею»⁴ [Суй-шу, гл. 81, V]. «Эта [женщина]–государь имела дворцовые здания (кит. *гунши́*) [с] наблюдательными вышками (кит. *лóугуа́нь* – теремами–надстройками в виде башенок [кит. *лóу*] и дозорными вышками по бокам выездных ворот [кит. *гуа́нь*]), [с] крепостными стенами (кит. *чэ́н*) [и] укреплениями (кит. *чжэ́* – частоколом), всё [охраняли люди], держащие в руках оружие и несущие караул»⁵ [Суй-шу, св. 81-й, *дуньи*, Во-го]. Эта фраза дословно повторена в «Бэй-ши» (в разделе «ле-чжуань, Во»)⁶.

В начале XX века археологи обнаружили на Северном Кюсю развалины крепостей времён существования Ематай (*кōгоиси*).⁷ Одна из таких крепостей *кōгоиси* (досл. “камни священного уединения”)⁸, располагается в уезде Ямато в южной части префектуры Фукуока – в Дзояма⁹, и представ-

¹ Перевод Н.В. Кюнера (*Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 342). Ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35; *Sources of Japanese tradition*, 1965. Vol. I. P. 7; *Japan in the Chinese dynastic histories*. P. 7; см.: *Нихон-но кэнгоку*. С. 13; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 75; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 130; *Маэдзава Т.* Яёй-функōбо то кофун-но сбсюцу. С. 66; *Кудзира К.* Нихон-коку-гандзэ-но надзо. С. 132.

² 「居處 宮屋、樓觀、城柵。皆持兵、守衛。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

³ 「居處 宮屋、常有兵、守衛。」 – Лян-шу, 2004. С. 730.

⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 94; Т. III. С. 323.

⁵ 「其王有^レ宮室、樓觀、城柵。皆持兵、守衛。」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

⁶ 「其王有^レ宮室、樓觀、城柵。皆持兵、守衛。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562.

⁷ См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 78; *Hashimoto M.* Op. cit. P. 4; *Уэмюра С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 22.

⁸ 神籠石 яп. *кōгоиси*. – См.: *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 4; *Уэмюра С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 22.

⁹ *Young J.* The Location of Yamatai. P. 121; см. карту в кн.: *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо ка-кэнакатта Яматай-коку. С. 68. Дзояма-*кōгоиси* [女山神籠石 (ぞやまこうごいし)] находилась в уезде Ямато провинции Тикуго (筑後国山門郡), ныне – местность Ō-гуса городка Сэтака городского округа Миями-си в южной части префектуры Фукуока (現在の福岡県南部にみやま市瀬高町大草). – Дзояма-*кōгоиси* 女山神籠石 // URL: <https://ja.wikipedia.org/wiki/女山神籠石> (дата обращения: 21.12.2021).

ляет собой каменные стены из огромных камней¹, по мнению исследователей, построенных древними людьми или по религиозным причинам, или для военно-оборонительных целей.² Кида Таэжити (в 1916 г.) и ряд других учёных рассматривали данное сооружение как построенное главой Ньюван-го – правительницей Бимиху³, а значит, эта крепость могла быть той, что описана в «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи». Но в 1917 году против этого выступил Сиратори Куракити, полагая, что данное сооружение связано уже с двором Ямато, построившим здесь крепость в IV в., когда Ямато подчинило Кюсю.⁴ Однако и позднее некоторые учёные были склонны считать эту крепость резиденцией правительницы Ньюван-го по имени Бимиху.⁵

Раскопки в Ёсиногари (местности в нескольких десятках километров к югу от залива Хаката на северном Кюсю – территории владения Ну-го), установили, что на невысоком холме площадью свыше 30 гектаров было укрепленное поселение I–III вв., обнесенное двойным рвом, земляным валом с деревянным частоколом. Вдоль частокола на некотором расстоянии друг от друга возвышались 12-метровые наблюдательные вышки.⁶ Раскопки в Ёсиногари подтвердили точность сведений, содержащихся в китайских династийных историях.⁷

рр. Резиденция правительницы Бимиху находилась в главном владении страны – Ематай (яп. Яматай – можно истолковать как “Горные башни” или “Горный двор правителя”⁸): «На юг достигаешь страны Ематай, где находится резиденция (кит. дү⁹ – С.Д.) государя-женщины (ньюван)»¹⁰ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Йематай].

¹ Young J. The Location of Yamatai. P. 121; Уэмура С. Указ. соч. С. 22.

² Young J. Op. cit. P. 121.

³ Ibid.

⁴ Young J. Op. cit. P. 121.

⁵ См.: Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 4.

⁶ Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации. С. 33-34.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ 邪馬臺國 кит. Ематай-го (яп. Яматай-но куни – фонетически как “Горные 山 (фонетич. 邪馬 яма) башни” или “Горный 山 (фонетич. 邪馬 яма) двор правителя”); где 臺 (台) кит. *tái, tǎi* – 1) земляная терраса; земляные уступы (ступени); плато... 4) архит. башня (напр. городских ворот); вышка, шатёр (башни); высокое здание; дворец; 5) ист. центральный правительственный аппарат... – БКРС. Т. II. С. 139.

⁹ 都 кит. дү – 1) [крупный] город (резиденция правителя); столица... 4) ист. крупное селение (в первый период оседлости). – БКРС. Т. II. С. 778.

¹⁰ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 244; 「南至^レ邪馬臺國、女王之所都。」(в основном списке «Вэй-чжи») – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; цит. по: Мицукэ Т. “Тай-хэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин-“Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 63.

Данное владение, где находился дворец Бимиху, если судить по использованному термину (кит. 郡), было крупное – самое многочисленное по числу дворов (70 тыс.)¹ и, вероятно, самое крупное территориально. Долгое время шла дискуссия о местоположении Ематай-го (яп. Яматай-но кунни). – существует большое количество мнений по поводу локализации данного владения. Но на острове Кюсю самым подходящим местом для локализации этого владения является местность Ямато в северной части данного острова. Ныне местоположение Ематай-го определяется следующим образом: уезд Ямато провинции Тикуго (ныне преф. Фукуока) с расширением территории Ематай в сторону равнины в долине реки Тикуго² в нижнем течении, в 6 км на юг от города Сэтака, около границы бывших провинций Тикуго и Хиго, на побережье (совр. уезд Ямэ преф. Фукуока, около северной границы преф. Кумамото).³

сс. О правовой системе *вожэнь* см. комментарий «рррр».

тт. Владение Цзюйну-го (яп. Кону-но кунни)⁴ на востоке через море более чем на “коротких”⁵ 1000 *ли*, «принадлежат к японскому племени»⁶ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, Гюй-ну]. Исследователи считают, что речь может идти о

¹ 「…邪馬臺國、七戸萬…」 (в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань»). – Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б; цит. по: Мицуки Т. Указ. соч. С. 63.

² Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 77.

³ См.: Young J. The Location of Yamatai. P. 111; см.: Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 1, 7; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 77; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 21, 19, 20, 21, 25; Хиго Кадзую. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 3, 5, 9, 44; Катаяма М. “Гиси-вадзиндэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-нака-но хёкб-ритэй-ра-но косацу. С. 8, 10, 60; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 19, 20, 102, 105; Маки К. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 81, 82, 86, 91; Маки К. Кёсю-но сэйдзи-тири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки”-го-но рэндзоку мондай. С. 143; Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 2, 6, 8; Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкё-но гэндзё. С. 162; Нихон дзэнси. Т. I. С. 298, 307; Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. “Вэйчжи-вожэнь-цзюань”)-дзаккё. С. 146; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 76, 81, 85, 8; Мори К. Нихон синси. С. 171; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 132; Кудзира К. Нихон-коку-тандзё-но надзо. С. 139.

⁴ 拘奴國 кит. Цзюйну-го (яп. Кону-но кунни) – досл. “Владение захваченных рабов”; где 拘 кит. *цзюй* (очень редко *дзю*) – А. 1) быть ограниченным... гнуться, искривляться... Б. 1) хватать, брать, забирать; задерживать, арестовывать... – БКРС. Т. III. С. 447.

⁵ Исследователи обратили внимание на то, что расстояния между южнокорейским побережьем, островами Цусима, Ики и Кюсю в каждом случае (на каждом из трёх промежутков) указаны в 1000 *ли* (см. Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 243-244), что составляет меньше 100 км. Получается, что здесь применены в расчётах расстояний так называемые “к о р о т к и е л и”, где 1 “короткое” *ли* = 76 м. – См.: Таанада Ё. Сэймаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но кунни-гуни-но хитай. С. 113.

⁶ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 35; 「自女王國東度^レ海千餘里至^レ拘奴國。雖皆倭種...」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

владении на острове Сикоку.¹ В «Вэй-чжи» сказано: «На восток от страны государя–женщины по переправе через море на 1000 с лишком *ли*, снова находится владение, также японского племени»² (кит. *вб-чжун*³) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во].

уу. Так как в текстах и «Хоу-хань-шу»⁴, и «Вэй-люэ»⁵, и в разных списках «Вэй-чжи»⁶ употреблён иероглиф *цзэ* (“все”)⁷ – это может указывать на множественность владений, что их на востоке было больше чем одно. В этом случае исследователи предлагают следующий перевод: «[От] страны государя–женщины на восток [по переправе через море] на тысячу с лишним *ли*, снова находятся японские владения (англ. *countries*, т.е. кит. *го – С.Д.*), все как японские люди (люди *ва*)»⁸ (кит. *вожэнь*).

И это могли быть не только владения острова Сикоку, но и владения на побережье Внутреннего моря острова Хонсю [Вэй-чжи, цз. 30, вожэнь, л. 27 а, 5-6]. А, возможно, эти сведения источников указывают на общины, возникшие в Идзумо и Кинай – эти общины Западной и Центральной Японии, возглавляемые правителями–жрецами *хэфури* (досл. “резателями”)⁹ – в Идзумо-но *куни*, Кибино *куни* и общинах в Кинай [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму; Nhongī, III, 4-8]. По описанию «Нихон-сёки», ситуация в Центральном Хонсю перед походом Дзимму (во второй половине III ве-

---

¹ Young J. The Location of Yamatai. P. 77, 100; Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 117.

² Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 248; 「女王國東 渡^レ海千餘里、復有^レ國、皆倭種。」 – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. III. С. 547.

³ 倭種 кит. *вб-чжун* – досл. “японского племени”; где 種 кит. *чжун* – 2) потомство, род, племя... (БКРС. Т. II. С. 219); Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 248, прим. 37.

⁴ 「雖皆倭種...」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

⁵ 「...度^レ海千里、復有^レ國、皆倭種。」 – Цит. по: Дай-канва-дзитэн. Т. I. С. 848; Мицуки Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин – “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэй-чжи-вого-цзюань)–ни цуйтэ. С. 59.

⁶ В основном тексте «Вэй-чжи»: 「女王國之東 渡^レ海千里、復有^レ國、皆倭種。」 – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. III. С. 547; цит. по: Мицуки Т. Указ. соч. С. 59; см.: Катаяма М. “Гиси-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хёкё-ритэй-ра-но косацу. С. 2. В списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань» фраза записана следующим образом: 「其倭國之東 渡^レ海千里、復有^レ國、皆倭種。」 – Тайпин-юй-лань. Т. IV. С. 3465а; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 20; см. также: Дай-канва-дзитэн. Т. I. С. 848.

⁷ 皆 яп. *мина*, кит. *цзэ* – весь, все... – БКРС. Т. II. С. 607; ЯРУСИ. С. 414.

⁸ Цит. по: Young J. The Location of Yamatai. P. 77.

⁹ 祝 яп. *хэфури* – уст. синтоистский жрец самого низкого ранга; ср.: 屠^ル яп. *хэфури* – 1) резать, забивать (скот); 2) устраивать резню. – ЯРУСИ. С. 197.

ка н.э. [испр. хрон.]¹) была такова: «Однако земли в отдаленной глуши ещё не пользуются милостями государя (кит. *ван*, яп. *кими*). В связи с этим, если (яп. *си*)² [в каждой] местности (яп. *ю* – владении, т.е. территориальной общине)³ есть [свой] правитель (яп. *кими* – рангом ниже государя⁴ – *С.Д.*), [то в каждом] селении (яп. *мурá*) есть [свой] глава (др.-яп. *васа*, совр.-яп. *оса*, *хитоко-но ками*). Каждый сам проводит границы (яп. *бункэ*)⁵, вследствие⁶ [чего они] вторгаются на территорию друг друга (взаимно притесняют друг друга)⁷...»⁸ [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *киноэ-тора*; *Nihongi*, III, 1-2]. То есть, изображена типичная картина периода борьбы между территориальными общинами, какая была на Кюсю в период Яматай (I–III вв.)⁹ и, вообще, фиксируемая исследователями везде в древнем мире.

Корейские источники упоминают *общины–государства* Центральной Японии. В «Самгук-саги» говорится, что об [общине]–государстве (кит. *бáн-гó*, кор. *панъгук*¹⁰) Тапхана (кор. *Тапха*, яп. *Таба* – досл. “множество

¹ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико*. С. 175-198.

² 使 яп. *си*, кит. *шй* – ...*служебное слово* ... 3)... (*часто выступает в функции союза, вводящего условное или условно-составительное придаточное предложение*); если допустим, что...; ежели бы предположить, что...; если; в случае если бы... – БКРС. Т. IV. С. 70.

³ 邑 яп. *ю*, кит. *й* – *суц.* ... 3) *поселение*... посёлок, деревня; 4) *уезд*; *район*, *населённая местность*; 5) *ист. владение*... – БКРС. Т. IV. С. 357.

⁴ 君 яп. *кими* – ... 2) *уст. господин*, *государь* (ЯРУСИ. С. 134); ср: 君 кит. *цзюнь* – *суц.* 1) *государь*, *владетельный князь*... *глава*, *правитель*; *владыка*... – БКРС. Т. II. С. 436.

⁵ 分疆 яп. *бункэ*, кит. *фэньцзян* – 1) *проводить границу*, *разграничивать*... – БКРС. Т. III. С. 404.

⁶ 用 яп. *э*, кит. *юн* – ...*служебный гл.* ... 3) *уст. глагол-предлог, вводит дополнение причины (обычно местоимение)*; *вследствие*, *из-за*, *по причине*... – БКРС. Т. III. С. 213.

⁷ 凌躐 яп. *сюн-рэки*, кит. *цзюньлò* (где *凌* яп. *сюн*, кит. *цзюнь* – 2)* *вымогать*; *обирать*; *выжимать*... [БКРС. Т. IV. С. 17]; 躐 яп. *рэки*, кит. *лò* – *гл. превосходить*; *выдаваться* [БКРС. Т. III. С. 739] *написан в м.*: 凌躐 яп. *рэ-рэки*, кит. *лínли* – 1) *топтать*, *попирать*; *вытеснять*, *притеснять (кого-л.)*; *посягать на (что-л.)*, *в т о р г а т ь с я в*; 2) *издеваться над (кем-л.)*; *оскорблять*; *унижать*; *мучить*, *тиранить (кого-л.)*. – БКРС. Т. IV. С. 11; Там же. Т. III. С. 739.

⁸ 「而遼邈之地、猶未霑於王澤。遂使邑有^レ君、村有^レ長。各自分^レ疆、用相凌躐。」 – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 112; ср.: Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. I. С. 177; см. также: *Кодзики: Записи о деяниях древности*. Т. II. С. 104, прим. 1; *Такикава С.* *Нихон сякай-си*. С. 10.

⁹ См.: *Суровень Д.А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I в. до н. э. – III в. н.э.). С. 150-175.

¹⁰ 邦國 кор. *панъгук* (방국), кит. *бáн-гó* – 1) *малое и большое государство*... 2) *госу-*

старух”), «расположенного в тысяче ли к северо-востоку от государства Вэ (т.е. общин–государств *вожэнь* на Северном Кюсю – С.Д.). Давным-давно... *ван* того государства взял в жёны дочь правительницы (кор. *ваннэ*, кит. *в́ан-нйой*¹ – С.Д.) женского государства...»² (кор. *Нё-гук-ваннэ*)³ [Самгук-саги, летописи Силла, кн. 1-я, Тхальхэ].⁴ На расстоянии в тысячу ли на северо-восток от Северного Кюсю находится район Кинай (в центральной Японии). В связи с этим общину–государство (кит. *б́ан-гó*, кор. *панъгук*) Тапха можно попытаться отождествить с Тамаба-кунни (области, расположенной к северу от провинции Ямато).

В «Самгук-юса» содержатся более подробные сведения о родине японца Тхальхэ, где он сам о себе рассказывает: «Я родом – человек [из] государства Ёнь-сёнъ-гук (досл. “государство Драконьего города-репос-ти”)⁵ (ещё сказывают Чонъмёнъ-гук – “государство Настоящего света”, или сказывают Анха-гук – “государство Весёлого лета”; Анха также переделали в Хваха-гук – “государство Дворца цветов”. Ёнь-сёнъ – “Драконий город” находится [от государства] Вэ (объединения общин–государств на Северном Кюсю – С.Д.) на северо-восток [через] тысячу ли)...»⁶ [Самгук-юса, кн. 1-я, Тхальхэ-ван].

дарство; где 邦 кор. *панъ* (방), кит. *б́ан* – 1) государство, держава... 2) *ист. город-государство...* – БКРС. Т. II. С. 784.

¹ 王女 кор. *ваннэ* (왕녀), кит. *в́ан-нйой* – царевна, княжна, принцесса. – БКРС. Т. II. С. 157.

² 「脱解本 多婆邦國... 生也。其國在倭國東北一千里。初其國王娶女國王女為妻。」 – Самгук-саги, Силла-понги, л. 45, строки 6-7 // *Ким Бусик*. Самгук-саги (иероглиф. текст). С. 23; Самгук саги, 1928. Кн. I. С. 6.

³ 女國王女 кор. *Нё-гук-ваннэ* (여국왕녀) – досл. “княжна Женского государства (*Нё-гук*)”. – Самгук-саги, Силла-понги, л. 45, строка 7 // *Ким Бусик*. Самгук-саги (иероглиф. текст). С. 23; Самгук саги, 1928. Кн. I. С. 6.

⁴ *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. I. С. 79.

⁵ 龍城國 кор. *Ёнь-сёнъ-гук* (룡성국) – досл. “государство Драконьего города-крепости” (англ. *Kingdom of the Dragon Castle*. – См.: *Akima T.* The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū’s subjugation of Silla. P. 121, note 13). Однако иероглиф 龍 кор. *ёнъ* (룡), кит. *лу́н* имеет также значения “государь, император; императорский; высочайший” (БКРС. Т. IV. С. 363). Поэтому название данного политического образования можно перевести также как “Страна-государство-города”.

⁶ 「我本龍城國人(亦云正明國、或云琺夏國、琺夏或作花廈國。龍城在倭東北一千里)。」 – *Ирён*. Самгук-юса, 1999. С. 48-49. Ср.: *Akima T.* Op. cit. P. 121, note 13. Ср.: *Ирён*. Оставшиеся сведения о трёх государствах. – СПб.: Гиперион, 2018. – С. 237-238; Корейские предания и легенды из средневековых книг / Пер. с ханмуна. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 47.

Рядом – видимо, в Кинай, находилось ещё одно раннегосударственное образование – Чоннё-гук (или просто: Нё-гук – “Женское государство”). Династия ён-ванов из Тапха-паньгук находилась в брачной связи с правительницами (кор. *ваннё*, кит. *вэн-ньюй*) – скорее всего, верховными жрицами–правительницами Чоннё-гук (Чокнё-гук). «Тогда мой отец–государь [по имени] Хамдальпха (яп. Гантацуба) сосватал (кор. *бинь*, кит. *пин*) дочь правительницы (кор. *ваннё*, кит. *вэн-ньюй* – царевну, княжну, принцессу) государства Чоннё-гук (Чокнё-гук – досл. “государство множества женщин”)¹, сделав её супругой (кор. *пи*, кит. *фэй*, др.-яп. *кйсаки*)...»² [Самгук-юса, кн. 1-я, Тхальхэ-ван].

Сведения о существовании “женского государства” (кит. Нюй-го, кор. Нё-кук) подтверждаются китайскими летописями – «Хоу-хань-шу» (раздел “Восточное Воцзюй” [кор. *окчо*]) и «Вэй-чжи» (раздел “Восточное Воцзюй” [кор. *окчо*]).³ В «Хоу-хань-шу» сказано: «Старики их... ещё рассказывают, что на море есть женское царство (кит. Нюй-го, кор. Нё-кук – С.Д.), в котором нет мужчин...»⁴ [Хоу-хань-шу, гл. 115, Дун-и, V. Восточное Воцзюй]. Эти же сведения повторены в «Вэй-чжи». В 244-246 гг. вэйские войска, посланные преследовать когурёского правителя Куна (Тончхон-вана, 227-248 гг.), оказались в Восточном Окчо (о чём также рассказывается в «Летописях Когурё» в «Самгук-саги»⁵). Здесь китайцы собрали сведения о жителях островов Японского моря. «Когда посланные для преследования Куна [войска] Ван Ци дошли до крайних их восточных пределов, он спросил у одного старика, живут ли люди к востоку, за морем. И старик ответил...: рассказывают, что посреди моря есть также страна, где живут одни женщины и нет мужчин...»⁶ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30, дун-и, Восточное Воцзюй]. Возможно, с этим “женским государством” связан отряд женщин–воительниц, оказывавших сопротивление завоевателям, возглав-

¹ 積女國 кор. Чёкнё-гук (적여국), Чённё-гук – досл. “государство множества женщин”; где 積 кор. чёк (적), кит. *цзй* – ...2) многих, многочисленный... много; во множестве... – БКРС. Т. IV. С. 674.

² 「時我父王 含達婆 媵^ㄴ積女國 王女 爲^ㄴ妃。」 – Ирён. Самгук-юса, 1999. С. 48-49. Ср.: Akima T. Op. cit. P. 121, note 13. Ср.: Ирён. Оставшиеся сведения о трёх государствах. С. 238; Корейские предания и легенды из средневековых книг. С. 47.

³ 「又言: 有^ㄴ一國 亦在^ㄴ海中、純女 無^ㄴ男。」 – Ирён. Самгук-юса, 1999. С. 49.

⁴ Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 29-30; 「又說^ㄴ海中有^ㄴ女國、無^ㄴ男人。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1703.

⁵ Kim Бусик. Самгук-саги. – М.: Вост. лит., 1995. – Т. II. – С. 68-69.

⁶ Цит. по: Пак М.Н. Описание корейских племён начала нашей эры (по «Сань-го чжи»), 2001. Вып. 2. С. 25; 「又言: 有^ㄴ一國 亦在^ㄴ海中、純女 無^ㄴ男。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 539.

ляемых основателем династии Ямато – правителем Дзимму (в 298 году [испр. хрон.]). «Ещё на Мэ-сака (досл. “Склон женщин”) расположилось войско женщин, на Во-сака (досл. “Склон мужчин”) расположилось войско мужчин»¹ [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *цутиноэ-ума*, 9-я луна, 5-й день; Nihongi, III, 16]. Причём, далее говорится, что отряд женщин–воительниц² был и в войске самого Дзимму³ [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *цутиноэ-ума*, 11-я луна; Nihongi, III, 23].

ФФ. Чжужу-го (досл. “владение малорослых людей (карликов)”) ⁴, где «лю-

¹ 「又於女坂置女軍。男坂置男軍。」 – Нихон-сёки, 1957. Т. I. Ч. I. С. 110.

² 「我女軍」 – Нихон-сёки, 1957. Т. I. Ч. I. С. 125.

³ Здесь сразу возникает ассоциация с циклом преданий об *амазонках*. Понять это можно, если вспомнить, что развитие половых *табу* с неизбежностью привело к известному обособлению мужчин и женщин. (История первобытного общества. Т. II: Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986. – С. 85). В сообщениях о «стране женщин» в Японии нашло отражение обособление мужчин и женщин в результате развития половых производственных *табу*. В связи с этим, следует обратить внимание на имевшие универсальное распространение легенды о так называемых “амазонках”, т.е. народах, состоящих из одних женщин. Во всех известных случаях женщины держались вместе и, в то же время, обособленно от мужчин (в сказаниях упоминается “страна женщин”). После превращения праобщины в род это обособление не только не исчезло, но даже углубилось. – (Семёнов Ю.И. На заре человеческой истории. – М.: Мысль, 1989. – С. 270; История первобытного общества. Т. II. С. 85; см.: Семёнов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974. – С. 137-139). В одной из линии развития “амазонских” легенд мотив существования страны женщин сохраняется, но исчезает представление об опасности, грозящей мужчинам–чужеземцам. Таковы, в том числе, и японские предания (Семёнов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 271; Семёнов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С. 139; История первобытного общества. Т. II. С. 86). В этой линии развития наблюдается, во-первых, превращение случайных, эпизодических связей между первоначально совершенно чуждыми друг другу мужчинами и женщинами в прочные и постоянные, во-вторых, смягчение, а в дальнейшем и полное исчезновение опасности, грозящей мужчинам со стороны женщин (Семёнов Ю.И. На заре человеческой истории. С. 271; Семёнов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С. 140; История первобытного общества. Т. II. С. 86). Как мы видим, о существовании обособленных женских коллективов в древней Японии и брачных связях с ними мужчин из других коллективов сообщают корейские, китайские и собственно японские источники. – См.: Суровень Д.А. Возникновение и развитие брачно-семейных отношений и их правовое регулирование в древней Японии. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – С. 34-39; Суровень Д.А. Эволюция родства и брака в древней Японии // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.): в 2-х тт. Т. I: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридические исследования / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. – Екатеринбург: Урал. гос. юридический ун-т, 2019. – С. 225-229.

⁴ 侏儒國 кит. Чжужу-го – досл. “владение карликов”. – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; см.: Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 116; где 侏儒 кит. чжужу – 1) карлик, лилипут,

ди ростом в 3-4 фута» на юге от Ематай-го на «4000 с лишком ли»¹ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Это, как определяют учёные, видимо, владение на островах Рюкю (Окинаве [?]), ориентируясь на южное направление (от Кюсю) и указывая, что жители островов Рюкю по сравнению с японцами более низкого роста.²

xx. Далее в «Хоу-хань-шу» идёт раздел о Дунди, а также островах И-чжоу и Шань-чжоу. «От Гуй-цзи за морем есть жители Дун-ди»³ (досл. «люди страны Восточная Ди – ‘страны за морем’⁴»), разделённые на более 20 владений (кит. *гó*, яп. *кунí*).⁵ От Гуй-цзи (в низовье реки Янцзы) за Восточно-китайским морем располагаются острова Нансэй, частью которых является цепь островов Рюкю. Указанием на принадлежность данных владений к островам Японского архипелага может служить использование в тексте источника иероглифа “*dù* (*mí*)”, который кроме значения “страна за морем” (следовательно, “Дун-ди” – “Восточная страна за морем”) также обозначает рыбу вида лучепёрых рыб семейства анчоусовых (лат. *Engraulis japonicus*)⁶, обитающую в районе Японских островов. Поэтому буквальный перевод топонима “Дун-ди” будет звучать как “Восточная страна японского анчоуса”.

«Есть ещё острова И-чжоу и Шань-чжоу... поселенцы»⁷ (на этих остро-

---

пигмей; коротышка... (БКРС. Т. III. С. 758, 756); в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин юй-лань» название записано: 朱中國 кит. Чжү-чжүн-гó – досл. “багряная (в знач.: находящаяся на юге) срединная страна” (см.: Ямао Ю. Указ. соч. С. 20, 16-17); или: 朱中儒國 кит. Чжү-чжүн-жү-гó (Тайпин-юй-лань. Т. IV. С. 3465а); где 朱 кит. чжү – 1) красная краска, киноварь; цвет киновари; ярко-красный; чистый (багряный) красный цвет (в древней космогонии – один из основных цветов, ассоциируемый с Югом)... – БКРС. Т. III. С. 756.

¹ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 36; Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 248.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 36, прим. 1; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 16-17, 20; Мицуки Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин юй-лань)-сёин “Тиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзоань)-ни цуйтэ. С. 59-60; Кузнецов Ю.Д. и др. История Японии. С. 19; Aston W.G. Early Japanese history. P. 55.

³ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 36.

⁴ 「東鯷人」 кит. дун Ди / Ти жэнь – “люди восточной страны Ти / Ди – ‘страны за морем’”; где 鯷 кит. *mí*, *dì* – ...*собств.*... Ти, Ди (страна за морем...)... – См.: БКРС. Т. III. С. 950.

⁵ 「會稽海外有^レ東鯷人、分為^レ二十餘國。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1708; цит. по: Сакамото Тарō 坂本 太郎. Нихон кодайси сōкō 日本古代史叢考. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1983. – С. 69.

⁶ 鯷 кит. *mí*, *dì* – ...*суц.* зоол. анчоус японский (*Engraulis japonicus*...). – См.: БКРС. Т. III. С. 950.

⁷ Составитель «Хоу-хань-шу» связывает происхождение жителей островов И-чжоу и Шань-чжоу с переселением из Китая в конце III в. до н.э. нескольких тысяч человек

вах – С.Д.) с продолжением времени размножились до нескольких десятков тысяч семейств. Иногда они приезжают в Гуй-цзи на рынки. В Гуй-цзи жители уезда Йе-[с]янь, плавающие по морю, иногда по ветру заходили к острову Шань-чжэ[о]у, который столь удалён, что не возможно иметь сообщения»¹ (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, И-чжэоу, Шан-чжэоу]. Судя по употреблённому иероглифу чжэбу² – “(речной) остров”, острова могли располагаться в устьях впадающих в море рек, т.е. это прибрежные острова Японского архипелага. Точное место расположения не известно. Некоторые исследователи локализуют их как острова Внутреннего японского моря около побережья юго-восточного Хонсю (область Сань-ёдэ).³ Есть локализации этих владений в южной Японии (на Кюсю).⁴

«Вэй-чжи»

цц. См. комментарий «а».

чч. «*Вожэнь* (японцы)... по гористым островам образуют уделы (кит. *гó-й*; яп. *коку-ю*). В древности [было] свыше ста государств (кит. *гó*, яп. *кунй*). Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися ко двору на аудиенции...»⁵ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*,

---

(подростков) под руководством Сюй Фу, посланных императором Цинь-ши-хуан-ди на поиски островов небожителей (прежде всего, острова Пэнлай), знавших секрет эликсира бессмертия (см.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 36). Об этих островах подробнее см.: *Суровень Д.А.* Древнекитайская легенда об островах небожителей и история географического открытия Японских островов китайцами // Китай: история и современность. Материалы VI международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20-21 ноября 2012 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 154-183.

¹ См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 36; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1708.

² 州 кит. *чжэбу* – ...4) остров на реке, речной остров... – БКРС. Т. II. С. 984.

³ См.: *Сакамото Т.* Нихон кодайси сбкб. С. 69.

⁴ Подробнее см.: *Итё Хироси* 伊東 宏. Син (кит. Цинь), Дзёфуку (кит. Сюй Фу)-дэнсё-но кэнкё (Ч. I) 秦、徐福伝承の研究 (前編) // Окадзаки-гакуэн танки-дайгаку ронсю 岡崎学園国際短期大学論集. – 1985. – № 2. – С. 1-14; *Итё Хироси* 伊東 宏. Син (кит. Цинь), Дзёфуку (кит. Сюй Фу)-дэнсё-но кэнкё (Ч. II) 秦、徐福伝承の研究 (中編) // Нингэн то канкё: Нингэн-канкё-гаку кэнкёдзё кэнкё хёкоку 人間と環境: 人間環境学研究所研究報告. – 1998. – № 1. – С. 33-45; *Итё Хироси* 伊東 宏. Син (кит. Цинь), Дзёфуку (кит. Сюй Фу)-дэнсё-но кэнкё (Ч. III) 秦、徐福伝承の研究 (後編) // Нингэн то канкё: Нингэн-канкё-гаку кэнкёдзё кэнкё хёкоку 人間と環境: 人間環境学研究所研究報告. – 1998. – № 2. – С. 11-26; *Суровень Д.А.* Древнекитайская легенда об островах небожителей и история географического открытия Японских островов китайцами. С. 154-183.

⁵ 「倭人... 依山島爲國邑。舊百餘國、漢時有朝見者...」 – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 1999. С. 633; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 544. Ср.: *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 243.

л. 23 б, 6]. Термин источника *го-и* (яп. *коку-ю*), переведенный как “удел”, с самого начала прилагался китайцами к территориям, где правили местные династии.¹

шш. См. комментарий «б».

щц. Источники сохранили нам сведения о некоторых из ста *общин-государств*, сформировавшихся в середине I в. н.э. на основе *сложных вождейств*. Причём информация о разных владениях различна: об одних даётся достаточно подробное описание и более или менее точная локализация; о других – лишь краткие сведения (или, вообще, только название); местоположение третьих – не ясно.² Конечные результаты определения местоположения японских владений, к которым пришли современные учёные, см. ниже. В разделах о *вожэнь* в «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи» из «свыше ста владений» перечислено 55; ещё два упомянуты в «Самгук-юса», т.е. всего 57³; из которых «более 30-ти владений открыли через переводчиков сообщение с Домом Хань»⁴ [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Во, 108 г. до н.э.]; и «ныне 30 владений имеют сообщение через послов-переводчиков»⁵ с династией Вэй [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во].

ыы. Плывя из округа Дайфан⁶ (кор. Тэбан; к северо-западу от совр. Сеула) по Жёлтому морю вдоль западного побережья южной Кореи (кит. Хань, кор. Хан)⁷, затем повернув на восток, следуя вдоль южного побережья южной Кореи – прибывали в южнокорейское владение Гоусе-го / Гоуе-го (кор. Куя-кук; другие названия Кая, [Южная] Кара, Карак, Карян, т.е. Кымгван; в районе современного города Кымхэ в дельте реки Нактонган в Южной Корее).⁸ См. комментарий «о».

¹ См.: Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. С. 89-90.

² Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 113.

³ Подробнее см.: Суровень Д.А. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 144-165.

⁴ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 34; 「自武帝滅朝鮮、使驛通於漢者、三十許國。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

⁵ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 243; 「今使譯所通三十國。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 544.

⁶ Округ Дайфан (帶方郡 кор. Тэбан; располагался в землях на северо-запад от современного Сеула) был создан в 204 году Гунсунь Каном, самостоятельным правителем государства Янь на полуострове Ляодун (в южной Маньчжурии), в состав которого также входил находившийся к северу от Дайфана округ Лолан (樂浪 Лэлан; кор. Наннань / Накрань 락랑; с центром в районе совр. Пхеньяна). – Бутин Ю.М. Корея: от Чосона к Трём государствам. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 10, 50-51, 42.

⁷ 韓 кор. Хан, кит. Хань – ...3) уст. Корея... (по названию царства на юге Кореи); тж. сокр. [Южная] Корея. – См.: БКРС. Т. II. С. 888.

⁸ 加耶, 伽耶, 伽椰 кор. Кая (가야); 加羅, 伽羅, 迦羅, 柯羅 кор. Кара (가라); 伽落, 駕洛

В китайских династийных историях Гоусе-го (кор. Куя-кук, он же Кымгван)¹ по отношению к японским владениям Северного Кюсю локализуется так: «[Если от] грани округа Лолан отправляться² в это государство [Во, т.е. на Северный Кюсю], [идти] 12 тысяч *ли*, от владения (кит. *гэ*, кор. *кук*) Гоусе (кор. Куя в районе Кымхэ – С.Д.) [в] Хань-го (кор. Хан-кук, т.е. в Южной Корее – С.Д.), [расположенного] на его (государства Во в Японии³ – союза общин Корейского пролива и Северного Кюсю, т.е. Нюй-ван-го – С.Д.) северо-западной границе – [через] свыше 7000 *ли*»⁴ (от округа Лолан) [Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, Во]. «Из областей [Китая] достигают Японии вдоль морского побережья. Плывая водой, проходя через Хань-го (Южную Корею)⁵ то на юг, то на восток, достигают на северном побережье (союза общин Корейского пролива и Северного Кюсю, т.е. Нюй-ван-го – С.Д.) Гоусие (кор. Куя в районе Кымхэ – С.Д.) [в] Хань-го (кор. Хан-кук), через 7000 с лишком *ли*...»⁶ [Саньго-чжи, гл. 30, Вэй-чжи, Во, л. 23 б, 7-9; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Гоусие]. То же сказано в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань».⁷ Владение Куя-кук (Кымгван) находилось на южном побережье юго-восточной Кореи (два источника специально уточняют – что Куя находилось в Хан-кук, т.е. в Южной Корее), но счита-

---

кор. *Карак* (가락); 加良 кор. *Карян* (가량); 金官 кор. *Кымгван* (금관). – См.: *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 372, 301, прим. 43; *Тихонов В.М.* История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – С. 16, 32, 33, 84.

¹ *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 301, прим. 43.

² 去 кит. *цуй* – гл. 1) уходить, уезжать [в]; отправляться [в]... – БКРС. Т. IV. С. 948.

³ См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 341.

⁴ 「樂浪郡徼去^レ其國萬二千里、去^レ其西北界 拘邪韓國 七千餘里。」 – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706; ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 341; *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 34.

⁵ 「...到^レ其北岸 拘邪韓國...」 – Саньго-чжи. Т. III. С. 545. См.: *Катаяма М.* “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но косацу. С. 2; *Мицуки Т.* “Тай-хэй-тё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 58; в «Вэй-люэ» записано иначе: «...Прибываешь в Г о у-е (кор. Куя) [в] Хань-го (拘耶韓國), [через] 7000 с лишком *ли*...» – Цит. по: *Хасимото М.* Тоё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкё, 1956. С. 12. Есть еще один вариант написания названия владения: 拘耶 韓國 кит. Г о у-ц з и (кор. Куи) [в] Лоу-го, где 卓國 кит. Лоу-го, видимо, ошибка *вм.* 韓國 кит. Хань-го (Южная Корея). – См.: *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 59.

⁶ 「從郡至^レ倭倭海岸、水行歷韓國 乍南乍東 到^レ其北岸 拘邪韓國 七千餘里。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 1999. С. 633; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 544-545. См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 243; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 58.

⁷ См.: Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464.

лось северным побережьем государства Во. В первой половине XX века японские исследователи принадлежность данного владения Японии объясняли или наличием здесь японских эмигрантов, живших к югу от корейских поселений на Корейском полуострове¹; или тем, что это была колония японцев (Найто Т., 1910 г.).² Однако позднее была высказана идея, что в период *яёй* люди народа *во* (кор. *вэ*, т.е. предки японцев) могли жить в Южной Корее, будучи остаточным населением, оставшимся здесь после миграции основной части *вожэнь* в Японию.³ И в «Хоу-хань-шу», и в «Саньго-чжи» говорится, что на своих южных границах южнокорейские области Махан и Пёнхан (включая Пёнчин и смешанную зону южного Чинхана) «граничат» (кит. *цзэ* – досл. “без перерыва прилегают”)⁴ с *во* (т.е. с одним из этнических компонентов древних японцев).⁵

Поэтому во второй половине XX века учёные истолковывали сообщение о нахождении Куя на северной границе Во как то, что во II–III вв. н.э. земли Куя входили в состав различных объединений *вожэнь*⁶, возникавших в регионе Северного Кюсю и островов Корейского пролива (Мяньту-го во II веке, Нюй-ван-го в конце II – III веках). Эгами Намио писал, что во владении Кара в Южной Корее жили люди *во*, которые вместе с *вожэнь* области Цукуси в Северном Кюсю создали союзное японо-корейское государство, включавшее Куя и Цукуси (Северный Кюсю). Правители этого союзного государства – правители Во, свою резиденцию имели на Цукуси.⁷ Создание такого союза общин имело, видимо, в том числе и экономические причины (связанные с торговлей Кымгвана и японцев Северного Кюсю⁸). Куя (или Южная Кая) стала поставщиком железа для Лолана и японцев.⁹ «Благодаря своему положению на реке Нактонган, Кая (и в особенности,

¹ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 75; Мори К. Нихон синси. С. 180.

² Young J. The Location of Yamatai. P. 110.

³ Уэда М. и др. Нихон кодай-си. С. 57-58; 56; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 75,79; см.: Конрад Н.И. Япония: народ и государство. С. 62; Иофан Н.А. Культура древней Японии. С. 23, 24.

⁴ 接 кит. *цзэ* – гл... 6) следовать чередой, непрерывно продолжаться... 7)... быть рядом (граничить) с...; прилегать к...; 8) сходиться [вместе]... *прил./ наречие ...2)* непрерывно, подряд; слитно, без перерыва. – БКРС. Т. IV. С. 1015.

⁵ Подробнее см.: Суровень Д.А. Этнокультурные и политические связи южнокорейских общин–государств I–III вв. с юго-западной Японией. С. 150-151.

⁶ Ellwood R.S. The Sujin religious revolution // Japanese journal of religious studies. – 1990. – № 17/2-3. – P. 200; Вакан-цүси 馬韓通史 // URL: <http://members3.jcom.home.ne.jp/sadabe/kudaragaisi/bakan-tsusi.htm> (дата обращения: 28.05.2018).

⁷ Hong Wontack. History of ancient Japan. The Yamato Kingdom: The first unified state in the Japanese islands established by the Paekche people in the late fourth century // URL: <http://www.wontackhong.pe.kr> (дата обращения: 28.05.2021).

⁸ См.: Тихонов В.М. История Кореи. Т. I. С. 112.

⁹ Тихонов В.М. История Кореи. Т. I. С. 112.

Пон-кая в устье реки) была вовлечена в энергичную морскую деятельность, по поддержке контактов... на юге со [страной] Ва [кит. *Во*] в Японии».¹

В федерацию Нюй-ван-го на западе входили Дуйма-го (яп. Тайба-куни) – остров Цусима; и ближе к Кюсю – И-да-го (яп. Ити-дай-но куни – досл. «Одна большая община») – остров Ики (в одном из списков: кит. Ичжи-го, яп. Ики-но куни). На побережье северо-западного Кюсю находились общины Молу-го (яп. Мацуро-но куни), Ну-го (яп. На-но куни) и Иду-го (яп. Ито-но куни). Вглубь территории Кюсю располагались община Буми-го (яп. Фуми-но куни) и столичное владение Ематай-го (яп. Яматай-но куни). В южном Кюсю локализуется Тоума-го (яп. Тома / Тума / Цума-но куни; вероятно, Сацума). Кроме того, в составе федерации также указано 20 общин в северном, северо-западном и юго-западном Кюсю.²

ээ. “Коротких” ли. См. комментарий «тт».

юю. По-видимому, в каждую общину, вошедшую в федерацию Нюй-ван-го, для контроля за делами на местах посылались чиновники, по два-три человека в каждую общину. Во владениях Ики и Цусима, имевших своих государей (*ван*), главный чиновник назывался *бй-гёу* (яп. *хику*, *бигу*)³, а его помощник *бй-ну-мў-ли* (яп. *хинубори*, *хинумори*)⁴ (последний был также в Ну-го и Буми-го). В общине Молу-го чиновники не упоминаются, но, исходя из близости и сходства положения (имеют *вана*), можно предполагать, что и тут чиновники назывались *бй-гёу* и *бй-ну-мў-ли*⁵ [Саньго-чжи, Вэйчжи, гл. 30, Во, Дуйма-Молу]. Основываясь на единстве должностных званий, исследователи считают, что это были присылаемые непосредственно правительницей Нюй-ван-го чиновники, назначаемые для контроля за главами общин.⁶ Возможно, в некоторых общинах должностные лица назначались из местной знати (кит. *дà-жэнь*, яп. *ō-бито*) – видимо, в тех случаях, когда употребляются местные названия должностей.

Дословный перевод терминов «*бй-гёу*» и «*бй-ну-мў-ли*» очень сложен, хотя и может указывать на происхождение людей, занимавших эти должности, из слоя неполноправных свободных и на то, что они чужие (приехавшие сюда) люди. Исследователи обычно истолковывают «*бй-гёу*» как

---

¹ Lee Ki-baik. A new history of Korea. – Seoul: Pchokak, 1984. – P. 41.

² См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 243-245.

³ 卑狗 кит. *бй-гёу*, яп. *хи-ку*, *би-ку*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁴ 卑奴母離 кит. *бй-ну-мў-ли* (Н.В. Кюнер читает как *би-ну-у-ли*. – см.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 244). – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁵ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 243-244.

⁶ Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзакб. С. 136, 137-138; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 98.

⁷ 卑狗 кит. *бй-гёу* (Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545), где иероглиф 卑 имеет чтения *бй* и *бэй*. – БКРС. Т. II. С. 811.

«хико»¹, что может быть истолковано как «знатный человек, знатный мужчина»² (иногда переводят как «принц»); «би-ну-мү-ли» в форме «хинамори» встречается в древнеяпонском языке (в «фудоки» и «Нихон-сёки») и означает «обороняющий область»³, что говорит о том, что может быть, эта должность была связана с выполнением каких-то военных функций, как считают – надзор, оборона и охрана приграничных и прибрежных территорий.⁴

Таким образом, во владениях Дуйма-го (яп. Цусима-но кун) и Ида-го (или Ичжи-го; яп. Ики-но кун) (на островах Цусима и Ики) главное должностное лицо называлось *би-гёбу* (яп. *хику*, *бигу* – т.е. *хико* [“знатный мужчина”]), а его помощник – *би-ну-мү-ли* (яп. *хинубори*, *хинумори* – букв. “обороняющий область”) (последний был также в Ну-го и Буми-го)⁵ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Дуйма-го, Ида-го].

яя. Дуйма-го (яп. Тайба-но кун)⁶, св. 1 тыс. дворов) – острова **Цусима**.⁷ В «Саньго-чжи» о Цусима сказано: из Куя в Южной Корее «...переправившись через одно море [протяжённостью] свыше 1000 *ли* (1000 “коротких” *ли*⁸, т.е. около 76 км⁹ – С.Д.), пребываешь в Дуйма-го (яп. Цусима-но кун)... Место, [где они] живут, [является] отдельным островом со стороны, [протяжённостью], возможно, свыше 400 *ли*. Качество почвы и рас-

---

¹ 卑狗 яп. *хику*, *бигу*, т.е. *хико*. – Сакамото Т. Указ. соч. С. 137-138; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 25; Young J. The Location of Yamatai. P. 121; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 35.

² 日子 (букв. “сын солнца”), 彦, 彦 яп. *хико* – выдающийся человек (архаичный суффикс после имён принцев и знатных людей) (см.: ЯРУСИ. С. 222); ср.: 彦 кит. *янь* – даровитый учёный; высокообразованный человек... – БКРС. Т. III. С. 370.

³ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 97-98; Сакамото Т. Указ. соч. С. 131; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 113-114. *Хинубори*, *хинумори* может быть фонетической записью бинома 鄙守 яп. *хинамори* – «обороняющий область»; где 鄙 яп. *хина* – кн. деревня, провинция (ЯРУСИ. С. 599); 守 яп. *мори* (смотритель и т.п.) – сокр. от *мамори* – защита, охрана; *мамору* – 1) за-щищать, охранять (см.: ЯРС. С. 378; ЯРУСИ. С. 178).

⁴ Ямао Ю. Указ. соч. С. 113; Сакамото Т. Указ. соч. С. 131; Сигэмацу А. “Тиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

⁵ См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 243-244.

⁶ 對馬國 кит. Дуймá-гò, яп. Тайба-но кун – Цусима (остров ... в Японии). – См.: БКРС. Т. I. С. 38.

⁷ Нихон дзэнси. Т. I. С. 297; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 85; Катаяма М. “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но кōсацу. С. 2; Мацумото С. Сэйтэ-цүси. Т. III. С. 168, 173; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 19; Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но кун-гуни-но хитэй. С. 115; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 76; Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. S. 188; Young J. The Location of Yamatai. P. 112.

⁸ См.: Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но кун-гуни-но хитэй. С. 113.

⁹ Там же. С. 117.

положение участков (кит. *tǔ-dì*)¹ [таково] – [это] горная [и] недоступная [местность], много глухих лесов, дороги подобны и звериным тропам (досл. “тропам птиц и зверей [букв. ‘оленей’]”).² [Населения] имеется свыше тысячи дворов. Нет хороших рисовых полей. Едят морепродукты, чтобы поддерживать своё существование собственными средствами (кит. *цзы-хó*)³. Сады на кораблях, на юге (на острове Кюсю – *С.Д.*) и на севере (в Южной Корее – *С.Д.*) на рынках закупают зерно»⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30].

В 2000 году в центральной части островов Цусима (к северу от городка Тоётама-*мати*) – в районе Ямбэ городка Минэ-*мати* (административного района Минэ на западном побережье Северного острова Цусима) были обнаружены остатки крупного поселения периода *яёй*, которое предположительно являлось р е з и д е н ц и е й п р а в и т е л я (кит. *ван*, *яп. кими*) владения Дуйма-*го* (*яп. Цусима-но куни*) I–III вв., описанного в китайских источниках. Это поселение занимает 7 000-8 000 кв.м. На землях селения обнаружены остатки трёх–четырёх зданий типа *такаюки* (с высоким полом на сваях), двух жилищ типа *татэана* (полуземлянок), свыше ста отверстий от столбов, большое количество захоронений позднего *яёй*, сопровождающихся погребальным инвентарём из бронзы; сосуды периода *яёй*, керамика корейского происхождения (число керамических фрагментов достигает 10 тысяч штук), железные рыболовные крючки и топоры).⁵

ааа. “Коротких” *ли*. См. комментарий «тт».

ббб. По переправе через море на 1000 “коротких” *ли* находилось владение Ида-*го* (или Ичжи-*го*)⁶, св. 3 тыс. дворов) – остров **Ики**.⁷

¹ 土地 кит. *tǔ-dì* – 1) качество почвы и расположение участка; измерять землю; кит. *tǔdì* – 1) земля; грунт; почва... 2) территория (*напр. страны*). – БКРС. Т. II. С. 99.

² 禽鹿經 кит. *цзинь-лү цзін*; где 禽鹿 кит. *цзинь-лү* – *вм.* 禽獸 кит. *цзиньшюу* – 1) птицы и звери; животные... 2) зверь; звериный... – БКРС. Т. III. С. 334.

³ 自活 кит. *цзы-хó* – содержать себя, поддерживать своё существование собственными средствами, обеспечивать самого себя. – БКРС. Т. II. С. 631.

⁴ 「...度^レ一海千餘里、至^レ對馬國、<...>所居^レ絕島、方可^レ四百餘里。土地山險、多深林、道路如^レ禽鹿經。有^レ千餘戶。無^レ良田、食^レ海物、自活。乘^レ船南北布糶...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁵ Майнити-симбун 毎日新聞. – 28.10.2000.

⁶ 一大國 кит. Ида-*гó*, *яп.* Итидай-*но куни* – досл. “одно большое владение” (см.: Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.); второй вариант написания названия владения: 一支國 кит. Ичжи-*гó*, *яп.* Итидзи-*но куни* (Итики-*но куни* – букв. “одной боковой [группы людей; ветви [рода ?] владение”) – фонетическая запись японского топонима Ики. – Бэй-ши 北史 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-ной дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. IV. – С. 2562; Вэй-люэ ицубун (2) 魏略 逸文

ввв. «На севере» – в Южной Корее, «на юге» – на острове Кюсю.

ггг. По переправе через море на 1000 “коротких” *ли* достигали владения Молу-*гô* (яп. Мацуро-но *кунь*⁸, св. 4 тыс. дворов), где люди «живут рядом с горами и морем»⁹, т.е. на побережье северо-западного Кюсю – в **Мацүра** (п-ов Мацура, бухта Мацуура, уезд Мацура старой провинции Хидзэн, в районе залива Карацу современной префектуры Сага в северном Кюсю).¹⁰ **ддд.** На юго-восток, если идти по суше (т.е. здесь же – на северо-западном Кюсю) через 500 “коротких” *ли* находится Иду-*гô*¹¹ (свыше 1 тыс. дворов) – **Ито** (др.-яп. Вито-но *кунь*, кит. Вэй-ту-*гô*¹²; археологические объекты в Маэбара, Микумо, около горы Каминари-*яма* уезда Ито пров. Тикудзэн в южной части полуострова Ито-*дзима* преф. Сага в северном Кюсю).¹³

еее. В связи с тем, что различные функции управления концентрировались в руках правителя, ему одному выполнять все функции было сложно.

---

(2) // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/giryaku/itsubunn01/giryaku_itsubunn02.htm (дата обращения: 28.05.2018); см.: *Катаяма М.* “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хôкô-ритэй-ра-но кôсацу. С. 2; *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цүйтэ. С. 59; *Хасумото М.* Тôё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 12; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 58; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 188. ⁷ *Мураяма К.* Указ. соч. С. 85; *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. III. С. 168; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 19; Нихон дзэнси. Т. I. С. 297; *Катаяма М.* Указ. соч. С. 2; *Танада Ё.* Сйемаи-*го* (яп. Ямави-*коку*) то кинрин-но кунь-гуни-но хитэй. С. 115; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 76; *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже н.э. С. 164; *Wedemeyer A.* Op. cit. S. 189; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 112.

⁸ 末盧國 кит. Мòлú-*гô*, яп. Мацуро-но *кунь* – досл. “владение дальше Лу”. См.: Саныго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁹ См.: *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 244.

¹⁰ *Мураяма К.* Указ. соч. С. 83, 85; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 19, 44, 104; *Маки К.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 95; Нихон дзэнси. Т. I. С. 297, 307; *Катаяма М.* Указ. соч. С. 2, 5; *Танада Ё.* Указ. соч. С. 115; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 76; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20; *Мори К.* Нихон синси. С. 172; *Wedemeyer A.* Op. cit. S. 189.

¹¹ 伊都國 кит. Иду-*го*. – См.: Саныго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

¹² 委土 (伊都) кит. Вэй-ту (И-ду), др.-яп. Ви-то (И-то). – *Сигэмацу А.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 104.

¹³ *Мори К.* Нихон синси. С. 109, 172; *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. III. С. 218; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 17, 19, 46, 44, 47, 104; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20, 22; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 85; *Ямао Ю.* Нихон кодай ôкэн-кэйсэй сирон. С. 29; *Катаяма М.* “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хôкô-ритэй-ра-но кôсацу. С. 28, 10; Нихон дзэнси. Т. I. С. 297, 307; *Танада Ё.* Сйемаи-*го* (яп. Ямави-*коку*) то кинрин-но кунь-гуни-но хитэй. С. 116; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 76; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 3.

Поэтому *монарху* требовались помощники. Как следствие, *монарх* начинает создавать особый штат из подчинённых ему лиц для выполнения функций управления (которых становилось всё больше). Эти помощники (обозначенные в китайских династийных историях общим термином *гуань* «чиновники, служилые люди»¹, а также специальными терминами *дагуань* «большие чиновники»² и их *фу* «помощники»³) подчинялись только своему начальнику, взявшему их к себе на службу. Правитель назначал и смещал своих подчинённых. Таким образом, появляется новый аппарат управления, формирование которого основывалось не на выборной, а на назначаемой основе (т.е. административной основе). В результате, параллельно с органами управления *общины–государства* появляется *административный* аппарат управления.

Таким образом, появление органов *государственного управления* в общине и возникновение *административного аппарата управления* (с момента возникновения полностью оторванного от народа) говорило о наличии **первого признака государства** – публичной власти, отделённой от самого народа, т.к. *рядовые общинники* не занимали должности ни в общине (эти должности были в руках *общинной знати*), ни в административном аппарате управления (где на должности назначались знатные люди) – *рядовые общинники* работали на своих полях (занимались производительным трудом).

Можно предполагать, что упоминаемые в китайских династийных историях должностные лица были чиновниками достаточно высокого ранга. О функциях высших должностных лиц в гражданских общинах древней Японии III века в источнике ничего не говорится. Палеолингвистический анализ показывает, что эти слова в качестве географических названий и местных имён встречаются в «фудоки», «Кодзики» и «Нихон-сёки».⁴ Практически все исследователи читают названия должностей чисто фонетически, пытаясь найти какие-нибудь соответствия в японском языке.⁵ Отчасти

---

¹ 官 кит. *гуань* – *суц.* 1) чиновник, официальное лицо; офицер; служащий; ... чин... (БКРС. Т. II. С. 542-543). См.: Саньго-чжи, 1971. С. 854; *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 243-244.

² 大官 кит. *дагуань* – крупный чиновник; высокопоставленный чин (БКРС. Т. III. С. 620). См.: Саньго-чжи, 1959, 1964, 1971. С. 854; *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 243.

³ 副 кит. *фу* – *суц.* 1) заместитель, помощник начальника; второй по значимости, приданный в помощь... (БКРС. Т. II. С. 1001). См.: Саньго-чжи, 1971. С. 854; *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 243-244.

⁴ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96; *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккб. С. 134-135; Нихон дзэнси. Т. I. С. 300.

⁵ См.: *Сакамото Т.* Указ. соч. С. 134-135; Нихон дзэнси. Т. I. С. 300; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96.

это удаётся, отчасти нет. И проблема заключается в том, что некоторые термины звучат по-китайски и по-японски похоже (кит. *бй-гёу*, яп. *би-ко*), некоторые звучат абсолютно по-разному¹ (например: чиновник в Иду-го – кит. *эр-чжй*, яп. *ники*), а часть должностных званий переводят по значениям иероглифов (*вэн*, *й-дэ-шуй*, *дэ-вё*). Но даже если и признать, что все термины записаны фонетически, то и здесь нужно учитывать, что при записи могли использоваться не случайные знаки, а могла иметь место попытка через иероглифы передать значение слова или функции должности, так как для китайцев иероглифический знак не просто запись звуков, но и определённый символ, имеющий смысловую нагрузку. Кроме того, часто упускают ещё один момент: произношение иероглифов в период Хань и Вэй не совпадает с современными чтениями.² То же самое можно сказать и о древнеяпонском языке. Это обстоятельство безразлично при переводе значений, но очень важно при фонетической реконструкции.

Если попытаться перевести должностные звания через значения их иероглифов, то получится следующая картина. В Иду-го (Ито-но *куни*) имелось три правительственных чиновника: старший – *эр-чжй*; его помощники – *й-мó-гү* (или: *сё-мó-гү*) и *бйн-цйой-гү* (по-японски соответственно: *ники* / *дзиси*; *симако* / *сэцу-ма-ко* и *хэй-кё-ко*)³. Ни в одном владении, кроме Ематай (четыре чиновника), такого количества должностных лиц не называется⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Иду]. К тому же, судя по тому, что здесь употреблены местные названия, на должности назначались представители местной знати. Этим подчёркивается большое значение Иду-го в системе Нюй-ван-го и достаточно самостоятельное его существование.

Никто из исследователей не пытался определить функции чиновников Иду-го, указываются лишь их параллели (в японском произношении) в «фу-доки» и «Нихон-сёки».⁵ Так как их фонетическое звучание по-японски и по-китайски сильно расходится, то можно сделать предположение, что это не фонетическая запись, а попытка передать значения названий; тогда получится: *эр-чжй* – «ваша опора»⁶; *й-мó-гү* (*сё-мó-гү*) – «объявляющий (во

¹ Японское чтение терминов по кн.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 96.

² См.: Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. – М.: Наука, 1989. – 298 с.; особенно: С. 676-724.

³ 「官曰^レ爾支、副曰^レ泄謨觚、柄渠觚。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; см.: Сэжи Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81; *Танака Кацудзё* 田中 勝藏. Дзингү-дэнсё-кёряку 神功伝承考略 // Токусима-дайгаку гакугэй киё 徳島大学学芸紀要. – 1967. – Т. 16. – С. 6.

⁴ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 244.

⁵ *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккб. С. 135.

⁶ 爾支 кит. *эр-чжй*; где 爾 кит. *эр* – местом. 1) ...ваш... (БКРС. Т. III. С. 321); 支 кит. *чжй* – гл. 1) поддерживать, держать, подпирать... *суц*... подпорка (Там же. С. 1016).

всеуслышание) предначертания [чиновник с] дощечкой для письма»¹; *бий-цюй-гү* – «державший в своих руках (щит) большой [чиновник с] дощечкой для письма».² Интерпретация полученных переводов достаточно сложна. Можно предполагать, что *эр-чжи* был главой аппарата управления в Иду-го и вторым лицом после *вана* Иду-го (отсюда название «ваша опора», т.е. опора *вана*); *й-мб-гү* (*сё-мб-гү*) мог возглавлять нечто вроде канцелярии *вана* Иду-го, а *бий-цюй-гү* – выполнять какие-нибудь охраняющие функции. Два последних чина рассматриваются как чины восточных варваров.³ В них обоих присутствует иероглиф «гү» (а также в названии чина «сы-мй-гү» в Ну-го), который может быть истолкован как знак, обозначающий чиновника по одному из его атрибутов (кит. гү – «[гранёной] дощечке для письма»). Примечательно, что до сих пор синтоистские священнослужители (*каннуси*), облачённые в официальные одеяния, в руках держат расширяющуюся к концу небольшую дощечку, служившую в старые времена **символом власти и государственной службы** её обладателя.⁴

Так как должности в *общинах–государствах* занимали по происхождению – по знатности, то **политический режим** древнеяпонских *общин–государств* можно охарактеризовать как **аристократический**. Это связано с тем, что исторически, ещё в конце первобытного общества, слой *общинной знати* формировался как слой людей, занимающихся управлением (причём на наследственном принципе). Поэтому, когда появились первые государства, *знать* продолжала замещать должности и исполнять функции управления.

жжж. В «Вэй-чжи» сказано: «Из поколения в поколение (кит. *шй*)⁵ имеют *ванов*»⁶ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 24а, 9]. Эта фраза помещена в разделе об Иду-го. Но эта фраза мало подходит к одному Иду-го, хотя и помещена в отрывке об этом владении. В «Вэй-люэ» эта фраза звучит иначе:

¹ 泄謨觚 кит. *сё(й)-мб-гү*; где 泄 кит. *сё*, 謨 – здесь: *гл.* Б. ...4)... объявлять во всеуслышание... (БКРС. Т. II. С. 322); 觚 кит. *мб* – *суц.* план(ы), намерение, предначертания... (БКРС. Т. III. С. 634); 觚 кит. *гү* – здесь: б)* дощечка (гранёная) для письма. (Там же. С. 616).

² 柄渠觚 кит. *бий-цюй-гү*; где 柄 кит. *бий* – *суц.*... 5) кормило [власти]; власть... *гл.* *вм.* *управлять; держать в своих руках*. – BKPC. Т. III. С. 323; 渠 кит. *цюй* – *суц.* ...

2)* щит... *вм.* 鉅 (*большой, огромный*) BKPC. Т. III. С. 705; 觚 кит. *гү* (см. выше).

³ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 243, прим. 24.

⁴ Накорчевский А.А. Синто. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – С. 250-251.

⁵ 世 кит. *шй* – 1) поколение, род; поколения (*прошлые, настоящие, будущие*); поколениями; из поколения в поколение... – BKPC. Т. II. С. 329.

⁶ 「世有^レ王。」 – Саныго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

«Все правители этих стран подвластны [стране] правительнице»¹ (Нюй-ван-го) – и относятся только к Цусима, Ики и Мацуру.² В «Вэй-чжи» есть похожая фраза: «...Имеют ванов. Все [владения] находятся в подчинении (кит. *тўнишў*’ – досл. “объединены и подвластны”³) Нюй-ван-го (яп. *Дзё-коку* – букв. “Стране государя–женщины”⁴)»⁵ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 24а, 9]. Слово “все” (кит. *цзэ*) указывает на множественность правителей. Поэтому эта фраза может быть отнесена к Цусима, Ики, Мацуру, Ито и даже Куя (владение в Южной Корее, которое в «Вэй-чжи» названо «находящимся на северном побережье Японии»). Таким образом, в северо-западном Кюсю были расположены общины, имевшие наследственных правителей (ванов): Дуйма-го (о-ва Цусима), Ида-го (о-в Ики), Моцу-го (яп. Мацура) и Иду-го (Ито). Подтверждает существование должности правителя (кит. *ван*) в Иду-го другая фраза «Вэй-чжи»: «В этом владении имеется похожий на “цўшиш” (начальника округа)⁶ правитель (кит. *ван*), [который] посылает послов посетить столицу [Вэй] и область Дайфан»⁷ в Корее [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 5-6].

333. Владение **Ито** (кит. Иду-го) выступало как транзитный пункт при внешнеполитических связях, т.к. *ван* Иду-го выступал в качестве посредника при осуществлении дипломатической деятельности: «Послы (кит. *ши*) из округа [Дайфан и округа Лолан (?)] уходя и приходя (кит. *ванлай*)»⁸ [в Япо-

¹ Цит. по: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 93; 「其國王、皆屬^レ女王國。」魏略逸文(翰苑、唐、雍公劄注)。 – Ги-ряку (кит. Вэй-люэ) то Ги-си вадзин-дэн (кит. Вэй-чжи вожэнь-цзюань) 魏略逸文と魏志倭人伝 // URL: <http://www.eonet.ne.jp/~temb/16/giyaku/giyaku.htm> (дата обращения: 28.05.2021).

² Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 93.

³ 統屬 кит. *тўнишў*’ – подчиненный, находится в подчинении. – См.: БКРС. Т. IV. С. 494.

⁴ 女王國 кит. *Нюй-ван-го*, яп. *Дзё-коку* – букв. “Страна государя (кит. *ван*)–женщины” (王 кит. *ван* – правитель, государь), так как «государыня», по понятиям китайцев, есть супруга государя, а не царствующее лицо. – Бичурин Н.Я. Собрание сведений... Т. II. С. 94.

⁵ 「皆統屬^レ女王國。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; ср.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 244.

⁶ 刺史 кит. *цўшиш* – ревизор (по округам, дин. Хань); начальник округа (до дин. Цин). – БКРС. Т. II. С. 1021.

⁷ 「...伊都國。於國中 有如^レ刺史、王遣^レ使詣^レ京都、帶方郡。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; ср.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 247. См.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 112; Мацумото С. Сэйтё-цўси. Т. III. С. 218; Саэки Ю. Кодай коцца-но кэйсэй. С. 81; Маэдзава Т. Яёй-функюбо то кофун-но сёсюцу. С. 65.

⁸ 往來 кит. *ванлай* – 1) уходить и приходить; туда и обратно; оба конца, входящий и исходящий... кит. *ванлай*’ – сношения, связь... – БКРС. Т. II. С. 172.

нию], постоянно [в этом] (определённом) месте¹ останавливаются (кит. *чжү* – временно пребывают, проживают²)».³ Некоторые учёные понимают эту фразу как указание на то, что все посольства династии Вэй не ездили дальше Ито.⁴ Хасимото Масукити же считал, что китайские послы заезжали в Ито по пути в Яматай и обратно. По мнению исследователя, владение Ито (локализуемое у Хаката в преф. Фукуока) могло служить перевалочным пунктом на пути в Яматай из Дайфана лишь в том случае, если Яматай (кит. Ематай-го) находилось на Кюсю.⁵ В связи с этим, по версии определения местоположения владений *вожэнь* на Кюсю, выдвинутой Эноки Кадзуо, расстояния до владений, указанных в «Вэй-чжи» (Ито, На, Фуми, Тома / Цума, Яматай), следует отсчитывать не друг за другом (от одного владения к другому), а от И т о⁶, как от точки пребывания здесь китайских послов, получавших сведения о направлениях и расстояниях от японских информаторов.

Исследователи считают, что особое положение *вана* Иду-го было также связано с тем, что здесь ранее (в первой половине II века) существовал центр объединения Во-мяньту-го (на что может указывать и иероглифическое написание топонима данного владения⁷), которое в 107 году направило посольство к императору Восточной Хань.⁸ В связи с этим, для надзора за властями Иду-го и других владений северо-западного Кюсю здесь был установлен особый наместник (кит. *й-дà-шуйй*, яп. *ити-дай-соцу*) – см. далее комментарий «xxxx».

ини. Ну-го (в местности На в северо-западном Кюсю⁹) – самое большое

---

¹ 常所 кит. *чансэ* – определенное место, установленное место. – См.: БКРС. Т. III. С. 294.

² 駐 кит. *чжү* – гл. А. 1) останавливаться, вставать [в...]; стоять [в...]; 2) временно пребывать, проживать; быть расквартированным (о войсках); быть аккредитованным... – БКРС. Т. II. С. 172.

³ 「郡使 往來 常所駐。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545. У Н.В. Кюнера эта фраза пропущена. – См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 244.

⁴ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 76.

⁵ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 76; Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 3.

⁶ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 76, 77.

⁷ 伊都國 кит. Иду-го – досл. “Той (другой) столицы (резиденции правителя) владение”; где 伊 кит. *и* – этот, тот; (начальная частица) только, лишь; гл. останавливать, задерживать; служ. слово иметься [в наличии], быть (связка) (БКРС. Т. III. С. 385); 都 кит. *дү* – 1) [крупный] город (резиденция правителя); столица... 4) ист. крупное селение (в первый период оседлости) (БКРС. Т. II. С. 778).

⁸ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 113.

⁹ См.: Мацумото С. Сэйтё-цүси. Т. III. С. 218; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 64-65, 85; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 17, 19, 44, 46, 47, 104; Ма-

владение на побережье северо-западного Кюсю – более 20 тыс. дворов.¹ Больше было только в Тоума-го (в местности Сацума в юго-западном Кюсю)² – более 50 тыс. дворов³ и в столичном владении Ематай-го (в местности Ямато в северном Кюсю⁴) – более 70 тыс. дворов.⁵

ккк. “Коротких” *ли*. См. комментарий «тт».

ллл. В общине Ну-го старший чиновник имел местное название: *сы-мь-гү*⁶, но его помощник назывался «обороняющий область» (кит. *би-ну-мү-ли*, яп. *хинубори*)⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Ну-го]. *Сы-мь-гү* считается чином восточных варваров.⁸ Первые два иероглифа иногда трактуют как «главноуправляющий военной частью»⁹, «воевода, начальник вой-

---

ки К. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзэкэн. С. 95; *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 8; *Мори К.* Нихон синси. С. 98, 99, 101, 109, 172; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20; *Катаяма М.* “Ва-дзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но косацу. С. 5, 8; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 76, 84; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 31; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 12; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 190-191; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 77; *Yoshido H.* China and Japan: ancient cultural relations. P. 6; *Kidder J.* Japan before Buddhism. – New York: Frederick A. Praeger, 1959. – P. 92; Japan: its land... P. 18.

¹ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 244; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854.

² См.: *Уэмура С.* Указ. соч. С. 27; *Wedemeyer A.* Op. cit. S. 194; *Young J.* Op. cit. P. 98; Нихон дзэнси. Т. I. С. 299; *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже н.э.. С. 164.

³ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 244; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854.

⁴ См.: *Young J.* Op. cit. P. 111; см.: *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 1, 7; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 77; *Уэмура С.* Указ. соч. С. 21, 19, 20, 21, 25; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 3, 5, 9, 44; *Катаяма М.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но кōсацу. С. 8, 10, 60; *Саю Я.* Нихон-но акэбоно. С. 19, 20, 102, 105; *Маки К.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзэкэн. С. 81, 82, 86, 91; *Маки К.* Кюсю-но сэйди-тири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэй-чжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки”-то-но рэндзоку мондай. С. 143; *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 2, 6, 8; *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 162; Нихон дзэнси. Т. I. С. 298, 307; *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 146; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 76, 81, 85, 8; *Мори К.* Нихон синси. С. 171; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 132; *Кудзира К.* Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 139.

⁵ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 244; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854; см.: *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 84.

⁶ 兕馬觚 кит. *сы-мь-гү*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁷ См.: *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 244.

⁸ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 243, прим. 24, 25.

⁹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. III. – С. 288.

скового приказа)¹ – термин, который встречается ещё в «Ши-цзи».² Но в термине «*сы-мь-гэ*» иероглиф «*сы*» имеет иное начертание, нежели в слове «воевода».³ Кроме того, здесь присутствует знак «*гэ*», который может указывать на должность чиновника (то есть назначаемого лица). Тем не менее, и в случае дословного перевода знак «*мь*» переводится как «начальник военного отряда».⁴ Есть вариант написания данной должности – *сянь-мь-гэ*, где *сянь-мь* – “начальник авангарда”, а также “конный вестник (*открывающий кортеж высокой особы*)”.⁵ Таким образом, «*сы-мь-гэ*» можно перевести как «начальник военного отряда “*сы*” (яп. *си*): [войскового] авангарда (конных вестников) – [чиновник] с дощечкой для письма».

МММ. См. комментарий «ню».

ННН. “Коротких” *ли*. См. комментарий «тт».

ООО. Буми-го небольшая община (более 1000 семей), как полагают исследователи, находилось в местности Уми в северо-западном Кюсю.⁶

ППП. В общине Буми-го (др.-яп. Пуми, яп. Фуми / Уми) старший чиновник имел местное название *дб-мб*⁷, но его помощник назывался «обороняющий область» (кит. *би-ну-мь-ли*, яп. *хинубори*) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Ну-го, Буми-го]. «*Дб-мб*» (яп. *та-мо*) переводится как «образец (достойный подражания), которым восхищаются (многие)», «многообразцовый», «тот кому многие подражают»⁸, что ничего не даёт для характеристики его функций.

¹ 司馬 кит. *сы-мь* – ...2) воевода, начальник войскового приказа. – БКРС. Т. III. С. 104.

² *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). – М.: Наука, 1972. – Т. I. – С. 424; М.: Вост. лит., 1975. – Т. II. – С. 563; М.: Вост. лит., 1984. – Т. III. – С. 660.

³ 兕 кит. *сы* – *суц*. * однорогий буйвол: носорог (*самка*). – БКРС. Т. IV. С. 485; см.: *Сэки Ю*. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81.

⁴ 馬 кит. *мь* – ...7) * начальник военного отряда. – БКРС. Т. III. С. 528.

⁵ В списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань» эта должность записана как 先馬觚 кит. *сянь-мь-гэ* (Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б; цит. по: *Мицuki Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуй-тэ. С. 63); где 先 кит. *сянь* – *суц*. ...4) авангард (*войска*). – БКРС. Т. IV. С. 431; 先馬 кит. *сянь-мь* – 1) а в а н г а р д; г о н е ц а в а н г а р д а; к о н н ы й в е с т н и к (*открывающий кортеж высокой особы*)... – БКРС. Т. IV. С. 433.

⁶ См.: *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 28; *Мори К.* Нихон синси. С. 172; *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. III. С. 218; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 85; *Маки К.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэй-кай-но дзёкэн. С. 95; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 75; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 190; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 77, 105; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 1.

⁷ 多模 кит. *дб-мб*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁸ 多模 кит. *дб-мб*; где 多模 кит. *дб* – 1) много... гл. 3) восхищаться (*чем-л*)... уважать... (БКРС. Т. III. С. 389); 模 кит. *мб, мь* – *суц*. ... 2) образец... образцовый, достой-

ррр. См. комментарий «юю».

ссс. Владение Тоума-го (яп. Тōма / Цума-но куни)¹ – очень крупное (св. 50 тыс. дворов)² отдалённое владение («водою ехать 20 дней»)³. По гипотезе Эноки Кадзуо, путь в «20 дней по морю»⁴ следует вести от Ито⁵ (места пребывания китайских послов). Есть десяток вариантов её локализации. Наиболее вероятной и аргументированной является гипотеза, располагавшая данное владение в провинции С а ц у м а⁶ (в юго-западном Кюсю; в совр. преф. Кагосима⁷). Здесь, на полуострове Сацума, в местности Ата жили *хаято*.⁸ В северной части уезда Сацума в нижнем течении самой большой реки провинции – реки Сэндай расположена равнина Сэндай. Эта местность, как показывают археологические исследования, с древности была заселена людьми и являлась основной территорией проживания населения. В устье реки около острова Фунама-сима с древности была стоянка кораблей.⁹ Сюда, к устью реки Сэндай удобно было плыть на кораблях из портов северо-западного Кюсю. По китайским источникам, путь до Тоума-го занимал двадцать дней – как раз столько, чтобы попасть в Сацума.¹⁰ При-

---

ный подражания.. *гл.* ... подражать... (Там же. С. 635).

¹ См.: *Танада Ё.* Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 116.

² Второе по численности владение после Ематай-го (яп. Яматай-куни), в котором было более 70 тыс. дворов. – *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 244; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854.

³ См.: *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 244.

⁴ При средней скорости плавания 42 *ли* в день (*Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 78) – за 20 дней могли проплыть 840 *ли*.

⁵ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 76, 77.

⁶ Сторонники данной гипотезы исходили из того, что, во-первых, в период династии Вэй (в III в.) первый иероглиф названия Тоума – 投馬 тоума – 投 читался как «*тоу*» или «*тү*» (др.-яп. *ту, тү*) (*Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 30). Во-вторых, учёные предполагали, что топоним 投馬 кит. *Тоума* (яп. *Тōма / Цума*) в китайских источниках есть ошибочная запись близкого по начертанию топонима 設馬 яп. *Сэцума* (др.-яп. *Сэт-ма*, кит. *Шэ-ма* или др.-яп. *Сат-ма*, кит. *Ша-ма*) – же самое, что «Сацума». – *Уэмура С.* Указ. соч. С. 28, 30; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 98; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 194; *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры. С. 164; *Нихон дзэнси.* Т. I. С. 299.

⁷ См.: *Уэмура С.* Указ. соч. С. 27; *Wedemeyer A.* Op. cit. S. 194; *Young J.* Op. cit. P. 98; *Нихон дзэнси.* Т. I. С. 299; *Арутюнов С.А.* Указ. соч. С. 164.

⁸ По японским источникам, эти *хаято* были связаны с предками династии Ямато (Ата-цу химэ [досл. “знатная женщина из Ата”] стала женой Ниниги [по одной версии: Ама-но Кисэ-но *микото*] – прадеда государя Дзимму). – См.: *Кодзики: Записи о деяниях древности.* Т. I. С. 88-89; *Нихон-сёки: Анналы Японии.* Т. I. С. 158-159, 160-161, 162-163.

⁹ *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 29.

¹⁰ Там же; *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры. С. 171.

чём, С.А. Арутюнов указывает, что, судя по находкам бронзового оружия в префектуре Кагосима, здесь была колония народа *во*, или *вожэнь* (яп. *ва*, *вадзин*) – скорее всего, Тёма (Сацума), зависящая от Яматай в III веке.¹

ттг. В общине Тоума-го, как одной из самых удалённых, существовал отличный от других общин чиновничий аппарат: старший чиновник (кит. *мимí*) и его помощник (кит. *мимí-на́ли*)² носили местные титулы; эти названия в качестве имён³ и названий местностей встречаются в «Нихон-сёки» и «фудоки».⁴ Буквальный перевод «*мимí*» – «полным-полно», «многоводный»⁵, что можно интерпретировать как «[тот, у кого всего] полным-полно»; эти два иероглифа повторяются в названии второго чиновника, таким образом, знаки «*на́ли*» означали помощника, заместителя «*мимí*», хотя иероглифы «*на́ли*» могут иметь и самостоятельный перевод.

ууу. Крупнейшее владение (св. 70 тыс. дворов)⁶ Ематай-го (яп. Яматай-но кунни).⁷ Столичный район федерации гражданских общин Нью-ван-го.⁸ Существует большое количество мнений по поводу локализации данного владения. Ныне местоположение Ематай определяется следующим образом: уезд Ямато пров. Тикуго (преф. Фукуока) с расширением территории Ематай в сторону равнины в долине реки Тикуго⁹ в нижнем течении, в 6 км на юг от города Сэтака, около границы бывших провинций Тикуго и Хиго, на побережье (совр. уезд Ямэ преф. Фукуока, около северной границы преф. Кумамото).¹⁰

¹ Арутюнов С.А. Указ. соч. С. 171.

² 「官曰彌彌、副曰彌彌那利。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

³ Следует обратить внимание, что дети государя Дзимму от Ахира-химэ (др.-яп. Апира-пимэ), младшей дочери владельца Вобаси в Ата (местность на полуострове Сацума в преф. Кагосима в южном Кюсю. – Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсё” 日本古典文学全集). – Токио 東京: Сёгаккан: 小学館, 2001. – С. 157, прим. 10) – имели в имени бином «*мими*» (Тагиси-*мими*, Кису-*мими*). – См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 42; Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 177.

⁴ Сакамото Т. “Вэйчжи-вожэнь-цзюань”-дзаккё. С. 134.

⁵ 彌彌 кит. *мимí*, яп. *мими* – ...многоводный, полным полно. – БКРС. Т. III. С. 322.

⁶ См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 244.

⁷ В одном из списков «Вэй-чжи» название Яматай записано как 邪馬壹 кит. *Сйемаи* (яп. *Ямави*). – См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 289, прим. 5; Пасков С.С. Япония в раннее средневековье. – М.: Наука, 1987. – С. 25, 163, прим. 2; Танада Ё. Сйемаи-го (яп. *Ямави-коку*) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 114.

⁸ 「南至彌馬壹國、女王之所都...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

⁹ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 77.

¹⁰ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 3, 5, 9, 44; Катаяма М. “Тиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-нака-но хёкё-ритэй-ра-но кёсацу. С. 8, 10, 60; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 19, 20, 21, 25; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 19, 20, 102, 105; Маки К. “Вэйчжи-вожэнь-цзюань”-сэйкай-но дзёкэн. С. 81, 82, 86,

ффф. Исходя из гипотезы Эноки Кадзуо, «10 дней морем» – это путь из Ито в Яматай.¹ Если следовать локализации Ематай-го в уезде Ямато пров. Тикуго, то это тут в 10 дней (при средней скорости плавания 42 *ли* в день² – 420 *ли*) – маршрут вдоль западного побережья острова Кюсю (преф. Сага и Нагасаки) в море Ариаке, к устью реки Тикуго на острове Кюсю.

xxx. Если из Тоума-го (Тōма / Цума-куни) **по суше** можно дойти до Ематай-го (яп. Яматай-но куни), то это означает, что оба этих владения находились **на одном острове** (если Тоума-го – это Сацума в южном Кюсю, то Ематай-го тоже находится **на острове Кюсю**).

ццц. Наиболее разветвленный аппарат управления был в общине Ематай, где находилась резиденция государя-женщины. Здесь было четыре, вероятно, высших должностных лица. В порядке убывающего старшинства это: *й-чжй-мй* (яп. *и-си-ма*), *ми-мй-шэн* (яп. *ми-ма-ну*), *ми-мй-хд-чжй* (яп. *ми-ма-ка-си*), *ну-цзя-ти* (яп. *ну-ка-тэ[й]*)³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Йематай]. Об их функциях в источнике ничего не говорится. Палеолингвистический анализ показывает, что эти слова в качестве географических названий и местных имён встречаются в «фудоки», «Кодзики» и «Нихон-сёки».⁴ Практически все исследователи читают названия должностей чисто фонетически, пытаясь найти какие-нибудь соответствия в японском языке.⁵

Если попытаться перевести должностные звания через значения их иероглифов, то получится следующая картина: *й-чжй-мй* – «начальник во-

---

91; *Маки К.* Кюсю-но сэйдзи-гири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки”-то-но рэндзоку мондай. С. 143; *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 2, 6, 8; *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкё-но гэндзё. С. 162; Нихон дзэнси. Т. I. С. 298, 307; *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккё. С. 146; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 76, 81, 85, 8; *Мори К.* Нихон синси. С. 171; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 132; *Кудзира К.* Нихон-коку-тандзё-но надзо. С. 139.

¹ См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 77.

² См.: *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 78.

³ Японское прочтение терминов по кн.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96; 伊支馬 кит. *й-чжй-мй*; 彌馬升 кит. *ми-мй-шэн*; 彌馬獲支 кит. *ми-мй-хд-чжй*; 奴佳鞮 кит. *ну-цзя-ти*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; см.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 300. В «Нань-ши» указано три должности (без *ми-ма-шэн*), а последняя должность записана как 奴往鞮 кит. *ну-вй-ти* (яп. *ну-ō-тэ[й]*): 「其官有^レ伊支馬、次曰^レ彌馬獲支、次曰^レ奴往鞮。」 – Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1673.

⁴ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96; *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккё. С. 134-135; Нихон дзэнси. Т. I. С. 300.

⁵ См.: *Сакамото Т.* Указ. соч. С. 134-135; Нихон дзэнси. Т. I. С. 300; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 96.

енного отряда задержки (преграждения пути)¹; *мі-мй-шэ́н* – «восполняющий лошадей [за счёт] поставок и сборов»²; *ми-мй-хò-чжи* – «восполняющий лошадей [за счёт] захваченной (собранной) части (имущества) / трофеев»³; *нү-цзя́-ті* – «наилучший переводчик (толмач) (для языков западных инородцев)–рабов»⁴ (есть вариант записи: *нү-в́ан-ті* – «походный переводчик (толмач) (для языков западных инородцев)–рабов»⁵). То есть *й-чжй-мй* мог выполнять функции начальника гвардий (дворцовой стражи), о которой сообщается в «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Бимиху]; *мі-мй-шэ́н* занимался комплектацией войска лошадьми и (возможно) другим снаряжением; *мі-мй-хò-чжй* – занимался имуществом, захваченным в качестве трофеев и, может быть, дани с зависимых территорий; *нү-цзя́-ті* – как видно из последнего иероглифа, был переводчиком (или главой переводчиков) с языков западных инородцев (корейцев?), которые могли быть и в составе пленных (*шэ́н-кòу*) и рабов (*нү*), а также главой переводчиков для военных и дипломатических миссий. В общем, видимо, это были крупные чиновники.

¹ 伊支馬 кит. *й-чжй-мй*; где 伊 кит. *й* – гл. * останавливать, задерживать, преграждать путь (БКРС. Т. III. С. 385); 支 кит. *чжй* – гл. 1) поддерживать, держать, подпирать; *суц.* ... 7) *счётное слово*: ... б) для воинских частей и групп (БКРС. Т. III. С. 1016); 馬 кит. *мй* – 1) лошадь; конь... 7) начальник военного отряда (*с дин. Шан*). – БКРС. Т. III. С. 527, 528.

² 彌馬升 кит. *мі-мй-шэ́н*; где 彌 кит. *мі* – 1) наполнять, восполнять... – БКРС. Т. III. С. 322; 馬 кит. *мй* (*см. выше*); 升 кит. *шэ́н* – гл. ... 1) преподнести... 2) поставлять (БКРС. Т. III. С. 979). В списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань» название второго должностного лица в Ематай-го – *мі-мй-шэ́н* записано несколько иначе: 彌馬叔 кит. *мі-мй-шү* (Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б; Мицуки Т. «Тайхэй-гё-ран» (кит. Тайпин-юй-лань)-сэин «Гиси-вакоку-дэн» (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйгэ. С. 63); где 叔 кит. *шү* – *суц.* 1) дядя (*мл. брат отца*); 2) деверь (*мл. брат мужа*); третий из 4-х братьев (伯仲叔季); 4) младший... гл. с о б и р а т ь... (БКРС. Т. III. С. 974), что можно перевести как «*мі-мй* – младший», «млад- ший «восполняющий лошадей»», или как «восполняющий лошадей [за счёт] сборов».

³ 彌馬獲支 кит. *мі-мй-хò-чжй*; где 彌馬 кит. *мі-мй* (*см. выше*); 獲 кит. *хò* – гл. 1) получать, приобретать; 2) собирать (*урожай*)... 3) ловить, хватать; арестовывать; д о б ы в а т ь (*на охоте, в бою*)... *суц.* 1) д о б ы ч а, т р о ф е й; 2)* рабыня. – Там же. С. 1001; 支 кит. *чжй* – здесь: ... 7) *счётное слово*:... 2) часть (*имущества*), статья расхода. – Там же. С. 1016.

⁴ 奴佳鞮 кит. *нү-цзя́-ті*; где 奴 кит. *нү* – раб; 佳 кит. *цзя́* – *прил.* 1) прекрасный... наилучший (БКРС. Т. II. С. 107); 鞮 кит. *дй, ті* – *суц.* ... 2) переводчик (толмач) для языков западных инородцев (*с дин. Чжоу*). – БКРС. Т. III. С. 947.

⁵ В варианте 奴往鞮 кит. *нү-в́ан-ті*; 往 кит. *в́ан* – гл. 1) уходить, уезжать... *суц.* 1) * пройденное расстояние; маршрут, переход. – БКРС. Т. II. С. 171.

ччч. Далее в «Вэй-чжи» перечисляются «остальные соседние» 20 *общин-государств*¹ (т.е. на острове Кюсю): община Сыма-го (яп. Сима-но *куни*), за-тем Ибочжи-го (яп. Иппоки-но *куни*), Исийе-го (яп. Ия-но *куни*), Дучжи-го (яп. Гусси-но *куни*), Мину-го (яп. Мину-но *куни*), Нугудо-го (яп. Како-то-но *куни*), Буху-го (яп. Фуку-но *куни*), Цзуну-го (яп. Сяну-но *куни*), Дуйсу-го (яп. Туйсо-но *куни*), Суну-го (яп. Сону-но *куни*), Ху-и-го (яп. Кою-но *куни*), Хуану-суну-го (яп. Кэ-ну-сону-но *куни*), Гуй-го (яп. Ки-но *куни*), Вэй-у-го (яп. Ви-го-но *куни*), Гуйну-го (яп. Кину-но *куни*), Сйема-го (яп. Яма-но *куни*), Цюнчэнь-го (яп. Кюдзин-но *куни*), Бали-го (яп. Хари-но *куни*), Чживэй-го (яп. Киви-но *куни*), Уну-го (яп. Уну-но *куни*)² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 24 б – 25 а]. Данные двадцать общин локализируются исследователями в Северном Кюсю³ в префектурах Фукуока, Ойта, Сага⁴ (на юге – от района бассейна реки Тикуго и побережья залива Симабара – района владения Ематай-го; до побережья Внутреннего японского моря в провинциях Будзэн и Бунго на севере Кюсю⁵; до залива Хаката на северо-западе Кюсю – владения Ну-го по «Вэй-чжи»). Хотя из предложенных учёными вариантов их локализации можно сделать вывод, что здесь указаны также и общины юго-восточного и, может быть, юго-западного Кюсю. Из локализаций данных двадцати владений интересны определения местоположений двух владений – Ху-и-го и Су-ну-го.

Ху-и-го (яп. Ко-ю-но *куни*)⁶ – Уэмура Сэйдзи определил его местоположение на равнине Сайтō-бара (в среднем Химука) на юго-востоке Кюсю⁷; а Маки Кэндзи полагал, что Ху-и-го должно было располагаться в округе Кою⁸ (совр. город Сайтō⁹) в среднем Химука.

¹ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 244.

² См.: Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 244-245. Китайские чтения даны по переводу Н.В. Кюнера; японские чтения по кн.: Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. S. 199-206. В названиях владений часто употребляется слог “ну” – Катаяма Масао, в связи с этим, предположил, что это может быть яп. *но / ну* – “местность, равнина”. – Катаяма М. “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзоань)-нака-но хōкб-ритэй-ра-но кбсацу. С. 2.

³ Арутюнов С.А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры. С. 145.

⁴ Young J. The Location of Yamatai. P. 72.

⁵ Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 156; см.: Хора Т. Яматай дзэб-коку-но мэцубо. С. 7.

⁶ 呼邑國 кит. Ху-й-го, яп. Ко-ю-нокуни (А. Ведемэйер предлагает японское чтение “Ку-и”. – Wedemeyer A. Op. cit. S. 203) – досл. “Названного поселения владение”; примечательно, что в название входят два иероглифа 邑國 кит. *й-го* – вассальное государство (княжество), где 邑 кит. *й* – 1) город, городское поселение... 3) поселение, населённый пункт; посёлок, деревня; 4) уезд; район, населённая местность; 5) *ист.* владение вассала... – БКРС. Т. IV. С. 357.

⁷ Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 28.

⁸ Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 8.

⁹ Танада Ё. Сйемаи-го (яп. Ямави-коку) то кинрин-но куни-гуни-но хитэй. С. 117.

Су-ну-го (яп. Сб-но-куни)¹ – названо рядом с Ху-и-го²; возможно, что здесь упомянута община Сб-но-куни в Химука (позднее северная часть провинции Осуми, совр. преф. Кагосима в юго-восточном Кюсю) – родина предков династии Ямато, о которой говорится в японских источниках³ [Нихон-сёки, св. 2-й; Синсэн-сёдзи-року, Предисловие]. Следует обратить внимание на то, что с областью Химука и равниной Сайто-бара исследователи связывают общину, выходцы из которой – Дзимму и его окружение – стали основателями государства Ямато (на рубеже III–IV вв. н.э.).⁴

¹ 蘇奴國 кит. Сү-нү-гó, яп. Со-ну(но)-куни – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545.

² См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 245.

³ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 150; Синсэн сёдзи-року (Вновь составленные списки родов), 815 г. // Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 178; *Hong Wontack*. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. – Seoul: Kudara International, 1994. – P. 69.

⁴ Иофан Н.А. Культура древней Японии. С. 31, 36-37; *The Cambridge history of Japan*. Vol. I: Ancient Japan. – Cambridge–New York: Cambridge University Press, 1993. – P. 102; *Ито Ёсиаки* 伊東 義彰. Дзимму-га кита мити 神武が来た道. – Хигаси-бсака 東大阪: Фурута сигаку-но кай 古田史学の会, 2005. – С. 6; *Фурута Такэхико* 古田 武彦. Дзимму-каё-ва ики-каэтта 神武歌謡は生き返った // URL: www.furutasigaku.jp/jfuruta/jimmuj.html (дата обращения: 28.05.2020); *Metvelis Peter* [рец на]: Hiraizumi Kiyoshi 平泉澄. *The Story of Japan*. Vol. 1: History from the Founding of the Nation to the Height of Fujiwara Prosperity / Trans. by Sey Nishimura and committee. – Ise City, Japan: Seisei Kikaku, 1997. – viii + 219 + xi pages. // *Asian folklore studies*. – 1998. – Vol. 57/2. – P. 364; Кодзики, 2001. С. 145; *Ермакова Л.М.* «Нихон-сёки» – культурный полицентризм и выбор культуры // Нихон-сёки: Анналы Японии / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 39; см.: *Barnes Gina L.* Paddy field archaeology in Nara, Japan // *Journal of field archaeology*. – 1986, winter. – Vol. 13. – No. 4. – P. 371-379; *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2001. – xxi, 261 p.; *Hudson Mark J.* Rice, bronze, and chieftains – an archaeology of Yayoi ritual // *Japanese journal of religious studies*. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 155; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 102; *Иси Ёсими*. Дзёдай тимэй дэмпа-ни кан-суру сүти дзиккэн: Тёсэн-сэцу-но сэйтёсэй. С. 27, 28, 30, 31, 37; *Иси Ёсими*. Онкё кёгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкё. С. 52, 53, 54; *Kanzaki Ivan Hisao*. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. P. 3; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 108-109; см.: *Кудзира К.* Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 201-202; *Деоник Д.В., Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 398; Нихон-но кэнгоку. С. 44; *Уэда м. и др.* Нихон кодай-си. С. 140; *Арутонов С.А.* Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 10; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 108, 65; *Светлов Г.Е.* Путь богов: синто в истории Японии. С. 15; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. С. 36; Дзимму-тёсэй-ва синдзицу ка! 神武東征は真実か! // URL: <http://www.geocities.jp/niginiginomiko/jinn>

шшш. Гоуну-го¹ (яп. Куна-но *куни*)² – «на юг (от Ематай-го – С.Д.) находится страна Гоуну[-го]...»³ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Гоуну-го]. «[От] Нюй-ван-го [на] юге также имеется государство Гоуну-го»⁴; «[От] Нюй-ван-го [на] юге [имеется] государство Гоуну-го»⁵ (разные списки «Вэй-люэ»). Однако это государство не вступало в контакты с Китаем⁶, и поэтому сведения о Куна очень скудны. Сейчас общепринято локализовать Гоуну-го (яп. Куна-но *куни*) на юг от Ематай на территории префектуры Кумамото в Центральном Кюсю (округ Кикиути)⁷ с центром в ок-

---

mutousei.htm (дата обращения: 28.05.2020). Археологи установили, что шесть **древнейших** курганных захоронений начального периода Ямато, находящихся у подножия горы Мива (района зарождения государства Ямато), построены **между 250 и 350 годами** (The Cambridge history of Japan: Ancient Japan. P. 116-117; см.: *Мацумото С. Сэйтё-цүси*. Т. II. С. 39). См. подробнее: *Суровень Д.А.* К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 136-220; *Суровень Д.А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико*. С. 175-198.

¹ 狗奴國 кит. Гоуну-го (яп. Куна-но *куни*) – по иероглифам букв. “государство собачьих (сучьих) рабов” (см.: БКРС. Т. III. С. 448; *Кузнецов Ю.Д. и др.* История Японии. С. 20); так, видимо, китайцы передали японский *пейоратив* (от лат. *peior* “худший” – неодобрительные (букв. хулительные) слова. – см.: *Матвеев А.К.* Вверх по реке забвения: рассказы о географических названиях. – Свердловск: Среднеуральское книж. изд-во, 1992. – С. 51-52), т.к. 狗 кит. *гǒу* (иногда *хǒу*) – 1) собака, пёс; собачий, псиный, сучий (также бранное). – БКРС. Т. III. С. 448; 奴 кит. *нǔ* – 1) раб, рабы (*мужчины и женщины*) ... словообраз. входит в состав имён существительных, обозначающих предметы, лиц (с оттенком презрения)... (БКРС. Т. III. С. 976). В период Вэй (в III в.) его название звучало как *Кōw/Кǎw-ни* (?). – См.: *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. – М.: Наука, 1989. – С. 685.

² См.: *Катаяма М.* Вадзин-дэн (кит. Вожэнь-цзюань)-нака-но хōкō-ритэй-ра-но кōсацу. С. 2; *Хасимото М.* Тōё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю. С. 12; *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин – “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжигого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 60; *Уэмура С.* Яматай-ко-ку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 23.

³ *Кюнер Н.В.* Китайските известия... С. 245. 「其南有^レ狗奴國。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. III. С. 545; цит. по: *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 23; *Катаяма М.* “Вадзин-дэн” (кит. Вожэнь-цзюань)-нака хōкō-ритэй-ра-но кōсацу. С. 2.

⁴ 「女王國之南 狗奴國。」 – Цит. по: *Уэмура С.* Указ. соч. С. 23.

⁵ 「女王國之南、又有^レ狗奴國。」 – Цит. по: *Хасимото М.* Тōё-си-дзё-ёри митару нихон-дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 12; *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин – “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжигого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59; *Сигэмацу А.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 108.

⁶ См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80, 98.

⁷ *Young J.* The Location of Yamatai. P. 107, 121; *Уэмура С.* Указ. соч. С. 24.

руге Кума¹ (уезд Кума преф. Кумамото; на южной границе провинции старой провинции Хиго²)³, где в древности жил народ *кума* (люди *кума*-бито, названные в китайских источниках *куна*)⁴ и располагалась страна *Кума-куни* (Гоуну-го, яп. Куна-но *куни* – политическое объединение народа *кума*)⁵⁶ – на равнине Кумамото в бассейне рек Сиракава и Мидори⁷ (а также реки Кума [?]).

В первой половине IV века земли Куна-но *куни* (Кума-но *куни*) и Со-но *куни*, видимо, будут объединены в единое раннеполитическое образование Ку-масо-но *куни*.⁸

щщц. В отрывке «Вэй-люэ», цитируемом в словаре «Тун-дянь», есть очень интересная запись: «[На] юге [от государства] правителя–женщины ещё есть государство Гоуну-го, **женщину** (кит. *нйюй*) и **мужчину** (кит.

---

¹ 熊縣 яп. Кума-но *агата* – досл. “округ медведей”. – Маки К. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 95; Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 8; Маки К. Кюсю-но сэйдзи-тири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки” то-но рэндзоку-но мондай. С. 145.

² 肥後 球磨郡 уезд Кума в Хиго. – Маки К. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 95.

³ Маки К. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 95; Маки К. Дай-ни-сан-сэй-ки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 8; Маки К. Кюсю-но сэйдзи-тири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки” то-но рэндзоку-но мондай. С. 143; Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 8; Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 156; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 18, 19, 21; Кудзира К. Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 168-169; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24, 25; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 133; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 61; Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 6.

⁴ Young J. The Location of Yamatai. P. 170; Уэмура С. Указ. соч. С. 24.

⁵ Young J. Op. cit. С. 170, 100, 111, 121; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 133; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 21; Кудзира К. Нихон-коку-тандзё-но надзо. С. 169; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24, 25.

⁶ Кудзира К. Указ. соч. С. 168-169; см.: Маки К. Кюсю-но сэйдзи-тири-ни кан-суру “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань) то “Нихон-сёки” то-но рэндзоку-но мондай. С. 145.

⁷ Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 25.

⁸ См.: Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 6; Суровень Д.А. Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Отараси-хико (государя Кэйкб) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. – Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – С. 180-196.

нань-цзы) сделали государями (кит. *ván*)».¹ То есть, можно предполагать наличие дуалистической системы управления (верховная жрица– правительница и мужчина–соправитель) не только в Нюй-ван-го в северном Кюсю, но и в среднем Кюсю в общинах *кумасо*.

ЫЫЫ. В Гоуну-го (яп. Куна-но *куни* в среднем Кюсю) – главный чиновник назывался *гю-гү-чжэй бй-гю*² (яп. *кукоки хику*)³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Гоуну-го]. Сакамото Таро обратил внимание на то, что в разных списках «Вэй-люэ» и «Вэй-чжи» должность высшего сановника Гоуну-го записывалась несколько иначе.⁴

Исследователи сходятся на том, что последние два иероглифа “*бй-гю*” – это тот же бином, что и в названиях должностных лиц общин Кюсю, и что их нужно читать как “*хико*”⁵ [т.е. “знатный мужчина”] (эту идею впервые высказали Нака и Кида).⁶ Остаётся решить, что же означают первые три иероглифа “*гю-гү-чжэй*”. В этом термине обращает на себя внимание знак “*чжи*” (“мудрец”)⁷, который в Южной Корее использовался в звании глав территориальных общин.⁸ В этом случае (по аналогии с названиями долж-

¹ 「有^レ狗奴國、女男子爲^レ王...」 – Цит. по: Мицуки Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин – “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59.

² См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 245.

³ 狗古智卑狗 кит. *гю-гү-чжэй бй-гю*, яп. *кукоки хику*. – См.: Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккё. С. 132-133, 137-138; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 23, 24, 25; Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 9; Сазки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81.

⁴ В списке «Вэй-люэ» в «Хань-юань»: 「其官 曰^レ狗右智卑狗。」 (*гю-ю-чжэй бй-гю*) (цит. по: Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 108; Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккё. С. 132-133); в другом списке «Вэй-люэ»: 「拘右智卑狗。」 (*цзюй (гоу)-ю-чжэй бй-гю*) (цит. по: Мицуки Таро. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин – “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59); в списке «Вэй-чжи» в

«Тайпин-юй-лань»: 「其官 曰^レ狗右智卑狗。」 (*гю-ши-чжэй бй-гю*) (Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464 б; цит. по: Сигэмацу А. Указ. соч. С. 108); в другом списке «Вэй-чжи»: 「其官 曰^レ狗古制卑狗。」 (*гю-гү-чжэй бй-гю*) (цит. по: Сигэмацу А. Указ. соч. С. 108; Мицуки Т. Указ. соч. С. 59).

⁵ Сакамото Т. Указ. соч. С. 137-138; Уэмура С. Указ. соч. С. 25; Young J. The Location of Yamatai. P. 121; Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 35.

⁶ Уэмура С. Указ. соч. С. 23.

⁷ 智 кит. *чжэй* – мудрец. – БКРС. Т. II. С. 565.

⁸ 臣智 кит. *чэньчжэй*, кор. *синчжи* – досл. “подданный–мудрец”. – См.: Пак М.Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по “Сань-го-чжи”) // Проблемы востоковедения. – 1961. – № 1. – С. 127; Сазки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 75; Кюннер Н.В.

ностей в других политиях) даже можно предполагать, что в Гоуну-го могло быть два высших чиновника: (а) *гōу-гъ-чжй* (досл. “старый мудрец [владения] Гоу[ну]”)¹; (б) *бй-гōу* (яп. *хико* – “знатный человек” [владения Гоуну]).

Исходя из общей практики в японской древности, когда в имени звучало название местности и звание “*хико*” (“знатный человек”) [например: Кума-цу *хико*, Томи-*хико*, Уса-цу *хико*], учёные делают вывод, что “*гōу-гъ-чжй*” (яп. *ку-ко-ки*) должно быть названием местности в районе, где располагалось государство Гоуну-го. В «Нихон-сёки» и «Вамёсё» обнаруживается уезд Кикиути² (в «Вамёсё»: Кукути³) в области Хиго (совр. префектура Кумамото, рука Кикиути, город Кикиути) – той местности, где располагалось Гоуну-го. Поэтому “*гōу-гъ-чжй бй-гōу*” исследователи раскрывают как “Кикиути-*хико*”⁴, т.е. как должностное лицо, управлявшее “коренными” землями Гоуну-го, где жила самая главная этническая группа (“племя”) страны.⁵ А всей территорией (“всех племён”) управлял государь (яп. *кими-нуси*)⁶,⁷ титул которого должен был звучать как Куна-цу *хико* (позднее: Кума-цу *хико*)⁸ – титул, встречающийся в «Нихон-сёки», обозначавший глав округа Кума (Кума-но *агата*).⁹

В общем, о *гōу-гъ-чжй бй-гōу*, видимо, можно говорить как о высшем должностном лице, являвшимся главой административного аппарата, вторым лицом в государстве после *вана* (правителя) Гоуну-го.

эээ. Речь идёт об *общинной знати и рядовых общинниках*. См. комментарий «у».

ююю. См. комментарий «у».

яяя. См. комментарий «гг».

аааа. В разделах о японцах, китайские хроники начинают свой рассказ с событий правления **Шао-кана**¹⁰, шестого вождя (кит. *хōу*) из рода [дина-

---

Китайские известия... С. 237; Пак М.Н. «Летописи Силла» и вопросы социально-экономической истории Кореи // *Ким Бусик. Самкук-саги*. – М.: Наука, 2001. – Т. I. – С. 24.

¹ 狗古智 кит. *гōу-гъ-чжй* – досл. “старый мудрец [владения] Гоу[ну]”.

² 菊地郡 яп. Кикиути-гун. – Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 132.

³ 久久知 = 菊地 яп. Ку-ку-ти. – Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24.

⁴ 菊地彦 яп. Кикиути-*хико*. – Сакамото Т. Указ. соч. С. 132; Уэмура С. Указ. соч. С. 24, 25; Young J. The Location of Yamatai. P. 121.

⁵ Уэмура С. Указ. соч. С. 25.

⁶ 君主 яп. *кими-нуси* / *кунсю* – монарх, государь, правитель (см.: ЯРС. С. 324). – Уэмура С. Указ. соч. С. 25.

⁷ Там же.

⁸ 熊津彦 яп. Кума-цу *хико* (Нихон-сёки, Кэйкō-ки, 18-й год пр.). – Сакамото Т. Указ. соч. С. 132.

⁹ Там же.

¹⁰ Mizuno Yu. Origins of the Japanese people // *Understanding Japan*. – Tokyo, 1968. –

стии] вождей предгосударственного образования (“вождества”, англ. *chiefdom*) Ся¹ (XXI–XVI веков до н.э.), возникшего в среднем течении реки Хуанхэ и реки Вэйхэ. Китайский исследователь Сюй Сюэ-шэн в 50-е годы XX века, систематизировав упоминания о событиях периода Ся, содержащиеся в таких древнекитайских памятниках, как «Цзо-чжуань», «Го-юй» и «Чжу-шу цзи-нянь», попытался определить район к которому относятся эти свидетельства. Выяснилось, что таких районов, собственно говоря, два. Первый – равнина близ Лояна в Хэнани (включая долину реки Иншуй, а также Дэнфэн и Юйсянь), второй – примыкающая с севера юго-западная часть провинции Шаньси.² Археологические исследования, проводимые в Китае с 50-х годов XX века, сделали очевидным, что период Ся, изложение которого у Сыма Цяня по своему характеру весьма близко к Инь (и существенно отличается от эпохи “пяти *ди*”), не может быть мифом. Достаточно вспомнить, что «Ши-цзи» дают нам подробное генеалогическое древо правителей Ся, а аналогичные сведения об *иньских* правителях полностью подтвердили эпиграфические памятники.³ С данным *потестарным* образованием народа *ся* исследователи связывают позднеолитическую культуру Лунышань, появившейся в конце III тыс. до н.э. и пришедшей на смену неолитической культуре Яншао на всём протяжении среднего и нижнего течения реки Хуанхэ.⁴ Точных датировок, конечно, в данный период не существовало. Но, с учётом того, что это было шестое (из семнадцати) правлений вождей Ся, то можно приблизительно датировать время правления Шао-кана **началом XIX века до н.э.** (новой хронологии).

6666. Ещё в периоды Эдо и Мэйдзи исследователи обратили внимание на сообщения древнекитайских источников о происхождении японского этноса⁵, так как об этнических процессах XI в. до н.э. – III в. н.э., связанных с формированием древнеяпонских народов, говорят только китайские источники (некоторые из них были синхронны описываемым событиям). И эти китайские источники связывали предков народа *вожэнь* с территори-

---

Но. 22. – Р. 16. О Шао-кане см.: *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи)*. – М.: Наука, 1972, 2001. – Т. I. – С. 87, 164, 277.

¹ 夏后 кит. *ся' хэу* – ...2) повелитель Ся (об императоре первой династии...); где 夏 кит. *ся* – *собств.* 1) Ся (древнее название Китая); 2) Ся (...первая династия в Китае 2205-1786 гг. до н.э.)... – БКРС. Т. IV. С. 6.

² *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китаецы: проблемы этногенеза*. – М.: Наука, 1978. – С. 153.

³ *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Указ. соч.* С. 154.

⁴ *История Китая с древнейших времён до наших дней*. – М.: Главная редакция Восточной литературы, 1974. – С. 9; см.: *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китаецы: проблемы этногенеза*. С. 152, 153.

⁵ См.: *Конрад Н.И. Япония: народ и государство*. С. 45; *Mizuno Yu. Op. cit.* P. 16-17.

ями в низовьях реки Янцзы, восточными иноземцами *и* и южными иноземцами *мань* (а точнее, с цзинскими *манями*, т.е. с народами *юэ* и *у*). Кто такие люди *мань*, объясняется в «Ли-цзи» (источнике, составлявшемся в период IV–I вв. до н.э.¹): «Живущие на востоке называются *и*; они не расчёсывают волос и разрисовывают тело, некоторые из них не употребляют огня для приготовления пищи.² [Жители] южного края называются *мань*, они татуируют [вар.: делают надрезы³] лбы, скрещивают ноги, и есть [среди них] такие, что [тоже] не готовят пищу на огне...».⁴

«Вэй-люэ» (источник конца III века), в связи с происхождением *вожэнь*, сообщает: «[В] древности, сын [правителя] Шао-кана, хоу (повелителя) [из династии] Ся, получил в управление земли (кит. *фэн*) в Гуй-цзи (в низовьях реки Янцзы – С.Д.), [этот сын] обрезал волосы на голове, татуировал тело, чтобы избежать вреда от *цзяо-луна* (водяного дракона⁵)»⁶ (исследователи считают, что речь идёт о каком-то виде акулы [яп. *самэ*], крокодила⁷ или о большой саламандре⁸) [Вэй-люэ, *вожэнь*; цитата из «Хань-юань», св. 30-й]. Это же сказано в «Вэй-чжи», где после фразы о послахе народа *вожэнь*, прибывавших в Китай с древности, сообщается: «Сын Ся-хоу Шао-

¹ Древнекитайская философия. – М.: ПринТ, 1994. – Т. I. – С. 99.

² Цит. по: Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Указ. соч. С. 275.

³ Там же. С. 275.

⁴ Цит. по: Крель Ю.Л. Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной // Народы Азии и Африки. – 1978. – № 6. – С. 47; Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. С. 275.

⁵ 蛟龍 кит. *цзяо-лу́н* – миф. водяной дракон (вызывающий наводнение). – БКРС. Т. IV. С. 57.

⁶ 「昔、夏后 小康之子 封^レ於 會稽、斷^レ髮 文^レ身、以避^レ蛟龍之吾[害]。」 – “Ги-ряку” (кит. Вэй-люэ) ицубун 魏略 逸文 // Мицуки Тарō 三木 太郎. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ 『魏志倭人伝』の行程記事について // Нихон рэкиси 日本歴史. – 1977. – № 349. – С. 59; “Ги-ряку” (кит. Вэй-люэ) ицубун 魏略 逸文 // Хасимото Масукити 橋本 増吉. Тōдэ-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю. Ч. 1-я: Яматай-коку ронкō 東洋史上より見たる日本上古史研究. 第1 (邪馬台国論考). – Токио 東京: Ōокаяма сётэн канкō 大岡山書店刊行, 1932. – С. 10; см.: Вэй-люэ (ицубун 5) 魏略 逸文 (5) // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/giryaku/itsubunn01/giryaku_itsubunn05.htm (дата обращения: 28.05.2018).

⁷ 鮫 яп. *самэ* – акула. – Бункэн-ва катару – Тōгоку-кокуси, соно 3 文献は語る – 中国国史・その 3 // URL: <http://www.inoues.net/yamahonpen3-5-2.html> (дата обращения: 28.05.2018). Ср.: 蛟 кит. *цзяо* – суц. 1) миф. морской змей, водяной дракон (вызывающий наводнения); безрогий дракон; самка дракона; 2) перен. к р о к о д и л, аллигатор; 3) в м. 鮫 (а к у л а) (БКРС. Т. IV. С. 57).

⁸ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 245, прим. 28.

кан[а] пожалован уделом (кит. *фэн* – С.Д.) в Хуй-ци¹, [он] обрезал волосы на голове, татуировал тело, чтобы избежать вреда от *цзяо-луна*² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэйчжи, цюань 30, *вожэнь*, л. 25 а, 6-7]. Это же повторено в «Цзинь-шу»: «В старину сын Ся Шао-кана получил удел в Хуй-ци³, [он] обрезал волосы на голове, татуировал тело, чтобы избежать вреда от *цзяо-луна*⁴ [Цзинь-шу, гл. 97, *Вожэнь*; Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и, дунъи, вожэнь*].

Из «Ши-цизи» известно, что сын Шао-кана стал предком рода вождей народа *юэ*, живших на территории юго-восточного побережья Китая (современная провинция Чжэцзян). В 41-м свитке «Ши-цизи» (раздел 11-й “Наследственный дом *юэ*ского *вана* Гоу-цзяня”) по этому поводу сказано: «*Ван* [государства] Юэ [по имени] Гоу-цзянь. Его предок – сын от младшей (второстепенной) жены (кит. *шү-цзэи*) [правителя] Шао-кана – *хю-дй* (государя–первопредка)⁵ [из династии] Ся и при этом потомка [первопредка] Юя [основателя династии Ся]. [Этот сын] получил в управление земли (кит. *фэн*) в *Гуй-цизи*, чтобы иметь честь охранять культ [покойного] Юя.⁶ [Сын Шао-кана и его люди–*юэ*сцы] татуировали тело [и] обрзали волосы на голове, раздвинули (кит. *пй, пэй* – в значении: “срезали, срубили” – С.Д.) дикорастущие травы (кит. *цёлэй*) и [построили] поселение–столицу (кит. *й*)⁷, [где жили]»⁸ [Ши-цизи, св. 41-й, раздел 13-й]. «...[Юэсцы] татуи-

¹ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 245.

² «夏后少康之子封於會稽、斷髮、文身以避蛟龍之害。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 855; ср.: Кюнер Н.В. Указ. соч. С. 245; Лантев С.В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. С. 122.

³ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 256.

⁴ «昔、夏少康之子封於會稽、斷髮、文身以避蛟龍之害。」 – Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173; ср.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 256.

⁵ 夏后帝 кит. *Ся хю-дй* – досл. “государь (*хоу*) – первопредок (*ди*) [династии] Ся”; где 后 кит. *хю* – ...2)* государь, император, царь, князь... (БКРС. Т. II. С. 437-438); 帝 кит. *дй* – *суц.* 1) император... монарх... (БКРС. Т. III. С. 307). Слово 帝 *дй* зафиксировано на иньских костях (*Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши-цизи): в 9-ти тт. / пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – М.: Наука, 2001. – Т. 1. – С. 287, прим. 35; о термине *дй* см.: Там же. С. 222, прим. 3). Комментаторы текста истолковывают термин *дй* как «главный вождь» (Там же. С. 235, прим. 65).

⁶ С горой Гуйци связано немалое число легенд. Её считают местом захоронения легендарного Юя и местом, где он якобы занимался подсчётом *гуй* (заслуг *чжухоу*), где совещался с богами и т.п. (см. об этом также *Го-юй*, гл. 2) (*Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши-цизи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Наука, 1992. – Т. VI. – С. 283, прим. 2).

⁷ 邑 кит. *й* – *суц.* 1) город, городское поселение; 2) *ист.* столица (особенно: бывшая или без храма предков); ср.: 夏(商) 邑 столица дин. Ся (или: Шан); 3) поселение, населённый пункт; посёлок, деревня; 4) уезд; район, населённая местность; 5) *ист.* владе-

ровали свои тела, стригли коротко свои волосы на голове, срезали тростник и устраивались жить в этих местах»⁹ [Ши-цзи, гл. 41-я]. В заключительной, 130-й, главе «Ши-цзи» Сыма Цянь также связывает происхождение правителей юэсцев с Шао-каном и подчёркивает дикие нравы жителей этого региона.¹⁰ «Потомки¹¹ Шао Кана полностью подчинили [народы на побережье] Южного моря.¹² [Люди там] покрывали тела татуировками, [коротко] обрезали волосы, мирно соседствовали с большими морскими черепаками¹³ (или саламандрами [кит. *юань*]¹⁴ и морскими крокодилами [кит. *то*]¹⁵

ние императора... место кормления; владение... См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). Т. VI. С. 357.

⁸ 「越王句踐。其先、禹之苗裔而夏后帝少康之庶子也、封於會稽、以奉守禹之祀。文身、斷髮、披草萊而邑焉。」 – Ши-цзи 史記 (из серии “Эр ши сы ши цюань и”二十四史全譯) – Шанхай 上海: Хань-юй дацзыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. I. – С 657.

⁹ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). Т. VI. С. 16.

¹⁰ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). Т. VI. С. 282, прим. 1.

¹¹ 「少康之子」 – Ши-цзи 史記. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. – Т. X. – С. 3309; где 子 кит. *цзы* – суц. 1) сын; 2) уст. [ближайший] потомок, дитя; сын; дочь... (БКРС. Т. II. С. 1084).

¹² 南海 кит. *Наньхай* – досл. “Южное море” (Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309). Термин *Наньхай* имеет и более узкое географическое значение – согласно «Собранию карт истории Китая», начиная с периода *Чжаньго* так называли территорию, примерно совпадающую с восточной частью совр. пров. Гуандун. При Цинь здесь разместились одноимённый округ. Однако, несмотря на то, что на тех же картах в этом районе отмечено проживание юэских племён, ядро княжества Юэ, как известно, размещалось на территории совр. пров. Чжэцзян, довольно далеко от Гуандуна. Хотя Юэ было далеко от того, чтобы подчинить себе всё южное побережье, оно так или иначе занимало самую южную прибрежную часть китайской ойкумены. – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. А.Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2010. Т. IX. – С. 524, прим. 136.

¹³ 「黿鱉與處」 – Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309.

¹⁴ 黿 кит. *юань* – суц. 1) зоол. *Pelochelys bibroni* (крупная морская черепаха); 2) * ящерица (БКРС. Т. IV. С. 372) – вл. 黿 кит. *юань* – 1) большая мягкотелая черепаха Кантора (лат. *Pelochelys cantorii*); 2) саламандра; ср.: 蜥 кит. *юань* – суц. саламандра (один из видов) (БКРС. Т. IV. С. 414). См.: Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 2. В комментарии к тексту «Ши-цзи» сказано: 「【索隱】...[黿] 元...音。」 «[В] “Со-инь” [говорится]: ...произношение [иероглифа 黿 звучит как] ...юань». – Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 2.

¹⁵ В комментарии к тексту «Ши-цзи» сказано: 「【索隱】...黿...鼉 [то]...音。」 «[В] “Со-инь” [говорится]: ... произношение [иероглифа 黿 звучит как] ...鼉 [то]» (Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 2); где 黿 кит. *шань*, *то* – суц. 1) *шань* – вл. 鰐 (угорь);

– С.Д.), издавна владели [горой] Фэньюй¹, приносили жертвы Юю»² [Ши-ци, гл. 130, (XLI)]. В комментариях к «Ши-ци» цитируется «У Юэ чунь-цю», где приведены похожие сведения о пожаловании в управление сыну от младшей жены Шао-кана земель народа юэ и почитании там Юя.³ Таким образом, сын Ся-хоу Шао-кана (имя которого не сохранилось) считался предком дома правителей народа юэ в области Гуй-ци, которая стала центром культа Великого Юя.⁴

Китайцы упоминают сына Шао-кана в связи с тем, что японцы *вожэнь* имели такие же обычаи, что и народ юэ из местности Гуй-ци.⁵ Цитата из «Вэй-люэ» в «Хань-юань» кратко сообщает: «[По] их обычаям мужчины все татуируют лицо (кит. *цүн-мянь*) и украшают татуировкой тело (кит. *вэнь-шэнь*)»⁶ [Хань-юань, св. 30-й, Фань-и бу, Во-го]. «Мужчины, безразлично взрослые – большие, или юные – малые (кит. *дà-сяо*⁸ – С.Д.), все с татуированным лицом (кит. *цүн-мянь*⁹ – С.Д.) и разрисованным (татуиров-

---

2) *tó* – вл. 鼉 (крокодил) (БКРС. Т. II. С. 910); где 鼉 кит. *tó* – китайский аллигатор (*Alligator sinensis*), крокодил (БКРС. Т. IV. С. 371).

¹ Сюй Гуан поясняет, что эта гора находилась на юге уезда Укан [【集解】徐廣曰：「封禹山在武康縣南。」(в 40 км к северо-западу от совр. города Ханчжоу). – *Сьма Цянь*. Исторические записки. Т. IX. С. 524, прим. 137; Ши-ци, 1959. Т. X. С. 3310, прим. 3.

² *Сьма Цянь*. Исторические записки. Т. IX. С. 330; 「少康之子、實實南海、文身斷髮、鼉鱓與處、既守封禹、奉禹之祀。」 – Ши-ци, 1959. Т. X. С. 3309.

³ [【正義】吳越春秋云：「啟使歲時祭禹於越、立宗廟南山之上、封少康庶子無餘於越、使祠禹、至句踐遷都山陰、立禹廟為始祖廟、越亡遂廢也。」案：今禹廟在會稽山下。」 – Ши-ци, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 1.

⁴ См.: Шань-хай-цзин // Каталог гор и морей (Шань-хай-цзин) / Пер. Э.М. Яншиной. 2-е изд., испр. – М.: Наталис, 2004. – С. 271, прим. 13.

⁵ См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 58.

⁶ 文身 кит. *вэнь-шэнь* – татуировать[ся], делать татуировку (наколку); татуировка (БКРС. Т. IV. С. 61).

⁷ 「其俗男子皆黥面文身。」 – Хань-юань, св. 30-й, Фань-и бу, Во-го 翰苑 卷第卅 蕃夷部 倭國 // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/kannenn/kannenn_gen.htm (дата обращения: 28.05.2018); цит. по: *Хасимото М.* Тōбэ-си-дзэ-эри митару нихон дзэ-ко-си кэнкю. Ч. 1-я, 1932. С. 10; *Хасимото М.* Тōбэ-си-дзэ-эри митару нихон дзэ-ко-си кэнкю. С. 12; *Мицуки Тарō* 三木 太郎. “Тайпин-юй-лань”-сэин “Вэйчжи-вого-цзюань”-ни цуйтэ [『太平御覽』所引『魏志倭人伝』について // Нихон-рэкиси 日本歴史 – 1977. – № 349. – С. 59; *Хань Шэн* 韓昇. Жибэнь гудай-дэ далу иминь яньцзю 日本古代の大陸移民研究. – Тайбэй 臺北: Вэнь-цзинь чубаньшэ 文津出版社, 1992. – С. 5; *Ван Юн*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56.

⁸ 大小 кит. *дà-сяо* – досл. “большой и (или) маленький”; 1) величина, размер; ... 3) старшинство (БКРС. Т. III. С. 630).

⁹ 黥面 кит. *цүн-мянь* – ставить клеймо на лицо, клеймить лицо; где 黥 кит. *цүн* – гл. клеймить (лицо преступника); ср.: 以墨黥其面 заклеить ему лицо тушью; *суц*.

кой – С.Д.) телом» (кит. *вэнь-шэнь*)¹ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Сходная информация содержится в списке “Вожэнь-цзюань” из «Вэй-чжи» в «Тайпин юй-лань», с уточнением, что, по их обычаям, татуировку наносят все мужчины без различия старшинства (кит. *дэ-сяо*)² [Тайпин юй-лань, св. 782-й, *сы-и*, ч. 3, «Вэй-чжи»].

ВВВВ. Искусные пловцы (люди, привыкшие постоянно находиться в воде) из жителей морского побережья.³

ГГГГ. Речь идёт об *общинной знати* и *рядовых общинниках*. См. комментарий «у».

ДДДД. После фразы о том, что сын Ся-хоу Шао-кана и его люди обрезают волосы и татуировали тело, в источниках говорится: «[И] ныне японские (во) пловцы любят, нырнув, ловить рыб и устриц. Разрисовка тела (кит. *вэнь-шэнь* – татуировка на теле – С.Д.) служила для отпугивания больших рыб и водных животных, потом постепенно стали считать её украшением. Разрисовка тела в разных владениях различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая. Почётные и низкие также имеют различия»⁴ (в татуировках) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. И «теперь японцы любят нырять, ловить рыбу. Также разрисовывают (кит. *вэньшэнь* – татуируют – С.Д.) тело, чтобы отвратить морских животных»⁵ [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь]. Исследователи обращают внимание на то, что обычай татуировать лицо и тело – обычай южных народов (прежде всего, юэ)⁶. Составитель

клеймение; татуировка; метка... (БКРС. Т. IV. С. 800).

¹ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 245; 「男子 無 大小 皆 黥面 文身。」 – Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 855; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 855.

² 「其俗男子 無大小 皆黥面文身。」 [『太平御覽』魏志倭人傳 // 太平御覽、卷七百八十二、四夷部三 引「魏志」也]。 – Тайпин юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464; Тайпин юй-лань, св. 782-й, *сы-и*, ч. 3-я, «Вэй-чжи» [『御覽』魏志倭人傳 // URL: <http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/gyoyn.html> (дата обращения: 28.05.2018); цит. по: Цай Фэнмин 蔡 丰明. У юэ вэньхуа-дэ юэ хайдун чуань юй лю бу 吴越文化的越海东传与流布 (Eastern Towards Transmission of Wu and Yue Culture). – Шанхай 上海: Сюэлинь чубаньшэ 学林出版社, 2006. – С. 56.

³ 水人 кит. *шуйжэнь* – 1) искусный пловец; человек, привыкший постоянно находиться в воде; 2) житель побережья.

⁴ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 245; 「今倭水人 好沈沒捕魚蛤、文身亦以厭大魚・水禽、後稍以爲飾。諸國文身各異、或左或右、或大或小、尊卑有差。」 – Саньго-чжи, 1959, 1971. Т. III, 855; *Ван Юн.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 53; Цай Фэнмин. У юэ вэнь хуа дэ юэ хай дун чуань юй лю бу. С. 55.

⁵ *Кюнгер Н.В.* Китайские известия... С. 256; 「今倭人 好沈沒取魚、亦文身以厭水禽。」 – Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2535; Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173; где 水禽 кит. *шуйцзинь* – водоплавающая птица (БКРС. Т. III. С. 808); 禽 кит. *цинь* – 1) птицы... 2) птицы и звери... животные... (БКРС. Т. III. С. 334).

⁶ *Ван Юн.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 54.

«Саньго-чжи» Чэнь Шоу явно рассматривал народ *во* как народ южного происхождения.¹

Южные черты культуры народа *вожэнь* проявлялись и в ритуальных предметах. Культура *яёй* в Японии характеризовалась наличием у *вожэнь* ритуальных бронзовых колоколов *дōтаку*. С.В. Лаптев отмечает, что во второй половине II тыс. до н.э. бронзовый колокол (колокольчик) являлся важным ритуальным предметом для Южного Китая в целом, и он преобладает в материалах из бронзы, обнаруженных в провинции Фуцзянь. Позднее важным религиозным символом становится бронзовый барабан, но происходит это только в донгшонский период (VIII–I вв. до н.э.).² Характерной чертой материальной культуры *юэ* были бронзовые барабаны, использовавшиеся при совершении религиозных церемоний [аналогичными культовыми предметами у *вожэнь* являлись бронзовые колокола *дōтаку*].³ Изображения на этих барабанах позволяют установить, что жили *юэ* в свайных постройках [сходные изображения имеются на колоколах *дōтаку* в Японии]. По свидетельству источников, *юэ* обитали в зарослях бамбука по речным долинам в нижнем и среднем течении реки Янцзы, предпочитали воевать с использованием лодок, коротко стригли волосы и татуировали тело⁴ [как *вожэнь*]. Обнаруженное исследователями сходство материальной культуры южно-китайского народа *юэ* и японского народа *вожэнь* может указывать на миграцию какой-то этнической группы народа *юэ* из Цзян-нани в Японию.⁵

ееее. См. комментарий «с».

жжжж. См. комментарий «т».

зззз. См. комментарий «аа».

ииии. В сказаниях южного Кюсю рассказывается о совершении Великим богом (др.-яп. *оно-ками*) области Химука по имени Идзанаги-но *микото* обряда очищения (др.-яп. *оно-нарати*; яп. *ō-хараи*) после посещения моги-

---

¹ См.: Бункэн-ва катару – Тōгоку-кокуси, соно 3 文献は語る – 中国国史・その 3 // URL: <http://www.inoues.net/yamahonpen3-5-2.html> (дата обращения: 28.05.2018).

² Лаптев С.В. Происхождение и развитие культуры *Учэн* (в контексте межкультурных контактов населения бронзового века бассейна нижней Янцзы и Индокитайского полуострова) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4 (44). – С. 96, 95.

³ См.: Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии... С. 67-68.

⁴ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 60, 62, 63; Иофан Н.А. Культура древней Японии. С. 25-29; История народов Восточной и Центральной Азии: с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986. – С. 32; Лаптев С.В. Контакты древнего населения Японии... С. 66-67; Решетов А.М. Проблемы этнографии древних юэ в отечественной науке // Этносы и этнические процессы. – М.: Наука, Вост. лит., 1993. – С. 39.

⁵ См.: Ван Юн. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 46, 54.

лы умершей жены в местности Татибана-но *водо* на равнине Аваки-*хара* в Химука.¹ Тогда он, совершая очищение, *трижды* омывался в водах реки.² Ритуал омовения Идзанаги включает (1) ныряние на дно, (2) плавание под водой и (3) плавание на поверхности воды.³ Мацумура Такэо указывает, что подобное омовение в *три этапа* было принято у людей рода *ама* в качестве очищения.⁴ Китайские источники описывают подобный обряд, существовавший на Кюсю в III в. «После погребения всей семьей идут в воду и оmyваются, как бы упражняются в мытье»⁵ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «После погребения вся семья входит в воду, обмывается и очищает себя, чтобы отстранить несчастье»⁶ [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь].

кккк. См. комментарий «е».

лллл. См. комментарии «х», «ц» и «ч».

мммм. См. комментарий «ч».

нннн. См. комментарий «ш».

оооо. См. комментарий «щ».

пппп. См. комментарий «ы».

рррр. См. комментарии «э», «ю» и «я».

сссс. «Старшие и младшие (или: *благородные* и *низкие*⁷ – С.Д.) имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым»⁸ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30]. «*Благородные* [и] *низкие* **все** имеют различный ранг (кит. *чā, чāй*)⁹, [идущие ниже рангом по] порядку (кит. *сүй*) пол-

---

¹ См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I. С. 49-50, 207; Кодзики, 2001. С. 52; Kojiki, 1982. P. 46; Nihongi, 1956. Part 1. P. 27, 31.

² См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I. С. 27; Кодзики, 2001. С. 52; Kojiki, 1982. P. 46; Nihongi, 1956. Part 1. P. 27, 31; *Косарев В.Д., Соколов А.М.* Ама Японии и другие «народы моря». – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 81, 82.

³ *Косарев В.Д., Соколов А.М.* Ама Японии и другие «народы моря». С. 82.

⁴ *Ермакова Л.М.* Речи богов и песни людей. С. 157; *Косарев В.Д., Соколов А.М.* Ама Японии и другие «народы моря». С. 85.

⁵ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 246.

⁶ Там же. С. 256.

⁷ Употреблены иероглифы: 尊 кит. *цзунь* – “благородный”, “старший” (досл. «почитаемый, благородный; глава, начальник». – БКРС. Т. III. С. 53) и 卑 кит. *бэй, бй* “низкий; человек низкого положения”, “младший” (БКРС. Т. II. С. 811). – См.: Саньго-чжи, 2004. С. 547; ср.: 卑 яп. *хи / иясий* – простой (по происхождению); бедный, низкий (ЯРУСИ. С. 118).

⁸ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 247.

⁹ 差 кит. *чā* – 1) ...различие... 6) *чāй* – служебное поручение (дело); служба, должность; ...повинности (государственные) обязанности... 8) *цы, чā* – порядок, иерархия; ... р а н г . – БКРС. Т. II. С. 70.

ностью (кит. *цзү*) подчиняются¹ [вышестоящим]»² [Вэй-чжи, цз. 30, *во-жэнь*, л. 26 б, 2-3]. Тексты китайских источников не оставляют никаких сомнений в том, что речь идёт об *общинной знати* и *рядовых общинниках* – двух социальных слоях (стратах) **единого общинного коллектива**. См. комментарий «у».

тттт. Государственный аппарат управления периода Яматай (I–III вв.) сохранился за счёт государственного сектора экономики, вывод о существовании которого в форме храмовых земель можно сделать на основании упоминаемых в источниках «*священных полей*»³ и связанных с ними «*священных амбаров*»⁴ для риса с этих полей.⁵ Но в Японии периода Яматай (I–III вв.) государственный сектор не мог быть достаточно мощным (в связи с тем, что государственность в юго-западной Японии возникает на позднем этапе развития древнего общества), поэтому важную роль в доходах государства должны были играть налоги.⁶ Поэтому источником

---

¹ 臣服 кит. *чэнь фу'* – 1) подчиняться, покоряться; 2) становиться вассалом; признавать себя подданным; Здесь употреблен иероглиф 臣 *чэнь*, имеющий оттенок подчиненности в политическом плане: *гл.* 1) служить (государю); выполнять долг вассала (подданного, подчиненного); 2) признавать своё подданство, становиться вассалом; 3) делать (*кого-л.*) своим подданным; подчинять, покорять (БКРС. Т. II. С. 328).

² 「尊卑各有差、序足相臣服。」 – Саньго-чжи, 2004. С. 547; см.: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн кэйсэй сирон. С. 129; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнаката Яматай-коку. С. 61.

³ 天御飯田 яп. *амэ-но ми-и-да* – досл. “небесные поля [для] священной еды (риса)” (Идзумо-но куни-но фудоки 出雲國風土記 // Фудоки 風土記 (из серии “Бунгаку-тай-кэй” 文学大系). – Токио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1958. – С. 16; Идзумо-фудоки. – М.: Наука, 1966. – С. 122-123, 59.

⁴ 天御倉 яп. *амэ-но микура* – досл. “небесные священные амбары”. – Идзумо-но куни-но фудоки, 1958. С. 16.

⁵ Идзумо-фудоки. С. 53. 「天御飯田之御倉」 яп. *амэ-но ми-и-да-но ми-кура* – досл. “священные амбары небесных полей [для] священной еды (риса)” (Идзумо-но куни-но фудоки, 1958. С. 16); где 飯 яп. *и*, кит. *фáнь* – *суц.* 1) еда, пища... 2) варёный рис... (БКРС. Т. III. С. 984); где 天 яп. *амэ* – “небо”, 御 яп. *ми* (в словах *ми-и-да*, *ми-кура*) – гонорифический префикс в отношении действий вождей и богов (ЯРУСИ. С. 227, 228, 150). Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 118-120.

⁶ Следует отметить, что современные исследователи не рассматривают налоги как форму эксплуатации, а лишь как форму создания общегосударственного фонда на общегосударственные нужды. – См.: *Васильев Л.С.* История Востока. – М.: Высш. шк., 1993. – Т. I. – С. 213-214; *Ильин Г.Ф.* Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // Вестник древней истории. – 1983. – № 3. – С. 27-28; *Ильин Г.Ф.* О так называемой налоговой эксплуатации // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. – М.: Наука,

средств для государства была *система налогообложения*¹, которая из обязанностей общинников перед общиной превратилась в фиксированные обязанности (*натуральную* [налоги и подати], *трудовую* и *военную*) перед государством.²

На г л а в *территориальных общин* возлагалась обязанность мобилизации рабочей силы общинников на крупномасштабные строительные работы (для исполнения *трудовой обязанности*).

Исполнение *военной обязанности* общинниками (заклучавшейся в выставлении территориальными общинами воинских континентов в случае вооруженных столкновений), видимо, осуществлялось в связи с крупными военными операциями (в мелких столкновениях участвовали дружины знати, что позволяло не отвлекать общинников от сельскохозяйственных работ). Поэтому основой военной мощи было *общинное ополчение*, созывавшееся должностными лицами из общинной знати для каждого конкретного похода и ими же, видимо, и возглавлявшееся.

Подати и налоги собирали уже, видимо, в конце II – III вв. н.э.: «Собираются подати и налоги»³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Судя по употреблённым в «Вэй-чжи» иероглифам “цзү-фү”⁴, речь идёт о земельном и других видах налогов, различного рода обложениях, и податях, а также выполнении трудовой и военной обязанностей, дарах отдельных местностей.⁵

Отдельные исследователи (например, Ф. Дж. Бок) пытались отрицать факт сбора поземельного (англ. *land tax*) и подушного (англ. *poll-tax*) налогов, не аргументируя это ничем, кроме того, что, как им кажется, этого не могло быть в столь раннее время.⁶ Типичный пример ненаучного *гиперкритического* подхода к анализу материала источников.

уууу. Для хранения этих продуктов существовали, судя по использованным в «Вэй-чжи» иероглифам, специальные государственные склады при резиденциях правителей общин⁷ (владений) – *дй-гэ* [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*,

---

1986. – С. 69, 70, 71, 72; Ким Г.Ф., Аирафян К.З. Некоторые вопросы изучения классов и сословий в докапиталистических обществах Азии // Там же. С. 10, 15.

¹ См.: Шилюк Н.Ф. История древнего мира, 1991. С. 47; Шилюк Н.Ф. История древнего мира: Древний Восток. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. – С. 54.

² См.: Там же.

³ 「収^レ租賦。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁴ 租賦 кит. цзү-фү – подать; налог; обложение... – БКРС. Т. II. С. 272.

⁵ 租 кит. цзү – 1) налог (особ. *земельный*); подать... (БКРС. Т. II. С. 272); 賦 кит. фү – 1) поземельный налог; налоги; обложения; подати... (*напр.* местности); продукция. (БКРС. Т. IV. С. 206-207).

⁶ См.: Bock Felicia G. Development of law in Japan // Engi-shiki: Procedures of the Engi Era. – Tokyo: Sophia University Press, 1970. – Vol. I. – P. 2.

⁷ 邸 кит. дй – *суц.* 1) столичная резиденция (подворье) вассального кня-

л. 26 б, 3-4].¹ Правитель каждого владения собирал налоги (кит. *цзү-фү*)², хранил их в амбарах (кит. *дй-гэ*)³ и взимал торговый налог, поручая чиновнику *дә-вб* (торговому посреднику – см. комментарий «фффф») надзирать за рынками.⁴ Естественно, при государственных складах должны были быть должностные лица. Поэтому некоторые исследователи, основываясь на китайских источниках, осмысливают “*дигэ*” (яп. *тэйкоку*) как «хранителей амбаров».⁵

В период **Нью-ван-го** (конец II – середина III вв.) продолжали существовать для хранения продуктов и изделий, собранных в виде налогов, хранилища *дй-гэ*⁶ (судя по использованным в «Вэй-чжи» иероглифам) – специальные государственные склады при резиденциях уже теперь подвластных женщине–государю правителей общин⁷ (владений, входивших в состав Нью-ван-го)⁸ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 3]. Естественно, как считают некоторые исследователи, основываясь на «Вэй-чжи», при государственных складах должны были быть должностные лица – «хранители амбаров» (кит. *дй-гэ*, яп. *тэйкоку*).⁹ Иноуэ Каору и Ямао Юкихиса полагают, что это были не простые продовольственные склады, а хранилища, используемые, в том числе, и для военных целей. Здесь хранилось военное снаряжение, различные ценные вещи (например, ткани) и всё необходимое для снабжения войска, собранное в качестве налогов с населения.¹⁰ Ямао

з я; хоромы, палаты (*знати*) ...3) *уст.* хозяйственная постройка, кладовая... б) к н я з ь, п р а в и т е л ь. – БКРС. Т. II. С. 791.

¹ 「...有^レ邸閣。」 «Имеют продовольственные склады». – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

² 「収^レ租賦。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

³ 邸閣 кит. *дй-гэ* – 1) п р о д о в о л ь с т в е н н ы е с к л а д ы, провиантские магазины... (БКРС. Т. II. С. 791). См.: *Маэдзава Т.* Яёй-функюбо то кофун-но сбсюцу. С. 66; *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 156; где 閣 кит. *гэ* – *суц.* 1) дворец; терем, палата, зал; 2) г о с у д а р с т в е н н о е (а д м и н и с т р а т и в н о е) у ч р е ж д е н и е; приказ; управление; присутственное место... б) книгохранилище; к л а д о в а я; с к л а д; провиантский магазин... (БКРС. Т. III. С. 129).

⁴ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 97.

⁵ Там же.

⁶ 邸閣 кит. *дй-гэ* – см. выше.

⁷ 邸 кит. *дй* – см. выше.

⁸ 「...有^レ邸閣。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁹ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 97.

¹⁰ *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 156; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 117.

Юкихиса указал, что среди китайцев из государства Вэй слово «*дй-гэ*» было общеупотребительным специальным названием военных складов, имеющих отношение к политике “военно-земледельческих поселений” (кит. *тун-тянь*).¹

Таким образом, в Японии I–III веков обнаруживается **второй признак государства – система налогообложения.**

ФФФФ. Ещё одна интересная должность периода Яматай (I–III вв.). В древности организацией межрегионального обмена занимались особые должностные лица общины – “торговые посредники”, связанные с дворцовыми и храмовыми хозяйствами.² В связи с этим, в «Вэй-чжи», в разделе о древних японцах, упоминается интересная должность: «Во всех владениях (кит. *го го*, яп. *кунй-гунй* – С.Д.) имеются рынки, есть ли, нет ли торговли³, велят контролировать [их] *даво*»⁴ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; *даво*].⁵ «[Во] владениях (кит. *го го*) имеются рынки (кит. *шй*, где проводятся торговые сделки⁶), (меновая) торговля есть [или] нет, отправляют со служебным поручением (кит. *шй*)⁷ “великого *вō*” (кит. *дā-вō*) контролировать (кит. *цзянь*; или: управлять, инспектировать⁸) их»⁹ [Вэйчжи,

¹ Ямао Ю. Указ. соч. С. 117; 屯田 кит. *тун-тянь* – 1) *ист.* обрабатывать землю руками колонистов (*с дин. Хань – военных...*); колонизация пустующих окраинных земель ... 3) поля (земли) колонистов военных поселений (*в кит. империи*)... – БКРС. Т. IV. С. 387.

² См.: История древнего Востока. Ч. I: Месопотамия. – М.: Наука, 1983. – С. 127; Шиллюк Н.Ф. История древнего мира, 1991. С. 21, 138-141.

³ 交易 кит. *цзяо и* – меняться, обмениваться; вести меновую торговлю, торговать; совершать сделку, обмен, торговля; операция, сделка; 交易 *цзяо-и* – * общаться, иметь сношения (связь). – БКРС. Т. IV. С. 50.

⁴ См.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247.

⁵ См.: Сакамото Т. «Гиси-вадзин-дэн» (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 140; Нихон дзэнси. Т. I. С. 201, 302; Сиодзава К. Кодай сэнсэй кокка-но кодзō. С. 90; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 72, 112-114; Маэдзава Т. Яёй-функюбо то кофун-но сбсюцу. С. 66; Маки К. Дай-ни-сан сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 18; Исимода С. Нихон-но кодай-кокка. С. 9-10; Деоник Д.В., Крюков М.В. Древнеяпонские государства. С. 397; Hashimoto M. Ancient Japan... P. 4-5; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си. Т. I. С. 106.

⁶ 市 яп. *ити*, кит. *шй* – *суц.* 1) торжок; рынок, базар; 2) торговые сделки... – БКРС. Т. III. С. 311.

⁷ 使 кит. *шй* – ...2) посылать, командировать; отправлять со служебным поручением; 3) заставляя... приказывать, повелевать... 4) отправляться с миссией (*в качестве посла*), быть [назначенным] послом (дипломатическим представителем). – БКРС. Т. IV. С. 69-70.

⁸ 監 кит. *цзянь* – *гл.* 2) держать под наблюдением; досматривать; контролировать, инспектировать; управлять, заведовать. – БКРС. Т. II. С. 277.

⁹ 「國國有^レ市、交易有無、使^レ大倭監^レ之。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 3-4]. Таким образом, в источнике говорится, что во всех владениях (яп. *кунй-гунй*) открыты рынки, и специальное должностное лицо *даво* надзирает за ними.¹

Некоторые исследователи полагают, что знак “*дà*” возник из-за ошибки – смешения двух иероглифов “*й-жэнь*” (досл. “один человек”), а знак “*вò*” появился позднее – и получилось “*дà-вò*”²; или поверсии Хасимото Масукити: “*дà-вò*” – это з н а т н ы й ч е л о в е к (*дà-жэнь*) из народа *во* (*вожэнь*), т.е. древних японцев Северного Кюсю.³

Видимо, *дà-вò* было несколько десятков человек (по одному в каждом владении).⁴ Как считают некоторые исследователи, *дà-вò* должен был следить за порядком на рыночном месте и осуществлять суд по искам в судебном процессе в связи с торговыми делами.⁵ Таким образом, *дà-вò* были должностными лицами, надзиравшими за рынками и, видимо, занимавшимися организацией межрегионального обмена. Поэтому должности их были постоянными, независимо от того, как говорит источник, «есть ли, нет ли торговля».

В период **Нюй-ван-го** (конец II – середина III вв.) должностные лица *дà-вò*, связанные с организацией межрегионального обмена – сохранялись [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Среди исследователей есть определённые расхождения во взглядах на то, кто т е п е р ь назначал *дà-вò*⁶: а) его присылала женщина-государь Бимиху⁷, которой *дà-вò* прямо подчинялся⁸, на что может указывать значение глагола *шй* – “командировать; отправлять со служебным поручением; отправляться с миссией (в качестве посла)”⁹; б) *дà-вò* был связан с “великим предводителем” (*й-дà-шуйй*), т.е. наместником в северо-западном Кюсю), подчинялся ему¹⁰; в) прави-

---

¹ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 97; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 117.

² 「一人」→「大」– Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 141.

³ 「大人倭人」→「大倭人」→「大倭」– См.: Сакамото Т. Указ. соч. С. 140; Нихон дзэнси. Т. I. С. 302; Hashimoto M. Ancient Japan... P. 5.

⁴ См.: Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 97; Hashimoto M. Op. cit. P. 5; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 117.

⁵ Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 140.

⁶ Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 9; Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 5.

⁷ Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 9; Маки К. Дай-ни-сан сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 18; Деопик Д.В., Крюков М.В. Древнеяпонские государства. С. 397.

⁸ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 72, 112-113, 117.

⁹ БКРС. Т. IV. С. 699-670.

¹⁰ Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 9-10.

тели владений сами назначали *дà-вò* на своих рынках.¹

Полагают, каждый *дà-вò* в своей административно-территориальной единице (владении в составе Нюй-ван-го) следил за порядком на рыночном месте и осуществлял суд по искам в судебном процессе по торговым тяжбам.² Правитель каждого владения собирал налоги³ (кит. *цзү-фү*⁴), хранил их в амбарах, а также взимал торговый налог, поручая чиновнику *дà-вò* надзирать за рынками.⁵

хххх. В Нюй-ван-го существовал особый **наместник** – *й-дà-шуйй* (яп. *ити-дай-соцу*)⁶ – дословно «великий предводитель», резиденция которого находилась в Иду-го, на северо-западном побережье Кюсю. Он был «специально установлен... для надзора за вассальными владениями (кит. *чжү-гò* – “всеми владениями” – *С.Д.*). Вассальные владения страшатся его»⁷ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «От Нюй-ван-го на север [есть] особо установленный один “великий предводитель” (кит. *й-дà-шуйй*), [который] инспектирует (кит. *цзяньчá*) все владения (кит. *чжү гò*). Все владения боятся (кит. *вэй-дàнь*) его. Постоянно правит (кит. *чжй*; установив [свою] резиденцию) в Иду-го»⁸ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, Иду-го].⁹ Ямао Юкихиса полагал, что фразу «все владения страшатся

¹ Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 5.

² Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккò. С. 140.

³ 「收^レ租賦。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

⁴ 租賦 кит. *цзү-фү* – подать; налог; обложение. – БКРС. Т. II. С. 272.

⁵ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 97.

⁶ 一大率 кит. *й-дà-шуйй* (яп. *ити-дай-соцу*) – “великий предводитель”; где 率 кит. *шуйй* (*шò*) – гл. 1) вести за собой; встать во главе; возглавить, командовать... *суц.* ...б) *вм.* 帥 кит. *шуйй* – 1) предводитель; начальник, командир; военачальник, полководец; главнокомандующий... (БКРС. Т. II. С. 821; Т. III. С. 290); 大帥 кит. *дà-шуйй* – г л а в н о к о м а н д у ю щ и й; 2) *уст.* г е н е р а л – г у б е р н а т о р. – БКРС. Т. III. С. 624.

⁷ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 247.

⁸ 「自女王國以北、特置^レ一大率、檢察^レ諸國、諸國畏憚^レ之。常治^レ伊都國。」 (Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547); где 「治^レ伊都國」 «установить столицу в Иду-го»; 治 кит. *чжй* – 1) держать в порядке... править... 7) * установить столицу в... – БКРС. Т. II. С. 538.

⁹ См.: Мицуки Т. «Ва-коку-ò-суй-сё-гò» (кит. Во-го-ван-шуйй-шэн-дэн)-но ити-канкэн. С. 56; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 131; Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккò. С. 139; Ямао Ю. Нихон кодай òкэн-кэйсэй сирон. С. 112-113; Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 4-5; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 96; Мацумото С. Сэйтё-цүси. Т. III. С. 218; Саэки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81; Исимода С. Нихон-но кодай кокка. С. 9; Маки К. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн. С. 96.

[“великого предводителя”]» нужно понимать как то, что его «страшились» главы всех общин северного Кюсю.¹ Наместник («великий предводитель»), как видно из текста, был послан в Иду-го правительницей.² Некоторые учёные полагают, что он – местный чиновник, назначенный центральным правительством.³ Он должен был надзирать за территориями к северу от столичного владения⁴, осуществлять контроль за данным регионом, важным во всех отношениях – в экономическом, стратегическом и политическом. Поскольку Ематай имело выход лишь к заливу, глубоко заходящему в остров (залив Симабара), оно было заинтересовано в гаванях, стоящих на побережье Кюсю, открытого к морю в северной и западной частях. Такие гавани находились в Иду-го.⁵ К тому же здесь были расположены общины, имевшие наследственных правителей (*ванов*): Дуйма-го (о-ва Цусима), Ида-го (о. Ики) и Молу-го (яп. Мацура). Гавани на побережье, обращенном к Корее, островам Цусима и Ики – были очень важны для связей с Кореей и Китаем, для внешнеполитической деятельности и для организации межрегионального обмена.⁶ В связи с этим, в Иду-го «...имеется похожий на “цъшый” (начальника округа)⁷ правитель (*ван*), [который] посылает послов посетить столицу [Вэй] и область Дайфан»⁸ в Корее [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 5-6]. Исследователи считают, что такое особое положение *вана* Иду-го связано с тем, что здесь ранее существовал центр объединения Во-мяньту-го (на что может указывать и само название данного владения⁹), которое в 107 году направило посольство к императору Восточной Хань.¹⁰ Сюда же в Иду-го прибывали посланники с континента для аудиенции у главы Нюй-ван-го: «Послы от областей [Дайфан, Лолан] и от всех владений (кит. *го*) [Сам]хан [в] Японии (Во-го), все, при-

¹ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 114.

² Воробьев М.В. Указ. соч. С. 96; Сакамото Т. Указ. соч. С. 139; Ямао Ю. Указ. соч. С. 72, 113-114.

³ Воробьев М.В. Указ. соч. С. 97; Сакамото Т. Указ. соч. С. 139; Ямао Ю. Указ. соч. С. 113.

⁴ Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20; Миура Ё. Хадака нихон-си. С. 131; Сакамото Т. Указ. соч. С. 139.

⁵ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 97.

⁶ Там же.

⁷ 刺史 кит. *цъшый* – ревизор (по округам, дин. Хань); начальник округа (до дин. Цин). – БКРС. Т. II. С. 1021.

⁸ 「...伊都國。於國中有如^レ刺史、王遣^レ使詣^レ京都、帶方郡。」 – Саньго-чжи, 2004.

Т. II. С. 547; ср.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 247. См.: Ямао Ю. Указ. соч. С. 112; Мацумото С. Сэйтё-цуси. Т. III. С. 218; Сазки Ю. указ. соч. С. 81; Мэдзава Т. Яёй-функёбо то кофун-но сбсюцу. С. 65.

⁹ 伊都國 кит. Иду-го – досл. “Той (другой) столицы владение”.

¹⁰ Ямао Ю. Указ. соч. С. 113.

быв к переправе¹ [Иду-го], [всё] досконально разузнают (кит. *сōу*)² и заявляют [о себе] (кит. *лōу*)³, передают и посылают служебные письма (кит. *вэньшū* – официальные документы⁴ – С.Д.) и подарки, [чтобы] представиться (явиться) к государю–женщине, [в этом случае] не должно быть ошибки⁵»⁶ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 6-8]. Поэтому в силу важности этого района, как сообщает источник, «к северу от владения государя-женщины», то есть в Иду-го, и был посажён «великий предводитель» (кит. *й-дà-шуйй*, яп. *ити-дай-соцу*) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, *и-да-шуйй*; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 4-5]. Кроме контроля над данным регионом, «великий предводитель» выполнял также функции военачальника⁷ и контролировал связи с континентом – Китаем, Лоланом, Дайфаном, Хан (внешнеполитическая функция).⁸

Как и везде в древности, наместники какой-либо территории выступали там одновременно высшей судебной и апелляционной инстанцией в своём наместничестве. Поэтому деятельность «великого предводителя», видимо, была связана и с осуществлением судебных, следственных и надзорных функций. На такие функции «великого предводителя» могут указывать значения иероглифов, описывающих деятельность “*и-да-шуйй*”: *цзэньчá* – 1) *юрид.* производить следствие; осуществлять прокурорский надзор; следить за точным исполнением законов; 2) инспектировать, ревизовать; осуществлять цензуру.⁹ К тому же, исследователи усматривают определённую

¹ 津 кит. *цзэнь* – *суц.* 1) переправа, перевоз... – БКРС. Т. II. С. 901.

² 搜 кит. *сōу* – *гл.* 1) искать, разыскивать, обнаруживать (*при обыске, что-л.*); 2) осматривать, обшаривать... 3) тщательно исследовать, досконально разузнавать... – БКРС. Т. III. С. 1003.

³ 露 кит. *лōу* – *гл.* А. появляться; проявляться, выходить наружу; получать огласку (*также модификатор результативных глаголов, означающий проявление (разгласку)*)... Б. 1) обнаруживать, проявлять... 2) разглашать, предавать гласности... – БКРС. Т. II. С. 522.

⁴ 文書 кит. *вэньшū* – официальный документ, казённая бумага, служебное письмо. – БКРС. Т. IV. С. 60.

⁵ 差錯 кит. *чáцз* – 1) ошибаться; ошибка, промах; 2) *перен.* делать ложный шаг, ошибаться; 3) неожиданная беда; неожиданность... – БКРС. Т. II. С. 70.

⁶ 「諸韓國、及郡使倭國、皆臨^レ津、搜露、傳送^レ文書、賜遺^レ之物、詣^レ女王、不得^レ差錯。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; ср.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 247.

⁷ Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 113-114. См.: 大帥 кит. *дà-шуйй* – главнокомандующий. – БКРС. Т. III. С. 624.

⁸ Уэмура С. Ямагай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 20; Ямао Ю. Указ. соч. С. 113, 72; Сакамото Т. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккб. С. 139; Мацумото Сэйтё 松本 清張. Сэйтё-цзүси 清張通史. – Токио 東京: Кбданся 講談社, 1978. – Т. IV. – С. 17.

⁹ 檢察 кит. *цзэньчá* – БКРС. Т. IV. С. 616.

связь между созданием должности *й-дд-шуйй* и контролем над рынками владений¹ (см. комментарий «фффф»).

В Иду-го, кроме «великого предводителя» (*й-дд-шуйй*) и местного правителя (*ван*), имелись ещё три правительственных чиновника.² Ни в одном владении, кроме Ематуй (четыре чиновника), такого количества должностных лиц не называется³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Иду]. К тому же, судя по тому, что здесь употреблены местные названия – на должности назначались представители местной знати. Этим ещё раз подчёркивается большое значение Иду-го в системе Нюй-ван-го и достаточно самостоятельное его существование.

щщщ. См. комментарий «хххх».

чччч. В китайских династийных историях говорится о составлении при дворе государыни Нюй-ван-го записей (кит. *цзи*)⁴ для счёта лет (кит. *нянь-цзи*)⁵ и докладов к китайскому двору (кит. *бяо*)⁶; о получении и прочтении китайских дипломатических документов (кит. *вэнь-шуй*⁷, *чжаошуй*⁸ и *лу*)⁹ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, 238 (239), 240 гг.; Вэй-чжи, цз. 30, вожэнь, л. 26 б, 6-7; Тайпин-юй-лань, Вэй-люэ; Цзинь-шу, св. 97, Во; Цзинь-дянь]. Видимо, при дворе Нюй-ван-го и, может быть, других государств I–III вв.

¹ *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 140; *Исимода С.* Нихон-но кодай кокка. С. 9-10; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй си-рон. С. 112; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 97.

² 「官曰^レ爾支、副曰^レ泄謨觚、柄渠觚。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; см.: *Саэки Ю.* Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81; *Танака К.* Дзингу-дэнсё-кōряку. С. 6.

³ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 244.

⁴ 「...但 記^レ春耕秋收、爲^レ年紀。」 – Цит. по: *Хасимото М.* Тōё-си-дзё-ёри митару ни-хон дзё-ко-си кэнкō, 1956. С. 13; *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 60; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 100, 226; ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 246; где 記 кит. *цзи* – гл. ...2) отмечать, записывать... *суц.* 1) з а п и с ь; с о ч и н е н и е; д о к у м е н т; о ф и ц и а л ь н а я б у м а г а, д о к л а д; 2) *лит.* з а п и с к и; л е т о п и с ь... – БКРС. Т. IV. С. 335.

⁵ 年紀 кит. *нянь-цзи* – счёт годов (БКРС. Т. II. С. 892); где 紀 кит. *цзи* – ...3) записи, заметки... летопись деяний, анналы, хроника... 4) * источники летосчисления... – БКРС. Т. IV. С. 338.

⁶ 「倭王 因使^レ上 表...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548; *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 249; где 表 кит. *бяо* – ...6) официальный документ (меморандум), доклад, представление; 上表 кит. *шан-бяо* – представить доклад. – БКРС. Т. III. С. 884.

⁷ 文書 кит. *вэньшуй* (*шуй*) – официальные документы. – БКРС. Т. IV. С. 60.

⁸ 詔書 кит. *чжаошуй* – высочайший указ. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548; *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 248-249.

⁹ 錄 кит. *лу* – ...список, опись... (БКРС. Т. III. С. 819). – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548; *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 248-249.

нанимались переводчики и специалисты, знающие китайскую письменность и язык (китайские писцы и секретари).¹

Кроме того, сбор налогов требовал чиновников со специальной подготовкой, умеющих считать и писать. Сами японцы, по сообщению китайских династийных историй, изначально использовали такие архаические способы фиксации, сохранения и передачи информации как «резы на дереве»² и верёвочное письмо³ (кит. *цзэ-шэн*)⁴ [Суй-шу, св. 81-й, *дуньши*, Во-го; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, Во].

Атрибутом чиновника, видимо, становится *зү* (яп. *ко* – гранёная дощечка для письма⁵; этот иероглиф использован в названиях некоторых должностных лиц). В японских текстах, рассказывающих о событиях конца III века [испр. хрон.]⁶ на Кюсю, упоминаются “ба м б у к о в ы е д о щ е ч к и д л я п и с ь м а” (яп. *саку*)⁷ [Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *каното-тори* (301 г.

¹ См.: *Сэнсом Дж.Б.* Япония: Краткая история культуры. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 69, 43. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* К вопросу об использовании письменности в период Яматай (I–III века н.э.) // Актуальные вопросы востоковедения: проблемы и перспективы. Материалы IV межд. заоч. научно-практ. конф. / Отв. ред. Н.В. Гурьян, О.А. Трофименко. – Владивосток: ДВФУ, 2013. – С. 128-143.

² 「刻^レ木」 яп. *коку моку*, кит. *кэ мю* – досл. “резать [знаки на] дереве”. – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1653; Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2563; где *刻* яп. *коку* / *кидзаму*, кит. *кэ* – гл. 1) вырезать, гравировать, насекать (*что-л.*, *на чём-л.*); 2) запечатлевать; увековечивать (*что-л.* *на чём-л.*)... *суц.* ... 4) резная надпись; резьба, гравировка, насечка; ср.: *刻石* кит. *кэ-ши* – 1) гравировать; вырезать иероглифы (знаки, рисунки; *на камне*)... 3) резать текст [на камне]; *刻字* кит. *кэ-цзы* – вырезать иероглифы, гравировать надпись; *刻字* кит. *кэ-цзы* – выгравированная надпись (БКРС. Т. II. С. 1028); *刻文* кит. *кэ-вэн* – археол. резная надпись (*напр. на камне*). – БКРС. Т. II. С. 1029.

³ 「唯刻^レ木・結繩。」 – Суй-шу, 2004. С. 1653; 「唯刻^レ木・結繩。」 – Бэй-ши, 2004. С. 2563. См.: *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. – М.: Наука, 1987. – С. 6.

⁴ *結繩* яп. *кэцу-дзэ*, кит. *цзэ-шэн* – завязывать узлы на верёвке (*древний способ запоминания текущих дел, вместо письма*). – БКРС. Т. II. С. 462-463.

⁵ *觚* яп. *ко*, кит. *зү* – гранёная дощечка для письма. – БКРС. Т. III. С. 616.

⁶ О хронологии данного периода см.: *Суровень Д.А.* К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // *Genesis: исторические исследования*. – 2015. – № 3. – С. 136-220; *Суровень Д.А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // *Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств*. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998. – С. 175-198; *Суровень Д.А.* Конфедерация Ямато (вторая половина 10-х – первая половина 20-х годов IV века) // *Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин*. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. – Вып. 15-й. – С. 163-180.

⁷ *策* др.-яп. *вопому*; совр.-яп. *саку*, кит. *цэ* – бамбуковые дощечки для письма, книга на бамбуковых дощечках, гадательная палочка; счетная бирка. – БКРС. Т. III. С. 768.

[испр. хрон.]); Синсэн-сѣдзи-року, св. 17-й, Ямато-но сукунэ]. И в более позднее время в Японии расширяющаяся к концу небольшая дощечка служила в старые времена символом власти и государственной службы её обладателя.¹

шшшш. См. комментарий «ч».

щщщщ. Исследователи считают, что речь идёт о «государе–предводителе страны Во» (кит. *Вō-гō wān-шуй*). См. комментарий «и».

ыыыы. См. комментарии «зз» и «лл».

ээээ. См. комментарии «ии» и «кк».

юююю. См. комментарий «нн».

яяяя. См. комментарий «мм».

ааааа. См. комментарий «оо».

ббббб. См. комментарий «пп».

ввввв. См. комментарии «тт» и «уу».

ггггг. См. комментарии «фф» и «хх».

ддддд. В 238 году новая северо-китайская династия Вэй, возникшая на развалинах династии Хань, решила восстановить контроль над владениями в южной Маньчжурии и Корее, для чего сюда была отправлена крупная экспедиционная армия. Владение семьи Гунсуней (государство Янь) было ликвидировано [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, *вожэнь*, л. 1 а]², а на их землях – созданы новые округа: Ляодун, Чанли, Сюаньту, Дайфан, Лолан [Цзинь-шу, гл. 14, л. 11 б].³ В этот, уже вэйский, Дайфан и прибыло посольство из Нюй-ван-го, во главе с *dàfū* Наньшэнми «с просьбой разрешить явиться к Сыну Неба и представить дань»⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238 год, 6-я луна; Вэй-чжи, цзюань 30, *вожэнь*, л. 27 а, 9-10]. В разделе о *вожэнь* это событие ошибочно датировано 2-м годом *Цзинчу* (6-й луной 238 года), то есть за два месяца до начала военной операции войск династии Вэй против Гунсунь Юаня, что явно является ошибкой, так как должен быть «3-й год *Цзинчу*» (239 г.) – именно так записано в «Нихон-сёки», где цитируется данное место из «Вэй-чжи»⁵ [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингу, 39-й год; Nihongi, IX, 25].

В 12-й луне этого же года японское посольство прибыло в столицу Вэй –

¹ *Накорчевский А.А.* Синто. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2000. – С. 250-251.

² Цит. по: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 227. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Государство Янь династии Гунсунь в южной Маньчжурии и его внешнеполитические связи с Японией в первой половине III века // Китай: история и современность. Материалы VI международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20-21 ноября 2012 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 146-154.

³ Цит. по: *Бутин Ю.М.* Корея: от Чосона к Трем государствам. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 53; см. также: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 114.

⁴ См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 248.

⁵ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 277; Nihongi. Part 1. P. 245.

Янь-цзин (Пекин).¹ Император Мин-ди принял Наньшэнми и второго посла – Души Ньюли, выслушал их доклад, взял подарки от Бимиху – четырёх мужчин–*шэн-кёу* (“*пленников*”) и шесть женщин–*шэн-кёу* (“*пленниц*”) [о *шэн-кёу*, яп. *сэйкё* – см. комментарий «е»], «различного цвета холста два куска длиною в две сажени», – и был «очень растроган»² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, 238 год (239 г.), 12-я луна]. Династия Вэй не только признала Бимиху «любящей Вэйскую династию», пожаловав золотую печать с фиолетовой кистью и включив этим страну Во (Японию) в свою политическую систему зависимых государств, но и пожаловала послам китайские титулы вместе с серебряными печатями с тёмными кистями; о чём Бимиху было сообщено письменно и с соответствующими подарками³ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238 (239) год, 12-я луна, письмо Мин-ди]. В период с 240 по 247 годы происходил активный обмен посольствами Ньюван-го и Вэй (в 240, 243, 245, 247 гг.) – в числе подарков от Во опять были *шэн-кёу* (“*пленники*”). Вэй даровала печати и разные ценности⁴ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 240, 243, 245, 247 гг.].

ееее. О пленниках (кит. *шэн-кёу*, яп. *сэйкё*) см. комментарий «е».

жжжжж. Звание *шуй-шань чжун-лан-цзян*⁵; звание *чжун-лан-цзян* – *ист.* начальник дворцовой стражи⁶ (в периоды Цинь и Хань)⁷, по мнению Иноуэ Каору, было связано с командованием службами ночных караулов во дворце, личной охраны государя, дежурства при высокопоставленных лицах.⁸ Именно в таком значении понимают титул, полученный японскими посланниками (Наньшэнми, Исегоу; возможно, Ишэнци и ещё восемь человек) некоторые исследователи.⁹ Но Иноуэ Каору обратил внимание на то, что перед титулом “*чжун-лан-цзян*” стоит приставка “*шуй-шань*”, где “*шуй*” означает “вести за собой; вставать во главе; возглавить, к о м а н д о в а т ь, во главе; предводитель, начальник; полководец, командир”¹⁰; а “*шань*” – “лучшие люди”¹¹, что можно перевести как “предводительствующий лучшими людьми”. Иноуэ Каору указывает, что подобных званий

¹ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 80–81.

² Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 248.

³ Там же. С. 248.

⁴ См.: Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 249–250.

⁵ 率善中郎將 кит. *шуй-шань чжун-лан-цзян*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548.

⁶ 中郎將 кит. *чжун-лан-цзян* – *ист.* начальник дворцовой стражи. – БКРС. Т. II. С. 922.

⁷ См.: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи). Т. III. С. 682, 938; Young J. The Location of Yamatai. P. 34; Sources of Japanese traditions. P. 6.

⁸ Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 153, 154.

⁹ Young J. The Location of Yamatai. P. 34; Sources of Japanese traditions. P. 6.

¹⁰ 率 кит. *шуй*. – БКРС. Т. II. С. 821.

¹¹ 善 кит. *шань* – *прил.* 1) хороший, прекрасный... на и л у ч ш и й ... 2) умелый, искусный; знающий... *суц.* ... 2) лучшие люди. – БКРС. Т. II. С. 464.

“чжун-лан-цзян” и “сяо-вэй” с приставкой “шуй-шань” при дворе Вэй не было, поэтому исследователь стал рассматривать данный бином как эвфемизм (красивое название).¹ В общем, перевод титула “шуй-шань чжун-лан-цзян” звучит как “предводительствующий лучшими людьми начальник дворцовой стражи”.

3333. Проблема с титулом “шуй-шань сяо-вэй” (полученным Души Нюли) решается аналогичным образом: (а) “шуй-шань” – украшательная приставка; “сяо-вэй” – “воевода, полководец” (с династии Хань).² Иноуэ Каору приводит мнение двух японских учёных (Вата и Исихара) относительно титула “шуй-шань сяо-вэй”: по их мнению, это было должностное лицо, руководившее дежурной службой (при высокопоставленном лице) (кит. *шй-чжй*)³, ночными караулами во дворце и личной охраной государя (кит. *сү-вэй*)⁴ в дворцовом (запретном) городе (кит. *гүнчэн*⁵).⁶

иинии. Подавляющее большинство зеркал найдено в захоронениях. Надписи на зеркалах представляют собой, как правило, род заклинательных текстов (заклинания определяют как «род заклинательных текстов даосского содержания»⁷). Поскольку зеркало считалось олицетворением солнца, то многие из них украшают надписи, прославляющие солнце, например: «Если солнце будет светить, то в Поднебесной будет очень светло».⁸ При этом ряд исследователей считает, что все надписи на изготовленных на территории Японии зеркалах имеют прямые китайские прототипы. Формы иероглифов на японских зеркалах настолько искажены, что у некоторых учёных возникают сомнения в том, умели ли изготовители читать надписи.⁹

Происхождение эпиграфики на бронзовых зеркалах истолковывается некоторыми историками двояким образом (при этом обе интерпретации не исключают друг друга). Во-первых, надписи на зеркалах могли быть сделаны переселенцами с материка, которые какое-то время сохраняли свою культурную идентичность, а затем в значительной степени утратили её, растворившись в местной культурной среде и социуме. Во-вторых, японские

---

¹ Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 154.

² 校尉 кит. *сяо-вэй* – 1) *ист.* воевода, полководец. – БКРС. Т. IV. С. 55.

³ 侍值 кит. *шй-чжй* – дежурить, нести службу (*при высокопоставленном лице*). – БКРС. Т. III. С. 44.

⁴ 宿衛 кит. *сү-вэй* – [нести] ночной караул (*во дворце*); личная охрана (*государя*). – БКРС. Т. II. С. 612.

⁵ 宮城 кит. *гүнчэн* – дворцовый (императорский, запретный) город. – Там же. С. 542.

⁶ Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 154.

⁷ Мецзяков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 104.

⁸ Цит. по: Мецзяков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 104.

⁹ Мецзяков А.Н., Грачёв М.В. Указ. соч. С. 104.

мастера могли копировать китайские зеркала, употребляя иероглифику в качестве элемента орнаментального украшения, не понимая смысла написанного. В любом случае этот тип письменных источников полностью зависит от своих китайских прототипов (вплоть до датировок по китайским девизам правления).¹ Однако здесь следует различать: (1) лиц, составлявших надписи и, естественно, знавших письменность; и (2) литейщиков, которые изготавливали формы для отливки зеркал. Некоторые мастера–металлурги могли не знать китайские иероглифы, поэтому при изготовлении литейной формы они могли допускать ошибки, воспринимать и копировать знаки как узор или орнамент.

В Японии найдено 257 зеркал, имеющих надписи китайскими иероглифами.² В большинстве случаев – это пожелания удачи.³ Заметное количество зеркал имеют датировки 30-х – 40-х годов III в. (235, 238, 239, 240, 244 годов).⁴ Есть зеркала без дат, но с надписями, в которых указаны фамилии мастеров–зеркальщиков. Это узкий род мастеров *Чэнь*, узкий мастер *А*, узкий мастер *Цин Гай*, мастер *Синь*, род мастера *Чан (Чжан)*, роды мастеров *Янь*, *Ван*, *Лун*, *Ли*, *Юань*, *У* и т.д.⁵ Часть этих мастеров переселились из Китая на Японские острова, о чём свидетельствуют надписи на зеркалах. На одном из зеркал есть надпись: «Семья *Чэнь* делала зеркала... **прибыли на восток моря...**»⁶ – т.е. в Японию, где это зеркало и было изготовлено. В сокровищнице музея города Касивабара округа Осака хранится зеркало, выкопанное из кургана *Тяусуяма-кофун*. На нём сделана надпись: «[Мастер по имени] *А* сделал [это] светлое зеркало, воистину большое [и]

---

¹ *Мещеряков А.Н., Грачёв М.В.* История древней Японии. С. 105.

² Нихон дзэнси. Т. I. С. 318; *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. III. С. 212, 214; *Такасака Ёсими* 高坂 好. Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ 吳の周仲鏡について // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1967. – № 225. – С. 65-79; *Такасака Ёсими* 高坂 好. Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ 吳の周仲鏡について // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1967. – № 226. – С. 36-50; *Мицуки Таро* 三木 太郎. “Ги (кит. Вэй)”-но кинэн-кагами-ни кан-суру сирон 魏の紀年鏡に関する試論 // Нихон-рэйкиси 日本歴史. – 1991, июнь. – № 517. – С. 41-56; *Kidder J. Edward, Jr.* Himiko and Japan’s elusive chiefdom of Yamatai: archaeology, history, and mythology. – Honolulu: University of Hawai’i Press, 2007. – P. 169, 170.

³ *Tsuda Noritake.* Handbook of Japanese art. – Tokyo: Tuttle Publishing, 1991. – P. 18.

⁴ Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: <http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html> (дата обращения: 28.05.2013); *Kidder J.E.* Himiko and Japan’s elusive chiefdom of Yamatai. P. 169.

⁵ Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: *Ibid.*; *Kidder J.E.* Himiko and Japan’s elusive chiefdom of Yamatai. P. 170-171.

⁶ 「陳氏 作^レ鏡... 至^レ海東。」 – Цит. по: *Такасака Ё.* Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ. № 226. С. 43.

хорошее. Уплыли–вышли из Поднебесной ■ [бродили по]¹ четырём морям [вокруг Китая] (кит. *сы-хай*). Используя бронзовое [зеркало], **прибыли на восток моря** [в Японию]».²

В кургане Ама-мия-яма на территории города Такацуки округа Ōсака (исследователи считают, что он построен около 270 года³) было обнаружено пять зеркал, которые имели надписи – в том числе одно (№ 2) – с самой ранней датировкой на зеркалах, найденных на территории Японии. Надпись гласила: «*Цин-лун* 3-й год (235 год), род [мастеров] *Янь* сделал [это] зеркало...».⁴ Зеркало с такой же датировкой “3-й год *Цин-лун*” мастера *Янь* было найдено в кургане Ōта-минами № 5 уезда Нака в округе Киото, а ещё одно – является частью частной коллекции.⁵

В центральной и восточной Японии найдены зеркала с датировочными надписями **южно-китайского государства У** – “1-й год *Чи-у*” (赤烏元年) [238 г.] (в провинции Каи) и “7-й год *Чи-у*” (赤烏七年) [244 г.] (в провинции Сэццу).⁶

---

¹ Фрагмент 「浮由天下 ■ 四海」 имеет утраченный иероглиф. Фурута Такэхико указывает, что на другом зеркале есть подобное выражение: 「浮由天下 敖 四海」 (*Фурута Такэхико* 古田 武彦. Санкаку-эн синдзю-кё (3). № 10. 三角縁神獸鏡 (3). 第10号 // URL: <http://home.b06.itscom.net/kodaishi/page026.html> (дата обращения: 28.05.2013)); где 敖 кит. *áo* – гл. ...бродить; шататься... (БКРС. Т. III. С. 1081). Фурута Такэхико определяет это зеркало как изделие, созданное в Японии **уским мастером**, бежавшим из Китая (*Фурута Такэхико* 古田 武彦. Синдзицу-но Кинки – сан-сэйки иго 真実の近畿 – 三世紀以後. – Хигаси-ōсака 東大阪: Фурута-сигаку-но кай 古田史学の会, 2005. – С. 1; *Фурута Такэхико* 古田 武彦. Санкаку-эн синдзю-кё (3). № 10. 三角縁神獸鏡 (3). 第10号 // URL: Ibid.; см.: *Ясумото Битэн*. Санкаку-эн синдзю-кё-ва Химико-но кагами ка? 安本 美典. 三角縁神獸鏡は卑弥呼の鏡か // URL: <http://yamatai.cs.cside.com/yasumoto/tyosyo81.htm> (дата обращения: 28.05.2013)).

² 「吾 作 明竟、真大好、浮由 天下 ■ [敖] 四海、用 青同、至 海東。」 – Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: <http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html> (дата обращения: 28.05.2013); *Фурута Такэхико* 古田 武彦. Санкаку-эн синдзю-кё (3). № 10. 三角縁神獸鏡 (3). 第10号 // URL: Ibid.

³ Амамияма 4. 「青龍三年」方格規矩四神鏡 (2 号鏡) // URL: <http://www.tcn.zaq.ne.jp/meiyoh2/amamiyayama/index1.html> // *Amamiyama04.files/m_seryu.htm* (дата обращения: 28.05.2013); Санкаку-эн синдзю-кё Ги-кё-но сёмэй 三角縁神獸鏡魏鏡の証明 // URL: <http://www.k3.dion.ne.jp/~yamas/kodaiy2k/gikyuo.htm> (дата обращения: 28.05.2013).

⁴ 「青龍三年、顔氏 作 鏡...」 – Цит. по: Амамияма 4. 「青龍三年」方格規矩四神鏡 (2 号鏡) // URL: Ibid.; *Kidder J.E.* Op. cit. P. 171, 172.

⁵ Амамияма 4. 「青龍三年」方格規矩四神鏡 (2 号鏡) // URL: Ibid.; *Kidder J.E.* Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai. P. 169, 172.

⁶ Нихон рэкэйси дайзигэн, 1962. Т. 19. С. 8; БКРС. Т. I. С. 161; *Kidder J. Edward, Jr.* Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai. P. 172, 173; Санкаку-эн синдзю-кё-но

В Японии обнаружено семь зеркал с датировочными надписями, изготовленными мастерами рода зеркальщиков *Чэнь*. О происхождении семьи *Чэнь* исследователи выяснили следующее. Такасака Ёсими отмечает, что известно китайское бронзовое зеркало периода Троецарствия из собрания Томиока Кэндзё, на котором сделана надпись: «Начальный год [девиза правления] *Хуан-лун* [229 г.] ...мастера *Чэнь* родом сделано...».¹ Девиз *Хуан-лун* (немного в другом начертании: 黃龍 “Желтый дракон”) применялся в **южно-китайском государстве У** в период с 229 по 231 годы.² Такасака Ёсими на основе китайских документов удалось установить, что клан зеркальщиков *Чэнь* происходил из Южного Китая: из района Гуй-цзи округа Янчжоу в Цзяннани.³ К аналогичным выводам об **южно-китайском происхождении** клана *Чэнь* пришёл в 1991 году Мицуки Таро в статье о датировочных надписях на китайских зеркалах, найденных в Японии.⁴ **Южно-китайские корни** семьи *Чэнь* подтверждаются и находками в Южном Китае бронзовых зеркал с ускими датировочными надписями (например, “7-й год *Хуан-у*” 黃武, 228 г.⁵), в которых сообщается, что зеркало сделано членами клана *Чэнь*.⁶ Мацумото Сэйтё определил зеркала с орнаментом “духов и животных”, к которым относятся и зеркала мастеров семьи *Чэнь*,⁷ как зеркала **из Южного Китая**, произведённые в Цзяннани.⁸

Зеркало с датировкой “3-й год *Цзин-чу*” (239 г.), найденное в 1951 году в квартале Камисиро-мати города Идзуми округа Осака, содержит такую надпись: «3-й год *Цзин-чу* (239 г.). [Мастер] *Чэнь* [это зеркало] сделал...».⁹ Другое зеркало с такой же датировкой “3-й год *Цзин-чу*” (239 г.) было найдено в 1973 году в местности Камибара городка Камо префектуры Симанэ (прежде область Идзумо). На нём есть частично повреждённая надпись:

надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: [http:// inoues.net/mystery/3kakubuchi.html](http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html) (дата обращения: 28.05.2013).

¹ 「黄竜元年... 師陳世造...」 – Циг. по: Такасака Ё. Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ. № 226. С. 39; см.: Kidder J.E. Op. cit. P. 168, 171.

² БКРС. Т. I. С. 160.

³ Такасака Ё. Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ. № 226. С. 39.

⁴ Мицуки Т. “Ги (кит. Вэй)”-но кинэн-кагами-ни кан-суру сирон. С. 45, 46.

⁵ БКРС. Т. I. С. 160.

⁶ Такасака Ё. Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ. № 226. С. 39.

⁷ См.: Маэдзава Тэрумаса 前澤輝政. Яёй-функюбо то кофун-но сёсюцу 弥生墳丘墓と古墳の創出 // Нихон-рэкиси 日本歴史. 1990, № 501. С. 64; Такасака Ё. Курэ-но сётё кагами-ни цуйтэ. № 225. С. 77.

⁸ Мацумото С. Сэйтё-цуси. Т. III. С. 212.

⁹ 「景初三年、陳是作。」 – Санкаку-эн синдзё-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: <http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html> (дата обращения: 28.05.2013).

«3-й год Цзин-чу (239 год), [мастер] Чэнь сделал зеркало...».¹

Ещё одно зеркало с “неправильной” датировкой “4-й год Цзин-чу” (240 г.)² было обнаружено в кургане Хироминэ № 15 местности Амата города Фукути округа Киото неподалёку от современного Киото в 1986 году.³ Надпись гласит: «4-й год Цзин-чу, 5-я луна, в день бин-у (43-й цикл. знак) [мастер] Чэнь сделал [это] зеркало по повелению служилого человека (кит. *ли'жэнь*), который поста достиг *сән-гүн* (одного из трёх высших сановников государства), по повелению матушки [этого] человека, [для того чтобы] кормить детей [и] легко плодить внуков (потомков), [чтобы] долголетие было подобно [долгому существованию] металла [и] камня же!».⁴ Фурута Такэхико определил это зеркало как зеркало уской формы.⁵ В археологическом музее Тацуума города Нисиномия преф. Хёго хранится зеркало такого же типа с аналогичной “неправильной” “японской” надписью “4-й год Цзин-чу”.⁶

Явно некаятайская (“японская”) датировка 4-го года Цзин-чу 景初四年 (240 г.)⁷ в Китае не применялась, т.к. 240 год при дворе Вэй был объявлен “1-м годом Чжэн-ши”.⁸ Это говорит о том, что надписи на зеркалах были сделаны уже в Японии, и составитель иероглифического текста ещё не знал, что в Китае девиз Цзин-чу в 240 году был сменён девизом Чжэн-ши. Следовательно, данные зеркала были изготовлены китайским мастером уже в Японии по велению некоего местного сановника, надо полагать, японца по происхождению.

В 1888 году в городе Новый Наньё префектуры Ямагути (в западном Хон-

---

¹ 「景初三年 陳是作^レ竟...」 – Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: Ibid.; Kidder J.E. Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai. P. 172, 173.

² Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: Ibid.

³ Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 105; Kidder J.E. Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai. P. 172, 173-174.

⁴ 「景初四年、五月、丙午之日。陳是作^レ鏡、吏人詔之位至^レ三公、母人詔之保^レ子宜^レ孫、壽如^レ金石兮。」 – Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: Ibid.; ср.: Kidder J. Edward, Jr. Op. cit. P. 172, 174.

⁵ Фурута Такэхико 古田 武彦. Санкаку-эн синдзю-кё (3). № 10. 三角縁神獸鏡 (3). 第 10 号 // URL: <http://home.b06.itscom.net/kodaisi/page026.html> (дата обращения: 28.05.2013).

⁶ Kidder J.E. Op. cit. P. 172, 174; Кэйсё ё-нэн мэйкё 景初4年銘鏡 // URL: <http://koto-bank.jp/word/景初4年銘鏡> (дата обращения: 28.05.2013).

⁷ Мицуки Т. “Ги (кит. Вэй)”-но кинэн-кагами-ни кан-суру сирон. С. 42; Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 105.

⁸ См.: Мицуки Т. “Ги (кит. Вэй)”-но кинэн-кагами-ни кан-суру сирон. С. 46; Маэдзава Т. Яёй-функюбо то кофун-но сёсюцу. С. 64; Kidder J.E. Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai. P. 174.

сю) из кургана на маленьком острове в заливе Токуяма было найдено сильно повреждённое зеркало с датировкой “1-й год *Чжэн-ши*” (240 г.). Надпись сохранилась не полностью, понять из которой можно было только часть. Но исследователям удалось восстановить текст. «1-й год *Чжэн-ши* (240 г.). [Мастер] *Чэнь* сделал зеркало...». ¹ В городе Такасаки преф. Гумма в кургане Канидзава местности Сибасаки периода раннего *кофун* в 1909 году было найдено зеркало с датировкой “1-й год *Чжэн-ши*” (240 г.). ² Такое же зеркало было обнаружено в 1917 году в кургане Морио города Тоёока префектуры Хёго. Китайский исследователь Ван Чжун-шу, сравнивавший зеркала, найденные в Японии, с китайскими зеркалами, пришёл к выводу, что зеркало “1-го года *Чжэн-ши*” и зеркала “4-го года *Цзинчу*” были сделаны одним человеком, т.е. мастером *Чэнь*. ³

Таким образом, два зеркала 3-го года *Цзинчу* (239 г.), два зеркала с явно некитайской (“японской”) датировкой 4-го года *Цзинчу* (240 г.) и три зеркала 1-го года *Чжэн-ши* (240 г.), ⁴ являются **зеркалами, произведенными южно-китайскими мастерами семьи *Чэнь*, выходцами из государства *У***. ⁵

Известны зеркала и других мастеров – из рода *Чан* (*Чжан*), мастера *Синь*, мастера *Цин Гай*. В уезде Ибо префектуры Хёго (прежде области Харима) в кургане № 51 Гонгэн-яма нашли зеркало с изображением святых отшельников с надписью: «[Мастер] рода *Чан* (*Чжан*) сделал зеркало воистину искусно выполненное. Правитель [острова] святых отшельников [Пэнлай], семена высокой красной сосны ⁶, лев (кит. *шйцзы*); искореняющий зло фантастический олень *бисе* ⁷; из поколения в поколение диковинные (кит. *шйюю*) [вещи] – даосский эликсир “источник бессмертия” ⁸, поющий [людей], терпящих жажду; [и] кормящий голодных китайский фи-

---

¹ 「正始元年、陳是作鏡...」 – Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: <http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html> (дата обращения: 28.05.2013); см.: *Kidder J. Edward, Jr.* Op. cit. P. 174, 175.

² Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: *Ibid.*; *Kidder J. Edward, Jr.* Op. cit. P. 172, 175.

³ *Фурута Такэхико* 古田 武彦. Санкаку-эн синдзю-кё (3). № 10. 三角縁神獸鏡 (3). 第 10 号 // URL: <http://home.b06.itscom.net/kodaishi/page026.html> (дата обращения: 28.05.2013); см.: *Kidder J. Edward, Jr.* Op. cit. P. 172, 175.

⁴ См.: *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 46; *Маэдзава Т.* Указ. соч. С. 64.

⁵ *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 46; *Маэдзава Т.* Указ. соч. С. 64; *Kidder J.E.* Op. cit. P. 178.

⁶ 赤松 кит. *чйсүн* – *бот.* сосны густоцветковой (БКРС. Т. IV. С. 838, 963).

⁷ 辟邪 кит. *бйсе* – фантастический олень, стилизованное изображение которого служило амулетом и украшением в эпоху Хань; где *бйсе* – 1) устранять зло; искоренять скверну; ограждаться от нечистой силы (БКРС. Т. II. С. 847).

⁸ 玉泉 кит. *юй-цюань* (БКРС. Т. II. С. 177).

ник¹ – [делают] жизнь подобной [длительному существованию] металла, камня [и] неба, помогут кормить [детей] же!».²

Надпись на зеркале из кургана Тяусу-яма города Касивабара округа Ёсака, именуемом “зеркало из Лояна округа Фучжоу” (в юго-восточном Китае) гласит: «[Мастер] Синь сделал [это] светлое зеркало, по Ю[чжоуской] норме трижды крепкое, медь происходит из Фучжоу, мастер происходит из Лояна».³ Фурута Такэхико (исходя из указанных на зеркале южно-китайских топонимов) сделал вывод, что это зеркало сделано в Японии **уским мастером**.⁴

На третьем зеркале сообщается: «[Мастер] Цин Гай сделал зеркало. [Пусть] варвары четырёх [сторон света] (кит. *сы-и*, т.е. все варвары) покорятся, во множестве будут поздравлять государство, народ будет отдыхать, северные варвары⁵ погибнут. В Поднебесной закончится период ветров и дождей [образно: смутное, тревожное время]⁶, пять злаков созреют, долго будут кормить обоих родителей. Можно будет получить небесную силу, [которую можно будет] передать последующим поколениям, радость [и] веселье не будет иметь конца».⁷ В китайской провинции Хунань в 1953 году было найдено зеркало с точно такой же резной надписью. Оно было выкопано из могилы № 28 гор Юэдун-шан местности Чанша, которая является территорией в землях южно-китайского государства У. Поэтому Фурута Такэхико сделал вывод о том, что зеркало мастера Цин Гая – **уское**.⁸

Исходя из южно-китайского (уского) происхождения зеркала, найденных

---

¹ 囊 кит. *цзю* – 1) китайский финик... 2) *бот.* ... грудная ягода (БКРС. Т. III. С. 767).

² 「張氏作^レ鏡、真巧、仙人王、喬赤松子、師子、辟邪、世少有、渴飲玉泉 飢食囊、生如^レ金石天、相保兮。」 – Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: <http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html> (дата обращения: 28.05.2013).

³ 「新作^レ明鏡、幽律 三剛、銅出^レ徐州、師出^レ洛陽...」 – Там же.

⁴ Фурута Т. Синдзицу-но Кинки – сан-сэйки иго. С. 1.

⁵ 胡虜 кит. *ху'лу'* – общее название народов на севере от границ Китая (БКРС. Т. III. С. 160).

⁶ 風雨 кит. *фэн-юй* – ветер и дождь; шторм, непогода; ср.: 風雨交加 кит. *фэн-юй цзю-цзю* – ветры и дожди (грозы) сменяют друг друга (*обр. в знач.: несчастье за несчастьем, беда за бедой; сплошные беды*); 風雨飄搖 кит. *фэн-юй пяо-яо* – ветры и дожди неистовствуют (*обр. в знач.: стоит смутное, тревожное время; время кризисов и затруднений; обострение положения*). – БКРС. Т. IV. С. 542.

⁷ 「青蓋作^レ竟、四夷服、多賀^レ国家、人民息、胡虜殄滅、天下復^レ風雨時節、五穀熟、長保^レ二親、得天力、傳告后世、樂母極。」 – Санкаку-эн синдзю-кё-но надзё 三角縁神獸鏡の謎 // URL: <http://inoues.net/mystery/3kakubuchi.html> (дата обращения: 28.05.2013); Фурута Т. Синдзицу-но Кинки – сан-сэйки иго. С. 1.

⁸ Фурута Т. Синдзицу-но Кинки – сан-сэйки иго. С. 1.

в центральной Японии¹, следует вывод о том, что мы не можем отождествлять Ематай-го (яп. Яматай-күни) с Ямато в Кинай на основании археологических материалов о локализации китайских зеркал в Японии, т.к. они скорее говорят о связях центральной Японии с южно-китайским государством У, нежели с северо-китайским государством Вэй. Эти выводы могут подкрепить находки в центральной Японии зеркал из страны У с ускими датировочными надписями “1-й год Чу-у” (238 г.) (в пров. Каи) и “7-й год Чу-у” (244 г.) (пров. Сэццу – столичный район древнего Ямато).² Уские зеркала могли попасть в Ямато вместе с переселенцами из У, прибывшими в Японию во второй половине III века н.э. по причине смуты в Китае и падением в 280 году государства У.³ По этой причине локализовать владения Тоума-го и Ематай-го следует не на Хонсю, а на Кюсю.

ккккк. Звание *цзянь-чжун сяо-вэй* – досл. “устанавливающий [отношения верности (преданности) воевода (полководец)”]; где *сяо-вэй* – воевода, полководец.⁴

ллллл. О Гоуну-го (яп. Куна-но күни) в среднем Кюсю – см. комментарий «шшш». Гоуну-го (яп. Куна-но күни – досл. “государство собачьих рабов”); так, видимо, китайцы передали японский пейоратив, который они услышали из уст врагов Гоуну-го – жителей Нюй-ван-го). Гоуну-го не выражало покорности Китаю и внешне⁵, и, надо полагать, не имело с Вэй дипломатических отношений.

О Гоуну-го известно немного: (1) оно было независимым от Нюй-ван-го, а его правитель враждовал с правительницей Нюй-ван-го⁶; (2) в середине III века во главе Гоуну-го стоял мужчина–правитель (кит. *нань-ван*⁷), хотя в списке «Вэй-люэ» в «Хань-юань» есть интересная фраза: «...имеется го-

---

¹ Подробнее см.: *Суровень Д.А.* К вопросу об использовании письменности в период Яматай (I–III века н.э.). С. 128–143.

² Нихон рэйси дайджитэн. Т. 19: нэмпё. С. 8. 赤烏 Чу-у (238–250 гг.) – девиз правления в южнокитайском государстве У (БКРС. Т. I. С. 161).

³ *Такасака Ё.* Указ. соч. № 226. С. 43; *Арутюнов С.А.* Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция. С. 10; см. также: *Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. III. С. 211, 216–217, 221.

⁴ 建忠校尉 кит. *цзянь-чжун сяо-вэй* – досл. “воевода (полководец), устанавливающий [отношения] верности (преданности)”; где 建 кит. *цзянь* – гл. 2) ... устанавливать [отношения]... (см.: БКРС. Т. IV. С. 178); 忠 кит. *чжун* – суц. 1) верность, преданность; лояльность... (Там же. С. 876); 校尉 кит. *сяо-вэй* – 1) *ист.* воевода, полководец (Там же. С. 55).

⁵ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80, 98.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ 男王 кит. *нань-ван* – мужнина–правитель. – Саньго-чжи, 2004. Т. III. С. 548; см.: *Сазки Ю.* Кодай кокка-но синсэй. С. 81, 82; *Саню Я.* Нихон-но акэбоно. С. 109; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 76; *Сакамото Т.* “Тиси-вадзин-дэн” (кит. Вэй-чжи-вожэнь-цзюань)-дзаккб. С. 137.

сударство Гоуну-го, женщину (кит. *нйой*) [и] мужчину (кит. *нань-цзы*) сделали государями (кит. *ван*)»¹; т.е. можно предполагать, что в Гоуну-го, так же как и в Нюй-ван-го, существовал дуализм верховной власти (*диархия*), когда женщина являлась верховной жрицей–правительницей, а её соправитель–мужчина выполнял административные, военные и судебные функции (система *химэ–хико*).²

МММММ. Из «Вэй-чжи» известно имя правителя Гоуну-го, жившего в одно время с правительницей Нюй-ван-го – Бимиху: его звали Бими Гун-ху(-су).³ Исследователи по-разному по-японски читают его имя: (а) Хими-кукку, раскрывая это как “Химико-хико” – “князь Химико” (А. Ведемейер)⁴; (б) Химэку-косо, считая бином “-косо” древним конечным словом, выражающим почтение⁵ (Сакамото Тарō); (в) искажённой иероглифической записью звучания термина Хйко-микото (досл. “почтенный знатный человек”; Сиратори К.)⁶; (г) ошибочной записью Хикуко от “хико” – термина, обозначающего главу владения (кит. *гó*, яп. *кунй*) (Ямао Юкихиса)⁷; (д) в форме “Химэкосо” это имя встречается в «Нихон-сёки», «Хидзэн-фудоки» и «Вамёсё» (Найтō Торадзирō).⁸ Но Сакамото Тарō отмечает, что “Химэ-косо” в японских источниках – это женское имя, которое носили женские персонажи: на что указывает антропоним “химэ-” – (“знатная женщина”), поэтому как имя мужчины–правителя Гоуну-го чтение “Химэ-косо” не применимо.⁹

ННННН. Нюй-ван-го и Гоуну-го, вероятно, соперничали в борьбе за гегемонию на Кюсю. Это привело к тому, что в середине 40-х годов III века начинается открытая борьба между этими государствами: в 247 году «япон-

---

¹ 「有^レ狗奴國、女男子爲^レ王...」 – Цит. по: Мицуки Т. “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн”(кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59.

² См. ранее.

³ 卑彌弓呼[素] кит. *Би-ми гун-ху(-су)*, яп. *Хи-ми ку-ко(-со)*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548; см.: *Сазки Ю.* Указ. соч. С. 81, 82; *Уэмүра С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 76, 46; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 229-230; Н.В. Кюнер читает его имя как «*Бимигун Хусу*». – *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 250; последний знак 素 яп. *со*, кит. *сү* может быть как элементом имени правителя, так и иметь самостоятельное значение “издавна, исконно; ранее, всегда, до сих пор” (БКРС. Т. IV. С. 812).

⁴ *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 229-230.

⁵ *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 129-130.

⁶ Там же.

⁷ *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 76.

⁸ 比賣語曾 яп. *Химэкосо* – святилища в Бунго и Нанива (難波) (Нихон-сёки, Суйнинки); 姬社郷 яп. *Химэкосо-сато* в уезде Кисима (基肆) провинции Хидзэн (Хидзэн-фудоки; Вамёсё). – *Сакамото Т.* Указ. соч. С. 130.

⁹ *Сакамото Т.* Указ. соч. С. 129-130.

ский государь–женщина Бимиху вместе с государем–мужчиной страны Гоуну – Бими-гун Хусу не были в мире...»¹ (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 8-й год *Чжэн-ши* (247 г.)]. По мнению Исии Рёсүкэ, Ематай-го было способно подняться до исключительного положение превосходства среди других государств Во (юго-западной Японии) благодаря помощи и поддержке от династии Вэй. С другой стороны, в период Троецарствия в Китае, три государства, возникшие после падения династии Хань: Вэй (на северо-востоке Китая), У (на юге Китая) и Шу (на западе Китая) воевали между собой. В Корее династия Вэй контролировала юг полуострова. Расширению этого влияния мешало Когурё (государство в северной Корее и Южной Маньчжурии), которое в противовес Вэй вступило в союз с врагом Вэй – государством У, находившемся в тылу Вэй. Противопоставить альянсу Когурё и У династия Вэй могла союз с Нюй-ван-го, вступив с японцами в военное и политическое сотрудничество, и помогая установить гегемонию Ематай над остальными 28 из 30 (кроме Ематай и Гоуну [Куна] государствами², имевшими дипломатические связи с Вэй в тот период (см. комментарий «к» о 30 государствах). Иноуэ Каору добавляет, что в войне Нюй-ван-го и Гоуну-го, кроме союзной оси Вэй–Ематай, проглядывается и другая линия: Гоуну-го – У³, т.к. государству У было выгодно ослабить Вэй – поэтому южнокитайское государство могло стоять за спиной правителя среднего Кюсю.

Династии Вэй в 244–245 годах при помощи *сяньбийцев* удалось ослабить Когурё и вывести (в 246 г.) это государство из игры на столетия. Усиление влияния Китая в Маньчжурии и Корее⁴ привело к тому, что династия Вэй захотела усилить свои позиции и в Японии. Поэтому просьба правительницы Бимиху была удовлетворена – в 247 году династия Вэй согласилась вести совместно с Нюй-ван-го войну против Гоуну-го.

ооооо. По мнению Н.В. Кюнера, антропоним *цзэйсби* – не личное имя, а звание посла Уюэ⁵ (яп. Уэцу). *Цзэйсби* – должностное лицо, связанное с заключением договоров.⁶

¹ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 250.

² Ishii R. A history of political institutions in Japan. P. 7.

³ Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 162.

⁴ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 34, 32.

⁵ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 250.

⁶ 載斯 кит. *цзэй-сби* – досл. “текст договора о союзе полностью” или “опубликовать это [в документах]”; где 載 кит. *цзэй* – А. гл. ... 3) быть помещённым (опубликованным, занесённым) [в анналы, книги, документы]... суц. документы, документация; анналы, исторические записки; источники, литература (по вопросу); 5) ист. речь (формула) при заключении союза; текст договора о союзе (БКРС. Т. IV. С. 243); 斯 кит. *сби* – местоим. 1) этот; это... прил. / наречие ... 2) * до конца, полностью (БКРС. Т. II. С. 738).

ппппп. Уюэ (яп. Уэцу) – имя можно истолковать как “Ворон Перелётный” (букв. “ворон переселяется”).¹

ррррр. Так как в 247 году «японский государь–женщина Бимиху вместе с государем–мужчиной страны Гоуну – Бими-гун Хусу не были в мире...»² – для того, чтобы получить помощь и поддержку от Вэй, Бимиху послала *цзай-сби* (должностное лицо, связанное с заключением договоров) Уюэ и других в Дайфан, дабы «договориться о совместном нападении»³ на Куна (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 8-й год *Чжэн-ши* (247 г.)].⁴

ссссс. *сайцао-юаньши* – досл. “мелкий служащий из штата пограничной крепости (заставы)”.⁵

ттттт. Согласие на союз с Нюй-ван-го и оказание помощи в войне против Гоуну-го от династии Вэй было получено. Новый *тайшоу* (правитель области) Дайфан – Ван Ци тут же отправил *сай-цао-юань-ши* Чжан Чжэн (-дэна)⁶ и других посланников, «чтобы вместе с перевозкой пожалованного

---

¹ 烏越 яп. Уэцу, кит. Уюэ – имя можно истолковать как “Ворон Перелётный” (букв. “ворон переселяется”); где 越 яп. эцу / коэру, косу, кит. юэ – гл. Б. 1) бегать; бежать, убегать; переселяться (БКРС. Т. III. С. 929); 1) переходить, переезжать, перебираться... 2) переселяться... 4) идти; уходить; приходить (см.: ЯРУСИ. С. 569; ЯРС. С. 309).

² Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 250; 「倭女王 卑彌呼 與 狗奴國 男王 卑彌弓呼 素 不和」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548.

³ Там же.

⁴ См.: Кудзира К. Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 145; Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 68-69; Мори К. Нихон синси. С. 165; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; Исумода С. Нихон-но кодай кокка. С. 6; Маэдзава Т. Яёй-функёбо то кофун-но сбсюу. С. 65; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 138, 162; Нихон рэйкиси дайджитэн. Т. 19: нэм-пё. С. 8; Young J. The Location of Yamatai. P. 100, 109; Уэмура С. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24; Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкё-но гэндзё. С. 162.

⁵ 塞曹掾史 кит. *сай-цао-юань-ши* – досл. “мелкий служащий из штата пограничной крепости (заставы)”; где 塞 кит. *сай* – 1) пограничный форт; крепость, цитадель; застава; 2) пограничная укреплённая линия (особенно: северо-восточная граница Китая); пограничная полоса (БКРС. Т. II. С. 119); 曹 кит. *цао* – ...3)* служащий; слуга; подчинённые; 曹掾 кит. *цао-юань* – * штат, служащие (учреждения) (Там же. С. 574); 掾 кит. *юань* – мелкий чиновник; подчинённый; канцелярист; 掾史 кит. *юань-ши* – мелкий служащий, чиновник, подчинённый (БКРС. Т. III. С. 844). Джон Янг перевёл этот термин как “acting secretary of the border” (исполняющий обязанности секретаря пограничной полосы [пограничной оборонительной линии]). – Young J. The Location of Yamatai. P. 33.

⁶ 「張政等」 в китайском издании текста именем посла считаются первые два знака (張政), а знак 等 дэн рассматривается как служебное слово, передающее значение множественности (БКРС. Т. III. С. 49) и берётся в значении «и других [людей]» (Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548), поэтому его не включают в имя (см. например: Young J. Op. cit. P. 33-34); Иноуэ Каору перевёл дэн суффиксом множественного числа “-pa” («и др.»)

по повелению жёлтого знамени для награждения Наньшэнми известить о согласии [Китай]». ¹ Таким образом, из Китая прибыл специальный посол, но в это время Бимику умерла ² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 8-й год Чжэн-ши (247 г.); Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 4].

Как считают исследователи, посол Дайфана был задержан Бимику в Иду-го, чтобы не дать ему возможности излишне глубоко вникнуть в японские дела. ³ Это был последний посол Китая при её жизни, и вскоре она умерла. ⁴

Ход войны с Куна нам не известен, и, хотя об этой стране в источниках больше ничего не говорится, Нюй-ван-го, вероятно, не удалось достичь решающих успехов ⁵ (Сиратори Куракити в 1910 году даже посчитал, что Ематай-го должно было быть разбито, т.к. Бимику умерла в то время, когда она просила помощи от Вэй ⁶, т.е. ситуация была серьёзной). Победе над Куна должны были помешать внутренние распри, возникшие после смерти правительницы: когда на престол был избран государь-мужчина (кит. *нань-ван*), то «в стране не подчинились, опять друг друга убивали, в то время убили тысячу человек» ⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.] (см. далее комментарий «цццц»). Сведения об этих событиях есть в «Лян-шу». ⁸
ууууу. Дата смерти, а также причины и обстоятельства смерти Бимику (др.-яп. Пимико, совр.-яп. Химико) точно не известны. Относительно при-

---

(*Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 157). Н.В. Кюнер прочитал эти три знака как имя китайского посла: «Чжан Чжэн-дэн» (*Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 250).

В 1873 году в кургане селения Эда, округ Тамана, преф. Кумамото, т.е. в местности, где располагалось Ематай (яп. Яматай) – было найдено 14 мечей, на одном из которых была выгравирована надпись, и в ней фигурировала фамилия “*Чжан*”. Мечи были определены японским исследователем Хосино Хисаси как *вэйские*, а Фуруя Киёси в 1910-1912 годах указал, что это меч Чжан Чжэн-дэна, посланника Дайфана, в 247 году отправленного в Нюй-ван-го. – См.: *Young J.* The Location of Yamatai. P. 126.

¹ См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 250; *Мори К.* Нихон синси. С. 165; *Уэмүра С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24.

² См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 250.

³ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 82.

⁴ См.: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 21, 69, 75; *Young J.* Op. cit. P. 54, 33-34; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 82, 106; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 37; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. I. С. 9; *Маэдзава Т.* Яёй-функюбо то кофун-но сёсюцу. С. 65; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 162; *Уэда М. и др.* Нихон кодай-си. С. 66-67; *Кудзира К.* Нихон-коку-тандзэ-но надзо. С. 146; *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 157.

⁵ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 82.

⁶ *Young J.* The Location of Yamatai. P. 109.

⁷ *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 250.

⁸ *Young J.* The Location of Yamatai. P. 54.

чин её смерти высказывались две противоположные точки зрения: (а) насильственная смерть – Иноуэ Каору полагал, что раз Бимику умерла во время войны, то это должно быть как-то связано; и он выдвинул версию, что правительница Нюй-ван-го погибла во время военных действий (например, в сражении)¹; (б) но другие учёные обратили внимание на то, что Бимику правила уже много лет (Кудзира Кийэси высчитал: пришла к власти около 190 г. – правила около полувека, т.е. была уже старая²; М.В. Воробьёв – пришла к власти в конце 180 г., значит, правила более 60 лет³). Если следовать сообщению «Самгук-саги» о посольстве от Бимику в Силла в 173 году⁴ [Самгук-саги, летописи Силла, Адалла, 20-й год пр. (173 г.), 5-я луна] (см. комментарий «зз»), то со 173 по 247 годы Бимику уже правила 74 года; кроме того, все китайские источники говорят, что Бимику на момент восшествия на престол была «в летах», взрослая, т.е. ей было более 20 лет (может быть, около 30 лет). Таким образом, в 247 году Бимику находилась в возрасте около 90-100 лет. В таком возрасте, естественно, она не могла участвовать в боевых действиях, да и выполнение военных функций было компетенцией её младшего брата-соправителя, а сама Бимику жила затворницей, чтобы не нарушить ритуальные запреты, в том числе, чтобы не было осквернения кровью (см. ранее комментарий «ии»). Поэтому можно сделать вывод, что Бимику умерла своей смертью, достигнув преклонного возраста. Относительно того, когда это произошло, исследователи ссылаются на сведения «Лян-шу», в которой (в разделе “*чжу-и, во*”) говорится, что Бимику умерла в годы *Чжэн-ши*⁵ (240-249 гг.⁶ или 240-248 гг.⁷). Так как в ходе войны с Гоуну-го в 247 году Бимику была ещё жива, то её смерть приходится на период 247-248/249 гг. В связи с этим Найтō Торадзирō обратил внимание на фразу «Вэй-чжи», в которой сразу после сведений о приезде китайского посла Чжан Чжэн(-дэна) с дарами от императора Вэй сообщается: «Бимику после смерти (кит. *Бимику и-сы*) большую соорудили насыпь...»⁸ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 5; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 8-й год *Чжэн-ши* (247 г.)]. Найтō Торадзирō в отношении словосочетания “*и-сы*” («после смерти») пояснил:

---

¹ Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 157.

² Кудзира К. Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 145, 146.

³ Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 106.

⁴ Самгук саги, 1928. Кн. 2. С. 2; *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. I. С. 93.

⁵ 「正始中、卑彌呼死。」(梁書 諸夷伝倭伝) – Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: Ямао Ю. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 21.

⁶ 正始 кит. *Чжэн-ши* – 1) 240-249 гг., 魏. – БКРС. Т. I. С. 151.

⁷ Нихон рэйкиси дай-дзитэн. Т. 19: нэмпё. С. 8; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 54.

⁸ 「卑彌呼以死、大作冢...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; см.: *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 250.

это означает, что Бимику вот-вот умерла.¹ Иноуэ Каору добавляет, что умерла правительница Нюй-ван-го ещё в ходе войны, когда только что приехал Чжан Чжэн. Следовательно, произошло это всё в 247 году.² Эту же дату – “8-й год *Чжэн-ши*” (247 г.) называют Хиго Кадзу³ и Кудзира Киёси.⁴ М.В. Воробьёв и Джон Янг предлагали 247 или 248 годы⁵, а авторы «Большого словаря истории Японии» – 248 год.⁶

ффффф. Бимику была захоронена в большом рукотворном могильном кургане (кит. *дà-цзò-чжÿн*)⁷ диаметром (кит. *цзÿн*)⁸ более ста “шагов” (кит. *бÿ*)⁹ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 5-6; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.]. Относительно формы и размеров этого кургана исследователи высказывали следующие точки зрения: Хасимото Масукити и М.В. Воробьёв, исходя из упоминания в тексте «Вэй-чжи» термина “диаметр” (кит. *цзÿн*), пришли к выводу, что речь идёт о насыпи – сферическом кургане, *не похожем* на более поздние курганы типа *дзэмпò-кòэн-фун* (в западной литературе называемых “курганами в виде замочной скважины”), появившиеся в Кинай¹¹; курган Бимику должен быть большим и высоким¹², хотя Томики Такаси посчитал, что указанный в источнике его размер – условен¹³, Н.В. Кюнёр понял и перевёл термин “бÿ” как простой шаг: «... соорудили большую насыпь из 100 с лишком шагов в поперечнике...»¹⁴; но Иноуэ Каору посчитал, что речь идёт не о простом шаге (кит. *бÿ*), а о мере длины “бÿ”, поэтому он вычислил диаметр кургана («свыше 100 бÿ»)

¹ Нихон дзэнси. Т. I. С. 296.

² Иноуэ К. Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 157.

³ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 37.

⁴ Кудзира К. Нихон-коку-тандзэ-но надзо. С. 146.

⁵ Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 106; Young J. Op. cit. P. 54, 33-34.

⁶ Нихон рэйкиси дайджитэн. Т. 19: нэмпё. С. 8.

⁷ 大作冢 кит. *дà-цзò-чжÿн* – большой рукотворный курган; где 大作 кит. *дà-цзò* – ...3) * великое дело; большая работа; крупное строительство (БКРС. Т. III. С. 621); 冢 кит. *чжÿн* – суц. 1) могильный курган; могила (БКРС. Т. III. С. 846).

⁸ 徑 кит. *цзÿн* – ...3) поперечник, ширина; диаметр. – BKPC. Т. II. С. 82.

⁹ 「大作冢、徑百餘歩。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; где 歩 кит. *бÿ* – суц. / счётное слово 1) шаг.... 7) * бу (мера длины, принимается ныне за 5 чи ~ 1,6 м, прежде равнялась также 6 чи, 6¼ чи и 8 чи). – BKPC. Т. III. С. 353.

¹⁰ См.: Кюнёр Н.В. Китайские известия... С. 250.

¹¹ Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 4; Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 78.

¹² Нихон дзэнси. Т. I. С. 306.

¹³ Воробьёв М.В. Указ. соч. С. 77.

¹⁴ Кюнёр Н.В. Китайские известия... С. 250.

[С формой и размерами могилы Химико также многое не ясно. «徑百餘歩» переведено как «сто шагов в поперечнике» (это некоторое указание на квадратную форму могилы, т.е. на квадратную могильную насыпь со рвом 方形周溝墓 Яэй или на квадратный курган *кофун*); действительно знак «徑» по-китайски означает «поперечник, ширина; диаметр»; тот, кто толкует знак «徑» как «диаметр» считает, что это указание на круглую форму могилы Химико. В таком случае, это могла быть, например, круглая могильная насыпь со рвом Яэй (円形周溝墓) или круглый курган *кофун*.

в размере 140 метров.¹ Курган Бимику до сих пор археологами не обнаружен.²

xxxxx. Как сообщает «Вэй-чжи», вместе с Бимику было захоронено свыше ста человек рабов (кит. *нубй* – досл. “рабов и рабынь”³)⁴ [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 6; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.]. Речь идёт об известном в Китае обычае созахоронения (кит. *сьонь-цзэн*).⁵

щщщ. После смерти Бимику «...ещё (раз) (кит. *гэн*) поставили (кит. *ли*) мужчину государем (кит. *нань-ван*)»⁶ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.], т.е. на престол Нюй-ван-го был избран (кит. *ли*) государь-мужчина (кит. *нань-ван*), как в своё время это произошло во второй половине II века перед избранием на трон Бимику (поэтому источник употребляет термин *гэн* – “ещё раз, снова”). Кудзира Киёси предположил, что им мог быть Наньшэнми (имя которого в японском прочтении “Насёми” этот исследователь отождествляет с именем Оси-хо-мими (Осёми) в «Кодзики» и «Нихон-сёки»). По мнению Кудзира Киёси, именно Наньшэнми и был тем младшим братом при своей старшей сестре, который помогал ей в старости управлять государством и защищать страну.⁷ Но «Вэй-чжи» ничего не сообщает о родственных связях Наньшэнми и Бимику (хотя Наньшэнми как посла Нюй-ван-го хорошо знали при дворе Вэй и несколько раз награждали за заслуги перед китайской династией). Поэтому навряд ли этим государем-мужчиной был Наньшэнми. Хотя, по нашему мнению, мужчиной-государем, избранным на трон после Бимику, как раз мог быть младший брат Бимику (который не являлся Наньшэнми), помогавший ей в управлении государством, т.к. после смерти правительницы Нюй-ван-го в его руках осталась власть (как бывшего соправителя Бимику). Но «в стране не подчинились, опять (кит. *гэн*, т.е. как перед восшествием Бимику – С.Д.) друг друга убивали (кит. *чжэ-шэ* – досл. “казнили, предавали

Кроме того, уже с сер. III в. н.э. в Японии сооружали т.н. «квадратно-круглые курганы в форме ракушки морского гребешка» (ホタテ貝型前方後円墳) с очень низкой и маленькой квадратной частью. См. прим. ii и прим. iii на с. 235. – *Прим. ред.*]

¹ *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзэ. С. 157.

² О кургане Бимику также см.: *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 63;

Исида И. Синва то рэйкиси. С. 7; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 69.

³ 奴婢 кит. *нубй* – 1) раб и рабыня, рабы; слуги... – БКРС. Т. IV. С. 976.

⁴ 「殉葬者 奴婢 百餘人。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; см.: *Кюнёр Н.В.* Китайские известия... С. 250.

⁵ 殉葬 *вм.* 殉葬 кит. *сьонь-цзэн* – 1) последовать (за умершим) в могилу; 2) *пут.* предавать погребению вместе с покойником (*напр., людей или их изваяния* [его жен, наложниц, рабов – С.Д.], *имущество умершего или его любимые вещи* [предметы, которые понадобятся ему в загробном мире – С.Д.]) (БКРС. Т. III. С. 454); см.: *Иноуэ К.* Указ. соч. С. 157; Нихон дзэнси. Т. I. С. 306; *Munro N.G.* Prehistoric Japan. P. 379.

⁶ 「更立^レ 男王」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; см.: *Кюнёр Н.В.* указ. соч. С. 250.

⁷ *Кудзира К.* Нихон-коку-тандзэ-но надзо. С. 147, 153.

смертной казни”¹ – *С.Д.*), в то время убили тысячу с лишком человек² [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28, б, 6-7]. Как считают исследователи, минимум две политические группировки боролись за власть в федерации.³ Но, как указывал М.В. Воробьев, преемник Бимиху, не имевший жреческих прерогатив (т.е. не будучи верховным жрецом – *С.Д.*), не смог удержать власть над соседями.⁴

Причём, как установили исследователи, судя по подробностям сказания о “сошествии” Ниги-хяхи-но *микото* (др.-яп. Ниги-паяпи-но *микото*) в область Ямато (изложенном, прежде всего, в «Кудзи-хонки» и кратко в «Нихон-сёки»), участниками войны 247-248 годов в федерации Нюй-ван-го, видимо, были Ниги-хяхи-но *микото* и его сподвижники⁵ (происходившие из северного Кюсю – судя по названию местностей, откуда они были выходцами⁶). Сопоставление сведений древнеяпонского сказания с сообщениями китайских династийных историй о событиях в юго-западной Японии середины III века приводит нас к выводу о том, что Ниги-хяхи-но *микото* и сопровождавшие его люди могли быть участниками борьбы за власть, развернувшейся в государстве Нюй-ван-го (яп. Дзёё-коку) после смерти правительницы Бимиху (др.-яп. Пимико, совр.-яп. Химико) в 247-248 годах. Ниги-хяхи-но *микото* и его сторонники, можно полагать, выступили против И-нуй (яп. Иё; преемницы Бимиху). И, потерпев поражение в политической борьбе, они должны были покинуть Кюсю и отправиться в странствие на восток, принеся в центральную Японию тра-

¹ 誅殺 кит. *чжэ-шэ* – казнить, предавать смертной казни. – БКРС. Т. IV. С. 758.

² 「國中_不服、更相誅殺、當時殺^レ千餘人。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; см.: Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 250.

³ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 82; о событиях после смерти Бимиху также см.: Маки К. Дай-ни-сансэйки-ни окурэ вадзин-но сьякай. С. 22; Саэки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 83; Кудзира К. Нихон-коку-тандзё-но надзо. С. 147, 148, 153; Маэдзава Т. Яёй-функюбо то кофун-но сосюцу. С. 65; Сано Я. Нихон-но акэбно. С. 65, 67; Ямао Ю. Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 69, 70, 67; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; Нихон рэйкиси дай-дзитэн. Т. 19: нэмплё. С. 8; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 63-64; Воробьев М.В. Указ. соч. С. 94.

⁴ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 95.

⁵ *Иси Ёсими*. Онкё кёгаку-но кантэн-кара мита дзёдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкё. С. 52, 54.

⁶ Анализ топонимики показывает, что переселенцы (прежде всего, люди рода Мононобэ) были изначально связаны с местностями в бассейне реки Онга [уездов Онга и Куратэ, возможно, Кама в провинции Тикудзэн; и уездов Кикю и, возможно, Мияко в провинции Будзэн], где и ныне очень много святилищ, где почитаются боги и предки клана Мононобэ. – Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Сказание о “сошествии” Ниги-хяхи-но *микото* как источник о миграции группы населения с острова Кюсю в Центральную Японию в середине III в. н.э. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2020. – № 2 (18). – С. 38-63.

диции *ранней государственности* юго-западной Японии и топоним Ямато¹ (по названию главного владения в государстве Нюй-ван-го – Яматай, где располагалась резиденция главы этой федерации). Сподвижники Ниги-хаяхи-но микото стали заметной частью общинной знати центральной Японии, составив основу правящего слоя раннего Ямато.²

ччччч. В результате, как считают, недолгой³ борьбы за власть на престол «вновь» (кит. *фү*⁴; т.е. после мужнины правителя – снова женщину) возвели (кит. *лй* – досл. “поставили”⁵) «побочную дочь» (кит. *цзүн-нйой*) Бимиху по имени **Й-юй** (яп. И-ё) тринадцати лет отроду (т.е. 235 года рождения⁶), «в стране затем всё пришло в порядок»⁷ [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.; Вэй-чжи, вожэнь-пу, цз. 30, л. 28 б, 7-8]. «Вновь (кит. *фү*) – повторно» поставили (кит. *лй*) дочь члена правящего рода (кит. *цзүн-нйой*) [правительницы] Бимиху [по имени] **Тай-юй** (яп. То-ё), сделав [её] правителем (кит. *ван*)⁸ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, раздел 48-й, *чжу и*, Во]. «В этой [стране] вновь (кит. *фү*) – повторно» поставили (кит. *лй*) дочь члена правящего рода (кит. *цзүн-нйой*) [правительницы] Бимиху [по имени] **Тай-цзюй**

¹ Прибыв в Центральную Японию, Ниги-хаяхи, высадившись со своего корабля, назвал её «Страна Ямато, видимая с неба» (虚空見日本國 яп. *Сора-мицу Ямато-но кун* – досл. “Видимая с небес (‘пустоты неба’) страна Ямато”). Однако В. Астон отмечает, что по-настоящему термин *сора-мицу* означает “Наполняющее небеса”, т.е. достигающее границ горизонта. – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 132-133; Nihongi. Part I. P. 135; ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 194.

² Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Состав переселенцев с острова Кюсю и места их расселения в центральной Японии в середине III в. н.э. (по материалам сказания о “сошествии” Ниги-хаято-но микото) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2021. – № 1 (21). – С. 78-104.

³ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 82.

⁴ 復 кит. *фү* – наречие неоднократно, не раз; повторно, снова [и снова]; вновь, опять. – БКРС. Т. III. С. 1100.

⁵ 立 кит. *лй* – гл. А. ...б) получать назначение (на данный пост); определяться на службу; 7)* вступать на пост; восходить на престол; Б. ...б) ставить (кого-л.) на пост ... 7) возводить на престол. – БКРС. Т. II. С. 247-248.

⁶ Если Июй в 248 году было 13 лет, то она родилась в 235 году. – *Кудзира К.* Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 150; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 34.

⁷ *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 250; 「復立^レ卑彌呼宗女壹與、年十三爲^レ王、國中^ニ遂定。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; *Кюннер Н.В.* Китайские известия... С. 250; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнаката Яматай-коку. С. 64; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 133; *Кудзира К.* Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 148, 150, 184; *Ямао Юкихиса.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 75; Нихон-рэкэйси дай-дзитэн. Т. 19. С. 8; *Сажи Ю.* Кодай кокка-но кэйсэй. С. 83; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; *Маэдзава Т.* Яёй-функюбо то кофун-но сбсюу. С. 67; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 33-34; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 94, 82.

⁸ 「復立^レ卑彌呼宗女壹與、爲^レ王。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 38.

(яп. Тай-кё, То-кё)...»¹ [Тайпин-юй-лань, св. 782, *сы-и*, ч. 3-я, Во, список «Вэйчжи-вожэнь-цзюань»]. От различных вариантов написания имени премницы в китайских источниках (И-юй или близкого по начертанию варианта Тай-юй) среди исследователей пошли разные версии японского прочтения имени данной правительницы: (1) от И-юй – яп. И-ё²; (2) от Тай-юй – яп. То-ё³; (3) третий вариант: от Тай-цзюй – яп. Тай-кё / То-кё⁴ – никто не употребляет.

Исследователи обратили внимание на использованный в источниках в отношении И-юй термин «цзун-нёй»⁵, который Н.В. Кюннер перевёл как «побочная дочь» Бимиху.⁶ Но И-юй, отмечал М.В. Воробьёв, не могла быть ребёнком Бимиху, всю жизнь проведшей в безбрачии⁷, но бесспорно одно – в Нюй-ван-го (в Ематай-го) определился клан, поставляющий правительей.⁸ На это указывает и термин «цзун-нёй» («дочь члена императорской фамилий [рода]»).⁹ Поэтому учёные определяют И-юй как родственницу Бимиху¹⁰, как женщину-члена клана Бимиху.¹¹ По поводу того, дочерью какого именно представителя правящего рода могла быть И-юй, Кудзира

---

¹ 「於是復立^レ卑彌呼,宗女 臺舉(台举)。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3465 а; цит. по: Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 109.

² 「壹與」 кит. И-юй, яп. И-ё. – см.: напр.: Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 64; Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 82; Young J. The Location of Yamatai. P. 33-34.

³ 「臺興」 кит. Тай-юй, яп. То-ё. – Ishii R. A history of political institutions in Japan. P. 7; см. напр.: Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 37; Кудзира К. Нихон-коку-тандзё-но надзо. С. 147, 149, 150; Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 82.

⁴ 「臺舉(臺舉, сокр. 台举)」 кит. Тай-цзюй, яп. Тай-кё / То-кё. – Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3465 а; цит. по: Сигэмацу А. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-сан-но мондай. С. 109.

⁵ Хиго К. Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 37; Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 22; Мацумото С. Сэйтё-цзүси. С. 9; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; Кодзика 古事記 (из серии «Нихон котэн дзэнсю» 日本古典全集). – Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. – Т. II. – С. 15; Маэдзава Т. Яёй-функюбо то кофун-но сёсюцу. С. 67; Ямао Ю. Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 38; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 64.

⁶ Кюннер Н.В. Китайские известия... С. 250.

⁷ Воробьёв М.В. Япония в III–VII веках. С. 94.

⁸ Там же; см.: Кудзира К. Указ. соч. С. 147-148, 153-154; Ямао Ю. Указ. соч. С. 69; Ishii R. Op. cit. P. 7; Young J. The Location of Yamatai. P. 34.

⁹ 宗女 кит. цзун-нёй – дочь члена императорской фамилии (рода). – БКРС. Т. IV. С. 790.

¹⁰ Young J. The Location of Yamatai. P. 33-34.

¹¹ Ishii R. A History of political institutions in Japan. P. 7.

Киёси высказал мнение, что её отцом являлся Наньшэнми¹ (японский посол, ездивший в Китай), хотя тут же отмечает, что в «Вэй-чжи» на это нет никаких указаний.² Другие историки в качестве вероятного отца И-юй называют одного из братьев Бимиху³; на наш взгляд, скорее всего, это должен был быть младший брат-соправитель Бимиху, если исходить из правил передачи трона по матрилинейному принципу, характерному для ранней государственности.⁴ В пользу того, что И-юй могла быть племянницей Бимиху, может говорить принцип передачи сакрального статуса и жреческих занятий в кланах жриц *мико* (типа А, выделенного Ока Масао) – это были **девственницы – члены клана**, наследовавшие культовые функции чаще всего **от тётки** (т. е. по матрилинейному принципу).⁵ В связи с этим, Ямао Юкихиса определил И-юй, так же, как и Бимиху, как жрицу, находящуюся в священном браке с богом-покровителем общины Яматай – жрицу, являвшуюся «женой бога»⁶ (видимо, бога солнца). По мнению учёных бесспорно одно – в Нюй-ван-го (в Яматай) определился клан, поставляющих правителей.⁷ Таким образом, в борьбе за власть победила группировка сторонников И-юй. Последовательный приход к власти двух правительниц не является чем-то необычным для Кюсю: сведения о женщинах-правительницах в этом регионе не редкость. В так называемый легендарный период на Кюсю, по сведениям «Нихон-сёки» и «фудоки», правили женщины-вожди: Каму-наси-химэ в землях области Будзэн; Моро-агата-кими-идзу-ми-химэ в Хюга; Асото-химэ в Хиго; Ямэцу-химэ в Тикуго; Куцу-химэ, Ицума-химэ, Хаяцу-химэ в Бунго; Ояма-дамэ, Саяма-дамэ, Хаякицу-химэ, Мирукаси-химэ, Укинава-химэ в Хидзэн⁸ – они правили здесь ещё до середины IV века (времени похода государя Кэйкō).⁹ М.В. Воробьёв подчеркнул: «Необходимо обратить внимание на то, что

¹ Кудзира К. Нихон-коку-гандзё-но надзо. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 94; Маки К. Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 22.

⁴ Суровень Д.А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I в. до н.э. – III в. н.э.). С. 161–162; Суровень Д.А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета : гуманитарные науки. Вып. 2. – 1999. – № 13. – С. 96–99.

⁵ Ермакова Л.М. Три типа ритуальных текстов древней Японии // Религии древнего Востока. – М.: Вост. лит-ра, 1995. – С. 264.

⁶ Ямао Ю. Нихон кодай ёкэн-кэйсэй сирон. С. 75.

⁷ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 94; Ishii R. Op. cit. P. 7; Кудзира К. Указ. соч. С. 147–148, 153–154; Ямао Ю. Указ. соч. С. 69; Young J. Op. cit. P. 34; Маки К. Указ. соч. С. 22; Саэки Ю. Кодай кокка-но кэйсэй. С. 83.

⁸ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 94.

⁹ Там же.

все владения, обращённые к внутреннему заливу Гэнкай, вроде Ито, Мацура, На в пров. Тикудзэн или Хидзэн сюда не входят. При всей условности, данных женщин–вождей, похоже, здесь не было. А это означает, что они сохранялись лишь в относительно отсталых районах, не входивших в федерацию [Нюй-ван-го – С.Д.] (данные начала IV в.). Поскольку в это время в глухих местах ещё сохранялись матрилинейные тенденции (в обществе и верованиях), более ранняя (III в. н.э.) федерация на северном Кюсю тем более могла их сохранить».¹

шшшшшш. За всеми событиями в Нюй-ван-го следил прибывший сюда в 247 году Чжан Чжэн(-дэн), который сразу после избрания И-юй, «посредством депеши (кит. *cú*)²»³, «известил»⁴, досконально разобравшись (или: разъяснив – кит. *юй*)⁵, «[о прежних делах] Июй»⁶ (пер. Н.В. Кюнера) [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 8; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Июй]. То, что на Кюсю до сих пор оставался китайский посол, указывает на то, что война с Гоуну-го, смерть Бимиху заняли не слишком много времени (тем более, И-юй было 13 лет, когда она получила власть).⁷ Возраст новой правительницы свидетельствует в пользу мнения, что она явно являлась ставленницей общинной знати, различные группировки которой, не сумев в открытой борьбе захватить власть, «поставили» (выбрали) удобного кандидата – И-юй, при которой влиятельные лица, оставаясь в тени, имели, тем не менее, реальные властные полномочия для управления страной.

щщщщщ. Вскоре Чжан Чжэн(-дэн) собрался уезжать назад в Китай, и вместе с ним «И-юй послала японского *дафу* [в звании] *шуй-шань чжун-лан-цзян* (досл. “предводительствующий лучшими людьми начальник дворцовой стражи”) Исегоу (ездившего в 243 году в Китай – С.Д.) и прочих 20 человек сопровождать Чжэн(-дэна) при возвращении» в столицу – в Лоян,⁸

¹ Там же. С. 94-95; *Мори К.* Нихон синси. С. 127.

² 檄 кит. *cú* – 1) вызов; письменное распоряжение (предписание); приказ о начале военных действий (*о наборе солдат*); 2) депеша; послание; письмо (БКРС. Т. III. С. 1083); 檄告 кит. *cú=gào* (*гү*) – известить (вызвать) депешей (письмом) (БКРС. Т. III. С. 1083); 告 кит. *gào* – 1) говорить... уведомлять (*кого-л.*); ...5) *гү* – ставить в известность, оповещать; *гào* – *суц.* 1) донесение, сообщение (БКРС. Т. II. С. 498).

³ Ср.: Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 250.

⁴ Кюнер Н.В. Китайские известия... С. 250.

⁵ 喻 *вм.* 喻 кит. *юй* – *гл.* А. 1) понимать; владеть (*предметом*), превосходно усвоить; досконально разбираться; ... Б. 1) разъяснять, объяснять, доводить до понимания; сообщать; 2) проводить аналогию [с чем-л. принимаемым за основу], сопоставлять, сравнивать; *суц.* ... пример ... сравнение (БКРС. Т. IV. С. 1003); где 告喻 кит. *gàoюй* – объявлять (*населению*); оповещать (*народ*) (БКРС. Т. II. С. 499).

⁶ 「政等以檄告喻壹與。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549.

⁷ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 92; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296.

⁸ Мацумото С. Сэйтё-цүси. Т. II. С. 9.

посетить императорский двор (кит. *ù tái*)¹, чтобы новой государыне Нюйван-го представиться китайскому императору и преподнести подарки (в том числе, 30 человек *шэнькэ* [пленников] обоего пола)² [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 8-10; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Июй]. На этом поествование «Вэй-чжи» обрывается.

ЫЫЫЫ. О *шэнькэ* (яп. *эйкэ*, т.е. пленниках) см. комментарий «е».

ээээ. Если судить по материалам «Самкук-саги» и «Тонгук-тхонгам», при Июй сохранялся дуализм в организации власти – она (также как Бимиху) имела мужчину–соправителя. В этих корейских источниках в 4-й луне 249 года упоминаются «правительница [государства] Ва» (кор. Вэ) и «правитель [государства] Ва» (кор. Вэ), то есть верховная жрица–правительница и её мужчина–соправитель. Такая *диархия* власти в японской традиции получила название системы «*химэ–хико*» («управление страной знатной женщиной (“принцессой”) и [её родственником] знатным мужчиной (“принцем”)). Из «Самкук-саги» известно, что в 249 году «летом, в четвертом месяце, люди Вэ убили *сабульгама* Уро»³ [Самкук-саги, летописи Силла, Чхомхэ, 3-й год пр. (249 г.), 4-я луна]. В «Биографии Уро» об этом рассказывается подробнее. «Сок Уро – сын *исагыма* Нэхэ⁴ [Нахэ⁵] (196-230 гг.) (некоторые говорят, что [он] был сыном *каккана* Суру) ... Год *кею* (10-й год цикла) [253 г.⁶ – ошибка *вм.* 249 г. – *С.Д.*]. Посланник (кор. *сасин*)⁷ государства Вэ-куж (Японии) [по имени] Кальяко (яп. *Кацураяко*)⁸ [М.Н. Пак

¹ 「詣^レ臺...」 кит. *ù tái*; где 詣 кит. *ì* – *гл.* посещать; приходить к (в)... являться для (чего-л.) (БКРС. Т. II. С. 585); 臺 кит. *ù* – ...6) *уст.* императорский двор; центральный правительственный аппарат (Там же. С. 139); ср.: *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 250.

² 「壹與遣^レ倭大夫率善中郎將掖邪狗等二十人送^レ政等還。因詣^レ臺、獻上^レ男女生口、三十人...」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 549; см.: *Sources of the Japanese tradition. Vol. I. P. 6-7; Young J. The Location of Yamatai. P. 34; Мацумото С.* Сэйтё-цүси. Т. II. С. 9; *Маэдзава Т.* Яёй-функюбо то кофун-но сёсюцу. С. 67; *Мураяма К.* Дарэни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 64.

³ *Ким Бусик.* Самкук саги. Т. I. С. 100.

⁴ Сок Уро был сыном правителя Нахэ (Нэхэ) в Силла. – *Nihongi. Part I. P. 235, note 1.*

⁵ *Ким Бусик.* Самкук-саги. – М.: Вост. лит., 2004. – Т. III. – С. 159.

⁶ В «Биографии Уро» (Самкук-саги, кн. 45) говорится, что он убит около 7-го года правления Чхомхэ (247-261 гг.), т.е. около 253 года. – *Ким Бусик.* Самкук-саги. Т. I. С. 306, прим. 23.

⁷ 使臣 кор. *сасин* (사신), кит. *шйчэнь* – *уст.* посланник, посол, поверенный в делах (только от монархий). – БКРС. Т. IV. С. 70.

⁸ 葛耶古 кор. *Кальяко* (갈야고), яп. *Кацураяко*. Некоторые исследователи полагают, что под этим именем скрывается член древнеяпонского рода *Кацураги* (предок или старший родственник Кацураги-но Соцу-бико). – *Nihongi. Part I. P. 235; Kanzaki Ivan Hisao. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. P. 2.*

прочитал как “Каллага” (яп. *Кацура Нако*)¹ – *С.Д.*] жил на подворье (кор. *кван*)², хозяином которого был Уро.³ [Сановник Уро тому] гостю (постояльцу–чужеземцу) (кор. *кэк*)⁴ [по имени Кальяко] сказал в шутку⁵: “Рано или поздно (кор. *чо-ман*) твоего **правителя** (кор. *ван*) [мы] сделаем соляным рабом⁶ (М.Н. Пак перевёл как “раб–солевар”⁷ – *С.Д.*), а **жену** [вашего] **правителя** (кит. *ван-фэй*, кор. *ванъ-пи* – “принцессу”, “королеву”)⁸ сделаем кухаркой (кор. *чанпу*)⁹. [Когда] правитель [страны] Вэ (кор. *Вэ-кук*, кит. *Во-го*) услышал это [от своего посла¹⁰], [он] разгневался [и] послал [своего] военачальника Уточу-куна (яп. *Удосю-кими*) [М.Н. Пак прочитал имя как “Удо Сю-кими” (кор. *Удо Чу-гун*)¹¹ – *С.Д.*] напасть на нас...»¹² (т.е. на Силла)¹³ [Самгук-саги, кн. 45-я, Уро].

«Тонгук-тхонгам» (1484 г.) даёт сходную информацию об Уро: «[Год] *киса* (6-й год цикла) [249 г.]... летом, [в] 4-й луне, [люди] Вэ (японцы) вторглись в Сил[ла]¹⁴ [и] убили Уро. Перед этим [люди] Вэ прислали Каль-

¹ *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

² 館 кор. *кван* (관), кит. *гуань* – *суц.* 1) подворье; гостиница, постоянный двор; ресторан; 2) *сокр.* посольство; миссия; консульство... – БКРС. Т. II. С. 545.

³ Ср. перевод М.Н. Пака: «В седьмом году [правления] того же *вана* (Чхомхэ – *С.Д.*) *кею* (253 г.) прибыл посол государства Вэ – Каллага (яп. *Кацура Нако*) [и остановился] на постоялом дворе, а Уро принимал [его]». – *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

⁴ 客 кор. *кэк* (객), кит. *кэ* – *суц.* 1) гость; посетитель; постоялец; пассажир; 2) путешественник, чужеземец... – БКРС. Т. II. С. 529.

⁵ 戲言 кор. *хви-он* (희언), кит. *сийнь* – шутить, подшучивать (*над кем-л.*); разыгрывать (*кого-л.*). – БКРС. Т. IV. С. 208. См.: *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

⁶ 鹽奴 кор. *ёмно* (염노), кит. *яньну* – досл. “соляной раб”. – См.: Самгук саги, св. 32-й – 50-й, л. 1395, столб. 3 // *Ким Бусик*. Самгук саги (иероглиф. текст). Т. III. С. 157.

⁷ См.: *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

⁸ 王妃 кор. *ванъ-пи* (*ванъ-би* 왕비), кит. *ван-фэй* – досл. “жена правителя”, принцесса королева; где 妃 кит. *фэй* – *суц.* 1)* супруга; жена (*напр. наследника престола, принца*)... (БКРС. Т. IV. С. 339); ср.: 王妃 яп. *охи* – *кн.* королева, императрица, царица (ЯРС. С.423), т.е. супруга правителя.

⁹ 爨婦 кор. *чанпу* (찬부), кит. *цзюньфу* – кухарка, повариха. – БКРС. Т. III. С. 800.

¹⁰ Добавлено М.Н. Паком. – *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

¹¹ См.: *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

¹² Ср. перевод М.Н. Пака. – См.: *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. III. С. 159.

¹³ 「昔于老、奈解尼師今之子(或云^レ角于水老之子也)... 年癸酉倭國使臣葛那古在^レ館于老主之。與客戲言:『早晚以汝王爲^レ鹽奴、王妃爲^レ爨婦。』倭王聞之怒、遣^レ將軍于道朱君討^レ我...」 – Самгук саги, св. 32-й – 50-й, л. 1394, столб. 3 – л. 1395, столб. 1-3 // *Ким Бусик*. Самгук-саги (иероглиф. текст). Т. III. С. 159.

¹⁴ В тексте источника далее стоит иероглиф 濟 кор. *че* (제), кит. *цзю* – ... *гл.* Б. 1) переправляться [через реку]... – БКРС. Т. II. С. 959.

яко (яп. *Кацураяко*) послом¹ в Силла. Правитель [Силла – Чхомхэ-ван] велел Уро принять его (т.е. Кальяко в качестве гостя² – *С.Д.*). Уро сказал [Кальяко], подшучивая: “Рано или поздно мы сделаем вашего **правителя** (кор. *ван*) нашим соляным рабом [рабом–солеваром], а **жену** [вашего] **правителя** (кор. *ванъ-ни*, кит. *в́ан-фэ́й* – “принцессу”, “королеву”³ – *С.Д.*) – нашей рабыней–кухаркой (кор. *чанби*, кит. *цз́ань-би́*⁴)”. Когда правитель Вэ услышал это, он послал своего военачальника Уточу (яп. Удосю) вторгнуться [на территорию Силла]...»⁵ [Тонгук-тхонгам, св. 3-й, год *киса* (249 г.), 4-я луна].

Этот отрывок из «Тонгук-тхонгам» пересказан в «Дай-нихон-си»: «Исследовав “Тонгук-тхонгам”, [выяснили]: “[В] год *муджин* (яп. *цутиноз-тацу*, 5-й год цикла) [248 г.]⁶ (ошибка *вм.* 249 г. – *С.Д.*) *ван* [страны Вэ] отправился в поход, [и] Силла была разбита им. Перед этим [японец] Кальяко (яп. *Кацурако*) был отправлен послом с визитом в Силла. Отправили Уро принимать почётного гостя [из Японии]. [А] Уро, [насмехаясь], пошутил (кор. *хви-он*, яп. *ги-гон*), [сказав японскому послу]: “Рано или поздно вашего **правителя** (кор. *ван*, яп. *кими*) сделаем соляным рабом, а **жену** [вашего] **правителя** (кор. *ван-ни*, кит. *в́ан-фэ́й* – “принцессу, королеву”) сделаем неотёсанной рабыней (кор. *чу-ни*, кит. *цз́-би́*)⁷”. [Японский] государь (яп. *сумэра-микото*), услышав [об этом], сильно разгневался. Тогда, в 4-й луне, прислал Учучо (于朱道 яп. Усуюдо; имеется в виду 于道朱 Уточу, яп. Удосю

¹ 聘 кор. *бинъ* (빙), кит. *п́инь* – ... 4) ... посылать посла с визитом (в другое царство, княжество). – БКРС. Т. III. С. 491.

² 賓 кор. *бин* (빈), кит. *б́инь* – ... 2) останавливаться (где-либо) в качестве гостя, быть гостем, гостить... 4) оказывать уважение... – БКРС. Т. IV. С. 703.

³ 王妃 кор. *ванъ-ни* (*ванъ-би* 왕비), кит. *в́ан-фэ́й* – досл. “жена правителя”, принцесса, королева; где 妃 кит. *фэ́й* – суц. 1)* супруга; жена (*напр.* наследника престола, принца)... – БКРС. Т. IV. С. 339.

⁴ 爨婢 кор. *чанби* (찬비), кит. *цз́аньби́* – кухарка, стряпуха. – БКРС. Т. III. С. 800.

⁵ Цит. по: Nihongi. Part I. P. 235 (с уточнениями по иероглифическому тексту); 「己

巳。...夏四月、倭寇^レ新[羅]濟、殺^レ于老。初倭使^レ葛耶古聘^レ新羅。王使^レ于老賓^レ之。于老戲言：『早晚以汝王為^レ鹽奴、王妃為^レ爨婢。倭主聞^レ之、遣^レ將軍于道

朱君來侵。』 – Тонгук-тхонгам, 1883. Кн. 2. С. 21а. См.: *Kanzaki Ivan Hisao*. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. P. 2.

⁶ См.: *Цыбульский В.В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. С. 83.

⁷ 麤婢 кор. *чу-ни* (추비), кит. *цз́-би́* – досл. “неотёсанная рабыня”; где 麤 *вм.* 粗 кор. *чу* (추), кит. *цз́* – прил. / наречие – 1) грубый ... 5) неотёсанный, вульгарный... ср. 粗婦 вульгарная женщина... – БКРС. Т. IV. С. 285; Там же. Т. II. С. 270.

– С.Д.), равным образом, прийти и напасть...»¹ [Дай-нихон-си, св. 232-й, *рэйдэн*, раздел 159-й, *сёбан*, часть 1-я, Сираги, верхний раздел].

Как мы видим из текста двух источников, здесь упоминаются “правительница (кор. *ван-пи*) Вэ” – это, несомненно, Июй; и “правитель (кор. *ван*) Вэ”, то есть мужчина, выполнявший при пятнадцатилетней уже девушке роль помощника в управлении (как ранее младший брат Бимиху). Здесь следует обратить внимание на то, что в корейских источниках женщина-правительница названа “женой правителя” (кор. *ванъ-пи*, кит. *ван-фэй*). Видимо, кореец Уро не разбирался в архаичной системе др.-яп. *диархии* и понимал статус соправителя и верховной жрицы просто – как «правитель» (王 кор. *вань*) и «правительница» (王妃).

В 265 году династия Вэй пала, Сыма Янь (император У-ди, 265-290 гг.) основал династию Западная Цзинь (265-316 гг.). В начале годов правления Тайши (265-275 гг.), во 2-й год Тайши² (266 г.) люди Во сделали попытку вступить в контакт с новой династией: «В начале годов правления Тайши (цзиньского императора У-ди, 265-275 гг.) прислали посла в качестве переводчика и представили дань»³ [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь, годы Тайши]. В «Нихон-сёки» цитируются более точные сведения: «...Этот год [был] вторым годом [периода] Тайши императора У-ди династии Цзинь. В “Пояснениях к начальному периоду Цзинь” сказано: “В 10-й луне 2-го года Тайши императора У-ди [династии Цзинь], женщина-государь [страны] Во прислала переводчиков [с] данью”»⁴ [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингү, 66-й год; Nihongi, IX, 33]. Все исследователи сходятся на том, что данная женщина-государь была Июй⁵, которой в это время было около 31-го года.

Однако в «Лян-шу» (в разделе “Во-цзюань”) после фразы об избрании Июй (в тексте её имя записано как Тай-юй) на должность правителя (кит. *ван*) Нюй-ван-го сообщается: «После этого [правления Июй] снова (кит. *фү*) установили (кит. *ли*) мужчину-государя (кит. *нань-ван*); и вместе с тем (кит. *бин*) [он] получил [из] Срединного государства титул (кит. *цзюэ*) [с] прика-

¹ 【考^レ東國通鑑：戊辰歲、王施攻、新羅破之。先是、葛耶古聘^レ于新羅、使^レ于老賓接。于老戲言：『早晚以汝王為^レ鹽奴、王妃為^レ羸婢』。天皇聞^レ大怒。今茲四月、使^レ于朱道均來討...】 – Дай-нихон-си 大日本史。 – Токио 東京：Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1911. – Кн. 24, св. 232-й, л. 3-3а; Дай-нихон-си 大日本史, св. 232-й // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/dainihonsi/dns232.htm> (дата обращения: 28.05.2018).

² Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 82; Мори К. Нихон синси. С. 176.

³ Кюнгер Н.В. Китайские известия... С. 257.

⁴ 【是年、晋武帝泰初二年。晋起居注云：『武帝、泰初二年十月。倭女王遣^レ重詎貢獻。』】 – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 264. Ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 283.

⁵ Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. С. 82; Хора Т. Яматай-дзёбоку-но мэцубо. С. 7, 8; Сано Я. Нихон-но акэбоно. С. 18; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; Кудзира К. Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 162, 183-184; Бураку-си... Т. I. С. 18.

зом о назначении на должность (или: жалованную грамоту, верительную бирку, скипетр – кит. *мин*)»¹ [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*, Во]. То есть, получается, что после правления Июй на трон Нюй-ван-го уже в третий раз² был избран правитель–мужчина (когда – неизвестно, но после 266 года). Как долго ему удалось процарствовать – тоже неизвестно. Однако если проводить параллели, то в двух предыдущих случаях правление мужчин–государей было недолговременным и заканчивалось тем, что в стране начиналась смута (т.к. все политические группировки новый глава государства не устраивал). Мужчину–правителя свергали, и борющиеся за власть политические группировки избирали на трон (как компромиссную фигуру) женщину–правительницу (являвшуюся верховной жрицей), при которой был мужчина–соправитель, обычно – родственник верховной жрицы (как это было в случае с Бимиху и Июй). Возможно, такая же судьба постигла и мужчину–правителя в конце III века.

Вероятно, по каким-то причинам – может быть, из-за сложной внутренней ситуации в Китае (к тому же, в 280 году Сыма Янь начал проведение сложной реформы по введению надельной системы), но таких дружеских отношений, как с Вэй, не возникло, поэтому китайские летописи ничего больше не сообщают о Японии вплоть до начала V века.

Падение сначала династии Вэй (в 265 г.), а затем династии Западная Цзинь (в 317 г.) и перенос политического центра на юг в Цзянькан (Нанкин) новой династией Восточная Цзинь (317–420 гг.) разрушили одну из внешнеполитических опор Нюй-ван-го (Ематай) и облегчили как действие местных центробежных сил, так и действия соседних государств³ – возможно, ещё существовавшего государства Куна – старого врага Ематай (Нюй-ван-го), и нового возникшего на рубеже III–IV веков – государства Ямато (в Кинай), которое после падения Западной Цзинь (в 317 году) во второй четверти IV века н.э. захватило Кюсю.⁴

---

¹ 「其後復立男王、並受中國爵命。」 – Лян-шу, 2004. С. 730.

² Первый раз – после смерти “государя–предводителя” (*вб-го-ван-шуй*) и перед восшествием Бимиху; второй раз – после смерти Бимиху и перед восшествием Июй.

³ Воробьев М.В. Указ. соч. С. 82; *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P. 7.

⁴ Воробьев М.В. Указ. соч. С. 94. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Проблема периода “восьми правителей” и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина). С. 89–113; *Суровень Д.А.* Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление *Отараси-хйко* (государя *Кэйкб*). С. 180–196; *Суровень Д.А.* Сведения японских источников о подготовке правительницей *Дзингу* Корейского похода в Силла 346 г.: *Окинага-тараси-химэ* в юго-западной Японии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 150–167.

**Сведения японских источников «Кодзики» и «Нихон сёки»
о контактах японцев с жителями материковой Азии¹**
(перевод с древнеяпонского *С.В. Лантева*)

ПОСОЛЬСТВА:

«Нихон сёки», гл. 10. Деяния императора Ёдзина (трад. 270-311 гг.²).

«Кодзики» переводились на русский язык Е.М. Пинус, Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещеряковым, «Нихон сёки» – Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещеряковым (Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I: Свиток 1-й. Мифы / Пер. Е.М. Пинус. – СПб.: Шар, 1993. – 320 с.; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II: Свиток 2-й и 3-й. Мифы / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Шар, 1993. – 256 с.; Нихон сёки: Анналы Японии / Пер. А.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 1-2. – 496 с., 432 с.); тем не менее, автор считает необходимым дать собственный перевод фрагментов, касающихся контактов древних японцев с внешним миром, учитывающий данные китайских источников, комментарии японских историков и сопоставления с археологическими материалами.

¹ Информация «Кодзики» и «Нихон сёки», кроме отмеченных выше случаев, мало пересекается с данными китайских династийных историй. Это следует объяснять не только различным временем и местом создания хроник двух стран, но и во многом различной целью их создания. «Кодзики» и «Нихон сёки» не ставили целью описания обычаев и традиций японцев в древности, как и описание их контактов с внешним миром (хотя последнее всё-таки встречается, особенно в «Нихон сёки»). Их главная цель была в передаче мифологии и хронологии императорского дома. Составленная на *камбуне* (китайском языке), в расчёте на внешний мир, «Нихон сёки» также была призвана познакомить внешний мир с историей и мифологией императорского дома. Таким образом, здесь мы имеем дело с двумя различными типами исторических источников – географическим и внешнеполитическим описанием и мифологической генеалогией. Наиболее общий пласт информации, содержащийся в двух типах источников – это данные о контактах с внешним миром, прежде всего с китайцами. Однако и здесь информация сильно отличается от китайских источников, и не только в манере изложения. В «Нихон сёки» не упоминается о контактах с Вэй, но в то же время многократно говорится о контактах с соперничавшим с Вэй царством У в нижнем течении Янцзы.

² [В результате сравнения сообщений «Нихон-сёки» с материалами корейских источников («Самгук-саги» и «Тонгук тхонгам»), посвящённых аналогичным событиям, показывает, что изложенные в японской хронике факты, в целом, имеют под собой историческую основу, но **большая часть датировок «Нихон-сёки» была искусственно “удревнена” на два 60-летних цикла.** Чтобы получить достоверную дату, **необходимо прибавить к ним 120 лет.** Таким образом, **события второй половины IV века** оказались отнесены ко второй половине III века. Исследователями было установлено, что царствование государя Хомуда (известного под посмертным почётным именем Ёдзин) приходится на 390 – конец 414 / начало 415 гг. [испр. хрон.]. О реконструкции хронологии подробнее см.: *Нака Митиё* 那珂通世. Дзёсэй нэнги кё 上世年紀考 // Гайкё эки-си 外交釋史, ч. 1-я 卷之一 // Нака Митиё исё 那珂通世遺書 / Сост. Ко Нака-хакасэ кёсэки кинэн-кай 故那珂博士功績記念会 編. – Токио 東京: Дай-нихонто-сё 大日本図書, 1915 – С. 36-39; *Кумэ Кунитакэ* 久米邦武. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Васэда-дайгаку сюппамбу 早稲田大学出版部, 1905. – С. 681-682; *Кумэ Кунитакэ* 久米邦武. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Васэда-дайгаку сюппамбу 早稲田大学出版部, 1907. – С. 691-692; *Хасимото Масукити* 橋本

«В 37-й год (306 г.)¹ [413 г.²], весной, во 2-й месяц, в 55-е новолуние *цутиноэ-ума* Ати-но *оми* был послан в Курэ (кит. У) с приказом просить ткачих. По сему Ати-но *оми* и другие переправились в государство Кома (кор. Корё)³, намереваясь добраться до Курэ. С тем они прибыли в Кома, но дальше не знали дороги. И спрашивали [дорогу] в Кома. Посему правитель Кома дал им в проводники Курэха и Курэси, вследствие этого [послы] смогли достичь Курэ. Правитель Курэ дал им четырёх женщин,

---

Масукити 橋本 増吉. Тōё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю. Ч. 1-я: Яматай-коку ронкō 東洋史上より見たる日本上古史研究. 第1 (邪馬台国論考). – Токио 東京: Оокаяма сётэн кан-кō 大岡山書店刊行, 1932. – С. 609-610; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part I. – P. 247-267; см.: Dickins Viktor F. The origins of the Japanese state // The English historical review. 1899, Apr. Vol. 14, № LIV. – P. 213, note 11; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках. – М.: Наука, 1980. – С. 24; 27, табл. 4; Тихонов В.М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – С. 15; Ledyard G. Galloping along with the Horseriders // Journal of Japanese studies. – 1975, spring. – Vol. 1. – No. 2. – P. 217, 237-238; Young J. The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins press, 1958. – P. 54; Kidder J.E. Himiko and Japan's Elusive Chieftdom of Yamatai. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. – P. 24; Brownlee J.S. Japanese Historians and the National Myths, 1600-1945: The Age of the Gods and Emperor Jimmu. – Vancouver: University of British Columbia Press; Tokyo: University of Tokyo Press, 1997. – P. 112; Szcześniak B. The Kōtaiō monument // Monumenta Nipponica. – 1951. – Vol. 7. – No. 1/2. – P. 249; Szcześniak B. Some revisions of the ancient Japanese chronology Ōjin tenno period // Monumenta Nipponica. – 1952. – Vol. 8. – No. 1/2. – P. 7, 12; Szcześniak B. Japanese-Korean wars in A.D. 391-407 and their chronology // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – 1946, April/ – No. 1. – P. 55. Подробнее о хронологии данного периода см.: Суровень Д.А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Ōдзина) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1-226; Суровень Д.А. Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 8-45; Суровень Д.А. Япония в конце IV – V веках: период среднего Ямато. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – Т. I. – С. 6-90. – Прим. ред.]

¹ Здесь необходимо учесть следующий момент. Существует проблема датировки этих сообщений. Поскольку «Нихон сёки» вслед за «Кодзики» создана на основе передававшейся устно информации, то даты, относящиеся к IV в., являются ненадежными. Таким образом, само наличие такой информации в «Нихон сёки» гораздо важнее её датировки. Если сопоставить наличие упоминаний об У в деяниях императоров Ōдзина и Нинтоку с существованием усской школы литейщиков бронзовых зеркал в Японии середины III в., то вряд ли придётся считать наличие контактов с государством У плодом фантазии или случайным совпадением. Среди бронзовых зеркал, изготовленных в Японии, практически нет типов, изготавливавшихся по вэйским образцам, но зато подавляющая их часть была изготовлена выходцами из У или их учениками (Lapteff, 2002, С. 470-476).

² [После долгого перерыва в отношениях японцев с материком (с конца III века), в китайских источниках сообщается, что первое посольство от людей государства Ямато, видимо, вместе или одновременно с посольством от Когурё прибыло в 413 году. Именно оно и описывается в разделе “37-й год правления Ōдзина”. – Прим. ред.]

³ [кор. Ко[гу]рё. – Прим. ред.]

обученных ремеслу – Э-химэ, Ото-химэ, Курэ-хатори, Ана-хатори».¹

«Нихон сёки». Гл. 11. Деяния императора Нинтоку (312-399 гг.)²

«Зимой³, в 10-й месяц государство Курэ⁴ и вслед за ним государство Кома преподнесли дань».⁵

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ:

«Нихон сёки». Гл. 10. Деяния императора Ёдзина.

14 г. правления императора Ёдзина (283 г.)⁶: «В этот год из Кудара (Пэкче) прибыл Юцуки-но кими, [он] представил доклад: “Я, Ваш подданный, прибыл с народом своей страны, [состоящей] из 120 уездов. Однако поскольку люди Сираги (Силла) препятствовали [мне], то все [мои люди] остались в Кара”. Туда был послан Кадзураки-но Соцухико, чтобы позвать людей Юцуки из Кара. Однако прошло 3 года, а Соцухико всё не возвращался».

«В 15-й год⁷, осенью, в 8-й месяц, в 58-е новолуние *мидзуноэ-ину*, в 4-й день *хиното-но у* правитель (*кими*) Кудара⁸ послал Атики поднести [императору] две пары хороших лошадей. Их содержали в легких царских конюшнях в Сака-но уэ. Атики было приказано ведать их кормле-

---

¹ Перевод по изданию: Нихон сёки, 1897. С. 188.

² [418 – 425/427 гг. [испр. хрон.]. 58-й год (трад. 369 г.) – это 421 год [испр. хрон.]. О хронологии подробнее см. прим. выше. – *Прим. ред.*].

³ [421 г о д а [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

⁴ Правда, Ри Энсику считает, что под «Курэ» имеется в виду вовсе не царство У, а одно из корейских государств – Когурё (Кури) (*Ри Энсику*, 1990. С. 18-36). Однако «Нихон сёки» была всё-таки написаны под влиянием китайской традиции, на китайском языке и в расчете на китаезычный мир. Поэтому произвольное употребление иероглифа «У» («Го / Курэ») было вряд ли возможно в данной ситуации, тем более, что при написании названий двух других корейских государств, Пэкче и Силла, в «Нихон сёки» использованы общеупотребимые иероглифы, те же, что и в китайских династийных историях и в «Самгук саги». Точно так же Когурё имеет в «Нихон сёки» принятое написание «Кури» (Нихон сёки, 1897. С. 188 сл.). Помимо всего прочего, слово «Го / Курэ» оставило слишком значительный след в японском языке и японской культуре – «уское чтение» китайских иероглифов (*го-он*, самое раннее из *онных* чтений), «уское платье» (*гофуку*), «уская керамика» (*госу*) и т.д. Таким образом, выше сказанное позволяет нам сильно сомневаться в реальности гипотезы Ри Энсику.

В «Кодзики» и «Нихон сёки» много данных о переселенцах из У и Кореи, о чём свидетельствуют фрагменты, приведенные ниже.

⁵ Перевод по изданию: Нихон сёки, 1897. С. 208.

⁶ [Как установили исследователи в сравнении с корейскими источниками, соответствует 403 году [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

⁷ [Соответствует 404 году [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

⁸ [Кудара – японское название южнокорейского государства Пэкче. – *Прим. ред.*].

нием. Посему место, где их держали, назвали Умаясака (“конюшни Сака”). Атики также умел читать классические книги, поэтому стал учителем наследного принца Удзи-но Вакэ-ирацуко. Затем император спросил Атики: “Имеются ли ученые превосходящие тебя?”. В ответ [Атики] сказал: “Есть тот, кто зовется Вани. Он превосходит [меня]”. Тогда Арата-вакэ, предок Камицукэно-но кими и Камунакэ-вакэ были посланы в Кудара, чтобы позвать Вани. Тот, кого звали Атики – родоначальник [рода] Атики-но *фумухито*».

«В 16-й год¹, весной, во 2-й месяц Вани прибыл [ко двору]. Поэтому наследный принц Удзи-но Вакэ-ирацуко сделал его [своим] учителем, [и] учился у Вани всем классическим книгам. И не было таких [книг], в коих бы он не разобрался. Посему Вани стал родоначальником Фуми-но Офуто² и других»³.

«В 20-й год (289 г.)⁴, осенью, в 9-й месяц прибыли Ати-но *оми*, предок Ямато-но Ая-но *атаи*, его сын Цука-но *оми* во главе сопровождавшего его [народа] 17 уездов...»⁵.

Под 41-м годом (310 г.)⁶, месяцем кончины Ёдзина: «В этот месяц Адзи-но *оми* и другие из Курэ прибыли в Цукуси.⁷ В это время Мунаката-но *оками* просил работниц, [и ему] была пожалована Эхимэ. Это предок ныне живущих в Цукуси Мицукай-но *кими*».⁸

«Кодзики». «Записи императора Ёдзина»

«Ещё правитель государства Кудара – Сэкоу⁹ послал Атай-киси поднести ко двору одного жеребца и одну кобылу. (Примечание: “Это и есть

---

¹ [Соответствует 405 год у [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

² У Сазки Арикиё – Фуми-но Охито (Нихон сёки, 1974. С. 216).

³ Перевод по изданию: Нихон сёки, 1897. С. 184. Об этом же факте сообщает «Кодзики» в приведённом ниже фрагменте.

⁴ [Соответствует 409 год у [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

⁵ Перевод по изданию: Нихон сёки, 1897. С. 185. О приезде предков родов Хата (Цинь) и Ая (Хань) говорится и в «Кодзики», см. ниже.

⁶ [Речь идёт о возвращении из Южного Китая в начале 415 года [испр. хрон.] японского посольства 413 года [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

⁷ [Речь идёт о возвращении посольства 37 г. пр. Ёдзина (трад. 308 г. н.э.), которое описано выше (т.е., по китайским источникам, 413 года [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

⁸ Перевод по изданию: Нихон сёки, 1897. С. 189.

⁹ [По «Нихон-сёки», это произошло в 6-й день 8-й луны 15-й года правления Ёдзина (404 года [испр. хрон.]), когда царствовал ван Пэкче – Ахва [Асин, 392-405] (хотя в «Кодзики», в разделе “Ёдзин-ки”, правителем Пэкче этого времени ошибочно назван Кын-чхого-ван [яп. Сёко], царствовавший ранее); Асин прислал подарки (двух хороших лошадей – жеребца и кобылу). – *Прим. ред.*].

Ати-киси – предок Ати-[но] *фумихито* и других”¹ [Он] также преподнёс косою меч и большое зеркало. Ещё высочайше приказано государству Кудара: “Если есть мудрецы, то пришлите их ко двору”. Поэтому по приказу был прислан человек по имени Вани-киси. Также с этим человеком ко двору были посланы 10 свитков “Ронго” (“Лунь юя”) и 1 свиток “Сэндзимон” (“Цянь цзы вэнь”). (Примечание: “Этот Вани – предок Фуми-но *обито* и других”). Ещё был прислан ко двору ремесленник, изготавливающий корейские шлемы, по имени Такусо, ещё [мастер или мастерица по изготовлению] *курэских* (уских) тканей [по имени] Сайсо. Прибыли также предки Хата-но Мияцуко и Ая-но атай вместе со сведущим в изготовлении вина по имени Ниho, также [его] звали Сусукори, и другие».²

«Нихон сёки». Гл. 14. Деяния императора Юряку (457-480 гг.)

*Под 7-м годом правления императора Юряку (463 г.)*³:

«[Император] повелел Ямато-но Ая-но *атаи* Цука переселить Имаки-но Ая-но Суэцукурибэ... и других в Камитōхара, Симотōхара, Макаминохара».⁴

Под 11-м годом (467 г.):

«Осенью, в 7-й месяц был некто, пришедший из государства Кудара. Сам он себя называл Куйсин. Тоже Куйсина называли человеком из Курэ, играющим на *курэском кото*. Сакатэ-но Якатамаро и другие – его потомки».⁵

«В 14-й год (470 г.), весной в начальный месяц, в 3-е новолуние *хиноэ-тора*, в 15-й день *цутиноэ-тора* Муса-но Сукури-но *атаи* с другими были посланы в государство Курэ. Курэ преподнесло искусных в ремесленников во главе с Ая-хатори, Курэ-хатори, Кинуни-но Эхимэ и Отохимэ. Остановились в гавани Суми-но эно-но цū. В этом месяце путь *курэских* гостей прошёл через Сихацу-номимо, [потому эта местность] называется Курэсака (“Курэская гавань”). В 3-м месяце было приказано васалам⁶ и министрам (*оми* и *мурадзи*) встретить послов Курэ, затем разместить людей Курэ в Хи-но кума-но но, поэтому [эта местность] назы-

¹ [Соответствует 4 0 4 г о д у [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*].

² Перевод по изданию: Кодзики, 1982. С. 214.

³ [Как указывают исследователи, в 453 году в Ямато был введён календарь *Юань-цзяли* (яп. *Гэн-ка-рэки*), поэтому ошибки в древнеяпонском летосчислении, существовавшие ранее были исправлены. С 453 года японские датировки считаются более или менее точными, а с 461 года – начинают совпадать с корейскими датировками. – *Прим. ред.*].

⁴ Перевод по изданию: Нихон сёки, 1897. С. 245. По мнению Саэки Арикиё и других, они находились в Ямато, район Кинай (Нихон сёки, 1974. С. 274).

⁵ Нихон сёки, 1897. С. 250-251.

⁶ [Поданным правителя. – *Прим. ред.*].

вается Курэхара.¹ Кунунуи были подарены богу О-Мива-но *ками* и стали Ая-но Кинунуи-бэ. Они предки Исэ-Кунунуи. Летом, в 4-й месяц, в 3-е новолуние *киноэ-ума* император пожелал принять людей из Курэ. Сказал приближенным следующее: “Кто хорош для пира?” Все приближенные ответили: “Нэ-но *оми* подойдет”. Посему император приказал Нэ-но *оми* присоединиться к пирующим. И угощение людям Курэ было устроено в Исо-но *ками-но* Такануки...».²

«Нихон сёки». Гл. 19. Деяния императора
Киммэя (540-572 гг.). 1-й год правления (540 г.)

«Приказано собрать людей Хата, людей Ая из разных местностей, разослать их и установить *куни* (княжества) и *кёри* (сельские округа), число дворов Хата составило 7 053 двора, посему поставлен Хата-но *томо-но мияцүко*».³

* * *

Письменные источники по истории древней Японии безусловно страдают рядом неточностей. Тем не менее, как показывает исследование самого текста китайских династийных историй и относящихся к ним записей в «Кодзики» и «Нихон сёки», а также сравнение имеющейся там информации с данными археологии и этнографии, содержащаяся в них информация близка к историческим фактам. Всё же следует учитывать, что эти хроники написаны иностранцами, использовавшими данные из вторых или третьих рук. Поэтому для выявления правильных мест в этих источниках необходимо их сравнение не только с вещественными памятниками, но и материалами «Кодзики» и «Нихон сёки». Последние две книги, хотя и были составлены в позднее время и по определенному политическому заказу – возвеличивание императорской династии, содержат ряд сведений, отражающих реалии более древнего периода истории Японии. Игнорировать их невозможно, хотя подчас трудно отличить описание реальных событий от сомнительных. В этом случае фильтрации информации опять же способ-

---

¹ Согласно Саэки Арикиё и другим, ныне – Курихара, преф. Нара (Нихон сёки, 1974. С. 282).

² Нихон сёки, 1897. С. 253-254. О расселениях и перемещениях Хата упоминается также под 15-м и 16-м годами (471-472 гг.) (Нихон сёки, 1897. С. 255).

³ Нихон сёки, 1897. С. 310. Тесные связи именно с Южным Китаем подтверждаются не только данными археологии, но и материалами последующих династийных историй – «Сун шу», «Нань-Ци шу», «Лян шу», в то время как какая-либо информация о контактах с северными династиями отсутствует даже в «Бэй ши» («Истории Северных династий»), хотя все даты и конкретные события в них другие.

ствуует предложенный выше сравнительный метод. На настоящем этапе научного изучения китайских и японских хроник необходимо отойти от филологического метода, часто приводящего к сомнительным выводам, в пользу метода верификации текста на основе вещественных (прежде всего археологических) памятников. В этом, по нашему мнению, наиболее продуктивный исследовательский подход к данному типу письменных источников.

Источники и использованная литература:

1. *Араи Хакусэки* 新井 白石. Косицү вакумон 古史通或問 (Некоторые вопросы известий о древней истории) // *Араи Хакусэки* 新井 白石. Оритакү сибаноки. Косицү. Косицү вакумон. Токуси ёрон 折たく柴の記・古史通・古史通或問・読史余論. – Токио 東京: Тёубкёронся 中央公論社, 1983. – С. 271-300, 518-521.
2. *Банно Кёити* 伴野 幸一. Сига-кэн Ниноадзэ-Ёкомакура исэки-то Исэ исэки 滋賀県二ノ蛙・横枕遺跡と伊勢遺跡 (Археологические памятники Ниноадзэ-Ёкомакура и Исэ в преф. Сига) // Кикан кёкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 78-82, 12.
3. *Бань Гу* 班固. Хань шу 漢書 (История династии Хань) / Коммент. танского Янь Ши-гу 顏師古. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1990. – Т. I–XII.
4. *Бичурин Н.Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. – 336 с.
5. *Вада Киёси* 和田 清. Тёёсидзё ёри митару кодай-но Ниппон 東洋史上より観たる古代の日本 (Древняя Япония с точки зрения истории Дальнего Востока). – Киото 京都: Хабáдо, Энкё, Дёсися тóхó бунка кóдза иинкай ハーバード・燕京・同志社東方文化講座委員会, 1956. – 56 с.
6. *Воробьёв М.В.* Китайский источник о быте и нравах японцев в первые века нашей эры // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. докл. Ч. I. – М.: Наука, 1991. – С. 120-124.
7. *Готё Моримити* 後藤 守一. Кан Ва-на кокубин-но мондай 漢委奴国王印の問題 (Проблема печати с надписью «Ханьскому вану государства Вэй-ну») // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1952. – № 47. – С. 2-4.
8. *Дзуйкэй Сёхó* 瑞溪 周鳳. Дзэнрикоку хёки 善隣国宝記 (Драгоценные записи о добрых соседях) / Ред. Танака Такэо 田中 健夫. – Токио 東京: Сёэйся 集英社, 1995. – 750 с.
9. *Дои Кадзуюки* 土居 和幸, *Нагата Сукэхиса* 永田 裕久. Яёи тóки-но фунбогун. Оита-кэн Хита-си Фукиагэ исэки 弥生中期の墳墓群一日田市吹上

- 遺跡 (Захоронение периода среднего яёй. Археологический памятник Фукиагэ, гор. Хита, преф. Оита) // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 1996. – № 54. – С. 87-92.
10. *Иваи Хиросато* 岩井 大慧. Кан Ва-на кокуō кинъин-о канбуцу утагау сэцу-о ёми 漢委奴国王金印を官物疑う説を読み (Читая теории, выражающие сомнения по поводу печати с надписью «Ханьскому вану государства Вэй-ну») // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1952. – № 47. – С. 4-13.
  11. *Ики Итирō* 壺岐 一郎. Ниттō кодай кōрō-о сагуру 日中古代交流を探る (Исследование японо-китайских отношений в древности). – Фукуока 福岡: Асисёбō 葦書房, 1989. – 251 с.
  12. *Ики Итирō* 壺岐 一郎. Тōгоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку 中国正史の古代日本記録 (Записи о древней Японии в китайских официальных историях). Тексты и перевод. – Фукуока 福岡: Асисёбō 葦書房, 1992. – 181 с.
  13. *Иноуэ Мицусадэ* 井上 光貞, *Касахара Кадзю* 笠原 一男, *Кодама Кōта* 児玉 幸多 Синсёсэцу Ниппонси 新詳説 日本史 (Новое подробное изложение японской истории). – Токио 東京: Ямакава сюппан 山川出版, 1989. – 384 с.
  14. *Иноуэ Хидэо* 井上 英雄. Гайкō дзю-но надзо 外交一〇の謎 (Десять загадок внешних связей древней Японии) // Рэкиси докухон 歴史読本. – 1982. – Т. 27. – № 5. – С. 128-133.
  15. *Иноуэ Хидэо* 井上 英雄. Тōгоку, Тёсэн, Ниппон-но вадзин 中国・朝鮮・日本の“倭人” (Китай, Корея и японский народ во) // Вадзоку-то кодай Ниппон 倭族と古代日本 (Народ во и древняя Япония) / Сост. Сува Харуо 諏訪 春雄. – Токио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1993. – С. 70-119.
  16. *Инуи Тэцуя* 乾 哲也. Охака-фу Икэгами-Сонэ исэки 大阪府池上・曾根遺跡 (Археологический памятник Икэгами-Сонэ в преф. Осака) // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 63-67.
  17. *Кавабада Масао* 川端 正夫. Фукуока-кэн Хирацу-Кавадзюэ исэки 岡県平塚川添遺跡 (Археологический памятник Хирацу-Кавадзюэ, преф. Фукуока) // Кикан кōкогаку 刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 49-52.
  18. Канси цзядянь 康熙字典 (Словарь, составленный по повелению императора Канси). – Шанхай 上海: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1990. – 1684 с.
  19. *Кобаяси Юкио* 小林 行雄. Ниппон кōкогаку гайсэцу 日本考古学概説 (Очерк японской археологии). Изд. 26. – Токио 東京: Тōкё сōгэнся 東京創元社, 1978. – 320 с.
  20. *Кобаяси Ясухару* 小林 庸浩. Кандай канъин сикэн 漢代官印私見 (Частное мнение по поводу печатей чиновников в эпоху Хань) // Тōё гакухō 東洋学報. – 1967. – Т. 50. – № 3. – С. 362-385.

21. Кодзики 古事記 (Записи о делах древности) / Аоки Кадзуо 青木 和夫, Исимода Сё 石母田 正, Кобаяси Ёсинори 小林 芳規, Саэки Арикиё 佐伯 有清 (ред.). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1982. – 694 с.
22. Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I: Свиток 1-й. Мифы / Пер. Е.М. Пинус. – СПб.: Шар, 1993. – 320 с.
23. Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II: Свиток 2-й и 3-й. Мифы / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Шар, 1993. – 256 с.
24. *Кондō Мэгуми* 近藤 恵, *Мацуура Сюдзи* 松浦 秀治, *Мацуи Акира* 松井 章, *Канаяма Ёсиаки* 金山 喜昭. Нода-си Ōсакидзука дзёмон кōки кайсō сю-цудо ума идзан-но фуссо нэндай хантэй. Дзёмон дзидай-ни ума-ва ита ка? 野田市大崎貝塚縄文後期貝層出土ウマ遺残のフッ素年代判定 — 縄文時代にウマはいたか (Определение возраста останков лошади, извлечённых из раковинной кучи периода позднего дзёмона в холме Ōсакидзука, города Нода по содержанию фтора. Существовали ли лошади в период дзёмон в Японии?) // *Дзинруйгаку дзасси 人類学雑誌*. – 1991. – Т. 99. – № 1. – С. 93-98.
25. *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
26. *Курихара Томонобу* 栗原 朋信. Гиси вадзиндэн-ни мизэру Яматай-коку-о мэгуру кокусай канкэй-но ити-мэн 魏志倭人伝に見える邪馬台国を巡る国際関係の一面 (Один аспект международных отношений государства Яматай по «Описанию во» в «Вэй чжи») // *Сигаку дзасси 史学雑誌*. – 1964. – Т. 73. – № 12. – С. 1-38.
27. *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд. вост. лит., 1961. – 391 с.
28. *Ли Фан и др.* 李昉. Тай-пин юйлань 太平御覽 (Высочайше просмотренное собрание книг, составленное в период правления Тай-пин). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1960. – Т. I-IV.
29. *Лантев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в.н.э. – М.: Институт практического востоковедения, 2003. – 262 с., 24 ил.
30. *Лантев С.В.* Описания народа во в I-III вв. н.э. Тексты и проблема достоверности информации о во в китайских и японских письменных памятниках / вступ. ст., пер. с кит. и япон. и комм. // *Вестник древней истории*. – 2010. – № 4. – С. 223-247.
31. *Лантев С.В.* Описания Японии в “Цзинь шу”, “Сун шу”, “Нань-Ци шу”, “Лян шу”, “Нань ши”, “Бэй ши”, “Суй шу” // *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ*. – М.: Русский Двор. – 1999. – Вып. II. – С. 109-118.

32. *Мацусита Кэнрин* 松下 見林. Исё Ниппондэн 異称日本伝 (Описания Японии под другими названиями). – Токио 東京: Кокусё канкёкай 国書刊行会, 1975. – 953 с.
33. *Мики Таро* 三木 太郎. «Ва кокуё Суйсё надо»-но канкэн 「倭国王帥升等」の一管見 (Мои наблюдения по поводу строк «Ван государства Во Шу-айшэн») // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1966. – № 218. – С. 53-58.
34. *Мотоори Норинага* 本居 宣長. Караосамэ-но урэтамигото 馭戎慨言 (Слова беспокойства по поводу покорения варваров) // *Мотоори Норинага* 本居宣長. Наоби-но митама 直毘靈 (Дух бога Наоби). Караосамэ-но урэтамигото 馭戎慨言. *Хирата Ацутанэ* 平田篤胤. Тама-но михасира (Столп духа) 靈の真柱. – Токио 東京: Юхёдб сётэн 有朋堂書店, 1918. – С. 33-71.
35. *Накадзима Наююки* 中島 直幸. Мацура куни. Сакура-но-баба исэки-то Курисёдзуй кофун 末盧国 —桜馬場遺跡と久里双水古墳— (Государство Могу. Археологический памятник Сакура-но-баба и курган Курисёдзуй) // Кикан кёкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 28-32.
36. *Накаяма Кёсирё* 中山 久四郎. Сина Сэйси Ниппонкокудэн 支那正史日本國傳 («Описания Японии» в китайских официальных историях). – Токио 東京: Накаяма Кёсирё 中山久四郎, 1934. – 85 с.
37. Нихон сёки 日本書紀 (Анналы Японии). Серия «Кокуси тайкэй» 國史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзассия 經濟雜誌社, 1897. – Т. I. – 585 с.
38. Нихон сёки 日本書紀 (Анналы Японии) / Пер. на современный японский язык Кавадзё Такэтанэ 川副 武胤, Саэки Арикиё 佐伯 有清. – Токио 東京: Тёбкёрон синся 中央公論新社, 1974. – 502 с.
39. Нихон сёки: Анналы Японии / Пер. А.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 1-2. – 496 с., 432 с.
40. *Окада Хидэхиро* 岡田 英弘. Ниппонси-но тандзё 日本史の誕生 (Рождение японской истории). – Токио 東京: Юдатия 弓立社, 1994. – 254 с.
41. *Отани Мицуо* 大谷 光男. Киньин хаккуцу кёдзёсё оёби соно канкэй бункэн-ни цуйтэ 金印発掘口上書及びその関係文献について (О вербальной ноте по поводу находки «Золотой печати» и касающихся этого письменных документах) // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1956. – № 102. – С. 44-49.
42. *Оти Сигэаки* 越智 重明. Кан дзидай-но ко-то йэ – сү-то ситэ косэкисэй-мэн-кара мита 漢時代の戸と家—主として戸籍制面から見た («Дом» и «семья» в эпоху Хань – в основном с точки зрения системы переписей населения по дворам) / Сигаку дзасси 史学雑誌. – 1969. – Т. 78. – № 8. – С. 1-44.

43. *Pi Энцику* 李永植. Кодай дзиммэй-кара мита «Курэ». Ёдзин, Ёряку-кино «Курэ»-ни цуйтэ 古代人名からみた「呉」—「応神・雄略紀」の「呉」について («Курэ» с точки зрения личных имен. По поводу упоминаний «Курэ» в «Деяниях» императоров Ёдзина и Ёряку в «Нихон сёки») // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1990. – № 502. – С. 18-36.
44. *Саэки Арикиё* 佐伯有清. Кэнкёси. Яматай-коку 研究史 邪馬台国 (История исследований государства Яматай). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1971. – 295 с.
45. *Саэки Арикиё* 佐伯有清. Кодай-но Хигаси Адзиа-то Ниппон 古代の東アジアと日本 (Древняя Восточная Азия и Япония). – Токио 東京: Кёикюся 教育社, 1977. – 214 с.
46. Сёва рокудзё сан нэндо дзёё бункадзай-но ситэй-ни цуйтэ 昭和六十三年重要文化財の指定について (Об утверждении основных культурных памятников на 63-й год эры Сёва [1988 г.]) // Кёкогаку дзасси 考古学雑誌. – 1990. – Т. 75. – № 3. – С. 113-117.
47. *Сибюя Тадаси* 渋谷格. Сага-кэн Юбихонмура исэки 佐賀県柚比本村遺跡 (Археологический памятник Юбихонмура, префектура Сага) // Кикан кокогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 7, 53-57.
48. *Сигэмацу Акихиса* 重松明久. Гиси вадзиндэн-о мэгуру ни-сан-но мондай 魏志倭人伝をめぐる二、三の問題 (Две-три проблемы в связи с «Вэй чжи вожэнь чжуань») [Описанием во «Вэй чжи»] // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1973. – № 301. – С. 100-116.
49. *Сигэно Ясунугу* 重野安繹, *Кумэ Кунитакэ* 久米邦武, *Хосинэ Хисаси* 星野恒. Кёхон. Кокусиган. 稿本国史眼 (Взгляд на японскую историю. Черновик). Т. I–VII. – Токио 東京: Тайсэйкан 大成館, 1890. – 54 с.
50. *Симидзу Синъити* 清水真一. Нара-кэн Макимуку исэки 奈良県纏向遺跡 (Археологический памятник Макимуку, преф. Нара) // Кикан кокогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 73-77, 8.
51. *Сираиси Таитирё* 白石太一郎. Дзэмпё кёэнфун-но сэйрицу-то Нёби хэйя 前方後円墳の成立と濃尾平野 (Становление курганов с квадратной передней частью и круглой задней частью и равнина Нёби) // Тёнити синбун 中日新聞, вечерн. вып. – 1996. – 18 октября.
52. *Сиратори Куракити* 白鳥庫吉. Ва дзёё Химико (Правительница Во Химико) // Сиратори Куракити дзэнсё 白鳥庫吉全集 (Полное собрание сочинений Сиратори Куракити). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1969. – Т. I. – С. 3-39.

53. *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Ва дзёб Химико мондай-ва дё-ни кайкэцу сэрарубэки ка. Кёэн ёси 倭女王卑弥呼問題は如何に解決せらるべきか — 講演要旨 (Как следует разрешить проблему Яматай? Основное содержание выступления) // Там же, 1969 а. – С. 178-182.
54. *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Кан-Ги дзидай окэру Кёкутё кокусай дзёсэй-ёри митару «Ва дзёб Химико мондай». Кёэн ёси 漢魏時代に於ける極東國際情勢より見たる「倭女王卑弥呼問題」 — 講演要旨 (Проблема «правительницы Во Химико» с точки зрения ситуации в международных отношениях на Дальнем Востоке в эпохи Хань и Вэй. Основное содержание выступления) // Там же, 1969 б. – С. 188-189.
55. *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Химико мондай-но кайкэцу 卑弥呼問題の解決 (Разрешение проблемы Яматай) // Там же, 1969 в. – С. 79-177.
56. *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Яматай-коку-ни цуйтэ 耶馬台国について (О государстве Яматай) // Там же, 1969 г. – С. 71-77.
57. *Сиратори Куракити* 白鳥 庫吉. Иваюру «Камикаго иси»-ни цуйтэ 所謂「神籠石」に就いて (О так называемом камне «Божественной корзины») // Там же, 1969 д. – С. 51-70.
58. Скульптура древней и современной Японии. Каталог выставки. – Л.: Советский художник, 1969. – 80 с.
59. *Создзима Кадзуаки* 副島 和明, *Сёбаяси Мамору* 正林 護. Ики-коку. Хараноцудзи исэки-то Караками исэки 一支国一原の辻遺跡とカラカミ遺跡 (Государство Ики. Археологические памятники Хараноцудзи и Караками) // Кикан кёкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 23-27.
60. Сэйдёкё-ни Ги-но нэнгё Химико ронсё-ни исэки 青銅鏡に魏の年号卑弥呼論争に一石 (Вэйские годы правления на бронзовом зеркале. Ещё один факт в споре о Химико) // Асахи симбун 朝日新聞. – 1994. – 18 марта. – С. 1.
61. *Торигоэ Кэндзабурё* 鳥越 憲三郎. Вадзоку-то кодай Ниппон 倭族と古代日本 (Народ во и древняя Япония) // Вадзоку-то кодай Ниппон 倭族と古代日本 (Народ во и древняя Япония), под ред. Сува Харуо 諏訪 春雄. – Токио 東京: Юдзанкаку 雄山閣, 1993. – С. 7-52.
62. *Урабэ-но Канэката* 卜部 兼方. Сяку Нихонги 釋日本紀 (Пояснения к «Нихон сёки») // Нихон сёки сики. Сяку Нихонги. Нихон исси 日本書紀私記; 釋日本紀; 日本逸史 (Толкования «Нихон сёки». Пояснения к «Нихон сёки». Неофициальная история Японии). Серия «Кокуси тайкэй» 国史大系, Т. VIII / Ред. Куройта Кацуми 黒板 勝美. – Токио 東京: Ёсикава кёбункан 吉川弘文館, 1965. – 356 с.

63. *Фань Е* 范曄. Хоу Хань шу 後漢書 (История Поздней династии Хань). Цз. 1-120. – [Б. м.], 1870.
64. *Фудзита Сабурō* 藤田 三郎. Нара-кэн Тарако-Каги исэки 奈良県唐古・鍵遺跡 (Археологический памятник Тарако-Каги в преф. Нара) // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 68-72, 11.
65. *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōбеси-дзē-ёри митару нихон дзēкоси кэнкю 東洋史上より見たる日本上古史研究 (Древняя история Японии с точки зрения истории Дальнего Востока). – Токио 東京: Тōбэунко 東洋文庫, 1956. – 1041 с.
66. *Хасимото Масукити* 橋本 増吉 // Асахи симбун 朝日新聞. – 1994. – 18 марта.
67. *Хирата Садаюки* 平田 定幸, *Симомура Сатоси* 下村 智. На-коку. Сугу-Окамото исэки сiохэн-то Хиэ-Нака исэки 奴国 — 須玖岡本遺跡周辺と比恵・那珂遺跡 (Государство На. Окрестности археологического памятника Сугу-Окамото и археологический памятник Хиэ-Нака) // Кикан кōкогаку 季刊考古学. – 1995. – № 51. – С. 38-43.
68. Цы хай 辞海 (Море слов). – Шанхай 上海: Шанхай цышу чубаньшэ 上海辞书出版社, 1989. – 1884 с.
69. *Чэнь Шоу* 陳壽. Сань-го чжи 三國志 (Записи трех царств) / Коммент. Пэй Сун-чжи 裴松之. Цз. 1-65. – [Б. м.], 1870.
70. *Ясумото Битэн* 安本 美典. Яматай-коку дзiю-но надзо 邪馬台国一〇の謎 (Десять загадок государства Яматай) // Рэкиси докxон 歴史読本. – 1982. – Т. 27. – № 5. – С. 104-111.
71. *Hara Katsūro*. Histoire du Japon des origines à nos jours. – Paris: Payot, 1926. – 305 p.
72. *Lapteff S.* Chinese Influence on the Technological Development of Yayoi Period Japan: Problems of Metal Casting and the Production of Bronze Mirrors // Historical Perspectives on East Asian Science, Technology and Medicine / K.L. Chan Alan, Gregory K. Clancey, Hui-Chieh Loy (eds.). – Singapore–New Jersey–London–Hong Kong: Singapore University Press; World Scientific, 2002. – P. 470-476.
73. *Nishinakagawa Hayao, Matsumoto Mitsuharu, Otsuka Junichi, Kawaguchi Sadanori*. Skeletal Remains of Domestic Dogs from Jomon and Yayoi Sites in Kagoshima Prefecture // Дзинруйгаку дзасси 人類学雑誌. – 1992. – Т. 100. – № 4. – С. 485-498.
74. *Young J.* The Location of Yamatai: A Case Study in Japanese Historiography 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958. – 199, 5, ix pp.

Бакшеев Е.С.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ С НАСЫПЬЮ ПЕРИОДА ЯЁЙ – ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КУРГАНОВ ПЕРИОДА КОФУН В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ¹

В статье рассматриваются, главным образом, с точки зрения внешней формы, основные типы погребальных сооружений периода Яёй (ок. V в. до н.э. – III в. н.э.) с насыпью, в частности: круглые (円形周溝墓) и квадратные могильные насыпи со рвом (方形周溝墓) и с одним или двумя выступами, могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами (四隅突出形墳丘墓) региона Санъин, большие могильные насыпи *функѳобо* 大型墳丘墓 Позднего Яёй, «курганы типа Макимуку» 纏向型前方後円墳 переходного периода от Яёй к Кофун и др.

Если небольшие могильные насыпи со рвом Раннего Яёй, у которых ров прерывается перемычкой – выступом, отходящим от насыпи, были лишь предтечей «квадратно»-круглых и «квадратно»-квадратных курганов периода Кофун, то большие могильные насыпи *функѳобо* позднего Яёй могут уже считаться прототипом курганов *кофун*. Курганы *кофун* появились благодаря синтезу многих локальных особенностей насыпей *функѳобо* позднего Яёй: например, цилиндрические *ханива* (энтѳ ханива) курганов *кофун* развились из сосудов и подставок под них, которые устанавливались на *функѳобо* в регионе Киби (преф. Окаяма). Между могильными насыпями Позднего Яёй и курганами Раннего Кофун существует очевидное генеалогическое родство; так, т.н. «квадратно»-круглые курганы *дзэмпѳ кѳэн-фун* 前方後円墳 представляют собой развитие круглой насыпи *функѳобо* с одним прямоугольным («квадратным») выступом.

Однако самыми непосредственными предшественниками стандартных «квадратно»-круглых курганов в регионе Кинай, например, Хасихака кофун, стали т.н. «квадратно-круглые курганы типа Макимуку» 纏向型前方後円墳, которые являются переходной формой от насыпей *функѳобо* Позднего Яёй к настоящим курганам раннего Кофун. Таким образом, истоки культуры «квадратно»-круглых курганов, в частности, их уникальной формы, – при очевидном значительном континентальном влиянии – лежат в автохтонной традиции (могильные насыпи периода Яёй).

Бакшеев Евгений Сергеевич – кандидат культурологии, консультант Нового института культурологии (Россия, г. Москва, ул. Васильевская, д. 13, стр. 1).

E-mail: e.baksheev@yandex.ru

¹ Основные проблемы, рассмотренные в данной статье, впервые были изложены в моём докладе «ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КУРГАНОВ ЯМАТО – Погребальные сооружения периода Яёй и их трансформация» на 2-й конференции «История и культура Японии» (Москва, 18 октября 2000 г.; организатор конференции проф. А.Н. Мещеряков).

Взаимосвязано с формированием «курганной культуры» происходил процесс политогенеза: «курганы типа Макимуку» появились в начале – первой половине III века н.э. на равнине Нара, в местности Макимуку (г. Сакураи, преф. Нара) на территории т.н. «политии Мива», которая стала зачатком раннего государства Ямато. Появление в различных регионах стандартных курганов *кофун* одинакового типа означало становление в III – IV вв. н.э. конфедерации (во главе с правителями Ямато) региональных политий (вожеств), связанных общими ритуалами вождеских захоронений и наследования власти.

Ключевые слова: Яёй; Кофун; погребальные сооружения; могильные насыпи *функкобо* 墳丘墓; квадратные (*хокэй сёккобо*) и круглые могильные насыпи со рвом (*энкэй сёккобо*); могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами (*ё суми тоссюцу гата функкобо*); ритуальная керамика периода Яёй как прототип цилиндрических *ханива* 円筒埴輪; «квадратно-круглые курганы типа Макимуку» (*Макимуку-гата дзэмпё кёэн-фун*); Хасихака кофун; курганы *кофун* 古墳; «квадратно»-круглые курганы 前方後円墳; социальная стратификация; политогенез; «полития Мива»; государство Ямато.

(1) Введение

Погребальные курганы *кофун* 古墳 периода Кофун (古墳時代 III–VII вв. н.э.), особенно т.н. «квадратно»-круглые (前方後円墳 *дзэмпё кёэн-фун* / ДПКЭФ¹) – едва ли не самые впечатляющие археологические сооружения Японии; они издавна привлекали внимание как японских, так и зарубежных исследователей.² Решение одной из глав-

¹ На самом деле, передняя, т.н. «квадратная» часть у таких курганов, равно как и у «квадратно»-квадратных курганов (前方後方墳 *дзэмпё кёхё-фун* / ДПКХФ) периода Кофун, как правило, была прямоугольной или трапециевидной формы. Как показано в данной статье, она развилась из выступов, образовавшихся у могильных насыпей периода Яёй, т.е. из перемычек, которые пересекали ров, окружавший такие насыпи. Ранние курганы «квадратно»-круглой и «квадратно»-квадратной формы сформировались в Японии уже в 1-й пол. III в. н.э.; в Южной Корее обнаружено некоторое количество таких курганов 2-й пол. V в. – 1-й пол. VI в. н.э., т.е. построенных значительно позже; очевидно, что это японское влияние.

² В отечественном японоведении эта тема затрагивалась в обобщающих трудах: *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – С. 35-82; *Мещеряков А.Н., Грачёв М.В.* История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002. – С. 85-110. См. также: *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 10, 15). Российские археологи недавно также обратились к этой теме – напр., см.: Гнездилова И.С. Ирина Сергеевна. Погребальные комплексы периода Кофун (III-VII века

ных проблем, связанных с ними – происхождение такой уникальной формы¹ – может пролить свет на вопросы формирования единой японской культуры Ямато², становления японской государственности, взаимодействия автохтонной и континентальной культур.³

Период Яёй (弥生 ок. V в. до н.э. – III в. н.э.)⁴ по общему мне-

---

нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю, Японский архипелаг (по данным археологии) / Ирина Сергеевна Гнездилова. – Автореферат ... кандидата исторических наук. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2020. – 16 с.

¹ Как отмечает археолог Д. Барнс, ведущий западный специалист по периоду Кофун, эволюция формы могильных насыпей важна для определения времени возникновения погребальных сооружений «квадратно»-круглой и «квадратно»-квадратной формы как основного показателя для элитных захоронений периода Кофун (*Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge – Taylor & Francis Group, 2007. – P. 109*).

² Культура исторического периода Ямато 大和時代 (III–VII вв. н.э.).

³ В Китае возведение массивных пирамидальных (квадратных в плане) курганов над элитными захоронениями началось в первом тысячелетии до н.э. К началу эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) эта традиция проникла на Корейский полуостров. Развитие оригинальных форм курганных захоронений начиная с III в. н.э. в Корее и в Японии («квадратно»-круглых и «квадратно»-квадратных курганов) стало одним из признаков стремительной стратификации местных обществ после падения династии Хань (*Barnes Gina L. Kofun: mounded tombs of Japan and Korea // Oxford Companion to Archaeology. 2nd ed. / Ed. by Neil Asher Silberman. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – Vol. 2. – P. 193*).

⁴ Новая стандартная (общепринятая) хронология периода Яёй, используемая сейчас в Японии: Начальный Яёй (сёки 早期) — V–III вв. до н.э.; Ранний Яёй (дзэнки 前期), или Яёй-I, — III–II вв. до н.э.; Средний Яёй (тёки 中期) делится на три фазы: Яёй-II — II в. до н.э., Яёй-III — II–I вв. до н.э., Яёй-IV — I в. до н.э. – I в. н.э.; Поздний Яёй (кёки 後期) делится на две фазы: Яёй-V — I–II вв. н.э. и Яёй-VI — III в. н.э. Период Ранний Кофун сейчас датируется второй половиной III – IV вв. н.э. (см.: *Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 28*). В отечественной науке по-прежнему часто используют старую стандартную хронологию Яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.). Ведущие японские археологи Харунари Хидэдзи и Имамура Кэйидзи из Национального музея японской истории 国立歴史民俗博物館 на основе радиуглеродной датировки отодвинули время начала Яёй к 1000 г. до н.э. (см. также статью С.В. Лаптева в настоящем сборнике). Эта дата не является общепринятой, но, например, Кодзи Мидзогучи, лидер современной японской археологии с международным именем также считает, что период Яёй начался ок. 900 г. до н.э. (*Mizoguchi Koji. The archaeology of Japan: from the earliest rice farming villages to the rise of the state. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 53*). Масгитый археолог Р. Пирсон поддерживает такую точку зрения: по его оценке, в районе современного г. Осака период Яёй начался ок. 950 г. до н.э. (*Pearson Richard. Ōsaka Archaeology. – Oxford: Archaeopress, 2016. – P. 15–16*). В настоящее время японские и иностранные учёные используют для точки начала периода Яёй спектр дат от VIII в. до V в. до н.э.

нию японских и зарубежных исследователей можно назвать «уникальным», «революционным» (начало использования металлов, широкое распространение производящего хозяйства – заливного рисоводства, резкий рост населения) и «переходным» (возникновение социальной дифференциации и стратификации, возникновение политической элиты, появление протогосударственных образований – *политий*).¹

Период Яёй также отличался необычайным разнообразием типов погребальных сооружений.² Так, в первой половине периода Яёй на Северном Кёсю сосуществовали захоронения в грунтовых могилах *докобо* 土壙墓, первичные взрослые захоронения в гигантских широкогорлых глиняных сосудах *камэ* (*камэканбо* 甕棺墓)³, захоронения в каменных гробах-ящиках *хако-сики сэкканбо* 箱式石棺墓 и в деревянных гробах *мокканбо* 木棺墓. Только на севере острова Кёсю (от Северо-Западного до Северного Кёсю) сооружались «дольмены» *сисэкибо* 支石墓, аналогичные «южным», или т. н. «модифицированным» дольменам Южной Кореи.⁴ С другой стороны, в Восточной Японии (о. Хонсю) широкое распространение получили вторичные захоронения *реби* 再葬墓⁵ в узкогорлых сосудах типа *цубо* 壺 («кувшины») в круг-

---

¹ Hudson Mark J. Rice, Bronze, and Chieftains – An Archaeology of Yayoi Ritual // Japanese Journal of Religious Studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 175; Mizoguchi Koji. The archaeology of Japan: from the earliest rice farming villages to the rise of the state. P. 53; Суровень Д.А. Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – Вып. 11-й. – С. 241-242. С.В. Лаптев в статье в данном сборнике пишет: «... Японцы в современном понимании, как тип популяции, сформировались именно в период Яёй. Период Яёй связывается и с кардинальными изменениями во всех областях жизни на архипелаге – это переход к земледелию, то есть к производящему хозяйству, появление бронзы и почти одновременно железа... и формирование первых государственных образований».

² Об этом также говорится в статье С.В. Лаптева в настоящем сборнике; там же указывается, что Яёй – это не единая археологическая культура, а группа близких культур.

³ Такие захоронения в гигантских урнах в Японии характерны только для Северного Кёсю (см. фото 1 к статье С.В. Лаптева в настоящем сборнике).

⁴ Воробьев М.В. Древняя Япония: историко-археологический очерк. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – С. 61-68; Воробьев М.В. Япония в III–VII веках: этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Наука, 1980. – С. 60, 104.

⁵ О традиции первичных и вторичных погребений на Японских о-вах и их социокультурном контексте см.: Бакшеев Е.С. Древнейшие истоки погребального обряда *могари* по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. Отв. ред. В.М. Алпатов. М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2001. – С. 7-25; Бакшеев, Евгений Сергеевич. Двустадийная погребальная обрядность Японии

лых грунтовых могилах (регионы Тōбу, Кантō, Хокурику, Юж. Тōхоку, т.е. преф. Ибараки, Тиба, Тотиги, Фукусима и др.), появившиеся ещё в Финальном Дзёмон, а также детские захоронения в сосудах типа *камэ 甕* (*камэканбо*) (Юж. Тōхоку).¹

(2) Погребальные сооружения периода Яёй с насыпью

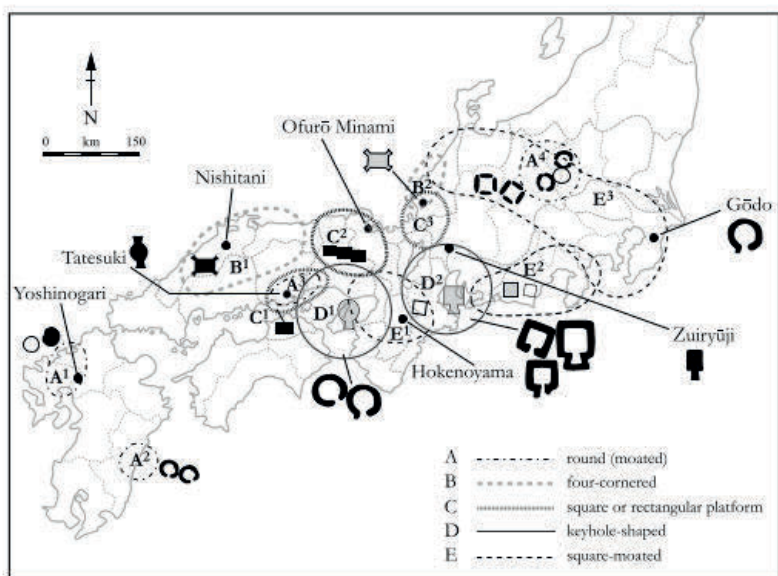

Рис. 1. Распространение основных типов погребальных сооружений с насыпью в период Яёй в различных регионах Японии.

и Окинавы как культурная модель. – Диссертация ... кандидата культурологии. – Москва: Российский институт культурологии, 2005. – 224 с. + Прил. (112 с.).

¹ *Бакиев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда *могари* по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй. С. 16-25; *Сахара Макото* 佐原 真. Нихондзин-но тандзэ 日本人の誕生 // Тайкэй Нихон-но рэйкиси 大系 日本の歴史. – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1987. – Т. 1. – С. 318-28; *Танака Мигаку* 田中 琢. Вадзин сōран 倭人争乱 // Нихон-но рэйкиси 日本 の歴史. – Токио 東京: Сёэйся 集英社, 1991. – Т. 2. – С. 112-13; *Mizoguchi Koji*. The archaeology of Japan. P. 60, 92-101; Нихон кōкогаку кодзитэн 日本考古学小辞典 / Сост. Эсака Гэруя 江坂 輝彌, Сэридзава Тёсукэ 芹沢 長介, Сакадзүмэ Хидэити 坂詰 秀一 (編集). – Токио 東京: NEW SCIENCE CO. Нью-Сайенс社, 1983. – С. 187, 217; История Японии. Т. 1: С древнейших времён до 1968 г. / Под ред. А.Е. Жукова. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – С. 51. О погребальных сооружениях и обрядах периода Яёй также см. статью С.В. Лаптева в настоящем сборнике.

- А) «Круглые могильные насыпи со рвом» *энкэй сёккёбо* 円形周溝墓.
- В) «Могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами» *ё суми тоссюцу гата функкёбо* 四隅突出型墳丘墓.
- С) «Квадратные могильные насыпи-платформы» *хёкэй дайдзёбо* 方形台状墓.
- D) Могильные насыпи *функкёбо* «квадратно»-круглой *дзэмпё кбэн* (D-1) и «квадратно»-квадратной *дзэмпё кбхё* (D-2) формы.¹
- E) «Квадратные могильные насыпи со рвом» *хёкэй сёккёбо* 方形周溝墓.

В рамках данной статьи для нас основной интерес представляют – главным образом, с точки зрения внешней формы – несколько типов погребальных сооружений периода Яёй с насыпью (см. рис. 1), в частности: *хёкэй сёккёбо* 方形周溝墓 (далее: ХСКБ; «квадратная могильная насыпь со рвом»²) (см. рис. 2-3), *хёкэй дайдзёбо* 方形台状墓 (ХДДБ; «квадратная могильная насыпь-платформа») и *энкэй сёккёбо* 円形周溝墓 (ЭСКБ; «круглая могильная насыпь со рвом») (см. рис. 8-10). Эти погребальные сооружения появились в раннем Яёй; позже к ним добавился такой тип как *энкэй дайдзёбо* (円形台状墓 («круглая могильная насыпь-платформа»). Рассматриваются также т. н. «могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами» 四隅突出型墳丘墓 / 四隅突出墓 (см. рис. 15); этот тип захоронения вкупе с «квадратными могильными насыпями-платформами» 方形台状墓 также называют «функкёбо» 墳丘墓; иногда в эту группу включают и «квадратные могильные насыпи со рвом» 方形周溝墓 (в целом, в японской науке все захоронения периода Яёй, которые имеют могильную насыпь, называют «функкёбо» 墳丘墓)³ (изображения *функкёбо* – см. рис. 13, 16).

¹ Обращаю внимание на то, что это не курганы *кофун* периода Кофун, а могильные насыпи *функкёбо* периода Яёй или погребальные сооружения с насыпью переходного периода от Яёй к Кофун (напр., Макимуку Исидзука кофун, Хокэнояма кофун).

² Японские исследователи, отдавая дань месту и времени их возникновения, также иногда называют их «квадратная могильная насыпь со рвом периода Яёй в стиле Ямато» *яёй дзидай-но яматофу-но хёкэй сёккёбо* 弥生時代の和風の方形周溝墓. В отечественной японоведческой литературе их также называют: «могилы, окруженные рвом с водой» (История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. Т. 1. С. 51) и «захоронения прямоугольной формы, окруженные канавой» (*Лантев С.В.* Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н.э. / Сергей Валерианович Лаптев. – Диссертация ... кандидата исторических наук. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – С. 84).

³ Термин *функкёбо* упоминается в отечественной литературе, но в неточном контексте: «Первые сооружения курганного типа (функкёбо) появились в III в. на севере Кёсю. Обычно они возводились на холме или возвышенности, имели квадратную форму и

(3) Что такое «квадратные могильные насыпи со рвом» и «квадратные могильные насыпи-платформы»

Рис. 2. «Квадратная могильная насыпь со рвом» *хōкэй сյōкōбо* 方形周溝墓, пам. Хиратэ-тё 平手町遺跡 (период Яёй; г. Нагоя); в центре – следы деревянного гроба типа *фунагата моккан* («в форме лодки»).

были окружены рвом» (История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. Т. 1. С. 22). По современному данным, *функёбо* появляются не позднее II в. н.э. и не на севере Кёсё, а в центре Хонсю (регион Кибэ). На севере Кёсё (городище Ёсиногари, существовало с III в. до н. э. по III в. н. э.) в I в. до н.э. переселенцами с континента была сооружена крупная т.н. «северная» могильная насыпь, но эта традиция не получила в Японии распространения в течение следующих 200 лет (см. также Прим. 1, с. 442); само городище было покинуто уже в конце периода Яёй (ок. III в. н.э.). «Они возводились на холме или возвышенности ... были окружены рвом» – это, в принципе, взаимоисключающие характеристики: рвы сооружались, в частности, для отвода грунтовых вод, а нахождение захоронения на возвышенности само собой решало эту задачу. Таким образом, как отмечается в данной статье, в период Яёй параллельно существовали: на равнинах – «квадратные могильные насыпи со рвом» 方形周溝墓 и «круглые могильные насыпи со рвом» 円形周溝墓, а на возвышенностях – «квадратные могильные насыпи-платформы» 方形台状墓 и «круглые могильные насыпи-платформы» 円形台状墓.

«Квадратные могильные насыпи со рвом» *хōкэй сѳōкōбо* (ХСКБ) 方形周溝墓 впервые были обнаружены в 1963 г., и уже к концу 1980-х годов количество таких памятников составляло около двух тысяч.¹ Их открытие считается одним из самых значительных достижений послевоенной японской археологии. Как и захоронения в гигантских керамических сосудах (*камэканбо*) на Кјōсјō, ХСКБ могут считаться типичными видами захоронения для периода Яёй.

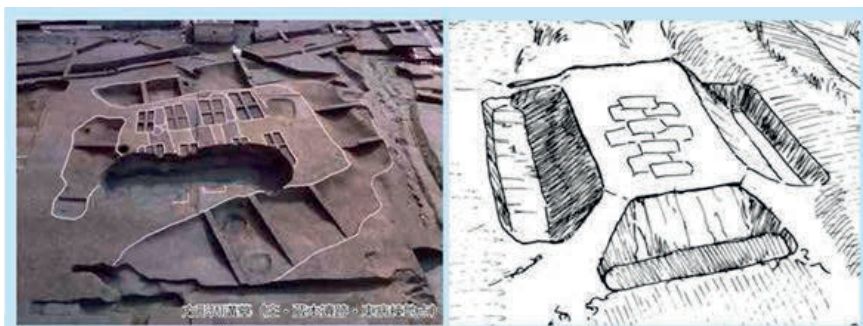

Рис. 3. «Квадратная могильная насыпь со рвом» *хōкэй сѳōкōбо* 方形周溝墓 (преф. Токусима); справа – реконструкция.

«Квадратные могильные насыпи со рвом» (ХСКБ) и «квадратные могильные насыпи-платформы» (ХДДБ) почти не отличаются по внешнему виду: это невысокие могильные насыпи, как правило, квадратной (подквадратной или прямоугольной) формы; длина стороны насыпи от 5-6 м до св. 30 м, но способы их строительства различны. При сооружении ХСКБ с самого начала грунт насыпали на ровном месте и утрамбовывали²; в случае ХДДБ – срезали верхушку естественного возвышения (холма) и подравнивали его по бокам.³ Оба вида сооружений также получили в японской археологии общее название «*функōбо*» 墳丘墓 – «могильные насыпи».⁴ Так, ХСКБ 方形周溝墓

¹ Наряду с двумя тысячами ХСКБ отмечено ок. 20 случаев насыпей со рвом т. н. «квадратно-квадратной» формы, т. е. у «главной» квадратной насыпи (с захоронением) имелся прямоугольный («квадратный») выступ (см. далее).

² При этом использовалась специфическая китайская технология трамбовки земли (яп. *хантику* 版築); см. также Прим. 1, с. 442.

³ *Сахара Макото*. Нихондзин-но тандзѳ. С. 319.

⁴ В японском академическом и научно-популярном дискурсе (в частности, в описании памятников – объектов наследия и туризма) различия между погребальными сооружениями периода Яёй с насыпью («могильные насыпи» 墳丘墓, напр., 方形周溝墓,

также называют 方形低墳丘墓 – «низкие квадратные могильные насыпи *функюбо*».

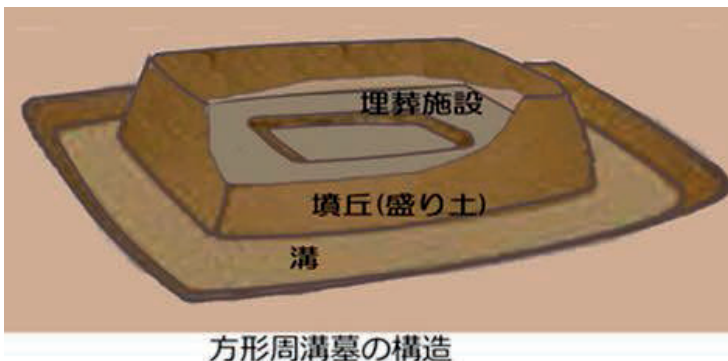

Рис. 4. Конструкция «квадратной могильной насыпи со рвом».
(1) Погребальное сооружение (грунтовая могила – в центре).
(2) Насыпь (из вынутого из рва грунта).
(3) Ров.

Что касается ХСКБ, то «основной особенностью таких захоронений является ров, окружающий каждое такое сооружение. Сами сооружения представляют собой небольшие земляные возвышения, заключающие в себе грунтовую могилу, а также иногда деревянный гроб (или керамическую урну для детских захоронений). У ХСКБ из грунта, вынутого из окружающего насыпь неглубокого рва, формируется насыпь высотой обычно ок. 1 м (до 2 м; конструкцию ХСКБ см.: рис. 4). В зависимости от времени создания ХСКБ ров может полностью ок-

---

方形台状墓, 四隅突出形墳丘墓и др.) и курганами *кофун* 古墳 периода Кофун (напр., 前方後円墳) чётко выражены уже на уровне терминологии: насыпи Яёй обозначаются иероглифом 墓 (могила, захоронение без высокого погребального холма), а курганы Кофун – знаком 墳 (курган, гробница с высоким погребальным холмом). Поскольку могильные насыпи *функюбо* 墳丘墓 периода Яёй в отечественной литературе подчас некорректно называют «курганами» – термином, который закреплен за курганами *кофун* 古墳 периода Кофун – а, также, поскольку не все исследователи владеют японским языком, укажем также англоязычный термин, которым зарубежные учёные обозначают тип сооружений «могильные насыпи» (русский перевод мой – Е.Б.) *функюбо* 墳丘墓 (букв. «могила с насыпью», *англ.* ‘mound-grave’). Известная британская исследовательница Д. Барнс (одна из авторов данного сборника), которая специально занималась этим вопросом, переводит японский термин 墳丘墓 (*функюбо*) как «mound-burial» в отличие от курганов *кофун* – «mounded tomb» (*Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 112).*

ружать насыпь; один угол насыпи может как «земляной мост» пересекать ров и соединяться с окружающим территорией; ров может охватывать насыпь с трёх сторон; насыпь может иметь четыре земляных мостика по углам. Учёные установили, что для периода Яёй отмечается следующая отчётливая тенденция: характерно прерывание рва по углам (от 1 до 4) или со стороны насыпи и соединению её с окружающим пространством (см. рис. 3, 5, 7, 9, 10); для периода Кофун – непрерывный кольцевой ров вокруг погребального сооружения (кургана кофун).¹

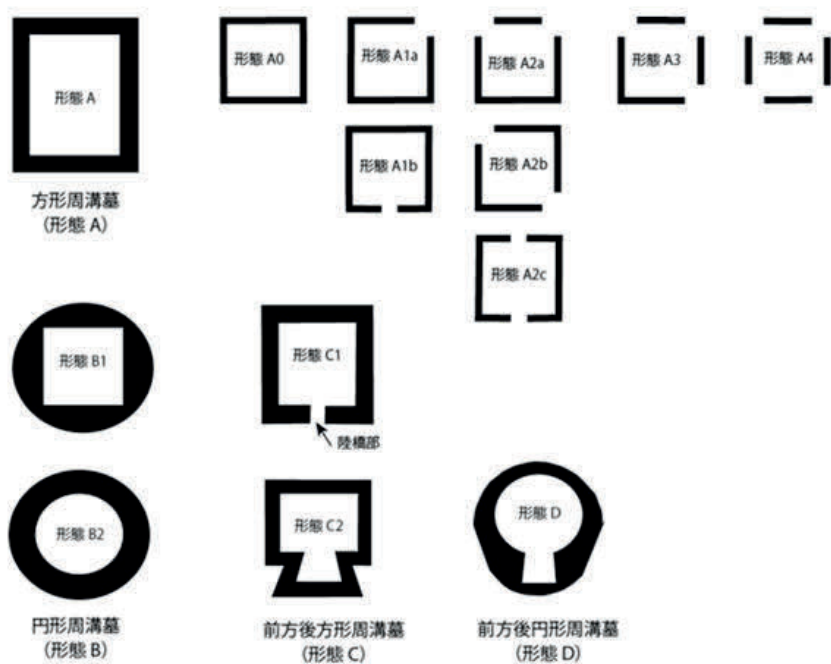

図 3 方形周溝墓の形態の分類

Рис. 5. Разновидности квадратных и круглых могильных насыпей, окружённых рвом, *сюкбо* 周溝墓 (в том числе, с прерыванием рва и выступом – передней «квадратной» частью).

¹ Кофун дзитэн 古墳辞典 / Сост. Ёцука Хацусигэ 大塚 初重, Кобаяси Сабурё 小林 三郎 (編集). – Токио 東京: Токёдō сюппан 東京堂出版, 1982. – С. 350.

ХСКБ могли содержать одно (в центре насыпи) или несколько погребений; во втором случае каждое такое сооружение могло содержать от пяти до 15 и более погребений мужчин, женщин и детей в простых грунтовых могилах, деревянных гробах или глиняных сосудах (*камэкан*)¹(в регионе Кинай использовались сборные деревянные гробы-ящики, на Кёсю – каменные гробы-ящики²). Считается, что ХСКБ больших размеров с одним погребением - это могилы особ высокого статуса (вождей)³, а насыпи с несколькими захоронениями – это семейные могилы, вероятно, от одного до трех поколений семьи.

Обычно небольшие квадратные насыпи ХСКБ периода Ранний Яёй встречаются группами от 10 до 30 рядом с поселением; таким способом они образуют общинное кладбище. Так, в преф. Ёсака, Сига, Айти обнаружены большие скопления ХСКБ, состоящие из нескольких десятков или даже более сотни таких сооружений.⁴ Но на этих кладбищах есть также другие типы захоронений; некоторые покойники находились в отдельных гробах или ямах, но без насыпи; такие погребения могут также образовывать группы. Считается, что они образуют отдельные семейные группы, отличные от тех, что погребены под насыпями. Если допустить, что наличие могильной насыпи служит индикатором социального статуса, то можно предположить, что в период Средний Яёй уже существовала явная социальная стратификация⁵, таким образом, ХСКБ – элитные захоронения (особых семей и

---

¹ На городище Ёсиногари (Сев. Кёсю) в большой прямоугольной могильной насыпи («северная насыпь 北墳丘墓», Ср. Яёй, I в. до н.э.; ок. 30 × 40 м, высота св. 4,5 м), которая не относится к типу ХСКБ, содержалось 8 элитных захоронений в гигантских урнах. Истоки такого типа могильных насыпей – в Китае, в области Цзяннань 江南 (дельта Янцзы) или на полуострове Шандунь 山東半島. Насыпь была построена по т.н. методу *хантику* 版築, который наследовал китайским технологиям; исследователи указывают, что технология, которая применялась в Ёсиногари, в Японии больше нигде не использовалась до VII в. (*Hudson M.J., Barnes G. Yoshinogari: A Yayoi Settlement in Northern Kyūshū // Monumenta Nipponica. – 1991. – Vol. 46. – No. 2. – P. 220.*)

² *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 104.

³ Кофун дзитэн / Сост. Ёцука Хацусигэ, Кэобаяси Сабурё. С. 350.

⁴ *Ямада Рёдзё* 山田 良三. Босэй дзё-но надзо 墓制 1 0 の謎 // Рэкиси ёмихон 歴史読本. – 1982. – №27/5 (347). – С. 97.

⁵ Recent archaeological discoveries in Japan. – Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1987. – P. 57; Имамюра Кэйдзи считает, что это произошло уже в конце Раннего Яёй (*Imamura Keiji. Prehistoric Japan: new perspectives on insular East Asia. – London: UCL Press, 1996. – P. 182.*)

вождей).¹

На памятнике Ками 加美遺跡 (г. Ōсака) ХСКБ мега-класса (Средний Яёй) имеет могильную насыпь (масса земли ок. 800 т) высотой ок. 2 м, размерами 28 м (ориентация по оси юг–север) на 15 м (по оси восток–запад), окруженную рвом шириной 5 м и глубиной 0,5–1 м с 13 захоронениями в деревянных гробах из древесины *кōямаки*², некоторые из гробов – двойные. Такие двойные гробы характерны для раннеханьских захоронений и, вероятно, попали в Японию через китайский округ Лэлан (Лолан 樂浪郡) на Корейском полуострове, где они также имеются. На памятнике Сидака склоны насыпи ХСКБ (период Средний Яёй) с длиной стороны 15,5 м и высотой 80 см покрыты колотыми камнями (размером с голову человека). Таким образом, очевидно, что традиция применения «облицовочных камней» (*фукииси*) для обкладки склонов у «квадратно»-круглых курганов эпохи Кофун восходит к Среднему Яёй.

(4) Развитие погребальных сооружений и социальная стратификация: появление индивидуальных элитных «квадратных могильных насыпей со рвом» (с одним захоронением)

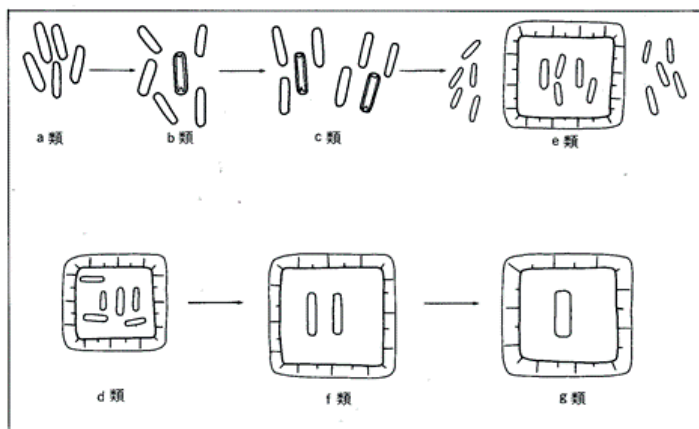

Рис. 6. Развитие индивидуальных элитных квадратных могильных насыпей из коллективного могильника.

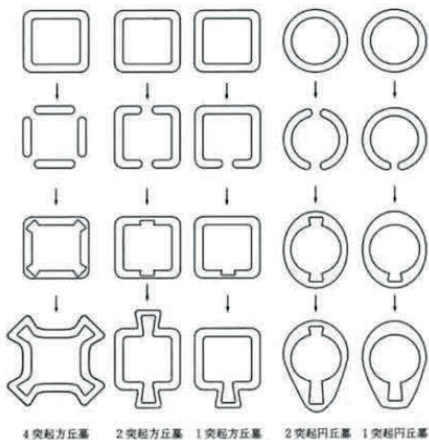
¹ Ямада Рёдзё. Босэй дзё-но надзо. С. 97.

² Японская зонтичная пихта コウヤマキ (高野槇、高野槇 лат. *Sciadopitys verticillata*). Из стволов этого дерева в Ранний Кофун также повсеместно изготавливали гробы–колоты различных видов.

ХСКБ раннего периода располагаются группами по 10-20 насыпей, образуя коллективные могильники, но, очевидно, имели тенденцию развития в привилегированную погребальную систему для лиц высокого статуса и особых семей (знати, вождей). Так, на памятнике Уцуги-Мукохара (г. Хатиодзи) на 60 жилищ (типа землянок) имелось только четыре ХСКБ. Это означает, что только ограниченное число членов общин захоранивалось в ХСКБ.¹ «Очевидно, что такого рода сооружения представляли собой захоронения знати».² Это были семейные захоронения (супружеские пары максимум до трёх поколений) обычно в деревянных гробах.³

**(5) Появление и распространение захоронений типа
«квадратная могильная насыпь со рвом» и
«круглая могильная насыпь со рвом»**

Рис. 7. Примерные схемы развития курганов периода Кофун из могильных насыпей Яёй (масштаб не соблюдается).

弥生時代墳丘墓の変遷
(都出比呂志 1998『NHK人間大学 古代国家の胎動』より)

Рис. 7-1. Схемы развития круглых и квадратных могильных насыпей Яёй с одним, двумя и четырьмя выступами

¹ Amakasu, Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun // ACTA ASIATICA. – 1977. - N31. – P.25-27.

² Лантев С.В. Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н. э. С.84.

³ Другие захоронения в тех же поселениях представляли собой простые грунтовые могилы (Pearson, Richard. Ōsaka Archaeology. P.21).

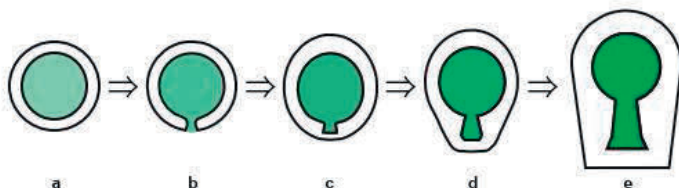

Figure 2-86 Development process of keyhole-shaped tombs (Scale variants)

Рис. 7-2. Схема развития стандартных «квадратно»-круглых курганов Кофун (е) из круглых могильных насыпей Яёй (а) с выступами (b, c) и нестандартных курганов «типа Макимуку» (d).

Большинство японских и зарубежных исследователей указывают, что «квадратные могильные насыпи со рвом» (*хōкэй сьōкōбо*, ХСКБ; см. рис. 2, 3, 4) появились в регионе Кинай (Кинки)¹ в Раннем Яёй² (по разным данным, в середине, второй половине, или даже в первой половине Раннего Яёй); самые старые обнаружены в районе Осакского залива – памятник Хигаси мукō № 2 東武庫遺跡 2 (1-я пол. Раннего Яёй). Уже в Раннем Яёй они достигли побережья залива Исэ; в Среднем Яёй (вторая половина Среднего Яёй) они начали распространяться по всему острову Хонсю – вначале на восток (регионы Тōкай, Тōбу³, Кантō), а затем и на запад (на Кюсю – с конца Яёй до начала периода Кофун).⁴

В Позднем Яёй (I–III вв. н.э.) они уже начинают исчезать в регионе Кинай, но получили распространение в Восточной Японии, соприкасаются на Северном Кюсю⁵, в Тōгоку и на острове Сикоку.

По мнению японских, зарубежных и отечественных исследователей, захоронения типа ХСКБ были завезены в Японию китайскими эмигрантами в период Цинь (221-206 гг. до н.э.).⁶ Однако, мнение

¹ Историческая область Кавати – восточная часть современной преф. Ōсака.

² *Amakasu Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun.* P. 27.

³ В Позднем и Финальном (終末期) Яёй они уже сооружались на территории совр. преф. Тояма.

⁴ *Hudson Mark J. Rice, Bronze, and Chieftains – An Archaeology of Yayoi Ritual.* P. 163.

⁵ Обнаружены ХСКБ IV–V вв. н.э. – предположительно, это захоронения приближённых местного вождя.

⁶ С.В. Лаптев указывает, что «могилы квадратной формы со рвом» были характерны для царства Цинь в период Чуньцю–Чжаньго (770-221 гг. до н.э.), особенно много их

С.В. Лаптева, который, не приводя никаких обоснований, пишет, что распространение этого типа захоронений началось с К $\bar{y}\bar{o}s\bar{y}\bar{o}$ ¹, требует уточнения с учётом современных данных. Большинство исследований показывают, что в Японии этот тип захоронений появился в регионе Кинай и распространился оттуда по всей Японии, в том числе на острове К $\bar{y}\bar{o}s\bar{y}\bar{o}$. При этом по другим данным археологов, ХСКБ изначально появились в Корее; полагают, что они были привнесены в Японию с юга Корейского полуострова носителями культуры заливного рисосеяния. При этом, на Северном К $\bar{y}\bar{o}s\bar{y}\bar{o}$ их крайне малое количество; центр их распространения – регион Кинай (Кинки). Причину этого видят в том, что группы переселенцев, практиковавшие такие захоронения, после кратковременной остановки на Северном К $\bar{y}\bar{o}s\bar{y}\bar{o}$, сразу продвинулись в Кинай.

Интересно, что при переходе к периоду Кофун число ХСКБ возрастает; их продолжают строить и с началом Кофун (до его середины): иногда в один и тот же период в одной и той же местности отмечают и насыпи ХКСБ, и курганы *кофун*, но в целом, исчезновение ХСКБ совпадает с периодом массового строительства курганов *кофун*.² Ареал распространения ХКСБ: такие захоронения обнаружены археологами по всей стране, за исключением Р $\bar{y}\bar{o}k\bar{y}\bar{o}$ и Хоккайд $\bar{o}$ ³, т.е. тех регионов, которых не достигла культура Яёй. Продвигаясь на восток, они вытесняют вторичные погребения типа *сайс $\bar{o}$ бо* 再葬墓⁴ – в регионе Т $\bar{o}k\bar{a}i$ ещё во II в. до н.э., а в Кант $\bar{o}$, где ХСКБ получили особенно широкое распространение, в I в. до н.э.⁵ Феномен распространения ХСКБ задаёт модель будущего быстрого распространения курганов

было в период Чжаньго (403-221 гг. до н.э.) (Лаптев С.В. Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н.э. С. 84-85).

¹ Лаптев С.В. Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н.э. С. 85.

² Так, вокруг курганов ДПКЭФ (Исидзука и Хокэнояма) и ДПКХФ (Мэкури) в курганной группе Макимуку (г. Сакураи. преф. Нара) имеются насыпи ХСКБ. См: *Ямада Рёдзё*. Босэй дзё-но надзо. С. 97; Нихон кёкогаку кодзитэн / Сост. Эсака Тэруя, Сэридзава Тёсукэ, Сакадзумэ Хидэити. С. 83, 286; *Amakasu Ken*. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P. 27; Recent archaeological discoveries in Japan. P. 57.

³ Recent archaeological discoveries in Japan. P. 57; Лаптев С.В. Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н. э. С. 85.

⁴ О вторичных погребениях *сайс $\bar{o}$ бо* см.: Бакиев Е.С. Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй. С. 17-18, 24-25, прим. 14.

⁵ Ср. иную датировку: конец III в. н.э. (История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. Т. 1. С. 51).

типа *кофун* и, в целом, культуры Кофун из Кинай на восток и запад в позднейшее время (IV в. н.э.).¹

Рис. 8. «Круглая могильная насыпь со рвом» *энкэй сёкōбō* 円形周溝墓, памятник На-хигаси 名東遺跡 (пер. Яёй; преф. Токусима, Сикоку).

С другой стороны, «круглые могильные насыпи со рвом» *энкэй сёкōбō* (ЭСКБ) 円形周溝墓 (см. рис. 7, 8, 9, 10) возникли в Раннем Яёй в районе Бисан Сэто 備讃瀬戸 – на береговой полосе Внутреннего Японского моря между современными преф. Окаяма (о. Хонсю) и преф. Кагава (о. Сикоку). В Среднем Яёй они массово проникли в область Харима 播磨 (юго-зап. часть современной преф. Хёго); по побережью Харима они стали продвигаться в восточном и северном направлении. В конце периода Яёй они расширили зону своего распространения на восток – в области Кавати, Ямато, Тамба, в береговую полосу озера Бива – с центром в области Сэцу (включает восточную часть современной преф. Хёго и северную часть преф. Осака). По некоторым данным, в ЭСКБ, как правило, хоронили только одного человека.

¹ *Amakasu Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P. 27.*

Рис. 9. «Круглая могильная насыпь со рвом и перемычкой» (букв. «с сухопутным мостом») 陸橋付円形周溝墓 (перемычка на фото внизу в центре). Памятник Сэта 瀬田遺跡 (конец Яёй, вторая пол. II в. н.э.; преф. Нара, г. Касихара).

Встречаются ЭСКБ, у которых ров прерывается перемычкой – выступом, отходящим от круглой части насыпи; такие ЭСКБ с «сухопутным (земляным) мостом» 陸橋付円形周溝墓 (см. рис. 7, 9, 10), по мнению исследователей, стали предтечей «квадратно»-круглых курганов периода Кофун.¹

В конце периода Яёй традиции ЭСКБ и ХСКБ пересекаются – насыпи обоих типов сооружаются поблизости друг от друга; так, на памятнике Сэта исэки 瀬田遺跡 в период Финального Яёй 弥生時代終

¹ Известный японский историк Сираиси Таитирō 白石太一郎 предположил, что: (1) могильные насыпи *функōбо* 墳丘墓 Позднего Яёй развились из круглых (円形周溝墓) и квадратных (方形周溝墓) могильных насыпей со рвом Раннего Яёй, у которых выступы оформились как перемычки – «земляные мосты» через ров для доступа к захоронению; (2) затем, сокращение количества таких выступов до одного дало начало насыпям «квадратно»-круглой и «квадратно»-квадратной формы (период Финального Яёй - Начального Кофун), где выступ от основной насыпи расширился и стал площадкой для проведения примогоильных обрядов; (3) в конце концов, весь курган был окружен рвом – так перемычки («мосты» через ров) исчезли (по: Barnes, Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P.109).

末期 (г. Касихара, на месте будущей столицы Фудзивара-кё, 694-710 гг.) на одном могильнике соседствуют одна крупная насыпь ЭСКБ и две ХСКБ.

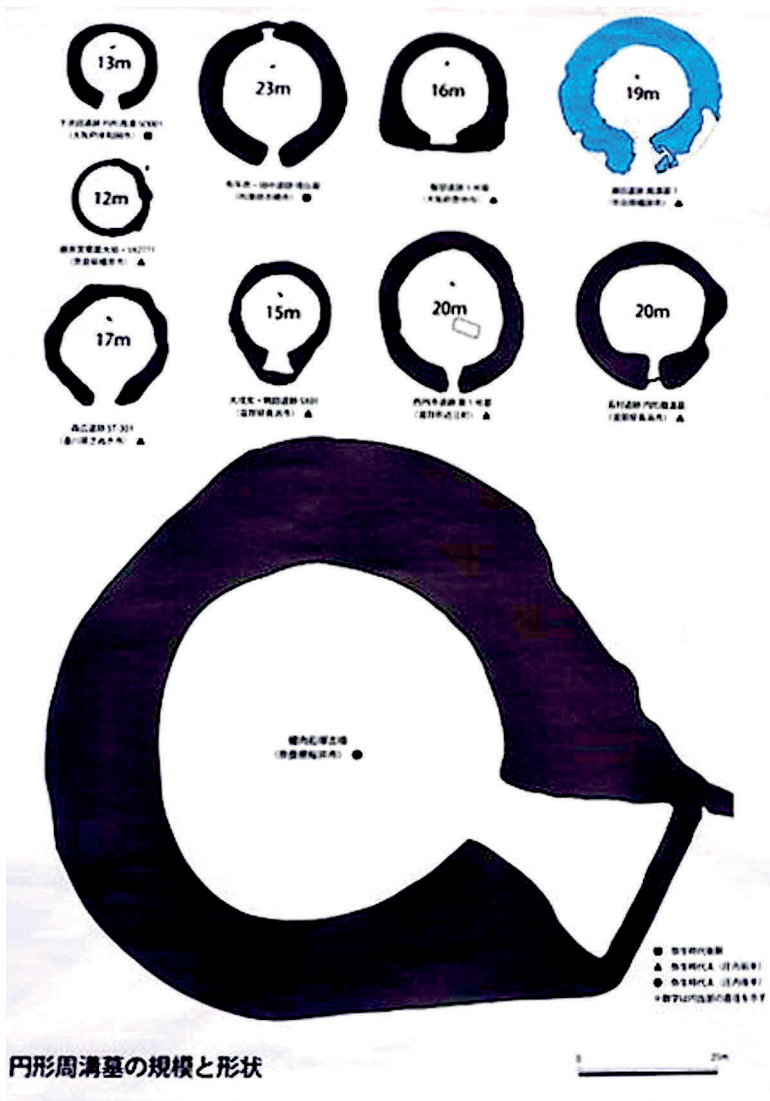

Рис. 10. Форма и размеры «круглых могильных насыпей со рвом» энкэй сёккёбо в сравнении с Макимуку Исидзука кофун (внизу).

До появления ХСКБ места захоронений в период Яёй специально не отделялись. Время появления ХСКБ совпадает с периодом социальных преобразований: переходом от политических единиц в виде «селений» (*мура* 邑) к «владениям» (*куни* 国 – здесь «община; вожество; полития»), объединяющим несколько таких «селений».¹

(6) *Керамическая жертвенная утварь на могильных насыпях Яёй как прототип ханива периода Кофун*

Рис. 11. Процесс развития цилиндрических ханива из комплекта (кувшин и подставка) погребальной посуды.

- (1) Кувшин *цубо* 壺 и подставка кидай 器台
- (2) «Особый кувшин» *цубо* 特殊壺 и «особая подставка» 特殊器台.
- (3) *Ханива* в виде «особой подставки» 特殊器台形埴輪.

Во рве вокруг «квадратных могильных насыпей со рвом» *хōкэй сёкōбо* (ХСКБ) археологи часто находят разнообразную керамическую посуду – «кувшины» *цубо* (узкогорлые) с отверстиями в дне, ритуальную утварь типа *такацуки* 高坏 (чаши, или вазы на высокой ножке), подставки *кидай* 器台, причём в таком положении, будто их специально туда поставили. Среди этой утвари особенно много «кувшинов» *цубо* с умышленно сделанным после обжига отверстием в дне², кото-

¹ В отечественной науке тему политогенеза на Японских островах разрабатывает Д.А. Суровень (см.: Суровень Д.А. Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато. С. 241-45).

² Приём помещения керамических сосудов на/в захоронении с намеренно сделанным

рые рассматриваются археологами как предшественники т. н. «ханива в форме кувшина *цубо*» (*цубо-гата ханива* 壺形埴輪) периода Яёй (подробнее см. далее).

Демаркация захоронения, т.е. отграничение определенной площади участка погребений (общинного кладбища) с помощью рва в период Яёй, а также установка ритуальной посуды на погребальной насыпи означают появление одной из форм почитания душ усопших и могут считаться первым шагом к погребальным обрядам периода Кофун. Среди ранних курганов *кофун* можно найти примеры расположения «кувшинов» *цубо* (с отверстиями в дне) на насыпи кургана в форме квадрата; это означает, что традиция ХКСБ периода Яёй была унаследована в период Ранний Кофун.

С конца периода Средний Яёй в районе Киби (совр. преф. Окаяма) в жилищах в повседневном быту использовалась глиняная посуда – кувшины *цубо* 壺 и обычные подставки *кидай* 器台 под них. При этом в это же время (в период Яёй) на могилы или возле них устанавливались комплекты такой посуды с жертвенной пищей для души усопшего, состоявшие из горшка *цубо* и подставки (*кидай*) под него. Такие наборы бытовой утвари с жертвоприношением выставлялась для проведения пред- и надмогильных погребально-поминальных обрядов через некоторое время после похорон.¹

В Позднем Яёй такая посуда неожиданно исчезла из поселений; одновременно с этим на элитных могильных насыпях *функтōбо* вместо обычной посуды появились – в виде единого комплекта – специфические «особые подставки» вместе с «особыми кувшинами» *цубо*. Таким образом, с течением времени, главным образом, в Киби эти обычные «кувшины» *цубо* и обычные подставки, которые использовались в качестве жертвенной утвари, увеличились в размере, приобрели богатый декор, утратили свою утилитарную функцию и трансформировались в ритуальную утварь – т.н. «особые кувшины *цубо*» (特殊壺形土器 *токусю цубо-гата доки*) и «особые подставки» (特殊器台形土器 *токусю кидай-гата доки*) (рис. 11-12).

ми отверстиями («убийство сосудов») известен во многих мировых культурах – «мертвое к мертвому».

¹ Кофун дзитэн / Сост. Оцука Хацусигэ, Кобаяси Сабурō. С. 350.

Рис. 12. От подставок *кидай* 器台 (слева) и «особых подставок» с «особыми кувшинами» (три комплекта в центре) периода Яёй к *ханива* в виде «особых подставок» *токусюкидай-гата ханива* 特殊器台形埴輪 (справа) периода Ранний Кофун.

Итак, на равнине Окаяма на поверхности таких больших *функю-бо*, как Татэцуки, устанавливались керамическая утварь большого размера, известная как т. н. «особые подставки» (特殊器台形土器 *токусю кидай-гата доки*) и «особые кувшины *цубо*» (特殊壺形土器 *токусю цубо-гата доки*) (см. рис. 14). Именно такая утварь стала прототипом *ханива* на курганах Раннего Кофун, а именно: «особые подставки» *токусю кидай* – прототипом «*ханива* в виде особых подставок» (*токусю кидай-гата ханива* 特殊器台形埴輪) и затем – цилиндрических *ханива* (*энтō ханива* 円筒埴輪)¹, а вместе с «особыми кувшинами» *цубо*, которые ставили на такие «особые подставки» – прототипом т. н. «*ханива* в форме кувшина *цубо*» (*цубо-гата ханива* 壺形埴輪), или «*ханива* в форме цветка вьюнка» (*асагао-гата ханива* 朝顔形埴輪) – название, под которым они лучше известны.

¹ *Amakasu, Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P.27.*

(7) Крупные могильные насыпи функ̄юбо Позднего Яёй

В Раннем Яёй могильные насыпи различных типов, о которых шла речь выше, были сравнительно небольшими, но в Позднем Яёй их размеры резко увеличились; эта тенденция, как показано в данной статье, впоследствии привела к возникновению курганов *кофун*.

В начале Позднего Яёй на Японских островах стали распространяться новые формы погребальной обрядности (с её новой инфраструктурой): так, общинные кладбища по-прежнему продолжали использоваться, но отдельно от них на вершинах возвышенностей и холмов, отдалённых от поселений, начали создаваться погребальные сооружения с относительно большими насыпями¹ квадратной, круглой или «квадратно»-круглой формы (т.е. круглые насыпи с «квадратными» выступами) с каменной камерой вертикального типа, расположенной в центре насыпи. Часто камни окружали подножие могильной насыпи, образуя род ограды.

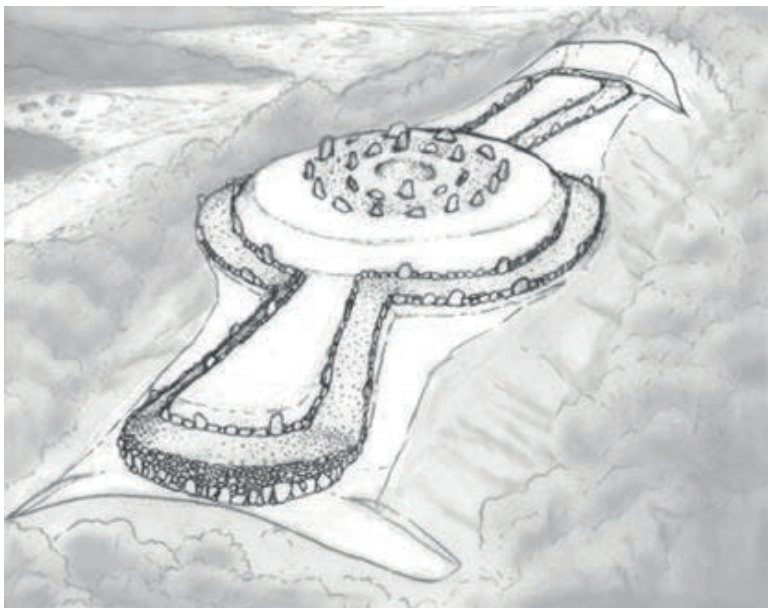

Рис. 13. Татэцуки функ̄юбо 楯築墳丘墓
(регион Киби, совр. преф. Окаяма), реконструкция.

¹ При этом, в Поздний Яёй в отличие от предыдущего временного периода, Раннего Яёй, сначала готовилась насыпь, а потом в ней копалась могила.

Характерный пример больших могильных насыпей *функюбо* Позднего Яёй – это Татэцуки *функюбо* 楯築墳丘墓 в регионе Киби (совр. преф. Окаяма; Поздний Яёй; вторая пол. II в. – первая пол. III в. н.э.; см. рис. 13). При этом, это захоронение периода Яёй достаточно редкой формы – круглая могильная насыпь с двумя боковыми прямоугольными («квадратными») выступами (*сэхотюэнкэй функюбо* 双方中円形墳丘墓). Центральная насыпь круглой формы диаметром 43 м и высотой 4,5 м, с двумя земляными выступами подпрямоугольной (трапециевидной) формы с противоположных сторон (с ориентацией на северо-восток и юго-запад¹). Ширина выступов около 15 м; длина юго-западного выступа св. 20 м (северо-восточный выступ сильно разрушен, и его длину трудно определить).² На склонах насыпи было установлено два ряда вертикально стоящих камней высотой 1-2 м. Между рядами камней был насыпан слой гравия. Подобно каменным оградкам неолитических длинных и круглых курганов в Европе стоящие камни здесь были предназначены для того, чтобы сохранить форму насыпи, а также чтобы отделить могильную насыпь от внешнего мира.³

第5図 楯築墳丘墓中心主体埋葬後 の特殊器台群復元像

近藤義郎 2001 から

Рис. 14. Установка «особых подставок» с «особыми кувшинами» на могильной насыпи Татэцуки *функюбо* (преф. Окаяма; реконструкция).

¹ В период Яёй многие ХСКБ были ориентированы по оси восток-запад.

² Сейчас общая длина этого сооружения составляет 72 м – это самая большая насыпь ФКБ периода Яёй.

³ Recent archaeological discoveries in Japan. P. 57.

В центре Татэцуки функ̄юбо – большая грунтовая могила (могильная яма 9 м × 5,5 м, глубиной 1,8 м). Внутримогильные погребальные сооружения состояли из прямоугольной деревянной камеры (3,5 м × 1,5 м) и находящегося в ней деревянного гроба длиной 2 м.¹ Деревянная камера была засыпана землей, а сверху покрыта толстым слоем гальки, образующим род каменной платформы. Среди гальки обнаружено значительное количество керамической посуды – кувшинов, подставок под кувшины, ваз (чаш) на высокой ножке *такацуки* 高坏; эту посуду можно считать жертвенной утварью, использованной в намогильных поминальных обрядах.

Татэцуки функ̄юбо качественно отличается от всех предшествующих ему «квадратных могильных насыпей со рвом» ХСКБ тем, что было построено как самостоятельное погребение, отдельное от общинного кладбища. У него большая насыпь, его сооружения указывают на значительные затраты труда, у него богатый погребальный инвентарь; использование многочисленной керамической утвари указывает на активное проведение погребально-поминальных обрядов. Японские исследователи единодушно считают его погребением вождя.

Итак, элитные погребения Позднего Яёй с большими насыпями как у Татэцуки функ̄юбо, сооружались в нескольких районах по всей Японии²: в регионе Японского внутреннего моря (Сэтоути), в преф. Окаяма, в преф. Хёго. Они могли быть как круглыми, так и квадратными, а также иметь один или два прямоугольных выступа³ (см. рис. 7-1).

---

¹ В двух других местах насыпи было найдено еще два деревянных гроба по 2 м длиной; это – позднейшие захоронения.

² В таких погребениях встречаются китайские бронзовые зеркала (Recent archaeological discoveries in Japan. P. 58).

³ *Tsude Hiroshi*. Homogeneity and Regional Variability in Cultures of the Kofun Period. P. 170.

(8) Уникальные могильные насыпи Идзумо
с четырьмя выступами по углам

Рис. 15. Квадратная могильная насыпь с четырьмя угловыми выступами
四隅突出形墳丘墓 Нисидани № 2 西谷 2 号墓
(памятник Нисидани, Идзумо; пер. П. Яёй; реконструкция).

На побережье Японского моря в регионе Саньин¹, в частности, в Идзумо (совр. преф. Симанэ) обнаружено большое количество уникальных погребальных сооружений периода Поздний Яёй (II–III вв. н.э.) – квадратных могильных насыпей (максимальные размеры сторон примерно 20-40 м; без рва; II–III вв. н.э.) с четырьмя выступами по углам, которые получили название *ёсуми тоссюцу гата функьюбо* 四隅突出形墳丘墓² (см. рис. 15).³ Их ещё иначе называют 四隅突出型

¹ В Саньин (Саньиндō) входили исторические области Тамба, Танго, Тадзима, Инаба, Хōки, Идзумо, Ивами и Оки; сейчас соответствует современным префектурам Симанэ, Тоттори и северной части Ямагути; иногда сюда относят северные области префектур Хёго и Киото.

² Также 出雲風の四隅突出型墳丘墓, 四隅突出型弥生墳丘墓, 四隅突出墓. О них и о курганах периода Кофун в Идзумо см.: *Torrance Richard. The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods // Japan Review. – 2016. No. 29. – P. 3-38.*

³ Группа захоронений Нисидани фумбогун 西谷墳墓群 (преф. Симанэ; Поздн. Яёй –

方形台状墓 («квадратные могильные насыпи-платформы с четырьмя угловыми выступами»), тем самым указывая на их общность с погребальными сооружениями («квадратные могильные насыпи-платформы» 方形台状墓) других регионов Японии.

Они стали «фирменными» погребальными сооружениями Идзумо в период Яёй, а также распространились по всему Санъиндō вдоль Японского моря (преф. Хиросима, Тоттори, Фукуи, Исикава, Тояма), проникли в Кинай, но их не было ни в Кинай, ни в Сэтоути (регион Внутреннего Японского моря), ни в Токай.

Такие сооружения исчезли в конце Яёй; сначала они трансформировались в местный тип ранних квадратных курганов, в которых угадывались их прототипы – насыпи с четырьмя угловыми выступами периода Яёй (напр., курган Сиоцуяма № 1 塩津山1号墳 прямоугольная насыпь, СЮ 25 м × ВЗ 20 м, высота 3 м; обкладка камнями *харушисибо* 貼石; каменная камера вертикального типа; конец III в. – нач. IV в.; Идзумо, г. Ясуги, преф. Симанэ); затем они были замещены стандартными унифицированными курганами *кофун* (с некоторыми местными отличиями). Таким образом, у элитных (вожеских) погребений в регионе Идзумо форма менялась от насыпей с четырьмя угловыми выступами к квадратным курганам и, затем, к «квадратно»-квадратным курганам. Регион Идзумо известен своей культурным своеобразием¹; региональная специфика в сфере погребальных сооружений, сохранившаяся в Идзумо и в период Кофун, состояла в том, что в это период там воздвигались в основном квадратные и «квадратно»-квадратные курганы, а не «квадратно»-круглые, которые ассоциировались с Кинай / Ямато.

До V в. н.э. область Идзумо не входила в «сферу курганной культуры», иначе в «систему квадратно-круглых курганов *кофун*» (*дзэмпо кбэн-фун тайсэй* 前方後円墳体制), которая распространялась из Кинай.

Самые старые насыпи с четырьмя выступами относятся к Среднему Яёй (памятник Аоки 青木遺跡, преф. Симанэ; I в. до н.э.); самые маленькие насыпи такого типа (сторона ок. 8-9 м) обнаружены в «курганной группе Амидайдзи» 阿弥大寺古墳群 (преф. Тоттори; первая

Ранний Кофун, кон. II–III в. н.э.); в эту смешанную группу входят 6 насыпей с четырьмя угловыми выступами, 18 квадратных ФКБ и 4 круглых ФКБ.

¹ См.: *Ермакова Л.М.* Веравания и культура Идзумо // Синто – путь японских богов: в 2-х тт. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. I. – С. 122-135.

половина Поздн. Яёй; см. рис. 5 к статье С.В. Лаптева в настоящем сборнике).

Исследователи считают, что насыпи с четырьмя выступами развились автохтонно, в регионе Сангын, из т. н. «квадратных могил (со рвом), обложенных камнями» *хёкэй хариисибо* 方形貼石墓¹, к которым было добавлено четыре угловых выступа; при этом их истоки, вероятно, находились на юге Корейского полуострова², в культуре «каменных курганов» 積石塚 Силла.

(9) Погребальная обрядность и ритуалы с бронзовыми изделиями периода Яёй

В конце периода Яёй в различных регионах Японии прекращаются производство ритуальных бронзовых изделий и проведение обрядов, связанных с ними³: так, во второй половине – конце II в. н.э. на севере Кюсю прекратились производство ритуальных копий и обряды с ними, а в регионе Тёкай прервалось изготовление бронзовых колоколов *дōтаку* стиля *сангэнсики* 三遠式 (иначе, *кэсадасуки-мон дōтаку* 袈裟襷文銅鐸). Прекратились и другие региональные обряды с бронзовыми изделиями, только в Кинай производство *дōтаку* сохранялось до конца II – начала III вв. н.э. Там общинные обряды с *дōтаку* резко прервались во второй половине III в. н.э., т.е. с началом строительства погребальных курганов *кофун*. Другими словами, *дōтаку*, ритуальные бронзовые мечи и копья почти полностью исчезли к периоду Раннего Кофун.⁴

В течение периода Яёй районирование *дōтаку* и оружия соответствовало различной погребальной практике в этих регионах. Но к концу II в. н.э. в некоторых регионах (например, в Тёгоку) ритуальная

---

¹ «Квадратные могилы, обложенные камнями» 方形貼石墓 подобно ХСКБ имели ров вокруг насыпи; склоны такой квадратной насыпи снизу были под наклоном покрыты камнями.

² Torrance Richard. The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods. P. 12.

³ Возможно, отказ от ритуальных бронзовых изделий и аграрных обрядов с их использованием был связан с социальным кризисом, вызванным климатической катастрофой – после пика потепления в Среднем Яёй начался длительный процесс похолодания, который захватил и Поздний Яёй, и весь период Кофун. О бронзовых изделиях периода Яёй и обрядах, связанных с ними см.: Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 28-59.

⁴ Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 54.

бронзовая утварь не просто исчезла, а была замещена ритуальными символами нового типа: в Идзумо (север Тьюгоку) – крупными квадратными могильными насыпями с четырьмя выступами по углам (для захоронения элиты) и ритуалами, совершаемыми на них, а в Кибидзу (юго-восток Тьюгоку) – большими могильными насыпями с установленной на них глиняной ритуальной (погребальной) утварью («особые подставки» и «особые кувшины»).¹

К концу периода Яёй, как полагают исследователи, сельскохозяйственные общины постепенно превратились в территориальные владения, подчиняющиеся могущественным кланам и аристократическим семьям жреческого происхождения. По археологическим данным, до I–II в. н.э. жильё и захоронения социальной и культовой элиты находились вместе с аналогичными сооружениями основной массы населения, что указывает на то, что элита участвовала в общинных ритуалах, в том числе с использованием ритуальных бронзовых изделий. А в III в. н.э. в некоторых регионах жилые дома и погребения элиты начали сооружаться отдельно: её представители стали жить в усадьбах вдали от деревень, для них строили отдельные могильные насыпи, которые стали предшественниками курганов периода Кофун. Таким образом, элита стала проводить свои собственные ритуалы, и только для себя, а не для всей общины, что в итоге привело в III в. н.э. к прекращению использования *дбтаку* и других ритуальных бронзовых изделий. В результате быстрого социально-экономического развития и возросшей социальной стратификации верования и культуры значительно изменились, и от *дбтаку* просто отказались. Сельскохозяйственные обряды общин с *дбтаку* и другими ритуальными бронзовыми изделиями были заменены на индивидуальные вождеские погребальные обряды на курганах с использованием зеркал. Именно с начала периода Кофун (середина III в. н.э.) активно развились обряды, основанные на индивидуальной власти и авторитете вождей и местных правителей.²

Итак, в период Позднего Яёй происходит смена типа ритуалов: происходит переход от общинных обрядов аграрного цикла с использованием *дбтаку* и ритуального оружия к вождеским погребальным обрядам, совершаемым на местах захоронений. В результате, все *дб-*

---

¹ Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 54-55.

² Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 55-56.

таку и частично оружие, которые вероятно постоянно хранились закопанными в земле¹, так и ушли в клады.² Как раз в это время в Идзумо, где до того сочетались оба ритуальных комплекса – и оружия, и *дōтаку* – в период Позднего Яёй в поисках ритуальной идентификации вместо этих бронзовых артефактов и ритуалов с ними был сформирован уникальный тип погребального сооружения – квадратные могильные насыпи с четырьмя выступами по углам, а также новые могильные ритуалы, совершавшиеся на них.

(10) От больших могильных насыпей *функтōбо* периода Поздний Яёй к ранним курганам *кофун*: устройство сооружений и социальная динамика

В регионе Кантō (преф. Тиба) характерной является «квадратно»-круглая могильная насыпь *функтōбо* Гōдо № 4 (ок. сер. III в. н.э.) из «курганной группы Гōдо» 神門古墳群 (сер. – 2-я пол. III в. н.э.). Три сооружения из этой группы (№ 3, 4 и 5) относят к промежуточным формам между большими могильными насыпями *функтōбо* Яёй и ранними «квадратно»-круглыми курганами *кофун* – к т. н. «типу Макимуку» 纏向型前方後円墳³ (отсюда и двойная титулатура); они датируются примерно сер. III в. н.э., т.е. переходным периодом от насыпей *функтōбо* Яёй к ранним «квадратно»-круглым курганам *кофун*, иначе – самым начальным этапом возникновения курганов *кофун* (出現期). *Функтōбо* Гōдо № 4 состоит из круглой насыпи диаметром ок. 30 м, окружённой рвом, который прерывается в одном месте перемычкой – «мостом» (длиной ок. 13 м), идущим от насыпи через ров (см. рис. 15). Считается, что такая перемычка (передняя «квадратная» часть) выполняет те же функции, что и выступы у насыпей *функтōбо* в районе Внутреннего Японского моря (Сэто найкай). В центре насыпи Гōдо находился деревянный гроб.

Следующие элементы, по Кондō Ёсирō 近藤義郎, являются **общими** для могильных насыпей *функтōбо* периода Яёй и «квадратно»-круглых курганов периода Кофун:

1. Элитные погребальные сооружения (захоронения вождей) создавались в стороне от общинных кладбищ.

¹ Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 82.

² Или были разбиты и выброшены (см.: *Ishino Hironobu. Rites and Rituals of the Kofun Period // Japanese Journal of Religious Studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 191-92).*

³ Подробнее см. далее.

2. Могильная насыпь *функюбо* имела большие размеры и монументальный вид с рядами стоящих камней и облицовкой галькой.¹ Выступ, который отходит от основной квадратной или круглой насыпи (у *функюбо*), содержащей захоронение, может рассматриваться как прообраз передней прямоугольной или трапециевидной части у «квадратно»-круглых курганов.

3. Кувшины и подставки, установленные для жертвоприношений на могильных насыпях Яёй, можно считать предшественниками цилиндрических *ханива*, которые устанавливались на «квадратно»-круглых курганах.

4. Персональные украшения в виде наборов бус, а также бронзовые зеркала² и железные мечи из могильных насыпей Яёй одинаковы с сопроводительным инвентарем «квадратно»-круглых курганов периода Кофун.³

Таким образом, если «квадратные могильные насыпи со рвом» ХСКБ периода Ранний Яёй имеют лишь опосредованное отношение к курганам *кофун* и не могут считаться их прямыми прототипами («праформой»), то в больших насыпях *функюбо* (ФКБ) Позднего Яёй уже содержатся многие важные элементы «квадратно»-круглых курганов. Можно согласиться с авторитетным мнением ведущих японских учёных о том, что большие могильные насыпи *функюбо* позднего Яёй стали прототипом курганов *кофун*.⁴

Большие могильные насыпи *функюбо* (ФКБ) Позднего Яёй могут рассматриваться в качестве предшественников курганов Раннего Кофун не только с точки зрения их формы, но и в социальном смысле. На равнине Окаяма и в Восточном Харима во второй половине пери-

---

¹ Т.н. «облицовочные камни» *фукииси* предотвращали оползание могильной насыпи, а также выполняли декоративную роль. Прообразом *фукииси* Позднего Яёй и Раннего Кофун считаются сходные *хариси* 貼石 более ранних могильных насыпей периода Яёй (см. также Прим. 1, с. 458).

² Так, в ХСКБ на пам. Хирабару, преф. Фукуока, обнаружено 43 зеркала (*Amakasu Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P. 27*). О бронзовых изделиях периода Яёй на русском языке см.: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 28-59.

³ Recent archaeological discoveries in Japan. P. 60.

⁴ Recent archaeological discoveries in Japan. P. 60; *Amakasu Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P. 27*; *Imamura Keiji. Prehistoric Japan. P. 191-94*; *Tsude Hiroshi. Homogeneity and Regional Variability in Cultures of the Kofun Period // Interdisciplinary Perspectives on the Origin of the Japanese. International Symposium. – Kyoto: IRCJS, 1996. – P. 170-171.*

ода Яёй появились кладбища на вершинах холмов. На них вместе встречаются грунтовые могилы и каменные гробы-ящики. Кондō Ёсирō последовательно проследил процесс выделения элитных захоронений типа насыпей *функōбо* из коллективного могильника и их изоляции от погребений основной массы общинников. На некоторых кладбищах в конце Яёй появились погребальные сооружения для вождей, отделенные от остальных общинников за счёт того, что их высокие могильные насыпи были окружены камнями. Такие кладбища представляют собой единый коллективный могильник с множеством маленьких могил, концентрирующихся вокруг захоронения вождя, например, в каменной погребальной камере.¹

Такое специфическое расположение погребений вождя и его ближайших родственников, образующих одну привилегированную группу отдельно от других погребений общинников более низкого статуса, очевидно, представляет ту стадию развития погребальных сооружений с насыпью, которая предшествует появлению типичного кургана Раннего Кофун, когда, вследствие возросшего авторитета вождей их стали хоронить в индивидуальных гробницах. Характерным примером может служить взаимоотношения между погребениями № 2 и № 1 на памятнике Тоцука (都月2号墳 и 都月1号墳) из курганной группы Тоцукидзака кофун-гун 都月坂古墳群 (г. Окаяма). Погребение № 2 – это квадратная насыпь с керамической утварью Позднего Яёй и с каменной камерой вертикального типа в центре, окруженная множеством мелких грунтовых могил, выкопанных прямо в насыпи. Погребение № 1, расположенное рядом на вершине того же холма – это типичный «квадратно»-квадратный курган Раннего Кофун (вторая пол. III в.) с каменной камерой вертикального типа в задней квадратной части кургана. На погребении № 2 были установлены «особые» подставки под сосуды 特殊器台 (*токусю кидай*) периода Яёй, а на № 1 – *ханива* в виде таких подставок 特殊器台形埴輪 (*токусю кидай-гата ханива*) – «преемник» «особых» подставок и непосредственный прототип цилиндрических *ханива*. Покойник из погребения № 1 предположительно был преемником власти вождя от покойника из погребения № 2. Это типичный пример генеалогического родства между могильными насыпями Позднего Яёй и курганами Раннего Кофун.

Процесс развития могильных насыпей Яёй от (1) коллективного

---

¹ *Amakasu Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P. 28.*

могильника без насыпи к (2) комплексу «могильник + насыпь» и, затем – к (3) отдельной могильной насыпи с индивидуальным захоронением вождя получил подтверждение в результате раскопок в современных преф. Симанэ (историческая область Идзумо) и преф. Фукуи (область Эtidзэн). В секторе Арасима 荒島 Восточного Идзумо в конце Яёй впервые появилась группа грунтовых могил на вершинах холмов, за которыми последовала квадратные могильные насыпи с деревянным гробом. Такой тип могильных насыпей часто сопровождается множеством захоронений в грунтовых могилах и рядом камней, окружающих подножие насыпи подобно ограде. Они схожи с погребальными сооружениями (насыпями) в преф. Окаяма не только по своему расположению, но и по обычаю использовать различную керамическую посуду. Эти могильные насыпи считаются генеалогическими предшественниками курганов Раннего Кофун, которые представлены курганом Арасима цукураяма № 1 荒島造山古墳 1 号墳 – самым старым курганом *кофун* в Идзумо (курганная группа 荒島古墳群 / 荒島墳墓群; преф. Симанэ, г. Ясуги 安来市). Этот курган – типичный курган Раннего Кофун с большой квадратной насыпью со сторонами по 60 м. У него длинная каменная камера вертикального типа; среди инвентаря – бронзовые зеркала. Он имеет такие общие элементы с могильными насыпями *функюбо* предыдущего периода, как квадратная конструкция насыпи, покрытие склонов насыпи камнями и установка глиняной жертвенной утвари. С точки зрения хронологии, возникновение курганов *кофун* в уезде Идзумо было несколько позднее, чем на равнине Окаяма (Кибидзэ).

Ещё одна зона развития культуры Кофун – историческая область Эtidзэн (совр. преф. Фукуи), где захоронения относятся к тому же периоду, что и в Идзумо (вторая стадия Раннего Кофун), и представлены курганной группой Асуваяма 足羽山古墳群 (г. Фукуи). В Эtidзэн давно известны группы сооружений типа ХСКБ; они характеризуются небольшой квадратной насыпью, расположенной на гребне холма и окружённой квадратным рвом, а также керамической утварью, в основном, «*хадзи* архаичного типа» (*косики хадзики* 古式土師器) красно-коричневого цвета, специфической для самой ранней стадии периода Кофун. Курганная группа Ёдзан 王山古墳群 и Тёсэндзи-яма 長泉寺山古墳群 в г. Сабаэ (преф. Фукуи) – типичные представители такого типа коллективных могильников. В группе Харамэяма 原目山古墳群 в г. Фукуи квадратная насыпь значительно большего размера располо-

жена рядом с маленькими насыпями. Раскопки вскрыли три типа могильных насыпей: 1) на плоской поверхности вершины холма, где скучено большое количество грунтовых могил, в том числе в насыпях ХСКБ; 2) в виде квадратной платформы, сформированной из вершины холма; 3) на вершине холма, обработанного в форме квадрата, из насыпанной земли была образована квадратная насыпь с одной грунтовой могилой в центре. Исследования отчётливо показали процесс перехода от первого типа захоронения ко второму, а затем, к третьему.¹

第 23 図 各地の墳丘墓と箸墓古墳

大阪弥生博 1992『激動の三世紀』から

Рис. 16. Могильные насыпи *функёбо* различных районов и курган Хасихака (преф. Нара).

Вверху слева направо (III в. н.э.)²: Татэцуки (область Биттё³); Нисидани № 3 (Идзумо); Якуяма № 5 養久山 5 (Харима);

¹ Amakasu Ken. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun. P. 27-30.

² Так указано в источнике, но датировки здесь устаревшие и требуют удреждения примерно на 100 лет.

³ Соответствует западной части современной преф. Окаяма.

В центре слева направо (IV в. н.э.)¹: Мияяма² (область Биттю), Годо № 4 (область Кадзуса)³

Внизу: промежуточная форма между насыпью *функюбо* и стандартным курганом *кофун* – Макимуку Исидзука кофун (Сакураи, преф. Нара).

Справа: курган Хасихака кофун (Сакураи, преф. Нара).

В то же время, между могильными насыпями *функюбо* периода Яёй и «квадратно»-круглыми курганами периода Кофун имеется **значительные различия**:

1. Размеры насыпей различны на порядок (длина первого, как считается, стандартного кургана Хасихака кофун – 278 м, общий объём в сотню раз больше, чем у Татэцуки *функюбо*). Количество труда, которое затрачивалось на возведение курганов *кофун*, гораздо больше, чем при строительстве могильных насыпей *функюбо* периода Яёй.

2. Выступы у квадратных или круглых могильных насыпей *функюбо* Яёй – это перемычки, которые служили «мостами» между самим погребением и территорией вокруг него. Они создавались не только чисто утилитарными целями (перебраться через ров к погребению; служили дорожкой для похоронной процессии), но и, как полагают исследователи, стали важным местом для проведения погребально-поминальных обрядов. С другой стороны, у «квадратно»-круглых курганов (ДПКЭФ) передняя часть трансформировалась в прямоугольную (подквадратную) или трапециевидную платформу примерно таких же размеров, что и задняя круглая часть с гробницей (так, у Хасихака кофун она 125 м шириной и 17 м высотой и уже не выглядит простым мостом во внешний мир).

3. Внутренние сооружения ранних курганов ДПКЭФ состоят из каменной погребальной камеры вертикального типа и деревянного гроба-колоды. В Кинай и других районах, которые испытали его влияние, покойник обычно головой ориентирован на север. Этого не отмечается в элитных погребениях (ФКБ) Позднего Яёй. Таким образом, это

---

¹ См. Прим. 2, с. 464.

² Мияяма фумбо-гун 宮山墳墓群 – это группа захоронений периода от Позднего Яёй к Начальному Кофун; она состоит из коллективного могильника 集団墓 и могильной насыпи (общая длина 38 м) по типу «квадратная» передняя часть и круглая задняя (前方後円形墳丘墓), иначе могильной насыпи в форме «квадратно»-круглого кургана (前方後円墳状の墳丘墓) для особы высокого ранга.

³ Находилась на п-ове Бёсё (о. Хонсю), соответствует центральной части современной преф. Тоба.

может говорить о том, что появление ДПКЭФ сопровождалось появлением новых религиозных представлений.¹

4. Наборы погребального инвентаря из ДПКЭФ включают бронзовые зеркала с изображением «богов и чудовищ» (*синдзюкэ* 神獸鏡).

С учётом вышеуказанных обстоятельств значение появления «квадратно»-круглых курганов ДПКЭФ интерпретируется так: в типах элитных погребальных сооружений Позднего Яёй отмечается значительное разнообразие, что указывает на большую независимость местных правителей / вождей в каждом регионе. Но принятие унифицированной «квадратно»-круглой формы ДПКЭФ в купе с распространением бронзовых зеркал указанного типа означает, как считают японские учёные, некие «союзы» между правителями «политий» различных регионов. Так, лидерство, которое вожди Кинай, видимо, обеспечивали себе в «конфедерации» регионов хорошо подтверждается фактами того, что самые большие ДПКЭФ находятся в Ямато (Кинай), и что, если следовать известной гипотезе Кобаяси Юкио 小林行雄, бронзовые зеркала распространялись правителями региона Кинай.²

Самое важное отличие насыпей *функюбо* (ФКБ) от унифицированных в различных регионах страны курганов *кофун* состоит в явных региональных отличиях. *Функюбо* в регионе Санъин имели характерную форму квадратной насыпи с выступами по четырём углам, а также покрытие из камней. Круглые или квадратные насыпи ФКБ с одним или двумя выступами отмечаются в районах Кинай и Киби (преф. Окаяма). Установка специфических («особых») керамических сосудов и подставок под них на могильных насыпях — особенность, которая наблюдается в Киби (преф. Окаяма).³ На Кюсю захоронения в *функю-*

---

¹ Recent archaeological discoveries in Japan. P. 62.

² Recent archaeological discoveries in Japan. P. 60-63. Д.А. Суровень, анализируя материалы, касающиеся ранней формы государства («общины–государства») и ранней государственности в древней Японии конца III – начала IV вв., полагает, что «в начале IV века общины центральной Японии объединились в федерацию Ямато» (Суровень Д.А. Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато. С. 241).

³ Весьма велико влияние региона Киби на становление культуры Кофун: в частности, как рассматривается в данной статье, керамические «особые подставки», которые использовались в надмогильных обрядах на насыпях *функюбо* в Киби в конце периода Яёй, трансформировались в цилиндрические *ханива*, которые устанавливались на курганах. Погребальные обряды, которые проводились в Киби в конце Яёй, были включены в последующую погребально-поминальную обрядность периода Кофун с центром в Ямато.

бо в преобладающем количестве совершались в гигантских урнах, а богатый погребальный инвентарь, особенно бронзовые зеркала и оружие, обнаруживается только там. Очевидно, что курганы *кофун* появились благодаря синтезу многих локальных особенностей их предшественников – насыпей *функюбо*. Так, т. н «квадратно»-круглые курганы (前方後円墳 *дзэмпō кōэн-фун*, ДПКЭФ) представляют собой развитие круглой насыпи *функюбо* с одним прямоугольным («квадратным») выступом. Иначе, прототипом ДПКЭФ могла быть «(круглая) могильная насыпь квадратно-круглой формы со рвом» *дзэмпō кōэн-кэй энкэй сјō-кōбо* 前方後円形円形周溝墓 (напр., памятник Сэта, II в. н.э.; г. Касихара, преф. Нара).

Покрытие поверхности насыпи камнями *фукииси* 葺石 (крупной речной или морской галькой), которое применялось только в некоторых насыпях *функюбо*, стало обязательным элементом курганов *кофун*. *Энтō ханива*, цилиндрические *ханива* в виде подставки под сосуд представляют собой модифицированную форму, развившуюся из сосудов и подставок под них, которые устанавливались на *функюбо* в регионе Киби (преф. Окаяма). Практика помещения сопроводительного инвентаря (бронзовых зеркал, оружия) в погребальную камеру в курганах *кофун* берёт начало от погребального инвентаря захоронений Северного Кјосјō (в период Яёй это происходило только там) и распространяется по всей Японии в период Кофун. Самый большой стандартный «квадратно»-круглый курган типичной ранней формы – Хасихака кофун на равнине Нара (Ямато) (общая длина 278 м), представляет собой гигантский скачок в размерах по сравнению с насыпями *функюбо*; он определён как один из самых старых курганов *кофун* по фрагментам цилиндрических *ханива*, собранным во рве вокруг него).

(11) «Курганы типа Макимуку» – непосредственные предшественники стандартных «квадратно»-круглых курганов

В юго-восточной части равнины Нара (Сакураи, преф. Нара) у подножия священной горы Мива 三輪山 находится археологический памятник Макимуку 纏向遺跡¹ (рис. 17-19). Исследователи считают, что на этом месте располагалась т. н. «полития Мива» («Miwa 三輪 polity») – термин Д. Барнс; иначе, по Тэрасава Каору, «полития Сики» / «Shiki 磯城 polity»), протогосударственное образование², которым в III–IV вв. н.э. правила т. н. «династия Мива» 三輪王朝.³

Полагают, что Макимуку⁴ являлся административно-политическим и церемониально-ритуальным центром «политии Мива» примерно в течении 160 лет (190-350 гг.), а также торговым центром, связанным со многими регионами Японии (от Сев. Кёсю до Юж. Канто) и континентом (с середины III в. н.э.). По археологическим данным, Макимуку был основан ок. 200 г. н.э.⁵; вначале он занимал сравнительно небольшую территорию в форме почти правильного круга с диаметром 1 км (площадью ок. 1 кв. км; см. рис. 18: на карте его территория ограничена оранжевой линией); затем, примерно к середине III в. н.э. он значительно увеличил свою территорию до ок. 3,2 кв. км,

---

¹ О памятнике Макимуку, «курганах типа Макимуку» и районе Мива в историко-культурном контексте см.: Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P.116-18; Kidder J. Edward. Himiko and Japans Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, History, Mythology. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – P. 239-63; Ishino Hironobu. Rites and Rituals of the Kofun Period. P. 192-94; Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации: Нара. История, религия, культура. – М.: Искусство, 1994. – С. 17-43.

² Д.А. Суровень характеризует такой тип образований как «общины–государства» (Суровень, Д.А. Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато. С. 241).

³ По Хироси Цудэ 都出比呂志, в англоязычном варианте: Miwa Court.

⁴ От названия деревни Макимуку старого уезда Сики (旧磯城郡纏向村), которое связано с названием дворцов «императоров» Суйнин 垂仁天皇 (Макимуку Тамаки-мия 纏向珠城宮) и Кэйкō 景行天皇 (Макимуку Хисиро-мия 纏向日代宮).

⁵ Там обнаружены фрагменты керамики Дзёмон, а также Раннего, Среднего и Позднего Яёй; очевидно, что этот район был населен в течение длительного времени – ещё до возникновения «политии Мива». При этом, некоторые исследователи говорят, что эта «царская ставка» / «столица царства» 王都 представляет собой «чрезвычайно планомерно построенное селение», которое «неожиданно» возникло в начале III в. н.э.

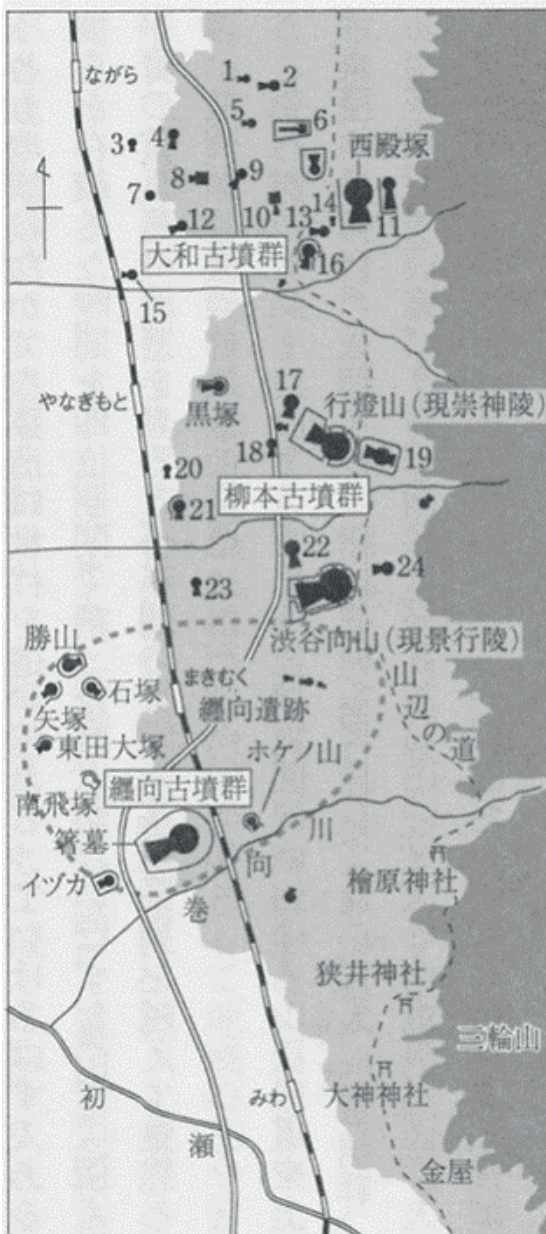

Рис. 17. Курганные группы Макимуку

纏向古墳群, Янагимото 柳本古墳群 и Ёямато 大和古墳群 на равнине Нара. Справа – гора Мива 三輪山; в центре пунктирной линией очерчен археологический памятник Макимуку («полютия Мива»).

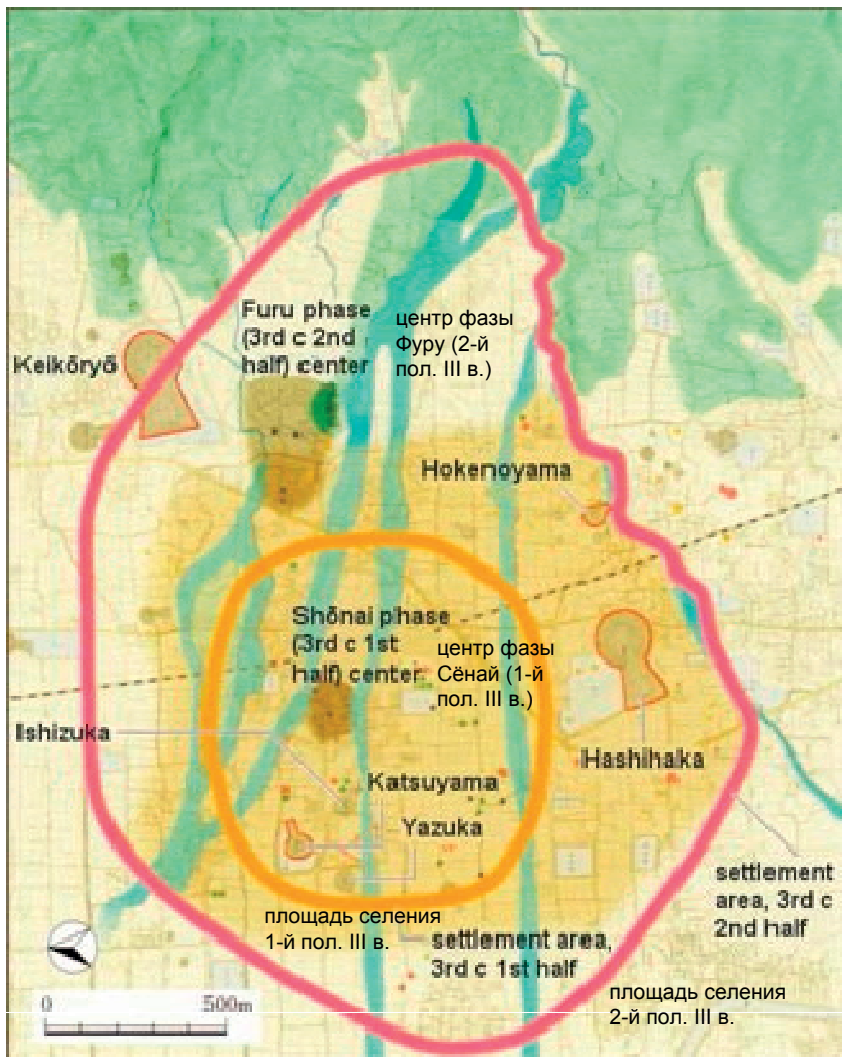

Рис. 18. Памятник Макимуку («полития Мива») в III в. н.э. с административными центрами разного времени зонами заселения (1-й пол. и 2-й пол. III века) и курганный группой Макимуку 纏向古墳群 (Сакураи, преф. Нара).

а со второй половины – конца III в. занял территорию (на карте очерчена красной линией) ок. 2,5 км (с востока на запад) на 1,5 км (с севе-

ра на юг). Из-за его больших размеров, которые значительно превышают площадь обычных селений второй половины – конца III в. н.э. (напр., на Северном Кёсю), археолог Д. Барнс называет Макимуку «районом, округом» («district»), который представлял из себя «элитное поселение с рассредоточенной застройкой и низкой плотностью».¹ Иначе, в целом, памятник Макимуку («полития Мива») выглядел как группа селищ (селений), объединённых одним административно-культурным центром.² Район Макимуку («полития Мива») кроме административно-политического центра и зоны заселения (восемь поселений) включал также инфраструктуру (в частности, сельхозугодья, каналы³, плавильные мастерские), святилище⁴ и курганную группу Макимуку. В административном центре археологи реконструируют «дворцовый комплекс» из четырёх зданий на сваях, расположенных по одной оси (восток – запад) и в одном направлении (север – юг; здания А, В, С, D на рис. 20). Главный «дворец» (рис. 19; здание D на рис. 20), «дворец правителя» – большое здание⁵ на сваях (нач. – 1-я пол. III в. н.э.), в 1,5 раза больше, чем на городище Ёсиногари (Кёсю, рубеж II–III вв. н.э.); поблизости – «усадьбы» элиты (рис. 19). Исследователи

¹ Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 118-119. Г.Е. Светлов также обращает внимание на то, что в Макимуку не было землянок, жилищ рядовых земледельцев и ремесленников того времени; обнаружены только следы свайных строений – жилищ элиты, святилищ, амбаров (Светлов Г.Е. Колыбель японской цивилизации: Нара. С. 35).

² Для эпохи бронзы в Корее такие «серии селищ» с культовым и административным центром – распространенное явление (устное сообщение А.В. Загорюлько, одного из авторов данного сборника).

³ Здесь песчаная, но достаточно плодородная почва; каналы, которые, видимо, использовались и для орошения, и для передвижения (общей длиной ок. 2600 м, шириной 5 м, глубиной 1,2 м) соединяли все восемь селений. Культивировали рис, просо (яп. *awa 粟* «итальянское просо» *Setaria italica*), пшеницу; обнаружены каменные жатвенные ножи периода Яёй, которыми пользовались при уборке урожая. Также выращивали сафлор красильный (шафран), из которого изготавливали красный краситель (для тканей); очевидно, культура сафлора и технология крашения попали в Японию с континента (Китай) не позднее сер. III в. н.э.

⁴ На памятнике Макимуку найдена деревянная маска первой половины III в.н.э., названная «Лицом божества» (神の顔); полагают, что она использовалась в аграрной обрядности (豊作祈願 букв. «испрашивание (обильного) урожая»); вопрос о том, была ли она связана с культом горы Мива (см. ниже и Прим. 1. с. 472), остаётся открытым.

⁵ Его размеры: 19,2 м (с севера на юг) на 12,2 м (с востока на запад), площадь ок. 238 кв.м; это самое большое здание в Японии той эпохи, обнаруженное на сегодняшний день.

также считают, что во второй половине II в. н.э. – первой половине III в. н.э., т.е. в тот период, когда возникла «полития Мива» с центром в Макимуку, сложился ранний культ горы Мива.¹

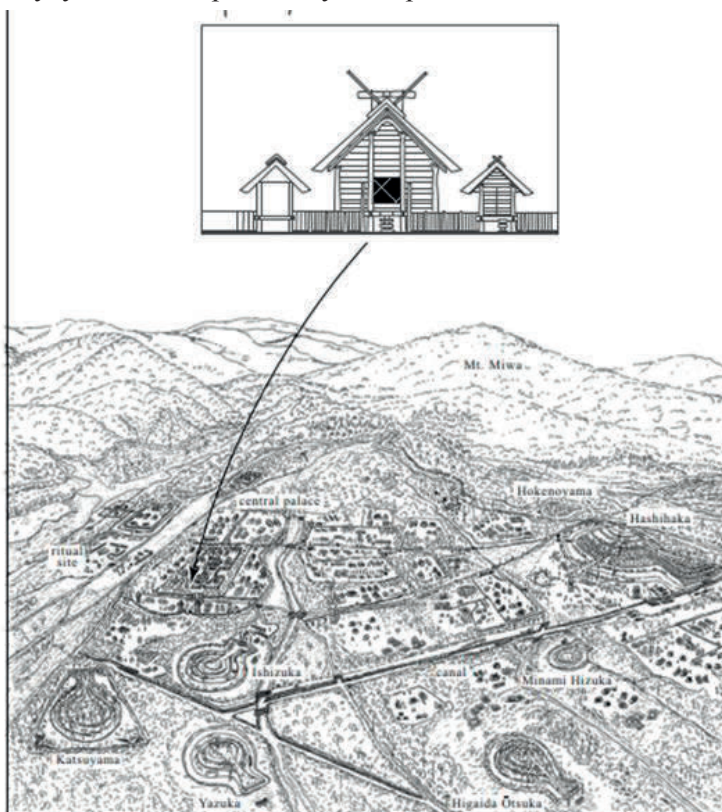

Рис. 19. «Полития Мива» (III–IV в. н.э.).
Реконструкция памятника Макимуку с административно-ритуальным центром и курганной группой Макимуку (г. Сакураи, преф. Нара).

¹ *Ishino Hironobu*. Rites and Rituals of the Kofun Period. P. 209; там же о возможной связи культа горы Мива и курганов Макимуку (в частности, Исидзука кофун). О культе горы Мива также см.: *Ellwood R.S.* The Sujin religious revolution // *Japanese journal of religious studies*. – 1990. – No. 17/2-3. – P. 199-217; *Kidder J. Edward*. Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, History, Mythology. P. 262-73; *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации: Нара. С. 37-39; *Суровень Д.А.* Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2020. – № 22/3. – С. 701-713.

Рис. 20. Раскопки «дворцового комплекса» (III в. н.э., памятник Макимуку) в административно-ритуальном центре «политии Мива»; здание D – «дворец правителя» (г. Сакураи, преф. Нара).

Старейшие «квадратно»-круглые могильные насыпи *функ̄юбо* 前方後円墳丘墓 из курганной группы Макимуку (подробно см. ниже), которые дали старт «курганной культуре» в Японии, относят к первым десятилетиям III в. н.э.; сооружения курганного типа «квадратно»-круглой формы (могильные насыпи *функ̄юбо* и курганы *кофун*) возводили в районе Мива примерно в течение 130 лет (220-350 гг. н.э.); до этого в конце II в. – начале III в. н.э. там строили квадратные могильные насыпи со рвом *хōкэй с̄юкōбо*. На равнине Нара (вдоль её восточной границы) в районе Мива примерно в течение 130 лет (220-350 гг. н.э.) последовательно – в следующем порядке – были сооружены четыре группы курганов: Макимуку кофун-гун 纏向古墳群¹, Оямато кофун-гун 大和古墳群, Томяма кофун-гун 鳥見山古墳群 и

¹ Эту группу курганов также называют Макимуку-Хасинака кофун-гун 纏向・箸中古墳群 или Хасинака кофун-гун 箸中古墳群. Макимуку (Хасинака) кофун-гун раскинулась у западного подножия горы Мива. Её лучше знают по самому большому в этой группе кургану – Хасихака кофун 箸墓古墳, иначе Хасинака-яма кофун 箸中山古墳. Хасинака 箸中 – местный топоним.

Янагимото кофун-гун 柳本古墳群. На местности три группы располагаются – в направлении с юга на север – в таком порядке: Макимуку, Янагимото, Оямато (см. рис. 17)¹, а на юг от Макимуку находится курганная группа Томияма. Археологические исследования показывают, что эти четыре группы курганов воздвигались для правителей и высшей знати «политии Мива» – зачатка государства Ямато. Среди самых больших курганов выделяют (по порядку строительства)² шесть т. н. «царских курганов» (длиной более 200 м; месторасположение таких «царских курганов», как видно, со временем менялось): Хасихака кофун 箸墓古墳³ (280 м, сер. III в. н.э., группа Макимуку); Ниситонодзука кофун 西殿塚古墳 (230 м, 2-я пол. III в., группа Оямато); Сакурай Тяусуяма кофун 桜井茶白山古墳⁴ (207 м, 2-я пол. III в. – начало IV в.), Мэсурияма кофун メスリ山古墳 (224 м, начало IV в.; оба – группа Томияма); Андоньяма кофун 行燈山古墳 (242 м, 1-я пол. IV в.), Сибугани Мукаияма кофун 渋谷向山古墳 (300 м, середина – 2-я пол. IV в.; последние два – группа Янагимото). Эти курганы – за исключением Сакурай Тяусуяма кофун и Мэсурияма кофун, которые в качестве захоронений древних «императоров» не значатся ни в одном из классических текстов – как и все другие «царские (императорские) курганы», находятся под эгидой Управления императорского двора Японии, поэтому на них (за вычетом двух указанных курганов) не проводились полноценные раскопки.⁵ Парадоксально, но закономер-

¹ В совокупности их называют «курганым объединением Оямато» オオヤマト古墳集団, или «курганной группой Оямато-Янагимото» 大和・柳本古墳群, или даже «курганной группой Оямато» 大和古墳群.

² По мнению исследователей из Национального музея японской истории 国立歴史民俗博物館, которое поддерживают многие японские учёные, эти «царские курганы» возводились именно в указанном порядке (箸墓→西殿塚→桜井茶白山→メスリ山→行燈山→渋谷向山).

³ Иначе, Хасинака-яма кофун 箸中山古墳.

⁴ Иначе, Тоби Тяусуяма кофун 外山茶白山古墳; из-за узкой вытянутой передней части учёные относят его к ранним курганам типа «зеркало с ручкой» *экагами-сики кофун* 柄鏡式古墳.

⁵ Это привело к широкому спектру научных гипотез и околонаучных спекуляций, в частности, Хасихака приписывают Химико, «царице» Яматай из китайских летописей, или же дочери 7-го «императора» Кōрэй – легендарной «шаманке» Ямато-тотохи-момосо-бимэ 倭迹迹日百襲姫命; Андоньяма – 10-му «императору» Сūdзин 崇神天皇 (правил 324-331 гг. н.э. [испр. хрон.]), Сибугани Мукаияма – 12-му «императору» Кэй-кō 景行天皇 (правил в 1-й пол. IV в.н.э., 337 – ок. 343 г. [испр. хрон.]). Остальные

но, что именно Сакураи Тяусуяма и Мэсурияма предоставили доказательства того, что в этих курганах покоились правители этого региона («полития Мива») – в обоих курганах были обнаружены яшмовые «царские» скипетры *гёкудзё* 玉杖¹, датируемые IV в. н.э. С курганной группой Макимуку учёные связывают само зарождение государства Ямато, с группами Оямато, Томияма и Янагимото – его начальный период.

Строительство «квадратно»-круглых курганов (ДПКЭФ) в районе Мива прекратилось примерно в середине – второй половине IV в. н.э.; полагают, что тогда Макимуку потерял былое влияние или даже был покинут, и центр политической власти переместился в северо-западную часть равнины Нара в район курганной группы Саки 佐紀古墳群 (иначе, Саки татэнами кофун-гун 佐紀盾列古墳群 2-я пол. IV в. – 1-я пол. V в.)², где находилась т. н. «полития Сахо 左保» (с центром в Саки 佐紀); её контролировала, как полагают, новая «династия Саки» 佐紀王朝.³

«Полития Мива» стала зачатком государства Ямато, важным шагом к становлению японской государственности в регионе Кинай

атрибуции ещё более проблематичны. Об этих курганах также см.: *Суровень Д.А.* Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом. С. 707.

¹ Подобные скипетры использовались в древнем Китае. В Японии их обнаруживают в захоронениях (курганах) III–IV в. н.э. в таких областях как Киби 吉備, Сануки 讃岐, Ава 阿波 (две последних на о. Сикоку); материалом служила яшма *хэкигёку* 碧玉 (из нее в периоды Яёй и Кофун также изготавливали различные аксессуары и украшения, в частности, бусы, в том числе, коммобразные *магатама*).

² С конца IV в. н.э. в юго-западной части равнины Нара (р-н Ямато – Кацураги; совр. преф. Нара, г. Кацураги 葛城 и г. Госэ 御所) начинает складываться ещё одна новая курганная группа Умами 馬見古墳群. Полагают, что из группы Саки сюда вскоре переместился центр строительства курганов (и, вероятно, центр политической власти), который далее сдвинулся за пределы равнины Нара – на равнину Ōсака: в её восточную часть (курганная группа Фуруити 古市古墳群) и южную часть (группа Модзу 百舌鳥古墳群); эти группы часто объединяют в одну – 百舌鳥古市古墳群; там в V в. будет воздвигнуты самые большие «царские курганы» Японии. Таким образом, в Раннем Кофун (III – IV вв. н.э.) политический центр Ямато находился на равнине Нара, в Среднем Кофун (с V в.) – в Кавати (равнина Ōсака); к VII в. он вернулся на равнину Нара (*Pearson Richard. Ōsaka Archaeology. P. 20*).

³ *Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 50, 152-53, 191; Barnes Gina L. A hypothesis for Early Kofun rulership // Japan Review. – 2014. – No. 27. – P. 4.*

(Центральная Япония). По выражению маститого археолога Исино Хиронобу 石野博信, Макимуку – это «место возникновения династии Ямато» (ヤマト王権発祥の地), или «царская ставка – столица государства Ямато», т.е. «город», где пребывал правитель Ямато (ヤマト王権の王都).

Процесс политогенеза в районе Мива происходил взаимосвязанно с формированием там «курганной культуры». В начале – первой половине III в. н.э. (т.е., в самом конце периода Яёй, который некоторые исследователи также называют «начальный Кофун») в местности Макимуку, на территории «политии Мива», появились особые погребальные сооружения курганного типа «квадратно»-круглой формы¹ длиной порядка 90 м (и более), т.е. гораздо больше, чем у могильных насыпей *функтōбо* Позднего Яёй. Эти погребальные сооружения в японской науке получили название «квадратно-круглые насыпи / курганы типа Макимуку» (纏向型前方後円墳); в названиях таких сооружений входит слово «курган» (яп. *кофун*) – в этом случае учёные относят их к самому начальному этапу периода Кофун (古墳時代草創期).

Такие погребальные сооружения являются переходной формой от предшествующих им могильных насыпей *функтōбо* периода Поздний Яёй к последующим настоящим «квадратно»-круглым курганам и сочетают в себе характеристики обоих. Некоторые японские учёные даже называют их *дзэмтō кōэн-кэй функтōбо* 前方後円形墳丘墓, т.е. «могильные насыпи *функтōбо* квадратно-круглой формы», или «*Макимуку-гата дзэмтō кōэн функтōбо* 纏向型前方後円墳丘墓, т.е. «квадратно-круглые могильные насыпи *функтōбо* типа Макимуку». Образцовым представителем сооружений такого типа является Макимуку Исидзука кофун 纏向石塚古墳 (кон. II – нач. III в.; подробнее см. ниже).

Таким образом, именно такие погребальные сооружения являются самыми непосредственными предшественниками² типичных ран-

---

¹ На самом деле, передняя «квадратная» часть таких захоронений, как и у классических «квадратно»-круглых курганов, как правило, была прямоугольной или трапециевидной формы.

² В целом японские ученые так рисуют процесс возникновения в Японии «квадратно»-круглых курганов ДПКЭФ: от могильных насыпей *функтōбо* периода Яёй к «квадратно-круглым насыпям / курганам типа Макимуку» переходного периода Яёй-Кофун и, далее, к стандартным «квадратно»-круглым курганам периода Кофун (「弥生墳丘墓」→「纏向型前方後円墳」→「前方後円墳」). Ещё одной предковой формой (祖形) стандартных ДПКЭФ были ранние курганы, как говорят японские археологи, в форме *ся-*

них «квадратно»-круглых курганов в регионе Кинай, например, кургана Хасихака кофун.¹

前方後円墳の成立過程の模式図(推定)

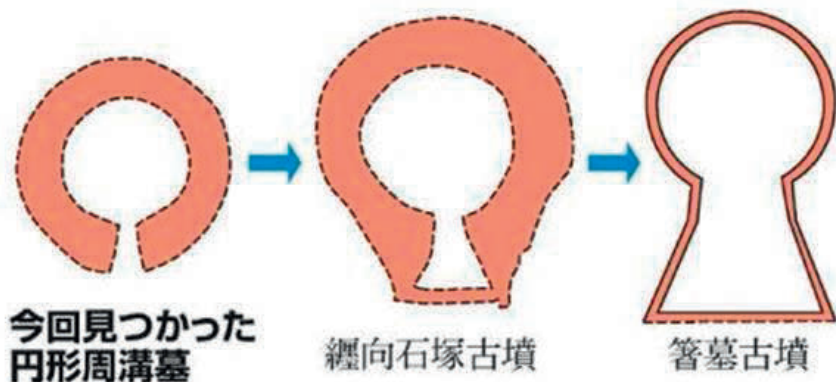

Рис. 21. Общая схема развития формы «квадратно»-круглых курганов. Развитие (на схеме слева направо) от «круглой могильной насыпи со рвом» (памятник Сэта) периода Яёй через промежуточную форму нестандартного «кургана типа Макимуку» (Макимуку-Исидзука кофун) к раннему стандартному кургану (Хасихака кофун).

К «квадратно-круглым курганам типа Макимуку» 纏向型前方後円墳 относятся три крупных захоронения из курганной группы Макимуку кофун-гун 纏向古墳群²:

(1) Макимуку Исидзука кофун 纏向石塚古墳 (кон. II – нач. III в., общая длина ок. 96 м, диаметр круглой части 64 м; ориентация –

---

modzi 杓文字 (лопатка для риса), т.е. с узкой передней частью в виде вытянутого прямоугольника с небольшим расширением спереди («ручка от лопатки»), напр., захоронение Цуруо дзиндзя № 4 鶴尾神社 4 号墳 (конец III в.н.э., период Ранний Кофун; общая длина 40 м, длина передней части 22 м, ширина 10 м; курганная группа Ивасэ-ояма 石清尾山古墳群, историческая область Сануки, преф. Кагава, о. Сикоку). Такие курганы также называют – по месту их возникновения – «тип Сануки» 讃岐型前方後円墳; их особенность в том, что длина передней «квадратной» части кургана примерно равна диаметру задней круглой. Среди этих курганов на Восточном Сикоку также много т.н. «каменных могил» 積石塚, т.е. ранних курганов, полностью или частично (только передняя или только задняя часть кургана) сложенных из камней.

¹ Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 117.

² Иначе эту группу еще называют Хасинака кофун-гун 箸中古墳群 (начало Раннего Кофун; см. рис. 17).

юго-восток [ЮВ]);

(2) Макимуку Ядзука кофун 纏向矢塚古墳 (сер. III в., 96 м, круглая часть 64 м; ориентация – северо-восток [СВ]);

(3) Хокэнояма кофун ホケノ山古墳¹ (1-я пол.-сер. III в., ок. 85-90 м, длина передней «квадратной» части 25 м; ЮВ); этот курган также относят к «квадратно»-круглым курганам в форме ракушки морского гребешка (*хотатэгай-гата дзэмпо коэн-фун* ホタテ貝型前方後円墳).²

К «квадратно-круглым курганам типа Макимуку» – также относят Мабака кофун マバカ古墳 (нач. III в., длина ок. 74 м) – курган из соседней курганной группы Оямато кофун-гун 大和古墳群.

Ещё два ранних нестандартных кургана из группы Макимуку кофун-гун археологи не относят к «типу Макимуку»: Макимуку Кацуюма кофун 纏向勝山古墳 (1-я пол. – 2-я пол. III в., ок. 115 м, длина передней «квадратной» части 45 м; ориентация – СВ) и Хигаида Оцука кофун 東田大塚古墳 (2-я пол. III в. н.э., 120 м, круглая часть 70-80 м; запад / юго-запад [З/ЮЗ]). В эту группу также входит настоящий курган *кофун* – ранний стандартный курган Хасихака кофун 箸墓古墳

---

¹ Хокэнояма также называют «могильной насыпью» *функюбо* ホケノ山墳丘墓. Время создания Хокэнояма несколько раньше, чем у Хасихака кофун, рядом с которым это сооружение находится (см. рис. 17).

² Иначе, 帆立貝形の前方後円墳, 帆立貝式古墳; см. рис. 23. Ученые полагают, что у курганов в форме ракушки морского гребешка статус был чуть ниже, чем у самых престижных классических «квадратно»-круглых курганов. В целом, в период Кофун по своей форме курганы ранжировались следующим образом (от самого высокого статуса к более низкому): «квадратно»-круглые, «квадратно»-квадратные, круглые, квадратные (前方後円墳⇒前方後方墳⇒円墳⇒方墳). При этом, по мнению, Хироси Цудэ, крупнейшего специалиста по курганной эпохе, в IV в. и начале V в. «квадратно»-круглые курганы могли сооружаться для захоронения региональных вождей. Но в первых десятилетиях V в. т.н. «царская династия Кавати» Kawachi Court / 河内王朝 / 河内政権 (равнина Осака) запретила их использование в регионах, разрешив только круглые, квадратные и в форме ракушки (ДПКЭФ предназначались только для правителей, царской семьи и ближайших придворных). Позже, в сер. V в., с ослаблением власти «династия Кавати», опять стало возможным строить ДПКЭФ в провинции, но в конце V в. прежние ограничения опять вернулись (см.: *Tsude, Hiroshi. Chiefly lineages in Kofun-period Japan: political relations between centre and region // Antiquity. –1990. – Vol. 64. – P. 923-924*). Между концом VI в. и началом VII в. форма «царских» курганов сменилась с ДПКЭФ на квадратную, а с середины VII в. – на 8-угольную (Recent archaeological discoveries in Japan. P. 71).

(иначе, Хасинака-яма кофун 箸中山古墳; сер. III в.; ориентация – 3 / ЮЗ).¹

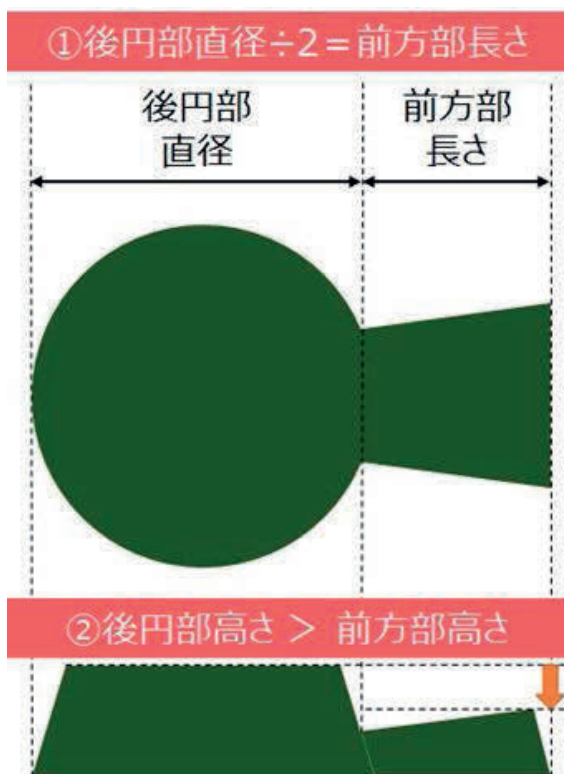

Рис. 22. «Квадратно»-круглый курган типа Макимуку 纏向型前方後円墳.

(1) Соотношение диаметра «задней» круглой части кургана и «передней квадратной» как 2:1.

(2) Высота «задней» круглой части кургана больше, чем у «передней квадратной».

¹ Его называют «первый стандартный курган» 「最初の定型化古墳」, «самый старый курган начального периода» 「出現期古墳の最古」; после строительства Хасихака стандартные курганы типа ДПКЭФ быстро распространились – сначала вокруг Внутреннего моря (регион Сэтоути), напр., на равнине Осака, а потом в IV в.н.э. - на восток, в Ю.Тохоку. Некоторые признаки стандартного кургана периода Кофун: монументальная насыпь, трехъярусная конструкция кургана, массивная передняя «квадратная» часть, соотносимая по размерам с основной насыпью (с захоронением), покрытие поверхности насыпи камнями *фукииси* 葺石, установка *ханива*, погребальная камера с гробом, помещение в погребальную камеру сопроводительного инвентаря (бронзовых зеркал, оружия и пр.), киновари, ориентация покойника головой на север.

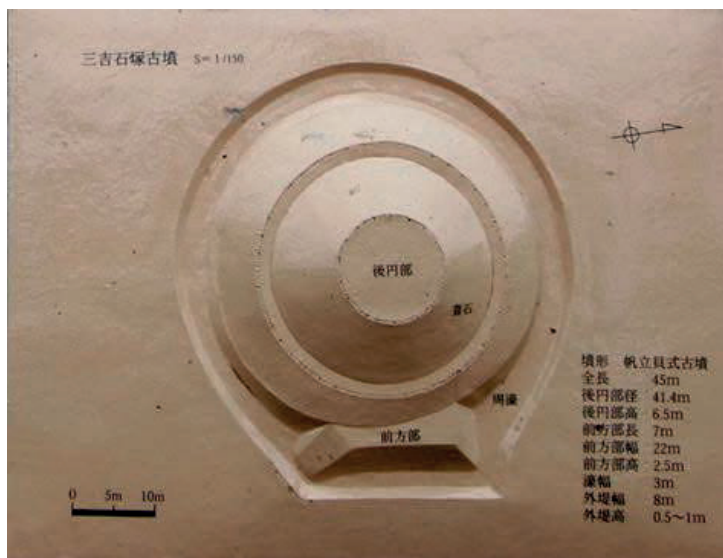

Рис. 23. Пример «квадратно»-круглого кургана в форме ракушки морского гребешка (Мицүёси исидзука кофун 三吉石塚古墳; 2-я пол. V в., преф. Нара, уезд Кита Кацураги).

Необходимо отметить, что отличительной особенностью курганов «типа Макимуку» являются: (1) низкая передняя «квадратная» (яп. 前方) часть кургана по сравнению с его «задней» круглой (後円) частью (с захоронением); (2) соотношение длины «задней» круглой части кургана и передней «квадратной» части как 2:1 (напр., Исидзука и Ядзука)¹ (см. рис. 22); (3) «задняя круглая» часть имеет форму не правильного круга, а овала или яйцевидную. Другими словами, «квадратная» часть у таких курганов сравнительно небольшая, «короткая»² (только треть от общей длины кургана); курганы с особо короткой передней «квадратной» частью также получили название по форме ракушки морского гребешка – *хотатэгай-гата дзэмпо кōэн-фун* ホタテ貝型前方後円墳 (см. рис. 23).

¹ В этом смысле, не все археологи относят курганы Кацуяма и Хигаида Ёцука к «типу Макимуку».

² Некоторые «квадратно-круглые курганы типа Макимуку» (напр., Исидзука и Ядзука) также относят к типу «с короткой передней частью» (前方部が短いタイプ (纏向型)), в то время как Кацуяма и Хигаида – к типу «с длинной передней частью» (前方部が長いタイプ (纏向型)).

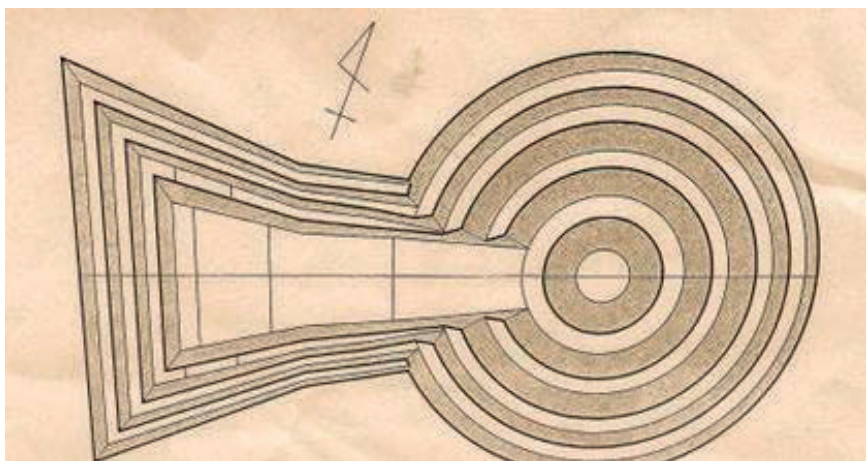

Рис. 24. План кургана Хасихака кофун; передняя часть имела форму плектра *бати* 撥 для сямисэна.

Ещё одна характерная особенность курганов «типа Макимуку»: у некоторых самых ранних ДПКЭФ и ДПКХФ, а также у непосредственных предшественников таких курганов, передняя т. н. «квадратная» часть на самом деле имела форму трапеции, которая резко расширялась у её основания (с передней стороны «квадратной» части); по выражению японских археологов, она имела форму плектра *бати* 撥 для сямисэна¹ (см. рис. 24). Эта особенность характерна только для начального периода Кофун и не сохранилась впоследствии. Среди японских учёных бытует мнение, что ДПКЭФ с передней частью в форме *бати* (напр., курган Хасихака) развились из курганов / насыпей ФКБ «типа Макимуку» (напр., Макимуку Исидзука и Хокэнояма).² При этом

¹ 三味線のバチ形 / 撥形前方後円墳. К таким сооружениям относятся, в частности, Макимуку Исидзука кофун (ДПКЭФ, кон. II – нач. III вв. н.э.), Хокэнояма кофун (ДПКЭФ, 1-я пол. – сер. III в.), Хасихака кофун (ДПКЭФ, сер. III в.), Ицукахара кофун 五塚原古墳 (ДПКЭФ, сер. – 2-я пол. III в. н.э.; общая длина 91,2 м; преф. Киото), Цубаи-бцукаяма кофун 椿井大塚山古墳 (ДПКЭФ, 2-я пол. III в. н.э.; 175 м; диаметр круглой части 110 м; преф. Киото), Урума-тяусуяма кофун 浦間茶臼山古墳 (ДПКЭФ, конец III в.; 125 / 140 м; преф. Окаяма), Бидзэн-курумадзака кофун 備前車塚古墳 (ДПКХФ, нач. IV в.; 48 м; преф. Окаяма), Куродзука кофун 黒塚古墳 (ДПКЭФ, нач. – 1-я пол. IV в.; 130 м; курганная группа Оямато, г. Тэнри, преф. Нара).

² В изложении известного археолога Дж. Э. Киддера этот процесс трансформации выглядит так: настоящие («классические») «квадратно-круглые» курганы (ДПКЭФ) развились из «курганов в форме морского гребешка», за которыми последовали нестан-

наблюдается соотнесенность размеров курганов такой формы с первым стандартным курганом Хасихака кофун¹ (общая длина 278-280 м), который стал своего рода моделью для курганов раннего Кофун: Урума-гяусуяма кофун (общая длина 138 м) – 1:2, Куродзука кофун (130 м) – 1:2, Хокэнояма кофун (90 м) 1:3, Ицукахара кофун (91,2 м) – 1:3, Мотоинари кофун 元稻荷古墳 (ДПКХФ, 2-я пол. III в. н.э.; 94 м; преф. Киото)² – 1:3.

С другой стороны, у «квадратно-круглых курганов типа Макимуку», непосредственных предшественников стандартных курганов, «первой ласточкой» которых стал Хасихака кофун, тоже были свои «клоны». Так, по форме насыпи и, особенно, рва вокруг неё³, на Макимуку Исидзука кофун 石塚古墳 очень похоже захоронение Гёдо № 4 神門 4 号墳 (г. Итихара, преф. Тиба, регион Канто; о нём подробно см. выше, а также рис. 15); оно указывает на внедрение нового для региона Канто типа элитного (вождеского) захоронения, которое происходило из Кинай; очевидно, этот тип был напрямую заимствован из Макимуку.⁴

Считается, что «квадратно-круглые курганы типа Макимуку» строились в различных регионах страны от Кюсю до Юж. Тёхоку (см. рис. 25 – карту распространения курганов такого типа по всей Японии). Широкое распространение таких относительно однообразных погребальных сооружений – что предвляло последующее быстрое распространение стандартных «квадратно-круглых курганов одинакового типа, - указывает на тенденцию к принятию унифицированного

дартные ДПКЭФ у горы Мива (напр., Исидзука и Хокэнояма), а затем – стандартизированные курганы ДПКЭФ вроде Хасихака (*Kidder J. Edward. Himiko and Japan's Elusive Chieftdom of Yamatai: Archaeology, History, Mythology. P. 249.*

¹ Ряд курганов был создан по форме или технологии Хасихака кофун, напр., Ицукахара кофун (наклонные боковины передней части кургана). Стандартные курганы *кофун* отличаются от насыпей Яёй и ранних нестандартизированных курганов инкорпорированием элементов китайской погребальной обрядности: трехъярусной конструкцией курганов, ориентацией покойной головой на север, использованием киновари (см.: *Tsude Hiroshi. Homogeneity and Regional Variability in Cultures of the Kofun Period. P. 171.*

² При этом отношении длины его передней части к диаметру задней такое же, как у Хасихака кофун; передняя часть у Мотоинари кофун по форме также сходна с одним из шести ранних «царских курганов» Ниситонодзука 西殿塚古墳 (2-я пол. III в.н.э.; 230 м; группа Оямата; преф. Нара), а соотношение общих размеров этих курганов – 1:2,5.

³ Передняя часть насыпи имела форму плектра (*бати*), а ров – форму подковы.

⁴ *Barnes Gina L. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 122.*

вождеского погребального обряда в различных регионах страны.

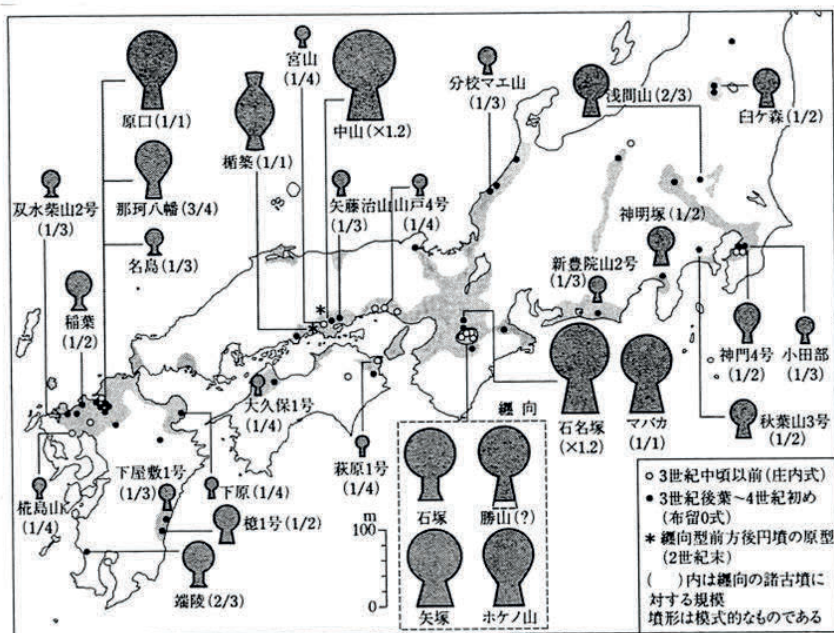

図3 縦向型前方後円墳
寺沢薫, 2008, 文庫版『王権誕生』日本の歴史02, 講談社

Рис. 25. Карта распространения «квадратно-круглых курганов типа Макимуку» по территории Японии (в круглых скобках – соотношение размеров данного сооружения и курганов группы Макимуку (в среднем ок. 90 м): так, Гёдо № 4 составляет ½ от «среднего» кургана Макимуку).

(12) Заключение

В своей предыдущей статье о культуре периода Яёй¹ я, рассмотрев виды и типы бронзовых изделий и их роль в ритуалах периода Яёй, пришёл к выводу, что в этот период бытовали ритуалы двух типов с использованием бронзовых изделий.

Первый тип: индивидуальный воинско-вождеский погребальный обряд с положением в захоронение боевого бронзового оружия и бронзовых (в основном, привозных ранне- и поздниханьских) зеркал. Такой обряд следовал континентальным образцам и имел ограниченное распространение (только на севере Кюсю).

Второй тип: коллективные общинные ритуалы сельскохозяйст-

¹ Бакшеев Е.С. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 28-59.

венного рода с закапыванием в землю ритуального бронзового оружия (мечей, наконечников копий, клевцов; центр – север Кюсю, главный символ – ритуальное копьё) и бронзовых колоколов *дōтаку* (центр – Кинай). Такие специфические ритуалы не имели явных корейских и северокитайских прототипов и были широко распространены от Кюсю до Канто. В конце периода Яёй – начале Кофун (III в. н.э.) в результате качественной трансформации общества произошёл, начиная с региона Кинай, кардинальный переход от разнородных общинных сельскохозяйственных ритуалов (с закапыванием бронзовых изделий) к унифицированному вождескому погребальному обряду, связанному с курганами *кофун* и использованием бронзовых зеркал (в том числе, местного производства), вследствие чего *дōтаку*, хранившиеся в закопанном состоянии, так и остались в земле.¹ При этом, как отмечают археологи, в этот период бронзовые зеркала приобрели большую значимость, т.к. их значение изменилось от объектов общинных ритуалов, которыми они были подобно другим бронзовым изделиям в ходе предшествующего периода Яёй – к символам ранга и престижа в конце Яёй – начале Кофун²

В настоящей статье было показано, что истоки культуры «квадратно»-круглых курганов (*дзэмпō кōэн-фун* 前方後円墳), в частности, их уникальной формы – при очевидном значительном континентальном влиянии – лежат в автохтонной традиции (могильные насыпи Яёй).

В периоды Раннего и Среднего Яёй в погребальной обрядности населения Японских островов происходят значительные изменения, свидетельствующие о больших переменах и в социальной структуре общества, и в системе верований: появляется демаркация захоронения с помощью рва, что свидетельствовало о возникновении представлений о мире мертвых, отличном от мира живых; возник архаичный погребальный культ с использованием ритуальной керамической посуды, предшественницы погребальной пластики *ханива* периода Кофун; на общинных кладбищах для захоронения персон высокого статуса стали выделять особые участки и, позднее, строили могильные насыпи. Как указывалось, в период Позднего Яёй происходит **смена типов ритуала**: вследствие хозяйственного развития и социальной стратификации происходит переход от общинных обрядов аграрного цикла с исполь-

---

¹ См.: *Ishino Hironobu*. Rites and Rituals of the Kofun Period. P. 192; *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 59.

² *Pearson Richard*. Ōsaka Archaeology. P. 27.

зованием *дōтаку* и ритуального оружия к вождеским погребальным обрядам, совершаемым на местах их захоронений.

В результате частично оружие и все *дōтаку*, которые предположительно хранились закопанными в земле¹, так и ушли в клады. В Идзумо, где сочетались оба ритуальных комплекса – и оружия, и *дōтаку*, в процессе поиска ритуальной идентификации в период Позднего Яёй сформировался уникальный тип погребального сооружения – квадратные могильные насыпи с четырьмя выступами по углам.

Однако генеалогическая преемственность курганов, в частности, «квадратно»-круглых (ДПКЭФ), от их предшественников, насыпей *функкōбо* Позднего Яёй, которую мы рассмотрели в статье, сама по себе не может объяснить, почему такая трансформация (появление достаточно масштабных ДПКЭФ) произошла именно в первой половине – середине III в. н.э.² Социально-политический фон за процессом трансформации погребальных сооружений в период Яёй указывает на то, что некая политическая консолидация была достигнута в регионе Кинай (Кинки) до появления курганов *кофун* и, тем самым, предполагает значительную политическую трансформацию, приведшую к процессу унификации и развитию насыпей *функкōбо* в курганы *кофун*.³ А, как отмечают исследователи, курганы *кофун*, погребальные сооружения нового типа, были не «просто могилами»; их появление указывало на развитие нового ритуала элитных (вождеских) захоронений и наследования власти. Появление стандартных курганов одинакового типа в различных регионах означало, что их вожди воспринимали там эти новые ритуалы. Другими словами, появление стандартных курганов *кофун*, согласно Кондō Ёсирō (в изложении Д. Пиггот), означало развитие широкой «конфедерации» региональных политий (вожеств), связанных общими ритуалами вождеских захоронений и наследования власти⁴; «Ямато утвердила себя в качестве главы конфедерации в конце III – IV вв. н.э.»⁵

¹ Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 82.

² В настоящее время среди японских и зарубежных археологов сильна тенденция к удревнению начала строительства курганов *кофун* до середины и даже до первой половины III в. н.э.

³ *Imamura Keiji*. Prehistoric Japan: new perspectives on insular East Asia. P. 191-194.

⁴ Выражаясь фигурально, курганы *кофун* «создали» раннее японское государство (государство Ямато).

⁵ См.: *Piggott Joan R.* Review “The Cambridge History of Japan”, V. 1: Ancient Japan by Delmer Brown // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – 1996. – Vol. 56, No. 1. – P. 217. Из-

III век н.э., время перехода от Яёй к Кофун, – ключевая фаза не только в истории экономической и духовно-религиозной культуры ранней Японии¹, но и в её социально-политическом развитии – в это время в Китай происходит становление японской государственности.² Новые археологические данные и исследования историков могут корректировать даты, но в принципиальном смысле точка зрения М.В. Воробьёва остаётся справедливой и сейчас: «В плане ... историко-культурном необходимо напомнить, что культура позднего яёй и курганная (раннего железного века) достигла расцвета как раз на Центральном Хонсю», «режим Ямато» сложился в конце III – начале IV в. в Центральной Японии.³

Источники и использованная литература:

На русском языке:

1. *Бакшеев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда могари по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. Отв. ред. В.М. Алпатов. – М.: Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2001. – С. 7-25.
2. *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная лит-ра, 2003. – С. 28-59.
3. *Бакшеев Е.С.* Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель / Евгений Сергеевич Бакшеев. – Диссертация ... кандидата культурологии. – М.: Российский институт культурологии, 2005. – 224 с. + Прил. (112 с.).
4. *Воробьев М.В.* Древняя Япония: историко-археологический очерк / Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 119 с.

вестный японский историк Сираиси Таитирō 白石 太一郎 называл (в англоязычном варианте) политическое образование на равнине Нара III в. – IV в. н.э. «Yamato kingly power» («царство Ямато» ヤマト王権) и «Yamato polity» («полития Ямато» ヤマト政權).

¹ *Hudson Mark J.* Rice, Bronze, and Chieftains – An Archaeology of Yayoi Ritual. P. 175.

² *The Cambridge History of Japan. Vol. 1: Ancient Japan / Edited by Delmer M. Brown.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 108; *Кожевников, В.В.* Формирование древнего государства в Японии // Известия Восточного института. – 2017. – № 4/36. – С. 48-49; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато. С. 241. Археолог С.В. Лаптев также отмечает: «...Кинки ... именно оттуда в ... период Кофун 古墳 (III–VI вв.) происходит генезис японской государственности, что показывает иерархия курганов, территориальное распространение бронзовых зеркал и другие факторы. Важно отметить, что этот центр органично происходит из периода Яёй...» (см. статью этого автора в настоящем сборнике).

³ *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 35, 105.

5. *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. – М.: Наука, 1980. – 344 с.
6. *Гнездилова И.С.* Погребальные комплексы периода Кофун (III–VII века нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю, Японский архипелаг (по данным археологии) / Ирина Сергеевна Гнездилова. – Автореферат ... кандидата исторических наук. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2020. – 16 с.
7. *Ермакова Л.М.* Верования и культура Идзумо // Синто – путь японских богов: в 2-х тт. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. I. – С. 122-135.
8. *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – 261 с.
9. История Японии. Т. 1: С древнейших времён до 1968 г. / Под ред. А.Е. Жукова. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.
10. *Кожжевников В.В.* Формирование древнего государства в Японии // Известия Восточного института. – 2017. – № 4/36. – С. 48-61.
11. *Лаптев С.В.* Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н. э. / Сергей Валерианович Лаптев. – Диссертация ... кандидата исторических наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 262 с.
12. *Мещеряков А.Н., Грачёв М.В.* История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002. – 512 с.
13. *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации: Нара. История, религия, культура / Г.Е.Светлов. – М.: Искусство, 1994. – 271 с.
14. *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 8-45.
15. *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. – Вып. 11-й. – С. 241-318.
16. *Суровень Д.А.* Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22/3. – С. 701-713.

На западноевропейских языках:

17. *Amakasu Ken.* The Significance of the Formation and Distribution of Kofun // ACTA ASIATICA. – 1977. – No. 31. – P. 24-50.
18. *Barnes Gina L.* Protohistoric Yamato: Archaeology of the first Japanese state. – Ann Arbor: University of Michigan, 1988. – 473 p.
19. *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – xxi, 261 p.
20. *Barnes Gina L.* Kofun: mounded tombs of Japan and Korea // Oxford Com-

- panion to Archaeology. 2nd ed. / Ed. by Neil Asher Silberman. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – Vol. 2. – P. 193-194.
21. *Barnes Gina L.* A hypothesis for Early Kofun rulership // *Japan Review*. – 2014. – No. 27. – P. 3-29.
  22. *Ellwood R.S.* The Sujin religious revolution // *Japanese journal of religious studies*. – 1990. – No. 17/2-3. – P. 199-217.
  23. *Hudson Mark J.* Rice, Bronze, and Chieftains – An Archaeology of Yayoi Ritual // *Japanese Journal of Religious Studies*. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 139-189.
  24. *Hudson M.J., Barnes G.* Yoshinogari: A Yayoi Settlement in Northern Kyūshū // *Monumenta Nipponica*. – 1991. – Vol. 46. – No. 2. – P. 211-235.
  25. *Imamura Keiji.* Prehistoric Japan: new perspectives on insular East Asia. – London: UCL Press, 1996. – x, 246 pp.
  26. *Ishino Hironobu.* Rites and Rituals of the Kofun Period // *Japanese Journal of Religious Studies*. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 191-216.
  27. *Kidder J. Edward.* Himiko and Japan's Elusive Chieftaindom of Yamatai: Archaeology, History, Mythology. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – 416 p.
  28. *Mizoguchi Koji.* The Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – xix+371 p.
  29. *Pearson Richard.* Ōsaka Archaeology. – Oxford: Archaeopress, 2016. – 136 p.
  30. *Piggott Joan R.* Review “The Cambridge History of Japan, V. 1: Ancient Japan by Delmer Brown” // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – 1996. – Vol. 56. – No. 1. – P. 208-227.
  31. *The Cambridge History of Japan. Vol. 1: Ancient Japan* / Edited by Delmer M. Brown. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – xxvi, 602 p.
  32. *Torrance Richard.* The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods // *Japan Review*. – 2016. – No. 29. – P. 3-38.
  33. *Tsude Hiroshi.* Chiefly lineages in Kofun-period Japan: political relations between centre and region // *Antiquity*. – 1990. – Vol. 64. – P. 923-929.
  34. *Tsude Hiroshi.* Homogeneity and Regional Variability in Cultures of the Kofun Period // *Interdisciplinary Perspectives on the Origin of the Japanese. International Symposium*. – Kyoto: IRCJS, 1996. – P. 169-179.

На японском языке:

35. Кофун дзитэн 古墳辞典 / Сост. Ёцука Хацусигэ 大塚 初重, Кобаяси Сабурō 小林 三郎 (編集). – Токио 東京: Токёйдō сёшпан 東京堂出版, 1982. – 482 с.
36. Нихон кōкогаку кодзитэн 日本考古学小辞典 / Сост. Эсака Тэруя 江坂 輝彌, Сэридзава Тёсукэ 芹沢 長介, Сакадзумэ Хидэити 坂詰 秀一 (編集). – Токио 東京: NEW SCIENCE CO. ニュー・サイエンス社, 1983. – 425 с.

37. Рэттō-но тиики бунка 列島の地域文化 / Сост. Мори Кōити 森 浩一 (編者) // Нихон-но кодай 日本の古代. – Токио 東京: Тјōб кōронся 中央公論社, 1986. – Т. 2. – 422 с.
38. *Сахара Макото* 佐原 真. Нихондзин-но тандзэ 日本人の誕生 // Тай-кэй Нихон-но рэйкиси 大系 日本の歴史. – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1987. – Т. 1. – 350 с.
39. *Танака Мигаку* 田中 琢. Вадзин сōран 倭人争乱 // Нихон-но рэйкиси 日本の歴史. – Токио 東京: Сјōэйся 集英社, 1991. – Т. 2. – 350 с.
40. *Ямада Рёдзō* 山田良三. Босэй дзјō-но надзо 墓制 1 0 の謎 // Рэйкиси ёмихон 歴史読本. – 1982. – № 27/5 (347). – С. 96-102.

Baksheev E.S.

Mound-Burials of the Yayoi Period, the predecessors of the Mounded Tombs of the Kofun Period, in the historical and cultural context of the era

The article examines the main types of mound-burials 墳丘墓 of the Yayoi period (ca. V c. BC – III c. AD), in particular: round (円形周溝墓) and square moated precinct burials (方形周溝墓) with one or two projections, square mounds with four corner projections (四隅突出形墳丘墓) of the San'in region, large round and square mound-burials (with projections) of Late Yayoi, 'Makimuku-style' keyhole mounded burials of the transition period from Yayoi to Kofun, etc.

Small moated precinct burials of the Early Yayoi period, with the projection from the main mound serving as a land-bridge access from outside the moat into the burial precinct, were only the forerunner of keyhole tombs of the Kofun period with round or square rear mounds, while large mound-burials of Late Yayoi can be already considered a prototype of the *kofun* keyhole tombs. Mounded tombs of the Kofun period appeared due to the synthesis of many local features of Late Yayoi mound-burials 墳丘墓, particularly, cylindrical *haniwa* funerary sculptures developed from the Kibi decorated jar and jar-stand combination placed as offerings on top of the Yayoi mound-burials (Okayama Pref.). There is an obvious genealogical relationship between Late Yayoi mound-burials and mounded tombs of Early Kofun; for example, keyhole tombs with round rear mounds (前方後円墳) represent a development of a round mound-burial with one square projection.

However, keyhole-shaped 'Makimuku-style' mounded burials 纏向型前方後円墳, the immediate mound-burial forerunners of standardized keyhole tomb tradition embodied by Hashihaka kofun (Kinai), appeared in the early to mid-3rd century A.D. in the Miwa area of Nara plain at Makimuku site (modern Sakurai city) which was the location of Miwa polity and the birthplace of the nascent Yamato state. Thus, the origins of the keyhole tomb culture, in particular, of the unique keyhole form, – with an obvious significant continen-

tal influence – are in the autochthonic tradition of the Yayoi mound-burials. At the same time, the process of politogenesis took place intertwined with the formation of the “Mounded Tomb Culture”. The appearance of the standardized keyhole tombs in different regions signaled development (in the 3rd–4th centuries AD) of Yamato-led confederacy uniting several chiefdoms bonded by common rituals of chiefly burial and succession.

Keywords: Yayoi; Kofun; round 円形周溝墓 and square moated precinct burials 方形周溝墓; Yayoi period mound-burials 墳丘墓; square mounds with four corner projections 四隅突出形墳丘墓; ritual pottery stands and accompanying jars; *haniwa*; ‘Makimuku-style’ keyhole mounded burials 纏向型前方後円墳; mounded tombs 古墳; keyhole tombs with round rear mounds 前方後円墳; Hashihaka kofun, Makimuku site; Miwa polity; social stratification; state formation; Yamato State.

Baksheev Evgeny Sergeevich – Ph.D. in Cultural Studies, Consultant at the New Institute for Cultural Research (Russia, Moscow).

E-mail: e.baksheev@yandex.ru

Barnes G.L.

TWIXT ARCHAEOLOGICAL AND TEXTUAL EVIDENCE IN PROTOHISTORIC JAPAN

This paper was developed out of research for my doctoral dissertation¹, then elaborated by considering the relationship between texts and archaeology. An initial study of the material was published following my dissertation submission², and then it was developed for a lecture given at a symposium held at Niigata University in 2002. This version combines the latter two, retaining the original references intact, with extensive data and some updated considerations. It is offered here to stimulate thoughts about further value in studying the ancient Japanese chronicles in relation to archaeological finds. I cite much of my former work on this and related topics; further references to other sources can be found in these publications.

Keywords: Japanese Protohistory, Settlement Archaeology, Historical Archaeology, Textual Criticism.

The nature of ‘Protohistory’

The advent of writing marks a tremendous watershed in the operation of ancient societies as well as in archaeology’s role in elucidating them. To be able to draw on the records of the people themselves not only gives us an inside perspective on how they thought, but also provides us with innumerable details not recoverable through the excavation of decayed and incomplete material remains. However, neither material nor documentary evidence is perfect: both have in-built biases, and neither is a ‘reflection’ of reality. Material remains often do not survive well – or at all – and may even serve to mask rather than represent realities, while documents were often manipulated during their writing for specific – often political – purposes. Used together, however, they complement each other in their kinds and quantities of information, although archaeological evidence gives a much longer-term view than does the written evidence.

Gina Lee Barnes – Professor Emeritus of Japanese Studies, Durham University (Durham, *England*); Project Affiliate, Department of Earth Sciences (Durham, *UK*); Professorial Research Associate, Department of Art and Archaeology, and Japan Research Centre, School of Oriental and African Studies, University of London (Russell Square, London WC1H 0XG, *UK*).

E-mail: gb11@soas.ac.uk

¹ Barnes 1983, 1988.

² Barnes 1984.

There is a distinct difference between the historic and protohistorical periods in terms of the nature and use of documentary evidence. Three meanings of ‘protohistoric’ give different renditions of ‘history’:

1. ‘Protohistoric’ as TRANSITIONAL: this is the period in which a certain society develops its form of writing, when it is applied to perhaps only certain situations and may not be used to write conscious ‘history’. The oracle bones of China are perhaps one example of a transitional system of writing, where the writing – at least that which survives – was used only for recording of divinations. Japan did not experience this period since it adopted a fully fledged form of writing from China which was already used to write conscious history, and Japan’s modification of the writing system – the development of the *kana* syllabary – came already at a point when society was fully historic.

2. ‘Protohistoric’ as the DISTANT VIEW: this is the view of a society which has a written language on a neighbouring one which does not yet have its own writing system. The Romans writings about the Gauls and Huns – and even modern ethnographies – are examples of the distant view, as are the Chinese writings about the Samhan on the Korean Peninsula and the Wa peoples in the Japanese archipelago. Such texts have their own unique problems in that they incorporate the moral and structural values of the writers rather than those written about, and the interpretations of the neighbouring society are filtered through the understanding of people participating in a very different, and often more structurally elaborate, socio-political system. The *Hou Han Shu*¹ and the *Wei Zhi*² are two Chinese texts which give distant views of the later Yayoi period in the Japanese Islands.

3. ‘Protohistoric’ as the RETROSPECTIVE VIEW: this is a view that extends back into the past, where the documents are written long after the event and rely on compilation and interpretation of various fragmentary documents or oral history to produce a narrative of the past. The *Samguk Sagi*³ and *Samguk Yusa*⁴ chronicles of Korea are such histories with a retrospective view, as are the *Kojiki*⁵ and *Nihon Shoki*⁶ of Japan. Often such do-

---

¹ *Hou Han Shu*, Anon 1962a.

² *Wei Zhi*. Anon 1962b.

³ *Samguk Sagi*, Kim (1985[1185]).

⁴ *Samguk Yusa*, Ilyon (1972).

⁵ *Kojiki*. Kurano & Takeda 1958.

⁶ *Nihon Shoki*. Sakamoto et al. 1965.

cuments are compiled with specific political purposes of contemporary society, manipulating the past to accomplish those purposes.

The Yayoi and Kofun periods of Japanese archaeology are each protohistoric in different senses: Chinese documents provided a distant view of Middle and Late Yayoi society; and the 8th-century court chronicles, especially the *Nihon Shoki*,¹ provided a retrospective view of the Kofun period and perhaps including even earlier data.

Document and material culture relations

The archaeology of protohistoric or historic periods presents special methodological problems in integrating the diverse kinds of information offered by material remains and written records. Dymond was an early proponent of full coordination between documentary and archaeological material²:

as historians, we have a moral duty to find out as much of the truth as possible and should therefore be prepared to use whatever evidence survives. If it is of different kinds, then we must use it in all of its variety and coordinate it....

“Coordination” may take place in three different guises that I have identified:

1. The Illustrator approach
2. The Elaborator approach
3. The Challenger approach

The Illustrator approach is often called the ‘handmaiden’ method, in which archaeological data play a subservient and passive role to history: material remains are used to substantiate and illustrate what is already assumed to be known from the written records. This approach encourages a “see it for yourself” attitude to archaeology and is heavily employed in museums. However, archaeological materials used in conjunction with the historical can be misused and abused if employed only to illustrate what is known from texts: if the researcher focusses only on trying to recreate a mirror image of the historical document with material objects, the richness and potential of the archaeology to tell a different story is ignored.

---

¹ The *Kojiki* was submitted to the Nara Court in AD 712, the *Nihon Shoki* (also called *Nihongi*) in AD 720.

² Dymond 1974: 99.

But particularist research (i.e. concentration on specific events, things, and persons rather than general or universal trends) does not necessitate such a limited focus: it can equally well employ archaeological materials “to embellish and correct the written record”.¹ According to Cotter, these approaches of embellishment and correction (in the terms employed here, Elaborator and Challenger) have been major aims of historical archaeology in the United States. The Elaborator approach uses archaeological data to investigate what is NOT known from the historical records. In this sense, archaeology serves to complement history, providing the missing data of “what history doesn’t tell you!” The Challenger approach is disputative and substitutive: archaeological data are used to correct impressions misleadingly garnered from the written evidence or provide a completely different view from what is historically known.

A major difference between these approaches is the primacy placed on either materials or documents. Historians naturally look first to the historical records, and much particularistic research done even by archaeologists places primary emphasis on the documents. Such ‘text-aided archaeology’ has been said by Charlton² to characterize research on the Classical world in general, with the written word guiding the material investigation. It is also characteristic of archaeology in China.³ If, on the other hand, the archaeology is given primary focus, then the story of the past is first created from the material remains in terms of general patterns of behaviour and changes in those patterns over time. The results are then ready for comparison with the historical texts to see how well they accord with each other. This approach encourages the tendency to challenge or elaborate the historical record because the documents are considered secondarily to, or at least separately from, the material record.

A comparison of these different approaches that I have drawn up shows the differences across a spectrum of variables:

	Primacy of:	Nature of comparison:	Timing of comparison:	Matching of:
Illustrator	texts	mirror	from start	particulars
Elaborator	texts	complement	at end	time/space
Challenger	material	correction	at end or as an alternative	no matches

¹ Cotter, J.L. 1976: 150-151.

² Charlton 1981: 137.

³ von Falkenhausen 1993.

In American archaeology, the strategy of separating the historical and archaeological data for later contrast and comparison, i.e. the Challenger approach, is promoted by Leone¹:

A bit of freedom may be available if documents and archaeology are given different epistemological statuses. Since even within one society, the artifacts and written records were used and produced by different people, for different purposes, at different times, and survived for different reasons, we may be able to see them as independent and unidentical phenomena. That will prevent seeing documents as time machines that can speak directly about artifacts. Such an assumption may preserve or create a by-play between these two realities as a way of learning about the past.

In keeping the analyses of the documentary and material evidence separate, one can clearly see points of convergence and divergence when they are finally compared; it is then up to the analyst to explain why and how these differences occurred, not which one of them is correct.

Archaeological analyses of texts

A somewhat different approach than the above is to apply archaeological pattern recognition to the contents of documents themselves, to see if the *patterns* rather than the *details* can be correlated with the archaeology. Textual patterning, once elucidated, can then be contrasted, evaluated, and finally integrated to provide the best approximation for understanding the past. In the words of Cressy and Stephens²:

The settlement and material patterns form two distinct, but analytically related, categories that are defined from different data sources – documents and material culture. Both are derived from the same historical processes, and their integration is necessary for reliable generalizations.

This is a very different kind of ‘plea for reconciliation’ of diverse historical and archaeological materials than that made by Dymond: it is a strategy of extracting patterns, not of matching individual items of data.

---

¹ Leone 1988: 33.

² Cressy and Stephens 1982: 43.

One of the earliest efforts systematically to extract patterning in textual materials to serve as a model for archaeological investigation is seen in Tobler and Wineburg.¹ This essay speculated on the possible placement of towns involved in the pre-Hittite network of Assyrian merchant colonies in Bronze Age Anatolia. The database was comprised of cuneiform tablets on which town names were mentioned without any other geographical details. The authors hypothesized that the mere juxtaposition of names implied a relationship between towns, and they translated that relationship by computer into geographical distance using the gravity model by incorporating the assumption that “places which are mentioned together frequently are probably closer together than are places which are not mentioned together frequently”.² The output of the analysis consisted of the predicted geographical locations of 62 important pre-Hittite towns vis-à-vis each other. Unfortunately, the output contained a probable error of 50 km for town locations when compared with a map of town positions with reference to records of itineraries. But the authors were optimistic, maintaining that both computer- and itinerary-based maps were not real but were products of speculation by the compilers on the sparse information embedded in the cuneiform documents. Therefore, both could be used to hypothesize actual town locations to be tested archaeologically.

Tobler and Wineburg’s study has much to recommend it because it is essentially an effort to systematically extract unintentionally recorded data from historical documents. Since the original record-keepers presumably had no reason to distort town location data, the interaction data available in their statements could be gleaned through indirect methods. It can be supposed that almost any historical records might inadvertently contain such coded information and that if it can be extracted, the resulting pattern might be useful in archaeological investigation.

This use of historical documents – as source materials for extracting systematically embedded data, especially information on settlement patterns – is now routine procedure for many historical archaeologists working on urban sites in the United States. The search for pattern in documentary sources is for them ideally carried out “before putting a trowel into the ground”³, but under rescue constraints this temporal separation of documentary and archaeological research is not always feasible. Nevertheless,

---

¹Tobler and Wineburg 1971.

²Tobler and Wineburg 1971: 39.

³Creassy & Stephens 1982: 53.

research in these two realms is treated as independent until the time when they can be cross-checked and tested against each other and then integrated to provide as full an account of past society as possible.

Can protohistoric archaeologists learn anything from this approach in historical archaeology? Unlike the full historic archaeologist who may have direct access to bureaucratic documents such as modern land-holding records of Cappadocian merchant's tablets, protohistoric archaeologists most often deal with narrative histories that indirectly cover their periods of interest. If a pattern-searching approach is adopted for the extraction of data relevant to past process from these narrative histories, we must first learn the textual critics' tricks for identifying patterns in historical texts which reveal biases in the recording process itself, rather than in the past which it is documenting. The search for pattern to expose collection and recording bias is the foundation of textual criticism. These patterns reveal genealogical fictions, duplicative or discontinuous sequences, etc. When linguistic or transcriptional difficulties are added to the processual and textual problems, additional levels of pattern-solving become necessary. Only when these basic transcriptional and textual patterns are known to our best ability can we transcend them to look at patterns which might actually reflect on historical process.

As a case in point illustrating some of the problems inherent in protohistoric archaeology, let us turn to the 8th-century Japanese court chronicles. Two instances of finding patterning in the texts are exemplified below. Thereafter, two case studies in historical archaeology are presented: one reviewed on the basis of other scholars' research on the Horserider Theory, and one new analysis offered as a contribution to settlement pattern studies. Each exemplifies in its own way the difficulties and delights of coordinating archaeological and documentary data.

Use of pattern-identification in textual criticism

The early Japanese chronicles are political products of their times. The *Kojiki*, finalized in AD 712, and the *Nihon Shoki*, finalized in AD 720, are expert reworkings of previously extant records and documents that preserved genealogical descent relationships among the elite as well as anecdotal information about times past. The reworking of this material was undertaken to provide the imperial family with a continuous history of descent through many generations from the "Age of the Gods" to their time, and it formalized the relationships between elite families while providing them also with genealogical connections to past rulers or gods. In 815, the

clans of early Japan were classified into *shinbetsu* (descent from the gods), *kobetsu* (descent from former sovereigns), or *banbetsu* (foreign ancestry), with the lineages compiled into the book, *Shinsen Shōjiroku*¹, for the Imperial Court. These specifically political aims in compiling the chronicles have contributed to innumerable textual problems, mainly concerning chronology and, not surprisingly, kinship relations. Some of these problems are fairly easily recognized, as with the ‘assignment’ of ancestors to the early clans. In the *Kojiki*, for example, many of the genealogical specifications occur as interlinear glosses, shown here in square brackets, clearly applied *post facto* to earlier documents²:

There was born the child AME-OSI-TARASI-PIKO-NO-MIKOTO; next, OPO-YAMATO-TARASI-PIKO-KUNI-OSI-BITO-NO-MIKOTO. (Two children) The younger brother... ruled the kingdom. The elder brother... [*is the ancestor of the Omi of Kasuga, the Omi of Opo-yake, the Omi of Apata, the Omi of Wo-no, the Omi of Kaki-no-moto, the Omi of Itipiwi, the Omi of Opo-saka, the Omi of Ana, the Omi of Taki, the Omi of Paguri, the Omi of Tita, the Omi of Muza, the Omi of Tuno-yama, the Kimi of Ipi-taka in Ise, the Kimi of Itisi, and the Kuni-no-miyatsuko of Tika-tu-apumi.*]

In other instances, the narrative genealogies are inconsistent enough to give us an instant glimpse of their falsehood. In his footnotes to the *Kojiki*, Philippi states concerning one recording³:

This marriage... is perhaps the most fantastic of all the marriages in the *Kojiki*: if we are to believe the *Kojiki*'s own genealogy, Emperor Keiko is marrying his own great-great-grand-daughter.

The revealing of such systematic manipulation of the texts for genealogical purposes is one example of textual criticism that allows revelation of the compilers' biases and aims.

Meanwhile, the very fact that these early documents, written in *kan-bun* text (classical Chinese with annotations for reading in Japanese word order), have been translated into modern Japanese complete with pronun-

---

¹ Kurita 1910.

² as presented in Philippi 1969: 189.

³ Philippi 1969: 229.

ciations for names (not present in the *kanbun* documents) means that the annotators themselves have expended enormous energy in finding patterns in order to attach the proper Japanese pronunciations to the Chinese characters. The resulting texts including both the *kanbun* and Japanese with *furigana* pronunciations are published in the standard NKBT series, which I am employing in this study.

Use of pattern-identification in social analysis

Two further examples of master detective work by MIZUNO Yū and KANDA Hideo respectively concern entire dynasties of emperors, revealing interesting aspects of the social structures in the time covered. Pre-war Japan claimed to have the longest continuous record of descent among modern constitutional monarchies, reaching back to 660 BC when Jinmu, grandson of the god who descended from the heavens to rule the Central Land of Reed Plains (Yamato) allegedly took the throne. Mizuno demonstrated that the imperial line as recorded in the 8th-century chronicles even then incorporated three distinct lines of kings which he terms the Old (4th century), Middle (5th century) and New (6th century on) Dynasties.¹ Kanda, on the other hand, investigated the succession of the eight kings between the legendary Jinmu and the beginning of the Old Dynasty and decided that they were not successive at all but were probably contemporaneous leaders whose mutual marriage and kinship relationships had been reworked to show genealogical descent.² Thus was the claim of Japanese imperial continuity, at least from these early centuries, challenged in the immediate post-war period; instead, a picture of discontinuous shifts of power emerged from the documents.

Mizuno's Middle Dynasty was partially identified on the basis of a difference in succession rules from those of the Old (Sujin line of kings) and New (Ojin line of kings) Dynasties, with fraternal succession – the so-called Northeast Asian succession pattern – characteristic of 5th-century kings. The facts that the pattern had a continental referent and occurred in the 5th century made Mizuno's Middle Dynasty dovetail with the change of regime postulated by the Horserider Theory, proposed by EGAMI Namio in 1948³, of continental invasions as the origins of the early Japanese state. This discontinuity between the 4th and 5th centuries and the postulated

---

¹ Mizuno 1952.

² Kanda 1959.

³ cf. Egami 1964.

non-local derivation of the Middle Dynasty comprise one of the most difficult problems in Japanese archaeology today: determining whether the hierarchical political structure we see emerge in the early 5th century was a product of conquest, competition, or indigenous elaboration.¹

The Horserider Theory as proto-historical archaeology

The Horserider Theory–Middle Dynasty linkage is an interesting and unusual case study in the methodology of historical archaeology. It is unusual because the Horserider Theory was first created inductively from archaeological materials themselves by Egami rather than led by the texts. As an archaeologist of Central Asia, Egami was familiar with horse-riding equipment and Scythian art styles, both of the steppe region in ancient times. When examining the horse-gear being excavated from Kofun-period tombs in Japan, he was struck by the similarities in object and style with his Central Asian prototypes. From these material comparisons, he constructed a hypothesis of horse-riders sweeping down from the continent into Japan to build the great 5th-century tombs on the Osaka Plains and initiate the first state-level government in Japan. Even in material terms, this theory has many problems – first and foremost as demonstrated by Edwards² – that the florescence of horse-riding equipment post-dates the building of the monumental tombs assigned to the Middle Dynasty sovereigns by at least half a century. Another objection is that the 5th-century tombs are merely aggrandized versions of tombs already characteristically being built in the 4th century in Japan and do not indicate in and of themselves a conquest or change of regime (why wouldn't the conquistadors build tombs in their own imported style rather than continuing the local style of entrenched leadership?). Finally, Egami collapsed Middle (5th century) and Late (6th-7th centuries) Kofun periods and treated them all as Late Kofun, when these periods had distinct archaeological assemblages; this resulted in horse-riding equipment occurring in the 6th century being assigned an early 5th century start. Moreover, what is meant by a 'state' in organizational terms as distinct from political shifts of 'regime' was never addressed by Egami.

Egami did, however, try to identify the conquistador through recourse to the texts. He focussed on the Japanese name of the 10th sove-

---

¹ cf. Ledyard 1975, and Edwards' 1983 rebuttal.

² Edwards 1983.

reign Sujin (generally recognized to have been the first ‘real’ sovereign recorded in the chronicles), Mimaki-iri-biko-iniwe-no-mikoto; he equated the ‘Mima’ element with the name Mimana, a Japanization of the Korean Imna referring to the Kaya area of the southern Korean Peninsula.¹ He then equated the *ki* element with a word for ‘palace’ or ‘castle’. Egami’s inference on the meaning of Mimaki’s name was derived from analogy with later, 7th-century emperors who were often referred to in the chronicles by the names of their palaces (*miya*) such as Ikenobe-no-*miya*-no-ame-no-shita-wo-shiroshimesu-sumera-mikoto (August lord ruling under heaven of the palace of Ikenobe), or the equally august lords of the palaces of Osaka or Toyura.² He extrapolated the naming pattern backwards two dynasties and three centuries in time to apply to the name of Mimaki in order to support his theory of continental conquest. Thus, Egami stated that “we can now infer that [Mimaki] lived in a palace located at a place known as Mima”³; equating that with the placename Mimana on the southern Korean Peninsula,⁴ he postulated Mimaki’s movement from there across the straits as the first historically acknowledged sovereign (=Sujin), representing the conquest of Japan by foreign horseriders. Among other problems, the difficulty is that Sujin was an Early Kofun sovereign, not a Middle/Late Kofun sovereign.⁵

In addition to criticisms levelled at Egami by Ledyard for postulating peninsular peoples of the southern coast as peaceful agrarians on the one hand and aggressive warriors on the other hand⁶, Egami’s use of the documents can clearly be categorized as a matching exercise of the simplest form: picking and choosing particularistic details in the texts to mirror the image he built from archaeological data. This is the opposite of what usually happens in the ‘Handmaiden’ or ‘Illustrator’ approach of historical archaeology, where archaeological data are selectively searched for or chosen to illustrate the texts. Needless to say, Egami’s naming of Sujin as the conqueror never achieved currency in historical circles, partly due to the mismatching

---

¹ see Barnes 2001: 38-40, and chapter 7.

² Egami 1964.

³ Egami 1964: 60.

⁴ The Japanese pronunciation of Korean Imna. There is a whole literature on the significance of ‘Mimana’ in the history of Japanese colonialism, see Barnes 2001: 38-40 for starters.

⁵ according to the revised chronology presented in Kidder (1959); see footnote ‘e’ for table 1.3 in Barnes (2007).

⁶ see Ledyard 1975.

of the chronology concerned.

However, Mizuno's discovery of the patterned succession of continental affiliation in the 5th-century chronicles seemed to confirm Egami's theory of foreign rulership. Mizuno was working from the texts alone, finding patterning in the documentary evidence. This methodology accords with the stricture above that data from different sources should be kept separate and analyzed independently, then the results compared. When Mizuno's work was brought together with Egami's version of the archaeological record, there seemed undue concordance in the matching of 5th-century social processes. Consequently, the Horserider Theory has been accepted into many circles of Japanese historical research and is a common understanding of the Japanese public; Korean writers in particular are still adamant concerning a Paekche conquest of Yamato à la Ledyard's interpretation.

Archaeologists have always been dismissive of Egami's manipulation of the chronological periods to attain his view of the role of material culture, among other concerns¹, thus invalidating the basis of his whole hypothesis. More recently, archaeologists have been plumbing the documentary record for data to support their rejection of the Horserider theory.² I myself believe that a 'conquest' was not necessary to account for many similarities of 5th-century Japan with the continent; the political, cultural, economic, and even familial ties between Yamato and the polities of Kaya and Paekche on the Korean Peninsula are more than sufficient to illustrate the existence of extensive interaction and exchange resulting in many material similarities in the 5th century. This argument, however, must be put aside here in favour of using Egami's juxtaposition of Mimaki and Mimana to begin an investigate Kofun-period settlement patterning.

Archaeological evidence of elite residences

In researching the settlement pattern of the Nara Basin during the period of state formation,³ the lack of clear settlement remains of the Kofun period was frustratingly puzzling. Nara archaeologists explained the lack of settlements for this time period as due to the razing of the land later when the *jōri* land-divisioning system was emplaced from the late 7th century onwards; the levelling of the surface for both systematized paddy fields and urban palace sites was cited as the means of destruction of the immediately

---

¹ see Edwards 1983; Kirkland 1981; Kidder 1985.

² Sahara 1996; Best 1990.

³ Barnes 1983, 1988.

preceding archaeological record. However, indestructible materials such as potsherds and stone tools would not have just disappeared in razing the landscape; though the sites and features may have been destroyed, artefacts would have been shovelled off and dumped in a land fill area. This is the essence of the model of ‘earth cycling’ presented in my dissertation research.¹ Such a razing of the landscape is now attested at various archaeological sites and was confirmed indirectly in our investigations of the Miwa site in southeastern Nara², chosen because of the naming of Shiki (Shiki-gun, Nara Prefecture) as the palace site of the 4th-century sovereigns Sujin (Mimaki) and Suinin. Our excavation revealed a total absence of mid-1st millennium AD strata and artefacts; where we had hoped to find evidence of an incipient state conurbation, what we recovered was Middle Yayoi (ca. AD 0) immediately overlain by Medieval (ca. AD 1000) materials and features. We assume that the intervening layers had been razed for terrace construction.

Two early artefact discoveries in the history of Japanese archaeology suggested that elite residences were organized around a courtyard comprised of several buildings. The ‘house’ mirror from Samida Takarazuka Kofun in Nara illustrated four types of buildings which may have formed a courtyard structure of an elite residence.³ The nine *haniwa* (funerary sculpture) buildings recovered from Akabori Chausuyama Tomb in Gunma Prefecture are even more definitive, having been physically arranged in a courtyard layout with several different types of structures represented.⁴ In 1983, I concluded from my doctoral research that detached housesteads were most likely the form of Kofun-period elite residence in a dispersed settlement system in the Yamato area. These were quite differently conceived than the moated villages (*kangō shūraku* 環濠集落) which were known from Middle and Late Yayoi periods in Nara and elsewhere, and those dry-moated (*takachi shūraku* 高地性集落) sites especially built in the uplands for fortification.⁵ As far back as 1983, I noted that⁶:

the demarcation of land and enclosure with fences is known both in the use of *Haniwa* on tombs and in the roping off of

---

¹ Barnes 1983, 1988.

² Barnes and Okita 1993.

³ see Barnes 1988: fig. 76.

⁴ see Barnes 1988: fig. 85.

⁵ see Barnes 1988: 215, fig. 37.

⁶ Barnes 1983: 254.

shrine grounds as seen in the literature...These patterns of activity could have been intimately related to house site enclosure...as known later in the early historical period.

The first Late Yayoi site that proved to be moated *and* palisaded came from the excavations in the late 1980s of the Yoshinogari site in Kyushu¹, confirming the *Wei Zhi* description of Yayoi settlements. It is now assumed that many of the moated Yayoi sites had been accompanied by palisades. Around the same time, excavated features of elite moated house compounds, described with the historical terms 館 (=yakata 家形, *yashiki* 屋敷) or 居館 *kyokan*, began to appear, but these generally belonged to the Late Kofun period. They differed from moated villages in that they were not village size and did not occur surrounded by commoner housing. Mitsudera site, discovered in Gunma Prefecture in 1981–82, was the first *kyokan* to be recognized; the nearby Umenoki site, excavated in 1985, included a palisade of at least 33 postholes.² In 1986 a moated palisaded *kyokan* was excavated at the Matsuno site in Hyōgo Prefecture.³ Then in the early 2000s, a 6th-century *kyokan* was discovered at the Kitayatsu site near Mitsudera in Gunma.⁴ More recently a *kyokan* was identified at the Migihara Gion-chō site in Fukuoka Prefecture.⁵

It is now recognized that in many areas of Japan, at least some Late Kofun-period elite resided in compounds that were separate from agricultural villages / hamlets. Many studies have been made of the artefacts and features discussed above in order to reconstruct the architecture of their buildings.⁶ Thus, we have archaeological evidence for moated settlements or moated residences with or without palisades for the Late Yayoi and late Kofun periods. Acknowledging that *kyokan* is a historical term projected back onto the protohistoric archaeological record, were any of these called *ki* in their own time, as proposed by Egami? And what of discoveries in the Nara Basin where Mimaki allegedly established his new capital?

---

¹ Saga-ken 2003; Hudson & Barnes 1991.

² GARF 1981, 1985, 1989-91; does *umenoki*, i.e. *umerareta ki* ‘buried trees’ rather than ‘plum-tre’e, indicate an ancient placename for a fort, corresponding to the palisade findings??

³ Kobe-shi 2010.

⁴ Gunma-cho 2005.

⁵ Kanzaki-shi 1996.

⁶ e.g. Morris 1999.

Elite residences in the documentary record

I turned to the chronicles for information on what to expect for the Kofun-period settlement pattern in the heart of the Yamato state area. There is virtually no mention of towns in the *Nihon Shoki*, but village names are common. A quick survey of settlement types below in the Sujin through Chūai chronicles (late 3rd to early 4th centuries) suggests that *mura* was the most common settlement type in the *Nihon Shoki* (Table 1). The most frequent character for it is 邑; while this character can mean ‘village’, it was a territorial division in Korea and a walled town in early China. It is a Sino-Korean adoption that superseded 村, but is it significant that the character 邑 originally referenced walls? As for houses, there are three types: 室 *muro*, a pit-house characteristic of prehistoric times; 家 *ie* inhabited by non-elites; and *miya* ‘palace’, formed of an honorific *mi* + house *ya* 屋 but represented as 宮¹, which was consistently used by nobles and royalty. In the early chronicles, the term was most frequently applied to temporary ‘palaces’ 行宮 erected for perambulating sovereigns (Table 1). Aston notes that *miya* and *miaraka* were interchangeable.² In later chapters, elites are characteristically stated to visit each other’s ‘houses’ (家 *ie*), which are never designated as situated in greater urban units. Historical geographers, working from a different angle, noted that the settlement pattern of early historical Japan was most likely dispersed, for how else could the Ritsuryō government designate administrative units of set numbers of houses (50 houses per ‘village’, divided into two or three ‘hamlets’).³ In the Heian period, some isolated housesteads are documented as being surrounded by non-residential land, ranging in size from ca. 350 m² to over 3.5 ha, probably including garden plots within, and alienable via single-holding sale transactions.⁴ Ono early on questioned the representation in archaeological finds of many settlement and architectural types mentioned in the documents,⁵ and I consider this study to follow in that vein.

---

¹ I do not deal with *miyake* here, as they are a 7th century development; but the word follows the same structure, as honourific *mi+yake* ‘house’ 家・宅.

² Aston 1972[1896]: 220 fn. 7, 8.

³ e.g. Kiyama 1978; Kinda 1971.

⁴ Kinda 1971.

⁵ Ono 1959.

Table 1. Examples of village and house terms in Sujin line of kings' chronicles

	gloss	<i>Nihon Shoki</i> I: 236-329	<i>Kojiki</i> pp. 179-261
VILLAGES			
郡家	<i>mura</i>	258	
邑	<i>mura</i>	260, 265, 266, 272, 289, 294, 296, 302, 314, 318	
邑里	<i>mura</i>	318	
隣里, 里	<i>sato</i>	312	201
村	<i>mura</i>	260, 302	178, 221
HOUSES			
居	<i>ie</i>	295	
屋	<i>ya</i>	298	
宮屋	<i>miya</i>	324	
家	<i>ie, ihe</i>	276, 278, 284	208, 212, 221
許	<i>moto</i>		216, 219
殿, 殿,大殿	<i>miaraka</i> <i>tono, ohotono</i>	238, 239, 240 242, 265	197 154-6
FACILITIES			
戸,門	<i>to</i> (door, gate)		183, 193
廁	<i>kahaya</i> (toilet)		206
室	<i>muro</i> (pit-building)		208
沙庭	<i>saniha</i> (sacred garden)		229
PALACES			
宮	<i>miya</i> (palace) (of sovereigns & princes)	253, 257, 284, 286, 290, 306, 314, 316, 322, 324, 326, 328	188, 189, 197, 203, 227, 229
後宮	<i>kisaki no miya</i>	264, 284	
後宮	<i>uchitsu no miya</i>	274	
掖庭	<i>uchi no miya</i>	266	
齋宮	<i>iwai no miya</i>	270	
行宮	<i>karimiya</i>	274, 288-9, 290, 322	199
宮室	<i>miya</i>	289	
殯宮	<i>araki no miya</i> (mortuary)		229

SHRINES			
社	<i>yashiro</i>	241, 270, 271	181
大社	<i>ohoyashiro</i>		180
神社	<i>kami no yashiro</i>		182
宮	<i>miya</i>	242, 250, 270, 310, 312	189, 199
神宮	<i>kami no miya</i>		201
大神宮	<i>Oho kami no miya</i>		IG: 188; 197, 212

However, how far back in time does the practice of separate elite settlement go in the documentary record? None of the terms in Table 1 specifically specify an enclosed compound, though some of the facilities indicate separate household components such as a separate toilet, and doors and gates that could be for houses and fences respectively. But it is fairly clear from even these few references that houses 家 are different from honorable houses 殿, and that honorable houses *mi+ya* became known as ‘palaces’ 宮.

In order to investigate more fully whether isolated housesteads were represented in the early chronicles, I undertake an analysis of name data in the *Nihon Shoki* below, using Egami’s matching exercise noted above as a jumping off point. Egami’s argument that Mimaki was a ruler from the southern peninsula was based on his equations of Mima = Mimana (Imna/Kaya), and *ki* = castle/palace, and his analogy of the Mimaki name with the later naming pattern of sovereigns which included their palace name (e.g. Ikenobe-no-miya, as mentioned above). His interpretation of *ki* as castle/palace was based on inscriptional data where the element *ki* in Mimaki is written in the chronicles with the Chinese character 城 (C. *zhéng*), which originally meant ‘city walls’ and is the same character used in modern Japanese for ‘castle’, although 城 in modern Japanese has the *on-yomi* (sinic pronunciation)¹ readings of *JŌ* and *SEI*, not *ki*. Assuming that this character was used in Mimaki’s name for its semantic value (rather than its phonetic value), then we can also assume that some sort of wall structure was being indicated. On the other hand, 城 is read in modern Japanese *kun-yomi* (Japanese pronunciation) as *shiro*; this is homophonous with the character 代

¹ *On-yomi* readings approximate Chinese pronunciations; there are two types of *on-yomi*: *kan-on* 漢音 adopted directly from China and *go-on* 呉音 adopted earlier via the Korean states. *Kun-yomi* readings are native Japanese words.

shiro one meaning being an “area required for something” or under the Ritsuryō system, a unit of land that would equal one sheaf of rice; 50 *shiro* = 1 *tan* 段, 500 *shiro* = 1 *chō*.¹ In other words, both of these characters 城・代 (representing words pronounced ‘*shiro*’) indicate a bounded or designated area, as in 社・社 = *yashiro* 屋代, a sacred area housing a god’s spirit. However, as we have maintained above, a single match does not a case make, and if we want to accept Mima-ki as the name of a palace (castle), as Egami suggests, then we must find supporting evidence in the pattern of usage of the word *ki* and the corresponding characters in the early texts.

Case study of the word *ki* in the *Nihon Shoki*

As an archaeologist, I am neither a historian nor a linguist, so I enter into this analysis with trepidation. However, from an archaeological perspective, I hope these thoughts will stimulate further work on the problem in both the above disciplines. I am looking for patterning in the documents that might shed some light on settlement patterning in the archaeological record. This analysis is not comprehensive, as I deal mainly with parts of the *Nihon Shoki* and *Kojiki*, only bringing in a few datapoints from the *Fudoki* when available.² I have not been able to delve into the rich analyses by Japanese scholars since the publication of these NKBT texts, though these would be worthwhile for a more in-depth study.

There are several ways in which to approach the search for patterning here: to begin with, I focus on the syllable *ki* as it is used in Mimaki’s name and in several other situations. One of the first issues to deal with is the choice of characters used to write the syllable *ki* in the documents. The characters that we are interested in here are 城, 木, and 柵. The characters 城 and 木 are homophonic, representing the *otsu* 乙 form of the ‘i’ portion of the syllable *ki* (marked with an umlaut in Philippi’s translation of the *Kojiki*, i.e. ĩ, e.g. KĪ).³ The *Kōjien* further equates 城 (*shiro*) and 柵 (*saku*) under the reading for き⁴; however, 柵 cannot be read as *shiro* and 城 cannot be read as *saku*.

---

¹ From dictionaries *Jisho* (Ahlström et al. n.d.) and the *Kōjien* (Shinmura 1969).

² Sakamoto et al. 1965, vols. I, II; Akimoto 1958.

³ Man’yōgana is an early historic system of transcribing syllables of native Japanese words with Chinese characters employed for their pronunciation value. Early Japanese had seven vowels instead of five, with pairings (the 甲乙 system) of i and ĩ, o and ö; these are maintained in Philippi’s translation of the *Kojiki*.

⁴ Shinmura 1969: 510.

We can separate the various data on the use of *ki* into categories:

1. as a separate, independent word
2. in placenames
3. in personal names
4. in palace names, together with words for ‘fence’.

Each of these will be presented below, with interim comments leading to a general discussion of the findings at the end of all the presentations.

Ki as a structure

There are several places where the element *ki* is used independently in the early chronicles of the *Nihon Shoki* and other texts (‘Chronicle’ refers to the *Nihon Shoki*, while ‘Chapter’ refers to the *Kojiki*).

1. Suinin Chronicle: The attempted assassin Prince Saho built a *ki* 城 for defence using rice¹, written in *kanbun* as 忽積_レ稻作_レ城...此謂_二稻城_一謂也, with 稻城 given the pronunciation gloss of *inaki*. Prince Saho fortified himself at this *inaki* against imperial troops for a month, but was finally killed when the structure was burned to the ground.² The independent word *ki* (translated throughout as ‘castle’ by Aston)³ is used five times, e.g. 其城、城中、城上、城萌 in this passage, while *inaki* is referred to twice. In the *Kojiki*, the same story is recorded using the characters 稻城 for *inaki*, and it has one instance of independent use 刺_二出城外_一. Interestingly, the *Kojiki* and *Kōjien* both give the reading of 稻城 as *inagi*, and the latter describes it as 稻を家の周囲に積んで失防ぎとしたもの, ‘some place around the house to pack rice to protect it’. The *Kojiki* annotators compare several instances of usage and refer to explanations that the *ki* where rice is stored has a ditch and fence surrounding it for protection against thieves 凡て稻を納置城は、垣をも固くし、溝を堀廻わし...⁴, with the 垣 (*gaki*, fence) being ‘hardened’ 固くし. This is discussed further below.

2. Seimu Chronicle: 令_二諸國_一、以國郡立_二造長_一、縣邑置_二稻置_一。 Aston translates the passage as “A decree was issued to all the provinces establishing Miyakko (governors) in the provinces and districts, and Inaki

---

¹ Aston translates this as ‘rice stalks’.

² Aston 1972.I: 172; Sakamoto et al. 1965.I: 264.

³ Aston 1972.I: 215, fn. 4.

⁴ Sakamoto et al. 1965.I: 192, fn. 1.

in the villages”¹ (see Sujin Chronicle below). He then states that *inaki* means a “rice-castle, i.e. granary”, but that it became a title and eventually a surname, as elaborated in the *Kojiki* notes.² The *Kōjien* identifies 稻置 as a lower-rank functionary in the pre-Taika Yamato state system. In the pre-Taika system, it is fully logical that an administrator appointed at the local level (the village head) was in charge of the granaries and was titled such; in the subsequent Ritsuryō system, county heads – not provincial heads – were responsible for collecting grain and sending it to the Nara Court.

3. Yūryaku Chronicle: The passage here appears to be a duplication of the Sujin Chronicle with a different protagonist: the noble Ne no Omi escaped from a death sentence and built an *inaki* in which he defended himself 築_稻城_而戰 but was ultimately slain. Ne no Omi’s son boasted that his father’s *ki* 城 was stronger than the emperor’s *ki* 城. Yūryaku sent out troops to look at Ne no Omi’s ‘house’ 宅 (*ie*) and found it was indeed so; he had the boaster put to death.³ Here, 城 is differentiated from 稻城, and the independent 城 is equated with 宅, a house.

4. Buretsu Chronicle: The emperor ordered a high minister “to make a levy of labourers of the province of Shinano in order to build a *ki* in the village of Minomata. It was called Kinouhe” 作_城像於水派邑_。仍曰_城上_。⁴

5. Sujin Chronicle: Another record of a battle (between the Soga and Mononobe Clans) states that the Ohomuraji “built a rice-fort and gave battle”: 築_稻城_而。⁵

6. Kenzō Chronicle: 築_帶山城_。 This appears in a passage detailing conflict on the Korean Peninsula. An *obi*-type mountain fortress, also called a ‘headband’ fortress, usually indicates a stone wall surrounding a mountain peak constructed for protection – a typical Paekche-type *sansōng* 山城。⁶

7. Another contemporaneous document, the *Harima Fudoki* (a local geography written in AD 713)⁷, contains the passage:

---

¹ Aston 1972.I: 215.

² Kurano & Takeda 1958: 605, fn 46.

³ Aston 1972.I: 364; Sakamoto et al. 1965.I: 492-3.

⁴ Aston 1972.I: 405; Sakamoto et al. 1965.II: 14.

⁵ Aston 1972.II: 113; Sakamoto et al. 1965.II: 162.

⁶ See Barnes 2001: chapter 6.

⁷ Characters from Akimoto 1958: 328; translations from Aoki 1997: 217, but see Palmer 2016.

...the troops of the Great God gathered and pounded rice there. The bran from this rice was piled high. These piles of the winnowed bran were called *tsuka* (mounds). Some people call them Kimure Yama (fortress hills). 大神之軍 集而舂_レ稻之 其粃聚為_レ丘 又其簸置粃 云_レ墓 又云_レ城牟禮山 一云 掘_レ城處者 “According to another theory, people from Paekche built fortresses in this area [like the ones they knew in their homeland].

The additional phrase 掘_レ城處者 was omitted by the translator but is particularly interesting in that it implies that a *ki* is dug out rather than built up – a moat?

8. Also in the *Hitachi Fudoki* is a folk explanation of the placename Ubaraki: 茨城造所以地名便謂; the Japanese translation of the first phrase reads 茨を持ちて城を造りき, while the English is “...constructed a fortress of thorn branches. This is why the area was named Ubaraki (fortress of thorny branches)”.¹ The *Fudoki* annotator notes this was a 柵如きのもの, like a palisade 柵. The *Kōjien* states that there is no such tree as an *ubaraki* / *ibaraki*; *ubara* is a type of wild rose; thus it would be difficult to build a fort with it. However, instead of a bush of the rose family, the character 茨 is also used to indicate straw or reeds,² which come interestingly close to resembling rice sheaves. Thus, the *ki* may thus have been made of a fence of thorny branches (such as the woven fences in England called ‘hurdles’), a building used to store rice sheaves or thatched with reeds, or a fort overgrown with wild rose. Nevertheless, it is understood to have been a 城 / 柵.

9. In the *Kojiki*, a temporary mortuary ‘palace’ 殯宮 was thrown up for Chūai (Chapter 92), who died while playing the zither. This word was glossed *araki no miya* and said to be equivalent to 荒城³, *ara* being a common adjectival prefix to something ‘rough’ (rough sand, rough beach).

10. The initial parts of names ‘Ki no ...’ usually designates someone from the province of Kii. In only one instance is there a possible reference to a ‘castle’: Ki no Okazaki no kume (no Muraji) is written as 紀岡前夾目連 in the *Yūryaku* Chronicle but as 城丘前夾目 in the *Seimu* Chronicle⁴; either can be looked upon as ‘in front of the hill with the castle’. Similarly,

¹ Akimoto 1958: 46, 47, fn 18; translation from Aoki 1997: 45.

² <https://www.weblio.jp/content/茨>.

³ Philippi 1969: 259 fn. 1; Kurano and Takeda 1958: 229 fn 19.

⁴ Sakamoto et al. 1965.I: 503 fn 22.

one puzzles over the personal name Crown Prince Ki-nashi-no-karu 木梨之輕¹; could it mean Karu, a man without a castle?

11. Finally, China's *Xintangshu* has the passage, 國無城郭, 聯木為柵落, 以草茨屋²; it also occurs in the *Tangshu* with the added phrase 以草茨屋. It can be translated as “Their cities do not have inner and outer walls (城郭), they ‘link wood’ (聯木) together to make palisaded settlements (柵落) and use straw to thatch their roofs.”³

These references are interesting in several ways:

- First, there is an association of rice. If one was to take refuge in a place for safety (Prince Saho, Ne no Omi), one might want to have a food supply to last the siege. A sure place that affords this is a granary, which is one acknowledged interpretation of 稻城 rather than a building made of rice stalks. Moreover, rice that is to be eaten must be hulled first. Hulling (*momisuri* 粃摺り) was traditionally done by pounding (*usutsuku* 舂く) rice in a mortar – at this time probably in a standing wooden mortar with a long pestle, as known from pictures on Yayoi bronze bells and museum exhibits.⁴ It is likely that the mound described above was made of husks (*mom*) rather than bran (*nuka*), the latter of which is the product of grinding the skin off rice grains (i.e. milling brown rice into white rice, a development in the Edo period) resulting in a *nuka* powder. Clearly there are differences in character usage for these products, ancient and modern.

- Second, the ‘dug’ aspect of *ki* construction is conspicuous: fortifications are often comprised of ditch-and-rampart, while the building of an earthen wall would also require obtaining a supply of dirt for the wall, most likely from nearby (a trench). Pounded earth walls are well known in China and are earlier than stone walls; the earthen walls of the Lelang Commandery in the northern Korean Peninsula must have been known to Yayoi and Kofun-period traders up until the demise of the commandery system in AD 313. The *Kojiki* annotator emphasizes that the ‘hardened’ aspect of the *gaki* was essential for protection⁵; Rather than ‘hardened’, could it have been

---

¹ Kurano and Takeda 1958: 290-1, 292-3.

² This passage was written in *kambun* without the last phrase in Sakamoto et al. 1965.I: 590 fn 4 and attributed to the *Xintangshu*.

³ Translation by Don Starr, pers. comm. 13 Jan 2021.

⁴ Tawaramoto Museum n.d.

⁵ Sakamoto et al. 1965.I: 192, fn. 1.

reinforced or tightened since *gaki* usually implies a ‘fence’ as discussed below.

• Third, the reference to Kudara (Paekche)-style walls in the *Harima Fudoki* probably refers to the *sansōng* 山城 (‘mountain fortress’) type of walls that were built from the 3rd century onwards on the Korean Peninsula.¹ A spate of these were built in western Honshu and Kyushu in the 7th century, such as the extant Ono-jō 大野城 in Kyushu (a popular tourist spot), to protect Yamato from attack by Silla during the wars of unification which ended in AD 668. These later constructions in Japan consisted of stone walls, but some of the early Paekche *sansōng*, such as Mongch’ on T’osōng in Seoul, had earthen walls.²

• Fourth, the Tang references clearly describe a palisade that used trees joined together, and the *Ibaraki Fudoki* annotator also equates 城 and 柵.

From these independent references it is fairly clear that a *ki* was some sort of architectural or enclosed structure. Its construction is variously represented as temporary or enduring, excavated or built up. It could be equated with a house 宅, and it was differentiated from 稻城, which in two cases was a temporary structure built for defence. We can take issue that the *inaki* was constructed of rice stalks, as translated by Aston; and the pounding of rice to form a mound of husks, not bran, may be indicative of preparing grain for storage. It makes sense that rice would be stored in a fortress in preparation for warfare. However, it is unlikely that a stand-alone granary would be useful as a defence; thus, the provision of a wall or palisade or moat surrounding the granary might have been further necessary for warfare situations.

Analogy with a contemporaneous form of palisade, as described in the *Tangshu*, brings us to a new level of complication into understanding the nature of *ki*. In the 7th century, there was a whole series of fortifications built on the northern frontier of the Nara state. These were bases from which expansionist operations were launched against the inhabitants of the northern forests living beyond the state’s jurisdiction. In its own version of Manifest Destiny, the Nara state defeated those inhabitants, the Emishi, and incorporated the whole island of Honshu into its territorial administrative structure. Reischauer listed fortifications bearing such names (Table 2).³

---

¹ Barnes 2001: chapter 6.

² See Barnes 2001: fig. 6.7.

³ Reischauer 1937; Shinmura 1969: 286, 1717.

Table 2. Examples of northern fortresses of the 8th century

Idewa-no-ki 出羽柵 in Dewa, operative in the early 8th century
 Iwafune-no-saku 岩舟柵 in Echigo, constructed in 648 (also called
 Nutari-no-ki)
 Nakayama-no-ki 中山柵 in Rikuzen, operative in the early 9th century
 Nutari-no-ki 淳足柵 in Echigo, built in AD 648 (also called Iwafune-
 no-saku)
 Okachi-no-ki 雄勝柵 in Yokote Basin, described in the *Kōjien* as a
 palisaded castle 木柵の城; 小勝城 was also used simultaneously
 Torinomi-no-saku 鳥海柵 in Rikuchū, a palisade attacked and
 defeated in 1062
 Kuriyagawa-no-saku 厨川柵 in Rikuchū
 Momunō-no-ki 桃生柵 in Mutsu, a palisade completed in AD 769
 Komatsu-no-saku 小松柵 in Rikuchū

The *ki* character in most of these fort names is written with the character for ‘palisade’ 柵 (also pronounced *saku*); but Okachi-no-ki is also referred to with the ‘walled city’ character 城.¹ It is important to note that 柵 does not have the pronunciation *ki*: it is an *ateji* (applied character) assigned to the indigenous word *ki* in the above cases.

From these later historical data, the following conclusions may be drawn: The fact that the *ki* element in these fortress names retains the pronunciation *ki* and is preceded by the possessive *no* indicates that the *ki* element in the name (e.g. Idewa-no-ki) is congruent with the independent word *ki* as described at the beginning of this section (e.g. to build a *ki*). The *ki* in these referents is therefore a structure that can be built or dug and may have used rice stalks (thatch) in the construction. Here the ‘fortress’ (*ki*, *saku*) is located in a specific locale that is part of its name, e.g. the Fortress of Dewa (the northwest province of Tōhoku in the Nara period).

Further evidence that *ki* can stand alone is the naming of guards for the 城柵 (*jōsaku*), the historical term for these northern fortresses. They were called 柵戸, pronounced in *kun-yomi* as *ki-no-he*, *ki-no-e* or *kibe* – the latter in line with other occupational groups called *-be*² – as well as in *on-yomi* as *saku-ko*.

¹ Reischauer 1937.

² cf. Barnes 1987.

Placenames using ki

There are several placenames in the chronicles that incorporate the characters 城・木 as seen below in alphabetical order. Several need commentary, as presented below.

Table 3. Examples of placenames using the characters 城 or 木

Pronunciation	Meaning	Characters in <i>Nihon Koten Bunka Taikei</i>	K= <i>Kojiki</i> , NS= <i>Nihon Shoki</i> , MYG= <i>Man'yōgana</i> , ILG= <i>interlinear gloss</i> page.footnote
HISHI-KI	菱=diamond	菱城邑 大鳥郡菱木 in the <i>Izumishi</i>	NS: 530, 531 NS: 530.9
INA-KI	稻=rice	稻木	K: 188
KAZURA-KI	葛= <i>kuzu</i> vine	MYG=迦豆良紀多迦美夜 =葛城高宮	K: 272 (Nintoku, Ch. 112) K: 273 (Nintoku, Ch. 112) NS: ubiquitous
KI → Kii	=?trees	紀	NS: ubiquitous K: 95.18, 150-51, 172-3.18? 179.2, 197.13, 199.16
SA-KI	=?left	狭木 沙紀 狭城 狭城池 狭城	K: 202, 203.17 K: 226, 227.10; <i>Shoryōshiki</i> K: 238.4, 239 NS: 274, 275 NS: 320, 321
?SASHIBUNO-KI 鳥草樹 =Photinia bush		MYG=佐斯夫能紀 =鳥草樹の木	K: 270 K: 271
SHI-KI	磯=rock (=石) <i>shi</i> =石, <i>ki</i> =城	磯城 磯堅城 師木	NS: ubiquitous NS: 238 fn. 15 K: 166, 168, 178, 186
SHIRI(TSU)KI		志里(都)紀	K(ILG): 238, 239
TAKA-KI	高=high	MYG=多迦紀 =高城	K: 272 (Nintoku Ch. 113) K: 273 (Nintoku Ch. 113)
TAKA-KI	高=high	高木角刺宮	K: 323 (Seinei Chronicle)
TAKA-KI	高=high	MYG=陀都紀難屢	NS: 515 (Kenzō)

TAKA-KI		=高城なる角刺の宮	Chronicle NS: 515 (Kenzō Chronicle)
		MYG=于儂能多伽機珥	NS: 199 (Jinmu Chronicle)
		=菟田の高城に	NS: 198 (Jinmu Chronicle)
TSUTSU-KI	筒=conduit	筒木	K: 272, 273.9
UBARA-KI	茨=wild rose/reed	茨城	<i>Hitachi Fudoki</i> : 46, 47
		茨木	K: 78

Ki alone is a placename that survives in the historic name for Wakayama Prefecture, Kii no Kuni 紀伊国, though it has been lengthened to Kii with an additional character for *i* 伊. In the *Nihon Shoki*, Ki uses the character 紀, but *Kojiki* generally uses 木. The character 紀, when used in Man'yōgana, is substituted for by either 木 or 城 in other placenames, as can be seen in Table 3. As a placename, 紀・木 is most logically interpreted as ‘trees’ because the Kii Peninsula has some of the densest forests in Japan. It typically occurs in names such as Ki no Woyumi no Sukune, naming their origin, but the ‘Lords of Ki’ *Ki no maetsukimi* are also referred to.¹

One of the most obvious placenames is Shiki because it was in this region that 4th-century palaces were said to be located. It is often suffixed with the character 縣 *agata*, a 7th-century administrative unit that is superimposed upon an earlier placename; thus, the 縣 suffix can be ignored in dealing with placenames as being a later imposition. Shiki survives as the name of a county in Nara Prefecture (磯城郡), dealt with further in the “Discussion” section. Another placename that is ubiquitous is Kazuraki, also surviving as a city in Nara (葛城市); the character 葛 has two pronunciations, *kazura* and *kuzu* (*Pueraria montana* var. *lobata*), the latter more widely known as the kudzu vine. The transcription of its name is dealt with further in the “Discussion” section. As with the name Ubaraki discussed above, it perhaps is another example of a *ki* bearing the name of a plant which may have draped over or surrounded the structure. See also Sasaki in the personal names below.

The word *takaki* occurs several times in the texts, three times spelled

¹ Aston 1972[1896]I: 354; 356.

in Man'yōgana in poems; these are all transliterated by the *Kojiki* annotators as 高城 and explained in the Nintoku Chapter as a ‘high *toride*’.¹ The *Kōjien* explains a *toride* 砦 as a small palisaded fort built outside a main castle, used as barracks. The *takaki* in the Kenzō Chronicle is also defined as a fortress built on a high hill タカキは高いやまや岡の上に構築された城郭。² *Takaki* 高城 can be further illuminated by the late designation in the *Wamyōsho* of the name of the Kazuraki capital as Takaokamiya 高丘宮 ‘palace on a high hill’.³ Moreover, the Tsunosashi-no-miya in Kazuraki is said to be *inside* the *takaki* 高城にある角刺の宮. One reference in the *Kojiki* differs from the others, using 高木 in line with other *Kojiki* usages of 木 instead of 城. These references not only appear in texts referring to the 5th-century: the word also appears in the Jinmu Chronicle, though with a Man'yōgana variant character for *ki* 多伽機. It seems that the word *takaki* was not so much used as a placename in these entries but as a description: a fortress located on a hill, in the manner of British iron-age hill forts. As with Maiden Castle, an iron-age hill fort in Dorset, Japanese hill forts may have acquired different names over time: “In Yamato what I long to see is the Tsunosashi Palace in this *takaki* [hill fort?] of Oshinomi”.⁴

The occurrence of 鳥草樹の木 glossed as Sashibu-no-ki in a poem is extremely interesting: the poem states that below the Sashibu-no-ki, a camellia is blooming. The annotator questions that *sashinobu* (*Photinia serratifolia*) as a tree might be too low to allow camellia to grow underneath it.⁵ Camellia can grow up to 20 m high and start to bloom in the autumn – the poem was written about a journey taken in the ninth month. Since the characters in the name Sashibu-no-ki 木・紀 are both in line with *Kojiki* usage, and because the Japanese translation has the word for ‘tree’ 樹 integral to its name, 鳥草樹, it seems the use of ‘樹 no 木’ would be redundant for a tree. However, if the characters 木・紀 indicate ‘castle’ as elsewhere in the *Kojiki*, then it would make much more sense to assume that the castle was named after the bushes (*sashibu* 鳥草樹) surrounding it

¹ Kurano and Takeda 1958: 273 fn. 19.

² Kurano and Takeda 1958: 273 fn. 23.

³ Kurano and Takeda 1958: 167 fn. 11.

⁴ Aston 1972[1896].I: 383.

⁵ Kurano and Takeda 1958: 271, fn. 18.

while camellias were growing on the hillside below the castle, not under the bushes.

Much has been said above about *inaki* as a granary and a title; however, it is also identified as a place: “the seat of a family called Inakī nō wakē claiming descent from Opo-naka-tu-piko-nō-mikōtō. Ōta identifies it with Inaki in Wopari (now in Niwa-gun, Aichiken)”.¹

The name Saki has been transcribed several ways in different circumstances: 狭木 appears in both the *Kojiki kanbun* text and the Japanese translation, but it is equated by the annotator to 佐紀郷 Saki Town in footnote 17. 沙紀 also appears in both the *Kojiki* renditions, but footnote 10 states that it is rendered 狭紀 in the *Shoryōshiki* compilation of imperial tombs. 狭城, however, appears in an inter-linear gloss in the *kanbun* text; footnote 4 states that it also appears in this form in the *Shoryōshiki*. Philippi notes that Motoori, author of the *Kojiki-den*, believed that this usage of 城 in the *Kojiki* derived from influence of the *Nihon Shoki*², as can be seen by the two entries above. Thus, basically the *Kojiki* retains the use of 紀 except for the single use of 木, which will be further discussed below. Mostly Saki is identified as the locus of the burial grounds of several 4th-century sovereigns, though in one instance it is the name of a pond.

Another placename is defined by the presence of a conduit, Tsutsuki 筒木. Located in Yamashiro, it is retained in the local county name of Tsuzuki-gun 綴喜郡 of southern Kyoto Prefecture and is listed as such in the *Wamyōsho*. It is said to be a place where a man named Nurinomi from Kaya, the southern Korean Peninsula, lived. The placename occurs in the name of Nurinomi’s palace, Tsutsuki-no-miya in Yamashiro, and it also appears in the name of two princes, both of whom were from Yamashiro – see Tsutsuki below.

Within the personal names above, the interlinear gloss giving genealogical information includes 志里都紀斗賣 Shiri-tsu-ki-tome. Philippi notes that this name has been linked to a placename Shitsuki, a county in Okayama. *Tsu* is a possessive particle that is not used much today (but see *matsuge*, hair of the eye = eyelash)³; in early documents, the particle *tsu* is often written with 都 or 津, as Wani no Satsuki no Omi using 都, or Siki-

---

¹ Philippi 1969: 474.

² Philippi 1969: 271, fn. 12.

³ See www.imabi.net/theparticletsu.htm; *tsu* could be rendered with either 都 or 津.

tu-piko-tama-de-mi-nō-mikōtō, using 津. Thus, other such names with an internal possessive before a *ki* character 木・紀・城 might well indicate a placename that can be interpreted as a fort name.

The name of Mt Ibuki is not on the above list of placenames because the *-ki* here is written with a character 岐 that denotes the *kō* 甲 form of the vowel *i*, not the *otsu* 乙 form *i*.¹ Therefore, not all placenames ending in *-ki* will be of the type we are interested in here.

Ki in personal and palace names

What justification do we have in equating the *ki* described as independent structures above with the element *ki* occurring in Mimaki's name and translated by Egami as 'palace'? A tremendous amount of work has been done on finding the patterns in the names of sovereigns in the *Nihon Shoki*, by such eminent scholars MOTOORI Norinaga, TSUDA Sōkichi, and continuing with MIZUNO Yū and others; even Egami's hypotheses receive discussion.² If Egami's idea that the name Mimaki is truly a palace name like the 7th-century emperors' names containing *miya* ('palace', see above), then there may be a pattern of occurrences in 4th-century sovereigns' names as well. In fact, however, only one other sovereign, the 2nd Emperor Annei, has a name incorporating the element *ki*:³

Table 4 Sovereigns whose first name component ends with *-ki*

Name	<i>Nihon Shoki</i>	Pg.	<i>Kojiki</i>	Pg.
Annei:	磯城津彦玉手看天皇 Shiki-tsu-hiko-tama-demi no sumera mikoto	222	師木津日子玉手見命 Siki-tu-piko-tama-de-mi- nō-mikōtō	167
Mimaki:	御間城入彦五十瓊殖天皇 Mimaki-iri-biko-i-nye [no sumera mikoto]	236	御眞木入日子惠命 Mimaki-iri-biko-iniwe-no- mikōtō	179

However, there are several other named persons with the same naming pattern. In the extracts below, page 329 in the *Nihon Shoki* and page 227 in the *Kojiki* generally mark the division between the Sujin and Ojin line of kings

¹ Kurano and Takeda 1958: 218.

² Sakamoto et al. 1965.I: 583-585.

³ Romanizations are taken from the *Nihon Shoki* glosses but with word separations dependent on Aston, or from Aston (A) (1972[1896]) himself, and from Philippi (1969) for the *Kojiki*; but additional glosses in the Japanese texts are in italics and additional characters in square brackets. The page numbers refer to Sakamoto et al. 1965 for the *Nihon Shoki*, and Kurano and Takeda (1958) for the *Kojiki*.

à la Mizuno, i.e. 4th-century and 5th-century records respectively, though interlinear glosses interrupt this division:

Table 5. Examples of other persons whose first name component ends with *-ki*

Inaki:			稻木之別 Wakē of Inakī	188, 189.11
Toyoki:	豐城入彦命 Toyoki-iri-hiko no Mikoto	237	豐木入日子命 Tōyō-kī-iri-biko-nō- mikōtō	179
Iwaki:			道奧石城國造 Mitinōku Ipakī Kuni- nō-Miyatuko	166, 167
	磐城皇子 = 磐城王? Iwaki no Miko	461.34, 503	石木王 Ipaki-nō-miko	328, 329
Ipoki:	五百城之彦皇子 Iho-ki Iri-hiko <i>no miko</i>	285	五百木之入日子命 Ipokī-nō-iri-hiko-nō- mikōtō	202, 203.27 239
	五百城入姫皇女 Ihoki-iri-bime <i>no himemiko</i>	285	五百木之入日賣命 Ipokī-nō-iri-hime-nō- mikōtō	202, 203
Nunaki:	沼名城入姫命 Nunaki-[no] iri-bime no Mikoto	237	沼名木之入日賣命 Nunakī-nō-iri-bime- nō-mikōtō	179
	淳名城皇女 Nunaki hime no Miko	285	沼名木郎女 Nunakī-nō-iratume	
Punaki:			伊勢船木直 Atapē of Punakī of Ise	IG:166
Sasaki:			佐佐紀山君 Sasakī-nō-yama-nō- kimi	304, 305
Satsuki:			丸瀨之佐都紀巨之女 Wani no Satsukī no Omi [no iratsume]	318, 319
Shiritsuki:			志里都紀斗賣 Siritu-kī-tome	238, 239
Takaki:	高城入姫皇女 Takaki-iri-bime-no- hime-miko	285	高木比賣命 Taka-kī-pime-nō- miko	205
	Takaki no Iri-hime	A191		
	高城入姫 Takaki-no-iri-bime	363	高木之入日賣 Takakī-nō-iri-bime- nō-mikōtō	239
	Takaki Iribime	A255		

			高材比賣	177
			Taka-kī-pime	
			高木郎女	335
			Taka-kī-nō-iratsume	
Toyoki:			豊木入日子命	178, 179
			Toyokī-iri-hiko-nō-mikötō	
Tsutsuki:			大筒木垂根王	174, 175,
			Opo-tutukī-tari-ne-nō-miko	186, 187
			大筒木眞若王	176-177
			Opo-tu-tutukī-ma-waka-nō-miko	
Umaki:			馬木王	338, 339
			Umakī-nō-miko	
Wakaki:	稚城瓊入彦命	267	若木入日子命	186, 187
	Wakaki-ni-iri-biko no Mikoto		Waka-kī-nō-iri-biko-nō-mikötō	
			若木之入日子王	204, 205
			=五百狭城入彦皇子	205.1

In analyzing these names of persons, first there is a regular change of characters between the earlier *Kojiki* and the later *Nihon Shoki* for the element *ki* in these names: 木 is used in the *Kojiki* (except for interlinear glosses stating later genealogies, e.g. 道奥石城國造) and 城 in the *Nihon Shoki*. This consistency implies that the *Nihon Shoki* compilers themselves interpreted name elements ending in 木 as equivalent to 城, a fortified structure. The shift in character use was no doubt influenced by the increasing familiarity in the Taika period (645–710) with Chinese texts in which the Chinese used the wall character 城 to indicate a walled city; in the Chinese case, the walls were initially built of pounded earth and later of stone. But in the Japanese case, the first recordings apparently used the character 木 implying a wooden wall. This would make sense if 木 is understood not to be a living tree but ‘timber’, indicating a palisade. While 木 can be used for both living trees 立ち木 and timber 材木 for building or craft purposes, the character 樹 refers only to living trees. The one instance above where 材 is used in the *Kojiki* instead of the usual 木 may reveal that the latter also refers to timber (including tree trunks, not just dressed boards)¹ for

¹ Some English dictionaries state that timber can include both living trees (in forestry) as

building palisades. A reference to ‘wood ashes’ 眞木 also retains the meaning of 木 as non-living wood.¹ The *Kojiki* also has several passages that describe the felling of a large tree 樹, driving a wedge into the timber 木, and then bending the cleft open: 切_レ伏大樹_レ、茹矢打_レ立其木_レ、即折_レ其木_レ.² In a folk etymology for Sagariki 懸木³, another possible reference to a fort, it is said that a maiden tried to hang herself by a branch on a tree 樹 – not 木. These instances suggest that names that incorporate the alternating 木・城 characters indeed refer to structures or habitations that may have been built of timber and consisted of enclosures offering protection.

The only names above which contain an acknowledged placename are Inaki, Takaki, Iwaki, Sasaki, and Tsutsuki, which all occur in 5th-century contexts. Inaki, which has its origin in a granary structure, has already been discussed as a placename above, while Takaki also appears as both a placename and a generic reference as discussed above. Ipaki / Iwaki as a name occurs in both the *Kojiki* and *Nihon Shoki* but in three different versions; a footnote questions whether the two mentions in the *Nihon Shoki* are the same person or not, and Aston translates one of the names as ‘Prince Ihashiro’.⁴ Philippi notes that Sasaki is a place in Apumi⁵; the fact that it occurs with ‘mountain’ 紀山 suggests that it is a hill-fort, the hill on which the fort was built. Like several of the placenames above, it likely has incorporated a plant reference – to a type of low shrubby bamboo grass (笹 *sasa*, Poaceae). This is also where one character for *ki* 紀 – more commonly used in Man’yōgana for poems (see the placenames above) – was retained in a personal name. Tsutsuki occurs independently as a placename in Yamashiro as noted above, but it also is incorporated into two names of ‘princes’ (*miko*): Opo-tutuki-ma-waka-no-miko is prefaced by Yamashiro-no, indicating location, while Opo-tutuki-tari-ne-no-miko is said to be the son of Sujin’s half-brother (or uncle) who lived in Yamashiro.⁶

An enlightening name is Ipoki written as 500 trees or 500 forts. As

---

well as felled trees and dressed wood; I choose here to use timber as dead trees/wood as opposed to living trees. Shirakawa (1987) includes grasses in the definition of *ki*.

¹ Akimoto 1958: 231.

² Akimoto 1958: 94.

³ Akimoto 1958: 200.

⁴ Aston 1972[1896].I: 337.

⁵ Philippi 1969: 581.

⁶ Philippi 1969: 206.

one person is unlikely to have commandeered 500 forts, the 500 trees are more likely to indicate the hypothetical number of timbers used in constructing a palisade. This strengthens the argument that palisaded compounds / forts existed and were referenced in the naming system. Ipoki eventually became the name of a *be* occupational group in the late 5th century¹, written as 五百木部 or 伊福部 or 廬城部.²

The name Punaki is interesting in that it refers to a boat 船. This may sound odd for the potential name of a fort or palisade, but dug-outs require a single very large tree for production, and flush-laid hulls need wide planks. Trees of great girth grow in the uplands, not on the plains. Thus, again if this was a fort, then it may have been named for the thick growth of large trees around it.

-Iri in personal names

A characteristic of names in the Sujin, Suinin, and Keikō Chronicles is the use of *iri* 入. This is an interesting problem, since *iri* occurs in names with the 城・木 *ki* character (above) and without them (below); a short listing is:

Table 6. Examples of *-iri* in personal names

Azami:	薊瓊入媛 Azami-ni- iri -hime	267	阿邪美能 伊理 毘賣命 Azami-nō- iri -bime-nō- mikötō	187
Ikume:	活目入彦五十狹茅天皇 Iku-me- iri -hiko-i-sachi no sumera mikoto	256	伊久米 伊理 入古伊左知命 Ikumē- iri -biko-isati-nō- mikötō	186
Inishiki:	五十瓊敷命 Inishiki no Mikoto	272	印色入日子命 Inisiki-nō- iri -biko-nō-mikötō	186-7
Nuhata:	淳葉田瓊入媛 Nuhata-ni- iri -hime	276	沼羽田之入毘賣命 Nupata-nō- iri -bime-nō- mikötō	186
Toyosuki:	豐鍬入姫命 Toyo-suki- iri -bime no Mikoto	237	豐鍬入日賣命 Tōyō-suki- iri -pime-nō- mikötō	178
Yasaka:	八坂入媛 Yasaka- iri -hime	285	八坂之入日賣命 Ya-saka-nō- iri -Bime-nō- mikötō	203

¹ See Barnes 1987.

² Sakamoto et al. 1965.I: 466, fn. 5.

There is variety here, between using the 入 character or 伊理 for *iri*, and then its deletion altogether in certain renditions (Inishiki no Mikoto). The *Nihon Shoki* annotators state that the meaning of *iri* is unknown¹, but Philippi proposes that it might mean ‘entrance’, as entering into a collateral line. However, if the *-ki* words indeed do indicate a habitation of some form, as suggested above, then the use of *iri* may not mean ‘to enter’ in an concrete sense but in more of an abstract sense. In the context of a name, especially following a *-ki* word, it might have had more of the meaning of the homophonous 居る *iru*, indicating a person who lives in a particular settlement or comes from a particular place.

Palaces and fences -ki, -kaki/-gaki

There are three direct references to stated palaces and one to a house whose names incorporate the syllable *ki*; two use 城 in the *Nihon Shoki*, one in the *Kojiki* uses 木, while another three use words for fence: 籬・垣 (Table 7). All have the historic term for palace, 宮 *-miya*, attached.

Table 7. Examples of *-ki* ‘enclosure’ and *-gaki* ‘fence’ in habitation names

Mimaki (10th sovereign Sujin) is said to have resided in the Mizugaki-miya, located in Shiki:				
<u>Mizugaki</u>	瑞籬宮	237	水垣宮	178
	Mitsu-kaki-no-miya	237	Mizu-gaki-no-miya	179
Whereas, the 11th sovereign, Suinin, resided in the Tamagaki-no-miya, located in Makimuku, Shiki:				
<u>Tamagaki</u>	珠城宮	256	玉垣宮	186, 187
	Tamaki		Tama-gaki-no-miya	
Then, Namiki was the palace of the 25th sovereign Buretsu:				
<u>Namiki</u>	列城宮	II.16	列木宮	334, 335
	Namiki		Namiki-no-miya	
But Nurinomi is said to live in the Tsutsuki-no-miya in Yamashiro:				
<u>Tsutsuki</u>			MYG: 都都紀能美夜	274
			筒木の	275
			Tsutsuki-no-miya	
While Hanzei established his Shibakaki-no-miya at Tajih, Kawachi:				
<u>Shibakaki</u>	柴籬宮	430-1	柴籬宮	288-9
	Shibakaki		Shibakaki-no-miya	
And Sushun dwelt in the Shibakaki-no-miya				
	Kurahashi 倉梯	II.167	柴垣宮	342-3
			Shibakaki-no-miya	

¹ Sakamoto et al. 1965.I: 585, 236 fn 1.

And Kinmei made a journey to the Shibagaki-no-miya in Hatsuse (Shiki?)

柴籬宮

II.129

Shibakaki

Is this the same miya as the Shibakaki Palace utilized by Sushun at Kurahashi 倉橋,
Sakurai, Nara?

The names of these ‘palaces’ are split, with three using characters for ‘fence’ 垣・籬, and three for castle/palisade 城・木. The characters 垣・木 are both used in the *Kojiki*, while the later *Nihon Shoki* substitutes 城 for these with the exception of 瑞籬宮, which has an interesting use of a different character 籬 for ‘fence’. 瑞籬宮 is thus notable in that one character for fence 垣 was substituted by another 籬, and it stands out as an exception to this character substitution rule. In addition to 瑞籬宮 and 水垣宮, the *Kōjien* gives a third combination for *mizugaki* as 瑞垣, defining it as the enclosure around a *yashiki* (manor) or garden. That there were fenced compounds is supported by the sentence in the Keiko Chronicle, 而伺_牆閣之隙_乎。故侍_門下_備_非常。 Aston translates this as they “might watch for an unprotected space in the ramparts, we remain on guard beneath the Gate and provide against emergencies.”¹ However, both 牆閣 and 門 are glossed as *mikaki*, and it is difficult to think how one might peek through a rampart though it could easily be done through a fence such as a *shibakaki* – clearly a fence made of brushwood 柴.

The character 籬 of 瑞籬宮 is also used in the compound 神籬 *hi-moroki* (lit. god fence). The *Kojiki* annotation breaks this word down into *hi* 靈 (spirit)+ *moro* モロ from モリ (山), with *ki* unknown but possibly 木 or 城. However, Aston (1972[1896]: 82) interprets *hi* 日 as an honorific deriving from the sun 日 *hi*; *moro* 諸 meaning ‘many’; and *ki* meaning ‘wood’, i.e. “Hi-moro-gi is therefore a sacred row or group of sticks of some sort or another”, with analogy to the proper name Take-morogi “where *morogi* is written with characters [諸? 木?] which imply this derivation”. The *Kōjien*, furthermore, gives one definition of *mori* 森・社 as 樹木が苅り立つ所 ‘a place where trees have been harvested and set up’ (i.e. a palisade or fence?). The *Kōjien* describes 籬 as a rock, mountain, woods, or old tree that is bounded by planting broad-leaf evergreen trees² around it and connec-

---

¹ Sakamoto et al. 1965.I: 313; Aston 1971[1896].I: 211.

² Aston (1972[1896]).I: 81 states that these are “usually interpreted” as *sakaki* trees

ted with a *tamagaki* 玉垣, as in Tamagaki-no-miya above. *Tamagaki* 玉垣 is defined as a fence that surrounds an imperial house or shrine, and synonyms are given as *igaki* and *mizugaki*. Synonyms for 籬 are given as *igaki* 瑞垣, *igaki* 瑞籬・斎垣 or *mizugaki* 水垣・瑞垣. The initial *i*, *mizu*, and *tama* are acknowledged enhancing prefixes: *tama* using the character for ‘jewel’ to mean ‘beautiful’; *mitsu* also sometimes meaning ‘beautiful’ 美¹; *mitsu/midzu/mizu* using the character for ‘fresh, gleaming’ *mizumizushii*; and *i* using the character for ‘pure’ 斎 *imu*. In addition, the *Daijiten*² notes that when it occurs first in a compound, the character 籬 is usually read as *magaki* which makes it difficult to combine with other characters, with the exception of e.g. 籬越 ‘to breach a fence’, *gakikōshi*. The *ma* in *magaki* 籬 is not represented as a separate character, and the *Kōjien* states that it is an abbreviation of *mase* from the verb *masu* ‘to build up, add to’. But it might parallel other words prefaced with *ma* 眞, a word Philippi defines as denoting ‘perfection’ or ‘genuineness’³ – an enhancing prefix like *i*, *mitsu*, and *tama* above. Unfortunately none of this explains the existence of a *kumahimorogi* (熊 *kuma* = ‘bear’) that was given as a gift together with jewels and a mirror.⁴

Another 城 related to sacred enclosures occurs within the phrase 久久城若室葛根神; 久久 is said to mean ‘stem’⁵, and 葛根 *tsunane* ‘vine roots’ suggests a woven enclosure. The *Kojiki* annotators strip the *tsunane* out of the god’s name, rephrasing it as the ‘new *muro* god’, 新室の神, where *muro* 室 more usually signifies a pit-building than a shrine!

Does the shift in character use signal the recognition that any enclosure, 垣 or 木 in the *Kojiki*, could be translated into 城 in the later documents? Or does it imply a shift in construction technique? The *Kōjien* describes the characters 籬垣, read as *magaki* or *masegaki* or even *mase*, as bamboo or brushwood woven into a low tightly woven fence; it may have also been constructed of woven brushwood or camphorwood between upright poles. It is clear from these references that *gaki* were rather insub-

---

Cleyera japonica, the tree historically sacred to Shinto.

¹ Sakamoto et al. 1965.I: 237 fn. 33.

² Sakeda 1963.

³ Philippi 1969: 309 fn. 11, 511.

⁴ Sakamoto et al. 1965.I: 287-288.

⁵ Kurano and Takeda 1958: 111.31.

stantial fences compared to *ki/saku* palisades, which were historically constructed of upright timbers aligned in rows. This brings into question the nature of Namiki as a ‘palace’, the characters 列木 indicating a row of ‘trees’ or, as I have argued above, aligned timbers. There is also mention of a human fence, *hitogaki* 人垣, ostensibly meaning people aligned around a tomb, alluding to a folk tale.¹

These limited data on ‘palace’ names containing characters meaning ‘enclosure’ still suggest a major transformation within the *Kojiki* itself between the early 4th-century sovereigns (Mimaki, Suinin), who lived in palaces surrounded by fences 垣, to 5th-century personages (Buretsu, Nurinomi) who lived in palaces with a more substantial enclosure 木. The fact that both the early 垣 and 木 characters of the *Kojiki* were generally replaced by 城 in the *Nihon Shoki* here as well as in the personal names and place-names above implies that the compilers preferred the referent to Chinese-style earthen walls for any type of enclosure.

The *Nihon Shoki* states that the palaces Mizugaki and Tamagaki were located in Shiki; but for Tamagaki, the *Nihon Shoki* goes further to place Tamagaki in Makimuku in Shiki², and it even states that Suinin died in Makimuku Palace (Makimuku-no-miya).³ Makimuku, an extant place-name in Shiki-gun in the southeastern Nara Basin, is currently written as 纏向 but was previously written as 卷向 in other early texts.⁴ The facts that the second character *muku* means ‘to face towards’ and that it was retained through changes in the first character for *maki* makes me think that what is being looked up to is a *maki*, a noun not a verb like 纏 or 卷. Given all the above indications, it would more likely have been the word 眞木(城), meaning ‘true enclosure’. Taketani notes that both Mizugaki and Tamagaki palaces were located in an area today called Maki-no-uchi.⁵ 眞木 *maki* is designated in Mimaki’s naming pattern, with *mi* 御 as an honorific. On the other hand, the word *maki* 眞木 is also said to designate a kind of tree, possibly cypress, with different characters assigned to it: 板・擗・楨.⁶

---

¹ Kurano and Takeda 1958: 179 fn. 13.

² There is a stele marking the imagined locus of the 瑞籬宮 palace in Sakurai City, Nara, below hills named Mizugaki-yama.

³ Sakamoto et al. 1965.I: 279.

⁴ Sakamoto et al. 1965.I: 257, fn. 24.

⁵ Taketani 1992: 70-72.

⁶ Kurano and Takeda 1958: 231 fn. 5.

However, this *mi-maki* pattern does not hold for Mimaki's relatives, which contain the different combination of syllables *mima*¹: Mimatsu-hime 御眞津賣命 his full sister; Mimatsu-hime 御眞津比賣命 his wife; Mima no Miko 御馬王, a child of Richū; and Mimatsu-hiko 御間津日子, a child of Itoku who reigned as Kōshō.² It is unclear whether the unit *mi-ma* is related to *maki*, and what the relationship of Mimaki is to Maki-muku, though the logic for the latter is reasonable. Philippi reports that *mi-ma* can be thought of as 'august space' 御間³, which is also a part of Mimaki's name in the *Nihon Shoki*, not that far removed from 'honorable enclosure'. Are we seeing an evolution in usage here, with the dropping out of the *ki* character?

Other -ki words

The above considerations allow us to investigate relationships among three more words: Shiki 磯城, Iwaki 磐城, and Oshiki 押城. Both characters 磯・磐 mean 'rock', as does 石 *ishi*. Shiki is written 師木 in the *Kojiki*, but the regular substitution of both characters to 磯城 in the *Nihon Shoki* is conspicuous. It was as if the compilers chose different characters to emphasise meaning rather than pronunciation, and the choice of 'rock' 磯 *iso* is not that far-fetched. Today's Shiki-gun encompasses the lowlands of the south-eastern Nara Basin, but previously the whole of the southeast was known as Shiki, attested by the inclusion of Makimuku in Shiki.

Mimuro, now known as Mt Miwa, forms the upland border of Shiki and contains the Miwa Shrine complex. On the western slope of sacred Mt Miwa are found several granite outcrops known as *iwakura* 磐座⁴; according to the *Kōjien*, these are places where gods would be 'released' 天磐座を籬ち (note the use of 籬 here). The most developed of these was the now destroyed Yamanokami site consisting of two large boulders, ca. 1.5 m³ in size, around which were placed river cobbles spread as a pavement and bordered by several small kerb rocks. Thousands of ritual objects were excavated there, including soapstone imitations of beads and discs, and miniature pottery models of ladles, mortars and pestles, and winnowing baskets. These date to the 5th century. Eight similar features

¹ Kurano and Takeda 1958: 174, 178.

² Kurano and Takeda 1958: 169, 283.

³ Philippi 1969: 519.

⁴ Described in Barnes 1988: 428-9, with sources.

were found in Okami valley of Mt Miwa but without any artefacts; this could indicate their earlier date before the development of the imitation/miniature repertoire of ritual objects. Three more such features have the names of Hetsu ‘near’, Nakatsu ‘middle’ and Okutsu ‘far’ *iwakura* (note the use of possessive); the first is within the Miwa Shrine precinct and the last at the summit of the sacred mountain. The *Kojiki* also records an *iwakura* 石碕 in Izumo, and the *Nihon Shoki* states that an *isonomiya* 磯宮 equates to a purification ‘palace’ 齋宮 *iwai no miya* – note the component *iwa*.¹ These data all suggest that rocks were important in ritual contexts and that they were associated with surrounds that marked them off as sacred. Considering that most of these features were located in the ancient territory of Shiki, and that all the rock words begin with ‘i’ (*iwa, iso, ishi*), it might have been that Shiki was anciently called Ishiki but that the initial ‘i’ was lost through time. If so, then *ishiki* might also, like other *-ki* ending words, have referred to rock enclosures or enclosures around rocks, thus completing the placename references above.

Finally, one rendition of *shiki* in the *Kojiki* gives rise to questions about the character 鉏 used in personal names. The *shiki* in the god’s name *Adi-siki-taka-pikone-no-kamī* is written alternatively: with 鉏, which is not a Man’yōgana but has the *kō* 甲 form *i*, or 志貴 which are Man’yōgana with the *otsu* 乙 form *ī*. This raises the possibility that other names using 鉏 could be hiding a *-ki* ending that did not get translated into a ‘castle’.²

The name *Oshiki* 押城 occurs together with *Iwaki* 磐木, applied (dubiously in Aston’s view) to certain artefacts called *iwaki-kazura* 磐木蔓, and *oshiki no tama-kazura* 押城珠蔓 also known as a *tachi-kazura* 立蔓. The *Nihon Shoki* annotators, in consultation with archaeologist KOBAYASHI Yukio, determined that the *kazura* was not a type of headdress (as translated by Aston) but metal crowns with standing branches from which hung beads; such crowns were known from Silla tombs on the Korean Peninsula excavated in the early 20th century by Japanese archaeologists.³ This interpretation does not take into account the 75 beads reconstructed as a headdress found in a Yoshinogari burial in the late 1980s, nor the fact

¹ Kurano and Takeda 1958:198; Sakamoto et al. 1965.I: 270 fns. 7, 9.

² Kurano and Takeda 1958: 104, 117, 118.

³ Sakamoto et al. 1965.I: 452.16; Aston 1972[1896].I: 331.1.

that bead necklaces were popular in Late Yayoi (jade magatama and cylindrical beads were excavated from Karako-Kagi in 1993).¹ If such crowns/headdresses were the property of certain heads of social units that abided in enclosures named Oshiki or Iwaki or Kagi (*ka*+城 rather than 鍵?)², following the name forms above, then the application of these modifiers would not be so ‘uncertain’. In Table 5, Iwaki 磐木 occurs as the name of a *miko* ‘prince’. If Iwaki, as with some other personal names, indicates the location of a habitation, then it fits with many of the other placenames using *-ki*. With this reasoning, we might be able to add both Oshiki and Iwaki (and Kagi?) to the list of placenames in Table 3.

Discussion

Before reviewing the above data and drawing some – if not conclusions – hypotheses about Mimaki and his name, let us remind ourselves, in Philippi’s words, that³:

The nomenclature of the *Kojiki* is of more than ordinary interest for the student of Japanese culture, for these names of persons, deities, and places are among the oldest linguistic elements for which we have graphic records. A thorough study of them brings to light many facts of value. However, since most of them fall somewhere between the frankly incomprehensible and the quite obvious, they must be approached with great care and circumspection, and the scholar can never be entirely certain of his [*sic*] interpretation.

There is considerable unassailable evidence that the word *ki* was used independently to indicate an enclosed structure, especially for fortification, as dealt with in the “*Ki* as a structure” section above. *Ki* was written mainly with the character 城 in the *Nihon Shoki* and also appears in the *Kojiki* as 城 in association with 稻城 ‘granary’. Commentators equate 城 = 柵 and also describe it as having a ditch and rampart. The use of 柵 indicates

---

¹ Cf. Hudson & Barnes 1991.

² Karako, the name of the irrigation pond, has been interpreted as lake of the person(s) from Kaya (Kara); in 1985-86, the remains of a person excavated from an Early Yayoi burial coffin at Karako were determined to be of ‘continental type’ (Tawaramoto-chō n.d.), indicating the arrival of agriculturalists from further west (Kyushu).

³ Philippi 1969: 447.

‘palisade’, and such palisaded forts having the name incorporating *-ki* 柵 are known from the 8th century. Stone was only used in building tomb chambers and their moat facings until the introduction of Buddhist temple architecture in the mid-6th century; therefore stone enclosures, as imagined by the character 城 used for medieval castles, would generally not have been feasible, and none have been recovered archaeologically until the Paekche-style mountain forts of the 7th century. However, stone might have occurred in a different setting of *-ki* as presented in the discussion of Iwaki below.

Character substitution

The regular substitution of the character 城 in the *Nihon Shoki* for 木 in the *Kojiki* suggests that 木 was the original choice because it signified ‘timber’ (rather than living trees, as argued above), i.e. the timbers used to build palisades 柵. Thus, we can hypothesize further that 木=城=柵 and that the substitution of 城 for 木 was influenced by the Chinese use of 城 for walled cities. It is a challenge to translate *ki* into English without pre-judging the function (castle, palace) or construction (walls, palisade, ramparts); it seems that ‘enclosure’ would be best, which would also include fences 籬・垣. Enclosed areas were obviously a vital part of the Early Kofun settlement pattern, attested by *gaki* as included in several palace names and areas for shrines 社 *yashiro*, while ritual spots such as *iwakura* were bordered.

Kazuraki is an example where the substitution of 城 for 木 did not happen. Kazuraki is an extant placename in Nara that was consistently written with 城 in both the *Nihon Shoki* and *Kojiki*; this can be viewed as indicating the area’s late development with the rise of the Kazuraki clan and their relations both with the Kawachi Court of the Yamato state – located in southeastern Osaka – and with the southern Korean Peninsula.¹ Indeed, large mounded tombs began to be built in that region only in the 5th century, challenging the leadership of other Nara Basin elites.² It is therefore possible to hypothesize that because this late development is only represented by 城, the substitution of 城 for 木 implies that 木 is the older form, representing phenomena already known in the Early Kofun period and amended later under Chinese influence.

---

¹ Inoue 1985; Kadowaki 2000.

² See Barnes 1988: figs. 60, 61, 87, 88.

Due to the possibility of 木 representing timbers, as in a fence or palisade, I propose that what we are seeing in the chronicles is a progressive transformation in transcribing words: from the beginning these items were called *ki* because of their use of wood in the construction of a palisade or fence, and then were gentrified in status to become a ‘castle’ with the use of the Chinese character 城 as an *ateji* for *ki*. Thus the first choice of the *Nihon Shoki* compilers was to replace most of the 木 characters with the 城 character, and finally in the Nara period, to transfer the *ki* pronunciation to the character for 柵 (Table 2). This is a logical progression for independent structures known as *ki*, or placenames that end in *-ki*.

Placenames and personal names ending in -ki

Placenames ending in *-ki*, presented in Table 3 and comments, are almost all idiosyncratic and present many difficulties in interpretation. However, the evolution of Takaki from a placename to a generic description *takaki* as a hill-fort is telling. It suggests that placenames which may once have been functioning enclosures were, by the 8th century, just the names of places that were either no longer functioning as such or were turned to other uses. These issues bring up the question whether personal names with the first element ending in *-ki* be taken simply as placenames or whether they indicate a functioning installation.

There are many names having this *-ki* ending structure (Table 5), but there are also a great many more without this structure. Only two sovereigns are included in the former list, so that it cannot be maintained that this naming pattern is reserved to the top level of persons who are stated as living in ‘palaces’ 宮 *miya*. In fact, none of the persons in Tables 4 or 5 with the *-ki* ending structure have *miya* in their names, such as pointed out above for Ikenobe-no-*miya*-no-ame-no-shita-wo-shiroshimesu-sumera-mikoto. Thus, it seems that Egami was correct in identifying the possibility that *-ki* was substituted for by *-miya* later. Does this mean that the *-ki* ending itself designates ‘palace’?

I believe the issue of *-ki* in personal names cannot be addressed without consideration of the element *-iri* in many of these names (Tables 5 and 6). Moreover, the contrast between a personal name like Mimaki and the name of his palace as Mizugaki is important. People may move the locations of their houses many times, with different names for each, but they generally take their name with them and that name is usually given at birth.

Thus, if we accept the above data that suggest *-ki* as an enclosure, it seems possible that *-iri* functions more as an indicator of which enclosure they originated from (despite the independent meaning of 入 ‘to enter’), not their current residence. The insert *-iri* might be similar to the use of ‘von’ and ‘van’ in Germanic languages (see the excellent example of von Falkenhäusen in the bibliography). With the lack of convincing alternative interpretations, all the names using 入 might simply be designating a person from such-and-such a place, whether that place is designated as a *-ki* or not. This raises the possibility that there was more than one settlement type at the time of these naming practices and that it does not automatically mean a ‘palace’ as Egami hoped.

What does -ki signify archaeologically?

The question remains as to what was indicated by the *-ki* ending – if we accept that it means ‘enclosure’ – where it occurs in placenames and personal names. Types of enclosures include moated and/or palisaded villages or fenced houses, any or all. However, it can also be proposed that once habitation sites became well differentiated in terms of structure and status, another naming pattern was developed for the elite housestead: that of the *miya* meaning ‘honourable house’ or ‘palace’. Then, the *-ki* form of settlement became more specialized as a fort or fortress, with the name being newly applied to palisades built on the northern frontier.

Is it feasible that hill-forts or moated settlements were the original form of the enclosed settlement type referred to by the *-ki* 木 element?

• Moated settlements were introduced into Japan from the Korean Peninsula, becoming a standard (but not ubiquitous) settlement type in the Yayoi period. However, they generally disappeared throughout western Japan in the early 3rd century. They were initially referred to as ‘enclosed villages’ 囲郭集落 *ikaku shūroku*, but application of the Medieval term ‘moated villages’ *kangō shūroku* 環濠集落 has superseded this usage.¹ Lowland sites having such surrounding ditches or moats include Karako-Kagi and Tsuboi-Daifuku sites in Nara.² Karako-Kagi site in Nara preceded Makimuku in importance as one of the largest moated settlements in western Japan, having multiple moats and covering 42 hectares (half a square

---

¹ Ono 1959.

² Nara-ken 2017; Kashikoken 2001-2008, 2018.

km).¹ It was an economic ‘central place’ with a ‘watch tower’ like Yoshinogari and evidence of craft manufacture (pottery, stone reapers, bronze casting). Karako-Kagi lasted into the Early Kofun period, thus overlapping with Makimuku. Many of these large moated sites are considered to be ‘mother settlements’, with outlying ‘daughter hamlets’ whose inhabitants were engaged in basic subsistence activities. And here is the point where the *-iri* can be understood to mean to have come from a mother settlement with an enclosure or a daughter settlement without an enclosure – accounting for the term’s general occurrence as in Tables 5 and 6.

- Hill-top settlements 高地性集落 *takachi-sei shūroku*, usually surrounded by dry ditches, are characteristic of the archaeological record from the end of Early Yayoi but particularly abundant from Late Yayoi to the start of the Kofun period. Various scholars have created typologies of these and often linked them to environmental changes (escape from flooding) or fortifications during warfare.² Terasawa has mapped out two stages of such upland site construction throughout western Japan, the first from the late 1st century BC through the 1st century AD, and the second during the Wa Disturbances (倭国反乱 *Wakoku tairan*).³ An early mapping of the Nara Basin in isolation revealed upland sites dating to Middle Yayoi and Late Yayoi in two stages.⁴

One problem with these villages is that although they are moated, in general they are not reported to have palisades or fences – unlike Yoshinogari site in Kyushu. Small postholes are ubiquitous on archaeological sites, and it takes exceptional excavation techniques and analysis to recover lines of postholes that represent fences. The rougher excavation methods of decades past did not generally recover such features, but with the identification of pillared buildings, first belonging to the Nara period but now recognized even on Jōmon sites, sensitivity to posthole alignments has been developed. Thus, there is a growing corpus of sites where posthole alignments are interpreted as fences. These not only sometimes encircle a village parallel to a surrounding moat but also are used to separate internal sections of the site or encircle specific buildings.⁵ The words used in site

---

¹ Tawaramoto-chō n.d.

² As discussed in Takahashi 2003.

³ Terasawa 2000; as seen in Barnes 2007: fig. 3.10. *Wakoku tairan*: 147-189

⁴ Barnes 1988: fig. 66.

⁵ Harima-chō 2012.

reports include 杭群, 杭列, 柵, 柵列, representing the features 塀・柵; the feature tag for ‘Aligned postholes’ is given as ‘SA’ in contrast to SB for Buildings, SD for Ditches, etc.¹

5th-century settlements in Nara

With the demise of the large moated settlements across the Yayoi/Kofun divide, the population presumably dispersed into agricultural hamlets – the basic unit of the Ritsuryō calculations and the traditional village structure of historic Nara – while the elites established separate housestead enclosures, *kyokan*. Settlement remains dating to the Kofun period in Nara are beginning to be discovered. Three sites in the northeast Basin have yielded interesting features.² In 1990–91, the Minami-Kidera 南紀寺 site (note the *ki* 紀) excavations in Nara City revealed that the area was razed before the mid-5th century and a habitation established that lasted from the late 5th century into the Nara Period. The area north of the Kidera South Pond was proposed as a possible aristocratic *kyokan*; a moat 37 m long with stone paving on the sides was in use from before the mid-5th century to the early 6th century. South of the pond (250 m away) was a cluster of late 5th- to early 6th-century pit-buildings, pillared buildings, pits and ditches, a kiln (?), and an embedded-pillar ‘wall’ 掘立柱塀. This excavation was the first intimation of a *kyokan* housestead associated with commoner housing in pit-buildings that appeared to include a stoneware (Sueki) potter. In 1994, the Higashi-Kidera site was excavated, revealing a stream used from the end of the Early Kofun into Middle Kofun, then filled in with Late Kofun pillared buildings and ditches constructed over it. At the Furuichi Sakuradani site, pit-buildings, pillared buildings, and pits were excavated; the site was interpreted as a *kyokan* of late Middle to Late Kofun associated with wood-working and pottery kilns.

Across the Basin, the Saidaiji-higashi site, in the region allegedly occupied by Prince Saho, yielded pits, pit-buildings, and pillared buildings plus much pottery dating from Early to Late Kofun. One large building, with carefully hewn square pillars and surrounded by a ditch 20-30 cm wide, is said to be extraordinary, but its exact date is not clear; no other boundaries (and no burned buildings) were reported.³

---

¹ Fujio 2009: 21, table 2.

² Nara-shi n.d.; Nabunken 1994; Nara-shi Kyōi 2017.

³ Nara-shi n.d.

In 1996 in the southwestern Nara Basin, excavations began at the Nangō site cluster¹, spread over 1.1×1.7 km, entailing more than 30 *yashiki* housesteads, pit-houses, and workshops including metals and bead-making. On the cluster's southern edge, a *kyokan* interpreted as the Kazuraki Clan administrative centre was excavated at the 5th-century Gokurakuji Hibiki site in Gose City²; it contains an extremely large building of 225 m² with a ritual space in front. The site was bounded by gulleys on two sides, and a moat and wall/fence 塀 *hei* on the other two sides; a 4m-long wooden conduit 筒 *tsutsu* facilitated water control (think of Tsutsuki in Table 3). Located at 245 m msl on the alluvial fan of the Kongo Mountains as one exits the Basin to the southwest, it had an excellent prospect overlooking the valley. Similar features at the Furu site in Tenri – an area 90×90 m surrounded by a stone footing – are thought to have been the courtyard residence of the Mononobe Clan.³

At the Makimuku site, a moat measuring 65 m EW $\times$ 54 m NS was excavated, dating to the late 3rd to early 4th centuries.⁴ The moat was 2 m wide and 2 m deep, having a rampart on the outer edge and postholes spaced at 1.6 m indicating a separate bay construction. The feature has been interpreted as the surround for a *kyokan* or storehouse complex (*inaki?*), and seemed to be fortified against incursion. Late 3rd-century organic remains have been recovered from the Minami-Tobizuka tomb moat; they are said to be ‘architectural materials’ but may be collapsed fencing.⁵

And one example not in Nara: at the Kanai Shimo-Shinden site in Gunma Prefecture, a 3 m-tall woven fence was discovered collapsed, carbonized, and preserved by volcanic ash.⁶ It was constructed of panels consisting of two diagonally interwoven mats of plant materials forming the outer surfaces and sandwiching vertical bundles of reeds on the interior. The mats were reinforced on the outside by lashed-on horizontal reed bundles; the 20-30 cm thick panels were erected between posts marking off bays of 1.8 m in width – wider than that at Makimuku. This was a sophisticated and labour-intensive fence that enclosed a ritual area at the site, dating to the early 6th century. It is unusual that such organic remains have

---

¹ Kashikoken 1999–2000; 2019.

² Kashikoken 2007.

³ Hino 2014

⁴ Terasawa 2012-2017, see 尾崎花地区の区画溝 in menu.

⁵ Terasawa 2012-2017, see 南飛塚古墳 in menu.

⁶ Sugiyama 2019: fig. 10.

survived in the archaeological record, but this find both confirms the presence of sturdy fenced enclosures and allows us to envision others.

It will be noted that almost all the above finds in Nara belong to Middle and Late Kofun periods, with some possibly reaching back into the 4th century. It is very clear that by this time, the settlement pattern in Nara included elite *kyokan* housesteads surrounded by dispersed habitations, often of continuing pit-building construction, that involved craft manufacture. This kind of gathering of craftspeople around a central elite is well known in the worldwide archaeological literature as one step towards urbanization. I hypothesized early on that the 5th century capital of Anko – whose Anaho palace was allegedly located in the east central Basin – is represented by the Furu site, consisting of dispersed settlement over the alluvial fan where modern Tenri City is located.¹

Makimuku

The Makimuku site is named after one village on the alluvial fan of the Makimuku River in southeastern Nara Basin.² The setting is very similar to that of the Furu site, offering a broad sloping location for settlement physically above the Basin's lowland alluvium. The area, at the foot of Mt Miwa, is acknowledged to have been the capital of the Early Kofun sovereigns named in the Chronicles.³ The dispersed occupational remains surrounded by the earliest keyhole tomb groups in the country have marked out the Makimuku site as extremely unusual and important. The site was established in the early 3rd century (Terminal Yayoi) and lasted until the mid-4th century, when it was abandoned as a political centre.

Four habitation areas have been identified on slight rises of the alluvial fan between stream channels; a couple of these form 'islands' *shima*, which may illuminate the specified location of Kinmei's palace of Kanasashi 金刺 in Shikishima 師木島, Shiki, in the mid-5th century.⁴ The *Nihon Shoki* annotators question whether this palace is related to the Kanaya 金屋 placename south of Makimuku, but excavations at this location, which is in the alluvial flats of the Ha(tsu)se River below the alluvial fan, revealed only riverbed sedimentation.⁵ A complex of buildings excavated in 1978

---

¹ Barnes 1988: 146, 259-260, 265, fig. 89.

² Ishino 2005.

³ See Barnes 2007: chapter 8.

⁴ Sakamoto et al. 1965.II: 65; Kurano and Takeda 1958: 338.

⁵ Sakurai-shi Kyōi 1986; see Barnes and Okita 1993: fig. 1.3.

have been controversially interpreted as a ‘shrine’, with a large central building of 23 m² flanked by two smaller buildings (one excavated, 2.8 m², one hypothetical).¹ Terasawa integrated these buildings into a fenced compound at Makimuku which he labelled as a “central place”.² The large building does not have the two extra pillars to support the ridgepole as seen at the national Ise Shrine and that have been excavated at many Yayoi- through Kofun-period sites. Okada stated that this could not be a shrine complex due to the lack of those extra pillars and the fact that at that time, natural features (rock outcrops or stands of trees) were the focus of rituals and any structures would have been temporary for execution of that ritual.³ If that were the case, then Yayoi structures having the extra pillars would not have been ‘shrines’ in the Shintō sense either. Moreover, there is a passage in the Sujin Chronicle that states that “Before this the two Gods Ama-terasu no Oho-kami and Yamato no Oho-kuni-dama were worshipped together within the Emperor’s Great Hall [*miaraka*]” 先_レ是、天照大神・倭國魂二神、並_レ祭於天皇大殿之内_レ.⁴ Thus, it is possible to believe that part of the compound identified by Terasawa functioned as a ritual space. Subsequently, Sujin established a separate compound, the Shikataki-no-himoroki 磯堅城神籬⁵ at Kasanui Village (邑), where they could be worshiped. Was this a stone (*i*)*shi*-firmed-fence? Kasanui is an extant placename about 4 km directly west in alignment with these buildings at Makimuku.

From 2009, the full extent of the fence surrounding the above buildings were confirmed and further buildings were discovered. Four buildings aligned east to west are now attributed to a *kyokan*, with a fifth building estimated under the boundary railtracks.⁶ The main building is very large at 19.2 × 12.4 m = 238 m²; the superstructure reconstruction of it and two other buildings in a fenced compound is shown in that publication as created through computer graphics.⁷ This conforms to the image of a *-gaki*-surrounded housestead (palace). The *kyokan* existed only for the first half of the 3rd century (Terminal Yayoi); it faces the Makimuku tomb cluster, and on its south side have been recovered contemporaneous moated burial

---

¹ Terasawa 2000; Barnes 2007: fig. 8.1; Hashimoto 2009.

² Terasawa 2000: 253.

³ Okada 1999: 52.

⁴ Aston 1972[1896]: 151; Sakamoto et al. 1965.I: 239.

⁵ This is the only mention of Shikataki, and its relationship to Shiki is not clear.

⁶ Hashimoto 2010: figs. 2,3,4; Sakurai-shi 2016: 69.

⁷ See Sankei 2013.

precincts, wooden coffins, and a very small keyhole tomb with a square rear mound.¹ This *kyokan* complex is thought to have been the locus of the premier political group in Japan, possibly connected to the queen Himiko mentioned in the Chinese chronicles.²

The Makimuku site marks a huge change in settlement pattern whose implications have yet to be fully understood. Occupation of the site faded out in the early 4th century, but this kind of architecture for political centres can possibly be expected elsewhere (Furu?). It is remarkable that the early 3rd-century *kyokan* was not enclosed by a ditch, and with all the tombs nearby, it appears similar to the Yinxu site of the Shang Dynasty in China – which was equally unbounded in contrast to the contemporaneous walled settlement pattern. Yinxu has been considered as possibly a mortuary site; is a similar ritual function applicable to Makimuku, since virtually no pit-houses as residential units have yet been found in the site area?

Conclusions

There is tremendous variation in naming practices in the early Japanese chronicles, with considerable manipulation by their compilers. If the initial parts of personal names ending in *-ki* (Mimaki, Takaki, Iwaki) are accepted by the above arguments to be names of a particular settlement, then such personal names include reference to a locale, especially since the structure of the names often indicates some kind of possession (Shiki-*tsu-piko*..., the ‘prince of Siki’) or possible location (Mimaki-*iri-biko*..., the ‘prince from Mimaki’, or ‘Mimaki-entering prince’). However, this is not a universal pattern with other kinds of names in abundance, so it is reasonable to suspect that the logic applied above does not really hold. Nevertheless, if we accept Egami’s original proposition that the Mimaki part of Sujin’s name (Mimaki-iri-biko-iniwe-no-mikoto) most likely does indicate a settlement name, I would further propose that that settlement is one of birth. Rather than a ‘castle’ or ‘palace’, such a settlement was probably a moated settlement of the type characteristic of the Late Yayoi period. The palace that he established as an adult, however, was likely more in the style of a fenced or palisaded compound that was separate from other settlements such as at Makimuku.

There are some salient aspects of the Makimuku site that impact on

---

¹ Sakurai-shi 2009.

² Barnes 2014.

the hypotheses offered here. First, the Makimuku alluvial fan seems to have been relatively unoccupied until the early 3rd century when the large *kyokan* complex and keyhole tombs were established in the Terminal Yayoi period. Thus, the occupants of Makimuku must have come from elsewhere to establish their *kyokan* here, whether from outside the Basin as hypothesized by Terasawa in regards to Himiko's elevation as 'queen' after AD 180¹ or from other settlements within the Basin – presumably the moated villages and their satellites. Given Mimaki's naming pattern as shared by his contemporaries, however, it is unlikely that he came from afar (the Korean Peninsula), as hypothesized by Egami.

The problem is, we don't know the identities of those who established Makimuku. If Mimaki (Sujin) reigned between 219 and 249, as suggested by the revised dating, then he could have been born in an 'honorable true enclosure' (*mi-maki*) but established his palace Mizukaki at a different location. If that early enclosure (*maki*) was actually Karako-Kagi downriver from Makimuku, that is how Makimuku ('*maki*-facing') got its name. The recovered early *kyokan* does not, however, face down the Makimuku River: its axis is oriented 7° south of west towards Kasanui, and we don't know if this *kyokan* can be identified as the Mizukaki Palace.

Let us also remember the four relationships of documentary and archaeological evidence as introduced above: Illustrator, Elaborator, Challenger, and Comparative. Although I prefer the Comparative approach outlined by Mark Leone, I found it was impossible to achieve while working with the primary documents of the *Nihon Shoki* and *Kojiki*. This is because the documents themselves have undergone many transitions: from oral history, to written texts, then compiled into formal histories, and revised under Chinese influence in several versions, annotated by early scholars, and then consolidated into official texts subjected to scholarly analysis over three centuries that includes reference already to archaeological and historical material. I am indebted to the ideas and comments of all the former that are presented in the NKBT series.

I would say that this study falls into the Elaborator category but also involves some Challenges to current interpretations. However, the predominant strategy employed here was 'dialectical' – shifting back and forth between the archaeological and documentary data, with the inherent risk of circular reasoning. It was impossible to look at the documents while igno-

---

¹ Terasawa 2000.

ring my deep involvement over decades with the archaeology; and previous annotators of the documents have also looked to archaeological finds, placename research, and historical geography to help form their opinions. As long as we are aware of this dialectical process, and the tentative nature of conclusions or hypotheses that can be drawn from them, then there are rich finds to be made and to stimulate further research.

In conclusion, the name patterns that occur in the early chronicles can be used to frame questions about the emergence of differential residential patterns that accompanied the stratification of society from Yayoi into the Kofun period. The coordination of documentary and archaeological data in this case is not a mere matching exercise but involves the analysis of data, identification of patterns and postulation of their meaning within the context of an emerging complex socio-political system. Far from archaeology being simply an ‘Illustrator’ of the documents, the analysis of both archaeological and documentary evidence contributes to the greater understanding of each on their own terms and in contrast with the other.

Acknowledgments and Disclaimer

I am honoured and very grateful to Dmitriy Surowen and colleagues for the invitation to contribute to this Festschrift, imperfect as my contribution may be. Within the short time allowed for preparation, inability to access off-line library resources during the COVID-19 pandemic, and the handicap of the JHTI not being a full concordance for early texts, I humbly offer this individual foray into coordinating documentary and archaeological material on settlement patterns in Early Kofun-period Japan based on my past research and resources to hand. If I have inadvertently repeated already well known findings, please consider my work as providing independent confirmation of such. I sincerely hope that someone with more time and resources can continue these lines of enquiry, filling in the gaps and correcting my more specious suggestions.

Primary Texts:

Hou Han Shu / compiled by BAN Gu and PAN Zhao between AD 54 and 100, (Anon 1962a).

Wei Zhi / compiled by ZHEN Shou (AD 221–265); available within the *Sanguozhi*, (Anon 1962b).

Samguk Sagi / by KIM Pu-sik (1983 [1185]).

Samguk Yusa / by Ilyon (13th century). Transl. by HA Tae-hung and Grafton K. Mintz (1972).

Kojiki / Transl. by Donald L. Philippi (1969).
Nihon Shoki: Chronicles of Japan from the Earliest Times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston (1972[1896]); Sakamoto et al. (eds.) (1965, 1967).
Harima Fudoki / compiled in AD 714, translated, annotated, and commented upon by Aoki (1997) and Palmer (2016).
Shinsen Shōjiroku 新撰姓氏録 / compiled in AD 815 (Kurita 1900).
Xintangshu 新唐書 / compiled between 1043 and 1060 (Zhang 1992).

Bibliography

- Ahlström, Kim; Ahlström, Miwa & Plummer, Andrew (n.d.) “Jisho.” [<https://jisho.org/>].
- Akimoto, Kichirō (1958) *Fudoki*. Tokyo: Iwanami (in Japanese).
- Aoki, Michiko Y. (1997) *Records of wind and earth: a translation of Fudoki, with introduction and commentaries*. Ann Arbor: Association for Asian Studies.
- Anon. (1962a) *Houhanshu*, 8 vols. Beijing: Zhonghua Shuju (in Chinese).
- Anon. (1962b) *Sanguozhi*, 5 vols. Beijing: Zhonghua Shuju (in Chinese).
- Aston, W.G. (Translator) (1896/1972) *Nihongi: chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697*. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, reprint 1972. Also reprinted by Cosimo, Inc. in 2 vols., 2005, 2008.
- Barnes, Gina L. (1983) *Yayoi-Kofun settlement archaeology in the Nara Basin, Japan*. Ann Arbor, MI: University Microfilms (ProQuest). Published as Barnes 1988.
- (1984) “Mimaki and the matching game.” *Archaeological Review from Cambridge (ARC)* 3.2: 37-47.
- (1987) “The role of the *be* in state formation”, pp. 86-101 in *Production, Exchange and Complex Society*, ed. by E. Brumfiel & T. Earle: Cambridge University Press.
- (1988) *Protohistoric Yamato: archaeology of the first Japanese state*. Anthropological Papers 78 and Modern Papers in Japanese Studies 17. Ann Arbor, MI: Museum of Anthropology and the Center for Japanese Studies.
- (2001) *State formation in Korea: historical and anthropological perspectives*. Richmond: Curzon.
- (2007) *State formation in Japan: emergence of a 4th-century ruling elite*. London: Routledge.
- (2014) “A hypothesis for Early Kofun rulership.” *Japan Review* 27.3-29.
- Barnes, Gina L. and Okita, Masaaki (eds) (1993) *The Miwa Project: survey, coring and excavation at the Miwa site, Nara, Japan*. BAR International Series 582. Oxford: Tempvs Reparatum.
- Best, Jonathan W (1990) “Horserider reruns: two recent studies of early Korean-Japanese relations.” *Journal of Japanese Studies* 16.2: 437-442.

- Charlton, Thomas H. (1981) "Archaeology, Ethnohistory, and Ethnology: interpretive interfaces." *Advances in Archaeological Method and Theory* 4: 129-176.
- Cotter, J.L. (1976) "Historical archaeology: an introduction." *Archaeology* 29.3: 150-151.
- Cressey, P.J. & Stephens, J.F. (1982) "The city-site approach to urban archaeology", pp. 41-62 in *Archaeology of Urban America: The Search for Pattern and Process*, ed. by R.S. Jr. Dickens. New York: Academic Press.
- Dymond, D.P. (1974) *Archaeology and history: a plea for reconciliation*. London: Thames & Hudson.
- Edwards, Walter (1983) "Event and process in the founding of Japan: the horserider theory in archaeological perspective." *Journal of Japanese Studies* 9.2: 265-296.
- Egami, Namio (1964) "The formation of the people and the origin of the state in Japan", pp. 35-70 in *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. Tokyo: Toyo Bunko (in English).
- Fujio, Shin'chiro (2009) "Trends, topics, and results in research." *Kokuritsu Rekishi Minzoku Hakubutsukan Kenkyū Hōkoku* 149: 1-30 (in Japanese).
- GARF (1981) *Mitsudera site. Gunma-ken Maizō Bunkazai Chōsa Jigyōdan Chōsa Hōkoku* 3 (in Japanese).
- (1985) *Mitsudera site / Hodota site / Nakazato Tenjinzuka Tomb #5. Gunma-ken Maizō Bunkazai Chōsa Jigyōdan Chōsa Hōkoku* 43 (in Japanese).
- (1989-91) *Mitsudera site. Gunma-ken Maizō Bunkazai Chōsa Jigyōdan Chōsa Hōkoku* 93 (in Japanese).
- Gunma-cho (2005) *Kitayatsu (北谷) site*. Gunma Township: Gunma-cho Kyōiku linkai (in Japanese).
- Harima-chō (2012) "Yayoi villages in Hyōgo." *Hōkoku Harima* 24: 1 p. (in Japanese).
- Hashimoto, Torahiko (2009) "Preliminary excavation report: seeking the Makimuku *kyokan* (Makimuku site #162 investigation)." *Makimuku Kōkōgaku Tsushin* 1: 1-6 (in Japanese).
- Hashimoto, Torahiko (2010) "Preliminary excavation report: seeking the Makimuku *kyokan* (Makimuku site #166 investigation)." *Makimuku Kōkōgaku Tsushin* 1: 1-6 (in Japanese).
- Hino, Hiroshi (2014) Contemplating elite residences of the Kofun Period. *Tooku Sankokan*, [https://www.sankokan.jp/news_and_information/ev_ts/ts233.html] (in Japanese).
- Hudson, M. & Barnes, G.L. (1991) "Yoshinogari: a Yayoi settlement in northern Kyushu." *Monumenta Nipponica* 46.2: 211-235.
- Ilyon (1972) *Samguk Yusa*. Translated by HA Tae-hung and Grafton K. Mintz. Seoul: Yonsei University Press.

- Inoue, Mitsusada (1985) "The Kazuraki clan seen from the chronicles." *Inoue Mitsusada Chosakushū* 1: 29-72. Tokyo: Iwanami Shoten.
- Ishino, Hironobu (2005) *Yamato Makimuku site*. Tokyo: Gakuseisha (in Japanese). JHTI Berkeley n.d. "Japanese historical text initiative." [<https://jhti.berkeley.edu/>].
- Kadowaki, Teiji (2000) *Kazuraki and the ancient state*. Tokyo: Kodansha (in Japanese).
- Kanda, Hideo 1959. *The structure of the Kojiki*. Tokyo: Meiji Shoin (in Japanese).
- Kanzaki-chō (1996) Migihara Gion-chō site. *Kanzaki-cho Bunkazai Chōsa Hōkokusho* 52. Hakata: Kanzaki-chō Kyōiku Iinkai (in Japanese).
- Kashikoken (1999-2000) *Nangō site cluster*. Nara-ken Shiseki Meikatsu Tenzen Kinenbutsu Chōsa Hōkoku 5 vols. Kashihara: Nara Kashihara Archaeological Research Institute (in Japanese).
- Kashikoken (2001-2008) "Karako-Kagi site around Karako-Kagi, Tawaramoto-chō." *Yamato no Iseki* [www.kashikoken.jp/museum/yamatonoiseki/yayoi/karakokagi.html] (in Japanese).
- (2007). *Gokurakuji site*. Kashihara: Nara-ken Kashiwara Kōkogaku Kenkyūsho (in Japanese).
- (2018) "Tsuboi-Daifuku site in Kashiwara-shi Tsuboi Tokiwa-chō and Sakurai-shi Daifuku." *Yamato no Iseki* [www.kashikoken.jp/museum/yamatonoiseki/yayoi/2018%20tuboi%20daihuku.html] (in Japanese).
- (2019) "Nangō site cluster (Gose City, around Nangō)." *Yamato no Iseki* [www.kashikoken.jp/museum/yamatonoiseki/kofun/2019.21.nango.html] (in Japanese).
- Kidder, J. Edward Jr. (1959) *Japan before Buddhism*. London: Thames & Hudson.
- Kidder, J.E. Jr. (1985) "The archaeology of the early horse-riders in Japan." *Transactions of the Asiatic Society of Japan, 3rd series* 20: 89-123.
- Kim, Pusik (1983[1185]) *History of the Three Kingdoms*, 2 vols. Seoul: Eul-Yoo Publishing Co. (in Korean).
- Kinda, S. (1971) "Village morphology in the Nara and Heian periods." *Shirin* 54.3: 49-115 (in Japanese).
- Kirkland, J. Russell (1981) "The 'horseriders' in Korea: a critical evaluation of a historical theory." *Korean Studies* 5: 109-28.
- Kiyama, Hideaki (1978) *Social organization of the eighth century Japanese villages: a statistical reconstruction based on the contemporary registration*. Ann Arbor: University Microfilms (ProQuest) (in English).
- Kobe-shi (2010) *Matsuno site excavation report, #3-7 investigations*. Kobe: Kobe-shi Kyōiku Iinkai (in Japanese).
- Kurano, Kenji and Takeda, Yūkichi (1958) *Kojiki Norito. Nihon Koten Bungaku Taikei* 1. Tokyo: Iwanami (in Japanese).
- Kurita, Hiroshi (1900) *Shinsen Shōjiroku*. Tokyo: Yoshikawa Kobunkan [DOI 10.11501/991614] (in Japanese).

- Ledyard, Gari (1975) “Gallop along with the horseriders: looking for the founders of Japan.” *Journal of Japanese Studies* 1.2: 217-254.
- Leone, Mark P. (1988) “The Relationship between Archaeological Data and the Documentary Record.” *Historical Archaeology* 22.1: 29-35.
- Mizuno, Yu (1952) *Revised introduction to theories of the ancient Japanese dynasties*. Tokyo: Komiyayama Shoten (in Japanese).
- Morris, Martin (1999) “From the ground up: the reconstruction of Japanese historic buildings from excavated archaeological data.” *Japan Review* 11: 3-30. [DOI: 10.15055/00000291].
- Nabunken (ed.) (1994) *Higashiki-dera site*. Nara: Nara Jōshi Daigaku (in Japanese).
- Nara-ken (2017) “Karako-Kagi site.” *Ikasu Nara* [<http://www.pref.nara.jp/miryoku/ikasu-nara/bunkashigen/main02001.html#:~:text=唐古・鍵遺跡は、弥生,もつくられました。>] (in Japanese).
- Nara-shi (n.d.) “A newly discovered Kofun-period settlement.” *Nara-shi Maizō Bunkazai Chōsa Sentā Sokuhō Tenji Shiryō* 28: 2 pp. (in Japanese).
- Nara-shi Kyōi (2017) “Kofun-period large pillared buildings and settlement?” *Nara-shi Maizō Bunkazai Chōsa Sentā Sokuhō Tenji Shiryō* [<https://sitereports.nabunken.go.jp/en/710>] (in Japanese).
- NKBT (Nihon Koten Bunka Taikēi), see Sakamoto et al. 1965; Akimoto 1958; Kurano and Takeda 1958.
- Okada, S. (1999) “The origin of shrine architecture.” *Kōkōgaku Kenkyū* 46.2 (182): 36-52 (in Japanese).
- Ono, Tadahiro (1959) “Problems concerning Yayoi-period enclosed settlements.” *Chirigaku Hyōron* 32.6: 1-19 [[www.jstage.jst.go.jp › article › grj1925 › _pdf](http://www.jstage.jst.go.jp/article/grj1925/_pdf)] (in Japanese with English title and summary).
- Palmer, Edwina (2016) *Harima Fudoki – a record of ancient Japan reinterpreted*. Leiden: Brill.
- Philippi, Donald L. (Translator) (1969) *Kojiki*. Princeton and Tokyo: Princeton University Press and Tokyo University Press.
- Reischauer, R. K. and Reischauer, J. (1937) *Early Japanese history, c. 40 BC-AD 1167, parts A & B*: Princeton University Press.
- Saga-ken Kyōi (2003) *Yoshinogari site: Japan’s largest moated settlement site*. Saga City: Saga Prefectural Board of Education (in Japanese).
- Sakamoto, T.; Ienaga, S.; Inoue, M. & Ono, S. (1965) *Nihon Shoki jō, ka*, vols. I (*jō*) & II (*ka*). Tokyo: Iwanami (in Japanese).
- Sahara, Makoto (1996) *Did the horseriders come or not?* Tokyo: Shogakkan (in Japanese).
- Sakaeda, Ichirō (1963) *Daijiten*. Tokyo: Kōdansha.
- Sakurai-shi Kyōi (1987) *Miwa site Kitanobō location excavation report: Sakurai Kanaya*. Sakurai: Sakurai City Board of Education (in Japanese).

- (2009) *Makimuku site excavation report 2: investigation of Eary Kofun tomb cluster in the Mekuri area*. Sakurai: Sakurai City Board of Education.
- (2016) *Historic site Makimuku site, historic site Makimuku tomb cluster*. Sakurai: Sakurai City Board of Education (in Japanese).
- Sankei (2013.2.2) "Himiko's ritual building? Nara Makimuku site's 100 posthole discoveries." [www.sankei.com/west/news/130202/wst1302020045-n2.html] (in Japanese).
- Shirakawa, Shizuka (1987) *Jikun* [reading characters in *kun-yomi*]. Tokyo: Heibonsha (in Japanese).
- Shinmura, Izuru (ed.) (1969) *Kōjien*. Tokyo: Iwanami Shoten (in Japanese).
- Sugiyama, Hidehiro (2019) "Investigations into the Kofun period disasters caused by Mt Haruna eruptions", pp. 168-182 in *TephroArchaeology in the North Pacific*, ed. by Gina L. Barnes & Tsutomu Soda. Oxford: Archaeopress (in English).
- Takahashi, Tōru (2003) "Terminal Yayoi upland settlements." *Kikan Kokogaku* 84: 71-74 (in Japanese).
- Taketani, T. (1992) "Yayoi sites and the Miwa Court", pp. 43-75 in *The formation of Yamato authority*, ed. by S. Ōmi; M. Okita & K. Kawamura et al. Tokyo: Gakuseisha (in Japanese).
- Tawaramoto-chō (n.d.) *Karako-Kagi site Historic Site Park*. Keihan Engei Co. Ltd. [karako-kagi.com] (in Japanese).
- Tawaramoto Museum (n.d.) "Large mortar and standing pestle." *Museum Collection* 62. [www.town.tawaramoto.nara.jp/material/files/group/34/55075722.pdf] (in Japanese).
- Terasawa, Kaoru (2000) *The birth of kingly power*. Tokyo: Kodansha (in Japanese).
- Terasawa, Kaoru (2012-2017) "What kind of site is Makimuku?" *Research Center for Makimukugaku, Sakurai City* [www.makimukugaku.jp/info/iseki.html] (in Japanese).
- Tobler, W. and Wineburg, S. (1971) "A Cappadocian speculation." *Nature* 231: 39-41. [DOI: 10.1038/231039a0].
- von Falkenhausen, Lothar (1993) "On the historiographical orientation of Chinese archaeology." *Antiquity* 67.257: 839-849.
- Watanabe, Y. et al. (2020) *Yoshinogari site: Yayoi period summary, vol. 1*. Saga (in Japanese).
- Zhang, Zexian (1992). "Xintangshu", in *Zhongguo da baike quanshu, Zhongguo lishi* Vol. 3, 1324. Beijing/Shanghai: Zhongguo da baike quanshu chubanshe (in Chinese).

Барнс Джина Л.

**Между археологическими и текстуальными доказательствами
в исследовании раннеисторической Японии**

Эта статья была составлена на основе результатов исследований, проведённых Джиной Л. Барнс для написания своей докторской диссертации. Данные исследования затем были дополнены анализом взаимосвязи между историческими текстами и археологическими материалами. Первоначальное исследование данных материалов было опубликовано после представления к защите диссертации Джинины Л. Барнс, а затем оно было переработано для лекции, прочитанной на симпозиуме, состоявшемся в Университете Ниигата в 2002 году. Эта версия объединяет последние два варианта, сохраняя исходные ссылки нетронутыми, с обширными данными и некоторыми обновлёнными идеями. Данная статья предлагается здесь с целью придания в дальнейшем импульса идеи о ценности изучения древнеяпонских хроник в его связи с археологическими находками. Джина Л. Барнс цитирует в этой статье большую часть её прежней работы по данной и смежным темам; дальнейшие ссылки на другие источники можно найти в этих публикациях.

Ключевые слова: японская протоистория, археология поселений, историческая археология, текстологическая критика.

Джина Ли Барнс – заслуженный профессор японоведения Даремского университета (Дарем, Англия); участник проекта Департамента наук о Земле (Дарем, Великобритания); профессор и научный сотрудник Департамента искусств и археологии, и научно-исследовательского центра Японии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета (Рассел-Сквер, Лондон WC1H 0XG, Великобритания). *E-mail:* gb11@soas.ac.uk

Ермакова Л.М.

ЛЕТОПИСЬ РОДА ТАКАХАСИ: ТЕКСТ И МИФ

«Такахаси удзибуми», «Летопись рода Такахаси» в настоящее время представляет собой составной памятник, как считается, восходящий к одноименному тексту, составленному в 789 г. (8-й год Энряку). Оригинальный текст эпохи Нара до нынешнего времени не дошёл, о нём можно судить лишь по цитатам из него в более поздних памятниках периода Хэйан, таких, как «Хонтё гацурё» («Ежемесячный придворный распорядок»^a), «Сэйдзи ёряку» («Основные события в государственном управлении») и «Нэнтю гёдзи хисё» («Извлечения из тайных записей годовых ритуалов»). Эти памятники тоже дошли до нас не в оригиналах, а в более поздних списках разных исторических периодов, имеющих различия по использованным иероглифам, языку и стилю, т.е. для формирования и публикации так называемого критического текста требуется сведение воедино многих вариантов или же выбор одного в каждом случае, когда обнаруживаются разночтения.

Фрагменты из различных сохранившихся средневековых копий разных памятников и составляют то, что в японской филологии принято называть «Такахаси удзибуми», т.е., можно сказать, что этот памятник представляет собой классический образец средневекового текста, состоящего из нескольких взаимопроникающих временных слоёв, принадлежащего кисти нескольких копиистов и плохо поддающегося точной датировке.^b

Текстологическую работу по собиранию этого текста из фрагментов разных письменных памятников первым проделал в 1842 году Бан Нобутомо (1773-1846), один из младших представителей Кокугакуха, Школы национальной науки. Все последующие исследователи так или иначе опирались на его труд «Такахаси удзибуми кётю» («Примечания к «Такахаси удзибуми»»).

Среди более поздних книжных изданий можно назвать, напри-

Ермакова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального Университета иностранных языков [Kobe City University for Foreign Studies] (г. Кобэ, Япония).

E-mail: lermakova@gmail.com

^a Слово *гацурё* может также читаться как *гэцурэй*.

^b О проблеме датировки фрагментов текста и о связанных с ней трудностях подробнее см.: *Курано Кэнзи*. Такахаси удзибуми кб. (Исследования «Такахаси удзибуми») // Бунгэй то сисб. – Фукуока, Фукуока-дзёси-дайгаку, 1952. – Т. 5. – С. 65-73.

мер, сборник летописей различных родов, куда входит и «Такахаси удзибуми», 2012 г., под ред. Окимори Такуя, Сатō Макото и Ядзима Идзуми в издательстве Ямакава; издание 2010 г., в которое также входит и «Кого с̄юи», с комментариями Ясуда Наомити и Акимото Ёсинори в издательстве Гэндай сисб̄ся; затем комментированное издание 1979 г. под ред. Курита Сб̄дзи в серии Синсэн нихон котэн бунко, вып. 4; и др. Трудно было бы перечислить все посвященные памятнику статьи, одна из них, принадлежащая Курано Кэндзи, цитировалась выше.

В середине XX века вышло исследование и перевод текста Нобутомо на английский: *Mills D.E. "The Takahasi Uzibumi" // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – University of London. 1954. Vol. 16. No. 1. Pp. 113-133.*

На русском языке этот памятник в его самых важных фрагментах был представлен в весьма подробной и содержательной статье Д.А. Суровеня «Объезд Восточных территорий государем Отарасихико и административно-территориальные реформы начала 40-х годов IV века в Ямато» // *Уральское востоковедение, Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – 2012. № 4. С. 10-39.*

Д.А. Суровень включил в свою работу перевод наиболее важных фрагментов памятника и, в сопоставлении летописи рода Такахаси со многими другими письменными свидетельствами эпохи Нара и Хэйан, предпринял реконструкцию социокультурного контекста того исторического периода древней Японии, когда совершал своё восточное путешествие император Кэйкō.

Мы в этой публикации ставим перед собой иную задачу, прежде всего – представить версию полного перевода памятника в том виде, который он принял в настоящее время, т.е. на основе более современного критического издания текста. Во-вторых, мы собираемся говорить лишь об отдельных сторонах данного памятника, поскольку наши соображения и комментарии к тексту, в соответствии с интересом и специализацией автора данной публикации, лежат, по преимуществу, в области мифологии, а также художественных форм ранней словесности. Другими словами, нас будет прежде всего интересовать аспект верований и мифов, отраженных в данном тексте, по структуре напоминающем палимпсест. За исторической интерпретацией и политическим анализом мы отсылаем читателя к вышеназванной статье Д.А. Суровеня.

Выскажем надежду, что наши с Д.А. Суровенем работы можно в большой мере считать взаимодополняющими – как представляется, Д.А. Суровень ставит целью на основе письменно зафиксированных мифов и преданий реконструировать характер и развертывание событий древней истории; для нас цель, наоборот, в том, чтобы проявить древние мифологические мотивы, лежащие в основе эпики японской древности.

В основу предлагаемого перевода положено издание «Такахаси удзибуми тōсяку. Кодай бункэн-о ёму кайхэн». Токио, Канрин сёбō, 2006. Это коллективный труд «Объединения по прочтению древних памятников письменности»; реконструкция текста проводилась непосредственно по рукописным спискам, относящимся к собранию старых книг рода Кудзё и собранию семьи Канадзава рода Хōдзё (Канадзава бунко) с привлечением вариантов других существующих списков. Обширные комментарии к памятнику в этом издании представляют собой результат совместной работы шестнадцати филологов-комментаторов, опирающихся на максимально широкий круг письменных памятников, а также на уже существующие к настоящему времени комментарии к тексту, начиная с его фактического создателя Бан Нобутомо. Надо сказать, что в ряде случаев комментаторы расширяют примечания Нобутомо, время от времени подвергая критике его прочтение или толкование текста и предлагая собственное.

Для средневековых авторов исходного утраченного текста, каков бы он ни был, главная цель заключалась в том, чтобы закрепить для двора и последующих поколений «правильную» историю рода Такахаси. Вследствие ориентированности социополитической системы мировоззрения периода Нара на миф о передаче власти и на концепцию имперсонализации государя-предка важные государственные решения и меры оформлялись как правомерные и юридически обоснованные с помощью ссылки на прецедент в мифологические или квазиисторические времена; по-видимому, эта система прецедентов складывалась под китайским влиянием.

Предпочтительным в таких случаях становился прецедент как можно более давний: идея состояла в том, что чем древнее, т.е. чем ближе к «эпохе богов», тем больше оснований имеет принимаемое решение, тем выше и авторитетней тот или иной род, благодаря такому прецеденту его наследственные права становятся неоспоримыми для политических противников. Статус рода Такахаси также утверждался,

прежде всего, с помощью ссылки на сакральный, мифологический или легендарный образец.

Ссылка на прецедент в ритуально-мифологических текстах Нара – раннего Хэйан явление не единичное: так, императрица Гэммэй, вступая на трон в 707 г., оговаривается в своём указе, что в происходящем нет ничего необычного, и заведено это со времен предка далекого (указ № 3)^c. Император Сёму, назначая одну из своих жён, родом из Фудзивара, императрицей-супругой, тоже приводит как довод прецедент времен создания мира: «и не нами заведен такой обычай, подобно солнцу и луне на небесах, подобно горе и реке на земле, вместе рядом пребывать положено» (указ № 7)^d.

Аналогичным образом, в сэммё № 9, т.е. в указе, прочитанном в присутствии императрицы Гэнсё в 743 г.^e, говорится о возобновлении ритуального танца *госэти*: «пусть, как деянию непрестанному, / что вместе с Небом–Землей впредь передается и исполняется, / наша принцесса наследная тому обучится и то усвоит». Учреждая заново исполнение этого танца в рамках дворцового обряда, Гэнсё ссылается на императора Тэмму, который играл на *кото* в заброшенном дворце в Ёсино, когда явилась перед ним божественная дева и стала танцевать под музыку («Нэнтю гёдзи хиссё»), – это, видимо, сюжет, толкующий этиологию танца *госэти*. В свою очередь, сама легенда о деве, внезапно появляющейся перед императором, вероятно, восходит к сюжету «Кодзики» об императоре Юряку, встретившем деву в Ёсино.^f

Примерно так же устроен и прецедент в рассматриваемом тексте, а понадобился он роду Такахаси потому, что его права и место при дворе однажды были оспорены другим родом – Адзуми. Соперничество обострилось, дошло до разбирательства. Причём основной конфликт двух соперничающих родов произошёл прямо в разгар придворного ритуала перед богами: придворный из рода Адзуми по имени Хироёси «самочинно вышел и стал впереди и заспорил с Такахаси-но Намимаро», тогда последний оттеснил Хироёси назад и снова

---

^c Ермакова Л.М. Когда раскрылись Небо и Земля. – М.: Наука, 2020. – Т. 2. – С. 418.

^d Там же. С. 431.

^e Там же. С. 434-435.

^f Норито // Кодзики. Норито. Нихон котэн бунгаку тайкэй (Основные произведения японской классической литературы) / Под ред. Курано Кэндзи, Такэда Юкити. – Токио: Иванами сёгэн, 1970. – Т. 1. – С. 314. Впоследствии танец *госэти* стал сопровождать ритуал вкушения первого урожая и церемонию восшествия на престол нового императора.

занял место впереди. После того, как действие окончилось, в управе было принято решение провести обоих через ритуал изгнания скверны. Однако Намимаро отказался проходить этот ритуал, утверждая свою правоту и невиновность и апеллируя к священному первопрееденту.

Представители рода Такахаси, в конце концов, выиграли дело, предъявив как свой главный аргумент и как доказательство законности своих притязаний, помимо собственной погодной летописи рода, ещё и запись о своём предке в «Анналах Японии» («Нихон сёки»). В записях рода Такахаси говорится: «Стали тогда искать, что было раньше написано в «Нихонги» и летописях обоих родов. Тогда и узнали, что первым должен быть Такахаси». Из этого, помимо всего прочего, следует авторитетность «Нихон сёки» как юридического документа неоспоримой силы. Вероятно, сыграло роль и разоблачение соперников Такахаси, пошедших на подделку летописи своего рода, однако выполнивших её неумело и неряшливо: «...увидели следы кисти внизу, после уже написанной строчки, и знаки написаны просто безобразно, совсем не похоже на [остальной текст]. Стало тут ясно, что это грязный обман».

Итак, «истинная» версия событий представлена в исходном документе – в 7-м свитке «Анналов Японии» («Нихон сёки»), где говорится об истории назначения предка рода Такахаси по имени Ивака / Ихака Мутцукари (в транскрипции древнего произношения этого имени – Ипака Мутукари) стольником императора. Приведём этот сюжет из «Нихон сёки»:

«Осенью 53-го года, в день новолуния *хиното-но* у 8-го месяца государь рек придворным повеление: “Когда же, в какой день перестану я скорбеть о возлюбленном сыне? Прошу вас – хотелось бы мне отправиться на охоту в ту землю, где упокоился принц Во-усу-но мико”.

В том же месяце государев паланкин направился в Исэ, а затем, изменив направление, вошел в [земли] Восточного моря.

Зимой, в 10-ом месяце государь достиг страны Камитубуса-но куни и по морскому пути добрался до бухты Апа-но минато.

В это время послышался клекот скопы. Захотелось государю посмотреть, как выглядит эта птица, он остановил паланкин и во-

шел в море. Там он нашел раковины моллюска умуги⁸. И тогда отдаленный предок Касипадэ-но оми, по имени Ипака Муцукари, подвязал [рукава] тесемками из травы *кама*, разделал моллюска на кусочки и поднес государю. И государь похвалил достоинства Муцукари-но оми и пожаловал ему Касипадэ-но опо-томо-бэ».

Поясним, что в «Нихон сёки» даётся старояпонское название этой птицы – *какуга*, это же слово фигурирует в словаре «Вамё руй-дзюсё» («Извлечения из собрания японских имен [существительных]»). Однако безымянный средневековый переписчик «Нихон сёки» пишет в своих пометах к тексту, что «нынешнее название этой птицы – *мисаго*», это слово принято переводить как скопа – птица, живущая у взморья, это слово сохранилось и до настоящего времени.

Касипадэ или, в более новой транскрипции, *касивадэ* – должность придворного, ведающего трапезами императора, в его ведении также оказывается обеспечение едой ритуалов разного рода, например, поднесение жертвоприношений божествам, подготовка совместной трапезы императора с божеством и т.п. Роль *касивадэ* и эта должность должны были передаваться по наследству потомкам Ивака Муцукари. Однако в какой-то момент произошло непредвиденное – на главенствующую роль в ритуальных трапезах императора и во время придворных обрядов стал претендовать представитель рода Адзуми и даже попытался оттеснить одного из потомков Муцукари. Это происшествие и составляет суть конфликта, который подлежит расследованию на уровне самого императора.

За политическими обстоятельствами дела, а также за подробностями этой придворной интриги мы снова отсылаем к вышеназванной статье Д.А. Суровеня, здесь же скажем несколько слов о других аспектах этого текста – аспектах, связанных с верованиями, фольклором, способе повествования.

С точки зрения фольклориста очевидно, что во всех нарративах о Муцукари, особенно в «Такахаси удзибуми», сплетены отголоски нескольких циклов преданий, связанных с провинциями Кадзуса-но куни, Ава и Вакаса. При этом с отдельными мотивами этих циклов, видимо, были соединены линии легендарных сказаний этиологического характера, рассказывающие о происхождении важнейших государственных должностей – т.е. священных миссий разных родов при

---

⁸ Моллюск из раковин, которые сейчас называются *хамагури*.

дворе древних государей.

Сам Ивака Муцукари со временем стал божеством – ныне он почитается в Такабэ-дзиндзя в преф. Тиба, в Такахаси-дзиндзя в преф. Ибараги, в Такахаси-дзиндзя г. Нара и в других святилищах, где объектом поклонения стала одна из его ипостасей – т.е. его отделившаяся часть, при этом такое расщепление культа на несколько святилищ в принципе не означает умаления могущества божества, целостность и сила Ивака Муцукари остаются прежними – и для того божества, которое поселилось в новом святилище, и для оставшегося на прежнем месте. Некоторые авторы отождествляют Ивака Муцукари с Такабэ-но ками, божеством святилища в провинции Ава, и если эта гипотеза верна, то, следовательно, культ Муцукари и посвященные ему святилища зафиксированы уже в «Энгисики», в свитках 9 и 10, в разделах об именах богов и ареалах их культов; однако это отождествление пока не вполне доказано.

Естественно, что Ивака Муцукари стал божеством еды, таким образом оказавшись в числе многих других богов и богинь, зафиксированных в разных текстах как связанные с пищей – это Оогэцу-химэ-но ками, Укэмоти-но ками, Ука-но митама, Тоёукэ-но ооками, Вака-ука-но мэ-но ками и др. Харада Нобуо, например, обращает внимание на то обстоятельство, что в самом имени Ивака Муцукари заключены иероглифы «олень» – часть *ка* 鹿 в Ивака и «дикий гусь» – часть *кари* 雁 в Муцукари, иногда *кари* в этом имени записывается также иероглифом «охота»), что также не противоречит концепции Харада Нобуо. Сама же концепция состоит в том, что сюжет об Ивака Муцукари относится к тому периоду японской истории, когда ещё не был введён буддистский запрет на употребление в пищу мяса животных, т.е. до соответствующего указа императора Тэмму 675 г.^h: согласно «Нихон сёки», Тэмму запретил охоту на диких животных с помощью ям-ловушек и капканов с прилаженной стрелой. Кроме того, под страхом наказания запрещалось употреблять в пищу мясо «пяти домашних скотов»: это быки/коровы, лошади, собаки, обезьяны, куры / петухи. Это стало считаться преступлением и влекло за собой наказание.ⁱ (Запрет Тэмму был снят только в 4-м году Мэйдзи – 1870-71 гг.

---

^h *Харада Нобуо*. Васёку то ва нани ка. Умами-но бунка-о сагуру (Что такое японская еда. В поисках культуры понятий о вкусном). – Токио: Кадокава София бунко, 2014. – С. 102.

ⁱ Нихон сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. 2: свит-

в процессе модернизации и вестернизации Японии и после введения в рацион японцев западных продуктов питания; тогда, собственно, и родилось понятие *васёку* – «японская еда», в противовес европейской – *ёсёку*.)

Кстати сказать, к настоящему времени сформировалась специализация Ивака Муцукари как духа еды: он отвечает за разнообразные продукты брожения – *сёю*, *мисо*, а также прошедшее процесс сбраживания сырье для *сакэ* и т.п.

Говоря о мифологическом слое в данном повествовании, хотим отметить любопытную мифологизацию задним числом, связанную с мотивом птицы, гнездящейся на прибрежных скалах и питающейся рыбой, видимо, ближе всего она к разновидности скопы, ястреба-рыболова. В «Нихон сёки» император, услышав клёкот этой птицы, хочет её увидеть и входит в воду у прибрежных скал, где находит раковину с моллюском. Его придворный Ивака Муцукари, разделав моллюска, получает затем должность стольника при трапезах императора и в обрядах перед богами.

В преданиях рода Такахаси этот сюжет видоизменяется. Здесь появляется мирообъяснительный этиологический мотив – скопа не хочет показаться людям, перелетает в другой залив, за это она наказана, отныне ей назначено жить только у взморья и запрещено снижаться на сушу, где находятся жилища людей. Интересно, что заклятие на неё накладывает как раз Ивака Муцукари, который, таким образом, оказывается обладателем сверхъестественных способностей.

И в «Нихон сёки», и в преданиях рода Такахаси после взаимодействия с этой птицей следует внезапное обретение еды. При этом между памятниками обнаруживаются некоторые различия: в «Нихон сёки» моллюска находит сам император, а в преданиях «Такахаси удзибуми» сначала происходит чудесная встреча с рыбами, которые во множестве поплыли за ладьей, так что Ивака Муцукари легко добывает их. Затем находится моллюск огромных размеров, причём роль в этом императора не обозначена, вполне возможно толкование, что его обнаружил тот же Ивака Муцукари. Во втором случае мы снова видим, что подчёркивается его роль как предка рода со сверхъестественными способностями.

Кажется неслучайным, что в обоих случаях сюжет начинается с

птицы, словно благодаря ей люди обретают морские дары. В обоих текстах она называется старинным именем, которое представляет собой звукоподражание её крику – *какуга* или *какугаку*. Птица, издающая резкий крик и живущая у воды, в древних текстах именовалась *мисаго*, о чём сообщает безымянный переписчик «Нихон сёки», предполагавший, что речь идёт именно о скопе *мисаго*. Звукоподражание *какугаку*, возможно, эвфемистический оборот речи, заменяющий общепотребительное название птицы, если оно в то время уже существовало.

При этом птица как таковая, в сущности, не играет никакой роли в сюжете и ни в чём не участвует. В то же время после упоминания о ней следует описание того, как легко ловится рыба *кацуо*, у линии берега моментально находится моллюск, и т.п. Сами по себе эти обстоятельства – связь птицы-рыболова с добычей рыбы и моллюсков, отсутствие её участия в происходящих событиях и вообще в данном сюжете – как нам представляется, могут говорить о скрытой, стёршейся функции этой птицы, вполне вероятно, о связанных с ней верованиях, а, может быть, об утраченных звеньях этого сюжета, где птица непосредственно выступала как божество-податель еды из моря. Эта функция в письменных преданиях, как мы видим, уже передана человеку, заместившему волшебную птицу.

Примечательно, что в «Манъёсю» мы находим шесть *вака*, в которых упоминается скопа *мисаго* – мы имеем здесь в виду песни №№ 362, 363, 2739, 2831, 3077, 3203. Во всех шести случаях название птицы входит в состав *макура-котоба* – постоянного эпитетального клише. Оно начинается определением *мисаго иру* ([«место», где живут скопы]) и продолжается одним из трёх определяемых: *исоми* / *оки-но араисо* / *су*. Все эти определяемые означают «каменистое взморье / каменистая отмель у берега». И далее, в период Хэйан и позже, танка со словом *мисаго*, тоже немногочисленные, устанавливают ту же связь: птица–каменистый берег.

В «Записках из кельи» Камо-но тёмэй (1154-1216) мы находим эту же связь, воспроизводящую древнюю паремию *макура-котоба*, но она уже становится символом в буддийском духе: «Морской сокол [*мисаго* – Л.Е.] живёт на голых скалах; это потому, что он сторонится от людей. Вот так и я: мои желанья – только покой; моё наслажденье

– отсутствие печали».^j Очевидно, что и здесь отправная точка – неразрывная связь между птицей-рыболовом и местом её обитания, это место является и источником её пищи. Именно этой связи посвящено объяснение во вставном эпизоде «Такахаси удзибуми», в котором объясняется, почему эта птица селится только на камнях у моря.

Надо сказать, что эти наши вышеприведенные рассуждения о скопе основываются на помете переписчика «Нихон сёки», посчитавшего птицу, поющую *какугаку*, скопой *мисаго*. Однако надо сказать, что этот средневековый комментарий вызывал сомнение ещё у Бан Нобутомо, последующие историки также предлагали свои гипотезы, например, что речь может идти о чайке. Но чайка тоже не очень подходит в этом случае, потому что главный аргумент противников «гипотезы скопы» заключается в том, что в «Такахаси удзибуми» государыня-супруга говорит об этой птице, как об удивительной – *аясики* – редкой, чудесной, а чайка всё-таки довольно распространенный вид морских птиц, диковинной её не назовешь. Поэтому, в конечном счёте, атрибуция птицы до конца не прояснена; история дискуссий на эту тему за последнюю сотню лет подробно изложена в вышеназванном коллективном труде 2006 г. изданном издательством Канрин сёбб и положенном в основу настоящего издания.^k Но, как бы то ни было, если это и не *мисаго*, речь идет о птице, живущей у берега и по повадкам близкой к скопе – она питается рыбой и избегает человека, никогда не приближается к его жилищу, а упоминание её в сюжете о Муцукари, объясняющее её связь с морем и взморьем – возможный след её магических способностей.

Ещё один примечательный мифологический пучок функций в тексте связан с формированием мифологического прецедента – сцена поднесения еды императору. В этой сцене император объявляет происходящее воспроизведением мифологического прецедента и назначает роли в обряде разным божествам – и, соответственно, определяет функции тех родов, которые этим божествам поклоняются. Интересно сходство этой сцены с двумя эпизодами в «Кодзики», оба эпизода представляют собой важные события космологического характера –

---

^j Камо-но тёмэй. Записки из кельи / Пер. Н.И. Конрада // *Конрад Н.И.* Японская литература в образцах и очерках. – Л.: Ин-т живых восточных языков им. А.С. Енукидзе, 1927. – С. 275.

^k Такахаси удзибуми тёсяку. Кодай бункэн-о ёму кайхэн. – Токио: Канрин сёбб, 2006. – С. 70-76.

это, в одном случае, учреждение функций разных божеств для выманивания Аматаэрасу из Небесной пещеры, во втором – подготовка к похоронному ритуалу Амэ-но вакахико. В «Кодзики» в мифе о сокрытии Аматаэрасу в Небесной пещере говорится: «Тогда восемьсот мириад богов собралось-сошлось у Амэ-но-ясу-но кава - Небесной Спокойной Реки, сыну бога Така-ми-мусуби но kami Омоиканэ-но kami - Богу Размышляющему наказали размышлять, собрали долгопоющих птиц из Вечного Царства заставили петь, добыли небесную крепкую скалу с верхнего течения Амэ-но-ясу-но кава – Небесной Спокойной Реки, добыли железо и небесной рудной горы, нашли небесного кузнеца [по имени] Амацумара Исикоридомэ-но микото - Богине-Литейщице наказали изготовить зеркало, Тама-но-я-но микото - Богу-Предку Гранильщиков наказал изготовить длинную нить со множеством [нанизанных] магатама призвали Амэ-но-коянэ-но микото - Бога Возносящего и Футодаманома-но микото - Бога Приносящего и заставили [их] у оленя-самца с небесной горы Кагуяма вывернуть лопатку..., взять небесное дерево Хахака с небесной горы Кагуяма и исполнить гадание».¹

Фрагмент из «Такахаси удзибуми» представляется типологически, да и стилистически весьма схожим с этим: «И тогда великому божеству Ава в земле Камицубаса-но куни велено было стать божеством-распорядителем государевой трапезы, а Котоёхи-но мурадзи, из рода Охомэфу-но мурадзи, что был дальним предком Вакаюэ-но мурадзи, назначено было ведать добыванием огня [трением¹] и на этом прошедшем очищение священном огне еду готовить и подносить. И, как образ [подобие] Восьми Великих островов, выбрать восемь юношей и восемь девушек и начать служение во время прославления богини² и во время Оонизэ, Великого ритуала подношения нового урожая риса».

Интересно, что в сюжете о Муцукари в «Нихон сёки» никакого распределения ролей нет, т.е. можно предположить, что этот абзац в летописях рода Такахаси представляет собой более позднее оформление истории о предке рода как распорядителе императорских и ритуальных трапез, с сознательной мифологизацией задним числом.

К приёмам мифологизации такого рода можно отнести, например, цитаты из норито «Энгисики»: император повелевает подносить

---

¹ Кодзики. Записи о деяниях древности / Пер. Е.М. Пинус. – СПб.: Шар, 1994. – С. 65.

разнообразные трапезы из [даров] гор, полей, моря и рек – «в пределах, куда лягушка долин доберётся, до пределов, куда ладья доходит, – [то, что] с грубой шерстью, с мягкой шерстью, с плавником широким, с плавником узким». А когда Муцукари с назначенной им командой родов-помощников готовит подношения для императора, он занимается не только разделкой рыбы и моллюсков и их приготовлением, они также ещё отыскивают в лесу разные специфические растения, из которых изготавливают посуду, а также с их помощью специальным образом облачаются. Это, надо думать, элементы и атрибуты специального ритуала, подготовка к поднесению трапезы.

Нельзя не отметить и зафиксированное в тексте творчество в области ритуалов: создавая новый обрядовый сценарий, учреждают участие в нём восьми девушек и восьми юношей, которые должны представлять восемь островов из мифологического понятия Японии как страны Восьми островов, т.е. мы видим здесь сознательную символическую деятельность в рамках принявшего уже вполне формализованный характер мифологического мировоззрения.

Такого рода знаки, отсылающие к мифу и ритуалу, рассыпаны по всему разнородному тексту памятника, и, можно, вероятно, утверждать, что эта вторичная мифологизация составляет одну из примечательных его особенностей и тесно переплетена со становящимся историческим сознанием.

[ЗАПИСИ РОДА ТАКАХАСИ]

[«ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПРИДВОРНЫЙ РАСПОРЯДОК», 1-1]^m

В «Записях рода Такахаси» говорится:

В 8-ю луну 53 года правления в Поднебесной государя Оо-тараси-хико-осиро-вакэ-но сумэра-микотоⁿ, о котором с трепетом молвят, повелел вельможам: «Сколько дней ни пройдет, разве перестану я думать о моём возлюбленном сыне... Желая я обойти дозором ту страну, которую усмирил принц Воусу-но мико (ещё одно его имя – Ямато-такэру-но мико)^o».

И в ту же луну соизволил отправиться в Исэ, затем переменял направление и вошёл в восточную землю Адзума-но куни.

Зимой, в 10-ю луну он прибыл в обитель Укисима-но мия, в Ава, что в земле Кадзуса. Тогда в сопровождении его служил и Ивака-муцукари-но микото.

Государь отправился в поля Кацусика-но и охотился. Ясака-химэ [главная его супруга] поселилась там во временной обители, а Ихакка-муцукари-но микото службу нёс.

[«Распорядок», 1-2]

И вот, главная супруга повелела Ивака-муцукари-но микото: «В этом заливе слышится пение удивительной птицы. Она поёт – ка-га-ку-ку. Желая я увидеть, как она выглядит».

Тут Ивака-муцукари-но микото сел в ладью и поплыл к этой птице, но она, испугавшись, перелетела в другой залив. Он поспешил ей вдогонку, но поймать не сумел. И тогда Ивака-муцукари-но микото произнёс такое заклятие: «Эй ты, птица! Пение твоё полюбилось [супруге государя], возжелала она увидеть твой облик. Но ты перелетела в другой залив, и облик свой не показала. Потому отныне запрещается тебе всходить на сушу. Если спустишься ты на землю³, то неминуемо погибнешь. Потому жить тебе в море», – так он сказал.

^m Далее – сокр. «Распорядок». Здесь и далее текст в квадратных скобках содержит пояснения от переводчика.

ⁿ Имеется в виду император Кэйкō-тэннō.

^o Ямато-такэру – легендарный эпический герой, с которым связано несколько мифологических сюжетов и квази-исторических преданий в сводах «Кодзики» и «Нихон сёки».

Тексты в круглых скобках – примечания в оригинале памятника, внесенные средневековым переписчиком.

[«Распорядок», 1-3]

А когда он возвращался, то оглянулся на корму ладьи, а за ней плывет множество рыб. Тут Ивака-муцукари-но микото взял лук с рогатыми концами и опустил туда, где резвились рыбы, и много их на рогатые концы наткнулось, так он враз множество рыб поймал. Оттого и называли их – «упрямые рыбы», *катауо*. А сейчас их называют *каиуо*.⁴

Отсюда и идёт обыкновение ловить тунца [*каиуо*], превратив рогатые концы [лука] в шест с рыболовным крючком.

Ладья повстречалась с отливом и застряла на взморье. Когда её стали откапывать, то нашли *хамагури* – раковину белого моллюска – восьми *сяку*⁵ длиной. И Ивака-муцукари-но микото поднёс государыне-супруге два вида подношений [тунца и моллюска].

Она же обрадовалась и похвалила его, и так рекла: «Надо приготовить из этого трапезу вкусную и чистую и сделать её трапезой для государя».

[«Распорядок», 1-4]

Тут Ивака-муцукари-но микото сказал: «Дозвольте приготовить это [мне,] Муцукари».

И он кликнул Оота Мохи, высшего предка управителей земли Мудзаси, Ама-но Ухахара, высшего предка управителей земли Титибу, человека из Ама-но Ситахара и тех, кто с ними⁶, и они, [тонко нарезав все это], сделали [сырую закуску] *намасу*, ещё потушили [часть] на огне и сделали много разных кушаний.

Нашли листья гардении *хадзи* на горе Анисияма – из них изготовили восемь «высоких блюдец» [на подставках], нашли листья дерева *маки*⁷ – из них изготовили восемь плоских блюдец, из стелющегося плауна⁸ *хикагэ* сплели головной убор, листьями рогоза *гама* [волосы завязав], сделали прическу *мидзура*, сорвали выщущую траву *масакэ-но кадзура*⁹, привязали к тесёмкам, обернули её, как пояс *оби*, ещё вокруг колен [полы одежд] обвязали, разнообразные подношения подготовили и украсили. И когда государь возвращался с охоты, [Ивака-муцукари-но микото] поднёс ему всё это [в тот момент], когда он входил во дворец.

[«Распорядок», 1-5]

Сказал он тогда: «Кто же сделал всё это?» – так он спросил. И государыня-супруга сказала: «Это всё поднес Ивака-муцукари-но микото».

И государь возрадовался, похвалил его и рёк: «Это всё явилось не благодаря одному только сердцу Ивака-муцукари-но микото. Это всё благодаря богам, на небе пребывающим. Ямато – страна, где человеку дают имя по делам его. Пройдя очищение, послужи, Ивака-муцукари-но микото, всем моим сыновьям-принцам, и их потомкам в восьмидесяти продолжениях, далеко и долго, чтобы государи вкушали небесную трапезу освященную».

И он приказал Оомэфу-но мурадзи, изначальному предку рода Вакаюэ-но мурадзи, из рода [воинов] Мононобэ, отвязать большой меч от пояса и меч тоже пожаловал [Муцукари].

[«Распорядок», 1-6]

И ещё повелел: «Чтобы вершить такие дела, рядом должно стоять много помощников, так я сужу», и призвал людей со всех земель – и где солнце отвесно, и где солнце поперечно, и со стороны тени, и со стороны спины¹⁰, пожаловал им имя – род Оотомо [«великих помощников»] и отдал их под начало Ивака-муцукари-но микото. А ещё предоставил ему по одному человеку от каждого рода и по одному отпрыску из семнадцати родов управителей каждой из восточных земель. А также пожаловал плоские блюда и перевязи через плечо, и наделил его этим поручением. И повелел подносить разнообразные трапезы из [даров] гор, полей, моря и рек – в пределах, куда лягушка долин доберется, до пределов, куда ладья доходит, – [то, что] с грубой шерстью, с мягкой шерстью, с плавником широким, с плавником узким.¹¹

[«Распорядок», 1-7]

[Государь рёк:] назначение это делается не только моим сердцем [волей], это повеление богини, на Небе пребывающей. Повелевается нашему возлюбленному дитяти – принцу Ивака-муцукари-но микото: «поведи всех спутников за собой и ревностно послужи!», такое изволение-заклятие [ею] было речено.

И тогда великому божеству Ава в земле Камицубаса-но куни велено было стать божеством-распорядителем государевой трапезы, а Котоёхи-но мурадзи, из рода Охомэфу-но мурадзи, что был дальним предком Вакаюэ-но мурадзи, назначено было ведать добыванием огня [трением]¹² и на этом прошедшем очищение священном огне еду готовить и подносить. И, как образ [подобие] Восьми Великих островов, выбрать восемь юношей и восемь девушек и начать служение во вре-

мя прославления богини¹³ и во время Оониэ, Великого ритуала подношения богине нового урожая риса.¹⁴

(Ранее говорилось о великом божестве Ава-но ками, ставшем божеством еды, – это тот же бог, который ныне прославляется как ведающий великой едой. А управитель рода Оотомо – Оотомо-но мяцук, который ныне занимается добыванием священного огня трением, – потомок Тоёхи-но мурадзи из рода Мононобэ).

[«Распорядок», 1-8]

В том же году, в 12-м месяце *сивасу* государь¹⁵ [Кэйкō] возвратился с восточной стороны в обитель Камухата-но мя, в провинции Исэ. В 9-м месяце *нагацуки*, года Деревянной Мыши, т.е. в 54 г. [правления императора Кэйкō] государь возвратился в обитель Макимуку в провинции Ямато.

В 11-м месяце *симоцуки* в 57-м году Огненного Зайца, Миякэ-но мурадзи Ою, предок рода Титибу Оотомо, сплёл причёску *мидзура*, используя бумазею вместо камыша. С тех пор стали использовать бумазею, чтобы подвязывать причёску *мидзураги*, и ещё сплетали с ней вместе траву вроде плауна *хикагэ-кадзура*.

Начиная с года Водяного Кабана правления государя в Макимуку, впервые, согласно высочайшему указу государя, [Ивака-муцукари-но микото] пожалован был титул *кабанэ* чина государева стольника (*касивадэ*¹⁶), и стал он служить при Небесной трапезе [государя] и вот, до года Водяной Собаки нынешнего правления прошло 39 поколений¹⁷, а лет с тех пор 669 наслоилось.¹⁸

[«ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ

В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ», 1]^р

Муцукари-но микото в 72-м году, осенью, в восьмом месяце, заболел и в том же месяце скончался. Услышал об этом государь и сильно печалился. Повелел похоронить его по ритуалу как принца. Послал он гонцами со своим указом Фудзикава-вакэ-но микото, Такэсио-коро-но микото и других. В указе говорилось: «Слова, реченные повелителем, суть таковы: изволив узнать, что принц Муцукари-но микото, вопреки ожиданиям, скончался, государь и денно, и ночью горевать изволит. Полагал государь, что всё время его правления будет протекать спокойно, и будет он видеться [с Муцукари-но микото].

---

^р Далее – сокр. «События».

Но вот сейчас он думает – ведь и Ритуал вкушения первого урожая в 11-м месяце, и должность *касивадэ*, распорядителя государевой трапезы – все это Муцукари-но микото, не щадя сил своих, прилежно исполнял.

[«События», 2]

И сим повелевается: душу Муцукари-но микото почитать как исполнявшего долг стольника, и долгие века, весны-осени пусть служит как божественное сокровище. Дети его и внуки длинные годы, долгие годы отныне будут распорядителями трапез, старостами провинции Камицуфуса-но куни¹⁹, старостами Авадзи-но куни, другие рода на эти места не назначать. А если наследование распорядителя трапез нельзя будет осуществить, то пусть [на место потомков Муцукари-но микото] назначат наших детей-принцев, но чтобы с другими родами не смешивать. Провинцию Вакаса-но куни назначить во владение вечное Муцукари-но микото, и детям и внукам его отдать на долгое владение.

И пусть во всех поколениях отклонений и нарушений этого не случается. И повеление это пусть постигнут [потомки Муцукари-но микото] и чтут своё назначение и внутри службы, и вне её, чтобы никаких бедствий не случилось, и изреченное это повеление государево пусть достигнет и священной души [покойного Муцукари-но микото]», – так повелел государь.

[«Ежемесячник», 2-1]

Государственная палата (Дайдзёкан²⁰) предписывает палате (Дзингикан), ведающей богами Неба и богами Земли.

Двум родам, Такахаси и Адзуми, назначается ведать трапезами во время церемоний, посвященных богам, один род – впереди, второй – за ним. Относительно этого говорится в указе Правого министра: «Таково повеление государя. Как рассказывают, в прежние времена, в день ритуалов богам, Такахаси-но асоми со своей свитой первым подносил [еду], а Адзуми-но сукунэ этому не перечил. Однако дошло до правления государя Хидака, и во втором месяце 2-го года Рэйки²¹ во время Каму-имакэ, ритуала совместной трапезы с богами²², повар Адзуми-но сукунэ Катана 5-го ранга сказал помощнику повара 7-го ранга Такахаси асоми Вогусухи: «Я, Катана, – начальник управы, и годами я старше, поэтому прошу дать мне поднести [блюда для трапезы] первому».

[«Ежемесячник», 2-2]

Тогда Вогусухи ответил так: «В день службы богам священную трапезу подносит род стольников Касивадэ-но оми, и никакому другому роду это поручено быть не может». Катана же продолжал горячо настаивать на своём, однако Вогусухи с ним не соглашался. Услышан был их спор внутри [дворцовой обители]. И [государь] рёк повеление: «Что было принято делать во многих поколениях во время ритуалов богам, то перемене не подлежит. Надо поступать по образцу», – так рек. С тех пор споров уж не ведётся.

Наступил месяц минадзуки, в 6-й месяц 6-го года Хōки²³, день ритуала Каму-имакэ, и Адзуми-но сукунэ Хироёси самочинно вышел и стал впереди и заспорил с Такахаси-но Намимаро, и последний же оттеснил Хироёси. После того, как действие окончилось, в управе [для них обоих] затеяли ритуал изгнания скверны. Намимаро решительно отказывался: «Нет за мной никакой вины, почему же я должен вместе с ним проходить очищение от скверны?!» Об этом доложили императору, и он постановил, чтобы верхнее и среднее очищение от скверны провели только с Хироёси.

[«Ежемесячник», 2-3]

После этого Хироёси приписал к «Записям рода» слова нелепой лжи, представил [в управу] – что это ему надлежит стать первым. Ничего не стал на это отвечать Такахаси-но асоми, но [всем вокруг] всё больше заметно становилось, как он печален. Вот, каждый из родов представил ко двору «Записи родов» за прошедший 8-й год Энряку²⁴ – о внутренних делах каждого рода.

И тут-то призваны были оба рода, и [государь] стал вникать в суть дела. Стали тогда искать, что было раньше написано в «Нихон-ги» и летописях обоих родов. Тогда и узнали, что первым должен быть Такахаси.

Притом, этот же порядок был принят и в прежнее царствование²⁵, сейчас вдруг поменять все было бы затруднительно. И решил [государь], чтобы не причинять огорчений роду Такахаси и роду Адзуми, пусть каждый будет один раз впереди, другой раз сзади. Управе он ещё приказа не отдавал, но в каждый праздник было отдано приказание двум родам, чтобы то один, то другой становился то впереди, то позади.

[«Ежемесячник», 2-4]

И вот в нынешнее время Адзуми-но сукунэ Цугунари, помощник управы государевой трапезы 6-го ранга, в 6-м месяце, 11-м и 12-м месяцах прошлого года три раза подряд затевал ссору и становился впереди, отказывался следовать установленному порядку быть первым по очереди и силой занимал первое место. Вследствие этого, было отдано высочайшее повеление, чтобы [в трапезах и действиях] каждый из родов оказывался впереди поочередно с другим. А [роду Адзуми] было выражено явное недовольство. И тут же [государь] повелел, чтобы в следующий раз была очередь рода Такахаси стоять впереди.

Однако же Цугунари приказу не внял, сразу вышел вон и в ритуале богам не служил. Разве таков принцип [поведения] для подданных? Надлежит хорошенько взвесить прежние случаи, окончательным образом установить очередность, разобраться в этом проступке и назначить наказание по закону.

[«Ежемесячник», 2-5]

С благоговением изучили «Нихонги» и установили, что государь Оотараси-хико-осировакэ, правивший Поднебесной из дворца Макимуку-но хисиро²⁶, на 53-м году правления объезжал восточные провинции и прибыл к проливу Ава. Услышал он тогда пение птицы *какуга* – скопы. Захотел увидеть, каков облик той птицы, и, следуя [за птичьим криком], в море вышел. И изволил добыть белого моллюска *умуги*. И тогда дальний предок стольника Касивадэ-но оми, именем Ивака Муцукари (это предок [рода] Такахаси)²⁷ подвизал [рукава] тесемками из травы *кама*, разделал моллюска на кусочки и поднес государю. Тогда государь похвалил Муцукари-но оми и пожаловал ему [титул] Касивадэ-но оотомобэ, рода стольников-великих спутников.

Изучили записи этого рода, оказалось, что там написано примерно то же самое. Эта история и легла в основу обыкновения – чтобы люди рода Такахаси стольниками служили.

Дошло до 3-го года правления государя Хомуда, что правил Поднебесной из дворца Карусима-но акира-но мия²⁸, люди рода *ама* тогда затеяли бунтовать и не подчинялись приказам. И вот на их усмирение был [по приказу государя] послан предок рода Адзуми, Оохама-но мурадзи. И после усмирения ему под начало был отдан род *ама*. Таково происхождение обыкновения – люди рода Адзуми

прислуживают за трапезами.²⁹

[«Ежемесячник», 2-6]

И тут Адзуми-но сукунэ солгал, сказав: «В царствование Мимаки-ири-бико-но сумэра-микото³⁰ дальний мой предок Оохама-но таэнари первым раздувал огонь, чтобы приготовить государеву трапезу», – так сказал. Стали тогда проверять его личные записи, увидели следы кисти внизу, после уже написанной строчки, и знаки написаны просто безобразно, совсем не похоже на [остальной текст]. Стало тут ясно, что это грязный обман. А как задумались об истории государства, то запросили летописи разных домов [и увидели], что раньше подносил угощение Ивака-но Муцукари, а имя Оохама-но сукунэ было вписано позже.

С тех пор сменилось пять поколений, прошло более двух столетий. И много времени прошло. Нет никаких оснований сомневаться в том, кто раньше, кто позже. Все обстоятельства ясны в полной мере. Справедливость в том, чтобы Такахаси шли первыми, а Адзуми – вслед. К тому же Цугунари подложные записи изготовил, во время нынешнего действия стал настаивать на своём первенстве и самовольно покинул место [проведения ритуала], своих обязанностей не исполнил. Ослушаться указа государя – это бесчестный поступок для подданного.

[«Ежемесячник», 2-7]

Но если не последуют этому [указанию], то как предостеречь [от ошибки] последующие поколения? Если посмотреть в закон о должностях, то там написано: «Если кто противится гонцу с указом, не соблюдает этикет для подданного, этот человек подлежит казни через повешение». В законе о наказаниях сказано: «Если кто противится гонцу с указом, не соблюдает этикет для подданного, это надлежит рассматривать как предельное нарушение почтительности [по отношению к государю]». А также говорится: «Если совершено [одно из] восьми тяжких преступлений, и приговор вынесен, то человека исключить [из живущих]».

То, что ныне совершил Цугунари, это преступление, совершивший которое, согласно уложениям, подлежит повешению и исключению [из числа живых].

С почтительным трепетом доложены были все обстоятельства государю, и пришло от него такое распоряжение: «Смертную казнь

надлежит смягчить и отправить в далёкую ссылку. Остальное – в соответствии с [полученным] донесением». В канцелярии утвердили этот указ, и пусть он послужит законным прецедентом на веки вечные.

Как прибудет этот указ в государственную палату Дайдзёкан, пусть будет принят к исполнению.

11 год эры Энряку, 19-й день 3-го месяца.

---

¹ Огонь, добытый трением, с помощью священной ступы и пестика, считался ритуально чистым, этот обычай сохранялся в комплексе святилищ Исэ и в святилище Ияхико в Этиго до Нового времени. След этого обычая сохранился и в культуре Идзумо при передаче прав на правление от отца к сыну обычно проводилась церемония передачи (наследования) огня. В течение суток после смерти отца его сын должен был добыть огонь трением с помощью палочки и камня из очага – в соответствии с преданием, оставшимся в роду от бога-предка Амэ-но хохи-но микото, а затем на воде из Небесного колодца (*амэ-но манави*) приготовить еду и вкушать ее по правилам обрядов вкушения первого урожая.

² Имеется в виду придворный ритуал Дзингондзики или Каму-имаэк (священной еды), когда император собственноручно готовил еду из прежнего урожая риса и, как предполагалось, вкушал ритуальную трапезу совместно с богиней Аматэрасу. Ритуал проводился в 6-м и 12-м месяце.

³ В трактовке этого фрагмента комментаторы расходятся. Бан Нобутомо этот отрезок текста никак не разъясняет – см.: Бан Нобутомо дзэнсю (Полное собрание сочинений Бан Нобутомо). – Токио: Изд-во Итидзима Канэси, 1907. – Т. 3. – С. 52-53.

Курано Кэндзи в работе 1952 г. (Op. cit. С. 75) и Миллс в 1954 (видимо, следуя Курано) переводили этот отрезок камбуна по иероглифам 大地下: «если будешь жить **под землей**, то погибнешь». Мы здесь следуем интерпретации комментаторов издания 2006 г. – «если спустишься **на [большую] землю...**» (Такахаси удзибуми тёсяку. С. 70-71). Всё-таки образ птицы, живущей под землей, представляется довольно необычным, во всяком случае, требующим объяснений или хотя бы приведения аналогичных примеров из других синхронных текстов, но таких примеров, видимо, просто не существует. Скорее всего, правы публикаторы и комментаторы издания 2006 г., и здесь имеется в виду не «птица под землей», а противопоставление земли, обитаемой территории, и полосы взморья, состоящей из камней, утесов и отмелей – единственное место, где этой птице отныне позволено ступить на сушу (последнее – этиологический мотив: «вот почему эти птицы селятся только на взморье»).

⁴ Есть разные мнения относительно того, можно ли толковать иероглифы 頑魚 «упрямая рыба» как тунец *каууо*, были также предположения, что это угорь или большой сом. Комментаторы издания 2006 г. на основании синхронных текстов указывают также, что *каууо*, как правило, для еды сушили, таким образом, получается, что приготовление его для употребления в сыром виде здесь довольно необычно (Такахаси удзибуми тōсяку. С. 86). Для записи слова *каууо* (*кауу* плюс *уо* – «рыба») в ряде текстов использовался также иероглиф 堅 «твердый». Приведём примечательный факт более позднего времени – в эпоху Эдо, ради привлечения военной удачи, часть *кауу* записывалась иероглифом 勝 – «побеждать».

⁵ *Сяку* – примерно 30,3 см, но цифра восемь наводит на подозрение, что реальная единица длины здесь не имеет числового значения, как и сама магическая восьмерка, выражающая идею чудесного множества.

⁶ Комментаторы предполагают, что речь идёт о детях и внуках, сопровождавших названных персонажей.

⁷ *Маки* – букв. «истинное дерево», во времена Нара–Хэйан под этим словом чаще всего имелись в виду две разновидности вечнозеленых деревьев – кипарисовик *хиноки*, используемый в священных ритуалах, или криптомерия *суги*. Комментаторы «Такахаси удзибуми тōсяку» здесь однозначно толкуют *маки* как *хиноки*.

⁸ Вероятно, имеется в виду плаўн булавовидный (лат. *Lycopodium clavatum*) – наиболее распространённый вид споровых многолетних вечнозелёных растений.

⁹ Возможно, что *масаки-кадзура* – это трава *Trachelospermum asiaticum*, называемая ещё Азиатским жасмином, но иногда этим же названием обозначали другое растение – *Euonymus fortunei*, ползучий бересклет. Эта трава использовалась в ритуалах, она упоминается в одном из стихотворений «Кокин вакасю», посвященном ритуалу «игрища богов» (*каму-асоби*).

¹⁰ Здесь перечисляются стороны света.

¹¹ Это же клише встречается в норито в Ритуале испрашивания урожая, а также в Ежемесячном ритуале месяца минадзуки – см.: *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись Небо и Земля. – М.: Наука – Вост. лит., 2020. – Т. 2. – С. 255, 282.

¹² См. комм. 1.

¹³ См. комм. 2.

¹⁴ Ритуалы совместной трапезы с богами делятся на две категории: ритуальное вкушение нового урожая и трапеза на основе прежнего запаса риса. Оониз-но мацури (Дайдзёсай) Великий ритуал подношения [риса нового урожая]) относится к первой категории, а ритуал Дзингондзики – ко второй. В мифологических сводах акт вкушения плодов нового урожая встречается в мифе об Аматаэрасу, которая как раз занималась этим обрядом в специаль-

ном помещении своей обители, когда Сусаноо начал совершать свои «прегрешения небесные» прямо в этом зале («Кодзики»). Амэ-но вакахико в одной из версий «Нихон сёки» находился в таком помещении, когда его настигла стрела, которую он сам недавно выпустил в фазана.

¹⁵ Здесь слово «правитель» обозначено китайским биномом «садящийся в паланкин», «едуший в паланкине», что может указывать на способ передвижения, а также эвфемистически обозначать высочайшую особу как таковую.

¹⁶ *Касива, касиха* – дуб, его листья в древности служили чем-то вроде блюдец для еды, вследствие чего название должности стольника оказалось связано с этим давним обыкновением. Часть *тэ* в слове *касихатэ* – означает «рука», т.е. здесь, видимо, выполняет роль суффикса деятеля.

¹⁷ Если отсчитывать от Кэйкō-тэннō, т.е. от времени описываемых событий, и до времени правления императора, при котором был создан текст «Такахаси удзибуми», то 39-м поколением окажется император Камму, первый год его правления – 901 г. Эти подсчёты восходят к Бан Нобутомо в его труде «Такахаси удзибуми кōтō» («Примечания к «Такахаси удзибуми»).

¹⁸ По-видимому, это 19 год эпохи Энги, т.е. 920 г.

¹⁹ Сейчас это центральная часть преф. Тиба.

²⁰ Иногда название палаты 太政官 прочитывают как *дадзэкан*, однако это чтение появляется не ранее периода Бакумацу, т.е. в конце периода Эдо, и удерживается в эпоху Мэйдзи. Считается, что до этого времени огласовка первого иероглифа существовала без редукции.

²¹ 716 г.

²² Здесь также имеется в виду ритуал Дзингондзики – ритуал вкушения риса прежнего урожая, когда император самолично подносит приготовленный рис богине Аматаэрасу и сам ест его вместе с ней.

²³ 775 г.

²⁴ 789 г.

²⁵ Имеется в виду император Кōнин.

²⁶ Император Кэйкō.

²⁷ Примечание переписчика.

²⁸ Император Оэтин.

²⁹ Имеются в виду трапезы самого императора, а также разновидности трапез в рамках обрядов служения богам.

³⁰ Император Судзин.

Мещеряков А.Н.

**ВОЗВЫШЕНИЕ РОДА ФУДЗИВАРА
(китайская образованность, политическая система
и официальная идеология в Японии VII–VIII вв.)¹**

В данной статье анализируются причины и процесс возвышения рода Фудзивара на основе анализа материалов отчасти «Нихон сёки», но, прежде всего, «Сёку нихонги». Одной из важных причин возвышения Фудзивара стала ориентированность на китайскую образованность. Выход клана на политическую арену произошёл в середине VI века, когда предки данного рода из древнего жреческого клана Накатоми вместе с членами клана Мононобэ-удзи выступили против официального принятия при дворе Ямато буддизма, вступив в конфликт с членами рода Сога, являвшимися сторонниками новой религии. Характеризуется деятельность Фудзивара-но *асоми* Фухито (659-720) и его потомков. Отмечается ориентированность на даосско-конфуцианские ценности (в противовес буддийским) в деятельности потомков Фудзивара-но *асоми* Фухито. Анализируются события японской истории VIII века.

Ключевые слова: древняя Япония; Ямато; Тайка; Накатоми; Фудзивара.

Проблема взаимоотношений между различными могущественными родами в ранней Японии становится предметом исторического анализа достаточно часто. Так, в частности, для периода второй половины VII–VIII вв. в первую очередь подвергается анализу место рода Фудзивара в существовавшей тогда социально-политической системе, а также бесконечные придворные интриги, сопровождавшие его возвышение. Такой подход обусловлен тем, что данный период отмечен всевозрастающим влиянием этого рода. Обычно (и совершенно справедливо) отмечается, что Фудзивара удалось стать поставщиками невест для императорского дома, используя, таким образом, традици-

---

Мещеряков Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, строение 3); академический руководитель образовательной программы «Язык и литература Японии». *E-mail:* anmesheryakov@hse.ru

¹ Впервые опубликовано: *Мещеряков А.Н.* Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII–VIII вв. // История и культура Японии. – М.: Институт востоковедения РАН – Крафт+, 2002. – С. 26-62.

онную для Японии систему родства, когда дядя императора по материнской линии (яп. *гайсэки*) обладает на него повышенным влиянием (так называемый авункулат; до Фудзивара такую роль играл род Сога).

Однако при таком подходе остаётся не совсем понятным, каким образом и за счёт чего можно было первоначально добиться такого расположения императорского дома, чтобы сделать его своим брачным партнером. Общим местом является утверждение о роли Накатоми Каматари (614-669) в устранении претендовавшего (или якобы претендовавшего) на царский престол рода Сога с политической арены: в результате заговора 645 г., осуществленного принцем Нака-но Оэ и Накатоми Каматари, Нака-но Оэ убил доминировавшего тогда в придворной жизни Сога-но Ирука (?–645) прямо на глазах у его ставленицы – императрицы Кōгёку (642-645). Кōгёку отреклась от престола, и её место занял её младший брат, принц Нака-но Оэ (император Кōтоку, 645-654). Именно при Кōтоку начинается проведение реформ, известных как «реформы Тайка» (букв. «великие перемены»), направленных на строительство централизованного государства по китайскому образцу. В качестве вознаграждения за заслуги перед самой смертью Каматари была пожалована фамилия Фудзивара (образована, видимо, от топонима; означает «заросли глицинии») ¹ [Нихон сёки, св. 27-й, Тэнти, 8-й год пр., 10-я луна, 15-й день].

С этим мнением относительно причин первоначального возвышения Фудзивара, вероятно, можно согласиться. Тем не менее, одного этого вряд ли было бы достаточно, чтобы этот род доминировал в придворной жизни несколько столетий – вплоть до XII века. Влияние Фудзивара было столь велико, что в японской историографии период X–XII вв. довольно часто именуется «периодом Фудзивара». В это время глава «северного дома» Фудзивара (к этому времени род распался на несколько «ветвей», см. ниже) становился регентом при малолетнем императоре и занимал должность «*кампаку*» (нечто вроде «главного министра»), обычно переводится как «канцлер»).

Поскольку известные нам факты одной только событийной ис-

---

¹ Нихон сёки: Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 2. – С. 201. Проблема изменения фамилий по императорскому указу (за заслуги или же в качестве наказания) представляет собой чрезвычайно сложную и запутанную проблему. Для нашего исследования, однако, она имеет лишь опосредованное значение. Отметим лишь частотность таких указов, маркировавших изменение придворного статуса рода, ставшего объектом такого указа.

тории не дают, похоже, достаточных оснований для определения причин возвышения Фудзивара и, главное, для **поддержания** ими своего социального и политического статуса в течение длительного времени, следует попытаться найти эти причины, исходя и из более общих оснований. При этом, помимо стандартного для всей японской историографии анализа кровнородственных связей, мы попытаемся предложить и несколько другие решения.¹

Мы полагаем, что факторов, способствовавших возвышению Фудзивара, могло быть несколько. В настоящей статье мы подвергаем анализу только один – их ориентацию на китайскую образованность. Насколько нам известно, на этот фактор их возвышения достаточного внимания до сих пор не обращалось. Иными словами, мы хотим показать, что ставка на образование (более конкретно – на китайскую образованность конфуцианского типа) оказалась существенным элементом самоидентификации и возвышения Фудзивара. В значительной мере конкурирующей по отношению к конфуцианству (в которое вошли также элементы даосизма) идеологией выступал буддизм (мы употребляем термин «идеология» применительно к буддизму, поскольку он играл существенную роль в строительстве официальной государственной идеологии), с которым, как мы попытаемся показать, ассоциировали себя политические оппоненты Фудзивара.

Основным источником, которым мы пользовались при написании данной работы, является официальная погодная хроника «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии»), составленная в 797 г. специально созданной «редколлегией», ведущую роль в которой играли представители Фудзивара, что не могло не иметь влияния на её содержание. Однако материалы хроники всё-таки создают хорошие возможности как для реконструкции общеисторического процесса, так и для более узких задач нашего исследования.

Внешняя канва событий выхода Фудзивара на политическую

---

¹ Важность анализа кровнородственных связей не вызывает сомнения. Однако следует помнить, что «генеалогический фактор» обладает ограниченными объяснительными потенциями. Как нам уже приходилось отмечать ранее, для синтоистской мифологии характерен конфликт между божествами, принадлежащими к одному поколению (братьями и сестрами), в то время как конфликтов между разными поколениями (родителями и их потомками) обычно не фиксируется (см.: *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст. – М.: Наука, 1991). Материалы, привлеченные нами при написании данной работы, свидетельствуют, что эта же закономерность прослеживается и на историческом материале.

арену выглядит следующим образом.

Влиятельный род Накатоми, ведший своё происхождение от божества Амэ-но Коянэ-но *микото*, отправлял при дворе жреческие функции. В свете этого факта понятно, что Накатоми, ведшие своё происхождение от божества Амэ-но Коянэ-но *микото* вместе с Мононобэ (считавшими своим предком божество Ниги Хаяхи-но *микото*), были против того, чтобы в Ямато почитали статую Будды, когда при государе Киммэй (539-571) последний напрямую в 552 году поставил вопрос об этом перед представителями наиболее влиятельных родов. За принятие буддизма высказался только представитель сравнительно молодой служилой знати Сога-но Умако (?–629), поскольку его «небожественное» происхождение не позволяло ему занять достойное место в аристократической иерархии¹ [Нихон сёки, Киммэй, 13-й год пр., 10-я луна]. С этого момента отчётливо прослеживается противостояние Сога и указанных двух аристократических родов. Его основными этапами были: прямое военное противостояние между Сога и Мононобэ (закончилось поражением Мононобэ в битве 587 г. [Нихон сёки, св. 21-й, Сусюн, (587 г.), 7-я луна]), после чего влияние Сога при дворе становится подавляющим; убийство в 645 году Сога-но Ирука (?–645) и принуждение к самоубийству его отца Сога-но Эмиси (?–645 гг.; осуществлено Накатоми Каматари, принцем Нака-но Оэ и Кура-но Ямада-но Маро-но *оми*) [Нихон сёки, св. 24-й, Кёгёку, 4-й год пр., 6-я луна, 12-й день]. На этом политическое доминирование Сога заканчивается: в 680 году они получают фамилию Исикава и никогда более не претендуют на ведущие роли в управлении государством.

В настоящее время считается, что господство Сога обеспечивалось двумя основными компонентами: контролем Сога над переселенцами с материка и их потомками (носителями более высокой технологической и управленческой культуры) и установлением брачных отношений с правящим домом.² К этому не вызывающего нашего сомнения выводу добавим от себя ещё одно соображение: приверженность Сога к буддизму, который играл в то время очень важную роль в формировании общегосударственной идеологии в связи с тем, что син-

---

¹ Анализ этого предания см.: *Мецзяков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. – М.: Наука, 1987. – С. 62-64.

² Нихон кодайси дзитэн 日本古代史辞典 (Словарь древнеяпонской истории). – Токио 東京: Ямато сёбб 大和書房, 1993. – С. 190-193.

тоизм с его разрозненными культами родовых и ландшафтных божеств в это время ещё не был в состоянии обеспечить «склеивающие» функции в масштабе страны. Сога же были наиболее ревностными адептами буддизма в высшей управленческой элите.

Следует, однако, иметь в виду ограниченные потенции буддизма в деле государственного строительства и управления. За счёт «выравнивающих» идей буддизма (отказ от родового, территориального, социального и любого иного партикуляризма) и усиленного подчёркивания персональной ответственности за собственные деяния могут быть обеспечены рост самосознания личности, рост её «этического потенциала», определенная культурная однородность населения, что, безусловно, является важнейшим условием существования централизованного государства, но возможности буддизма по собственно практическому управлению населением не слишком велики, ибо первоначальная направленность буддизма в сторону личного самосовершенствования и личного спасения в значительной степени исключает государство, как таковое, из главных предметов размышления приверженцев этого учения. Несмотря на то, что буддизм подвергся весьма сильному огосударствливанию во всех странах Дальнего Востока, он нигде так и не стал монопольной официальной идеологией.

В связи с этим необходимо отметить, что со второй половины VII века заметно нарастание в официальной идеологии чисто китайских элементов, связанных, в первую очередь, с религиозным даосизмом и его представлениями о правителе и его придворном окружении как о даосских святых.¹

Сын Каматари, Фудзивара-но *асоми* Фухито (659-720), также был одним из самых влиятельных царедворцев своего времени, дослужившись до должности Правого министра (708 г.). Поведение Фухито отличалось большой осторожностью – он ни в коем случае не хотел создать впечатления, что считает себя равным представителям правящего дома. Так, незадолго до кончины императора Момму (697-707) в награду за заслуги его отца Фухито было предложено 5 000 дворов в кормление, но Фухито решительно отказался, ограничившись 2000 [Сёку нихонги, *Кэйун*, 4-й год, 4-я луна, 15-й день]. Известно, что 5 000 дворов обладал только кровный принц Такэти [Нихон сёки,

---

¹ Мещеряков А.Н. Даосизм и символика числа «восемь» в японской официальной культуре VII–VIII вв. // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 3. – С. 125-133.

Дзитō, 6-й год пр., 1-я луна, 4-й день], и Фухито, по всей вероятности, не желал для себя чрезмерных почестей, которые могли вызвать обвинения в присвоении привилегий правящего дома. В 718 году Фухито была предложена должность Главного министра (*дадзэ дайджин*), но он отказался на том основании, что ранее этот пост занимали только представители правящего дома.¹ Тем не менее, поскольку эта должность, а также пост Левого министра (Левый министр считался старше Правого) оставались при нём вакантными, то он фактически находился на самом верху чиновничьей пирамиды управления.

Отметим «образовательные» коннотации имени Фухито, которое означает «писец», что означало в то время не просто переписчика, но человека, знакомого с китайскими классическими текстами. Формант «*фухито*» входил обычно в имена иммигрантов с континента, которые поначалу составляли основной контингент грамотных людей. И в самом деле, китайская образованность Фухито подтверждается тем, что именно он был одним из главных действующих лиц при составлении законодательного свода «Гайхō рицурё» (701-702 гг.), и главным – при разработке «Ёрō рицурё» (составление закончено в 718 году, но он был введён в действие только в 757 г. в связи с временным ослаблением позиций Фудзивара) – основных документов, в соответствии с которыми строилась государственная жизнь древней Японии. Поскольку японское право было прямым следствием заимствований китайского законодательства и его адаптации к японским условиям, то акт составления сводов в Японии предполагал глубокое знакомство с Танским законодательством. Кроме того, доказательством серьезной приобщённости Фухито к китайской образованности служит то, что в первой (из дошедших до нас) китаеязычной поэтической антологии «Кайфүсō» сохранились и пять стихотворений самого Фухито (№№ 29-34).²

В 698 г. императорским указом фамилия Фудзивара была ос-

---

¹ Кутё бунин 公卿補任 (серия «Кокуси тайкэй» 国史大系). – Токио: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1971. – С. 16.

² Кайфүсō 懷風藻; эта антология была составлена в 751 г. из стихов поэтов кружка принца Нагая (см. ниже). Издание текста см.: Кайфүсō 懷風藻 (серия «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系). – Токио: Иванами сётэн 岩波書店, 1964. – Т. 69. О самой антологии см. на русском языке: Халла Иштван. О создании первой японской антологии китайских стихотворений «Кайфусо» (751 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1977; Мещеряков А.Н. Древняя Япония: культура и текст. С. 59-64.

тавлена только детям Фухито (Мутимаро, 680-737; Фусасаки, 681-737; Умакаи, 694-737; Маро, 695-737), в то время как Фудзивара-но *асоми* Омимаро (брат Фухито) была возвращена фамилия Накатоми на том основании, что он занимается «делами [синтоистских] божеств» [Сёку нихонги, Момму, 2-й год пр., 8-я луна, 19-й день].

Карьера всех четверых сыновей Фухито сложилась вполне блестяще: Мутимаро дослужился до должности *левого министра*, Фусасаки был главой Центрального министерства (Тёмусё) и Министерства народных дел (Мимбусё) посмертно назначен *левым министром*; Умакаи – до главы Министерства церемоний (Сикибусё) и *управителя* Дадзайфу (т.е. острова Кюсю), Маро – до главы Управления левой и правой половинами столицы (Сау-но кё дайбу) и *военного министра*. Все четверо обладали должностью *санги* (нечто вроде советников государя), позволявшей непосредственно участвовать в управлении страной.

Четверо сыновей Фухито положили начало четырём «домам Фудзивара», которые (во многом за счёт внутривидовой борьбы) в очень значительной степени и стали определять динамику придворной политической жизни. Мутимаро основал «южный дом» (*нанкэ*); Фусасаки, усадьба которого располагалась к северу от усадьбы Мутимаро – «северный» (*хоккэ*); Умакаи, служивший в Министерстве Церемоний – «церемониальный» (*сикикэ*); Маро – «столичный» (*кёкэ*).

Находящиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что во всех четырёх домах Фудзивара китайской образованности придавалось первостепенное значение. Особенно показательна в этом отношении карьера Мутимаро, который в 706 году занял пост главы Управления обучения (Дайгакурё) – должность, на которую в то время назначались только крупные знатоки китайской письменной традиции.¹ Находясь ещё на посту *заместителя управления*, Мутимаро взял на работу многих прежних преподавателей Школы чиновников (Дай-

---

¹ Полный список чиновников, занимавших эту должность, неизвестен. Тем не менее, для первой половины VIII в. можно привести следующие имена: Сасанами-но Кафути, Кудара-но *коникиси* Рёгу (потомки иммигрантов из Пэкче), Цуки-но *имики* Оихито (участвовал в составлении «Гайхё рицурё»), Ямада-но *фухито* Миката (учился в Танском Китае), Ядзумэ-но *сужэнэ* Мусимаро и Соя-но *мурадзи* Комаро (составители «Ёрё рицурё»), Татибана-но *асоми* Нарамаро (крупный государственный деятель). – См.: *Киси Тосио* 岸 俊男. Фудзивара Накамаро 藤原 仲麻呂. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1969. – С. 16-17.

гаку), стал более широко проводить церемонию поклонения Конфуцию (*сякюдэн, сэкитэн*).¹ Когда он стал главой управления, Мутимаро сам проводил занятия в Школе. Став затем главой Архивного управления (Дзусёрё), Мутимаро употребил свои силы на восстановление письменного наследия, утраченного в результате бурных политических событий, сопровождавших восшествие на престол Тэмму (673-686).² Известно также, что Мутимаро был составителем сборника китайской поэзии (не сохранился). В упоминавшейся антологии «Кайфүсё», помимо Фухито, содержатся стихи Фусасаки (три, №№ 85-87), Умакаи (шесть, №№ 88-93), Маро (пять, №№ 94-98). Таким образом, из 120 стихотворений «Кайфүсё» 19 принадлежат кисти людей рода Фудзивара, что делает их представительство в этой антологии и самым большим по сравнению с другими фамилиями. Участие в «Кайфүсё» было особо значимым с точки зрения интересующей нас проблематики, поскольку в предисловии к антологии содержатся пассажи, свидетельствующие об ориентированности составителя и участников именно на китайскую образованность. Так, отмечая особые заслуги императора Тэнти (668-671) в деле распространения образованности, говорится: «По его разумению, для улучшения нравов и наставления в истинном ничто не сравнится с письмом и учением; для утверждения добродетели и совершенствования тела ничто не превосходит учения, и потому он устроил школы [чиновников]». Относительно другой знаковой фигуры VII в. – прославленного в буддийской традиции принца Сётоку-тайси (574-622) – отмечается с вполне определённым скепсисом, что, хотя он и ввёл придворные ранги, но «занимался исключительно почитанием Будды, и для сочинения стихов времени у него не было».³ Данное утверждение является одним из существенных проявлений су-

¹ Первое упоминание о проведении этой церемонии в «Сёку нихонги» относится к 701 году (см.: Сёку нихонги, Тайхё, 1-й год, 2-я луна, 14-й день). Источник цит. по: Сёку нихонги 続日本紀 (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй 新日本古典文学大系»). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1990. – Т. 2. – 709 с.; Сёку нихонги 続日本紀 (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй 新日本古典文学大系»). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1992. – Т. 3. – 667 с.; Сёку нихонги 続日本紀 (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй 新日本古典文学大系»). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 2015. – Т. 4. – 667 с.

² Эти сведения содержатся в сочинении, известном как «Жизнеописание Мутимаро» («Мутимаро-дэн»), составленном монахом Энкэй по повелению Фудзивара-но асоми Накамаро (см. ниже). – *Киси Тосио*. Указ. соч. С. 15-16.

³ Кайфүсё, 1964. С. 58-59.

ществовавшего противостояния между приверженцами китайской традиционной образованности (конфуцианско-даосского комплекса) и буддизма. Это противостояние никогда не достигало такой степени остроты (вплоть до преследований буддистов), как это бывало в Китае, но, тем не менее, оно являлось существенным фактором политического, социального и культурного развития Японии.

Итак, начало VIII века проходило при возрастающем влиянии Фудзивара. И несмотря на то, что в 710 году Фухито построил в Нара буддийский храм Кōфукудзи, а тело его было кремировано согласно буддийским установлениям, Фудзивара явно не были сторонниками государственной пробуддийской политики. С этой точки зрения интересно посмотреть, какое место уделялось буддизму в законодательных сводах (в Китае установления относительно буддизма не входили в основное законодательство, что, безусловно, связано с отчётливо пренебрежительным отношением к нему со стороны конфуцианско-ориентированных «государственников»). Обращает на себя внимание, что в статьях соответствующего раздела («Сонирё» – «Закон о монахах и монахинях»¹) чрезвычайно силён запретительный элемент, что выглядит исключением на фоне других сводов законов. Основной смысл «Сонирё» заключается в том, чтобы буддийская церковь не обладала бы самостоятельным значением и всегда находилась под контролем государственных структур. В связи с этим монахам не разрешалось даже покидать пределы храма, т.е. фактически запрещалось вести прозелитскую деятельность. Главной же обязанностью монахов считалось вознесение молений о спокойствии и благополучии государства.

Достаточно настороженное отношение власти (в лице, прежде всего, Фудзивара-но *асоми* Фухито) по отношению к буддизму в это время видно и на материале событийной истории, зафиксированной в основном историческом памятнике эпохи – официальной хронике «Сё-ку нихонги». Так, в указе 717 г. осуждается «жалкий монах» Гёги (668-749), который собирает вокруг себя верующих и толкует с ними о вероучении, в следующем году гневные инвективы направляются в сторону тех верующих, кто «с лёгкостью пренебрегает законами государя». В докладе Государственного Совета (Дадзёкан) 722 г., одобренного государыней Гэнсё (715-724), говорится о том, что конфуцианство и буддизм отличны по форме, но сходны в своей сути. Вместе с тем сто-

---

¹ Свод законов «Тайхорё». – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 65-74.

личные монахи «искусно глаголят о кармическом воздаянии» и не желают соблюдать государственные законы, предписывающие им постоянно находиться в храмах, а не бродить «с сутрой за плечами и чашкой для подаяний в руке» [Сёку нихонги, *Ёрō*, 1-й год, 4-я луна, 23-й день; 2-й год, 10-я луна, 10-й день; 6-й год, 7-я луна, 10-й день].

Для понимания атмосферы времени господства Фухито знаковыми могут считаться события, сопровождавшие восхождение на престол императрицы Гэнсё (715 г.). В столице тогда была обнаружена «чудесная черепаха» (*рэйки*), тело и панцирь которой были покрыты иероглифами.¹ В связи с обнаружением «чудесной черепахи» новый девиз правления получил такое же название – *Рэйки*. Описание черепахи в «Сёку нихонги» выглядит так: «Длиной она в семь сун, шириной – в шесть. Левый глаз у неё белый, правый глаз у неё красный. На шее у неё были изображения трёх звезд [оберегающих Полярную звезду], а на панцире у неё было семь звезд [ковша Большой Медведицы]. На обеих передних ногах у неё было изображение триграммы “*Ли*” [смычка, выявление, огонь], а на обеих задних ногах – сплошная черта “*Ян*” [мужское, активное, светлое начало]. Низ живота её был испещрён красными и белыми точками, которые переплетались в цифру 8» [Сёку нихонги, *Рэйки*, 1-й год, 8-я луна, 28-й день].

---

¹ Вслед за Китаем в Японии панцирь черепахи использовался для гадания. Кроме того, черепаха в силу её долголетия считалась символом вечной жизни и благополучия. Не следует забывать и китайский миф, согласно которому черепаха, появившаяся из реки Ло, имела на своём панцире знаки, которые стали прототипом первых иероглифов. В одном из указов «Сёку нихонги» цитируется соответствующее место раздела «Жизнеописаний» «Исторических записок» Сыма Цяня: «Божественная черепаха – сокровище Поднебесной. Она изменяется вместе с изменением вещей, в четырёх временах года меняет свой цвет. Так скрывает себя, лежит и не ест. Весной она зелёная, летом – красная, осенью – белая, зимой – чёрная» (см.: Сёку нихонги, *Дзинго кэйун*, 2-й год, 9-я луна, 4-й день). В этом, а также и в более раннем указе (см.: Сёку нихонги, *Ёрō*, 7-й год, 10-я луна, 23-й день) цитируется несохранившееся сочинение Сюн-ли (считается, что оно было составлено во время Вэйской или Цзиньской династии), в котором, судя по всему, рассматривалась теория знамений и практика гаданий: «Когда правитель не сгибаем и не образуются клики, когда почитают старых, когда древнее и прошлое не теряются, когда добродетель струится обильным потоком, тогда и появляется чудесная черепаха». Вслед за Китаем в Японии девизы правления (яп. *нэнгō*) также играли огромную роль в системе официальной идеологии. Именно поэтому наше дальнейшее изложение в значительной степени основано на анализе принимаемых девизов правления. Законодательно порядок смены девизов правления был закреплён в сводах «Тайхō рицурё» и «Ёрō рицурё» (XVIII, ст. 8).

В VIII веке обнаружение «чудесных черепах» было делом «обычным». В «Сёку нихонги» содержится 13 упоминаний о появлении черепах¹, причём иероглиф «черепаха» непосредственно входит в названия следующих девизов правления: *Рэйки* (Чудесная черепаха), 715-717; *Дзинги* (Божественная черепаха), 724-729; *Хёки* (Сокровище—черепаха), 770-781. Кроме того, непосредственным образом обнаружение черепахи повлияло на формулирование девиза правления *Тэмпё* (729-749). Обращает на себя внимание, что все эти девизы правления были приняты в тот момент, когда положение Фудзивара при дворе было особенно прочным, что, вероятно, следует рассматривать как их ориентированность на даосско-конфуцианские (в противовес буддийским) ценности. Поэтому в периоды доминирования Фудзивара явно усиливается и государственная забота о школах чиновников, основной задачей которых как раз и было воспитание образованных на китайский манер кадров государственного аппарата.

Хотя карьера сыновей Фухито складывалась чрезвычайно успешно, с его смертью в их продвижении по чиновничьей лестнице наступило временное замедление, связанное с возвышением принца Нагая, который в 724 году занял пост *левого министра* [Сёку нихонги, *Дзинги*, 1-й год, 2-я луна, 4-й день], т.е. формально стал первым человеком в структуре чиновничьей бюрократии. Он был внуком Тэмму (673-686) и сыном принца Такэти, сыгравшим большую роль в победе Тэмму во время «смуты года *дзинсин*» (672 г.), когда разгорелась вооружённая борьба за престол между Тэмму и его соперником.² Вместе с Нагаем на первые роли выдвинулись принц Тонэри и *дайнагон* («старший советник») Тадзихи-но *махито* Икэмори (Тадзихи – ответвление императорского рода³), что означало усиление позиций правящего рода в структуре управления. Вместе с приходом к власти принца Нагая начинают проводиться крупные мероприятия, связанные с буддизмом. Так, по случаю болезни престолонаследника было приказано изготовить 177 статуй бодхисаттвы Каннон (Авалокитешвара) и переписать посвященную ей сутру «Каннон-кё» в стольких же экземплярах⁴ [Сё-

---

¹ Сёку нихонги, 1990. Т. 2. С. 501, прим. 39.

² Детальное описание этого столкновения см.: Нихон сёки: Анналы Японии. Т. 2. С. 208-222.

³ Синсэн сёдзироку 新撰姓氏録. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. – Т. 1. – С. 154.

⁴ Символический смысл числа 177 остается неизвестным.

ку нихонги, *Дзинги*, 5-й год, 8-я луна, 21-й день]; указом 728 г. во все провинции были разосланы экземпляры «Сутры золотого блеска» для молений о «спокойствии государства» [Сёку нихонги, *Дзинги*, 5-й год, 12-я луна, 28-й день]. Кроме того, для лучшего понимания атмосферы эпохи имеет также смысл отметить запрет на выращивание охотничьих соколов [Сёку нихонги, *Дзинги*, 5-й год, 8-я луна, 28-й день] (это, по всей вероятности, было связано с буддийским запретом на убийство живых существ). Указы, осуждающие монахов за несправедное поведение, теперь отсутствуют. И наоборот – расточаются похвалы буддийским монахам (например, Гиэну) [Сёку нихонги, *Дзинги*, 4-й год, 12-я луна, 10-й день]. Получается, таким образом, что в рамках существовавшей политической системы усилившийся на какое-то время правящий род пытался сделать своей опорой буддизм и буддийское духовенство.

Все основные политические кризисы VIII века имеют самое непосредственное отношение к Фудзивара. И первый из них связан именно с принцем Нагая. Здесь следует отметить, что после отречения императрицы Гэнсё на престол взойшёл Сёму (724-749), мать и жена которого были дочерьми Фухито. Когда в 727 году у Сёму родился долгожданный сын, то казалось, что и в жилах следующего императора тоже будет течь кровь Фудзивара. Сын Сёму был назначен престолонаследником всего через месяц после рождения. Однако он умер, не дожив и до года, в связи с чем четверо сыновей принца Нагая получали определенные шансы на престол. Поэтому всего через пять месяцев после смерти престолонаследника, во второй луне 729 г., против Нагая была проведена молниеносная операция. Два мелких чиновника – Нурибэ-но *мияцүко* Кимитари и Накатоми-но Мияко-но Адзумабито (напомним, что Фудзивара отпочковались именно от Накатоми) донесли государю, что Нагая занимается «ворожкой» (*садо* – букв. «левое *дао*»), под которым понимались даосские ритуалы «чёрной магии», что было запрещено законом) и планирует свергнуть его [Сёку нихонги, *Дзинги*, 6-й год, 2-я луна, 10-й день]. Тогда Сёму приказал Фудзивара-но Умакаи окружить усадьбу Нагая, вынудив к самоубийству его самого и всю его семью. Таким образом, Нагая и его дети были устранены в качестве реальных конкурентов в борьбе за престол.

Вскоре после окончания событий, связанных с Нагая, Мутимаро получает очередное повышение (теперь он стал «старшим советником» – *дайнагон*). Происходит и смена девиза правления, что, вероят-

но, было связано с желанием избавиться от ритуального «загрязнения», связанного со смертью Нагая и его семьи. Два человека обнаружили в столице «чудесную черепаху» с надписью на панцире. Чрезвычайно показательно, что эта черепаха была доставлена государю лично Фудзивара-но Маро, что свидетельствует о полном контроле Фудзивара над обстоятельствами перемены девиза. На панцире черепахи были начертано семь иероглифов (небо – владыка – почтенный – мирный – ведать (управлять) – сто – лет), которые можно интерпретировать как «пусть мирное правление почтенного небесного владыки продлится вечные времена». Два иероглифа, взятые из этого сочетания («небесный» и «мирный»), стали новым девизом правления – *Тэмплё* [Сёку нихонги, *Тэмплё*, 1-й год, 6-я луна, 20-й день; 8-я луна, 5-й день].

После расправы над Нагая доминирование Фудзивара продолжается до 737 года. В этот период в столичной школе чиновников проводится ритуал почитания Конфуция, оказывается материальная помощь способным студентам, поощряются занятия китайским языком, проводится реорганизация самого процесса образования, одна за другой предпринимаются меры по его усовершенствованию [Сёку нихонги, *Тэмплё*, 2-й год, 2-я луна, 2-й день; 3-я луна, 27-й день; 3-й год, 3-я луна, 7-й день; 7-я луна, 29-й день]. Особой строкой выделяется в хронике сообщение о доставке из Китая книг по самым разным отраслям знаний [Сёку нихонги, *Тэмплё*, 7-й год, 4-я луна, 26-й день]. В период, последовавший сразу за смертью Нагая, меры по ограничению влияния буддийской церкви не предпринимаются – здесь, вероятно, сказывается определенная «пробуддийская» инерция, набранная ранее. Однако после того, как в самом начале 734 года Правым министром становится Фудзивара Мутимаро, мы встречаемся с указом, в котором констатируется слабая образованность монахов и их пренебрежение законами [Сёку нихонги, *Тэмплё*, 6-й год, 11-я луна, 20-й день]. Однако в целом, в этот период политика по отношению к конфуцианству и буддизму носила сбалансированный характер.

В результате ужасной эпидемии оспы (737 г.), распространившейся с Кюсю, в течение четырёх месяцев все четверо сыновей Фухито (напомним, что все они входили в состав *Санги*) скончались, и тогда ведущее положение при дворе занял представитель другого рода – Татибана-но сукунэ (позднее, *асоми*) Мороз, 684-757 (Татибана – ответвление правящего рода). При нём главные роли стали играть выходцы из «старых» аристократических родов (Тадзихи – ответвление правя-

щего рода, Оотомо, Саэки) и непосредственно правящего дома (принц Судзука, бывший младшим братом Нагая). Сам Морозэ тоже принадлежал к императорской фамилии (он был сыном принца Мину, но носил фамилию матери, происходившей из старинного рода). При Морозэ большим влиянием пользовались Киби-но асоми Макиби (693-775) и, что особенно показательно, буддийский монах Гэмбō (?-746) – первый из монахов, который стал оказывать существенное влияние на расстановку политических сил при дворе (в особенности близкие отношения сложились у него с супругой Сёму – Кōмё). И Киби-но Асоми Макиби, и Гэмбō были высокообразованными людьми, и многие годы они провели в Китае для получения образования. Фудзивара же оказались приблизительно в том же положении, что и после смерти Фухито. И даже ещё худшем: после смерти Фухито его сыновья весьма быстро получили 3-й – 4-й ранги, в то время как все его внуки смогли добиться только пятого, и лишь Тоёнари (старший сын Мутимаро) получил четвёртый ранг и должность главы военного министерства (и только он был *Санги*). При этом Хаманари (сын Маро) получил пятый ранг лишь в 751 г., что означало закат «столичного дома» Фудзивара. Одним из важных политических мероприятий нового режима было официальное признание того, что принц Нагая был оклеветан.¹

В результате придворных интриг, предпринятых Татибана-но сукунэ Морозэ, внук Фухито и сын Умакаи по имени Хироцугу (?-740) в 738 году был отправлен служить на Кюсю заместителем управителя [Сёку нихонги, *Тэмтё*, 10-й год, 12-я луна, 4-й день], что для представителя фамилии Фудзивара было эквивалентно ссылке (к тому же эта должность означала и фактическое понижение в ранге). Однако удалённость Кюсю от Нара и давние традиции определенной культурной и политической автономии этого острова позволили Хироцугу, фактически исполнявшего должность управителя Дадзайфу (эта должность оставалась в то время вакантной), использовать эти обстоятельства для достижения собственных целей. Поскольку его докладная записка с перечислением бедствий, постигших государство (текст записки не сохранился, но из лапидарного сообщения «Сёку нихонги» мож-

---

¹ В сообщении «Сёку нихонги» (*Тэмтё*, 10-й год, 7-я луна, 10-й день) говорится, что Оотомо-но сукунэ Комуси во время игры в го с Накатоми-но Адзумахито заспорил с ним относительно принца Нагая (раньше он служил у него) и зарубил Адзумахито. Хроника лапидарно заканчивает это таким утверждением: «Адзумахито – это человек, который оклеветал принца Нагая».

но заключить, что там, вероятно, было и упоминание о недавней эпидемии, что, согласно китайским представлениям, было равносильно обвинению государя в несправедном управлении), и с требованием устранения его недоброжелателей (Киби-но *асоми* Макиби и Гэмбō) [Сёку нихонги, *Тэмпё*, 12-й год, 8-я луна, 29-й день] была проигнорирована (можно сказать, что он и не хотел дожидаться ответа), через четыре дня после её подачи в 9-й луне 740 года он поднял мятеж, подавленный через два месяца мобилизованной со всех провинций 17-тысячной армией. После этого Хироцугу был казнён. Магическим же обеспечением этой военной акции по подавлению мятежа послужило распоряжение властей об изготовлении в каждой провинции статуи бодхисаттвы Каннон и о переписывании «Сутры Каннон» [Сёку нихонги, *Тэмпё*, 12-й год, 9-я луна, 15-й день]. Со смертью Хироцугу его противостояние с Гэмбō (т.е. Фудзивара и буддийской церкви) не заканчивается: смерть монаха, последовавшая в 746 г., была приписана деяниям неуспокоенного духа Хироцугу [Сёку нихонги, *Тэмпё*, 18-й год, 6-я луна, 18-й день].

События, связанные с подавлением мятежа Хироцугу, свидетельствуют, что монолитность рода Фудзивара осталась в прошлом, поскольку остальные его представители не поддержали Хироцугу. Особенно показательным, что второй сын Мутимаро – Накамаро (706-764) был назначен командовать конным авангардом императорской свиты, когда Сёму в ответ на мятеж покинул Нара и провозгласил новую столицу в Куни (пров. Ямасиро), где и пребывал в течение пяти лет (выбор, павший на Куни, объясняется тем, что неподалеку находилась усадьба главного соперника Фудзивара – Татибана-но *сукунэ* Морозэ). Политическая борьба между различными ветвями рода Фудзивара продолжалась и в дальнейшем.¹

На идеологическом уровне временное отстранение Фудзивара от управления государством проявляется, в частности, в том, что в прав-

---

¹ Один из показательных примеров – судьба одного из сыновей Фудзивара-но Фусаки – Мататэ (Яцука). В его жизнеописании говорится, что он был образован (как и все представители Фудзивара – отметим мы от себя), Сёму любил его и, желая приблизить, даровал ему должность – в обязанности Мататэ входило лично докладывать государю и доставлять его распоряжения в соответствующие подразделения аппарата. Однако Фудзивара Накамаро (см. ниже) это не понравилось, и тогда Мататэ решил остаться дома и в течение долгого времени свои силы отдавал изучению китайских книг (см.: Сёку нихонги, *Тэмпё дзинго*, 2-й год, 3-я луна, 12-й день).

ление Сёму никаких мероприятий по «улучшению» школьного образования больше не проводится, ибо эта задача перестала быть на время актуальной. Зато, начиная со времени мятежа Хироцугу, всё более заметной становится буддийская окрашенность этого периода правления: в хронике «Сёку нихонги» резко увеличивается количество сообщений, связанных с буддизмом. Причём эти сообщения касаются акций по поощрению распространения буддизма (строительство храмов, публичное чтение сутр и т.п.), а не мер по ограничению деятельности буддийских монахов, как это было ранее. Это было напрямую связано, вероятно, с тем, что правящий род и его ближайшее окружение видели (возможно, и подсознательно) в укреплении буддийской церкви (где позиции Фудзивара были явно слабы) гарантию занимаемого ими положения, т.е. личная и сословная самоидентификация в значительной степени осуществлялись ими именно с помощью буддийского вероучения.

Причинами этого были обстоятельства не только политические, но и историческо-идеологические. Краеугольный камень политической доктрины конфуцианства – это «встроенная» в него возможность смены правящей династии («мандат Неба») ввиду утраты ею моральных основ. В конечном итоге, в Японии эта доктрина не получила широкого распространения, но в рассматриваемый нами период наличествуют явные свидетельства того, что идея «мандата Неба» еще не была окончательно отвергнута. Так, в упоминавшейся докладной записке Хироцугу содержится указание на то, что её автор при оценке деятельности императора исходит именно из неё, т.е. фигура императора выступает как объект этической оценки. В связи с естественным для императорского рода нежеланием допустить укоренения представлений, связанных с «мандатом Неба», смещаются и приоритеты в строительстве государственной идеологии. Таким образом, хотя принципы организации японской государственной машины выглядели в это время вполне по-китайски (ранжирование чиновничества, организация аппарата управления, административное деление страны и многое другое), но философские основы, на которых возводилось это здание, противоречили коренным интересам правящего рода. Поиск оптимальной модели управления выглядит как процесс «проб и ошибок». Так, при Сёму происходит решительный поворот в сторону буддизма, но в дальнейшем (см. ниже) пришлось отказаться и от ведущей роли буддизма в формировании официальной идеологии в пользу синтоизма.

В 742 г., т.е. в правление Сёму, началось строительство своеобразной магическо-информационной буддийской общегосударственной сети – «провинциальных храмов» («*кокубундзи*»). В каждой из приблизительно 60 провинций должны были быть построены мужской (20 монахов) и женский (10 монахинь) монастыри с семиярусными пагодами (в реальности многие пагоды были пятиярусными), для материального обеспечения которых мужским монастырям придавалось 50 дворов и 10 *тё* (1 *тё* – около 1 *га*) заливных полей, женским – только 10 *тё* полей (впоследствии наделы были увеличены до 90 и 40 *тё* соответственно) [Сёку нихонги, *Тэмнэ*, 13-й год, 3-я луна, 24-й день; *Тэмпнэ*, 19-й год, 11-я луна, 7-й день]. Самым крупным из обнаруженных при археологических раскопках монастырей оказался монастырь в Мусаси (900 на 550 м), однако стандартный монастырь обычно занимал площадь 225 на 225 м. Молитвы в этих храмах были призваны обеспечить безопасность государства от внешних и внутренних врагов, избавить от стихийных бедствий и эпидемий, принести богатый урожай. В каждом храме надлежало иметь сутры, регулярное чтение которых было призвано обеспечить вышеуказанные цели («Сутра золотого блеска» – яп. «*Конкёмёкё*» и «*Лотосовая сутра*» – «*Хоккэкё*»). Провинциальные буддийские храмы располагались, как правило, в непосредственной близости от управлений провинциями, образуя вместе с ними единый архитектурно-административный комплекс.

Особенной популярностью среди правящей элиты и духовенства, вовлеченного в орбиту государственной жизни, пользовались сутры, обещающие тем правителям, которые почитают Будду, процветание и благоденствие. Разрабатывается там и проблема «священного правителя» (*чакравартина*), покровительствующего буддизму. Таким образом, мифологическое (синтоистское) обоснование легитимности правящей династии, закрепленное письменно в «*Кодзики*» и «*Нихон сёки*», дополнялось и буддийской доктриной. «Тремя сутрами, оберегающими страну» считались: «Сутра золотого блеска», «Сутра праведных правителей» («*Ниннёкё*») и «*Лотосовая сутра*».

Кульминацией усилий Сёму и его последователей по внедрению буддизма в тело государства стало строительство гигантского храма Тōдайзи («*Великий храм Востока*») в столице Нара. Синтоистский храм правящего рода в Исэ (совр. преф. Миэ) ещё оставался в это время родовой святыней правящего рода, и посещение его людьми, которые не являлись его членами, запрещалось. Строительство Тōдайзи

потребовало напряжения сил всей страны. Оно осуществлялось как на средства двора, так и на частные пожертвования. В храмовой хронике Тōдайдзи («Тōдайдзи ёроку», начало XII в.) указывается, что на возведение храма были собраны пожертвования от 51 590 человек, а на отливку статуи будды Вайрочана – от 372 075 человек. Строительство храма, занимавшего площадь в четыре городских квартала Нара (около 90 га), действительно потребовало гигантских усилий. Достаточно сказать, что размеры «золотого павильона» (*кондо*), ныне самого большого в мире деревянного сооружения (сохранился со значительными перестройками в масштабе 2 к 3 по отношению к первоначальному строению), составляют: высота – 49 м, длина – 57 м и глубина – 50 м. На выплавку же 16-метровой сидячей статуи космического будды Вайрочаны на пьедестале в форме лотоса пошло около 500 тонн меди, 2,5 тонны ртути, 440 кг золота. После постройки Тōдайдзи этот храм стал не только центром религиозной жизни, но и местом проведения важнейших государственных церемоний, не имеющих собственно к буддизму никакого отношения. Так, церемония присвоения чиновникам рангов неоднократно проводилась именно там, т.е. этот буддийский храм выступал в качестве центра государственной жизни.

Для характеристики политики режима Сёму–Татибана (Татибана-но сукунэ Мороз был *правым министром* в отсутствие *левого министра* с 738 по 743 гг. и получил пост *левого министра* в 744 г.) весьма знаковой является запись хроники, в которой сообщается о том, что монах Гёги вместе со своими учениками стал принимать активное участие в осуществлении строительства Тōдайдзи [Сёку нихонги, *Тэмнэ*, 15-й год, 10-я луна, 19-й день]. Таким образом, с изменением состава ключевых действующих лиц отношение к этому проповеднику резко изменилось: в период доминирования Фухито летопись отзывалась о нём как о «жалком монахе», который своими ложными проповедями обманывает толпы доверившихся ему людей, но в записи 745 г. уже сообщается, что он был назначен *дайсōдзу* («патриархом»), т.е. главой контролируемой государством буддийской общины во всей стране [Сёку нихонги, *Тэмнэ*, 17-й год, 1-я луна, 21-й день].

В 749 году произошло переименование девиза правления. Впервые в истории Японии оно было связано с буддизмом. В связи с обнаружением месторождения золота, которое было необходимо для позолоты статуи будды Вайрочана при сооружении храма Тōдайдзи, в 4-й луне 749 года девиз правления был изменен на *Тэмнэ кампō*, где вто-

рой компонент сочетания понимается как «помощь [при обнаружении] сокровища». При этом под «сокровищем» разумеется золото, а под подателями помощи – будды, небесные и земные божества синтоизма, духи предшествующих императоров, которые откликнулись на обет Сёму построить гигантский буддийский храм. Кроме того, слово «сокровище» в данном случае может иметь и другую, буддийскую, коннотацию, поскольку оно входило в состав термина «Три сокровища» – Будда, его учение и сангха (в расширительном толковании «Три сокровища» обозначали буддизм в целом).¹

Период правления Сёму был одним из пиков государственной (=императорской) поддержки буддизма. И совершенно не случайно, что это было время, когда позиции Фудзивара при дворе были серьезно ослаблены.

После того, как Сёму в 749 г. в связи с болезнью отрекся от престола в пользу своей дочери Кёкэн, в политической истории Японии наступает новый период. Позиции Фудзивара снова усиливаются – поначалу не столько за счёт увеличения представительства в высших институтах власти (из 12 *Санги* четыре носили фамилию Фудзивара, Фудзивара Тоёнари в 749 году был назначен *правым министром*), сколько за счёт создания параллельного и очень влиятельного центра власти, который не был предусмотрен законодательными сводами. Он носил название *Сиби тёдэй* и имел институциональные прецеденты в истории танского Китая и царства Бохай, с которым в то время Япония поддерживала очень тесные отношения.² *Сиби тёдэй* был образован на месте ведомства по управлению женского дворца супруги Сёму – Кёмё (она происходила из рода Фудзивара). Главой и инициатором со-

---

¹ В указе Сёму, в частности, говорилось: «И вот, желая во всех землях обильной страны Поднебесной/ сутру «Сайсёкёкё» ввести/ и воздвигнуть статую Будды/, вознесли мы моления/ богам, на Небе пребывающим, на Земле пребывающим,/ и почести воздали душам государей разных времен,/ начиная с государя – далекого предка,/ множество людей повели за собою/ и статую возводили, в сердце мечтая,/ дабы несчастья пресеклись и стало добро,/ тревоги переменились и жизнь выровнялась./ И вот возводили мы статую с мыслями теми,/ а многие усомнились – да будет ли так?/ И мы горевали – золота достанет ли?/ И тут явились нам знаки слова великого,/ чудесного слова Трёх Сокровищ, всё превосходящего,/ и поняли мы, что явились те знаки,/ ибо согласились на то боги,/ на Небе пребывающие, на Земле пребывающие,/ и счастьем нас одарили,/ и души государей нам милость и ласку оказали» (Норито. Сэммё / Перевод со старояп., иссл. и коммент. Л.М. Ермаковой. – М.: Наука, 1991. – С. 152).

² *Сиби* – кит. *цзывэй*, означает место на небосводе, где пребывает Небесный Император; *тёдэй* (кит. *чжунтай*) – министр.

здания *Сиби тōдай* стал упоминавшийся Фудзивара Накамаро, который получил к этому времени должность *тjоногона* – среднего государственного советника. И именно фигура Накамаро на несколько ближайших лет будет определять динамику политических процессов при дворе. Поэтому имеет смысл разобраться в том, что за тип личности он представлял собой.

В жизнеописании Накамаро не вызывает сомнений акцент, сделанный «Сёку нихонги», на китайской образованности и способностях к ней Накамаро. Хроника утверждает, что Накамаро «от рождения отличался умом, был умен в письме. Математике он учился у *дайногона* Абэ-но Сукунамаро и весьма преуспел в этом искусстве». Далее перечисляются этапы чиновничьей карьеры Накамаро, в том числе и его служба в Управлении школ чиновников в качестве мелкого служащего [Сёку нихонги, *Тэмтjē хōдзи*, 8-й год, 9-я луна, 18-й день]. Указание на «математические» способности Накамаро не должно пройти мимо нашего внимания, ибо «математика», в тогдашнем понимании термина, предполагала занятия такими «прикладными» дисциплинами, как астрология (астрономия) и обучение искусству землемера, что делало возможным использование выпускников школы чиновников, в частности на строительных работах, которые в то время очень широко проводило японское государство (строительство административных зданий, буддийских храмов, дорог, оросительных сооружений). При этом жизнеописание ничего не сообщает нам о буддийских пристрастиях Накамаро.

Чрезвычайно показательно, что, несмотря на постепенное восстановление позиций представителей Фудзивара в чиновничьем аппарате¹, их имена не появляются на страницах хроники в связи со строительством Тōдайдзи и назначениями в созданное Управление делами Тōдайдзи (Тōдайдзи-но *цукаса*), которое превратилось в крупнейшее государственное подразделение того времени. Так, набиравший силу Накамаро был одной из ключевых фигур при строительстве временной столицы в Куни (741-745), однако в строительстве Тōдайдзи и его управлении ведущая роль принадлежала совсем другим родам (первой главой Управления делами Тōдайдзи был назначен Саэки

---

¹ В 743 г. в составе Гисэйкан, в который тогда входило 7 человек, Фудзивара тогда принадлежало два места (Тоёнари и Накамаро). – *Киси Тосио*. Указ. соч. С. 87-88.

Имаэмиси¹). Ни сам Накамаро, ни другие представители Фудзивара не играли существенной роли и при проведенной в 752 году с грандиозным размахом церемонии освящения статуи будды Вайрочана в Тōдайзи. Однако подспудная борьба за увеличение своего представительства в руководстве делами буддийской церкви закончилась тем, что в 756 году туда были назначены монахи, преданные Накамаро.² Немалую роль здесь сыграло то, что Накамаро удалось установить дружеские отношения с приглашенным в Японию китайским монахом Гандзин (прибыл вместе с возвращавшимся из Китая посольством в 754 г.). Логика исторических событий была такова, что Накамаро (каковы бы ни были его истинные убеждения) пришлось вести политическую борьбу не «за» или «против» увеличения влияния буддизма, но за контроль над делами буддийской общины в стране. Таким образом, политическая борьба в это время в значительной степени начинает фокусироваться на буддизме и на крупнейшем проекте времени – Тōдайзи.

755 год принёс новое обострение политической обстановки. Приближённый *левого министра* – Татибана-но Асоми Мороз донёс, что его хозяин в пьяном виде якобы поносил императрицу Кōкэн [Сёку нихонги, *Тэмпё хōдзи*, 1-й год, 6-я луна, 28-й день]. Делу не было дано хода, но после этого Мороз пришлось уйти в «добровольную» отставку, что еще более ослабило позиции *правого министра* Тоёнари в его противостоянии с Накамаро, который и так, вместе с возглавляемым им ведомством *Сиби тōдай*, по своей влиятельности в значительной степени затмил Высший государственный совет – *Дадзёкан*. Вслед за смертью 74-летнего Мороз последовало раскрытие направленного непосредственно против Накамаро и его ставленника принца Оои заговора 757 г., возглавляемого Татибана-но *асоми* Нарамаро (721-757, сын Мороз и дочери Фудзивара-но Асоми Фухито) и его ближайшими сподвижниками: принцами Асукабэ и Кибуми (сыновья принца На-

---

¹ Сёку нихонги. Т. 3, примечание XVII-45. С. 474-475. Независимые от официальной традиции летописания источники свидетельствуют, что сам Накамаро, вероятно, был вполне правоверным буддистом (об этом говорят сохранившиеся данные из архива Тōдайзи о сутрах, которые семья Накамаро брала оттуда для того, чтобы переписать их) (*Киси Тосио*. Фудзивара Накамаро. С. 134-138). Однако это отнюдь не отменяет фактически проводившуюся им впоследствии политику, направленную, прежде всего, на поощрение китайской образованности.

² *Киси Тосио*. Фудзивара Накамаро. С. 161.

гая), Оотомо Комаро, Тадзихи-но *махито* Коусикаи. Им инкриминировался сговор: они якобы собирались окружить усадьбу Накамаро, убить его, заставить отречься наследного принца Оои, затем ворваться во дворец Кōмē (вдова Сēму) и похитить почтовые колокольца (выдавались только государевым курьерам для беспрепятственного проезда по стране) и императорскую печать. Следующим шагом должно было быть отречение Кōкэн и выбор следующего императора из числа четырех принцев: Асукабэ, Кибуми, Сияки, Фунадо. Сведения о заговоре дошли до Накамаро, его участники были схвачены (кто-то из них, как, например, Комаро, умер под пытками во время допросов, кто-то – сослан).

В ходе допросов участников заговора выяснилась чрезвычайно интересная деталь. Согласно показаниям самого Нарамаро, он был недоволен политикой Накамаро и, в частности, тем, что строительство Тōдайзи вызвало «страдания народа». На это следовательно резонно указал ему, что строительство Тōдайзи началось в бытность его отца Мороз *левым министром*, так что обвинения его не имеют силы [Сёку нихонги, *Тэмпē хōдзи*, 1-й год, 7-я луна, 3-й день].

Самое пристальное внимание обращает на себя логика следствия: не отвергая, по существу, претензий Нарамаро к строительству Тōдайзи, утверждается лишь, что вина ложится главным образом на его собственного отца. Таким образом, косвенным образом признается, что возведение храмового комплекса было делом обременительным и «негуманным» по отношению к «простому люду».

Последствием разоблачения заговора Нарамаро было решительное усиление позиций Фудзивара Накамаро. Последним человеком, который мог бы составить ему конкуренцию, был его старший брат, *правый министр* Тоёнари. Поскольку всем было известно, что его сын Отонава находился с Нарамаро в дружеских отношениях, то он был обвинён в недоносительстве и снят с должности [Сёку нихонги, *Тэмпē дзинго*, 1-й год, 11-я луна, 27-й день].

Несмотря на обвинения в чрезмерном усердствовании в распространении буддизма и вызванного этим страданиями «народа», в глубине своей души Накамаро, похоже, оставался стойким приверженцем управления более рационалистичного китайского (конфуцианского) типа, делающего упор не столько на действенной силе молитв и ритуала (хотя, разумеется, и этот аспект нельзя сбрасывать со счёта), сколько на прагматических мерах по приведению общества в иерар-

хически соподчиняемое состояние. Поэтому вместе с усилением позиций Накамаро все большее внимание начинает обращать именно на конфуцианскую составляющую официальной идеологии.

Так, в «каждом доме» предписывается держать копию «Сяо-цзин» (яп. «Кōккē» – «Канон сыновней почтительности») – произведения, которое было одним из основных в программе обучения в школах чиновников. Нарушившие же моральные установления, прокламированные в этом произведении, подлежали суровому наказанию – ссылке в «дальние провинции» [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 1-й год, 4-я луна, 24-й день]. Равно как и проведенное чуть ранее повышение на один год возраста мужчин, подлежащих трудовой повинности, эта мера была вдохновлена распоряжениями конфуцианского толка танского императора Сюань-цзуна (712-756), отданными в 744 году. Кроме этого, Накамаро предпринял ещё ряд мер, которые можно истолковать с точки зрения конфуцианского «человеколюбия»: он понизил налоги, облегчил бремя трудовой повинности, понизил процент по «рисовым займам» (выдавалась государством крестьянам), освободил часть государственных рабов.

При Накамаро власть вновь начинает заботить процесс образования в школах чиновников. В указе 757 г. вслед за «Сяо-цзин» констатируется, что в деле управления не существует ничего лучше музыки и ритуала, но учителя и ученики страдают от отсутствия пищи и одежды. Одновременно подчеркивается важность изучения астрологии, пути *инь-ян*, календарного дела, математики и иглоукальвания. В связи с этим выделялись поля для обеспечения довольствия персонала в соответствующих ведомствах [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 1-й год, 8-я луна, 23-й день]. Чуть позднее в «Сёку нихонги» утверждается, что при назначении выпускников школы чиновников в провинциях (астрологов и врачей) допускаются злоупотребления (назначение по протекции людей малоспособных). Чтобы исправить эту «аморальную» ситуацию, приводился список произведений конфуцианского толка, которые было необходимо тщательно изучить [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 1-й год, 11-я луна, 9-й день]. Возобновляется и проведение церемонии «белого коня» (7-й день 1-й луны), любование которым, согласно «Ли-цзи», должно было обеспечить изгнание злых духов в наступившем году. Сведений об этой церемонии не содержится в хронике со времени первого упоминания в 724 г., когда положение Фудзи-

вара при дворе также было прочным¹ [Сёку нихонги, *Дзинги*, 1-й год, 1-я луна, 7-й день; *Тэмпё хёдзи*, 7-й год, 1-я луна, 7-й день].

Неудивительно, что в такой обстановке смены политическо-философских ориентиров были необходимы и «чудесные предзнаменования», долженствующие показать, что «смена вех» имеет и сверхрационалистические основания. В провинции Суруга был обнаружен шелковичный червь, яйца которого образовывали надпись из 16 иероглифов, общий смысл которых сводился к тому, что Индра (понимался в качестве одного из буддийских божеств) в надлежащее время (8-й день 5-й луны – годовщина смерти Сёму) откроет «небесные врата» для Сёму, а правление его потомков будет долгим и успешным. В связи с этим новый девиз правления стал называться в 757 году «*Тэмпё хёдзи*», т.е. «небесный – мир – сокровище – надпись» [Сёку нихонги, *Тэмпё хёдзи*, 1-й год, 8-я луна, 13-й и 18-й дни]. Таким образом, для обоснования происходивших перемен в пользу усиления позиций конфуцианства при дворе использовался словарь буддизма и даосизма (шелковичный червь – принадлежность даосской картины мира, сконтаминированной в Японии с конфуцианским «рационалистическим» мировидением).²

В обстановке поощрения конфуцианства сами иноземные носители его (в основном, это были выходцы во втором–третьем поколении из стран Корейского полуострова – Когурё, Пэкче, Силла – и Китая) также подлежали поощрению. Отныне им разрешалось получение (изменение) родовой фамилии и *кабанэ* – наследственного ранга–титула, который традиционно применялся для ранжирования японской аристократии [Сёку нихонги, *Тэмпё хёдзи*, 1-й год, 4-я луна, 4-й день]. Это должно было послужить важной мерой для интеграции переселенцев в структуру японского общества, снятия барьеров для их более активного вовлечения в строительство централизованного государства и создания для них более широких возможностей вертикальной мобиль-

---

¹ Эта церемония стала ежегодно проводиться в Японии ещё в конце VII в. (см.: Нихон сёки, *Дзитё*, 3-й год, 1-я луна, 7-й день и далее). Согласно законодательным сводам (закон XXX-40), она вошла в список церемоний годового цикла. Так что упоминание о ней в хронике не означает, что в реальности она не проводилась. Однако упоминание о её проведении свидетельствует об особой значимости момента. В данном случае – об усиленном внедрении Фудзивара в придворный обиход китайского элемента.

² О первостепенной значимости даосизма в раннеяпонской практике управления см.: *Мещеряков А.Н.* Даосизм и символика числа «восемь» в японской официальной культуре VII–VIII вв. С. 125-133.

ности. В результате массированного предоставления кабанэ его получили более 50 родов (около 2 000 человек).¹

Для самого же Накамаро это означало расширение социальной базы, на которую он рассчитывал опереться. В этом отношении чрезвычайно показателен факт смены руководства Управления строительства Тōдайдзи, где на место настроенного против Накамаро Сазки-но сукунэ Имаэмиси пришёл потомок иммигрантов из Китая (или же Пэкче) Сакануэ-но *имики* Инукай (его заместителем стал также иммигрант – потомок выходцев из Когурё по имени Кома-но *асоми* Оояма). Показательно, что по времени эти «кадровые подвижки» приходится приблизительно на время заговора Татибана-но *асоми* Нарамаро.²

Если до Накамаро ни один из рода Фудзивара никогда не входил в состав официальных миссий в Китай, то теперь стала ясна его заинтересованность в том, чтобы этот канал получения информации (имеющей, в первую очередь, отношение к теории и практике государственного управления) с континента находился бы под непосредственным контролем Фудзивара: посольство, назначенное в 750 г. (отплыло в 752 г.), возглавлял Фудзивара Киёкава (при отправлении посольств, одной из основных задач которых была доставка книг, и в дальнейшем ведущая роль принадлежала Фудзивара).³ По всей вероятности, Накамаро рассматривал людей, побывавших в Китае, как готовые высококвалифицированные кадры для местного бюрократического аппарата. Тот же Кома-но Асоми Аояма был назначен на должность заместителя Управления по строительству Тōдайдзи сразу после возвращения из Китая, где он находился в составе посольства.

---

¹ Сёку нихонги. Т. 3. С. 184, прим. 14.

² *Киси Тосио*. Фудзивара Накамаро. С. 351.

³ Поскольку в состав миссии 752-754 гг. входили представители противоборствующих родов (заместителем посла был Оотомо Комаро), это спровоцировало открытый скандал. Из отчета, поданного трону Оотомо Комаро (его корабль вернулся на родину намного раньше флагманского), фактически явствовало, что все достижения этого посольства были обеспечены благодаря Комаро. К ним можно отнести: его личное вмешательство, когда на новогодней церемонии при дворе китайского императора посольство Японии было поставлено на менее почётное место, чем то было положено (ниже посольства Силла); вывоз из Китая монаха Гандзина, необходимого японцам для «правильного» проведения процедуры посвящения в монахи (поскольку согласия китайских властей на выезд Гандзина получено не было, Киёкава побоялся взять его на борт своего корабля, в то время как Комаро, недовольный действиями своего начальника, по своей личной инициативе погрузил его и ещё нескольких монахов к себе на судно) (см.: Сёку нихонги, *Тэмтё сёхё*, 6-й год, 1-я луна, 30-й день).

Накамаро пытался, разумеется, поставить своих людей на всех уровнях государственного управления. Делалось это весьма изощрённо. Как уже было замечено, при значительных заимствованиях в Японии теории и практики конфуцианского управления, концепция «мандата Неба» (т.е. смены несправедливой династии или же правителя) была фактически проигнорирована в силу общей установки на несменяемость династии и вывод фигуры самого правителя из поля действия этических оценок. Однако убеждение в том, что при несправедливом администраторе непременно должны случаться природные катаклизмы, всё-таки существовало. С той лишь разницей, что ответственность за бедствия возлагалась не на правителя, а на его подчинённых – управителей отдельных провинций. Так, согласно указу 763 г., подлежали смене управители тех провинций, на территории которых было много умерших от болезней и где разразилась засуха. За причину этих бедствий Накамаро посчитал нерадение чиновников в части поклонения синтоистским божествам [Сёку нихонги, *Тэмпё хёдзи*, 7-й год, 9-я луна, 1-й день], что прекрасно согласовывалось с пониманием природы синтоистских божеств, компетенция которых распространяется лишь на ограниченную территорию.

Любопытно, что при общем нарастании при Накамаро конфуцианско-даосского элемента в управлении страной, количество магических мероприятий буддийского свойства (проведение молений, переписка и чтение сутр и т.п.) не имеет тенденции к сокращению (хотя их удельный вес в общем комплексе официальной идеологии и становится ниже), что свидетельствует о накопленной культурной инерции и о глубине проникновения буддийских идей в чиновничье-придворную среду. Однако количество сообщений о строительстве новых храмов всё-таки уменьшается, встречается и осуждение несправедливых монахов [Сёку нихонги, *Тэмпё хёдзи*, 3-й год, 5-я луна, 15-й день]. Особенно интересна запись о предложениях чиновников по улучшению управления. Эти мнения были высказаны в ответ на обращение императора Дзюннин в 759 году. Одно из предложений, высказанное санги Фунъя-но Махито Тино и монахом Дзикин (занимал крупную должность *сёсёдзу* в буддийской церкви), заключалось в том, что следует отменить буддийскую церемонию покаяния в грехах, проводившуюся в 1-й луне в государственном масштабе (начала проводиться в 749 г.). Основанием для такого предложения послужило то, что многие люди, которые в обычное время в храм не заглядывают, соблазняются тра-

пезой и подарками, организуемыми за государственный счёт, и даже регистрируются в двух храмах, хотя и не принимают реального участия в молитвах. Что касается других предложений, высказанных самими монахами, то они в тексте хроники не приводятся на том основании, что исходят из реалий Китая, а не Японии, и потому, несмотря на уже отданные распоряжения об их исполнении, они не были воплощены в жизнь¹ [Сёку нихонги, *Тэмпё хōдзи*, 3-й год, 6-я луна, 23-й день].

В 758 году в провинции Ямато была снова обнаружена вещь, которую посчитали за чудесное знамение. На сей раз это было растение: на корнях глицинии (яп. *фудзи*, т.е. очевидна связь с фамилией Фудзивара) некое насекомое проделало ходы в виде 16 иероглифов. Смысл их был не слишком понятен, но «профессоры» (вспомним заботу Накамаро о них) истолковали их в смысле оправдания тех беспрецедентных полномочий, которыми стал обладать Накамаро к этому моменту [Сёку нихонги, *Тэмпё хōдзи*, 2-й год, 2-я луна, 27-й день]. Как мы видим, на сей раз, в этом чудесном знаменнии не было уже ничего буддийского.

Для того, чтобы получать и «правильно» истолковывать знаменния, Накамаро, безусловно, нужно было обладать соответствующими связями в «Ведомстве *инь-ян*» (Оммёрё), которое как раз и занималось такого рода работой. Прямым свидетельством действительного существования подобных связей может служить жизнеописание главы Ведомства по имени Ооцу-но *мурадзи* Ооура, скончавшегося в 775 г. В нём утверждается, что Накамаро очень доверял этому человеку, для которого гадание было наследственным делом, и часто получал у него консультации [Сёку нихонги, *Хōки*, 6-й год, 5-я луна, 17-й день].

---

¹ Из более поздних источников известно, что предложения монахов крупнейших храмов заключались в следующем: провести ремонт буддийских храмов; запретить деятельность монахов, не прошедших санкционированного государством посвящения; обсадить дороги плодовыми деревьями, дабы путники могли спастись от жары в тени и находить пропитание; учредить в каждой провинции пруды, куда добродетельные люди могли бы выпускать рыбу, выкупленную ими у торговцев (см.: Сёку нихонги. Т. 3. С. 547-548, прим. 34). За исключением пункта 2, все остальные предложения носят трудозатратный характер, требующий вмешательства государства, которое, однако, в это время явственно умеряло свою активность в деле поддержки буддийской церкви. Кроме того, следует иметь в виду, что распоряжения об исполнении указанных предложений исходили от Дадзёкан, который во времена господства Накамаро утратил значительную часть своих полномочий.

В 8-й луне 758 года место отрекшейся из-за болезни Кōкэн занял ставленник Накамаро – Дзюннин. Показательно, что Дзюннин в обход сложившейся практики не принял своего девиза правления и правил под прежним девизом – *Тэмтэ хōдзи* – показатель его явной несамостоятельности. Назначенный Главным министром, Накамаро получил беспрецедентные привилегии: чеканить собственную монету, от собственного имени собирать налоги, пользоваться своей печатью в качестве государственной. Мы не станем подробно описывать многочисленные государственные инициативы Накамаро. Отметим лишь, что и в правление Дзюннин продолжалась активная практическая деятельность по реформированию государственного аппарата, которая были призвана повысить его эффективность, что составляет впечатляющий контраст по сравнению с первыми годами правления Кōкэн и, особенно, Сёму, придававшими первостепенное значение поддержке буддизма и магическим способам обеспечения жизнедеятельности государства.

Во время своего фактического правления Накамаро предпринял следующие шаги, продиктованные его прокитайскими настроениями: ввел новую номенклатуру чиновничьих должностей, имевших прецеденты в Китае (отчасти – в Бохайском царстве); предпринял меры для поддержания стабильных цен на рис; предписал всем чиновникам, наряду с законодательными сводами (и дополнениям к ним), неукоснительное изучение «Идзэ тэнкун»¹; начал составление генеалогических списков по китайскому образцу (работа не была закончена, списки не сохранились).

Для самого Накамаро конфуцианские идеи сыновней почтительности были не только средством воздействия на сознание и этические качества чиновничества с целью реформирования общегосударственной идеологии, но и обоснованием для возвеличивания своих собственных предков. К числу предпринятых им в этом направлении мер можно, в частности, отнести введение в действие в 757 году составленного ещё Фухито законодательного свода «Ёрō рицурё» (поскольку он почти не отличался от предыдущего свода «Тайхō рицурё», то эта акция носила скорее политическое, чем практическое значение); по-

---

¹ 維城典訓 яп. Идзэ тэнкун, кит. Вэй-чэн дань-сюнь – не сохранившееся произведение китайской этической мысли (составлено в правление императрицы У Цзэтянь, 684-705 гг.), в котором, судя по сохранившимся отзывам и отрывкам, первостепенное значение придается конфуцианским этическим категориям (см.: Сёку нихонги, *Тэмтэ хōдзи*, 3-й год, 6-я луна, 22-й день).

смертное повышение Фухито, Мутимаро и Фусасаки в ранге и должности (идейное обоснование при этом выглядело так: «Дети почитают родителей. Родители же почитают детей. Это – вечное правило, и [в следовании ему] заключена добродетель священного правителя») [Сёку нихонги, *Тэмтё хёдзи*, 4-й год, 8-я луна, 7-й день].

В то же самое время при правлении Дзюннин–Накамаро продолжается впервые сформулированная законодательными сводами политика, направленная на лишение буддийской церкви самостоятельности, полное подчинение её государственным интересам. Может быть, наиболее показательны в этом отношении два указа 760 г., провозглашённые в один день (оригинал второго из них, написанного рукой Накамаро, сохранился до сегодняшнего дня). Первый указ вводит для монахов шкалу ранжирования (4 ранга, 13 ступеней), в значительной степени приравнивая их к государственным служащим (в Китае такой шкалы для монахов не существовало). Второй указ лишает Тёдайзи права самостоятельно пользоваться частью дарованных ему полей и переводит их в государственное управление. Отныне они должны были использоваться в качестве источника получения средств для проведения проводимых государством буддийских церемоний [Сёку нихонги, *Тэмтё хёдзи*, 4-й год, 7-я луна, 23-й день].

Накамаро исходил из того, что государству должна принадлежать активная роль во всех без исключения областях жизнедеятельности. Это касалось не только дел внутренних, но и внешних. Именно на его «правление» приходится заметная активизация попыток внешней экспансии Японии (подготовка неосуществленной военной экспедиции против Силла, походы на север Хонсю против *эмиси* – предков айнов).

Однако в это время буддийскому монаху Дёкё¹ удалось поправить здоровье Кёкэн. Предполагается также, что монах и экс-императрица состояли в интимных отношениях. Так или иначе, но под его влиянием Кёкэн решительно заявила свои претензии на власть.² Ка-

¹ О Дёкё см.: *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988. – С. 75-98.

² В указе Кёкэн (см.: Сёку нихонги, *Тэмтё хёдзи*, 6-й год [762 г.], 6-я луна, 3-й день), уже носившей в это время монашеское имя Такано, в частности, говорилось: «...Стали мы послушницей Будды. А что до деяний разных – постоянными праздниками и делами мелкими пусть нынешний правитель ведаёт, а важными делами державными – наградами, наказаниями, этими двумя заботами мы ведасть станем» (Норито. Сэм-мё. С. 166).

кое-то время в стране существовало два параллельных центра властных полномочий. При этом резиденцией Дзюннин был императорский дворец, резиденция же Кōкэн находилась в буддийском храме Хокэдзи в Нара [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 6-й год, 5-я луна, 23-й день]. Обычно возникший конфликт между тандемами Кōкэн–Дōкё и Дзюннин–Накамаро рассматривается как проявление борьбы за власть между различными придворными группировками. Однако с точки зрения понимания общекультурной ситуации нам представляется весьма перспективным видеть в нём не только столкновение конкретных личностей, но и противостояние разных стратегических подходов (буддийского и конфуцианского) по отношению к будущему страны, которое, в свою очередь, в самом общем виде может быть интерпретировано как противостояние прагматического и магического подходов к управлению государством.

Влияние Дōкё стремительно возрастало. Он занял должность *сёсōдзу* – одного из руководителей буддийской общины в стране [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 7-й год, 9-я луна, 4-й день]. Накамаро, увидевший в Дōкё и его покровительнице Кōкэн угрозу своему положению, поднял войска, однако потерпел поражение от дружины Кōкэн и был казнён [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 8-й год, 9-я луна, 11-й день]. Однако это не сказалось на положении в государственной иерархии фамилии Фудзивара в целом, поскольку представители других ветвей не поддержали Накамаро и выступили против. Их лояльность была оценена – они немедленно получили повышение в рангах (Фудзивара Нагатэ, Фудзивара Навамаро), а Фудзивара Тоёнари был возвращён пост *правого министра*. После его смерти этот пост занял Нагатэ – сын Фусасаки, что означало смену у кормила власти «южного дома» Фудзивара на «северный», который будет отныне доминировать в политической жизни на протяжении нескольких столетий. Чуть позже Фусасаки получил пост *Левого министра* [Сёку нихонги, *Тэмтё хōдзи*, 8-й год, 9-я луна, 11-й и 14-й дни; *Тэмтё дзинго*, 2-й год, 1-я луна, 1-й день; 10-я луна, 20-й день].

Для нашего исследования чрезвычайно важным представляется тот факт, что ни одна из буддийских структур не поддержала Накамаро. Так, при известии о мятеже, 16 переписчиков из Управления по переписке *сутр* при Тōдайзи немедленно отправились в император-

ский дворец, где от главы Министерства народных дел они получили приказ возвратиться обратно и «обороняться», а оружие, находившееся в хранилище Сёсбин в Тōдайзи, было доставлено в императорский дворец для применения его против Накамаро (совершенно очевидно, что к этому моменту Дзюннин уже не контролировал ситуацию). Храмы в провинции Оми (позиции Фудзивара там были особенно сильны) также встали на сторону императорской армии.¹

После этого Дзюннин был принужден к отречению и сослан. Вскоре он скончался при таинственных обстоятельствах. Настало время полного доминирования Дōккэ и повторно взошедшей на престол Кōкэн.² Затем Дōккэ вместе с Кōкэн (точно так же, как и чуть ранее Накамаро) пришлось обратиться к бюрократическому творчеству – специально «под него» стали создаваться должности, которые законодательством предусмотрены не были. Дело в том, что определенная законодательством бюрократическая система аттестаций даже при сильном желании власть предрержащих обычно не позволяла слишком стремительного продвижения по служебной лестнице.³ Сначала Дōккэ был назначен *дайdzин-дзэнси* (министр–учитель дхьяны), затем – «главным министром–учителем *дхьяны*» (*дайdzэ дайdzин дзэнси*) и «владыкой Закона [Будды]» (*хōд*), причём продуктивное обеспечение Дōккэ приравнивалось к императорскому. При этом назначение на должность министра–монаха обосновывалось с точки зрения выгоды для дела распространения буддизма – занимаемая им высокая должность должна была обеспечить процветание закона Будды в Японии. Кроме того, подчёркивалась его роль в деле «защиты» государыни [Сёку нихонги, *Тэмтэ хōдзи*, 8-й год, 9-я луна, 18-й день; *Тэмтэ дзинго*, 1-й год, 10-й вставной месяц, 2-й день; 2-й год, 10-я луна, 20-й и 23-й дни].

Возвышение Дōккэ сопровождалось целой серией мероприятий и отрежиссированных «событий» буддийского характера. Это и введение должности ответственного за отпущение на волю «живых существ» (ранее номенклатура выкупаемых и отпускаемых на свободу

---

¹ *Киси Тосио*. Фудзивара Накамаро. С. 393-395, 403-404.

² Поскольку её тронным именем стало Сётоку, то и время её повторного правления обычно именуется «временем правления Сётоку».

³ О системе аттестаций, а также об общей эволюции структуры японского чиновничества см.: *Грачёв М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1998.

ограничивалась соколами), и прекращение практики принесения подати животными и птицами, используемыми во время охоты (соколы, собаки, бакланы), и помещение статуи Будды в главное синтоистское святилище – храм Исэ, и обнаружение мощей Будды в храме Сумидэра, и начало строительства в столице крупнейшего после Тōдайдзи буддийского храма Сайдайдзи, и изготовление одного миллиона моделей трёхъярусных деревянных пагод (в каждую из них был вложен ксилографический текст *дхарани*) и т.д. [Сёку нихонги, *Тэмпё хōдзи*, 8-й год, 10-я луна, 2-й и 11-й дни; *Тэмпё дзинго*, 2-й год, 7-я луна, 23-й день; 10-я луна, 20-й день; *Хōки*, 1-й год, 4-я луна, 26-й день]. Количество упоминаний относительно буддизма в «Сёку нихонги» в правление Сётоку–Дōккё намного превосходит все прошлые и последующие правления.¹

При этом, несмотря на то, что в государственном аппарате Фудзивара формально по-прежнему доминировали, контролем над буддийской церковью они явно не обладали (скажем, ни одна из должностей в Управлении строительства Сайдайдзи Фудзивара не принадлежала – в основном это были представители «старых» аристократических родов – Саэки, Оотомо, Нунахара, Авата²). Скорее наоборот: в это время Дōккё вместе со своими коллегами–монахами в значительной степени (в особенности в делах, касающихся буддийской церкви) подменили собой регулярный государственный аппарат – было создано Управление дворца Дōккё, штат которого был сопоставим со штатом дворца престолонаследника.³ На этом фоне посещение императрицей Управления обучения (Дайгакурё) для участия в церемонии поклонения Конфуцию [Сёку нихонги, *Дзинго кэйун*, 1-й год, 2-я луна, 7-й день] не выглядело слишком большой уступкой поборникам китайской учености (в это время пост *правого министра* занимал Киби-но *асоми* Макиби, известной своей китайской образованностью), тем более, что непосредственно после этого государыней было предпринято посещение крупнейших столичных храмов.

Вообще говоря, за записями «Сёку нихонги» этого времени постоянно ощущается скрытая борьба за идеологические приоритеты.

---

¹ Конкретные расчеты см.: *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. С. 178-179; *Meshcheryakov A.* Correspondence // Monumenta Nipponica. – Токуо, 1983. – Spring. – Vol. XXXVIII. – No 1. – P. 86-87.

² Сёку нихонги. Т. 4. С. 509, прим. 46.

³ Сёку нихонги. Т. 4. С. 507, прим. 41.

Чрезвычайно показательной является запись, приуроченная к привычному уже обнаружению в 768 году «чудесной черепахи» и «голубого коня», с цитатами из китайских классиков, которые свидетельствуют о первостепенной значимости этих знаков [Сёку нихонги, *Дзинго кэйун*, 2-й год, 9-я луна, 11-й день]. Во времена полномочного господства в прошлом какого-нибудь представителя клана Фудзивара это послужило бы неперенным предлогом–причиной для переименования девиза правления (поскольку обнаружение чудесной черепахи считалось «великим счастливым знамением», требующим изменения девиза), но при Сётоку–Дōкē этого не произошло.

Разумеется, следует твердо помнить, что борьба в области строительства государственной идеологии шла за приоритетное место в ней. Никто не ставил вопрос об «искоренении» конфуцианства, синтоизма или буддизма. Так, например, несмотря на откровенно пробуддийскую направленность правления Сётоку (Кōкэн), в её указе, посвящённом переименованию эры правления, упоминается о помощи синтоистских божеств (а не будд и бодхисаттв!), которые послали встречный ветер, предотвративший продвижение судов Накамаро, спасавшегося бегством от преследования дружины Кōкэн. В связи с этим чудесным событием, предотвратившим захват трона Дзюннин, «незаконным» претендентом на престол, новая эра правления была названа «*Тэмпē дзинго*», т.е. «небесный – мир – божественная – защита» [Сёку нихонги, *Тэмпē хōдзи*, 8-й год, 9-я луна, 29-й день; *Тэмпē дзинго*, 1-й год, 1-я луна, 7-й день].

Приведём ещё один показательный пример. Поскольку политика тандема Сётоку–Дōкē, направленная, в частности, на поощрение буддизма и продвижение худородных ставленников Дōкē, вызывала скрытое противодействие аристократической элиты, то Сётоку требовалось дополнительное обоснование праведности своего правления, наилучшим способом для чего было бы какое-нибудь благоприятное знамение. Непосредственной причиной принятия нового девиза оказалось повсеместное (в том числе и над синтоистским храмом правящего рода в Исэ) обнаружение чудесных семицветных и пятицветных облаков, которые могли наблюдать многие подданные. Сама Сётоку также самолично видела их. В связи с этим прежний девиз правления «*Тэмпē дзинго*» продержался всего два года и был изменен в 767 году на «*Дзинго кэйун*» («божественная – защита – удивительные – облака», где вторая часть сочетания омонимична девизу 704 года «чудесное

облако»). Чудесное знамение было приписано совокупной помощи синтоистских божеств, будд и душ прежних правителей [Сёку нихонги, *Дзинго кэйун*, 1-й год, 8-я луна, 18-й день]. Таким образом, окончательно утверждается и открыто вербализуется «состав» официальной придворной идеологии, основными компонентами которой являются конфуцианство и религиозный даосизм (идея «мандата Неба», применяемая не по отношению ко всей династии, но по отношению к отдельным правителям, где «воля Неба» определяется по знамениям), синто (божества Неба и Земли, души предков), буддизм.

Нами уже неоднократно анализировались события, связанные с попыткой государственного переворота, предпринятого Дōккē в 769 г., т.е. в тот момент, когда он находился на вершине своего могущества.¹ Напомним лишь, что Дōккē утверждал, что только в том случае, если он займет престол, в стране воцарятся мир и спокойствие. План Дōккē не удался, и сразу же после смерти Сётоку, ссылки Дōккē и воцарения Кōнин (770 г.) в политической и идеологической жизни двора и страны начинается стремительное возвращение к конфуцианским ценностям. И теперь, в отличие от 768 г. вновь обнаруженная белая черепаха служит поводом для переименования эры правления в «*Хōки*» («Драгоценная черепаха»). Символично, что в записи от этого же дня приводится список высших чиновников, пожалованных новыми рангами, среди которых непропорционально большую долю составляют Фудзивара (10 из 27) [Сёку нихонги, *Хōки*, 1-й год, 10-я луна, 1-й день]. Главным же царедворцем становится Фудзивара-но Ёсицугу, занявший должность Внутреннего министра (*найдайдзин*; не входит в одобренный законодательством перечень официальных должностей). При этом следует иметь в виду, что возмущение, вызванное Сётоку–Дōккē, было столь велико, что церемония восхождения на престол Кōнин и переименование девиза были осуществлены в год смерти Сётоку, а не в следующем, как это было положено по конфуцианскому этикету (т.е. фактически не соблюдался траур по покойной государыне).

Дōккē было предъявлено немало обвинений, одним из основных (точно так же, как и в случае с Накамаро) было чрезмерное увлечение строительством буддийских храмов, что вызвало увеличение трудовой повинности и истощение государственных ресурсов [Сёку нихонги,

---

¹ См., например: *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. С. 75-98.

Хōки, 1-й год, 8-я луна, 17-й день].

После удаления с политической арены Дōкē̄ вновь активизируются связи с Китаем, что можно считать за важный признак идеологической ориентированности режима. Здесь следует отметить, что посольства в танский Китай назначались в VIII веке почти исключительно в периоды доминирования Фудзивара. И наоборот – как только их влияние ослабевало и усиливались пробуддийски настроенные силы, посольства посылались переставали, что подтверждается данными приводимой таблицы.

После удаления Дōкē̄ количество записей буддийского характера в «Сёку нихонги» сокращается. Постепенно изменяется и их тональность. В соответствии с первоначальным духом законодательных сводов на первый план вновь выходят рестриктивные меры, направленные на ограничение буддийского влияния под предлогом «неправильного» поведения монахов.

Год назначения (или отправки) посольства	Император	Ближайшее окружение императора
701	Момму	<i>Левый министр</i> – Тадзихи-но махито Сима; <i>правый министр</i> – Абэ-но асоми Огнуси-бито; увеличивающееся влияние Фудзивара-но асоми Фухито
716	Гэнсē̄	<i>Правый министр</i> Фудзивара-но асоми Фухито (при вакантной должности <i>левого министра</i>)
732	Сēму	Фудзивара-но асоми Мутимаро (<i>правый министр</i> при вакантной должности <i>левого министра</i>)
746 (не было отправлено)	Сēму	Татибана-но сукунэ Мороз (<i>левый министр</i>)
750	Кōкэн	Татибана-но асоми Мороз (<i>левый министр</i>), Фудзивара-но асоми Тоёнари (<i>правый министр</i>); увеличивающееся влияние Фудзивара-но асоми Накамаро
759	Дзюннин	Правый министр Фудзивара-но асоми Накамаро (при вакантной должности <i>левого министра</i>)
761 (не было отправлено)	Дзюннин	Фудзивара-но асоми Накамаро (<i>главный министр</i>)

762 (не было от- правлено)	Дзюннин	Фудзивара-но <i>асоми</i> Накамаро (<i>главный министр</i>)
775	Кōнин	Фудзивара-но <i>асоми</i> Ёсицугу (<i>внутренний министр</i>)
778	Кōнин	Фудзивара-но <i>асоми</i> Ёсицугу (<i>внутренний министр</i>)

К наиболее значимым актам по лишению буддийской церкви самостоятельного значения относятся мероприятия по усилению государственного контроля над посвящением в монахи (вместо печати Дōккё на документах должна была ставиться печать Министерства Управления); предотвращение самовольного, не санкционированного государством, ухода в монахи; возвращение монахов из столицы в те провинциальные храмы, к которым они были приписаны; запрет на незаконное называние себя именами умерших монахов (что затрудняло их учёт); осуждение несправедливого поведения монахов (действия, противоречащие Учению Будды и государственным законам), приведшего к тому, что несколько храмов были разрушены ударами молнии; ограничение срока владения храмами землей одним правлением; запрещение использовать при возведении храмов камня, взятого из разрушенных при строительстве захоронений; запрет на частное строительство храмов; запрет заниматься храмам ростовщическими операциями; высылка монахов в периферийные храмы за нарушение законодательства и распоряжений правительства; ликвидация Управления по строительству Гōдайзи и т.д. [Сёку нихонги, *Хōки*, 2-й год, 1-я луна, 4-й день; 10-й год, 8-я луна, 23-й и 26-й дни; 9-я луна, 17-й день; 11-й год, 1-я луна, 20-й день; 6-я луна, 5-й день; *Энряку*, 2-й год, 6-я луна, 10-й день; 12-я луна, 6-й день; 4-й год, 5-я луна, 25-й день; 8-й год, 3-я луна, 16-й день]. И, напротив, «Сёку нихонги» приводит в пример «простых» людей, отличившихся по части верности конфуцианскому сыновнему долгу, а жизнеописание Фудзивара Хаманари (автор первого в Японии поэтологического трактата «Какё хёси-ки», посвященного китайскому стихосложению) специально отмечает его китайскую образованность (в гадании, астрологии, календарном деле) [Сёку нихонги, *Хōки*, 3-й год, 12-я луна, 6-й день; *Энряку*, 9-й год, 2-я луна, 18-й день]. Ликвидируется и существовавшая неопределенность положения в государственной иерархии в отношении высших должностных лиц буддийской церкви, которая создавала возможности для различных политических спекуляций. Самый высокий пост – «патриарха»

(сōдзу) приравнивался отныне к младшей степени четвёртого ранга, т.е. был на ступень ниже «обычного» министра [Сёку нихонги, Хōки, 4-й год, 11-й вставной месяц, 21-й день]. Все это приводило к тому, что государственный аппарат стал прочно контролировать буддийские институты, лишив их самостоятельного значения. При этом опасения относительно политической самостоятельности буддийской церкви были настолько велики, что при переносе столицы из Нара в Нагаока (784 г.) и Хэйан (794 г.), столичные храмы было решено оставить на прежнем месте в Нара (при строительстве Нара крупнейшие храмы были перенесены туда из прежней резиденции, располагавшейся в конце VII – начале VIII вв. в Фудзивара).

Период доминирования Дōккэ оказался, пожалуй, последним в истории древней Японии, когда буддизм как таковой претендовал на **ведущее** место в комплексе государственной идеологии. Впоследствии сёгунатами был взят на вооружение дзэн-буддизм (XIII–XVI вв.). Что касается ситуации с буддизмом до этого времени, то хотя его влияние на жизнь государства и общества было очень значительным, но, на наш взгляд, его потенции реализовывались, главным образом, в деле социализации личности. Однако и конфуцианство, несмотря на то, что Фудзивара (в лице представителей «северного дома») практически безраздельно контролировали правящий род и положение при дворе вплоть до XII столетия, в чистом виде также не смогло стать единственным основанием легитимности существующей системы власти – местная синтоистская традиция с её упором на миф и систему сакральных генеалогий с течением времени все более институализировалась, образуя собой каркас государственной идеологии, который, в зависимости от времени и обстоятельств, мог быть покрываем различными «материалами» без катастрофических последствий для самой конструкции (определенную, хотя и не решающую, роль здесь играло то обстоятельство, что род Накатоми, от которого отпочковались Фудзивара, был родом наследственных синтоистских жрецов). Полемика по идеологическим вопросам происходила между приверженцами буддизма и конфуцианства, однако она никогда не ставила под вопрос ценности синтоизма. Кроме того, необходимо помнить о достаточно жёсткой привязанности в общественном сознании конфуцианства и фамилии Фудзивара (ориентированность Фудзивара на китайскую образованность конфуцианского типа находит своё выражение в создании ими своей собственной родовой школы после фактического рас-

пада государственной системы подготовки чиновников). Так что с уходом с политической арены этого рода образовался определенный идеологический вакуум, который был заполнен огосударствленным буддизмом *дзэн*. Повторная актуализация конфуцианства как основы государственной идеологии наблюдается лишь в XVII в., при сёгунате Токугава.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Нихон сёки: Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 2. – 432 с.
2. Свод законов «Тайхорё». – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – 368 с.
3. Кайфусё 懷風藻 (серия «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1964. – Т. 69. – 520 с.
4. Кугё бунин 公卿補任 (серия «Кокуси тайкэй» 国史大系). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1971. – 688 с.
5. Сёку нихонги 続日本紀 (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй 新日本古典文学大系»). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1990. – Т. 2. – 709 с.
6. Сёку нихонги 続日本紀 (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй 新日本古典文学大系»). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1992. – Т. 3. – 667 с.
7. Сёку нихонги 続日本紀 (серия «Син нихон котэн бунгаку тайкэй 新日本古典文学大系»). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 2015. – Т. 4. – 667 с.
8. Синсэн сёдзироку 新撰姓氏録. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. – Т. 1. – 399 с.

Общая и специальная литература:

9. *Грачёв М.В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (07.00.03). – М.: ИВ РАН, 1998. – 17 с.
10. *Мецзяков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988. – 235 с.
11. *Мецзяков А.Н.* Даосизм и символика числа «восемь» в японской официальной культуре VII–VIII вв. // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 3. – С. 125-133.
12. *Мецзяков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
13. *Мецзяков А.Н.* Древняя Япония: культура и текст. – М.: Наука, 1991.
14. Норито. Сэммё / Перевод со старояп., иссл. и коммент. Л.М. Ермаковой. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
15. *Халла Иштван.* О создании первой японской антологии китайских стихотворений «Кайфусо» (751 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.01.06). – М.: ИВ АН СССР, 1977. – 16 с.

16. *Kusi Tosiо* 岸俊男. Фудзивара Накамаро 藤原仲麻呂. – Токио 東京: Ёси-кава кобункан 吉川弘文館, 1969. – 452 с.
17. Нихон кодайси дзитэн 日本古代史辞典 (Словарь древнеяпонской истории). – Токио 東京: Ямато сёбб 大和書房, 1993. – 346, 26 с.
18. *Meshcheryakov A.* Correspondence // Monumenta Nipponica. – Tokyo, 1983. – Spring. – Vol. XXXVIII. – No. 1. – P. 85-88.

Meshcheryakov A.N.
Rise of the Fujiwara clan
(Chinese education, political system
and official ideology in Japan of the 7th–8th centuries)

This article analyzes the causes and process of the Fujiwara clan's rising based on the analysis of materials partly «Nihon Shoki», but, first of all, «Shoku Nihongi». One of the important reasons for the rise of Fujiwara was its focus on Chinese education. The clan entered the political arena in the middle of the 6th century, when the ancestors of this clan from the ancient priestly clan Nakatomi, together with members of the Mononobe-*uji* clan, opposed the official adoption of Buddhism at the Yamato Court, coming into conflict with members of the Soga clan who were supporters of the new religion. The figure of Fujiwara-no asomi Fuhito (659-720) and his descendants are characterized. It is indicated that there was the orientation towards Taoist-Confucian values (as opposed to Buddhist ones) in activities by the descendants of Fujiwara-no *asomi* Fuhito. The events of Japanese history of the 8th century are analyzed.

Keywords: ancient Japan; Yamato; Taika; Nippon; Nakatomi; Fujiwara.

Meshcheryakov Alexander Nikolayevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Faculty of Humanities, Institute of Classical East and Antiquity, National Research University «Higher School of Economics» (Russia, Moscow, Staraya Basmannaya st., 21/4, building 3); Academic head of the educational program «Language and Literature of Japan». *E-mail:* anmesheryakov@hse.ru

Климов В.Ю.

МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ VII–X ВВ.

Работа написана на основании письменных источников того времени и их переводов на русский и английский языки, а также исследований ведущих отечественных, японских и западных ученых. В статье рассматриваются возникновение денежного обращения, выпуск первых медных монет и указы императора, касающиеся регулирования обращения серебряных и медных монет. Правительство прилагало все усилия для поддержания хождения медных монет. Оно поддерживало завышенный курс при обмене их на товары, понижало содержание меди в монетах, что приводило к неоправданно высокому их паритету. Практически сразу после выпуска первых медных монет возникло фальшивомонетчество. Борясь с ним, правительство перевело это правонарушение из легкого в тяжкое преступление. С ослаблением центральной власти с середины X в., оказавшейся неспособной поддерживать денежное обращение и хождение медных монет как меры стоимости, в Японии исчезает собственная монетная система.

Ключевые слова: древняя и раннесредневековая Япония; меновая торговля; серебряные и медные монеты; железо; рис; литье монеты; клад; рынки; денежное обращение; натуральное хозяйство; фальшивомонетчество» свод законов «Тайхорё»; «Анналы Японии»; «Продолжение анналов Японии».

Торговля в виде обмена одного товара на другой существовала с древних времен. Однако носила она ограниченный, подчинённый характер по отношению к натуральному хозяйству. В это время в Японии возникают рынки как место меновой торговли. В начале VIII века появляются медные и серебряные монеты, а также медные, серебряные и железные слитки, они начинают выполнять роль денег, поскольку обладают такими важными свойствами, как: однородность (если власти намеренно не производят порчи монеты, включая в них более дешёвый металл), делимость (особенно это относится к медным монетам, нанизанным на шнур), портативность, сохраняемость. Михаил Васильевич Воробьёв (1922-1995) отмечал, что «в конце VI в. в крупнейших населенных пунктах существовали постоянные рынки. Но таких установлено всего восемь... Все они находились в Кавати и в Ямато. Хотя металлы, в том числе и драгоценные, упоминаются в “Нихонги” очень рано, нет ни письменных, ни материальных свиде-

---

Климов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей Российской Академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург). *E-mail:* klimovvadim26@gmail.com

тельств использования»¹ их. Тем не менее, если мы обратимся к закону XV, статье 1-й «Размер сезонного жалования», то обнаружим, что чиновникам и военным чинам выдавали вознаграждение шёлковой материей², шелковой пряжей, шелковой ватой, холстом, мотыгами и железными слитками.³ Ими, скорее всего, и торговали на рынках. Вероятно, существовал «обменный курс» одного товара на другой. В комментарии к статье второй того же закона Константин Алексеевич Попов (1903/1904 – 1990) писал, что «...1 ку (единица веса шелковой пряжи, около 600 z^4 – В.К.) шелковой пряжи приравнивался к 1 дзюн (около 1,2 $кz^5$ – В.К.) шелковой ваты. ...[А] 2 дзё железа приравнивались к пяти мотыгам; таким образом, на одну мотыгу расходовалось примерно 0,4 дзё железа *куроганэ* (совр. “*тэцу*”), досл. “черный металл”, “железо”, но в каком виде было это железо неясно, в виде слитка (крицы) или поковки. Однако в том или другом случае это говорит о производстве железа в Ямато VII–VIII вв. На Японских островах в то время находили самородное железо и железистые пески».⁶ Нам точно неизвестна, – отмечает К.М. Попов, – единица меры веса один *дзё* 延, которая предположительно составляла около 6 $кz$.⁷ Таким образом, можно предположить, что в Японии в древности достаточно распространено было использование железа, а гораздо позже, и в эпоху Токугава (1600-1868), в княжестве Сэндай из железа отливали монеты, имевшие хождение на его территории. К этому следует добавить, что «хотя металлы, в том числе и драгоценные, упоминаются в “Нихонги” очень рано, нет ни письменных, ни материальных свидетельств использования их как эквивалент при сборе дани и налогов

---

¹ Воробьев М.В. Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. – С. 172.

² Уильям Джордж Астон (1841-1911) отмечает, что в древней Японии при совершении торговыми деньгами выступали куски тканей. – *Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Translated from the Original Chinese and Japanese by W.G. Aston.* – London: George Allen & Unwin Ltd., 1956. – Vol. 2. – P. 89.

³ Свод законов «Тайхорё» 702-718 гг. Т. I.: I–XV законы / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментарий К.А. Попова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – С. 160-161.

⁴ Свод законов «Тайхорё». Т. I. С. 315.

⁵ Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии. – СПб., Гиперион, 2002. – С. 495.

⁶ Свод законов «Тайхорё». Т. I. С. 287.

⁷ Там же. С. 303.

или в роли средств обмена, кроме изолированного сообщения о продаже в 486 г. меры риса за кусок серебра. Впрочем, нет указаний и на использование каких-то иных средств обмена, без которых была невозможна хозяйственная жизнь. Функцию средств обмена исполняли рис (в зерне и снопах) и ткани.¹ В частности, в «Анналах»² следующее сообщается: «В то время Поднебесная пребывала в спокойствии, народ не назначался на работы. Урожай риса вызревал исправно, и сто родов жили в достатке. Одну меру риса можно было купить за 1 мон серебра (в японском тексте источника: гинсэн итимон 銀錢一文³ – В.К.). В полях [во множестве] паслись кони».⁴ К этому фрагменту Людмила Михайловна Ермакова дала следующий комментарий: «Парафраз из “Хоу ханьшу” (по-яп.: “Гокандзэ” 後漢書, в буквальном переводе: “Книга Поздней Хань”⁵ или же по смыслу: “История династии Поздняя Хань” – В.К.), раздел о правителе Мин-ди 明帝 (на троне 58-75 гг.). Хождение в это время серебряных монет ничем не подтверждается, вероятно, это первое в НС (сокращение от “Нихон сёки”, 「日本書紀」, “Анналы Японии” – В.К.) упоминание о деньгах появилось здесь в составе цитаты из китайского источника».⁶ «Хоу Хань шу» («История Поздней Хань») – третья из двадцати четырёх официальных “нормативных историй” (чжэн ши) (正史, по-японски: сэйси – В.К.), в которой описывается история государства Восточная Хань (25-220 гг. н.э.).⁷ Составителем хроник является историк Фань Е 范曄 (398-445). Тем не менее, хочется обратить внимание на то, что здесь указывается точное соотношение меры риса в обмене на сереб-

---

¹ Воробьев М.В. Япония в III-VII вв. С. 172-173.

² «Нихон сёки».

³ Нихон сёки уэ (日本書紀上 = Анналы Японии. Т. 1) // Нихон котэн бунгаку тайкэй (日本古典文学大系 = Серия: классическая литература Японии). Т. 67. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1967. – С. 525.

⁴ Нихон сёки: Анналы Японии / Перевод со старояпонского и комментарий Л.М. Ер-маковой и А.Н. Мещерякова. В 2-х тт. Т. 1: свитки I–XVI. – СПб.: Гиперион, 1997. – С. 387.

⁵ «Хоу хань шу» – исторический труд учёного-историка Фань Е (конец IV – начало V вв.), описывает период с конца I века до н.э. по начало II века. – См. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Главный редактор М.Л. Титаренко. – М.: Мысль, 1994. – С. 373.

⁶ Там же. С. 489.

⁷ Коробицына А.К. «Хоу Хань шу»: краткий источниковедческий очерк // Общество и государство в Китае Т. XLVIII. Ч. 2. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. – С. 470.

ро. Л.М. Ермакова перевела, что за одну меру (размер меры не указала, но в тексте написано: 斛 *коку* [позже чаще стал использоваться привычный для нас иероглиф 石]) один *мон* серебра, а М.В. Воробьёв, пользуясь переводом Астона с древнеяпонского на английский, говорит о куске серебра за меру риса (в переводе Астона: «A measure of rice was sold for one piece of silver», уточняя, что нам неизвестно как объём этой меры, так и вес и лигатура куска серебра. Однако речь идёт об одном *коку* 斛 риса, как это видно из текста на старояпонском языке).¹ В позднее средневековье серебро ходило в виде небольших прямоугольных со скругленными краями кусков под названием *рѐ* 兩.² Но в «Анналах» сообщается о монете серебра (*гинсэн итимон*). Исходя из названия, она, вероятно, имела круглую форму, как и медная монета. Александр Николаевич Мещеряков и Максим Васильевич Грачёв говорят, что «первые серебряные и медные монеты достоинством 1 *мон* были отчеканены в 708 г. Поскольку Япония в то время обладала единственным месторождением серебра на Цусима, то серебряные монеты вскоре выпускаться перестали. Тем не менее, они не были изъяты из обращения. Но основной денежной единицей были медные монеты».³

В «Анналах Японии» можно найти и другие примеры упоминания о металлических «монетах». К примеру в свитке XVIII можно найти упоминание о золоте и связках монет: «Государь рек: «Пища – основа Поднебесной. Несметные запасы золота [и десять тысяч связок монет – *and ten thousand strings of cash*⁴; под десятью тысячами связок подразумевается, скорее всего, бесконечное множество; взятая в квадратные скобки фраза присутствует в переводе Астона, но нет у А.Н. Мещерякова – В.К.] не могут спасти от голода».⁵ Уильям Джордж Астон (1841-1911), однако, делает оговорку, что упоминание металлических денег – это всего лишь фигура речи, заимствованная из китайских источников. И с этим трудно не согласиться, потому что в старояпонском тексте «Анналов Японии» написано: 「食は天下の本なり。黄金万貫ありとも、飢を療すべからず。白玉千箱ありとも、何ぞ能く冷

---

¹ Nihongi. Vol. 1. P. 391.

² Горизонтальной чертой обозначаем долготу звука в японских словах.

³ Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии. С. 282.

⁴ Nihongi, 1956. Vol. 2. P. 34.

⁵ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 30.

を救はむ」 («Пища составляет основу Поднебесной. И будь у тебя несметное богатство в неисчислимых количествах связок монет – не спастись от голода. И не спастись от холода неисчислимыми тысячами ящиков с жемчугом»¹). Японские комментаторы «Анналов» конкретно указывают на заимствование этого оборота из китайского сочинения «Книга о династии Хань» («Хань шу», 「漢書」) (206 г. до н.э. – 8 н.э.). Её главный автор-составитель – придворный историк Бань Гу 班固 (32-92 гг.).² Астон стремился быть ближе к тексту, поэтому перевел «десять тысяч связок монет», хотя иероглифическое словосочетание «*коганэ ёродзу хакари, 黄金万貫*» и содержит знак 10 000 (*ман, 万*), но в данном случае читается *ёродзу* со значением *великое множество*. Но это неисчислимое богатство нанизано на шнур в количестве 1000 монет и называется такая мера *связкой из 1000 монет – кан / каммон 貫 / 貫文*.

Другой пример использования полотна и конопли в качестве части оплаты услуг авансом, а оставшуюся часть при закрытии “делки” металлом, а точнее железом, можно привести из свитка XXV: «...крестьяне, направляющиеся в столицу, из страха, что их лошади исхудают, платят 2 *хиро* полотна и 2 снопа конопли жителям провинций Микапа и Вопари за то, чтобы те кормили лошадей. После этого они прибывают в столицу. На обратном пути домой они приносят им железные мотыги».³ В данном случае денежными средствами выступают полотно, снопа конопли и железные мотыги.

В XXIX свитке можно найти упоминание о хождении серебряных и медных монет, в частности, в нем сообщается: «[12-й год, 4-я луна, 15-й день (683 год по европейскому календарю)]. Было речено (государем – *В.К.*): “Отныне использовать только медные монеты. Серебряные монеты не использовать”».⁴ И далее, через три дня – в 18-й день 4-й луны того же года, император возглашает прямо противоположное: «Использование серебряных монет не прекращать». По этому поводу в комментариях А.Н. Мещеряков пишет: «В это время в Японии собственная монета не чеканилась (начало чеканки относится к 708 г.). Речь может идти только о китайских или корейских монетах,

---

¹ Нихон сёки, 1965. Т. 2. С. 58.

² Китайская философия, 1994. С. 21, 369.

³ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 158.

⁴ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 250.

используемых в качестве сокровища. В период господства меновых отношений вряд ли монеты могли иметь реальное экономическое значение. Смысл данного запрета непонятен, тем более, что он был отменен через три дня». ¹ Астон оставил примерно такой же комментарий к этой записи в «Анналах». Он отмечает, что хождение серебряных монет упоминается в 486 г. в правление императора Кэндзō тэннō 顯宗天皇 (485-48). Медные же монеты впервые были отлиты в Японии в 708 г. во время первого года правления императрицы Гэммэй тэннō 元明天皇 (661-721 гг. жизни, на троне 707-715), эра годов Вадō 和銅 (708-715). В данном случае, по мнению Астона, речь идёт, вероятно, о корейских или китайских монетах. На то время ими почти не пользовались в меновой торговле, чаще всего использовались как средства денежного обращения отрезки из конопляной ткани или другие ткани. ² От себя только хочется добавить, что сокровища, не обладающие потребительской стоимостью, а также которые невозможно обменять на другие товары, теряют всякий смысл накопления. Сокровищами могут стать товары, имеющие потребительскую и меновую стоимости. Медные, серебряные монеты имеют огромное преимущество перед рисом, тканями и прочими предметами обихода: они могут храниться на протяжении долгого времени, не портиться и не терять свою стоимость при разумной финансовой политике правительства. Значит, по-видимому, можно говорить о том, что монеты, в какой бы форме, и в каких металлах (железные мотыги, серебряные слитки, медные монеты) они не выступали, являются средствами обращения в меновой торговле наряду с зерновыми (прежде всего рисом), сукном и т.д. И здесь не имеет значение, где, в какой стране они отлиты и выпускало ли их японское правительство.

Сокрытые сокровища в виде меди, медных монет, серебра, ценных предметов рассматривались в древнеяпонском праве кладом. Он мог быть зарытым в земле или иным способом сокрытым. И в случае если собственника не могли установить, то по закону он утрачивал на него право. По этому поводу в «Тайхōрē» говорится: «Если на *казенных землях* найден **клад** (宿藏物 *яп. сюкудзобуцу* – досл. “давнишние сохранённые вещи”); клад – *Д.С.*) то всегда отдавать [его] нашедшему человеку. Если [клад] найден человеком на частной земле (*私地* *яп.*

---

¹ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 372.

² Nihongi. Vol. 2. P. 360.

сити – частная земля¹ – *Д.С.*), то разделить [его] пополам с владельцем земли (яп. *дзи-ниси* 地主 – досл. “хозяйном земли”, землевладельцем – *Д.С.*). Если найдены древние предметы (古器 яп. *коки*; сокр. от *кокибуцу* 古器物 – древний предмет² – *Д.С.*) необычной выделки, то [их] отправить в казенное ведомство, которое должно выплатить [их] цену [нашедшему]» [Тайхō-рѳ, XXX, ст. 22 «Клады»].³

По поводу серебра и отношения к этому драгоценному металлу японского двора во главе с императором в «Анналах» есть любопытная запись: «[674 год] 3-й год, весна, 3-я луна, 7-й день. Управитель провинции Тусима по имени Осинуми-но *миятуко* Опокуни докладывал: “В данной провинции впервые найдено серебро. Преподношу его”. В связи с этим Опокуни была пожалована младшая степень ранга *сѳкин*. Это было в первый раз, когда серебро было найдено в Ямато. В связи с этим были совершены приношения им божествам Неба и Земли. Кроме того, [серебром] одарили сановников начиная от ранга *сѳкин* и выше».⁴ По-видимому, судя по этой записи, страна не обладала достаточными ресурсами драгоценного металла, и поэтому император и его окружение стремилось, по всей видимости, запретить или ограничить его хождение в качестве средства обмена. К этому, следует добавить, что в странах региона Дальнего Востока, – по замечанию М.В. Воробьѳва, – «в древности монеты из благородных металлов либо вовсе отсутствовали, либо использовались редко, недолго, в особых обстоятельствах. В VIII в. серебряных монет не было ни в Корее, ни в Китае. ... Думается, что появление серебряной монеты включает в себе сложный идеологический и политический смысл, и практические задачи: открыть обращение “счастливым” металлом благодаря льготному соотношению цен на серебро и медь, завоевать доверие населения к металлическому обращению и, следовательно, к его источнику – императорской власти, подготовить почву для широкого медного обращения. Эти задачи серебряная монета “*вадо кайтин*” частично выполнила, и через год после выпуска медной монеты отливка

---

¹ Свод законов «Тайхорѳ». Т. II. С. 248.

² Свод законов «Тайхорѳ». Т. II. С. 231.

³ Цит. по: *Суровень Д.А.* Регулирование вещных отношений в древнеяпонском праве // Право, законодательство, личность. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО “Саратовская государственная академия права”, 2008. – С. 131, 137.

⁴ Нихон сѳки, 1997. Т. 2. С. 226.

её была прекращена».¹ Об этом сообщается в «Продолжении Анналов»:² «[2-й год *Вадō*, 709 г.] **8-я луна, 2-й день**. Хождение серебряной монеты прекращено, в обращении осталась только медная монета».³

«11-я луна, 2-й день. 10 000 *кин* (1 *кин* равен 600 граммам – *В.К.*) железа послано для казенных нужд в Супа. В этот день по просьбе управителя Тукуси туда послано для казенных нужд 100 *хики* (1 *хики* – 21,2 *м* – *В.К.*) грубого шёлка, 100 *кин* пряжи, 300 *тан* (1 *тан* – 10,6 *м* – *В.К.*) полотна, 400 *кида* (1 *кида* – 10,6 *м* – *В.К.*) полотна для выплаты жалованья, 10 000 *кин* железа, 2 000 связок бамбука для изготовления стрел».⁴ Астон топоним Супа перевел на английский как «префектура Суво» («prefecture of Suwo»), оговаривая, что он понимает под термином префектура «место общего контроля и надзора» («*the place of general control*»). Кроме того, комментируя эту статью, он отмечает, что хождение медных монет было строго ограничено, было под жёстким контролем императорского двора и, что важно отметить, перевод, а точнее пересылка их совершалась в указанной форме.⁵

В (694 году) 8-й год девиза *Сютэ* 朱鳥⁶, 3-я луна, 2-й день является запись в «Анналах», в которой указываются фамилии, имена и придворные ранги трёх людей, на которых была возложена чеканка монеты.⁷ По этому поводу А.Н. Мещеряков даёт следующий комментарий: «Первые монеты с указанным на них временем чеканки относятся к 708 г. Более ранние монеты не содержат датировки и отно-

---

¹ Воробьев М.В. Японские монеты VIII – X вв. // Эпиграфика Востока, XIX. Сборник статей под редакцией профессора В.А. Крачковской. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – С. 90.

² «Сёку нихонги».

³ Хроника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 4. От 7-й луны 4-го года Кэйун (707 г.) до 12-й луны 2-го года Вадо (709 г.) / Перевод и комментарий А.Н. Мещерякова // История и культура традиционной Японии 6 / РГГУ; отв. ред А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2013. – С. 44.

⁴ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 260.

⁵ Nihongi. Vol. 2. P. 372.

⁶ Девиз годов *Сютэ* 朱鳥, также читается как *акамитори*, приходится на период с 686 г. и официально со смертью Тэмму и закончился, но неофициально порой распространяется и на годы правления императрицы Дзитō 持統天皇. Иными словами 1-й год девиза *Сютэ* является последним годом правления императора Тэмму 天武天皇 (? – 686 годы жизни, на троне 673-686).

⁷ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 292.

ся, вероятно, к правлению Дзитō. При господстве натурального обмена хождение монеты имело ограниченный характер. Она использовалась как средство оплаты рабочей силы при возведении столицы Нара, при расчётах на рынках этого города, а также в качестве сокровища. Следует иметь в виду и символический аспект чеканки собственной монеты, приравнивающей в этом отношении Японию к Китаю».¹ Астон, ссылаясь на запись в «Сёку нихонги» от 708 г., 2-й луны, отмечает, что при назначении двух ответственных за чеканку монет были выбраны чиновники такого же социального положения и придворного ранга. В этом же 708 году нашли залежи меди в провинции Мусаси и начали отливать монеты эры годов Вадō. Дж. Астон также приводит письменный исторический источник «Нихонси», в котором сообщается, что в 698 г. стали разрабатывать медные руды. Он считает, что само слово “бронза”, “*караканэ*” (металл из Китая, т.е. из Кара) указывает на то, что японцам бронза, медь стала известна благодаря ввозу её из Кореи. У ввезенных бронзовых монетах на Японские острова с континента отмечается большее содержание свинца, чем отлитых позже японских монетах.²

Также в «Анналах» говорится о широко распространенной в VIII в. практике займа крестьянами риса³ из казённых амбаров весной и летом с условием возвращения его осенью после сбора урожая.⁴

Можно было бы продолжить примеры обращения и использования металлических монет или слитков, имевших хождение в древней Японии. Даже если их использовали в качестве накопления сокровищ представителями правящего класса, это не отменяет признание за металлическими деньгами, пускай и в ограниченном масштабе, функции обращения. Императорский двор жёстко контролировал и регламентировал обращение меди, серебра и золота (в меньшей степени, по видимому, это касается железа, в виде мотыг или в другой форме), так как они обладали большой потребительской стоимостью, а, значит, при ограниченных ресурсах государства имели гораздо большую значимость, чем товары повседневного обихода, ресурсы которых восполнялись регулярно. И это касается, прежде всего, риса, основного показателя на рынках при меновой торговли. В этой связи уместным

---

¹ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 388.

² Nihongi. Vol. 2. P. 415.

³ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 228.

⁴ Нихон сёки, 1997. Т. 2. С. 367.

будет привести определение денег, данное Карлом Марксом: «Товар, который функционирует в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заместителей, и в качестве средства обращения, есть деньги».¹ И далее Маркс говорит об обращении золота и серебра. Если говорить о Японии в рассматриваемый период, то корректно представляется заменить эти металлы серебром и медью, функционирующие как деньги даже в тех случаях, когда они выступают не чисто идеально «как в функции меры стоимости, – и не как нечто, способное быть замещенным своими представителями – как в функции средства обращения. С другой стороны золото (или серебро) [в нашем случае медь, серебро и даже железо – В.К.] функционирует как деньги в тех случаях, когда его функция – независимо от того, выполняет ли оно эту функцию само, своей собственной персоной, или через своих заместителей, – закрепляет за ним роль единственного образа стоимости, в противовес всем другим товарам, которые выступают только как потребительные стоимости».² Что касается замечания, что медные или, допустим, серебряные монеты в древней Японии превращались в сокровища, выпадая из оборота и тем самым переставая выполнять функцию средства обращения, от этого они не перестают оставаться деньгами. «Именно в начальный период товарного обращения в деньги превращаются лишь избыток потребительных стоимостей. Таким образом, золото и серебро сами собой становятся общественным выражением избытка, или богатства. Эта наивная форма накопления сокровищ увековечивается у таких народов, где традиционному и рассчитанному на собственной потребление соответствует прочно установившийся круг потребностей. Это видим у азиатов, особенно у индийцев».³

В Китае, который взяли за образец японцы того времени, ещё в XI в. до н.э. при династии Западная Чжоу 西周 (XI в. – 771 до н.э.) появились, условно их можно назвать бронзовыми монетами с большим содержанием меди, имевшими форму китайской мотыги – поэтому они получили название на японском языке *фука* 布貨 или *фу-сэн* 布錢, либо формы меча, по-японски *тōсэн* 刀錢 или же *тōка* 刀

---

¹ Маркс Карл. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. – М.: Политиздат, 1973. – С. 140.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 141.

貨. И только гораздо позже – в 621 году при первом императоре Гао-цзу (правил 618-627) танской династии были отлиты бронзовые монеты в привычной для нас круглой форме с квадратным отверстием посередине с легендой *кайгэн цүхо* 開元通宝 (ниже приведено её изображение). Эти иероглифы размещены вокруг отверстия и читаются они в последовательности сверху вниз и справа налево. Прежде ошибочно считывали, нарушив приведенный выше порядок: *кайцү гэмпо* 開通元宝. Впервые эти монеты были отлиты в 621 году (4-м году эры 武德). И на протяжении почти 290 лет они имели хождение. Династия Тан просуществовала с 618 и по 907 гг.¹ Японцы взяли её за образец при отливке своих медных монет. По весу эта монета составляла один *цян* (по-яп.: *сэн*) 錢, весовая единица, составлявшая 1/10 *ляна* (один *лян*, по-яп.: один *рэ* 兩 составлял 37,301 г). В Японии же само слово *медная монета* (文, *мон*) произошло от названия меры веса *моммэ* 匁² (произносится *моммэ*, но пишется знаками японской азбуки – *каны*: *моммэ*, *も ん め*). Когда отбросили последний слог *мэ* め, и получили *мон*. Дело в том, что вес одного *моммэ* составлял 3,75 г., как раз столько содержалось меди в китайской монете династии Тан. Посредине монеты было квадратное отверстие, через которое продевали (*кан*, 貫) крепкий шнур. Тысяча монет нанизанных на этот шнур составляли денежную единицу *каммон* (貫文), иными словами 1000 нанизанных на бечёвку монет. Вес их соответственно составлял 3,75 кг. Поначалу так оно и было, но со временем в средние века их количество на шнуре уменьшилось до 960. А связке из ста монет (эта денежная единица получила название *тэхяку* 長百, пишется также иероглифами 丁百 *тэхяку*, 丁百錢 *тэхякусэн*, 丁錢 *тэсэн*, 調百錢 *тэхукусэн*), соответственно 96 монет. Особенно эта денежная единица стала широко использоваться в период Эдо. Впервые сам термин *каммон* 貫文 официально, по всей видимости, появился в «Своде законов “Тайхорё”» 702-718 гг., он переведён на русский язык с древнеяпонского К.А. Поповым. В терминологическом словаре он даёт разъяснение по поводу

¹ Кокуго дайджитэн (国語大辞典 = Энциклопедия родного языка) // Сёгакукан. Сүп-п-Ниппоника, Нихон дайхякка дзэнсё Мультимедийная энциклопедия “Super Nipponica CD ROM” (4 CD ROM), версия 1.0 [Б. м.]: Сёгакукан, 1998. 「小学館スーパー・ニッポニカ」、日本大百科全書. Ver. 1.0 [No place:] 小学館、1998年、12月.

² 文 (*мон*, монета) // Сёгакукан. Сүп-п-Ниппоника, Нихон дайхякка дзэнсё, 1998.

кан 貫: «Кан – единица веса; совр. кан = 3,75 кг; древний кан – связка медных монет из 100 чохов¹». ² В статье 10 «Содержание большой докладной трону» закона XXI «Формы официальной документации» свода «Тайхорё» говорится: «Государственный совет почтительно докладывает трону... Вышеизложенное [касается] ... выдачи со складов использование ... медных денег 200 кан и более...». ³ К.А. Попов в комментарии к этой статье даёт разъяснение, что «медные деньги часто считали по весу; 1 совр. кан = 3,75 кг». ⁴ Из этого можно сделать вывод, что, по крайней мере, в столичном районе имело хождение китайских монет династии Тан. Таким образом, вслед за Китаем в Японии стали использовать медь в качестве денежного материала, а медные монеты стали исполнять мерой стоимости и средством обращения. При этом в Японии, как и в Китае, денежной единицей выступала не отдельная монета весом менее четырёх грамм, а их связка. Отечественная исследовательница Нина Владимировна Ивочкина по этому поводу дала ёмкое определение: «Связка монет – великое изобретение, сравнимое с изобретением колеса. В то время как в западном мире долго бились над созданием иерархии монетных номиналов и только в новое время пришли к десятичной системе, в Китае испокон веков существовала хотя и громоздкая, по нашим понятиям, но достаточно практичная монетная система, основанная на меди. Её необычная практичность вытекает из возможности в любой момент вынуть из связки нужное число монет или составить полную связку из разрозненных монет (одинакового номинала)... Замечательная способность денежной единицы подобной структуры мгновенно отделять от себя необходимую фракцию и так же легко восполняться делало её универсальным средством для мелких и мельчайших каналов обращения. Именно этой потребности – обслуживать мелкие торговые сделки в массовом масштабе – отвечает столь своеобразная денежная единица,

---

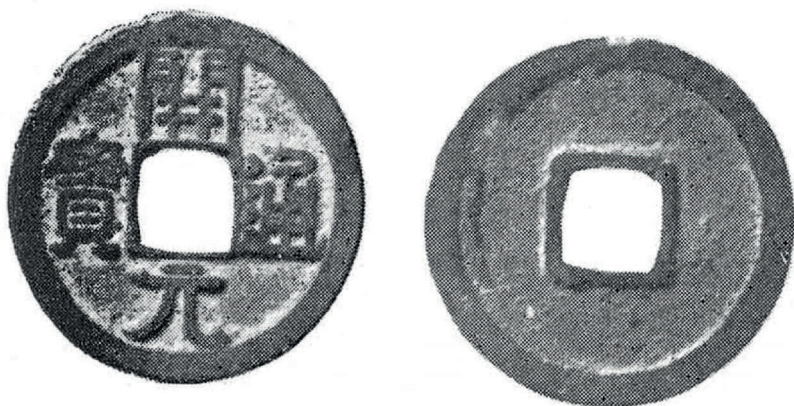
¹ 100 чохов – непонятно, если следовать русской транскрипции системы Е.Д. Поливанова, которой придерживается Попов, как мог появиться слог “чо” (должно писать тё).

² Свод законов “Тайхорё” 702-718 гг. Т. 2: XVI – XXX законы / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментарий К.А. Попова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. – С. 227.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 180; Бедняк И.Я., Гальперин А.Л., Гришелева Л.Д., Подпалова Г.И., Попов А.В., Топеха П.П., Эйдус Х.Т. Очерки истории Японии (1640-1917). – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С. 31.

как связка монет – явление уникальное в истории мирового денежно-го обращения».¹

2

Алексей Андреевич Быков (1896-1977) отмечает, что в Китае «монеты появились, вероятно, в VIII в. до н.э.».³ Они отливались из бронзы и поначалу «имели форму различных предметов, которые во времена меновой торговли употреблялись в качестве товаро-денег. По традиционным представлениям ими были сельскохозяйственные орудия производства, музыкальные инструменты и некоторые другие предметы».⁴ При этом отечественный исследователь добавляет, что встречаются монеты в виде лопат, мотыг, ножей. Он также приходит к выводу, что бронзовые круглые китайские монеты с отверстием посередине Западного Чжоу – самые древние монеты круглой формы в Китае.⁵

Самая старая японская монета из меди, именуемая *фухонсэн* 富本錢, предположительно, по словам японских специалистов, была отлита в 683 г. (12-й год правления императора Тэмму 天武天皇十二年). Это нашло отражение в записях «Анналов» от 15-го дня 4-й луны. Она не получила широкого хождения. Ею пользовались аристократы,

¹ Ивочкина Н.В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 23-24.

² Фото из: Быков А.А. Монеты Китая. – Л.: Советский художник, 1969. – С. X, № 67.

³ Быков А.А. Монеты Китая. С. 4.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 10.

чиновники высокого ранга и ареал её распространения ограничивался столицей и её окрестностями. Монета *фухонсэн* была востребована в качестве фетиша, амулета (*дзюбуцу*, 呪物) и сокровища (*такарамоно*, 宝物). Археологи её обнаружили в местах, где располагался императорский двор, а именно в Хэйдзёкё 平城京 (нынешний город Нара, императрица Гэмэй в 710 году основала столицу, переведя её из Фудзиваракё; а император Камму 桓武天皇 (737-806 годы жизни, на троне 781-806) позже основал вначале в 784 года новую столицу Фудзиваракё 藤原京, а затем 10 лет спустя в 794 году Хэйанккё – нынешний Киото). Фудзиваракё был столицей на протяжении правления трёх императоров: 1) императрица Дзитō тэннō 持統天皇 (645-702 годы жизни, на троне: 690-697), 2) император Момму-тэннō 文武天皇 (683-707 годы жизни, на троне: 697-707, при нём был принят свод законов «Тайхō рицурё», 「大宝律令」), 3) императрица Гэмэй-тэннō 元明天皇 (661-721 годы жизни, на троне: 707-715). Фудзиваракё был столицей с 694 по 710 гг. В Нанива 難波 (ныне центральная часть современного города Осака) находился дворец, в котором довольно часто останавливался император. Иными словами, появление монеты *фухонсэн* относится к более раннему периоду, чем широко известные монеты *вадō кайтин* 和同開珎.

Кроме того, следует несколько слов сказать о медных монетах, известных под названием *ёсёсэн* 厭勝錢 с круглым отверстием посередине. Эти монеты также назывались в народе *энсёсэн* и *ассёсэн*. Это были своего рода обереги, талисманы (*гофу* 護符) в форме круглых монет, которые носили, вероятно, на шее на шнурке, с тем, чтобы отогнать беды и привлечь удачу. Два первых иероглифа в названии монеты *ёсё* (в просторечии *энсё*, *ассё*) имеет значение заклинания, накладываемые на человека в защиту его. Оберег имеет форму медной монеты, на лицевой стороне которой наносились благопожелательные выражения, состоящие из четырёх иероглифов таких, как, к примеру: материального благополучия, удачи, долгих лет жизни и богатства, которые принесут медные монеты (*сэндзу-мандзай* 「千秋万歳」, мира и спокойствия в Поднебесной (*тэнка-тайхэй* 「天下太平」), долголетия, знатности и богатства (*тёмэй-фүки* 「長命富貴」), вечной молодости без старости (*ханаикэ-фурō* 「花生不老」), оставить несчастья в прошлом, отвести удары судьбы и беды (*кёō-дзёкё* 「去殃除凶」), на веч-

ные времена известны все беды и несчастья (*мансай-эймэцу* 「万災永滅」), защита от всех недугов (*мамбё-фусин* 「万病不侵」). На обратной стороне монеты-оберега наносились изображения с благопожелательным смыслом, например: Полярная звезда, рыба с двумя хвостами, черепаха-змея, дракон и птица, приносящая счастье, новолуние. Такие обереги в виде монет были заимствованы из Китая. И в этой связи следует подчеркнуть, что они прежде всего обладали, по мнению японцев того времени, магической силой и не рассматривались как средства обмена.

Начиная с VII века политическая элита древней Японии широко стало заимствовать из Китая правительственные институты, административную практику, законодательство, политические идеи, финансовую систему. Наконец, наступил такой этап развития японского общества, что, с одной стороны, императорский двор, ориентируясь на достижения Танского Китая, стремился приступить к отливке своих медных монет, с другой стороны, достигла определённых масштабов меновая торговля на столичных рынках, а также, прежде всего, в столичном округе. Решение было принято в эру годов *Вадё* (和銅 708-715 гг.). 7 февраля 708 г. (5-год эры *Кёун / Кэйун*, первая луна, 11-й день) в провинции Мусаси, уезде Титибу 武蔵国秩父郡 (ныне префектура Сайтама город Титибу-си, 埼玉県秩父市) обнаружили чистую медь, поэтому сменили девиз правления *Кёун / Кэйун* на *Вадё* (“Японская медь”, 和銅) и приступили в этом же году (первом году эры *Вадё*, 和銅元年) к отливке японской медной монеты, дав ей название “*Вадё кайтин*” 「和同開珎」. Через три года (в 3-й год той же эры), в 710 г., двор переехал в столицу Хэйдзёкё (ныне Нара 奈良). В 5-м году той же эры, 712 г., была закончена рукопись под названием «Записи о делах древности» («Кодзики» 「古事記」) и в этом же году двору были поднесена медь из провинции Мусаси. Короткий промежуток времени, насыщенный значимыми событиями в истории Японии. Обратимся к названию медных монет “*Вадё кайтин*” 「和同開珎」. Слово “*вадё*” 「和同」 несёт два смысла: и отсылку на название эры (*вадё* 和銅), произношение одно и то же, но в названии эры второй иероглиф – *дэ* 銅 “медь”, а в названии монеты второй иероглиф (*дэ* 同 “одинаковый”) – и доброе предзнаменование. Последний, четвёртый иероглиф в названии монеты читается: *тин* 珎, но означает нынеш-

ний знак 「珍」 с таким же чтением *тин* – “редкий, диковинный, чудесный”. Археологи в больших количествах их находят в раскопках, которые вели на территории столицы (Кинай 畿内), а также в близлежащих провинциях Ямато 大和, Ямасиро 山背 (старое написание второго иероглифа), в южной части провинции Ōми 近江. Эта монета использовалась как средство обмена и как средство платежа за услуги и, как, конечно же, как накопление богатства. Двор определил цену этой монеты, соотнеся её к злаковым и рису. В 711 г. (4-й год эры *Вадо*) одна медная монета была равна 6 *сэ* 六升¹ злаковых (*коку*, 穀²), выращенных на суходольных полях, а именно ячмень (*муги*, 麦), чумиза (*ава*, 粟), просо (*киби*, 黍), куриное просо, ежовник (*хиэ*, 稗), боб, фасоль (*мамэ*, 豆) и 3 *сэ* риса. В 711 г. (4-й год *Вадо*, 5-я луна, 15-й день) в хрониках «Сёку нихонги» сделана запись: «Для того чтобы люди могли иметь при торговле взаимную выгоду, 6 *сэ* неочищенного риса приравнять к одному *мон* (к одной медной монете – *В.К.*) денег».³

---

¹ В 701 г. были заимствованы из танского Китая меры и единицы измерения. В настоящее время 1 *сэ* равен 1,8 литров. Однако за 2000-летнюю историю объём изменился. Сейчас нельзя с уверенностью сказать, сколько литров один *сэ* изначально составлял объём риса или зерновых. Высказывается предположение, что 1 *сэ* того времени, когда были отлиты и вошли в оборот медные монеты *вадо кайтин*, составляют где-то нынешних 4 или даже 6 *гё*. Учитывая, что 1 *гё* составляет 0,18 л (10 *гё* равны 1 *сэ*), 1 *сэ* 701 года будет 0,72-1,08 л. На современную метрическую систему Япония перешла в 1959 г. (34-й год эры *Сёва*, 昭和 3 4年). – См.: *сэ* // Сёгакуан. Сүпā-Ниппоника, Нихон дайхякка дзэнсё, 1998.

М.В. Грачёв высказывает предположение, что в древности 1 *гё* был около 0,1 л, а один *сэ* как мера объёма, равная 10 *гё*, в древности составляла 1,035 л, что в общем-то соотносится с данными из японской мультимедийной энциклопедии. – Япония в период Хэйан (794-1185). Хрестоматия / Под ред И.С. Смирнова; составление, введение, перевод с древнеяпонского и комментарий М.В. Грачёва. – М.: РГГУ, 2009. – С. 233.

В то же время А.Н. Мещеряков и М.В. Грачёв в другой работе пишут, что в то время 1 *сэ* соответствовал «0,72 л, т.е. около 600 г, 5 *мон* – одной “штуке” полотна размером приблизительно 4 м на 70 см». – Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии, 2002. С. 282.

² К.А. Попов иероглиф 穀 прочитывает как *танацумано* и толкует более расширительно, включая в это понятие не только «хлебные злаки», но и рис. – Свод законов “Тайхорё”. Т. I. С. 350.

³ Хроника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 5 / Перевод и комментарий А.Н. Мещерякова // История и культура традиционной Японии 7 / РГГУ; отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2014. – С. 13.

Однако, в 729 г. (1-й год эры *Тэмпэ*, 天平元年), был определён курс обмена 1 коку риса в 100 монет. Если принять во внимание, что 1 коку 石 = 10 то 斗 = 100 сё = 1000 зё 合, то получается за 1 монету покупали 10 сё риса, а в 711 году 3 сё риса, иными словами курс обмена медных монет на рис подняли больше, чем в три раза. По мнению Такидзава Такэо 龍澤武雄, курс медных монет был завышен на рис по сравнению с 711 г. По-видимому, двор таким образом решил поправить своё финансовое положение, выдавая медные монеты чиновникам в счёт сезонного жалования натурой (кироку, 季禄).¹ М.В. Воробьёв, полагаясь на авторитетное исследование Нейла Гордона Мунро², допускает неточность в датировке: «В 711 г. правительство установило твердые цены на рис (1 сё риса расценивался в 1 монету) и разменные курс: 4 медных монеты приравнивались к 1 серебряной».³ Этот курс был установлен в несколько позже в 729 году.

В сводах законов «Тайхōрē» 「大宝令」 и «Ёрōрē»「養老令」 не были прописаны органы управления, ведающие отливкой монет. Они были определены указами императора. В «Анналах» в записи от 694 года, в 3-ю луну 8-го года правления императрицы Дзитō тэннō 持統天皇, впервые встречается термин *тjосэнси* 鑄錢司 (в дословном переводе: *приказ по отливке монет*), в современном понимании *монетный двор*. Но, на самом деле, императорский двор приступил к массовой отливке в 708 г. (1-й год эры *Вадō*, 和銅元年) монеты “*Вадō кайтин*” 「和同開珎」, а через три месяца в том же году приступили к отливке серебряных монет (*гинсэн*, 銀錢, другое чтение этого же биннома *сироганэ-но дзэни*). В хрониках «Сёку нихонги» в свитке 4-м (М.В. Воробьёв ошибочно указывает: “цзюань 5”⁴) сообщается: «2-я луна, 11-й день. Учреждено бюро по чеканке монеты. Его главой назначен Тадзихи-но Махито Миякэмаро, верхняя ступень 5-го младшего ранга [始置催鑄錢司、以從五位上多治比真人三宅麻呂任之]».⁵ Александр

¹ Кахэй. Сёхякка (貨幣. 日本史小百科 = Деньги. Малая энциклопедия) / Составители Такидзава Такэо 龍澤武雄, Нисиваки Ясуси 西脇康編. – Токио 東京: Тōкёдō сyоппан 東京堂出版, 1999. – С. 23.

² Munro, Neil Gordon. Coins of Japan. – Yokohama: Box of curios printing company, 1904. – P. 36.

³ Воробьёв М.В. Японские монеты VIII – X вв. С. 82.

⁴ Там же.

⁵ Хроника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 4 / Перевод

Николаевич Мещеряков переводит термин *тjосэнси 鑄錢司* как *бюро по чеканке монеты*. Я же предложил в дословном переводе: *приказ по отливке монет*, приближая же к современным реалиям *монетный двор*.

Практически одновременно с началом выпуска в обращение медных монет государством появились фальшивомонетчики. Разумеется, это были люди из высшего круга, которые располагали достаточными ресурсами людскими, материальными и технологическими, чтобы наладить отливку монет и создать так называемые «частные монетные дворы». Естественно, государство в лице императорского двора не могло не отреагировать, не принимать ответных мер, стремясь удержать монополию на выпуск монет и денежное обращение в стране. Об этом можно найти запись от 2-го года девиза *Вадō* (709 г.) в историческом источнике «Продолжение Анналов Японии». Приведём её здесь: «[2-й год *Вадō*, 709 г.] 2-й год, весна, 1-я луна, 25-й день. Оглашён указ: “Оказывать помощь – вот что главное в управлении государством. Изгонять ложь и утверждать истину – вот в чём основа. Недавно была пущена в ход серебряная монета, которая сменила прежнюю. Пущена в оборот и медная монета. Однако своекорыстные злодеи стали сами отливать фальшивую монету, чем и наносят ущерб деньгам казенным. С теми, кто тайно отливает фальшивую серебряную монету, отныне и впредь поступать так: самих обращать в государственных рабов, а имущество – отдавать донесшему на них. Тех же, кто своекорыстно портит монету, наказывать двумястами ударами палок и отправлять на каторгу. Знавший о преступлении, но не донесший о нём наказывается наравне с преступником».¹

Двумя годами позже опять власти возвращаются к теме фальшивомонетчества и ужесточает наказание за это противоправное действие, расписывая меру ответственности и наказание не только самого правонарушителя, но и его ближайшего окружения, ближайших родственников. В частности, сообщается: «4-й год *Вадō* [711 г.] Зима, 10-я луна, 23-й день. ... опасаемся, что жаждущие выгоды люди станут отливать поддельную монету. Согласно уголовному уложению, подделка денег относится к преступлениям лёгким. Повелеваем временно приравнять её к преступлениям тяжким и запретить [подделки]

и комментарий А.Н. Мещерякова // История и культура традиционной Японии 6 / РГГУ; отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2013. – С. 31.

¹ Там же. С. 41.

со всей строгостью. Сам фальшивомонетчик наказывается смертной казнью через усекновение головы, его приспешники обращаются в государственные рабы, а домочадцы подлежат ссылке. Если член пятидворки знал о преступлении, но не донес о нём, наказывать его наравне с преступником. Для не знавшего о том наказание снижается на пять степеней. Для того, кто умышленно пользовался поддельными деньгами, но раскаялся в том и явился с повинной, снижать наказание на одну ступень. Кто не успел воспользоваться поддельной монетой и явился с повинной – того прощать. Если кто-то знал о содеянном, но не донёс, наказывать наравне с преступником. С тем, кто знал о содеянном, но потом донёс, поступать так же, как и с раскаивавшемся фальшивомонетчиком».¹ К этому следует добавить, что на фальшивомонетчиков ни при каких обстоятельствах не распространялась амнистия.²

Следует отметить, что хождение монет было распространено, прежде всего, в столице и близлежащих провинциях, там, где получило развитие торгово-денежные отношения. Правительство стремилось расширять сферу их обращения, поощрять их использование при всевозможных расчётах. В 711 г. (4-й год *Вадō*. Зима, 10-я луна, 23-й день) был оглашён указ: «Обладание деньгами даёт возможность при условии их наличия осуществлять торговлю. Однако народ к тому не приучен и того не понимает. Торгуют мало, денег не копят. А потому повелеваем в зависимости от накопленной суммы предоставлять повышение в ранге. Обладателям 6-го младшего ранга и ниже: повышение на одну степень при условии накопления более 10 *кан* и повышение на две ступени при условии накопления более 20 *кан*». Идёт речь о повышении в ранге лицам младше шестого ранга. Выше шестого ранга повышение оглашалось уже указом императора, и процедура была более сложной. В указе выражалась надежда, в связи с введением разрешения покупать ранги до шестого включительно, будет в большей мере востребована медная монета: «Ожидаем мы, что ввиду предоставляемой возможности повышения в ранге во всех домах возникнет желание накопительства и там станут нанизывать монеты на шнур». Иными словами, копить их в связках по 1000 монет (*каммон*). На сле-

---

¹ Хроника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 5 / Перевод и комментарий А.Н. Мещерякова // История и культура традиционной Японии 7 / РГГУ; отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2014. – С. 15-16.

² *Воробьев М.В.* Японские монеты VIII – X вв. С. 90.

дующий год сообщается, что о пожаловании, покупке рангов. «5-й год *Вадō* (712 г.), 11-я луна, 4-й день. Впервые пожалованы ранги тем, кто накопил деньги».¹

Итак, деньгами, медными монетами, можно было обеспечить себе получение более высокого ранга. Но также известно, что по «Тайхōрицу» от наказания можно было откупиться медью. «*Замена наказания откупа медью* (яп. *канкэй*, 換刑) устанавливалась судом. Китайское уложение «Тан люй шу и», чьи нормы были реципированы раннесредневековым японским правом, разъясняет, почему появился откуп: «...Те, кто совершил преступление по ошибке [т.е. с *неосторожной* формы вины – *С.Д.*], отдают металл, чтобы откупиться от наказания [за такое преступление]...» [Тан люй шу и, цзюань 1; 5]. Откуп заключался во внесении в казну редкой для того времени чистой меди (слитками) в размере от 1 *кин* (1 *кэ*) до 200 *кин* (т.е. от 1 до 200 *кэ*). Понятно, что бедные люди не могли внести такой дорогой откуп; следовательно, замена наказания откупом медью фактически была доступна только для богатых».²

Правительство административными мерами способствовать хождению медных монет. Можно привести пример как одного частного случая указ императора от 10-й луны, 29 дня. «Когда несущие трудовую повинность люди, а также те, кто доставляет налоги в столицу, возвращаются в родную деревню, у них не хватает пропитания и взять его неоткуда. Повелеваем организовать торговлю рисом из уездных хранилищ в удобных местах, чтобы трудообязанные могли бы покупать его. Кроме того, следует известить путешественников, чтобы они запаслись деньгами и не таскали бы с собой тяжести, но покупали бы [пропитание] за деньги [там же, где и трудообязанные]».³ К этому следует добавить, что отбывающим трудовую повинность на тяжелых работах предоставляли 2 *сё* риса в день, а более лёгких – 1 *сё*. По подсчётам А.Н. Мещерякова прожиточный минимум составлял на начало VIII века составлял 0,5 медной монеты *мон*. При этом покупательная способность медных монет постепенно падала.⁴

¹ Хроника «Сёку нихонги», 2014. С. 15-16.

² *Суровень Д.А.* Наказания в уголовном праве древней и раннесредневековой Японии // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГЮА, 2014. – Вып. 2-й. – С. 132-133.

³ Хроника «Сёку нихонги», 2014. С. 23.

⁴ *Мещеряков А.Н., Грачев М.В.* История древней Японии, 2002. С. 282.

Медные монеты правительство отливало на протяжении длительного времени: с начала VIII и до середины X вв. За это время постепенно менялись содержание меди в монете, её вес и размер. Для наглядности приведём ниже три таблицы, которые позволят с большей наглядностью судить об этом.

**Содержание металлов в монетах,
отлитых во время правлений двенадцати государей**
(кōтё дзюни-сэн-но киндзоку сэйбун, 皇朝十二錢の金属成分)¹,
имена государей и время выпуска²
(годы выпуска монет взяты из «Энциклопедии родного языка»
[Кокуго дайджитэн, 国語大辞典])

	Вес (в пересчёте на граммы)	Состав металлов (из расчёта 100 долей)					Госу- дарь	Годы прав- ления
		Медь	Свинец	Олово	Железо	Прочие металлы		
<i>Вадō кайтин</i> (старый образец) 和同開 珎 (古和 銅), 683 год	3,75	84,16	–	8,35	0,98	6,51	Импера- тор Тэмму- тэннō 天武 天皇	673- 686
<i>Вадō кайтин</i> (новый образец) 和同開 珎 (新古 和銅), 708 год	3,75	82,96	1,99	8,39	3,74	2,92	Импе- ратрица Гэммэй- тэннō 元明 天皇	707- 715

¹ Кахэй. Сёхьякка, 1999. С. 30. Таблица, кроме двух последних колонок справа, составлена японским исследователем Хида Норико 飛田紀男. По поводу старого и нового образца монет *Вадō кайтин* он не даёт никаких разъяснений.

² Имена государей, годы их правления определены автором настоящей статьи, а время выпуска монет, указанные в первом столбце, взяты из статьи М.В. Воробьева: *Воробьев М.В.* Японские монеты VIII – X вв. С. 91.

<i>Ман- нэн цүхō</i> (万年 通宝), 760 год	3,75	77,98	2,05	2,88	1,49	15,60	Импе- ратор Дзюн- нин- тэннō 淳仁天皇	758- 764
<i>Дзингō кайхō</i> (神功 開宝), 765 год	3,75	75,17	6,83	4,73	1,40	11,87	Импе- рат- рица Сѣтоку- тэннō 称徳天皇	764- 770
<i>Рюхэй эйхō</i> (隆平 永宝), 796 год	3,0	69,50	17,15	2,15	0,39	10,81	Импе- ратор Камму 桓武天皇	781- 806
<i>Фудзю симпō</i> (富寿 神宝), 818 год	2,96	76,67	17,67	0,17	0,54	4,95	Импе- ратор Сага 嵯峨天皇	809- 823
<i>Дзѣва сѣхō</i> (承和 昌宝), 835 год	2,93	70,50	20,50	6,09	0,65	2,26	Импе- ратор Ниммѣ- тэннō 仁明天皇	833- 850
<i>Тѣнэн дайхō</i> (長年 大宝), 848 год	2,63	71,50	19,50	1,48	1,10	6,42	Импе- ратор Ниммѣ- тэннō 仁明天皇	833- 850
<i>Дзѣэки симпō / Нѣяку симпō</i> (饒益 神宝), 859 год	2,55	63,00	30,00	0,17	0,72	6,11	Импе- ратор Сэйва- тэннō 清和天皇	858- 876

<i>Дзэган эйхō</i> (貞觀 永宝), 870 год	2,33	52,84	35,15	1,01	2,10	8,90	Император Сэйва-тэннō 清和天皇	858-876
<i>Кампē дайхō</i> (寬平 大宝), 890 год	2,25	80,00	14,50	0,17	1,46	3,87	Император Уда-тэннō 宇多天皇	887-897
<i>Энги цūхō</i> (延喜 通宝), 907 год	2,59	69,48	16,06	0,95	1,82	11,69	Император Дайго 醍醐天皇	897-930
<i>Кэнгэн тайхō</i> (乾元 大宝), 958 год	2,44	51,25	45,27	0,40	1,92	1,16	Император Мураками-тэннō 村上天皇	946-967

А.Н. Мещеряков и М.В. Грачев приводят другие данные по содержанию меди и веса монеты, но нет ссылки – откуда взята эта информация. Для сравнения приведем здесь представленную ими таблицу по 12 эмиссиям медных монет с 708 по 958 гг.

Денежные эмиссии VIII – X вв.¹

Год выпуска	Место чеканки (провинции)	Вес (в граммах)	Доля меди в составе сплава, из которого сделана монета
708	Оми, Кавати	1,59-3,75	53,9-90,3
760	Ямасиро	2,56-5,47	78,0
765	Ямасиро, Ямато	3,03-4,78	75,3-83,1
796	Нагато	1,43-4,38	70,0-81,8
818	Нагато, Суо	1,36-4,56	–

¹ Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии, 2002. С. 282.

835	Суо	0,95-2,24	–
848	Суо	0,93-2,16	71,5
859	Суо	1,08-1,94	–
870	Суо, Ямасиро	0,97-2,74	52,8
890	Суо	1,50-2,81	–
907	Суо	2,06-3,75	2,0-73,2
958	Суо	2,25-3,51	9,4-69,4

Для полноты картины представим еще одну таблицу из статьи М.В. Воробьева.

Характеристика медных монет Японии VIII – X вв.¹

№№ пп	Название монет	Время выпуска	Диаметр, мм	Вес, г
1	Вадо кайтин	708-760	24,0-24,5	5,2-3,1
2	Маннэн цухо	760-764	25,5-23,0	3,9-3,7
3	Дзинго кайхо	765-795	26,0-23,0	4,4-3,7
4	Рюхэй эйхо	796-817	26,0-24,5	3,4-2,8
5	Фудзу симпо	818-834	23,5-23,0	3,5-3,1
6	Сёва сёхо	835-847	22,0-19,0	3,3-1,6
7	Тёнэн дайхо	848-858	17,0-14,0	1,5-1,1
8	Нёки симпо	859-868	19,0-17,5	1,9-1,4
9	Дзёкан эйхо	870-889	17,5-14,0	2,4-2,1
10	Кампэй дайхо	890-906	19,0	2,3
11	Энги цухо	907-957	20,0-19,0	3,1-2,0
12	Кэнгэн дайхо	958 - ?	20,0	2,5

В качестве вывода хочется привести мнение М.В. Воробьева, которое не потеряло актуальности и в настоящее время: «...основным пороком монетной системы Японии оказалось несоответствие паритета и рыночных цен. Более того, стремясь извлечь максимальную выгоду из государственной монополии на монеты, японское правительство каждый раз выпускало все более дорогую монету. ...в 7 случаях из 12 каждая последующая монета автоматически приравнивалась к 10 предыдущим. Таким образом, мелкая “вадо кайтин” через 250 лет оценивалась номинально в 70 раз дороже, чем в год выпуска. В действительности принудительный паритет действовал ограниченное вре-

¹ Воробьев М.В. Японские монеты VIII – X вв. С. 91.

мя, и большое значение приобрела потеря монетами части веса и понижение их покупательной способности. Кусок ткани в 712 г. стоил 16 монет, в 738 г. – уже 200, а в 760 г. – в среднем 327, в 762 г. – в среднем 400 монет, т.е. за 50 лет его цена возросла не менее чем в 25 раз. В 711 г. мера риса стоила 33 монеты, в 737 г. – 160, в 751 г. – 500, в 762 г. – в среднем 738, в 764 – не менее 1000, в 770 г. – около 2000 монет. Стоимость меры риса возросла в 22 раза».¹ Постепенное ослабление центральной власти в лице императорского двора привело к тому, что она не смогла эффективно регулировать и контролировать меновую торговлю и монетное обращение, поддерживая государственную монополию на эмиссию монет и их завышенный паритет по отношению к остальным товарам. Деньги как универсальная мера на рынке не могут выступать без сильного регулятора, центрального правительства, могущего жёстко проводить государственную монополию в финансовой сфере.

Источники и использованная литература:

1. *Бедняк И.Я., Гальперин А.Л., Гришелева Л.Д., Подпалова Г.И., Попов А.В., Топеха П.П., Эйдус Х.Т.* Очерки истории Японии (1640-1917). – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 598 с.
2. *Быков А.А.* Монеты Китая. – Л.: Советский художник, 1969. – 80 с.
3. *Воробьев М.В.* Японские монеты VIII – X вв. // Эпиграфика Востока, XIX. Сборник статей под редакцией профессора В.А. Крачковской. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – С. 81 -91.
4. *Воробьев М.В.* Японские монеты «канъэй цухо» из собрания Государственного Исторического музея // Эпиграфика Востока. Вып. 21. – М.-Л., 1972. – С. 60-66.
5. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. – 344 с.
6. *Воробьев М.В.* Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 384 с.
7. *Ивочкина Н.В.* Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае эпохи Тан и Сун. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1990. – 192 с.
8. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Главный редактор М.Л. Титаренко. – М.: Мысль, 1994. – 573 с.

---

¹ *Воробьев М.В.* Японские монеты VIII – X вв. С. 90-91.

9. *Коробицына А.К.* «Хоу Хань шу»: краткий источниковедческий очерк // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII. Ч. 2. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. – С. 470-478.
10. *Маркс Карл.* Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. – М.: Политиздат, 1973. – 907 с.
11. *Мещеряков А.Н., Грачев М.В.* История древней Японии. – СПб., Гиперион, 2002. – 512 с.
12. Нихон сёки: Анналы Японии / Перевод со старояпонского и комментариев Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. В 2-х тт. Т. 1 (свитки I–XVI); Т. 2 (свитки XVII–XXX). – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. 1. – 496 с.; Т. 2. – 428 с.
13. Свод законов «Тайхорё». 702-718 гг. Т. I: I–XV законы / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментариев К.А. Попова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 286 с.
14. Свод законов «Тайхорё». 702-718 гг. Т. II: XVI–XXX законы / Вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментариев К.А. Попова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 266 с.
15. *Суровень Д.А.* Наказания в уголовном праве древней и раннесредневековой Японии // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГЮА, 2014. – Вып. 2-й. – С. 129-173.
16. *Суровень Д.А.* Регулирование вещных отношений в древнеяпонском праве // Право, законодательство, личность. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. – С. 126-138.
17. Хроника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 4. От 7-й луны 4-го года Кэйун (707 г.) до 12-й луны 2-го года Вадо (709 г.) / Перевод и комментарий А.Н. Мещерякова // История и культура традиционной Японии 6. РГГУ; отв. ред А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2013. – С. 24-47.
18. Хроника «Сёку нихонги» («Продолжение Анналов Японии»). Свиток 5. От 1-й луны 3-го года Вадо [710] до 12-й луны 5-го года Вадо [712] / Перевод и комментарий А.Н. Мещерякова // История и культура традиционной Японии 7. РГГУ; отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2014. – С. 7-24.
19. Япония в период Хэйан (794-1185). Хрестоматия / Под ред И.С. Смирнова. Составление, введение, перевод с древнеяпонского и комментариев М.В. Грачева. – М.: РГГУ, 2009. – 423 с.
20. Кахэй. Сёхякка. (貨幣。日本史小百科 = Деньги. Малая энциклопедия) / Составители Такидзава Такэо 龍澤武雄, Нисиваки Ясуси 西脇康編. – Токио 東京: Тōкэдō сьоппан 東京堂出版, 1999. – 362 с.

21. Нихон сёки уэ (日本書紀上 = Анналы Японии. Т. 1) // Нихон котэн бунгаку тайкэй (日本古典文学大系 = Серия: классическая литература Японии). Т. 67. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1965. – 654 с.
22. Нихон сёки сита (日本書紀下 = Анналы Японии. Т. 2) // Нихон котэн бунгаку тайкэй (日本古典文学大系 = Серия: классическая литература Японии). Т. 68. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1965. – 629 с.
23. Сёгакукан. Сүпā-Ниппоника, Нихон дайхякка дзэнсё (Мультимедийная энциклопедия “Super Nipponica CD ROM” (4 CD ROM), версия 1.0). – [Б. м.]: Сёгакукан, 1998. 「小学館スーパー・ニッポニカ」、日本大百科全書. Ver. 1.0 [No place:] 小学館、1998年、12月。
24. *Munro, Neil Gordon*. Coins of Japan. – Yokohama: Box of curios printing company; Yokohama: M.B. & C.M. Edin. Univ., 1904. – 283 p.
25. *Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Translated from the Original Chinese and Japanese by W.G. Aston*. – London: George Allen & Unwin Ltd., 1956. – Vol. 1. – 470 p.; Vol. 2 – 442 p.

Klimov V. Yu.

Barter and monetary circulation in ancient and medieval Japan during VII–X cc.

The study is written on the basis of original sources at that time and their translations in Russian and English as well as works of the leading researchers from Russia, Japan and western countries. Emergence of money circulation, mintage of the first copper coins and the emperor’s edicts concerning regulation on circulation of silver and copper coins, are considered in the article. The government made every effort in circulation of copper coins, supported their overvaluation in exchange for goods, and reduced the content of copper in coins, leading to unreasonable increase of their high parity. Practically right after issue of the first copper coins counterfeiting arouse. Fighting counterfeiting government transferred this offense from mild to serious crime. From the middle of the 10th century with weakening of central authority, which was unable to support circulation of coins as a measure of value, its own coin system disappeared in Japan.

Keywords: ancient and medieval Japan; barter; silver and copper coins; iron; rice; coin casting; buried treasure; markets; money circulation; natural economy; counterfeiting; corpus juris «Taihoryo»; Nihongi – Chronicles of Japan; Zokunihongi – Continuation of Chronicles of Japan.

Klimov Vadim Yuryevich – Ph.D. in history, senior researcher at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg).

E-mail: klimovvadim26@gmail.com

Суровень Д.А.
**ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ
ЯМАТО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII ВЕКА**

В данной статье анализируются материалы японских источников о составлении исторических сочинений начала VII века, в работе над которыми принял участие принц Умаядо (известный под посмертным именем Сётоку-тайси), а также “великий министр” Сога-но Умако. Авторство принца Умаядо признаётся за «Гангёдзи гаран энги» и «Дзёгүки». В 620-622 годах принцем Умаядо (Сётоку-тайси) в сотрудничестве с «великим министром» (яп. *ō-оми*) Сога-но Умако были составлены древнеяпонские хроники, в которых была предложена искажённая путём удревнения династии хронология, ставшая основой для существовавшей позднее официальной хронологии, а также изложена история династии Ямато. Традиция составления храмовых хроник, начатая в 613 году принцем Умаядо с составления «Гангёдзи гаран энги», была продолжена уже после его смерти в 624 году составлением записей об основании буддийских храмов.

Ключевые слова: древняя Япония; Ямато; принц Умаядо; Сётоку-тайси; Сога-но Умако; «Гангёдзи гаран энги»; «Кудзи-хонки»; «Кудзики»; теория *син-и-сэцу*; «Дзёгүки».

Первая половина VII века в истории Японии стала важным этапом в развитии летописания и составления новых исторических трудов по истории древнего Ямато. Так как данный вопрос слабо исследован в российской и западной исторической науке, необходимо обратиться и проанализировать материалы источников по данной проблеме.

Возобновление связей с Китаем в начале VII века¹ привело к тому, что в Японию переселились китайцы, ставшие основателями но-

---

Суровень Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21). *E-mail:* Yamato.ur@mail.ru

¹ См.: *Суровень Д.А.* Международные отношения империи Суй и государства Ямато в первые годы VII века // Китай: история и современность. Материалы V международной научно-практической конференции Екатеринбург, 22–24 ноября 2011 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. – С. 115-132; *Суровень Д.А.* Описание китайского посольства 608 г. в Японию по китайским, корейским и японским источникам // Китай: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 17 ноября 2010 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 64-77; *Суровень Д.А.* Установление дипломатических отношений династии Тан и двора Ямато в 20-е – начале 30-х гг. VII вв. // Китай: история и современность. Материалы X международной научно-практической конференции Екатеринбург, 3-5 октября 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 241-250.

вых родов писцов–летописцев. Это, прежде всего, род Яго-но *фухито*, имевший одинакового предка с кланом Яго-но *имики*.¹ Предком рода Яго-но *имики* чуть выше назван *д́а-шуйай* Ян-хо у Ацзы-ван (досл. “мудрый предводитель князь Ян-хоу [по имени] А ц з ы -ван; яп. *тати-соти Я-кō* Аси -но *кими*) – потомок второго императора династии Суй – Ян-ди (605-616 г.)² [Синсэн-сѣдзи-року, св. 21-й, (754) Яго-но *имики*]. В 29-м свитке также упомянут род Ягō-но *фухито* сходного написания (отличается второй иероглиф “*гō*”³). О предках этой семьи сказано: «Ягō-но *фухито*. Имеют одинакового предка с кланом Ягō-но *имики*. Являются потомками *д́а-шуйай* Ян-г у н а Ала-вана (Аляо-вана) (досл. “мудрого предводителя – князя Ян-гуна [по имени] Ала-ван (Аляо-ван); яп. *тати-соти Я-кō* Арэ-но *кими*)»⁴ [Синсэн-сѣдзи-року, св. 29-й, (1052) Ягō-но *фухито*]. При сравнении записей 21-го и 29-го свитков видно, что отличаются титулы предков (Ян-хоу и Ян-гун – и тот, и другой титул на русский язык переводится как “князь Ян”, однако “гун” по статусу выше чем “хоу”).⁵ Отличаются вторые знаки в

¹ (756) 左京、諸蕃、漢：「楊胡史。楊侯忌寸、同祖。」 – Синсэн-сѣдзи-року, в 3-х частях *新撰姓氏録* // *Сазки Арикиё* 佐伯 有清. “Синсэн-сѣдзи-року”-но кэнкю. Хомбун-хэн *新撰姓氏録の研究 本文篇*. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. – С. 282; ср.: 「楊胡史(やごのふひと)。楊侯忌寸と同じき祖。」 – Синсэн-сѣдзи-року, св. 21-й // Синсэн-сѣдзи-року, в 30-ти свитках *新撰姓氏録*. 全三十卷 – в кн.: 佐伯有清『*新撰姓氏録の研究 本文篇*』(*Сазки Арикиё*. Исследование “Синсэн-сѣдзи-року”). Основной текст. – Токио: Ёсикава кобункан, 1962) // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/26syouji.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

² (754) 左京、諸蕃、漢：「楊侯忌寸。出^レ自 隋煬帝之後 達率 楊侯 阿子王 也。」 – Синсэн-сѣдзи-року, в 3-х частях // *Сазки Арикиё*. “Синсэн-сѣдзи-року”-но кэнкю. С. 282; ср.: 「楊侯忌寸(やごのいみき)。隋の煬帝の後、達率楊侯阿子王(だちそちやうこうあしわう)より出^レ。」 – Синсэн-сѣдзи-року, св. 21-й // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/26syouji.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

³ В 21-м свитке «Синсэн-сѣдзи-року» использован иероглиф 胡 яп. *ко / го* (кит. *ху* – “варвар, варварский”); в 29-м свитке – иероглиф 侯 яп. *кō / гō* (кит. *хоу* – второй титул знатности, “князь”). – *Сазки Арикиё*. “Синсэн-сѣдзи-року”-но кэнкю. С. 282, 330.

⁴ (1052) 和泉国、諸蕃、漢：「楊侯史。楊侯忌寸、同祖。達率 楊公 阿了王之後 也。」 – Синсэн-сѣдзи-року, в 3-х частях // *Сазки Арикиё*. “Синсэн-сѣдзи-року”-но кэнкю. С. 330; ср.: 「楊侯史(やごのふひと)。楊侯忌寸(やごのいみき)と同じき祖。達率楊公阿了王(だちそちやうこうあれうわう)の後 なり。」 – Синсэн-сѣдзи-року, св. 29-й // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/35syouji.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵ 公 кит. *гун – суц.* ...4) *ист.* гун (министр в крупном царстве древнего Китая); 5) гун (первый ранг знатности, соответствует титулу герцога в Европе); 公侯伯子男 пять рангов знатности... – Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. IV. –

именах (Ацзы-ван [яп. Аси-но кими] и Ала-вана (Аляо-вана) [яп. Арэ-но кими]), что может быть вызвано ошибкой в написании иероглифов, так как они отличаются только одной чертой.¹ Однако, судя по всему, речь идёт об одном и том же клане и их предке из семьи императора династии Суй – Ян-ди. Появиться в Японии Ян-хоу (или Ян-гун) мог в начале VII века – в период активных контактов двора Ямато с династией Суй. Кое-какие сведения сохранились в «Нихон-сёки»: в 602 году, зимой, в 10-й луне из Пэкче прибыл буддийский монах Кванрёк² (его имя читают также как Кванлык и Квангын³), он привёз книги по составлению календаря, астрономии, географии (включая геомантию) и магии. Ему было дано 3-4 ученика, один из которых стал изучать правила составления календаря, другой – астрономию. Так вот, учеником, который изучал календарное дело, был Тамафуру (др.-яп. Тамапуру) – предок рода Яго-но *фубито* (Яго-но *фухито*, др.-яп. Яго-но *пубито*)⁴ [Нихон-сёки, св. 22-й, Суйкō, 10-й год пр., 10-я луна; Nihongi⁵, XXII, 7].⁶ В 604 году с новолуния (1-го числа) начальной (1-й) луны привезённый новый календарь вступил в действие.⁷

Росту грамотности в Японии способствовало восстановление дипломатических связей с Китаем, поездки туда японцев на учёбу. В

С. 956 (далее: БКРС). 侯 кит. хóу (наследственный титул знати второго из пяти высших классов...); маркиз; 公侯 гун и хоу; [как] герцог и маркиз [в Европе]... – БКРС. Т. III. С. 678.

¹ 阿子王 кит. Ацзы-ван, яп. Аси-но кими; 阿了王 кит. Ала-вана (Аляо-вана), яп. Арэ-но кими.

² 觀勒 кор. Кванрёк; читают также как Кванлык или Квангын. – Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-гайкэй” 國史大系). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. – Ч. I – Т. II. – С. 140; Буддизм в Японии. – М.: Наука, 1993. – С. 368; Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. II. – С. 93; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part II. – P. 126; *Bowring R.J.* The religious traditions of Japan, 500-1600. – Cambridge: Cambridge university press, 2005. – P. 21.

³ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 93.

⁴ Нихон-сёки, 1957. С. 140; Буддизм в Японии. С. 368; Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 93; Nihongi. Part II. P. 126.

⁵ Цит. по: Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D.697 / Transl. by W.G. Aston. London: Allen, 1956. – Part II. – 444 p.

⁶ См.: Сано Ямато 佐野 大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. – Токио 東京: Сё-хō сэтэн 小峰書店, 1959. – С. 157.

⁷ Там же; Нихон-но кэнгоку 日本の建国. – Токио 東京: Тōкё-дайгаку сьуппанкай 東京大学出版會, 1957. – С. 166; Конрад Н.И. Япония: народ и государство. – Пг.: Наука и школа, 1923. – С. 32.

608 году восемь японцев (потомков переселенцев с континента) были отправлены в Китай для усовершенствования в науках. Один из командированных – Минабути *аябито* Сёан¹, по возвращении сыграл крупную роль в распространении конфуцианства и китайской научной и государственной мысли, другой – Сакаибэ Ивадзуми составил большой словарь новых *японских слов*, написанных китайскими иероглифами, которые употреблены фонетически.²

В 3-й луне 610 года: «Ван Когурё прислал буддийских монахов Тамджина и Попчхон[а]. Тамджин знал [конфуцианское]³ Пятикнижие. Кроме того, он мог хорошо и з г о т о в л я т ь краски, б у м а г у и т у ш ь...».⁴ Умение изготавливать бумагу и тушь в это время в Ямато было очень важно для составления документов и письменных источников.

Появление новых переселенцев из Китая должно было способствовать активизации летописания. Поэтому следующий, новый этап в развитии древнеяпонского летописания относится к началу VII века. В.Н. Горегляд подчёркивает, что с VII века в Японии начинается непрерывная история письменной культуры.⁵ Сакамото Таро и А.Н. Мещеряков полагают: вероятно, начиная с правления Суйкё (592-628) стали вести **погодные записи** (яп. *нэндэнки* – “летописи года”, “годовые записи”) правящего дома.⁶ Но первое упоминание о годовых записях относится к 537 году: «В з а п и с я х (яп. *дэнки*⁷ – С.Д.) за этот год (яп. *нэн*) нет упоминаний о кончине государыни...»⁸ [Нихон-сёки, св. 18-й, Сэнка, 4-й год пр., 11-я луна, 17-й день]. Однако исследователи отмечают, что, начиная с царствования Суйкё, записи «Нихон-

---

¹ См.: Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. II. С. 102, 328, прим. 85.

² *Воробьев М.В., Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. – М.: Наука, 1976. – С. 18.

³ Буддизм в Японии. С. 403, прим. 51.

⁴ Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. II. С. 102; *Тихонов В.М.* История Кореи. – М.: Муравей, 2003. – Т. I. – С. 158.

⁵ *Горегляд В.Н.* Японская литература VIII–XVI веков. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. – С. 24.

⁶ 年傳記 яп. *нэндэнки* – досл. “записи года”. – Нихон-сёки, 1957. С. 46; см.: Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. II. С. 31; *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. – М.: Наука, 1987. – С. 8.

⁷ 傳記 яп. *дэнки*, кит. *чжуйньцзи* – 1) биография; 2) записки (о чем-л., напр. в заглавиях книг). – БКРС. Т. III. С. 72.

⁸ 「...年傳記無^レ載。」 «...в записках (яп. *дэнки*, кит. *чжуйньцзи*) [этого] года (яп. *нэн*) не внесено (не вписано)». – Нихон-сёки, 1957. С. 46; ср.: Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. II. С. 31.

сёки» приобретают намного большую регулярность и детализацию.¹

Ставленник государыни Суйкō – наследный принц Умаядо (известный под посмертным именем Сётоку-тайси) прославился как активный сторонник распространения буддизма и человек письменной культуры.² Судо Кадзуаки утверждает, что для подготовки кадров для службы при дворе принц Умаядо (Сётоку-тайси) выстроил учебное заведение в столице и школы в провинциях. Там преподавали конфуцианство, право и китайскую литературу, которая вскоре стала главным предметом.³ А.Н. Игнатович указывает, что, в период становления на Японских островах государства, японцы широко заимствовали китайские достижения в экономике, политическом устройстве, науке, технике, культуре. В Китае с давних времён было развито *летописание*, и неудивительно, что в глазах образованной японской аристократической элиты *династийные истории* стали одним из атрибутов цивилизованности. Вполне естественно поэтому, что в Японии правители молодого и набиравшего силу государства очень скоро захотели иметь **собственные летописи**.⁴ Как указывают исследователи, процесс письменной фиксации устной традиции функционирования текста был сложным и многоступенчатым. В VII веке возникло стремление осмыслить и письменно зафиксировать происходящие события.⁵

По сообщению хроники буддийского храма Гангō-дзи – «Гангōдзи гаран энги», в 1-й день 1-й луны 613 года на праздничном приёме у государыни Суйкō, «престолонаследник Тоётомими» (т.е. принц Умаядо) предложил составить историю распространения буддизма в Ямато и основания храмов Гангō-дзи (ранее в тексте именовавшегося Кэнко-дзи⁶) и Кэнтō-дзи, а также записать “наши молитвы”. «Тогда престолонаследник Тоётомими рёк: “Во время нашего правления следует подробно выяснить и записать без изъятия сведения о событиях относительно того, как Закон Будды распространился [в стране Ямато], как были построены храмы Гангōдзи (тогда это храм ещё назы-

---

¹ Мещеряков А.Н. «Нихон-сёки»: историческая мысль и культурный контекст // Нихон-сёки: Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 94.

² Там же.

³ Судо Кадзуаки. Японская письменность от истоков до наших дней. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. – С. 21.

⁴ Игнатович А.Н. Буддизм в Японии: очерк ранней истории. – М.: Наука, 1987. – С. 16.

⁵ Симонова–Гудзенко Е.К. Когосюи // Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 71.

⁶ Буддизм в Японии. С. 426, прим. 34.

вался Кэнкодзи¹ – С.Д.) и Кэнтодзи. Следует записать без изъятия и наши молитвы...»² [Гангōдзи гаран энги, Суйкō, 613 год, 1-я луна, 1-й день].

По одной версии, излагаемой в конце «Гангōдзи гаран энги», приказ на составление **хроники** был получен в э т о т ж е д е н ь : «1 - г о д н я 1-й луны 613 года (циклический год *мидзуното-тори*, 10-й год цикла – С.Д.), в день благоприятный, в год, когда исполнилось сто лет³ (видимо, “сто” употреблено здесь в значении “много” – С.Д.) со дня рождения Тоёмикэ-касикия-химэ, повелевавшей поднебесной из дворца Сакураи-[но] Тоюра, престоонаследник (правителя Ямато – С.Д.) Татибана-но Тоёхи (государя Ёмэя, 585-587⁴ – С.Д.), повелевавш[его]⁵... Поднебесной из дворца Икэнобэ-но Наминуки – престолонаследник Умаядо-Тоётомими (Сётоку-тайси, 574-622⁶), выполняя высочайшее повеление, записал ... всё бывшее и преподнёс... рукопись императрице»⁷ [Гангōдзи гаран энги, Суйкō, 613 год, 1-я луна, 1-й день]. По другой версии, излагаемой в начале «Гангōдзи гаран энги», получается, что приказ государыни Суйкō на составление храмовой хроники, принц Умаядо (Сётоку-тайси) получил только через восемь дней – в 9-й д е н ь 1-й луны 613 года – именно тогда он и начал писать хронику буддийского храма Гангō-дзи: «9-го дня 1-й луны 613 г. (в источнике циклическое обозначение⁸: *мидзуното-тори*, 10-й год цикла – С.Д.), когда Тоёмикэ-касикия-химэ [Суйкō⁹], повелевавшей Поднебесной из дворца Сакураи-Тоюра, исполнилось 100 лет¹⁰ (т.е.

¹ Буддизм в Японии. С. 426, прим. 34.

² Цит. по: Буддизм в Японии. С. 422.

³ Годы жизни Суйкō в тексте памятника не соответствуют действительности. – Там же. С. 425, прим. 4.

⁴ Буддизм в Японии. С. 426, прим. 37; С. 425, прим. 13.

⁵ В русском переводе в данном абзаце допущены хронологические и смысловые ошибки (умерший государь Ёмэй вместе у принцем Умаядо пишет храмовую хронику). – См.: Буддизм в Японии. С. 423.

⁶ Там же. С. 425, прим. 5.

⁷ Цит. по: Буддизм в Японии. С. 422-423; 「池邊列, 槻宮 治天下 橘豊日命, 皇子 馬屋門豊聰耳皇子 櫻井等由良治天下 豊彌氣賀斯岐夜比賣命, 生年一百 歳次 癸酉 正月 元日 吉事啓聞日 勅^レ受賜、上^レ諸事記。」 – Гангōдзи гаран энги 元興寺伽藍縁起 // Дай-нихон буккё дзэнсё 大日本仏教全書. – Токио 東京: Буссё канкōкай 仏書刊行会, 1922. – Т. 118. – С. 143.

⁸ Буддизм в Японии. С. 424, прим. 2.

⁹ Буддизм в Японии. С. 425, прим. 3.

¹⁰ Годы жизни Суйкō в тексте памятника не соответствуют действительности. – Там

“много” – С.Д.), престолонаследник Умаядо–Тоётомими получил высочайшее повеление **записать историю** основания храма Гангодзи, а также молитвы Тоёмикэ и министров»¹ [Гангодзи-гаран энги, 613 год, 1-я луна, 9-й день]. При составлении памятника автор пользовался храмовыми преданиями Гангō-дзи, а также, вероятно, подготовительными материалами, аналогичными по своему характеру тем, что послужили основанием для написания официальной хроники «Нихон-сёки».² Более того, А.Н. Мещеряков указывает, что, по всей вероятности, основным носителем информации по буддизму для составителей «Нихон-сёки» послужила именно эта храмовая хроника «Гангōдзи гаран энги».³ Кроме того, в это время, видимо, существовали какие-то материалы ранних версий храмовых хроник буддийских храмов Хō-рjō-дзи и Дайан-дзи, которые также могли быть использованы при составлении «Нихон-сёки».⁴

Как сообщают источники, в 620 году наследный принц Умаядо приступил к очень важному государственному делу – составлению истории государства Ямато. Обсудив этот вопрос с *ō-оми* Сога-но Умако, он занялся составлением «Тэннōки» (“Записи о государях”), «Кокъки» («Коку-бун» / *Куни-цу фуми* – «Записи о стране») и «Хонки» («Основные записи» – история основных родов Ямато).⁵

же. С. 425, прим. 4.

¹ Буддизм в Японии. С. 415; 「歳次 癸酉 正月 九日 爾。馬屋戸豊聰耳皇子 受^レ勅: 記^レ元興寺等之本縁 及 等與彌氣命之發願 并 諸臣等發願 也。」 – Гангōдзи гаран энги, 1922. Т. 118. С. 138.

² Буддизм в Японии. С. 415.

³ Мещеряков А.Н. «Нихон сёки»: историческая мысль и культурный контекст. С. 95.

⁴ Там же.

⁵ Мещеряков А.Н. Указ. соч. С. 92. См.: Уэда Масааки 上田 正明, *Мори Кōити* 森 浩一, *Ямада Мунэмуцу* 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Тикума сёбо 筑摩書房, 1980. – С. 274; Нихон-но кэнгоку. С. 55; *Иноуэ Каору* 井上 董. Нихон кодай-но сэйсаку то сюкё 日本古代の政治と宗教. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1961. – С. 220; *Исимода Сё* 石母田 正. Нихон-но кодай кокка 日本古代国家. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1971. – С. 43; *Кита Синроку* 喜田 新六. Кокуси-но фукуму сидзоку-си-тэки сэйсаку 国史の含む氏族志的性格 // Нихон рэйси 日本歴史. – 1954. – № 69. – С. 11; *Сакамото Тарō* 坂本 太郎. “Тиси-вадзин-дэн” (кит. “Вэйчжи-вожэнь-цзоань”)–дзаккō 魏志倭人伝雑考 // Кодайси-кэнкiō: Яматай-коку 古代史研究. 邪馬台国. – Токио 東京, 1956. – С. 142; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // История древнего мира: упадок древних обществ. – М.: Наука, 1989. – С. 214; *New light on early and medieval Japanese historiography.* – Gainesville: Univ. of Florida Press, 1959. – P. 7, note 1; *Young John.* The Location of Yamatai: a case

В «Нихон-сёки» сообщается: «В этот год, наследный принц [Умаядо и] Сима-но *ō-оми*¹ (др.-яп. *оооми*; это – Сога-но Умако – *С.Д.*) вместе, обсудив, записали “Тэннōки” и “Кокъюки”, [а также] “Хонки” [об] *оми, мурадзи, томо-но мияцъюко, куни-но мияцъюко*, 180 бэ вместе с государевым народом (яп. *кōмин*)»² [Нихон-сёки, св. 22, Суйкō, 28-й год; Nihongi, XXII, 32]. «Ниппон *ō-дай итиран*» также говорит: «Принц Умаядо и Умако составили историю царствований до государыни Суйкō»³ [Nippon *ō dai itsi ran*, XXXIV, Souikō]. Во Вступлении «Кудзики»: «*Опо-оми* Сога-но Умако-но *сукунэ* и другие получили высочайший указ написать (яп. *сё-суру*)⁴ [и] составить (яп. *сэн-суру*)⁵ [историю страны]. Итак (яп. *сомосомо*), “Сэндай кудзи-хонки” – [это] то, [что] Сётоку-тайси, кроме того, [некогда (в прошлом)] составил (яп. *сэн-сита*). [Было это так]. Во времена государыни Тоёмикэ Касикия-пимэ (Суйкō), управлявшей территорией [страны] из дворца Вопарида-но Тоёура-но *мия*, от восшествия на престол 28-й год [620 г.], в очередности цикла Юпитера – в год *каноз-тацу* (17-й год цикла), весной, во 2-й луне⁶, в день *цутиноз-но ину* (35-й циклический знак) от дня

---

study in Japanese historiography 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins press, 1958. – P. 43; *Van Name A. Sources de l'histoire ancienne du Japon // Congres international des Orientalistes.* – Paris: Maisonneuve et Gie, 1873. – Т. I. – P. 221.

¹ Причины употребления прозвища «Сима-но *оооми*» в отношении Сога-но Умако *оооми* объяснены в «Нихон-сёки». В разделе 20-го дня 5-й луны 34-го года пр. Суйкō (626 г.) сказано: «Его дом стоял на берегу реки Асёка. Во дворе его дома был выкопан пруд, а в пруду был сооружён маленький остров (яп. *сима* – *С.Д.*). Поэтому люди его времени называли его Сима-но *оооми*» (т.е. “Островной *оооми*”). – Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. II. С. 112, 331, прим. 152; Нихон-сёки, 1957. С. 166.

² 「是歳、皇太子 嶋大臣共 議之 天皇記 及 國記・臣・連・伴造・國造・百八十部 并 公民等 本記。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 159; *Мещеряков А.Н.* «Нихон-сёки»: историческая мысль и культурный контекст. С. 92; см.: *Исида Итирō* 石田 一浪. *Синва то рэкиси 神話と歴史.* – Токио 東京: Синтёса 新潮社, 1960. – С. 33; *Асами Тоору* 浅見 徹. “Кодзики”-но сёхō 『古事記』の書法 // *Кодзики. Нихон кодэн бунгаку дзэнсё 古事記. 日本古典文学全集*. 1. Вып. 37. – Токио, 1997, 5-й месяц. – С. 4.

³ *Nippon *ō dai itsi ran*, ou Annales des Empereurs du Japon.* – Paris–London: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834. – P. 40-41.

⁴ 修 яп. *сё*, кит. *сё* – *гл.* ... 4) писать, составлять, компилировать; 修國史 писать историю страны... – БКРС. Т. III. С. 381.

⁵ 撰 яп. *сэн-суру*, кит. *чжудань* – *гл.* 1) сочинять, писать; подготавливать, создавать, составлять (*литературное произведение*)... – БКРС. Т. IV. С. 643.

⁶ Комментаторы текста пишут: 「【二月之二 誤作^レ三、據^レ日本長曆 正之。按^レ長曆、此年、二月、甲午、朔、三月、甲子、朔。】」 в словосочетании “2-я луна” – “2-я” ошибочно сделано “3-я”; согласно “Нихон нагарэки” (日本長曆 “японскому вечному кален-

новолуния *киноэ-ума* (31-й циклический знак) (т.е. в 5-й день 2-й луны – *С.Д.*), исполняющий обязанности регента из Верхнего дворца принц Умаядо Гоё-тōмими Сётоку-тайси-но микото был назначен (яп. *мэйдзирарэмасита*) [руководить] “великим министром” (др.-яп. *опо-оми*) Сога-но Умако и другими [людьми], получившими императорский указ (яп. *тёку*) [о] составлении (яп. *сэнтэй*)¹ [летописи]. Нужно было записать “Сэндай-кудзи” (“Древние дела прошлых веков”), “Дзёко-кокүки” (“Записи о государстве глубокой древности”), “Дзиндай-хонки” (“Основные записи эпохи богов”), “Дзинги-хонки” (“Основные записи [о] небесных и земных богах”), “Тэнсон-хонки” (“Основные записи [о] потомках небес[ных богов]”), “Тэннō-хонки” (др.-яп. *Сумэра-микото-но мотофуми* – “Основные записи [о] государях”), “Сёō-хонки” (др.-яп. *Моро-кими-но мотофуми* – “Основные записи [о] всех принцах”), “Основные записи [об] *оми* [и] *мурадзи*” (“Синрэн-хонки”, др.-яп. *Оми-мурази-но мотофуми*), “Основные записи [о] *томо-но мияцүко*, *куни-но мияцүко*, 180 бэ [и] государевом народе (яп. *кōмин*)”»² [Кудзи-хонки, Предисловие].

дарю»; где 長曆 яп. *нагарэки*, кит. *чан-ли* – вечный календарь (особенно: определяющий сроки новолуний на века вперёд). – БКРС. Т. III. С. 864) правильно это (написание “2-я луна”); (если учитывать “*нагарэки*”, в этом году новолуние 2-й луны (приходилось на день *киноэ-но ума* (31-й цикл. знак), [а] новолуние 3-й луны (приходилось на день) *киноэ-но нэ* (1-й цикл. знак) – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 171, прим.; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji00.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

¹ 撰定 яп. *сэнтэй*, кит. *чжуйань-дин* – составлять, вырабатывать (напр. акты, законы). – БКРС. Т. IV. С. 643.

² 「大臣 蘇我馬子宿禰等奉勅修撰。夫先代舊事本紀者、聖德太子且所撰也。于時小治田豐浦宮 御宇 豐御食炊屋姫天皇 [推古] 即位廿八年、歲次 庚辰、春、二月甲午朔 戊戌。攝政 上宮廄宇豐聰耳 聖德太子尊命、大臣 蘇我馬子宿禰等、奉勅撰定。宜録先代舊事、上古國紀、神代本紀、神祇本紀、天孫本紀、天皇本紀、諸王本紀、臣連本紀、伴造國造百八十部公民本紀者、謹據敕旨。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 171; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji00.htm> (дата обращения: 28.05.2020); ср.: 「大臣蘇我馬子宿禰らが勅を承って撰修しました。そもそも、先代旧事本紀は聖德太子がかつて撰修したものです。推古天皇の二十八年歳次で庚辰の春三月の甲午朔戊戌の日に、摂政をされる上宮廄宇豊聰耳聖德太子尊が命じられました、大臣蘇我馬子宿禰たちが、先代旧事、上古国記、神代本紀、神祇本紀、天孫本紀、天皇本紀、諸王本紀、臣連本紀、伴造・国造・百八十部・公民本紀を記せという勅を承って決めました。」 – Кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

Подобная информация дана в разделе “Суйкō-тэннō” «Кудзи-хонки» (только там указан 11-й день 2-й луны): «28-й год [правления Суйкō] [620 г.], весна, 2-я луна, день киноэ-но тацу (41-й цикл. знак) от дня новолуния киноэ-ума (31-й цикл. знак) (т.е. в 11-й день 2-й луны – С.Д.). Наследный принц Умаядо Тоёто-мими [из] Верхнего дворца [и] *опо-оми* Сога-но Умако-но сўкунэ получили приказ составить записи (яп. *сэнроку-суру*)² [о] древних делах прежних поколений (др.-яп. *мапэ-но ё-но пуруй кото*, яп. *сэндай кудзи*), [а именно]: “Тэннō-ки”, а также “Кокўки”, “Хонки” [об] *оми*, *мурадзи*, *томо-но мияцўко*, *куни-но мияцўко*, кроме того [о] множестве (досл. “[1]80”) *бэ* [и о] государевом народе (яп. *кōмин*) и других»³ [Кудзи-хонки, св. 9-й, (6) Суйкō-тэннō, 28-й год, 2-я луна].

В «Сётоку-тайси дэнряку» (992 г.) об это сказано кратко: «([Принцу Умаядо] 49 [лет]). 28-й год [правления государыни Суйкō] ([в год] *канозэ-тацу*, 17-й год цикла) [620 г.]... Тогда уполномочили [Сога-но Умако-но] *ō-оми*, приказав записать “Кокўки” (“Записи о стране”) вместе с “Удзи-удзи-ра-но хонки” (“Основными записями [о разных] родах”)⁴ [Сётоку-тайси дэнряку, Суйкō, 28-й год пр.]»

Более того, в Предисловии к «Кудзи-хонки» говорится, что принц Умаядо продолжал работу по сбору материалов о древней истории в течение длительного времени. «Поэтому следуя древним кни-

¹ В примечании к тексту указан: 【十一日】“11-й день”. – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 399.

² 撰録 яп. *сэн-року*, кит. *чжуйань-лү* – писать, описывать; составлять записи; записывать. – БКРС. Т. IV. С. 643.

³ 「廿八年、春、二月 甲午朔、甲辰。上宮廐戸豊聰耳皇太子命・大臣蘇我馬子宿禰、奉敕撰録先代舊事・天皇紀及國記、臣・連・伴造・國造・[百]八十部 [并] 公民等、本紀也。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 399; Сэндай кудзи-хонки, св. 9-й // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji09.htm> (дата обращения: 28.05.2020); ср.: 「二十八年春二月甲午朔甲辰の日、上宮廐戸豊聰耳皇太子命、大臣蘇我馬子宿禰は詔を受けたまわって、代々の古事である、天皇紀および国記、臣・連・伴造・国造など、そのほか多くの部民公民らの本紀を記録しました。」 – Кудзи-хонки, св. 9-й // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁴ 「(四十九) 二十八年(庚辰)... 即命大臣、令録國記并氏氏等本記。」 – Сётоку-тайси дэнряку (дэнрэки) 聖徳太子傳曆 // Сётоку-тайси го-дэн сōсэ 聖徳太子御伝叢書. – Токио 東京: Канао буньэндō 金尾文淵堂, 1942. – С. 35, 36; Сётоку-тайси дэнряку, св. 2-й 聖徳太子傳曆 下巻 // URL: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/denryaku/gen02.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

гам (яп. *коги*), наследный принц [Умаядо], будучи человеком образованным (яп. *дзю*)¹, комментировал (яп. *сяку*)² и объяснял (яп. *току*)³ [древние тексты], затем записывал. [Однако в то время как] составление–компилирование (яп. *сյосэн*)⁴ [свода древних материалов ещё] не было доведено до конца (яп. *ми-кё*)⁵, наследный принц [Умаядо] изволил скончаться. Дело составления записей (яп. *сэн-року-но кото*)⁶ прервалось (яп. *ямэта*)⁷, и не [нашлось никого, кто бы] продолжил (яп. *фу дзоку / цудзукэрарэмасэн дэсита*) [его дело]»⁸ [Кудзи-хонки, Предисловие]. Из «Нихон-сёки» известно, что принц Умаядо умер в 5-й день 2-й луны 621 года⁹ (однако, по данным эпиграфики, принц умер в 622 году¹⁰, о чём свидетельствует дата в **надписи**, выгравированной на обратной стороне *мандала* скульптуры Будды Шакьямуни в скульптурной группе Триады из Золотого павильона храма Хорю-дзи¹¹). Это значит, что он продолжал работать над составлением ис-

¹ 儒 яп. *дзю* – в соч... [конфуцианский] учёный. – *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск.яз., 1977. С. 86 (далее: ЯРУСИ); 儒 кит. *жу* – *суц.* 1) учёный–философ; учёный–конфуцианец... 3) всесторонний учёный; образованный человек... – БКРС. Т. III. С. 229.

² 釋 яп. *сяку*, кит. *шй* – ...6) разъяснять (что-л. непонятное); истолковывать, комментировать... – БКРС. Т. II. С. 857.

³ 說 яп. *току* – 1) объяснять... (ЯРУСИ. С. 549); 說 кит. *шб* – *гл.*... Б... 2) объяснять, объяснять; толковать... (БКРС. Т. IV. С. 446).

⁴ 修撰 яп. *сյосэн*, кит. *сйю-чжуань* – 1) сочинять, составлять, компилировать... – БКРС. Т. III. С. 381.

⁵ 未竟 яп. *ми-кё*, кит. *вэй-цзин* – незавершённый, не доведённый до конца. – БКРС. Т. III. С. 752.

⁶ 「撰録之事」 яп. *сэн-року-но кото*; где 撰録 яп. *сэн-року*, кит. *чжуань-лү* – ... составлять записи... – БКРС. Т. IV. С. 643.

⁷ 輟 яп. *ямэру*, кит. *чд* – *гл.* прекращать, переставать, приостанавливать; прерывать... – БКРС. Т. III. С. 973.

⁸ 「因循^レ古記、太子為^レ儒、釋說、次録。而修撰未竟、太子薨矣。撰録之事輟而不續。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 171; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendakuji/sendakuji00.htm> (дата обращения: 28.05.2020); ср.: 「謹んで詔によって古い書に従って、太子が教え人となって解釈と説明をし、記録して撰修することがいまだ終わらないうちに、太子がお亡くなりになりました。撰録は中断し、続けられませんでした。」 – Кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁹ Нихон-сёки: *Анналы Японии*. Т. II. С. 108.

¹⁰ См.: *Bowring R.J.* The religious traditions of Japan. P. 12.

¹¹ Хорю-дзи-но кондō-но Сяка-сан-дзон-дзō-но кōхаймэй 法隆寺 金堂 釈迦三尊像 光背銘 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/houryuuji_shakasanzon/fr.htm (да-

торических трудов на протяжении всего 620 и до начала 621 года (или 622 г.).

«Хонки» получили также название «Сэндай кудзи-хонки» (или кратко «Кудзи-хонки», «Кюдзи-хонки», «Кюдзики», «Кудзики»).¹ «В результате этого (яп. *корэ-ни ёттэ*), и [то, что было прежде] выбрано (яп. *эрабисадамэтэ*)² – [это] “Родословная богов и государей” (“Дзинкō-кэйдзу”) [в] одном свитке, “Записи о стране (владениях) прежних веков” (“Сэндай ко кёки”), “Основные записи о богах и государях” (“Дзинкō-хонки”), “Основные записи (*хонки*) [об] *оми, мурадзи, томо-но мияцёко, куни-но мияцёко*” [в] десяти свитках. [Труд] получили название, [начав] именоваться “Сэндай кудзи-хонки»³ [Кудзи-хонки, Предисловие].

Целями составления хроник, как считают исследователи, были: 1) фиксация некоторых документов; 2) создание авторитетных хроник, отражающих вековую борьбу императорского дома за объединение государства для того, чтобы сплотить подданных вокруг правящего дома.⁴ Содержание вышеуказанных исторических сочинений точно неизвестно.⁵ Учёные лишь предполагают, что принц Умаядо соединил все бытующие в японских провинциях версии мифов и историй⁶ и составил историю древнеяпонского государства, государева рода и всех

та обращения: 28.05.2020); Сирон 試論 // URL: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/NENGO02.htm> (дата обращения: 28.05.2020); ср.: *Bowring R.J.* The religious traditions of Japan. P. 23, 25.

¹ 先代舊事本記 *Сэндай кудзи-хонки*; 舊事本記 *Кюдзи / Кудзи-хонки*; 舊事記 *Кудзики / Кюдзики*. – *Van Name*. Op. cit. P. 221; *Nihongi*. Part II. P. 148, note 2; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 42; Древние фудоки. – М.: Наука, 1969. – С. 158; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. – М.: Наука, 1980. С. 224; *Воробьев М.В., Соколова Г.А.* Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. С. 17; *Мецзяков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. С. 170, прим. 11; Кудзи-хонки 舊事本記 // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

² 選定 яп. *сэнтэй / эрабисадамэру*, кит. *сюаньдин* – избирать, выбирать, отбирать; назначать по выбору; выбор; отобранный; избранный. – БКРС. Т. IV. С. 167.

³ 「因斯且所撰定」神皇系圖一卷、先代國記、神皇本紀、臣連伴造國造本紀十卷。號曰「先代舊事本紀。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1907. С. 171; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji00.htm> (дата обращения: 28.05.2020); ср.: 「これによつて、かつて選ひ定めた神皇系図一卷、先代國記、神皇本紀、臣・連・伴造・國造本紀十卷を名づけて先代旧事本紀といひます。」 – Кудзи-хонки 舊事本記, Предисловие // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁴ *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 214.

⁵ *Кита С.* Кокуси-но фукуму сидзоку-си-тэки сэйкаку. С. 11.

⁶ *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 214.

кланов периода Асўка.¹ Исида Итирō полагает, что основой для составления «Кокўки» («Кокки») послужили «Кудзи», и был дан обзор наименований владений (*куни*).² Поэтому «Кокўки» содержали «Рестр наместников владений (яп. *куни-но мияцўко*)» («Куни-но мияцўко хонки»).³ В связи с этим следует обратить внимание на такой факт. В конце комментария к родословной «Амабэ-удзи кантō кэйдзу» цитируется некий анонимный источник, который сообщает: «Одна книга (*хон*) говорит: Предисловие к основным записям (*хонки*) рассказывает, [что] “Танива-но куни-но мияцўко-но Амабэ-но атаи-ра-но удзи-но хонки” – [это то, что] первоначально называлось “Танива-но куни-но мияцўко хонки” (“Основные записи об управителях области Танива”). В царствование государыни Тоёмикэ-касикия-химэ-но *сумэра-микото* [Суйкō, 592-628], управитель области [Танива] ([Танива-но] *куни-но мияцўко*) [в ранге] Амабэ-но *атаи* [по имени] Тора-но *сукунэ* и другие составили [“Основные записи об управителях области Танива”]...»⁴ [“Кантō-кэйдзу”-тōки, нукигаки, хонки].

Исида Итирō предположил, что основой для написания «Тэннōки» послужили сведения «Тэйки», дополненные другими источниками и материалами.⁵ В «Тэннōки», по-видимому, была генеалогия правителей. Н.И. Конрад указывал: «Судя по названию, это сочинение должно было положить начало той концепции предшествующего исторического развития Японии, которая с такой полнотой и ясностью запечатлена в “Кодзики” и “Нихонги”: концепции верховного положения царского рода среди всех родов, основанного на его происхождении от богини Амаэрасу, и развития всего исторического процесса как деяния этих царей. Иначе говоря, составление этой истории, по-видимому, было одним из звеньев всесторонней идейно-политической подготовки нового строя, характерное тем, что целям этой подготовки стал служить и родной синтоизм».⁶

---

¹ *Исида Итирō*. Синва то рэйдзи. С. 33.

² *Исида Итирō*. Указ. соч. С. 33; см.: Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М. История Японии. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 43.

³ Нихон-но кэнгоку. С. 57; См.: Древние фудоки. С. 158.

⁴ 『一本云、本記序曰、丹波國造海部直等氏之本記者、元號曰丹波國造本記、豐御食炊屋姫天皇御宇、國造海部直止羅宿禰等所撰也。』 – “Кантō-кэйдзу”-тōки, нукигаки 『勘注系図』 注記、抜書き // Синтō-тайкэй-хэнсан-кай, хэнсō-хакко, синтō-тайкэй, котэн-хэн, 13 神道大系編纂会、編集発行 神道大系 古典編 十三 // URL: <http://www.max.hi-ho.ne.jp/m-kat/kanntyuukeizu/26-okugaki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵ *Исида Итирō*. Синва то рэйдзи. С. 33; см.: Кузнецов Ю.Д. и др. История Японии. С. 43.

⁶ *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1936 / 1937 уч. год). – М.: Московский

В «Кудзи-хонки» говорится: «Так называемыми (яп. *иваюру*) “Сэндай кудзи-хонки” именуют, [как], может быть (яп. *кэдаси*), слышали – [описание событий от] начала мироздания (яп. *кайбьяку*)¹ [т.е. разделения Небес и Земли и] до нынешнего поколения...»² [Кудзи-хонки, Предисловие]. «Хонки», как явствует из текста «Нихон-сёки», содержали сведения о высшей знати (*оми, мурадзи, томо-но мияцүко, куни-но мияцүко*), о множестве (“180”) корпораций (*бэ*) и подданных государя (яп. *кōмин*)³ [Нихон-сёки, св. 22, Суйкō, 28-й год; Nihongi, XXII, 32].

Из «Кудзи-хонки» известно, что работы над историей Ямато официально были завершены в начале 622 года. «“Основные записи (яп. *хонки*) [о] всех государях и принцах, множестве (досл. “180”) *бэ*, государевом народе (яп. *кōмин*)” вдобавок к этому (яп. *сарани*), ожидая (яп. *маттэ*) более позднего государева указа, должны были быть составлены записи (кит. *сэн-сита*). В [это] время был 30-й год [правления государыни Суйкō], в порядке [60-летнего цикла Юпитера] *мидзуноэ-ума* (19-й год цикла) [622 г.], весна, 2-я луна, 1-й день (день новолуния) *цутиното-но уси* (26-й циклический знак) (в комментарии к тексту написано: “учитывая вечный календарь (*нагарэки*) день новолуния (1-й день) 2-го месяца 30-го года (правления) государыни Суйкō – (это день) *мидзуноэ-но уси* (50-й циклический знак) и т.д. Согласно этому, именно (знак) *цутиното* (следует) считать за (знак) *мидзуноэ*”⁴ – С.Д.). Целиком (яп. *субэтэ*) тогда (яп. *кэцу*)⁵ составили (яп. *сю-*

институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. Ч. 35 // URL: http://katsurini.narod.ru/New_Diz/pra_rodovoi_stroy.html (дата обращения: 28.05.2020); Конрад Н.И. Лекции по истории Японии (1936/1937 уч. год). – М.: Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. Ч. 35 // URL: http://russia-japan.nm.ru/konrad_rekishi_35.htm (дата обращения: 28.05.2020).

¹ 開關 яп. *кайбьяку*, кит. *кэйтэй* – ...4) начало мироздания, заря истории; начало эры. – БКРС. Т. III. С. 138.

² 「所謂^レ先代舊事本紀者、蓋聞^レ開關以降、當代以往者也。」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 171-172; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji00.htm> (дата обращения: 28.05.2020); ср.: 「いわゆる先代旧事本紀は天地が開けたときから、今の世より以前をいいます。」 – Кудзи-хонки, Предисловие // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

³ Нихон-но кэнгоку. С. 57; *Kūma C.* Кокуси-но фукуму сидзоку-си-тэки сэйкаку. С. 11.

⁴ 「【按長曆、推古天皇、三十年、二月、癸丑朔云云、據^レ此則己當作^レ癸。】」 – Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 172, прим.; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: Op. cit.

⁵ 厥 яп. *кэцу*, кит. *цзюэ* – ... 6) перед сказуемым тогда, и тогда... – БКРС. Т. III. С. 603.

сэн-сита) [сочинение на эту] тему (яп. *даймоку*)¹, ясные (яп. *кэн*)² записи – такие как [указано] ниже: “Генеалогия богов и государей” (“Дзинкō-кэйдзу”) в одном свитке (комментарий сообщает, что “Дзинкō-кэйдзу” – ныне утрачена”³ – С.Д.) [и] “Основные записи [о] древних делах прошлых поколений” (“Сэндай кудзи-хонки”) в десяти свитках...»⁴ [Кудзи-хонки, Предисловие]. Относительно “Генеалогии богов и государей” (“Дзинкō-кэйдзу”) (как это передавалось в сказаниях рода Ватараи-удзи в Исэ) известно, что это была надпись на оборотной стороне документа (яп. *окугаки*)⁵, составленная принцем Умаядо (Сётоку-тайси), в котором были силён буддийский дух. В документах периода Хэйан никаких цитат этого труда нет. Предполагают, что фраза о “Дзинкō-кэйдзу” была добавлена в текст позднее – в период Камакура.⁶

По мнению Нака Митиё исторические сочинения 620 года оказались под влиянием китайской циклической теории гадательных книг (кит. *чэнь-вэй-шō*, яп. *син-и-сэцу*).⁷ Согласно этой теории значительные изменения происходят в год *синь-ю* (58-й год цикла, яп. *каното-тори*), так как это был год *гэ-мин* (яп. *каку-мэй*) – год политического переворота, когда происходила смена правящих династий, их низложения, когда они лишались «мандата неба» на уп-

¹ 題目 яп. *даймоку*, кит. *тí' мǔ* – 1) ... тема, сюжет... – БКРС. Т. III. С. 951.

² 顯 яп. *кэн*, кит. *с'янь* – прил. 1) ясный, чёткий, очевидный, верный; явный... – БКРС. Т. IV. С. 753.

³ 【神皇系圖、今亡。】– Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 172, прим.

⁴ 「其諸皇王子・百八十部・公民本紀者、更待^レ後勅可^レ撰錄。于時卅年、歲次壬午、春、二月朔己丑是也。凡厥修撰^レ題目、顯錄如^レ左[下]: 神皇系圖一卷、先代舊事本紀十卷...」– Сэндай кудзи-хонки, 1901. Т. 7. С. 172; Сэндай кудзи-хонки, Предисловие // URL: Op. cit.; ср.: 「諸皇王子・百八十部・公民本紀は更に後の詔を待つて撰び記録すべきです。ときに、三十年次で壬午の春二月の朔己丑の日のことです。すべてその題目を撰修し記録することは上のとおりです。(下のとおりです) 神皇系図一卷・先代旧事本紀十卷...」– Кудзи-хонки, Предисловие // URL: Op. cit.

⁵ 奥書 яп. *окугаки* – надпись на оборотной стороне документа. – ЯРУСИ. С. 168.

⁶ “Сэндай кудзи-хонки” то ва? 先代旧事本紀とは // URL: <http://www.h4.dion.ne.jp/~mnyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁷ 識緯説 кит. *чэнь-вэй-шō*, яп. *син-и-сэцу*. – см.: Синва дэнсэцу дзитэн 神話伝説辞典. – Токио 東京: Тōкѳ дōсюппан 東京堂出版, 1975. – С. 252; *Сано Ямато*. Нихон-но акэбоно. С. 150; Нихон-но кэнгоку. С. 44, 45, 58.

равление империей.¹ А “великие перемены” по этой традиции случаются один раз за период *бо* (один раз за 1260 лет – по прошествии 21-го 60-летнего цикла²).³ Нака Митиё предположил, что данная теория была использована в источниках для определения абсолютной даты 1-го года правления *Каму-ямато-иварэ-бико* (государя Дзимму).⁴ Автором вычисления этой даты Нака Митиё (а вслед за ним – и другие исследователи) посчитал принца *Умаядо* (известного под посмертным именем *Сётоку-тайси*)⁵, т. к. именно в его регентство принц *Умаядо* и Сога-но Умако в 620 году составили хроники (в том числе и “Тэннō-ки” – “Записки о правителях”, которые, по всей видимости, должны были начинаться с царствования *Каму-ямато-иварэ-бико* / Дзимму).

¹ *Нака Митиё* 那珂 通世. Дзёсэй нэнги кō 上世年紀考 // Гайкō эки-си 外交釋史, ч. 1-я 卷之一 // *Нака Митиё* 那珂通世遺書 / Сост. Ко Нака-хакасэ кōсэки кинэн-кай 故那珂博士功績紀念會 編. – Токио 東京: Дай-нихон тосё 大日本図書, 1915. – С. 25. См. подробнее: *Суровень Д.А.* К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // *Genesis: исторические исследования.* – 2015. – № 3. – С. 136-220; БКРС. Т. II. С. 904; см.: *Сано Ямато.* Нихон-но акэбоно. С. 150, 159, 160, 162; Синва дэнсэцу дзитэн. С. 252; Нихон-но кэнгоку. С. 60; *Накамура Юкио* 中村幸雄. “Син-ю какумэй сэцу” си-сэцу 「辛酉革命説」私説 // *Накамура Юкио* рон-сё 中村幸雄 論集. – Хигаси-ōсака 東大阪, 2004. – С. 58.

² Какумэй каммон 革命勘文 // Гунсёруйдзю 群書類従. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1893-1894. – Сб. 17-й 第拾七輯. – С. 906-907; Какумэй каммон 革命勘文 // Гунсёруйдзю 群書類従. – Токио: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1902. – Сб. 16-й. – С. 874-875; Какумэй каммон 革命勘文 // Синкō гунсёруйдзю 新校 群書類従. – Токио: Найгай сёсэки 内外書籍, 1937. – Т. 20. – С. 281; Какумэй каммон 革命勘文 // URL: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/kanbun/kanmon/kakumei.htm> (дата обращения: 28.05.2020); *Нака Митиё.* Дзёсэй нэнги кō. С. 24-25; *Сано Ямато.* Нихон-но акэбоно. С. 150, 160, 161; *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōбё-си-дзё-эри митару нихон дзё-ко-си кэнкю 東洋史上より見たる日本上古史研究. – Токио 東京: Тōбёунко 東洋文庫, 1956. – С. 612; *Меццержаков А.Н.* Предисловие (к 3-му свитку «Кодзики») // *Кодзики: Записи о деяниях древности.* – СПб.: Шар, 1994. – Т. II. – С. 166.

³ 節 яп. *бō / хō*, кит. *бū*; один *бо* складывался из трёх периодов по семь *юаней* 元 (циклов в 60 лет), т. е. из трёх периодов по 420 лет. – *Сано Ямато.* Нихон-но акэбоно. С. 150, 160; Нихон-но кэнгоку. С. 58, 44; *Накамура Юкио.* “Син-ю какумэй сэцу” си-сэцу. С. 58; см.: БКРС. Т. II. С. 777.

⁴ *Нака Митиё.* Дзёсэй нэнги кō. С. 24-25; *Хасимото М.* Указ. соч., 1956. С. 612; *Кодзики* 古事記 (из серии “Нихон котэн дзэнсё” 日本古典全集). – Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. – Т. II. – С. 9-10; *Накамура Юкио.* “Син-ю какумэй сэцу” си-сэцу. С. 58.

⁵ *Сано Ямато.* Нихон-но акэбоно. С. 161; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 94; *Накамура Юкио.* “Син-ю какумэй сэцу” си-сэцу. С. 58.

Когда в 604 году в Ямато появился китайский лунно-солнечный календарь, связанный с циклической теорией *син-и-сэцу*, то 601 год (ближайший год *синь-ю̄*, 58-й год цикла – год *гэ-мин* / яп. *каку-мэй*; 9-й год правления императрицы *Тоё-микэ-касики-я-химэ* / Суйкō) стали рассматривать как начало второго цикла *бō* (в 1260 лет), а отсчёт вглубь времён от 601 года и дал дату основания династии (660 г. до н.э.).¹ Вслед за введением при Суйкō нового календаря, стала возможной хронологическая фиксация событий (по абсолютной шкале [от начала первого цикла *бō*] – *С.Д.*) и ретроспективное установление хронологических дат, т.е. приурочение ранее царствовавших правителей к определённом времени. Такое исчисление было произведено на основании целого ряда свидетельств древней исторической литературы, так что, в конце концов, составила как бы “точная” хронология всех событий в жизни Японии, восходящая к самому Дзимму. Эта хронология вплотную слилась с традицией и составила с нею неразрывное целое.² Как предполагают исследователи, при *Умаядо* определение даты первого года правления *Каму-ямато-иварэ-бико* должно было быть проведено по календарю *гэн-ка-рэки* (кит. *Юань-цзя-ли*, 443-445 г.), но в «Нихон-сёки» год начала эры правления *Каму-ямато-иварэ-бико*, видимо, записан на основании календаря *ги-хорэки* (кит. *И-фэн-ли*, 676-679).³ По мнению учёных, столь сильное удревнение событий правления *Каму-ямато-иварэ-бико* понадобилось правителям Ямато для более солидного обоснования своего права на власть: ведь в те времена значимость каждого рода была тем выше, чем древнее было его происхождение.⁴ Видимо, с точки зрения принца *Умаядо*, столь значительное событие как установление новой династии в Ямато не могло произойти в “простой” год *синь-ю̄* (58-й год цикла, год *гэ-мин* – год смены династий). Такое могло случиться лишь в начале “великого цикла” *бō*, когда происходили самые великие перемены (т.е. за 1260 лет до времени регентства принца *Умаядо*). Исследователи считают, что циклические обозначения “годов кончины”

---

¹ *Нака Митиё*. Дзёсэй нэнги кō. С. 25; *Хасимото М.* Указ. соч., 1956. С. 612; *Сано Ямато*. Нихон-но акэбоно. С. 150, 161, 160; Кодзики, 1968. Т. II. С. 9-10; Синва дэн-сэцу дзитэн. С. 252; Нихон-но кэнгоку. С. 58, 44-45; *Накамура Юкио*. “Син-ю̄ како-мэй сэцу” си-сэцу. С. 58.

² *Конрад Н.И.* Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии. – М.: Евролинц–Русская панорама, 2004. – С. 192.

³ *Сано Ямато*. Нихон-но акэбоно. С. 97.

⁴ *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации: история, религия, культура. – М.: Искусство, 1994. – С. 42.

(яп. *хōнэн-канси*)¹ Нинтоку, Ритō и Юряку, а также годы продолжительности жизни (яп. *го-нэн / ми-тоси*)² Нинтоку, Хансё, Ингё, Анкō и Юряку взяты из «Кудзики».³

О дальнейшей судьбе «Кудзи-хонки» известно, что это сочинение *частично* погребло при пожаре в 645 году, когда сгорел дворец Сога-но Эмиси в ходе событий переворота *Тайка*.⁴ Следует отметить, что во время внутренних беспорядков в Японии были уничтожены какие-то древние труды. В том числе, в ходе государственного переворота 645 года многие хроники и документы были сожжены.⁵ По сообщению «Нихон-сёки», придворный летописец Фунэ-но *фубито* спас небольшую часть «Кудзи-хонки» – «Кокёки» («Куни-но мияцёко хонки» – «Реестр наместников владений»)⁶ В «Нихон-сёки» сказано: 6-я луна, «13 день. *Оми* Сога-но Эмиси и другие [его люди], когда их должны были казнить (досл.: “перед смертной казнью”), полностью сожгли “Тэннōки” [и] “Кокёки”, [а так же] ценности и сокровища. Фунэ-но *фубито* Эсака сейчас же (немедленно) быстро схватил охваченную пламенем (обгорелую) [летопись] “Кокёки” и [затем] преподнес [её принцу] Нака-но Оэ»⁷ [Нихон-сёки, св. 24, Кōгёку, 4-й год, 6-я луна, 13-й день; Nihongi, XXIV, 25]. Об этом же говорится в Преди-

---

¹ 崩年干支 яп. *хōнэн-канси* – циклические знаки годов кончины.

² 御年 яп. *го-нэн / ми-тоси* – годы правления государей.

³ Кодзики, 1968. Т. II. С. 275, прим. 75.

⁴ См.: Нихон-но кэнгоку. С. 55; *Van Name A. Sources de l'histoire ancienne du Japon*. P. 221; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 5; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 214; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 43.

⁵ *Kanzaki Ivan Hisao.* San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. – Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 2002. P. 2. См.: *Cambridge history of Japan: Ancient Japan.* – Cambridge–New York: Cambridge University Press, 1993. Vol. I. P. 458.

⁶ *Young J.* Op. cit. P. 43; Древние фудоки. С. 158; *Мещеряков А.Н.* «Нихон-сёки»: историческая мысль и культурный контекст. С. 92; *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1936/ 1937 уч. год). – М.: Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. Ч. 35 // URL: http://katsurini.narod.ru/New_Diz/pr_a_rodovoi_stroy.html (дата обращения: 28.05.2020); *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1936 / 1937 уч. год). – М.: Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. Ч. 35 // URL: http://russia-japan.nm.ru/konrad_rekishi_35.htm (дата обращения: 28.05.2020).

⁷ 「己酉。蘇我臣蝦蟇等臨^レ誅。悉燒天皇記、國記、珍寶。船史惠尺即疾取燒、國記而奉獻^レ中兄。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 210; Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 139-140; см.: Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 462-463.

словии к «Синсэн-сѣдзи-року»: «Когда Кōгёку обладала [императорскими] регалиями (досл. “зеркалом” – С.Д.), провинциальные записи (“Кокёки” – С.Д.) были все сожжены... Затем, когда государь Тэнти был наследником престола (т.е. принцем Нака-но Оэ – С.Д.), Эсаки, архивариус из семьи Фуна (Фунэ-но *фубито* Эсака¹ – С.Д.), представил двору обожжённые остатки тех записей».² «[В то время как] Кōгёку получила священное зеркало (т.е. получила “священные регалии” и стала государыней³ – прим. переводчика), все государственные записи (“Кокёки” – С.Д.) полностью сгорели... Когда государь Тэнти был ещё наследником престола, Фунэ-но *фубито* Эсака преподнёс ему обгорелые останки [государственных] записей...»⁴ [Синсэн-сѣдзи-року, Предисловие, Кōгёку]. То есть, **что-то из летописей VII века удалось спасти**. Исследователи отмечают, что оригинал спасённого сочинения «Сэндай кудзи-хонки» («Основных записей о древних деяниях», 620 г.) не сохранился; существующие копии датированы 1643 и 1644 годами.⁵

Китамура Масаки отмечает, что уже в первой половине VII века, как он думает, были составлены «Дзёгёки» (др.-яп. *Ками-ту мия-но фуми* – **«Записи из Верхнего дворца»**)⁶; под “Верхним дворцом” подразумевались покои принца Умаядо). «Дзёгёки» касаются родословной и некоторых событий деятельности принца Умаядо. По мнению Китамура Масаки, это сочинение является результатом трудов принца – частично дошедшим до нас текстом, созданным при дворе

¹ 船史惠尺 日. *Фуна-но фубито Эсака*. – *Hong Wontack*. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. – Seoul: Kudara International, 1994. – P. 70.

² Цит. по: *Hong Wontack*. Op. cit. P. 70.

³ Синто: путь японских богов. Т. II. С. 462, прим. 22.

⁴ Синсэн сѣдзироку (Вновь составленные списки родов), 815 г. // Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 179; 「皇極 握^レ鏡、國記 皆燔。<...> 天智天皇 儲宵也。船史惠尺 奉進^レ燼書。」 – Синсэн-сѣдзи-року 新撰姓氏録 // Гунсё руйдзё 群書類従. Вып. 16-й 第十六輯. – Токио 東京: Кэйдай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1902. – С. 129.

⁵ Древние фудоки. С. 228-229.

⁶ 『上宮記』 日. *Дзёгёки / Камиумия-но фуми* – досл. «Записи [из] Верхнего дворца». – Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсё” 日本古典文学全集). – Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. – С. 371, прим. 10; *Китамура Масаки* 北村 優季. Ки-ки-ни мизури ниixon-кодай-но мия-гō 記紀にみえる日本古代の宮号 // Ямагата-дайгаку рэйси, тири, дзинруйгаку ронсё 山形大学歴史・地理・人類学論集. – 2003. – № 4. – С. 10.

государыни Суйкō.¹ В «Сѣтоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун» («Предания рода Тайра о принце Сѣтоку [с] разными пояснительными текстами»²; сочинении от 3-го года Сѣва [1314 г.], составленном монахом храма Татибана-дэра по имени Хō Кū, содержащим цитаты из «Дзѣгūки»³) сказано: «Всего в “Дзѣгūки” три свитка – это августейшая работа принца [Сѣтоку]-тайси. Тем более могли (яп. *юка*, кит. *юкэ*) тайно хранить её. В хранилище сутр павильона Хабѣ-дō-ин буддийского храма Нинна-дзи есть эта [работа], [где] подробно излагается (яп. *кампаку*, кит. *гуань-бō*), [как] августейшая книга [принца Сѣтоку] (яп. *ми-хонсѣ*) была закончена (и т.д.). Однако примечания [были] последующими людьми составлены (и т.д.)... [Книга], возможно, тайно хранилась. [То, что касается] “Нихон-[сѣ]ки”, [то там упоминания об] этом деянии [принца Сѣтоку-тайси] (издавна) совершенно (яп. *иккō*, кит. *йсян*) нет (и т.д.)».⁴ В этом случае «Дзѣгūки» должны были быть составлены не позднее 621 года (т.е. до смерти принца Умаядо). Другие исследователи полагают, что данный источник окончательно сложился уже вскоре после смерти принца в 621 году.⁵ Исходя из этого, можно предположить, что «Дзѣгūки» были завершены в промежутке между 622 и 628 годами (после смерти принца Умаядо и до смерти государыни Суйкō).

Однако «Записи из Верхнего дворца» сохранились только в нескольких цитатах, самый большой из которых содержится в «Сяку-

¹ *Китамура Масаки*. Ки-ки-ни мизэру нихон-кодай-но мия-гō. С. 10.

² 「聖徳太子平氏伝雑勘文」《Сѣтоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзацū-камбун》(《Предания рода Тайра о принце Сѣтоку [с] разными пояснительными текстами》. – Дзѣгūки, св. 3-й (ицубун): часть 2-я (《Сѣтоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун》, ч. 3-я из 3-х, Камицумия-но тайси-но ми-сйсон нами кйсаки-домо дзисѣ сѣин 逸文 (2) 聖徳太子平氏伝雑勘文、下ノ三、上宮太子御子孫竝后等事条 所引 // URL: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/gen02.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

³ Кодай-си дацусай, рэтгō-хэн мэно 古代史癡祭 列島編 メニュー // URL: <http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/index.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁴ 「凡『上宮記』三卷者、太子御作也。尤可^レ秘藏^レ之。仁和寺、派平等院、經藏有^レ之、以開白^レ御本書了(云云)。但注、後人撰(云云)。…可秘藏。日本記者、此事一向無^レ之(云云)。」 – Цит. по: Дзѣгūки, св. 2-й (ицубун): часть 2-я (《Сѣтоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун》, ч. 1-я из 3-х, Камицумия-но тайси-но ми-сйсон нами кйсаки-домо дзисѣ сѣин 逸文 (2) 聖徳太子平氏伝雑勘文、上ノ三、上宮太子御子孫竝后等事条 所引 // URL: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/gen02.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵ Japan: Culture and History // URL: <http://www.w3.org/TR/xhtml1/DTD/xhtml1-transitional.dtd> (дата обращения: 28.05.2020).

нихонги» («Нихон-[сё]ки с комментарием»¹, составлены ок. 1286 г.).² К сожалению, этот фрагмент («Сяку-нихонги», св. 13-й, Дзюцуги, 9, раздел 17-й, Воподо-но *сумэра-микото*, цитата «“Дзэгүки” сообщает: одно [толкование] говорит...»)³ не говорит ничего о самом принце, а касается только родословной государя Кэйтая (др.-яп. Воподо – “тёмной лошадки” в линии правителей Ямато).⁴ О происхождении Воподо сообщается следующее: он (или его отец – принц Пико-нуси-пито / Пико-уси)⁵ потомок в пятом поколении «правителя *Хомуда*»⁶ (Ќдзина).⁷ В отрывке «Дзэгүки», цитируемом в «Сяку-нихонги», даётся генеалогия этих пяти поколений: от Помуда-вакэ-но *кими* (Ќдзина) – его сын от дочери Окинага-ту пико по имени Ото-пимэ Мавака (6-й жены Ќдзина – Окинага-мавака-нака-ту-пимэ)⁸ по имени (1) Вакану-кэ-путамата-но *мико* – далее его сын от младшей сестры его матери Момосики-мавака-нака-ту пимэ (Момосики-иробэ)⁹ по имени (2) Опо-иратуко (ещё одно имя Опоподо-но *мико*) [и ещё трёх детей] – его сын от Нака-сива-но *микото* по имени (3) Вопи-но *мико* – его сын от Куру-пимэ по имени (4) Уси-но *мико* – его сын от Фури-химэ (др.-яп. Пури-пимэ)¹⁰ по имени (5) Воподо-но *опо-кими-но кими* (досл. “пра-

¹ См.: Сяку-нихонги 釋日本紀 // Кокуси-тайкэй 国史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. – Т. 7. – С. 509-934.

² *Китamura Масаки*. Ки-ки-ни миэру нихон кодай-но мия-гё. С. 10; Japan: Culture and History // URL: <http://www.w3.org/TR/xhtml1/DTD/xhtml1-transitional.dtd> (дата обращения: 28.05.2020).

³ 『釋日本紀』卷十三 述義九 第十七 男大迹天皇に引く「上宮記 曰: 一云...」 – Сяку-нихонги 釋日本紀 // Кокуси-тайкэй 国史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. – Т. 7. С. 681; Дзэгүки ицубун 上宮記逸文 // Кана-гэн-рю-кё 假名源流孝. – Токио 東京: Кокугэй кёкасё кёдё ханбайдзё 國定教科書共同販売所, 1911. – Т. I. – С. 65; “Дзэгүки” тёгисйки 上宮記 豆知識 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyoguuki/jouguuki_omke.htm (дата обращения: 28.05.2020).

⁴ Japan: Culture and History // URL: <http://www.w3.org/TR/xhtml1/DTD/xhtml1-transitional.dtd> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵ Фразу «Нихон-сёки» можно прочесть так, как это сделал В. Астон: «Государь Воподо (также зовут Хико-фуго-но *микото*) был сыном принца Хико-нуси-бито, потомка в пятом поколении государя Хомуда» – Nihongi. Part II. P. 1. 「男大迹天皇。(更名彦太尊)。譽田天皇 五世孫、彦主人王之子也。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 11.

⁶ 「男大迹天皇。譽田天皇 五世孫、彦主人王子也。」 – Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 681.

⁷ Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 209; Кодзики, 2001. С. 370; Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 7; *Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. – Токио 東京: Иванами сёгэн 岩波書店, 1983. – С. 427.

⁸ См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 87; Кодзики, 2001. С. 258.

⁹ См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 99; Кодзики, 2001. С. 282.

¹⁰ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 7; Нихон-сёки, 1957. С. 11.

витель великих князей Воподо»¹ – государь Кэйтай).²

Кроме того, далее рассказывается о родословной матери государя Воподо – Фури-химэ (др.-яп. Пури-пимэ), которая была потомком в 7-м поколении государя Икумэ (Суйнина). «Вступив в брак (по сведениям “Кодзики” – с Ото-кари-пата-тобэ, дочерью Пути из местности Опокуни в области Ямасиро³; в “Нихон-сёки” она названа именем Канипата-тобэ⁴ – С.Д.), великий правитель Икуму-нири-пико-но *опо-кими* (Икумэ-ири-пико-но *опо-кими*) (т.е. государь Суйнин – С.Д.) родил [1] дитя [сына] Ипа-туку-вакэ⁵ (по сведениям “Кодзики” и “Нихон-сёки”, он – предок кланов Миво-но *кими* и Хакухи-но *кими*⁶ – С.Д.). [Его] сын – [2] Ипа-ти-вакэ. [Его] сын – [3] Ипа-кори-вакэ. [Его] сын – [4] Мавакакэ. [Его] сын – [5] Ака-пати-но *кими*. [Его] сын – [6] Во-пати-но *кими*. [Он] взял в жёны [женщину]–предка [клана] Ёну-но *оми* по имени Анани-пимэ. [Она] родила сына [7] Тунумуси-но *кими* [и его] младшую сестру Пури-пимэ-но *микото* (совр.-яп. Фури-химэ-но *микото*)»⁷ [Дзёгүки, часть 1-я (цитата из «Сяку-ни-

¹ 乎富等 大 Công 王 яп. Воподо-но *опо-кё-но кими* – досл. “правитель великих князей Воподо”. – Кодзики, 2001. С. 371, прим. 10.

² 「(上宮記曰) 一云: 凡牟都和希王娶^レ經(經)侯那加都比古,女子、名^レ弟比彌[賣]麻和加、生^レ兒 若野毛二侯王、娶^レ母母思已麻和加中比彌[賣]、生^レ兒大郎子 一名^レ意富富等王、妹 踐坂大中比彌王、弟 田宮中比彌、弟布遲波良已等布斯郎女 四人也。此意富富等王 娶^レ中斯和命、生^レ兒 乎非王、娶^レ牟義都國造 名^レ伊自牟良君,女子 名^レ久留比彌[賣]命、生^レ兒 汗斯王」 – Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 681; Дзёгүки ицубун, 1911. Т. I. С. 64; цит. по: Кодзики, 2001. С. 371, прим. 10; Дзёгүки, св. 3-й (ицубун): часть 1-я (цитата из «Сяку-нихонги», св. 13-й, Дзюцуги, 9, раздел 17-й, Воподо-но *сумэра-микото*) 上宮記 (逸文): 逸文(1) 釈日本紀 卷十三 述義九 第十七 男大迹天皇条 所引 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/01_ft.htm (дата обращения: 28.05.2020).

³ См.: Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 60.

⁴ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 230.

⁵ О нём см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 230; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 60, 61.

⁶ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 230; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 61.

⁷ 「娶^レ伊久牟尼利比古大王、生^レ兒 伊波都久和希、兒 伊波智和希、兒 伊波己里和氣、兒 麻和加介、兒 阿加波智君、兒 乎波智君、娶^レ余奴臣 祖 名^レ阿那爾比彌、生^レ兒 都奴牟斯君、妹 布利比彌命 也。」 – Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 681; Дзёгүки ицубун, 1911. Т. I. С. 64; Дзёгүки (ицубун): часть 1-я (цитата из «Сяку-нихонги», св. 13-й, Дзюцуги, 9, раздел 17-й, Воподо-но *сумэра-микото*) 上宮記 (逸文): 逸文(1) 釈

хонги», св. 13-й, Дзюцуги, 9, раздел 17-й, Воподо-но *сумэра-микото*]). Исследователи обратили внимание на то, что стиль генеалогических сведений о матери государя Кэйтая совпадает с изложением родословной в эпиграфической надписи на мече из кургана Инарияма 471 года.¹

После этого дана краткая история брака Уси-но *мико* и Фури-химэ, рождения Воподо, смерти Уси-но *мико* и отъезда Фури-химэ со своим сыном на родину в селение Такамуку-но *мура* области Микуни², которая в основных чертах совпадает с тем, о чём говорится в «Нихон-сёки».³

В «Сяку-нихонги» их составитель Урабэ-но Канэката сделал примечание: «Канэката, обдумывая это, исследуя [вопрос] о предках государя Кэйтая, [пришёл к выводу, что] в иных [источниках] кроме как в “Дзёгүки” нет ничего, что можно [было бы] увидеть. Поэтому приступил к работе с комментариями к этим записям. Вдовствующая императрица (др.-яп. *папа-но кйсаки*, яп. *хаха-но кйсаки / бокō*, кит. *мў-хдү*)⁴, похоже, в “Кодзики”, была младшей сестрой Хйко-нуси-хй-то-но *кими* (др.-яп. Пико-нуси-пито-но *кими*)».⁵ «Дзёгүки» ещё три-

---

日本紀 卷十三 述義九 第十七 男大迹天皇条 所引 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/01_fr.htm (дата обращения: 28.05.2020); цит. по: Судзюки *Масанобу* 鈴木 正信. Нихон кодай сидзоку кэйфу-но бунсёки си-каку 日本古代氏族系譜の分析視角 // Хиконэ ронсё 彦根論叢. – Сига 滋賀: Сига-дайгаку кэйдзай кэйэй кэнкюдзё 滋賀大学経済経営研究所, 2011. 12月. – № 390. – С. 264.

¹ “Дзёгүки” тōтисйки 『上宮記』 豆知識 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/jouguuki_omke.htm (дата обращения: 28.05.2020).

² 「汗斯王坐^レ彌乎國,高嶋宮,時、聞^レ此布利比彌[賣]命甚美女、遣^レ人召上自三國坂井縣而娶^レ所生^レ伊波礼宮治天下乎富等大公王也。父汗斯王崩去而後王母布利比彌命言曰:『我獨持抱王子无親族部之國唯獨難養育比陶斯奉之云。』爾將下去於在祖三國命坐^レ多加牟久之村也。」 – Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 681; Дзёгүки ицубун, 1911. Т. I. С. 65-66; Дзёгүки (ицубун): часть 1-я (цитата из «Сяку-нихонги», св. 13-й, Дзюцуги, 9, раздел 17-й, Воподо-но *сумэра-микото*) // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/01_fr.htm (дата обращения: 28.05.2020).

³ См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 7; Нихон-сёки, 1957. С. 11.

⁴ 母后 др.-яп. *папа-но кйсаки*, яп. *хаха-но кйсаки / бокō*, кит. *мў-хдү* – *уст.* 1) императрица; 2) вдовствующая императрица. – БКРС. Т. III. С. 577.

⁵ 「兼方案之、継躰天皇之祖考、『上宮記』之外更無^レ所見。仍就^レ彼記注之。母后如^レ『古事記』者、彦主人王之妹也。」 – Цит. по: “Дзёгүки” тōтисйки 『上宮記』 豆知識 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/jouguuki_omke.htm (дата обращения: 28.05.2020).

жды упоминается в тексте «Сяку-нихонги» (в 1-м¹, 5-м² и 16-м³ свитках) вместе с «Сэндай кудзи-хонки», «Кодзики», «Ямато-хонки», «Нихонги» и другими “древними книгами” (яп. *ко-сё*) в связи с пояснением различных терминов (включая, например, теоним “Куни-токо-тати-но *микото*”).⁴

В «Сётоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун» («Предания рода Тайра о принце Сётоку [с] разными пояснительными текстами», 1314 г.) сохранился значительный отрывок из 3-го (“нижнего”) свитка «Дзёгүки»⁵, рассказывающий о трёх жёнах принца Умаядо и его детях от них, браках детей и брата Умаядо и о их потомках (общее количество потомков – 30 человек).⁶ Исследователи указывают, что в «Тэндзюоку-мандара-сютё энги кантэнбун» («История происхождения вышитой занавеси [с] *мандала*, [изображающей] Небесную стра-

¹ 釋日本紀、卷第一、開題より:「問: 考讀此書 將以何書備其調度哉。答: 師說^レ 先代舊事本紀、上宮記、古事記、大倭本紀、假名^レ 日本紀等、是也。」– Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 513; цит. по: “Дзёгүки” тōгисйки 『上宮記』豆知識 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/jouguuki_omke.htm (дата обращения: 28.05.2020).

² 「釋日本紀、卷第五、述義一、第一上、國常立尊より:『或書、問: 國常立尊、御名、誰人始稱、又若有^レ 所據爲^レ 號哉。答: 師說^レ 假名^レ 日本紀・上宮記 并諸古書、皆有^レ 此號。但始稱^レ 之人 無^レ 所見。上古之間 無^レ 由據勘。』」– Сяку-нихонги, 1901. Т. 7. С. 575; “Дзёгүки” тōгисйки 『上宮記』豆知識 // URL: Op. cit.

³ 釋日本紀、卷第十六、秘訓一、浮漂より:「又問: 浮漂之義 依^レ 古事記 可讀^レ クラケナスタヨヘル事 也、而 如字被讀如何。答: 師說^レ 如^レ 古事記 可讀然 也。又假名^レ 日本紀・大倭本紀・上宮記等 意 亦 同。而 先師 於 溟滓之處被讀 此訓、至^レ 于 浮漂之處 如字被讀 也。今案 此處者 浮漂文 也。見^レ 古事記等 所作^レ 也。至^レ 溟滓雖 無^レ 古事記等 自^レ 經籍之中 新所撰 出^レ 也。然則 倭語之訓 不必^レ 讀^レ 之。仍今 彼溟滓之處者 ククモリテ (止) 讀^レ 之。此浮漂二字 (於) クラケナスタユタヒテ (止) 可讀。」– “Дзёгүки” тōгисйки 『上宮記』豆知識 // URL: Op. cit.

⁴ “Дзёгүки” тōгисйки 『上宮記』豆知識 // URL: Op. cit.

¹⁰⁵ 「(上宮記 下卷 注云)」– Дзёгүки (ицубун): часть 2-я («Сётоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун», ч. 3-я из 3-х, Камицумия-но тайси-но ми-сйсон нами кйсаки-домо дзисё сёин 上宮記 (逸文): 逸文 (2) 聖徳太子平氏伝雜勘文、下ノ三、上宮太子御子孫並后等事条 所引 // URL: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/gen02.htm> (дата обращения: 28.05.2020).

⁶ Дзёгүки ицубун, 1911. Т. I. С. 69-74; Дзёгүки (ицубун): часть 2-я («Сётоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун», ч. 3-я из 3-х, Камицумия-но тайси-но ми-сйсон нами кйсаки-домо дзисё сёин // URL: Op. cit.

ну дарованного долголетия [и] текст критических точек зрения)»¹ цитируется из “некоей книги” (яп. *ару фуми*)² генеалогия дома принца Камицумия, подобная той, что дана в «Сётоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун». Следовательно, эта “некая книга” и есть «Дзёгүки».³

Исходя из содержания цитат в «Сяку-нихонги» и «Сётоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун», исследователи сделали вывод о том, что «Дзёгүки» существовали полностью в трёх свитках вплоть до периода Камакура, однако точно определить всё содержание этих свитков по причине утраты текста «Дзёгүки» не удаётся.⁴

В 3-й день 9-й луны 624 года «были осмотрены храмы и распрошены монахи с монахинями. Были подробно **записаны** обстоятельства, при которых были построены храмы, монахи и монахини приняли монашество. Также было записано время принятия монашества. В это время было 46 храмов, 816 монахов и 569 монахинь – всего числом 1385».⁵ Исследователи обращают внимание: в настоящее время археологически подтверждено существование в это время около 50 буддийских храмов.⁶

Таким образом, традиция составления храмовых хроник, начатая в 613 году принцем Умаядо с составления «Гангёдзи гаран энги», была продолжена уже после его смерти. В 620-622 годах века принцем Умаядо (Сётоку-тайси) в сотрудничестве с «великим министром» Сога-но Умако были составлены древнеяпонские хроники, в которых была предложена искажённая путём удревнения династии хронология, ставшая основой для существовавшей позднее официальной хронологии, а также изложена история династии Ямато. Традиция составления храмовых хроник была продолжена в 624 году составлением записей об основании буддийских храмов.

---

¹ 『天寿國曼荼羅繡帳縁起勘点文』 яп. «Тэндзюкоку-мандара-сютё энги кантэнбун» – досл. «История происхождения вышитой занавеси [с] мандала, [изображающей] Небесную страну дарованного долголетия [и] текст критических точек зрения». – Тэндзюкоку-сютё-мэй-бун 天寿國繡帳 銘文 // URL: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/tenjukoku/tenjukoku_frgen.htm (дата обращения: 28.05.2021).

² 或書 яп. *ару фуми* – досл. “некая книга”. – “Дзёгүки” тōтисйки 『上宮記』 豆知識 // URL: Op. cit.

³ “Дзёгүки” тōтисйки 『上宮記』 豆知識 // URL: Op. cit.

⁴ “Дзёгүки” тōтисйки 『上宮記』 豆知識 // URL: Op. cit.

⁵ Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. II. С. 111.

⁶ Там же. С. 331, прим. 146.

Источники и использованная литература:

1. *Асами Тоору* 浅見 徹. “Кодзики”-но сэхō 『古事記』の書法 // Кодзики. Нихон кодэн бунгаку дзэнсю 古事記. 日本古典文学全集. 1. Вып. 37. – Токио, 1997, 5-й месяц. – С. 3-5.
2. Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. I–IV.
3. Буддизм в Японии. – М.: Наука, 1993. – 704 с.
4. *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. – М.: Наука, 1980. – 344 с.
5. *Воробьев М.В., Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. – М.: Наука, 1976. – 230 с.
6. Гангōдзи гаран энги 元興寺伽藍縁起 // Дай-нихон буккё дзэнсё 大日本仏教全書. – Токио 東京: Буссё канкōкай 仏書刊行会, 1922. – Т. 118. – С. 137-148.
7. *Горегляд В.Н.* Японская литература VIII–XVI веков. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. – 416 с.
8. Дзёгүки ицубун 上宮記逸文 // Кана-гэнрю-кō 假名源流孝. – Токио 東京: Кокутэй кёкасё кёдō хамбайдзё 國定教科書共同販売所, 1911. – Т. I. – С. 64-69.
9. Дзёгүки (ицубун): часть 1-я (цитата из «Сяку-нихонги», св. 13-й, Дзюцуги, 9, раздел 17-й, Воподо-но сумэра-микото) 上宮記 (逸文): 逸文 (1) 釈日本紀 卷十三 述義九 第十七 男大迹天皇条 所引 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/01_fr.htm (дата обращения: 28.05.2021).
10. Дзёгүки (ицубун): часть 2-я («Сётоку-тайси-но Тайра-удзи-дэн дзаккамбун», ч. 3-я из 3-х, Камицумия-но тайси-но ми-сийсон нами кйсаки-домо дзисё сёин 上宮記 (逸文): 逸文 (2) 聖徳太子平氏伝雜勘文、下ノ三、上宮太子御子孫竝后等事条 所引 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/gen02.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
11. “Дзёгүки” тōгисйки 『上宮記』 豆知識 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/jyouguuki/jouguuki_omke.htm (дата обращения: 28.05.2021).
12. Древние фудоки. – М.: Наука, 1969. – 340 с.
13. *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // История древнего мира: упадок древних обществ. – М.: Наука, 1989. – С. 211-219.
14. *Игнатович А.Н.* Буддизм в Японии: очерк ранней истории. М.: Наука, 1987. – 319 с.
15. *Иноуэ Каору* 井上 董. Нихон кодай-но сэйсаку то сьюкё 日本古代の政治と宗教. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1961. – 287, 16 с.
16. *Исида Итирō* 石田 一浪. Синва то рэйкиси 神話と歴史. – Токио 東京: Синтёся 新潮社, 1960. – 54 с.
17. *Исимода Сё* 石母田 正. Нихон-но кодай кокка 日本の古代国家. – То-

- кио 東京: Иванами сэтэн 岩波書店, 1971. – 422 с.
18. Какумэй каммон 革命勘文 // Гунсёруйдзю̄ 群書類従. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1893-1894. – Сб. 17-й 第拾七輯. – С. 906-911.
  19. Какумэй каммон 革命勘文 // Гунсёруйдзю̄ 群書類従. – Токио: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1902. – Сб. 16-й. – С. 874-878.
  20. Какумэй каммон 革命勘文 // Синкё гунсёруйдзю̄ 新校 群書類従. – Токио: Найгай сёсэки 内外書籍, 1937. – Т. 20. – С. 281-284.
  21. Какумэй каммон 革命勘文 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/kanbun/kanmon/kakumei.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
  22. “Кантё̄-кэйдзу”-тёки, нукигаки 『勘注系図』 注記、抜書き // Синтё̄-тай-кэй-хэнсан-кай, хэнсё̄-хакко, синтё̄-тайкэй, котэн-хэн, 13 神道大系編纂会、編集発行 神道大系 古典編 十三 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.max.hi-ho.ne.jp/m-kat/kanntyukeizu/26-okugaki.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
  23. *Кйта Синроку* 喜田 新六. Кокуси-но фукуму сидзоку-си-тэки сэйкаку 国史の含む氏族志的性格 // Нихон рэйкиси 日本歴史. – Токио 東京, 1954. – № 69. – С. 10-16.
  24. *Китamura Масаки* 北村 優季. Ки-ки-ни миэру нихон-кодай-но мия-гё̄ 記紀にみえる日本古代の宮号 // Ямагата-дайгаку рэйкиси, тири, дзинруй-гаку ронсё̄ 山形大学歴史・地理・人類学論集. – 2003. – № 4. – С. 1-12.
  25. Кодай-си дацусай, рэтгё̄-хэн мэню̄ 古代史癡祭 列島編 メニュー [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www001.upp.so-net.ne.jp/das-sai/index.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
  26. Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнсё̄” 日本古典文学全集). – Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. – 464 с.
  27. Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн дзэнсё̄” 日本古典全集). – Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. – Т. II. – 354 с.
  28. *Конрад Н.И.* Япония: народ и государство. – Пг.: Наука и школа, 1923. – 168 с.
  29. *Конрад Н.И.* Япония. Народ и государство. Исторический очерк // История Японии. – М.: Евролинц – Русская панорама, 2004. – С. 158-340.
  30. *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1936 / 1937 уч. год). – М.: Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. Ч. 35 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://katsurini.narod.ru/New_Diz/pru_rodovoi_stroy.html (дата обращения: 28.05.2021).
  31. *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1936 / 1937 уч. год). – М.: Московский институт Востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1937. Ч. 35 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://russia-japan>.

- nm.ru/konrad_rekishi_35.htm (дата обращения: 28.05.2021).
32. Кудзи-хонки, в 10-ти свитках 舊事本紀。全十卷 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
  33. *Мещеряков Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М.* История Японии. – М.: Высш. шк., 1988. – 432 с.
  34. *Мещеряков А.Н.* «Нихон-сёки»: историческая мысль и культурный контекст // Нихон-сёки: Анналы Японии. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 71-110.
  35. *Мещеряков А.Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. – М.: Наука, 1987. – 192 с.
  36. *Мещеряков А.Н.* Предисловие (к 3-му свитку «Кодзики») // Кодзики: Записи о деяниях древности. – СПб.: Шар, 1994. – Т. II. – С. 159-168.
  37. *Нака Митиё* 那珂 通世. Дзэсэй нэнги кō 上世年紀考 // Гайкō эки-си 外交釋史, ч. 1-я 卷之一 // *Нака Митиё* исё 那珂通世遺書 / Сост. Ко Нака-хакасэ кōсэки кинэн-кай 故那珂博士功績紀念会 編. – Токио 東京: Дай-нихон-тосё 大日本図書, 1915. – С. 1-65.
  38. *Накамура Юкио* 中村幸雄. “Син-ю какумэй сэцу” си-сэцу 「辛酉革命説」私説 // *Накамура Юкио* ронсё 中村幸雄 論集. – Хигаси-ōсака 東大阪, 2004. – С. 58-61.
  39. Нихон-но кэнгоку 日本の建国. – Токио 東京: Тōкё-дайгаку сьуппанкай 東京大学出版會, 1957. – 246 с.
  40. Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-гайкэй” 国史大系). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. – Ч. I. – Т. II. – 437 с.
  41. Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. II. – 432 с.
  42. Сётоку-гайси дэнряку (дэнрэки) 聖徳太子傳曆 // Сётоку-гайси го-дэн сōсё 聖徳太子御伝叢書. – Токио 東京: Канао бунъэндō 金尾文淵堂, 1942. – С. 9-42.
  43. Сётоку-гайси дэнряку, св. 2-й 聖徳太子傳曆 下卷 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/denryaku/gen02.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
  44. *Сакамото Тарō* 坂本 太郎. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. “Вэйчжи-вожэнь-цзюань”) -дзацүкō 魏志倭人伝雜考 // Кодайси-кэнкю: Яматай-коку 古代史研究. 邪馬台国. – Токио 東京, 1956. – С. 122-156.
  45. *Сано Ямато* 佐野 大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. – Токио 東京: Сёхō сэтэн 小峰書店, 1959. – 282 с.
  46. *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации: история, религия, культура. – М.: Искусство, 1994. – 271 с.
  47. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Когосюи // Синто: путь японских богов. –

- СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 71-83.
48. Синва дэнсэцу дзитэн 神話伝説辞典. – Токио 東京: Гёкё дёсюппан 東京堂出版, 1975. – 513 с.
  49. Синсэн сёдзи-року (Вновь составленные списки родов), 815 г. // Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 177-193.
  50. Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録 // Гунсё руйдзё 群書類従. Вып. 16-й第十六輯. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 経済雑誌社, 1902. – С. 128-219.
  51. Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 // *Саэки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкю. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. – С. 149-350.
  52. Синсэн-сёдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 [Электронный ресурс] // 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (*Саэки Арикиё*. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио: Ёсикава кобункан, 1962); сайт // Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения: 28.05.2021).
  53. Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. – 496 с.
  54. Сирон 試論 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/NENGO02.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
  55. Судзуки Масанобу 鈴木 正信. Нихон кодай сидзоку кэйфу-но бунсэки си-каку 日本古代氏族系譜の分析視角 // Хиконэ ронсё 彦根論叢. – Сига 滋賀: Сига-дайгаку кэйдзай кэйэй кэнкюдзё 滋賀大学経済経営研究所, 2011. – 12月. – № 390. – С. 252-265.
  56. *Судо Кадзуаки*. Японская письменность от истоков до наших дней. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. – 139 с.
  57. *Суровень Д.А.* К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 136-220.
  58. *Суровень Д.А.* Международные отношения империи Суй и государства Ямато в первые годы VII века // Китай: история и современность. Материалы V междунар. научно-практ. конференции Екатеринбург, 22-24 ноября 2011 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 115-132.
  59. *Суровень Д.А.* Описание китайского посольства 608 г. в Японию по китайским, корейским и японским источникам // Китай: история и современность. Материалы научно-практ. конференции. Екатеринбург, 17 ноября 2010 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 64-77.
  60. *Суровень Д.А.* Установление дипломатических отношений династии Тан и двора Ямато в 20-е – начале 30-х гг. VII вв. // Китай: история и современность. Материалы X международной научно-практической конференции Екатеринбург, 3-5 октября 2016 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 241-250.
  61. Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // Кокуси-тайкэй 國史大系. – Токио

- 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. – Т. 7. – С. 171-418.
62. Сэндай кудзи-хонки 先代旧事本紀, Предисловие [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaiikuji/sendaiikuji00.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
63. “Сэндай кудзи-хонки” то ва? 先代旧事本紀とは [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm> (дата обращения: 28.05.2021).
64. Сяку-нихонги 釋日本紀 // Кокуси-тайкэй 國史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. – Т. 7. – С. 509-934.
65. *Тихонов В.М.* История Кореи. – М.: Муравей, 2003. – Т. I. – 464 с.
66. Тэндзюку-сютё-мэй-бун 天寿國繡帳 銘文 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/tenjukoku/tenjukoku_fggen.htm (дата обращения: 28.05.2021).
67. *Уэда Масааки* 上田 正明, *Мори Кёити* 森 浩一, *Ямада Мунэмуцу* 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Тикума сёбо 筑摩書房, 1980. – viii, 334 с.
68. *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск.яз., 1977. – 680 с.
69. Хōрю-дзи-но кондō-но Сяка-сан-дзон-дзō-но кōхаймэй 法隆寺 金堂 釈迦三尊像 光背銘 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/houryuuji_shakasanzon/fr.htm (дата обращения: 28.05.2021).
70. *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōбё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю 東洋史上より見たる日本上古史研究. – Токио 東京: Тōбёунко 東洋文庫, 1956. – 1033 с.
71. *Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1983. – 486, 15 с.
72. *Bowring R.J.* The religious traditions of Japan, 500-1600. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 485 p.
73. *Hong Wontack.* Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. – Seoul: Kudara International, 1994. – 328 p.
74. Japan: Culture and History [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.w3.org/TR/xhtml1/DTD/xhtml1-transitional.dtd> (дата обращения: 28.05.2021).
75. *Kanzaki Ivan Hisao.* San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. – Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 2002. – 10 p.
76. New light on early and medieval Japanese historiography. – Gainesville: Univ. of Florida Press, 1959. – 45 p.
77. Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part II. – 444 p.

78. Nipon ō dai itsi ran, ou Annales des Empereurs du Japon. – Paris–London: Printed for the Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1834. – xxxvi, 458 p.
79. *Van Name A.* Sources de l'histoire ancienne du Japon // Congrès international des Orientalistes. – Paris: Maisonneuve et Gie, 1873. – T. I. – P. 220-225.
80. *Young John.* The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins press, 1958. – 189 p.

Suroweñ D.A.

Historical works on the Yamato history during the first half of 7th century

In this article the materials of Japanese sources about drawing up historical compositions of the beginning of the 7th century are analyzed. Prince Umayado (known under the posthumous name *Shōtoku-taishi*) and also “great minister” Soga-no Umako took part in work on these chronicles. Authorship of prince Umayado admits for «Gangōji garan engi» and «Jōgūki». During 620-622 A.D. prince Umayado (*Shōtoku-taishi*) in cooperation with “great minister” Soga-no Umako made ancient Japanese chronicles in which the chronology was offered which became the basis for the later official chronology distorted in the way of doing the ruling dynasty as more ancient one, and also history of Yamato dynasty was explained. The tradition of drawing up temple chronicles begun in 613 A.D. by prince Umayado with drawing up «Gangōji garan engi» was continued after his death in 624 A.D. by drawing up records about foundation of Buddhist temples.

Keywords: ancient Japan; Yamato; prince Umayado; *Shōtoku-taishi*; Soga-no Umako; «Gangōji garan engi»; «Kuji-honki»; «Kujiki»; *shin-i-setsu* theory; «Jōgūki».

Suroweñ Dmitriy Aleksandrovich – PhD in History, associate professor, associate professor of Sub-Department of history of state and law of the Ural State Law University (*Ekaterinburg*, Russia). *E-mail:* Yamato.ur@mail.ru

*Зенина Л.В., Копылова К.Н.*¹
**КОММЕНТИРОВАННЫЙ СПИСОК
ОСНОВНЫХ РАБОТ М.В. ВОРОБЬЕВА**²

М.В. Воробьёву принадлежит 10 монографий и более 150 статей и докладов. Никакая классификация не сможет отразить все интересы учёного. Наиболее точное представление об основных направлениях его научной деятельности даёт выделение трёх групп работ по принципу страноведения с обозначением временных рамок: 1) история Японии (древность средневековье); история Кореи (древность, средневековье); 3) история Маньчжурии и Внутренней Монголии (средневековье). Не имея возможности рассмотреть все работы, остановимся на подробном описании монографий. Раскрыть содержание 10 монографий, дать возможность ориентироваться в представленных М.В. Воробьёвым научных проблемах – такова предварительная задача данного списка.

**МОНОГРАФИИ
Япония**

1 **Древняя Япония:** Историко-археологический очерк. – М.: ИВЛ, 1958. – 118 с.

Монография состоит из семи глав: Образование современной географической среды; Проблема палеолита; Неолит; Энеолит и бронза; Ранний железный век; Роль чужеземных культур; Вопросы этногенеза. Она прекрасно оформлена альбомом рисунков, картами, схемами и таблицами, а также снабжена вспомогательными указателями и списком литературы, в котором 243 работы на русском, английском, немецком, французском, японском, китайском и корейском языках.³

В.В. Струве писал о «Древней Японии»: «[Это] первая русская монография по археологии и древней истории Японии и первая книга на западноевропейском языке, охватывающая всю древнейшую историю Японии от палеолита до раннего железного века включительно.

---

¹ Список дополнил Д.А. Суровень.

² Впервые опубликовано в: Памяти профессора Михаила Васильевича Воробьева: К 10-летию со дня кончины / Сост. Л.В. Зенина, К.Н. Копылова. – СПб.: Изд-во С.-Перерб. ун-та, 2005. – С. 52-68.

³ Далее в описании публикаций имеются в виду именно эти семь языков.

От многочисленных японских археологических книг она выгодно отличается иным подходом – в ней уделено много места хозяйству, общественной и духовной жизни японского народа в древности, аналогиям с археологическими материалами с Советского Дальнего Востока. В книге впервые широко привлекаются сопоставления между японскими памятниками дзёмон и континентальными памятниками, выделяются различные культурные пласты в культуре яёй, показаны истоки образования двух культурных центров в бронзовом веке Японии, по-новому осмысливается понятие «курганной культуры», проблема культурных связей и этногенеза и пр.»⁴

2. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии.

– М.: Наука, ГРВЛ, 1976. – 231 с. [совм. с Соколовой Г. А.].

В книге рассматривается временной период начиная с культуры яёй (сер. I тыс. до н.э.)⁵ до первой половины XIX века. Шесть глав непосредственно посвящены истории науки, техники и ремесла. Седьмая глава содержит итоги работы. Монография снабжена большим количеством иллюстраций, картами, хронологической таблицей и вспомогательными указателями. В списке использованной литературы значатся 118 работ на семи языках. В конце книги помещено резюме на английском языке

Наравне с работой Н.А. Иофан «Культура древней Японии», опубликованной в 1974 году и посвященной истории культуры до VIII века, «Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии» – это первая монография на русском языке, целиком посвящённая культуре, науке и технике обозначенных периодов японской истории. В предисловии к своей книге Н.А. Иофан пишет, что «ни в советской, ни в западноевропейской и американской историографии нет пока ещё специальных работ, рассматривающих японскую культуру и искусство этого периода».⁶ Тем более возрастает ценность монографии М.В. Воробьёва и Г.А. Соколовой.

3. **Япония в III–VII вв.:** Этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Наука, ГРВЛ, 1980. – 344 с.

---

⁴ Личное дело М.В. Воробьёва // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 12.

⁵ Датировка М.В. Воробьёва и Г.А. Соколовой.

⁶ *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – С. 3.

Один из значимых трудов М.В. Воробьёва и первый в отечественном японоведении пример комплексного изучения истории Японии. Ценность работы в обилии справочного материала, в отдельной главе по источниковедению и историографии Японии как русской, так и зарубежной. Список использованной литературы насчитывает 354 работы на семи языках.

Книга состоит из шести глав: Источниковедение и историография; Проблемы хронологии; Соседи японского государства; Этногенез; Структура общества; Развитие культуры. Работа дополнена большим количеством вспомогательных указателей: терминов; событий; названий этносов, династий и государств; именным; географическим; и предметным, а также иллюстрациями, картами, схемами и таблицами.

4. Японский кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и право раннего средневековья. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – 384 с.

Данная монография первая в отечественном востоковедении попытка сравнительного анализа японского средневекового гражданского кодекса «Тайхо Ёро рё». Выпуск этой монографии закрепил за М.В. Воробьёвым право называться зачинателем становления науки о средневековом праве в японоведении.

Книга состоит из четырёх глав: первая посвящена истории правовых норм в средневековой Японии; вторая рассматривает кодекс «Тайхо Ёро рё» по отдельным законам; третья сопоставляет кодекс с другими правовыми памятниками дальневосточной системы права раннего средневековья, в четвертой главе автор выносит свой сравнительный анализ за пределы дальневосточной системы. Работа снабжена вспомогательными указателями, резюме на английском языке, большим количеством таблиц и схем. Список литературы составляют 259 работ на семи языках.

КОРЕЯ

5. Древняя Корея: Историко-археологический очерк. – М.: ИВЛ, 1961. – 147 с.

Книга состоит из введения, в котором даётся краткая информация о географической среде и палеолите Кореи, и трёх глав, соответственно посвященных неолиту, периоду бронзы и раннему железному веку (отдельно выделены культурные очаги Когурё, Пэкче, Силла). Работа оформлена большим альбомом иллюстраций, картами,

схемами, таблицами и вспомогательными указателями. В списке использованной литературы 400 работ на семи языках.

В.В. Струве писал об этой работе: «[Эта книга] – первая в мировой научной литературе монография по древней Корее, в которой охватывается большой период – с неолита по ранний железный век включительно. В книге впервые разбираются причины пестроты в памятниках древности, показываются любопытные взаимоотношения неолитических насельников северной Кореи с населением Приморья, выделяется самостоятельный период бронзы в Корее и даётся характеристика культуры отдельных корейских племён разбираются сложные вопросы появления в стране раннего железа, проблемы рабовладения и оформления государственности».⁷ Важнейшим для науки является рассмотрение правовых норм в системе рабства.

6. Корея до второй трети VII в.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: ПВ, 1997. – 429 с.

Монография состоит из шести глав: Источниковедение и историография; Вопросы хронологии и периодизации; Окружающий мир; Этнос; Общество; Культура Книга снабжена синхронистической таблицей, в которой внутренние события в Корее соотнесены с историей соседей, а также вспомогательными указателями, картами, схемами, рисунками и объёмным списком литературы, в котором 470 работ на семи языках.

В книге выявлены закономерности развития корейского этноса в системе дальневосточного региона.

7. Очерки культуры Кореи. – СПб.: ПВ, 2002. – 192 с.

«Автор, – как писал М.В. Воробьёв в предисловии, – поставил задачу проложить тропинку в наименее изученную область культурного наследия Кореи – в историю точных и естественных наук, изобразительного и прикладного искусства, почти исчерпывающих понятие истории культуры».⁸

В монографии шесть глав, хронологически описывающих периоды: первобытнообщинного строя, Трёх государств, единого государ-

---

⁷ Личное дело М.В. Воробьева // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 979. Л. 12.

⁸ Воробьев М.В. От автора // *Он же*. Очерки культуры Кореи. – СПб.: ПВ, 2002. – С. 5.

ства, монархии Корё, ранний и поздний периоды правления династии Ли. В виду того, что книга вышла посмертно, она отличается ото всех предыдущих отсутствием иллюстративного вспомогательного материала. Библиография насчитывает 175 работ на семи языках.

МАНЬЧЖУРИЯ И ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ

8. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древних времен до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 409 с.

До сего времени эта работа является единственным примером в отечественном востоковедении фундаментального исследования древней и средневековой истории палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских и монгольских этносов, а также одной из первых в мире, в которой проводится анализ археологических памятников региона вне идеологических концепций, что было свойственно китайским исследователям, впервые начавшим разрабатывать вопросы истории Монголии.

Книга состоит из семи глав: Источниковедение и историография; Естественно-географическая среда; Этнорасовая ситуация; Культура первобытной эпохи; История и культура коренных народностей региона; История и культура сопредельных народностей региона; Китайское присутствие и владения в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Работа снабжена картами, схемами и синхронистической таблицей. В списке использованной литературы 525 работ на семи языках и 12 ссылок на археологические источники.

9. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.): Исторический очерк. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975. – 448 с.

Первая в мире монографическая работа, полностью посвящённая истории чжурчжэней и государства Цзинь.

Работа состоит из трёх глав, которые раскрывают историю чжурчжэней до возникновения государства Цзинь, после его провозглашения, а также в соответствии с историей сопредельных этносов. В освещении истории автор затрагивает многие стороны развития чжурчжэньского общества: вопросы ремесла, торговли, средств и путей сообщения, сельского хозяйства и другие. В списке использованной литературы 269 работ на семи языках. Помимо вспомогательных указателей монография снабжена большим количеством схем и таблиц, как внутри повествования, так и в конце книги.

10. **Культура чжурчжэней и государства Цзинь** (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 367 с.

В отличие от работы «Чжурчжэни и государство Цзинь» эта монография посвящена непосредственно исследованию происхождения и самобытности культуры. Это первая работа в мировой научной литературе, освещающая вопросы развития культуры чжурчжэней на основе большого количества материалов, как научной литературы, так и источников: письменных памятников и археологических находок. В результате М.В. Воробьёвым «было впервые установлено, что традиционно-бытовая культура чжурчжэней... подверглась лишь в ничтожной степени китайскому влиянию».⁹

Книга состоит из трёх глав, посвященных соответственно культуре чжурчжэней до и после провозглашения государства Цзинь и итогам и выводам. Как и многие другие монографии М.В. Воробьёва она снабжена большим количеством вспомогательных материалов: синхронистическим указателем событий, общим указателем, таблицами, картами, схемами и иллюстрациями, а также резюме на английском языке. В списке литературы 783 работы на семи языках.

ДИССЕРТАЦИИ

11. *Докт. дис.: Чжурчжэни и государство Цзинь*. В 4-х т. / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1972. – 1254 л.

Данная работа изначально задумывалась как внеплановая монография, но после обсуждения будущей книги на заседании сектора Древнего Востока, М.В. Воробьеву было рекомендовано представить свой труд на соискание степени доктора исторических наук. Это солидное исследование, представленное в четырёх томах, общим объёмом 1254 стр. продолжает лучшие традиции российского востоковедения. Так, например, Н.В.Кюнер в 1909 году в качестве магистерской диссертации представил своё четырёхтомное сочинение о Тибете.

Докторская диссертация М.В. Воробьева была опубликована в виде монографии «Чжурчжэни и государство Цзинь...» (см. № 9).

Чжурчжэни и государство Цзинь: Автореф. дис. ... докт. ист. наук / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1972. – 35 с.

---

⁹ Планкарты Кабинета Древнего Востока (1975 г.) // СПб ФА РАН (СПбФ ИВ РАН). Ф. 152. Оп. 1а; Ед. хр. 2330. Л. 5.

12. *Канд. дис.: Каменный век стран Японского моря* / ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1953.

Научным руководителем кандидатской диссертации М.В. Воробьева был известный учёный-археолог А.П. Окладников, который оценивал работу своего ученика следующим образом: «[Она] отвечает назревшей потребности в обобщении обширного, но почти совершенно неизвестного в европейской науке материала, рисующего своеобразный исторический путь и самобытный культурно-исторический процесс предков народностей Дальнего Востока перед сложением их первых государственных образований. Её важность определяется ещё и тем, что понимание прошлого народов Советского Дальнего Востока невозможно вне реального исторического окружения, в котором они жили.¹⁰ Воробьев показывает, что изучение [районов Сахалина, Приморья, Кореи и Японии] различно, и что до сих пор нет сводных работ по каменному веку этого района, что отдельные работы японских археологов под претенциозными названиями «Каменный век Восточной Азии» и т.п. либо не имеют научной ценности, либо являются не более как очерками в узком смысле этого слова».¹¹

Данная работа впоследствии легла в основу первой монографии М.В. Воробьева «Древняя Япония...» (см. № 1).

Каменный век стран Японского моря: Автореф. дис... канд. ист. наук ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л., 1953. – 18 с.

СТАТЬИ

13. **Верховная власть по японскому праву VIII в.:** Опыт сравнительной характеристики // Государство в докапиталистических обществах. Сборник статей. – М.: Наука, 1987. – С. 258-266.

14. **Городища чжурчжэней как фортификационные сооружения** // ДОК ГО СССР. – Вып. 5. – М., 1968. – С. 60-73.

15. **Государство и общественное производство в Японии до середины VII в.** // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. – М.: Наука, 1989. – С. 132-154.

---

¹⁰ Личное дело М.В. Воробьева // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. 55. Л. 27.

¹¹ Личное дело М.В. Воробьева (аспирантское) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. к55. Л. 28.

16. **Дальневосточные монеты из собрания Иркутского музея** // ЭВ. Вып. 14. – М.-Л., 1961. – С. 90-113.
17. **Два строения с канами в Красноярской крепости в Приморье** // КСИА. Вып. 114. – М., 1968. – С. 119-123.
18. **Денежная система чжурчжэней (династия Цзинь)** // Страны и народы Востока: География, этнография, история. Вып. 8. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – С. 99-112.
19. **Древнейшие китайские монеты из собрания Государственного Исторического музея** // Нумизматический сборник. Вып. 3. Ч. 4. – М., 1971. – С. 86-101.
20. **Земельное законодательство Японии в VIII–X вв. (сравнительно-правовая характеристика)** // Япония: экономика, политика, история. – М.: Наука, 1989. – С. 230-238.
21. **К вопросу о денежном обращении в Маньчжурии и в Приморье с древности до монгольского нашествия** // ЭВ. Вып. 11. – М.-Л., 1956. – С. 83-94.
22. **К вопросу определения древних китайских монет «5 шу» («ушуньянь»)** // ЭВ. Вып. 20. – Л., 1971. – С. 15-28.
23. **К вопросу определения древних китайских монет «баньян»** // ЭВ. Вып. 16. – Л., 1963. – С. 102-114.
24. **К вопросу определения старинных китайских монет «кай-юань тунбао»** // ЭВ. Вып. 15. – М.-Л., 1963. – С. 123-146.
25. **Корейско-чжурчжэньские отношения в X–XII вв. в свете этнографической географии** // ДОК ГО СССР. Вып. 15. – Л., 1970. С. 60-71.
26. **Культурные взаимосвязи между Монголией и чжурчжэнями (цзиньцами) в XII–XIII вв.** // Литературные связи Монголии. – М.: Наука, 1981. – С. 23-38.
27. **Межсословные и внутрисословные границы в ранне-средневековой Японии (по кодексу «Тайхо Ёро рё», VIII в.)** // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности. – М.: Наука, 1986. – С. 74-89.
28. **Находка ископаемого человека в Южном Китае** // Современная этнография. – 1953. – № 3. – С. 201-203.
29. **Некоторые спорные вопросы культурной и этнической истории чжурчжэней** // Страны и народы Востока: Африка и Азия. Вып. 15. – М.: ИВЛ, 1973. – С. 248-254.
30. **Некоторые формы зависимости в древней Японии** // Про-

блемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 238-264.

31. **Некоторые черты древней японской культуры в свете типологического анализа** // Страны и народы Востока: Дальний Восток. Вып. 23. – М.: Наука, 1982. – С. 129-141.

32. **«Нихонги» и общественные выступления в Японии (с древности и до конца VII в.)** // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. – М.: Наука, 1988. – С. 15-25.

33. **Об одной старинной китайской монете из собрания Владивостокского музея** // ЭВ. Вып. 13. – М., 1960. – С. 100-104.

34. **О естественных науках в чжурчжэньском государстве Цзинь** // История, культура, языки народов Востока. – М.: ГРВЛ, 1970. – С. 145-149.

35. **О некоторых находках китайских монет в Приморье в 1954 г.** // ЭВ. Вып. 2. – М.-Л., 1958. – С. 71-77.

36. **О происхождении некоторых обычаев чжурчжэней** // Доклады по этнографии ГО. Вып. 6. – Л., 1968. – С. 42-51.

37. **О работах Ворошиловского отряда в 1956 г.** // КС ИИМК. Вып. 73. – М., 1959. – С. 112-125.

38. **О титулатуре чжурчжэньских вождей до провозглашения государства Цзинь** // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1973. – Т. 9. – С. 156-159.

39. **Первобытнообщинный строй: Проблемы древней истории** // *Ванин Ю.В., Грязнов Г.В., Еременко Л.Е., Иванова В.И., Ким Г.Ф., Ли Г.В., Мазуров В.М., Пак М.Н., Сеницын Б.В., Тихомиров В.Д., Тягай Г.Д., Шабина Ф.И., Шипаев В.И.* История Кореи: с древнейших времен до наших дней. В 2-х тт. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – Т. 1. – С. 15-32. (совм. с Пак М.Н. [раздел «Проблема Древнего Чосона»]).

41. **Печати государства Цзинь (1115-1234)** // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. – М.: Наука, 1972. – С. 81-98.

42. **Поселения городского типа в Японии до эпохи Нара (VIII век)** // Проблемы истории, филологии, культуры. Ч. 1: История. – М.–Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1996. – Вып. 3. – С. 157-162.

43. **«Правдивые хроники» чжурчжэньских императоров (имилу)** // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник: 1965. – М.: Наука, 1970. – С. 199-207.

44. **Путеводитель по исторической библиографии Японии** // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 12. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – С. 33-52.
44. **Работы китайских археологов** // СА. – 1954. – № 21. – С. 430-458. [совм. с Р.Ф. Итсом].
45. **Рабство в Японии в VIII–XI вв.** // Рабство в странах Востока в средние века. – М.: Наука, 1986. – С. 113-160.
46. **Рабы в корейском обществе с древности и до X в (категории *ноби, ку, сэнку*)** // Рабство в странах Востока в средние века. – М.: Наука, 1986. – С. 97-112.
47. **Рабы и рабство в чжурчжэньском обществе (X в. – 1234 г.)** // Рабство в странах Востока в средние века. – М.: Наука, 1986. – С. 193-217.
48. **Развалины дворца в Красноярской крепости в Приморье** // Историко-филологические исследования: сборник статей к 75-летию академика Н.И. Конрада. – М.: Наука, 1967. – С. 430-435.
49. **Религиозные верования чжурчжэней** // Доклады по этнографии ГО. Вып. 4. – Л., 1966. – С. 61-82.
50. **Система пяти столиц чжурчжэней (1115-1234)** // ДОК ГО СССР. Вып. 5. – М., 1968. – С. 74-84.
51. **Словарный состав чжурчжэньского языка, как этнографический источник** // ДОК ГО СССР. Вып. 5. – М., 1968. – С. 97-107.
52. **Состояние вопроса о палеолите зарубежного Дальнего Востока** // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода (АН СССР). Вып. XIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 350-355.
53. **Старинные китайские монеты из собрания Хабаровского музея** // СА. – 1959. – № 3. – С. 194-205.
54. **Теория и практика китайско-чжурчжэньских дипломатических отношений** // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. – С. 63-72.
55. **Корея** // Формирование классового общества и государства у народов Кореи, Японии, Индо-Китая, Индонезии и Цейлона: Япония // Всемирная история. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. – Т. II. – С. 579-581.
56. **Хозяйство и быт чжурчжэней до образования династии Цзинь** // Доклады по этнографии. Вып. 1. – Л., 1965. – С. 3-27.
57. **Чжурчжэньский клад монет из Приморья** // Страны и на-

роды Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. Вып. 6. – М.: Наука, 1968. – С. 106-144.

58. **Чжурчжэньское государство Цзинь и Центральная Азия (по цзиньским источникам)** // Страны и народы Востока: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-восточной Азии. Вып. 11. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – С. 31-42.

59. **Этнос в средние века (по материалам этногенеза чжурчжэней)** // ДОК ГО СССР. Вып. 3. – Л., 1967. – С. 58-73.

60. **Язык и письменность чжурчжэней (культурно-историческая характеристика)** // ДОК ГО СССР. Вып. 5. – М., 1968. – С. 85-96.

61. **Японские монеты VIII–X вв.** // ЭВ. Вып. 19. – Л., 1969. – С. 81-91.

62. **Японские монеты «канъэй цухо» из собрания Государственного Исторического музея** // ЭВ. Вып. 21. – М.-Л., 1972. – С. 60-66

63. **Японское гражданское право по кодексам и судебникам VIII–XVIII вв. в сравнительном аспекте** // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. – С. 68-84.

ДОКЛАДЫ

65. **Буддийская обрядность в Японии в VI–VII вв. (по «Нихон-ги»)** // ПП и ПИКНВ. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 76-81.

66. **Буддийские сутры в Японии в VII в. (по «Нихонги»)** // ПП и ПИКНВ. – М., 1987. – Ч. 1. – С. 81-84.

67. **Внешние сношения чжурчжэней и Цзинь в свете дальневосточной дипломатии** // ПП и ПИКНВ. XVI. Ч. 1. – М., 1981. – С. 76-82.

68. **Деревянные таблички (моккан) – новый источник по ранней истории Японии** // ПП и ПИКНВ. Ч. 1.– М., 1991. – С. 140-145.

69. **Естествознание в чжурчжэньском государстве Цзинь** // ПП и ПИКНВ. II. – М., 1966. – С. 2-4.

70. **Звания и титулы чжурчжэньских вождей в доцзиньский период** // ПП и ПИКНВ. IX. – М., 1973. – Ч. 1. – С. 16-19.

71. **Историография в чжурчжэньском государстве Цзинь (1115-1234)** // ПП и ПИКНВ. VI. – М., 1970. – С. 41-43.

72. **История Маньчжурии в средние века в работах русских и советских авторов** // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное

- востоковедение: Материалы конференции. Ч. 3. – М., 1979. – С. 46-63.
73. **Китайское уголовное право и его рецепция в средневековой Японии (до VII в. включительно) // ОГК. Ч. 2. – М., 1986. – С. 110-115.**
74. **Китайско-чжурчжэньские отношения в дни мира и войны // ОГК. VIII. Ч. 1. – М.: Наука, 1977. – С. 134-143.**
75. **К типологии японского общества 3-7 вв. // ПП и ПИКНВ. XIV. Ч. 1. – М.: Наука, 1979. – С. 80-85.**
76. **Кодекс «Тайхо Ёро рё» (VIII в.) и памятники права Японии XIII–XVIII вв. // ПП и ПИКНВ. XX. Ч. 1. – М.: Наука, 1986. – С. 20-25.**
77. **Кодификация постановлений о религии в Японии в VIII веке // ПП и ПИКНВ. Ч. 1. – М., 1990. – С. 161-171.**
78. **Культурная диффузия в Азии и танский Китай (по материалам Сёсоин, Япония) // ОГК. XIV. Ч. 2. – М., 1983. – С. 51-55.**
79. **Народы империи Цзинь и национальная политика чжурчжэней // ПП и ПИКНВ. V. – М., 1969. – С. 42-45.**
80. **О верховной государственной собственности на землю в Японии (середина VII–IX вв.) // ПП и ПИКНВ. – М., 1974. – С. 12-16.**
81. **О месте драгметаллов в денежной системе древнего и средневекового Китая // ОГК. XX. Ч. 2. – М., 1989. – С. 12-17.**
82. **О праве ранне-средневековой Японии (к вопросу о типологии восточного права) // ПП и ПИКНВ. XII. Ч. 1. – М., 1982. – С. 71-76.**
83. **О ранних чжурчжэне-монгольских языковых связях (к постановке проблемы) // ПП и ПИКНВ. XIII. – М., 1977. – С. 154-158.**
84. **О реконструкции уголовного кодекса чжурчжэньского государства Цзинь (к историографии вопроса) // ОГК. XI. Ч. 2. – М., 1980. – С. 36-43.**
85. **О северных границах государств киданьского Ляо и чжурчжэньского Цзинь // ПП и ПИКНВ. Ч. 1. – М., 1991. – С. 145-149.**
86. **О титулатуре чжурчжэньских вождей до провозглашения государства Цзинь // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1973. – Т. 9. – С. 156-159.**
87. **Право Кореи с древности и до середины VII в. // ПП и ПИКНВ. XIX. Ч. 1. – М., 1986. – С. 67-73.**
88. **Проблема верховной власти в ранне-средневековой Япо-**

нии в свете сравнительного правоведения // ПП и ПИКНВ. XXVIII. Ч. 1. – М.: Наука, 1985. – С. 114-121.

89. Средневековая Маньчжурия в русской и советской историографии (1917-1970) // ПП и ПИКНВ. VIII. – М., 1972. – С. 81-85.

90. Термины «добрый люд» (лянминь) и «подлый люд» (цзяньминь) в китайском средневековом законодательстве (по кодексам династии Тан) // ОГК. XIII. Ч. 1. – М., 1982. – С. 91-98.

91. Уголовное право государства Цзинь (XII–XIII вв.) // ПП и ПИКНВ. III. – 1967. – С. 47-49.

92. Формирование двоеверия в Японии в VI–VII вв. // ПП и ПИКНВ. XVII. Ч. 1. – М.: Наука, 1983. – С. 133-137.

93. Чжурчжэни и национально-охранительная политика государства Цзинь // ПП и ПИКНВ. IV. – М., 1968. – С. 47-50.

Одной из последних тем, которой занимался М.В. Воробьёв, была «Социально-экономическая история древней и раннесредневековой Японии (до X в.)», предложенная ему Институтом востоковедения в 1993 году. Её окончание планировалось на 1998 год.

Обнаруженные академиком В.В. Струве ещё на университетской скамье здоровое упрямство, напористость и основательный подход к исследовательской работе, помогли М.В. Воробьёву добиться значительных результатов в науке и вывели его в число выдающихся историков Дальнего Востока мирового уровня.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
ГО	– Географическое общество
ГРВЛ	– Главная редакция восточной литературы
ДОК	– Доклады отделений и комиссий
ИА	– Институт археологии
ИВ	– Институт востоковедения
ИВЛ	– Издательство восточной литературы
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИНА	– Институт народов Азии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова
ОГК	– Общество и государство в Китае

ПВ	– Петербургское востоковедение
ПП и ПИКНВ	– Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока
РАН	– Российская академия наук
СА	– Советская археология
ЭВ	– Эпиграфика Востока

Оглавление

<i>Попова И.Ф.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОРОБЬЕВА (1922-1995)	С. 3-12
---	---------

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Филиппов А.В.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) НЕДОСЯГАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ – СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОРОБЬЁВА	С. 13-19
--	----------

<i>Копылова К.Н.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОРОБЬЁВА (1922-1995 гг.)	С. 20-32
---	----------

<i>Кычанов Е.И.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) М.В. ВОРОБЬЁВ – УЧЁНЫЙ	С. 33-42
---	----------

<i>Зенина Л.В.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) СЛОВО О ДРУГЕ И СОРАТНИКЕ	С. 43-51
---	----------

<i>Марахонова С.И.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) О МИХАИЛЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ВОРОБЬЁВЕ.....	С. 52-55
--	----------

<i>Климов В.Ю.</i> (Санкт-Петербург, <i>Россия</i>) СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ	С. 56-61
--	----------

<i>Суровень Д.А.</i> (Екатеринбург, <i>Россия</i>) МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ВОРОБЬЁВ – ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК И ВЕЛИКИЙ УЧЁНЫЙ	С. 62-69
---	----------

ИССЛЕДОВАНИЯ

Воробьёв М.В. (Санкт-Петербург, Россия)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО
В ЯПОНИИ ДО СЕРЕДИНЫ VII ВЕКА ..... С. 70-112

Масимо Ацуси (Киото, Япония)

БОГИ В «МАНЪЁСЮ» ..... С. 113-142

Загорулько А.В. (Москва, Россия)

ЗАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОРНЫХ РАЙОНОВ
КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ ..... С. 143-165

Лаптев С.В. (Сигараки, Япония)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ
КУЛЬТУРНОГО ТИПА ЯЁЙ ..... С. 166-205

Лаптев С.В. (Сигараки, Япония)

ОПИСАНИЯ НАРОДА ВО В I–III ВЕКАХ
НАШЕЙ ЭРЫ ..... С. 206-235
Тексты. 1. «Хань шу». 2. «Хоу Хань-шу» ..... С. 213-220
3. «Вэй чжи» ..... С. 220-235

Суровень Д.А. (Екатеринбург, Россия)

КОММЕНТАРИЙ К ПЕРЕВОДАМ КИТАЙСКИХ
ДИНАСТИЙНЫХ ИСТОРИЙ ..... С. 236-418

Лаптев С.В. (Сигараки, Япония)

СВЕДЕНИЯ ЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКОВ «КОДЗИКИ» И
«НИХОН СЁКИ» О КОНТАКТАХ ЯПОНЦЕВ
С ЖИТЕЛЯМИ МАТЕРИКОВОЙ АЗИИ ..... С. 419-431

Бакшеев Е.С. (Москва, Россия)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ С НАСЫПЬЮ ПЕРИОДА
ЯЁЙ – ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КУРГАНОВ ПЕРИОДА
КОФУН В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
ЭПОХИ ..... С. 432-490

- Barnes G.L.* (Лондон, Дарем, Великобритания)
TWTXT ARCHAEOLOGICAL AND TEXTUAL EVIDENCE
IN PROTOHISTORIC JAPAN ..... С. 491-547
- Ермакова Л.М.* (Кобэ, Япония)
ЛЕТОПИСЬ РОДА ТАКАХАСИ: ТЕКСТ И МИФ ..... С. 548-559
«Записи рода Такахаси» ..... С. 560-570
- Мещеряков А.Н.* (Москва, Россия)
ВОЗВЫШЕНИЕ РОДА ФУДЗИВАРА ..... С. 571-609
- Климов В.Ю.* (Санкт-Петербург, Россия)
МЕНОВАЯ ТОРГОВЛЯ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ
VII–X ВВ. .... С. 610-636
- Суровень Д.А.* (Екатеринбург, Россия)
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЯМАТО
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII ВЕКА ..... С. 637-667
- Зенина Л.В., Копылова К.Н.* (Санкт-Петербург, Россия)
КОММЕНТИРОВАННЫЙ СПИСОК
ОСНОВНЫХ РАБОТ М.В. ВОРОБЬЕВА ..... С. 668-681

Научное издание
Древняя Япония в Восточной Азии: археология,
мифология, история. К 100-летию со дня рождения
Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995).
Сборник воспоминаний и научных трудов

Редакционная коллегия
ЕРМАКОВА Людмила Михайловна
ФИЛИППОВ Александр Викторович
БАКШЕЕВ Евгений Сергеевич
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович

Составитель оригинал-макета, технический редактор
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович

Кафедра истории государства и права
тел.: 8 (343) 367-40-55
Уральский государственный юридический университет
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: igp@usla.ru

Подписано в печать 01.03.2022.
Формат бумаги 70 × 100/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 36,9. Заказ № 15320. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж,
Тел.: 8 (800) 300-16-00 www.alfaprint24.ru